ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ XLVIII. Выпускъ 1-ый.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА VII.

ПРОТОКОЛЫ 26—48 ЗАСѢДАНІЙ (29 НОЯБРЯ 1877—30 ОКТЯБРЯ 1884 ГОДА) СЪ 4 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Подъ редакціей В. Ѳ. Миллера
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

Цѣна 2 рубля.

ТИПОГРАФІЯ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера Императорскаго Общества Любит. Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.
Москва. Покровка, д. Егорова.
1886.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА IV.

ПРОТОКОЛЫ 26—48 ЗАСѢДАНІЙ (29-го НОЯБРЯ 1877—30 ОКТЯБРЯ 1884 ГОДА), СЪ 4 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*29-го ноября 1877 года*).

Засѣданіе происходило въ зданіи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ почетнаго Члена Общества и Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла *Н. А. Попова*, въ присутствіи Президента Общества Почетнаго Члена *Г. Е. Щуровскаго*, Почетныхъ Членовъ *А. П. Богданова* и графа *А. С. Уварова*, 22 Непремѣнныхъ и Дѣйствительныхъ Членовъ и Сотрудниковъ Общества и при значительномъ числѣ стороннихъ посѣтителей

1) Засѣданіе было открыто рѣчью Предсѣдателя заявившаго: а) о выходѣ въ свѣтъ IV книги «Трудовъ Этнографическаго Отдѣла», составляющей XXVIII томъ «Извѣстій» Общества Любителей Естествознанія и заключающей въ себѣ протоколы 13—25 засѣданій Отдѣла съ приложеніемъ двѣнадцати статей, въ нихъ прочитанныхъ; б) о выходѣ въ свѣтъ перваго выпуска «V книги» Трудовъ Этнографическаго Отдѣла, входящаго въ составъ XXX тома «Извѣстій» Общества, содержащаго въ себѣ: «Матеріалы по Этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранные д. ч. П. С. Ефименкомъ и заключающаго въ себѣ свѣдѣнія: о населеніи, жилищахъ и обстановкѣ ихъ, одеждѣ и обуви, пищѣ и питьѣ, свадебныхъ обрядахъ, обрядахъ и играхъ въ теченіе года, нравахъ, вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ, гаданіяхъ, примѣтахъ, народномъ врачеваніи и расколѣ среди мѣстнаго населенія; в) о продолжающемся печатаніи втораго выпуска тѣхъ же Матеріаловъ, въ которомъ будутъ помѣщены исключительно произведенія народной словесности Архангельскаго края.

2) Предсѣдатель обратилъ вниманіе присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ на полученную имъ «Программу для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ», составленную членомъ-сотрудникомъ Географическаго Общества П. Матвѣевымъ, изложивъ при этомъ заключающіяся въ предисловіи къ ней свѣдѣнія о прежнихъ трудахъ, посвященныхъ изученію народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Россіи, и указавъ самый составъ программы, обнимающей собою исключительно гражданское право, по слѣдующимъ отдѣламъ: Союзъ родовой и семейный (37 вопросовъ), опека и попечительство (3 вопроса), раздѣлы и наслѣдство (33 вопроса), вещно. право (30 вопросовъ), договоры (69 вопросовъ). Опредѣлено: ожидать дальнѣйшихъ сообщеній Географическаго Общества по этому предмету.

3) Предсѣдатель отдѣла, сообщивъ о книгахъ вновь поступившихъ въ библіотеку Общества, изложилъ содержаніе естественно-историческихъ, антропологическихъ и этнографическихъ статей, помѣщенныхъ въ XXXIX-й и XL-й книгахъ «Трудовъ» Южно-Славянской академіи наукъ. Опредѣлено: книги сдать въ библіотеку Общества.

4) Д. Ч. *Н. Ю. Зографъ*, посѣтившій нынѣшнимъ лѣтомъ Канинскую землю, представилъ въ словесномъ сообщеніи три момента изъ жизни канинскихъ самоѣдовъ: жизнь на рѣкахъ самоѣдовъ занимающихся рыболовствомъ, или такъ называемой «едяной»; жизнь самоѣдовъ во время перекочевки на лѣтнія кочевья, вызываемой жарами и массами комаровъ, и жизнь ихъ на лѣтнихъ кочевьяхъ. Послѣ этого референтъ коснулся религіозныхъ и нравственныхъ понятій Канинскихъ самоѣдовъ. Онъ указалъ, что христіанство только внѣшнимъ образомъ принято самоѣдами и что они олицетворили въ нѣкоторыхъ христіанскихъ понятіяхъ и образахъ обычаи языческіе. Указывая на семейныя отношенія, онъ остановился на томъ фактѣ, что самоѣды, благодаря тому, что правительство признаетъ у православныхъ самоѣдовъ законными только браки, освященные церковью, злоупотребляютъ браками, совершенными по языческимъ обрядамъ, и легко разрываютъ ихъ, что служитъ поводомъ при малочисленности женщинъ къ переходу женъ отъ одного мужа къ другому и иногда даже къ возвращенію

ихъ къ одному изъ первыхъ. Упоминая о нравственности, референтъ выразилъ мнѣніе, что самоѣды нравственны; но только до тѣхъ поръ, пока безнравственные поступки не могутъ принести имъ прямой, непосредственной пользы; такъ, напр., самоѣды не украдутъ инструментовъ, бѣлья, но украдутъ при первомъ удобномъ случаѣ съѣстное. Говоря о характерѣ самоѣдовъ, референтъ указалъ на ихъ веселость, остроуміе, пѣсни, обратилъ вниманіе на нѣкоторый юморъ въ отношеніи къ самимъ себѣ. Рефератъ былъ законченъ сообщеніемъ взгляда самоѣдовъ на самихъ себя и на свое историческое значеніе и изложеніемъ разныхъ попытокъ объяснить слово «Самоѣдъ». Опредѣлено: благодарить Н. Ю. Зографа за его сообщеніе.

5) Д. Ч. *А. И. Кельсіевъ* прочелъ изъ приготовляемаго имъ къ печати «Описанія своей поѣздки» нѣкоторыя наблюденія надъ обычаями русскихъ обитателей Кольскаго полуострова и началъ съ погребальныхъ обычаевъ. Онъ замѣтилъ, что могильный холмъ обкладывается камнями, что на могилѣ обыкновенно оставляется лопата или топоръ, которыми она дѣлана. Въ гробъ съ покойникомъ ничего не кладутъ, но поверхъ гроба въ могилу иногда набрасывается рогожка. Лицо усопшаго, съ момента кончины, закрывается тряпочкой, которую уже не снимаютъ. При обмываніи, покойнику за щеку вкладываютъ кусочекъ ладону. Хоронятъ въ гробахъ, но за недостаткомъ рабочихъ иногда въ въ берестѣ или въ санкахъ. При погребеніи, безъ священника, на могилу впослѣдствіи высыпается отпѣтая въ церкви земля. Кромѣ усердноисполняемаго обряда купанья въ крещенской іордани, въ западной Лапландіи, въ с. Печенгѣ, существуетъ обыкновеніе предъ бракосочетаніемъ приводить къ проруби порознь жениха и невѣсту, раздѣвать ихъ до нага и обливать водою. Обычай мужчинъ носить серьги теперь оставленъ. Говорятъ, прежде серьга носилась въ лѣвомъ ухѣ «одиночкою», т. е. единственнымъ сыномъ родителей. Референтъ указалъ на пользу при ученыхъ экспедиціяхъ обращенія къ мѣстнымъ архіереямъ, коимъ высылаютъ священники отбираемыя ими отъ прихожанъ иконы, рукописи и др. предметы, носящіе на себѣ слѣды предшествовавшаго религіознаго культа. Затѣмъ А. И. Кельсіевъ показалъ составленную имъ розетку съ сѣверно-русскими названіями вѣтровъ и странъ свѣта, для коихъ промышленники Бѣлаго моря имѣютъ вполнѣ развитую оригинальную номенклатуру. Главныхъ странъ свѣта или полныхъ вѣтровъ они различаютъ восемь, а именно: Сѣверъ-полуношникъ (С. В.), Востокъ-обѣдникъ (Ю. В.), Лѣто (Ю.), Шелонникъ (Ю. З.), Западъ и Побережникъ (С. З.). Промежуточныя точки называются межниками и обозначаются такъ: Межъ--Сѣверъ-полуношникъ (С. С. В.), Межъ-Востокъ-Полуношникъ (В. С. В.), Межъ-Востокъ-Обѣдникъ (В. Ю. В.) и т. д. Ихъ тоже восемь, а всего съ первыми 16-ть, остальныя 16 точекъ третьяго разряда называютъ стригами и говорятъ: дуетъ стригъ правѣе шелонника, мы ѣдемъ на стригъ лѣвѣе лѣта. Вѣтры между побережниками и полуношниками называютъ морянинъ или морянка, множ. моряне. Вѣтры между обѣдникомъ и шелонникомъ называются русскими, или лѣтними. Въ бытность въ г. Архангельскѣ вниманіе докладчика было привлечено продаваемыми на рынкѣ серебряными фигурами мѣстной работы. Это такъ называемыя привѣсы къ иконамъ. Заболитъ у благочестиваго человѣка глазъ, грудь, нога, разнеможется его скотинка, онъ покупаетъ у торговки изображеніе страдающаго предмета, а въ горѣ покупаетъ просто «серебряное сердце», вѣшаетъ покупку на розовой тесемочкѣ къ чтимой имъ иконѣ и затѣмъ терпѣливо ожидаетъ облегченія. Обычай этотъ весьма распространенъ въ Архангельской губерніи и старинныя иконы увѣшаны такими ex-voto. При этомъ референтъ представилъ 17 изображеній, носящихъ названія: женскій человѣкъ, мужской человѣкъ, просто человѣкъ (дитя), грудка, головушка, глазокъ, коровушка, лошадка. Всѣ эти фигурки замѣчательны архаизмомъ очертаній и представляютъ одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ русской самобытной попытки изображенія живыхъ существъ. Опредѣлено: благодарить А. И. Кельсіева за сообщеніе его наблюденій.

6) Секретарь Отдѣла *Е. В. Барсовъ*, прочелъ статью М. В. Лосіевскаго подъ заглавіемъ «Обряды присяги у инородцевъ Уфимской губерніи, магометанъ и язычниковъ». Коснувшись старинной присяги инородцевъ Приуральскаго края по-шерти и сопровождавшихъ ее обрядовъ, авторъ изложивъ понятія инородцевъ о Кереметѣ въ связи съ первобытными понятіями о душѣ, отдѣлившейся отъ тѣла, какъ у русскихъ инородцевъ, такъ и у дикарей Новаго Свѣта. Опредѣлено: Статью г. Лосіевскаго напечатать въ «Трудахъ» отдѣла, если авторъ допуститъ въ ней нѣкоторыя сокращенія *).

7) Предсѣдатель Отдѣла *Н. А. Поповъ* доложилъ о поступившей въ отдѣлъ статьѣ, составленной нѣсколько лѣтъ тому назадъ учителемъ *Н. Дергачевымъ* и состоящей изъ трехъ очерковъ: I) Исторія Кареліи Архангельской губерніи. II) Этнографія ея. III) Геолого-геогностическій Очеркъ Карельской земли. Всѣ три очерка не представляютъ самостоятельной работы по источникамъ или по личнымъ наблюденіямъ автора, но лишь подробный сводъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній объ Архангельской Кареліи и ея населеніи, накопившихся въ Русской литературѣ до 1868 года, и краткій сводъ подобныхъ же свѣдѣній по геологіи края. Первый очеркъ заключаетъ въ себѣ сперва подробное изложеніе историческихъ извѣстій о Карелахъ и ихъ

*) См. протоколъ 34-го засѣданія отъ 4 дек. 1880 года.

краѣ съ древнѣйшихъ временъ до 1858 года, и затѣмъ говорится о нынѣшнемъ числѣ Карелъ во всей Россіи; далѣе предлагаются выводы изъ предложеннаго очерка по вопросамъ: о переселеніяхъ Карелъ, о военныхъ дѣйствіяхъ въ предѣлахъ Кареліи и участіи въ оныхъ самыхъ Карелъ, объ управленіи Карелами и даняхъ, на нихъ налагавшихся, о распространеніи между ними христіанства, о русскихъ поселеніяхъ среди Архангельской Кареліи, о промышленности и торговлѣ этого края. Во второмъ очеркѣ помѣщено описаніе Карельскихъ деревень, одежды, пищи, языка и грамотности, вѣрованій и нравовъ, свадебныхъ обрядовъ, родинныхъ, крестинныхъ и похоронныхъ обрядовъ, суевѣрій, нѣкоторыхъ юридическихъ обычаевъ и преданій. Къ этому очерку приложена: Карельская азбука, составленная священникомъ А. Усердовымъ съ примѣрами для переводовъ съ карельскаго на русскій языкъ, въ томъ числѣ краткой біографіи *М. В. Ломоносова*. Третій очеркъ по своей краткости не удовлетворяетъ своему заглавію. Опредѣлено: Рукопись Н. Дергачева хранить въ архивѣ Общества для справокъ.

8) Д. Ч. *Е. В. Барсовъ* прочелъ свое сообщеніе о письменномъ памятникѣ XVII вѣка, который онъ назвалъ «посланіемъ неизвѣстнаго автора». Ѳто посланіе направлено противъ свадебныхъ обрядовъ поганскаго или языческаго характера, удержавшихся въ русской жизни до XVII столѣтія. Приводя изъ «посланія» извѣстія о такихъ обрядахъ, Е. В. Барсовъ, объяснялъ ихъ свѣдѣніями, находящимися въ княжескихъ и царскихъ брачныхъ обрядникахъ XVI и XVII вѣковъ. Опредѣлено: Сообщеніе Е. В. Барсова напечатать въ приложеніи къ сему протоколу.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ

(22 Декабря 1877 года).

Засѣданіе происходило въ Зданіи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ П. Ч. Общества и Предсѣдателя Отдѣла *Н. А. Попова*, въ присутствіи Президента Общества *Гр. Е. Щуровскаго*, Поч. Чл. *А. П. Богданова*, 9 непремѣнныхъ членовъ, 24 дѣйствительныхъ, 18 сотрудниковъ и многочисленныхъ постороннихъ посѣтителей.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ прошлаго засѣданія.

2) Предсѣдатель отдѣла сказалъ рѣчь, въ которой обозрѣлъ дѣятельность Этнографическаго Отдѣла за десять лѣтъ:

Мм. Гг.!

«Ровно десять лѣтъ тому назадъ, 22 Декабря 1867 года, этнографическій отдѣлъ имѣлъ первое свое засѣданіе. Но едва ли есть надобность подробно повторять здѣсь все то, что въ годичныхъ засѣданіяхъ Общества говорилось о дѣятельности Отдѣла. Эта дѣятельность еще въ свѣжей памяти у членовъ Общества, принимавшихъ то или другое участіе въ трудахъ Отдѣла. Двадцать шесть засѣданій дали матеріалъ для пяти книгъ «Трудовъ» Отдѣла, изъ коихъ вторая и пятая имѣютъ по два выпуска. Латышскій край съ его жителями и ихъ бытомъ, Зыряне и ихъ край, Русское населеніе Архангельской губерніи обратили на себя особенное вниманіе Этнографическаго Отдѣла и ихъ описанію посвящены были отдѣльные выпуски въ изданіяхъ Отдѣла. Эти спеціальныя работы исполнены были членами Отдѣла; *Ѳ. Я. Трейландомъ*, покойнымъ *К. А. Поповымъ* и *П. С. Ефименкомъ*. Изъ сорока пяти статей меньшаго объема, напечатанныхъ въ первой книгѣ „Трудовъ" Отдѣла, въ приложеніяхъ къ протоколамъ его засѣданій и въ видѣ введенія ко второму выпуску пятой книги, пять относятся къ обзору этнографической литературы, девять касаются различныхъ вопросовъ теоретическаго свойства и отношеній этнографіи къ близкимъ съ нею наукамъ, восемь принадлежатъ къ области исторической этнографіи, въ остальныхъ разсматривались какіе либо спеціальные вопросы или мѣстныя явленія этнографическаго свойства, или же сообщались какія либо частныя свѣдѣнія и замѣтки. Такимъ образомъ въ „Трудахъ" Отдѣла разсмотрѣны были вопросы: о вліяніи очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка, о вліяніи климата на организмъ человѣка и на развитіе въ немъ болѣзней, о вліяніи растительнаго міра на культуру человѣка, о значеніи краніологіи, объ общихъ покровахъ тѣла человѣческаго, объ отношеніяхъ между этнографіей и правомъ, о человѣкѣ въ области права, о значеніи племенныхъ различій въ народномъ хозяйствѣ, о происхожденіи первобытныхъ вѣрованій, объ историческомъ движеніи Русскаго народонаселенія, о великорусскомъ племени, объ этнографическихъ вымыслахъ нашихъ предковъ, о нѣкоторыхъ данныхъ изъ исторіи народнаго двоевѣрія, о заселеніи Новороссійскаго края, о народныхъ преданіяхъ и сказкахъ, касающихся Петра Великаго, о законахъ

музыкальной гармоніи и національныхъ музыкальныхъ инструментахъ, о родствѣ русскихъ сказокъ съ восточными и западными. Отдѣльныя и частныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ «Трудахъ» Отдѣла, относились: къ Сѣверному краю Россіи вообще, къ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерніямъ. Зубцовскому уѣзду Тверской губерніи, къ Среднему теченію Волги, къ Казанской губерніи, къ Муромскому уѣзду, Мценскому, Суражскому, Маріупольскому и къ Пензенской губерніи. Есть статьи касающіяся спеціально бѣлоруссовъ, болгаръ, чеховъ и словаковъ, самоѣдовъ, бурятъ, башкиръ. мордвы, древнихъ и новыхъ грековъ. Религіозные вѣрованія и обряды вообще, въ частности же: преданія о солнцѣ и лунѣ, о ламаизмѣ и празднествахъ въ честь Майдори, о хороненіи Костромы, о Лембояхъ и Удѣльницахъ, о Васильевомъ вечерѣ, о Новомъ годѣ, обряды, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи, погребальные обряды, свадебные пѣсни и обряды, домашній бытъ и сельская жизнь вообще, Юрьевъ день, охотничье право, кладоискатели и клады, дѣтскія потѣхи и пѣсни, значеніе народныхъ былинъ, — вотъ вопросы, которые разсматривались въ этихъ частныхъ изслѣдованіяхъ. Обзоры: этнографическихъ трудовъ Московскаго Митрополита Иннокентія, этнографическихъ данныхъ, помѣщавшихся въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», этнографической литературы. о чехахъ и словакахъ, познакомили насъ съ этнографическими изысканіями, выполненными внѣ нашего Отдѣла. Большая часть названныхъ мною статей написаны членами отдѣла и лишь немногія доставлены посторонними лицами. Остается прибавить, что въ засѣданіяхъ Отдѣла прочтено было также не мало статей, которыя не вошли въ изданія его,—или потому что еще не окончены, или потому что авторы пожелали издать ихъ отдѣльно, или же помѣстить въ другихъ періодическихъ изданіяхъ».

«Но дѣятельность Этнографическаго Отдѣла далеко не была бы исчерпана мною, еслибъ я остановился только на его изданіяхъ. Этнографическій Отдѣлъ есть одна изъ составныхъ частей Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, и въ тѣхъ постоянныхъ отношеніяхъ, которыя связываютъ его съ Обществомъ, питаютъ его внутреннія силы и даютъ ему матеріальныя средства. втеченіе десяти лѣтъ заключался главный источникъ, опредѣлявшій характеръ, направленіе и объемъ всей его дѣятельности».

«Возникнувъ нѣсколькими годами позднѣе чѣмъ Общество, Этнографическій Отдѣлъ, можно сказать, существовалъ въ немъ до выдѣленія его спеціальныхъ задачъ изъ общей программы занятій Общества. Такъ въ средѣ самого Общества возникла мысль объ Этнографической выставкѣ, по первоначальной идеѣ которой Антропологическія цѣли стояли на первомъ планѣ, но при выполненіи которой оказалось въ то время и возможнѣе, и цѣлесообразнѣе ограничиться главнымъ образомъ предметами по русской и славянской Этнографіи. Эта выставка, давъ въ Трудахъ Общества видное мѣсто занятіямъ Этнограграфическимъ. сопровождаясь цѣлымъ рядомъ публичныхъ чтеній, отчасти Антропологическаго, но еще болѣе Этнографическаго содержанія. и положила начало нашему Отдѣлу. Едва выставка закрылась, едва предметы, находившіеся на оной, образовали особое отдѣленіе при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, какъ въ средѣ Общества возникла мысль о спеціальной организаціи Этнографическихъ занятій. объ образованіи особаго отдѣла, въ который переданы были рукописные Этнографическіе матеріалы, собранные комитетомъ выставки съ правомъ изданія ихъ, и на который возложены были всѣ дальнѣйшія занятія по этнографіи. Такое предположеніе не имѣло въ виду образованіе отдѣльнаго Этнографическаго Общества съ особыми при немъ членами; оно касалось скорѣе раздѣленія самыхъ занятій между членами Общества, требовало ихъ спеціализація. съ правомъ участія въ нихъ всѣхъ членовъ Общества. Такимъ образомъ успѣхи самаго Общества должны были отражаться и на дѣятельности этнографическаго Отдѣла; а труды послѣдняго въ свою очередь помогать работамъ Общества, увеличивать и дополнять собою его многостороннія занятія. И дѣйствительно съ тѣхъ поръ, какъ образовался этнографическій Отдѣлъ, онъ находился въ постоянной связи съ Обществомъ, особенно въ главные моменты его дѣтельности. Такъ Этнографическій Отдѣлъ участвовалъ, по приглашенію Совѣта Общества, въ составленіи инструкцій для Туркестанской экспедиціи. въ Трудахъ Комитета Политехнической выставки, въ трудахъ различныхъ коммиссій по общимъ вопросамъ; имѣлъ возможность организовать двѣ экспедиціи съ этнографическими цѣлями, а теперь ему предстоитъ оказать посильное содѣйствіе новой выставкѣ, которая задумана Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія къ 1879 году, выставкѣ антропологической. Эта выставка. имѣющая главною цѣлью поднять антропологическія занятія въ нашемъ Обществѣ, столь родственныя и близкія по своему предмету съ этнографическими. обѣщаетъ принести несомнѣнную пользу и нашему Отдѣлу. Пробѣгая протоколы засѣданій особаго комитета, занимающагося устройствомъ антропологической выставки, нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что комитетомъ затронуто множество вопросовъ, имѣющихъ первостепенную важность и для тѣхъ, кто посвятилъ себя этнографическимъ изслѣдованіямъ. Уже въ инструкціяхъ различнымъ коммиссіямъ, ра-

ботающимъ при Комитетѣ выставки, особенно въ инструкціяхъ, составленныхъ по системамъ Брока, Вирхова и Дарвина, указывается не мало вопросовъ, столь же важныхъ для этнографа, сколько и для антрополога. Затѣмъ въ протоколахъ Комитета мы находимъ значительное число свѣдѣній о дѣятельности этнологическихъ и этнографическихъ Обществъ въ Западной Европѣ, объ этнографическихъ коллекціяхъ тамъ существующихъ, далѣе о тѣхъ вопросахъ, которые въ особенности, въ наше время обратили на себя вниманіе антропологіи, доисторической археологіи и исторической этнографіи. Затѣмъ въ отчетахъ экспедицій, которыя посылались нашимъ обществомъ въ теченіе прошлаго лѣта въ разные края Россіи, которыя представили собранныя ими свѣдѣнія въ комитетъ выставки. этнографическіе вопросы занимаютъ весьма видное мѣсто. Всѣ эти подготовительныя работы по устройству антропологической выставки начинаютъ отражаться и на дѣятельности нашего Отдѣла. Не далѣе какъ въ послѣднемъ засѣданіи нашемъ участвовали два референта, работы коихъ вызваны были комитетомъ выставки, да и въ нынѣшнемъ засѣданіи мы выслушаемъ обширный докладъ, обязанный своимъ происхожденіемъ инициативѣ того же комитета. Закончу свою рѣчь искреннимъ желаніемъ, чтобы тѣ изъ членовъ Общества, которые до сихъ поръ исключительно и спеціально трудились для этнографическаго Отдѣла, не только ознакомились съ интереснымъ для нихъ содержаніемъ Протоколовъ Комитета выставки, коихъ отпечатано уже три выпуска, но и оказали съ своей стороны живое и посильное содѣйствіе трудамъ этого комитета, ибо нравственная отвѣтственность за успѣхъ предстоящей выставки будетъ лежать не только на Обществѣ Любителей Естествознанія, но и на всѣхъ его отдѣлахъ и членахъ». Опредѣлено: записать о семъ въ протоколъ.

3) Д. чл. *П. М. Апостольскій* прочелъ замѣтки о русскомъ свадебномъ ритуалѣ, подъ заглавіемъ: «Бытовая и миѳическая старина въ русской народной свадьбѣ». Въ своемъ докладѣ референтъ разсматривалъ слѣдующіе вопросы: а) какъ народъ смотритъ съ одной стороны на церковную сторону брака, а съ другой—на свои, унаслѣдованные отъ предковъ, свадебные обычаи? Имѣютъ ли эти послѣдніе въ его глазахъ тоже юридическое значеніе, какъ и въ старину, или это перенесено на вѣнчаніе? Указавъ на борьбу, которую въ теченіе долгихъ вѣковъ приходилось вести церкви со старымъ, языческимъ взглядомъ народа на бракъ, референтъ высказалъ мнѣніе, что и доселѣ свадьба-веселье имѣетъ въ глазахъ народа нѣкоторое юридическое значеніе, хотя не имѣетъ такой обязательности и юридической силы, какъ церковное вѣнчаніе. б) Какой смыслъ и значеніе имѣетъ свадебное веселье, разсматриваемое само по себѣ, внѣ отношенія къ церковной сторонѣ брака? Рѣшая этотъ вопросъ, референтъ разсматривалъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что въ свадебномъ обрядѣ проявилось участіе міра, общины въ устроеніи юридическихъ отношеній между вступающими въ бракъ, и пришелъ къ выводу, что свадебный обрядъ, нося на себѣ ясные слѣды родоваго быта, въ условіяхъ котораго жили наши предки, носитъ на себѣ характеръ семейно-родственный, а не общественный и указываетъ на юридическое значеніе рода въ древне-русскомъ бытѣ. Что же касается міра то его значеніе въ бракѣ можетъ быть, кажется, опредѣлено какъ признаніе, или даже санкція факта, совершающагося и имѣющаго законную силу и безъ его прямаго участія, въ подтвержденіе своего мнѣнія, что на свадебномъ обрядѣ ясно отразился родовой бытъ русскихъ Славянъ, референтъ указалъ на слѣды родоваго культа (домашняго очага и мертвыхъ предковъ), доселѣ сохраняющіеся въ брачныхъ обрядахъ русскаго народа. Въ русской народной свадьбѣ можно находить не только указаніе на видную роль цѣлаго рода въ устроеніи брачныхъ союзовъ своихъ родичей, но и на родовой культъ: къ участію въ брачномъ торжествѣ и санкцированью устрояемаго союза приглашаются не только находящіеся въ живыхъ родственники, но давно отшедшіе въ вѣчность и обоготворенные предки. Опредѣлено: просить *П. М. Апостольскаго* о продолженіи своего чтенія.

4) Д. ч. *А. И. Кельсіевъ* объяснилъ представленную имъ на разсмотрѣніе Отдѣла большую коллекцію предметовъ по этнографіи лопарей, собранную имъ на средства и по порученію Комитета Антропологической выставки. Число русскихъ лопарей менѣе 2000. Племя все православное, говоритъ по русски, вымираетъ. Лопари-финны, но вообще схожи съ русскими: ростомъ пониже, волоса имѣютъ русые, длинные, прямые,—глаза приподнятые внѣшними углами, носъ вогнутый, скулы очень широкія. На щекахъ нѣтъ растительности, бороды и усы жидкіе. Лопари народъ добрый, гостепріимный, богомольный и веселый; въ семейномъ быту кротки и ласковы до идеальности, преступленій и воровства не знаютъ; вино, какъ и русскіе, любятъ, во хмѣлю тихи. По этнографическимъ и антропологическимъ матеріаламъ, собраннымъ докладчикомъ, изготовлены 5 манекеновъ и 4 бюста. Лопарь лѣтомъ одѣвается въ шерстяной вязаный колпакъ, въ суконную юпу, скроенную на манеръ голландской рубашки; ноги мущинъ и женщинъ всегда обуты въ особой формы ботики, начиненные для теплоты и сухости волокномъ травы—ситника. Костюмъ лопки почти вполнѣ русскій: на головѣ шемшура (кокошникъ), расшитая бисеромъ по красному сукну; на поясѣ мѣдныя побрякушки для

звону при ходьбѣ и движеніи. Затѣмъ три манекена лопарей изображаютъ дѣвушку, мущину и ребенка въ зимнихъ костюмахъ. Теплыя шапки выложены снаружи узорами изъ кусочковъ цвѣтнаго сукна. Шубы безъ разрѣза спереди, изъ шкуръ молодыхъ оленей шерстью вверхъ. На глазахъ большія очки для защиты зрѣнія отъ метелей и отъ весенняго блеска лапландскихъ снѣговъ. Многія части костюма украшены кисточками изъ суконныхъ цвѣтныхъ треугольниковъ. Женщины имѣютъ волосы не длиннѣе спинныхъ лопатокъ и прячутъ ихъ подъ повязку; дѣвушки же расчесываютъ и оставляютъ наружи. Бюстъ шведской лапландки украшенъ головнымъ уборомъ, напоминающимъ формою кирасирскій шлемъ. Кромѣ того представлено было много вещей домашняго быта. Жильныя нитки, коробки, сосуды, берестяныя салфетки, образцы сѣна для обуви, приборы для добыванія огня, собачій наносникъ, употребляемый при охотѣ, кожаные мѣшки, въ которые укладывается рухлядь при перекочевкахъ, модели лодкообразныхъ санокъ. За симъ большая коллекція деревянныхъ дощечекъ съ изображеніями фамильныхъ клеймъ; эти дощечки навѣшиваются на шею оленямъ. Фамильныя клейма въ числѣ 253 собраны г. Кельсіевымъ на одну таблицу. Далѣе: Дѣтская колыбель съ полнымъ приборомъ; модель лѣснаго амбарчика на древесномъ пнѣ; собраніе вышиваній и узоровъ, рисованныхъ на замшѣ и на деревѣ. Лопарскій вкусъ совершенно удовлетворяется крестообразными сочетаніями квадратовъ, ромбовъ и треугольниковъ. Мѣшочки для пуль любопытны изображеніями свастики (древнеиндійскаго знака удачи). Наконецъ были представлены начертанія, употребляющіяся у безграмотныхъ лопарей. Многіе пріемы и изображенія значительно напоминаютъ стиль каменнаго вѣка. Въ заключеніе г. Кельсіевымъ было объяснено собраніе русскихъ ручниковъ, пріобрѣтенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ изъ приношеній богомолокъ. Докладчикъ распредѣлилъ русскія полотенца въ двѣ большія группы, изъ коихъ одна представляетъ орнаментальную обработку главныхъ формъ органическаго міра, другая же вырѣзку изъ безпредѣльной плоскости, покрытой системой косыхъ крестовъ и ромбовъ. Первому узору докладчикъ приписываетъ арійское, второму—финское происхожденіе. Подробный отчетъ и рисунки предметовъ, собранныхъ экспедиціей, будутъ напечатаны въ «Извѣстіяхъ» нашего Общества. Опредѣлено: благодарить А. И. Кельсіева за его сообщеніе.

5. П. чл. Общества, Предсѣдатель Комитета Антропологической выставки *А. П. Богдановъ*, указавъ на постоянную связь занятій Этнографическаго Отдѣла съ трудами самого Общества, и выразивъ отъ имени Общества сочувствіе въ дѣятельности Этнографическаго Отдѣла и признательность Предсѣдателю онаго за руководство этою дѣятельностію, высказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что Этнографическій Отдѣлъ и его Члены отнесутся съ сочувствіемъ къ предстоящей въ 1879 году Антропологической выставкѣ и примутъ живое участіе въ приготовительныхъ работахъ по оной. Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла отвѣчалъ отъ имени послѣдняго г. Предсѣдателю Комитета Антропологической выставки готовностью Отдѣла оказать съ своей стороны все возможное къ успѣшному исполненію предпріятія, задуманнаго Обществомъ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(16-го Марта 1878 года).

Засѣданіе происходило въ зданіи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ почет. чл. Общества и Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла, *Н. А. Попова*, въ присутствіи 17 членовъ Общества и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей. Въ немъ происходило слѣдующее:

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель напомнилъ объ утратахъ, понесенныхъ Обществомъ Любителей Естествознанія, а вмѣстѣ съ нимъ и Этнографическимъ Отдѣломъ, въ теченіе послѣдняго мѣсяца. 19 Февраля скончался въ окрестностяхъ Константинополя поч. чл. Общества князь *В. А. Черкаскій*. Не предвосхищая у Общества права почтить память бывшаго члена его признательными воспоминаніями о заслугахъ, оказанныхъ имъ какъ самому Обществу, такъ и Политехническому Музею, успѣхи коихъ вызывали въ покойномъ постоянное къ себѣ сочувствіе и поддержку, Этнографическій Отдѣлъ не можетъ съ своей стороны забыть о томъ, что князь *В. А. Черкаскій*, бывъ главнымъ директоромъ Правительственной Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, озаботился составленіемъ для Этнографической выставки 1867 года обширной и полной коллекціи одѣяній, принадлежностей домашняго быта и фотографій обитателей привислянскихъ губерній, а именно: Мазуровъ,

Великополянъ изъ Влоцлавка, Калишанъ, Краковянъ изъ Скальбмѣржа и Прошовицъ, Курпей, Русскихъ изъ Холмской епархіи, Подлясянъ, Люблинянъ, Ситарей изъ Бѣлгорая и Литвы изъ Сувалкской губерніи. Всѣ эти предметы, собранные на мѣстѣ ихъ употребленія и доставленные въ Москву, по распоряженію князя, заняли на выставкѣ видное мѣсто и придали полноту и законченность Славянскому отдѣлу ея. Они и до сихъ поръ сохраняются въ Этнографическомъ музеѣ, свидѣтельствуя о сочувствіи покойнаго члена Общества къ изученію нашего отечества вообще и народнаго быта въ особенности. Другая потеря касается уже прямо Этнографическаго Отдѣла: 4-го марта скончался непр. чл. Общества, профессоръ Московскаго Университета *П. Л. Карасевичъ*, читавшій въ засѣданіи Отдѣла 3-го апрѣля прошлаго года свою статью: «О мусульманскомъ народномъ правѣ и послѣдней реформѣ въ Турціи», которая и вышла отдѣльною брошюрой. Въ послѣдніе годы своей жизни покойный посвящалъ много времени изученію обычнаго права вообще, и Этнографическій Отдѣлъ ожидалъ отъ него сообщеній по вопросамъ, входящимъ въ кругъ этого права; но преждевременная смерть *П. Л. Карасевича* разрушила эту надежду. Однакожъ покойный успѣлъ привлечь къ занятіямъ русскимъ обычнымъ правомъ одного изъ слушателей своихъ по Университету *А. Г. Смирнова*, который и написалъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа». Представляя въ Отдѣлъ одинъ экземпляръ этого сочиненія, доставленный авторомъ, изъявившимъ также готовность принимать участіе въ трудахъ Отдѣла, Предсѣдатель предложилъ *А. Г. Смирнова* въ члены-сотрудники Общества. Опредѣлено: записать слова, сказанныя Предсѣдателемъ о покойныхъ членахъ, въ протоколъ, а объ избраніи *А. Г. Смирнова* довести до свѣдѣнія Совѣта Общества.

3) Предсѣдатель напомнилъ, что, въ засѣданіи 29 ноября прошлаго года, онъ обращалъ вниманіе Отдѣла на «программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ по гражданскому праву», составленную *П. Матвѣевымъ*. Теперь онъ считаетъ своею обязанностію обратить вниманіе сочленовъ на «Программу для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, съ предисловіемъ о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву», составленную и изданную на дняхъ профессоромъ Кіевскаго Университета *А. Ѳ. Кистяковскимъ*. Опредѣлено: принять программы гг. *Матвѣева* и *Кистяковскаго*, вмѣстѣ съ прежде изданными, въ руководство при собираніи матеріаловъ по обычному праву.

4) Предсѣдатель заявилъ, что 2-й выпускъ «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранныхъ *П. С. Ефименкомъ*, оканчивается печатаніемъ и вскорѣ долженъ выйдти въ свѣтъ. Опредѣлено: благодарить Предсѣдателя за труды по редакціи отпечатаннаго выпуска, а цѣну за экземпляръ онаго въ продажѣ назначить въ 3 руб. 50 коп.

5) Предсѣдатель заявилъ, что онъ не теряетъ надежды видѣть въ «Трудахъ» Отдѣла новые матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи. Такъ еще въ январѣ имъ получено было слѣдующее письмо Архангельскаго вице-губернатора *А. I. Подвысоцкаго*: «Занимаясь, въ продолженіе почти семилѣтняго пребыванія въ Архангельскѣ, нѣкоторыми мѣстными научными розысканіями, обратилъ я, между прочимъ, вниманіе и на Архангельское нарѣчіе. Матеріаловъ по этой части, не только терминологическихъ, но и въ связи съ мѣстными географическими объясненіями (по части народныхъ обычаевъ, промысловыхъ особенностей и т. п.), удалось мнѣ собрать на столько достаточно, что я рѣшился систематизировать ихъ въ видѣ словаря Архангельскаго нарѣчія.

Хотя, въ строгомъ смыслѣ, у насъ въ Россіи слѣдуетъ различать нарѣчія не столько по губерніямъ, сколько по областнымъ округамъ или полосамъ и окраинамъ, но все же и нѣкоторыя изъ губерній, единично взятыя, представляютъ въ этомъ отношеніи особенности,—а губернія Архангельская даже болѣе, нежели какая-либо другая: по обусловленнымъ природою и положеніемъ способамъ прокормленія жителей и возникающимъ отсюда бытовымъ отличіямъ. Въ главномъ имѣющемся у насъ опытѣ подобной разработки языка, — толковомъ словарѣ живаго русскаго языка *В. И. Даля*, указано много провинціализмовъ, — но, по самой общности его задачи, не столь подробно и не съ тѣми этнографическими объясненіями, какъ было бы желательно въ подобномъ трудѣ для каждой губерніи или полосы отдѣльно. Притомъ же, имѣя постоянно подъ рукою почтенный трудъ Даля, могу сказать, что въ накопленномъ мною сборникѣ, не говоря о болѣе подробныхъ этнографическихъ объясненіяхъ, есть множество словъ и выраженій, какихъ у Даля нѣтъ. Въ то время, когда я уже приступилъ къ правильному составленію словаря Архангельскаго нарѣчія, получены здѣсь, составленные подъ вашею редакціею, матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, гдѣ, между прочимъ (въ предисловіи), говорится о имѣющихся въ распоряженіи предсѣдательствуемаго вами Отдѣла Этнографическаго Общества слѣдующихъ матеріалахъ: 33) Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ *П. А. Иванова*; 34) Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ *Александры Ефименко*. Труды этихъ, извѣстныхъ мнѣ лично, достойныхъ дѣятелей не чужды и моего

вѣдѣнія,—хотя очень можетъ быть, что въ доставленныхъ ими матеріалахъ есть многое, чего у меня нѣтъ, и обратно: дѣло неизбѣжное въ виду едва ли не перваго у насъ опыта подробной обработки языка по губерніямъ. Во всякомъ случаѣ, и помимо этого, трудъ мой я дѣятельно продолжаю, даже съ надеждой окончить его къ лѣту настоящаго года. Думаю однако, что если бы соединить мое собраніе съ имѣющимися въ Этнографическомъ Обществѣ матеріалами, то вышло бы болѣе полное цѣлое. Такъ или иначе, позволяю себѣ обратиться къ вашему просвѣщенному содѣйствію: не угодно ли вамъ будетъ принять и мой посильный трудъ въ число добычи Этнографическаго Общества. Я готовъ представить его вамъ въ оконченномъ видѣ, или же съ дополненіемъ имѣющимися у васъ матеріалами, и надѣюсь, что удостоите меня отвѣтомъ на настоящее письмо,—съ присовокупленіемъ условій со стороны вашей, смотря по которымъ могъ бы я и лично доставить мой трудъ. Это послѣднее обстоятельство было бы всего желательнѣе для пользы дѣла, такъ какъ мой словарь я составляю по принятой мною системѣ, которую, быть можетъ, по соображеніямъ Общества, или же по вашимъ личнымъ указаніямъ, пришлось бы измѣнить, въ случаѣ бы оказалось возможнымъ дополнить мой словарь матеріалами, имѣющимися въ Этнографическомъ Обществѣ». Предсѣдатель извѣстилъ въ свое время А. І. Подвысоцкаго, что второй выпускъ «Сборника матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», въ которомъ будетъ помѣщенъ и словарь мѣстныхъ рѣченій, долженъ выдти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, что было бы удобнѣе сличить тогда этотъ словарь съ матеріалами, собранными г. Подвысоцкимъ, и выбравъ изъ нихъ все совершенно новое, или дополняющее прежніе словари, напечатать въ «Трудахъ» Этнографическаго Отдѣла, или особымъ выпускомъ рядомъ съ другими матеріалами, относящимися къ Архангельской губерніи. Вмѣстѣ съ симъ Предсѣдатель доложилъ Отдѣлу письмо къ нему П. С. Ефименка изъ Чернигова отъ 10 февраля: «Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Архангельской губерніи собраны мною богатые матеріалы по обычному праву русскаго населенія крайняго сѣвера, состоящіе изъ сборниковъ юрид. обычаевъ, сборниковъ рѣшеній волостныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, нынѣшняго и прежняго времени. Только ничтожная часть этого матеріала была разработана мною и издана; остальные лежатъ у меня безъ всякаго употребленія. Отчасти болѣзненное состояніе моего здоровья, отчасти желаніе поработать для роднаго края (между прочимъ, и разработка юридическихъ обычаевъ Черниговской губерніи) не позволяютъ мнѣ нынѣ, да и впредь не позволятъ, заняться разработкой собраннаго мною матеріала по обычному праву Архангельской губерніи. Вслѣдствіе этого, и боясь, чтобы собранное мною не погибло во время моихъ странствованій изъ губерніи въ губернію или по окончаніи вообще земныхъ странствованій, я рѣшился собранные матеріалы по обычному праву Арханг. губ. издать въ сыромъ видѣ, т. е. въ такомъ же видѣ, въ какомъ издаются вами мои матеріалы по этнографіи Арханг. губ. Обращаюсь, поэтому, къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой увѣдомить меня, не приметъ ли на себя Общество любителей Естествознанія труда издать также и мои матеріалы по обычному праву. Если это будетъ признано удобоисполнимымъ, въ такомъ случаѣ я могу тотчасъ же доставить вамъ сборникъ рѣшеній волостныхъ судовъ Архангельской губерніи для приведенія въ систему и редактированія (каждое рѣшеніе у меня переписано на особомъ листкѣ), самъ же приступлю къ приведенію въ порядокъ отвѣтовъ разныхъ лицъ на програму обычнаго права и составленію общаго очерка Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, необходимаго для правильнаго пониманія обычаевъ и крайняго Сѣвера. Я обращаюсь въ Общество Любителей Естествознанія потому, что ему было бы кстати принять на себя изданіе моихъ матеріаловъ по обычному праву, такъ какъ оно же издало матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, которые находятся въ тѣснѣйшей связи съ первыми: кто захочетъ основательно познакомиться съ обычнымъ правомъ Архангельской губерніи, тому нельзя будетъ обойтись безъ изданныхъ уже матеріаловъ по этнографіи Архангельской губерніи. Самое же изданіе матеріаловъ по обычному праву представитъ больше выгодъ для Общества, чѣмъ изданіе этнографическаго матеріала, такъ какъ въ настоящее время возбужденъ въ публикѣ интересъ къ обычному праву, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ къ этнографіи». Предсѣдатель извѣщалъ П. С. Ефименка, что отдѣлъ съ удовольствіемъ приметъ на себя печатаніе предлагаемыхъ имъ матеріаловъ, предоставляя однакожъ себѣ право сличенія ихъ съ подобными уже изданными матеріалами, а въ случаѣ надобности и право выбора тѣхъ, которые могутъ быть напечатаны въ «Трудахъ» Отдѣла. Къ печатанію же Отдѣлъ приступитъ при первой возможности. Опредѣлено: имѣть въ виду матеріалы, предлагаемые П. С. Ефименкомъ и А. І. Подвысоцкимъ, для изданія особымъ выпускомъ, какъ продолженіе издаваемаго Отдѣломъ «Сборника матеріаловъ по этнографіи Архангельской губерніи.

6) Предсѣдатель доложилъ, что членъ Общества Ѳ. Я. Трейландъ, уже напечатавшій во второй книгѣ «Трудовъ» Отдѣла «Сборникъ латышскихъ

пѣсенъ», доставилъ ему свѣдѣнія о приготовленіи имъ къ печати новыхъ матеріаловъ по этнографіи латышскаго племени, а именно имъ приведено въ систематическій порядокъ, переведено съ латышскаго языка на русскій, гдѣ нужно, комментировано: а) народныхъ пословицъ и поговорокъ 752; б) народныхъ загадокъ 748; в) наговоровъ 30; г) сказокъ и мѣстныхъ преданій 20. Необработаннаго матеріала для «Сборника» имѣется въ рукахъ г. Трейланда: а) сказокъ и мѣстныхъ преданій 50; б) загадокъ 100; в) пословицъ нѣсколько десятковъ. Литературную обработку этого еще сырагo матеріала можно окончить лѣтомъ; такъ что въ сентябрѣ желательно было бы приступить къ печатанію готовой рукописи. Новыя присылки годныхъ этнографическихъ матеріаловъ, которыя г. Трейландъ продолжаетъ получать послѣ особагo приглашенія, напечатаннаго во всѣхъ семи существующихъ латышскихъ газетахъ, можно будетъ присоединить къ издаваемому «Сборнику» отчасти во время самого печатанія, отчасти въ видѣ дополненій къ «Сборнику». Опредѣлено: приступить къ печатанію собранныхъ Ѳ. Я. Трейландомъ матеріаловъ послѣ лѣтнихъ вакацій особымъ выпускомъ въ видѣ продолженія прежде изданнаго «Сборника латышскихъ пѣсенъ».

7) Д. чл. В. Ѳ. *Миллеръ* представилъ переданные ему Г. А. Де-Волланомъ рукописные сборники карпаторусскихъ пѣсенъ, при слѣдующемъ объяснительномъ письмѣ Я. Ѳ. Головацкаго отъ 30 мая прошлаго года: («Предлежащій сборникъ состоитъ изъ трехъ тетрадей. Въ первой изъ нихъ - пѣсни собранныя А. А. Левицкимъ—онѣ записаны по всей вѣроятности въ западной сторонѣ Угорской Руси—у Краинянъ и Спитаковъ. По содержанію онѣ лирическія, по духу и нарѣчію—Словацко-русскія. Съ № 48 онѣ названы колыбельныя; таковы онѣ и есть, лишь только до № 55, остальныя 56—61 вовсе не имѣютъ характера колыбельныхъ, хотя можетъ быть нянюшки и любятъ припѣвать ихъ при колыханіи ребенка. 2-я тетрадь содержитъ народныя пѣсни собранныя по большей части въ той-же странѣ, что и первой тетради, но есть между ними пѣсни восточной половины Угро-россіи—пѣсни изъ Верховины и Марамароша, а также вирши грамотныхъ людей. Въ 3-ей тетради (въ твердомъ переплетѣ) помѣщены пѣсни народныя, по большей части записанныя въ восточной странѣ Угро-Россіи (въ Верховинѣ и Марлаціи) или же перенесенныя изъ Галичины. По содержанію нѣсколько варіантовъ бытовыхъ, солдатскихъ или рекрутскихъ, житейскихъ и любовныхъ пѣсенъ, по большей части же коломыйки и краткія пѣсеньки подъ пляску и одна колыбельная. Въ концѣ - стихи и вирши извѣстныхъ Угорско-русскихъ и Галицкихъ риѳмодѣевъ А. Духновича, А. Павловича, И. Гушалевича и др., иные не народные вирши. Касательно народныхъ пѣсенъ нужно замѣтить, что во 2-ой и 3-ей тетрадяхъ подъ однимъ номеромъ многія пѣсни сведены въ одну, хотя онѣ по своему содержанію, иногда даже по стопосложенію и языку, должны быть раздѣлены на нѣсколько особыхъ пѣсенъ. Я пытался раздѣлить ихъ на составныя части, ставя черточку краснымъ карандашемъ. Пѣсни Верховинцевъ обозначены синимъ карандашемъ. Многія пѣсни — варіанты и разнопѣнія извѣстныхъ по другимъ сборникамъ не только Угро-русскихъ, но и Галицкихъ и Украинскихъ; - тѣмъ не менѣе онѣ любопытны для характеристики народнаго творчества и мѣстнаго языка, представляя жизнь и бытъ этой малоизвѣстной страны. Раздѣленіе пѣсенъ по категоріямъ зависитъ отъ точки зрѣнія владѣльца рукописи или редактора. По моему мнѣнію, главнымъ образомъ, слѣдовало бы раздѣлить ихъ на пѣсни восточной страны Угро-русскаго края (пѣсни изъ Верховины и Марамороша), во 2-хъ пѣсни западной страны — изъ Краины и Спита или Словацко русскія, затѣмъ, если угодно прибавить пѣсни или собственно вирши грамотныхъ людей. Первые зачеркнуты у меня синимъ карандашемъ - послѣдніе обозначены карандашемъ съ помѣтой автора. Корректуру пѣсенъ слѣдуетъ повѣрить кому-нибудь, хорошо знающему нарѣчія Угро-русскія. Для уразумѣнія пѣсенъ необходимо составить небольшой идіотиконъ непонятныхъ или малоизвѣстныхъ словъ. Опредѣлено: имѣть въ виду вышепомянутые сборники при изданіи «Трудовъ» отдѣла, если только позволятъ то матеріальныя средства *).

8) Д. чл. *П. М. Апостольскій* прочелъ продолженіе своихъ Замѣтокъ о русской народной свадьбѣ. Референтъ коснулся мнѣнія нѣкоторыхъ авторитетовъ современной этнологической науки, что первобытное состояніе человѣчества было чистымъ гетеризмомъ. Не останавливаясь на критическомъ разсмотрѣніи этой теоріи, изложенной въ трудахъ Леббока, Макъ-Ленана и др., референтъ остановился на попыткахъ приложить ее къ изученію древне-русскаго быта и обслѣдованію свадебныхъ обрядовъ. Онъ призналъ такія попытки неимѣющими прочнаго основанія. Допустить существованіе общиннаго брака у нашихъ предковъ, по его мнѣнію, не дозволяетъ прямой смыслъ лѣтописнаго разсказа о бытѣ и нравахъ восточныхъ Славянъ. Равнымъ образомъ этому противорѣчатъ данныя сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ: на основаніи ихъ ученые давно пришли къ заключенію, что Арійцы, еще до своего подѣла на нѣсколько самостоятельныхъ народностей, имѣли уже вполнѣ сложившуюся семью и имѣли понятія о семейно-родственныхъ отношеніяхъ, чего не мо-

*) Вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ къ изданію Сборникъ былъ возвращенъ г. Де-Воллану.

жетъ быть при общинномъ бракѣ. Славяне, слѣд., пришли въ Европу уже съ патріархальнымъ строемъ жизни. Указавъ на широкое и важное значеніе родительской власти въ устроеніи брачныхъ союзовъ, референтъ пришелъ къ заключенію, что русскій свадебный ритуалъ сложился подъ условіями уже выработавшихся семейныхъ отношеній, когда уже совершилось образованіе семьи съ главенствомъ родителей, слѣдовательно въ періодъ не общиннаго, а индивидуальнаго брака; а потому въ немъ нельзя искать указаній на то общественное состояніе, которое считаютъ первобытнымъ Леббокъ и подобные ему этнологи.

Референтъ, далѣе, остановилъ вниманіе на довольно видной роли, какую играетъ мать жениха и невѣсты въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ: не смотря на юридическое рѣшающее значеніе отцовской власти въ брачномъ дѣлѣ мать больше его имѣетъ участія въ свадебномъ обрядѣ, выдвигаясь часто на первый планъ въ самыя торжественныя его минуты. По замѣчанію референта, здѣсь, можетъ быть, позволительно находить подтвержденіе теоріи Бахофена о періодѣ матеревластительства: значительная роль матери въ свадебныхъ дѣйствіяхъ и пѣсняхъ не есть-ли въ нихъ древнѣйшій пластъ сравнительно съ сложившимся въ патріархальный періодъ? Чтеніе П. М. Апостольскаго вызвало нѣсколько возраженій со стороны секретаря отдѣла Е. В. Барсова и одного изъ стороннихъ посѣтителей. Главное содержаніе этихъ возраженій состояло въ томъ, что для полнаго изображенія народныхъ воззрѣній на бракъ недостаточно пользоваться одними пѣснями, хотя онѣ и составляютъ главный источникъ, и что при пользованіи пѣснями надо различать въ нихъ слѣды различныхъ эпохъ. Референтъ, согласившись съ справедливостью послѣдняго замѣчанія, указалъ, что оно было исполнено имъ; что-же касается современнаго состоянія народныхъ взглядовъ на бракъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, то онъ одинаково пользовался свѣдѣніями о томъ, относящимися какъ къ великорусскимъ, такъ къ бѣлорусскимъ и малорусскимъ областямъ. Такъ какъ нѣкоторыя возраженія уклонились въ сферу экономическихъ вліяній нынѣшней народной жизни на воззрѣнія крестьянъ на бракъ, то Предсѣдатель, указавъ на несоотвѣтствіе такихъ замѣчаній задачѣ, избранной референтомъ, призналъ пренія по оной исчерпанными. Опредѣлено: благодарить П. М. Апостольскаго за его чтеніе и и просить о продолженіи онаго въ будущихъ засѣданіяхъ.

9) Д. чл. *В. М. Михайловскій* прочелъ рефератъ о Бушменахъ, ихъ нравахъ и образѣ жизни. Источниками для его чтенія послужили сочиненія новѣйшихъ, преимущественно англійскихъ, путешественниковъ по южной Африкѣ. Опредѣлено: благодарить В. М. Михайловскаго за его сообщеніе.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*4 Апрѣля 1878 года*).

Засѣданіе происходило въ зданіи Политехническаго музея подъ предсѣдательствомъ поч. чл. и Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла *Н. А. Попова*, въ присутствіи 14 членовъ Общества и нѣсколькихъ стороннихъ посѣтителей. Въ немъ происходило слѣдующее:

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Представлены и розданы присутствовавшимъ членамъ: 2-й выпускъ V-й книги «Трудовъ» Этнографическаго Отдѣла (2 выпускъ XXX тома «Извѣстій Общества»), заключающій въ себѣ вторую часть «Матеріаловъ по Этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ *П. С. Ефименкомъ*, и XXIX томъ «Извѣстій Общества», заключающій въ себѣ «Описаніе Этнографической выставки 1867 года».

3) Читано письмо Предсѣдателя Комитета Антропологической выставки, поч. чл. Общества *А. П. Богданова* къ Предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла, коимъ онъ приглашаетъ членовъ Отдѣла къ участію въ трудахъ Комитета непосредственно или чрезъ особую коммиссію. Кромѣ того въ письмѣ предложены были вопросы: какіе именно предметы по части Этнографіи желательно видѣть собранными на выставкѣ 1879 года—такіе-ли только, которые послужили-бы дополненіемъ къ собраннымъ на выставкѣ 1867 года, или-же полную коллекцію предметовъ, необходимыхъ для преподаванія Этнографіи? Желаетъ-ли Этнографическій Отдѣлъ выставить имѣющіе поступить въ его распоряженіе предметы по племеннымъ группамъ, изготовляемымъ Комитетомъ выставки, или-же по родамъ и видамъ ихъ, для чего потребуется отвести особую площадь въ общемъ помѣщеніи выставки? Не приметъ-ли Отдѣлъ участіе въ предполагаемомъ при выставкѣ ученомъ съѣздѣ и не укажетъ-ли, какіе вопросы должны быть разсматриваемы въ общихъ

засѣданіяхъ съѣзда и какіе въ спеціальныхъ? Наконецъ, не можетъ-ли Отдѣлъ принять на себя сношеніе съ Славянскими учеными лицами и учрежденіями для привлеченія ихъ къ участію на выставкѣ по отдѣламъ Антропологіи и доисторической Археологіи?—При обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ высказаны были, между прочимъ, слѣдующія мнѣнія. Такъ какъ до открытія выставки остается не болѣе года, то устройство на ней особаго Этнографическаго отдѣленія въ надлежащей полнотѣ невозможно; содѣйствіе же Этнографическаго Отдѣла Комитету выставки по вопросамъ, затронутымъ Предсѣдателемъ Комитета и имѣющимъ связь съ Этнографіей, желательно; но въ какихъ размѣрахъ и въ какой формѣ можетъ быть предложено такое содѣйствіе, рѣшить это возможно неиначе, какъ ознакомившись съ тѣмъ, что уже сдѣлано Комитетомъ выставки по этнографической части, и обсудивши дальнѣйшій ходъ этого дѣла въ соединенномъ засѣданіи Комитета и Отдѣла. Что касается съѣзда, то распредѣленіе занятій въ его засѣданіяхъ можетъ принадлежать не столько предварительнымъ рѣшеніямъ Отдѣловъ Общества, сколько ученому совѣту самого съѣзда, хотя предварительно и могутъ быть поставлены для рѣшенія нѣкоторыя задачи какъ общія, такъ и частныя. Относительно сношеній съ Славянскими землями Отдѣлъ, не находясь въ прямой связи съ лицами, занимающимися антропологіей и доисторической археологіей, полагаетъ, что сношенія съ оными должны исходить изъ самого Комитета, и могутъ быть ведены на русскомъ языкѣ, причемъ Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла не отказывается представить нѣсколько указаній на случай таковыхъ сношеній. Опредѣлено: просить *Н. А. Попова* о сообщеніи *А. П. Богданову* вышеизложенныхъ соображеній.

4) Чл. с. *А. Г. Смирновъ* прочелъ сообщеніе «Объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами по русскому обычному праву», въ коемъ высказалъ слѣдующія положенія: «Въ крестьянствѣ обыкновенно домъ и хозяйство принадлежатъ мужу или его семьѣ. Жена живетъ и работаетъ въ домѣ мужа и получаетъ оттуда содержаніе. Жена можетъ имѣть отдѣльную собственность, въ распоряженіи которою пользуется значительною самостоятельностію. Она можетъ пріобрѣтать для себя вещи покупкою и продавать свои, можетъ давать свои деньги взаймы и брать взаймы и пр. Она можетъ продавать вещи своему мужу, давать взаймы и дарить ему деньги и пр. Оказываетъ-ли вліяніе и если оказываетъ, то въ какомъ отношеніи и въ какой мѣрѣ состояніе замужества на имущественныя отношенія женщины? Отдѣльное имущество замужней женщины состоитъ главнымъ образомъ изъ приданаго. Собственно приданое, состоящее преимущественно изъ одежды (арх.—*платное*, малрс.—*скрíня*), повсемѣстно находится въ полномъ распоряженіи одной жены; мужъ на это приданое не имѣетъ никакого права. Это имущество хранится всегда въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго находится въ рукахъ жены. Относительно денежнаго приданаго общаго обычая нѣтъ. Часто такое приданое входитъ въ общее имущество супруговъ. Хозяйственныя принадлежности, полученныя въ приданое, обыкновенно поступаютъ въ общее имущество супруговъ. Скотъ, полученный въ приданое, въ Архангельской губерніи и Малороссіи, входитъ въ общее имущество супруговъ; въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ скотъ съ приплодомъ считаются собственностью получившей его въ приданое; на Дону приплодъ отъ скота принадлежитъ не женщинѣ, приведшей скотъ, а семейству, въ которое вошла женщина. Въ Архангельской губерніи въ прежнее время былъ въ употребленіи обычай давать въ приданое земли. Однообразія въ обычаяхъ относительно правъ супруговъ по распоряженію земельнымъ приданымъ не было. Тутъ все зависѣло отъ письменнаго брачнаго договора. Въ Малороссіи земля, поступившая въ приданое, принадлежитъ исключительно женѣ.— Кромѣ приданаго, въ распоряженіи жены находятся деньги, получаемыя ею за продукты домашняго хозяйства, и вещи, пріобрѣтенныя на эти деньги и другимъ какимъ способомъ.—Такъ какъ нѣкоторыя части приданаго поступаютъ въ составъ общаго имущества супруговъ, распоряженіе которымъ принадлежитъ мужу, какъ главѣ семьи, то слѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что на мужа возлагается обязанность платить за долги жены и т. п. На имущество жены бываютъ иногда притязанія со стороны мужа. Но крестьянки крѣпко держатся за неприкосновенность ихъ имущества и энергически отстаиваютъ его отъ всякихъ посягательствъ какъ со стороны мужа, такъ и его семьи. Народъ не одобряетъ нарушенія неприкосновенности приданаго жены, и когда дѣло объ этомъ доходитъ до волостнаго суда, то онъ всегда возстановляетъ нарушенныя права. Крестьяне, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, объясняли членамъ Коммиссіи о волостныхъ судахъ, что имущество супруговъ у нихъ *общее*, причемъ въ однихъ мѣстахъ говорили, что и приданое входитъ въ составъ этого общаго имущества, въ другихъ—что имущество у супруговъ общее, кромѣ приданаго (см. V и VI том. «Трудовъ» Коммиссіи). Это народное воззрѣніе имѣетъ слѣдующія основанія. Если домъ и хозяйство и составляютъ принадлежность мужа, то и жена, съ своей стороны, вноситъ свою долю въ общее семейное имущество какъ въ видѣ нѣкоторыхъ частей приданаго, такъ и въ видѣ своего труда въ домѣ мужа, труда, ко-

торый въ области домашняго хозяйства имѣетъ большое производительное значеніе. Этимъ, а также свойственнымъ народному сознанію представленіемъ особенной близости супруговъ, объясняется приведенное заявленіе крестьянъ. Замѣтимъ, что соединенное имущество супруговъ въ нашемъ обычномъ правѣ въ значительной степени соотвѣтствуетъ соединенію имуществъ супруговъ у древнихъ Германцевъ. Только у насъ, на ряду съ соединеннымъ имуществомъ супруговъ, признается возможность и независимаго отъ мужа имущества жены, въ которое могутъ входить какъ тѣ или другія вещи изъ приданаго, такъ и вещи, пріобрѣтенныя женою по заключеніи брака. Опредѣлено: благодарить г. *Смирнова* за его сообщеніе.

5) Д. чл. *Ф. Д. Нефедовъ* прочелъ Этнографическій очеркъ подъ заглавіемъ «Салаватъ—башкирскій батырь». Въ этомъ очеркѣ представлены были похожденія башкирскаго народнаго героя, современника Пугачева, вождя башкирскихъ возстаній. Источниками для автора послужили народныя преданія и пѣсни, отчасти созданныя народомъ, отчасти приписываемыя самому Салавату. Чтеніе *Ф. Д. Нефедова* вызвало нѣсколько замѣчаній, касавшихся исторіи башкирскихъ возстаній и значенія ихъ народныхъ пѣсенъ для разрѣшенія вопроса, къ какой семьѣ племенъ должно относить Башкиръ. Опредѣлено: благодарить г. *Нефедова* за его сообщеніе.

ТРИДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*29-го апрѣля 1878 года*).

Засѣданіе происходило въ Политехническомъ музеѣ въ присутствіи 12 членовъ Общества и значительнаго числа стороннихъ посѣтителей.

1) Засѣданіе открыто было г. Предсѣдателемъ *Н. А. Поповымъ,* который, по выслушаніи и подписаніи протокола предшествовавшаго засѣданія, указалъ программу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ настоящемъ засѣданіи, и заявилъ, что, по причинѣ домашнихъ обстоятельствъ, онъ не можетъ присутствовать въ теченіе всего засѣданія.

2) Согласно предложенію *Н. А. Попова* предсѣдательство въ отсутствіе его принялъ на себя Почетный членъ комитета Антропологической выставки и Ректоръ Университета Н. С. Тихонравовъ.

3) Былъ обсуждаемъ вопросъ, въ какой формѣ можетъ принять Отдѣлъ участіе въ Антропологической выставкѣ и нужно-ли для того учреждать особую коммиссію съ особымъ предсѣдателемъ. Опредѣлено: для содѣйствія комитету по устройству этнографическихъ коллекцій на Антропологической выставкѣ учредить изъ членовъ Этнографическаго Отдѣла особенную коммиссію съ особымъ предсѣдателемъ.

4) Въ составъ этой коммиссіи избраны слѣдующіе члены: *Н. С. Тихонравовъ, Ѳ. И. Буслаевъ И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій, В. Е. Румянцевъ, П. М. Апостольскій, В. Ѳ. Миллеръ, А. И. Кельсіевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Ѳ. Я. Трейландъ* и секретарь отдѣла *Е. В. Барсовъ* Выбрать предсѣдателя и секретаря предоставлено самой коммиссіи,—временнымъ же предсѣдателемъ оной былъ избранъ *Д. И. Иловайскій.*

5) Секретарь *Е. В. Барсовъ* сообщилъ свои предположенія объ общихъ началахъ, которыя должны быть положены въ основаніе Этнографической программы—для руководства губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Обращая вниманіе на составъ этнографической выставки 1867 года, онъ указалъ на два ея существенныя недостатка: 1) на отсутствіе связи современной Этнографіи съ исторической этнографіей и 2) на отсутствіе систематичности въ культурныхъ коллекціяхъ. Къ этому онъ присовокупилъ, что на выставкѣ 1867 года ничего не было сдѣлано для ознакомленія публики съ богатствомъ и разнообразіемъ народныхъ говоровъ, нарѣчій и поднарѣчій и весьма мало для представленія народныхъ вѣрованій. Въ виду этого на предстоящей выставкѣ въ ряду этнографическихъ коллекцій секретарь считалъ-бы: 1) весьма полезнымъ представить въ группахъ манекеновъ или въ панорамѣ нѣкоторыя этнографическія сцены изъ Русской Исторіи; 2) чтобы, хотя нѣкоторые культурные предметы, были собраны по возможности изъ всѣхъ русскихъ мѣстностей, чтобы для этнографа открывалась возможность слѣдить за ихъ исторіей, и 3) для ознакомленія публики съ разными говорами выставить пословицы или поговорки съ удержаніемъ мѣстныхъ говоровъ—разныхъ губерній и уѣздовъ на отдѣльныхъ доскахъ или картонныхъ карточкахъ. По обсужденіи сихъ соображеній опредѣлено: въ значительной степени ограничить 1-ю задачу и совсѣмъ оставить 3-ю, а главнымъ образомъ сосредоточиться на 2-й при составленіи программы.

6) Д. Ч. *А. И. Кельсіевъ* представилъ также свои соображенія, выходя изъ отношенія этнографіи къ Антропологіи, о тѣхъ задачахъ, какія предстоитъ выполнить комиссіи. «На комиссіи, докладывалъ онъ, лежитъ часть заботъ 1) обезпечить успѣхъ выстав-

ки и 2) опредѣлить способы наилучшаго пользованія ею. По первому пункту слѣдуетъ: a) характеризовать и осмыслить значеніе племенныхъ типовъ ихъ матеріальными произведеніями, b) собрать современные предметы, служащіе къ опредѣленію національностей вымершихъ народовъ по сравненію съ сохранившимися отъ нихъ вещественными остатками и c) собрать предметы по первобытной культурѣ безъ отношенія къ племени. Вторая забота обдумать размѣщеніе коллекцій, организовать засѣданія, публичныя объясненія, поставить съѣзду вопросы и т. п. Вообще—г. Кельсіевъ—держится того убѣжденія, что Антропологическая выставка представляетъ для Этнографическаго Отдѣла случай положить начало собраніямъ немногочисленнымъ, но полнымъ, съ яснымъ указаніемъ ожидаемой отъ нихъ полезности». Опредѣлено: имѣть въ виду при составленіи этнографической програмы соображенія г. Кельсіева.

7) Членъ К. *Ф. Д. Нефедовъ* прочелъ подробнѣйшую програму для собиранія этнографическихъ свѣдѣній вообще. Предсѣдательствовавшій Н. С. Тихонравовъ заявилъ, что так какъ эта программа не представляетъ непосредственной связи съ вопросомъ засѣданія, то онъ и предлагаетъ отложить обсужденіе ея до того времени, когда будетъ возбужденъ вопросъ вообще объ этнографической программѣ, что и было принято отдѣломъ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*6 февраля 1879 года*).

Засѣданіе происходило въ зданіи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Члена Общества и Предсѣдателя Отдѣла Н. А. Попова, въ присутствіи Президента Общества Г. Е. Щуровскаго, Вице-Президента А. Ю. Давидова, 22 Членовъ и значительнаго числа стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ прошедшаго засѣданія.

2) Сообщены: содержаніе протоколовъ засѣданій особой Коммиссіи, обсуждавшей вопросъ объ участіи Этнографическаго Отдѣла въ Антропологической выставкѣ и составленная сею Коммисcіей программа. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3) Читано письмо Почетнаго Члена Общества, Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, А. П. Богданова къ Н. А. Попову, коимъ онъ предлагаетъ въ избранію въ Члены Отдѣла корреспондента Московскаго Археологическаго Общества Евпла Титыча Соловьева въ городѣ Мамадышѣ, приславшаго на Антропологическую выставку карты кургановъ и разселенія племенъ въ Приволжскомъ и Прикамскомъ краѣ. Опредѣлено: признать Е. Т. Соловьева членомъ отдѣла.

4) Читано, переданное въ Отдѣлъ А. П. Богдановымъ, письмо В. И. Чернявскаго изъ Сукума о такъ называемомъ общечеркесскомъ языкѣ, который служилъ для каждаго горца, переходившаго за тѣсные предѣлы своей родины и желавшаго посѣтить хотя родственныя, но говорившія на другихъ нарѣчіяхъ племена, вслѣдствіе чего языкъ этотъ и имѣлъ широкое распространеніе въ сѣверо-западныхъ частяхъ Кавказа и по восточному берегу моря. Посредниками для изученія этого языка, по мнѣнію г. Чернявскаго, могли бы служить «оставшіяся отъ выселенія въ Турцію части многихъ народцевъ, перенесенныя на Кубанскую плоскость. Кромѣ того, въ 7 верстахъ къ СЗ. отъ Туапсе осталось еще одно селеніе изъ Шапсуговъ и Абадзеховъ, выселенныхъ сюда послѣ Кавказской войны. Послѣдняя война унесла, къ сожалѣнію, большинство добраго Абхазскаго племени, въ томъ числѣ почти цѣликомъ говорящихъ среднеабхазскимъ нарѣчіемъ. Ушли хакучинцы, поселенные близъ Адлера, и т. д. Слѣдовало бы неотлагательно воспользоваться хотя тѣми одиночными представителями многихъ изъ исчезнувшихъ вполнѣ съ нашей территоріи народцевъ, которые еще живутъ въ разныхъ городахъ края». Опредѣлено: сообщить А. П. Богданову, что, въ виду существованія въ Тифлисѣ Обществъ Археографическаго и Историческаго, а также предстоящаго въ будущемъ году Археологическаго съѣзда въ томъ же городѣ, полезно было бы передать вопросъ, поставленный г. Чернявскимъ, на разсмотрѣніе мѣстныхъ ученыхъ, имѣющихъ предъ собою такихъ руководителей въ дѣлѣ изученія кавказскихъ нарѣчій, каками были генералы Бартоломей и баронъ Усларъ; господина же Чернявскаго пригласить къ участію въ трудахъ Отдѣла въ качествѣ члена его.

5) *Н. А. Поповъ* прочелъ отрывокъ изъ письма къ нему отъ 9 января с. г. Д. Члена, проф. Кіевскаго Университета А. Ѳ. Кистяковскаго, слѣдующаго содержанія: «хотя я и не могу Вамъ предложить что нибудь подходящее по обширности къ трудамъ г. Ефименка, имѣя въ виду собираемые

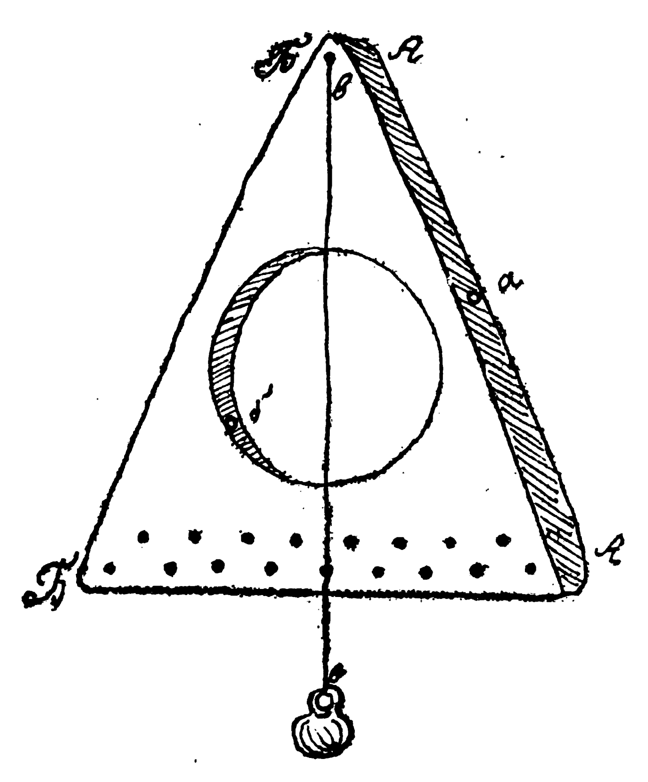
мною матеріалы въ обширномъ размѣрѣ издать въ видѣ самостоятельныхъ работъ, тѣмъ неменѣе я готовъ вносить отъ времени до времени извѣстный вкладъ въ издаваемые Отдѣломъ Сборники. Такъ, между прочимъ, въ ближайшемъ будущемъ я могу представить небольшой этюдъ о воззрѣніяхъ народа на власть мужа надъ женой и о формахъ, въ коихъ она выражается». При семъ Н. А. Поповъ заявилъ, что имѣется въ виду еще нѣсколько рефератовъ по юридической этнографіи, каковые и могутъ быть прочтены въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

6) *Н. А. Поповъ* доложилъ письмо на его имя А. I. Подвысоцкаго изъ Архангельска отъ 21 декабря 1871 года, въ коемъ онъ сообщаетъ о составленномъ имъ «Этнографическомъ словарѣ Архангельскаго нарѣчія». «Главная задача моя, пишетъ г. Подвысоцкій, составить возможно полный этнографическій словарь архангельскаго нарѣчія, при непремѣнномъ условіи подкрѣпить слова мѣстными, взятыми съ живыхъ устъ народа, выраженіями. Въ этихъ видахъ, пользуясь моимъ 7 лѣтнимъ пребываніемъ въ этомъ краѣ, я приступилъ къ труду собираніемъ матеріала съ самой мѣстности, тщательно избѣгавши, до послѣдняго момента, матеріаловъ печатныхъ, къ которымъ для соображенія и полноты, обратился только въ послѣдній періодъ работы, не упустивъ изъ виду ничего, что только было когда либо напечатано въ этомъ отношеніи. Было бы легкомысленнымъ съ моей стороны считать свой трудъ полнымъ: чтобы добиться этого, слѣдовало бы всецѣло посвятить себя одному этому дѣлу, и при томъ въ продолженіе многихъ лѣтъ: такъ разнообразно богатъ русскій говоръ даже и въ провинціализмахъ. Поэтому, оговариваюсь, что словарь мой далеко нетакъ полонъ, какъ живетъ онъ въ народѣ, и на трудъ мой я смотрю не иначе, какъ на начало дѣла новаго, дополненіе и завершеніе котораго предстоитъ и послѣдующимъ дѣятелямъ. Въ словарѣ моемъ, заключающемъ до 6000 словъ, народныя повѣрья, поговорки, пословицы, обрядовыя пѣсни и характеристическія, возникшія изъ бытовыхъ условій прозвища какъ нѣкоторыхъ мѣстностей, такъ и ихъ жителей. Въ числѣ словъ и реченій находится много такихъ, которыхъ нѣтъ не только въ иныхъ печатныхъ сборникахъ, но и у самого Даля. Впрочемъ, относительно этого послѣдняго я долженъ сказать, что у него, какъ оказалось по моей тщательной провѣркѣ, архангельскія слова выписаны цѣликомъ изъ Сборника Кузмищева (напечатаннаго въ 1847, 1849 и 1853 гг. послѣдовательно, — и, значитъ, ранѣе толковаго словаря Даля)». Къ письму г. Подвысоцкій приложилъ, какъ образчикъ обработки словъ въ его словарѣ, выдержку изъ послѣдняго, состоящую изъ двухъ частей: объясненія словъ г. Подвысоцкимъ, параллельно съ объясненіями ихъ, напечатанными въ «Матеріалахъ для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранныхъ П. С. Ефименкомъ (Ба́тары, Богомолье, Ва́льчагъ, Ва́рака, Гомылька, Веревка, Ве́ревная или дѣлевая книга, Вязка, Дѣлъ, Маниха, Рапака, Кунтовка) и образчики собственныхъ объясненій автора, по одному слову на каждую букву. Г. Подвысоцкій предлагалъ Отдѣлу напечатать его словарь въ своихъ изданіяхъ на особыхъ условіяхъ. По прочтеніи нѣкоторыхъ образцовъ изъ словаря г. Подвысоцкаго, присутствовавшіе въ засѣданіи члены пришли къ убѣжденію, что трудъ его отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ большею полнотою, обстоятельностію и обдуманностію, и что весьма желательно было бы видѣть его возможно скорѣе напечатаннымъ. Но такъ какъ Общество любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи не пріобрѣтаетъ ученыхъ трудовъ для своихъ изданій за денежное вознагражденіе, на каковое указываетъ авторъ въ своемъ письмѣ, а выдаетъ сочинителямъ только опредѣленное число отдѣльныхъ оттисковъ ихъ трудовъ, помѣщенныхъ въ его изданіяхъ; то условія, предлагаемыя г. Подвысоцкимъ, и не могутъ быть, къ крайнему сожалѣнію Отдѣла, приняты. Но такъ какъ авторъ, кромѣ помѣщенія своего словаря въ «Извѣстіяхъ» Общества, оставлялъ за собой право напечатать его въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; то и постановлено: выразить отъ имени Отдѣла г. Подвысоцкому желаніе, чтобы онъ, печатая помянутый словарь въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ видѣ приложеній, перепечатывалъ его въ тоже время въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, хотя бы въ количествѣ ста экземпляровъ, на которые всегда найдутся покупщики не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но и въ другихъ университетскихъ городахъ, а тѣмъ болѣе между жителями Архангельской губерніи. Кромѣ того, помѣщеніе словаря въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ имѣетъ то преимущество предъ напечатаніемъ въ «Извѣстіяхъ» Московскаго Общества, что въ первомъ случаѣ онъ скорѣе сможетъ сдѣлаться извѣстнымъ мѣстнымъ жителямъ, которые съ своей стороны могутъ дополнять и исправлять его при содѣйствіи тѣхъ-же Вѣдомостей.

7) Доложено было о присланныхъ въ Отдѣлъ А. Ѳ. Мажаровскимъ «Духовныхъ стихахъ старообрядцевъ Казанской губерніи», числомъ 45. Такъ какъ большая часть изъ нихъ уже извѣстны въ русской литературѣ, то опредѣлено: За невозможностію напечатать въ «Трудахъ» Отдѣла сборникъ г. Можаровскаго вполнѣ, ибо въ немъ есть не мало уже обнародованныхъ стиховъ, возвратить ихъ владѣльцу, когда онъ того потребуетъ.

8) Представлены были карманные пастушьи солнечные часы, присланные изъ Ярославской губерніи д. чл. Е. И. Якушкинымъ. Они сдѣланы изъ

дерева и имѣютъ такой видъ, представляемый въ настоящую ихъ величину:

Устройство этихъ часовъ основано на измѣненіи высоты солнца въ теченіе дня. Для того, чтобы по нимъ опредѣлить время, надо направить отверстіе *а*, находящееся съ боку, къ солнцу и пропустить сквозь него солнечный лучъ, придавая при этомъ треугольнику такое положеніе, чтобы лучъ этотъ упалъ прямо на точку *б*, намѣченную на внутренней сторонѣ круга, вырѣзанную въ треугольникѣ. При этомъ отвѣсъ *в*, состоящій изъ нитки съ пуговкой на концѣ, приметъ опредѣленное положеніе и укажетъ на одно изъ дѣленій, намѣченныхъ внизу лицевой стороны треугольника точками, идущими въ два ряда и обозначающими часы дня. Если производить подобное наблюденіе при восходѣ солнца, когда солнце низко, когда придется опустить столь же низко и отверстіе *а*, то отвѣсъ *в* пойдетъ почти прямо по ребру *А*. Въ ярославскихъ мѣстностяхъ въ іюнѣ солнце восходитъ въ третьемъ часу; по мѣрѣ того какъ оно будетъ подниматься, надо будетъ при наблюденіяхъ поднимать и отверстіе *а*, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ измѣняться и положеніе отвѣса *в*, который будетъ постепенно двигаться справа влѣво. Въ 3 часа отвѣсъ *в* пройдетъ по первой точкѣ нижняго ряда, которая и обозначаетъ три часа утра, слѣдующая— четыре и т. д., послѣдняя же точка будетъ показывать 11 часовъ дня. Въ полдень отвѣсъ перейдетъ на ребро *Б*. Затѣмъ, по мѣрѣ пониженія солнца отверстіе *а* будетъ также опускаться, и по мѣрѣ того отвѣсъ *в* будетъ указывать послѣобѣденные часы, проходя по верхнему ряду точекъ, но въ обратную сторону отъ *Б* къ *А*: Первая точка будетъ обозначать одинъ часъ пополудни, слѣдующая два часа и т. д., послѣдняя—восемь часовъ вечера; а въ девять часовъ при закатѣ солнца, отвѣсъ *в* опять придетъ къ ребру *А*. Изъ сего видно, что часы разсчитаны на самые длинные дни. Но ими можно пользоваться и въ другіе мѣсяцы, дѣлая примѣнительный расчетъ, сообразно движенію отвѣса *в* съ движеніемъ солнца: само собою разумѣется, что движеніе отвѣса будетъ на столько быстрѣе совершаться по обоимъ рядамъ точекъ, на сколько дни, въ которые производится измѣреніе, будутъ короче. Опредѣлено: передать присланные г. Якушкинымъ часы въ Комитетъ антропологической выставки.

9) *Секретарь Отдѣла Е. В. Барсовъ* представилъ краткій докладъ о присланныхъ въ Отдѣлъ П. С. Ефименкомъ «Матеріалахъ по обычному праву крайняго сѣвера Россіи», руководствуясь преимущественно предисловіемъ къ этимъ матеріаламъ, написаннымъ г. Ефименкомъ. Эти матеріалы состоятъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ Архангельской губерніи, но лишь тѣхъ волостей, которыя населены русскими крестьянами. Собиратель смотритъ на эти рѣшенія, какъ на источникъ для изученія обычнаго права. Упомянувъ въ своемъ предисловіи о прежде изданныхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ другихъ губерній и указавъ на статьи, вызванныя этими изданіями, г. Ефименко отдаетъ преимущество большинству волостныхъ рѣшеній Архангельской губерніи, особенно же Шенкурскаго уѣзда, потому что они отличаются обстоятельнымъ и подробнымъ изложеніемъ какъ мотивовъ приговора, такъ и частностей самыхъ дѣлъ, и нерѣдко указываютъ на существующіе въ народѣ юридическіе обычаи. Доставленный П. С. Ефименкомъ матеріалъ дали слѣдующія волости:

а) по Архангельскому уѣзду — Вознесенская, Кехотская, Лявленская, Майденская, Патрикѣевская, Соломбальская, Часовенская; б) по Холмогорскому уѣзду—Вашкаринская или Ломоносовская, Великодворская, Емецкая, Кушевская, Медвѣдовская, Селецкая, Черняевскогорская; в) по Онежскому уѣзду — Вачевская, Ворзогорская, Золотицкая 1-я, Кирилловская, Кокоринская, Мардинская, Наволоцкая, Посадная, Пурнемская, Савинская; г) по Шенкурскому уѣзду — Благовѣщенская, Великониколаевская, Кургоминская, Липовская, Петровская, Предтеченская, Смотроковская, Устьважская, Устьпаденская, Шахановская; д) по Пинежскому уѣзду— Бирючевская, Леуповская, Михайловская, Никитинская, Подборская, Совпольская, Тимошинская, Труфаногорская, Юрольская, Ярушевская; е) по Мезенскому уѣзду—Быченская, Вожгорская, Долгощельская, Дорогорская, Золотницкая 2-я, Койпас-

ская, Лешуконская, Меласорская, Олемская, Пустозерская, Пылемская, Устьцылемская, Юромская или Вугаевская; ж) по Кемскому уѣзду — Калгагинская, Керетская, Ковдская, Колежемская, Кузонемская, Лапинская, Нюхотская, Поньгамская, Тетринская, Шусрѣцкая. Всего 67 волостей.

Въ виду такого громаднаго матеріала Е. В. Барсовъ высказалъ мнѣніе, что полезно было бы избрать изъ среды Отдѣла особую коммиссію какъ для разбора и приведенія въ систему доставленныхъ П. Е. Ефименкомъ волостныхъ рѣшеній, такъ и для ихъ изданія. Предсѣдатель Отдѣла, присоединившись къ заявленію Е. В. Барсова, предложилъ приступить къ избранію таковой коммиссіи въ слѣдующемъ засѣданіи, дабы имѣть возможность повѣстить о томъ отсутствующихъ членовъ, а равно и потому, что матеріалы, присланные г. Ефименкомъ и находившіеся на просмотрѣ у Е. В. Барсова, не могли быть доставлены въ помѣщеніе Общества къ настоящему засѣданію. Къ этому Предсѣдатель Отдѣла присоединилъ, что онъ вошелъ съ ходатайствомъ въ Совѣтъ Общества о назначеніи, хотя небольшаго, но особаго помѣщенія для Архива Отдѣла, который до сихъ поръ хранился частію у него, Предсѣдателя, частію у Секретаря Отдѣла, и выразилъ надежду, что таковое помѣщеніе будетъ дано къ слѣдующему засѣданію. Опредѣлено: принять предложеніе г. Предсѣдателя.

10) *Д. Ч. П. М. Апостольскій* прочелъ свои замѣчанія по поводу напечатаннаго въ 7 томѣ «Записокъ» Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества «Церковно-народнаго мѣсяцеслова на Руси», составленнаго И. П. Калинскимъ. Опредѣлено: благодарить докладчика за сдѣланное имъ сообщеніе.

11) *Д. Ч. Н. Ю. Зографъ* сообщилъ свои этнографическія наблюденія, произведенныя имъ во время поѣздки прошлымъ лѣтомъ въ Юго-восточную часть Зауральской половины Пермской губерніи. Наблюденія эти касались главнымъ образомъ Мещеряковъ, населяющихъ названную мѣстность. Описавъ Пермскую губернію въ географическомъ отношеніи и коснувшись этнографическаго состава ея населенія, референтъ пришелъ къ заключенію, что всѣ инородческія племена, живущія въ томъ краѣ, такъ перемѣшаны, что отыскать между ними отдѣльный чистый типъ крайне трудно. Селеніе Мещеряковъ на р. Синари, съ которымъ ознакомился путешественникъ, представило ему такую внѣшность. Дома были расположены рядами, при чемъ особенность ихъ заключалась въ плоскихъ крышахъ, изъ которыхъ торчали высокія дымовыя трубы. Почти въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить одну большую комнату, которая у болѣе зажиточныхъ раздѣлялась на отдѣленія. Въ углу ея два котла, подъ которыми разводится огонь; дымъ стелется по всей комнатѣ и уносится въ трубу. Пища Мещеряковъ очень скромная; конину они ѣдятъ только по пятницамъ, когда всѣ мусульмане празднуютъ. Хозяйство Мещеряка также бѣдно: плохія земледѣльческія орудія, въ большинствѣ случаевъ представляющія подражаніе нашимъ кресгьянскимъ; жалкій скотъ, который ограничивается лошадьми и баранами, такъ какъ коровъ не держатъ. Отношенія Мещеряковъ къ русскимъ поселенцамъ самыя недружелюбныя: постоянныя ссоры и драки изъ за лошадей, которыя воруются первыми у послѣднихъ. Одѣяніе Мещеряковъ чисто татарское. Различныя части ея были представлены докладчикомъ въ привезенныхъ имъ изъ путешествія образцахъ. Относительно семейнаго быта референтъ замѣтилъ, что Мещеряки замѣтно уклоняются отъ обычаевъ своихъ предковъ: сильно пьянствуютъ, не смотря на запрещеніе корана, и потому въ хозяйствѣ главенствуютъ жены. О религіи Мещеряки имѣютъ самыя смутныя понятія. Кромѣ существованія Магомета и запрещенія ѣсть свинину, они ничего больше не знаютъ; женщины до стараго возраста не ходятъ въ мечети, чтобы не смущать молящихся. Имена для новорожденныхъ дѣвушекъ берутся отъ названій птицъ или какихъ либо качествъ. Перейдя къ своимъ измѣреніямъ, произведеннымъ надъ Мещеряками, г. Зографъ высказалъ мнѣніе, что Мещеряки монгольскаго происхожденія. Опредѣлено: благодарить докладчика за предложенное имъ сообщеніе.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*23-го февраля 1879 года*).

Засѣданіе происходило въ зданіи Политехническаго музея подъ предсѣдательствомъ Поч. Члена Общества и Предсѣдателя Отдѣла *Н. А. Попова*, въ присутствіи предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, 23 членовъ и значительнаго числа стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ прошедшаго засѣданія.

2. Чл.-Сотр. Общества *Н. М. Комаровъ* прочелъ извлеченіе изъ приготовленнаго имъ къ печати изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «Пересмотръ сказаній о циклопахъ». Онъ началъ свое изложеніе анализомъ теогоническаго миѳа Грековъ о кузнецахъ—циклопахъ и потомъ перешелъ къ указанію подобныхъ же преданій у другихъ народовъ. Читанное извлеченіе касалось слѣдующихъ положеній:

а) Изъ анализа миѳа «Теогоніи» оказывается, что циклопы имѣютъ натуралистическое значеніе грозовыхъ великановъ.

б) Сказаніе Гомера о циклопѣ Полифемѣ извѣстно въ различныхъ варіантахъ не только у европейскихъ, но и у азіатскихъ народовъ.

в) Наиболѣе характерны редакціи: греческая, арабская, сербская и русскія; онѣ даютъ возможность прослѣдить постепенный ходъ измѣненія преданія.

г) Русскія редакціи наложили на гомеровское преданіе идею о горѣ, лихѣ и совершенно измѣнили подробности разсказа подъ вліяніемъ этой идеи.

д) Разсмотрѣніе сказаній Финновъ и Кареловъ (послѣднее плохо записано Кастреномъ) наводитъ на мысль о несамостоятельности представленія объ одноглазыхъ великанахъ у финскихъ племенъ.

е) Позднѣйшія измѣненія преданія привели къ затемнѣнію миѳологическаго смысла и къ замѣнѣ одноглазаго великана глупымъ чертомъ, надъ которымъ потѣшается хитрый человѣкъ, какъ это находимъ въ редакціяхъ: эстской, латышской и буковинской.

ж) Греческое преданіе о грайяхъ и норвежское о тролляхъ выводятъ нѣсколько отдѣльныхъ существъ, пользующихся однимъ глазомъ, и носятъ слѣды древнѣйшихъ представленій о циклопахъ.

з) Памятники пластическихъ искусствъ представляютъ преимущественно исторію любви Полифема къ нимфѣ Галатеѣ; здѣсь Полифемъ представляется то одноглазымъ, то трехглазымъ.

и) Свидѣтельство Павзанія о трехглазомъ Зевсѣ даетъ возможность отождествить Циклопа (въ его первобытномъ значеніи) съ Зевсомъ и усматривать въ немъ первоначально олицетвореніе природы въ цѣломъ, а потомъ—солнечное божество.

і) Сказаніе Гомера и его варіанты носятъ слѣды смѣшенія солнечныхъ миѳовъ съ грозовыми; но гомерическое представленіе о циклопѣ болѣе первобытно, чѣмъ представленіе Гезіода.

Опредѣлено: благодарить М. Н. Комарова за прочитанное сообщеніе.

3. Предсѣдатель Отдѣла сообщилъ въ извлеченіи переданную изъ Совѣта Общества въ Отдѣлъ записку Д. чл. *А. И. Вилькинса* подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о культурѣ народовъ Средней Азіи». Записка эта состояла изъ трехъ частей. Въ первой авторъ останавливается на замѣченномъ имъ въ средней Азіи одновременномъ существованіи въ народномъ бытѣ предметовъ позднѣйшаго происхожденія вмѣстѣ съ предметами, относящимися къ древнѣйшимъ эпохамъ,—явленіе, замѣчаемое и при раскопкѣ древнихъ могилъ въ тѣхъ же странахъ. Авторъ объясняетъ это явленіе общею наклонностью народовъ къ консерватизму въ домашнемъ быту. Во второй части своей записки авторъ изображаетъ постепенное распространеніе культуры въ среднеазіатскихъ земляхъ, отъ запада къ востоку, и различныя степени ея. Остальная часть записки наполнена общимъ очеркомъ быта Сартовъ. Записка, составленная въ концѣ 1877 года, предназначена собственно для объяснительнаго чтенія при осмотрѣ коллекцій Туркестанскаго края, находящихся въ Политехническомъ музеѣ.

Опредѣлено: признать записку удовлетворяющею сей цѣли.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЕ ЗАСѢДАНІЕ.

10-го Апрѣля 1880 года.

Въ зданіи Политехническаго Музея происходило засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ предсѣдательствомъ *П. Ч. Н. А. Попова*, въ присутствіи Призидента Общества *Г. Е. Щуровскаю*, Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла *А. П. Боіданова*, 25 членовъ Общества и Отдѣла и при многочисленномъ собраніи стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель Отдѣла Н. А. Поповъ доложилъ, что начатъ уже печатаніемъ VI томъ Трудовъ Отдѣла,—въ составъ коего войдетъ 2-й Сборникъ матеріаловъ по этнографіи Латышскаго племени, какъ то: заговоры, присловья и примѣты, собранные Ѳ. Я. Трейландомъ. Опредѣлено принять къ свѣдѣнію.

3. Доложено было письмо Д. Члена Общества В. Н. Бензенгра, писанное отъ 9 апрѣля текущаго года, на имя Предсѣдателя Н. А. Попова, слѣдующаго содержанія: На бывшей у насъ въ Москвѣ Антропологической выставкѣ меня очень заинтересовалъ умный и очень развитой Вогулъ Иванъ Платоновичъ; много я слышалъ отъ него интереснаго объ ихъ житьѣ-бытьѣ и теперь сожалѣю, что я не записалъ всего слышаннаго, полагая, что все это уже извѣстно; а между тѣмъ племя это, какъ вамъ извѣстно, вымираетъ и скоро его не будетъ вовсе; во время моихъ бесѣдъ съ нимъ я успѣлъ однако записать нѣсколько словъ, конечно, не всѣ ими употребляемыя, но почти все, что могли мы съ нимъ припомнить изъ ихъ быта. Списокъ этотъ имѣю честь представить въ Этнографическій Отдѣлъ; можетъ быть Вы найдете не лишнимъ напечатать его въ „Извѣстіяхъ". Мнѣ говорили, что есть полный Словарь Вогульскаго языка, составленный Кастреномъ и еще кѣмъ-то; но въ знакомомъ мнѣ «Очеркѣ Вогуловъ Малієва» словъ нѣтъ; во всякомъ случаѣ, не приписывая никакой важности моему труду, отдаю его въ полное Ваше распоряженіе.

При семъ имѣю честь приложить нѣсколько оттисковъ этого краткаго Словоря на французскомъ языкѣ, происхожденіе которыхъ считаю долгомъ объяснить. Извѣстный лингвистъ Говелакъ былъ однимъ изъ представившихъ меня Парижскому Антропологическому Обществу съ «Сочлены»; считая себя у него въ долгу за эту любезность, я послалъ ему списокъ этихъ словъ на французскомъ языкѣ; онъ очень меня благодарилъ, напечаталъ въ издаваемой имъ «Revue linguistique» и прислалъ мнѣ нѣсколько оттисковъ, изъ коихъ одинъ позвольте представить Вамъ, другой въ Библіотеку Этнографическаго отдѣла, а остальныя желающимъ.

Опредѣлено: благодарить г. Бензенгра и представленный имъ списокъ Вогульскихъ словъ хранить въ Архивѣ Отдѣла.

4. Доложено было письмо землевладѣльца Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда Г. А. Воронова съ предложеніемъ Отдѣлу своего «Подробнаго описанія свадебныхъ обрядовъ, какъ они ведутся съ давнихъ временъ въ этомъ краѣ, со всѣми пріемами, примѣтами, загадками и повѣрьями; г. Вороновъ предлагалъ пріобрѣсти его сборникъ за извѣстный гонораръ, прося оный выслать даже прежде полученія его рукописи.

Опредѣлено: увѣдомить г. Воронова, что Отдѣлъ не покупаетъ трудовъ для своего изданія,—а тѣмъ болѣе не можетъ посылать вознагражденія за трудъ неизвѣстнаго достоинства.

5. Г. Предсѣдатель выразилъ свое мнѣніе о Сборникѣ «пѣсенъ Пермской губерніи, доставленномъ въ Отдѣлъ г. Медвѣдевымъ для напечатанія въ «Трудахъ Отдѣла». Сборникъ этотъ не представляетъ особеннаго интереса въ научномъ отношеніи и не вноситъ никакихъ новыхъ данныхъ въ изученіе народнаго пѣснотворчества.

Опредѣлено: согласно мнѣнія г. Предсѣдателя—въ напечатаніи этихъ пѣсенъ отказать и подлинную рукопись возвратить г. Медвѣдеву.

6. Д. Ч. Ник. Ал. Покровскій прочелъ свой рефератъ о томъ: потеряла ли свою легальность бытующая старина въ сознаніи народа? Имѣя въ виду мнѣніе Н. И. Костомарова, что народные обычаи и обряды составляютъ лишь только поэтическую обстановку народной жизни, драгоцѣнность старины, завѣщанной отъ предковъ, но никакъ не строгаго закона, имѣющаго обязательную силу, референтъ выяснялъ, что такой рѣшительный приговоръ основывается не столько на близкомъ, фактическомъ знакомствѣ съ народною жизнію, сколько на общихъ соображеніяхъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ представилъ очеркъ народныхъ обрядовъ, пріуроченныхъ къ тремъ важнѣйшимъ моментамъ жизни: рожденію, бракосочетанію и смерти. Ближайшее изученіе этихъ обрядовъ

приводитъ къ выводамъ, что значеніе ихъ и въ настоящее время далеко не подорвано въ глазахъ народной массы; законность и необходимость ихъ существенно связаны съ степенью ея развитія; ихъ живучесть вытекаетъ изъ преданія предковъ, ихъ сознательность и обязательность—изъ цѣлесообразнаго ихъ употребленія. Опредѣлено: рефератъ г. Покровскаго напечатать въ «Трудахъ Отдѣла».

7. *Д. Ч. Андрей А. Титовъ* сдѣлалъ сообщеніе о живописи по финифти въ г. Ростовѣ (Яросл. губ.). Прежде всего онъ уяснилъ, что этотъ «кустарный промыселъ» представляетъ интересъ не съ одной только технической стороны. Если вообще кустарные промыслы въ своемъ происхожденіи и развитіи связаны съ мѣстными условіями, поддерживаются обычаями и преданіями, такъ или иначе дѣйствуютъ на народное благосостояніе, въ такой или другой мѣрѣ обнаруживаютъ интеллектуальныя народныя силы и потому вообще входятъ въ кругъ Этнографическихъ изслѣдованій, то живописное финифтяное производство по преимуществу должно заслуживать вниманіе этнографовъ. Этотъ кустарный промыселъ связанъ, болѣе или менѣе, съ народнымъ художественнымъ вкусомъ, служитъ къ удовлетворенію народныхъ потребностей, вызывается запросами не только Россіи, но и всего православнаго Востока. Художественныя издѣлія Ростовскихъ простолюдиновъ чрезъ руки эксплуататоровъ переходятъ въ отдаленнѣйшіе монастыри и оттуда, какъ мѣстныя святыни, распространяются по всей Россіи и ставятся на крестьянскихъ божницахъ. Далѣе референтъ высказалъ свои соображенія, когда и какъ развился этотъ промыселъ въ г. Ростовѣ, за тѣмъ подробно изложилъ самый способъ приготовленія финифтяныхъ образовъ и отдѣлки ихъ въ серебряныя и мѣдныя оправы и указалъ на средства распространенія и формы эксплуатаціи этого народнаго труда. Наконецъ онъ представилъ вниманію Отдѣла и самые образцы—этого мѣстнаго производства, разныхъ видовъ и достоинства. Опредѣлено: благодарить докладчика за сдѣланное имъ сообщеніе.

8. *Д. Ч. Алекс. И. Кельсіевъ*—сообщилъ «Народныя масляничныя прибаутки», записанныя въ С. Петербургѣ покойнымъ его братомъ В. И. Кельсіевымъ. Референтъ доложилъ ихъ, какъ образчики народнаго юмора, основаннаго на неожиданномъ сочетаніи разнородныхъ представленій, схваченныхъ иногда народною наблюдательностію изъ явленій общественной жизни. Опредѣлено: занести о томъ въ Протоколъ и нѣкоторые изъ приведенныхъ образцевъ напечатать въ «Трудахъ Отдѣла».

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

4-го Декабря 1880 года.

Въ зданіи Политехническаго Музея засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, происходило подъ предсѣдательствомъ П. Чл. Общ. Н. А. Попова, въ присутствіи г. Президента Общества Гр. Е Щуровскаго, Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла А. П. Богданова, 15 дѣйствительныхъ членовъ Общества, и Секретарей Общества и Отдѣла и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Г. Предсѣдателемъ Отдѣла доложено письмо М. В. Лосіевскаго, изъ Уфы, при коемъ онъ препровождаетъ статью, подъ заглавіемъ: «Обряды присяги у инородцевъ Оренбургскаго края»; хотя она и напечатана была въ Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, но такъ какъ авторъ распространилъ и передѣлалъ ее, то и предлагаетъ напечатать ее въ «Трудахъ Отдѣла». По разсмотрѣніи этой статьи г. Предсѣдателемъ оказалось, что въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ — она напечатана лишь въ сокращеніи, сравнительно съ той ея редакціей, въ какой она была прислана въ Отдѣлъ еще въ 1877 году, когда по докладѣ ея Секретаремъ Отдѣла, въ засѣданіи 29 ноября, было постановлено напечатать ее въ «Трудахъ Отдѣла», но не иначе, какъ именно въ сокращеніи; въ настоящемъ же своемъ видѣ, она, представляя пространную редакцію, сравнительно съ напечатанной, въ существѣ есть таже дословная статья, которая была прислана въ Отдѣлъ еще въ 1877 году и которую еще тогда найдено возможнымъ напечатать лишь въ сокращені . Постановлено: возвратить статью автору, какъ уже напечатанную и непредставляющую въ себѣ новаго научнаго интереса.

2) Доложена статья того же автора, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ села Табынска (Уфим. губ.) съ замѣтками объ иконѣ Табынской Божьей Матери». Постановлено: такъ какъ статья эта чис-

то историческая и не содержитъ въ себѣ никакихъ этнографическихъ данныхъ, то предложить автору, не позволитъ ли онъ передать ее въ Археологическое или Историческое Общество, къ задачамъ коихъ она имѣетъ прямое отношеніе.

3) Доложено письмо г. Износкова, изъ Казани, при коемъ онъ препровождаетъ въ Отдѣлъ статью, подъ заглавіемъ: «Кладоискатели». «Прошло уже болѣе двухъ лѣтъ, пишетъ онъ въ письмѣ, когда я имѣлъ честь получить увѣдомленіе о зачисленіи меня въ члены Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Съ этого времени я ничѣмъ не успѣлъ заявить себя; но если замѣтки, подобныя настоящей могутъ имѣть какое либо значеніе, то изрѣдка, я могу сообщать ихъ. По разсмотрѣніи самой статьи, г. Предсѣдатель нашелъ, что она, сравнительно съ подобной же статьей г. Квашнина-Самарина, уже напечатанной «въ III книгѣ Трудовъ Отдѣла, представляетъ нѣкоторыя новыя и любопытныя этнографическія данныя. Она касается кладоисканія въ русскихъ селеніяхъ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда, какъто: Тавеляхъ, Чаксахъ, Абдяхъ и Нагашевѣ. Преданія о кладахъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, связываются съ пребываніемъ и жилищами разбойниковъ. Во время лѣта кладоискатели уходятъ иногда на цѣлую недѣлю въ лѣсъ, разыскиваютъ мѣста, гдѣ по ихъ предположеніямъ должны быть клады, производятъ раскопки, но рѣдко что-нибудь находятъ, потому, говорятъ, что всѣ клады или заговорены или не всякому показываются. По разсказамъ крестьянъ, такіе клады находятся недалеко отъ перечисленныхъ селеній; но по преимуществу ихъ не мало въ лѣсу между селами Тавели и Абди. Прежде въ этомъ лѣсу было озеро и ключъ, на берегу котораго находилось много костей, сложенныхъ въ кучу. Теперь это озеро пересохло, а куча заросла травой. Кладоискатели не находятъ даже и мѣста, гдѣ было озеро и полагаютъ, что и самое мѣсто, подобно кладамъ, заговорено и потому не видимо: прячется и скрывается отъ нихъ. Главный кладъ находится подъ ключемъ, недалеко отъ озера и состоитъ изъ двухъ боченковъ, изъ коихъ одинъ наполненъ золотомъ, а другой — жемчугомъ. Надъ боченками положенъ образъ Божьей Матери, выкованный изъ золота. Недалеко отъ этого клада схороненъ атаманъ разбойниковъ, съ которымъ также положено много серебра и золота. Оба клада заговорены и ни кому не даются. Впрочемъ заговоръ можетъ быть снятъ, если только найдется попъ по имени Наумъ и согласится на мѣстѣ могилы отпѣть атамана (полагаютъ, что атамана звали Наумомъ). Какъ только попъ отпоетъ, такъ и провалится сквозь землю, а душа его войдетъ въ душу атамана. Зарока, положеннаго на кладъ, тогда не будетъ, такъ какъ атаманъ освободится отъ грѣховъ и получитъ чистую душу. У этого атамана было до сорока разбойниковъ и каждый изъ нихъ положилъ кладъ, состоящій изъ мелкихъ серебряныхъ денегъ: это клады не заговоренные и ихъ удавалось отыскивать. Кладовыя деньги, по разсказамъ крестьянъ, въ лѣтнюю пору выходятъ на землю и сушатся; видѣть ихъ тогда можно, но взять руками нельзя; впрочемъ, если бросить на нихъ что-нибудь изъ одежды, то они останутся подъ нею и тогда кладоискатель можетъ взять ихъ совершенно свободно. Ходившіе въ лѣсъ, по своимъ надобностямъ, безъ мысли о кладахъ, не разъ, говорятъ, видали зеленую копну изъ костей, дно пересохшаго озера и деньги, золотыя и серебряныя, выходящія изъ земли. Кромѣ Абдинскаго лѣса, столь богатаго кладами, клады, говорятъ, находятся: 1) около деревни Нагашевой «по Заводскому ключу», т. е. по ключу, на которомъ были кожевенные и паточные заводы; 2) на большой дорогѣ изъ села Тавелей въ городъ Мамадышъ; и 3) на Татарскомъ жилищѣ, т. е. на такомъ урочищѣ близъ села Тавелей, гдѣ жили въ прежнее время Татары. Клады въ этихъ мѣстностяхъ появляются или въ видѣ стариковъ, или въ видѣ разныхъ животныхъ, и при томъ не на тѣхъ самыхъ пунктахъ, гдѣ зарыты самые клады. Крестьяне-кладоискатели полагаютъ, что въ прежніе годы въ уѣздахъ много было разбойниковъ, а въ уѣздныхъ городахъ были тогда богатыри: Илья Муромецъ, Бова Королевичъ, Полканъ Полкановичъ и проч. Перевелись богатыри, перевелись и разбойники, закопавшіе свои награбленныя сокровища въ землю. Приведенныя свѣдѣнія о кладахъ записаны отъ одного изъ крестьянъ села Тавелей. Что же касается подобныхъ преданій, живущихъ въ другихъ мѣстахъ, то достойны вниманія свѣдѣнія, сообщенныя священникомъ села Абди о. Богородицкимъ. Особенно народъ не забываетъ большую столбовую дорогу, проходившую между деревнею Чаксы и селомъ Абди. По этой дорогѣ купцы возили товары и были грабимы разбойниками. Зимою разбойники попреимуществу жили въ лѣсахъ, а лѣтомъ они отправлялись на промыслы по рр. Вяткѣ, Камѣ и Волгѣ и къ осени привозили въ лѣса награбленное имущество. Говорятъ, что разбойники жили въ той части лѣса, которая называется Мазлихой, по имени какой то старухи, служившей нянькой у неизвѣстнаго царя. Старожилы часто видали разбойниковъ. Такъ разсказываютъ, что какой-то крестьянинъ, проѣзжая Мазлихой, встрѣтилъ разбойниковъ, везшихъ серебро съ Камы. На дорогѣ у нихъ поломалась ось и они хотѣли убить этого крестьянина, но одинъ изъ нихъ испросилъ ему жизнь у атамана, за то, что онъ прежде три зимы укрывалъ его у себя въ домѣ. Отнявъ у крестьянина ось, они отпустили его.

Открытіе кладовъ на указанныхъ мѣстахъ связывается съ Сибирью. Оттуда было письмо къ одному родственнику отъ сосланнаго въ Сибирь разбойника, въ которомъ сообщалось, что въ лѣсахъ, принадлежащихъ теперь г. Яхонтову, существуетъ сосновое озеро и что въ это озеро брошено очень много золота и серебра; а вблизи озера находится курганъ, насыпанный надъ могилою атамана и пещера съ печью, подъ которою зарыто также серебро и золото. Для поисковъ этого сосноваго озера и баснословныхъ богатствъ составляются большія компаніи. Однажды подошли онѣ къ этому мѣсту и вдругъ услышали лай сторожеваго пса, и потомъ увидали бѣгущаго къ нимъ безголоваго человѣка съ казачьей шашкой. Увидавъ это, старики, не помня себя, разбѣжались въ разные стороны. Въ другой разъ на томъ же мѣстѣ татаринъ изъ деревни Тохтамышъ увидалъ бѣлаго теленка, который и заманилъ его въ глушь лѣса: здѣсь ему представились такія видѣнія, отъ которыхъ онъ прохворалъ шесть недѣль, а лошадь его убѣжала. Указываютъ также, какъ на мѣсто нахожденія кладовъ, на ключъ въ лѣсу, гдѣ нынѣ находится усадьба землевладѣльца Герасимова. Одинъ кладоискатель нашелъ въ этомъ ключѣ камень, и подъ нимъ много золотыхъ и серебряныхъ монетъ, церковные сосуды и т. п., но сколько затѣмъ ни ходилъ по лѣсу, не могъ выдти изъ него, пока не положилъ найденныхъ вещей на старое мѣсто. Постановлено: извлеченіе изъ сообщенія г. Износкова занести въ протоколъ Отдѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ и на будущее время, согласно обѣщанію, не отказывалъ Отдѣлу въ подобныхъ сообщеніяхъ.

А. С. Пругавинъ прочелъ пространное сообщеніе «О значеніи сектанства въ народномъ бытѣ и нашемъ знакомствѣ съ нимъ». Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на крайнюю односторонность существующихъ изслѣдованій о расколѣ и принадлежащихъ или лицамъ духовнымъ, или же чиновникамъ. Расколъ, по его мнѣнію, не есть слѣдствіе невѣжества народа, а напротивъ результатъ исканія народомъ истины, есть прямое послѣдствіе пробудившейся въ народѣ живой мысли и есть явленіе прогрессирующее въ своемъ движеніи и въ своей сущности: каждая новая секта представляетъ новую ступень въ организаціи раскола. Кромѣ того расколъ, по его мнѣнію, имѣетъ соціальный характеръ: основатели нѣкоторыхъ сектъ съ введеніемъ новаго взгляда на пониманіе религіи, дѣлали попытки вмѣстѣ съ тѣмъ организовать и земельную общину, при чемъ во всѣхъ подробностяхъ проводился ими взглядъ на отношенія людей по смыслу Свящ. Писанія: земля, лѣсъ, домашнее имущество составляли общую собственность; трудились всѣ, какъ и пользовались плодами трудовъ. Такія общины существовали, напр., у молоканъ, за что и были наказаны властями ихъ основатели. Достойны также вниманія въ этомъ отношеніи: устройство школъ, взаимо-помощь, соборы. Положеніе женщинъ въ расколѣ даже выше, чѣмъ у православныхъ. Отсюда возникаетъ необходимость всесторонняго и тщательнаго изученія раскола, основаннаго, ближайшимъ образомъ, на прямомъ и непосредственномъ знакомствѣ съ жизнію русскаго сектантства. Всѣхъ сектантовъ г. Пругавинъ раздѣляетъ на три разряда: 1) Старообрядцы (Поповцы и Безпоповцы) 2) Раціоналисты (Молокане) и 3) Грубые-мистики (Хлысты, Скопцы и др.). Указавъ за тѣмъ на правительственныя попытки понять и изучить расколъ въ 1852 году, когда, по инціативѣ Перовскаго, разосланы были въ разныя мѣста чиновники, именно съ цѣлію изученія раскола, референтъ пришелъ къ убѣжденію, что расколъ такъ и остался непонятымъ до-нынѣ; одни изъ посланныхъ тогда чиновниковъ не способны были снизойти до пониманія народнаго быта; другіе же прямо въ раскольникахъ увидѣли революціонеровъ и совѣтовали правительству самыя суровыя мѣры противъ раскола. Развивая же свой взглядъ на расколъ, г. Пругавинъ старался уяснить, что секты въ своей исторіи представляютъ рядъ постепенныхъ улучшеній и прогрессивное движеніе—къ цивилизаторству; что же касается сектъ, возникающихъ въ послѣднее время, то народъ видитъ въ нихъ лучшее, желаемое разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые его интересуютъ: отсюда громадный успѣхъ новыхъ сектъ. Численность раскола г. Пругавинъ доводитъ до громадной цифры, едва не до 15 милліоновъ.

По заслушаніи означеннаго сообщенія г. Предсѣдатель Отдѣла сдѣлалъ противъ него нѣсколько замѣчаній; такъ онъ указалъ, что если расколъ по своей сущности есть стремленіе народа къ познанію истины, то съ этой стороны онъ не только есть явленіе русское, но явленіе міровое; за тѣмъ онъ возразилъ, что едва ли можно имѣть точныя свѣдѣнія по статистикѣ раскола; для примѣра онъ указалъ на евреевъ, которые въ общественномъ отношеніи представляютъ, по своей замкнутости нѣчто подобное положенію старообрядчества, но и о нихъ трудно добывать точныя статистическія данныя, какъ вообще бываетъ въ области религіозной статистики.

Секретарь Отдѣла *Е. В. Барсовъ* съ своей стороны также предъявилъ нѣсколько возраженій референту; такъ онъ прежде всего замѣтилъ, что референтъ, принизивъ данныя о расколѣ, собранныя духовными лицами и чиновниками, свой собственный взглядъ создаетъ лишь на тѣхъ же самыхъ матеріалахъ. Что расколъ есть выраженіе народной потребности исповѣдывать истину, это не-

сомнѣнно, но здѣсь вопросъ, почему онъ истину православія считаетъ заблужденіемъ и домогается новой истины или держится стараго преданія. Изученіе сектъ должно быть прагматическое и тогда станетъ ясна генетическая связь ихъ между собою. Въ исторіи раскола повторяется одинъ и тотъ же законъ: всякая идея односторонне развиваемая приводитъ къ своему отрицанію. Въ силу этого закона изъ обрядовыхъ сектъ раждаются секты духовныя, которыя переходятъ, въ свою очередь въ секты обрядовыя. Движеніе въ расколѣ есть, но оно регрессивно по отношенію къ истинѣ: перерожденіе одной секты въ другую въ сущности есть метаніе изъ стороны въ сторону, изъ одной крайности въ другую, ей противоположную. Въ подтвержденіе этихъ мыслей секретарь привелъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи раскола.

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

15-го Декабря 1881 г.

Засѣданіе происходило, въ зданіи Политехническаго Музея, подъ предсѣдательствомъ Почетнаго члена Общества и Предсѣдателя Отдѣла Н. А. Попова, въ присутствіи Президента Общества *Гр. Еф. Щуровскаго*, Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла *А. П. Богданова*, 22 дѣйствительныхъ членовъ Общества и секретарей Общества и Отдѣловъ.

1. Послѣ чтенія и подписанія протокола предыдущаго засѣданія, Предсѣдатель Отдѣла Н. А. Поповъ заявилъ, что многочисленныя занятія не дозволяютъ ему на будущее время относиться съ прежнимъ вниманіемъ къ обязанностямъ предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла, которымъ онъ руководилъ въ теченіе 14-ти лѣтъ. Въ виду этого Н. А. Поповъ просилъ Общество сложить съ него отправленіе обязанностей и приступить къ избранію новаго предсѣдателя, присовокупивъ, что секретарь Отдѣла Е. В. Барсовъ, недавно избранный въ секретари Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, не находитъ для себя удобнымъ соединять секретарскія обязанности въ двухъ ученыхъ обществахъ.

2. Предсѣдатель Антропологическаго Отдѣла А. П. Богдановъ отъ лица Общества выразилъ благодарность Н. А. Попову, какъ одному изъ членовъ-основателей Общества, положившему много трудовъ на организацію и веденіе Этнографическаго Отдѣла при Обществѣ, за участіе его въ устройствѣ выставокъ Этнографической и Антропологической, за завѣдываніе изданіемъ нѣкоторыхъ томовъ трудовъ Этнографическаго Отдѣла и вообще за его долголѣтнюю и усердную дѣятельность на пользу Общества.

3 Н. Ч. *Ф. Д. Нефедовъ* отъ имени членовъ Этнографическаго Отдѣла выразилъ благодарность Н. А. Попову за то теплое участіе, съ которымъ онъ всегда встрѣчалъ и вызывалъ работы начинающихъ сотрудниковъ Этнографическаго Отдѣла.

4. Затѣмъ было приступлено къ избранію новаго предсѣдателя Отдѣла, и единогласно былъ избранъ Д. Ч. В. Ѳ. Миллеръ, который, поблагодаривъ за оказанную ему честь, пригласилъ, на основаніи 23 § Устава Общества, въ секретари Отдѣла Д. Ч. В. М. Михайловскаго, заявившаго согласіе принять на себя это званіе.

5. Въ виду заявленія Непремѣннаго Члена Общества Д. И. Иловайскаго о его желаніи подвергнуть научному обсужденію въ Засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла вопросъ о народности Гунновъ, рѣшено было устроить въ декабрѣ 1881 года два засѣданія, изъ коихъ одно (23 дек.) посвящается изложенію реферата Д. И. Иловайскаго, а другое (30 дек.)—обсужденію этого вопроса.

6. Въ заключеніе, вновь избранный предсѣдатель В. Ѳ. Миллеръ отъ лица Этнографическаго Отдѣла благодарилъ Е. В. Барсова за его труды въ качествѣ секретаря Отдѣла.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

23-го Декабря 1881 года.

Въ зданіи Политехническаго Музея, происходило засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Отдѣла Д. Ч. *В. Ѳ. Миллера*, въ присутствіи Президента Общества *Гр. Еф. Щуровскаго*. Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла *А. П. Богданова*, 28 дѣйствительныхъ членовъ Общества, секретарей Общества и Отдѣла и 170 стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Поступила въ даръ отъ доктора Родзевича книга подъ заглавіемъ: Pautier, «Les livres sacrés de l'Orient». Предсѣдатель Отдѣла, отъ лица Общества, выразилъ благодарность жертвователю и передалъ книгу въ библіотеку Общества.

3. Непремѣнный членъ Д. И. Иловайскій прочелъ сообщеніе по вопросу о народности Гунновъ. Указавъ на свои изслѣдованія о принадлежности Болгаръ къ великой семьѣ славянскихъ народовъ, Д. И. Иловайскій выразилъ мнѣніе, что они составляютъ часть гуннскаго народа, и затѣмъ приступилъ къ разбору татаро-финской теоріи происхожденія Гунновъ, разработанной Дегинемъ, Энгелемъ, Тунманомъ и другими западно-европейскими, преимущественно нѣмецкими учеными. Венелинъ первый отнесся недовѣрчиво къ этой теоріи и доказывалъ славянство Гунновъ. Противъ него выступилъ знаменитый чешскій ученый Шафарикъ, подчинявшійся въ этомъ случаѣ нѣмецкимъ авторитетамъ. Въ послѣднее время Забѣлинъ въ своемъ сочиненіи — «Исторія русской жизни» — является защитникомъ славянской теоріи. Для рѣшенія вопроса, Д. И. Иловайскій обратился къ разсмотрѣнію тѣхъ основаній, на которыхъ покоится татаро-финская теорія происхожденія Гунновъ. Главные выводы и существенныя доказательства сообщенія заключаются въ слѣдующихъ 8 положеніяхъ, редактированныхъ референтомъ:

1) Представленіе о Гуннахъ, какъ народѣ монгольскомъ и вообще туранскомъ, возникло въ европейской исторіографіи главнымъ образомъ на основаніи того описанія ихъ наружности, которое находится въ сочиненіяхъ Аммiана Марцеллина и Іорнанда. Но эти описанія страдаютъ явными преувеличеніями, а Іорнандъ крайне пристрастно относится къ Гуннамъ. Притомъ въ самомъ ихъ описаніи нѣтъ прямыхъ указаній на чисто монгольскія черты, какъ: узкіе, косые глаза, выдавшіяся скулы и острый подбородокъ.

2) Важнѣйшія свидѣтельства для даннаго вопроса находимъ у поэтовъ-панегиристовъ V вѣка Клавдіана и особенно Сидонія Аполинарія. Эти свидѣтельства прямо указываютъ на то, что Гунны дѣлали нарѣзы на лицѣ, стягивали у младенцевъ голову и даже носъ ради шлема. Слѣдовательно безобразіе ихъ было не прирожденное, а искусственное, ради военныхъ удобствъ и ради устрашенія непріятелей. На это искусственное уродство намекаютъ также Амміанъ и Іорнандъ, говоря о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Аналогію съ этимъ явленіемъ представляютъ обычаи и у разныхъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ описаніе гуннской наружности не представляетъ серьезнаго основанія для туранской теоріи—тѣмъ болѣе, что Сидоній говоритъ объ ихъ прекрасномъ сложеніи и среднемъ и даже болѣе, чѣмъ среднемъ, ростѣ.

3) Византійскій писатель V-го вѣка Прискъ есть самый добросовѣстный и самый драгоцѣнный источникъ для вопроса о Гуннахъ, ибо онъ былъ у нихъ въ числѣ пословъ и довольно подробно ихъ описываетъ, не касаясь впрочемъ ихъ наружности. Всѣ черты быта и нравовъ, приводимыя имъ, нисколько не указываютъ на туранство Гунновъ и много говорятъ въ пользу ихъ славянства.

4) Кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры и находятся въ прямой зависимости отъ условій природы. Притомъ Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, прямо указываетъ на сходство гуннскихъ нравовъ съ нравами Склавиновъ и Антовъ

5) Что касается до языка, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ филологическихъ основаній отвергать славянство Гунновъ. Личныя ихъ имена, приводимыя источниками, очень разнообразны, и между прочимъ есть много именъ съ славянскими корнями или съ славянскимъ значеніемъ; а приводимыя источниками, какъ гуннскія, слова—медъ—и въ особенности страва—прямо указываютъ на славянскую народность.

6) У средневѣковыхъ писателей византійскихъ, латинскихъ, армянскихъ и арабскихъ иногда Гунны прямо отождествляются съ Славянами, или

тождество это вытекаетъ у нихъ само собою изъ сопоставленія обстоятельствъ. Это тождество вытекаетъ также изъ нѣкоторыхъ древненѣмецкихъ поэмъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что названіе Славяне распространилось постепенно и поздно на всѣ славянскіе народы и преимущественно путемъ книжнымъ.

7) Начальная исторія славянства въ средней Европѣ, происхожденіе нѣкоторыхъ славянскихъ государствъ и разные факты ихъ жизни, напр., распространеніе между ними Церковнославянскаго Священнаго письма, были бы непонятны безъ племеннаго родства западныхъ Славянъ съ Гуннами, которые представляли крайнюю восточнославянскую вѣтвь. Невѣрно поставленный доселѣ вопросъ о Гуннахъ и участіи Славянъ въ событіяхъ той эпохи, которая названа Великимъ Переселеніемъ народовъ, повелъ къ нѣкоторымъ невѣрнымъ представленіямъ о характерѣ славянской народности, напр., о ея преимущественно и едва ли не исключительно мирной земледѣльческой дѣятельности. Въ связи съ невѣрнымъ рѣшеніемъ гуннскаго вопроса явилось и невѣрное мнѣніе о томъ, будто Славяне проникли въ среднюю Европу тихо, незамѣтно для исторіи, входя только въ составъ гуннскихъ ордъ.

8) Кромѣ первостепенной важности для исторіи славянства вообще, гуннскій вопросъ имѣетъ и спеціальное отношеніе къ начальной русской исторіи. Роксолане съ помощью Гунновъ освободились отъ готской зависимости, и этотъ гунно-роксоланскій союзъ далъ толчокъ къ Великому переселенію народовъ. Затѣмъ нѣкоторыя гуннскія племена вошли въ составъ русской національности, именно Угличи, Сѣверяне и отчасти Волыняне.

4. Предсѣдатель Отдѣла предложилъ желающимъ принять участіе въ преніяхъ по вопросу о народности Гунновъ записаться у секретаря Отдѣла. Записались слѣдующія лица: А. П. Богдановъ, Ѳ. Евг. Коршъ, В. Ѳ. Миллеръ, Е. А. Покровскій, Д. Н. Анучинъ, К. Н. Иковъ, Н. А. Поповъ и В. М. Михайловскій.

5. Почетный членъ Общества Дм. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ о народности Скиѳовъ. Онъ началъ заявленіемъ, что исторія Славянъ— какъ западныхъ, такъ и восточныхъ—разрабатывалась неправильно. Нѣмецкіе академики начинаютъ исторію западныхъ Славянъ съ VI-го вѣка, а русскихъ—только съ IX-го. Благодаря работамъ Д. И. Иловайскаго, эта начальная исторія должна быть подвергнута значительнымъ измѣненіямъ. Дм. Як. Самоквасовъ въ своихъ розысканіяхъ шелъ отъ древнѣйшаго къ болѣе новому, т. е. другимъ путемъ, чѣмъ Д. И. Иловайскій, который отъ болѣе поздняго направлялся къ болѣе раннему. и при этомъ результаты, добытые референтомъ, вполнѣ сошлись съ изслѣдованіями Д. И. Иловайскаго. Далѣе Дм. Я. Самоквасовъ, отвергнувъ переселеніе Германцевъ, Славянъ и Литовцевъ изъ Азіи, высказалъ мнѣніе, что эти племенныя группы возникли не въ Азіи, а въ Европѣ, и представляютъ обособленіе трехъ этнографическихъ типовъ, образовавшихся въ средѣ Скиѳовъ, пришедшихъ изъ Азіи. Затѣмъ слѣдовало опроверженіе доказательствъ, сгруппированныхъ Шафарикомъ въ пользу того мнѣнія, что Скиѳы принадлежатъ къ народамъ монгольскимъ; на основаніи свидѣтельствъ древнихъ писателей, данныхъ религіи и на основаніи наружнаго вида Скиѳовъ, референтъ доказывалъ ихъ индо европейское происхожденіе. Затѣмъ Дм. Я. Самоквасовъ представилъ географію Скиѳіи по Геродоту; опредѣлилъ, какіе народы слѣдуетъ считать скиѳскими, и доказывалъ, что на этомъ громадномъ пространствѣ всѣ скиѳскіе народы, не взирая на значительныя различія въ ихъ бытѣ, представляютъ одинъ этнографическій типъ. Указавъ на обширность территоріи, занятой скиѳскими народами, и на многолюдное населеніе этой территоріи, Дм. Як. Самоквасовъ перешелъ къ вопросу о раздѣленіи этнографическаго типа Скиѳовъ на три части. Коснувшись того, что извѣстія о Германцахъ, передаваемыя Тацитомъ и другими древними писателями, нисколько не препятствуютъ основному выводу референта, Дм. Як. Самоквасовъ болѣе подробно остановился на сравненіи Скиѳовъ и Славянъ, доказывая сходство ихъ по наружному виду, по религіи, обычаямъ и по языку. Большое значеніе придается референтомъ археологическимъ раскопкамъ и краніологическимъ изслѣдованіямъ Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла Общества А. П. Богданова. Основные выводы изложены были Дм. Як. Самоквасовымъ въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) Не доказана теорія передвиженія изъ Азіи въ Европу Германцевъ, Славянъ и Литовцевъ.

2) Не доказана теорія монголо-татаро-турецкаго происхожденія европейскихъ Скиѳовъ эпохи Геродота.

3) Европейскіе Скиѳы эпохи Геродота были народомъ индо-европейскаго происхожденія.

4) Къ скиѳскому этнографическому типу, по извѣстіямъ классическихъ писателей, принадлежали слѣдующіе народы въ Европѣ: Паралаты, Катіары, Траспіи, Авхаты, Тавры, Савроматы, Будины, Невры, Агаѳирсы и Геты.

5) Не доказана теорія насильственнаго истребленія европейскихъ Скиѳовъ эпохи Геродота Сарматами.

6) На почвѣ Европы, въ средѣ древняго скиѳскаго этнографическаго типа, образовались новыя народности, къ числу которыхъ принадлежитъ и народность славянская.

7) Этнографическія особенности Славянъ языческой эпохи имѣютъ много общаго съ этнографическими особенностями Скиѳовъ эпохи Геродота.

8) Исторія Славянъ имѣетъ тѣсную, непосредственную связь съ исторіей древнихъ Скиѳовъ.

6. По поводу сообщенія Дм. Як. Самоквасова завязались пренія, въ которыхъ приняли участіе Ѳ. Евг. Коршъ, Предсѣдатель Отдѣла В. Ѳ. Миллеръ и В. О. Ключевскій. Въ виду поздняго времени, пренія не были закончены и дальнѣйшее обсужденіе реферата отложено на слѣдующее засѣданіе.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

30 декабря 1881 года.

Происходило засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя отдѣла, непремѣннаго члена, *В. Ѳ. Миллера*, въ присутствіи Президента Общества *Гр. Еф. Щуровскаго*, Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла *А. П. Богданова*, секретарей Общества и Отдѣловъ, 35 дѣйствительныхъ членовъ Общества и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Почетный членъ Общества *Н. А. Поповъ* представилъ свои замѣчанія на рефератъ *Д. И. Иловайскаго*, читанный въ предшествовавшемъ засѣданіи Отдѣла. *Н. А. Поповъ* указывалъ, какъ на существенный недостатокъ сообщенія почтеннаго референта, что онъ не представилъ критическаго разбора мнѣній нѣмецкихъ и мадьярскихъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о происхожденіи Гунновъ. (Подробности прилагаются къ протоколу).

3. Предсѣдатель Отдѣла *В. Ѳ. Миллеръ* представилъ свои замѣчанія, въ которыхъ теорія *Д. И. Иловайскаго* разсматривалась какъ съ этнографической, такъ и съ лингвистической стороны, причемъ *В. Ѳ. Миллеръ* доказывалъ невозможность основать теорію славянства Гунновъ на прочныхъ фактахъ (См. приложеніе къ протоколу.).

4. Профессоръ *Ѳ. Евг. Коршъ*, на основаніи главнымъ образомъ лингвистическихъ соображеній, поддерживалъ теорію урало-алтайскаго происхожденія Гунновъ. *(См. прилож.)*.

5. Н. Ч. Общества *Д. Н. Анучинъ*, разсмотрѣвъ съ антропологической стороны свидѣтельства источниковъ о Гуннахъ, вывелъ заключеніе, что въ этихъ свидѣтельствахъ упоминаются всѣ отличительныя черты монгольскаго типа. Кромѣ антропологическихъ доказательствъ туранства Гунновъ, *Д. Н. Анучинъ* представилъ и этнографическія доказательства. (См. прилож.).

6. Почетный членъ Общества *Е. Ар. Покровскій* и н. ч. *Н. Ю. Зографъ* сдѣлали дополненіе по вопросу о деформаціи череповъ.

7. Въ виду недостатка времени, д. ч. *К. Н. Иковъ* и секретарь отдѣла *В. М. Михаловскій*, записавшіеся въ число возражателей, отказались участвовать въ преніяхъ.

Отвѣты *Д. И. Иловайскаго* въ протоколѣ не упоминаются, такъ какъ референтъ помѣстилъ ихъ въ № 15 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за текущій годъ. Болѣе подробное изложеніе замѣчаній по поводу сообщенія *Д. И. Иловайскаго*, представленныхъ *Н. А. Поповымъ*, *В. Ѳ. Миллеромъ*, *Ѳ. Е. Коршемъ* и *Д. Н. Анучинымъ* прилагается къ настоящему протоколу.

I.

Замѣчанія Н. А. Попова на сообщеніе Д. И. Иловайскаго о народности Гунновъ.

Н. А. Поповъ, возражавшій первымъ на рефератъ, прочитанный *Д. И. Иловайскимъ* въ предшествовавшемъ засѣданіи, началъ съ замѣчанія, что вопросы, подобные предложенному референтомъ, никогда еще не были разрѣшаемы въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и не могутъ получить окончательнаго рѣшенія такимъ путемъ. Конечно и вопросъ о народности Гунновъ, надъ которымъ наука трудилась около полутораста лѣтъ, подлежитъ той же участи. Сказавъ о постановкѣ, какую далъ ему *Д. И. Иловайскій*, *Н. А. Поповъ* выразился такъ: «Когда поднимается кѣмъ либо совершенно новый вопросъ въ наукѣ и предлагается его рѣшеніе, тогда не представляется надобности устранять какія либо другія его рѣшенія. Но если

пересматривается старый вопросъ и предлагается новое рѣшеніе для него, то предлагающій таковое обязанъ предварительно разсмотрѣть всѣ прежнія мнѣнія о томъ же предметѣ, подвести ихъ подъ категоріи и опровергнуть ихъ, чтобы, расчистивъ такимъ образомъ почву, тѣмъ тверже поставить свое рѣшеніе». *Д. И. Иловайскій*, по мнѣнію г. *Попова*, не исполнилъ этого: утверждая, что у древнихъ писателей нѣтъ нигдѣ прямаго указанія на черты монгольскаго типа у Гунновъ, и потому отвергая теорію ихъ монгольскаго происхожденія, онъ главнымъ образомъ говорилъ противъ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу этой теоріи въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія французскимъ писателямъ Дегиньемъ и ближайшими его послѣдователями. Главнымъ доказательствомъ Дегинь считалъ извѣстіе китайскихъ лѣтописей о монгольскомъ племени Гіонгну. Но вѣдь еще ранѣе почтеннаго референта Шафарикъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» назвалъ догадку Дегинья недоразумѣніемъ, а Гельвальдъ въ своей «Культурной Исторіи» сплошной баснею. Стоило ли послѣ этого труда опровергать Дегинья? Было бы гораздо полезнѣе для дѣла, если бы г. *Иловайскій* возражалъ новѣйшимъ сторонникамъ этой теоріи: Нейману (*Die* Völker des südlichen Ruszland in ihrer geschichtlichen Entwickelung 1847) и Пальману Die Geschichte der Völkerwanderung, 1863), или сторонникамъ урало-алтэйскаго происхожденія Гунновъ, къ коимъ примыкаютъ и считающіе Гунновъ угро — финнскимъ племенемъ съ тюрко-татарскою примѣсью. *Д. И. Иловайскій* совершенно умолчалъ объ австро-венгерскихъ писателяхъ, изъ коихъ одни поддерживали и развивали эти теоріи, а другіе возражали имъ. Онъ вовсе не говорилъ о мнѣніяхъ Прая, Арани, Сабо, (переводчика извѣстнаго сочиненія Тьерри на Мадьярскій языкъ), Феслера («Венгерская Исторія» коего въ послѣднее время переработана Клейномъ), Бюдингера и Павла Гунфальви. Сочиненіе послѣдняго въ переводѣ Швикера «Ethnographie von Ungarn» (1877), гдѣ обстоятельно разсматривается вопросъ о народности Гунновъ, хотя и отвергается происхожденіе мадьяръ отъ нихъ, было бы особенно важно въ данномъ случаѣ. Въ австро-венгерской литературѣ можно встрѣтить нѣсколько изслѣдованій, въ коихъ опредѣленъ путь, которымъ пришли Гунны въ Венгрію, и мѣстности, въ которыхъ они пребывали, находясь въ оной,—въ коихъ разъяснены средне-вѣковыя преданія о Гуннахъ, разработана исторія гуннскаго движенія и сдѣланы попытки открыть археологическіе слѣды ихъ быта. Нельзя оставлять въ сторонѣ всѣ эти изслѣдованія, хотя между собою и несогласныя, но относящіяся къ мѣстопребыванію Гунновъ въ эпоху ихъ наибольшаго могущества. Разсмотрѣть ихъ *Н. А. Поповъ* считалъ обязательнымъ для референта, высказывающагося противъ монгольскаго, урало-алтайскаго, тюрко-татарскаго происхожденія Гунновъ. Напрасно также, по мнѣнію *Н. А. Попова*, *Д. И. Иловайскій* ссылался на то, что въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и германскихъ сагахъ Аттила и другіе гунскіе вожди называются иногда Славянами. Есть также саги, смѣшивающіе гунскихъ вождей съ германскими; а въ Хроникѣ Фредегара (по переводу Отто Абеля, гл. 48, стр. 32) Гунны и Славяне рѣзко отличаются другъ отъ друга: «Jedes Jahr kamen die Chunen zu den Slaven, um bei ihnen zu überwintern, dann nahmen sie die Weiber und Töchter der Slaven und schliefen bei ihnen und zu den übrigen Misshandlungen mussten die Slaven den Chunen noch Abgaben zahlen».

Но самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ *Н. А. Поповъ* противъ выраженія, употребленнаго *Д. И. Иловайскимъ* въ рефератѣ, заслушанномъ въ предшествовавшемъ засѣданіи этнографическаго отдѣла: будто бы о первомъ появленіи Славянъ въ Европѣ ничего не извѣстно; они какъ-то внезапно появились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были Гунны. Не говоря уже о томъ, что изслѣдованія Суровецкаго и Шафарика указывали на существованіе Славянъ въ Европѣ до Гунновъ, что отчасти подтверждалось Мацѣевскимъ и Лелевелемъ,— сколько новыхъ позднѣйшихъ изслѣдованій, появившихся въ славянскихъ литературахъ, начиная съ русскихъ сочиненій Гильфердинга и Дринова, или Шемберы у Чеховъ, доказали появленіе Славянъ въ Европѣ въ самые первые вѣка по Р. Хр., т. е. до Гунновъ? Игнорировать этихъ изслѣдованій нельзя, когда есть наклонность доказывать славянскую народность Гунновъ. Въ послѣднее время появленіе Гунновъ въ Прикарпатскихъ странахъ уже признается историками за движеніе, спасшее на время Славянъ отъ владычества Готовъ, но подчинившее ихъ Гуннамъ; причемъ Гунны играютъ роль заправителей всей борьбы, а Славяне занимаютъ положеніе подчинившихся ихъ союзниковъ. Затѣмъ писатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія дѣйствительно указывали иногда на появленіе Славянъ или, лучше сказать, первыхъ славянскихъ союзовъ подъ этимъ народнымъ именемъ послѣ паденія Гунновъ, но они указывали на это съ тою именно цѣлію, что такое появленіе многочисленныхъ Славянъ въ Европѣ не могло быть внезапнымъ, и что они должны были явиться въ ней за долго до Гунновъ, хотя и подъ другими именами. Эти имена извѣстны наукѣ. Славяне имя позднѣйшее, первоначальное же имя ихъ извѣстно изъ тѣхъ названій, которыя давались Славянамъ сосѣдними народами: Греками и Римлянами, Германцами и Финнами. Послѣ этого *Н. А. Поповъ* подробно изложилъ существующія въ наукѣ и признанныя славянскими филологами и историками нашего времени сближенія и объясненія названій: Вендъ, Виндъ,

Венедъ, Виндъ, Венетъ, Веитъ, Венне, Антъ, Энетъ, Генетъ и т. д. Подъ этими однородными названіями извѣстны были своимъ сосѣдямъ, еще до прихода Гунновъ, первыя славянскія поселенія въ Европѣ, и эти имена встрѣчаются до сихъ поръ въ безчисленныхъ названіяхъ мѣстныхъ, въ безчисленныхъ памятникахъ историческихъ, въ титулахъ разныхъ нѣмецкихъ владѣтелей, унаслѣдовавшихъ мѣста древнихъ славянскихъ поселеній, даже въ фамильныхъ прозвищахъ, и идутъ по всей западной границѣ славянскаго племени, гдѣ оно соприкасалось и соприкасается съ финскими и германскими племенами, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго. Такъ какъ считается доказаннымъ (и *Д. И. Иловайскій* не отвергаетъ этого), что подъ вышеприведенными названіями извѣстна была въ началѣ среднихъ вѣковъ славянская народность, то конечно Гунны среди Славянъ были только пришельцами.

Далѣе *Д. И. Иловайскій* ссылался на то, что будто бы подтвержденіемъ принадлежности Гунновъ къ славянскому племени служатъ и археологическія раскопки *Д. Я. Самоквасова* въ мѣстахъ, гдѣ прежде были Гунны,—раскопки, неоткрывшія ничего чуждаго славянскому типу. На это *Н. А. Поповъ* замѣтилъ: «Исторія помнитъ мѣста, гдѣ были Гунны, начиная отъ прикаспійской низменности, гдѣ зналъ ихъ Моисей Хоренскій, продолжая Утулькузомъ и Гуниваромъ, о которыхъ вмѣстѣ съ лагеремъ Аттилы, куда ѣздилъ Прискъ, такъ много говорится у австро-венгерскихъ историковъ, и до полей Каталаунскихъ, гдѣ пала сила Гунновъ; но не помнится, чтобы г. *Самоквасовъ* производилъ археологическія раскопки въ только что названныхъ мѣстностяхъ. Остается думать, что *Д. И. Иловайскій*, считая гунское племя Сабиръ за славянское племя Сѣверянъ, разумѣлъ раскопки въ Черниговской губерніи; если это такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что названному археологу не встрѣтилась въ этой «прежде погибшей» Сѣверской Украйнѣ ничего чуждаго славянскому міру.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній *Н. А. Поповъ* повторилъ мысль, высказанную въ началѣ ихъ: при пересмотрѣ стараго въ исторической наукѣ вопроса прежде, чѣмъ высказывать новую теорію, къ тому же основывающуюся лишь на нѣкоторыхъ источникахъ изъ числа относящихся къ разсматриваемому вопросу, необходимо пересмотрѣть обстоятельнѣе все то, что уже сдѣлано въ наукѣ по тому же предмету.

II.

Замѣчанія В. Ѳ. Миллера по тому же вопросу.

В. Ѳ. Миллеръ началъ съ замѣчанія, что референтъ не ограничивается критикою общепринятой теоріи, видящей въ гуннахъ урало-алтайскую орду, но предлагаетъ и положительное рѣшеніе вопроса о національности—Гунновъ. «Положимъ, что урало-алтайская теорія не выдерживаетъ критики, но если Гунны не урало-алтайскаго племени, отсюда еще не слѣдуетъ, что они были Славянами. Для доказательства славянства Гунновъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, доказать, что во 1) языкъ Гунновъ былъ Славянскій, во 2) что внѣшній видъ, обычаи, образъ жизни, религіозная понятія, нравственныя свойства Гунновъ сходны со славянскими; въ 3-хъ, что мѣста, откуда явились Гунны въ Европу, были населены Славянами и, въ 4-хъ, разъяснить, почему писатели, знавшіе одновременно и Славянъ и Гунновъ, ничего не говорятъ о ихъ тожествѣ.

I. Лингвистическія доказательства референта сводятся главнымъ образомъ къ тремъ славянскимъ словамъ, которыя онъ находитъ у Гунновъ. Эти слова *медъ* и *камъ*, которыя слышалъ Прискъ, проѣзжая съ посольствомъ къ ставкѣ Аттилы. Въ первомъ референтъ видитъ славянское названіе напитка медъ, во второмъ предполагаетъ испорченное слово квасъ. На это можно замѣтить, что слово μέδος встрѣчается у Приска, какъ мѣстное названіе напитка (ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος) безъ ясныхъ указаній на то, что именно Гунны на своемъ языкѣ называли извѣстный напитокъ медомъ. Прискъ говоритъ только, что посольству изъ деревень по пути мѣстное населеніе доставляло просо, медъ и камъ. Но гунны едва-ли были въ Паннонія жителями деревень, осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Поэтому болѣе, чѣмъ вѣроятно, что мѣстное названіе, которое Прискъ передаетъ въ формѣ μέδος, было не собственно гуннское, а если ими и употреблялось, то перешло къ нимъ вмѣстѣ съ напиткомъ отъ туземнаго осѣдлаго населенія Панноніи, которое въ племенномъ отношеніи совершенно отличалось отъ Гунновъ. Названіе почти однозвучное для меда (напитка) находимъ у кельтовъ (mid и med), германцевъ (др. саксон. medu, др. верхне-нѣмец. metu) и у Славянъ: медъ. Поэтому присвоивать присково μέδος исключительно Славянамъ и видѣть въ этомъ доказательство славянства Гунновъ нѣтъ основанія. Слово камъ (κάμος) не существуетъ въ славянскихъ языкахъ и потому должно быть оставлено въ сторонѣ въ вопросѣ о славянствѣ Гунновъ. Происхожденіе и національность этого слова не могутъ быть съ точностью опредѣлены, а предпологать въ немъ искаженіе славянскаго слова квасъ (которое въ разныхъ слав. нарѣчіяхъ означаетъ совершено различные напитки и кислоты, какъ то кислое молоко, закваску, пиво, пивныя дрожжи, тѣсто, кислоту и друг.) нѣтъ основанія. Что касается 3-го яко-бы гунскаго слова страва (у Іордана), то, если даже и считать его славянскимъ, нужно принять въ расчетъ, при

какихъ обстоятельствахъ оно упоминается. Оно приводится Іорданомъ въ описаніи похоронныхъ обрядовъ, совершенныхъ надъ трупомъ Аттилы. Но Аттила умеръ на славянской почвѣ, жилъ среди осѣдлаго славянскаго населенія, поэтому немудрено, что къ обрядамъ гунскимъ могла присоединиться и Славянская страва. Во всякомъ случаѣ одно слово не можетъ послужить ни къ какимъ выводамъ о языкѣ Гунновъ.--Относительно собственныхъ именъ Гунновъ референтъ замѣтилъ,что филологія не умѣетъ и ни будетъ умѣть разъяснить ихъ алтайское значеніе. На это *В. Ѳ. Миллеръ* возразилъ, что филологія можетъ уже теперь заявить, что между 35 именами Гунновъ, упоминаемыми у разныхъ писателей, нѣтъ ни одного славянскаго, и разсмотрѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ.

1) Нѣкоторыя кончаются на gan, kan (ханъ).

Zaber-gan	Ср. имя Curpa-gan Хорассан. султана,
Au-gan	Шару-канъ (у половцевъ), Тугор-
Ai-gan	канъ (у нихъ-же) и другія.

2) Къ тюркс. именамъ относятся Денгизихъ (срав. dengiz—море); Мама.

3) Ойбарсъ ср.Багу-барсъ (половецъ).

4) Куридахъ,ср.Половец.именаКуртокъ,Куртыкъ.

5) Имена на-ger:Iliger, Moager, Elmingir (Срав. Едигеръ царь Казанскій).

6) Имена на-ахъ:Ирнахъ, Ульдахъ, Куридахъ, Волахъ.

7) Имя Апсихъ встрѣчается у Аваровъ.

8) Кутил-зисъ; срав. для первой части имена: Кутлу-бугъ, Кутлу-бій (въ руск. лѣтоп.).

9) По славянски какъ будто звучатъ: Валамеръ, но при этомъ имени есть варіантъ Balamber; Bleda, но мѣшаетъ конечное а и варіанты Vlidas и Vdela. Референтъ упоминаетъ еще гунск. князя около Боспора—Горда, принявшаго христіанство въ 528 г. Имя Gordas могло бы быть слав. Гордъ, но затрудняетъ окончаніе as, братъ же этого князя носитъ уже совсѣмъ не славянское имя Муагеръ (срав. выше).

Выводъ тотъ, что нельзя доказать, что Гунны говорили по славянскі.

II. Сходство этнографическое. Сравнимъ изображеніе Славянъ у средневѣковыхъ писателей съ изображеніемъ Гунновъ.

1) Славяне, по Прокопію, живутъ въ отдаленныхъ одна отъ другой хижинахъ. По Маврикію (582—602) Славяне и Анты живутъ въ трудно доступныхъ мѣстахъ подлѣ рѣкъ и озеръ, дѣлая въ своихъ строеніяхъ множество выходовъ. Гунны-же кочуютъ въ кибиткахъ (Аммiанъ Марцеллинъ), не имѣютъ крытыхъ жилищъ, бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ могилъ. У нихъ нѣтъ даже хижинъ,покрытыхъ тростникомъ, гунъ не считаетъ себя безопаснымъ подъ кровлей. Онъ почти не сходитъ съ лошади.

2) Славяне, по Прокопію, чрезвычайно сильны и высокаго роста, неособенно бѣлаго цвѣта и съ нѣсколько бѣлокурыми волосами.

Гунны малы ростомъ (exigui forma, по Іордану), страшно черны (pavenda nigredine).

3) Виниды, по Тациту, въ отличие отъ конныхъ Сарматовъ сражаются пѣшими, вооруженные щитами; по Прокопію, Славяне въ битвахъ сражались пѣшіе и почти нагіе, будучи вооружены пращей и щитомъ; по Маврикію, каждый Славянинъ и Антъ вооруженъ двумя копьями, а нѣкоторые очень тяжелыми щитами (конечно пѣшіе); они употребляютъ также деревянные луки и маленькія стрѣлы, напитанныя ядомъ.

Гунны сражаются исключительно конные и неуклюжи, если сходятъ съ коней (Амм. Марцел.). Они съ коней отлично пускаютъ дротики съ костянымъ остріемъ и стрѣлы.

4. Славяне занимаются земледѣліемъ. По Маврикію, — у нихъ много хлѣба всякаго сорта, особенно проса. Еще за долго до вторженія Гунновъ, въ періодъ нераздѣльной жизни Славянъ, у нихъ было земледѣліе и огородничество, какъ свидѣтельствуетъ общность названій для культурныхъ растеній. По изслѣдованію Будиловича уже въ праславянскомъ языкѣ были названія для 7 видовъ хлѣбныхъ злаковъ, и съ десятокъ названій огородныхъ овощей. Это свидѣтельствуетъ о глубокой давности земледѣльческой культуры у Славянъ.

Гунны сравнительно съ этимъ представляются дикарями (у Аммiана Марцеллина). Они питаются дикорастущими кореньями и полусырымъ мясомъ; не знаютъ земледѣлія.

5: Славяне, по Прокопію, покланяются богу творцу молніи и господу вселенной, почитаютъ также рѣки, русаловъ (νύμφας) и другія священныя существа.

О развитии религіознаго культа, преимущественно у балтійскихъ Славянъ, говорятъ болѣе поздніе лѣтописцы. Очевидно культъ существовалъ съ давнихъ временъ. О язычествѣ русскихъ также есть свѣдѣнія.

По Аммiану Марцеллину, ни истинная ни ложная религія не связываетъ гунновъ никакимъ почитаніемъ. Прискъ въ домѣ Аттилы не наблюдалъ никакихъ обрядовъ. Извѣстно только, что Аттила вѣрилъ въ судьбу и прибѣгалъ къ гаданію, причемъ собиралъ волхвовъ всѣхъ народовъ и сличалъ ихъ показанія. Гунны гадали бараньими лопатками и это гаданье еще въ XIII и XIV в. сохраняло свою силу при дворѣ потомковъ Чингизъ-Хана.

6. По словамъ Д. И. Иловайскаго, Прискъ, посѣтившій столицу Аттилы, ни одной чертою, ни одной фразой не подкрѣпляетъ теорію о мнимой урало-алтайской народности Гунновъ. Спрашивает-

-ся, какія несомнѣнныя черты свидѣтельствуютъ о славянствѣ Гунновъ? Что у Аттилы былъ дворецъ деревянный, искусно построенный—еще не доказываетъ, чтобъ его строили Гунны. И при дворѣ Чингизъ-Хана были лучшіе мастера изъ покоренныхъ имъ народовъ. Такъ какъ Аттила имѣетъ резиденцію въ странѣ со славянскимъ населеніемъ, то немудрено, что и архитектура домовъ, и обычаи, и обстановка напоминаютъ славянскіе, хотя въ тоже время многое равно принадлежитъ и другимъ народамъ. Придворный шутъ Аттилы былъ шутомъ у Аэція и въ другихъ мѣстахъ, (Прискъ разсказываетъ его исторію), пѣвцы и музыканты при дворѣ извѣстны у всѣхъ народовъ. Нужно помнить, что Аттила, бывшій товарищъ дѣтства Аэція, родившійся не за Танаисомъ, а въ Европѣ, отлично знавшій состояніе западной и восточной римской имперіи, ловкій и изворотливый политикъ, человѣкъ, любившій роскошь придворной обстановки, а самъ щеголявшій простотою, вовсе не дикарь и не такой гуннъ, который всю жизнь проводитъ на конѣ и питается полусырымъ мясомъ. При дворѣ его были и римляне и византійцы, его первый министръ Онегисій, какъ полагаютъ, былъ грекъ. Онъ построилъ баню, по образцу римскихъ термъ, при помощи греческаго архитектора.—Изъ молчанія Приска о наружности Гунновъ, Д. И. Иловайскій выводитъ, что наружность Гунновъ не была безобразна. Но Прискъ, родомъ изъ Ѳракіи, которая часто опустошалась Гуннами, конечно не впервые видѣлъ народъ, къ которому ѣхалъ. Гунновъ можно было нерѣдко видѣть въ Византіи, Гунны были на римской службѣ; странно было бы ждать, чтобъ членъ посольства, въ разсказѣ о своемъ путешествіи, описывалъ наружность народа, хорошо извѣстнаго его читателямъ. Что Аттила заботился о торговлѣ съ Византіею—это свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ зналъ нужды своего государства, и ничего не говоритъ ни о славянствѣ, ни о монгольствѣ его.

Выводъ: ни одна этнографическая черта не указываетъ въ Гуннахъ несомнѣнныхъ славянъ.

III. *Родина Гунновъ* не совпадаетъ съ родиной Славянъ.

Во 2-омъ в., по Птолемею (ок. 175 г.), Венеды сидятъ по всему Венедскому заливу; за Дакіей Певки и Бастарны, на Мэотійскомъ побережьѣ Языги и Роксоланы. По Іордану (6 в.) и на сѣверѣ отъ Гепидовъ, по Вислѣ, живетъ «Winidarum natio populosa». Главныя имена Винидовъ—Sclavini и Antes. Antes сидятъ отъ Днѣстра до Дуная. Надъ Чернымъ моремъ сидятъ Bulgari. Въ 4-мъ в., раньше прихода Гунновъ, Готскій царь Эрманрихъ покорилъ Венетовъ, Антовъ и Славянъ и рядъ другихъ народовъ—Scythas, Thiudos (Чудь?) Vasinabroncas, Merens (Мерю?) Mordensimnis (Мордву?), Caris, Rocas, Tadzans, Athual, Navego, Bubegentes, Coldas и Herulos. Есть-ли несомнѣнныя указанія на то, что Славяне сидѣли далёко на востокѣ за Дономъ? Между народами, перечисляемыми Птолемеемъ въ Европейской Сарматіи, нельзя указать на Славянъ, живущихъ на Дону. На Дону сидятъ: Офлоны, Танаиты, Осилы; по сю сторону Мэотиды: Роксоланы и Языги. На западъ отъ Языговъ: Амадоки, Бастарны, затѣмъ: Карпы, Певкины; между Amodora Palus и Борисѳеномъ Гевины; между Борисѳеномъ и Алаунскими горами—Гамаксобіи; на юговостокъ отъ нихъ: Хуни, Эксобигиты, Ракаланы, Сагартіи и Каріоны—всѣ между Гамаксобіями, Языгами и Роксоланами: затѣмъ Алауны на сѣверѣ между Алаунскими и Рифейскими горами, Бодины на югозападъ отъ нихъ между Будинскими горами и верховьями Днѣпра, Кистобоки на западъ отъ бодиновъ.

Если въ восточныхъ частяхъ европейской Сарматіи, т. е. по сю сторону Дона нельзя указать Славянъ, то тѣмъ менѣе можно ихъ найти въ народныхъ племенахъ, перечисляемыхъ Птолемеемъ въ Азіатской Сарматіи за Дономъ.

Да это никто и не пытался сдѣлать. Что же говорятъ источники о Гуннахъ? Кромѣ неопредѣленнаго указанія на народъ χουνοι у Птолемея, всѣ источники сходятся въ томъ, что Гунны жили прежде въ Азіи за Танаисомъ. Переправившись чрезъ эту рѣку (при ея устьѣ), они покорили Аланъ, затѣмъ Остготовъ.

Выводъ тотъ, что Гунны пришли въ Европу въ 4 в. съ востока изъ такихъ странъ, гдѣ нельзя предполагать Славянъ.

IV. Почему писатели, знавшіе Гунновъ и Славянъ, не говорятъ о ихъ тождествѣ? Такъ Іорданъ *) отлично различаетъ Sclavenos и Antes и Hunnos; Амміанъ Марцелинъ, служившій въ военной службѣ и конечно видѣвшій Гунновъ въ римск. войскахъ, также не смѣшиваетъ ихъ со Славянами; Прокопій, говоря, что Славяне, по простотѣ быта, похожи на Массагетовъ (Гунновъ), этимъ самымъ различаетъ оба народа. Тотъ же историкъ говоритъ, что, тѣснимый Сарацинами, Миданами, Славянами и Антами, Юстиніанъ привлекалъ на службу Гунновъ (слѣд. начало 6-го вѣка); въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ о вторженіи Гунновъ съ Антами и Славянами въ римскую область Ѳракію и Иллирію; Юстиніанъ обѣщаетъ Антамъ городъ Туррисъ за Дунаемъ, чтобъ они защищали имперію отъ вторженія Гунновъ (546 г.).

Дѣйствительно, позднѣйшіе писатели называютъ Славянъ Гуннами. (Ѳеофанъ, Кедринъ). Въ Эддѣ, въ пѣснѣ Quida Guthrúnar Guikadottr, гунскіе богаты-

---

*) Онъ былъ родомъ Готъ (м. б. Аланинъ); его дѣдъ былъ нотаріемъ у Аланскаго царя и слѣдовалъ за Аттилой въ его походахъ.

ри носятъ славянскія имена, напримѣръ. Jarizleifr—Ярославъ. — Гельмольдъ говорить, что Руссія, по обитавшимъ въ ней нѣкогда Гуннамъ, называлась Chunigard и т. п. Но всѣ эти факты давно извѣстны и находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что Гунны временъ Аттилы жили среди Славянъ, покоривъ ихъ и вѣроятно подвергнувшись культурному вліянію своихъ подданныхъ и ославяненію. Нужно различать Гунновъ—дикарей степняковъ, вторгнувшихся изъ за Дона въ 375 г., отъ Гунновъ пятаго вѣка уже окультуровавшихся и Гунновъ частью затерявшихся въ славянской средѣ, частью вернувшихся къ Hunnivar, частью поселившихся осѣдло въ предѣлахъ имперіи.

Резюмируя вышеприведенныя замѣчанія, В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ выводъ, что не считаетъ доказаннымъ, во 1), что языкъ Гунновъ былъ языкъ славянскій, во 2), что бытъ, нравы и образъ жизни Гунновъ представляютъ сходство со славянскими, въ 3), что мѣста, откуда пришли Гунны въ 4-мъ вѣкѣ, были населены Славянами или смежны со славянскими поселеніями, въ 4), что оставленъ неразъясненнымъ вопросъ, почему писатели, знавшіе и Гунновъ и Славянъ ничего не говорятъ о тожествѣ тѣхъ и другихъ. Въ виду этого В. Ѳ. Миллеръ считаетъ славянство Гунновъ недоказаннымъ.

III.

Замѣчанія Ѳ. Е. Корша по тому же вопросу.

Ѳ. Е. Коршъ началъ свои замѣчанія съ указанія на то, что, такъ какъ Д. И. Иловайскій ставитъ народность Гунновъ въ зависимость отъ народности Болгаръ, отождествляя оба народа, то съ его точки зрѣнія не слѣдовало бы ставить вопросъ о Гуннахъ отдѣльно отъ Болгарскаго, и что потому же возраженія противъ его теоріи о происхожденіи Гунновъ относятся и къ его ученію о Болгарахъ. Затѣмъ, переходя къ разсмотрѣнію сообщенія Д. И. Иловайскаго, по поводу его замѣчанія, что Гунны не могли внезапно исчезнуть, чтобы уступить мѣсто Славянамъ, Ѳ. Е. Коршъ напомнилъ объ Histoire d'Attila et de ses successeurs Амедея Тьерри, который прямо заявляетъ въ предисловіи къ этому сочиненію, что оно направлено именно противъ этого предразсудка о внезапной пропажѣ Гунновъ; въ самой книгѣ онъ показываетъ, какъ Гунны мало по малу исчезли въ толпахъ родственныхъ имъ народовъ, постоянно прибывавшихъ съ Востока. Д. И. Иловайскій думаетъ, что туранская теорія происхожденія Гунновъ основана на регорическихъ описаніяхъ этого народа у латинскихъ писателей; у нихъ же онъ находитъ только преувеличенія безъ всякихъ положительныхъ чертъ. Но 1) эта теорія основана не только на антропологическихъ признакахъ, 2) въ древнихъ описаніяхъ можно найти и положительныя указанія на типъ, хотя они и не могутъ быть такъ точны, какъ того требуетъ невѣдомая тогда этнографія. Кромѣ чертъ, упомянутыхъ уже В. Ѳ. Миллеромъ, Ѳ. Е. Коршъ обратилъ вниманіе на то, что о малыхъ размѣрахъ глазъ говорятъ Аполлинарій Сидоній и Іорнандъ (въ описаніи Аттилы). Первый свидѣтельствуетъ также объ ихъ коротконогости, которая составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ нѣкоторыхъ Тюрковъ, напр. Киргизовъ. Что касается сходства гунскихъ нравовъ и обычаевъ со славянскими, то и здѣсь много весьма сомнительнаго. Приводимое Д. И. Иловайскимъ выраженіе Прокопія, что Славяне «имѣютъ гунскіе нравы», можно точно такъ-же истолковать противъ его теоріи: будь Гунны Славянами, эта характеристича имѣла бы столько-же смысла, какъ если бы кто Славянамъ вздумалъ приписать напр. чешскіе нравы. Справедливо замѣчаетъ онъ, что при сравненіи разныхъ народовъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ остерегаться сближеній на основаніи чертъ обще-человѣческихъ или свойственныхъ не опредѣленной народности, а извѣстной степени культуры. Но поэтому не слѣдовало видѣть нѣчто славянское въ обычаѣ Гунновъ подпоясываться низко (у Аполлинарія Сидонія): такъ подпоясываются и нѣкоторые другіе народы, между прочимъ Татары и Монголы. За то привычка Гунновъ къ лошади въ такихъ размѣрахъ, что они почти жили на конѣ, представляетъ въ противность мнѣнію Д. И. Иловайскаго нѣчто больше, чѣмъ послѣдствіе тогдашнихъ условій жизни Гунновъ: Славяне, будучи въ то время также полукочевымъ народомъ, дрались пѣшкомъ и даже впослѣдствіи, не смотря на степныя войны, по необходимости конныя, не превратились въ конниковъ. Употребленіе лодокъ-однодеревокъ при переправѣ черезъ Дунай (по Приску) ничего не говоритъ о славянствѣ, хотя и Славяне, точно, употребляли ихъ: однодеревки (или душегубки, если онѣ малыхъ размѣровъ) извѣстны очень многимъ народамъ, въ томъ числѣ и Урало-Алтайскимъ; напр. Эсты и теперь плаваютъ на нихъ даже по Балтійскому морю. Кромѣ того нельзя утверждать, что перевозчиками Приску и его спутникамъ служили Гунны: это могли быть и Славяне, — народъ, извѣстный своей привычкой къ водѣ. Во всякомъ случаѣ неестественно предполагать у конныхъ кочевниковъ, какими являются Гунны, существованіе особыхъ, ими изобрѣтенныхъ судовъ. Если Аттила жилъ не въ юртѣ, а въ деревянныхъ палатахъ, то и изъ этого ничего нельзя выводить: онъ уже не кочевалъ, а жилъ осѣдло въ своей столицѣ. Притомъ этотъ дворецъ могъ быть выстроенъ и не Гуннами, какъ тамъ-же бани Онигисія. Нѣтъ ничего специально славянскаго и въ пирѣ

Аттилы «съ пѣвцами его военныхъ подвиговъ (баянами)»*).

Д. И. Иловайскій въ числѣ «явнославянскихъ» именъ у Болгаръ называетъ Баяна и Бориса. Но Баянъ есть монг. баянъ—богатый; такъ назывался и знаменитый каганъ Аварскій. Борисъ не допускаетъ славянской этимологіи, а отношеніе этой формы къ болѣе полной Вогорисъ представляетъ нѣчто монгольско-тюркское—выпускъ ɩ между гласными и затѣмъ стяженіе ихъ.

Что до языка Гунновъ, то изъ мѣста Приска о разныхъ языкахъ у нихъ (если оно не испорчено) никакъ нельзя вывести, что языкъ Скиѳовъ значитъ языкъ «Чехо-Моравовъ, или Словаковъ, или Сербовъ и Хорватовъ, т. е. вообще западно славянской группы (западной отъ Карпатъ)» — тѣмъ болѣе, что такой группы нѣтъ и не бывало. Изъ сохранившихся будто-бы гунскихъ словъ камосъ не можетъ быть отождествлено съ словомъ квасъ: у Приска χαμον въ вин. пад. безо всякихъ признаковъ рода; стало быть у насъ въ распоряженіи только χαμ —, откуда до кваса довольно далеко. Впрочемъ квасъ или подобные ему напитки есть и у Урало-алтайцевъ. Μεδος и strava принадлежатъ, вѣроятно, не Гуннамъ, а жившимъ между ними Готамъ и Славянамъ.

Объ именахъ собственныхъ Д. И. Иловайскій говоритъ слѣдующее: «Валамiръ (или Велемiръ), Мундюхъ, Донатъ, Харатонъ, Руа, Оиварсій, Блѣдъ, Денгизихъ, Еллахъ, Ирна, Атакамъ, Мама, Верихъ, Едеконъ, Исла, Онѣгизій (Нѣгошъ), Скота, Эскама, Крека, Васихъ, Курсихъ. Что-же особенно урало-алтайскаго въ этихъ именахъ? Если филологія пока не умѣетъ раскрыть ихъ арійское значеніе, то еще менѣе она можетъ доказать ихъ татарское или гунское происхожденіе». Для такого вопроса необходимы положительныя мѣрила урало алтайскаго характера словъ, а таковыя у Д. И. Иловайскаго не приводятся. Индо-европейскаго происхожденія этихъ именъ филологія никогда не докажетъ, не говоря уже въ частности о славянскомъ, которому прямо противорѣчатъ гласныя въ концѣ Δεγγιζίχ, Ellac, Ἀταχάμ и т. п.), сочетаніе ур+согласная (въ Κουρσίχ) и др.; а если они напоминаютъ какіе-нибудь языки, то именно тюркскіе. При этомъ несправедливо высказанное Д. И. Иловайскимъ требованіе, чтобы языкъ Гунновъ былъ отождествленъ съ какимъ-нибудь изъ существующихъ въ наши дни урало-алтайскихъ языковъ: это былъ языкъ тюркскій, такъ же какъ турецкій, киргизскій, джагатайскій, но особый—гунскій, теперь, можетъ быть, совершенно вымершій и который поэтому можетъ быть выясненъ, на сколько это допускаетъ скудность матеріала, только путемъ взаимнаго сравненія тюркскихъ языковъ. Что касается приведенныхъ именъ, то Ойбарсій состоитъ изъ тюркскихъ ой — равнина и барс — барсъ, т. е. по значенію, вѣроятно, тур.—татарскому юл барс — тигръ. Харатонъ—тюрк. кара тон — черная верхняя одежда (шуба, кафтанъ и т. п.). Руа или Руга ср. тат. ру или ругъ, уругъ—родъ, родственникъ. Берихъ — тюрк. берик крѣпкій. Басихъ — тюрк. басык скромный. Мама объяснено вполнѣ удовлетворительно Вс. Ѳ. Миллеромъ (Мамай). Для объясненія нѣкоторыхъ именъ важенъ обычай Тюрковъ давать имена въ видѣ предложеній, относящихся къ обстоятельствамъ рожденія или будущему ребенка. Такъ Киргизы и доселѣ называютъ дѣтей бай-болсун—да будетъ богатъ, ураз кильди—счастіе пришло и т. п., между прочимъ часто намекая на полъ новорожденнаго. Таково, по видимому, и имя Баламиръ (Balamir у Іорнанда)—тат. бала-м ир—дитя мое мужчина (ир-бала мужчина — дитя-мальчикъ) *). Объясненіе другихъ именъ требуетъ, конечно, особыхъ изысканій, но, очевидно, не въ славянскихъ языкахъ. Изъ тѣхъ именъ слѣдуетъ устранить Бледу или Блету (Іорн.), такъ какъ такъ-же назывался и аріанскій епископъ, посланный Восточнымъ императоромъ Маркіаномъ къ Гензериху,—вѣроятно, Готъ; а Гунны носили иногда и готскія имена, напр. Attila — уменьшит. отъ atta отецъ, по вѣрному объясненію Шафарика. Онегесій (или Онигисій, но отнюдь не Онѣгизій) есть имя греческое; и носитель его (у Приска) не Гуннъ, а только жилъ среди Гунновъ. Народность Ислы и Креки неизвѣстна. Донатъ можетъ быть лат. Donatus. Въ своемъ рефератѣ (а не въ статьѣ) Д. И. Иловайскій упоминаетъ «славянскія» имена Гунновъ—Гордъ и Хорсоманъ. Но Гордъ странно въ качествѣ славянскаго имени потому-же, почему и Блѣдъ (!): у Славянъ имена бываютъ не прилагательныя, а производныя отъ нихъ или сложныя, какъ тѣ, съ которыми г. Иловайскій сравниваетъ Горда, — Гордята и Вьегърдъ **). Что-же касается Хорсомана (по г. Иловайскому, изъ Хорсъ+нѣм. Mann), то единственный источникъ, упоминающій этого воина (Прокопій B. Goth I 16), называетъ его Массагетомъ.

По поводу собственныхъ именъ Ѳ. Е. Коршъ сказалъ прежде, чѣмъ приступилъ къ ихъ разбору

*) По поводу названія пѣвцевъ баянами Ѳ. Е Коршъ замѣтилъ, что нарицательнаго имени баянъ никогда не было, что у Русскихъ извѣстенъ только Боянъ какъ соб. имя пѣвца въ Словѣ о П. И.

*) Впрочемъ при чтеніи этого имени, принятомъ Моммсеномъ въ его изданіи Іорнанда (вѣрнѣе: Іордана), — Balamber, это объясненіе падаетъ—вмѣстѣ съ сближеніемъ, которое приводитъ г. Иловайскій.

**) Извѣстное имя Храбръ есть существительное—богатырь (см. изслѣдованіе М. Халанскаго въ Русскомъ Филол. Вѣстникѣ 1884 № 3 стр. 136 слѣд.).

что Д. И. Иловайскій, хотя самъ прибѣгаетъ къ нимъ, какъ къ доказательствамъ своихъ положеній, но иногда, напр., по поводу разбора варяжскихъ именъ у Томсена, отвергаетъ ихъ значеніе въ этнографическихъ вопросахъ, потому что имена могли заимствоваться. На это Ѳ. Е. Коршъ возразилъ, что, если и бываютъ заимствованія именъ, то въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, а болѣе или менѣе послѣдовательная замѣна родныхъ именъ чужими мыслима только при такомъ переворотѣ, какъ усвоеніе чуждой вѣры, какъ было у насъ по принятіи христіанства отъ Грековъ и у Монголовъ и Калмыковъ по принятіи Буддизма.

IV.

Замѣчанія Д. Н. Анучина по тому-же вопросу.

Однимъ изъ главнѣйшихъ доводовъ противъ «туранства» Гунновъ *Д. И. Иловайскій* считаетъ тотъ, что въ описаніяхъ наружнаго вида этого народа, оставленныхъ латинскими писателями, особенно Амміаномъ Марцеллиномъ и Іорнандомъ, нельзя констатировать типичныхъ признаковъ монгольской расы, что вообще эти описанія «ходульны», исполнены «риторическихъ выраженій» и едва ли не представляютъ (именно у Іорнанда) «плодъ воображенія, тенденціозно настроеннаго», что если, перевести ихъ на обыкновенный языкъ, то получится скорѣе сходство съ обыкновеннымъ великорусскимъ типомъ, «съ обиліемъ, у насъ такъ называемыхъ, мордовскихъ физіономій». Отличительными же признаками монгольской расы («туранской») г. Иловайскій считаетъ слѣдующіе: узкіе, широко разставленные. косые глаза, широкія скулы, острый подбородокъ и приплюснутый носъ. Эти признаки не указываются опредѣленно ни однимъ древнимъ писателемъ, описывавшимъ Гунновъ; а слѣдовательно нельзя и приписывать послѣднимъ чертъ монгольскаго типа. Относительно этого довода *Д. И. Иловайскаго* можно замѣтить слѣдующее.

Во-первыхъ, изъ числа приведенныхъ г. Иловайскимъ типичныхъ монгольскихъ признаковъ слѣдуетъ выдѣлить «острый подбородокъ», который вообще едва ли можетъ служить характеристичнымъ признакомъ какого либо племени. Что касается племенъ монгольскаго типа, то объ остромъ подбородкѣ у нихъ не упоминаетъ ни одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ и болѣе обстоятельныхъ наблюдателей. Сошлюсь, напримѣръ, на Палласа, проф. Мечникова (калмыки), Пржевальскаго (монголы), д-ра Монике (японцы), лейт. Вуда (памирскіе киргизы). Палласъ, говоря о калмыкахъ, упоминаетъ только о короткомъ подбородкѣ. Изъ старинныхъ писателей, у Блуменбаха приводится, правда, «выдающійся подбородокъ», въ числѣ признаковъ монгольской расы, но Блуменбахъ, повидимому, заимствовалъ его изъ одного древняго описанія татаръ, въ письмѣ 1243 года, адресованномъ изъ Вѣны однимъ французскимъ клерикомъ, Yuon, къ Жиральду (Giraldus), архіепископу Бордо; между другими отличительными чертами здѣсь упоминаются и «menta proëminentia et acuta». Но, какъ сказано, эта особенность не можетъ считаться характеристичною для монгольской расы, а потому я и не стану ея болѣе касаться. Остаются, слѣдовательно, три признака: узкіе, косые, широко-разставленные глаза, широкія скулы и приплюснутый носъ,—признаки, дѣйствительно встрѣчающіеся, въ болѣе или менѣе выраженной формѣ, у большинства племенъ монгольской расы. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эти признаки далеко не единственные—типичные, что кромѣ нихъ есть и другіе, въ той же степени характеристичные, каковы напримѣръ: небольшой ростъ; сравнительно большая голова; короткая, толстая шея; коренастое сложеніе; длинное туловище; короткія ноги (именно голени); плоское лице; плоскій, какъ бы нѣсколько сдвинутый кверху, затылокъ; большія оттопыренныя уши и рѣдкая поздно выростающая борода; гладкіе, прямые черные волоса; смуглый, какъ бы загорѣлый, цвѣтъ кожи. Не всѣ эти признаки свойственны каждому, изъ племенъ монгольской расы, и у иныхъ тѣ или другіе изъ нихъ выражены весьма слабо, но всѣ они могутъ быть принимаемы во вниманіе при рѣшеніи вопроса о принадлежности извѣстнаго племени къ монгольской расѣ. Относительно глазъ слѣдуетъ еще замѣтить, что косоглазіе ихъ есть, въ большинствѣ случаевъ, только кажущееся и зависитъ, какъ показалъ впервые Зибольдъ, отъ складки верхняго вѣка, опускающейся къ внутренному углу глаза и остающейся параллельной краю глазной щели у наружнаго ея угла. Особенность эта встрѣчается не у всѣхъ особей (болѣе у дѣтей и женщинъ) и не стоитъ въ связи съ узостью глазной щели, которая можетъ существовать и сама по себѣ, т. е. не сопровождаться указанную особенностью.

Посмотримъ теперь, какъ описываютъ древніе писатели наружность Гунновъ. Амміанъ Марцеллинъ говоритъ: «Новорожденнымъ Гунны проводятъ желѣзомъ глубокія борозды на обѣихъ щекахъ, для того, чтобы заростающими рубцами ослаблялась или уничтожалась впослѣдствіи сила растительности; они старѣютъ безбородые, некрасивые, подобные евнухамъ. Всѣ они имѣютъ плотные, крѣпкіе члены, толстыя шеи и огромныя, какъ бы осѣвшія отъ тяжести, головы (prodigiosae formae et pandi), такъ что ихъ можно принять за двуногихъ животныхъ или за тѣ оболваненные столбы, что ставятъ по краямъ мостовъ». Оставляя покуда въ сторонѣ извѣстіе о нарѣзахъ на щекахъ, мы имѣемъ такіе признаки: безбородость; плотное, крѣпкое сложеніе; толстую

шею; большую голову и плоское, круглое лицо съ менѣе обособленными и выраженными, чѣмъ у европейцевъ, частями (носомъ, глазами). Этотъ послѣдній признакъ можетъ быть предположенъ съ большою вѣроятностью изъ уподобленія оболваненнымъ столбамъ или грубо изваяннымъ статуямъ, которыя всегда (въ родѣ, напр., нашихъ «каменныхъ бабъ») отличаются тѣмъ, что голова дѣлается сравнительно большою, круглою, съ плоскимъ лицомъ, причемъ части послѣдняго (глаза, носъ, ротъ) только обозначаются, не отдѣлываются въ подробностяхъ, не получаютъ той соразмѣрности и рельефа, какъ на художественно изваянныхъ статуяхъ. Подобная характеристика, конечно, преувеличена и въ тоже время—неполна, но она все таки болѣе подходитъ къ монгольскому типу, чѣмъ къ т. наз. кавказскому.

Описаніе типа Гунновъ у Іорнанда заключается въ слѣдующемъ: Лицо у нихъ ужасающей черноты; оно болѣе похоже (если можно такъ сказать) на какой то уродливый комокъ, чѣмъ на лице (difformis offa non facies) и имѣетъ скорѣе точки (щели), чѣмъ глаза (magis puncta quam lumina). Гунны не—большаго роста, старѣются безбородые, некрасивые, имѣютъ широкія плеча, крѣпкій и всегда гордо выпрямленный затылокъ. Далѣе Іорнандъ говоритъ, что Гунны проявляютъ свирѣпость даже по отношенію къ новорожденнымъ младенцамъ, именно изрѣзываютъ имъ желѣзомъ щеки, для того чтобы они, прежде чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже пріучались къ перенесенію ранъ. Оставляя покуда опять въ сторонѣ этотъ обычай дѣлать нарѣзы, а равно извѣстіе объ ужасающей чернотѣ лица, мы получаемъ такіе признаки: небольшой ростъ, широкія плечи, безбородость, широкій, плоскій, затылокъ, узкіе глаза и какое-то безобразное, раздутое лицо. Если принять, что цѣлью послѣдней характеристики было передать впечатлѣніе широкаго, плоскаго лица съ выдающимися скулами (ибо только тогда она можетъ представлять какой нибудь смыслъ), то мы будемъ имѣть предъ собою типъ, опять таки, соотвѣтствующій болѣе монгольскому, чѣмъ кавказскому.—Еще обстоятельнѣе переданы признаки этого типа въ описаніи наружности Аттилы у того же Іорнанда, по словамъ котораго, вождь Гунновъ отличался малымъ ростомъ и имѣлъ широкую грудь, большую голову, маленькіе глаза, рѣдкую бороду, приплюснутый носъ и смуглый цвѣтъ кожи. Къ этому Іорнандъ прибавляетъ, что указанными признаками Аттила являлъ черты своего племени, т. е., по своей наружности, былъ типичнымъ представителемъ своего народа. Изъ другихъ источниковъ (Клавдіана, Сидонія Апполинарія) можно еще заключить, что Гунны производили впечатлѣніе людей, у которыхъ туловище было нѣсколько длиннѣе, а ноги короче, чѣмъ у европейцевъ; что на широкомъ, плоскомъ лицѣ ихъ, носъ являлся только въ видѣ слабаго возвышенія («genarum latior area non interjecta est naso» Sid. Ap.) и, наконецъ, что круглая голова ихъ представляла какой то округленный выступъ кверху «Consurgit in arctum massa rotunda caput» Sid. Ap.)

Сводя теперь вмѣстѣ эти различныя характеристики, мы получаемъ слѣдующія отличительныя черты гуннскаго типа, обратившія на себя вниманіе современниковъ: невысокій ростъ; коренастое, плечистое сложеніе; коротконогость; толстая, короткая шея; широкій, плоскій, приподнятый кверху затылокъ; большая голова; плоское, широкое лицо, какъ у грубо изваянныхъ статуй; узкіе глаза; приплюснутый носъ; безбородость или рѣдкая борода; смуглый цвѣтъ кожи. Черты эти, взятыя въ совокупности, едва ли могутъ оставлять сомнѣніе, что характеризуемый ими народъ представлялъ по своему типу значительно большее сходство съ типомъ современныхъ монгольскихъ и урало-алтайскихъ племенъ, чѣмъ, т. наз., кавказскихъ и, въ частности, арійскихъ. *Д. И. Иловайскій* находитъ, однако, что во всѣхъ этихъ признакахъ нѣтъ чертъ «несомнѣнно монгольской или татарской, чудской народности» и, что если выключить очевидныя риторическія прикрасы и преувеличенія, то получается типъ, въ которомъ можно найти многія черты нашего собственнаго великорусскаго типа. Онъ настаиваетъ особенно на томъ, что ни одинъ писатель не упоминаетъ о такихъ особенностяхъ монгольскаго типа, какъ выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ и широко разставленные, узкіе, косые глаза. Сидоній Апполинарій приписываетъ, правда, Гуннамъ плоскій носъ, но поясняетъ, что эта приплюснутость являлась у нихъ результатомъ механическаго сдавливанія, искуственной деформаціи головы младенцевъ. Съ другой стороны, г. Иловайскій усматриваетъ противорѣчіе между извѣстіемъ о безбородости и тѣмъ, что Гунны изрѣзывали себѣ щеки съ цѣлью уничтожить растительность волосъ. Наконецъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что оба писателя, какъ Амміанъ Марцеллинъ, такъ и особенно Іорнандъ, были, очевидно, весьма пристрастны къ Гуннамъ и не пожалѣли мрачныхъ красокъ для изображенія народа, который навелъ такой ужасъ на міръ германскій и римскій. Короче сказать, г. Иловайскій усматриваетъ въ описаніяхъ означенныхъ писателей явную тенденціозность.

Что касается перваго замѣчанія, именно, что дошедшія до насъ описанія наружности Гунновъ недостаточно опредѣленны и обстоятельны, то съ этимъ нельзя не согласиться, но—необходимо принять во вниманіе, что отъ тогдашнихъ историковъ нельзя и требовать особенной точности въ подобныхъ описаніяхъ. Если мы обратимся къ племенамъ несомнѣнно монгольской расы, именно монголамъ и татарамъ, появившимся въ Европѣ въ XII вѣкѣ, и сравнимъ описанія ихъ типа, приведенныя у раз-

личныхъ средневѣковыхъ, даже и позднѣйшихъ писателей, то мы встрѣтимся съ подобнымъ-же отсутствіемъ точности и полноты характеристики; а нерѣдко также съ явными преувеличеніями и риторическими прикрасами. Такъ одинъ авторъ XII вѣка, раввинъ Веніаминъ Тудельскій, описывая татаръ, говоритъ, что „они не имѣютъ носовъ и дышатъ чрезъ два небольшихъ отверстія по срединѣ лица» (см. Tylor, Primitive Culture I. 351). Преувеличенное представленіе это, очевидно, возникло изъ ложно понятаго извѣстія о приплюснутости монгольскаго носа.—Извѣстный посолъ папы къ монгольскому хану, Плано-Карпини, оставившій намъ обстоятельныя свѣдѣнія о бытѣ монголо-татаръ въ XIII вѣкѣ, описываетъ однако далеко менѣе обстоятельно особенности ихъ наружнаго вида. «Татары, говоритъ онъ, отличаются лицемъ отъ другихъ людей; между глазъ и щекъ у нихъ шире и щеки (скулы) выдаются болѣе, чѣмъ у другихъ людей; ноги у нихъ короткія; они большею частью невысокаго роста; бороды у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ.—Въ этой характеристикѣ мы не встрѣчаемъ указанія ни на приплюснутость носа, ни на косые глаза, хотя въ варіантѣ того же путешествія, въ „Speculum historiale“ Vincentii Bellovacensis, прибавлено еще, что глаза у татаръ толстые (?) и открываются очень мало а носы приплюснутые (nasosque perlatos).—У другаго писателя XIII вѣка, упомянутаго выше Yuon'а (въ исторіи Matthaei Paris, см. Prichard (Wagner) Naturgeschichte des Menschengeschlechts. III. 2. 433), мы находимъ нѣсколько болѣе подробное описаніе, но также далеко неудовлетворительное. „Татары, пишетъ Yuon, имѣютъ плотную, крѣпкую грудь, сухощавое и блѣдное лицо, прямыя, широкія плечи, уродливый, короткій носъ, выдающійся и острый подбородокъ, низкую и глубокую верхнюю челюсть, длинные и рѣдкіе зубы. Брови у нихъ тянутся отъ волосъ (на головѣ) до носа, глаза бѣгающіе (inconstantes) и черные; взглядъ косой и дикій; конечности костистыя и жилистыя; ноги въ голеняхъ толстыя, но короткія. Ростъ ихъ впрочемъ одинаковъ съ нашимъ, ибо что имъ недостаетъ въ голеняхъ, то вознаграждается длиною туловища». Многіе изъ приведенныхъ здѣсь признаковъ какъ, напримѣръ: крѣпкая грудь, широкія плечи, сухощавость лица, острый подбородокъ, жилистыя конечности, — очевидно, не могутъ считаться характеристичными, ибо распространены повсюду; другіе явно преувеличены или ложны, какъ напримѣръ: блѣдность лица (у степнаго народа!), длинные зубы; какое-то особенное развитіе бровей и какая-то глубина верхней челюсти. Упомянутое, чрезмѣрное развитіе бровей (palpebras a crinibus usque ad nasum protensas) можно понимать такъ, что онѣ идутъ отъ волосъ, растущихъ за висками и сходятся на переносьѣ или что онѣ сливаются съ волосами, растущими выше лба, т. е., что лобъ очень низкій и волосистый; но и то и другое можетъ встрѣчаться только какъ индивидуальная особенность и никѣмъ не было отмѣчено, какъ типичное образованіе у монгольскихъ племенъ. Во всякомъ случаѣ мы не встрѣчаемъ между перечисленными признаками ни выдавшихся скулъ, ни узкихъ, широко-разставленныхъ глазъ, ни даже косости ихъ, такъ какъ выраженіе «косой и дикій взглядъ» только съ нѣкоторою натяжкой можетъ быть приложено къ типу монгольскаго глаза. Остаются, слѣдовательно, только два, болѣе характеристичныхъ признака: уродливый, короткій носъ и длинное туловище, при сравнительной короткости ногъ (голеней); можно впрочемъ, догадываться, что выраженіе «низкая и короткая верхняя челюсть» (superiorem mandibulam humilem et profundam) слѣдуетъ понимать такъ, что верхняя челюсть низка и коротка по отношенію къ ширинѣ лица и къ выступающимъ напередъ скуламъ, т. е., что авторъ хотѣлъ выразить этимъ просто впечатлѣніе, производимое значительною скуластостью.

У позднѣйшихъ писателей, описывавшихъ степныхъ татаръ, мы встрѣчаемъ также далеко не всегда достаточно полную и вѣрную ихъ характеристику. Такъ, Герберштейнъ, говоря объ ихъ наружности, ограничивается только замѣчаніемъ: «Это люди средняго роста, съ широкимъ толстымъ лицомъ, прищуренными и впалыми глазами: они отпускаютъ волоса только на одной бородѣ, а остальное брѣютъ. Только самые знатные люди заплетаютъ волоса, которые у нихъ очень черны, и носятъ ихъ за ушами. Они имѣютъ крѣпкое тѣло, смѣлый духъ и склонны къ безпорядочному любострастію». Разбирая строго эти выраженія, въ нихъ нельзя видѣть указанія ни на одну характеристичную черту урало-алтайскаго типа. Можно пожалуй, догадываться, что «широкое и толстое лицо» выражаетъ впечатлѣніе скуластости, но выраженіе «прищуренные и впалые глаза» очевидно, не позволяетъ еще заключать объ ихъ косости, разставленности и даже узости; о носѣ же татаръ Герберштейнъ не упоминаетъ вовсе.—У болѣе поздняго писателя, Боплана (XVII в.), мы встрѣчаемъ уже болѣе обстоятельное описаніе крымскихъ (степныхъ) татаръ, но тоже несвободное отъ преувеличеній и неопредѣленности. «Татары, говоритъ Бопланъ, подобно собакамъ и другимъ животнымъ, родятся слѣпые; роста бываютъ меньше средняго; всѣ вообще имѣютъ плотные, крѣпкіе члены, большое брюхо, широкія плечи, короткую шею, большую голову, лицо почти круглое, глаза черные и узкіе, носъ короткій, ротъ небольшой, зубы бѣлые, какъ слоновая кость, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные и грубые, какъ лошадиная грива. Короче сказать, очертаніе лица ихъ совсѣмъ иное нежели у христіанъ». Въ этой характеристикѣ однако обращено вниманіе на многія

типичныя особенности, хотя нѣкоторыя изъ нихъ переданы не совсѣмъ удовлетворительно. Такъ, «лицо почти круглое»—очевидно передаетъ впечатлѣніе скуластости, а «короткій носъ» — подразумѣваетъ его малое выступаніе, т. е. приплюснутость.—Въ заключеніе, я приведу одну изъ новѣйшихъ характеристикъ, именно описаніе типа киргизовъ Памира, какъ оно приведено англійскимъ путешественникомъ, лейт. Вудомъ. «Они, говоритъ Вудъ, обыкновенно ниже средняго роста. Физіономія у нихъ непріятная: верхняя часть носа вдавлена, такъ что промежутокъ между глазами не представляетъ обыкновеннаго возвышеннаго выступа... Ихъ толстыя надутыя щеки имѣютъ видъ, какъ будто тутъ наложены какіе то куски мяса; рѣдкая борода покрываетъ подбородокъ; тѣлосложеніе ихъ крѣпкое, мускулистое... Цвѣтъ лица, вслѣдствіе постояннаго пребыванія на воздухѣ, смуглый». Характеристикѣ этой нельзя отказать въ нѣкоторой мѣткости, но она во всякомъ случаѣ неполна, не упоминаетъ, напримѣръ, ни о формѣ глазъ, ни объ особенностяхъ сложенія. Замѣтимъ однако, что отсутствіе выступа верхней части носа напоминаетъ нѣсколько одну особенность лица Гунновъ, по Сидонію Аполлинарію (genarum area non interjecta est naso), а непріятное впечатлѣніе, производимое на глазъ европейца типомъ монгольскаго лица, особенно рѣзкимъ выступаніемъ щекъ (скулъ) — подобное же впечатлѣніе, выраженное только иначе, у Амміана Марцеллина и Іорнанда.

Д. И. Иловайскій заподозрѣваетъ извѣстія Амміана и Іорнанда о наружности Гунновъ въ тенденціозности, но, по моему мнѣнію, безъ достаточныхъ на то основаній. Германцы и Славяне не мало внушали ужаса и ненависти римлянамъ и византійцамъ, однако ни одинъ латинскій и греческій писатель не изображаетъ ихъ безобразными; напротивъ, всѣ отдаютъ должное ихъ молодецкому виду и привлекательнымъ чертамъ ихъ наружности.

Разбирая строго, мы не находимъ въ признакахъ, которые приписываются гуннамъ, никакихъ, очевидно выдуманныхъ чертъ, въ родѣ, напримѣръ, большихъ рукъ, страшныхъ зубовъ или челюстей и т. п. Совокупность признаковъ гуннскаго типа представляетъ много сходнаго съ типомъ позднѣе явившихся татаръ и монголовъ, которые, однако, во времена Гунновъ, не были еще извѣстны европейцамъ, а слѣдовательно и типъ ихъ не могъ соединяться еще въ то время съ представленіемъ о хищничествѣ, свирѣпости, кочевомъ состояніи.

Противорѣчіе, усматриваемое Д. И. Иловайскимъ между извѣстіями о безбородости Гунновъ и тѣмъ, что они изрѣзывали своимъ младенцамъ щеки съ цѣлью уничтожить растительность волосъ, не говоритъ еще противъ туранства гунновъ. Извѣстно, что усы и борода растутъ и у монголовъ, только борода бываетъ рѣдкая и появляется, сравнительно, позже. Тѣмъ не менѣе совершенно безбородыхъ народовъ не существуетъ, хотя тѣ народы, у которыхъ борода растетъ плохо, большей частью не придаютъ ей той цѣны, какъ народы бородатые, и обыкновенно уничтожаютъ ее, вырывая волоса щипчиками. Не придавая бородѣ значенія украшенія, монголы, однако, по словамъ ламы Голсанъ-Гомбоева (въ его комментаріяхъ на Плано-Карпини), относятся съ извѣстнымъ презрѣніемъ къ тѣмъ изъ своихъ соплеменниковъ, у которыхъ борода не ростетъ вовсе, выражаясь про нихъ, что «этотъ человѣкъ должно быть двуполый». Г. Иловайскій предполагаетъ что подъ нарѣзами на щекахъ младенцевъ «надобно, можетъ быть, разумѣть просто обычай брить бороду, распространенный издревле у Сарматскихъ народовъ восточной Европы». Весьма сомнительно, однако, чтобы обычай бритья бороды взрослыми могъ подать поводъ къ происхожденію извѣстія о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ, тѣмъ болѣе, что въ эпоху императоровъ, бритье было хорошо извѣстно римлянамъ и входило даже по временамъ въ моду. У римлянъ были, какъ извѣстно, цирюльни, и употребленіе бритвы (novacula) и щипчиковъ для вырыванія волосъ (volsella)—вовсе не было имъ чуждо. Кромѣ того, бритье свойственно обыкновенно уже болѣе культурнымъ народомъ, а народы кочевые довольствуются только выдергиваніемъ волосъ. Съ другой стороны, едва ли можно вѣрить Амміану Марцеллину и Іорнанду, когда они говорятъ, что рубцы, происходившіе отъ нарѣзовъ на щекахъ младенцевъ у Гунновъ, имѣли цѣлью, или по крайней мѣрѣ результатомъ, — уничтоженіе растительности волосъ на лицѣ. Во-первыхъ, такіе рубцы могли бы оказывать вліяніе только на ростъ бакъ, а не усовъ, и бороды на подбородкѣ, а во-вторыхъ—невозможно понять, какимъ образомъ нарѣзы, сдѣланные на щекахъ новорожденныхъ младенцевъ, могли уничтожать на всегда корни волосъ и препятствовать появленію послѣднихъ послѣ наступленія половой зрѣлости. Если бы Гунны принадлежали къ народамъ съ обильною растительностью волосъ, то рядъ зажившихъ рубцовъ на щекахъ не могъ бы остановить ростъ бакъ, усовъ и бороды; поэтому, если Гунны оставались до старости безбородыми, то это должно было обусловливаться особенностью ихъ природы, а отчасти, можетъ быть, также содѣйствіемъ искусства, т. е. вырываніемъ волосъ. — Вообще, въ извѣстіяхъ Амміана и Іорнанда о производимыхъ желѣзомъ нарѣзахъ, слѣдуетъ, мнѣ думается, различать фактъ отъ его толкованія. Фактъ не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, но объясненія его значенія, представляю-

щія варіація, могли быть просто догадками. Возможно допустить, что эти нарѣзы составляли просто особый видъ татуировки, слѣды которой существуютъ и теперь — у вогуловъ, остяковъ, тунгузовъ и другихъ урало-алтайскихъ племенъ. Въ настоящее время размѣры этой татуировки весьма ограниченныя (большей частью только на рукахъ) и практикуется она исключительно женщинами, но есть основанія думать, что въ древности она была распространена много болѣе и притомъ существовала и у мужскаго пола. Относительно обычаевъ женскій полъ, какъ извѣстно, вообще консервативнѣе мужскаго и удерживаетъ часто многія національныя особенности быта, языкъ и пр., въ то время какъ мужской полъ подвергается скорѣе вліянію болѣе цивилизованнаго племени и высшей культуры. Съ другой стороны, извѣстно, (изъ наблюденій въ Полинезіи и др. странахъ), что при процвѣтаніи обычая татуировки, мужской полъ позволяетъ себѣ въ этомъ отношеніи большую роскошь, т. е. болѣе уродуетъ и испещряетъ свою кожу, чѣмъ женскій. Что Гунны татуировались, явствуетъ, по видимому, и изъ свидѣтельства Іорнанда объ ужасающей чернотѣ (pavenda nigredine) ихъ лица. Извѣстно, что всѣ народы, которые татуируются, не довольствуются нарѣзами или уколами кожи, которые могутъ, съ теченіемъ времени, заростать, а втираютъ еще въ ранки какое нибудь красящее вещество и всего чаще—сажу. Отъ этого рубцы или наколотый рисунокъ становятся болѣе рѣзкими, получаютъ темносинюю окраску и сохраняются на всю жизнь. Возможно допустить, что и Гунны, дѣлавшіе нарѣзы на щекахъ своихъ дѣтей, пользовались подобнымъ же способомъ для сохраненія на всю жизнь излюбленнаго ими украшенія, и тогда становится понятнымъ извѣстіе Іорнанда о чернотѣ ихъ лица. Предполагать, какъ это дѣлаетъ г. Иловайскій, что означенное извѣстіе было просто преувеличеннымъ изображеніемъ нечистоплотности Гунновъ, ихъ загорѣлой, истрескавшейся на вѣтру, кожи,—едва ли возможно. Естественно загорѣлое и грязное лицо не можетъ произвести впечатлѣніе ужасающей черноты, но лицо, покрытое большими, темно-синими рубцами, дѣйствительно, могло поразить на первый разъ—невидавшихъ еще ничего подобнаго римлянъ и готовъ.

Г. Иловайскій обращаетъ еще вниманіе на свидѣтельство Сидонія Аполлинарія, по которому Гунны деформировали носы и головы своихъ младенцевъ; сопоставляя это свидѣтельство съ извѣстіемъ о нарѣзахъ, онъ выводитъ заключеніе, что если Гунны и поражали своимъ безобразіемъ, то безобразіе это было искусственное. До извѣстной степени, особенно если принять высказанную выше догадку о татуировкѣ, это вѣроятно; но что касается деформаціи носа и головы, то о ней говоритъ, и то довольно неясно, только Сидоній Аполлинарій. Уже Бэръ замѣтилъ, что повязка, которою, по словамъ Сидонія, гуннскія матери стягивали носъ и щеки своихъ младенцевъ, не могла производить, въ одно и тоже время, приплющеніе носа и расширеніе скулъ. Съ другой стороны, извѣстно, что подобное же искусственное сплющеніе приписывалось въ прежнее время и другимъ плосконосымъ народамъ, напр., готтентотамъ, даже неграмъ, но впослѣдствіи убѣдились, что это было только ошибочнымъ предположеніемъ, вызваннымъ первымъ впечатлѣніемъ оригинальной формы, какъ бы искусственно приплюснутаго, носа. Тоже можно думать и по отношенію Гунновъ, тѣмъ болѣе, что другіе писатели ничего не говорятъ о подобной деформаціи, цѣль которой притомъ, какъ она объяснена Сидоніемъ, тоже въ состояніи возбуждать сомнѣнія. Сидоній говоритъ именно, что носъ сплющивался для того, чтобы онъ не мѣшалъ шлему (ut galeis cedant nares) т. е., слѣдовательно, чтобы шлемъ могъ спускаться ниже, на глаза. Но уже Бэръ замѣтилъ странность этого объясненія, такъ какъ не могли же Гунны сражаться съ закрытыми глазами. Притомъ нѣтъ основаній думать, чтобы Гунны употребляли какіе нибудь тяжелые мѣдные шлемы; мы знаемъ, что и у германцевъ металлическіе шлемы составляли большую рѣдкость и даже короли носили кожаныя или войлочныя шапки, только обхваченныя кругомъ и накрестъ металлическими пластинками, иногда еще съ украшеніемъ на верху (пуговицей, изображеніемъ кабана и т. д.; подобныя шапки были прототипомъ позднѣйшихъ коронъ). При бѣдности массы народа и маломъ искусствѣ обдѣлывать металлы, мѣдные или желѣзные шлемы могли быть доступны только немногимъ, большинство же ходило съ открытой головой или довольствовалось дешевыми издѣліями изъ кожъ, мѣха или войлока. Но такія мягкія шапки не могли сдавливать носа, а поэтому не могло быть и надобности приплюскивать послѣдній.

Что касается уродованія головы, то о существованіи этого обычая у Гунновъ заявилъ первый Ам. Тьерри, затѣмъ Госсъ въ своемъ этюдѣ объ искусственныхъ деформаціяхъ (Gosse, Essai sur les déformations artific. du crâne). Поводомъ къ такому заключенію послужило одно мѣсто въ панегирикѣ Антемію Сидонія, гдѣ описывается ужасный видъ Гунновъ, даже младенцевъ, причемъ, между прочимъ, Сидоній говоритъ: «Consurgit in arctum massa rotunda caput». Изъ этой фразы, довольно неясной, еще трудно, намъ кажется, заключать о деформаціи, тѣмъ болѣе, что послѣ этихъ словъ авторъ переходитъ къ описанію глазъ, которые, по его словамъ, отсутствуютъ въ глазницахъ Гунновъ, хотя послѣдніе все таки хорошо видятъ даже на днѣ глубокихъ

колодцевъ (очевидно преувеличенное, риторическое изображеніе узкаго, монгольскаго глаза) *). Далѣе авторъ говоритъ о сплющеніи носа и наконецъ заключаетъ:

«Sic propter praelia natos
Maternus deormat amor, quia tensa genarum
Non interjecto fit latior area naso».

Изъ этихъ словъ видно, что Сидоній говоритъ опредѣленно только о деформаціи носа и скулъ (приплющеніи ихъ), вызванной материнской любовью; объ уродованіи же головы можно заключать только изъ краткой фразы, приведенной ранѣе. Но достаточно ли этой фразы для такого заключенія? Бэръ сомнѣвается и, по моему, не безъ основаній. Изъ упомянутой фразы видно только, что голова Гунновъ обращала на себя вниманіе современниковъ своею нѣсколько отличною формою, но отсюда еще нельзя заключать, чтобы эта форма была искусственною. Для объясненія ея можно воспользоваться, до нѣкоторой степени, описаніемъ Іорнанда, который говоритъ о крѣпкомъ затылкѣ Гунновъ, всегда гордо выпрямленномъ (firmis cervicibus et in superbia semper erecti). Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе нѣкоторыя особенности монгольскаго типа черепа, сравнительно съ черепомъ европейскихъ народовъ, особенно VI—X вѣковъ. Многочисленные черепа изъ древнихъ могилъ Германіи и странъ, занятыхъ теперь славянами, доказываютъ преобладаніе въ то время долихокефальной формы черепа, т. е. удлиненно-овальной съ выступающимъ взадъ затылкомъ. Встрѣчались, правда, особенно между римлянами, въ Галліи, южной Германіи, и болѣе короткіе, брахикефальные черепа, тѣмъ не менѣе затылочная часть ихъ не представляла того приплющенія и сдвига кверху полукружныхъ затылочныхъ линій, которыя столь нерѣдки на черепахъ урало-алтайскихъ и монгольскихъ. Не мудрено поэтому, что головы Гунновъ поражали своею формою тогдашнихъ европейцевъ; и въ новѣйшее время монгольскій типъ затылка обращалъ на себя нерѣдко вниманіе наблюдателей. Такъ, д-ръ Монике, изучавшій долго на мѣстѣ физическій типъ японцевъ, замѣчаетъ, между прочимъ, что затылокъ у этого племени отличается отъ европейскаго своею плоскостью;, затылочная чешуя, особенно выше полукружныхъ линій, менѣе выпукла, темянныя кости болѣе выгнуты (выпуклы), въ своей задней трети, макушка головы приходится болѣе назади и верхняя часть затылка выдается болѣе или менѣе остро взадъ. Возможно допусить, что подобная же форма затылка у Гунновъ, при значительной величинѣ и ширинѣ головы, также поражала современниковъ, которые только затруднялись ея болѣе точнымъ описаніемъ. И такъ, внимательный разборъ данныхъ о наружности Гунновъ не даетъ доказательствъ противъ «туранства» этого народа, а скорѣе подтверждаетъ его. Во всякомъ случаѣ данныя эти не говорятъ въ пользу арійскаго, славянскаго типа, такъ какъ Славяне описываются современными писателями (VI—X вѣковъ) совершенно иначе. «Анты и Славяне, говоритъ Прокопій, не различаются наружностью. Всѣ они рослы и сильны, цвѣтъ лица ихъ не совсѣмъ бѣлый, волосы ни бѣлокурые, ни черные, а нѣсколько красноватые (ὑπέρυθροι—не каштановые ли?). По мнѣнію г. Иловайскаго, Гунны были восточною отраслью Славянъ, но изъ извѣстій арабскихъ писатилей мы не можемъ заключать, чтобы восточные Славяне значительно разнились по типу отъ западныхъ. Говоря о Русахъ и Склабинахъ, арабы описываютъ ихъ, какъ рослыхъ, видныхъ, румяныхъ людей съ рыжеватыми волосами; извѣстно, что рабы изъ славянъ весьма цѣнились на востокѣ.

Г. Иловайскій видитъ подтвержденіе своей славянской теоріи въ томъ фактѣ, что участвовавшій въ посольствѣ къ Аттилѣ, Прискъ, въ оставленномъ имъ описаніи своего маршрута и пріема, ничего не говоритъ о наружности Гунновъ, чего бы нельзя было ожидать, если бы она его поразила. Но, во-первыхъ, посольство, въ которомъ участвовалъ Прискъ, происходило лѣтъ чрезъ 70 послѣ появленія Гунновъ въ Европѣ, когда уже они стали являться, въ качествѣ перебѣжчиковъ, въ Византіи, и какъ наемники, въ войскахъ обѣихъ имперій, т. е. когда типъ ихъ былъ уже хорошо извѣстенъ. Прискъ, въ особенности, имѣлъ возможность съ дѣтства присмотрѣться къ Гуннамъ, а потому могъ считать излишнимъ говорить объ ихъ типѣ. Притомъ, отъ Приска дошли до насъ только отрывки, часть его записокъ остается утраченной, и было высказано даже мнѣніе, что Іорнандъ могъ заимствовать свое описаніе наружности Аттилы, сдѣланное по всему вѣроятію очевидцемъ, именно изъ этого, не дошедшаго до насъ, описанія Приска.

Если данныя о наружности Гунновъ говорятъ скорѣе въ пользу ихъ туранства, то извѣстія объ ихъ бытѣ подтверждаютъ тотъ же выводъ еще рѣшительнѣе, и въ тоже время противорѣчатъ теоріи славянскаго ихъ происхожденія. Гунны были коннымъ, кочевымъ народомъ, и жили на телѣгахъ, очевидно подъ навѣсами изъ звѣриныхъ шкуръ или войлоковъ; мужчины же большую часть жизни проводили на коняхъ, очень выносливыхъ, но некрасивыхъ. Совершенно подобнымъ же образомъ описываетъ Бопланъ крымскихъ степныхъ татаръ, а позже Палласъ—кундровскихъ, кочевавшихъ на берегахъ Ахтубы. Наоборотъ, Славяне жили, по

*) У Боплана, въ его описаніи Украины, говорится въ одномъ мѣстѣ о татарахъ, что „имѣя глаза узкіе и слѣдовательно зрѣніе острое, они открываютъ врага прежде, нежели онъ ихъ завидитъ“.

словамъ Прокопія, въ домахъ, въ разсѣянныхъ селеніяхъ, и уже Тацитъ, говоря о Венедахъ и находясь въ затрудненіи—причислить ли ихъ къ Германцамъ или Сарматамъ, склоняется въ пользу послѣдняго, на томъ основаніи, что Славяне живутъ въ домахъ и употребляютъ щиты, сражаясь пѣшими, тогда какъ у Сарматовъ все это иначе и они живутъ на телѣгахъ и на коняхъ. Подобнымъ же образомъ, арабскіе писатели, описывая Склабиновъ, говорятъ, напримѣръ, о множествѣ у нихъ свиней, но отмѣчаютъ рѣдкость лошадей. Обычай Гунновъ питаться полусырымъ мясомъ, размятымъ и распаренымъ подъ бедрами на спинѣ коня, совершенно соотвѣтствуетъ таковому же обычаю у крымскихъ татаръ, подробно описанному Бопланомъ. Извѣстіе Амміана, что обувь Гунновъ, скроенная безъ формы и мѣры, была такъ неуклюжа, что мѣшала имъ ходить, напоминаетъ до извѣстной степени описаніе обуви Киргизъ-Кайсаковъ, которые, по словамъ Левшина, «носятъ большіе сапоги съ острыми загнутыми носками и съ высокими каблуками, сдѣланные такимъ образомъ, что не привыкшій къ онымъ не можетъ на нихъ ходить». Кривые шлемы Гунновъ (galeis incurvis), можетъ быть, походили на круглые, остроконечные малахаи киргизовъ, загнутые вершиною нѣсколько на бокъ. Оружіе Гунновъ состояло изъ лука и стрѣлъ, сабли и петли для набрасыванія на врага; щитовъ у нихъ не было, о копьѣ тоже не упоминается. Замѣчательно, что у позднѣйшихъ татаръ мы встрѣчаемъ такіе же виды оружія: лукъ, стрѣлы, сабли и арканы (или длинная свернутая веревка для вязанія плѣнниковъ); копьемъ, какъ положительно говоритъ Герберштейнъ, они пользовались рѣдко. Между тѣмъ, относительно Славянъ уже Тациту было извѣстно, что они употребляютъ на войнѣ копья и сражаются пѣшими. Прокопій также говоритъ, что «многіе (славяне) идутъ на враговъ пѣшіе, имѣя въ рукахъ щиты и дротики. Характеристично также извѣстіе, что Гунны употребляли костяныя стрѣлы; о подобныхъ костяныхъ наконечникахъ не упоминаютъ писатели, описывавшіе Славянъ, между тѣмъ, какъ ихъ находятъ нерѣдко въ могилахъ пріуральскаго края и западной Сибири. Г. Иловайскій усматриваетъ въ описаніи маршрута и пріема Аттилой пословъ, у Приска, многія славянскія черты, но эти черты, по моему мнѣнію, не особенно убѣдительны. Притомъ, не слѣдуетъ забывать, что резиденція Аттилы находилась въ странѣ, гдѣ были Славяне, и путь къ ней шелъ по странѣ, населенной Славянами и потомками романизированныхъ Даковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что, напримѣръ, послы переѣзжали Дунай въ однодеревкахъ, что жители приносили имъ для питья медъ, что Аттила жилъ, хотя и въ степи, но во дворцѣ, выстроенномъ изъ дерева и украшенномъ рѣзьбою. Существовали однако, и шатры, которые и были разбиты для пословъ. Встрѣча Аттилы женщинами, одѣтыми въ бѣлыя платья, не можетъ считаться чертой нравовъ, специфически славянскихъ. Бѣлыя платья носятся и теперь киргизскими женщинами, а обычай женщинъ встрѣчать толпою воиновъ, возвращающихся съ набѣга, былъ подмѣченъ относительно туркменъ. Существованіе у Гунновъ богатырей и пѣвцовъ, прославляющихъ подвиги, не говоритъ еще въ пользу ихъ славянства, такъ какъ богатыри существовали у многихъ урало-алтайскихъ племенъ (о нѣкоторыхъ татарскихъ богатыряхъ упоминается даже въ русскихъ лѣтописяхъ), а равно существуютъ и пѣвцы, и обширный циклъ сказаній о богатыряхъ; гаданіе же на костяхъ, къ которому прибѣгалъ Аттила передъ Каталаунской битвой, напоминаетъ скорѣе нравы монгольскихъ народовъ, которые, какъ извѣстно, и теперь гадаютъ по трещинамъ обожженной бараньей лопатки.

Г. Иловайскій полагаетъ возможнымъ опереться также на данныя Археологіи, именно на тотъ фактъ, что покуда не найдено могилъ, въ мѣстностяхъ, занятыхъ Гуннами, которыя бы указывали на присутствіе здѣсь, въ извѣстную эпоху, народа съ монгольскими признаками. Но этотъ аргументъ теряетъ нѣсколько свое значеніе, если принять во вниманіе, что намъ неизвѣстны и могилы многихъ другихъ народовъ, жившихъ, напримѣръ, въ южной Россіи. Гдѣ, напримѣръ, могилы Готовъ, Половцевъ, гдѣ могила самаго Аттилы, похороненнаго въ сѣверной Италіи? Возможно, что Гунскія могилы и будутъ найдены со временемъ; можетъ быть, ихъ даже и находили. Такъ Кибальчичь раскопалъ одинъ большой курганъ, Селищевскій, въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи и нашелъ въ немъ нѣсколько разбитыхъ костяковъ, лежащихъ на слоѣ бѣлаго песка; при костяхъ оказались вещи: золотое кольцо грубой работы, костяные наконечники стрѣлъ, остатки костяного ящика, разбитый горшокъ грубой работы и остатки желѣзнаго наконечника копья. Одинъ черепъ оказался цѣлымъ и проф. А. П. Богдановъ, описавшій его, говоритъ, что онъ отличается шириною (показатель ширины—84), довольно скуластъ, съ низкими глазницами и широкимъ носомъ. Подобные признаки, равно какъ присутствіе костяныхъ стрѣлъ и золота (по словамъ Приска золотая посуда была въ изобиліи у Аттилы; тоже встрѣтило позже посольство Земарха у турокъ) указываютъ, какъ будто, на вѣроятность принадлежности кургана Гуннамъ, но понятно, на основаніи одной такой находки, еще нельзя сдѣлать какого нибудь положительнаго вывода. Нѣтъ также положительныхъ основаній приписывать Гуннамъ тѣ могилы, въ которыхъ были

найдены деформированные черепа, такъ какъ подобныя могилы были открыты въ различныхъ мѣстностяхъ и съ вещами различнаго типа. Притомъ мы знаемъ изъ Гиппократа, что обычай деформировать голову существовалъ еще въ его время у нѣкоторыхъ племенъ въ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю. Въ новѣйшее время такіе черепа найдены, какъ извѣстно, въ Закавказьѣ (около Мцхета въ Самтаврскомъ могильникѣ, относящемся, повидимому, къ эпохѣ отъ VI в. до Р. Х. и по VI в. по Р. Х.; въ курганахъ близь Эльбруса, заключающихъ въ себѣ остатки той же культуры, слѣды которой были найдены и во многихъ могильникахъ Осетіи; въ курганахъ при устьяхъ Дона; въ Крыму; въ Воронежской губерніи; около Волги въ Самарской губ.; въ Венгріи близъ Чонграда и въ Австріи близъ Нидерольма, недалеко отъ Майнца; въ этой послѣдней могилѣ были найдены: украшенія изъ бронзы, бусы, небольшой кремневый ножикъ, желѣзный ножъ и бронзовый перстень съ изображеніемъ креста; Линдешмитъ относитъ ее къ VI—VIII вв. и считаетъ за германскую.

Что славяне входили въ число подданныхъ Аттилы, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, равно какъ и вообще въ томъ, что славянскій элементъ, особенно ко времени Аттилы, сталъ все болѣе и болѣе вытѣснять Гуннскій. Но что первоначальный, основной элементъ Гунновъ былъ не славянскій, въ этомъ также, едва ли, по моему мнѣнію, можно сомнѣваться. Примомнимъ, что даже во времена Аттилы были «царскіе Гунны», составлявшіе наиболѣе видное сословіе и отличавшіеся отъ прочихъ одеждою. Повидимому, это была главная дружина, которая, естественно, и должна была наиболѣе нести потери во время войнъ. Кромѣ того Гунны, съ теченіемъ времени, вѣроятно, все болѣе и болѣе смѣшивались съ Славянами. Если справедливо, что Гунны были сродни Болгарамъ, то, можетъ быть, и къ нимъ можно примѣнить ту характеристику, которую приводитъ одинъ арабскій писатель Димешки относительно Болгаръ. По словамъ Димешки болгары, прибывшіе въ Багдадъ, на вопросъ, что они за народъ, отвѣчали: «мы — народъ смѣшанный изъ Тюрковъ и Славянъ». Возможно, что подобнымъ смѣшаннымъ народомъ сдѣлались и Гунны.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(1-го Февраля 1882 года).

Засѣданіе происходило въ зданіи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Непремѣннаго члена Общества В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи 18 дѣйствительныхъ членовъ Общества, секретарей Общества и Отдѣловъ и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Членъ Императорскаго Географическаго Общества Н. М. Ядринцевъ прочелъ сообщеніе о Черневыхъ Татарахъ, обитающихъ въ западной части Алтая. Прежде всего референтъ ознакомилъ слушателей съ тою частью Алтайской горной системы, въ которой лежатъ истоки рѣки Оби. Особенно подробно охарактеризована была мѣстность по берегамъ Телецкаго или Золотаго озера. Нѣкоторыя окрестныя горы были впервые изслѣдованы Н. М. Ядринцевымъ. Указанъ на весьма важное значеніе Алтая, какъ этнографическаго центра, изслѣдованіе котораго можетъ пролить свѣтъ на многіе запутанные вопросы въ этнографіи Финскихъ и Тюркскихъ народовъ, референтъ сдѣлалъ обзоръ различныхъ инородцевъ Кузнецкаго и Бійскаго округовъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны обитатели лѣснаго края между Телецкимъ озеромъ и Катунью—Черневые Татары. Изъ антропологическаго описанія ихъ видно, что Черневые Татары, по своему типу, самые чистые изъ всѣхъ инородцевъ этой части Алтая и приближаются къ кавказскому типу.

Въ этихъ Алтайскихъ лѣсахъ встрѣчаются всѣ формы культурнаго развитія, начиная осѣдлыми земледѣльцами и кончая жизнью бродячаго охотника и, что особенно важно для изслѣдователя развитія культуры, - здѣсь представляется возможность подмѣтить переходъ отъ одной стадіи къ другой. Референтъ иллюстрировалъ свое чтеніе многими рисунками, при чемъ рисунки эти были такъ сгруппированы, что представляли совершенно наглядно генетическое развитіе тѣхъ или другихъ орудій изъ самыхъ простыхъ формъ въ болѣе сложныя.

Интересно было прослѣдить, какъ изъ шалаша лѣснаго жителя, смотря по условіямъ, развились два типа жилищъ—юрта и изба.

Археологическія находки и нѣкоторыя ремесла, сохранившіяся въ видѣ переживаній у современныхъ обитателей западнаго Алтая, показываютъ, что здѣсь нѣкогда существовала болѣе высокая культура, добывались металлы, и желѣзо превращалось въ чугунъ и сталь. Даже теперь Телеуты производятъ серебряныя подѣлки. Н. М. Ядринцевъ закончилъ свой рефератъ весьма важными соображеніями по поводу вымиранія инородцевъ. Онъ находитъ, что инородцы вымираютъ при встрѣчѣ съ культурными народами не вслѣдствіе естественныхъ условій (такъ, напр., Алтайскіе туземцы оказываются способными къ образованію), а вслѣдствіе того, что они не защищены никакими мѣрами отъ эксплуатаціи со стороны представителей болѣе дурныхъ качествъ высшей культуры. Опредѣлено благодарить г. Ядринцева за его сообщеніе.

3. Въ дополненіе къ реферату *Н. М. Ядринцева*, *Н. Ю. Зографъ* на основаніи измѣреній, произведенныхъ *г. Ядринцевымъ* и переданныхъ въ антропологическій отдѣлъ Общества, представилъ Обществу результаты своихъ изслѣдованій, изъ которыхъ видно, что между этими инородцами преобладаютъ два типа—Тюркскій и Финскій.

4. Секретарь Отдѣла *В. М. Михайловскій* въ своемъ рефератѣ—Ведды, дикіе обитатели острова Цейлона—имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, на основаніи всесторонняго изученія одного изъ самыхъ низкихъ по развитію народовъ, рѣшить вопросъ, насколько изученіе быта дикарей можетъ служить средствомъ для возсозданія самой ранней эпохи въ жизни человѣчества. Результатомъ сопоставленія всѣхъ имѣющихся свѣдѣній о физическихъ признакахъ, нравахъ и обычаяхъ Веддовъ было заключеніе референта, что на ряду со многими грубыми чертами встрѣчаются черты, показывающія намъ, что Ведды не могутъ служить представителями безкультурныхъ первобытныхъ людей. Вообще, по мнѣнію референта, Леббокъ и другіе его послѣдователи имѣютъ ложное представленіе о первобытномъ человѣкѣ, считая его существомъ, совершенно безкультурнымъ. Лишь только человѣкъ дифференцировался, онъ долженъ былъ отличаться человѣческими свойствами, т. е. долженъ былъ имѣть хотя слабые зачатки культуры, такъ какъ въ появленіи этихъ культурныхъ признаковъ и заключался процессъ выдѣленія человѣка въ особый видъ. Отъискивать эти первичныя культурныя формы слѣдуетъ путемъ сравненія культуры народовъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ развитія.

По окончаніи реферата Предсѣдатель благодарилъ референта отъ имени Отдѣла и просилъ о продолженіи сообщеній о бытѣ низшихъ племенъ, которыя входятъ въ кругъ занятій *В. М. Михайловскаю*.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(14 Мая 1882 г.).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ зданіи Политехническаго Музея въ соединеніи съ Антропологическимъ Отдѣломъ подъ предсѣдательствомъ *В. Ѳ. Миллера*, въ присутствіи Президента Общества Г. Е. Щуровскаго, предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла *А. П. Богданова*, 14 дѣйствительныхъ членовъ Общества, секретарей Общества и Отдѣловъ и стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Д. Ч. Общества *Ѳ. Я. Трейландъ* сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

Этнографическій Отдѣлъ нашего Общества получилъ изъ Лифляндской губерніи, Венденскаго уѣзда, волости Вейсенштейнъ, отъ своего члена, учителя *П. Заравича*, небольшую коллекцію латышскихъ народныхъ пѣсенъ, (пѣсенъ всего около 90) собранныхъ имъ изъ устъ народа. Пѣсни эти вполнѣ народныя, старинныя и поэтому достойны вниманія и научнаго интереса. Жаль только, что собиратель не обозначилъ мѣста, гдѣ каждая изъ его пѣсенъ записана, такъ какъ онъ, какъ самъ говоритъ, жилъ и въ Пебалгской и въ Тирзенской волостяхъ, а нынѣ жительство имѣетъ близъ г. Вендена... Совокупными трудами многихъ лицъ сосредоточено въ Москвѣ, со всѣми варіан-

тами, слишкомъ 40,000 латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Приготовленіемъ къ печати этого громаднаго матеріала, все увеличивающагося еще новыми посылками, прибывающими на мое имя изъ различныхъ мѣстностей латышскаго края, уже нѣсколько лѣтъ занятъ членъ нашего Отдѣла Христіанъ Егоровичъ Баронъ. Въ виду этихъ трудовъ, врядъ-ли окажется удобнымъ напечатать отдѣльно предстоящую небольшую коллекцію *Заравича*. Навѣрно г. *Заравичъ* ничего не будетъ имѣть противъ присоединенія и этихъ его пѣсенъ къ большому собранію латышскихъ народныхъ поэтическихъ произведеній, накопившихся коллективными трудами многихъ, — тѣмъ болѣе, что онъ былъ и теперь еще есть однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ при моихъ Этнографическихъ предпріятіяхъ.

Опредѣлено: просить *Ѳ. Я. Трейланда* списаться съ г. Заравичемъ относительно присоединенія присланнаго имъ сборника латышскихъ пѣсенъ къ матеріаламъ, уже имѣющимся у *Ѳ. Я. Трейланда*.

3. Предсѣдательствующій Н. Ч. *В. Ѳ. Миллеръ* сдѣлалъ сообщеніе по *Вопросу о прародинѣ Арійцевъ*. Референтъ указалъ на то, что въ послѣднія десятилѣтія традиціонное мнѣніе, что Азія была колыбелью Арійцевъ, начинаетъ подвергаться сомнѣнію, и что рядъ ученыхъ — Latham, Benfey, Cuno, Geiger, Pösche, и др. считаютъ прародиной Арійцевъ центральную Европу. Разобравъ критически доводы сторонниковъ Европейской прародины, референтъ пришелъ къ заключенію, что всѣ, до сихъ поръ приводимыя, доказательства въ пользу Европы, какъ прародины Арійцевъ, не болѣе какъ соображенія общаго характера, противъ которыхъ могутъ быть выдвинуты столь же общія соображенія въ пользу азіатской прародины. По мнѣнію референта, положительное рѣшеніе вопроса о прародинѣ можетъ быть достигнуто путемъ лингвистическимъ. Чтобы уяснить этотъ путь, референтъ вошелъ въ лингвистическія подробности относительно степени родства между собою языковъ, принадлежащихъ одной семьѣ, т. е. восходящихъ къ одному праязыку, и показалъ, что *сосѣдніе*, географически, языки одной семьи находятся между собой въ болѣе тѣсномъ родствѣ, нежели *не сосѣдніе* той же лингвистической семьи. Перенося явленія, наблюдаемыя между членами одной семьи языковъ, на отдѣльныя семьи языковъ, референтъ указалъ на то, что и здѣсь двѣ сосѣднія между собой семьи языковъ представляютъ нѣкоторые общіе признаки. Такъ въ наукѣ существуютъ, съ одной стороны, мнѣнія о первоначальномъ родствѣ праязыка индо-европейскаго съ праязыкомъ семитскимъ, съ другой—мнѣнія о такомъ же родствѣ индо-европейскаго съ финскимъ. Если эти мнѣнія основательны, то прародина Арійцевъ должна быть Азія, гдѣ предки Арійцевъ могли сосѣдить съ Финнами съ одной и съ Семитами съ другой стороны,—и не можетъ быть Европа, гдѣ не было одного изъ этихъ условій. Въ виду этого референтъ подробно развилъ взглядъ нѣкоторыхъ семитологовъ и финнологовъ и старался показать, что существуетъ немало родственнаго между индоевропейскимъ праязыкомъ и финскимъ—какъ въ строеніи, такъ и въ знаменательныхъ и въ служебныхъ корняхъ,— и что не меньшее родство существуетъ между праязыкомъ индоевропейскимъ и семитскимъ въ знаменательныхъ корняхъ; что же касается глубокаго различія въ грамматическомъ строѣ семитскаго и арійскаго праязыковъ, то оно не представляетъ непреодолимаго препятствія для признанія родства обоихъ праязыковъ, какъ это было доказано спеціальными работами семитолога Делича.

Высказавшись такимъ образомъ за традиціонное мнѣніе, ищущее прародину Арійцевъ въ Азіи, референтъ, не болѣе какъ въ видѣ гипотезы, поставилъ вопросъ, не были ли Арійцы уже искони расою сложной; расою, сложившейся изъ взаимодѣйствія болѣе чистыхъ въ антропологическомъ отношеніи расъ финской и семитской, сѣверной и южной. Въ пользу этой гипотезы референтъ привелъ данныя Антропологіи—мнѣнія французскихъ антропологовъ объ исконной двойственности арійскаго типа—, Географіи — (срединное положеніе Арійцевъ между Угро Финнами и Семитами),— Исторіи—позднее начало исторической жизни арійскихъ народовъ,— Этнологіи—благопріятные результаты сложнаго состава народности и даже расы и т. п., и старался изъ этой гипотезы уяснить историческое значеніе Индоевропейцевъ.

СОРОКОВОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*19 Октября 1882 г.*).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла происходило въ зданіи Политехническаго Музея, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Непремѣннаго Члена Общества В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи 12-ти дѣйствительныхъ членовъ Общества, секретарей Общества и отдѣловъ и стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ о статьѣ доктора Зеланда «Гиляки», присланной въ Общество. Къ статьѣ приложенъ словарь гиляцкаго языка, въ которомъ болѣе 600 словъ. Указавъ на современное состояніе вопроса объ этомъ языкѣ, г. Предсѣдатель замѣтилъ отсутствіе полной точности, что, къ сожалѣнію, въ доставленной ему рукописи г. Зеланда онъ не находитъ указаній на произношеніе принятой г. Зеландомъ транскрипціи гиляцкихъ словъ, и это обстоятельство дѣлаетъ затруднительнымъ пользованіе его словаремъ.

3. Предсѣдатель изложилъ содержаніе рукописной нѣмецкой статьи г. Пфеннига о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ, къ которой приложены ноты.

4. Членъ Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества С. П. Распоповъ прочелъ сообщеніе о Киргизскихъ народныхъ пѣсняхъ. Пѣсни эти были доставлены въ Оренбургскій отдѣлъ двумя киргизскими султанами въ прозаическомъ переводѣ на русскій языкъ. Г. Распоповъ переложилъ ихъ въ стихотворную форму. Сдѣлавъ общую характеристику Киргизовъ на основаніи этихъ пѣсенъ, референтъ раздѣлилъ всѣ эти произведенія на 4 группы и остановился особенно подробно на пѣсняхъ состязательныхъ, въ одной изъ которыхъ излагаются воззрѣнія Киргизовъ на мірозданіе,—и на пѣсняхъ историческихъ, въ которыхъ говорится о бѣдствіяхъ отъ падежа скота, о необходимости переселенія, о самоуправствѣ зекетчи, коканскихъ сборщиковъ податей. Опредѣлено: благодарить С. П. Распопова за его сообщеніе.

5. Предсѣдатель Отдѣла прочелъ рефератъ «о религіозныхъ вѣрованіяхъ Осетинъ». Опредѣливъ значеніе Кавказа для изученія этнографіи и исторіи народныхъ переселеній, В. Ѳ. Миллеръ обозначилъ мѣсто, занимаемое Осетинами въ ряду другихъ индо-европейскихъ народовъ, и затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію ихъ религіозныхъ вѣрованій. Хотя въ настоящее время Осетины и считаются христіанами, но подъ историческими наслоеніями—христіанскимъ и магометанскимъ - легко, по заявленію референта, открыть и языческій слой. Выяснивъ понятіе Осетинъ о высшемъ существѣ, референтъ перешелъ къ характеристикѣ Дзуаровъ и изедовъ, духовъ, завѣдующихъ разными явленіями міра. Главные изъ этихъ духовъ слѣдующіе: Уацилла — небесный духъ, управляющій громомъ и молніей; Уастырджи, т.-е. св. Георгій, покровитель мущинъ, покровитель честныхъ людей и домашнихъ животныхъ; Тутыръ, властитель волковъ; безъ его воли они не могутъ причинять вреда человѣку и скоту; патронъ овецъ Фалвара, самый милостивый изъ святыхъ; Авсати, властитель надъ дикими животными: ему, какъ патрону, молятся всѣ охотники; Сафа, котораго Осетины считаютъ покровителемъ цѣпи домашняго очага; цѣпь эта имѣетъ священное значеніе у Осетинъ; она играетъ важную роль во время присяги и при свадебномъ обрядѣ; Донбыттыръ, властитель воды (водяной); Аларды; между духами спеціальныхъ болѣзней особеннымъ почитаніемъ пользуется этотъ святой, насылающій оспу. Далѣе референтъ занялся Осетинскимъ культомъ; сначала описалъ святыя мѣста въ Осетіи, извѣстныя также подъ названіемъ дзуаровъ; изъ нихъ самый знаменитый дзуаръ рекомскій; особеннаго рода дзуаромъ считается такъ называемая могила богатыря Сослана. Затѣмъ референтъ перешелъ къ аттрибутамъ культа, каковы: жертвоприношеніе—чиритэ, лепешекъ изъ пшеничной муки, и животныхъ, при чемъ былъ подробно описанъ обрядъ; кувдъ, т.-е. молитва, произносимая главой семьи. Въ заключеніи реферата В. Ѳ. Миллеръ остановился на описаніи общественныхъ поминокъ, указалъ на то, какъ отражается въ похоронныхъ обрядахъ представленіе о загробной жизни, и изложилъ понятіе Осетинъ о душѣ.

7. Секретарь Отдѣла В. М. Михайловскій прочелъ сообщеніе: «Устная словестность южно-африканскихъ народовъ». Матеріаломъ для сообщенія послужилъ журналъ, издаваемый въ Капштатѣ обществомъ для изученія южно-африканской народной словестности. Послѣ краткаго этнографическаго очерка, референтъ изложилъ содержаніе различныхъ произведеній устной словестности Бушменовъ, Зулуевъ, Готентотовъ и Овагереро, преслѣдуя при этомъ двѣ цѣли: съ одной стороны познакомить съ различными формами устной словестности, съ другой стороны сообщить соціологическія данныя, представляемыя этими непосредственными источниками.

8. По предложенію г. Предсѣдателя С. П. Распоповъ былъ избранъ въ члены Этнографическаго Отдѣла Общества.

СОРОКЪ ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

19-го Декабря 1882 г.

Въ зданіи Политехническаго Музея происходило соединенное засѣданіе Антропологическаго и Этнографическаго отдѣловъ Императорскаго Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго члена Общества В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи президента Общества Григорія Ефимовича Щуровскаго, многихъ членовъ Общества и постороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель этнографическаго отдѣла обратилъ вниманіе гг. членовъ на новое періодическое изданіе по этнографіи подъ заглавіемъ Revue d'Ethnographie основанное въ 1882 г. въ Парижѣ г-мъ Гами (Hamy) при содѣйствіи многихъ изъ французскихъ антропологовъ, этнографовъ и археологовъ. Изложивъ цѣль и программу журнала, В. Ѳ. Миллеръ указалъ на нѣкоторыя болѣе интересныя статьи, помѣщенныя въ вышедшихъ книжкахъ и остановился болѣе подробно на статьѣ г-на де Кессака (de Cessac) о племени Команчей, содержащей нѣсколько новыхъ, цѣнныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о бытѣ этихъ сѣверо-американскихъ краснокожихъ.

3. Мих. Ник. Харузинъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Очерки быта населенія Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи.

Референтъ старался отмѣтить главнымъ образомъ сохранившіеся остатки родоваго быта среди инородцевъ Сарапульскаго уѣзда: Вотяковъ и Черемисовъ. Эти остатки замѣтны въ сожитіяхъ большими семьями, въ свадебныхъ обрядахъ и въ употребительныхъ здѣсь родовыхъ знакахъ собственности (тамгахъ). Остановившись на внутреннемъ устройствѣ такъ называемыхъ «большихъ семей», референтъ очертилъ роль старшаго въ семьѣ (кузета) и отношенія его къ членамъ семьи. Переходя затѣмъ къ описанію свадебныхъ вотскихъ обрядовъ, г. Харузинъ и въ нихъ нашелъ указанія на существовавшія нѣкогда слабыя лишь связи между отдѣльными родами жениха и невѣсты и на браки посредствомъ захвата. Но въ современныхъ вотскихъ свадьбахъ главную роль уже играетъ «калымъ» или выкупъ платимый женихомъ семьѣ невѣсты. Отдѣльные акты свадьбы у Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда совершаются съ перерывами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а именно отъ масляницы по Екатерининъ день (24 ноября). За все время между этими сроками невѣста нѣсколько разъ переходитъ то въ семью своего будущаго мужа, то снова въ свою родную семью, пока не водворится окончательно въ семьѣ мужа. Въ заключеніе референтъ указалъ на то, что между прочими знаками собственности, играющими важную роль въ крестьянскомъ быту, особенно достойны примѣчанія такъ называемыя тамги, служащія знаками не только собственности, но и происхожденія и переходящія наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ. Онѣ остаются безъ измѣненія за тѣмъ изъ родичей, который остается въ родной избѣ и видоизмѣняются лишь въ деталяхъ отдѣлившимися отъ семьи членами, которые такимъ образомъ сохраняютъ посредствомъ тамги связь съ своимъ родомъ. Опредѣлено: благодарить г. Харузина за его сообщеніе.

СОРОКЪ ВТОРОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

19-го Марта 1883 года.

19-го марта въ Политехническомъ Музеѣ происходило соединенное засѣданіе отдѣловъ Этнографіи и Антропологіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя этнографическаго Отдѣла Вс. Ѳ. Миллера. Присутствовали: Товарищи Предсѣдателя отдѣла Антропологіи Д. Н. Анучинъ и В. Н. Бензенгръ, Почетные Члены Общества: О. А. Федченко, Е. А. Покровскій, Непремѣнные и Дѣйствительные Члены Общества и Члены отдѣловъ:

Д. И. Иловайскій, В. М. Михайловскій, В. А. Вагнеръ, В. М. Шимкевичъ, Д. Н. Зерновъ, П. И. Митрофановъ, А. И. Кельсіевъ, Н. П. Горежанскій, М. А. Тихомировъ, К. Н. Иковъ и многочисленные сторонніе посѣтители. Обязанности секретаря исправлялъ К. Н. Иковъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Предсѣдатель, В. Θ. Миллеръ заявилъ, что имъ получены отъ секретаря Отдѣла Антропологіи дополненія къ словарю Гиляцкаго языка Др Н. Л. Зеланда, причемъ къ сказанному имъ въ засѣданіи (19-го Октября 1882 года) по поводу этого словаря прибавилъ слѣдующее. Словарь г. Зеланда представляетъ 3 колонны. Въ первой помѣщены слова Николаевскаго нарѣчія гиляцкаго языка, во второй слова сахалинскаго нарѣчія, въ третьей слова такъ называемаго софійскаго языка. Нарѣчія Николаевское и Сахалинское довольно близки между собою и отличаются одно отъ другаго главнымъ образомъ нѣкоторыми фонетическими чертами. Собраніе словъ, составленное г. Зеландомъ и предисловіе къ его словарю, хотя и не даютъ возможности составить точное понятіе о грамматическомъ строеніи гиляцкаго языка, все таки представляютъ значительный интересъ, въ виду того, что о гиляцкомъ языкѣ до сихъ поръ не было болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній. Что-же касается такъ называемаго софійскаго языка (3 й колонны), то онъ не имѣетъ ничего общаго съ гиляцкимъ и принадлежитъ къ семьѣ урало-алтайскихъ языковъ, распадающейся на 5 группъ: финскую, тюркскую, самоѣдскую, монгольскую и тунгузскую. Софійскій языкъ принадлежитъ къ группѣ тунгузской, къ которой относится и языкъ манджурскій. Чтобы показать принадлежность софійскаго языка именно къ тунгузской группѣ, В. Θ. Миллеръ сличилъ встрѣчающіяся въ спискѣ г. Зеланда софійскія имена числительныя, мѣстоименія и названія родства съ тунгузскими и манджурскими.

3) К. Н. Иковъ доложилъ сообщеніе Д. Ч. Общества, А. А. Титова подъ заглавіемъ: «Куколка» (прилагается къ протоколу).

4) П. А. Кулаковскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «празднованіе Славы у Сербовъ».

Сообщивъ о названіяхъ этого праздника у Сербовъ (слава, крсноиме, благ дан, свето) и его значеніи, референтъ перешелъ къ изученію порядка этого празднованія, причемъ указалъ на нѣкоторыя различія въ празднованіи Славы по мѣстностямъ, занимаемымъ сербскою народностью. Указавъ нѣкоторыя оригинальныя здравицы и обычаи, референтъ сообщилъ о видахъ славы (родовая или семейная, сельская или общинная, церковная и школьная). Значеніе Славы опредѣляется лучше всего по народнымъ пѣснямъ, почему референтъ остановился на содержаніи нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ говорится объ этомъ обычаѣ. Упомянувъ далѣе о дняхъ празднованія Славы и о значеніи ихъ для празднованія родственной связи, референтъ остановился на разсмотрѣніи мнѣній о происхожденіи этого обычая.

Постановлено: благодарить П. А. Кулаковскаго за предложенное имъ сообщеніе.

Куколка.

(Сообщеніе дѣйствительнаго члена А. А. Титова).

Въ заозерномъ селѣ Угодичахъ, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи доселѣ удержался обрядъ завиванія нитокъ, — при чемъ поется пѣсня «Куколка». Правда, въ послѣднее время этотъ обрядъ держится только у малолѣтнихъ дѣвочекъ, тогда какъ не много лѣтъ тому назадъ завиваніе нитокъ было обязательно для всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ. Обрядъ этотъ совершается теперь въ Угодичахъ слѣдующимъ образомъ: небольшія дѣвочки собираются въ недѣлю женъ Мироносицъ въ извѣстномъ количествѣ въ домѣ одной изъ нихъ и составляютъ изъ извѣстнаго числа нитокъ «Плетеницу», кольцеобразно, которую украшаютъ различными лентами и сквозь нее онѣ по очередно цѣлуются попарно, каждая съ избранной своей подругой. Это у нихъ называется «кумиться». Потомъ онѣ вѣшаютъ эту плетеницу-кольцо секретно отъ другихъ, на малиновый или смородинный кустъ, предварительно избравъ изъ среды себя должностныхъ лицъ: куму, подкумье и раскумье. Въ это время каждая пара имѣетъ всеобщее между собою, не исключая и пищи, которую приносятъ онѣ каждая съ собою, потомъ изъ общихъ припасовъ изготовляютъ для нихъ чай и хорошій обѣдъ и ужинъ. Въ тотъ день, кромѣ кумы и подкумья, ходятъ онѣ къ обѣднѣ, а тѣ въ это время убираютъ въ тайное мѣсто, извѣстное только имъ двумъ, кольцо плетеницу. Послѣобѣденное время до ужина онѣ проводятъ въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ и пѣніи пѣсенъ.

Это первая половина загадочнаго обряда. Вторая половина заканчивается Троицынымъ днемъ; до обѣдни всѣ кромѣ кумы и подкумья ищутъ спрятанную плетеницу, а нашедши развиваютъ ленты съ нея и украшаютъ ими березку; потомъ всѣ идутъ къ обѣднѣ, послѣ которой тоже изъ общихъ припасовъ пьютъ чай, затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда кума беретъ плетеницу, а подкумье разукрашенную лентами березку и всѣ гурьбой съ пѣснями идутъ по улицамъ къ озеру, гдѣ расплетаютъ плетеницу, дѣлятъ ее по частямъ между собою и спускаютъ нитки на воду, выводя изъ этого различныя замѣчанія о своемъ будущемъ.

Игры, пѣсни, чай и ужинъ заканчиваютъ этотъ

таинственный обрядъ. Замѣчательно при этомъ то, что если которая дѣвица отстанетъ послѣ первой части обряда и не пожелаетъ участвовать въ другой, то она почитается измѣнницей и въ теченіе всего лѣта имѣютъ ее въ подозрѣніи и не принимаютъ въ свое общество.

Слова пѣсни слѣдующія:

Куколка ты куколка,
Не малая—малая,
Зачѣмъ долго не была?
Боялася тіуна *),
Тіунъ тебѣ не судья,
Судья то владыка,
Владыкины дѣти
Хотятъ улетѣти,
Шишомъ вышелъ,
Вонъ пошелъ.

*) Въ послѣднее время слово тіунъ дѣтьми замѣняется—„тиунъ", но старики крестьяне мнѣ сказывали лично, что еще до 60 годовъ настоящаго столѣтія употребляли слово „тіунъ".

5) Въ закрытомъ засѣданіи Предсѣдатель Отдѣла В. Ѳ. Миллеръ доложилъ письмо М. Н. Харузина, гдѣ онъ сообщаетъ, что, предпринимая поѣздку въ землю Войска Донскаго съ цѣлью изученія обычнаго права, онъ проситъ о выдачѣ ему открытаго листа отъ Общества.

Постановлено сообщить г. Наказному атаману земли Войска Донскаго о цѣли поѣздки М. Н. Хорузина и просить его о возможномъ содѣйствіи послѣднему.

6) Предсѣдатель заявилъ, что Секретарь Отдѣла Д. Ч. В. М. Михайловскій, избранный недавно предсѣдателемъ учебнаго отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній, не находитъ, по недостатку времени, возможности исполнять обязанность секретаря Этнографическаго отдѣла. Въ виду этого В. Ѳ. Миллеръ заявилъ, что имъ приглашенъ въ секретари Этнограф. Отдѣла Д. Ч. Общества М. М. Ковалевскій.

СОРОКЪ ТРЕТЬЕ ЗАСѢДАНІЕ.

9-го Апрѣля 1883 года.

Въ Политехническомъ Музеѣ происходило соединенное засѣданіе отдѣловъ Антропологіи и Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Этнографіи Вс. Ѳ. Миллера. Присутствовали: Товарищъ предсѣдателя отдѣла Антропологіи Д. Н. Анучинъ, Почетные члены Общества: О. А. Федченко, Е. А. Покровскій, непремѣнные и дѣйствительные члены Общества и члены отдѣловъ: Д. И. Иловайскій, Ѳ. Я. Трейландъ, Н. П. Горожанскій, К. Н. Иковъ, М. Н. Харузинъ, К. А. Шапошниковъ, В. К. Попандопуло, В. М. Шимкевичъ, П. П. Петровъ, И. Л. Севрюгинъ, Н. В. Насоновъ, Г. И. Шлейферъ, Секретарь Этногр. Отдѣла М. М. Ковалевскій и 39 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель Вс. Ѳ. Миллеръ обратилъ вниманіе Общества на два первые выпуска сборника, издающагося въ Тифлисѣ, подъ названіемъ: Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Инииціатива этого изданія принадлежитъ управленію кавказскаго учебнаго округа, которое съ цѣлью поддержанія «духовной дѣятельности» преимущественно учителей начальныхъ училищъ, пригласило ихъ участвовать въ трудѣ собиранія географическихъ, этнографическихъ, статистическихъ и другихъ матеріаловъ по мѣстностямъ, въ которыхъ они живутъ и гдѣ сосредоточена ихъ дѣятельность, имѣя въ виду, что работы по описанію отдѣльныхъ мѣстностей Кавказа могутъ современемъ представить цѣнный матеріалъ для описанія цѣлаго края. Съ цѣлью познакомить всѣхъ желающихъ съ характеромъ работы, управленіе округа помѣстило, въ видѣ введенія къ 1-му выпуску, подробную программу для собиранія матеріаловъ и перечень важнѣйшихъ сочиненій по Кавказу. Программа составлена просто, удобопонятно и обстоятельно, обнимаетъ рядъ вопросовъ по топографіи, физической географіи, климатологіи, геологіи, ботаникѣ и зоологіи, статистикѣ, матеріальному и духовному быту и снабжена образцами таблицъ для собиранія нѣкоторыхъ данныхъ. На приглашеніе округа скоро откликнулись изъ разныхъ мѣстностей Кавказа, такъ что скопился значительный матеріалъ, часть котораго вошла въ два изданные (1881—1882 г.) выпуска. Каждый выпускъ распадается на два отдѣла: въ первомъ помѣщены описанія мѣстностей, согласно съ программой, второй отдѣлъ предназначенъ для этнографическихъ очерковъ.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе статей, помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ выпускахъ, В. Ѳ. Миллеръ ограничился нѣкоторыми замѣчаніями о болѣе важныхъ матеріалахъ. Въ первомъ выпускѣ онъ обратилъ вниманіе на сказанія татаръ горцевъ Пятигорскаго округа, собранныя и пере-

веденныя г. Урусбіевымъ. Эти сказанія о богатыряхъ (нартахъ) представляютъ значительный интересъ для исторіи Кавказскаго эпоса. Во второмъ выпускѣ В. Ѳ. Миллеръ остановился на пѣснѣ Хойскаго Вартана, армянскаго народнаго пѣвца, на народныхъ легендахъ, пріуроченныхъ къ горамъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, (изъ которыхъ преданіе о царевичѣ Темлихѣ и его товарищахъ, проспавшихъ триста лѣтъ въ пещерѣ, представляетъ любопытный варіантъ къ сказанію о семи эфесскихъ юношахъ, извѣстному и изъ Корана), на свидѣтельствѣ о существованіи какой-то древней статуи по дорогѣ изъ Карабудахкента, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ Эрмени-булагъ (статуя-Армянинъ) и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ. Вообще вышедшіе выпуски сборника, кромѣ описанія нѣсколькихъ городовъ и селъ, содержатъ рядъ интересныхъ данныхъ о нѣсколькихъ Кавказскихъ народностяхъ—Армянахъ, Грузинахъ, Осетинахъ, Закавказскихъ Татарахъ, Балкарцахъ и жителяхъ Дагестана.

3. Непремѣнный членъ Общества Ѳ. Я. Трейландъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ „Крестинные обряды у Латышей". Референтъ представилъ подробное описаніе латышскихъ обрядовъ, начиная съ момента рожденія ребенка до послѣднихъ минутъ крестиннаго пиршества.

Большинство этихъ обрядовъ тѣсно связаны съ народными пѣснями, изъ которыхъ референтъ предложилъ многочисленныя извлеченія, пользуясь своими богатыми, еще не изданными, сборниками латышскихъ пѣсенъ.

При изложеніи обрядовъ Ѳ. Я. Трейландъ обратилъ особенное вниманіе на черты народныхъ суевѣрій, которыя еще до сихъ поръ въ значительной чистотѣ сохранились у Латышей, какъ, напримѣръ, представленіе о Лаймѣ, обычай класть ребенка, по возвращеніи изъ церкви послѣ крещенія, къ устью печи, присутствія девяти кумовьевъ, пляска съ ребенкомъ и многое другое. — Опредѣлено: просить Ѳ. Я. Трейланда о продолженіи его сообщеній о бытѣ Латышей и имѣть въ виду настоящее сообщеніе для напечатанія въ Трудахъ Отдѣла.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

23-го Апрѣля 1883 года.

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. Вс. Ѳ. Миллера. Присутствовали: дѣйствительные члены Общества и отдѣловъ: Н. Ю. Зографъ, К. Н. Шапошниковъ, А. А. Тихомировъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Халатіанцъ, П. Митрофановъ и 26 стороннихъ посѣтителей. Обязанности секретаря за отъѣздомъ изъ Москвы М. М. Ковалевскаго исправлялъ В. М. Михайловскій.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Членъ Сотрудникъ Общества Г. А. Халатіанцъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Общій Очеркъ Армянскихъ народныхъ сказокъ. Референтъ, знакомя съ содержаніемъ нѣкоторыхъ армянскихъ сказокъ, имѣлъ цѣлью показать ихъ сходство со сказками славянскихъ, германскихъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ. Источниками для очерка г-ну Халатіанцу послужили сочиненія нѣкоторыхъ древнихъ армянскихъ писателей, двухъ, трехъ авторовъ позднѣйшаго времени и, главнымъ образомъ, преданія и сказки, записанныя со словъ мѣстныхъ жителей. Сходство между армянскими сказками и сказками другихъ народовъ обнаруживается и въ общности сюжетовъ и въ нѣкоторыхъ сказочныхъ деталяхъ: такъ у армянъ весьма распространены сказки про драконовъ, про вѣдьмъ, про золотого соловья, соотвѣтствующаго русской жаръ-птицѣ, про злыхъ духовъ (дэвовъ) и т. п. Въ нихъ также играютъ роль шапки-невидимки, скатерти самобранки, волшебные мечи, живая вода, моложавыя яблоки и т. п. Но особенный интересъ представляютъ сказанія, прикрѣпленныя къ нѣкоторымъ мѣстностямъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ легендъ сохранились отголоски сѣдой старины. Таково, приведенное референтомъ, сказаніе объ одномъ источникѣ близъ г. Вана, носящемъ названіе священнаго очага. Въ немъ, по народному повѣрію, плаваетъ рыба-женщина съ серебрянымъ кольцомъ, продѣтымъ чрезъ носъ. Прежде она была попадьей и обладала необычайной красотой. Однажды пришелъ къ ней нищій, котораго она поцѣловала въ тотъ самый моментъ, когда вошелъ ея мужъ. Немедленно попъ и попадья впали въ горящій очагъ, который превратился въ источникъ. Мужъ сгорѣлъ, а жена приняла видъ рыбы-женщины. Въ этомъ народномъ преданіи нужно видѣть отголосокъ культа богини Деркето, изображавшейся также полу-рыбой, полу-женщиной. Культъ этотъ былъ распространенъ въ передней Азіи и личность Деркето слилась съ личностью ассирійской богини

Семирамиды, являющейся въ армянскихъ сказаніяхъ подъ именемъ царицы Шамирамъ, строительницы города Вана. Опредѣлено: благодарить референта за предложенное имъ сообщеніе.

3. Членъ сотрудникъ Общества К. А. Шапошниковъ прочелъ сообщеніе объ Алтайскихъ Калмыкахъ. Референтъ сдѣлалъ очеркъ быта этихъ инородцевъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ отъ депутатовъ, отправленныхъ ими въ Москву по случаю Священнаго Коронованія Государя Императора. Опредѣлено: благодарить референта за предложенное имъ сообщеніе.

СОРОКЪ ПЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

13-го Декабря 1883 года.

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Непремѣннаго члена В. Ѳ. Миллера. Присутствовали: Товарищъ предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла В. Н. Бензенгръ, непремѣнные и дѣйствительные члены Общества и Отдѣла: А. А. Тихомировъ, В. М. Михайловскій, Н. Ю. Зографъ, А. И. Кельсіевъ, Дм. Мих. Струковъ, М. Н. Харузинъ, Секретарь Отдѣла М. М. Ковалевскій и 27 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Товарищъ Предсѣдателя Антрополог. Отдѣла В. Н. Бензенгръ передалъ въ библіотеку Общества экземпляръ Catalogue du Musée Guimet (1883 г.) Première partie: Inde, Chine et Japon—и сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ этнографическомъ Музеѣ въ Ліонѣ.

3. Получены приношенія книгами и брошюрами отъ Н. П. Горожанскаго: guide de la conversation française-basque par Labourdin (1873 г.), отъ Д. М. Струкова: о поѣздкѣ въ г. Маріуполь къ переселенцамъ древняго христіанскаго Крыма (отдѣльный оттискъ статьи автора изъ Москов. Церков. Вѣдомостей); отъ В. Ѳ. Миллера: Очерки Арійской Миѳологіи Т. I, Осетинскіе Этюды Т. I и II и отдѣльные оттиски нѣкоторыхъ его статей этнографическаго содержанья.

4. Предсѣдатель доложилъ письмо на его имя отъ Н. Ч. Ф. Д. Нефедова, представляющее краткій отчетъ о совершенной имъ лѣтомъ 1883 г., по порученію Общества, поѣздкѣ съ этнографическою цѣлью въ губерніи Костромскую, Саратовскую и Оренбургскую.

5. Предсѣдатель представилъ краткій отчетъ о поѣздкѣ предпринятой имъ лѣтомъ 1883 г. съ этнографическою цѣлью въ нѣкоторыя мѣстности Кавказа, причемъ онъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду изученіе южныхъ Осетинъ и собираніе матеріаловъ для Осетинско-русскаго словаря. Сообщивъ вкратцѣ о результатѣ поѣздки, В. Ѳ. Миллеръ привелъ нѣкоторыя изъ записанныхъ имъ на сѣверномъ и южномъ Кавказѣ народныхъ преданій, въ которыхъ либо отразились историческія воспоминанія (напримѣръ о Царицѣ Тамарѣ, Оси-бакатарѣ, присоединеніи Грузіи къ Россіи), либо къ мѣстнымъ легендамъ были пріурочены историческія имена (напримѣръ, преданіе о канавѣ Тамерлана). Прилагается къ протоколу.

6. Д. Ч. В. М. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе о происхожденіи Друидизма. Референтъ указалъ на увлеченіе Друидизмомъ, которымъ проникнуты воззрѣнія на него нѣкоторыхъ ученыхъ, каковы Анри Мартэнъ и Мишлэ. Послѣдніе видѣли въ друидахъ могущественную и просвѣщенную корпорацію, выработавшую мистическое религіозное ученіе и напоминавшую, по своему значенію, роль брагмановъ въ древней Индіи. Между тѣмъ фактическія свѣдѣнія о друидахъ крайне отрывочны и неопредѣленны. Приведя изъ древнихъ писателей (Цезаря, Цицерона, Діодора Сицилійскаго, Страбона, Помпонія Мэлы, Тацита, Плинія и др.) рядъ цитатъ о друидахъ, референтъ изложилъ взгляды на друидизмъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, какъ французскихъ (Гедоза, Дежардена, Фюстель-де-Куланжа, Дарбуа-де-Жюбенвиля), такъ и англійскихъ (Эльтона, Риса и Скина). Болѣе обстоятельное изслѣдованіе вопроса обнаружило, что не всѣ кельтскія племена имѣли друидовъ, что они существовали у западной (т. наз. Гэделійской) вѣтви кельтовъ, къ которой принадлежали кельты въ Ирландіи, Шотландіи, и отъ этой вѣтви друидизмъ распространился у восточныхъ кельтовъ (Галловъ). По мнѣнію Дарбуа-де-Жюбенвиля, друиды появились въ Галліи, какъ миссіонеры, не задолго до Цезаря, изъ Британіи, которую слѣдуетъ считать родиной друидизма. Познакомивъ затѣмъ съ гипотезой Эльтона, которой находитъ въ друидизмѣ черты, напоминающія шаманизмъ и объясняетъ его возникновеніе у Кельтовъ Британіи вліяніемъ, оказаннымъ на нихъ древнѣйшимъ туземнымъ неарійскимъ населеніемъ, такъ называе-

ными Силурами, застигнутымъ Кельтами въ Британіи, В. М. Михайловскій привелъ нѣкоторыя соображенія въ пользу этой гипотезы.

Сообщеніе В. М. Михайловскаго вызвало обмѣнъ мнѣній между референтомъ, предсѣдателемъ и секретаремъ отдѣла М. М. Ковалевскимъ, причемъ послѣдніе не находили правдоподобнымъ предположеніе Эльтона.

7. Членъ Отдѣла М. Н. Харузинъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Очеркъ поземельныхъ и семейныхъ отношеній среди Донскихъ казаковъ. Представляя отчетъ этнографическому отдѣлу о совершенной имъ, по порученію Общества, минувшимъ лѣтомъ поѣздкѣ въ Области Войска Донскаго, референтъ сначала въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ типы мѣстнаго населенія, причемъ отмѣтилъ выдающіяся черты казаковъ низовыхъ и верховыхъ. Затѣмъ референтъ перешелъ къ изложенію особенностей въ мѣстномъ быту. Эти особенности онъ видитъ въ способахъ пользованія землей пахотной, въ строѣ казацкой семьи и въ положеніи женщины. Остановившись на этихъ трехъ сторонахъ быта, референтъ описалъ сначала станицы, въ которыхъ общинное землевладѣніе находится еще въ зародышѣ, причемъ отмѣтилъ всѣ неудобства такого пользованія землей. Затѣмъ старался прослѣдить постепенный процессъ урегулированія поземельныхъ отношеній. Наконецъ описалъ типъ тѣхъ станицъ, въ которыхъ земля передѣлена по примѣру великорусскихъ общинъ. Затѣмъ референтъ указалъ на отличительныя особенности казацкой семьи, а именно: преобладаніе на Дону семей «малыхъ» и на убѣжденіе казаковъ въ томъ, что рано или поздно необходимо отдѣлять своихъ дѣтей на особое жительство. Въ заключеніе референтъ описалъ положеніе казачки въ былое время, когда еще на Дону господствовалъ бракъ «на Майданѣ», и въ настоящее время, когда положеніе ея по прежнему тягостно, вслѣдствіе казацкихъ возрѣній на женщину и особыхъ условій военнаго строя казацкой жизни.

По поводу сообщенія г. Харузина были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія В. Н. Бензенгромъ и М. М. Ковалевскимъ.

8. Секретарь Отдѣла М. М. Ковалевскій обратилъ вниманіе Отдѣла на вышедшее въ Тифлисѣ въ 1883 г. изслѣдованіе о Курдахъ г. Егіазаріанца. Это изслѣдованіе представляетъ весьма обстоятельный и цѣнный этнографическій очеркъ этого народа, на основаніи данныхъ, собранныхъ авторомъ на мѣстѣ, въ Эриванской губерніи. Авторъ приводитъ интересныя подробности о разложеніи родоваго быта, о кровной мести, о попечительствѣ, о видахъ владѣнія землей, о культѣ домашняго очага и т. п.

Кавказскія легенды.

I.

Кабардинская легенда о рвѣ Тамерлана.

(Сообщ. Вс. Ѳ. Миллера).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго Кавказа замѣтны слѣды рва, тянувшагося нѣкогда на громадное протяженіе отъ Дербента до Чернаго моря. Таково по крайней мѣрѣ народное повѣрье. Слѣды рва очень замѣтны въ различныхъ мѣстахъ Чечни, за Аргуномъ, около укрѣпленія Воздвиженскаго, въ Малой-Чечнѣ и надъ Терекомъ. Намъ случалось видѣть слѣды этого рва въ Кабардѣ по дорогѣ со станціи Котляревской въ городъ Нальчикъ. И въ Чечнѣ, и въ Кабардѣ сооруженіе рва приписывается преданіемъ Аксакъ-Тимуру или Аксакъ-Темиру, какъ на Кавказѣ зовутъ Тамерлана. Впрочемъ подробности преданія различны. Въ Чечнѣ говорятъ, что у Аксакъ-Темира пропалъ сынъ; чтобъ отыскать его, онъ собралъ многочисленное войско и рѣшился или покорить міръ или отыскать сына. Чтобы вѣрнѣе возвратиться обратно, онъ копалъ по пройденной дорогѣ ровъ, который такимъ образомъ шелъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго. Сынъ Тамерлана, служившій табунщикомъ у хана Тохтамыша, ускакалъ отъ послѣдняго на чудномъ конѣ *турпалѣ* и присоединился къ войску отца *). Совершенно другія подробности преданія объ Аксакъ-Тимурѣ и рвѣ сообщилъ намъ въ г. Нальчикѣ одинъ изъ таубіевъ (горскихъ князей) Урусбіевскаго аула г. Хамзатъ Урусбіевъ. Интересъ этой легенды заключается въ томъ, что въ ней къ мѣстному древнему сооруженію прикрѣплено съ одной стороны историческое имя, съ другой—восточная, чудесная сказка. Вотъ эта легенда.

Жилъ былъ въ городѣ Дербентѣ царь Аксакъ-Темиръ. У него была красавица дочь, которую онъ воспитывалъ въ строгомъ заключеніи въ гаремѣ. Постоянно окруженная прислужницами, она никуда не выходила изъ дворца и изъ мужчинъ видѣла только отца, которой ее любилъ до безумія. Вотъ отецъ сталъ замѣчать, что дочь его худѣетъ, блѣднѣетъ и страдаетъ какой-то непонятной болѣзнью. Обезпокоенный болѣзнью дѣвушки, отецъ сталъ ее допрашиватъ, но она ничего ему не сказала.

За нѣсколько лѣтъ до болѣзни Аксакъ Темировой дочери, въ Стамбулѣ жилъ одинъ бѣдный безсемейный мулла съ своимъ ученикомъ, котораго очень любилъ. Заболѣвъ и предчувствуя приближеніе смерти, мулла подозвалъ ученика и сказалъ ему, что, неимѣя никакого имущества, онъ завѣщаетъ ему свой *каламдаръ* **), но подъ тѣмъ условіемъ,

*) Смотр. Сборникъ Свѣдѣній о Кавказ. Горцахъ, Вып. VI, Отд. 1, стр. 41.

**) Пеналъ съ письменными принадлежностями *каламомъ* и чернильницей.

чтобъ ученикъ никогда не открывалъ его изъ любопытства. Съ этими словами мулла умеръ. Похоронивъ учителя, *сохта* (ученикъ) сталъ раздумывать о его завѣщаніи и его начало мучать любопытство посмотрѣть содержимое каламдара. Нѣсколько дней онъ боролся съ этимъ чувствомъ, наконецъ не выдержалъ, открылъ каламдаръ и совершенно разочаровался въ своей надеждѣ найти въ немъ золотыя монеты. Вмѣсто нихъ онъ нашелъ только огарокъ отъ свѣчки и, разсерженый на покойнаго учителя, бросилъ свѣчку въ уголъ комнаты. Вернувшись однажды домой поздно вечеромъ, сохта хотѣлъ засвѣтить огонь, но не нашелъ у себя свѣчей. Тутъ онъ вспомнилъ о брошенномъ въ уголъ огаркѣ, разыскалъ его и зажегъ. Вдругъ вся комната озарилась необыкновеннымъ свѣтомъ и передъ ошеломленнымъ сохтой явилась толпа духовъ (джинновъ), оказывавшихъ ему знаки величайшаго уваженія. «Что приказываешь повелитель?» говорили ему джинны. Сохта пришелъ въ себя и, какъ молодой человѣкъ, пожелалъ, чтобъ джинны немедленно принесли ему первую красавицу въ мірѣ. Джинны мгновенно исчезли, но скоро снова вернулись, неся на рукахъ спящую красавицу. Она оставалась у сохты до разсвѣта, когда джинны снова унесли ее съ собою. Не трудно догадаться, что приносимая джиннами красавица была дочерью Аксакъ Темира, и что періодъ нездоровья ея совпалъ съ этими ночными странствованіями. Между тѣмъ Аксакъ-Тимуръ, обезпокоенный нездоровьемъ дочери, собралъ въ Дербентѣ на совѣтъ всѣхъ мѣстныхъ мудрецовъ, кудесниковъ и врачей, чтобы узнать отъ нихъ причину ея нездоровья. По совѣту мудрецовъ, царь снова разспрашиваетъ дочь, и она сообщаетъ ему, что съ ней творится что-то необычайное: каждую ночь какія-то силы уносятъ ее въ неизвѣстную страну къ какому-то молодому человѣку и затѣмъ приносятъ подъ утро обратно. Все это ей чудится какъ бы во снѣ... Выслушавъ разсказъ дочери, отецъ передалъ его мудрецамъ. Чтобъ узнать, куда уносятъ джинны царевну, мудрецы посовѣтовали царю приказать дочери, въ ближайшее ея путешествіе, взять въ домѣ молодаго человѣка какую нибудь вещь. Царь поступилъ по ихъ совѣту и дѣйствительно на слѣдующее-же утро въ рукахъ спящей царевны нашли яблоко. Яблоко было представлено мудрецамъ и тѣ рѣшили что такія яблоки водятся только въ Стамбулѣ и несомнѣнно въ этомъ городѣ живетъ молодой человѣкъ, къ которому джинны носятъ царевну. Тогда Аксакъ-Темиръ объявилъ войну Стамбульскому царю, двинулъ противъ этого города огромное войско и подступилъ къ нему съ суши и съ моря. Затѣмъ онъ послалъ парламентеровъ къ царю Стамбула съ требованіемъ, чтобъ онъ выдалъ ему его врага, молодаго человѣка; въ противномъ случаѣ онъ разгромитъ весь городъ. Для выдачи былъ назначенъ извѣстный срокъ и несчастные Стамбульцы терялись въ догадкахъ, кто-бы изъ нихъ могъ быть этотъ требуемый врагъ Темира. Срокъ уже исходилъ, когда Сохта случайно на базарѣ узналъ о требованіи Темира и догадался, что дѣло идетъ о немъ. Рѣшившись спасти своихъ согражданъ, онъ признался, что Аксакъ Темиръ требуетъ именно его и въ назначенный часъ былъ отправленъ въ лагерь непріятеля. Увидавъ молодаго человѣка, Аксакъ Темиръ не повѣрилъ сначала его словамъ. Тогда въ присутствіи Темира Сохта зажегъ свою свѣчку, вызвалъ джинновъ и велѣлъ имъ принесть Темирову дочь изъ Дербента. Это было исполнено джиннами въ одно мгновеніе. Пораженный этимъ, Темиръ сказалъ молодому человѣку: „Я царь людей, ты же царь джинновъ: мы равны. Ты достоинъ быть моимъ зятемъ“. Затѣмъ Темиръ помиловалъ Стамбулъ и отпраздновалъ у его стѣнъ свадьбу своей дочери съ молодымъ человѣкомъ, причемъ граждане Стамбула принесли ему богатые дары. Переплывъ на корабляхъ Черное море, Темиръ съ войскомъ высадился на Кавказскомъ его берегу, и отсюда повелъ войско въ Дербентъ. Войско было такъ многочисленно, что протоптанная имъ тропа стала широкимъ и глубокимъ рвомъ, остатки котораго и доселѣ видны и слывутъ подъ именемъ дороги зятя.

II.

Южно-Осетинская легенда о царицѣ Тамарѣ и завоеваніи Грузіи Русскими.

При грузинской царицѣ Тамарѣ (1184—1212) и вѣроятно еще раньше, при Давидѣ II, значительная часть сѣвернаго Кавказа, въ томъ числѣ и Осетія, была въ вассальной зависимости отъ Грузіи. Имя Тамары до сихъ поръ извѣстно каждому Осетину. Ей приписываетъ преданіе сооруженіе почти всѣхъ древнихъ церквей и монастырей. Помимо славы ея какъ правительницы, имя ея могло остаться въ народной памяти и потому, что она была замужемъ (вторымъ бракомъ) за Давидомъ Сосланомъ, сыномъ Джадароса, осетинскаго князя изъ рода Багратидовъ. Интересъ приводимаго ниже осетинскаго преданія, записаннаго нами въ аулѣ Джавѣ въ южной Осетіи, состоитъ въ томъ, что имя Тамары народная память связала съ послѣднимъ царемъ Грузіи и съ воспоминаніемъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Въ народной легендѣ мы видимъ хронологическій скачекъ отъ конца XII и начала XIII вѣка къ началу нынѣшняго столѣтія, причемъ первая половина преданія носитъ вполнѣ сказочный характеръ, вторая-же представляетъ нѣкоторыя, хотя сильно спутанныя, историческія черты. Вотъ это преданіе въ переводѣ съ осетинскаго:

Тамаръ-дудупали [1]) была бездѣтная царица. Жила она на горѣ Бурсамбели (или Бурсабзели [2]). Однажды она отправилась изъ своего замка въ Имеретію и сказала служанкѣ, оставляя ей ключъ отъ одной запертой комнаты: „никому не отдавай этого ключа и сама не отпирай двери". Когда Тамара уѣхала, служанка, мучимая любопытствомъ, отперла дверь. Вдругъ изъ комнаты вылетѣла утренняя звѣзда и поднялась высоко, высоко на небо. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ все небо заволокло и пошелъ обильный снѣгъ. Увидя это, Тамара поспѣшила вернуться домой. Когда она доѣхала до мѣста Они (по осетински Уонi), то снѣгъ доходилъ ея коню до лопатокъ (по осет. уон, мн. ч. уäнтä); поэтому и мѣсто назвалось Уони (нынѣ городъ Они). Отсюда она пріѣхала въ Кударъ и здѣсь умеръ ея конь. Поэтому это мѣсто и зовется Кударъ (Кудар—по грузински покойникъ). Наконецъ она пріѣхала домой и наказала строго служанку за неповиновеніе.

Въ одинъ ясный день солнечный лучъ палъ на Тамару и она забеременѣла [3]) Въ теченіе года она разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ и, опасаясь стыда, велѣла отнести его въ лѣсъ и тамъ оставить. Мальчикъ былъ спасенъ отъ голодной смерти ланью, которая давала ему сосать. Однажды охотникъ, увидя лань, прицѣлился въ нее, но, замѣтивъ около нея мальчика, подошелъ ближе и лань убѣжала. Охотникъ — родомъ изъ Дзицоевыхъ — взялъ мальчика, принесъ его домой и сталъ воспитывать. Когда мальчикъ выросъ, охотникъ заставлялъ его пасти барановъ. Однажды къ мальчику прилетѣла сорока и проговорила человѣчьимъ голосомъ: „сегодня за тобой пріѣдутъ двѣнадцать всадниковъ". Мальчикъ вернулся домой, разсказалъ объ этомъ чудѣ охотнику и тотъ нарядилъ его и далъ ему оружіе.

Дѣйствительно въ тотъ же день пріѣхали къ охотнику двѣнадцать всадниковъ, взяли съ собой его воспитанника и отвезли въ Тифлисъ. Его представили Тамарѣ и когда онъ понравился ей лицомъ и мужественнымъ видомъ, объявили, что онъ ея сынъ. Впослѣдствіи его женили и у него родилось три сына. Послѣ его смерти они начали враждовать между собою. Двое младшихъ — Александръ и Леванъ—не хотѣли подчиняться старшему Гіорги. [4]) Тогда Гіорги написалъ письмо русскому царю (урыспатджахъ): «Въ моей странѣ неурядица, приди и возьми ее себѣ». Русскій царь собралъ войско, разбилъ Левана и Александра и овладѣлъ страной. Царя Гіорги онъ взялъ съ собой въ Москву и положилъ ему большое жалованье. Леванъ и Александръ прибѣжали въ Наръ (аулъ въ южной Осетіи) и тамъ поселились. Тогда русскій царь послалъ имъ сказать. «Выходите, заключимъ миръ». Они вышли, но въ м. Раро имъ сдѣлали засаду. Александръ былъ убитъ, а Леванъ оттуда убѣжалъ, — дѣлая прыжки въ восемь лезгинскихъ бурокъ,—и ушелъ къ Татарамъ, гдѣ и сложилъ голову.

СОРОКЪ ШЕСТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*31-го Апрѣля 1884 года*).

Засѣданіе происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. В. Ѳ. Миллера. Присутствовали непремѣнные и дѣйствительные члены Общества и Отдѣла: П. Н. Даниловъ, Н. Ю. Зографъ, П. А. Кулаковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Тихомировъ, М. Н. Харузинъ, И. Т. Чернецовъ и 87 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Предсѣдатель отдѣла В. Ѳ. Миллеръ прочелъ слѣдующій некрологъ извѣстнаго собирателя памятниковъ народнаго творчества и изслѣдователя быта крестьянъ западно-русскаго края Павла Платоновича Чубинскаго.

«Ряды русскихъ этнографовъ понесли на дняхъ

---

[1]) Грузин. дедопали—царь.

[2]) Гора названа такъ потому, что ея вершина напоминаетъ *Сабдзели*—(груз.) плетеный сарайчикъ для самана, т. е. соломы отъ вымолоченнаго хлѣба. Бур—по осетински—желтый.

[3]) Другое преданіе разсказываетъ, что придворные, видя, что послѣ Тамары нѣтъ наслѣдника, напоили ее пьяной и въ этомъ видѣ свели ее съ сыномъ одного слуги Бакара.

[4]) Здѣсь преданіе представляетъ удивительный скачекъ отъ безыменнаго сына Тамары къ Георгію XII Ираклієвичу послѣднему царю Грузіи, умершему въ 1800 году (28 декабря). Преданіе запомнило обращеніе его къ Россіи съ просьбою о помощи, хотя спутало дальнѣйшее: Георгій умеръ въ Грузіи, и не выселялся въ Россію. Александръ дѣйствительно бѣжалъ, но къ Персамъ, для того чтобы, заручившись помощью Персіи и мелкихъ сосѣдей, помѣшать царевичу Давиду (сыну Георгія) занять царскій престолъ. Кто такой *Леванъ*, упоминаемый въ преданіи сказать трудно. Можетъ быть Леванъ поставленъ на мѣсто царевича Юлона Ираклієвича.

начительную утрату. 16-го января скончался въ Кіевѣ въ возрастѣ немногомъ старше 40 лѣтъ, энергическій дѣятель въ дѣлѣ изученія народностей Россіи Павелъ Платоновичъ Чубинскій» Чубинскій пріобрѣлъ литературную извѣстность прежде всего статьями, напечатанными имъ, въ званіи секретаря архангельскаго губенскаго Статистическаго Комитета. Кромѣ статей по описанію сѣвернаго края, Павелъ Платоновичъ издалъ замѣчательный отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и торговлѣ въ сѣверномъ краѣ, составленный на основаніи точныхъ данныхъ, собранныхъ имъ изъ первыхъ рукъ. Въ 1869 году онъ былъ приглашенъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ къ участію въ снаряжаемой имъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край. Павлу Платоновичу было поручено спеціальное изученіе населенія Юго-западнаго отдѣла т. е. губерній: Кіевской, Волынской, Подольской и частей губерній Минской, Гродненской, Люблинской, Сѣдлецкой, Полтавской и Бессарабской области.

Исполняя это порученіе, Чубинскій предпринялъ три поѣздки (1869 — 70), въ теченіе которыхъ изъѣздилъ этотъ край во всѣхъ направленіяхъ и представилъ Географ. Обществу огромную массу матеріаловъ. Въ этихъ поѣздкахъ онъ старался не упустить изъ виду ни одной изъ сторонъ народной жизни, въ особенности же обращалъ вниманіе на тѣ стороны, которыя до него были мало обслѣдованы. Онъ вездѣ слѣдилъ за особенностями говора, измѣненіями бытовой обстановки; записывалъ обрядовыя пѣсни, сказки, разсматривалъ и выбиралъ рѣшенія волостныхъ судовъ, собиралъ свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ крестьянъ, о заработной платѣ, промышленности и т. п. О массѣ собранныхъ данныхъ даютъ понятія слѣдующія цифры: Обрядовыхъ пѣсенъ записано до 4000. Родины крестины и похороны записаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ; свадьба описана болѣе чѣмъ въ 20 мѣстахъ; сказокъ собрано до 300. По программѣ о говорахъ сдѣланы записки болѣе, чѣмъ въ 60 мѣстахъ; изъ изъ книгъ волостныхъ судовъ выбрано до 1000 рѣшеній. Матеріалы, собранные Чубинскимъ и его мѣстными сотрудниками, послужили для изслѣдованій нѣкоторыхъ ученыхъ: такъ проф. Кистяковскій разработалъ уголовныя рѣшенія волостныхъ судовъ и сообщилъ историческій очеркъ этого суда, проф. Антоновичъ сдѣлалъ извлеченіе изъ процессовъ (около 100) прошлаго вѣка о колдовствѣ. Въ періодъ времени отъ 1872—1877 года работы Чубинскаго были изданы Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ семи обширныхъ томахъ, составляющихъ болѣе 300 печатныхъ листовъ. Вотъ содержаніе этихъ томовъ: томъ I (2 выпуска): общее предисловіе, легенды, загадки, пословицы, колдовство. Томъ II: сказки миѳическія и бытовыя. Томъ III: народный календарь; Томъ IV: пѣсни обрядовыя; Томъ V: пѣсни бытовыя; томъ VI: волостные суды. Томъ VII (2 вып.): Евреи Поляки. Статистика Малорусскаго населенія, обзоръ Малорусск. говоровъ. Жилище, одежда и пища Малороссовъ.

Этотъ обширный трудъ содержитъ для будущихъ изслѣдователей цѣлую энциклопедію добросовѣстно и точно собранныхъ свѣдѣній о народномъ бытѣ юго-западнаго края и представляетъ въ нашей этнографической литературѣ замѣчательное явленіе. Трудами Чубинскаго сохранены для научныхъ изслѣдованій такія черты народнаго міровоззрѣнія и такія особенности быта, которыя, подъ вліяніемъ культуры, все болѣе и болѣе исчезаютъ въ юго-западномъ краѣ».

3. Предсѣдатель, передавая въ библіотеку Общества отъ автора сочиненіе М. В. Никольскаго—Сумерійскій гимнъ богу огня,—сдѣлалъ краткій очеркъ современнаго состоянія ассиріологіи и характеристику труда г-на Никольскаго. Референтъ припомнилъ въ главныхъ чертахъ исторію дешифровки клинообразныхъ письменъ, измѣнившихъ существенно прежнія представленія о переднеазіатской древней культурѣ, упомянулъ о ходѣ раскопокъ, производившихся на почвѣ древней Ассиріи и Халдеи съ 40 годовъ по настоящее время, объ открытіи въ развалинахъ Ниневіи библіотеки ассирійскаго царя VII в. Ассурбанипала, о первыхъ шагахъ въ изслѣдованіи такъ называемаго аккадійскаго или сумерійскаго языка и о современномъ состояніи изученія этого древнѣйшаго языка, котораго памятники восходятъ, по мнѣнію ассиріологовъ, за 4 тысячелѣтія до Р. Х.

4. Секретарь Отдѣла М. М. Ковалевскій прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: О древнѣйшихъ видахъ судебныхъ доказательствъ. Поводомъ къ написанію этого очерка послужило автору изученіе судебныхъ доказательствъ, практикующихся у Осетинъ, которыхъ авторъ изучалъ въ теченіе путешествія на Кавказъ, совершеннаго имъ съ В. Ѳ. Миллеромъ лѣтомъ 1883 года. Референтъ объяснялъ осетинскія обычаи посредствомъ сравненія съ подобными-же судебными обычаями другихъ народовъ. При этомъ были разсмотрѣны обычаи судебнаго поединка и ордалій разныхъ видовъ, какъ-то испытаніе огнемъ, раскаленнымъ металломъ, кипяткомъ, кипящимъ масломъ, ядомъ и проч., существовавшіе или до сихъ поръ существующіе у разныхъ народовъ: у древнихъ Евреевъ, Кельтовъ, Германцевъ, Славянъ, Индусовъ и др.; причемъ выяснилось замѣчательное совпаденіе не только въ главныхъ чертахъ, но и въ деталяхъ въ подобныхъ обычаяхъ у индоевропейскихъ народовъ.

Такъ, напримѣръ, ордаліи въ средневѣковой

Испаніи, совершавшіяся посредствомъ раскаленнаго желѣза, напоминаютъ всѣ подробности древнихъ индійскихъ ордалій; испытаніе кипящимъ масломъ у Индусовъ соотвѣтствуетъ испытанію кипящей водой у Германцевъ; испытаніе рисомъ у тѣхъ же Индусовъ—ордаліи сыра (offa) у Германцевъ и т. п. Референтъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ народовъ, уже не знающихъ въ настоящее время ордалій, существуютъ пословицы, свидѣтельствующія о ихъ прежнемъ существованіи. (Таковы осетинскія пословицы: праведнаго вода не несетъ, я пройду чрезъ огонь).

Далѣе, остановившись подробно на вопросѣ о происхожденіи и значеніи ордалій, референтъ указалъ на то, что тѣ формы ордалій, которыхъ исходъ могъ быть опасенъ для здоровья подвергавшагося имъ, начали выходить изъ употребленія раньше другихъ. Сознавая вредъ испытаній, нѣкоторыя законодательства старались прибѣгать къ суровымъ испытаніямъ рѣже, чѣмъ къ безвреднымъ. Такъ индусскіе законодатели запрещали употребленіе огневой и водяной ордаліи въ маловажныхъ дѣлахъ. Индусскій сводъ законовъ, приписываемыхъ Нарадѣ, не допускаетъ испытанія ядомъ для брагмановъ и раскаленнымъ желѣзомъ для кшатріевъ. У Германцевъ находимъ подобныя же ограниченія. У Русскихъ уже въ XIII в. испытаніе огнемъ и желѣзомъ встрѣчалось рѣдко, но употреблялось испытаніе жребіемъ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

27-го Апрѣля 1884 года.

Засѣданіе происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. В. Ѳ. Миллера. Присутствовали непремѣнные и дѣйствительные члены Общества и Отдѣла: А. А. Тихомировъ, Н. В. Насоновъ, Г. Н. Даниловъ, В. М. Михайловскій, А. И. Кельсіевъ, Н. Ю. Зографъ, Х. Х. Вольдемаръ, П. П. Преображенскій, М. Н. Харузинъ и 49 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ о полученіи Отдѣломъ отъ Степана Ивановича Остроумова небольшаго сборника народныхъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ селѣ Тумѣ, Касимовскаго уѣзда Рязанской губ. Просмотръ присланнаго сборника показалъ, что большая часть пѣсенъ представляетъ лишь варіанты къ пѣснямъ, извѣстнымъ изъ печатныхъ сборниковъ (Якушкина, Шейна). Въ виду того, что собиратель предоставляетъ свой трудъ въ полное распоряженіе Отдѣла, постановлено было, по предложенію Предсѣдателя, передать этотъ пѣсенный матеріалъ извѣстному собирателю народныхъ пѣсенъ Д. Члену Общества Павлу Васильевичу Шейну.

3. Предсѣдатель представилъ Отдѣлу недавно вышедшую въ свѣтъ и присланную авторомъ диссертацію г. Трусмана — Введеніе христіанства въ Лифляндіи, нѣкоторыя главы которой представляютъ значительный интересъ въ этнографическомъ отношеніи, именно по вопросу о древнѣйшемъ разселеніи финскихъ племенъ и ихъ языческихъ вѣрованіяхъ. Авторъ, какъ природный эстонецъ, имѣлъ въ своемъ расположеніи такіе матеріалы (на Финскомъ и Эстонскомъ языкахъ), которые мало доступны ученымъ другихъ національностей. На основаніи книги г. Трусмана В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ очеркъ миѳологіи древнихъ Эстовъ и Финновъ, причемъ указалъ на значеніе, которое можетъ имѣть изученіе Финскихъ вѣрованій для изслѣдованія народныхъ эпическихъ преданій русскаго населенія на Сѣверѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно сталкивалось или сталкивается съ Финнами.— Какъ примѣръ вліянія финскаго эпоса на русскій, референтъ привелъ нѣкоторые изъ результатовъ своей статьи: Отголоски Финскаго Эпоса въ русскомъ, въ которой такіе отголоски указаны въ эпической личности богатыря Колывана, (отчасти соотвѣтствующаго герою эстонской народной эпопеи Kalevipoeg) и особенно въ личности новгородскаго Садки-гусляра, на которомъ замѣтно сильное вліяніе финскихъ сказаній о дивномъ музыкантѣ Вейнемейненѣ.

4. Членъ Отдѣла Н. А. Янчукъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Свадебные обряды и пѣсни Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи. Мѣстность, въ которой референтъ записывалъ обряды и пѣсни, хотя и лежитъ въ Польшѣ, но населена преимущественно Малороссами, которымъ принадлежатъ 160 селъ изъ 180. Указавъ на то, что свадьба въ Константиновскомъ уѣздѣ въ общемъ сохраняетъ малорусскій типъ, референтъ представилъ подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ и привелъ рядъ свадебныхъ пѣсенъ, придерживаясь въ своемъ описаніи того порядка, въ которомъ эти обряды и пѣсни слѣдуютъ другъ за

другомъ въ дѣйствительности, вслѣдствіе чего получилась весьма полная картина свадьбы, какъ она совершается въ изслѣдованной референтомъ мѣстности, преимущественно въ Корницкой гминѣ. Пѣсни, собранныя г. Янчукомъ, записаны съ строгимъ соблюденіемъ особенностей мѣстнаго говора. Въ заключеніе референтъ указалъ на вліяніе Польши, какъ на главную причину крайней скудости произведеній народной поэзіи въ названной мѣстности. По мнѣнію референта, этому вліянію слѣдуетъ приписать набожность малороссовъ Константиновскаго уѣзда, ихъ почтительность къ старшимъ, распространенность грамотности, меньшее распространеніе пьянства; но эти признаки культуры, здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, убиваютъ древнее творчество въ народной поэзіи и недалеко то время, когда бытовыя свадебныя пѣсни заглохнутъ и среди малороссовъ Константиновскаго уѣзда.

По выслушаніи референта г. Яхчука рѣшено было имѣть въ виду его сообщеніе для напечатанія въ Трудахъ Этнографическаго Отдѣла.

СОРОКЪ ВОСЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*3-го октября 1884 г.*).

Засѣданіе происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. В. Ѳ. Миллера Присутствовали: непремѣнные и дѣйствительные члены Общества и Отдѣла: Д. Н. Анучинъ, Н. Л. Гондатти, Н. Ю. Зографъ, Ѳ. Е. Коршъ, В. М. Михайловскій, Н. В. Насоновъ, Ю. Д. Филимоновъ, М. Н. Харузинъ и 53 постороннихъ посѣтителя.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Предсѣдатель Отдѣла В. Ѳ. Миллеръ обратилъ вниманіе гг. членовъ на III выпускъ кавказскаго этнографическаго изданія, Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Отмѣтивъ, что это полезное изданіе, какъ бы выступившее на смѣну, прекратившагося на X выпускѣ, сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, съ каждымъ новымъ выпускомъ замѣтно выигрываетъ въ интересѣ и разнообразіи содержанія, В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ критическій обзоръ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ статей, помѣщенныхъ въ III выпускѣ. Таково изслѣдованіе г. Лаврова — замѣтки объ Осетіи и Осетинахъ, — содержащее всестороннее описаніе области, населенной осетинами и историческія данныя объ этомъ народѣ. Указавъ на значеніе добросовѣстнаго и обширнаго (до 20 листовъ) труда г. Лаврова, референтъ отмѣтилъ, что, къ сожалѣнію, авторъ, желая разъяснить отдаленное прошлое осетинъ, прибѣгаетъ ко многимъ рискованнымъ предположеніямъ и къ этимологическимъ толкованіямъ (въ родѣ сближенія названія осетинъ съ названіемъ древняго народа исседоновъ), для которыхъ онъ не имѣетъ достаточной подготовки. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Лавровъ нерѣдко принимаетъ на вѣру и повторяетъ безъ критики весьма сомнительныя соображенія барона Услара, гг. Пфафа и Шопена о происхожденіи осетинъ. Гораздо болѣе значенія имѣетъ та часть труда г. Лаврова, которая посвящена изложенію отношеній русскаго правительства къ осетинамъ. — За изслѣдованіемъ г. Лаврова, референтъ разсмотрѣлъ сборникъ русскихъ пѣсенъ, поющихся въ станицѣ Темижбековской и доставленный г. Передѣльскимъ, причемъ отмѣтилъ нѣкоторыя черты отраженія кавказской природы и жизни въ русскихъ пѣсняхъ. Въ заключеніе референтъ разсмотрѣлъ интересную статью г. Алейникова о Карачаевскихъ сказаніяхъ.

3) *А. А. Шахматовъ* сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Этнографическая поѣздка въ Олонецкую губернію, представляющее краткое изложеніе тѣхъ результатовъ, которые онъ вынесъ изъ своей поѣздки въ Олонецкую губ., совершенной имъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ 1884 г. Г. Шахматовъ предпринялъ ее съ цѣлью познакомиться съ какимъ нибудь живымъ говоромъ русскимъ и выбралъ именно Олонецкую губернію потому, что надѣялся найти тамъ обособленный отъ вліянія городскихъ нарѣчій говоръ, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко сказывались-бы діалектическія особенности. Незнакомство съ мѣстностью отчасти затруднило исполненіе этого желанія, потому что, какъ оказалось, многія части Олонецкой губерніи находятся подъ очень сильнымъ вліяніемъ Петербурга, сказывающимся и на языкѣ. *Г. Шахматовъ* познакомился съ сѣверозападной частью Олонецкой губерніи, прилежащею къ Онежскому озеру. Сначала онъ провелъ довольно продолжительное время въ Кондопожской волости Петрозаводскаго уѣзда, говоръ которой не отличается чистотою: въ немъ замѣтно смѣшеніе нарѣчій, а также сильное вліяніе петербургскаго говора. Отсюда *Г. Шахматовъ* отправился въ ту часть Петрозаводскаго уѣзда, которая въ Петрозаводскѣ и прилежащихъ мѣстностяхъ носитъ названіе Заонежья. Здѣсь референту удалось замѣ-

тить на небольшомъ пространствѣ этого полуострова два говора очень сильно отличающіеся одинъ отъ другаго. Первый говоръ г. *Шахматовъ* находитъ въ Великогубской волости Петрозаводскаго уѣзда и Шуньгской Повѣнецкаго и называетъ его Киже-Шуньгскимъ или ляпающимъ (одну звуковую черту, выдѣляющую это нарѣчіе, мѣстные жители называютъ ляпаніемъ). Второй говоръ занимаетъ Толвуйскую волость Петрозаводскаго уѣзда и можетъ быть названъ Толвуйскимъ. Нужно замѣтить, что, по видимому, между этими двумя народностями—Кижешуньгской и Толвуйской—лежитъ очень существенное различіе, въ особенности, если поставить это замѣчаніе референта въ связь съ наблюденіемъ покойнаго Гильфердинга относительно того, что кижскіе пѣвцы совершенно иначе поютъ былины, чѣмъ толвуйскіе. Съ одной стороны недостатокъ времени, съ другой — новизна дѣла были причиной того, что г. *Шахматову* не удалось точно прослѣдить границъ Киже-шуньгскаго говора къ сѣверу и къ сѣверо-востоку, а потому онъ считаетъ преждевременными предположенія о движеніи населенія въ этой мѣстности. Референту не удалось и точно прослѣдить всѣ оттѣнки нарѣчій, съ которыми онъ познакомился, и, приведя въ своемъ сообщеніи лишь главныя звуковыя отличія Кижешуньгскаго и Толвуйскаго говоровъ, онъ высказалъ намѣреніе, въ ближайшую свою поѣздку въ тѣже мѣста, болѣе точно изслѣдовать этотъ вопросъ, а также пополнить пробѣлъ въ точномъ опредѣленіи границъ говоровъ. Кромѣ непосредственныхъ наблюденій надъ языкомъ, г. *Шахмато* желая запастись образцами народнаго говора, записалъ довольно много матеріаловъ съ устъ народа. Сказокъ имъ было записано болѣе шестидесяти: онѣ были для референта особенно интересны въ виду того, что ихъ языкъ наиболѣе близокъ къ разговорному. Свадебные вопли и былины г. *Шахматовъ* записывалъ только тогда, когда они ему случайно попадались, но не смотря на это, у него получилось довольно большое собраніе свадебныхъ причитаній. Ему попалось и нѣсколько былинъ: содержаніе одной изъ нихъ, представляющей варіанты къ уже извѣстной раньше, г. *Шахматовъ* сообщилъ въ своемъ рефератѣ.

Предсѣдатель, благодаривъ отъ имени Этнограф. Отдѣла г. *Шахматова* за сообщеніе, выразилъ желаніе, чтобъ въ ближайшую свою поѣздку въ Заонежье, г. *Шахматовъ*, изучая границы говоровъ и особенности послѣднихъ, обращалъ вниманіе и на былевую поэзію, потому что запись всякой былины, въ виду возможности встрѣтить любопытные варіанты, важна въ научномъ отношеніи.

4) Непремѣнный членъ *В. М. Михайловскій* сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Общественный бытъ Австралійскихъ дикарей. Пользуясь послѣдними работами англійскихъ изслѣдователей быта австралійскихъ дикарей Броу Смита, Пальмера и Гоувита, референтъ больше всего остановился на раздѣленіи австралійскихъ племенъ на роды и классы и на вопросѣ объ экзогаміи. За тѣмъ онъ занялся выясненіемъ положенія различныхъ членовъ австралійской семьи: жены, дѣтей, причемъ отмѣчино было существованіе обычая дѣтоубійства и изложены обряды, совершаемые при достиженіи юношами совершеннолѣтія. Отъ соціальнаго строя референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію политическаго и экономическаго, причемъ большій интересъ представили международныя отношенія, особенно наглядно выражающіяся во время такъ называемыхъ корроберри, т. е. собраній для обсужденія между—племенныхъ дѣлъ. Въ заключеніи референтъ остановился на вопросѣ о формахъ землевладѣнія, существующихъ у австралійскихъ дикарей.

5) Секретарь отдѣла *М. М. Ковалевскій* сдѣлалъ, сообщеніе о значеніи VI Археологическаго съѣзда для этнографіи. Указавъ на отрадное явленіе, что на минувшемъ Археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ было открыто особое отдѣленіе правовыхъ древностей, референтъ представилъ краткій очеркъ главныхъ результатовъ наиболѣе выдающихся сообщеній, сдѣланныхъ членами этого отдѣленія. На первое мѣсто референтъ поставилъ сообщеніе профессора Лучицкаго о нѣкоторыхъ архаическихъ чертахъ малорусскаго землевладѣнія въ лѣвобережной украинѣ. Изученіе новооткрытой румянцевской описи Малороссіи и многихъ матеріаловъ, найденныхъ г. Лучицкимъ въ губернскихъ правленьяхъ, въ уѣздныхъ и волостныхъ архивахъ, привело автора къ открытію разныхъ формъ общиннаго владѣнія, существовавшихъ въ названной области, открытію, которое противорѣчитъ доселѣ державшемуся ученію о томъ, что сельская община составляетъ особенность великорусскаго племени, и что ничего подобнаго ей нельзя найти въ быту малорусскаго народа, издавна отличавшагося стремленіемъ къ индивидуализму. Между другими сообщеніями по вопросамъ исторіи землевладѣнія референтъ отмѣтилъ сообщенія проф. Успенскаго (о писцовыхъ книгахъ, какъ важнѣйшихъ матеріалахъ для исторіи поземельныхъ отношеній въ Византіи), Энгельманна, Багалѣя и нѣкот. друг. По вопросамъ о сословныхъ отношеніяхъ — сообщенія проф. Леонтовича (объ осетинскихъ кавдасардахъ) и г. Кулишера. Наконецъ по вопросамъ общественнаго и домашняго быта референтъ обратилъ вниманіе на сообщенія г. Маркевича (Одесса въ памятникахъ народной поэзіи), Эварницкаго (поѣздка въ Запорожье и изслѣдованіе о Сѣчи) и нѣкот. друг.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ ЗАСѢДАНІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Потеряла ли свою законную силу бытующая старина въ сознаніи Русскаго народа?

(Сообщеніе д. ч. Н. А. Покровскаго).

Въ предисловіи къ III т. Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, покойный Н. И. Костомаровъ высказалъ такой взглядъ на обряды и повѣрья, живущіе въ средѣ народа: «Въ настоящее время, когда въ народъ вошло много новыхъ пріемовъ жизни и понятій, старина эта теряетъ свою легальную, повсемѣстную и неизмѣнную силу. Нѣкоторые обычаи и обряды въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ утрачиваются, въ другихъ хотя и сохраняются, но народъ уже перестаетъ придавать имъ значеніе необходимости; они остаются только какою-то художественною обстановкою жизни. Поэтому всѣ указываемые здѣсь признаки народной жизни хотя дѣйствительно и существуютъ въ народѣ, но тотъ ошибся бы, кто подумалъ, что они связываютъ и сковываютъ народную жизнь въ родѣ талмудическихъ правилъ евреевъ. Всѣ эти признаки могутъ существовать еще долго, даже и при большемъ развитіи народа, составляя поэтическую обстановку его жизни, драгоцѣнность старины, завѣщанной отъ предковъ, но никакъ не строгаго закона, убивающаго свободу мысли и воли». Позволимъ себѣ не согласиться въ этомъ случаѣ съ знаменитымъ редакторомъ означеннаго тома Трудовъ. Намъ кажется, что такой рѣшительный приговоръ основывается не столько на близкомъ, фактическомъ знакомствѣ съ народною жизнію, сколько на общихъ соображеніяхъ. Въ нашъ народъ вошло много новыхъ пріемовъ жизни и понятій, многіе древніе обряды и обычаи утрачены, иные сохраняются не повсемѣстно,—все это такъ; но слѣдуетъ ли отсюда, что старина потеряла свою легальность и сохраняетъ только значеніе художественной обстановки? Съ такимъ выводомъ трудно согласиться. Стоитъ только обратить вниманіе на отношеніе самого народа къ бытующей въ его жизни старинѣ, на значеніе, какое онъ придаетъ тѣмъ или инымъ обрядамъ и обычаямъ— и мы увидимъ, что старина еще не потеряла своей законной силы, а въ важныхъ случаяхъ жизни и положительно сковываетъ простолюдина, лишая его свободы мыслей и дѣйствій. Относительно новыхъ пріемовъ жизни и понятій, вошедшихъ въ народъ, слѣдуетъ замѣтить, что они не лишаютъ силы и значенія завѣтной старины, а только уступаютъ ей временами свое мѣсто, такъ что въ сознаніи народномъ старое съ новымъ легко уживается.

Въ подтвержденіе высказаннаго нами представимъ очеркъ народныхъ обрядовъ, обычаевъ и повѣрій, пріуроченныхъ къ тремъ важнѣйшимъ моментамъ жизни—рожденію, бракосочетанію и смерти. Останавливаемся на этихъ моментахъ потому, что тутъ русскій человѣкъ всего правдивѣе, полнѣе и цѣлостнѣе высказывается со стороны своихъ стремленій, понятій и вѣрованій: радости и горе служатъ наилучшимъ зеркаломъ, въ которомъ отражается какъ каждый человѣкъ, такъ и народъ; гдѣ дѣйствуетъ чувство, тамъ исчезаетъ притворство; неподдѣльное же чувство естественно вызываетъ соотвѣтственную дѣятельность. Надѣемся, что изъ даннаго очерка не трудно будетъ усмотрѣть, что въ жизни народа относится къ завѣтной еще старинѣ, что составляетъ результатъ позднѣйшаго его развитія, и, наконецъ, какое значеніе придаетъ онъ тому и другому.

I.

По естественному чувству любви къ своимъ дѣтямъ, суевѣрные родители-крестьяне употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Еще дитя не родилось, а ему уже усыпаютъ путь солью, по порогамъ избы [1]). При омовеніи новорожденнаго бабкою, въ воду полагаютъ монету, серебряную или мѣдную, чтобы дитя жило въ богатствѣ и полномъ довольствѣ. По совершеніи надъ младенцемъ таинства крещенія, его кладутъ *подъ святые* на тулупъ или шубу, желая сдѣлать его богатымъ. Въ тѣхъ же видахъ родные, при посѣщеніи родильницы, приносятъ младенцу сколько-нибудь денегъ [2]).

Съ заботою о дѣтяхъ естественно соединяется попеченіе и о родильницѣ. При тяжелыхъ родахъ, которые нерѣдки въ крестьянской семьѣ, матери приходится много мучиться, прежде чѣмъ ея родное дѣтище появится на свѣтъ Божій. Въ такомъ случаѣ предусмотрительные и разумные хозяева прибѣгаютъ къ испытаннымъ уже средствамъ, съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительную силу. Они просятъ священника отворить царскія врата, причемъ бабка читаетъ «Сонъ Пресвятой Богородицы», развязываютъ всѣ узлы на родильницѣ, даже рас-

[1]) Соль также и у грузинъ—эмблема довольства и изобилія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи существовало обыкновеніе обсыпать новорожденнаго мальчика солью. (Вѣсти. Евр. 1868, ст. Дубровина: „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“.

[2]) Этногр. Сборн., вып. II, 103; вып. V, 20.

плетаютъ ей косу [1]), обводятъ вокругъ стола, сбрызгивая водой, троекратно переводятъ страждущую черезъ порогъ избы, или помело, или мужа, котораго кладутъ на порогъ избы внизъ лицомъ, въ иныхъ мѣстахъ выбираютъ изо ржи спорынью, варятъ ее и даютъ родильницѣ пить отваръ, или призываютъ знахарку, которая зажигаетъ освященную восковую свѣчу и держитъ ее передъ самымъ носомъ больной, при чемъ стучитъ метлой въ потолокъ избы [2]).

Въ видахъ благополучнаго появленія на свѣтъ Божій младенца, крестьянину-семьянину приходится бороться не только съ природой, которая родильницу, а съ ней и младенца, ставитъ въ неблагопріятныя условія, но и съ злыми людьми, недостатка въ которыхъ у него не бываетъ. Для огражденія себя отъ лиходѣевъ онъ прибѣгаетъ обыкновенно къ лицамъ многосвѣдущимъ, могущественнымъ, каковы разнаго рода знахари, которые блюдутъ завѣты старины, которымъ открыты многія тайны. При родахъ такимъ лицомъ является по большей части бабка, женщина пожившая, многоопытная. На нее возлагается забота о родильницѣ, и она внимательно и съ достоинствомъ исполняетъ свою обязанность. Какіе бы ни были роды (трудные или легкіе), она прежде всего спѣшитъ приготовить «воду отъ уроковъ»; затѣмъ ставитъ больную лицомъ на востокъ, если же та не можетъ стоять, то сажаетъ ее на порогъ, и трижды брызгаетъ въ лицо наговоренною водою съ такимъ приговоромъ: «какъ вода на лицѣ не держится, такъ на рабѣ Божіемъ N ни уроки, ни призоры не держитесь» [3]). И вотъ родильница безопасна: ни одинъ колдунъ не можетъ повредить ей. Какъ только родится младенецъ, его несутъ къ извѣстной въ деревнѣ старухѣ, чтобы та *умыла* его и тѣмъ избавила *отъ сглазу*, главной причины дѣтскихъ болѣзней. Старуха беретъ кувшинъ, наполняетъ его водою, кладетъ въ него три угля, дѣлаетъ крестное знаменіе и вспрыскиваетъ ребенка. Съ тою же цѣлію окуриваютъ новорожденнаго купальскими травами, кладутъ топоръ и вѣникъ крестообразно на почвы, не показываютъ младенца до шести недѣль ни другу, ни недругу, полагаютъ въ колыбель огниво съ молоткомъ, завернутымъ въ пеленки, а надъ изголовьемъ дѣтскимъ вѣшаютъ крестъ [4]).

Нерѣдко однако случается, что младенецъ, не смотря на взятыя въ свое время предосторожности, выходитъ и хворымъ, и крикливымъ. Тогда крестьяне употребляютъ иныя средства, по сознанію ихъ не менѣе дѣйствительныя. Плохаго здоровьемъ младенца подаютъ въ окошко нищему, который несетъ его къ воротамъ дома, гдѣ мать кладетъ на его грудь милостыню, а нищій принимаетъ подаяніе, возвращая дитя. Отъ собачьей старости, или *сухоты*, младенца «перепекаютъ», т. е. суютъ трижды въ печь, завернутаго въ тряпки или тѣсто и привязаннаго къ лопатѣ, при чемъ одна изъ женщинъ перебѣгаетъ отъ печки къ порогу до трехъ разъ, приговаривая: «пеки собачью старость, пеки гораздо». Находятъ также полезнымъ протаскивать больнаго младенца до трехъ разъ сквозь зеленый дубъ, расколотый на двѣ половины, произнося при каждомъ разѣ имя св. Троицы, или умывать водой надъ порогомъ избы [1]). Крикливаго младенца бабка несетъ на третій день крестинъ, - обмывъ его предварительно водой, которую выливаетъ подъ печь, гдѣ сидятъ куры, къ такъ называемому кочерыжнику, т. е. къ тому углу хаты, гдѣ стоятъ ухваты, лопаты, помело, кочерга, и сбрызгиваетъ крикуна водой изо рта,—или же нагая обноситъ нагаго младенца вокругъ бани, приговаривая: «заря Орина (зарина), заря Скорина, возьми съ раба Божія младенца N зыки и рыки дневные и ночные». Съ тою же цѣлію купаютъ крикливаго младенца подъ насѣстью, приговаривая: «заря—заряница, красная дѣвица, возьми свою криксу, отдай намъ сонъ»;—кладутъ подъ голову лучокъ со стрѣлой мальчику, прялицу дѣвочкѣ, со словами «щекотиха—будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или прялица): играй, а младенца не буди»;—моютъ и парятъ младенца по утрамъ и вечерамъ, произнося, соображаясь со временемъ: «утренняя заря Пароскевея (вечерняя Соломонея), приди парить и править младенца N во имя Отца и Сына и Св. Духа», послѣ выносятъ изъ избы по три зари и говорятъ: «заря-зарница, красная дѣвица, Крикса, Фокса, возьми свой крикъ, подай младенцу N сонъ» [2]). При изнурительной безсонницѣ ноги ребенка складываютъ вмѣстѣ и огаркомъ спички чертятъ крестъ-на-крестъ вдоль и поперекъ, читая при этомъ слѣдующій заговоръ: «Ариды и Мариды, уймите и уговорите у раба Божія N ношницу и полуношницу, чтобы она вѣкъ не была и не щупала вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку. Будь мои слова крѣпки и заговористы, и тѣмъ

---

[1]) Тоже самое соблюдается и у евреевъ: у нихъ не только развязываютъ всѣ узлы на родильницѣ, но отпираютъ всѣ замки и запоры въ домѣ (Тр. этногр. стат. экспедиціи, т. VII, вып. 1, 43–44).

[2]) Пермскій Сборн. 1860, 117. Этногр. Сборн. V. 20. Пам. кн. арх. губ. на 1864 г., 18. Бѣлор. нар. пѣсни, Шейна. 15. Вѣст. р. г. общ. 1857, ч. XX, 258.

[3]) Пермскій Сборн. 1860, 117.

[4]) Отеч. Зап. 1848, № 2. смѣсь, 202. Вѣров. и суевѣрія, собр. въ Раздорной на Дону станицѣ, Попова, 5. Бѣлор. пѣсни, Шейна, 437–438. Полт. губ. вѣд. 1864, № 7, 78. Поэтич. возвр. слав на природу, Аѳан., III, 499. Пам. кн. Смол. губ. на 1857, 149.

[1]) Нижегор. Сборн., III, 206; V, 212-213. Отеч. Зап 1848, 2, 203.

[2]) Бѣлор. пѣсни, Шейна, 434. Труды Яросл. стат. ком. 1869, 165.

моимъ словамъ ключи и замокъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа». Берутъ также больное дитя на руки, три раза касаются его ногами матицы, трижды плюютъ и приговариваютъ: «во имя Отца и Сына и Св. Духа. Полунощница Анна Ивановна, по ночамъ не ходи, раба Божія N не буди. Вотъ тебѣ работа: днемъ играй пестомъ да ступой, а ночью матицей» [1]).

Къ несчастію, всѣ подобныя хлопоты чадолюбиваго крестьянина иногда пропадаютъ совершенно даромъ: дѣти не живутъ у него. Тогда онъ, далекій отъ того, чтобы видѣть въ этомъ явленіе естественное, происходящее отъ несоблюденія матерью необходимыхъ предосторожностей въ періодъ беременности и отсутствія сколько нибудь правильнаго ухода за новорожденнымъ, приходитъ къ мысли, что гнѣвъ Божій тяготѣетъ надъ нимъ. И вотъ, изъ желанія снискать милость Вышняго, онъ прибѣгаетъ къ лицамъ, на которыхъ постоянно пребываетъ благословеніе Божіе,—къ нищей братіи и странникамъ. Въ день крещенія новорожденнаго, у такого крестьянина выборъ воспріемника становится важнымъ дѣломъ. Рано утромъ онъ выходитъ на улицу и приглашаетъ перваго прохожаго, или же идетъ *на розстыни* (перекрестокъ дороги) и беретъ въ кумовья перваго нищаго; послѣ же крещенія младенца пеленаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла купель. Да и самый актъ рожденія въ такомъ случаѣ («коли дѣти не стоятъ») совершается не обыкновеннымъ порядкомъ: родильницу помѣщаютъ въ сѣняхъ, выбиваютъ дверные косяки и новорожденнаго бабка подаетъ задомъ въ избу и задомъ принимаетъ его [2]).

Положеніе родильницы, ея поведеніе вполнѣ отвѣчаетъ суевѣрнымъ понятіемъ окружающей ее среды. Во время беременности женщина избѣгаетъ ссоры съ сосѣдкой, которая можетъ сдѣлать знакъ на двери и дитя родится съ раздвоенною челюстью, и не соглашается идти въ кумы, иначе крестникъ умретъ. Роженица въ мукахъ скрывается отъ посторонняго глаза, и ея положеніе стараются сдѣлать тайной, потому что она должна мучиться за душу каждаго, узнавшаго о томъ. Родильница считается нечистою, по народнымъ представленіямъ, до тѣхъ поръ, пока не совершенъ надъ нею обрядъ размыванія рукъ. Обрядъ этотъ совершается повивальною бабкою и по большей части на третій день. Онъ производится такимъ образомъ: бабка беретъ ковшикъ, наливаетъ въ него воды, всыпаетъ горсть овса, кладетъ три горячихъ угля, затѣмъ вѣникъ и топоръ полагаетъ крестообразно на полу, среди избы, родильница становится на нихъ правою ногою и повивальная бабка льетъ ей воду на руки такъ, чтобы вода текла до локтей; въ это время родильница подхватываетъ лѣвою рукою воду, бѣгущую съ праваго локтя, и пьетъ ее. Такимъ же точно образомъ и роженица размываетъ руки бабкѣ. Послѣ того обѣ молятся Богу, и родильница благодаритъ бабку за труды и хлопоты. По окончаніи обряда размыванія рукъ бабка можетъ быть приглашена на другія родины [1]).

[1]) Труды Арх. стат. ком. на 1865 г. кн. I, отд. этн., 41 Пам. кн. Арх. губ. на 1864, 17—18. Аѳан. Филол. Зап. 1868 III, 285.

[2]) Даль, Пословицы русскаго народа. 402, 403.

Простолюдины считаютъ этотъ обрядъ священнымъ и увѣрены, что Божія Матерь, по рожденіи Спасителя, точно такъ же размывала руки съ бабушкою Соломоніею (Соломонидой).

Къ какому же выводу приводитъ насъ отношеніе русскаго крестьянина къ одному изъ важныхъ моментовъ въ жизни—рожденію? Къ выводу далеко не согласному съ тѣмъ взглядомъ, по которому старина въ жизни крестьянской играетъ роль поэтической обстановки. Все показываетъ—и побужденія, и цѣли, и средства, что въ русскомъ крестьянинѣ живуча еще увѣренность въ силу извѣстныхъ предметовъ и дѣйствій, какъ наслѣдія завѣтной старины, и что эта увѣренность ставитъ его нерѣдко въ рабское положеніе, лишающее свободы мысли и воли.

Нельзя не вспомнить при этомъ недавнее убійство колдуна въ одной изъ дер. Пенз. губ. [2])

Нѣтъ нужды до того, что многіе изъ обрядовъ, обычаевъ и повѣрій сохраняются только мѣстами, иные значительно варьируются по губерніямъ и уѣздамъ, что значенія совершаемаго крестьяне зачастую не понимаютъ. Важно то, что гдѣ бываютъ тѣ или иные обряды и обычаи, они не теряютъ своего значенія, имѣютъ въ данномъ случаѣ свою законную силу, важно то, что прибѣгая, по извѣстнымъ побужденіямъ и въ виду опредѣленныхъ цѣлей, къ унаслѣдованнымъ дѣйствіямъ, крестьянинъ поступаетъ цѣлесообразно, вполнѣ согласно съ своими представленіями и вѣрованіями. Тотъ характеръ двоевѣрія, которымъ запечатлѣны большинство обрядовъ и повѣрій, говоритъ, по нашему мнѣнію, всего убѣдительнѣе за то, что старина въ жизни простолюдина имѣетъ значеніе не поэтической только обстановки, а признается необходимою и законною. Молитву и заговоръ, христіанскія имена и языческія, крестъ и молотокъ, церковную свѣ-

[1]) Этногр. Сборн. V. 22. Полтавскія губ. вѣд. 1864, № 7. 78. Посл. р. нар. Даля, 402. Пам. нар. творч. въ сѣв. зап. краѣ. Вильна, 1866, вып. 1. L. XXXIV.

[2]) Вспомнимъ также сожженіе колдуньи Игнатьевой въ деревнѣ Врочевѣ (Тихв. уѣзд. Новг. губ.) 4 февр. 1879, и вызванный этимъ судебный процессъ, окончавшійся оправданіемъ виновныхъ. Какъ краснорѣчиво такого рода фактъ свидѣтельствуетъ о силѣ вліянія умопредставленій и вѣрованій р. простолюдна на его жизнь (Совр. Изв. 1879, №№ 286, 289, 290—292).

чу и кочергу, ладанъ и уголь и т. п. невѣжественный людъ употребляетъ одно вмѣстѣ съ другимъ, или одно вмѣсто другаго, такъ что въ дѣйствіи его и сознаніи замѣтна та смѣсь, которая говоритъ намъ, что простой народъ, не вышедшій еще изъ заколдованнаго круга первобытной грубости, почти безразлично, или съ одинаковымъ значеніемъ, смотритъ и на то, что сохранилось отъ языческой старины, и на то, что дало ему христіанство. Мы знаемъ уже, что при трудныхъ родахъ бабка зажигаетъ священную восковую свѣчу и въ то же время метлой стучитъ въ потолокъ избы,—что отъ сглаза («призора очесъ») старуха, приготовляя воду, дѣлаетъ крестное знаменіе и кладетъ въ ковшъ три угля;—топоръ и вѣникъ полагается крестообразно,—въ колыбель младенца кладется огниво съ молоткомъ, а надъ изголовьемъ вѣшается крестъ: знаемъ также, что больнаго младенца протаскиваютъ трижды сквозь дубъ и трижды произносятъ имя Св. Троицы,—что съ просьбою помочь бѣдѣ обращаются и къ Богу, и къ какимъ-то миѳическимъ существамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить изъ представленнаго бѣглаго очерка, что въ виду опредѣленной цѣли, при тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ, употребляются крестьяниномъ такого рода предметы, какъ соль, деньги, уголь, кочерга, помело и т. под. Всѣ эти предметы, неумѣстные по видимому при совершаемыхъ дѣйствіяхъ, получаютъ смыслъ и значеніе, когда мы станемъ на точку зрѣнія язычника-славянина и взглянемъ на его вѣрованія и обычныя умопредставленія. Предки наши, какъ извѣстно, чествовали Перуна—громовника, поклонялись Огню-Сварожичу, придавали очагу, на которомъ горѣлъ огонь, священное значеніе, на немъ приносили въ жертву огню соль, хлѣбъ, деньги и проч., вмѣстѣ съ очагомъ относились съ благоговѣніемъ и ко всѣмъ аттрибутамъ его (кочергѣ, помелу и пр.); представляли себѣ, подъ вліяніемъ видимой природы, вѣковѣчную борьбу свѣтлаго начала съ темнымъ, добраго съ злымъ, при чемъ духи тьмы всегда оставались побѣждаемыми и стали трепетать при пѣніи пѣтуха,—этого вѣстника свѣтоноснаго и благодѣтельнаго бога. Такимъ образомъ по представленію язычника-славянина всѣ предметы, которые служили при жертвоприношеніи, или были посвящены свѣтлому богу (напр. дубъ, пѣтухъ), или имѣли символическое значеніе въ культѣ громовника, принимали въ его глазахъ священное значеніе, а тѣмъ самымъ получали силу прогонять духовъ тьмы, этихъ вѣчныхъ и изобрѣтательныхъ враговъ человѣка. Отъ выработаннаго на почвѣ миѳическихъ представленій взгляда наши предки, естественно, не могли отрѣшиться и съ принятіемъ христіанства: они перенесли готовыя представленія въ новую для нихъ сферу христіанскаго вѣроученія, или правильнѣе—пріурочили христіанское ученіе къ установившемуся воззрѣнію. Вслѣдствіе этого предметы церковнаго употребленія (свѣчи, ладанъ и пр.) стали въ рядъ съ предметами языческаго богопочтенія и получили въ ихъ глазахъ одинаковое значеніе. Подобнымъ-то образомъ и сложился тотъ характеръ двоевѣрія, которымъ проникнуты религіозныя воззрѣнія русскаго крестьянина. Простолюдинъ и по сіе время убѣжденъ, что лукавый постоянно и всевозможно старается вредить ему, такъ что отъ него въ иную пору не отдѣлаешься ни пестомъ, ни крестомъ. Во время родинъ проклятая нечисть такъ и увивается вкругъ хаты, изъ желанія тѣмъ или инымъ маперомъ испортить родильницу, загубить душу новорожденнаго. Чтобы отогнать темное воинство, знахарка и стучитъ метлой въ потолокъ избы, зажегши церковную свѣчу. Не мѣшаетъ замѣтить, что такое воззрѣніе на злыхъ духовъ не составляетъ какой либо особенности русскаго народа. Оно является общимъ признакомъ извѣстной ступени религіознаго развитія. На чувашскихъ родинахъ шайтана отгоняетъ отъ новорожденнаго приглашенный іомся: онъ разбиваетъ надъ головою младенца два сырыя яйца, отрываетъ пѣтуху голову и выбрасываетъ все это за ворота. Послѣ того какъ іомся оторветъ пѣтуху голову, чуваши наблюдаютъ за птицей и рѣшаютъ—прогнанъ шайтанъ или нѣтъ. Если пѣтухъ не трепещетъ—шайтанъ прогнанъ, если же бьется—то заключаютъ, что шайтанъ предстоитъ еще лицу новорожденнаго, и немедленно относятъ въ кереметь кереметныя деньги [1]). У евреевъ бабка, чтобы не впустить нечистыхъ духовъ въ комнату родильницы, начертываетъ мѣломъ или углемъ круги по стѣнамъ, и на всѣхъ дверяхъ, окнахъ и печкахъ, словомъ, гдѣ есть отверстія, чрезъ которыя могутъ проникнуть духи, вѣшаетъ листы бумаги (родъ талисмана), на которыхъ написаны 102-й псаломъ, стихи св. Писанія и каббалистическія имена, а подъ подушку больной кладетъ ножъ [2]). У китайцевъ, при рожденіи ребенка, вывѣшивается, вывороченное на изнанку, исподнее платье отца, чтобы злые духи вошли не въ ребенка, а въ платье. На малайскомъ полуостровѣ зажигаютъ огни подлѣ родильницы, какъ вѣрное средство отогнать злыхъ духовъ не любящихъ свѣта [3]).

Не всѣ однако обряды и повѣрья русскаго народа находятъ свое объясненіе въ двоевѣрномъ характерѣ его воззрѣній. Иные изъ нихъ объясняются вліяніемъ языка. Такъ напр. при трудныхъ родахъ расплетаютъ косу родильницѣ, развязываютъ на ней всѣ узлы, просятъ отворить царскія врата на томъ основаніи, что съ узлами связалось понятіе

---

[1]) Чуваши въ быт., истор. и рел. отношеніяхъ, Сбоева, 75.
[2]) Труды этн. стат. Экспед., т. VII, вып. 1, 44. Этн. сборн. V, 22.
[3]) Тейлоръ, Первоб. культура, СПБ. 1872, т. 2-й, 212, 252.

о замыканіи, съ развязываніемъ—понятіе о разрѣшеніи [1]), съ отверзаніемъ вратъ—освобожденіе заключеннаго, точно такъ же, какъ съ порыньею стало неразлучно понятіе о скорости, быстротѣ всякаго дѣйствія (дѣло спорится).

Высказанный нами взглядъ на народныя вѣрованія и указанныя, какъ болѣе существенныя, точки отправленія при объясненіи разныхъ таинственныхъ дѣйствій даютъ возможность опознаться въ ряду фактовъ и избавляютъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ частымъ и мелочнымъ объясненіямъ.

II.

На свадебные обряды, обычаи и повѣрья приходится смотрѣть подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія: въ нихъ проглядываетъ то же сердечное желаніе обезпечить всѣми мѣрами счастіе сочетавающихся бракомъ, воспротиводѣйствовать лиходѣямъ, злоумышляющимъ на ихъ благосостояніе, здоровье и самую жизнь.

Издавна существуетъ на Руси повѣрье, что жениться въ апрѣлѣ и маѣ значитъ на всю жизнь сдѣлать себя несчастнымъ. Потому-то крестьяне и стараются обходить несчастные мѣсяцы. Основаніемъ къ такому повѣрью послужила, очевидно, сильная оттепель,—*распутица*, которая бываетъ въ апрѣлѣ, и названіе мѣсяца *маемъ* «Коли на улицѣ распута, быть свадьбѣ безпутой». «Жениться въ маѣ—вѣкъ маяться. (Въ маѣ жениться—съ женой позориться). Вотъ что говорятъ старики, увѣщавая молодежь не жениться въ апрѣлѣ и маѣ [2]). Любимое время свадебъ—это осень, какъ болѣе свободное и веселое у крестьянина время года. Поэтому-то и покровителями брачныхъ союзовъ считаются Покровъ, Пятница Параскевея, Козьма и Демьянъ. Съ наступленіемъ осени, когда Покровъ землю покроетъ, гдѣ листомъ, гдѣ снѣжкомъ,—у дѣвушки забьется сердце и уста невольно произносятъ: «Батюшка Покровъ! покрой сыру землю и меня молоду,—покрой землю снѣгомъ, а меня женишкомъ. Матушка Параскевея! покрой меня поскорѣе». Для большаго удобства пріискать женишка заведенъ на святой Руси и дѣвичій праздникъ, Кузьминки (1 ноября), на которомъ варится пиво въ честь Козьмы и Демьяна, называемое козьмодемьянскимъ[3]).

Выбравъ счастливое и болѣе удобное время для свадьбы, имѣя на готовѣ и невѣсту для сына, заботливые родители немедленно прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ средствамъ, съ цѣлію дать желаемое направленіе задуманному дѣлу. Въ однихъ мѣстахъ съ этою цѣлію связываютъ кочергу съ помеломъ, въ другихъ перевязываютъ попарно всѣ вещи, находящіяся въ избѣ—кочерги, ухваты, ложки и проч.[1]) Затѣмъ приглашаются сваты, люди доточные, и свадебное дѣло зачинается. Сваты отправляются въ домъ родителей невѣсты съ предложеніемъ и съ суевѣрнымъ страхомъ посматриваютъ на то, что встрѣтятъ на пути, считая одно добрымъ предзнаменованіемъ, другое—дурнымъ. Лицамъ и предметамъ, обѣщающимъ успѣхъ, они кланяются, въ знакъ признательности [2]). Явившись въ домъ невѣсты, сватъ отворяетъ дверь избы не съ разу, а въ три пріема; переступая порогъ, [3]) стучитъ объ него правою ногою; то и другое совершается въ видахъ желаемаго успѣха. Съ тою же цѣлію сватъ садится *вдоль* половицъ, а не поперекъ (не будутъ перечить) [4]). Въ Ярославской губ. (Пошех. у.) сваха обо всемъ договаривается съ родителями невѣсты стоя,—она ни за что не сядетъ, сколько бы ее ни упрашивали: иначе не будетъ *пути* въ предпринятомъ посольствѣ [5]).

При одѣваніи невѣсты къ вѣнцу ее сажаютъ на хлѣбную квашню, покрытую иногда шубой вверхъ шерстью, вплетаютъ въ косу для счастья пеньковую прядь, приглашаютъ женщину, любимую мужемъ и просятъ ее вложить серьги въ уши невѣсты, чтобы и она была также любима своимъ мужемъ и наслаждалась тихою, счастливою жизнію. Изъ желанія полнаго довольства и богатства замужемъ, невѣстѣ кладутъ въ башмакъ какую нибудь монету, насыпаютъ жита, надѣляютъ ее клокомъ шерсти. Съ тою же цѣлію невѣсту умываютъ съ серебра, а на жениховo мѣсто, которое тысяцкій долженъ выкупить, кладутъ шубу, а подъ нее деньги. Передъ отправленіемъ къ вѣнцу дружка пересыпаетъ соль изъ солонки невѣстиной въ жениховy, изъ жениховой въ невѣстину, для ихъ взаимной любви [6]). Въ церкви, подводя невѣсту къ аналою, развязываютъ на ней

---

[1]) Отсюда примѣта—распояшется у попа поясъ, женщина въ селеніи скоро родитъ (Даль,—пословицы—1048).

[2]) Повѣрье, что бракъ въ маѣ бываетъ несчастнымъ, существовало у Римлянъ во времена Овидія и по нынѣ живетъ въ Англіи. (Перв. культ. Тейлора, т. 1. 65, 66).

[3]) Очерки арійск. миѳол., Миллера, т. 1. 274—276. Бытъ р. нар., Терещенко. IV,118.

[1]) Извѣстія общ. ест., антроп. и этн. т. XIII, вып. 1, 72.

[2]) Пермскій сборн. 1859, отд. 11, 8. Аѳан. 11. 37.

[3]) Порогъ былъ мѣстомъ пребыванія стражей дома, покровителей семьи. Въ Германіи домовые эльфы обитали подъ порогомъ. Порогъ въ народномъ представленіи естественная граница семейнаго благополучія и счастія. На порогѣ главнымъ образомъ производятся свадебныя порчи. У верхне-макед. болгаръ на порогѣ женихъ встрѣчаетъ невѣсту; у нижне-макед. болгаръ невѣста надъ порогомъ выливаетъ немного вина, при входѣ въ домъ жениха (Изв. общ. ест. антр. и этн. XIII, 1. 72).

[4]) Пермскій сборн. 1860, 11,69. Зап. Оренб. отд. р. г. общ. 1871, вып. 11,170. Зап. р. г. общ. 1863. IV. 35. 41.

[5]) Труды Яросл. стат. ком. V. 132.

[6]) Пам. кн. Калужской губ. на 1862 и 1863 г.. 207. Пам. кн. Вит. губ. на 1865,85.

узлы, чтобы ея жизнь была вольная, несвязанная. По пріѣздѣ новобрачныхъ отъ вѣнца, родители жениховы встрѣчаютъ ихъ въ вывороченныхъ шубахъ, съ иконою и хлѣбомъ-солью, осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ или хмѣлемъ, затѣмъ сажаютъ ихъ на шубу, обороченную вверхъ шерстью, приговаривая: шуба тепла и мохната—жить вамъ тепло богато [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи съ этою же цѣлію бросаютъ подъ печку жареную курицу [2]). Во все время свадьбы не моютъ половъ, а постилаютъ солому: будутъ ходить по голому полу и жить будутъ голо [3]).

При мѣрахъ, употребляемыхъ родителями и родственниками, и сами новобрачные стараются такъ или иначе содѣйствовать своему счастію. Женихъ, при отправленіи свадебнаго поѣзда въ церковь, бьетъ кнутомъ по вереямъ воротъ, чтобы невѣста не тосковала, разлучаясь съ своимъ домашнимъ кровомъ. Для скрѣпленія своего союза съ суженою женихъ кладетъ за пазуху срѣзанныя верхушки караваевъ, своего и невѣстина, съ полною увѣренностью, что эти верхушки, согрѣтыя его тѣломъ и съѣденныя вмѣстѣ съ новобрачною послѣ вѣнца, сдѣлаютъ союзъ ихъ неразрывнымъ. Въ свою очередь и невѣста, съ тою же цѣлію, кладетъ за пазуху пирогъ съ рыбой или ломоть посоленаго хлѣба. Снаряжаясь къ вѣнцу, невѣста прячетъ также за пазуху нѣсколько льна, шерсти, кусокъ мыла и три кренделя или пряника. Выражая этимъ желаніе носить въ замужествѣ льняную и шерстяную одежду, жить чисто и въ полномъ довольствѣ, дѣвушка увѣрена, что если она будетъ имѣть при себѣ названные предметы въ церкви, во время вѣнчанія, то ея желаніе осуществится [4]). Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, они стараются взяться за скобу (Яросл.) и сказать: «пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ», такъ какъ желѣзо, по народному повѣрью, принимаетъ отъ человѣка всякую болѣзнь, особенно желѣзо ржавое. Во время надѣванія вѣнцовъ, при словахъ священника—вѣнчается рабъ Божій N, новобрачные крестятся и произносятъ: «я рабъ Божій вѣнчаюсь, а болѣзни не вѣнчаются». Кто изъ брачущихся, имѣющій какія-нибудь болѣзни, не произнесетъ означенныхъ словъ, съ тѣмъ вѣнчаются болѣзни и ихъ уже никогда не вылѣчишь. Въ видахъ единодушія женихъ и невѣста въ продолженіе свадебнаго пира ѣдятъ одною ложкою [1]).

Съ мыслію о счастіи новобрачныхъ у крестьянина нераздѣльно представленіе о злыхъ колдунахъ, запродавшихъ свою душу лукавому, вступившихъ съ нимъ въ содружество и дѣйствующихъ по его внушенію. Стоитъ только войти въ немилость колдуна, чѣмъ-нибудь прогнѣвить его—и ожидаемаго счастія какъ не бывало. Лихому человѣку все доступно, всему вѣдомо: онъ можетъ наслать на человѣка всякую порчу, какую угодно болѣзнь,—стоитъ только ему снять съ шеи крестъ, нашептать на соль, бросить ее на дорогу, по которой пойдетъ обреченный на порчу, или взять съ дороги горсть пыли, бросить по вѣтру, съ извѣстнымъ ему приговоромъ, въ ту сторону, гдѣ живетъ этотъ человѣкъ—и несчастный начнетъ страдать («по вѣтру пришло»). Недобрые люди стараются надѣлать бѣдъ крестьянину, особенно въ наисчастливую для него пору,—во время свадьбы. Чтобы сдѣлать свадьбу несчастною, они садятся *на замки*, на тѣ мѣста, гдѣ смыкаются концами двѣ лавки или два бруса [2]), бросаютъ на дорогу голикъ, въ который заключена нечистая сила, становятся къ вертикальному деревянному брусу, который скрѣпляетъ выдающійся уголъ печи, незамѣтно подкидываютъ что-нибудь на порогъ избы или церковный и т. п. [3]). Понятно, что при такихъ козняхъ лиходѣевъ принимаются всѣ возможныя, и по сознанію темныхъ людей дѣйствительныя, средства противодѣйствія.

Въ день свадьбы, когда подходитъ время одѣвать жениха къ вѣнцу, дружка читаетъ заговоръ:

Поставлю тынъ отъ земли до небеси,
Затворю ворота желѣзныя,
Запру ключами мѣдными,
Снесу за престолъ Господень,
Самой Матери Божіей.

При одѣваніи кладутъ ему за пазуху «Богородицынъ Сонъ», противъ сердца втыкаютъ булавки

---

[1]) Дѣдушка домовой, весь волосатый, этотъ заботливый хозяинъ крестьянской семьи, не можетъ не быть милостивъ къ тѣмъ, которые не только не забываютъ его, но возлагаютъ на него всѣ свои надежды, всячески почитаютъ его.

[2]) У сибирскихъ инородцевъ невѣста, покидая свое пепелище, кланяется домашнему очагу, на которомъ горитъ огонь. Прибывъ въ юрту жениха, она кланяется огню, кладетъ на него кусокъ мяса и кусокъ масла и брызжетъ въ огонь брагой. (Изв. общ. ест., антр. и этн. XIII, кн. 3, вып. 1,82—83).

[3]) Архивъ ист. юриц. свѣд. Калачева, кн. III, отд. VI,39. Зап. Оренб. отд. р. геогр. общ. вып. II, 170. 172. 190. Труды Яросл. стат. ком. 1859, 132. Архивъ югозап. Р., ст. Кавелина: „нѣсколько словъ о примѣтахъ". 12. Русская нар. въ ея пов., обр. и сказкахъ, Шеппинга, 51. Вят. губ. вѣд. 1864 г., № 3, 7.

[4]) Спрятанное невѣстой мыло, называемое „подвѣнечнымъ", имѣетъ также назначеніе, по объясненію старухъ, промывать впослѣдствіи больные глаза дѣтямъ.

[1]) Этногр. сборн. 1,188. 189. V, 14. Тр. яросл. стат. ком. 1869. 133. Пермскій сборн. 1869, 11, 86 Вѣст. р. г. общ. 1857, ч. 20, 264.

[2]) Въ Сербіи враги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платьѣ, а лужичане запираютъ замокъ въ ту минуту, какъ священникъ произноситъ—плодитесь и множитесь.

[3]) Аоан. III, 66, 69—70. Свадьбы въ Кологривскомъ уѣздѣ Костр. губ., Дементьева, 125 (отт.). Пермскій сборн. 1860, 106. Этн. сборн. VI, 139. Быть р. нар., Терещ., II—свадьба въ Ол. губ.

или въ воротникъ «невладанныя» иголки ушками внизъ, опоясываютъ сѣткой или кушакомъ съ узлами, въ карманъ кладутъ луковицу, съ воткнутою въ нее булавкою [1]).

При одѣваніи невѣсты къ вѣнцу, мать опоясываетъ ее по голому тѣлу суровою посконною ниткою, завязывая концы узломъ *наотмашь*. Нитка эта прядется невѣстой также наотмашъ (т. е. веретено съ ниткой вертятъ налѣво) и притомъ на печномъ столбѣ, тайно отъ всѣхъ; сучится она тоже наотмашъ; кромѣ того на ней завязывается такимъ же образомъ шесть узловъ, первые на порогѣ избы, вторые на порогѣ сѣней, третьи въ воротахъ; затѣмъ нитка разрывается на двѣ половины,—одну, съ тремя узлами, невѣста оставляетъ себѣ, другую отсылаетъ жениху. Все это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы перехитрить колдуновъ: при всемъ своемъ знаніи и лукавствѣ имъ и въ голову не прійдетъ, чтобы нитка была сплетена на печномъ столбѣ, наотмашъ и перевязана на трехъ мѣстахъ; а не разгадавъ этого, ни одинъ колдунъ не можетъ испортить новобрачныхъ. Не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ колдуновъ находятъ также—лыко или бредень, которымъ опоясываютъ невѣсту по голому тѣлу; булавки и безухія иглы, втыкаемыя въ ея одежду; положенная въ карманъ луковица, съ воткнутою въ нее булавкой; макъ, насыпаемый въ обувь (и поминанье, въ которомъ есть имена умершихъ, одинаковыя съ именами жениха и невѣсты [2]). Забота самой невѣсты состоитъ въ томъ, чтобы при выходѣ изъ избы переступить порогъ правою ногою. Правая сторона — сторона благодати, всякаго добра: на правомъ плечѣ сидитъ постоянно ангелъ хранитель [3]). Поэтому понятно желаніе невѣсты переступить порогъ правою ногою, чтобы тѣмъ уничтожить силу заговоровъ о порчѣ, которые чаще произносятся злыми людьми на порогѣ. Въ моментъ отъѣзда свадебнаго поѣзда въ церковь, обносятъ вокругъ него трижды икону Михаила Архангела, а дружка обходитъ телѣгу невѣсты три раза и крестообразно машетъ кнутомъ. Выѣхавъ въ поле, поѣздъ останавливается, дружка обходитъ его кругомъ и читаетъ слѣдующій заговоръ: «Господи! благослови меня раба Божія N. Выѣзжаю въ чистыя поля, въ зеленые луга, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ красное солнце; и попрошу Илью пророка, Егорья храбраго: обстрѣляйте меня раба Божія со всѣмъ княжимъ полкомъ калеными стрѣлами, и не пришатиться бы, не прикоснуться колдуну, колдуньѣ. Есть во чистомъ полѣ, на Сіонской горѣ бѣлъ горючъ камень, у этого бѣла горюча камня 12 замковъ, у кажиннаго замка по 12 ключовъ; когда до этого камня дойдешь, и всѣ ключи соберешь, и замки отопрешь, тогда и исколдуешь, тогда и изволхвуешь. Тебѣ до этого камня не дохаживать, и ключи не собирывать, и замки не отпирывать, и меня не исколдывать и не испорчивать со всѣмъ княжимъ полкомъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа». По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, чтобы разрушить порчу, раскладываютъ огонь у воротъ, при входѣ ихъ метутъ ступени крыльца, сѣни и полъ избы (что производится и при отправленіи новобрачныхъ въ клѣть), бросаютъ также подъ порогъ протерть (т. е. иглу съ протертымъ ушкомъ) [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, въ виду болѣе вѣрнаго расчета, приглашаютъ на свадьбу особаго знахаря и всячески чествуютъ его. Тогда онъ главнымъ образомъ беретъ на себя роль защитника и покровителя новобрачныхъ и всего свадебнаго поѣзда и въ продолженіе всей свадьбы своими заговорами и другими извѣстными ему средствами отгоняетъ всякую порчу [2]). Случается, что приглашаютъ колдуна и въ дружки.

Нужно замѣтить, что въ настоящее время колдуны въ быту крестьянскомъ пользуются едва-ли меньшимъ значеніемъ и почетомъ, чѣмъ въ старину. Пальмъ, секретарь шведскаго посольства (1617 г.), свидѣтельствуетъ о колдунахъ своего

---

[1]) Нижег. сборн. V, 219—220. Волог. свадьба, Александрова, 13 (отт.). Опис. Олон. губ., Дашкова, 207. Вѣров. и суев., собр. въ разд. стан., Попова, 6, отт.. Черногорцы носятъ съ собой лукъ противъ вѣщицъ. У грековъ такое же значеніе имѣетъ чеснокъ (Жизнь европ. нар., Водовозовой, т. I, 119, 283).

[2]) Архивъ ист. юрид. свѣд. III, отд. VI, 35—36. Нижег. сборн. III, 142—143. Труды Яросл. стат. ком. V, 132.

[3]) Лѣвый глазъ чешется передъ слезами, правый передъ радостью. Лѣвая рука чешется передъ расходомъ, правая—къ полученію денегъ. Упасть на правый бокъ, при выходѣ изъ дому, добрый знакъ, на лѣвый—признакъ неудачи. Правая бровь чешется—пріятная встрѣча, лѣвая—наоборотъ. Не накрывай стола скатертью съ лѣвой стороны—хозяинъ обѣднѣетъ (Припомнимъ здѣсь и живущее повѣрье—стать съ постели лѣвой или правой ногой). Въ гор. Арконѣ считалось счастливымъ знаменіемъ, если священный конь, выведенный жрецомъ на скрещенныя копья, подымалъ сперва правую ногу. (Ист. балт. славянъ, Гильфердинга, 1, 213). Подобное понятіе о правой и лѣвой сторонѣ было и у грековъ. Въ Одиссеѣ и Иліадѣ появленіе птицъ справа считается добрымъ знакомъ, слѣва—дурнымъ. (Од. XV, 160, 525, XX, 242, XXIV, 311. Ил. 11, 350). То же видимъ у калмыковъ и негровъ. Калмыкъ кланяется соколу, летящему отъ него вправо, и отворачивается, ожидая бѣдствія, когда видитъ его на лѣвой сторонѣ. Для негра Стараго Калабара крикъ большаго *зимородка* предвѣщаетъ добро или зло, смотря потому, справа или слѣва онъ слышенъ. (Первоб. культура, Тэйлора, 1, 112).

[1]) Нижег. сборн. V. 138. Дер. свадьбы въ Кол. у. 102—103. Перм. сборн. 1860, 11, 106. Олон. губ. вѣд. 1875, № 83, 930. Этногр. сб. V. 70—71.

[2]) Между такими средствами почетное мѣсто занимаютъ травы. Трава *прикрышъ*, собираемая въ Ивановъ день, употребляется знахарями при свадьбахъ, какъ одно изъ вѣрныхъ средствъ, разрушающихъ чародѣйство (Комета, 126). У кореловъ *подвашка* (знахарь), приводя молодыхъ въ клѣть, ставитъ ихъ рядомъ и очерчиваетъ топоромъ или косой съ причетомъ заговора, чтобы тѣмъ защитить ихъ отъ порчи. (Труды арх. стат. ком. на 1865 г. кн. 2, 124).

времени: «особенно они пользуются случаемъ свадебъ, чтобы причинить вредъ новобрачнымъ и ихъ друзьямъ. А потому и новобрачные имѣютъ при себѣ колдунью, которая не отступаетъ отъ нихъ ни на шагъ и старается сдѣлать безвредными всѣ чары противниковъ. И какъ бы эти послѣдніе ни усиливались нанести вредъ, она, зная всѣ ихъ уловки, предупреждаетъ ихъ и дѣлаетъ безсильными [1]). Съ тѣмъ же смысломъ и значеніемъ знахари и по сію пору фигурируютъ на крестьянскихъ свадьбахъ.

Изъ представленнаго ряда фактовъ можно, кажется, убѣдиться, что на свадьбѣ у русскаго крестьянина почти все, начиная съ иглы и кончая колдуномъ, какъ освящаемое стариною и употребляемое болѣе или менѣе цѣлесообразно, имѣетъ не маловажное значеніе въ его глазахъ, слѣдовательно опредѣляетъ и въ извѣстной степени узаконяетъ его образъ дѣйствій.

III.

Погребальные обряды, обычаи и повѣрія, представляя, съ одной стороны, много сходнаго съ родильными и свадебными и открывая, съ другой, особый міръ вѣрованій, унаслѣдованныхъ отъ глубокой старины, не менѣе характерно и ясно опредѣляютъ отношеніе къ нимъ русскаго простолюдина.

При кончинѣ больнаго, чтобы испугать лютую смерть, спѣшатъ положить ножъ на столъ и дать въ руки умирающему срѣтенскую свѣчу. Съ послѣднимъ вздохомъ скорѣе закрываютъ покойнику глаза, чтобы онъ не высмотрѣлъ кого-нибудь. Съ покойникомъ въ домѣ перестаютъ мести избу, иначе легко можно вымести кого-нибудь изъ живыхъ,— если же и метутъ ее, то противъ обыкновеннаго: отъ порога къ столу и соръ оставляютъ подъ мертвецомъ. Одежду и постель умершаго выносятъ подъ насѣсть, чтобы опѣли пѣтухи, и онѣ сдѣлались безвредными. При выносѣ тѣла изъ избы говорятъ: «покойникъ одинъ изъ дому вонъ» и запираютъ двери и ворота,—тогда смерть не вернется и не похититъ еще кого-нибудь изъ домашнихъ. По выносѣ мертвеца моютъ полъ избы, вымывая лиходѣйку. По возвращеніи съ кладбища сосѣди, провожавшіе умершаго, заходятъ въ его домъ погрѣть руки у печки, чтобы не занести домой смерти [2])

Съ видимою цѣлію содѣйствовать домашнему благоустройству и воспрепятствовать покойнику въ похищеніи рабочей силы, крестьяне при выносѣ тѣла изъ избы бросаютъ на гробъ зерна ржи, кладутъ хлѣбъ съ солью, на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, посыпаютъ овсомъ, а слѣдъ покойника засыпаютъ *суборомъ* (мукой изъ ячменя, ржи, гречи и др. зеренъ, наметенной кое-какъ и кое-гдѣ, вмѣстѣ съ шелухой и соломой) [1]).

Съ заботами о живущихъ, въ виду хищника—смерти, у простолюдина является желаніе не оставить умершаго безъ возможной помощи, сказывается родственная забота — поустроить, насколько возможно лучше, его загробное существованіе. Закрываетъ больной навѣки глаза—и ему ставятъ на окно чашку съ водой, чтобы душенька его обмылась. Съ тою же цѣлію ставятъ въ покути воду послѣ похоронъ [2]). Въ иныхъ мѣстахъ чашка воды на окнѣ стоитъ въ продолженіе шести тѣхъ недѣль, въ которыя душа витаетъ на землѣ, да тутъ же, у окна, вывѣшивается и полотенце, чтобы душа послѣ купанья могла утереться. Снаряжая умершаго въ дальній путь, родные даютъ ему подкрѣпиться—полагаютъ на окно первый блинъ, водки и съѣстнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляютъ его и всѣмъ необходимымъ, по ихъ понятію, въ другомъ мірѣ,—полагая что въ гробъ, что въ могилу,—монетой, мыломъ, кускомъ холста и т. п. Во время поминальнаго обѣда ставятъ ему отдѣльный приборъ, и притомъ какъ почетному гостю, угощаютъ его и напитками, и кушаньями. Въ 40-й день вывѣшиваютъ изъ окна кусокъ полотна, чтобы покойнику помягче было идти (такъ какъ онъ и входитъ и выходитъ окномъ, а не дверью), выходятъ изъ избы навстрѣчу ему съ низкими поклонами, приглашаютъ пожаловать въ семейный кружокъ, предлагаютъ погрѣться на печи и угощаютъ обѣдомъ [3]). Любвеобильные родичи и послѣ не забываютъ покойнаго: ходятъ на его могилушку, носятъ ему и блиновъ, и яичекъ, и калачиковъ, потчуютъ и водочкой. Въ дни поминовенія крестьяне опасаются шить, чтобы не уколоть покойнику глазъ; подъ Рождество и Крещеніе жгутъ навозъ среди двора, желая посогрѣть на томъ свѣтѣ родителей (покойниковъ вообще). Такъ какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умершіе скорбятъ о своей прежней жизни, то поселяне выходятъ на могилы и окликаютъ ихъ, причитая: «ужъ ты, солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужъ ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты

[1]) Чтенія общ. ист. и др. 1863, кн. 4, 167.

[2]) Изв. р. геогр. общ. 1871, вып. I. «Описаніе ркп. учен. архива», Майнова, 910. Пословицы Даля, 1034, 1035. Труды Кіевск. дух. акад. 1871, окт. 5. Этногр. сборн. II, 90. V, 81. Бытъ Подолянъ, вып. II, 29. Влад. губ. вѣд. 1873, № 35.

[1]) Бытъ Подолянъ, 11, 31. Бѣлор. пѣсни, Шейна, 370. Куль хлѣба, Максимова, 36.

[2]) Жители Филиппинскихъ острововъ думали, что умершіе возвращаются на 3-й день послѣ смерти въ свое жилище и потому выставляли воду, чтобы было въ чемъ умыться имъ отъ могильнаго праха, и посыпали полъ золою, чтобы остался слѣдъ ихъ ногъ. (Первоб. культура, Тэйлора, т. 2, 255).

[3]) У китайцевъ члены семья раскладываютъ передъ досками, на которыхъ написаны имена покойниковъ, разныя кушанья, спиртные напитки и чай, курятъ благовонныя бумаги, съ просьбой принять приношеніе. Они увѣрены, что духи съ охотой вдыхаютъ въ себя испаренія кушаньевъ и запахъ отъ куреній. (Древн. быт. ист. славянъ, Воцеля, 215).

взойди—взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй—возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ-ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушилися». Въ продолженіе всей Свѣтлой недѣли души умершихъ постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ, веселятся, пьютъ и ѣдятъ. Въ Свѣтлый праздникъ, Красную горку и Радуницу (Ѳомину недѣлю) крестьяне ходятъ на могилы христосоваться съ покойниками, катаютъ съ могильныхъ пригорковъ красныя яйца и потомъ зарываютъ ихъ въ землю [1]).

Такая внимательная заботливость объ умершихъ вызывается не чувствомъ только любви къ нимъ, но и низкимъ чувствомъ холоднаго расчета. По представленію простолюдина умершій, продолжая свою земную жизнь въ иномъ мірѣ, не прерываетъ своихъ сношеній съ міромъ живыхъ. Прежнія симпатіи и антипатіи, любовь и ненависть остаются при немъ. Но сила его, значеніе, сравнительно съ обыкновенными людьми, значительно возрастаетъ. Становясь полу-духовнымъ, полу-тѣлеснымъ существомъ, онъ можетъ принимать различные образы, явиться огонькомъ надъ могилой, вѣтромъ, птицей, звѣремъ, рыбой и т. д.; въ негодованіи на когонибудь онъ легко можетъ вѣтромъ сорвать кровлю съ его избы, во бесѣдушку съ любимымъ, дорогимъ ему человѣкомъ—явиться красной дѣвицей или молодой женой. Зная подобное значеніе и отношеніе умершаго къ живымъ, простолюдины и стараются расположить покойника въ свою пользу. Подчасъ они даже выражаютъ свое чувство расположенія и почтенія уже черезчуръ крайними мѣрами; такъ, запрягаютъ любимую покойникомъ лошадь, отвозя его на кладбище,—ведутъ лошадь за поясъ или полотенце, замѣняющіе въ этомъ случаѣ поводья, цѣлуютъ у ней копыта, иногда везутъ умершаго вскачь, чтобы повеселить его [2]).

Такое отношеніе крестьянъ къ покойникамъ совершенно равносильно отношенію ихъ къ существамъ вообще грознымъ для нихъ. Подобнымъ же образомъ неразвитый крестьянинъ умилостивляетъ водянаго гусемъ, домоваго—горшкомъ каши, хлѣбомъ и водкой, оспу—рыбничкомъ, водочкой, баней да въ честь ея убитой скотинкой, лѣсовика же—коровой [1]). У мордвы прямѣе и разительнѣе, чѣмъ у русскаго крестьянина, высказываются побужденія къ чествованію умершаго. Тамъ родственница приноситъ покойнику яйца, масло, деньги и говоритъ: «вотъ тебѣ, Семенъ, на. Это принесла тебѣ Марѳа; береги у нея скотину и хлѣбъ. Когда я буду жать, корми цыплятъ и гляди за домомъ» [2]).

При всѣхъ мѣрахъ къ расположенію умершаго въ свою пользу, русскій крестьянинъ однако не долюбливаетъ частаго посѣщенія мертвеца, съ которымъ трудно ладить, и потому солому, на которой лежалъ покойникъ, онъ сожигаетъ за воротами, а по приходѣ съ кладбища подходитъ къ устью печи, отодвигаетъ заслонку, заглядываетъ въ печь и произноситъ таинственныя слова, лишающія покойнаго возможности учащать свои визиты [3]).

Какъ ни бѣдны сравнительно бытующіе въ народѣ погребальные обряды и обычаи, но все же нельзя не видѣть въ нихъ тѣхъ вѣрованій, которыя, свидѣтельствуя объ извѣстномъ уровнѣ религіознаго образованія народа, тѣсно граничатъ съ представленіемъ загробной жизни языческаго славянства. И язычникъ-славянинъ надѣлялъ покойника всѣмъ необходимымъ для загробной жизни — и сапогами, и полотномъ и деньгами, и съѣстнымъ, представляя также загробную жизнь продоженіемъ земной и въ то же время вѣчнымъ царствомъ мрака, и зимы,—и онъ смотрѣлъ на душу, какъ на стихійное начало, видѣлъ въ предкахъ - покойникахъ своихъ пенатовъ, которыхъ старался всячески чтить. Его мысли, воспитанной на миѳическихъ представленіяхъ, сродно было видѣть въ стихіяхъ божественную силу, олицетворять ихъ и обращаться къ нимъ съ молитвой,—его сознанію вполнѣ доступно было значеніе предметовъ священныхъ [4]). Кромѣ языческой старины въ обрядахъ и обычаяхъ погребальныхъ легко усмотрѣть и вліяніе христіанства, и отсутствіе объединяющаго воззрѣнія, и недостаточное проникновеніе въ жизнь простолюдина христіанскаго ученія. При всемъ томъ, значеніе его вѣрованій не подорвано въ собственныхъ глазахъ,—законность и необходимость ихъ вытекаетъ изъ его развитія, живучесть — изъ приверженности къ старинѣ, сознательность — изъ цѣлесообразнаго употребленія ихъ.

Н. Покровскій.

[1]) У остяковъ, какъ и у самоѣдовъ, въ силу увѣренности, что покойникъ сохраняетъ свои потребности и наклонности, кладутъ на его могилу сани, копье, топоръ, ножикъ и др. вещи, которыми онъ можетъ приготовлять себѣ пищу; кромѣ того въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ родные приносятъ на его могилѣ оленей въ жертву. (Кастренъ, Этнографич. зам. и наблюденія. Этногр. сборн. IV. 311).

[2]) Бѣлор. пѣсни, Шейна, 373. Пословицы р. народа, Даля, 1035.

[1]) Новгор. сборн. 1865, 1, 283. Архивъ ист. юрид. свѣд. 1, 18. Знаніе 1884, № 8, 71. Поэт. воззр. сл. на природу, Аѳан., III, 68. Опис. Олон. губ., Дашкова, 218. Русская нар. въ ея пов., обр. и сказкахъ, Шеппинга, 25.

[2]) Арх. ист. юр. свѣд. 1, 18. Примѣры умилостивленія умершихъ душъ у различныхъ расъ, начиная съ низшихъ ступеней культуры до высшихъ, см. у Тэйлора. Первоб. культура, 2 179—181.

[3]) Пословицы, Даля, 1034. Отеч. Зап. 1848, № 2.

[4]) О погребальныхъ обычаяхъ языч. славянъ, Котляревскаго. Загробная жизнь въ нар. вѣров. северн. края. Прав. Обозр. 1872, 2. Поэтич. воззр. слав. на природу, Аѳанасьева.

МАЛОРУССКАЯ СВАДЬБА

ВЪ КОРНИЦКОМЪ ПРИХОДѢ КОНСТАНТИНОВСКАГО УѢЗДА, СѢДЛЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

*Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ **Н. Янчукъ**.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Западная окраина нынѣшней Россіи во многихъ отношеніяхъ представляетъ громадный интересъ. Какъ для историка, такъ и для этнографа, и для лингвиста эта страна можетъ доставить массу матеріала, способствующаго уясненію многихъ вопросовъ, имѣющихъ немаловажное значеніе для пониманія историческаго хода событій на югѣ и западѣ Россіи и для правильнаго взгляда на явленія современной жизни этого края. Вспомнимъ племенную борьбу русскихъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и другихъ народностей, борьбу, которая, начиная съ глубокой древности, безпрерывно кипѣла въ этомъ уголкѣ нашего отечества; эта борьба часто велась не на жизнь, а на смерть, сопровождалась кровопролитными войнами и имѣла своимъ послѣдствіемъ совершенное исчезновеніе или вырожденіе цѣлыхъ отдѣльныхъ племенъ, игравшихъ нѣкогда не послѣднюю роль въ исторіи славянъ (таковы напр. ятвяги). Но если мы даже оставимъ въ сторонѣ древнюю исторію и обратимъ вниманіе лишь на ближайшія къ намъ событія, то и въ этомъ случаѣ мы придемъ къ тому же заключенію. Даже не зная исторіи, достаточно взглянуть на этнографическую карту западной Россіи, чтобы понять всю важность этой окраины. Бассейнъ западнаго Буга представляетъ собою рубежъ, на которомъ сталкиваются славянскія племена: малоруссы, бѣлоруссы, поляки, сюда же примыкаютъ литовцы; кромѣ того, съ окончательнымъ присоединеніемъ Польши и съ водвореніемъ въ ней новой государственной жизни, западная окраина понятнымъ образомъ подчинилась непосредственно великорусскому вліянію; наконецъ, иноплеменные народы, евреи и нѣмцы, издавна наложили особый отпечатокъ на эту страну и продолжаютъ оказывать на нее свою долю вліянія. Вотъ обстоятельства, поставившія въ особенныя условія страну, о которой мы говоримъ. Борьба различныхъ вліяній и въ настоящее время до такой степени сильна здѣсь, что даже человѣку, знающему хорошо извѣстную мѣстность этого края, достаточно отлучиться на нѣсколько лѣтъ, чтобы потомъ быть пораженнымъ многими коренными перемѣнами въ образѣ жизни тамошняго населенія, въ его нравахъ, въ языкѣ, а иногда даже и въ религіозныхъ убѣжденіяхъ; послѣднее относится главнымъ образомъ къ бывшимъ уніатамъ и къ сектантамъ. Въ общемъ страна для наблюдателя представляетъ собою видъ какого-то хаоса, въ которомъ довольно трудно разбираться.

Изъ всего сказаннаго ясно, что изученіе этого края возможно не въ общемъ, а лишь по частямъ, потому что общаго здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Изслѣдованію должны подвергаться порознь отдѣльныя, небольшія области, связанныя возможно болѣе общими чертами быта и языка, и только послѣ такого частичнаго и подробнаго изслѣдованія нашимъ глазамъ представится полная и вѣрная картина этого края съ его несчастнымъ населеніемъ, которое волею судебъ обречено на безконечныя терзанія на перепутьи между различными народностями.

Въ настоящемъ очеркѣ я буду имѣть въ виду лишь лѣвую сторону зап. Буга и живущихъ тамъ малороссовъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ для читателя мое намѣреніе говорить о малороссахъ въ Польшѣ. При словѣ «малороссъ» мы привыкли переноситься мысленно въ окрестности Полтавы, Кіева и т. д., но никакъ не въ Польшу. Однако было бы не менѣе странно, если бы мы стали утверждать, что въ Польшѣ нѣтъ малороссовъ, хотя, правда, подобныя утвержденія

приходится выслушивать неоднократно. Чтобы не приводить здѣсь цифровыхъ данныхъ о численности малорусскаго населенія въ Польшѣ, я отсылаю читателя къ VII тому «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ», Спб. 1872—7 г., вып. 2, стр. 362, 364—374.

Малорусское населеніе по лѣвую сторону запад. Буга занимаетъ всего нѣсколько уѣздовъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній, и размѣстилось оно какъ бы островами среди поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ и отчасти даже татаръ. Уже это одно обстоятельство не позволяетъ намъ искать среди тамошнихъ малороссовъ однообразія въ бытѣ и языкѣ. И дѣйствительно, разнообразіе на протяженіи всей области, занятой малорусскимъ населеніемъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, тотчасъ бросается наблюдателю въ глаза. Эта небольшая горсть малоруссовъ дѣлитъ себя еще на нѣсколько меньшихъ частей, изъ которыхъ каждая имѣетъ какъ-бы свое видовое имя. Одни въ отличіе отъ поляковъ называютъ себя просто «русинами», а другихъ, своихъ сосѣдей, прозываютъ почему-то «мужиками», хотя въ то-же время сами не считаютъ себя ни шляхтой, ни мѣщанами; третьи извѣстны подъ именемъ «поселюховъ»; четвертые носятъ названіе «штȯкаловъ», пятые — «смычкȯвъ» *) и т. д. Точно также и въ области ихъ языка можно насчитать нѣсколько говоровъ, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Сплошь и рядомъ можно наблюдать такой случай, что жители двухъ сосѣднихъ малорусскихъ деревень говорятъ совершенно различно. Такое-же разнообразіе бросается въ глаза на каждомъ шагу и въ одеждѣ, и въ способѣ постройки и расположенія сельскихъ строеній и проч.

Мѣстность, которая мнѣ лично знакома ближе всѣхъ остальныхъ частей этого края, лежитъ въ Константиновскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи. Это именно Корницкій приходъ, обнимающій собою деревни: Шпакѝ, Ва̀лимо, **) Рудку, Кобыляне съ гминнымъ, т. е. волостнымъ селомъ Корницею ***) во главѣ. Этотъ уголокъ представляется удобнымъ для изслѣдованія, потому что всѣ поименованныя деревни составляютъ нѣчто цѣлое по обычаямъ, общему характеру и языку населяющихъ ихъ малороссовъ, бывшихъ уніатовъ. Собираніе мною этнографическаго матеріала въ этой мѣстности ограничилось пока селомъ Корницей, гдѣ я въ послѣдніе три года, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, записывалъ малорусскія народныя пѣсни, при чемъ останавливался преимущественно на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Я долженъ замѣтить, что при собираніи пѣсенъ въ этой мѣстности я находился въ особенно счастливыхъ условіяхъ. Будучи мѣстнымъ уроженцемъ, проведя дѣтство въ деревнѣ и зная хорошо мѣстный говоръ, я всегда считался здѣсь своимъ человѣкомъ и былъ свободенъ отъ всякихъ подозрѣній и недружелюбныхъ отношеній, съ какими народъ обыкновенно принимаетъ всякихъ незнакомыхъ изслѣдователей народнаго быта. Собраннымъ матеріаломъ и своими наблюденіями я и воспользовался для настоящаго очерка мѣстной свадьбы, полагая, что онъ будетъ имѣть свое значеніе, особенно въ связи съ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ въ IV томѣ упомянутыхъ выше «Трудовъ этнографич.-статистич. экспедиціи». Тамъ, при огромномъ количествѣ свадебныхъ пѣсенъ, находимъ 13 описаній свадьбы въ различныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ томъ числѣ одно описаніе свадьбы въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ.; но сосѣдняго съ Бѣльскимъ Константиновскаго уѣзда изслѣдованія упомянутой экспедиціи повидимому вовсе не коснулись.

Само собою разумѣется, что записанныя мною пѣсни въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою варіанты пѣсенъ, уже извѣстныхъ въ печати; однако при громадномъ числѣ варіантовъ, внесенныхъ въ упомянутые «Труды», полагаю, что и корницкіе варіанты не будутъ лишніе, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ значеніе въ филологическомъ отношеніи. Но при этомъ необходимо было всетаки какъ можно полнѣе указать напечатанные уже варіанты каждой пѣсни, что я и старался исполнить въ примѣчаніяхъ.

Не ограничиваясь одними малорусскими сборниками, я привлекъ къ сравненію также пѣсни вели-

*) Штȯкалы — «штȯкаютъ», т. е. говорятъ *што* вм. *що*; прозвище «смычковъ» рѣдкое и неясное.

**) Около этой деревни виднѣются слѣды земляныхъ насыпей, какъ говорятъ, со временъ нашествія шведовъ.

***) Относительно имени *Корнѝця* я ничего до сихъ поръ не могъ узнать. Можно, пожалуй, предложить одно объясненіе, не свободное, впрочемъ, отъ натяжки. Въ этомъ селѣ находятся два ключа, довольно обильныхъ водою; прежде они были еще обильнѣе, но ихъ, говорятъ, забили овечьей шерстью, чтобы они не заливали полей и луговъ, По народному повѣрью, овечье руно останавливаетъ чрезмѣрное прибываніе воды въ такъ наз. бездонныхъ криницахъ. (Ср. Zbior. wiadom. do Antropologii Krajowéj, изд. Краковской Академіи, т. III, отд. 3, стр. 98, Краковъ, 1879). Можетъ быть, одинъ изъ этихъ ключей имѣлъ нѣкогда важное, пожалуй, даже религіозное значеніе для всей этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что по близости пѣтъ значительныхъ ключей, и отъ него и деревня названа *Криницею*, а это имя исказилось (ср. неустойчивость звуковъ этого слова въ разныхъ малорусскихъ говорахъ: криниця, кирниця, керниця; глухой звукъ при *р* могъ усилиться и въ *о*). Эта догадка подрывается тѣмъ, что нарицательное имя *криниця* (ключъ) неизвѣстно здѣсь въ другой формѣ.—Замѣчательно, что имя ближайшей сосѣдней деревни *Рудка* образовалось аналогичнымъ образомъ: *рудка* уменьш. отъ *руда*, которое возводятъ къ тому-же корню, что и *родникъ* иначе *рудникъ*. ср. „Кіевск. Старину“ за 1884 г., апрѣль, стр. 695.—*Шпакѝ*—отъ польс. szpak (скворецъ).

корусскія, бѣлорусскія и вообще славянскія; но при этомъ сознаюсь, что считаю свои ссылки далеко не исчерпывающими предметъ уже потому, что у меня подъ руками было лишь ограниченное количество матеріала. Я подыскалъ также варіанты къ польскимъ пѣснямъ, которыхъ въ моемъ очеркѣ найдется не мало. Считаю нужнымъ печатать эти пѣсни, потому что онѣ составляютъ неотъемлемую часть мѣстной свадьбы, какъ и всякихъ другихъ увеселеній. Вообще польская пѣсня въ этой мѣстности не только пользуется одинаковымъ правомъ гражданства наравнѣ съ малорусскою, но часто даже предпочитается послѣдней. Смѣсь польскаго съ своимъ роднымъ - вещь до такой степени здѣсь обыденная, что иногда дѣвушка начнетъ пѣсню по малорусски и, сама того не замѣчая, окончитъ ее по польски, или наоборотъ. Особенно въ ходу польскіе краковяки среди молодежи; во время пляски и музыки ихъ слышится гораздо больше, чѣмъ коломыекъ и т. п. Выбросить изъ описанія польскія пѣсни значило бы поэтому совершенно пренебречь одною изъ самыхъ существенныхъ чертъ мѣстнаго быта.

Въ заключеніе скажу, что каждую пѣсню я по возможности старался провѣрить въ пѣніи, такъ какъ безъ этого, по моему мнѣнію, нельзя сдѣлать шагу, чтобы не впасть въ ошибку. Самые напѣвы, записанные мною, прилагаются въ концѣ. Къ сожалѣнію, у меня не было времени сравнить ихъ съ извѣстными уже въ печати малорусскими, польскими и другими мотивами. Могу только сказать вообще, что въ нихъ есть свои особенности; въ этомъ отношеніи корницкія пѣсни отличаются даже отъ пѣсенъ сосѣднихъ приходовъ *).

Наконецъ, я старался сохранить всѣ оттѣнки мѣстнаго говора, что не всегда выдержано въ «Трудахъ этногр.-статистич. экспедиціи».

Нѣкоторыя особенности Корницкаго говора.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію свадьбы, считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о языкѣ, чтобы выяснить мою транскрипцію и облегчить чтеніе малорусскаго текста. Основываясь на показаніяхъ «Карты южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ», приложенной къ VII тому «Трудовъ этногр.-статистич. экспедиціи», всѣ Сѣдлецкія разнорѣчія и говоры слѣдуетъ отнести къ такъ называемому подляшскому поднарѣчію полѣшскаго нарѣчія. Образцы сѣдлецкихъ разнорѣчій собраны П. Житецкимъ и приложены къ его „Очерку звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія". Въ числѣ этихъ образцовъ есть также нѣсколько изъ Константиновскаго уѣзда, но про Корницу тамъ не упомянуто ни однимъ словомъ; между тѣмъ Корницкій говоръ по своимъ особенностямъ съ такимъ же правомъ можетъ быть принятъ за особый типъ, какъ и указанныя г. Житецкимъ разнорѣчія: кошольское, хотычское и кленов(н)ицкое. Отлагая до другого времени болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого говора, я укажу здѣсь только нѣкоторыя его отличительныя черты.

1. Гласныя:

Я (не взирая на то, какой звукъ лежитъ въ основѣ: *а* іотированное, или юсъ) *подъ удареніемъ* разлагается на два звука *і+а*, составляющіе всетаки въ произношеніи одинъ слогъ *съ удареніемъ на первой части дифтонга іа*, который для отличія обозначенъ вездѣ курсивомъ: л*іа*хъ, н*іа*нька, л*іа*мпа, з*іа*бра (жабры), с*іа*дь (повел. н.), кут*іа* (кутя), д*іа*ковати, р*іа*дъ, обиц*іа*ти (обѣщать) и пр. Такой переходъ всегда наблюдается послѣ согласныхъ, исключая губныхъ: мясо, мята, хомякъ, вязъ, вязка, вянути, сьвято, сьвятки (Троиц. день), пять, пядя, сьпятъ, выробяти и т. п. Послѣ гортанныхъ *я* не встрѣчается, если не считать сокращ. формы *кягиня* вм. княгиня и еще рѣдкихъ случаевъ перехода зубныхъ *д* и *т* въ небныя гортанныя г (тверд.) и к; въ подобныхъ словахъ *я* по общему правилу обращается подъ удареніемъ въ *іа*; ог*іа*гнёны вм. од*іа*гнёны (одѣтый), сиг*іа*тъ (сидятъ), ск*іа*ти вм. ст*іа*ти (срубить) и т. п. Въ началѣ слова, а также послѣ гласныхъ и ь, *я* съ удареніемъ остается неизмѣненнымъ: якъ, язь, ясны, яблыко, заяддлы, ніяки, моя, твоя, своя, чія, своякъ, троякъ, біякъ (у цѣпа), забіякъ, стояти, стоянъ (ходулька для маленьк. дѣтей), боятися, фуяра (дудочка), буяры (только множ., пѣсенное слово, бояре), буяти, клеятъ (3. мн.) пьяны, пьянство и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончанія падежей *ямъ*, *ями*, *яхъ* и 3 мн. *ятъ* измѣняютъ *я* послѣ гласной, но при этомъ необходима вставка іота (й) между гласною и *я* (*іа*): гноѝ*іа*мъ, кіѝ*іа*ми, стрыѝ*іа*ми, стрыѝ*іа*хъ (отъ «стрый» формы съ *іа* постоянны), строѝ*іа*мъ, гноѝ*іа*тъ, клеѝ*іа*тъ и пр.

Отдѣльныя слова, напр.: *балясы*, *коляса*, *галянъ* (г тверд., галунъ) и т. п., удерживаютъ *я*, какъ заимствованныя. *Неударяемое я* произносится чисто (см. ё).

А послѣ іотированныхъ согласныхъ ж, ч, ш, щ, а часто также и послѣ р, подвергается *подъ вліяніемъ ударенія* такому же разложенію какъ и *я*: ж*іа*ръ, ж*іа*ль, крич*іа*ти, ч*іа*съ, ш*іа*пка, душ*іа*, шалаш*іа*, (род. п.), ш*іа*рпати (дергать), пищ*іа*ти, звыч*іа*йны, р*іа*ма, кр*іа*та (рѣшотка), кр*іа*! (звукоподраж., о воронѣ), хр*іа*мъ! (звукоподраж., означ. хрустѣніе на зубахъ чего нибудь сырого) и пр. Впрочемъ

---

*) Главное отличіе, которое сразу даетъ себя чувствовать, состоитъ въ томъ, что въ корницкомъ свадебномъ напѣвѣ господствуетъ *доминанта*, въ сосѣднихъ-же *тоника*; поэтому корницкій напѣвъ веселѣе, и корничане говорятъ о своихъ сосѣдяхъ, что они «нехорошѐ дадакаютъ».

случаи перехода чистаго *а* въ двоегласную послѣ *р* довольно рѣдки; большею частью кажущееся *а* произошло изъ юса или *я*; прі*а*тати, прі*а*жка, тхорі*а* (род. отъ тхуоръ, хорь) и т. д.

Примѣч. Указанные переходы *а* и *я* въ двоегласныя въ настоящее время принадлежатъ исключительно селу Корницѣ, но, по свидѣтельству стариковъ, они были прежде въ употребленіи и въ другихъ деревняхъ Корницкаго прихода; теперь же и въ Корницѣ молодое поколѣніе старается избѣгать этихъ особенностей, такъ какъ сосѣди смѣются надъ ними.

Ѣ подъ удареніемъ всегда произносится какъ дифтонгъ *іе* (съ тверд. *е*) непремѣнно *съ удареніемъ на первой его части*; онъ отмѣченъ курсивомъ: сьв*іе*тъ, б*іе*лы, вц*іе*лити (попасть), д*іе*лянка (доля), хот*іе*ти, й*іе*хати, въ руц*іе*, на меж*іе*, доцц*іе* (дат. отъ дочка̀), въ огн*іе*, на край*іе* (отъ край), р*іе*зати, хр*іе*нъ, р*іе*па, жовт*іе*йши, л*іе*пши, хуч*іе*й (ходчѣй), зус*іе*мъ (совсѣмъ), лет*іе*въ (летѣлъ, бѣжалъ) и проч.

Безъ ударенія ѣ перешло въ *и* (мягк.), какъ вообще въ малорусскомъ нарѣчіи: видро̀ (мн. в*іе*дра), ципы (ед. ц*іе*пъ), тисны (нар. т*іе*сно), дилити, виковати (вѣковать), зустрич*іа*ти и пр.; также въ нѣкоторыхъ мѣстоимен. формахъ, хотя и подъ удареніемъ: кимъ, чимъ, тымъ (кѣмъ и пр.).

Примѣч. 1. Въ пѣсняхъ часто затруднительно бываетъ опредѣлить правильно настоящій звукъ вслѣдствіе неестественности пѣсенныхъ удареній; напр. отъ «д*іе*вонька» въ разговорной рѣчи мн. ч. «д*іе*воньки»; въ пѣснѣ-же удареніе подъ вліяніемъ напѣва можетъ упасть и на второй, и на третій слогъ, и тогда слышится то *іе*, то *и*. Я буду придерживаться обыденной рѣчи, или, оставляя пѣсенныя формы, отмѣчать ихъ.

Примѣч. 2. Читая церковно-славянскую книгу, корничанинъ произноситъ всякое *ѣ*, какъ *и* (мягк.): вира, человикъ, видиніе (вѣдѣніе) и т. п.; такъ-же читаютъ большею частью и гражданскія книги. Впрочемъ, въ послѣднее время, съ принятіемъ православія и подъ вліяніемъ школы, многіе, особенно молодежь, стараются выговаривать эту букву по великорусски, но только въ чтеніи. Говоря или читая по польски, корничане также часто произносятъ іе (пол.), какъ свое *іе* (ѣ): *cien'* (тѣнь), ch*lie*b (вм. chléb), *sie*rp (серпъ) и т. п.

Переходъ *ѣ* въ *іе* встрѣчается нерѣдко въ Константиновскомъ, а также и въ другихъ уѣздахъ, напр. въ Радинскомъ.

Е, е. Для выраженія мягкаго *е* я вездѣ ставлю *е* въ отличіе отъ твердаго *е*, которое выражено знакомъ е. Въ началѣ словъ и послѣ гласной или глухой *е* слѣдуетъ читать, какъ *йе* (*je*).

Е и *е подъ удареніемъ* часто подвергается такому же измѣненію, какъ и *ѣ*: с*іе*мъ (р. семи), ш*іе*сьц (род. шесьци), ч*іе*рвець (польс. czerwiec, іюнь), ч*іе*рець и щ*іе*рець (красный или желтый песокъ), кл*іе*й (клей), ч*іе*пчикъ (ум. отъ чепѐць, чаще чипѐць), щ*іе*льны (плотно прилегающій, щелюба—щель), т*іе*мя, м*іе*чъ (р. меч*іа*), м*іе*дъ (род. мѐду), з*іе*ле (прил. зелёны), вес*іе*ле (веселитися), см*іе*те (я мету), пап*іе*ръ (род. папѐру), кор*іе*не (уменьш. коренѐць), хр*іе*бра (польс. febra), потр*іе*бно (потрѐба), ком*іе*ръ (польс. kołnierz, род. иногда комѐра, чаще ком*іе*ра), шпих*іе*ръ (род. шпихер*іа*), также пух*іе*ръ (воспалительный пузырь) мих*іе*ръ (мочевой пузырь, высушенный), хм*іе*ль (род. хмѐлю), куд*іе*лька, посьц*іе*лька (отъ кудѐля, постѐля), крут*іе*ль (р. крутел*іа*, изворотливый челов.), гардз*іе*ль (глотка, род. гардзел*іа*, г тверд.), кис*іе*ль (р. киселю), шм*іе*ль (р. шмел*іа*) и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ двоегласіе видно и въ тѣхъ языкахъ, изъ которыхъ эти слова заимствованы (польск., нѣмецк.); въ другихъ, можетъ быть, сохранилась память о древнемъ суффиксѣ *ѣль*, и двоегласная восходитъ къ *ѣ*. Вообще тутъ часто трудно сказать навѣрное, изъ чего непосредственно произошло *іе*; сравн., напр., чередованіе звуковъ: вес*іе*ле, мн. весил*іа*, глаг. веселити, прил. весёлы, крут*іе*ль, род. крутел*іа*, крутити и т. п. См. также ниже объ *ё*, чередованіе: *е—е—ю* (ё).

И, і, ы, й. Эти буквы въ произношеніи вполнѣ соотвѣтствуютъ великорусскимъ; *й* кромѣ того кое-гдѣ встрѣтится въ значеніи іота (между гласными и въ началѣ слова, начинающагося съ гласной). Корницкій говоръ вообще не знаетъ средняго *и*; только послѣ шипящихъ, какъ и въ великорусскомъ, а также послѣ *р, и* и *і* произносятся тверже, чѣмъ мягкое *и*, но мягче, чѣмъ *ы* (ш*іе*сьць, шесть, р*іа*дъ, рядъ, почти ш*ые*сьць, р*ыа*дъ). Мягкое *и подъ удареніемъ* иногда переходитъ въ двугласную *іе*; таковъ, напр., глаг. л*іе*ти (лить) при наливàти, откуда и л*іе*йка; щ*іе*паны, причастіе отъ щипàти (прививать), откуда щ*іе*пъ (привитое дерево); ш*іе*рши, ср. ст. отъ прил. широки; таковы далѣе флексіи им. сущ. въ имен. множ. ч.: огн*іе*, воробл*іе*, пн*іе*, край*іе*, пал*іе*, (паль—столбъ, колъ), гной*іе* (навозъ на поляхъ отдѣльныхъ хозяевъ), строй*іе* (уборы), мол*іе* (ед. муоль), крул*іе* (ед. круоль, король, царь), здрой*іе* (ед. здруой, ключъ), чиц*іе*, овтар*іе* (алтари), тхор*іе* и даже комар*іе*, щур*іе*, столяр*іе*, маляр*іе* и пр. (ср. древнее оконч. *іе*: учителіе, людіе, пастыріе и т. п.); и въ сущ. ж. р.: клун*іе*, куриц*іе*, обор*іе* (обòра, сарай для скота) и др. *И* съ удареніемъ въ имен. множ. ч. встрѣчается, кажется, только послѣ гортанныхъ: кулк*ѝ* (ед. кулокъ и колокъ), стог*и*, сниг*и*, ляхи, шапк*и*, сорочк*и* и пр.

Такое-же окончаніе (*іе*) въ род. и дат. ед. чис. основъ ж. р. и въ предл. ед. ч. могло образоваться частью изъ древняго юса черезъ *я*, которое въ иныхъ говорахъ перешло въ *е*, частью подъ влія-

ніемъ позднѣйшаго *ѣ*: земл*іе* (р., д., пр.), на кон*іе* и т. д. Въ род. мн. ч. древнему оконч. *ій* иногда соотвѣтствуетъ *іей*: люд*іей*, госьц*іей* (и гôсьци), сьвин*іей* и даже кур*іей* (куръ) и пр.

О, ё, у, ю. Подъ удареніемъ о растягивается въ дифтонгъ *уо*, причемъ удареніе падаетъ на *у*; такой дифтонгъ отмѣченъ курсивомъ: ст*уо*лъ, Б*уо*гъ, н*уо*чъ, в*уо*йтъ, Прок*уо*пъ, Харит*уо*нъ, Онт*уо*нъ, к*уо*шка, кор*уо*въ (род. мн.), вор*уо*нъ, хор*уо*шши (ср. ст.), б*уо*льши, бор*уо*дка и пр. Такому видоизмѣненію подвергается *о* чаще всего въ односложныхъ словахъ муж. и ж. р. и въ двусложныхъ жен. и ср. р.; въ односложныхъ словахъ *о* остается неизмѣненнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно соотвѣтствуетъ древнему глухому звуку: сонъ, лобъ, мохъ, дощъ, торгъ, стовпъ (столпъ), чортъ, хортъ, 'хлопъ, корчъ (кустъ), кровъ (кровь) и др., но зв*уо*нъ, зб*уо*ръ. Соотвѣтствуя вообще польскому *ó* *), этотъ дифтонгъ не стѣсняется однако тѣмъ условіемъ, чтобы за нимъ слѣдовала непремѣнно звонкая, плавная или іотъ: н*уо*съ, к*уо*сьць, к*уо*тъ, с*уо*къ, кр*уо*тъ, г*уо*сьць, п*уо*стъ, м*уо*стъ, п*уо*пъ, к*уо*съ (род. мн.), вор*уо*тъ (р. мн.) и пр.

При передвиженіи ударенія на другой слогъ, вмѣсто дифтонга остается или его первая часть, или вторая: ст*уо*лъ, р. столà, ум. стулець, ст*уо*гъ, р. стогà (и стôга), стожóкъ, к*уо*лъ, р. колà, колокъ и кулокъ, к*уо*зка (мн. кузки), *ю*м*уо*лка (шарикъ), юмулки (тверд. ı), н*уо*жка, мн. нужки, ск*уо*ра и скор*іа*; на этомъ основаніи предлогъ *подъ* всегда имѣетъ форму *пудъ* (безъ удар.), скрузь (или крузъ, презъ—сквозь)—предлогъ, а скр*уо*зь—нарѣчіе (на сквозь); поэтому и въ им. прилаг. оконч. дат. и предл. ед. ж. р. *ой* и въ предл. ед. муж. и ср. *омъ*, когда на нихъ нѣтъ ударенія, звучатъ какъ *уй*, *умъ*: добруй, великумъ (но т*уо*й, сух*уо*й, т*уо*мъ, сух*уо*мъ) и т. д. NB. корунка (польс. koronka) чётки, при корôна (польс. korona, чеш. koruna).

Есть единичные случаи замѣны неударяемаго *о* черезъ *а*: зазуля, сачевиця.

Въ началѣ слова *о* вообще не измѣняется и не получаетъ придыханія; есть лишь рѣдкіе случаи: *уо*сь и твор. *уо*сю, (но ось междом.), в*уо*симъ (восемь), в*уо*нъ, (онъ), *уо*всикъ (черный овесъ).

Букву ё слѣдуетъ вездѣ читать по великорусски. Этотъ звукъ встрѣчается какъ подъ удареніемъ, такъ и внѣ ударенія: хлёбати, цёпати (рубить); ёго (его), голёны (бритый), окóнцёмъ (окошкомъ). Въ флексіи предложн. п. мн. ч. *ё* иногда является вмѣсто, *я* (*ёхъ*): въ сіенцёхъ, на конёхъ (хотя и оконч. *яхъ* употребительно) и даже чобóтёхъ (при чобот*áхъ*); но такая замѣна не допускается подъ удареніемъ, потому что тогда вм. *я* является *іа* (рѣдко остается *я*, см. выше объ *я*).

Ё подъ удареніемъ, подобно *о*, часто переходитъ въ дифтонгъ *юо* (отличаемый курсивомъ) *съ удареніемъ на первой части*: мл*юо*нъ (род. млёна) **) кл*юо*нъ (клёна), от*юо*съ (отёса, постромка у оглобли), одз*юо*мъ (одзёма, *дз* чит. слитно, нижняя часть ствола дерева), пріяц*юо*лка (м. р. пріяцель, полонизмъ), т*юо*тка (уменьш. 2 ступ. тёточка), одз*юо*мка, от*юо*ска (род. отъ одзёмокъ, отёсокъ), ч*уо*пъ (род. чóпа и чопà, *о=ё*, *уо=юо*, серб. *чеп*, затычка), щ*уо*тка (уменьш. щóточка и щ*уо*точка), щ*уо*пты (только множ., щепотка); въ род. мн: огн*юо*въ, кол*юо*съ, стры*юо*въ, кунц*юо*въ, слёсар*уо*въ (или слюсар*уо*въ, отъ сл*юо*саръ, *уо* послѣ *р=юо*), тхор*уо*въ, зач*уо*съ (и зачосувъ, отъ зачóсы, передняя часть женской прически отъ пробора до ушей, не закрываемая платкомъ), также въ нарѣчіяхъ, образованныхъ черезъ род. п. мн. ч.: здал*юо*къ (но здалека, издали), зус*юо*ль (отовсюду); въ прош. вр.: п*юо*къ, н*юо*съ, м*юо*въ, в*юо*въ, гр*уо*бъ (отъ гребсьци, *уо* вм. *юо*); въ прилаг. притяж. и относит.: молодц*юо*въ, корол*юо*въ (отъ Корóль, фамилія), хлопц*юо*вськи; въ сравн. степ.: зел*юо*нши (зелёны), вес*юо*лши (весёлы), вес*юо*лше (нарѣч.); въ мѣстоим.: *юо*й (дат., предл. отъ вонà), *юо*мъ (предл. отъ в*уо*нъ). Но *ё* остается въ словахъ: лёнъ, осёлъ, козёлъ, злёнъ (ı тверд., краюха), орôлъ (*о* вм. *ё* послѣ *р*) и т. п. (ср. выше объ *о*: сонъ и пр.). Съ перенесеніемъ ударенія на другой слогъ отъ дифтонга или остается только первая его часть (*ю*): хлопцювськй (иногда вм. хлопц*юо*вськи), тюткѝ (мн. отъ т*юо*тка), щуткѝ, пріяцюлкѝ и пр., или возстановляется *ё*: титёну (род. отъ тит*юо*нъ, табакъ), на лёду (отъ л*юо*дъ) и пр. Такіе случаи, какъ п*юо*къ (ж. р. пеклà), кол*юо*съ (колесó, мн. колеса) и т. п., хотя къ нимъ теперь и нельзя указать соотвѣтственныхъ формъ съ *ё*, образовались однако черезъ ё; такое-же происхожденіе имѣетъ *ю* (изъ *юо=ё*) въ оконч. прилаг.: син*юо*й (дат., предл. ж. р.), син*юо*мъ (предл. м. и ср. р.) и т. п., хотя *ё* здѣсь никогда не бываетъ; отсюда же объясняются и дат. падежи: кôн*юо*мъ люд*юо*мъ и т. п., гдѣ иногда бываетъ и ё: госьц*юо*мъ и госьцёмъ, гус*юо*мъ и гусёмъ и пр. (ср. выше *ёхъ* вм. *яхъ* въ предл. п.).

У иногда произносится кратко, не составляя слога: не *у*мію; также вм. *л*: нàупа (поль. łapa) шоукъ, дôуги (длинный); но вм. *у* еще чаще слышится здѣсь *в*, а въ прошедш. вр. всегда *в* изъ *л* въ ед. ч. м. р. На этомъ основаніи *в*, наоборотъ, можетъ перейти въ *у* гласное или полугласн.: вз*іа*ти, *у*з*іа*ти (ср. ниже о предлогѣ *въ*).

2. Согласныя.

Мягкость послѣдующей согласной можетъ пере-

*) Эту польскую букву корничане выговариваютъ часто какъ *ùo*: mùoj, sùol и т. п.

**) Рукоять у ручной мельницы (ср. глаг. *мелю*); въ арханг. губ. *мелйкъ*. См. Якушкина, Соч., изд. 1884, стр. 629, пѣсня 139 (Шенкурскъ).

даваться и предыдущей, какъ въ польскомъ: куосьць, несьци (см. ниже смягченіе *д* и *т*) и т. п.

Губныя б, в, м, п, при встрѣчѣ съ *е, ю, я*, чаще всего остаются несмягченными: дуб'е, треп'е (3 л.) лом'ю, мов'ять и пр., гдѣ апострофъ замѣняетъ собою при произношеніи знакъ ъ (въ смыслѣ знака твердости), который тутъ неудобно ставить, такъ какъ онъ имѣетъ для филолога иное значеніе. Но рядомъ съ этимъ нерѣдко можно услышать и смягченіе губныхъ посредствомъ іота: зубье, трепью (1 л.) и пр. и даже непосредственное сочетаніе: робять, лупять и т. п. (ср. великор. *бяша, пятка*); вставки *л* не бываетъ, рѣдко вставляется *н* послѣ *м* въ корнѣ: мнясо, мнявкати (*я* не переходитъ въ *іа*, потому что параллельныя формы безъ *н* не допускаютъ этого). Въ виду сказаннаго здѣсь весьма трудно установить однообразіе правописанія относительно этого пункта. При болѣе внимательномъ изученіи, можетъ быть, окажется, что губныя удобнѣе соединяются съ одними мягкими гласными, чѣмъ съ другими, а кромѣ того, что одни губныя болѣе способны къ смягченію, чѣмъ другія.

Д, т, з, с. Зубныя д, т, если имъ предшествуютъ *з, с*, смягчаются передъ мягк. гласн. и ь въ *дз, ц*: розьдзіелёны (прич.), йіезьдзити розьдзягнути (раздѣть), засьцягнути (застегнуть), сьцина (стѣна), куосьць, несьци (нести), плесьци, хрисьцити (крестить), хресьціаньськи (христіанскій) и даже рузьдзьвяны (рождественскій, отъ руздво; *д*, смягчившись подъ вліяніемъ мягк. слога *вя*, передало мягкость и предшествующему *з*). Надо замѣтить, впрочемъ, что если предшествующая свистящая принадлежитъ префиксу, то зубная охотнѣе удерживается несмягченною: ростіати (разрубить), стягнути, также параллельно вышеприведеннымъ: роздягнути и пр. Безъ предшествующей свистящей зубныя смягчаются рѣдко: дзюріа, дзюрка; эти отдѣльныя слова можно считать непосредственно заимствованными изъ польскаго.

Ослабленнаго. смягченія *д* (*ж* вм. *дж*) не бываетъ: ходжу, выраджіати (снаряжать) и т. п.; форма *чужи*, откуда чужіатися, обща всѣмъ малор. говорамъ:

Т+с въ 3 лицѣ, ед. и мн. ч. наст. и буд. вр. обращаются въ *тц*: бойитця, бьютця, зогнѐтця и пр.

Дз иногда является вмѣсто *з*: розьдзявяти (раззѣвать), розьдзіава (ротозѣй, отверстіе), дзѐбати (клевать), дзюбàхъ (клювъ); но никогда не слышится *дз* вм. *з* въ словахъ: звонити, звуонъ, зыаръ, зыіарокъ (г тверд., часы) и т. п.

Г, к, х. Букву г вездѣ слѣдуетъ читать мягко (*h*), исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ она напечатана курсивомъ, что означаетъ ея твердость. Твердое г встрѣчается почти исключительно въ словахъ заимствованныхъ: *г*асъ (керосинъ), *г*валтъ, *г*іаля (табельн. день), *г*ума (резина), *г*узъ, *г*узикъ (пуговица), *г*онтъ, *г*езъ (оводъ, oestrus), *г*лонпъ (кочерыжка, пень, дуракъ,), стрѝ*г*и (мн. ч., гривка въ прическѣ), бре*г*ъ (край, кайма), мàн*г*ель (катокъ для бѣлья), цу*г*ъ, *г*уляль (шабашевый пирогъ), *г*вязда, *г*ун*г*ель (говорящій въ носъ), цѐнгле (постоянно), дры*г*іати, дыготіети (dygotac'), хоренва (хоругвь), тено (очень) и тѐни (прил., означающ. вообще похвалу), Грѐ*г*оръ (Григорій), фи*г*а (винная ягода, шишъ), *г*мина (волость), *г*уоръ (нитки, окрашенныя въ красножелтый цвѣтъ), лы*г*іати или л*г*іати (прихрамывать) и т. п.

Словъ съ твердымъ *г* можно насчитать болѣе полутораста, кромѣ производныхъ.

Гортанныя не терпятъ послѣ себя твердаго *е*, исключая мягкаго *г*, которое, наоборотъ, не допускаетъ послѣ себя *е*.

Несмягченныя гортанныя въ такихъ формахъ, какъ дорòзи, доцціе, свàсьци, мачоси (д. и предл. ед. отъ дорога, дочка, свашка, мачоха) не встрѣчаются.

О *г* и *к* изъ *д* и *т* см. выше (объ *я*); обратнаго перехода *г* (тв.) въ *д* не бываетъ.

Р. вообще твердо, хотя есть косвенныя указанія на его мягкость, напр. въ измѣненіи ударяемаго *а* въ *іа* (я) послѣ *р* (см. выше). Вслѣдствіе малой способности *р* къ смягченію, такія слова, какъ напр. царя, царю и т. п. читаются (по книгѣ) такъ: царъя, царъю (въ обыд. рѣчи цара и цàра, (дат. цàрови, царòви, цàреви и царѐви, зват. на *у*).

Ф. Замѣна *ф* посредствомъ *хв* весьма употребительна: хвуора (фура, также хоры), хваля (волна, fala), хвартухъ, хвартушокъ (фартухъ), охвіера (приношеніе, ofiara), куохва (о всякомъ животномъ, у котораго оттопырились отъ ѣды бока, нѣм. Kufe) и т. п. Но обратной замѣны не бываетъ, и всегда говорится: хвуостъ, хвалити и пр. NB. охвòта, охвуотны, при охòта, охудтны.

Ц мягко: молодець, молодиця, хлопцёмъ (твор. ед.), водицею и пр. Форма *ойцà* (рѣже ойца)—полонизмъ (при имен. ойцець или отѐць, въ обыд. рѣчи употребляется почти исключительно батько, тато, татулѐ); точно такъ-же постоянныя формы *Труойца Ствуорца*—подъ вліяніемъ книжности, преимущественно, конечно, польской.

Ж, ч, ш, щ. Вообще тверды, но сочетаніе ихъ съ *іа* (я) указываетъ между прочимъ на ихъ мягкость; ножіа (р. ед.) ключіа и т. п.

3. Флексіи, суффиксы, неизмѣняемыя части рѣчи.

Сказаннаго уже выше о нѣкоторыхъ флексіяхъ я не буду повторять здѣсь, а только кое-что дополню.

Увеличительныя и презрит. сущ. образуются посредствомъ суффикса *иско* (для всѣхъ родовъ): хлопчùско, головùско, окнùско, также пепелùско (пепелище) и пр.; *уменьшительныя* и ласкат. посредствомъ суфф.: *енько*, (енько), *онько*, *енька* (енька),

*онько**), *инокъ*, *очокъ*, *ичка*, *очка*, *ечка* (ечка) *ичко* (ср. р.) и др.: батенько, паноньно, рученька,—ечка, головонька,—очка, братичокъ сонычко и пр., мати-матюнка, чаще мама, матуля, сестра-сеструонка, сесртиця и сестричка. (Мати склоняется такъ: р. и вин. матера, д. и предл. матери, тв. матеру, мн. матерiе, р. и вин. матеруовъ, матерiамъ,—iами,—iахъ).

Прилагательныя: *маленьки малюсеньки, малюленьки, малюсюсеньки, малюцюленьки, малюнуленьки*, хороненьки, хорошуленьки, величеньки, велицёзны (увелич.) довзiазны (отъ довги), грубязны, грубечи (чаще грубеча, неизмѣн.) и пр.: формы на *есеньки*, *есеньки*—пѣсенныя.

Удвоенiя *л* и *н*. въ сущ. ср. р. не бываетъ: *зiеле*, говорiене и пр.

Дат. п. оканчивается на *ови*, *еви* (*еви* послѣ шипящ. и *р*), рѣдко *ёвi*: батькови, коневи, щiасьцеви (и щiасьцёви); та-же флексiя часто употребляется и для *предложнаго*.

Твор. п. ед. ж. р. сущ. и прил. оканчивается на *ою*, *ею*, *(ею)*, рѣдко на *ёю*: хатою, душею, криницею, доброю и добрею, синею.

Род. мн. оканчив. на *уовъ* (или *увъ*), *ювовъ* (или *ювъ*) *ъ*, *iей*, *и*: пануовъ, домувъ (и домуовъ), кунцювъ (кунѣць, мн. куонця), хлопцювъ, голокъ, хатуовъ, душувъ (отъ душiа), тхоруовъ. очiей, ушiей, плечiей, кони, сiени, гроши и пр.

Двойственное ч. отчасти сохранилось въ именахъ жен. и ср. р. въ им. п. при числительныхъ: дьвiе, три, штыри дьвiе руцiе, три корови, штыри слови, но эти формы часто замѣняются род. п. мн. ч.; отъ такихъ словъ, какъ очи, уши, двери и т. п. твор. п. всегда на *има*: очима и пр., но всегда: ногами, руками.

Въ окончанiи именъ прилаг. въ имен. пад. ед и мн. ч. происходитъ сокращенiе: добры,—а,—е, хороши,—а,—е, сини,—я, *е*; множ. ч.: добры, хороши, сини (для всѣхъ родовъ); рѣдко можно услышать полныя окончанiя: ый, ая, ее, iй, яя, *ее*, мн ч. ые, iе. То-же самое примѣнимо и къ мѣстоименiямъ, склоняющимся по образцу прилагательныхъ: кажды,—а,—е (или кожны,—а,—е, также куожды, куожны), которы,—а,—е и т. п Если на окончанiе падаетъ ударенiе, то жен. и ср. р. необходимо имѣютъ полныя окончанiя: дурны, -ая,—*ое*, тупы,—ая,—*ое*, сухи,—ая,—*ое*, тонъ, тая, *тое* (тотъ), отонъ,—ая,—*ое* (этотъ), онтонъ итамтонъ (также тантонъ),—ая,—*ое* (тотъ, дальнѣйшiй), яки,—ая,—*ое*, таки,—ая,—*ое*; множ. ч. для всѣхъ род.: дурные, сухiе, тые, онтые, якiе и пр.

Прилагательныхъ, допускающихъ усѣченное окончанiе въ полномъ смыслѣ, весьма немного: повонъ, (полонъ), певонъ (п. pewien), годёнъ, контентъ (полн. фор. также «контетны»); даже «радъ» имѣетъ форму *рады* (=радый). Разумѣется, подтвержденiя сказаннаго надо искать не въ пѣсняхъ, гдѣ возможны формы: молода, добрая, сивъ и т. п.

Мѣстоименныя сокращенныя формы: мого, твого. свого, предпочитаются формамъ: моёго и т. д., но дат. только моёму и т. д., также ж. р. мойiе, твойiе, свойiе (род.) чаще, чѣмъ моеи (или моейи) и т. д.; дат. только моюой и т. д.; множ. мойiе, мойихъ и пр. Краткiя формы: ми, ти, си, му, мя, тя, ю, го неупотребительны; *мя*, *тя* изрѣдка можно встрѣтить лишь въ пѣсняхъ по требованiю метра. Обычныя формы: мене. тебе, себе, ёго, еи (ейи) мнiе, тобiе, собiе, ёму, *юой*, мною, йимъ, ею, *юомъ* (предложн., также ёму); ты—множ. *вiе*те (род. васъ и т. д.).

Въ неопредѣленномъ наклон. замѣчательны формы: гребсьци, скребсьци, хропсьци (храпѣть), плысьци, бiегчи, стригчи, стерегчи, помогчи, лягчи, но *к* не удерживается: печи, товчи, волочи, течи.

Въ дѣтскомъ и отчасти въ пѣсенномъ языкѣ употребительны уменьш. формы неопр. накл.: спатки, пiтоньки и пр.

Суффиксъ *ова* не измѣняетъ *о* въ *у*: шановати, частовати, мудровати, также въ *ёва* ё не измѣняется въ *ю*: ницёвати. танцёвати, малёвати; суфф. *ыва* измѣняется въ *ува*: удоптувати (утаптывать), выдумувати, и въ сложномъ *овыва*: вымудровувати; такому же измѣненiю подвергается *ыва* послѣ шипящихъ, гортанныхъ и *р*: замiешувати, одважуватися, присаджувати, наморщувати, закачувати, пудскакувати, выговорувати и пр., въ остальныхъ-же случаяхъ *и* измѣняется въ *ю*: причѣп'ювати, присилювати (привѣшивать) и пр Аналогiя не распространяется на *ы*, принадлежащее корню: бывати, одмывати.

1-е лицо ед. ч. наст. и буд. (соверш. вида) и 3 л. мн. 1 спряж. гортанныя основы образуютъ двояко: стригу, помогу, пеку, товкутъ, утекутъ и стрижу, печутъ, товчу и пр. (послѣднiя формы болѣе частыя). Другiя согласныя основы (кромѣ *д*, о которомъ упомянуту выше: ходжу) образуютъ 1-е л., какъ въ великорусскомъ: пущу, лечу, прошу и пр.; мыти—мыю рыти—рыю, крыти—крыю, шити—шiю и т. п годовати—годую, закопувати (у=ы)—закопую, танцёвати—танцюю, выманювати (ю=и)—вы, манюю и т. п.

Мѣстоименiе *ся* чаще присоединяется къ глаголу, чѣмъ предшествуетъ ему. Во 2 л. ед. ч. съ прибавленiемъ *ся* происходитъ ассимиляцiя согласныхъ: ш+ся=*сся* и даже *сься*. О 3. лицѣ сказано выше: т+ся=тця; иногда трудно различить, слышится ли *тця*, или *ця*, или *цьця*. Глаголы 1-го спряж., исключая сложныхъ съ *ся*, не имѣютъ *т* въ 3 л. ед., но во 2 спр. оно удерживается: думае, ходитъ, робитъ; 3 л. мн. всегда оканч. на *тъ*.

*) Суф. *онько*,—*а*, *енько*,—*а*, рѣдки въ обыденной рѣчи, и потому при нихъ трудно отличить пѣсенное ударенiе отъ разговорнаго; при пѣнiи *онько* почти всегда съ ударенiемъ.

Смѣшенія спряжений не бываетъ, и формы такія, какъ: робе вм. робитъ, носютъ вм. восятъ,—немыслимы.

Во 2 л. мн. ч. повелит. накл. окончаніе *ите* имѣетъ *іе* вм. *и*, когда на него падаетъ удареніе; просіете, несіете, кричіете, тягніете, идіете, но вийдите; употребительны еще нѣкоторыя формы, образовавшіяся подъ вліяніемъ польскихъ: идьте, ходьте, летьте (при идіете, ходіете, летіете) и въ ед.: идь, леть и т. д. (и идй и пр.).

1 лицо мн. ч. повел. накл. отличается отъ тогоже лица изъяв. накл.; такъ, повел. несіемъ, идіемъ, ходіемъ (также несіемо и пр.), изъявит. несе́мъ, идемъ хо́димъ (также несемо́, идемо́) и пр.

Глаголы: пити, бити, вити образуютъ повелительн. съ сокращеніемъ коренной гласной: піемъ, біете, віете, отъ шити– шіймо,—те; глаголъ *лить*, какъ выше упомянуто, принялъ форму ліети, поэтому и повелит. ліеймо, -те, но изъяв.: пьемъ, бьемъ (также п'емъ, б'емъ), льемъ, шіемъ, или: пьемо́, шіемо и пр.

Будущее несоверш. вида образуется только при помощи глаг. *быть*, но при этомъ вмѣсто неопредѣленн. накл. спрягаемаго глагола часто употребляется форма прошедшаго: буду робивъ, что́ однако рѣже допускается въ женскомъ и среднемъ родѣ: буду ходила, буде спало.

Для прошедшаго времени равно употребительны формы: я думавъ и думавемъ, ты думавесь. Глаголъ вспомогательный можетъ въ видѣ *емъ*, *емъ* или *мъ* (послѣ гласной), *есь*, *есь* или *сь* и т. д. присоединяться къ союзамъ и нарѣчіямъ, а иногда и къ другимъ словамъ, предшествующимъ глаголу: якемъ пришо́въ (е=е послѣ горт.), вжемъ дослужила, бось не бачила (ибо ты не видѣла); хатумъ поставивъ; къ личному мѣстоимѣнію ед. ч. имен п. вспомог. глаголъ не переносится, и стало быть соединенія: ямъ, тысь — не встрѣчаются; но въ косв. пад. и во множ. ч. такое перенесеніе возможно: ме́несьте просили, мысьмо взяли, віетестье хтіели и пр. (чаще мы взяли, взялисьмо). Форма сложнаго прошедшаго также довольно употребительна: пошовемъ бывъ, или: бывемъ пошовъ. Сложное (т. е. прошедшее) условное: бывъ бемъ (или бымъ) робивъ и т. п. общеупотребительно.

Въ сравнит. степ. нарѣчій бываютъ окончанія: *шъ* (меншъ, буольшъ, ліепшъ, тоншъ), *ше* (хорурошше, весюлше, мякше отъ мягко), *іей* (дамніей, м=в, даліей, хучіей=скорѣе), *и* (безъ удар., изъ *ій=ьй*: ліепи, гуори, дали, глыби, выжи, нижи) и рѣдко *іейшъ* (ясьніейшъ, чаще ясьніей). Отсюда видно, что нѣкоторыя нарѣчія (а стало быть и прилагательныя) пользуются нѣсколькими суффиксами для образованія степеней сравненія; особенно замѣчательно разнообразіе формъ отъ нарѣчій: глыбо́ко (рѣдко глубо́ко), висо́ко (и еще нѣкоторыхъ съ суфф. *ок*): глыби, выжи, глыбше, глыбшъ, вышше, глыбуокше; высуокше, глыбуокшъ, высуокшъ, изъ которыхъ самыя употребительныя формы на *и*.

Предлогъ *въ*, кромѣ этой формы, имѣетъ еще форму *у* гласное или полугласное (рѣдко *уъ* передъ гласной); наоборотъ, *у* замѣняется черезъ *въ*. — Предл. *къ* передъ звонкими согласными и передъ гласными произносится какъ *гъ* (г тверд.), откуда для удобства произношенія иногда *гу* (ср. поль. *ки*): *гу* мніе, *гъ* вамъ, *гъ* ёму, во *къ* тобіе; онъ употребляется только въ значеніи *по направленію къ*, на вопр.: въ какую сторону? въ другихъ случаяхъ всегда употребляется *до* съ род. (но никогда *дъ*); поэтому не одно и тоже: ити (или йти послѣ гласной) къ кому и ити до ко́го, а выраженіе: прійти къ кому (вм. до ко́го)— безсмыслица. Къ «къ» и «гъ», какъ и къ *зъ* (=*съ*) иногда присоединяется въ началѣ *и*: икъ собіе, изъ йимъ; эта приставка бываетъ и въ другихъ случаяхъ: иржіа (ржавчина), ильну (род. отъ лёнъ), ильняны (прил.), имшіа (поль. msza), ирзати (ржать). *Изъ* и *съ* по обыкновенію смѣшиваются въ произношеніи: тотъ и другой имѣютъ формы: *зъ*, *изъ* или *съ* *исъ* (передъ глух. согласн.).

Въ *для* часто опускается *д*: ля ме́не, ля ёго и пр. *По* и *до*, стоящіе отдѣльно, не встрѣчаются въ видѣ *пу*, *ду* (какъ напр. *пудъ* вм. *подъ*), хотя встрѣчаются съ дифтонгомъ: «*пуо* мши» (чит. слитно, послѣ обѣдни), «*дуо* мши (тоже слитно) служити» (о министрантахъ у католиковъ и уніатовъ); но въ сложеніи можно указать такое ослабленіе звука *о* въ *у*, напр. въ префиксахъ глагола *ити*: пуйти (постоянно), дуйти (и дойти); спрягаются эти глаг. такъ: пуйду, дойду, пуойдешъ, дуойдешъ и т. д. (съ *уо*), прош. вр.: пошовъ, дуйшовъ (или дойшовъ) и т. д.

Мижи (рѣдко *мижъ*) управляетъ кромѣ творительнаго еще и винительнымъ, но никогда не встрѣчается съ родительнымъ: вдарити мижи уши, плюнути мижи очи, взяти мижи ноги. – Сложные предлоги весьма употребительны: по—надъ, по—пудъ, по—предъ, по—за, по—мижи (съ твор.), также зъ—надъ и т. д. Сложные съ *по* управляютъ падежомъ второго предлога, а сложн. съ *зъ* и его видоизмѣненіями—падежомъ перваго.

Союзъ *да* не встрѣчается; вмѣсто *та*, *тай* говорится *той*.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать вообще, что по пѣснямъ не всегда можно составить вѣрное представленіе о мѣстномъ говорѣ. Не говоря уже о томъ, что пѣсни не исчерпываютъ всей полноты отличительныхъ чертъ говора, даже и въ томъ матеріалѣ, который онѣ даютъ, очень много формъ и самыхъ словъ чисто пѣсенныхъ, неупотребительныхъ въ современной обыденной рѣчи; на подобные случаи я буду указывать въ примѣчаніяхъ къ каждой пѣснѣ въ отдѣльности, въ концѣ очерка. Кромѣ того многимъ пришлось пожертвовать просто

вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, и потому весьма многія подробности, характеризующія мѣстный говоръ, къ сожалѣнію, ускользнутъ для читателя. Таковъ вопросъ объ удареніи, точное обозначеніе котораго, въ особенности въ областныхъ говорахъ, болѣе чѣмъ желательно *).

Свадебные обряды и пѣсни.

1. *Выборъ невѣсты и сватанье.*

Свадьба въ корницкомъ приходѣ удержала общій типъ малорусской свадьбы и, можетъ быть, одно изъ главныхъ отличій ея состоитъ въ томъ, что здѣсь весьма силенъ польскій элементъ, едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи; это впрочемъ сказывается не столько въ обрядности, сколько въ пѣсняхъ, рѣчахъ и т. п.

Выборъ невѣсты зависитъ здѣсь главнымъ образомъ отъ жениха. На семейномъ совѣтѣ сынъ объявляетъ свой выборъ родителямъ, и если родители не согласны на счетъ избранной парнемъ дѣвушки, то все-таки не навязываютъ ему своего выбора, а спрашиваютъ его, кто ему еще нравится, кромѣ той, на которую онъ указалъ. Впрочемъ, и въ случаѣ полнаго согласія родителей, намѣчается нѣсколько невѣстъ на случай отказа. Насколько трудно или легко бываетъ молодому бороться съ волею родителей, сколько приходится приводить различныхъ доводовъ и соображеній съ обѣихъ сторонъ, сколько дѣлается обоюдныхъ уступокъ,—это можно наблюдать въ отдѣльныхъ случаяхъ, обставленныхъ различными условіями; вообще же можно сказать, что случаи принужденія, насилія весьма рѣдки въ этой мѣстности. Въ числѣ требованій, какимъ должна удовлетворять невѣста, не послѣднее мѣсто занимаетъ также и то, чтобы она была грамотна. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что неграмотные среди молодежи этой мѣстности—большая рѣдкость; но подъ грамотностью здѣсь слѣдуетъ понимать главнымъ образомъ умѣніе читать по-польски.

По окончаніи совѣщанія посылаютъ къ невѣстѣ посла спрашивать ея согласія. Чаще всего отправляется «сваха», женщина опытная, говорливая, умѣющая говорить «приказками» (прибаутками); иногда же эту роль исполняетъ близкій родственникъ, кумъ и т. п. Но часто обходятся и безъ этихъ посредниковъ, и мать жениха отправляется сама (очень рѣдко отецъ). Это бываетъ обыкновенно въ четвергъ. Предпочтеніе именно четверга остальнымъ днямъ есть, конечно, остатокъ языческой старины: четвергъ—день бога-громовника, покровителя плодородія вообще и брака въ частности. Но сами крестьяне объясняютъ это обыкновеніе весьма прозаически: конечно, говорятъ они, сваха не настолько глупа, чтобы идти къ невѣстѣ въ среду или пятницу, потому что надѣется, въ случаѣ удачи, получить хорошую закуску. Изъ остальныхъ дней понедѣльникъ и суббота объясняются какъ трудные, несчастные дни, а суббота, кромѣ того, считается почти постнымъ днемъ, потому что всѣ замужнія женщины и взрослыя дѣвушки (въ рѣдкихъ случаяхъ мужчины) носятъ на шеѣ такъ называемыя «шкаплiеры» (поль. szkaplerz), т. е. два кусочка освященной матеріи въ честь Богородицы, съ чѣмъ неразрывно связанъ обѣтъ не употреблять мясной пищи въ субботу, какъ день посвященный Богородицѣ; у кого нѣтъ молочнаго, тѣ довольствуются въ субботу постною пищею, а за женщинами обыкновенно постятся и мужчины. Относительно вторника никакого объясненія не дается. [1]) Что касается воскресенія, то оно казалось-бы особенно удобнымъ для всякихъ переговоровъ, такъ какъ въ этотъ день всѣ свободны (праздники соблюдаются самымъ строгимъ образомъ: сжатый хлѣбъ можетъ загнить подъ дождемъ въ теченіе праздниковъ, а все-таки не будетъ своевременно убранъ изъ боязни грѣха); но именно это обстоятельство дѣлаетъ его въ глазахъ крестьянина неудобнымъ, такъ какъ оказывается труднѣе скрыть до поры до времени сватовство отъ праздныхъ взоровъ. Во всякомъ случаѣ хотя въ сознаніи народа утерялось первоначальное значеніе четверга, тѣмъ не менѣе онъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ пользуется особеннымъ уваженіемъ. [2])

Выходя къ невѣстѣ, посланный не произноситъ никакихъ особыхъ заклинаній, а ограничивается крестнымъ знаменіемъ съ произнесеніемъ словъ: «W imie Ojca (обыкновенно слитно: мёйца или нёйца) j Syna i Ducha S'wientego (или «сьвятóго»), Amen» и обычными молитвенными воззваніями: «дай же,

---

*) Для польскихъ, чешскихъ и моравскихъ текстовъ, за недостаткомъ въ типографіи подлинныхъ шрифтовъ, пришлось употребить французскій, а недостающіе знаки замѣнять условными: aⁿ, eⁿ означ. польскіе носовые звуки (юсы); пол. an, en, on чит., какъ напечатано.

c', n', z', s', — мягкія согласн. (ць, нь, зь, сь);

č ž š —смягченныя, шипящія (ч, ж, ш); č š не относится къ польскому, гдѣ эти звуки изображены посредствомъ cz, sz;

'r— чешское смягченное r (въ польскомъ rz);

Польск. твердое *l* (*ł*) въ словахъ, набранныхъ прямымъ шрифтомъ, отмѣчено курсивомъ, и наоборотъ.

Чешское e съ извѣстнымъ надстрочнымъ знакомъ, соотствующее ѣ, выражено черезъ ie.

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что у сербовъ рядомъ съ субботой и вторникъ считается несчастнымъ днемъ. В. Караджъ. Пjесм. I. 467. (изд. 1841 г.).

[2]) Замѣчательно что у лужичанъ не вѣнчаютъ въ четвергъ. Haupt u Smoler, Volkslieder. II. 249. Означенія различн. дней для свадьбы у разн. народовъ см. Сумцова, О свадебн. обрядахъ. 67 69, Харьковъ, 1881.

Боже, щасливе, Matko najświensza, Krulowa Niebieska» и т. п. Не въ обычаѣ брать съ собою водку; хлѣбъ же хотя и берутъ, но только въ видѣ гостинца, и оффиціальнаго обмѣна хлѣбовъ не бываетъ. Войдя въ домъ невѣсты, посланный «дав нагайбукъ», [1]) т. е. произноситъ прежде всего обычное привѣтствіе: Niech bendzie (bedzie) pochwalony Jezus Chrystus» (или короче: Pochwalony J. Ch., или: Niech bendzie pochwalony, или просто: Pochwalony! [2]), на что ему отвѣчаютъ: «Na wieki wiekuw Amen [3]) (или: Na wieki wiekuw, или: Na wieki.) и просятъ присѣсть. Онъ садится на «припику», [4]) (чѣмъ даетъ знать хозяевамъ о цѣли своего посѣщенія), начинаетъ распрашивать о здоровьѣ, заводитъ рѣчь о постороннихъ предметахъ, и если хозяева долго не спрашиваютъ, зачѣмъ онъ пришелъ, то онъ самъ приступаетъ къ дѣлу, говоря: «Чи не оддалибесьте своіе Марынки (или другое имя) за нашого братанця?» и пр. Если родители не согласны выдать дочь за предлагаемаго жениха, то даютъ это понять различными отговорками, ссылаясь на то, что они еще не подумали объ этомъ, или что дома некому работать и т. п. Если же родители ничего не имѣютъ противъ жениха, то посланный спрашиваетъ согласія дѣвушки: «Чи пуойдешъ, Марысю, за нашого Яська́ (или другое имя)?» Опять-таки безъ согласія ближе всего заинтересованной стороны тутъ дѣло не дѣлается. Отецъ старается подѣйствовать на дочь убѣжденіемъ, если она отказывается, или даетъ ей время надуматься, но не принуждаетъ.

Если же дѣвушка отвѣчаетъ «пуйду», то посланный приглашаетъ ея родителей въ домъ жениха «поговорити лiепи» (получше переговорить) и послѣ угощенія уходитъ.

2. *Уговоръ (зюда) и оглашенія (заповедiе).*

Родители невѣсты не спѣшатъ скорѣе покончить дѣло, если къ тому нѣтъ особыхъ причинъ. Выбравъ болѣе удобный день, вечеркомъ отецъ или мать отправляются къ жениху и тамъ «робятъ згоду», т. е. заключаютъ условія. Формальнаго осмотра хозяйства будущаго зятя при этомъ не бываетъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если онъ изъ другой деревни, и его экономическое положеніе не достаточно знакомо родителямъ дѣвушки. Уговоръ состоитъ главнымъ образомъ въ опредѣленіи размѣра «посагу», т. е. приданаго, и времени свадьбы. На вопросъ о приданомъ родители дѣвушки обыкновенно отвѣчаютъ: «Дамо́ корову, овечокъ съ четверо, поршука (поросенка), а якъ буде муожна, той гро́ши зо́ сто злотыхъ не пожiалуемо». Деньги даютъ не всегда, но зато у зажиточныхъ крестьянъ въ настоящее время дѣло не ограничивается 100 зло́тыми (15 руб.), а даютъ и по 100 — 300 рублей. Менѣе зажиточные даютъ только скотъ, одежу, постель, полотно и разныя принадлежности хозяйственныя; иногда получаютъ за невѣстой и землю вмѣсто денегъ. Окончивъ этотъ уговоръ, носящій на себѣ ясные признаки купли и продажи, родители жениха и невѣсты отправляются въ корчму «на литкупъ», [1]) какъ и послѣ всякой болѣе или менѣе важной торговой сдѣлки.

Изъ корчмы отправляются къ священнику, «несуть на заповедiе» по 30 к. отъ жениха и невѣсты. Оглашенія священникъ произноситъ въ три воскресенія сряду, при чемъ послѣдняя «за́поведь» обыкновенно совпадаетъ съ днемъ вѣнчанія. На первыхъ двухъ оглашеніяхъ женихъ и невѣста не присутствуютъ въ церкви.

3. «*Залёты*» (сговоръ, заручины).

Послѣ второй «за́поведи», т. е. за недѣлю до свадьбы, въ воскресенье вечеромъ бываютъ «залёты», т. е. первое формальное знакомство жениха съ невѣстой. Къ этому дню уже дѣлаются кое-какія приготовленія. Женихъ долженъ заранѣе подобрать себѣ «дружка́» (шафера); обыкновенно это бываетъ ближайшій родственникъ, въ крайнемъ случаѣ близкій знакомый, сосѣдъ, пріятель; онъ непремѣнно долженъ быть женатымъ. На «залёты» и женихъ, и невѣста просятъ къ себѣ повозможности всѣхъ главнѣйшихъ родственниковъ и родственницъ, женатыхъ и замужнихъ, также крестныхъ, «всень руодъ», хотя собираются, конечно, не всѣ, а только ближайшіе и любящіе выпить. Созываніе рода на этотъ разъ не обставлено еще никакими церемоніями, поклонами и т. п.; слѣдъ обрядности можно видѣть развѣ только въ томъ, что это созываніе происходитъ обыкновенно послѣ заката солнца, не смотря на то, что день праздничный, и, стало быть, работъ никакихъ нѣтъ. Женихъ угощаетъ свою родню дома, закусываетъ съ нею и, немного погодя, оставляетъ всѣхъ съ родителями, а самъ съ «дружко́мъ» отправляется къ невѣстѣ, гдѣ его ожидаютъ. Родители невѣсты сидятъ «на по́кути,» т. е. въ почет-

[1]) нагайбукъ (сущ. муж р.)=(по)магай+Буогъ, впрочемъ и указываетъ на польск. форму Bóg, гдѣ g произносится какъ k (и ó какъ u); ср. магайбі.

[2]) Послѣднія двѣ формулы употребляются даже евреями при встрѣчѣ съ христіанами.

[3]) Въ транскрипціи польскихъ словъ, рѣчей и пѣсенъ я держусь выговора; см. также стр. 72. (вынос.).

[4]) О значеніи печи въ свадьбѣ ср. Сумцова, О свад. обр. 186 – 191. „Прйпикъ", „прйпичокъ"—выступъ у хлѣбной печи съ передней стороны.

[1]) Литкупъ (поль.)—выпивка послѣ торга, соб. пропиваемая часть задатка, нѣм. Leihkauf, шв. lidköp, lödköp, (см. Линде, хотя производство отъ ли (лить)+куп (купить) сомнительно); по употребленію литкупъ соотвѣтствуетъ слову магарычъ, которое по-аварски значитъ: „заключеніе брачнаго торга" (магари тиз). Сумцовъ, О свад. обр. 22; Сборн. свѣд. о кавказс. горц. III, отд. 3, стр. 25.

номъ углу, подъ образами (мать по лѣвой сторонѣ отца), по обѣимъ сторонамъ родня невѣсты; сама же она не садится къ столу, а прислуживаетъ гостямъ. Когда приходитъ женихъ, она по обыкновенію прячется за печку, что́ народъ объясняетъ просто ея стыдливостью, не придавая никакого значенія въ этомъ случаѣ собственно печи; между тѣмъ распространенность этого обычая у многихъ народовъ ясно указываетъ на остатокъ культа печи, очага, огня. [1])

«Дружко́», войдя въ избу съ женихомъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, становится посреди избы и говоритъ рѣчь: Moi kochani, słyszałem, że tu macie pienkne gonskie do sprzedania; [2]) otoż przyprowadziłem wam kupca, naszego poc's'ciwego Jas'ka. Możebys'my przyszli z sobo do zgody, to dalej w targ!» (Почтенные хозяева, слышалъ я, что у васъ продается хорошая гусыня; такъ вотъ я вамъ привелъ покупателя, нашего честнаго N. Можетъ быть, сойдемся въ цѣнѣ, такъ давайте торговать). При этихъ словахъ дѣвушка, закрывшись передникомъ, поспѣшно уходитъ «до комо́ры» (въ кладовую, клѣть), нерѣдко въ слезахъ. Между тѣмъ ея родители обращаются къ пришедшимъ: «етъ, що тамъ маете жартовати; сядайте-но отъ, закусимъ троха!» При этомъ сами встаютъ, сажаютъ въ почетномъ углу жениха и отправляются съ «дружко́мъ» за дочерью, которую также сажаютъ за столъ рядомъ съ женихомъ, съ лѣвой стороны. Всѣ гости усаживаются съ соблюденіемъ нѣкотораго старшинства, а «дружко́» садится передъ столомъ на «стульціе» (скамеечкѣ). Начинается парадный ужинъ, состоящій обыкновенно изъ «борщу», «ягліанойи» каши, «яечни», жареной колбасы, «пече́ни» (жаркого), масла, «пирогуовъ» (прѣсн. пшен. хлѣба), «горіелки» и пр. Ужинъ заканчивается дѣленіемъ «сыра» (дѣлается изъ творогу въ формѣ сердечка или клина, съ закругленн. концами, съ значительнымъ утолщеніемъ съ одного конца). Если у хозяйки есть запасъ сыровъ, то для жениха съ невѣстой раскраиваютъ отдѣльный сыръ вдоль пополамъ; но часто обходятся однимъ сыромъ для всѣхъ: половину его дѣлятъ между молодыми, причемъ невѣста получаетъ толстую часть, а женихъ тонкую; другую же половину дѣлятъ на мелкіе куски, чтобы хватило на всѣхъ гостей. Считается очень пріятнымъ и даже полезнымъ получить отъ молодого или отъ молодой кусочекъ «залюотного сыра»; поэтому они хранятъ нѣкоторый запасъ для раздачи всѣмъ, кто попроситъ, особенно же парнямъ и дѣвушкамъ. Послѣ ужина всѣ расходятся по домамъ, въ томъ числѣ и женихъ. Пѣсенъ и музыки на залѣтахъ не бываетъ. Если согласиться съ тѣмъ, что названіе сговора «заручинами» объясняется обыкновеніемъ ударять по рукамъ въ знакъ обоюднаго согласія, то совершенно послѣдовательно сговоръ въ Корницѣ не называется и не можетъ быть называемъ заручинами, потому что оффиціальнаго рукобитья здѣсь не бываетъ. Точно также не бываетъ и предварительнаго обрученія, состоящаго въ обмѣнѣ колецъ; этотъ обмѣнъ дѣлается священникомъ при вѣнчаніи.

[1]) Характеристичны въ бѣлор. пѣснѣ слова невѣсты, покидающей домъ отца:
Добрая *доля*, да идзи за мной
Зъ печи пламенёмъ,
Зъ хаты коминомъ. Tyszkiewicz, Opis. pow. Borysowsk. 336.

[2]) *rz* послѣ нѣмыхъ согласн. произносится, какъ sz (ш).

4. Коровай.

а) *Обычай «на коровай молоти»*. Послѣ сговора до свадьбы остается одна недѣля, которая вся занята приготовленіями. Самое главное изъ нихъ — приготовленіе коровая, сопровождающееся нѣкоторыми мѣстными особенностями. Въ послѣдній четвергъ передъ свадьбой, вечеромъ, когда начинаетъ смеркаться, какъ къ жениху, такъ и къ невѣстѣ собирается молодежь, «хлопци й дивчіата», не только родственники, но и чужіе, почти со всей деревни. Замужнія и женатые рѣдко приходятъ, исключая почетныхъ гостей, которые проходятъ въ хату, между тѣмъ какъ вся молодежь остается въ сѣняхъ. Дѣвушки прежде всего поютъ:

1. 1. Сьвити, міесецю, сонцёмъ 2.
До сіени оконцёмъ,
Де на коровай мелютъ,
Тамъ хороше сьпиваютъ.
Перша квіетонька—молоды Ясюлё, [1])
2. Сьвити, міесецю сонцёмъ и т. д.
Перша (*sic*) квіетонька—молода Марыся [1]),
3. Сьвити, міесецю и т. д. (*напѣвъ* № 1).

Тутъ впервые раздается пѣсня, но музыки и танцевъ на этомъ вечерѣ еще не бываетъ. Пѣсня эта даетъ знать хозяину дома, что пора приступить къ дѣлу; онъ выноситъ изъ коморы четверикъ или полчетверика пшеницы и ее съ пѣснями начинаютъ молоть, «въ жо́рнахъ». Обыкновенно начинаетъ молоть женихъ у себя, невѣста у себя, а потомъ продолжаютъ остальные попарно—парень съ дѣвушкой, пока хватитъ вынесенной пшеницы; иногда же хозяева еще подбавляютъ. Въ родѣ вышеприведенной пѣсни тѣмъ же напѣвомъ поются еще и другія:

2. Сьвити, міесецю зъ раю 2.
Нашому коровою,
Де на коровай мелютъ,
Тамъ хороше сьпиваютъ.
Перша квіетонька и т. д. (какъ предыд.).

[1]) Этотъ припѣвъ или запѣвъ, по желанію, поется въ началѣ пѣсни или при повтореніи ея во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда пѣсня по напѣву удобно съ нимъ соединяется, особенно же часто въ пѣсняхъ напѣва № 1.

3. Сьвити, міесецю, сьвити
Ясною зорою (или зорею)
Надъ новою коморою (коморею),
Де на коровай мелють и т. д.

Послѣ пѣсенъ, содержащихъ въ себѣ обращеніе къ небеснымъ свѣтиламъ и всегда исполняемыхъ въ началѣ, пѣвицы переходятъ къ другимъ, содержаніе которыхъ невольно припоминается при видѣ мелющихъ:

4. 1. Ой пуйду я коло млина—млинъ меле,
Ой нагніевався о муой батенько на мѐне.
Постав'ю я чіашу меду, вина дьвіе,
Перепрошу я свого батенька икъ собіе.
Перша квіетонька—молоды Ясюлё.
2. Ой пуйду я коло млина—млинъ меле,
Нагніевалася моя матюнка на мене.... и т. д., припѣвають каждому члену семейства: братичокъ, сеструонка и пр. (*напѣвъ*. № 5)

5. 1. Ой ярая пшенице,
Ой буялась буяла
На чистенькому поли,
Ой а теперъ буяешъ
На жорновумъ камени.
2. Потуомъ будешъ буяти
На буковуй копани,
На клёновуй лопати,
На століе тисовому
При виніе зелёному. (*нап*. № 1). Ср. п. 11. и 128.

Не пропускаютъ также случая посмѣяться надъ тѣми, кто мелетъ:

6. 1. Козёлъ меле, козёлъ меле,
Коза насыпае,
А малое козеніатко
Муку розгортае.
2. Муха міесить, муха міесить,
Комаръ воду носить,
А малое мушеніатко
На весіеле просить, (*нап*. № 2, а)

Невеселый, озабоченный видъ жениха вызываетъ соотвѣтственную пѣсню о коренной перемѣнѣ въ его жизни:

7. 1. Вышовъ Ясюлё за воротѐчка
И пороскидавъ листы.
Вже тѐбе минають, молоды Ясюлю,
Каваліерськіе сьвисты.
2. Вышовъ Ясюлё за воротечка
И пороскидавъ карты,
Вже тѐбе минаютъ молоды Ясюлю,
Каваліерськіе жіарты [1]). (*нап*. № 2).

Наконецъ, пѣсня рисуетъ различные случаи изъ жизни жениха и невѣсты описываетъ ихъ первую встрѣчу и т. п.:

8. 1. Через буоръ зелененьки
Летіевъ куонь вороненьки,
А за йимъ впогонньки
Летіевъ Ясюлё молоденьки.
2. И зустріетивъ діевоньку—
Молодую Марысю.
— Ой Марысю, діевонько,
Запынь коника мого. 2.
Пожіалуй мѐне молодого.
3. — Рада бъ я запынити—
Боюся ойца свого. 2.
Нариканичка его. (*нап*. № 7, см. *а*, ст. 8 поется *во второй разъ*, какъ и 7).

9. 1. А нашъ Ясюлё, нашъ молоденьки
Коло города грае,
У городъ заглядае.
2. А у городи молода Марыся
Росу косу чесала,
Зъ Ясюлёмъ розмов'яла:
3. —Не намовишъ ты, Ясюлю, мѐне,
Ани мого серденька,
Проси свого батенька.
4. Якъ муой батенько не взволитъ [1])
То я й сама выскочу
И скрыночку выточу.
(Скрыночку малёвану,
Золотомъ окoвану,
Дарами наповнёну,
Виночкомъ приложону,
До свекорка одвезёну[2])
(*поется, какъ 1-я половина нап*. № 2; *стихъ* 3-й *каждой строфы поется какъ и* 2-й).

Такимъ образомъ, въ пѣсняхъ, смѣхѣ, шуткахъ, заглушающихъ, порою шумъ жерновов, проходитъ весь вечеръ, и веселье иногда затягивается за полночь.

Такъ какъ «жорна» всегда находятся въ сѣняхъ, то здѣсь и проводитъ молодежь весь вечеръ, хотя бы то было и въ холодное время года. Освѣщеніемъ служитъ лучина, а у болѣе зажиточныхъ «ліампа», т. е. стеклянная банка, налитая бараньимъ жиромъ. [3]) Къ концу вечера выходитъ изъ хаты женихъ (или невѣста у себя); шумъ утихаетъ, становятся всѣ у стѣнъ, и женихъ (или невѣста) обходя кругомъ, угощаетъ всѣхъ водкой, а дѣтей и тѣхъ, кто не пьетъ водки, пивомъ домашняго приготовленія; затѣмъ идетъ мать и раздаетъ всѣмъ «закуску», куски хлѣба и «пирога», иногда съ прибавленіемъ мяса. Поблагодаривъ за угощеніе и

[1]) Иногда также *жарты*, подъ вліяніемъ риөмы.

[1]) Размѣръ искаженъ, но его нельзя было исправить и при помощи напѣва, который въ этомъ случаѣ подчиняется тексту (см. *нап*. 2. б). Слѣдуя напѣву, я оставляю вездѣ текстъ нетронутымъ.

[2]) Ср. пѣсн. 308, 312.

[3]) Такія лампадки ставятся благочестивыми прихожанами даже въ церкви предъ образами вмѣсто свѣчекъ, особенно въ случаяхъ семейнаго горя или въ видѣ благодарности за благополучіе въ домѣ.

спѣвъ на прощаніе пѣсню, гости уходятъ. Мука, намолотая въ этотъ вечеръ, рѣдко употребляется для той именно цѣли, съ какою она будто бы готовится, т. е. на коровай, потому что обыкновенно она бываетъ смолота очень небрежно; такимъ образомъ, это заготовленіе муки, безъ котораго не обходится почти ни одна корницкая свадьба, носитъ чисто обрядный, а не практическій характеръ.

б) *Печеніе коровая*. На другой день, въ пятницу, вечеромъ къ невѣстѣ приходитъ на ночь избранная ею главная подруга, которая съ этого времени называется «старша дружка»; это всегда бываетъ ближайшая родственница, незамужняя, и лишь за неимѣніемъ таковой—сосѣдка или другая подруга. Въ субботу, рано утромъ, до восхода солнца она одѣваетъ молодую въ праздничное платье, причесываетъ ее, вплетая въ косы длинные «кусьники» (ленты) и нѣсколько зелени, и съ этихъ поръ невѣста называется не только «молодою», но и *княгинею* или чаще *кнгинею*. Обѣ вмѣстѣ онѣ идутъ по всей деревнѣ «просити до коровая». Въ то-же время отправляется съ этою-же цѣлью и «молоды», котораго называютъ также «молодець», «кнiазь» и по-польски «панъ млоды»; но онъ ходитъ одинъ и отдѣльно отъ невѣсты. Въ рукѣ у невѣсты красный платокъ, а у жениха нагайка, которую онъ, при входѣ въ избу и при поклонахъ, держитъ въ лѣвой рукѣ, а правою снимаетъ шапку. Какъ женихъ, такъ и невѣста заходятъ преимущественно къ родственникамъ, а также къ ближайшимъ сосѣдямъ. Войдя въ избу, молодой или молодая начинаетъ кланяться всѣмъ въ порядкѣ старшинства, прикасаясь къ ногамъ каждаго, при чемъ невѣста, держа платокъ въ обѣихъ рукахъ, какъ-бы обвиваетъ имъ ноги каждаго, не пропуская даже грудныхъ дѣтей, а женихъ касается ногъ каждаго шапкою и нагайкою; если кто спитъ или лежитъ больной, то кланяющійся все-таки считаетъ долгомъ прикоснуться къ его ногамъ. Тотъ, кому кланяются, долженъ вставать; даже спящихъ домашніе большею частью будятъ для этого; только старики позволяютъ себѣ сидѣть при поклонахъ. У хозяина и хозяйки дома, особенно у близкихъ родственниковъ, а также у стариковъ, кланяющійся цѣлуетъ руку. По окончаніи этой церемоніи, кланяющійся обращается къ хозяйкѣ дома и проситъ ее помочь при печеніи коровая: «придіете, тюотко (стрыно и т. д.), до коровая!» Это приглашеніе и составляетъ собственно главную цѣль хожденія молодыхъ по селу въ субботу утромъ.

Въ тотъ же день, съ утра, послѣ завтрака къ обоимъ молодымъ сходятся нѣкоторыя изъ приглашенныхъ замужнихъ родственницъ дѣлать коровай, почему онѣ и называются «коровайници». Каждая изъ нихъ несетъ миску пшеничной муки и двѣ пары яицъ; эти продукты идутъ въ коровай, хотя и не всѣ [1]). Коровай дѣлается изъ хорошей пшеничной муки; но внизъ подстилается «пудошва» изъ ржаной муки; онъ имѣетъ видъ большого, круглаго сдобнаго хлѣба и сверху украшенъ различными «цудàками» (заттѣями) посрединѣ прилѣпливаются сдѣланныя изъ тѣста изображенія мѣсяца и солнца, кругомъ различныя фигуры: пѣтушки, утки, еловыя шишки, коровье вымя, по краямъ обводится кайма въ видѣ шнурка; циничecкихъ изображеній не допускается. Кромѣ главнаго коровая пекутъ множество меньшихъ для раздачи гостямъ. Замѣчательно, что заготовленіе тѣста и дѣланіе коровая для большей торжественности производится на столѣ передъ образами и «коровайници» рѣдко при этомъ сидятъ; въ другихъ случаяхъ, даже и къ Пасхѣ, когда готовится хлѣбъ для освященія (свячѐникъ), это дѣлается на «лàвахъ» (скамьяхъ). При сажаніи коровая въ печь замѣчаютъ, хорошо ли онъ сядетъ, а вынимая, смотрятъ, не потрескался (порѐпався)-ли онъ, гадая по этому о судьбѣ молодыхъ. По маленькимъ коровайчикамъ гадаютъ о дѣтяхъ, какъ ожидаемыхъ отъ новаго брака, такъ и находящихся въ домѣ; напр., если при сажаніи въ печку коровайчикъ, намѣченный для кого-нибудь изъ ребятъ, опрокинется, то ребенокъ долженъ умереть; а такъ какъ при помощи толстой лопаты очень трудно посадить маленькій круглый хлѣбъ такъ, чтобы онъ не опрокинулся или не сѣлъ бокомъ, то печеніе коровая рѣдко обходится безъ огорченія для матерей. Въ печеніи коровая никогда не участвуютъ ни мужчины, ни дѣвушки. Музыканты не допускаются, но вся церемонія сопровождается пѣснями.

10. Ой короваю, короваю,
Мнуого до тѐбе коштувъ;
Два куорци муки пшеничнойи,
Два цебрiе воды крыничнойи,
Дьвiе копы (или копiе) яєць петруовчаныхъ,
Дьвiе фаски масла — спасуовчаныхъ [2])
(*нап.* № 2 в.).

11. 1. Ой ярая пшенице, 2.
Ой буялась, буяла

---

[1]) Обычай печенія коровая на общій счетъ указываетъ на существовавшее нѣкогда участіе всего рода въ продажѣ невѣсты (Сумц., О свад. обр. 21), хотя въ настоящее время народъ объясняетъ это по своему. Характерное искаженіе этого обычая находимъ у чеховъ: „W sobotu p'red posvicenim p'rijdou k zamožnym rolnikum p'respolni ženské jejich p'ribuzné a pekou si v jejich peci ze svého kolače *pro svou rodinu*. Za mladymi ženami p'richázejí pak muži se známymi a hodují s domacimi již p'red posvicením". *Karolina Svietla*, см. разсказъ „Námluvy" въ сборникѣ: „Kresby z Ještedi", Прага, изд. Отто, стр. 264. (Lacina knihovna narodní, № 36), ср. *Erben*, Písnie etc. 288 О значеніи коровая см. изслѣд. Сумцова: „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ", Харьк. 1885 г.

[2]) Стихи 5—6 поются, какъ ст. 3—4.

На чистенькому поли,
На жорновумъ камени,
2. А теперъ ты буяешъ
(или: Теперъ будешъ буяти)
На буковуй копани
На кленовуй лопати,
На століє тисовому,
При виніє зелёному. (ср. п. 5 и 128).

12. Сьвити міесецю зъ раю 2.
Нашому короваю,
Жебъ бывъ коровай красны,
Якъ сонычко ясны (ср. п. 2).

13. Ой матюнко—й-утко, 2.
Увивайся хутко,
Иди по міедъ, по масло,
Бо вже й въ печіє погасло. (*нап.* № 1).

14. Йіедьте, братя, до бору, 2.
Нарубайте все клёну,
А березинки на загніетъ,
Славны нашъ коровай на всень сьвіетъ
(*нап.* № 4 б.).

15. Дайте-жъ намъ сьвіечки, сьвіечки 2.
Пуойдемо до ріечки,
Помела мачіати,
Съ печи вымитати: [1])
Чіасъ коровай саджіати. (*Нап.* № 1).

16. Оконця (*или*: Въ насъ окна) мигаютъ, 2.
А лавки дрыгаютъ,
А піечъ ся регоче,
Бо коровая хоче. (*нап.* № 1)

17. А въ нашейи печи 2.
Золотые плечи,
Склянные [2]) оконечка,
Сріебные воротёчка,
Дайте ся одчинити
Коровай усадити (*нап.* № 1, ст. 4—5 по *a*)

18. А въ нашейи печи 2.
Золотые плечи:
Золото ся ростопило,
Коровай прикропило (*нап.* № 1.).

19. Труойца по церкви ходитъ, 2.
Спаса за ручку водитъ,
А Спасъ ся пытае,
Якъ ся коровай мае. (*нап.* № 1).

«Коровайници» ждутъ пока испечется коровай, и затѣмъ вынимаютъ его съ пѣснею:

20. Коровай до схованя 2.
За дѐв'ятери двѣри,
За десіаты замочокъ,
Пудъ рутьвяны виночокъ. (*нап.* № 1).

[1]) Этотъ стихъ поется, какъ и предыдущій.
[2]) *или* „цклянные", какъ всегда въ разговорѣ, рѣже съ мягк. *ц*, но стекло чаще „цькло."

Хозяинъ или хозяйка выносятъ коровай въ комору. Послѣ этого «коровайници» требуютъ угощенія:

21. Въ нашого господара 2.
Головка кондзерава,
Вуонъ головку росчеше,
Намъ горіелки принесѐ. (*нап.* № 1).

Для нихъ приготовляется закуска и обѣдъ, послѣ котораго онѣ расходятся по домамъ, при чемъ каждая получаетъ отъ хозяйки одинъ или нѣсколько маленькихъ короваевъ въ гостинецъ; иныя остаются на весь вечеръ.

5. «*Весіельны люде*» (свадебная дружина).

Печеніемъ коровая заканчиваются приготовленія, остается только набрать свадебную дружину и созвать гостей. Съ этой цѣлью молодые въ тотъ-же день (субботу) вечеромъ опять ходятъ по всей деревнѣ съ поклонами, при чемъ заходятъ во всѣ избы. Женихъ на этотъ разъ ходитъ уже съ «братомъ», роль котораго исполняетъ или родной братъ (младшій), или близкій родственникъ; «братъ» непремѣнно долженъ быть холостой. Войдя въ избу, женихъ кланяется всѣмъ присутствующимъ, говоря каждому: «prosze o blogoslawienstwo», на что ему отвѣчаютъ: «нехъ Пàмбугъ благославитъ!» При этомъ онъ приглашаетъ, кого слѣдуетъ, на свадьбу въ видѣ гостя, или въ составъ дружины: «за брата», «за свата», «за свашку». Кромѣ главнаго «брата», который состоитъ при женихѣ въ качествѣ ближайшаго друга, помощника и поручителя, бываютъ иногда еще и другіе, почетные «браты.» «Сватовъ» бываетъ 10—15 и большинство съ нагайками; набираются они не только изъ родственниковъ, но также изъ близкихъ знакомыхъ, сосѣдей, друзей, преимущественно холостыхъ, хотя допускаются и женатые; «свашки» же всегда замужнія, числомъ 3—5. Въ то-же время и молодая, украшенная множествомъ лентъ, цвѣтами и зеленью, набираетъ такимъ-же образомъ себѣ компанію, въ составъ которой должны входить: «браты», въ количествѣ 1—4, «дружки»—молодыя дѣвушки, подруги, числомъ 10—15, и 1 — 4 «присвашки» — замужнія женщины, соотвѣтствующія свашкамъ молодого. Въ числѣ братьевъ невѣсты главную роль играетъ ея родной братъ, а за неимѣніемъ его эту должность исполняетъ двоюродный и т. д. Главное значеніе брата на свадьбѣ заключается въ томъ, что онъ сначала состоитъ охранителемъ сестры, какъ будто оберегая ее отъ враговъ, потомъ продаетъ ее жениху и передаетъ ему ее какъ надежный товаръ въ надежныя руки [1]).

[1]) Полагаютъ, что эти черты позднѣйшія сравнительно съ такими, какъ напр. печеніе коровая сообща; братъ или другой членъ с е м ь и (отецъ, мать) продавали невѣсту, когда участіе р о д а въ этой продажѣ стало ослабѣвать или совсѣмъ прекратилось. Сумцовъ, О свад. обр. 26.

Сваты, дружки и прочіе члены свадебной дружины, по народному толкованію, состоятъ свидѣтелями брака, тогда какъ изслѣдователи быта видятъ въ многочисленности дружины, при томъ вооруженной, остатокъ отъ временъ похищенія невѣстъ [1]). Названіе другъ друга «сватомъ» между мужчинами часто остается отъ времени свадьбы на всю жизнь; но это сватовство не имѣетъ однако вліянія на понятія о родственности: сватъ изъ не родственниковъ не считается родственникомъ только изъ-за того, что онъ былъ сватомъ на свадьбѣ; то-же относитсяи къ дружкамъ.

6. *«Весіелє»*.

Вечеркомъ, въ сумерки того же дня (въ субботу), какъ приглашенные, такъ и множество непрошенныхъ лицъ обоего пола собираются къ жениху и къ невѣстѣ, и съ этого времени начинается «весіелє» въ собственномъ смыслѣ, которое обыкновенно продолжается до вторника включительно. Главнѣйшіе моменты свадьбы распредѣлены между этими днями, и такъ какъ отступленія отъ обычнаго порядка рѣдки, то лучше всего будетъ описать послѣдовательно каждый день въ отдѣльности.

а) «Субота, вѣчур» (вечеръ).

Когда соберутся гости и молодежь, является также и музыка [2]), состоящая обыкновенно изъ одной скрипки, иногда въ сопровожденіи бубна. Пѣвицы, расположившись у входа изъ сѣней въ хату, при открытыхъ дверяхъ, затягиваютъ прежде всего стереотипную пѣсню, служащую сигналомъ къ начинанію «весіеля».

22\. 1. Розвиваетця розсцилаетця
Въ новумъ горо́ди зіеле,
Зачинаетця, починаетця
У Ясюля (Марыси) весіеле.
2\. Буогъ ёму (Б. же юой) дае 2.
Батенько помагае.
Буо́гъ ёму (же юой) дае. 2.
Руодненьки помагае
3\. Розвиваетця....
....матюнка (братичокъ, сеструонка и т. д.) помагае и т. д. (*нап.* № 2).

Дальнѣйшія пѣсни говорятъ о созываніи рода, который, по пѣснямъ, долженъ быть собранъ непремѣнно весь; большинство ихъ поется отъ лица молодого или молодой, только нѣкоторыя какъ будто отъ лица родителей или другихъ членовъ семьи или рода.

23\. Перша квіетонька—молоды Ясюлё (молода Марыся),
Зьбирайся родоньку 2
Ввѐчери въ суботоньку
Якъ не будешъ ся зьбирати
Будемо ся гніевати (*нап.* № 1).

24\. Стану я на ялини, 2.
Го́кну я по родини:
Бывай, родино, бывай [1]);
Якъ не будешъ бывати,
Будемо ся гніевати. (*нап.* № 1, см. *а*)

25\. Зьбирайся, родоньку, 2.
Ввѐчери въ суботоньку,
Садовися за столикомъ,
Приде Ясюлё (Марыся) зъ уклоникомъ
Изъ великою величносьцю,
Зъ братиковою побличносьцю [2]) (*нап.* № 1, см. *в*).

26\. 1. А въ суботоньку зъ-вечора
Зажурилася Марыся:
—Біедна-жъ моя головонька,
Що не всіа родинонька!
2.—Друобны листоньки пошлемо́,
Всю родиноньку зберемо́
У новы двуоръ за тисовы стуолъ,
Предъ тѐбе молодую (*нап.* № 4).

Созываніе рода отъ имени молодой показываетъ, что она выходитъ за-мужъ не противъ воли.

Мнѣ случилось услышать въ этотъ вечеръ только двѣ пѣсни, въ которыхъ дѣвушка какъ-будто не знаетъ, что̀ противъ нея замышляетъ семья, и жалуется на принужденіе.

27\. 1. У суботоньку по нѐшпороньку година
Зьбираетця Марысина родина,
2\. А Марыся свого батенька пытае;
—На що ся тая родинонька зьбирае?
3.—Ой на тое, мое діетятко, на тое,
Ой на твое весіеличко славное
Перша квіетонка—молода Марыся
4\. У суботоньку....
....своійе матюнки (братика, сеструонки и т. д.) пытае... (*нап.* № 5).

28\. 1. Ои [3]) мовилась, зелёна липо,
Що не будешъ падати
Теперъ падѐшъ, теперъ падешъ
И зъ Дунаёмъ плынешъ
2\. Ои мовилась, моя матюнко,
Що не будешъ давати,
Теперъ даешъ, теперъ даешъ,
Неволеньку чинишъ.
3.—Нема на тое, мое діетятко,
Жіаднойи неволеньки,—
Одъ Бога судъ, одъ ксёндза шлюбъ,
Одъ людіей намовонька (*нап.* № 2).

Перебравъ порядочное количество пѣсенъ, имѣющихъ, болѣе или менѣе, серьезное и грустное со-

[1]) Jbid. 13 (VII), 17 (XXI), 94.

[2]) „Музыка“ (удар. на ы) обыкновенно значитъ *музыкантъ*, скрипачъ; для понятія *музыка* употребляется множ. ч. „музыки“.

[1]) Въ обыд. рѣчи *бывай*, здѣсь-же польская форма съ удар. на предпосл. слогѣ, означающая призываніе, неупотребительная въ этомъ смыслѣ у малороссовъ.

[2]) Ср. пѣсн. 53.

[3]) Вм. *ой*, по требованію напѣва.

держаніе, пѣвицы обращаются, наконецъ, къ хозяевамъ дома съ слѣдующей просьбой:

29. Весіельны татулю, 2.
(В)озьми свою матулю,
Розведи таночокъ
(Д)ля корницькихъ дивочокъ [1]) (*нап.* № 1).

Ради большей настоятельности требованія, пѣсня повторяется; если же неисполненіе просьбы зависитъ отъ хозяйки, то къ ней обращаются какъ-бы съ укоромъ:

30. Ой що-за жъ то мати, 2.
Що нейде танцёвати,
Нейде по помосьци,
Не розвеселитъ госьци. (нап. № 1).

Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ играть «музыка» (музыкантъ), сидя на «жорнахъ» или другомъ какомъ-нибудь возвышеніи въ углу. Наконецъ хозяинъ, надѣвъ старинную четырехугольную шапку (рогáтку), беретъ свою жену и «розводитъ танéцъ». Если родители слишкомъ стары или кто-нибудь изъ нихъ не умѣетъ танцовать, то все-таки они должны пройтись кругомъ, взявшись за руки; безъ этого обыкновенно не начинаютъ танцовать. Если кого-нибудь изъ родителей нѣтъ въ живыхъ, то танцы начинаютъ заступающіе ихъ мѣсто. Послѣ этого идетъ почти неумолкаемая пляска, иногда вперемежку съ пѣснями; а такъ какъ въ хатѣ сидятъ болѣе почтенные гости, то пляшутъ обыкновенно въ сѣняхъ, гдѣ притомъ больше простора. Все это происходитъ какъ у жениха, такъ и у невѣсты.

Довольно поздно въ ночь, послѣ закуски, женихъ собирается къ невѣстѣ. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, характеристично между прочимъ то, что вездѣ почти на первомъ планѣ личность жениха; отецъ скорѣе его совѣтникъ и помощникъ, чѣмъ принудитель. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ чертахъ, намекающихъ на существовавшее нѣкогда похищеніе невѣстъ, дѣло представляется вообще такъ, что бракъ повидимому происходитъ по взаимному согласію обѣихъ сторонъ.

31. 1. А нашъ Ясюлё, нашъ молоденьки
О вырадоньку проситъ:
—Ой вырадь, вырадь, о муой батенку,
Въ чужую сторононьку.
2.—Ой вже я дамно, мое діетятко,
О вырадоньци дбаю:
Наваривъ пива дев'ять бочокъ
(Д)ля твоихъ буярувъ,
А десíатую—вина зеленого.
Для тебе молодого [2]).

3. А нашъ Ясюлё... и т. д. (съ начала)
—Ой вырадь, вырадь, моя матюнко и т. д.
4.—Ой вже я дамно и т. д.
Напекла хлíеба дев'ять печувъ
Для твоихъ буярувъ,
А десíатую—пшеничного
Для тебе молодого.
5. А нашъ Я... и т. д.
...вырадь о муой братику, и т. д.
6.—Ой вже я дамно, о муой братику, и т. д.
Насидлавъ кони дев'ять вороныхъ
Для твоихъ буярувъ,
А десíатого сивенького—
Для тебе молодого.
7. А нашъ Я... и т. д.
...вырадь, моя сеструонко и т. д.
8.—Ой вже я дамно, о муой братику,
О вырадоньци дбаю:
Навила виночкувъ дев'ять зъ барвиночку
Для твоихъ буярувъ,
А десíатого рутьвяного
Для тебе молодого (*нап.* № 2).

32. 1. А нашъ Ясюлё, нашъ молоденьки
У дорогу ся бере,
Его коничокъ сивъ, невеличокъ
Изъ стáенки нейде.
2. Изнíавъ [1]) шíапоньку, знíавъ золотую,
Ставъ коника просити:
—Коню муой, коню вороненьки,
Учини мою волю:
Якъ я зайíеду до тесьця въ двуоръ —
Играй пудо мною [2]).
3.—Якъ же я маю, молоды Ясюлю,
Пудъ тобою играти?—
Пожíаловавесь, пожíаловавесь
Куорця овса дати. (*нап.* № 2)

33. 1. Не горохъ по долини точитця,
Ясюлё батенька радитця:
2.—Куды мніе, батеньку, йíехати,
Куды мніе, руодненьки, йíехати?
3.—Йíедь, сынку, широкимъ госьцинцёмъ,
Заверни коники до села:
4. Выгляне Марыся зо двора,
Зобачитъ Ясюля сокола,
Выскочитъ молода зъ-за стола (*нап.* № 6)

34. 1. Князь ся въ дорогу бере 2.
Ему доруожка стеле;
Проси, батеньку, Бога,
Жебъ щаслива дорога.
Перша квíетонька—молоды Ясюлё.
2. Князь ся въ дорогу... и т. д.
Проси, матюнко, Бога... и т. д. (*нап.* № 1).

Когда все готово къ отправленію, пѣвицы, какъ

---

[1]) Буквы и слова, поставленныя въ скобкахъ, могутъ опускаться.

[2]) Эти два стиха (А десíатую и т. д.) поются, какъ 2 предыдущіе съ незначительн. измѣненіемъ мотива (какъ показано) по требованію количества слоговъ.

[1]) *Им*: знíавъ вуонъ.

[2]) См. выноску къ предыд. пѣснѣ.

будто боясь за судьбу молодого въ чужой сторонѣ, убѣждаютъ его отъ лица родителей и другихъ не ѣздить, представляя тому различные доводы; но онъ ни на что не обращаетъ вниманія, и ставитъ на своемъ:

35. 1.—Не йїедь, Ясюлю, бо болото.
—Якъ-же не йїехати, коли золото.
2.—Не йїедь, Ясюлю, бо зъ стрїехъ кап'е.
—Якъ-же не йїехати, коли мїедъ пахне.
3.—Не йїедь, Ясюлю, бо дощъ иде.
—Якъ-же не йїехати?—сама не приде.
4.—Не йїедь, Ясюлю, бо кузава.
Якъ-же не йїехати, коли казала(*нап.* № 8),

36. Не йїедь, Ясюлю, не йїедь, 2.
Бо у Марыси медвїедь [1]),
—Я медведя наполошу,
Марысю перепрошу. (*нап.* № 1).

Оставляя своихъ гостей и постороннихъ зрителей дома, женихъ, довольно поздно, въ сопровожденіи только отца, брата, «дружка» и двухъ «свашокъ», отправляется къ невѣстѣ, обыкновенно пѣшкомъ или въ телѣгѣ, но не верхомъ. Онъ беретъ съ собою корзинку съ подарками для невѣсты: пару башмаковъ (черевики), пару чулокъ (панчохи) и цвѣтной платокъ (хустку); водки съ собой не берутъ. Когда эти подарки кладутъ въ корзину и выносятъ, поются соотвѣтственныя пѣсни, подъ звуки которыхъ женихъ и уходитъ:

37. 1. А чїя то хустонька
Въ суботу (въ) вечуръ везёна
Ой пудъ бїелымъ пудъ паперомъ,
Пудъ чорнымъ аксамитомъ?
2. Марысина [2]) то хустонька
Въ суботу (въ) вечуръ везёна
Ой пудъ бїелымъ пудъ паперомъ,
Пудъ чорнымъ аксамитомъ (*нап.* № 4).

38. А чїйїе то панчуошки (или: панчушкй)
Въ суботу (въ) вечуръ везёны и т. д.
Марысины то панчуошки.... и т. д. какъ предыд.). [3]).

Посмотримъ между тѣмъ, что происходитъ въ домѣ невѣсты въ этотъ вечеръ до прихода жениха: Начало вечера, какъ я сказалъ, такое-же, какъ и

[1]) *Или* медьвїедь.

[2]) т. е. предназначенная для Марыси (невѣсты), ср. пѣс. 87.

[3]) При самомъ выѣздѣ жениха къ невѣстѣ поется также слѣдующая пѣсня:

39. 1. Село великое, 2. Дуб'е высокое, 3. Коники вороные, 4. Сваткове молодые (*нап.* № 1).

Она, вѣроятно, перенесена сюда изъ другаго момента свадьбы (см. ниже), потому что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: она во-первыхъ, должна быть пѣта во время самаго движенія поѣзда по селу, такъ какъ первая половина содержитъ величаніе села; а во-вторыхъ, какъ видно изъ второй половины, въ поѣздѣ должны участвовать „сваты“; между тѣмъ ни того, ни другого въ субботу не бываетъ.

у жениха; пѣсни, приведенныя выше, до описанія сборовъ и выѣзда жениха, поются также у невѣсты. Но кромѣ того, есть пѣсни, относящіяся исключительно къ невѣстѣ и очень вѣрно передающія ея тревожное настроеніе: то она зоветъ своего милаго, чтобы онъ пріѣзжалъ поскорѣе, жалуется, что онъ медлитъ, между тѣмъ какъ у ея родителей все готово для его пріема, то она, наоборотъ, сокрушается, что еще не собрала всю свою родню, и проситъ жениха повременить пріѣздомъ; чѣмъ ближе время его прихода, тѣмъ болѣе усиливается въ ней борьба разнородныхъ чувствъ.

40. 1. Стояла Марыся пудъ листкомъ,
Гокала Ясюля голоскомъ:
2. Црїйиждждїай, Ясюлю, не бався,
Вже-жъ бо муой батенько прибрався:
3. Тисовы столы засланы,
Любы(е) гостоньки зобраны;
4. Любы(е) гостоньки вино пьютъ,
А соловїейи винокъ вьютъ:
5. Посередини увили
Изъ чирвонойи калины.
6. Чирвона калина—Ясюлё,
Солодка малина—Марыся. (*нап.* № 4. б.)

41. 1. Ярая рутонька, жовты цьвїетъ,
Чомъ тебе, Ясюлю, довго нїетъ?
2. Чимъ тобїе виночка не ввила?
Чимъ тобїе хустоньки не вшила?
3. Ввила я виночокъ при зорїе,
Вшила я хустоньку при сьвичїе.
4. Темная нуоченько, сьпиши мнїе,
Ясная зуоронько [1]), сьвити мнїе!
5. Писала-бъ листоньки—не вмїею,
Послала-бъ послоньки—не сьмїею,
6. Пошла-бъ я й сама—вернуся,
Бо свого батенька боюся. (*нап.* № 4. б.)

42. 1. Тамъ зъ-за гороньки зъ-за высокойи
Ясюлё выйиждждїае,
Напроти(въ) ёго молода Марыся
Посланцїе посылае:
2. Ой зажджи—пожджи, молоды Ясюлю,
Хочъ малу годиноньку,
Нехъ-же я зберу, нехъ-же я спрошу
Всю свою родиноньку.
3. Мїелась, Марысю, мїелась, молода,
Вуольную суботоньку:
Было зобрати, было спросити
Всю свою родиноньку. (*нап.* № 2).

43. 1. Вышла Марыся за воротенка,
Пудъ калиноньку стала,
Ручки згорнула, тїажко здыхнула,
Ревненько заплакала:
2. Ясюлё йїеде, ружовы квїете,
Зав'язаны муой сьвїете!

[1]) или: зорбнько, подъ вліяніемъ напѣва.

Зав'язавесь мнїе русую косу
Чорною китайкою:
3. Ани въ таночокъ, ни до дивочокъ,
Ани виночки вити.
Дїевоньки гулїають, косоньки (виночки) маютъ,
А мене не примаютъ,
На мою косу на мою росу
Хмуроньки насылаютъ [1])
4. Ани хмуроньки, ни оболоньки
На мою росу косу,
Виленьки платочокъ, вышиты чипочокъ
На мою головоньку. [2]) (*нап.* № 2).

44. 1. А я въ матули одна, одна,
Позычте, люде, радна, радна.
2. Постуойте, сваткове, на згорочку,
Пуйду до сусїеды по сорочку (*нап.* № 8).

Въ пѣсняхъ 40 и 41 упоминается между прочимъ о томъ, что невѣста съ подругами въ ожиданіи жениха вьютъ вѣнки. Вѣнокъ, какъ извѣстно, играетъ выдающуюся роль на свадьбѣ, [3]) и заготовленіе вѣнковъ во многихъ мѣстностяхъ обставлено большою торжественностью и сопровождается особыми пѣснями. Въ Корницѣ вѣнокъ для невѣсты вьетъ старшая „дружка" безъ всякой особенной церемоніи. Жениху, какъ извѣстно, во многихъ мѣстностяхъ невѣста посылаетъ сплетенный ею вѣнокъ; здѣсь же вѣнокъ для жениха готовитъ его „свашка" (по пѣснѣ 31 — сестра). Далѣе, также нѣтъ обычая устраивать въ этотъ вечеръ свадебное деревце (вильце). Нельзя объяснить этихъ особенностей вліяніемъ польскихъ обычаевъ, потому что и плетеніе вѣнковъ и украшеніе деревца на дѣвичникѣ почти повсемѣстно распространено у поляковъ. Наконецъ, самый этотъ вечеръ у невѣсты не называется въ Корницѣ ни дѣвичникомъ, ни какимъ бы то ни было особымъ именемъ.

Наконецъ, является женихъ. Безъ малѣйшаго препятствія [4]) входитъ онъ на дворъ и въ избу невѣсты, привѣтствуетъ всѣхъ и его также встрѣчаютъ радушно. Вся родня невѣсты въ сборѣ: родители сидятъ за покрытымъ столомъ въ переднемъ углу, другіе родственники по скамьямъ у стѣнъ и «на зáпику» (на полатяхъ, за печкой), хоръ „дружокъ" стоитъ у дверей, въ сѣняхъ толпятся любопытные; „Дружко" ставитъ корзинку съ подарками жениха на столъ, и въ это время раздается пѣсня:

45. Перша квїетонька молоды Ясюлё.
Прими, Марысю, тонъ даръ 2
Малы за велики:
Черевички замшовые,
Панчуошки торговые (*нап.* № 1).
А чїйе то панчуошки и т. д. см. № 38.
А чїя то хустонька и т. д. см. № 37.

При этомъ „дружки" не пропускаютъ случая посмѣяться надъ женихомъ и упрекнуть его за подарки, но онъ ссылается на выборъ самой невѣсты:

46. Тобїе, Ясюлю, куотъ очи лупивъ,
Щось нехороши черевички купивъ.
Сама Марыся въ крами стояла
Сама молода йихъ выбирала (*нап.* № 3).

На самомъ дѣлѣ здѣсь не существуетъ встрѣчающагося кое-гдѣ [1]) обычая, чтобы женихъ съ невѣстой или родители ихъ ходили вмѣстѣ въ городъ за покупками передъ свадьбой; подарки почти всегда покупаетъ самъ женихъ.

Взамѣнъ своихъ подарковъ женихъ получаетъ отъ невѣсты бѣлый платокъ въ этотъ-же вечеръ (не всегда). „Дружки" превозносятъ подарокъ невѣсты:

47. Вита береза, вита 2.
Шовкомъ хустонька шита;
Марыся вышивала,
Ясюлеви даровала (*нап.* № 1).

48. Лїепша наша хустонька,
Якъ ваши черевички:
(Бо) наша хустонька
Тонка й биленька,
А въ вашихъ черевичкахъ
По соломи ходити. (*нап.* № 4. а).

Кромѣ подарковъ, женихъ передаетъ невѣстѣ кольцо, купленное имъ (обыкновенно изъ мѣднаго сплава, называемаго «мосенжъ», поль. mosiądz, рѣдко позолоченное), при чемъ поютъ:

49. Не мїесець сьвїетить, не сонце грае,
Ясюлё Марыси перстенёкъ дае;
Вона не хоче—зъ ручокъ скидае
Вона не хоче — зъ биленькихъ скидае. (*нап.* № 3).

Представляется, какъ будто женихъ тутъ-же надѣваетъ кольцо невѣстѣ, хотя на дѣлѣ этого и не бываетъ: женихъ и невѣста не надѣваютъ своихъ колецъ, пока эти кольца не освящены въ церкви при вѣнчаніи.

При видѣ подарковъ жениха невѣстѣ невольно приходитъ на мысль, что и ей въ концѣ свадьбы

---

1) Два послѣдніе стиха этой строфы поются, какъ и предыдущіе (Дїевоньки и пр.).

2) Тутъ поется также пѣсня: Ои мовилась, зелёна липо… и т. д. см. выше № 28.

3) О вѣнкѣ см. *Сумцова*, О свад. обр. 79—89. *Потебни*, Объясненіе пѣсенъ, Варш. 1883. (указатель).

4) О препятствіяхъ, представляемыхъ жениху, когда онъ ѣдетъ къ невѣстѣ, см. Сумцова, О свад. обр. 14—16 (X, XII, XIV, XV).

1) У чеховъ (ср. повѣсть К. Свѣтлой, *Cikánka*, гл. 1); у малороссовъ (Терещенко, Бытъ рус. народа, II. 505); у великороссовъ (Изв. Общ. Люб. Естествозн., Антр. и Этн. XXX вып. I, 116; въ тульской губ, по моимъ свѣдѣніямъ) и др.

придется дарить родню жениха, и вотъ она заранѣе начинаетъ сокрушаться, что не угодитъ:

50. 1. Ой у горуодци на яруй рутци
Плаче Марыся виночки вьючи,
Учувъ Ясюле по кони йдучи [1]):
— Чого, Марысю, такъ ревне плачешъ,
Чого, молода, такъ нарикаешъ?
2. Ой якъ-же бо мнiе той не плакати,
Якъ-же мнiе молодуой не нарикати?
Въ тебе роду мнуого, въ мене дарувъ мало:
Я твого батенька не переєднаю.
(нап. № 3).

Затѣмъ поютъ другія пѣсни безъ отношенія къ подаркамъ:

51. 1. Чомъ ты, соколе, нисько летаешъ,
Чомъ ты, ясненьки, нисько летаешъ,
Ой чомъ, чомъ низенько летаешъ?
2. Бо въ мене крыльцiа шовкомъ пудшиты,
Бо въ мене нуожки злотомъ пудбиты,
То й тымъ, тымъ низенько летаю.
3. — Чомъ ты, Ясюлю, пуозно прiйiехавъ,
Чомъ ты, молоды, пуозно прiйiехавъ,
Ой чомъ, чомъ пузнѣнько прiйiехавъ?
4. — Бо муой батенько невырадливы,
Не выраджiае рано дружины,
То й тымъ, тымъ пузненько прiйiехавъ (нап. № 3, ср. а).

Если невѣста сирота:

52. 1. Нема нашейи Марыси (в)дома:
Пошла Марыся до Пана-Бога,
(или: Ой пошла-жъ вона до П.-Б.)
Просити батенька (матюнки) на весiеличко, [1])
Просити руодного (руоднойи) на весiеличко [2]),
2. — Иди, дiетятко, не забав'яйся,
Мене (А насъ) до себе не сподивайся,
(Бо) въ мене (въ насъ) оченьки вже замружоны,
Въ мене (Бо въ насъ) рученьки навскрижъ зложоны,
Мойiе (Бо въ насъ) нуоженьки г(в)озьдзёмъ забиты,
Г(в)озьдзёмъ забиты въ три замки замкнёны [3]).
3. Перши замочокъ—труна сосновая,
Труна сосновая, на-смерть заверчона;
Други замочокъ— жовты писочокъ,
Трети замочокъ— трава мурава (нап. № 3).

Такъ какъ между тѣмъ нѣкоторые изъ родственниковъ успѣли оставить свои мѣста и такъ какъ, кромѣ того, подходятъ новые гости, то пѣсня приглашаетъ всѣхъ къ порядку въ виду наступающаго торжества — испрашиванія благословенія. Водворять порядокъ— обязанность «дружка», какъ главнаго распорядителя свадьбы, почему и обращаются къ нему:

53. 1. А ты, дружевьку—порiадноньку,
Зьбирай, зьбирай родиноньку.
2. Садови за столикомъ:
Приде Марыся зъ уклоникомъ
3. И зъ великою величносьцю,
Зъ братиковою побличносьцю.
4. А ты, друженьку – порiадноньку и пр.
.... Приде Ясюлё зъ уклоникомъ и пр.
(нап. № 8. ср. в, г).

Водворяется тишина. «Дружко» становится посреди избы и держитъ рѣчь ко всей роднѣ на польскомъ языкѣ:

«*Panie ojcze j pani matko, stryji j wuji, bracia j siostry i cała rodzina(sic)! Oto wasze dziecie* [1]) *zabiera sie do stanu małženskiego, do majestatu Boskiego Najprzud bedzie* (*bendzie*), *sie klaniac' Bogu najwyžszemu w Trùojcy świenty jedynemu, wam též panie ojcze j pani matko, stryji j wuji, bracia j siostry i cała rodzina! žebys'cie łaskawi byli i to dziecie poblogosławili*». При послѣднихъ словахъ громогласно раздается торжественная пѣсня:

54. 1. Поклонися, Марысю,
Поклонися, молода,
Черезъ стуолъ до батенька
Черезъ стуолъ до руодного
[До билесенькихъ нуожокъ (и нужокъ)
До друбнесенькихъ стуожокъ (и стужокъ)]. [2])
2. Поклонися, М. и пр.
Черезъ стуолъ до матюнки
Черезъ стуолъ до руоднойи и пр.
3. Поклонися и пр.
Черезъ стуолъ до родины и пр.
4. Нехай Бога просятъ
И рученьки (и)зносятъ
О щасливу годину,
О добрую доленьку. (нап. № 7).

Подъ звуки этой пѣсни невѣста, а вслѣдъ за нею и женихъ, кланяются родителямъ невѣсты (которые все время сидятъ за столомъ), т. е. касаются ихъ ногъ, иногда цѣлуя также ихъ руки (столъ при этомъ немного отодвигается); затѣмъ, кланяются и

---

[1]) Напѣвъ этого стиха такой же, какъ и предыдущаго; общій составъ строфы—4 стиха.—

[2]) Если нѣтъ обоихъ родителей, то въ 3-мъ стихѣ поютъ: „Просити батенька...“, а въ 4-мъ: „Просити матюнки“..., затѣмъ: „Иди дiетятко“ и пр.

[3]) 5–6 ст. 2-й строфы поются какъ 3–4.

[1]) Т. е. невѣста.

[2]) Стихи, поставленные въ скобкахъ, часто пропускаются, поются же они какъ ст. 3 — 4. Ср. п. 133.

каждому изъ родни по порядку, обходя всю избу кругомъ. По окончаніи перваго обхода «дружко» повторяетъ свою рѣчь, «дружки» опять поютъ «Поклонини», и вся церемонія повторяется до трехъ разъ, послѣ чего поютъ:

55. 1. Схилилася вишенька, 2.
Схилилася черешенька
Одъ верха до кореня 2.
2. Кланялася Марыся, 2.
Кланялася молода
Одъ стола до комена. 2. (*нап.* № 1 иногда № 7.)

Если невѣста сирота, то во время поклоновъ поется:

56. 1. Ой кому ты ся, молода Марысю, кланяешъ,
Коли ты свого р*уо*дного батенька не маешъ.
2. Ой кому ты ся, молода Марысю, кланяешъ,
Коли ты сво*йіе* р*уо*днойи матюнки не маешъ. (нап. № 5) [1]

Послѣ этой церемоніи родители, или заступающіе ихъ мѣсто: крестные (хрéсны), ближайшіе родственники,—встаютъ съ почетнаго мѣста и приготовляются сажать на свое мѣсто молодыхъ, что называется «на посагъ садити». Въ стѣнѣ, надъ почетнымъ мѣстомъ, просверливаются три дыры, расположенныя въ треугольникъ, на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ одна отъ другой, чтобы «забивати посагъ», причемъ поется:

57. Братику соколику, 2.
Пой*іе*демъ до борику
По чирвону калину,
По солодку малину —
5. Колочки тесати:
Ч*іа*съ посагъ забивати (*нап.* № 1, *ст.* 4 *по а, ст.* 5 *какъ ст.* 2).

Вбиваютъ въ стѣну три колышка, къ нимъ привязываютъ крестообразно два пучка колосистой ржи, а поверхъ всего развѣшиваютъ большой «ручникъ», образуя такимъ образомъ родъ балдахина, подъ которымъ должны сидѣть молодые [2]). Все это вмѣстѣ называется «посагомъ». Наконецъ, мать невѣсты застилаетъ подъ этимъ украшеніемъ «лаву» (скамью) для молодыхъ большимъ кускомъ новаго бѣлаго полотна собственнаго приготовленія, которое также называютъ «посагомъ». Овчинъ и другихъ мохнатыхъ подстилокъ, съ которыми, связывается понятіе о богатствѣ и благосостояніи будущей четы [1]), никогда здѣсь не употребляютъ, и когда мнѣ случалось упомянуть кому-нибудь изъ мѣстныхъ крестьянъ, что въ иныхъ мѣстностяхъ застилаютъ «посагъ» тулупомъ шерстью кверху, то они высказывали догадку: «то вже ото десь (вѣроятно) якіесь забобоны (суевѣріе) — не що». Застиланіе сопровождается пѣснею:

58. 1. На що матюнко [2]) посагъ стелешъ?
На що р*уо*дная [2]) засьцилаешъ?
Кого ся на*ю*омъ сподиваешъ?
2. – Ясна з*уо*ронька [2]) на *ю*омъ паде,
Молода Марыся на *ю*омъ с*іа*де (*нап.* № 8, см. *а*).

Заслышавъ эту пѣсню, молодая уходитъ изъ избы и прячется «до коморы», или же только старается укрыться въ толпѣ присутствующихъ, въ особенности своихъ подругъ, причемъ поютъ:

59. 1. Пошла Марыся въ вишн*ю*овъ садъ,
Сховалася въ виноградъ [3]):
— Хто-жъ мене (з)найде въ т*уо*мъ виногр*а*ду,
Съ тымъ на посази с*іа*ду,
2. Пошовъ батенько—не знашовъ,
Выламавъ кв*іе*тку и пошовъ:
— Кв*іе*то жъ моя ружовая,
Марысю молодая!
3. Пошла Марыся и пр. (съ начала)
4. Пошла матюнка—не знашла,
Выламала кв*іе*тку и пошла и пр
5. Пошла М. и пр.
6. Пошовъ братичокъ—не знашовъ и пр.
7. Пошла М. и пр.
8. Пошла сестр*уо*нка—не знашла и пр.
9. Пошла М. и пр.
10. Пошовъ Ясюлё и знашовъ,
Вз*іа*въ за рученьку и пошовъ:
— Кв*іе*то-жъ моя ружовая,
Марысю молодая! (нап. № 4).

Однако за невѣстой отправляются не тѣ лица, которыя упоминаются въ этой пѣснѣ, а «дружко». Когда все готово, онъ приводитъ невѣсту и сажаетъ ее за столъ, «на посагъ»; по лѣвую сторону отъ нея садится ея братъ, а по правую сажаютъ жениха съ его братомъ; затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ къ нимъ подсаживаются другіе родственники, кромѣ родителей. «Дружки» между тѣмъ поютъ:

---

[1]) Если нѣтъ въ живыхъ только одного изъ родителей, то поется только одна изъ двухъ строфъ.

[2]) Ср. у Лужичанъ „die mit einem Thronhimmel gezierte Oberstelle" (Smoler-Haupt, II. 246); у болгаръ—„бучка" (Верковичъ, Опис. быта макед. болгаръ, брошюра, Москва 1868, стр. 26), у евреевъ—„хупе" (Восходъ 1884, VI. 42).

[1]) „Мохнатъ-богатъ", см. Потебни, О миѳич. значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, 69 (выноска 228); ср. Сумцова, О свад. обр. 109, 156

[2]) Подъ вліяніемъ пѣсенн. ударенія иногда здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, слышится *ю* вм. *ю* и наоборотъ: роднáя, зорóнька.

[3]) Въ обыден. рѣчи—*виногрáдъ*, такъ иногда и здѣсь, не смотря на риѳму; наоборотъ, подъ вліяніемъ пѣсенной формы съ чист. *а* и въ слѣдующ. стихѣ иногда слышится—*виногра́ду*.

60. 1. Летіели гусоньки у три радоньки,
Зазуля напереди;
Усіе гусоньки у лузіе сіели,
Зазуля на калини;
Усіе гусоньки засьпивали
Зазуля заковала.
2. Ишли діевоньки у три радоньки,
Марыся напереди;
Усіе діевоньки за столомъ сіели,
Марыя на посази;
Усіе діевоньки засьпивали
Марыся заплакала (*нап.* № 2 *съ повтореніемъ* 2-й *половины*).

61. 1. Раба пташенька, невеличенька
На рокитоньци сіела;
Вона мовила, рокиту зламала,
А вона нахилила.
2. Молода Марыся, моломенькая
На посази сіела.
Вона мовила, батенька втіешила,
А вона засмутила.
3. Раба пташенька и пр. (съ начала)
4. . . . Вона мовила, матюнку втіешила и пр. (*нап.* № 2).

62. 1. А у Марыси за косоньками
Зелененькіе квіеты,
Ой не можетця-жъ ейи батенько
На ейи наглядіети:
2. Мое діетятко, мое руодное,
Якоежъ ты мніе миле,
Твое личенько руляное,
Якъ чирвона калина.
3. А у Марыси и т. д. (съ начала).
Ой не можетця-жъ ейи матюнка и пр.
5. А у Марыси и пр.
Ой не можетця-жъ ейи братичокъ (сеструонка).
На ейи наглядіети:
6. Моя сеструонко, моя руодная,
Якая жъ ты мніе мила,
Твое личенько румяное,
Якъ чирвона калина (*нап.* № 2).

63. 1. Ой черезъ Дунай глыбоки
Плыне ручничокъ широки:
— Пытаю тебе, молода Марысю:
Хто у тебе наймильши?
2.—Ой милы-жъ бо мніе батенько,
Що я у его живіела,
А ще милісйши молоды Ясюлё,
Щомъ коло его сіела.
3. Ой черезъ Дунай и т. д.
4. – Ой мила-жъ бо мніе матюнка,
Що я у ейи живіела и пр. (*нап.* № 4).
(То-же повторяется иногда и по отношенію къ брату и сестрѣ).

Когда всѣ усядутся, подается на столъ «закуска», состоящая изъ масла и хлѣба. Молодые ѣдятъ очень мало, особенно невѣста; они конфузятся, томятся чувствомъ неловкости, когда на нихъ обращены взоры всѣхъ присутствующихъ. «Дружки» также почти не ѣдятъ: онѣ все время заняты пѣніемъ вышеприведенныхъ пѣсенъ и еще нѣкоторыхъ:

64. 1. Сіела Марыся за столикомъ,
Якъ яка буяронька,
А коло ейи молоды Ясюлё
Якъ яка сируотонька [1]).
2. Ой и буде-жъ юой, туой буяроньци
Одъ тойіе сируотоньки:
Буде летати чорна нагаенька
По біелуй кошулёньци (*нап.* № 2).

Невѣста и безъ того сидитъ невеселая и большею частью плачетъ, а эта саркастическая пѣсня, рисующая въ непригляднномъ свѣтѣ ожидающую ее жизнь въ замужествѣ, вызываетъ въ ней потоки слезъ, остановить которыя, по мнѣнію присутствующихъ, можетъ и долженъ одинъ только женихъ своимъ ласковымъ обращеніемъ, почему и рекомендуется ему быть какъ можно привѣтливѣе къ невѣстѣ:

65. Не сиди, Ясю, бокомъ, 2.
Бо то не нарокомъ:
Присуовься близенько,
Втіешъ Марыси серденько! (*нап.* № 1).

66. Не сиди, Ясю, бокомъ,
Бо то не нарокомъ,
Бо то не рыба съ перцёмъ:
Покохай ціелымъ серцёмъ! (*нап.* № 1).

Если невѣста за столомъ не плачетъ,—что бываетъ рѣдко,—то къ этому относятся неодобрительно:

67. Сіела Марыся за столикомъ,
Съ-хмурненька поглядае;
Молода Марыся плакати не хоче,
Братика зачипае (*нап.* № 2).

Особенно много слезъ проливаетъ невѣста-сирота, которой поютъ по этому случаю:

68. 1. Чи не жіаль тобіе, Боже,
Що сируотонька плаче,
Що сируотонька плаче
И къ столу прилягае,
2. И къ столу прилягае,
Що не батенько дае,
Що не батенько дае,
Весіеличко зраджіае (*нап.* № 7).

(То-же поется, когда нужно, и по отношенію къ матери).

Послѣ закуски женихъ встаетъ изъ-за стола и

[1]) Въ пѣніи съ перенес. ударенія также *сиротóнька*, въ обыд. рѣчи—*сируотка*.

уходитъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ за дверь, въ сѣни; встаютъ также и другіе, и за столомъ остаются только невѣста съ своимъ братомъ и «дружки». Наступаетъ новая церемонія или обрядъ— продажа косы невѣсты, или вѣрнѣе купля невѣсты. «Дружко» обращается къ брату невѣсты съ заявленіемъ, что желаетъ купить у него одну изъ дѣвушекъ, сидящихъ съ нимъ. Братъ предлагаетъ ему выбрать себѣ любую. «Дружко» указываетъ то на ту, то на другую изъ «дружокъ» невѣсты, однихъ хвалитъ, въ другихъ находитъ разные недостатки; но за каждую изъ выбранныхъ «дружко́мъ» дѣвушку братъ предлагаетъ такую непомѣрную цѣну, что они никакъ не могутъ сойтись. Дѣвушки насмѣхаются надъ «дружкомъ», укоряютъ его въ скупости. Между тѣмъ приближается очередь невѣсты; ея предчувствіе, что именно она будетъ продана, выражается поэтически въ пѣснѣ:

69. 1. О *муой* батеньку р*уо*днесеньки [1])
Сьнився мн*іе* соникъ дивнесеньки:
Б*іе*лы лебедонки наленули,
Чорное коло розослали.
2.—Моя Марысю, д*іе*тятко,
Я тоб*іе* сонъ тонъ одгану,
Я тоб*іе* сонъ тонъ одгану,
И одганувши роскажу:
Б*іе*лы лебедоньки—краса твоя,
Чорное коло—коса твоя. [2]) (*нап*, № 8, ср. *б. в.*)

Наконецъ начинаютъ «год*и*тися за косу» невѣсты. причемъ поется:

70. Найехали купци съ Хелма 2.
Пытали(ся), по чуомъ велна,
Руно на руно клали,
Въ насъ панну куповали;
Въ насъ панна дорогая —
Марыся молодая. [2]) (*нап.* № 1, *ст.* 5 *иногда по а*).

Этотъ торгъ длится довольно долго: братъ старается не продешевить косу сестры, а «дружко» туго набавляетъ, почему его и срамятъ «дружки»:

71. Скупы друженько, скупы, 2.
Не набравъ гроши съ купы:
Въ сьм*іе*ти шеляги зьбиравъ,
У насъ панну куповавъ;
Въ насъ панна дорогая —
Марыся молодая. [2]) (*нап.* № 1).

72. Пудъ п*іе*чъ, друженьку, пудъ п*іе*чъ, 2.
Зъ мышами воёвати,
Не въ насъ панну куповати;
Въ насъ панна дорогая —
Марыся молодая. (*нап.* № 1 *съ пропуск.* 3-*го такта*).

Когда наконецъ сойдутся въ цѣнѣ, зовутъ жениха изъ сѣней, чтобы онъ расплачивался:

73. Не ст*уо*й за дверима, 2.
Не сьвити очима,
Не ж*іа*луй мишка страсьци,
Братика зъ м*іе*сьця звесьци,
Самъ коло ейи с*іе*сьци! (*нап.* № 1, ст. 4 по *а*).

Онъ входитъ и даетъ невѣстѣ условленную цѣну за косу, отъ 1½ руб. до 5 руб. Тогда братъ невѣсты добровольно встаетъ съ своего мѣста и уходитъ изъ-за стола, а женихъ садится на его мѣсто.

Такимъ образомъ, этотъ торгъ представляетъ смѣшеніе трехъ чертъ, принадлежащихъ различнымъ періодамъ бытовой исторіи: начинается онъ покупкою дѣвушки, далѣе слѣдуетъ продажа косы (вмѣсто дѣвушки), а въ концѣ концовъ и коса остается нетронутою, такъ что женихъ, собственно говоря, выкупаетъ себѣ мѣсто рядомъ съ невѣстою. При этомъ надо замѣтить, что мѣсто, по уплатѣ денегъ, уступается жениху братомъ невѣсты безъ всякаго сопротивленія; плетка или нагайка представляетъ собою единственный предметъ вооруженія на свадьбѣ, но и ее какъ женихъ, такъ и братъ невѣсты оставляютъ въ этомъ случаѣ безъ примѣненія.

Когда женихъ сядетъ за столъ, молодымъ поютъ величальную пѣсню, иногда съ повтореніемъ:

74. За боромъ чорна хмара, 2.
За столомъ люд*іе*й пара;
Обое молодые,
Якъ кв*іе*ты ружовые. (*нап.* № 1).

Затѣмъ, подаютъ ужинъ, во время котораго пьютъ за здоровье молодыхъ, заставляютъ ихъ пить другъ за друга и подслащать горечь поцѣлуями. Невѣста и тутъ почти вовсе не ѣстъ ничего, и потому ее убѣждаютъ ужинать:

75. 1. Чомъ ты, Марысю, не вечераешъ
У своёго батенька?
Ой якъ п*уо*йдешъ до свекорка —
Вечерати не будешъ:
2. Самы с*іа*дутъ вечерати,
Тебе вышлютъ по воду.
М*іе*сець высоко за зороньками,
Вода далеко за гороньками;
Горы высоки, долы глыбоки
П*уо*ки [1]) ты сходишъ, то ся утомишъ,—
Вечерати не схочешъ.
3.—Ой е(стъ) у мене молоды Ясюлё,
В*уо*нъ мене пошкодуе:

[1]) *уо* вм. *у* подъ вліяніемъ напѣва, въ обыд. рѣчи—*руднюсеньки.*

[2]) Послѣдніе два стиха поются, какъ и два предыдущіе; кромѣ того, стихъ 5 въ пѣсн. 70 и 71 и ст. 4 въ пѣс. 72 иногда варіируются по нап. № 1. *а.*

[1]) Или: пуоты, также „пуки, путы" (безъ ударенія)—пока; въ смыслѣ нарѣчія (съ удареніемъ) всегда съ *уо*: п*уо*ты—до сихъ поръ, до тѣхъ поръ.

Я за видерце, вуонъ за другое, —
Понесемо обое. (*нап.* № 2, *съ вар. а, гдѣ того требуетъ меньшее количество словъ*; *ст.* 3 — 6 *во 2-й строфѣ по нап.* № 3).

Но не всегда, конечно, невѣста ожидаетъ найти въ будущемъ супругѣ такого идеальнаго человѣка, вѣрнаго защитника и покровителя; ей рисуется и другая, болѣе мрачная перспектива, выраженная въ пѣснѣ 64, которую иногда здѣсь еще разъ повторяютъ, а также и въ слѣдующей:

76. 1. Молодая Марыся
Коло луга ходила 2.
Цьвіетъ—калину ламала.
2. Цьвіетъ—калину ламала,
До личка прикладала 2.
Матюнки ся пытала:
3. Моя матюнко руодна,
Чи я буду такая 2.
Якъ калинонька тая?
4.—Будешъ, діетятко, будешъ,
Пуоки у мене будешъ,
А якъ одъ мене пуойдешъ, —
Испаде зъ личка краса.
5. Испаде зъ личка краса,
Якъ изъ сонычка роса;
Высушитъ головоньку,
Якъ віетёръ долиноньку.
6. Якъ віетёръ долиноньку,
Якъ морозъ калиноньку. 2.
Чужа свекорка—головоньку. (*нап.* № 7).

Къ концу ужина начинаетъ играть музыка и молодежь идетъ плясать. Танцы отъ времени до времени прерываются пѣснями, изображающими настроеніе невѣсты при видѣ всеобщаго веселья:

77. 1. На ґанку [1]) музыки играютъ,
Пудъ ґанкомъ [1]) діевоньки гуліяютъ.
2.—Гуліайте, діевоньки, гуліайте,
А о мніе вже теперь не дбайте,
3. Бо мое гуліане минае.
Ясюлё гуліати не дае.
4. Ясюлё гуліати не дае, —
За біелу рученьку тримае. (*нап.* № 6).

78. 1. Ой у міестечку на рыночку
Сидитъ соколикъ на ґаночку; [1])
2. Всіе кватыроньки одчиніае,
По всіехъ діевонькахъ поглядае.
3. Усіе діевоньки веселеньки,
Одна Марыся засмучона;
4. Одна Марыся засмучона,
Бо Ясюлеви заручона, (*нап.* № 8).

79. 1. Ой гадала думала 2.
Молодая Марыся:
Де оріешокъ садити,
Де зелёны садити?
2. Посаджу я оріешокъ, 2.
Посаджу я зелёны
Въ батенька на подвуору.
Въ руодного на подвуору.
3. Найіехали свата, 2
Ясюлёвы братя,
Стали куоньми играти,
Оріешину ламати.
4. Не жіаль же мніе оріешка, 2.
Якъ тоііе оріешины:
Оріешокъ вырву(тъ)—други буде,—
Марыси въ батенька вже не буде [1])(*нап.* № 1. ср. *в.*)

Наконецъ, около полуночи, а часто и гораздо позднѣе, раздается пѣсня, приглашающая гостей расходиться; иногда ее приходится повторять раза два—три:

80. Сватkове до дому! 2.
Йзіели кони солому;
Мыслите ночовати,
Солому куповати? (*нап.* № 1). [2])

Вмѣстѣ съ другими уходитъ также и женихъ; онъ никогда не остается эту ночь у невѣсты, какъ это бываетъ въ иныхъ мѣстностяхъ [3]). На прощаніе ему поютъ пѣсню:

81. Лебеде, лебедоньку, 2.
Чи ты бывъ на ставоньку?
Чись бачивъ лебедоньку,
Чись бачивъ биденькую.
2. Якъ бачивъ, такъ не бачивъ:
Скоро я у ставъ, у ставъ,—
Лебедонька у плавъ, у плавъ,
Крыдельціами махнула,
Ажъ ся вода розлягнула.
3. Молоденьки Ясюлю, 2.
Чи ты бывъ у тестонька?
Чи ты бачивъ Марысю.
Чи ты бачивъ молоду?
4. Якъ бачивъ, такъ не бачивъ:
Скоро я до тесьця въ двуоръ,—
Марыся до коморы,
Суккенкою шіаснула,
Перстеніами бріазнула.
5. Забращіете, перстеньки. 2.
Забращіете, золоты,

[1]) Твердое г, польск. ganek—крыльцо.

[1]) Иногда эту пѣсню дѣлятъ на двѣ пополамъ и первыя двѣ строфы поютъ по нап. № 7 (безъ повторенія перваго стиха), а остальныя двѣ, какъ указано.

[2]) Въ пѣс. 79 и 80 упоминаются *сваты*, хотя на самомъ дѣлѣ они не приходятъ въ этотъ вечеръ съ женихомъ къ невѣстѣ.

[3]) Кіев. Старина 1883 г. февр. 370; Чубинск. IV. 94.

На моихъ бѣлыхъ ручкахъ
На моихъ билюсенькихъ! (*нап.* № 1).

Вообще можно сказать, что въ субботу поется больше пѣсенъ, чѣмъ въ послѣдующіе дни свадьбы, и всѣ эти пѣсни отличаются своею содержательностью, эпическимъ складомъ, обширными сравненіями, уподобленіями и т. д. У жениха, понятнымъ образомъ, поется ихъ въ этотъ вечеръ гораздо меньше, чѣмъ у невѣсты, въ домѣ которой сосредоточены всѣ главные моменты этого вечера.

б). „*Недѣля*» (воскресеніе).

Въ воскресеніе утромъ опять собираются родственники къ жениху и къ невѣстѣ, чтобы провожать ихъ къ вѣнцу. Къ жениху собирается теперь въ полномъ составѣ его дружина. «Сваты» являются вооруженные нагайками, и съ этого времени они считаются необходимыми участниками свадьбы.

Всѣ одѣваются по праздничному; «свашки» надѣваютъ большіе бѣлые чепчики изъ легкой матеріи, украшенные длинными лентами, иногда цвѣтами. Когда соберется порядочная компанія, женихъ проситъ благословенія у родителей и родственниковъ точно такимъ-же порядкомъ, какъ это дѣлалось у родителей невѣсты въ субботу вечеромъ: «дружко», послѣ обращенной къ нему пѣсни: «А ты друженьку» и пр. (п. 53), держитъ вышеприведенную (стр. 82) польскую рѣчь, повторяя ее три раза; затѣмъ, слѣдуютъ поклоны жениха подъ звуки троекратно повторяемой пѣсни: «Поклонися, Ясюлю» и т. д. (п. 54) и, въ случаѣ нужды, другой: „Ой кому ты ся, молоды Ясюлю, кланяешъ» (п. 56) и т. д.

Въ домѣ невѣсты между тѣмъ происходитъ одѣваніе ея къ вѣнцу. Я не стану описывать ея нарядъ, потому что онъ почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго праздничнаго наряда; только для головного убора здѣсь употребляется больше зелени, цвѣтовъ и въ особенности лентъ, которыя прикалываются къ волосамъ и висятъ сзади почти до земли. Косы невѣсты непремѣнно должны быть распущены. Она сама себѣ ихъ расплетаетъ, иногда сидя на подушкѣ: а затѣмъ волоса ея расчесываетъ мать, рѣже „старша дружка“, подъ звуки пѣсни:

82. Моя матюнко мила 2.
Стань въ мене за плечима,
Росчеши росу косу
Бѣлыми рученьками,
Примускай слюзоньками! (*нап.* № 1, ст. 4 по *а*).

Братъ и теперь вовсе не касается косы, какъ и при продажѣ ея въ субботу. При одѣваніи невѣсты и въ ожиданіи жениха поютъ еще пѣсни:

83. Моя матюнко вишне, 2.
Черевичокъ нуожку тисне;
Чи не жіаль тобіе буде,
Якъ возьмутъ мене люде? (*нап.* № 1).

84. 1. Зелимозина [1]) ліето и зиму зелёна,
Наша Марыся учора была весёла,
2. А въ недіеленьку своего батенька просила,
А въ недіеленьку своего руодного просила:
3.—Ой не дай мене, о муой батеньку, хочъ зъ рочокъ,
Нехай выходжу свуой рутьвяненьки виночокъ!
4.—Ой не одинъ ты, мое діетятко, руокъ была,
Ой не одногось зъ руты виночка сходила (*нап.* № 5).

85. 1. Вже тобіе, Марысю, недіелька, -
Не вити виночка зъ барвинка,
Не плесьци косоньки въ батожки:
Постелютъ ручничокъ пудъ нужки.
Перша квіетонька—молода Марыся
2. Вже тобіе, Марысю, и пр. (съ начала) (*нап.* № 4. *б*, см. № 1).
Ои мовилась, зелёна липо и пр. (см. пѣс 28).

Женихъ, испросивъ благословеніе у своихъ родителей и родственниковъ, отправляется со всею своей дружиной за невѣстой, чтобы вести ее къ вѣнцу. Обыкновенно (если женихъ и невѣста изъ одной деревни) вся компанія жениха и онъ самъ идутъ къ невѣстѣ пѣшкомъ, а уже оттуда ѣдутъ въ церковь. Братъ ведетъ жениха за руку, а въ другой рукѣ несетъ особый значокъ, который устраивается такимъ образомъ: сложенную нагайку жениха обвязываютъ бѣлымъ новымъ платкомъ, къ верхнему концу прикрѣпляютъ вѣнокъ изъ свѣжей руты, а на вѣнокъ кладется свѣжее красное яблоко, по возможности безъ пятенъ, наростовъ и т. п.; если бы оказалось впослѣдствіи, что внутри яблока былъ червякъ, то невѣста съ немалымъ огорченіемъ рѣшаетъ заранѣе, что какой-то червь будетъ подтачивать ея супружеское счастье [2]). Выходя изъ дому съ женихомъ, «свашки» поютъ:

[1]) Названіе растенія, то-же что „барвинокъ“ (?) у другихъ малороссовъ; послѣднее названіе встрѣчается здѣсь только въ пѣсняхъ. „Зелимозину“ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, высокоствольнымъ растеніемъ, называющимся „зимозелъ“ (польск. областн. zimoziaj, чеш. zimozel, zimzelen, словацк. zimozelen), Buxus.

[2]) Ср. латышскую пѣсню: „Красное яблочко, червь точитъ твою сердцевину;
Красавецъ отцовскій сынъ, собака ты въ жизни“. Спрогисъ, 185, № 8.

Яблоко вмѣстѣ съ вѣнкомъ употребляется и на чешской (Erben, Písnie etc. 315, ed. 1864), и на польской (Kolberg, Lud. etc. X, 233, 244) свадьбѣ. Въ народной поэзіи яблокамъ уподобляются между прочимъ женскія груди (сб. Миладиновцевъ, №№ 384, 475); у нѣмцевъ одинъ сортъ яблокъ называется

86\. 1. Зустричі*ай* насъ, Боже, 2.
На першумъ порози,
На широкумъ госьцинци,
На кованумъ вози.
Перша квіетовька—молоды Ясюлё,
2\. Зустричі*ай* насъ и пр. (съ начала)·
(*нап.* № 1).

Затѣмъ, по пути поютъ величаніе селу: «Село великое и пр. (см. п. 39), и еще варіантъ пѣсни о «хусткѣ»:

87\. 1. А чія то хустонька
Въ недіелю рано везёна
Ой пудъ біелымъ пудъ наперомъ,
Пудъ чорнымъ аксамитомъ?
2\. Марысина [1]) то хустонька
Въ недіелю рано везёна и пр.(см. пѣс. 37).

Здѣсь имѣется въ виду «хустка» (платокъ), употребленная для выше описаннаго значка; полагается, что это подарокъ невѣсты. Во все время шествія жениха съ дружиной играетъ музыка; «сваты» бѣгутъ вприпрыжку, иногда вперегонку. Невѣста ожидаетъ жениха наряженная, и какъ только онъ придетъ, она, при помощи старшей «дружки», прикалываетъ ему съ лѣвой стороны на груди съ кусочками красной ленты рутвяной вѣнокъ, принесенный братомъ жениха на нагайкѣ, а платокъ, которымъ была обвита нагайка, вѣшаетъ ему за поясъ; съ этими знаками женихъ остается до конца свадьбы. Въ то-же время «дружки» прикалываютъ всѣмъ участникамъ поѣзда жениха значки изъ стебельковъ руты или «зелимозины» и бѣлыхъ ленточекъ; «дружко» и «браты» жениха и невѣсты, кромѣ того, отмѣчаются бѣлыми кусками полотна, заткнутыми за поясъ, какъ и женихъ. При этомъ поютъ пѣс. 84, а также слѣдующія:

88\. 1. Ясная зора на стриху впала,
Молода Марыся въ двуоръ найіехала,
По двору ходила, братикувъ будила:
2\.—Встаньте, братики, що найвирніейши,
Сидлайте коники що наймудріейши:
Пойіедемъ въ дорогу—до Божого дому.
(*нап.* № 9).

89\. 1. Въ *недзеле* рано на мшу (*д*)*звонёно*:
Молода Марыею, чі*а*съ до *косьцёла* [1])
— Ой чі*а*съ и не чі*а*съ, ще й не година,
Щемъ ся батеньку не уклонила
Нема батенька одъ виноградоньку,
Одъ виноградоньку, зъ вишнёвого садоньку. [2])
2\. Въ недзеле рано и. пр. (съ начала)
Щемъ ся матюнци не уклонила.
Нема матюнки и пр. (*нап.* № 3).

Когда все готово, начинается обрядъ благословленія молодыхъ къ вѣнцу. Предварительно родители невѣсты садятся за столъ, и молодые кланяются съ такою-же точно церемоніей, какъ и въ субботу вечеромъ по приходѣ жениха къ невѣстѣ (стр. 82—3); затѣмъ всѣ встаютъ, молодые становятся лицомъ къ двери, мать невѣсты кладетъ передъ ними на полъ большой ржаной хлѣбъ непочатой и окропляетъ ихъ святой водой, обходя три раза вокругъ пó-солонь [3]) и произнося обычныя слова крестнаго знамени. Обсыпанія при этомъ вовсе не бываетъ. Женихъ съ своимъ братомъ и съ „дружкомъ“ усаживаются на одной повозкѣ, невѣста съ своимъ братомъ и старшей „дружкой“—на другой, а за ними ѣдетъ остальной персоналъ свадебнаго поѣзда. Выѣзжаютъ такъ, чтобы поспѣть какъ разъ къ обѣднѣ, и ѣдутъ очень быстро съ музыкой и пѣснями. При выѣздѣ поютъ пѣс. 86, по пути—варіантъ пѣс. 39:

90\. 1. Село великое, 2.
Дуб'е высокое,
Коники вороные,
Князіата молодые
Перша квіетонька—молоды Ясюлё.
2\. Село великое и пр.
Перша (*sic*) квіетонька—молода Марыся.
3\. Село великое и пр. (*нап.* № 1.)

Кромѣ того во время движенія поѣзда поются пѣсни:

91\. Вступіете, вороженьки, 2.
Зъ битойи дороженьки

„Nonnenzitzchen“. О яблокѣ см. *Потебни*, О миѳич. значеніи нѣкотор. обрядовъ, 47; *Сумцова*, О свад. обр. 78.

Описанный мною значекъ не что иное, какъ свадебное знамя, которое по польскимъ и галицкимъ пѣснямъ должно означать *письмо* жениха къ невѣстѣ (Лозинскій, Rusk. wes. 47, 51, 89; Z. Gloger, Gody weselne, Warsz. 1880, стр. 7 № 11), хотя такое представленіе, конечно, слишкомъ позднее; намекъ на подобное объясненіе есть и въ одной пѣснѣ Бѣльск. уѣз., Сѣдл. губ., Батюшковъ, Памятн. русск. старины въ зап. губ., вып. VII, стр. 379.—О значеніи свад. знамени ср. Сумцова. О свад. обр. 10, VI.

1) Т. е. полученная отъ Марыси въ даръ.

1) Подчеркнутыя слова представляютъ чисто польскія формы; въ обыд. рѣчи употребляется *недіеля*, *звонити* и *косьцюолъ*, род. *косьцёла* (исключительно о польск. церкви, русская-же называется *церква*, рѣже *церковъ*).

2) Стихи 5—6 поются, какъ и 3—4, при чемъ для слоговъ: *вишнёво*... въ началѣ послѣдняго такта — двувязная тріоль: *си*, *си*, *ля*.

3) Хожденіе по-солонь (по солнцу, поворачиваясь лѣвымъ плечомъ впередъ) нельзя объяснять исключительно вліяніемъ католическаго церковнаго обычая; то-же встрѣчаемъ и у православныхъ. Въ онежскомъ краѣ женихъ передъ уходомъ къ вѣнцу, „положитъ одну руку на голову невѣсты, а другою повернетъ ее три раза кругомъ *по солнышку*“. Рыбниковъ, III. 407. Предпочтеніе правой стороны глубоко вкоренилось въ сознаніи народовъ, и обращеніе въ правую сторону при молитвѣ идетъ отъ глубокой древности. См. Сумцова, О свад. обряд. 169. О словѣ *по-солонь* ср. Вусл. Истор. грамм. § 61, прим. 2, изд. 1881 г.

Молодуой молодому—
До Божого дому. (*нап.* № 1).

92. Віетрець повивае 2.
Дощикъ покроп'яе,
Марыся до шлюбу йіеде,
Якъ макъ зацьвитае. (*нап.* № 1).

93. Ой не віей, віетре, вгору, 2.
Повіей дорогою,
Розвіей росу косу
Винчіанничку моёму! (*нап.*№1).

94. 1. Ой заржали сивы коники, заржали
Пудъ молодыми, якъ до шлюбоньку йіехали
2. — Ой не ржіете, сивы коники, не ржіете,
Напасемо васъ пудъ Корницею на жити.
3. Якъ мы будемо у церковци шлюбъ брати,
Віете будете яру пшеничку глодати. (*нап.* № 5).

Приближаясь къ церкви, поютъ:

95. Зазвоніете, звоны, 2.
Йіеде до васъ сто кони;
Коники вороные,
Князіата молодые. (*нап.* № 1).

96. Нема ксёндза (в)дома 2.
Пойіехавъ до Львова
Ключикувъ куповати,
Церковку одмыкати—
Двое людіей винчіати. (*нап.* № 1, ст. 4, по *а*).

Передъ церковью замолкаетъ музыка и пѣсни. Братъ жениха соскакиваетъ съ телѣги, подаетъ жениху конецъ краснаго платка, а самъ держитъ за другой конецъ, и такимъ образомъ вводитъ жениха въ церковь, точно такъ-же вводитъ невѣсту ея братъ. Послѣ обѣдни священникъ произноситъ третье оглашеніе (зáповедь) о свадьбѣ; «дружко» разстилаетъ передъ налоемъ «ручникъ» (полотенце), кладя подъ него «троякъ» ($1^1/_2$ коп.), и становитъ на немъ молодыхъ для вѣнчанія. Какъ „ручникъ", такъ и деньги употребляются при этомъ для того, чтобы молодые были богаты. Кромѣ того, при вѣнчаніи наблюдаютъ много другихъ примѣтъ, по которымъ предугадываютъ судьбу новобрачныхъ; такъ, неровное горѣніе свѣчей въ рукахъ молодыхъ - нехорошій признакъ, потухнетъ свѣча—скорая смерть, кто первый станетъ на полотенце или наступитъ какъ-будто невзначай другому на ногу, тому быть главой и т. п. Изъ церкви молодые выходятъ уже вмѣстѣ, держась за концы краснаго платка, служащаго символомъ ихъ соединенія. Отъ вѣнца женихъ обыкновенно отвозитъ молодую въ ея домъ, а не къ себѣ. Ѣдутъ, конечно, съ музыкой и соотвѣтственными пѣснями:

97. Подіакуймо Богу 2.
И ксёндзови своёму,
Що насъ звинчіавъ, немвуого взіавъ—
Сто злоты чирвоны. (*нап.* № 1, *ст.* 3 *по б или по в* (*первые* 2 *такта*).

98. Мы въ церковци были, 2.
Богу ся молили,
Предъ ясными сьвичіами
Двое людіей звинчіали (нап. № 1).

99. Звинчіали Ясюля, 2.
Звинчіали молодого,
Роду великого,
Ойца й матки богатого (*нап.* № 1)
Село великое и пр. (см. п. 39).
Віетрець повивае и пр.
Марыся одъ шлюбу йіеде и пр. (см. п. 92).
Ой не віей, віетре, вгору и пр. (см. п. 93).

100. 1. Ой не віей, віетре, вгору, 2.
Повіей дорогою,
Нехай батенько чуе,
Нехай ся приготуе:
2. Нехъ столы засьцилае. 2.
Пшенны хліебъ накладае,
Міедъ-вино наливае.
Бо ся дитіати сподивае. (*нап.* № 1. [1]).
Йіехала Марыся одъ винціа,
Сыпала золотомъ съ папéрця [2]);
2. За вю батенько ступае,
Щіере золото зьбирае.
3. Не зберешъ, батеньку, не зберешъ —
Свойими слюзками обольешъ. (*нап.* № 4. *б.*).

Подъѣзжая къ дому невѣсты, даютъ знать о возвращеніи:

102. 1. Выйди, матюнко, съ коморы,—
Прійіехало твое дитіа зъ дороги;
2. На біелумъ ручничку стояло,
Усю правдоньку сказало (*нап.* № 4. *б.* [3]).

Войдя во дворъ, новобрачные останавливаются снаружи у порога. Мать молодой выходитъ къ нимъ и подноситъ имъ черезъ порогъ на тарелкѣ «пóвницю», т. е. рюмку или стаканчикъ съ виномъ, которое молодые выпиваютъ, а также даетъ кое-что закусить.

Послѣ этого молодой тотчасъ отправляется со своимъ поѣздомъ къ себѣ, а дружина новобрачной остается у нея, и «дружки» поютъ отъ лица новобрачной:

103. Ой матюнко моя, 2
Ой уже я не твоя:
Уже я того пана,
Щомъ ёму присягала (*нап.* №1).

Между тѣмъ какъ у жениха, такъ и у невѣсты готовятся къ обѣду. Пока накрываютъ столъ и усаживаются гости, поютъ пѣсни.

---

[1]) Для послѣдняго стиха въ началѣ предпослѣдн. такта употребить двувязную тріоль: *си, си, ля*, на которую падутъ слоги: *Бо ся ди...*

[2]) Иногда *паперuца* подъ вліяніемъ риѳмы.

[3]) Для слоговъ *тво-е ди...* въ ст. 2 четвертая осьмая, въ предпослѣдн. тактѣ замѣняется двувязн. тріолью: *ре, ре, ми.*

104. Ой не рада нами кухаронька не рада:
Мы зъ дороженьки — не зготовила *обяда* [1])
(*нап.* № 15).

105. Дайте-жъ намъ кола, кола 2.
Обруса до стола:
Марысина (Ясюлёва) родина
Обiедати сiаде (*или* хоче) (*нап.* № 1).

106. Шiаснули обрусами, 2.
Брiазнули ложечками:
Марысина (Ясюлёва) родина
Обiедати сядае. (*нап.* № 1).

107. Поставили ложки, миски, талiерки,
Ой дайте-жъ намъ гороховойи горiелки.
(*нап.* № 5).

Къ столу садятся всѣ участники свадебнаго поѣзда. Подаются парадныя кушанья: борщъ, т. е. щи изъ капусты, горохъ съ саломъ, каша пшенная, жаркое (печéня), колбаса, хлѣбъ съ масломъ, яйца, сыръ, вино, пиво и пр. Къ этимъ кушаньямъ припѣваютъ пѣсни сначала на свадебный напѣвъ; но такъ какъ обѣдъ длится очень долго и выпиваютъ порядочно, то пѣсня мало по малу переходитъ въ шуточную, хотя все-таки примѣняется къ кушаньямъ и выпивкѣ:

108. Ой недобра то капусьциско, недобра:
Не осолёна, не окрашона й не *дрóбна* [2]).
(*нап.* № 5).

109. Ой добрая то капустонька добрая:
И осолёна, и окрашона, й *дробная* [2]).

110. Йiежте, сваткове, моркву, 2.
Не надьтеся на рiепу,
Бо въ рiепи зьвирина, —
Щiерая кобылина (*нап.* № 1)

111. И капуста моя,
И качiане [3]) мое,
И дiевчина чорнобрива
То кохане мое. (*нап.* № 10).

112. То горохъ, то горохъ,
То капусьцицня;
Якъ дiедъ бабы очепитця,
То й непусьцитця. (*нап.* № 10, или № 11).

113. *Nie bende ja barszczu jadla*,
Bo od barszczu bende bladla,
Tylko bende mlieko pila,
To bende sie rumieniła (*нап.* № 12).

114. Кукорожу сыру йiела,
Кукорожа набубнiела;
Нема кому проточити,
Кукорожи наварити. (*нап.* № 13).

115. Пиво мене опушило,—
Горiелочки дайте;
Горiелиця не поможе
Дiевчины шукайте! (*нап.* № 11).

116. Ой хочетця, хочетця,
Що зъ бутелька точитця:
Два килишки у ротокъ,
Щобъ [1]) неболiевъ животокъ. (*нап.* № 14).

117. 1. Вчора горiелка и дзись горiелка,
Будемо пити до понедiелка,
2. Одъ понедiелка ажъ до вувтуорка,
Пуки не зыйде ясная зуорка. (*нап.* № 15).

118. Вытратила сало,
Вытратила крупы
И купила хлопця,
Жебъ лежiавъ у дупы. (*нап.* № 17).

119. *Na kominie zgaslo*,
Do (d)zbaneczka ciasno,
Oj dajcież mnie piwa
Bo mi gardlo zaschlo. (*нап.* № 17).

120 *Ty szklaneczko szklanna* (*или* cklanna),
Srìebrem pokropjana,
Dajże sie przehilic'
Duszyczkie posilic'. (*нап.* № 17).

121. *Muwila malula*
Dlugo sie nie bawic':
Wypic' gorzaleczki
Kieliszek postawic'. (*нап.* № 17).

122. *Kieliszek — braciszek*,
Gorzaleczka — siostra,
Renka przyjaciùolka,
Co do giemby niosla. (*нап.* № 17).

123. *(G)dzie ja pùojde, (g)dzie pojade,—*
Wszendzie mnie dziewczenta rade:
Jes'c' mi dadzo, pic' mi dadzo,
Do lużeczka zaprowadzo. (*нап.* № 12).

124. 1. *Oj wypil, wypil*,
Nic nie zostawil,
Bodaj go, bodaj go
Pambuk blogoslawil!
2. А хто выпивае,
Тому доливае.
Лупу-цупу! лупу-цупу!
Тому доливае. (*нап.* № 18)

Въ концѣ обѣда у молодой поютъ опять по свадебному напѣву одну пѣсню, подъ звуки которой и встаютъ изъ-за стола:

125. 1. Встань, Марысю, не сиди,
Дiакуй батеньку за обiедъ.
За обiедъ, за солодки мiедъ,
За зелёное вино.

---

[1]) Вм. *обѣда*, [2]) Вм. *друбная* } подъ влiянiемъ риѳмы, полонизованныя слова.
[3]) Иногда *качане* подъ влiянемъ 4-го стиха (кохане).

[1]) *Или:* жебъ (поль. *żeby*).

2. *Jakže ja mam dzien'kowac',*
Kiedy mnie nie chco družbowac'.
За обieдъ, за солодки мieдъ,
За зелёное вино. (*нап.* № 4) [1]).

Послѣ обѣда небольшой отдыхъ, потомъ музыка и пляска; если позволяетъ погода, пляшутъ во дворѣ, а иногда и на улицѣ, при томъ не одни свадебные гости, а со всей деревни сходится молодежь.

Къ вечеру «убираютъ коровай». У жениха этимъ занимаются «свашки», а у невѣсты — «дружки» и «присвашки».

Прежде всего обращаются въ пѣснѣ къ брату жениха (или невѣсты) съ просьбою, чтобы онъ принесъ коровай изъ «коморы» въ избу:

126. 1. Ой выдай, братику, коровай,
Ой выдай зъ новойи коморы,
2. Ой выдай на тисовы столы,
Ой выдай на кружiасты обрусы! (*нап* № 6).

Коровай кладутъ предварительно въ большой коробъ, застланный «обрусомъ» (скатертью) подъ который иногда подстилаютъ немолоченную рожь; кругомъ коровая разставляютъ у стѣнокъ короба цѣлый снопъовса; крышка отъ квашни (вieко) въ этомъ случаѣ рѣже употребляется,хотя въ пѣсняхъ и часто говорится объ ней. Братъ вноситъ коровай съ коробомъ въ избу, оборачивается съ нимъ три раза кругомъ по солнцу и ставитъ на столъ; затѣмъ отправляется на дворъ, отламываетъ верхушку молодого вишневаго дерева [2]) и приноситъ ее «дружкамъ» или «свашкамъ»; тѣ, воткнувъ ее въ коровай посрединѣ, украшаютъ ее стебельками руты, «зелимозины», кистями калины, яблоками, орѣхами, цвѣтами, ленточками и т. п., привязывая все это къ вѣточкамъ. Эго называется «*коровай убирати*». Конечно, это не что иное, какъ видоизмѣненіе и пріуроченіе къ другому времени общеупотребительнаго обычая—вить «вильце»; но хотя украшаютъ собственно деревце, тѣмъ не менѣе само оно не имѣетъ здѣсь самостоятельнаго значенія, а служитъ лишь украшеніемъ коровая; и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поются, говорится о коровaѣ, какъ о виновникѣ торжества:

127. 1. Сьвити, мiесецю, сонцёмъ 2.
До хаты оконцёмъ,
Де коровай вбираютъ,
Тамъ хороше сьпиваютъ.
Перша квiетонька—молоды(—*á*)Ясюлё (Марыся).
2. Сьвити, мiесецю и т. д. (ср. пѣс 1) (*нап.* № 1).

Тутъ поются съ такимъ же измѣненіемъ пѣсни: 2 и 3 и варіантъ пѣсни 5 (ср. 11):

[1]) Для 3-го стиха каждой строфы въ началѣ 5-го такта употребляется пауза, равная осьмой.

[2]) Вишневые садики имѣются почти при всѣхъ избахъ.

128. 1. Ой ярая пшенице,
Ой буялась, буяла
На чистенькому поли,
На жорновумъ камени,
На буковуй копани,
На клёновуй лопати.
2. Теперъ будешъ буяти 2.
На столie тисовому, 2.
При винie зелёному. (*нап.* № 1, ст. 5 по *а*);

а затѣмъ идутъ другія пѣсни, относящіяся спеціально къ этому случаю:

129. Гнieвалися вишни [1])
На красные панны,
На мужнiе жоны,
Що йихъ обламали—
Коровай убирали. (*нап.* № 1)

130. Зелёны барвинку 2.
Трималамъ въ пувскрынку.
А теперъ вымаю
Коровай убираю. (*нап.* № 1)

131. Коровай на вieци, 2.
Надъ йимъ Памбугъ сьвieци;
Пудъ короваёмъ жито,
Обрусомъ накрыто (*нап.* № 1)

132. На нашумъ короваю 2
Сады зацьвитаютъ:
Вишнie, якъ черешнie,
Винные ягодоньки (*нап.* № 1)

Украшенный такимъ образомъ коровай передаютъ опять «брату», который уноситъ его обратно въ «комору» въ сопровожденіи пѣсни: «Коровай до схованя» и пр. (см. п. 20.)

Вскорѣ послѣ этого бываетъ ужинъ, а затѣмъ веселіе, музыка, пляска, шутки продолжаются до поздней ночи, а иногда и вплоть до утра. Вообще почти вся свадебная дружина остается и на ночь какъ у жениха, такъ и у невѣсты, особенно въ теплое время года, когда можно спать, гдѣ попало.

в) «*Понедieлокъ*» (понедѣльникъ).

На другой день утромъ у молодого, немного спустя послѣ завтрака, «братъ», по призыву извѣстной уже пѣсни: „Ой выдай, братику, коровай" и пр. (п. 126), опять приноситъ убранный наканунѣ коровай изъ «коморы» въ избу для дѣленія. Коровай ставится на столѣ, за которымъ сидятъ родители молодого и родственники. «Дружко» становится посреди избы съ молодымъ и отъ имени послѣдняго держитъ рѣчь, въ которой проситъ сидящихъ за столомъ благословить коровай для раздѣленія его между участниками свадьбы: «*Panie ojcze j pani matko, stryji j wuji, bracia j siostry i cala rodzina!*

[1]) Въ обыден. рѣчи—вишнie, см. п. 132.

Oto wasze dziecie wstompiwszy do stanu małżenskiego, do majestatu Boskiego kłaniało sie najprzud Bogu najwyższemu w Truojcy swienty [1]) *jedynemu wam też* [1]) *bedzie sie kłaniać, ojcze j matko, stryji j wuji, bracia j siostry i cała rodzina, żebyście łaskawi byli i ten marcypan pobłogosławili!*» Эта рѣчь повторяется три раза и молодой, какъ бы въ подтвержденіе словъ «дружка», за каждымъ разомъ обходитъ всю родню въ порядкѣ старшинства съ поклонами подъ звуки пѣсни:

133. 1. Поклонися, Ясюлю,
Поклонися, молоды,
Черезъ стуолъ до батенька,
Черезъ стуолъ до руодного.
2. До билесенькихъ нуожокъ,
До друбнесенькихъ стуожокъ.
За коровай, за марцыпанъ [2]) 2.
3. Поклонися и пр.
Черезъ стуолъ до матюнки,
Черезъ стуолъ до руоднойи пр.
5. Поклонися и пр.
Черезъ стуолъ до родины и пр. (*нап.* № 7),, *см. п.* 54.

(Сиротѣ:) Ой кому ты ся, молоды Ясюлю, кланяешъ и т. д., см. п. 56.

По окончаніи поклоновъ всѣ встаютъ, и за столъ садится молодой одинъ. Передъ нимъ на столѣ ставятъ большую шайку (ріажку) съ пивомъ, и онъ, обвернувъ руку въ платокъ, пьетъ къ каждому, кто принадлежитъ къ свадебной дружинѣ, и къ почетнымъ гостямъ, а тѣ, выпивая за его здоровье, даютъ ему деньги (отъ $1^1/_2$ коп. до 1 рубля); нѣкоторые изъ гостей пьютъ водку вмѣсто пива; при этомъ не въ обычаѣ дарить молодому скотъ, платье и т. п. Эта церемонія называется «перепуой». Когда подходятъ «перепивати» родители и ближайшіе родственники, «дружко» говоритъ нѣсколько разъ слѣдующее: «*Oto przepija pana młodego ojcieć* (потомъ *matka*, *brat*, *siostra* и т. д.) *winem, chlebem, skarbem i jak najlepszym pomieszkaniem*». Музыкантъ тотчасъ принимается пилить особеннымъ образомъ «на-виватъ», стараясь изобразить на скрипкѣ такой звукъ, какой слышится при переливаніи жидкости въ посудину съ узкимъ горлышкомъ [3]). Въ то-же время поютъ пѣсню 124, повторяя ее нѣсколько разъ въ разномъ темпѣ. «Дружко», стоя у стола, «дієлитъ коровай»: сначала онъ вырѣзываетъ изъ средины изображеніе мѣсяца, разрѣзываетъ его на двѣ половинки, которыя молодой прячетъ для родителей новобрачной; остальной коровай дѣлится на кусочки, которые сваты разносятъ на тарелкахъ тѣмъ, кто «перепивалъ; нижняя же корка (пудошва) вся достается «музыкѣ».

134. Дружко коробай крае, 2
Золоты ножикъ мае,
Срієбную таруолочку
Билюсеньку ручку. (*нап.* № 1)

135. Дружко коровай дієлитъ, 2.
Самъ собіе не вієритъ:
То въ ротъ, то въ кишеню,
То жуонци на вечеру. (*нап.* № 1).

136. Дружко коровай крае, 2
Семеро дитієй мае;
Пришли дієти съ торбами,
Всень коровай забрали. (*нап.* № 1).

137. Дружко коровай ріеже, 2
Ажъ ёму зъ носа ліезе:
Сватковe, приступіете
Дружкови нуосъ утріете! (*нап.* № 1)

Свашки:

138. Мы пшеницю пололи 2.
Руки покололи
Самы ся догадайте
Намъ коровая дайте! (*нап.* № 1.)

Послѣ „перепоя“ и по раздѣленіи коровая, вся компанія молодого отправляется вмѣстѣ съ нимъ къ молодой, гдѣ ихъ встрѣчаютъ пѣснею:

139. Що то наленуло?
Чи зъ міеста мищіане?
Чи зъ села селіане?
Усе-жъ то прибуорные,
Якъ братики руодные. (*нап.* № 1)

Уже въ началѣ этой пѣсни звучитъ недружелюбное отношеніе къ поѣзжанамъ молодого, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы взять молодую. Далѣе уже говорится прямо о битвѣ изъ-за дѣвушки:

140. Найіехала литва 2.
Буде зъ нами битва,
Будемъ ся воёвати,—
Марыси не давати. (*нап.* № 1).

Настоящей битвы, правда, не бываетъ, но между враждебными сторонами, молодого съ одной стороны и молодой съ другой,—завязывается очень упорная перестрѣлка сатирическими пѣсенками, насмѣшками, которыя иногда переходятъ въ сальности. Со стороны молодой выступаютъ защитницами ея «дружки», а ихъ ярыми противницами оказываются «свашки», которыя сгораютъ нетерпѣніемъ видѣть поскорѣе дѣвушку «бабою» (замужнею), а также сваты, какъ дружинники молодого.

[1]) Узкое *e* слышится наравнѣ съ *y*, но также часто можно слышать и *e* чистое. Передъ j *e* не только съуживается, но и сокращается иногда вмѣстѣ съ нимъ въ *y*, при чемъ на выборъ полной или сокращенной формы отчасти вліяетъ соотвѣтственная малорусск. форма.

[2]) Этотъ стихъ (съ повтореніемъ) поется по напѣву № 8. *e*. „Марцыпанъ“ – печенье, пирожное.

[3]) Ср. нѣчто подобное у Kolberga, Lud etc. II, 74, № 83.

Свашки: 141. На печіе дружки спали, 2.
Калюжку насьціали,
А ты, дружку, плети стужку, —
Вынось тую калюжку! (*нап.* № 1 см. *б.*).

Дружки: 142. Летіела свашка ровомъ, 2.
За ею сучка тромомъ;
Вона думала, що мати, —
Зачала сучку ссати. (*нап.* № 1).

св.: 143 На печіе дружки спали, 2.
Калюжку насьціали,
Сваткове, приступіете,
Калюжку зберіете! (*нап.* № 1).

др : 145. Скочила свашка зъ воза. 2.
Ступила на керноза;
А кернозъ гицу, гицу! —
Роздеръ свасьци спудницю. (*нап.* № 1).

св.: 145. А въ нашейи дружки, 2.
Цицьки якъ подушки:
Цицькою порося вбила,
Пернула й осмалила,
Сикнула й обтокнула (*нап.* № 1. ст. 4 по *а*).

др.: 146. Далисьте намъ догану, 2.
Самы лієзьте пудъ лаву. (*нап.* № 1. *съ пропускомъ* 3 и 5 *тактовъ*).

св.: 147. Далисьте намъ причину, 2.
Самы йієжте печину! (*какъ пред.*) [1])

др.: 148. Ласа сванечка, ласа 2.
Вхопила кавалъ мяса;
Жебъ бывъ не Данило,
То было бъ удавило. (*нап.* № 1).

Свашки не находятъ, что отвѣчать. Дружки продолжаютъ свое:

149. Ніемы сванечки, ніемы, 2.
Що солодины йієли;
Дайте йимъ браги пити,
Жебъ уміели говорити. (*нап.* № 1).

св.: 150. Пудъ піечъ, друхници, пудъ піечъ, 2.
Зъ мышами воёвати,
Не сванечкамъ сьпивати! (*нап.* № 1 *съ пропуск.* 3-го *такта*).

Достается отъ «дружокъ» точно также и мужчинамъ, особенно сватамъ, которые, конечно, тоже не остаются безъ отвѣта:

Дружки:

151. На городи конынбель (?),
Бери хлопци погибель!
На городи шалата,
Роди Боже дивчіата! (*нап.* № 14).

Сваты:

152. На городи корыто
Повне воды наліето:
Хлопци ноги (пупы, яйця) помыли,
Діевки воду выпили (*нап.* № 14).

«Дружки» повторяютъ то-же съ соотвѣтственными измѣненіями, а потомъ:

153. Якъ у насъ, такъ и въ васъ
По полю кропивка,
По шелягу молодець,
По сто злоты (хъ) діевка (*нап.* № 11 [1]).

Сваты поютъ то-же въ примѣненіи къ «дружкамъ». Когда запасъ взаимныхъ остротъ и насмѣшекъ истощится, вражда мало-по-малу утихаетъ. Этому способствуютъ между прочимъ пріѣхавшія съ молодымъ «свашки»; онѣ, чтобы задобрить ссорящихся, сыплютъ отъ времени до времени въ толпу по горсти гостинцевъ: орѣхи, тыквенныя сѣмена (ядра), кусочки сыра, коровайныя шишки и т. п.; у болѣе зажиточныхъ при этомъ попадаются и денежки. Если «свашки» скупы на гостинцы, то имъ поютъ:

154. Казали свашка богата, 2.
А вона й не богата:
Сырами окалалася,
Пирогами пудперлася (*нап.* № 1).

Но въ концѣ концовъ наступаетъ полное примиреніе, что заявляется пѣснею, хотя и не безъ остроты:

155. Прийіехала свашка зъ Люблина,
Привезла пирога й сыра:
Дай-же юой, Боже 2.
Хорошого сына (*нап.* № 4).

У молодой всѣ и обѣдаютъ въ этотъ день, причемъ еще съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ во время воскреснаго обѣда, поются приведенныя выше пѣсни: 105—125 и др.

Послѣ обѣда слѣдуетъ обычная церемонія поклоновъ молодыхъ, «перепуой», дѣленіе корована молодой, — все такъ-же, какъ происходило утромъ у молодого, (см. выше), съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь кланяются оба молодые, садятся за столъ также оба, «перепиваютъ» къ невѣстѣ всѣ, начиная съ молодого, который также даетъ ей при этомъ деньги; при дѣленіи же корована только та особенность, что «дружко», вырѣзавъ мѣсяцъ, дѣлитъ его пополамъ между молодыми. См. относящіяся сюда пѣсни: 126, 124, 56, 133—138. Но надо замѣтить, что «перепиваніе» у молодой имѣетъ нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ у молодого: тутъ присоединяется то понятіе, что отецъ

---

[1]) Иногда пѣс. 146 и 147 г. соединяются въ одну, которая поется подобно прочимъ (безъ повторенія 3-го стиха) сначала дружками, потомъ повторяется и свашками.

[1]) Здѣсь иногда поются также помѣщенныя ниже пѣсни: 196, 259—261, 271.

съ матерью и со всею роднею какъ будто пропиваютъ родную дочь чужимъ людямъ; соотвѣтственно этому, во время «перепоя» у молодой поются еще и особыя пѣсни, кромѣ вышеуказанныхъ:

156. 1. Ой прійіехали запиваночки —
Марыси запивати;
Привезли воны бочку медочку—
Батенька частовати,
А горіелоньки дьвіе баріелоньки—
Для всейи [1]) родиноньки.
2. Ой прійіехали и т. д. (съ нач.)...
Матюнку частовати и пр. (*нап.* № 2 *съ повтореніемъ 2-й половины*).

157. 1. Чомъ ты, зазуле, не заковала,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ ты, Марысю, не заплакала,
Якъ тебе запивали?
2.—Ой я думала молоденькая,
Що то въ картоньки грають;
Ой а то мене молоденькую
Міедъ-виномъ запиваютъ (*нап.* № 2).

158. 1. Ой чи ты рада, Марысю,
Що тебе батенько запивае;
2. Тебе батенько запивае,
Сваткамъ-буярамъ оддае;
3. Сваткамъ-буярамъ на руки,
А Ясюлеви на віеки.
4. Ой чи ты рада, Марысю,
Що тебе матюнка [2]) запивае и т. д. (*нап.* № 8, *в*).

Послѣ дѣленія коровая, у молодой продолжается несмолкаемое веселье до поздняго вечера. Музыка играетъ почти безостановочно, пляшутъ до упаду, веселыя, подчасъ фривольныя пѣсенки, коломыйки и особенно польскіе краковяки заглушаютъ иногда музыку и подъ аккомпанементъ пѣсенъ продолжаются танцы; пѣсня то осмѣиваетъ танцующихъ и музыкантовъ, то съ веселой ноты поворачиваетъ на грустную и опять обратно. Вотъ пѣсни, которыя поются при этомъ, но которыя можно услышать кромѣ того въ разное время свадьбы, равно какъ и помимо свадьбы; большинство изъ нихъ народъ даже не считаетъ пѣснями, а отзывается о нихъ, что это такъ себѣ «руозны выдридупци» [3]).

159. Кліещъ бубнитъ, кліещъ бубнитъ,
А муращка гуде,
Вошъ плаче, вошъ плаче,
Гнида за-мужъ иде,
Блоха скаче—радуетця,
Що невіестка буде (*нап.* № 10. *см. вар.*)

160. Танцёвала рыба зъ ракомъ,
А петрушка съ пестернакомъ;

[1]) *Или* всейіе.
[2]) См. выноску 2 къ пѣс. 58.
[3]) Ср. польск. vulg. „wyrwasy“.

А цибуля дивовала,
Що петрушка танцёвала (*нап.* № 13 или № 12).

161. Танцёвала Михалиха зъ Михалёмъ
И згубила штыри гроши [1]) зъ михеромъ [2])
. . . . (*нап.* № 30).

162. Танцёвала Фрейда
И панъ Боруховски, [3])
И попова сьвинія,
И кернозъ жидовски. [3]) (*нап.* № 19).

163. *Tan'cowała Magda,*
Tan'cował i Grzegorz;
Jak uderzył w dupe nogo,
(W)ona müowi: czegoś?... (*нап.* *№ 19*).

164. *Małgorzata tan'cowała,*
Przyszła matka—nauczała:
To po dupie, to po udzie:—
— Tan'cuj, curko, jak i ludzie (*нап.* *№ 12*).

165. На городи (*v* дорози) калюжа,
Моя жуонка недужа
Де горіелку зачуе,
То й въ калюжи ночуе. (*нап.* № 14).

166. Ой Боже муой, Боже муой,
Якъ хороши, той не муой:
Памбугъ воли не дае,—
Нихто за-мужъ не бере. (*нап.* № 14).

167. 1. Ой паненко, паненко,
Болитъ мене серденько,
Болитъ мене и душіа, [4])
Що паненка хороша.
2. Де паненка стояла,
Тамъ травиця буяла;
Пошовъ травы косити,
Зачіавъ панны просити... (*нап.* № 14).

168. *O dali że, abyś' müog,*
Nie żaluj że mojich nüog:
Moje nogi stalowe,
Do taneczku gotowe...
— Moje nogi żelazo,
Ty dziewczyno zarazo (*нап.* *№ 14*, *съ повтор. 2-й половины*).

169. *O muoj bracie rodzony,*
Mieniajmy sie na żony:
Twoja cienka j wysoka,
Moja slepa, bezoka. (*нап.* *№ 14*).

170. *Chodzi sobie po lesie*
J pyta mnie co niese,
A ja niosła zajonca

[1]) *или*: три шеляги.
[2]) *михеръ* здѣсь знач. кисетъ изъ свиного пузыря (слово производное отъ *мѣхъ*, мѣшокъ; въ древнерусскихъ рукописяхъ *мѣхиръ* въ значеніи мужского члена).
[3]) польскія формы на—*овски* вм. малор. на—*уовськи*.
[4]) и *душа*, въ рпему.

Za pultora tysionca...
Ia chwartuszek pudniosla,
Pokazala, co niosla. (*нап. № 14 съ повтор. 2 половины*).

171. Ой матулю, умираю:
Нема того, що кохаю;
Ой пудїете, приведїете,
Коло мене положїете. [1]) (*нап.* № 12).

172. *Nie bende na lúozku ležal,*
Bo ja nie kamien', nie kamien';
Pojade ja do dziewczyny,
Bo ja kawaler, kawaler. (*нап. № 12*). [2])

173. *Moja Maniu chod'my dodom,*
Bo sie z tobo nie nagadam,
Nie nagadam. nie nastoje,
Bo sie ojca z matko boje, (*нап. № 12*).

174. 1. *Oj jak teras, tak i loni,*
Byli jabka na jabloni,
Byli wienksze, [3]) *byli male,*
Korniczanki wszystko stare,
2. *Walimjanki mlodziusien'kie,*
Jako pjawki cieniusien'kie:
Kto obymie, pocaluje—
Caly roczek oblizuje (*нап.* № 12).

175. *Krakowiaczek to filucik,*
Pocalowal i sam uciék;
Ty, dziewczyno, sama(s') winna:
Busi dawac' nie powinna. (*нап.* № 12).

176. *Z'eby(m) ja mjal takie žone,*
Coby jadla sieczkie slome,
Tobym Pana Boga prosil,
Koneweczko wode nosil. (*нап.* № 12).

177. 1. *Oj sionde ja na galora,*
Przeplyne ja dwa jeziora,
Dwa jeziora, dwa stawiska,
Ty, dziewczyno, daj mnie pyska.
2. *Oj ty pyska nie odbierzesz,*
Trzewiczyska za to wez'miesz
Rom-ta-ra-da dra-di-ra-da
Trzewiczyska za to wez'miesz. (*нап.* № 12).

178. 1. *Ach múoj Bože jak to bywa*
Nie jedna panna zradliwa;
A ja takie panne znalem,
Co sie nie raz z nio kochalem.
2. *I kupil jej podareczek*
Za dukata piers'cioneczek;
Jak ten podareczek brala,
Bardzo slicznie dzien'kowala:
3. *«Ach múoj Jasiu, jak ty grzeczny,*
Podareczek dostateczny;
Schowam go dla polityki,
Kup, Jasiu, jeszcze j kulczyki».
4. *Ja do mjasta pojechalem*
J kulczyki stargowalem,
Ale przywjúozszy do domu
Oddalem jej pokryjomo.
5. *Tylko przeszlo niedziel pare,*
Muwili kobiety stare,
Ze już u mojej dziewczyny
Bendo jutro zarenczyny.
6. *Bodaj že ty kata jziadla* (*v. zjadla*).
Na cos' podarunki brala?
«Glupi daje, mondry bierze,
Już tobie, Jasiu, nie wierze». (*нап.* № 12).

179. 1. *Matulu, matulu,*
Chowaj że mnie, chowaj:
Podobno [1]) *przyjedzie*
S pud Warszawy kowal.
2. *Matula chowala,*
Kowala nie widac',
Musiala dziewczynę
Za rolaka wydac'. (*нап.* № 19).

180. *Jeden poszed na plis,*
Drugi na zajonce,
Trzeci koni pasie
Na zielonej lonce. (*нап.* № 19).

181. 1. *Oj nie chodź že nie chodz',*
Kiedy ja sam chodze:
Nie tak ty dogodzisz,
Jak ja sam dogodze:
2. *Ja drzewa narombie,*
J wody nanosze;
Jak jo w dzien' rozgniewam
To w nocy przeprosze. (*нап.* № 19).

182. 1. *A po co ty przyszed,*
A po co ty wlaz, wlaz?
Panny cie nie lubjo—
Bjale wonsy masz, masz
2. *Kup se koperwasu,*
Posmaruj [2]) *zawczasu,*
Z'eby czarne byli,
By [3]) *panny lubili.* (*нап.* № 19).

183. 1. *Nie bende sie zenil,*
Nie bende sie kwapil,
Bende przypatrywal (или: *Boga prosil*)
Bym na dobro trapil,
2. *Natrapil, natrapil*
Na takiego gnoja,

---

[1]) или: *посадїете.*
[2]) Тутъ, поется также пѣс. 123 и другія изъ приведенныхъ выше, того-же напѣва.
[3]) вм. *en* здѣсь слышится часто н е носовое передъ к. Въ словахъ: обценїи (клещи), юнлити (говорить въ носъ) и т. п. вошедшихъ въ употребленіе у здѣшнихъ малоруссовъ, точно также носовая гласная часто сохраняется передъ горт. к (тверд.).

[1]) или podomno.—[2]) или poszmaruj.—[3]) или żeb.

Co mnie zawalila
Polowe pokoja.
3. *Polowe pokoja*
J polowe sieni:
Bende Boga prosil,
Z'eb jo diabli wzieli. (*нап.* № 19).

184. *Dziewulu, dziewulu,*
Trochieś urodliwa,
Ale do roboty
To bardzoś leniwa. (*нап.* № 19).

185. *Ozenilem sie, to chwala Bogu,*
Wziolem dziewczyne dobrego rodu,
Dobrego rodu, pie(n)knego chodu,
Nie umiala robić,—umarla z glodu. (*нап.* № 23).

186. 1. *Zalecalem sie pudlaszaneczce,*
Stracilem konika na gorzalecsce,
Stracilem konia, przepilem wola,
Pudlaszaneczka nie bendzie moja.
2. *Ożenilem sie tam na Mazowszu,*
Dali mnie posag—dwa garce owsu,
Dwa garce owsu i torbe siecki,—
Taki to posag jest mazowiecki.
3. *Dali mnie dali, co mieli dawać,*
Stare krowisko, co niechce wstawać:
Co ja pudwjode, ona sie wali,
Oj coż ja poczne s to krowo dali?
4. *Stare kobylsko do mnie przywiedli,*
Wyszla za wrota,—wilcy jo jziedli (*v. zjedli*).
Oj Janie, Janie, zakladaj konie,
A jedź po posag tej mlodej żonie.
5. *Jakiż to posag tej mlodej żony:*
Trzy wozy rogozy i wjonska slomy,
J wionska slomy [1]), *i korzec maku*
Oddali posag wszystek do znaku. (*нап.* № 23).

187. *Korzec maku* [2]) *wjonska siana—*
Caly posag Kujawjana;
Cztyry syry, (d)zban maslanki—
Caly posag Kujawjanki. (*нап.* № 12).

188. Чи я тобіе не наказала,
Дурны Гарасиме:
Не бери ты богатойи,
Нехъ богата (з)гине.
2. Богатая—рогатая,
Щей до того пышна;
Убогая—хорошая,
Якъ у саду вишня. (*нап.* № 11).

189. Нащось бравъ, коли(сь) знавъ
Мене невеличку,
Мене мати годовала,
Якъ перепеличку. (*нап.* № 11).

[1]) или: Para koni.
[2]) или: siana.

190. Нащо [1]) мене, мужу, бьешъ (*v.* б'ешъ).
За якіе вчинки?
Чи я тобіе не напріала
За руокъ два починки?
2. Не сама жъ бо я йихъ пріала—
Пріали помужвици,
То за хлiебъ, то за суоль,
(или: То за горохъ, то за сало),
То за сачевицю
(или: То за нагавици) (*нап.* № 11).

191. 1. На горіе комаріе,
На долини гуси.
Ой ни(г)де жъ я не пуйду,
Оно до Гануси;
2. А въ Гануси слодки буси,
Малёваны двери;
Проситъ мене Ганусенька
Къ собіе до вечери.
3. А въ Гануси слодки буси
Смоляные [2]) лавки:
Ой якъ сіевъ--прикипіевъ,
Вечерати не схотіевъ. (*нап.* № 11).

192. 1. Ой хто ходитъ по долини,
А я по писочку;
Ой хто любитъ далекую,
А я сусіедочку.
2. А я тую далекую
Людюмъ [3]) подарую,
А до свойіе сусіедочки
Той самъ помандрую.
3. А у тойіе далекойи
Волы той коровы,
А у мойіе сусіедочки
Той чорные бровы. (*нап.* № 11).

193. *A kto chodzi na pudeszwie,*
A ja na cholewie,
A kto sluży Panu Bogu,
A ja świentéj Ewie. (*нап.* № 11)

194. Пошовъ дiедъ по грибы,
Баба по опеньки;
А дiедъ свойіе посушивъ,
Бабины сыреньки. (*нап.* № 11)

195. Пудъ коменомъ огонь клала,
На комени жіаръ, жіаръ;
Одинъ веде за рученьку,
А другому жіаль, жіаль. (*нап.* № 11).

196. Тамъ пудъ мостомъ рыба съ хвостомъ—
Трудно изловити;
А въ Корници брыдки хлопци—
Трудно йихъ любити [4]). (*нап.* № 11).

[1]) Или: За що.—
[2]) или: смуляные.—
[3]) или: людямъ, людёмъ.
[4]) То-же поютъ парни, замѣняя слово «хлопци» словомъ «панны» или «дiевки» (въ обыд. рѣчи «дивкй»).

197. Скрипливые ворота,
Нiетъ кому пудперти;
Кого люб'ю, не забуду
До самойи смерти. (*нап.* № 11).

198. Чи ты чула, чи не чула,
Якъ я тебе кликавъ,
Якъ я тобiе кукорожу
Мижи ноги [1]) тыкавъ. (*нап.* № 11).

199. Рубай, рубай, тату, дрова,
Я буду лучину.
Люби, люби, тату, маму,
Я буду дивчину [2]). (*нап.* № 20).

200. 1. Голубъ сивы, голубъ сивы,
Голубка сивiейша;
Батько милы, мати мила,
Дiевчина милiейша:
2. Я зъ матеру посваруся,
Гриху наберуся,
Зъ дiевчиною лiажу спати—
Не наговоруся. (*нап.* № 30).

201. Ой матулю, матулю,
Люб'ятъ мене хлопци:
Даютъ гроши по таляру,
Жита по коробци (*нап.* № 20).

202. Чого въ тебе, чеперухо,
Черево трасетця?
Выпусьць конiа на пульвинокъ,
Нехай напасетця (*нап.* № 20).

203. 1. Не ходи по полю,
Не зьбирай куколю;
Не моргай очима,
Не твоя дивчина.
2. Не рубай лищинки,
Нехъ орiешки родитъ;
Не бери дивчинки,
Нехъ собiе походитъ (*нап.* № 21).

204. 1. Не стойй [3]) за окномъ,
Не траси рукавомъ:
Якъ я буду мiети чiасъ,
То я выйду до васъ.
2. Ни за хлiебъ, ни за суоль,
Ни за кварту муки,
Ой за тое, ой за тое,
Що кохаю дворaки (*нап.* № 10).

205. Ой Семене, Семене,
Не ходи жъ ты до мене,
Бо у мене чорны песъ:
Якъ укуситъ, то й умрешъ (*нап.* № 14).

206. 1. Не ходи до мене,
Не залицiайся:
Не пуйду за тебе,
Не сподивайся.
2. Не ходи дармо
И не трать грошы:
Не пуйду за тебе,
Бось не хороши (*нап.* № 15).

207. 1. Ой голя, быцю,
На сачевицю,
Заросила(м)ся
По поясицю.
2. Заросила(м)ся,
Бо роса была;
Полюбивъ хлопчина—
Хороша была.
3. Вуонъ мене любивъ,
Я не любила;
Справивъ мнiе сукенку,
Жебемъ ходила.
4. Жебемъ ходила
Що недiелёньку,
Жебемъ споминала
Що годиноньку.
5. Вуонъ мене спомене
Волы пасучи,
Я его спомену
Воду несучи.
6.—Десь муой миленьки
Волики пасе,
—Десь мое серденько
Водицю несе (*нап.* № 15).

208. 1. Ой въ саду вишни [1])
Похилилися, 2.
Марыся й Ясюлё [2])
Полюбилися.
2. Пойiехавъ Ясё
На полёване
Покинувъ Марысю
Якъ малёване.
3. Прiйiехавъ зъ ночи,
Коло пувночи,
Застукавъ въ оконце,
Заплакавъ очи.
4. Марыся встала,
Такъ якъ [3]) не спала,
Протерла оченьки
Й поциловала.
5. —*Marysiu moja,*
Napùoj mnie konia.
—*Nie bende pojiła*
Nie żona twoja.
6. —*Chociaž nie żona,*
Ale dziweczka:

[1]) Или „зубы".
[2]) Въ обыд. рѣчи «дiевчину», ср. слѣд. пѣс.—
[3]) вм. стуой, по требованiю напѣва.

[1]) вм. вишнiе.
[2]) Или: зъ Ясюлёмъ.
[3]) Или: Якъ бы.

Zaprowadź konika
Do jezioreczka.
7. *Kůon' wode pije*
Kopytem bije:
Uciekaj, Marysiu,
Bo cie zabije.
8. *— Oj niechaj bije,*
Niechaj nie bije
Mam ładne chusteczkie,
To sie nakryje. (*нап.* № 16 [1]).

209. Тамъ коло млива
Стойить калина,
Тамъ тая дивчина,
Що мене любила.
2. Не такъ любила,
Якъ жіаловала:
Купила коника
Й подаровала.
3. А тонъ коничокъ
Сивъ, невеличокъ
Выдоптавъ стежечку
На пастуовничокъ.
4. *Nie tak wydeptał,*
Jako wykosił;
—Pamientasz, dzieuczyno,
O com cie prosił?
5. *Ja(m) ciebie prosił*
O pierścioneczek,
Ty mnie darujesz
Z ruty wjaneczek (*нап.* № 15).

210. 1. Ой знати, знати,
Хто не жонаты: 2.
Біелее личенько,
Якъ у паніати [2]).
2. Ой знати, знати,
Якъ хто жонаты: 2.
Згорбився, скулився,
Якъ песъ кудлаты.
3. Ой знати, знати,
Хто любитъ руську 2.
Выдоптавъ стежечку
Черезъ петрушку:
4. Ой знати, знати,
Хто любитъ польку: 2.
Выдоптавъ стежечку
Черезъ фасольку [3]).
5. Ой знати, знати
Хто кого любитъ: 2.
(В)озьме за шію,
Ще й приголубитъ (*нап.* № 16).

211. 1. Ой мати, мати,
Жоміеръ у хати; 2.
Стукае, пукае—
Не дае спати.
2. Ой доню, доню,
Не будь дурною:
Ви того жоміера
Хочъ коцюбою (*нап.* № 16).

212. 1. Ой Ясю, Ясю,
Въ кого ты вдався?
Переплывъ ріеченьку
А не вмывався
2. Якъ переплыну,
То й умыюся;
Съ тобою, діевчино,
Наговоруся. (*нап.* 15 или 16).

213. *Od pien'ka do pien'ka*
Ch(w)ojinka ros'nie,
Zaczekaj Kasien'ku,
Půoki dorosne (*нап.* № 15).

214. 1. *Chodzi po sieni*
W sukni zielony:
— Oj zaczekaj, můoj Jasien'ku (?),
Chocz do jesieni.
2. *— Oj jakiž ty pan,*
Co ja czekać mam:
Tylko twego majonteczku—
Czapka i karman [1]).
3. *Pytam cie, Kasiu:*
Iakaž ty pani?
Tylko twego majonteczku -
Wjanek ruciany.
4. *Nad mojim wjankiem*
Organy grajo,
A nad twojo czapczuryno
Wrony grakajo.
5. *Pytam drugi raz:*
Z czego wjanek masz?
Z jaréj ruty, Jasiu głupi,
Czego sie pytasz!
6. *Pytam trzeci raz:*
Z czego wjanek masz?
Z rozmarynu, suczy synu,
Czego sie pytasz! (*нап.* № 24).

215. 1 *A w polu lipa stojała,*
Pud nio Kasien'ka płakała;
Jasio sie dowiedział,
S chusteczko zalecial
Jadwabno.
2. *Weź že mnie, Jasiu, eś wže mnie,*
Daruje mama pierzyne,
Pierzyne puchowe,

---

[1]) Впрочемъ, мотивъ вскорѣ сворачиваетъ на № 15.
[2]) При пѣніи также *паняти.*
[3]) Или: цибульку.

[1]) Свитка, кафтанъ, по-корнвацки сукманъ (*suktana*).

Sto złoty(ch) czerwone,—
Weź že mnie!

3. *Niechce cie Kasiu, nie chce cie:*
Gadajo ludzie, sonsiedzie,
Že rano nie wstajesz,
Konikam nie dajesz,—
Niechce cie!

4. *Nieprawda, Jasiu, nieprawda,*
Gadajo ludzie gorsz diabla;
Ja rano ustaje,
Konikam podaje,—
To prawda!

5. *A w ogrodeczku lelieja,*
Drubnoje ziele szumieje;
Tam panny bywali,
Wjaneczki wijali,—
Ja j tam byw. (*нап.* № 25).

216. *Zielona lipa, jalowiec,*
Lepszy kawaler, jak wdowiec;
Bo wdowiec bendzie narzekal
Že piersze žone lepsze mial
Lepsze mial.

2. *A dzieci bendo plakali,*
Žeby macochi nie znali:
Za pierszej matki nieboszczki,
Jedli na masle paluszki
Paluszki.

3. *Za drugiej matki niebogi*
*Plywaja*ⁿ *w barszczu stonogi*
. . . . (*нап.* № 25).

217. 1. Тамъ пудъ боромъ [1]) калина 2.
Тамъ пудъ боромъ — серденько [2])—калина 2.

2. Тамъ дiевчина гуляла, 4
3. Цьвiетъ-калину ламала, 4.
4. На й-улана моргала: 4.
5. Когда пуойдешъ у походъ, 4.
6. (В)озьми й мене съ собою; 4.
7. Я й-улану догоджу: 4.
8. Бiелу посьцель постелю 4.
9. И сама ся положу. 4. (*нап.* № 22).

218. Якъ я была мала, мала,
Колыхала мене мама,
То въ колысьци, то въ коробци,
Колыхали мене хлопци. (*нап.* № 12 *или* 13).

219. 1. Пуйду я у поле, хороше вберуся,
То й думають люде, що я не журуся.
2. Пуйду я у поле, хороше сьпиваю,
То й думають люде, що я роскушъ маю.

3. Сьпиваю, сьпиваю, своє горе тiешу,
Якъ приду до дому, на кулокъ завiешу;
4. Завiешу, завiешу до-горы ногами,
Сама погулiаю мижи ворогами.
5. *Wrogi moje, wrogi, czego wrogujecie?*
Mnie Pambuk pociesży, wy marnie zginiecie.
6. *Wrogi moje, wrogi, czego wrogujecie?*
Ja nogi wymyje, wy wode wypjecie.
7. *Zielonym zasiala, zielonym nie zyjszlo,*
Bodaj mym wrožen'kum na zly koniec wyjszlo! (*нап.* № 17).

220. 1. Пошовъ кумъ горею,
Кума долиною;
Зацьвивъ кумъ рожею,
Кума калиною [1]).

2. Пришовъ кумъ до кумы—
Кума мете хату.
—Кидай, кумо, хату:
Идiемо въ загату!

3. Пришовъ кумъ до кумы—
Кума сiев муку.
—Кидай, кумо, муку:
Дай мнiе бiелу руку!

4. Пришовъ кумъ до кумы—
Кума мiесить тiесто.
—Кидай, кумо, тiесто:
Идiемо на мiесто!

5. Пришовъ кумъ до кумы—
Кума мые ложки.
—Кидай, кумо, ложки:
Пожартуемъ трошки!

6. Пришовъ кумъ до кумы—
Кума праде куделю;
—Кинь, кумо, куделю:
Йдiемо на постелю!

7. —Ой куме-жъ муой, куме,
Хороши розуме,
Що-жъ ты собiе вдумавъ,
Що я тобiе кума (*нап.* № 17 [2]).

221. 1. — *Oj kumie mùoj, kumie,*
Jaka žona u mnie!
— *Oj nie gadaj, kumie:*
Jeszcze gorsza u mnie.

2. *Twoja, jak wybije,*
Choć nie brùoni plakać;
Moja, jak nabije,
Kaže przez kij skakać

222. *Jesli žone chcesz mieć,*
Do Warszawy pojedź,

---

[1]) или: на горiе.
[2]) Такимъ-же образомъ повторяется въ 3-й и 4-й разъ каждый изъ слѣдующихъ стиховъ со вставкой слова „серденько".

---

1) Иногда этотъ куплетъ поется не только въ началѣ, но также послѣ каждой слѣдующей строфы.
2) Всѣ ниже слѣдующiе краковяки до 271 поются по тому-же напѣву № 17.

Nie s koniem i z wozem,
A tylko s powozem.

223. *Pojechałbym do ni,*
Ale nie mam koni
Wołami nie pienknie,
Bo sie panna zlenknie.

224. *Koniki bułanki (kasztanki),*
Malowane sanki,
Pojade, pojade
Do swoji kochanki (поемся также по № 26).

225. *Zajechałem do ni*
Jedno paro koni,
(W)ona na mnie mruga:
(G)dzie jest para druga?

226. *Siwa grzywa, siwa*
(W) konika karego,
Czarne oczki, czarne
(W) kochania mojego.

227. *U moji dziewczyny*
U moji kochany,
Krysztalowe okna,
Malowane s'ciany

228. *U moji dziewczyny*
Krùotkie zarenczyny,
W niedziele wesele,
W poniedziałek chs'ciny.

229. *Siedziałam na rowie,*
Jechali panowie,
Wzieli mi wjaneczek,
Co mjałam na głowie.

230. *Dziewulu, dziewulu,*
Szkoda twoji winy:
Nie chco chłopcy kochac',
Boże mùoj jedyny!

231. 1. *Siwy konik, siwy,*
Konoplasta grzywa:
Powiedz' mi, Kasien'ko,
Kto u ciebie bywa.
2. *Bywali, bywali*
Panowie j moskali;
Teras nie chco bywac'
I dziady s torbami

232 1. *Płynie gonska, płynie*
Po nad brzegiem wody,
Żeniłbym sie, żenił
Z bogato i z młodo
2. *Żeniłbym sie, żenił,*
Żeby posag mjała.
Spytaj sie mnie, durniu,
Czybym ciebie chciała.
3. *Ja posagu nie mam,*
Mam otwarte serce;
Za pana nie pùojde,
Ciebie, durniu, nie chce!

233. 1. *Siwy konik, siwy,*
Czy ja nieszczensliwy,
Czy moja kulbaka,
Czy dziewczyna taka?
2. *Pojade, pojade,*
I stond pomandruje,—
Bendzie taka dusza
Co mnie pożałuje.

234. *Dziewczyno nadobna,*
Do kogos' podobna?
Jasien'ku, do ciebie,—
Przytul mnie do siebie!

235. *Nie chodz' koło woza,*
Nie trzymaj sie osi,
Niechodz' do dziewczyny,
Niech cie sama prosi.

236. 1. *Czerwone jabłuszko*
Roskrojone nakrzyż;
Te dziewczyne kocham,
Ktura na mnie patrzy
2. *Czerwone jabłuszko*
Po ziemi sie sieje,
Te dziewczyne kocham,
Co sie do mnie s'mieje.

237. 1. *Czerwone jabłuszko*
Po ziemi sie toczy.
Kochajcie mnie, chłopcy,
Bo mam czarne oczy.
2. *Czarne oczy, czarne,*
Ale nie przezorne;
Lepsze oczy siwe,
Chociaż nieszczensliwe.

238. 1. *Czerwone jabłuszko*
Po ziemi sie toczy,
Podobali mi sie
U Marysi oczy.
2. *U Marysi oczy,*
U Marysi mina,
Tylko to mnie szkodzi,
Ze pi(e)niendzy nima.
3. *O mùoj mocny Boże,*
Co sie teras stało:
Nie masz tam miłoś ci,
(G)dzie pi(e)niendzy mało.

239. 1. *Czerwone jagody*
Spadajo do wody,
Což ja temu winna,
Že niemam urody.
2. *Choc' nie mam urody,*
Nie trace nadzieji:
Jeszcze moje szczens'cie
Nie wyszło s koleji;
3. *Nie wyszło, nie wyszło,*
Nie wyszło j nie wyjdzie,

Jeszcze sie nie żenił,
Kiury do mnie przyjdzie.

240. *Dudni woda, dudni*
W cembrowanej studni,
Zakochać sie łatwo
Lecz odkochać trudnéj.

241. *Cieńżko sie wylatać*
Bes pary ptaszynie;
Tak ci to podobno
Bes chłopca dziewczynie.

242. 1. *Płynie woda, płynie,*
Po kamieniach huczy;
Kto nie umi wzdychać
Miłość go nauczy.
2. *Na piersze kochanie*
Jak sie komu imie,
I oczy zasłoni,
I rozum odymie.

243. *Cienżko bo to, cienżko*
O czerwone wrony,
Lecz daleko cienżéj
O poćściwe żone.

244. *Jakiem sie zalecał,*
Sześcio koni latał;
Skorom sie ożenił,
Czapko bùoty latał.

245. 1. *Dziewulu, dziewulu*
Rumjanego liczka,
Straciłem za tobo
Wronego koniczka.
2. *Nie za mno ty stracił,*
Nie za mojim ojcem,
Za jedno gorzałko,
A za drugim tancem.
3. *Do swoji ochoty*
Co niedziela złoty,
Co poniedziałeczek
Bity talareczek.
4. *Jasieńku hultaju,*
Z jakiego ty kraju:
Czyli ty z za Wisły,
Czyli z za Dunaju?
5. *Hultaj Jasio, hultaj,*
Kasia gospodynia:
Jasio konia przepił,
Kasia wykupiła.

246. *Koło domu ścieżka,*
Chowaj matko pieska:
Masz cureczkie ładno,
To ci chłopcy skradno.

247. *Nie bijcie sie, chłopcy,*
Dla Boga świentego:
Nie pùojde za wszystkich,
Tylko za jednego

248. *Chałupeczka niska,*
Ojciec matkie ściska,
I my tak bendziemy,
Jak sie pobierzemy.

249. 1. *Siedem że ja siedem*
Kawalieruw miała
Wszystkim że ja siedmju
Podarunki dała:
2. *Ja pierszemu dała*
Ruciany wjaneczek,
A drugiemu dała
Złoty pierścioneczek.
3. *A trzeciemu dała*
Bolonczkie na ronczkie,
A czwartemu dała
Frìebre [1]) *i goronczkie.*
4. *A pjontemu dała*
W kolanie bolenie
A szùostemu dała
Wielkie utrapienie
5. *A siùodmemu dała*
Nikt [2]) *o tym nie wiedział*
Przez cztyry miesionce
(W)ùon w terminie siedział.

250. 1. *Lecieli gonseczki*
Przez las mazowiecki;
Staraj sie matulu
Cztyry poduszeczki;
2. *Cztyry poduszeczki,*
A pjonte pierzyne,
Bo już tego roku
Kawaler nie minie.

251. 1. *Lecieli gonseczki*
Od łany do łany;
Tego chłopca kochaj,
Co trochie kulawy.
2. *Lecieli gonseczki*
I stali na płocie;
Tego chłopca kochaj
Co w siwej kapocie.
3. *Lecieli gonsczeki*
I stali na sianie,
Tego chłopca kochaj,
Co w siwej sukmanie.

252. *Nie pùojde za pana,*
Bo nie mam poduszek,
Pùojde za Jasieńka
Pościele chwartuszek [3]).

253. *Danaż moja, dana*
Pud kopico siana;

[1]) v. chrìebre (pŕako febre).
[2]) v. nicht.
[3]) pŕze fartuszek.

Kopica sie wali
Chod'my, Jasiu, dali!

254. 1. *Danaž moja, dana.*
Nie pùojde za pana,
Tylko za Danila,
Nie bende robila
2. *Possla za Danila*
I robić musiala,
Bodaj že ja byla
Danila nie zpala!

255. 1. *Nie pùojde za tego,*
Ço po roli depcze
Bo (w)ùon sie wychodzi, [1])
Pocalować nie chce.
2. *Pùojde ja za tego.*
Co w bjalej koszuli
(W)ùon mnie pocaluje
J do siebie przytuli.

256. 1. *Nie przebieraj, dziewcze,*
Žebys' nie przebrala,
Žebys' za szczygielka
Gawrona nie mjala.
2. *Nie ufaj w nadzieji,*
W przeznaczenie wierzaj,
Choc' nie zasluženy,
Lecz szczensliwy bierze.

257. *S'wieci miesionc, s'wieci,*
S'wieco też i gwjazdy
Każdy sie zaleca,
Nie żeni sie każdy.

258. 1. *Dajže Panie Bože*
Jak najprendzéj gody,
Žebym nie nosila
W téj Kornicy wody,
2. *Wody nie nosila,*
Drzewa nie rombala;
Bende te Kornice
Zdaleka mijala [2]);
3. *Bende jo mijala*
Gùorami, lasami,
Žeby sie nie widzi(e)c'
Is Korniczanami
4. *Bo Kornicki chlopiec*
Obmùowi, ogada;
Dziewczyne oszuka,
Z innemi [3]) *sasiada.*

259. 1. *Na wysokiej miedzy*
Mùoj wjaneczek leży;
Dobra ta dziewczyna,
Co chlopcam nie wierzy.
2. *Nie wierz chlopcu, nie wierz*
Žeby najlepszemu,
Bo (w)ùon z ciebie wykpi [1])
Sam powie inszemu.
3. *Nie wierz chlopcu, nie wierz,*
Žeb go diabli brali,
Bo (w)ùon z ciebie wykpi, [1])
Sam pojedzie dali.

260. 1. *Usiad ptak na dembie*
I tak sobie nùoci:
Nie wierz chlopcu, nie wierz,
Bo (w)ùon balamuci.
2. *(W)ùon tobie przysienga,* [2])
Že cie z duszy lubi,
A pùojdzie do innéj,
Z inno sie zaszlubi.

261. 1. *Bieży konik, bieży,*
Pud nim trawka leży,
Biedny ten chlopczyna,
Co dziewczynie wierzy
2. *Jest stan tego smutny*
I los oplakany,
Ktury kocha szczierze
Nie bendonc kochany.
3. *Daleko bi(e)dniejsza*
Jeszcze dola tego,
Ktury kocha szczierze,
A (w)ona innego.

262. *Nie dobre to drzewo,*
S kturego lis'c' leci;
Nie stale kochanie,
(G)dzie sie mies'ci trzeci.

263. 1. *Oj Bože mùoj, Bože,*
Skarales' mnie marnie:
Kogo ja nie kocham,
Ten sie do mnie garnie;
2. *A kogo ja kocham,*
Ten ode mnie strono:
Ni (w)ùon mojim menžem,
Ni ja jego žono.

264. 1. *Parobeczku gladki,*
Nie chodz' do menžatki:
Bendziesz siedzial w piekle
Po same lopatki.
2. *Po same lopatki,*
Po same ramjona:
Bendziesz ty pamiental.
Co to cudza žona.

265. 1. *Dalas' mnie, matulu,*
Za gùory, za wody,
Toc' ja nie czyranka—
Przeplynonc' nie mogie.

---

[1]) или wytomi.
[2]) или minala.
[3]) чит.: zynnemi.

[1]) к здѣсь произносится мягко.
[2]) ср. выноску къ пѣс. 174.

2. *Choć ja nie czyranka,*
Ale korniczanka:
Przeplyne, przeleee
Do swego kochanka.

266. *Oj s'wisne ja, s'wisne*
Z wysokiego mostu,
Bo mùoj kachaneczek
Nisiutkiego (w)zrostu.

267. 1. *Matulu, matulu,*
Dalekos' mnie dala,
Żeby ja u ciebie
Czensto nie bywala.
2. *Bywaj, curo, bywaj,*
Nie zamkniente wrota:
Nabywaj sie, curo,
Za mego żywota.
3. *Po mojim żywocie*
Nie bendziesz bywala,
Zarosno s'cieżeczki,
Ty bendziesz plakala.

268. *Dalas' mnie, matulu,*
Daleko nie blisko,
Żebym nie chodzila
Po kapuste z misko.

269. 1. *Oj żeby ja byla*
U matuli dluży,
Kwitla [1]) *by ja, kwitla,*
Jak kwiateczek [1]) *z rùoży.*
2. *A teras ja kwitne*
Jak bjala lelieja:
Wyjde ja na pole,
Wjater mno powieja,
3. *Powiejaj, powiejaj,*
Wjatru poludniowy [2]).
Wywiejaj, wywiejaj
Moje mysli z glowy!
4. *Mysli moje, mysli,*
Mysli, pomyslenia,
Oj (g)dzież sie zadzialo
Moie pocieszenie?
5. *Oj Boże mùoj, Boże,*
Pociesz że mnie pociesz,
Bo mnie nie pocieszy
Ni matka, ni ojcieć.
6. *Ni matka, ni ojcieć,*
Ani rodzineczka,
Przeplakana moja
Każda [3]) *godzineczka.*

7. *Przeplakana dzisiaj,*
Przeplakana wczora
Przeplakana (w)ona
Każdego [3]) *wieczora.*
8. *Godzineczkie s'piewam,*
Godzineczkie placze,
Cztyry godzineczki
Konika kulbacze.
9. *Nie na to ja s'piewam,*
Żebys'cie slyszeli:
Smutne moje serce
Niech sie rozweseli.
10. *Bieda moja, bieda,*
Bieda opentana:
Woly nie pasione,
Kosa nie klepana.

270. *S'piewalby(m) ja s'piewal,*
Ale nie mam nùoty:
Odebrali szewcy,
Wyszyli na bùoty.

271. 1. *S'wieci sie Warszawa,*
S'wieci sie i Krakuw
Można dostać panne
Za lyżeczkie flakuw
2. *Za lyżeczkie flakuw*
Za baranie nogi (*v. rogi*).
Patrzajcie no chlopcy,
Jakie panny drogie! (*нап.* № 26 *или* 17).

272. 1. Насіеяла дівчинонька
Шаберъ-бобу надъ водою,
Приблукався козаченько
Зъ великою бородою.
Молодая дівчинонька
По садоньку ходила,
Молодого козаченька
За рученьку водила.
—Козаченьку, люб'ю тéбе.
—Дівчинонько, возьму тéбе;
Ой скажи мніе, дівчинонько,
Серце-душо моя,
Що-за въ тебе госьци были
Въ тую пору безъ мене?
Єдноралъ крупы дралъ (*v.*—въ),
А майоръ осивавъ,
А поруччикъ, *муой* голубчикъ,
Изо мною опалавъ.
2. Насіеяла дівчинонька и пр.
Ой скажи мніе... и пр.
Що у тебе госьци ѣіели
Въ тую пору безъ мене?
Єдноралъ—колбасу,
А майоръ—окрасу,
А поруччикъ, *муой* голубчикъ,
Изо мною яечню.

[1]) ср. выноску къ пѣс. 259; но формы kwjat,-ek,-eczek (съ тверд. w) имѣютъ k твердое.
[2]) d мягко.
[3]) возможны еще формы: *każny, kożdy,, kożny,-a,-.e.*

3. Насіеяла и пр.
Ой скажи и пр.
Що у тебе госьци пили
Въ тую пору безъ мене?
Єдноралъ пиво пивъ,
А майоръ водку пивъ,
А поруччикъ, муой голубчикъ,
Изо мною міедъ-вино.
4. Насіеяла... и пр.
Ой скажи и пр.
Де у тебе госьци спали
Въ тую пору безъ мене?
Єдноралъ на печіе
А майоръ у печіе,
А поруччикъ, муой голубчикъ.
Изо мною въ перинахъ.

(*нап.* № 33).

Всѣ приведенныя пѣсенки не всегда, конечно. поются въ указанномъ порядкѣ. Поютъ то, что придетъ на память; однако, несомнѣнно, что содержаніе одной пѣсни помогаетъ припомнить другую, и поэтому часто связываются въ одну пѣсню разные отрывки, имѣющіе болѣе или менѣе близкое отношеніе другъ къ другу. Далѣе, мотивъ точно также часто бываетъ причиною, почему извѣстныя пѣсни обыкновенно поются подъ-рядъ одна за другою; мотивъ же, или напѣвъ, особенно плясовыхъ пѣсенъ, стоитъ въ тѣсной связи съ родомъ танца.

Танцуютъ здѣсь почти исключительно вальсъ и польку, и для перваго поются пѣсни съ размѣромъ въ $^3/_8$, $^3/_4$, $^6/_8$, а для второй—въ $^2/_4$, $^4/_4$; краковяки, какъ неудобные для этого рода танцевъ, поются большею частью во время перерывовъ музыки и пляски, ради отдыха. Эти промежутки, впрочемъ, нерѣдко бываютъ заняты и другаго рода развлеченіемъ—декламированіемъ юмористическихъ стишковъ на польскомъ языкѣ. Для этого чтецъ, обыкновенно братъ молодого или молодой, или кто-нибудь изъ сватовъ, взгромождается на печку и начинаетъ громко декламировать наизусть или читать по рукописи, стараясь при этомъ голосомъ и жестами подражать говорящему проповѣдь; самая печка въ этомъ случаѣ часто называется «казанѝцею» (амвономъ), а то, что читается,—«казнёмъ» (казанѐ—проповѣдь). Особенно въ ходу двѣ вещи: 1) «*Życie Michała Brodowicza*» и 2) *Rozmowa trzynastu meⁿżatek i jednej wdowy*». Въ первомъ содержится діалогъ (въ 74-хъ четверостишіяхъ) между Водкой (*Gorzałka*) и Пьяницей (*Michał*). Послѣдній, понявъ все зло, происходящее отъ пьянства, прощается навсегда съ Водкой, перебирая послѣдовательно всѣ ея недостатки [1]); она же выставляетъ всѣ свои преимущества и старается доказать пользу питья водки; побѣда однако остается на сторонѣ ея противника, и діалогъ заключается евангельскимъ изреченіемъ: «*si oculus tuus scandalisat te, erue eum et projice abs te*» (*Math. 18*), которое перетолковано такимъ образомъ: «*Iezeli cieⁿ gorzałka do złego prowadzi, to jey nie piy, a zbawiony beⁿdziesz*». Въ другомъ произведеніи 13 женъ характеризуютъ поочередно каждая своего мужа и свою жизнь въ замужествѣ, излагаютъ свою исповѣдь то въ смѣшномъ, то въ поучительномъ тонѣ, и ихъ разговоръ заключаетъ вдова, которая жалуется между прочимъ на свое вдовство и читаетъ нравоученіе своимъ собесѣдницамъ, чтобы онѣ жили хорошо съ мужьями и благодарили бы только Бога, что имъ удалось выйти замужъ. Все это, конечно, косвеннымъ образомъ относится къ молодой [2]).

[1]) Похожее содержаніе имѣетъ малорос. пѣсня, помѣщенная у Батюшкова. Пам. русск. стар. въ зап. губерн. VII, 424.

[2]) Первое изъ упомянутыхъ произведеній попадается и въ печатномъ видѣ; у меня имѣется экземпляръ 1845 г. (Wilno, in 16⁰, 16 стр.). Второе мнѣ случалось видѣть только въ рукописи, и потому считаю нелишнимъ привести его цѣликомъ, сохраняя правописаніе подлинника:

Moi mili posłuchajcie, co sieⁿ też ras stało.
Gdy sieⁿ żon trzynas'cieⁿ z Wdowaⁿ, w gromadeⁿ zebrało.
Naystarsza mieⁿdzy niemi, teⁿ radeⁿ wydała.
Żeby każda o swoym meⁿżu, nieco, powiedziała. [1]).
Wprzód poczeⁿła naystarsza, o swoim powiadac';
Posłuchajcie saⁿsiadki, niechceⁿ wiele gadac'.

Z'ona pierwsza. *Jam już ze swoim meⁿżem, pieⁿkny wiek strawiła.*
A jeszczem sie i razu znim nie powadziła.
Niech żyie jak najdłużej, daj mu boże zdrowie.
By mu broda urosła, jako ogón krowie.
A gdyby zas' ón umarł, biednabym została.
Kiedym sie już tak bardzo, przy nim podstarzała,
Wiem też żeby już o mnie, młodzien'cy niedbali.
Bo każdy zawsze młodszaⁿ. dla siebie miec' woli.

Z'ona druga. *Ja swojego saⁿsiadki, dzis' chwalic' nie mogeⁿ*
Bo mnie wczoraj przeⁿslicaⁿ, bardzo wycioł w nogeⁿ.
Nie miał ci mnie oco bic', bom dobrze czyniła.
Tylko żem mu na objad, mieⁿsa nie ważyła.
Boby jeno mieⁿso żarł, ktož mu go nastarczy,
Zeżarłby go trzy funty, i klusek dwa garcy.
Ale sobie poprawił, nie wygrał te'm wiele.
Nie beⁿde mu go warzyc', aż za trzy Niedziele;
Doczekam sie od niego, słówka łagodnego.
Żebym mu uwarzyła, mieⁿsa weⁿdzonego.
Przecie on nic nie wskóra, musi sie ukorzyc'.
Bo do garnka sam sobie, nie umie nic włożyc'.

Z'ona trzecia. *Ia saⁿsiadki swoiego, ani mogeⁿ ganic'.*
Ale owszem za niego, winnam Boga chwalic'.
Nic mi on nie ubliży, zawsze Dobrze mieni.
Jak dla żony kochanej, w domu wszystko czyni.
Kiedy mnie w domu nie ma, to i krowy doi.

[1]) Пріемъ, напоминающій новеллы (Боккачіо и др.).

Къ вечеру, когда начинаетъ смеркаться и приближается время брать молодую въ домъ молодого, среди веселящейся молодежи и любопытныхъ зѣвакъ неожиданно появляются такъ называемые «жиды» или «цыганы», отъ которыхъ толпа съ крикомъ и визгомъ разсыпается въ разныя стороны. Это ряженые сваты съ громадными палками или нагайками въ рукахъ. Костюмъ для этого они придумываютъ какъ можно страшнѣе: надѣваютъ вывороченные шерстью кверху тулупы и шапки, самодѣльныя маски съ красными дырами вмѣсто глазъ и рта, прицѣпляютъ волосяные или льняные усы и бороду и т. п. Они танцуютъ, кривляются, шутятъ, гадаютъ, поютъ пѣсни исковерканнымъ языкомъ, пристаютъ ко всѣмъ и стараются напугать, разсмѣшить или вызвать какое-бы то ни бы-

---

By mnie w czem nie rozgniewal, tego sie on boi.
Zwykl z serca wszystko czynic', co bym mu kazala.
Drzwiami gotow skrzypac', gdybym tego chciala.
Jé też co mu zgotujeⁿ, ani slówka rzecze.
Niech bendzie slono, kwas'no, wszystko to on zmiecie.
*Dla tego i boga prosze*ⁿ*, bym nie owdowiala.*
Bo wiem żebym lepszego, meⁿża nie dostala.
Chociaż trocheⁿ leniwy, w swoiey powinnos'ci.
Nie dziwota bo stare, bolo go już kos'ci.
Do tego sie narobi, dzien' caly i drugi.
Przeto slabym już zostal, do takiey uslugi.

Z'ona czwarta. *Ja bym moje saⁿsiadki, by naymniej nie dbala.*
Choc'bym i jutro swego, na marach widziala.
Wszystko chodz'i jak s'winia, caly dzien' obžarty.
Jjajczysko rad kurzy, albo też gra w karty.
Gdy w karczmie na gorzalce, darmo is'c' po niego.
Bo czegobym nie chciala, dostaneⁿ od niego.
Kiedy przyidzie dodomu, nie mów mu ni slowa.
Tylko patrz gdzie saᵤ drzwi, jezli chcesz byc' zdrowa.
Powygania z chalupy, Czeladkie i dzieci.
Niech że takiego meⁿża, nieszczeⁿs'cie podleci.
Miski garnki potrzaska, Narobi mi szkody,
i za szelaⁿg mieⁿdzy nami nidy niemasz zyody.
Nie darmo mieⁿ Bóg skaral, jak zważam przez niego.
Bom ja sobie mogla dostac', czlowieka innego.
Ale żem wybierala, i takiem przebrala.
Prawiem czarta samego, z lan'cucha dostala.

Z'ona piaⁿta. *Ja me mile saⁿsiadki, nie wiem co mam czynic',*
Czyli swego mam chwalic', czyli go zlym mienic'.
Niedos'wiadczylam sieⁿ go, jeszcze bardzo wiele.
Bo dopiero jak go mam, wczoraj trzy niedziele.
Gdyž sieⁿ dosyc' uwija, i pelno go wszeⁿdzie,
Zdaje mi sieⁿ że dobrym, gospodarzem beⁿdzie,
Jeszcze dotaⁿd wstydliwy, i nieco bojaⁿcy.
Już wam moje saⁿsiadki, nie powiem nic wieⁿcéj.

Z'ona szósta. *Mnie kochane saⁿsiadki, zlos'c' bierze na mego.*
Dla tego że niewstydny i paskudny, bezecnik iz niego.
Gdy ja z domu wynijde, to on do piwnicy,
Calaⁿ geⁿbeⁿ zanuży, i brodeⁿ w dónicy.
Masla by naraz zežarl, i caleⁿ tlóczywaⁿ.
Niewidzialam žarloka takiego jak żywo.
A kiedy mu co rzekneⁿ, to sieⁿ zaraz wadzi.
Zkarbowalby mi skóreⁿ, dzieciom i czeladzi.
Niedbalabym choc'by go, kaducy spiskali.
A do licha zlaⁿ dziureⁿ, jakaⁿ nim zatkali..

Z'ona siódma. *Ja zas' mojeⁿ saⁿsiadki, dosyc' mam dobrego*
Niemogeⁿ go poganic', bo patrzy swojego.
Gospodarstwo rozumie, rolaⁿ dobrze sprawi.
Chóc' też idzie do karczmy, nie dlugo sieⁿ bawi.
Chalasu nie rad czyni, i plotek nie slucha.
Gdy mam masla zamalo, to też zje i sucho.
Slowa mi też nie rzecze, by naymniey przykrego.
Chociaż laje na niego, zmilczy on wszystkiego.
Żem jest gorsza nižli on, sama to przyznajeⁿ.
Bo czasem niemam o co, gadac' nie przestajeⁿ,
Dobrzem bardzo trafila, żem jego dostala.
Bo gdyby byl jak inny, to bym czeⁿsto brala.
Sucheⁿ mydlo po grzbiecie, z grubego powroza.
Musialabym to przyiaⁿc', jak od swego meⁿža;

Z'ona ósma: *Ja mojego przed wami zbyt prawdziwie ganie.*
Oplakane co moment moje z nim mieszkanie.
Wolalabym sama mieszkac', nižli z takim meⁿžem).*
Nigdy on niespokojny, chóc' mu stawiam czasze,
Pod geⁿbeⁿ z dobrym jadlem, woli przecie flasze.
Dwie gorzalki chóc' gorzkiej, aby przecie byla,
Co dzien' boday by mu do kata pluczyska spalila.
Wielki szalbierz, wykreⁿtacz, zgola nic dobrego.
Dlužnik szuler obžerca zbrzydliwy do tego.
Wynosi sieⁿ on z teyo że jest rzemies'lnikiem.
Cóż mi to za rzemioslo, byc' na wsi rzez'nikiem.
Kaduk po tém rzemios'le, pożytku nie wiele.
Bo chóc' bydleⁿ zabije; wisi trzy Niedziele.
Zaczem mieⁿso poprzeda, pieniaⁿdze przepije.
Dla tego mnie tém bardz'iéj, co raz bieda bije.
Dluguw tyle jest wszeⁿdzie, jak wlosów na glowie.
Což ja daléj mam czynic', niech mi która powie.
O gdybym wolna byla, tobym już wiedziala
Rzemies'lnika takiego do s'mierci nie chciala.

Z'ona dziewiaⁿta: *Nie beⁿdeⁿ ja saⁿsiadki, na mego skaržyla.*
J owszem chwala bogu, žem dobrze trafila,
Lubo niema urody, nie mówmy do tego.
Ale tego pilnuje, co jest rzeczaⁿ jego.
Chociaž caly dzien' siedzi, to nie mówi wiele.
Bo nieustannie co dzien', pilnuje kondzieleⁿ;
Chóc' ludzie to przyslówie, czeⁿsto używajaⁿ.
Chlop niemówny, kot nielówny, oba sieⁿ s'le majaⁿ.
A lubo mój nie mówny, a dobrze sieⁿ mamy.
Groch z kapusto i mieⁿso, dos'c' czeⁿsto jadamy.

Z'ona dziesiaⁿta. *Jużbym moje saⁿsiadki byla bardzo rada.*

---

*) 4-го стиха не достаетъ, вѣроятно, по ошибкѣ переписчика.

ло недружелюбное отношеніе къ себѣ въ средѣ присутствующихъ; если это имъ удастся, то они преслѣдуютъ свою жертву, награждая ее чувствительными ударами, или получаютъ съ нея выкупъ. Иногда же они просто начинаютъ гнать всѣхъ присутствующихъ безъ разбора; за то, если толпѣ удастся обезоружить ряженаго, то и ему достается порядочно Мальчишки, готовые ежеминутно броситься вразсыпную, гурьбой преслѣдуютъ ряженыхъ и дразнятъ ихъ (скороговоркою, безъ напѣва):

273. Жидъ, жидъ,
Халамидъ,
Продавъ жуонку
За кишуонку,
А діети за соуль.

274. *Żydzie, żydzie,*
Za tobo czort idzie
Въ чорнумъ [1]) *kapeluszu*—
Хапъ [2]) за твою душу!

275. *Jak to było onego czasu:*
Wyleciała baba s kwasu,
Uderzyła sie ò piec—
Wyleciał z ni malowany chłopiec,
A s tego chłopca—
Ni baran, ni owca,
A s tego barana—
Ni mlieko, ni smietana,
A s ty smietany—
Kościół malowany,
A stego kościoła—
Żydowska szkoła,

By umarł jak naypre^{n}dzéy bo z nim nie porada.
Bo mu na wola^n nigdy niedogodzi żaden
Zawsze chodzi i skacze^n, niby stary błażen;
Nigdy też człowiek z domu, swego wyis'c' nie może,
I musze^n zawsze^n siedzieć, jakoby w klasztorze;
A gdy chce z domu wynijs'c' zaraz na mnie fuka.
Ziadłas' w ciornackich małpo, na grzbiet kijów szuka.
Żal mi moich młodych lat, żem to uczyniła.
Za stareyo zuchwalca, is'c' sie^n odwarzyła,
Jednakże ja nadzieie taka^n be^{n}de^n miała,
By go tylko grzech spiskał tobym sie^n wydała,
Z'ona jedénasta. *Ia sa^{n}siadki przed wami pochwale swojego.*
Bo mam me^{n}ża dobrego, i człeka szczerego.
Gospodarz z niego nie zły, to sama wyznaje.
Bo chóć ja długo leże^n, to mnie nie połaje.
Każdy dzien' rano wstaje, czeladkie pobudzi.
Jako kto co ma robic', to wszystko rozrza^{n}dzi.
i Fayki on nie kurzy, ani też zażywa.
A gdy ja czasu niemam, paciež z dziec'mi mawia.
Czegożbym już lepszego, na tym s'wiecie chciała.
A nibym go znalazła, chociażbym szukała.
Starać sie iuż nie be^{n}de, kiedy mam swoiego.
Wole z mym do s'mierci żyć, niechce już innego.
Bo wiem żebym lepszego, nigdzie nie znalazła;
Chóc'bym też aż po gardło i do wody wlazła;
Z'ona Dwunasta. *Ja mojego sa^{n}siadki, nie be^{n}de chwaliła.*
Bo na to zasługuje, żebym go ganiła.
i To powiem co prawda, jaka w nim jest cnota.
Nic dobrego nie zrobił, za swego żywota.
Bardzo dobrze pilnuje rzemiosła swojego.
Moge^n mówić że złodziej, doskonały z niego.
Ledwie tylko która^n noc przy mnie w domu lega.
Ale zawsze po nocach, aże do dnia biega.
Co tam czyni to ia wiem, i rozumiem snadnie.
Co tylko wednie ujrzy, to w nocy ukradnie.
A choć mu kto co mówi, i łaie mu za to,
Wyszczeka sie^n jako pies, i niedba nic na to.
Przetobym ja niedbała, chóc'by go złapali.
W pe^{n}ta mocne zakuli, w re^{n}ce kata dali.
Nieżałowałabym go, bo mu tego życze,
Że już zdrajca zasłużył, dawno szubienice.
Z'ona Trzynasta. *Ja sa^{n}siadki nie be^{n}de, chwaliła mojego*
Bom sie^n już dos'wiadczyła, jaki jest pies z niego.
Już sie^n słówka zmieniły, co mi obiecował,
A teraz mi już nieraz skóre wywecował,
Wtenczas gdy do mnie chodził, pod moie okienko;
Do s'mierci sie^n poszanuie, ma miła kochanko.
Małpo ziadłas' wciernackich, wnet sie^n przemieniło.
Skoro sie już ode mnie, pienia^{n}żki zgarnęło.
Przedtém nosił gorzałkie^n, dos'c' w szklanicy wielkiéy.
A teraz mi nie poda, i wody kropelki.
Klucze ma od wszystkiego, on wszystko wydaje,
Ani słowa dobrego od niego dostaje.
Jeno zawsze złos'liwy, tysia^{n}cami liczy.
A sam tylko dla siebie, on wszystko dziedziczy.
Ale jak sie^n rozgniewam, kocieł wody zwarze.
I temu hultajowi, już s'lepie wyparze
i Pójde precz od niego, niegodzien lepszego.
Ani mnie be^{n}dzie te^{n}skno, do s'mierci bez niego.
Wdowa czternasta. *A ja co tu mam mówic', uboga wdowa.*
Sierota opuszczona ne^{n}dzna bjałogłowa.
Me^{n}ża niemam wszak wiecie, onimbym mówiła.
I gdyby naygorszego, to bym nie ganiła;
Jak i tu mie^{n}dzy wami, od niektórych słysze,
Że me^{n}żów obmawiacie, zganić wam to musze.
Bo niektóre mówicie żebys'cie niedbały;
Gdybys'cie me^{n}żów swoich na marach widziały.
Nie pros'cie Boga oto, aby sie^n tak stało;
Żeby ciało me^{n}żowskie na marach leżało:
Nie jedna sobie mysli, jak tylko ten umrze:
Tak zaraz nazaplociu, inny na nia^n strzerze:
Jak żywo tak nie be^{n}dzie, jakby druga chciała.
Że po pierwszym drugiego, zarazby dostała:
A toli już trzy lata jakiem owdowiała.
Wziełabym me^{n}ża z broda^n z siwo głowa^n cała^n:
Lepiej trzymaj każda swego, jakegos' dostała,
*J dzie^{n}kuy panu Bogu, iżeś sie wydała. Koniec**).

---

*) Списано, очевидно, съ хорошаго подлинника, но черты мѣстнаго произношенія во многихъ мѣстахъ невольно пробиваются, напр. въ носовыхъ звукахъ.

1) *или* w czarnym.

2) *или* лапъ! (хвать).

A s ty szkoly—
Wylecial žyd goly,
A s tego žyda—
Ni wesz, ni gnida,
A s ty gnidy—
Wszyscy žydy.

Или же поютъ въ насмѣшку слѣдующую пѣсню, стараясь подражать еврейскому выговору и манерѣ пѣть въ носъ:

276. 1. *Radujcie [1]) sie židziowie,*
Dobzie s'lichac' w Lisiowie:
Jus' s'kolnikof s'piewajo,
Z Mesyjasem witajo.
Ej wej, taj-daj-dum!
Ach waj, bim-bom-bum! [2])

2. *Lajbus' ladna parsziwi.*
Ach waj, wjelkie tam dziwi:
Znalez'li go wPinczowie [3]),
Psziwjez'li go w Lisiowie.

3. *Jez'dzil w wjelkim paradzie,*
Zo nim židziech gromadzie,
Sabsiech (?) w psiodzie wendrowal,
Bosy szabluf pjastowal.

4. *Szlifowany pistolet*
Tszimal Boruch pacholek,
Jego pikie slomjana
Z wjatrem okrencowana.

5. *Wozil jego prosienta,*
Pszi nim chodzil židzienta,
Ten bul s kijem, ten s palkiem—
Každy se swim kawalkiem.

6. *Jechal w wielkim korycie*
O pulnocy nieskrycie,
Za nim kupa dworžanie
Jez'dzil w tackach mospanie

7. *Tszista židziech i dwies'cie*
Zgromadzil sie f tym mies'ce
Wszistkich ksziknol: ach ach-ach!
J wistszelil pif-paf-paf!

8. *Lajbus' siedzial jak panie*
J bembnil w barabanie,
Chodzil nogiem za nogiem,
Bi niedostal batogiem.

9. *Lajbus' bul sie wistrojil,*
Co mu suknie Srul skrojil,
Kosiuli wziol nicianych,
Renkawiczek drucianych.

10. *Papierowi kaftan mjal,*
S'klanne portki na sie wdzial
J stalowe tsiewiki
Z likowatym rzemyki.

11. *Kaftan (?) piekna gliniana*
Pas bogata slomjana
Szube wziol bul jesiowych
Choc' nie w modzie lec nowych.

12. *Kolpak modre i lite*
Bul s psich futruf podbite,
Micka na lep bul zlota
Z zadnich skurkuf od kota.

13. *Z wjelkim pompem wjez'dziowal*
Sam go rabin witowal
Do swojego chalupie,
Ziebi spociol na dupie.

14. *Kazal objad pszinosic'*
I Lajbusiem zaprosic',
Bardzo smacznych potrawie
Postawil mu na lawie

15. *Bjale mliko koziowe*
Lajbusiowi na zdrowie,
Barszcz bul z jajkiem nadziany,
Cybulem s'pikowany.

16. *Rzotkief czarny z lupinem,*
Co go wendzil f kominem,
Pare sliwek i sledzia,
Cztyry flaki z niedz'wiedzia.

17. *Wina dawal giensiego*
Dla Lajbusia malego
Droždžuf s piwa s s'cieros'ciem
A wuon wipil z milos'ciem.

18. *Každy žid mu basowal,*
J zdrowja mu winsiowal:
A gdy wszistkich jus' wstali
Na Lajbusia wolali:

19. *„Witaj Lajbus' parsziwi,*
Nas' milos'nik prawdziwi,
Niech z wiecora do rana
Žije dziecko kochana!

20. *Niechaj jego plemienie*
Jak wesz rodzi na ziemie,
Niech ratuje swich židzie,
Bo jus' drugi nie pszidzie!
Ej wej, taj-daj-dum!
Ach waj, bim-bom-bum!»
(*нап.* № 34).

Только поздно вечеромъ раздается снова обрядовый напѣвъ пѣсни, напоминающей, что наступаетъ пора прощанія молодой съ родителями, со всею семьею и съ роднымъ гнѣздышкомъ. Прощанію предшествуетъ раздача подарковъ дружинѣ молодого; поэтому поются пѣсни:

277. Перейшла Марыся съ сіени до хаты,
Ручничкомъ махнула на всеньки сваты:
2. —Усеньки сваты, йдіете до хаты,
Буде вамъ матуля дары давати:
3. Усіемъ сватикамъ по ручничкови,
Бѣлу хустоньку—Ясюленькови. (*нап.* №9).

[1]) букву r слѣдуетъ читать грасеируя.
[2]) припѣвъ послѣ каждой строфы.
[3]) Пинчовъ—уѣздн. городъ Келецкой губ.; другое соб. имя для меня неясно (Лысовъ?)

278. Сватькове, до дару! 2.
Будемо васъ дарити
Бiелыми ручничками,
Шитыми хусточками. (*нап.* № 1).

Мать невѣсты выноситъ цѣлую связку «ручниковъ» и даритъ каждому свату по одному, а «дружко» получаетъ ихъ цѣлую дюжину. Послѣ раздачи подарковъ запрягаютъ пару лошадей и выносятъ на телѣгу постель молодой, при чемъ сваты въ шутку стараются тащить въ телѣгу изъ дому молодой все, что ни попадется подъ руки. Имъ весело, смѣшно, а между тѣмъ молодая плачетъ, вся ея родня и «дружки» въ глубокомъ уныніи. Молодую приглашаютъ садиться, но у нея не хватаетъ рѣшимости разстаться навсегда съ «своими» и ѣхать къ «чужимъ»:

279. 1. Кованы возы, кованы,
Коверчиками засланы.
2. Коверчиками засланы,
Пойiедь, Марысю, изъ нами.
3.—Ой рада-бъ же я йiехати,—
Жiаль мнiе матюнки кидати:
4. Моя матюнка старенька,
Якъ голубонька сивенька;
5. Буде вона по мнiе плакати,
Якъ голубонька гукати (*нап.* № 4. *б*) [1])

Молодая устами своихъ подругъ какъ-бы укоряетъ родителей за то, что они отдаютъ ее прочь отъ себя, при чемъ какъ-бы выражаетъ ту мысль, что если имъ трудно будетъ безъ нея, то по дѣломъ имъ:

280. 1. Шуми, дубе, шуми, 2.
Зелененьки, полягай;
Ой плачъ, муой батеньку, плачъ,
Головоньку покладай!
2. Щось мене выгодовавъ—
Не будешъ посылати;
Буде мене посылати
Чужiая сторононька,
Ясюлёва матюонка.[2]) (*нап.* № 1, *ст.* 8 *по а*).

281. 1. Ой чи я тобiе, моя матюнко,
Изъ весны не казала:
—Не копай руольки, не сiей рутки,—
Нiетъ кому поливати.
2. Ой куды пуойдешъ, моя матюнко,
Мойими стежечками,—
Поливай рутку друбну, зелёну
Свойими слюзоньками (*нап.* № 2.).

Но это чувство злорадства и попрека, если оно и появляется въ душѣ молодой, то не надолго: жалость къ отцу и матери беретъ верхъ, и дочь желала бы видѣть своихъ родителей менѣе печальными, такъ какъ судьбы не измѣнишь:

282. 1. Ой хмелю, хмелю, буйное зiеле,
Розвесели намъ усе весiеле;
2. Усе весiеле, усю [1]). родину,
Мого батенька хочъ на годину,
3. Бо муой батенько въ великуй тузи,
Въ великуй тузи по мнiе молодуой.
(*нап.* № 9).

«Свашки», сторонницы молодого, торопятъ къ отъѣзду пѣснею: «Сватькове, до дому!» и пр. (см. пѣс. 80), и начинается трогательная сцена прощанія, которому вторитъ и пѣсня не менѣе трогательно:

283. 1. Дiаковала бероза.
Своюой зелёнуй дуброви.
—Дiакую тобiе, зелёна дуброво,
За твое постояне,
2. Що я у тебе стояла,
Буйного вiетру не знала:
—Дiакую тобiе, зелененькая,
За твое постояне.
3. Дiаковала Марыся
Своёму руодному батеньку:
—Дiакую тобiе, о муой батеньку,
За твое годоване,
4. Що я у тебе живiела,
Лихого словцiа не чула (мiела?):
Дiакую тобiе, о муой руодненьки,
За твое годоване.
(*нап.* № 4).

284. 1. Йiехали сватькове через буоръ,
Рубали деревцiа, а все клюонъ;
2. Рубали деревцiа, а все клюонъ,
Робили скрипоньки въ новы двуоръ.
3. (И)грайте, скрипоньки, голосно,
Нехъ плаче Марыся жiалосно,
4. Одъ свóго батенька йiедучи
Добра-нучъ ёму даючи:
5. Добра-нучъ, батеньку, дóбра-нуочъ [2]).
Не на годиноньку—на всю нуочъ,
6. Не на годиноньку—на всень вiекъ;
Встанешъ раненько—мене нiетъ.
(*нап.* № 4. *б.*)

Еще разъ призываютъ къ отъѣзду, и молодая окончательно прощается подъ звуки пѣсни:

285. 1. *Oj siadaj, siadaj, kochanie moje,*
Nic nie pomože płakanie twoje,
Płakanicsko nie pomože:
Para koni stoji w wozie—
Pozakładane. 2.

---

[1]) То-же иногда поется и по отношенію къ отцу съ соотвѣтственными измѣненіями.

[2]) вм. обыд. матюнка.

[1]) или: и всю.—

[2]) форма съ уо—пѣсенная, подъ вліяніемъ напѣва и риѳмы (пол. dobranoc, доброй ночи!)

2. *Radabym była z wami siadała,*
Lecz jeszczem ojcu nie dzien'kowała:
Dzien'kuje ci, [1]) *panie ojcze,*
Za mnie byli zawsze gos'cie,—
Teras nie bendzie. 2.
3. *Oj siadaj siadaj etc.*
4. *Radabym była z wami siadała,—*
Jeszczem swej matce nie dzien'kowała:
Dzien'kuje ci, pani matko,
Za mnie było zawsze głatko;—
Teras nie bendzie 2.
5. *Oj siadaj etc.*
6. *Radabym etc.*
Lecz jeszczem bratu nie dzien'kowała;
Dzien'kuje ci panie bracie,
Przy mnie zawsze byli z(d)rajce,—
Teras ne bendzie 2.
7. *Oj siadaj etc.*
8. *Radabym etc*
Jeszczem swej siostrze nie dzien'kowała
Dzien'kuje ci, pani siostro,
Przy mnie zawsze było ostro,—
Teras nie bendzie 2
(*нап.* № 27)

Уводя молодую, „свашки“ и сваты поютъ отъ лица молодого:

286. а). 1. Выросла соснонька на точку,
Буізаплаць, [2]) батеньку, за дочку!
2. Выросла и пр.... матюнко...
(*нап.* № 4. *б*.).

а потомъ въ насмѣшку:

б) Выросла и пр.
Нассеру, [3]) батеньку, за дочку!
(*также и матери*).

Усаживаютъ молодыхъ въ повозку съ постелью, туда же садятся «свашки» и нѣкоторыя «дружки» и съ хохотомъ, музыкой и пѣснями ѣдутъ, а сваты большею частью бѣгутъ пѣшкомъ, если не разстараются себѣ лошади. По дорогѣ поется пѣс. 39 съ вар. 90 и еще нѣкоторыя величальныя:

287. А въ нашого свата 2.
Хорошая хата:
Щіерчикомъ высыпана,
Калиною утыкана [4]),
Госьцями наповнёна.
(*нап.* № 1, *ст.* 4 *по а*).

288. А въ нашого свата 2.
Хорошая (?) хата:
Въ юой дровъ ни поліена,
Сміетя по коліена. (*нап.* № 1).

т. е. «свашки» превозносятъ домъ молодого, а «дружки» стараются его осмѣять. Подъѣзжая къ дому, а также во дворѣ поютъ:

289. Одчини, мати, ворота,
Веземó тобіе леіата... (*нап.* № 4).

290. Одчини, мати, сіени невіесьця,
Не встанешъ рано—не будешъ йіесьци
—Бодай невіестка здорова была,
Жебъ мніе снеданя не наварила?

Свекровь встрѣчаетъ молодыхъ съ «пóвницею», и вводитъ ихъ въ избу. Отъ лица ея и свекра поется пѣсня.

291. 1. Де ты, Марысю, забав'ялася,
Де ты, молода, забав'ялася?
Чи ты, Марысю, горы точила?
Чи ты, молода, сады садила?
2. Я й гуоръ не точила, й садуовъ не садила,
Точилися слёзы, якъ роса зъ березы,
Одъ батенька йдучи, добрá нучъ даючи:
(Одъ матюнки и пр.)
Добра-нучъ, батеньку (матюнко), ліепши день, свекорку (свекорко *нап.* № 3).

Садятся ужинать; послѣ ужина бываютъ, правда не долго, танцы, во время которыхъ молодыхъ потихоньку уводятъ спать въ «клуню», [1]) и только при большомъ холодѣ — въ «комору». Во время ужина и танцевъ пѣсня отъ времени до времени еще возвращается къ изображенію чувствъ молодой и покинутыхъ ею родителей:

292. 1. До бору доруожка, до бору,
Плакала Марыся до дому;
2. Завези, Ясюлю, десь узіавъ,
Жебъ муой виночокъ не зов'явъ.
3. Не зв'яне, Марысю, не зв'яне:
Є въ мене матюнка—догліане:
4. Принесе водици съ крыници.
Покропитъ виночокъ съ скляници.
(*нап.* № 4, *б*)

293. 1. Ой тамъ за сіеньми за новенькими
Соловіейко щебече,
Тебе, Марысю молоденькая,
Руодны батенько кличе.
2. Ой нехай кличе, нехай не кличе,
Вжемъ ёму дослужила,
Въ новуй комори на скрыночци [2])
Ключики положила. (*нап.* № 2).

294. 1. Зажурилася, засмутилася
Марысина матюонка:
По сіенёхъ ходитъ, слидочку глядитъ,
Голосоньку слухае.
2. Ой ни слидочку, ни голосочку,
Ни моёго дитіати,

---

[1]) иногда также *сіе*.—
[2]) і тверд.; обычное выраженіе благодарности (спасибо).
[3]) въ смыслѣ ругательства всегда съ двумя *с*, въ отличіе отъ обыкновенной формы будущаго (съ однимъ *с*).
[4]) или вытыкана.

[1]) хлѣбный сарай, рига.
[2]) Слышится также: *скрыночцы, скрыночцы*.

Щомъ годовала, пріодягала,—
Н*ie*тъ кóго посылати.
3. Ой буде ейи посылати
Чуж*ia*я стороненька—
Ясюлёва матюонка (*нап.* № 2).

295. 1. Добре тоб*ie* было, моя матюнко,
М*ie*дъ-гор*ie*лоньку пити,
Пришовъ раночокъ (въ)понед*ie*лочокъ—
Н*ie*тъ кóго пробудити
2. Коровы рыч*ia*тъ, тел*ia*та муч*ia*тъ [2])—
Н*ie*тъ кому повпускати;
Куры секочутъ, бо й*ie*сьци хочутъ,—
Н*ie*тъ кому поскликати. (*нап.* № 2).

296. 1. Лет*ie*въ соколикъ через три боры,
Через три боры, черезъ чотыри,
А въ пятумъ л*ie*си с*ie*въ на ор*ie*си,
С*ie*въ на ор*ie*си, зъ л*ie*сомъ говоритъ
2.—Ой л*ie*су, л*ie*су, чомъ б*уо*ръ не вéсюлъ,
Чомъ б*уо*ръ не вéсюлъ, чомъ не весёлы?
—Якъ-же я маю весёлы быти,
Якъ нема кому розвеселити?
Зазуля была—б*уо*ръ веселила,
Якъ поленула—б*уо*ръ засмутила [3]).
3. Й*ie*хавъ Ясюлё черезъ три сéли [4]),
Черезъ три сéли [4]) черезъ чотыри,
А въ пятумъ сел*ie* зайшовъ до тесьця,
Зайшовъ до тесьця, съ тесьцёмъ говоритъ:
4. Тесьцю м*уо*й, тесьцю, чомъ тесьць не вéсюлъ,
Чомъ тесьць не вéсюлъ, чомъ не весёлы?
—Якъ-же я маю весёлы быти,
Якъ нема кому розвеселити?
Марыся была—дв*уо*ръ веселила,
Якъ пойй*ie*хала—дв*уо*ръ засмутила.
(*нап.* № 3 *или* № 9).

Передъ тѣмъ, какъ молодымъ идти спать, «дружко» со старшей «свашкой» разстилаютъ на току два ржаныхъ снопа [1]) и стелютъ на этой ржи постель, причемъ подъ подушку кладутъ пирогъ (продолговатый, прѣсный, пшеничный хлѣбъ) непочатой и сыръ; затѣмъ, дружко приводитъ молодыхъ, ихъ укладываютъ и оставляютъ на всю ночь однихъ, безъ всякой стражи.

Въ избѣ продолжается еще нѣсколько времени веселье; но слѣдуетъ замѣтить, что веселящіеся не позволяютъ себѣ неприличныхъ выходокъ, циническихъ пѣсенъ и намековъ. Наконецъ усталость и сонъ берутъ свое, и на какіе нибудь три-четыре часа все стихаетъ.

г). „*Вувтóрокъ*" (*вторникъ*).

Утромъ, когда соберется по немногу свадебная компанія, довольно поздно, часовъ около осьми, всѣ подъ предводительствомъ «дружка» идутъ съ музыкой «зводити молодыхъ» (подымать). Сваты несутъ съ собою живого пѣтуха, вырывая его поочередно другъ у друга и размахивая имъ во всѣ стороны, держа за ноги или за голову; берутъ также съ собой и водку. Когда они приходятъ въ «клуню», то большею частью оказывается, что молодые супруги давно уже встали и молодой успѣлъ уже куда-нибудь спрятать свою новобрачную. Приходится искать ее по всѣмъ угламъ, коморкамъ, сараямъ, въ сѣнѣ, въ соломѣ и т. п.; тому, кто ее найдетъ, супругъ долженъ дать нѣсколько копѣекъ [2]). «Свашки» сажаютъ молодую на постель и надѣваютъ ей на голову чепецъ, а поверхъ его повязываютъ платкомъ «по-бабськ*ü*»; иногда же оставляютъ ее только въ чепцѣ. Значеніе этого чепца, какъ и самаго обряда надѣванія его, вполнѣ ясно: молодая теперь навсегда прощается съ дѣвичествомъ, и чепецъ служитъ главнымъ признакомъ того, что она съ этого времени—«баба», т. е. замужняя.

Во время «очепинъ» поются пѣсни:

297. Встала Марыся зъ ложа, 2.
При *юо*й матухна Божа;
Вложили корононьку
На ейи головоньку. (*нап.* № 1).

298. Моя Марысю молодая,
Кинь, кинь чипецъ пудъ піечъ, 2.
А кибалку пудъ лавку,
А рутьяны виночокъ
Вл*уо*жъ соб*ie* на головку (*нап.* № 1, ст. 1 *какъ припѣвъ*).

299. 1. Стояла липа въ полю велика,
Стояла, буяла въ полю зелёна;
Не давъ *юо*й в*ie*трець хороше стояти.
Не давъ зелёнуй хороше буяти:
Упавъ листочокъ—прикрывъ писочокъ,
Упавъ зелёны—прикрывъ чирвоны.

---

[1]) Рѣже—*мычiатъ*.

[2]) Два послѣдніе стиха здѣсь и въ стр. 4 поются, какъ и два предыдущіе (при нап. № 3).

[3]) Въ обыд. рѣчи—*селіе* (дв. ч.), но чаще—*сёлуоъ* (иногда *сюолъ*, ср. польск.).

[4]) Въ XVI—XVII вв. этотъ обычай существовалъ на царскихъ и княжескихъ свадьбахъ и теперь встрѣчается у великороссовъ. Терещенко, Бытъ р. народа, II, 53—4,97, 205; см. также Сумцова. О свад. обр. 141. О значеніи обряда см. Потебни, О миеич. знач. нѣкотор. обряд., 74—5.

[2]) Обычай прятанья относятъ къ указаніямъ на существовавшее нѣкогда похищеніе дѣвицъ (Сумцовъ, 16), хотя въ настоящее время его можно объяснить просто нежеланіемъ молодой надѣть чепецъ. Этотъ обычай есть и въ другихъ мѣстностяхъ. Лозинскій. 71, Zbiór wiadom do Antropol. VIII. 3. 133; V. 3. 93. У поляковъ и новобрачный старается скрыться. Kolberg. Lud etc. X, 246, 291—2, XI, 96, XVI, 207.

2. Хороше Марыся въ матюнки ходила,
Хороше молода въ руоднойи ходила;
Не давъ юой Ясюлё хороше ходити,
Не давъ молоды хороше ходити:
Изнiавъ виночокъ, вложивъ чипочокъ,
Изнiавъ рутьвяны, вложивъ бiеляны. (*нап.* № 3 *съ повтор.* 2-*й половины*).

Когда надѣнутъ на молодую чепецъ, «музыка» играетъ ей «на-добры-дзень» и тутъ-же на постели распиваютъ принесенную водку и закусываютъ хлѣбомъ и сыромъ, вынутыми изъ-подъ подушки, причемъ приговариваютъ: «ой яки тверды, тéнjо здушили»! и т. п. Сваты шутя льютъ незамѣтно воду или водку на то мѣсто, гдѣ спали молодые, чтó служитъ предметомъ многочисленныхъ остротъ и насмѣшекъ надъ молодыми. Когда начинаютъ убирать постель, сваты берутъ цѣпы и молотятъ со смѣхомъ рожь, на которой спали молодые [1]). По окончанiи «очепинъ», молодой даетъ «молодухѣ» (какъ большею частью называютъ съ этого времени новобрачную) конецъ своего платка, и ихъ ведутъ въ избу съ музыкой, хохотомъ и пѣснями. «Свашки» и сваты приплясываютъ по пути подъ звуки веселыхъ пѣсенъ:

300. 1. *Hop koniu do pszenicy,*
Hop koniu do žyta!
Wczoraj byla panieneczka,
A dzisiaj kobieta.
2. *Wczoraj byla u wjaneczku,*
A dzisiaj u czépeczku.
Hop koniu do pszenicy,
Hop koniu do žyta!
3. *Chodzi sobie po ryneczku,*
Nosi dziecie w podoleczku,
A placze nieboga. (*нап.* № 29).

301 1. *Oj chmielu, chmielu, ty bujne ziele,*
Nie bendzie bes' cie žadne wesele.
Oj chmielu, niebože,
Niech ci Pambuk dopomože,
Oj chmielu!
2. *Bodaj ty, chmielu, na tyczki nie laz,*
Žebyś nie robil s panienek niewjast!
Oj chmielu, niebože,
To na dùol, to po gùorze,
Oj chmielu!
3. *Oj chmielu, chmielu, ty napas'niku,*
Z(d)radziles' panne na pastewniku.
Oj chmielu, niebože,
Niech ci Pambuk dopomože,
Oj chmielu! (*нап.* № 28).

302 1. *Polecia la przepjureczka w žyto,*
A ja za nio [1]) *s fuzyjo nabito;*
Polecia la przepjureczka w proso,
A ja za nio nieboraczek boso,
2. *Polecia la przepjureczka* въ лёнъ, въ лёнъ,
A ja za nio nieboraczek лёмъ, лёмъ! [2])
Trzebaby sie pani matki spytać,
Czy pozwoli przepjureczkie schwytać'.....
(*нап.* № 30).

Во время шествiя изъ «клуни» въ избу у сватовъ опять появляется тотъ-же пѣтухъ, котораго они такъ-же непочтительно несутъ передъ молодыми, пока наконецъ не свернутъ ему голову окончательно. Затѣмъ сваты бѣгутъ поскорѣе впередъ въ избу и занимаютъ всѣ мѣста за столомъ [3]). Молодые входятъ въ избу, здороваются и, видя, что негдѣ сѣсть, останавливаются сконфуженные у порога, а другiе стыдятъ ихъ, зачѣмъ такъ долго спали. Чтобы выманить сватовъ изъ за стола, «молодуха» сыплетъ посреди избы горстями орѣхи, сѣмечки и другiя лакомства, на которыя сваты бросаются кучею; происходитъ маленькая свалка, а молодые, пользуясь этимъ временемъ, занимаютъ мѣста за столомъ. Завтракъ для молодыхъ устраиваютъ «свашки» отъ себя: онѣ пекутъ нарочно для этого пшеничныя лепешки (палюхú) и подаютъ ихъ горячими молодымъ съ масломъ или поджаренными саломъ (скваркú), при чемъ приговариваютъ: «Просимо на палюшки, жебъ летали на нужкú» подразумѣвая при этомъ, будущихъ дѣтей молодыхъ супруговъ [4]). Въ то-же время „молодухѣ", сидящей за столомъ, сажаютъ на колѣни ребенка, обыкновенно мальчика [5]), котораго она даритъ лакомствами. Какъ-бы предчувствуя горькую долю въ замужествѣ, молодая устами пѣвицъ жалуется на свою судьбу:

303. 1. Ой черезъ село черезъ Корницю
Татаронька летiела,
Не давесь мене, о муой батеньку,
За кого я хотiела.
2. Съ кимъ я стояла, съ кимъ розмов'яла,
Тому ся не достала,
Съ кого насьмялася и накпилася [6]),
Тому я й досталася. (*нап.* № 2).

---

[1]) Это вѣроятно находится въ связи съ слѣдующимъ польскимъ обычаемъ: когда молодые возвращаются отъ вѣнца, ему выносятъ цѣпъ, а ей кудель, и заставляютъ ихъ доказать свою умѣлость и способность къ работѣ и такимъ образомъ дать ручательство, что изъ нихъ выйдутъ хорошiе хозяева. O. Kolberg, Lud. etc. IX, 250; X, 86, 94, 103, 114, 118, 242, 276, 287, 291, 294. Нѣчто подобное есть и на Волыни. Zbiòr wiad. do Antropol. VII. 3. 166. (Krakow 1883).

[1]) или: za jo.

[2]) трюхъ-трюхъ! „лёмати" или „летiети лёмки" — бѣжать рысью.

[3]) ср. Рыбникова. III. 407.

[4]) У великоруссовъ молодыхъ угощаютъ блинами, кулебяками; о распространенiи и значенiи этого обряда см. Сумцова, О свад. обряд. 142.

[5]) см. Сумцова, 201. [6]) ср. выноску къ пѣс. 259.

304. 1. Черезъ садъ-виноградъ
Калину садила,
Ой не взiавъ мене тонъ,
Кого я любила.
2. Оно взiавъ мене тонъ,
Що й роду не знала.
Ото-жъ тобiе, переборе [1]),
Щось перебирала. (*нап.* № 11).

305. Жебъ я была биду знала,
Нейшла-бъ за-мужъ-погулiала;
Теперъ мушу биду знати—
Пуозно лягчи, рано встати. (*нап.* №13).

306. Якъ я была у батенька,
То я была чубатенька;
А якъ пошла до свекрухи,
То й одйiели чубокъ мухи. (*нап.* № 12 или № 13).

307. 1. *Jak ja byla u matuli, pieknie(m) chodzila,*
Co sobota ku [2]) *niedzieli wianeczki wila;*
A teras mnie nic nie milo,
Nie dawać mnie zamonž bylo,
Matulu moja!
2. *Jak ja byla u matuli, grali muzyki,*
Od niedzieli do niedzieli jako slowiki;
A teras mnie etc. (*нап.* № 31).

Въ то время, какъ молодые завтракаютъ, сваты также готовятъ себѣ завтракъ. Они берутъ пѣтуха, съ которымъ ходили на «зводины», кладутъ его на небольшую лѣстницу (драбiна), на которой обыкновенно носятъ свиней палить, и несутъ вчетверомъ на поле; тамъ обвиваютъ длинный шестъ соломой, и къ одному его концу привязываютъ пѣтуха, а другимъ втыкаютъ въ землю и поджигаютъ снизу солому; огонь доходитъ до верху и обжигаетъ пѣтуха, и это называется «питухá смалити»; затѣмъ, его несутъ доваривать или дожаривать, при чемъ иногда еще накрадутъ куръ или цыплятъ въ домѣ новобрачнаго, такъ чтобы имъ всѣмъ хватило [3]).

Послѣ завтрака «дружко» несетъ священнику въ даръ курицу, украшенную ленточками и зеленью; его сопровождаетъ «музыка» (иногда) и нѣкоторые изъ сватовъ, неся съ собой небольшой коровай и бутылку водки, которую разпиваютъ у священника [4]). Это называется «ити съ перепоемъ». Впрочемъ, со времени возсоединенія уніатовъ, этотъ обычай почти совсѣмъ прекратился.

Послѣ обѣда, подъ вечеръ, молодой вмѣстѣ съ братомъ «молодухи» и нѣкоторыми сватами ѣдутъ съ музыкой къ тестю за приданымъ. Тамъ ихъ встрѣчаютъ «дружки» и «присвашки» (иногда же онѣ прiѣзжаютъ вмѣстѣ съ молодымъ) и поютъ пѣсню, объясняющую цѣль прiѣзда:

308. 1. Наказала Марыся,
Наказала молода
Свойимъ милымъ друхницямъ:
—Мойiе милы друхници,
Ще-жъ бо мнiе послужiете;
2. Ще-жъ бо мнiе послужiете,
Скрыночку уберiете,
Скрыночку малёвану,
Золотомъ оковану,
Дарами наповнёну. (*нап.* № 1).

Тутъ-же поютъ еще пѣс. 296, и затѣмъ молодой приглашаетъ тестя и тещу съ ихъ семействомъ и ближайшими родственниками къ себѣ въ гости; послѣ этого выносятъ на телѣгу «скрыню» молодухи съ ея приданымъ и подарками для семьи свекра, а также еще кое-какое ея имущество; братъ молодухи съ ключемъ отъ «скрыни» садится на «скрынѣ», потомъ усаживаются другiе и ѣдутъ съ музыкой и пѣснями:

309. Вiетрець повивае, 2.
Дощикъ покроп'яе.
За Марысею придане [5]) йiедутъ,
Якъ макъ зацьвитае. (ср. пѣс. 92).

310. Село великое 2.
Дуб'е высокое,
Коники вороные,
Придане молодые (ср. пѣс. 39 и 90).
А въ нашого свата и пр. (см. пѣс. 287,288).

311. Коники тупу-тупу 2.
Веземо жорна й ступу,
И скрынку й перинку,
Марысю господыньку (*нап.* № 1).

Подъѣзжая къ дому-свекра, поютъ:

312 1. Выйди, Марысю наша, 2.
Твоя скрыночка власна,
Скрыночка малёвана,
Золотомъ окована;
2 Золотомъ окована,
Дарами наповнёна,
Виночкомъ приложона,
До свекорка одвезёна (*нап.* № 1, *во 2-й строфѣ пропуск. 3 тактъ*).

---

[1]) или: О то-жъ твуой (или тобiе) перебуоръ и пр.

[2]) или: *ik*.

[3]) О жертвоприношенiи пѣтуха см. Сумцова, о свад. обр. 116; Потебни, О мнонч. знач. нѣкотор. обряд. 55—6. Ср. обычай „смалить молоду" въ Чигир. у. Кiев. г. (Кiевск. Старина 1883 г., февр. 395). Избiенiе куръ съ относящимися сюда пѣснями см. у Чубинскаго IV. 643; Tyszkiewicz, Opis powiatu Borys. 340, № I; 343; Kolberg, Lud etc. II № 60, 96, VI № 82; Rypinski, Bialorus', 55.

[4]) Въ иныхъ мѣстностяхъ курицей платятъ свящ. за "вводъ" молодой въ церковь послѣ свадьбы; прежде давали курицу также пану. Лозинскiй Rusk. Wes. 57, 132; Zbior wiad do Antrop. VII.3. 130. 262; Wojcicki, Piesni, II, 145; Erben, Nar. pis. 300.

[5]) Такъ называется весь поѣздъ, а также и его участники.

313. Выйди, Марысю наша. 2.
Твоя скрыночка власна;
Привитай брата свого,
Що пильнуе скарбу твого. (*нап.* № 1).

314. Дайте приданамъ волю: 2.
На скрыню комору,
На коники стайницю,
На придане сьвитлицю (*нап.* № 1).

Тестя и тещу сажаютъ съ почетомъ за столъ «на посагъ», т. е. въ передній уголъ, а между нихъ—молодую; затѣмъ садятся другіе гости. Молодой не садится къ столу, а только распоряжается и угощаетъ всѣхъ, какъ хозяинъ дома. «Свашки» въ это время припѣваютъ:

315. Погнулися лавки 2.
Де сіели приданки,
Ще й лiепи погнутця,
Якъ приданки попьютця. (*нап.* № 1).

316. Приданки-буярки, 2.
Познайте свою дочку:
Вчора была у виночку,
А дзись у чипочку. (*нап.* № 1).

Послѣ ужина начинаютъ расходиться по домамъ. Мать молодой раздаетъ передъ уходомъ подарки семьѣ молодого: взрослымъ — тонкаго полотна на рубашки къ празднику, дѣтямъ—шарфики, платки, шапочки и т. п.; при этомъ или она сама поетъ, или другіе за нее:

317. Легунъ вашъ сынъ, легунъ,
Наша дочка робуотночка:
Мнуого дарувъ наробила,
Всю родину подарила,
Ще й собіе оставила. (*нап.* № 1).

Наконецъ, собираются уходить и тесть съ тещей. При разставаніи съ родителями молодою овладѣваетъ грусть, и отецъ старается утѣшить ее обѣщаніемъ хорошаго «посагу», т. е. денегъ, земли, скота и т. п.:

318. 1. Сіела Марыся кунець стола,
Розъясьнилася, якъ ясна зора.
2. Єйи батенько приступае,
Велики посагъ обициiае:
3. Поглiань на мене, дитiа мое,
Поглiань на мене, молодое.....(*нап.* № 8)

Всѣ расходятся, и этимъ собственно и кончается свадьба.

д) «Середа».

Къ этому дню относится еще маленькій эпилогъ свадьбы, который, впрочемъ, не всегда соблюдается Утромъ еще разъ собираются къ молодому нѣкоторые изъ его дружины, ведутъ молодую къ колодцу съ ведромъ и заставляютъ ее достать воды и отнести домой; но при этомъ они всячески мѣшаютъ ей это сдѣлать: толкаютъ, выливаютъ зачерпнутую воду, бросаютъ въ ведро соръ и т. п. Молодая, выведенная изъ терпѣнія, иногда старается облить своихъ противниковъ. Если за нее очень заступается мужъ, то надъ нимъ смѣются, что онъ все готовъ самъ за нее сдѣлать, что влюбленъ въ нее по уши, между тѣмъ какъ она никуда негодная хозяйка и т. п. На этотъ обычай смотрятъ здѣсь единственно, какъ на испытаніе умѣнія и силы будущей хозяйки на этой самой обыденной работѣ, хотя, конечно, въ основѣ его лежитъ миѳическое представленіе [1]). Доказательство обряднаго значенія этого обычая можно видѣть однако и здѣсь въ томъ, что тому, на чьей землѣ находится колодецъ, посылаютъ подарки: маленькій коровай, «ручникъ» и «три гроши» ($1^1/_2$ коп.).—Вернувшись въ избу, молодые угощаютъ гостей, но ни музыки, ни пѣсенъ уже не бываетъ, и вскорѣ всѣ расходятся. Иные любители выпить еще и въ послѣдующіе дни забѣгаютъ на минутку къ молодымъ «на поправку».

Надо замѣтить, въ заключеніе, что иногда «княгиню» берутъ къ молодому въ самый день вѣнчанія (воскресеніе) вечеромъ, а не на другой день, и тогда все свадебное празднество сокращается на одинъ день.

Если вступаютъ въ бракъ вдовецъ со вдовой, то никакихъ торжествъ не бываетъ, кромѣ послѣвѣнчальнаго обѣда безъ пѣсенъ и музыки. Кромѣ того, въ такомъ случаѣ передъ вѣнчаніемъ просятъ священника отслужить обѣдню за усопшихъ [2]).

Въ одинъ изъ ближайшихъ большихъ праздниковъ, но не позднѣе, какъ черезъ годъ, молодой супругъ отправляется оффиціально въ гости къ тестю, причемъ беретъ съ собою нѣсколько хлѣбовъ; это называется «ити съ пирогами».

[1]) Объ обрядовомъ употребленіи воды на свадьбахъ, см. Сумцова, О свад. обр. 100. Потебни. Объясненія пѣсенъ. 147—8.

[2]) Ср. Kolberg Lud etc X (Poznan'skie), стр. 116.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ мною тоже въ Корницѣ нынѣшнею осенью, по недостатку времени, привожу безъ всякихъ ссылокъ на варіанты (кромѣ п. 10) и безъ поясненій; эти пѣсни уже не могли быть включены въ описаніе общаго хода свадьбы, которое уже было почти окончено печатаніемъ, и я только вкратцѣ обозначу время ихъ исполненія:

Молодая собираетъ гостей и участниковъ свадьбы въ субботу вечеромъ:

1. 1. Куе зазуля, куе рабенька,
По саду летаючи;
Плаче Марыся молоденькая,
Друхници зьбираючи.
2. Мойіе друхници, мойіе сестрици,
Ще бо мніе послужіете:
Зъ яройи рутки (зъ)зелененькойи
(Съ) пару виночкувъ ввіете.
3. Одного ввіете зъ яройи рутки,
Другого изъ леліейи;
Одного вложте на росу косу,
Другого на платъ біелы (*нап.* № 2)

Молодой отправляется въ тотъ-же вечеръ къ невѣстѣ:

2. 1. Не соколъ летитъ, крыльціами бращитъ—
До дуба (2), до зелёного квитичка.
2. Ясюлё йіеде, пудъ йимъ куонь грае—
До тесьця (2), до зелёного квитичка.
3. Тещенько ходитъ, збанъ вина носитъ:—
Зіатю муой (2), ты наречбны, йіедь у двуоръ!
4.—Я вина не пью, въ двуоръ не пойіеду,—
Десь муой даръ, дороги товаръ—
Марыся молодая[1]) (*нап.* № 2, *съ вар.* г.)

По пріѣздѣ къ невѣстѣ, молодой сидитъ съ нею «на посази»:

3. Половина саду цьвите (2),
А половина в'яне;
Любивъ Ясюлё Марысю,
А теперъ не погліане. (*нап.* № 1).

Продаютъ косу невѣсты (суббота):

4. 1. Марысю молодая, (2)
Будь же ты розумная:
Не продай росы косы
Ясюлеви безъ гроши.
2. Не вважіай, що не мае (2)
Нехъ злотомъ обсыпае:
Не буде вуонъ вважіати,
Якъ буде косу рвати, (*нап.* № 1)

Новобрачную увозятъ изъ дома родителей къ мужу:

5. Куе зазуля на пеньку,
Чи не жіаль тобіе, батеньку?
Скрыню везутъ, перину несутъ,
Раденціа волокутця (*нап.* № 4)

6. 1. Батеньку, нащо мене даешъ,
Руодненьки, нащо мене даешъ?
Другойи такбйи [2]) не маешъ...

[1]) Эта пѣсня занесена въ Корницу недавно изъ Вульки—Носовской того-же уѣзда (по мѣстному—Вуолька); поется также, когда берутъ молодую къ мужу.

[2]) *о.* такойіе.

2. Де пуйду—самъ туды не пуойдешъ,
Що зроб'ю—робити не будешъ... [3])
(*нап.* № 6).

7. 1. – Ой огледься, батеньку,
Чи е всіе свойіе (в)дома.
—Ой е всіе свойіе (в)дома,
Одна Марыся у дорози;
2. Одна Марыся у дорози,
Єйи слидоньки на порози;
3. Єйи слидоньки на порози,
Друбны слюзоньки по дорози.
(*строф.* 1 *по нап.* № 7 *съ вар. а*, 2—3 *по* № 8).

Подъѣзжаютъ къ дому свекра:

8. 1. —Выйди, батеньку, погляди,
Щосьмо сынбву привезли:
Въ ліеси росла, въ саду цьвила,
За столикомъ сіела.
2. Вышовъ батенько, не познавъ,
Єйи крулюовною назвавъ:
—Ой то крулюовна, не моя руомня,
Не моя сыновая
3. – Выйди, матюнко, и пр. [4]) (*нап.* № 4, *ср.* № 35).

9. 1. Черезъ багбнъ везёно корогбнъ [5])
На корогони друбное писане,
2. Написано міесецёмъ, зорею,
Хвалився Ясюлё своею:
3. —Ой ни(г)де такбйи панны ніетъ,
Якъ моя Марыся, зъ рожи квіетъ.
(*нап.* № 6, *съ вар.* а)

«Нечестной» (несправедливуй) иногда припѣваютъ:

10. 1. Сіадьмо въ доліе посидіемо, [6])
Друобны листы напишіемо.
2. Друобны листы напишіемо,
До батенька одошліемо.
3. Нехъ батенько тое чуе,
Нехъ посагу не готуе;
4. Ни посагу, ни виночка,
Бо уже я не діевочка:
5. Вжемъ стратила свуой виночокъ
За свуой дурны розумочокъ.
6. Ни съ панами, ни зъ ляхами—
Съ хорошими мужиками;
7. Не пьяною — тверозою,
Пудъ біелою берозою,
8. Пудъ яворомъ зелененькимъ,
Изъ Ясюлёмъ молоденькимъ.

[3]) Пѣвицы могли вспомнить не всѣ стихи (точки).

[4]) Пѣсня занесена изъ Вульки, какъ и п. 2.

[5]) Слово непонятное для поющихъ; это искаж. вм. „короговъ".

[6]) Каждый стихъ повторяется; напѣвъ не удалось записать, а на свою память въ данномъ случаѣ не вполнѣ полагаюсь.—Начало пѣсни немного напоминаетъ Гол. IV, 314, № 8 (*Z'eg.* I, 107; Рус. Днѣстр., 50); Zb. w. do A. V. 30 — 1, VI. 46 № 64; конецъ ср. у Рокоссовской, Zb. w. do A. VII. 173 № 14; ср. еще Бесѣд. 1872, VI. 13, VIII. 27, 36, 51.

ПРИМѢЧАНІЯ.[1]

(Объясненія и сравненія).

[1]) Нѣкоторыя сокращенія, употребленныя при ссылкахъ:

Алекс.=В. Александровъ. Вологодская свадьба. Петерб. 1863.

Батюш.=Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. Батюшковымъ, вып. VII.

Безс.=Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни, вып. 1.

Бес.=Бесѣда 1872 г. («Объ историч. знач. южнорус. народн. пѣсенъ,» Костомарова).

Вар. = Варенцовъ, Сборн. пѣсенъ Самарскаго края. Спб. 1862.

W. z Ol.=*Wacław z Oleska*, *Pieśni pol. i rus. Ludu Galicyjskiego*, *Lwów*, 1833.

Верк.=Ст. Верковичъ, Народне песме македонски Бугара, кн. I. Београдъ 1860.

Wojc.=*Wojcicki*, *Pieśni ludu. Warsz.* 1836, *t.* I, II.

Glog.=*Gloger Z.* а) *Gody weselne*, *Warsz.* 1880. б) *Starodawne dumy i pieśni*, *W.* 1877. в) *Skarbczyk. Zwyczaje doroczne. W.* 1882 г) *Krakowiaki W.* 1879, *wyd.* 2. д) *Kujawiaki*, *mazurki*, *wyrwasy etc. W.* 1879.

Gol =*Golębiowski*, *Lud polski* (ссылки заимствованы мною у Лозинскаго).

Гол.=Головацкій. Нар.пѣсни Галицкой и Угорск. Руси, книги: I, II, III, IV. Моск. 1878.

Демб.=Дембовецкій. Могилевская губ., этнограф., статистич.... описаніе. Могилевъ 1882.

Де-Вол.=Де Волланъ. Угро-рус нар. пѣс., Спб. 1885.

Erb.=*Erben*, *Prostonárodni české pisnie a říkadla. Praha* 1864.

Закр.=Закревскій. Старосвѣтскій Бандуриста, кн. 2. Моск. 1860.

Zb. w.=*Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowéj*, *wyd. staraniem komisyi Antropologicz. Akademii Umiej. w. Krakowie*, 1877—84, *t.* I—VIII (страницы относятся къ 3-му отдѣлу каждой книги—этнографическому).

Żeg.=*Żegota Pauli*, *Pieśni ludu Ruskiego. Lwów.* 1839 (ссылки на его-же польск. сборникъ заимствованы у другихъ авторовъ).

Изв. Об. л. Ест.=Извѣстія Общ. любителей Естествознанія, Антрополог. и Этнограф. Москва.

Кар.=Вук Караджич, Српске нар. пjесме. Беч. 1841.

Kozl.=*Kozlowski*, *Lud. pieśni*, *podania etc. Warsz.* 1867.

Kolb.=*O. Kolberg*, а) *Pieśni ludu pol.*, *ser I. Warsz.* 1857, б) *Lud*, *jego zwyczaje etc.* в) *Pokucie*, *t.* I, *Krakow*, 1882.

Koll.=*I. Kollár*, *Narodnie Zpiewanki*, *t.* I, II.

Konop.=*Konopka*, *Pieśni ludu Krakowskiego* (ссылки заимствованы).

Krolmus=*Sumlork. Staročeské poviesti etc. č.* I—III. *Praha* (съ 1845).

Lipin.=*Lipiński. Pieśni ludu Wielkopolskiego*, *I. Poznań*. 1842.

Лоз.=*Lozinski*, *Ruskoje Wesile. Peremyszl.* 1835.

Метл.=Метлинскій, Народн. юж. русскія пѣсни. Кіевъ, 1854.

Милад.=Миладиновци. Болгарскія нар. пѣсни.

Милл. и Форт.=В. Миллеръ и Фортунатовъ, Литовскія пѣсни (напеч. въ Извѣстіяхъ Моск. Универс. 1872, кн. 1-4).

Miodusz.=*Mioduszewski*, *Pastorałki i Kolendy. Krakow.* 1843.

Пот.=А. Потебня, а) Объясненія пѣсень, Варшава 1883; б) О нѣкотор. символахъ въ славян. народн. поэзіи, Харьк., 1860. в) О миѳич. значеніи нѣкот. обрядовъ и повѣрій. Моск. 1865.

Рыб.=Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ.

Ryp.=*Rypiński. Białoruś*. Парижъ, 1840.

Сах.=Сахаровъ. Пѣсни русскаго народа. (Ссылки на «Сказанія», исключая изд. Суворина 1885 г., заимствованы)

Sb. sl. mat.=*Sbornik slovenskich národnich piesni etc*, *vyd. Matica Slovenska. Sväz.* I, II. (*soš.* 1.). 1870—4

Свадебныя пѣсни Бѣлоруссовъ. (Дополненіе къ опис. Могил. губ., Дембовецкаго; въ продажу не поступали).

«*Slavia*»=*Sbirky prostonárodni*, *po'rada pohadkova komisse spolku «Slavia»*, *w Praze:* а) *České a morawské pisnie* 1879. б) *Národni pisnie* 1877. в) *Pisnie slovenské*, 1879. г) *Koledy wánočni*, 1878.

Smol. и H.=*Smoler* и *Haupt. Pjesnički Lužiskich Serbow.* I, II. *Grymi* 1841—3.

Спрог.=Спрогисъ, Памятники латышскаго народнаго творчества. Вильно 1868.

Студ. = Студитскій, Нар. пѣсни, собранн. въ Новгородск. губ., Спб. 1874.

Suš.=*Sušil. Moravské pisnie.* 1860.

Тер.=Терещенко, Бытъ русскаго народа.

Трейл.=Бривземніаксъ (Трейландъ), Латышскія пѣсни (въ Сборникѣ антропологич. и этнографич. статей, изд. Дашковымъ, кн. II.=(Изв. Общ. л. Естеств., т. XII. Моск. 1873).

Tyszk.=*Tyszkiewicz. hr.*, *Opisanie powiatu Borysowskiego* (Минск. г.). *Wilno*, 1847.

Чуб.=Чубинскій, Труды этнографич.—статистич. экспедиціи въ зап.-русскій край. Матеріалы Чубинскаго (преимущ. т. IV—свадебн. пѣсни).

Якуш.=Якушкинъ, Сочиненія. Спб. 1884.

блр., влр., влр, поль., блг.=бѣлорусскій, великорусскій, малорусскій, польскій, болгарскій.

п.=пѣсня.

Пѣсни 1—3.

Первую пѣсню народъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что мѣсяцъ послѣ заката солнца, когда именно «мелютъ на коровай», долженъ замѣнять собою солнце, т. е. свѣтить такъ-же ярко, какъ солнце свѣтитъ днемъ, чтобы работа больше спорилась. Такой смыслъ имѣетъ между прочимъ обращеніе къ мѣсяцу въ моравской пѣснѣ:

Svit' miesičku jasno:
Už slunečko zašlo etc. (*Suš.* 465).

Но на самомъ дѣлѣ обращеніе къ мѣсяцу въ разбираемой нами корницкой свадебной пѣснѣ и въ подобныхъ ей есть остатокъ старинныхъ молитвенныхъ обращеній къ небеснымъ свѣтиламъ, какъ къ божествамъ. Въ свадебномъ ритуалѣ такія обращенія были особенно употребительны, такъ какъ небесная чета, мѣсяцъ и солнце, оба считались покровителями земного брака. Что такое значеніе имѣло обращеніе въ нашей пѣснѣ къ мѣсяцу, служитъ отчасти доказательствомъ 2-я пѣсня, въ которой мѣстопребываніемъ мѣсяца считается рай, жилище Бога, а въ варіантѣ вмѣсто мѣсяца призывается Богъ: «Засвѣти, Боже, изъ раю» (Сах. Ш. 352, № 3).—Такого-же склада и съ такимъ-же значеніемъ и 3-я пѣсня, въ которой просятъ мѣсяца, чтобы онъ свѣтилъ «ясною зорою» надъ тѣмъ домомъ, гдѣ будетъ происходить свадьба. Можетъ быть, слово «зора» слѣдуетъ здѣсь понимать не въ обычномъ смыслѣ (звѣзда), а въ значеніи «свѣтила» вообще. Названіе мѣсяца «зорею» встрѣчается еще въ слѣд. п.:

Ой ти місяцю зоре,
Ти зайди за комору и пр.
(Лисенко, Збірник. Укр.пісень, П. №22);

такой же эпитетъ въ пѣсняхъ, насколько помню, дается и солнцу, которое называется также и «луною» (Метл. 122). Съ другой стороны, просьба, обращенная къ мѣсяцу, чтобы онъ свѣтилъ надъ домомъ «ясною зорею», намекаетъ, можетъ быть, на народное вѣрованіе въ появленіе звѣзды надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ происходитъ нѣчто необыкновенное, важное. (Ср. ниже паденіе звѣзды на стрѣху, при отправленіи дѣвушки къ вѣнцу, п. 88).

Пѣсни 1—3, пріуроченныя къ корницкому обычаю «молоть на коровай», принадлежатъ, собственно говоря, другимъ обрядамъ, тоже коровайнымъ (печенію, убиранію, дѣленію коровая); такъ можно думать потому, что въ связи съ этими послѣдними онѣ извѣстны и въ другихъ мѣстностяхъ, тогда какъ обычай «молоть на коровай» едва-ли не составляетъ исключительную особенность корницкой свадьбы.

Припѣвъ «Перша квіетонька» и пр. не всегда кстати прибавляется къ пѣснѣ подобно галицкимъ припѣвамъ: «У той чашейцѣ солодокъ медокъ». (Гол. П. 116 и пр.), «Лежали бервы бервенковыи» (id. IV. 340 и пр.), «Тамтудый лежитъ зъ—давна стежойка» (Лоз. 39, 95 и пр.; послѣдній припѣвъ можно разсматривать какъ принадлежность тѣхъ пѣсенъ, которыя говорятъ объ отправленіи въ путь: къ невѣстѣ, къ вѣнцу и т. д., *ср. ib.* 64). Другая неправильность примѣненія этого припѣва та, что какъ по отношенію къ жениху, такъ и по отношенію къ невѣстѣ, поютъ: «*Перша* квіетонька» и пр., между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ слѣдовало бы ожидать: «Друга квіетонька—Марыся», какъ напр. у Чуб. IV. № 652, *ibid.* нотное прилож. № 1, 4 и пр.

Варіанты [1]: Чуб. IV № 519, 520, 540 (*Žeg.* 67, 128; Лоз. 17); Сах. III. 352, № 3; *Smol* и *H.* № 246,—9; *Suš.* 465. Ср. ниже п. 12 и 127.

Пѣсня 4.

Упоминаніе мельницы въ свадебныхъ и нѣкоторыхъ другихъ пѣсняхъ не случайное; мельница имѣетъ здѣсь переносный смыслъ: жернова, повидимому, изображаютъ супружескую чету. Риѳма: «млинъ—милъ» довольно обыкновенна въ пѣсняхъ. См. Потебни, О миѳич. знач. нѣк. обряд. 43—44; ср. его-же О нѣкотор. символ. 114—5. Въ латышск. пѣснѣ (Спрогисъ, 237, № 6) говорится: «Мать сыновей бродитъ кругомъ; у нея на спинѣ жерновый камень (=сынъ), она ищетъ молольщицы -другого жерноваго камня». Мельница въ дѣйствіи можетъ означать или исканіе любви (*Žeg* П. 199, № 40; Чуб. Ш. 181, V. 175), или взаимную любовь (*Kollár* П. 391), [2]) или просто половой актъ (*Kolb.* VI № 145. *a*), котораго мельникъ иногда домогается какъ-бы въ награду за то, что мелетъ зерно дѣвушкѣ (*Zb. wiad do Antr* VIII. 59, № 167; Чуб V, 1179, № 230, ср. № 236, IV, № 1500); отсюда: ити на мельницу молоть хлѣбъ=выходить за-мужъ. (*Kollár*, I, 238, № 25). Существуетъ интересная польская загадка о ручной мельницѣ: «*Kolo brzucha walkiem rucha, a w dziurce wesele*» (*Zb. w. do Antr.* VII. 3. 142. № 82). Мельникъ, особенно въ словацкихъ и отчасти въ малорусскихъ пѣсняхъ, представляетъ на взглядъ дѣвушки лучшую партію; такое предпочтеніе отчасти, кажется, навѣяно книжнымъ представленіемъ о такъ называемомъ «колесѣ фортуны», къ которому приравнивается колесо мельницы (водяной). «*Mlynár sedi na kolese—Wodička mu štiestie nese*» (*Koll.* I. 337, № 5; ср. Чуб. V. 1176, № 223; о колесѣ фортуны см. Аѳанасьева, Поэтич. воззр. слав., Ш, 413—415).

---

[1]) Римскія цифры означ. томы сборниковъ, арабскія безъ знака №—страницы, со знакомъ № (также и римскія)—пѣсни; при перечисленіи подъ рядъ нѣсколькихъ номеровъ пѣсень одного и того-же сборника или на одной и той-же страницѣ знакъ № поставленъ одинъ разъ.

[2]) То-же означаетъ мелющая мельница у Чуб. V. 74 № 156 (конецъ), хотя проф. Сумцовъ видитъ здѣсь символизацію „людскаго говора и сплетничества" („Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. "107).

Съ другой стороны, жерновъ вслѣдствіе своей тяжести сдѣлался символомъ гнетущаго горя, неизбѣжной гибели. Самый вѣрный способъ утопленія—привязать къ шеѣ жерновъ (еванг. Матѳ. 18,6 Мар. 9.42). Камень въ этомъ случаѣ отчасти уже является и самъ по себѣ средствомъ наказанія; всего же яснѣе выразилось это понятіе въ миѳѣ о наказаніи Сизифа, гдѣ нескончаемыя нравственныя мученія сравниваются съ катаніемъ въ гору громаднаго камня.—Въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ жизни камень (жерновъ) можетъ между прочимъ служить символомъ несчастнаго супружества (Гол. Ш. 241; *Suš.* № 667) или образомъ немилаго, надоѣдливаго, ухаживателя, особенно старика или вдовца (Чуб. Ш. 141—2, IV, № 85; *Erb.* 250 № 606; «*Slavia*», *Ceské a mor. pisne*, № 261; Метл. 115; Безс. блр. 139. № 142; Якушк. 607 № 101 и 678, № 36; Шейнъ, блр. 135, № 197, *id.* 279 № 531 и влр. I. 173 № 123; *Zb. wiad. do Antr* VШ. 92. № 127; *Kolb.* Ш, 270 № 32, X. № 129; *Glog.*, *Gody*, 46 № 68; Милл. и Форт. № 54; Бес. 1872, V. 95, VШ. 43; Потеб., Об пѣс. 170—1; Милад. № 305; Лисенко, Молодощи: веснянки, № 1 (Кіевъ 1875); [1]) *Smol. и H.* П. 94, № 107). Замѣтимъ кстати, что К. Гауптъ по поводу послѣдняго, лужицкаго варіанта говоритъ, что въ угрозѣ дѣвушки бросить въ старика камнемъ содержится указаніе на существовавшій будто-бы у Вендовъ обычай убивать, топить, или сбрасывать со скалы неспособныхъ къ труду стариковъ чему онъ приводитъ и историческіе примѣры изъ разныхъ хроникъ (см. его *Sagenbuch der Lausitz* II. 9—10, *Leipz.* 1863); хотя такое заключеніе, кажется, невполнѣ правдоподобно, однако можно еще указать на польскую пѣсенку, какъ будто подтверждающую это мнѣніе:

Staregom ja meⁿža miala.
Na góreⁿ mu wléź'c' kazala;
Z górym go potém zwalila,
Bom go teⁿgo nie lubila (*Glog.*, *Kujawiaki etc.* № 150).

Въ Малороссіи извѣстна легенда, объясняющая, почему прекратился существовавшій тамъ нѣкогда обычай—изводить стариковъ, негодныхъ къ труду («Радуга» 1885, № 28, стр. 602).

Стихъ 4. Перепросити обыкновенно значитъ: просить прощенія (*п. przeprosić*); здѣсь же въ смыслѣ: привлечь на свою сторону, переманить, какъ въ бѣлор. (Демб. 549, № 32 ср. № 58):

Пирипрасычка дзѣвычка.
Пирипрасила дзяцинку (*v.* пириманила)
Съ чужія вулицы на сваю.

Ср. млр.: Ой ты Марьечко *перемовочко*,
Перемовыла Юрася зъ чужого села въ свое. (Метл. 178).

[1]) Корницкій вар. см. въ примѣч. къ пѣс. 203.

Ст. 2. Вставка *о* при именит. пад. по требованію напѣва объясняется возможностью замѣны этого падежа звательнымъ; это особенность сербскаго народнаго языка, но она встрѣчается и въ малор. народной поэзіи. См. прим. къ пѣс. 43.

Эта пѣсня повидимому болѣе умѣстна была бы на другой или на третій день свадьбы, когда новобрачная ожидаетъ къ себѣ родителей, въ домъ мужа.

Варіанты: Чуб. IV. № 1291; Демб. 579, № 304; Свад. п. блр. № 145.

Пѣсня 5.

Дѣленіе на строфы здѣсь очень непостоянно, поэтому и напѣвъ не всегда соблюдается такъ, какъ указано.

Вар. Батюшк. 399, № 1; Чуб. IV, № 487—9, 1056, и др. Ср. ниже п. 11 и 128.

Пѣсня 6.

Эта пѣсня принадлежитъ къ весьма обширному отдѣлу пѣсенъ миѳическихъ, примыкающихъ къ животному эпосу. Г. Безсоновъ замѣчаетъ: «Всѣ извѣстныя пѣсни о свадьбахъ, играхъ, дѣяніяхъ животныхъ по подобію людей, или, вѣрнѣе, Купалы, относятся по происхожденію къ купальскимъ, ибо самыя эти явленія разъ только въ году имѣютъ настоящее мѣсто и представляются дѣйствительностью въ шабашѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ т. е. въ купальскій праздникъ» (Бѣлор. п. I. 54,) Безъ сомнѣнія, такой выводъ слишкомъ односторонній; это примѣнимо къ нѣкоторымъ пѣснямъ этого разряда, но никакъ не ко «всѣмъ». Пѣсни, въ которыхъ фигурируютъ животныя можно раздѣлить на нѣсколько группъ: въ однихъ говорится о свадьбѣ, въ другихъ о похоронахъ, третьи имѣютъ чисто сатирическій характеръ и т. д. Не пытаясь группировать извѣстные мнѣ варіанты, я сдѣлаю только ссылки [1]): Чуб. Ш. 200 (5) IV № 597, V стр. 1127 (75), 1144—5 (131—2), 1169 (205—7) 1178 (227); *Wojc.* П. 217 (22), 278, 280, 287—8, 335, 373; *Wac. z Ol.* 156 (481), 406 (272), 436, 475; Де-Вол. 157 Шейнъ, блр. 29 (59—62), 24 (47), 31 (65), 148 (222—3), 479 (83); влр.: 184 (40, ср. 41—2), 27 (44 и далѣе № 69—71), Сах. П. 59 (28), IV 132 (27), 102, 418, 460 (млр.), Ш. 37; Рыбн. I. № 87, П. № 59 (см. прилож. стр. XП и LXIV), Ш. 57—61, IV. 153 [2]); Батюш. 390 (2), Лоз. 53, 112, Гол. П. 732; Безс. блр. 54 (97); Закр. № 90, 173; Терещ. П. 555; Вар. 19 (15 и далѣе: 16, 18—21, 23); *Zeg.* П. 92—100 и поль. 177—8; *Ryp.* 108; Кар. I. 529 (712—3),

[1]) Цифры, поставленныя въ скобкахъ при № страницы означаютъ № пѣсни на указанной страницѣ.

[2]) ср. также „хоръ птицъ“ въ „Снѣгурочкѣ“ Островскаго, (прологъ).

531—3; *Erb.* 29—30, 39, 346—9 (со ссылками); *Suš.* № 810, 836; *Slavia, Koledy Wánočni*, № 130, *Národ. pisn.* № 209; *Sb slov mat.* I. 40 (99), II, 24 (22), 115 (36), 108 (3); *Koll.* II. 127—130, 132; *Smol.* и *H.* I № 237, 267, 273. (съ примѣч.), II.№ 172, 194; *Krolm.* I. 39, 116, 125—6, 188, 257,362, 468, 471, 601; *Kolb.* II № 62, 182, 295, III № 5 (стр. 209), 57, 94. IV. № 217, 224, 255, 261—3, V № 60 (=*Miodușzewski*, стр. 187 № 99, ср. № 100), VI № 409—413, 415—7, 419—20, 832 IX № 52, X № 33, XII № 451, 590—5, 609—10, XIII № 150; *Kozl.* 152 (III); Копор. 152, 156; *Zb. wiad. do Antr.* II. 115 (211), 117—8 (2—3), 119 (5), 121 (15), со ссылк., III. 174 (со ссылк.), 219 (51—3), IV 153 (225), 222 (50—1), 244 (203), VI. 142—4, 151 (133), VIII. 69 (14), 98—9 (165—8), 225 (288). Спрог., отд. III (особ. стр. 88, «птица») и 203, № 22. Трейл., отд. III (особ. стр. 63). Милл. и Форт. № 100. Бесѣд. VIII. 71—2, X. 31—2, 38, 50, 55, ссылки. Ср. Потеб., Об. пѣс. 233—4. См. ниже пѣс. 159, 160, 162.

Козелъ, какъ извѣстно, имѣетъ миѳическое значеніе; онъ подобно туру, оленю и барану, которые въ пѣсняхъ изображаются съ сіяющими, какъ солнце, золотыми рогами (Варенц. 154; Рус. Бес. 1860, II. 79; Шейнъ, влр. I. 448 № 22), олицетворяетъ собою солнце, и служитъ эмблемой похоти и плодородія (Потеб., О миѳ. зн. нѣк. обр. 38, Фамицынъ, Божества др. славянъ 239—241); поэтому въ видѣ козла изображается соотвѣтственный смертный грѣхъ, нпр. въ извѣстной книгѣ: *„Сердце человѣческое есть или храмъ Божій, или жилище сатаны“* [1]). Козла иногда замѣняетъ коза (нпр. при колядованіи, ср. Безс. блр: 97). Въ виду этого надо полагать, что первая строфа пѣсни 6, гдѣ представлено козье семейство, имѣетъ иное происхожденіе, чѣмъ вторая; при томъ послѣдняя строфа уже относится къ печенію коровая.

Пѣсня 7.

Происхожденіе пѣсни уже позднѣйшее и повидимому не чисто народное: тутъ намекъ на любовную переписку (лысты) „кавалѣра“ съ женщинами, за которыми онъ ухаживалъ до свадьбы; говорится о картахъ, которыя упоминаются еще и въ пѣс. 157. Игра въ карты вдвоемъ, повидимому, можетъ имѣть иносказательный смыслъ, означая взаимную любовь, любовную связь, хотя у насъ и говорится, что кто счастливъ въ картахъ тотъ несчастливъ въ любви; по крайней мѣрѣ такое заключеніе можно вывести изъ словацкой пѣсни:

Stoji lipka, stoji na poli zelená,
Pod n'ou sa Anička s milý'm na karty hrá.
Iak sa oni hrali, tak sa oni hrali,
Od welkej lúbosti obidwa zaspali:
Zaspala Anička na zelenom kričku,
Zaspal i mládenec na jej bielom ličku.

(*Koll.* I. 21; ср. Гол. III. 247, № 124, сходный мотивъ у *Smol* и *H.* I, № 136, см. примѣч.; безъ упоминанія о картахъ).

Въ млр. пѣснѣ: „Грыценько въ карты гравъ... Марысеньку пидмовлявъ“ (*Zb. w. do Antr.* VII. 248); ср. еще Гол. II. 451, № 679.

Варіантъ Шейнъ, влр. 559 № 3 (стихи: 5—11).

Пѣсня 8.

„Запынь коника мого“ въ иносказательномъ смыслѣ значитъ: полюби меня, прими къ себѣ; поэтому, можетъ быть, не сказано „зупынь“ (обыд. зупыни), что означало бы просто: останови; а для большей наглядности—«запынь» (обыд. запыни) т. е. загони къ себѣ во дворъ. На эти и подобныя предложенія дѣвушка обыкновенно отвѣчаетъ: «боюсь отца» (Демб. 575, № 265; Лоз. 16=*Wac. z Ol.* 2, № 2), на что парень возражаетъ: «бойся меня одного», т. е.: съ этихъ поръ ты будешь принадлежать мнѣ, и власть отца перейдетъ ко мнѣ, какъ къ мужу. Въ моемъ варіантѣ нѣтъ подобнаго окончанія, а равно и изображенія горькой жизни въ замужествѣ.—Стихи, поставленные въ скобкахъ, взяты изъ другой п., какъ показываетъ самый ихъ размѣръ; ср. п. 308, 312.

Варіанты: *Wojc* II. 342. Шейнъ, блр. 179 (281), 472 (62); влр. 551 (9). Сах. III. 77 (47), 90 (55), 382 (4). Изв. Об. л. Ест. XXX, вып. 2, стр. 128 (8); Гол. IV. 221.

Пѣсня 9.

Играть (ст. 2) — любить (ср. Потеб. Об. пѣс. 11, 13, 217). По-литовки *žáisti* значитъ «играть», а также *feminam inire* (*Schleicher, Handbuch der lit. Spr.* I. 70).

Ассоціація: роса — коса (стихъ 5), по объясненію проф. А. Потебни, основана на соотвѣтствіи смысла этихъ словъ, иначе говоря, возможность такого соединенія объясняется миѳическими представленіями народа (Потеб. Объясн. пѣс. 111 и слѣд.). Надо однако сказать, что такое объясненіе приложимо, можетъ быть, къ нѣсколькимъ случаямъ; а

[1]) Я знакомъ съ изданіемъ В. В. Холмушина, СПБ. 1838; по словамъ издателя, это—„*новый* переводъ съ нѣмецкаго изданія, напечатаннаго въ С. Петерб. 1820 года“, хотя не обозначено, которое это изданіе на русскомъ яз. Во введеніи говорится „къ читателю“: „Книжка сія первоначально переведена съ французск. яз. на нѣмецкій и, по желанію благочестивыхъ сердецъ, издана была въ 1732 г. подъ названіемъ: *Духовно-нравственное зеркало*“ и пр. Здѣсь, очевидно, разумѣется вюрцбургское изданіе подъ заглавіемъ „Geistlicher Sittenspiegel, Затѣмъ слѣдовали изданія: русское, чешское (Прага 1853). польское (Mikołow v. Nicolai 1862, перев. Ks. Szymon Perzych съ чешскаго; ср. Kolberg, Lud etc. VIII. 132).

большею частью слово «роса» представляетъ искаженіе слова «руса» (русая), основанное на простомъ созвучіи, а также и на томъ, что прилагательное „русый“ какъ въ малорусск., такъ и въ польскомъ (гдѣ также встрѣчается подобное соединеніе: *Gloger*, *Gody*, 196 № 388; *Kolb.* XVI. № 85 [1]), мало употребительно, а въ польскомъ оно даже употребляется почти только въ значеніи „рыжій“. Возможность такого искаженія допускаетъ впрочемъ и г. Потебня (*ib.* 113). О росѣ ср. еще Бесѣд. IV. 58, Аѳанас., Поэт. Воззр. (указатель). Ср. ниже пѣс. 43.

Въ 3-й строфѣ мы бы ожидали, что дѣвушка пошлетъ парня къ своему (а не къ его) отцу просить ея руки; тогда было-бы болѣе связи со слѣдующей строфой: «если-же мой отецъ не захочетъ меня выдать, то я уйду уходомъ» и пр., какъ во всѣхъ варіантахъ, указанныхъ въ концѣ. Въ настоящемъ же видѣ пѣсня имѣетъ тотъ смыслъ, что парень долженъ только представить дѣвушкѣ согласіе своего отца, и тогда она готова выйти за него хотя бы уходомъ; въ противномъ-же случаѣ она не согласна, вѣроятно, боясь, что свекоръ ее невозлюбитъ, такъ какъ парень выбралъ ее безъ согласія отца. Повидимому, такой-же смыслъ имѣетъ одна литовская пѣсня, въ которой дѣвушка, любящая парня и готовая выйти за него, говоритъ: «иди, парень, къ своему отцу, попроси у него блестящій мечъ, выруби мою руту-мяту(=возьми меня за̀-мужъ) и т. д. *Zb. wiad. do Antr.* III. 200, № 19 [со ссылк. на *Brzozowsk.* № 51 (Познань 1844), *Rhesa* № 3,17 (Кенигсб. 1825), *Nesselm.* № 47].

Вар: Чуб. IV № 311 (=Лоз. 43 № 26) ср. № 813; *Wojc.* II. 156, 187; *Gol.* 109.

Пѣсня 10.

Въ другихъ варіантахъ упоминается миѳическое число 7 (всего по семи) вмѣсто 2.—Такіе продукты, какъ яйца, масло и т. п., скопляются во время поста, почему здѣсь и упоминаются яйца, собранныя въ Петровъ постъ, и масло, накопленное въ успенскій постъ (спасовка); это—лѣтніе посты, а свадьбы играются большею частью осенью.

Вар: Чуб. IV № 501, 505, 1057. Батюш. 382(2). Демб. 553(64). *Tyszk.* 296. Шейнъ, блр. 340 (611—2). *Żeg.* 85 (46). Гол. II. 639 (39), IV. 273 (2). *Wojc.* II. 134. *Zb. w. do Antr.* VI. 38 (32) и др.

Пѣсня 13.

Слово «утка» (ст. 1) вовсе не существуетъ въ обыденной рѣчи корничанъ; оно замѣнилось словомъ „ка̀чка“ (селезень—„ка̀чоръ“). Поэтому, когда я поинтересовался знать, понимаютъ ли пѣвицы выраженіе „й-утко“ (чит. ютко), то мнѣ его пояснили польскими словами: *s'witna* (вм. *swinna*), *skrentna* (*skrzentna*), т. е. ловкая проворная, прибавляя при этомъ, что такою-де и слѣдуетъ быть хозяйкѣ дома; между тѣмъ по пѣснѣ выходитъ, что она вовсе не распорядительна, не проворна. Подобныя обращенія къ матери (невѣсты по преимуществу) съ наименованіемъ ея уткой встрѣчаются въ пѣсняхъ въ разные моменты свадьбы (Чуб. IV № 84, 231, 733, 1228; Гол. IV. 326 № 12=*Wac. z Ol.* 23; *Zb. w. do Antr.* II. 200(44), VI. 41(47); *Tyszk.* 296 съ искаженіемъ: «гаспадынечка» *wódka*, ср. Шейнъ, блр. 130 № 187; *Kolb.* XVI. № 345; послѣдній варіантъ ближайшій, по содержанію, но риѳма: *rybko*—*chybko*). Отмѣтимъ также слѣдующее обращеніе, имѣющее созвучную, хотя и съ инымъ значеніемъ, риѳму: „Сыпъ горилку, жид,-юдко, ты, музыко, заграй худко!“ Терещ. II. 552.

Ст. 3—4 можно понимать въ томъ смыслѣ, что печь уже вытопилась, пора сажать коровай, а хозяйка, по своей нерасторопности, еще даже не успѣла приготовить все необходимое для тѣста; но скорѣе здѣсь имѣется въ виду угощеніе для «коровайницъ“. *Варіанты* выше.

Пѣсня 14.

Пѣсня для Корницы не имѣетъ реальнаго значенія, такъ какъ мужчины здѣсь не принимаютъ участія въ печеніи коровая, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстностяхъ; напр., у болгаръ, когда принимаются печь коровай, «побратимы несутъ дрова и другія принадлежности». Верк. Опис. быта. Болгаръ, 9. Точно также нельзя думать, что для печенія коровая употребляются только кленовыя и березовыя дрова, упоминаемыя въ пѣснѣ.—«На загнѣтъ»—для того чтобы подрумянить коровай, только что всаженный въ печь; это достигается тѣмъ, что въ отверстіи печи оставляютъ на время жаръ и подкладываютъ лучину («кладутъ на загнѣтъ»); хорошо подрумяненный хлѣбъ назыв. „загнѣчоны“ (загнититися, загнѣчувати и пр.). Ср. ст.-слав. «гнѣтити»—зажигать, откуда влр.,«загнетка»—ямка для загребанія угольевъ (? Варенц. 141 № 23), „загнита“—лучина (Изв. об. л. Ест. XXX, в. 1, стр. 114 *b*); см. Потеб. О нѣкот. симв. въ слав. поэзіи, стр. 29—30.

Вар. Чуб. IV № 533 и нотн. приложеніе, № 6; Гол. IV. 300 (1), 313 (4 = *Żeg.* 105); Батюш. 385 *Zb. w. do Antr.* VIII, 125 № 3 (съ искаж. «на замитъ», вслѣдствіе приспособленія пѣсни къ витію «вилця», отъ „заметать“?) *Kolb. Pokucie*, II. 250 (145).

Пѣсня 15.

Никакого хожденія со свѣчкой на рѣку или вообще къ водѣ на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Свѣча

[1]) Интересна здѣсь форма съ среднимъ звукомъ (ó) между *о* и *и* (поль) и чередованіе этой формы съ другою (*rusaⁿ koseⁿ*, *rósy kosy*) въ одной и той-же пѣснѣ.

въ поэтическихъ образахъ брака имѣетъ особое значеніе (ср. Потеб., Объяс пѣс. 196—8; Сумц., О свад. обр. 89 — 91; Бесѣда IV. 67—8); она между прочимъ помогаетъ любовнику переплыть ночью черезъ рѣку къ своей возлюбленной, о чемъ сложилось такъ много легендъ и пѣсенъ (Геро и Леандръ и т. п.); она-же символъ жизни и пр.

Вар. Чуб. IV № 517 (искаж: *чее* вм. *чесъ* вѣрнѣе *чесъ*, *чiесъ*=корницк. «чiасъ», пора).

Пѣсня 16.

Эта пѣсня, какъ и двѣ слѣдующія, воспѣваетъ печь, какъ представительницу домашняго очага. Вслѣдствіе извѣстнаго взгляда на огонь, какъ на божество, и печь получила уже въ древнѣйшія времена священое значеніе; этотъ взглядъ въ извѣстной степени удержался въ народѣ и до сихъ поръ. (Сумц., О свад. обр. 186—191).

При печеніи коровая печь, какъ видно изъ пѣсенъ, то представляется какимъ-то таинственнымъ теремомъ, который весь въ золотѣ, съ серебряными воротами, со стеклянными окнами (еще недавно стекло было рѣдкостью въ крестьянскомъ быту, и въ пѣснѣ оно считается предметомъ роскоши, признакомъ богатства); то ей приписываются черты живого существа, или даже она вполнѣ олицетворяется: у нея есть *плечи* (спина), она смѣется (*реготати,-ся*=сильно смѣяться), разговариваетъ (по другимъ вар.), хочетъ ѣсть, и потому ее кормятъ короваемъ, сажая его для печенія. Если вспомнимъ, что коравой имѣетъ между прочимъ значеніе жертвеннаго хлѣба, то и олицетворенная печь представится намъ божествомъ, которому приносятъ жертву для его умилостивленія, при чемъ это жертвоприношеніе сопровождается необыкновенными явленіями: «окна мигаютъ» (моргаютъ, или также приходятъ въ движеніе), „лавки дрыжаютъ". Представленіе печи и коровая золотыми указываетъ на отношеніе этихъ предметовъ къ солнцу; такое же значеніе имѣетъ и золотая квашня, упоминаемая въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ (Потеб., О миѳ. знач. нѣк. обр. 51). Относительно фигуръ животныхъ и ихъ частей, которыми украшается коровай, существуетъ объясненіе, что онѣ замѣнили собою жертвенныхъ животныхъ (Сумц., О свад. обр. 124; ср. его-же «Хлѣбъ въ обр. и пѣс.» 119—124). Помѣщеніе на короваѣ коровьяго вымени какъ будто подтверждаетъ собою мнѣніе г. Сумцова, что «коровай» происходитъ отъ названія животнаго «корова», которое онъ замѣнялъ въ жертвоприношеніяхъ («Хлѣбъ» и пр. 123—4; но сближеніе словъ «бгати» и «Богъ», *ib.* 124 и въ «Кіевск. Старинѣ», мартъ 1885, стр. 429, кажется совершенно неосновательнымъ).

Вар.: Чуб. IV № 498, и нотное прилож. № 8; Демб. 484. Метл. 164. *Zb. w. do Antr.* II. 188 (4) и др.

Пѣсня 17.

«Дайтеся одчинити» — оборотъ рѣчи, выражающій уважительное, благоговѣйное, отношеніе къ печи, соб.: позвольте себя (=васъ) отворить; «датися», чаще съ отрицаніемъ, говорится о чемъ-нибудь неприступномъ. Кромѣ того, послѣдніе два стиха выражаютъ заботу «коровайницъ» о томъ, какъ-бы поаккуратнѣе всадить коровай въ печь. Припомнимъ кстати, что въ иныхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ коровай необыкновенныхъ размѣровъ, такъ что сажать его въ печь дѣйствительно трудно, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ сѣсть какъ можно правильнѣе, иначе принесетъ много сокрушеній на счетъ судьбы молодыхъ. Но еще труднѣе вынимать коровай, выросшій въ печи. По пѣснямъ, для этого требуется ломать печь (напр. Лоз. 19. Чуб. IV № 527—8), что̀, по нѣкоторымъ показаніямъ, отчасти случается и въ дѣйствительности (Демб. 484.).

Вар. Чуб. IV № 542 (=Лоз. 18), 545. *Zb. w do Antr.* VI. 40 (43). Гол. IV. 273 (2) и др.

Пѣсня 19.

Пѣсня говоритъ объ участіи самого Бога и его угодниковъ въ печеніи коровая, что въ другихъ варіантахъ выражено еще нагляднѣе (ср. нпр. Чуб. IV № 501 Г. *Zb. w. do Antr.* II. 271 (7). *Tyszk.* 294, — 6, Шейн. блр. 340 № 611); этимъ указывается на священное значеніе коровая въ глазахъ народа, съ одной стороны, и на понятіе объ участіи небесныхъ силъ въ устроеніи судьбы молодой пары съ другой, при чемъ не надо забывать, что христіанскій Богъ и угодники замѣнили собою языческія божества, въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ божество солнечное. Иногда Богъ и Богородица представляются не только помощниками, но хозяевами, устраивающими пиръ для молодыхъ (ср. *Kolb.* XVI № 125. *b.*).

Троица представляется здѣсь женщиною, благодаря женскому имени, а Спасъ—ея сыномъ. Спутниками Троицы бываютъ и другіе святые, нпр. Микола (*Tyszk.* 317 № V). Ближайшіе *варіанты:* Чуб. IV № 501 и прилож. № 4; Батюш. 383. *Zb. w. do Antr.* VI. 39 (36) VII 247 (10) и др.

Пѣсня 21.

Эту пѣсню въ иныхъ мѣстностяхъ (Бѣлор.) поютъ и во время полевыхъ работъ.—*Кондзеравы*—искаж. польск. *keⁿdzierzawy* (кудрявый); въ разговорной рѣчи это слово неупотребительно вовсе въ Корницѣ, хотя и соотвѣтственное малор. «курчiавы» рѣдко употребляется, а «кудлаты» по отношенію къ лицамъ имѣетъ преимущественно насмѣшливый или презрительный смыслъ (эпит. соба-

ки), равно какъ и сущ. «кондель» (поль), «кудла»; слово «кучерявый», встрѣчающееся въ этой п. въ сосѣднемъ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ корницкомъ говорѣ не существуетъ, равно какъ и „кудрявый", удержавшееся въ бѣлорусск. варіантахъ. Курчавый чаще по-корницки называется *гарашковатый* (*гарахи*—кудри, *гарахъ*—завитушка, кольцо волосъ), или же употребляется въ этомъ случаѣ, (по отнош. къ лицамъ) описат. выраженіе: «съ кручонымъ волусёмъ» (волусе—собират.).

Вар.: Чуб. IV № 559, „кучерява". Батюш. 350 (жатв.). Шейнъ, блр. 130 (186, на толокѣ). *Tyszk.* 295 (свад.). Демб. 544 № 38 (жатв.).

Пѣсня 22.

Подъ зельемъ (ст. 2) здѣсь, вѣроятно, разумѣются тѣ растенія, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ свадьбѣ: зимозеле, рута; ихъ разростаніе и пышное развитіе означаетъ развившуюся и созрѣвшую любовь двухъ сердецъ, завершеніемъ которой является бракъ. Счастливая любовь, какъ говорится въ пѣснѣ, развивается между двумя существами, какъ цвѣтокъ между листочками, (*Zb. w. do Antr.* IV. 161 № 268), а взаимная любовь, встрѣчающая стороннія препятствія, уподобляется розѣ, распускающейся между шипами, которые мѣшаютъ ея развитію (*Kolb.* VI. №762). О словѣ «розвиватися» см. также Потеб., Объяс. пѣс. 49—50, 158—9. Подтвержденіе того, что свободно разстилающееся по землѣ зелье означаетъ въ данномъ случаѣ счастливую любовь и бракъ, находимъ еще въ слѣдующей словацкой пѣснѣ съ болѣе яснымъ параллелизмомъ:

Už sa zimozel stele,
Poctiwý sa par bere;
Už sa zimozel zostlau,
Poctiwý sa par sobrau (Koll. II. 385).

Зеленый цвѣтъ означаетъ молодость, красоту и веселье, поэтому «ziele» обыкновенно рифмуетъ съ «wesiele» (ст. 2—4); (ср. Потеб., О нѣкотор. символахъ и пр. 43—4); также и въ поль., ср. ниже п. 301; въ одной, кажется, только моравской пѣснѣ „зелье" стоитъ въ рифмѣ со словомъ противоположнаго значенія:

Uhlídala matijčino zeli:
Teprva nynčko mé srdéčko želí (*Suš.* № *612.*),

что основано уже на простомъ созвучіи.

Вар.: Чуб. IV. 659. Лоз. 14. *Gol.* 90. *Wojc.* II. 119. *Zb. w. do Antr.* VI. 38 (30). *Kolb.* XVI. № 357, 376.

Пѣсня 24.

Немного страннымъ кажется намъ такого рода образъ: чтобы созвать родню, созывающій „становится» *на* ель; но можетъ быть когда-нибудь и дѣйствительно практиковался этотъ простѣйшій, первобытный способъ созыванія разсѣяннаго по окрестности рода. Для этого могло служить какое-нибудь особенно высокое дерево, подъ которымъ, можетъ быть, въ то-же время было мѣсто жертвоприношеній и свадебнаго пира, а сигналомъ могъ служить или призывный крикъ, какъ сказано въ пѣснѣ (гокнути—покричать кому, позвать громко, ст. 2), или какой-нибудь значекъ, привязываемый къ вершинѣ дерева подобно тому, какъ напр. у болгаръ и теперь на крышѣ того дома, гдѣ происходитъ свадьба, вывѣшиваютъ знамя (Верк. 8, 10). Если все это болѣе или менѣе правдоподобно, то корницкій варіантъ этой пѣсни лучше другихъ, въ которыхъ вмѣсто ели упоминается *калина*, *ломина* (?) и даже *былина*, на которую взобраться довольно мудрено (ср. Де-Вол. 43, 203, 240: стану на сливку).

Но съ другой стороны ель, какъ и сосна, въ народной поэзіи большею частью служитъ печальнымъ символомъ (Костомаровъ, Вес. VIII. 66—70), что какъ будто не вяжется съ такимъ веселымъ актомъ, какъ свадьба. Въ самой Корницѣ существуетъ повѣрье, что сосну и особенно ель не слѣдуетъ сажать близъ жилища, такъ какъ онѣ приносятъ несчастье. Ель и сосна вездѣ, гдѣ только онѣ ростутъ, употребляются для гробовъ, и это также не могло не повліять на установленіе указаннаго взгляда на эти деревья. Конечно, предпочтеніе сосноваго и еловаго матеріала для гроба вызывается тѣмъ, что онъ, благодаря смолистости, дольше остается не сгнившимъ, но все-таки прямое назначеніе этого матеріала въ этомъ случаѣ невольно вызываетъ печальныя, грустныя мысли; кромѣ того, надо замѣтить, что въ иныхъ мѣстностяхъ именно сосновому и еловому гробу приписывается особенная сила: мертвецъ не встанетъ изъ такого гроба и не будетъ бродить по землѣ послѣ смерти (*Zb. w. do Antr.* VI. 278). Этими впечатлѣніями, вѣроятно, и объясняется встрѣчающееся сопоставленіе: «ялина—могила»:

Ой выйду я на гору, подивлюся въ долину,
Тамъ въ долинѣ *ялина*, тамъ вся моя родина,
Тамъ въ долинѣ родина и мамина *могила*.

(Гол. I. 263 № 43; ср. начало мlр. пѣсни приведенной у г. Потебни, Об. пѣс. 180, и Малор. п. по сп. XVI в., стр. 19, 39),—далѣе говорится, какъ дочь, жалуясь на свою горькую долю въ замужествѣ, зоветъ къ себѣ изъ могилы мать, которая бы ее пожалѣла. Въ литовской пѣснѣ, такимъ-же образомъ «молодецъ отца пробуждаетъ» стоя на верхушкѣ *дуба*, «на батюшкиной могилкѣ» (Милл. и Форт. № 57). Если вспомнимъ, что подобныя приглашенія умершихъ дѣйствительно дѣлаются въ иныхъ мѣстностяхъ наканунѣ свадьбы

(см. примѣч. къ пѣс. 52), то можно допустить, что и въ разбираемой корницкой пѣснѣ содержится намекъ на такое-же приглашеніе, т. е. если и не вся пѣсня относится исключительно къ умершимъ, то по крайней мѣрѣ въ числѣ остальной «родины» приглашаются на свадьбу и умершіе члены рода, а главнымъ образомъ родители. «Былина», замѣняющая «ялину» въ галицкомъ варіантѣ, также между прочимъ имѣетъ какое-то отношеніе къ покойнику, такъ какъ ее кладутъ въ гробъ (*Zb. w. do Antr.* VI. 227, № 16; *Wojc. Zarysy dom.* II. 333), и сопоставленіе: «долина — билина», может быть, основано не на одномъ только созвучіи, но и на значеніи, такъ какъ понятія: «долина», «долъ» примыкаютъ къ понятію «могила», какъ яма для покойника; ср. польс *dól* - могила (яма). При этомъ нужно отмѣтить нѣкоторыя странности, объясняющіяся смѣшеніемъ понятій: во-первыхъ, могила матери, по вышеприведенному отрывку галицкой пѣсни, представляется находящеюся въ долинѣ, между тѣмъ, какъ обыкновенно для погребенія умершихъ избираютъ возвышенное мѣсто, почему въ пѣсняхъ кладбище иногда называется прямо холмомъ или горой (Трейл. № 908, ср. № 881; *Kollár* I. 290 № 12; въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ можно, впрочемъ, разумѣть и могильную насыпь, какъ и въ вышеуказанной литовской п.); во-вторыхъ, для созыванія рода созывающій выходитъ на долину (вар. Лозинскаго) вмѣсто того, чтобы избрать для этого болѣе видное, возвышенное мѣсто.

Вар.: Чуб. IV. № 285, 1098 (=Лоз. 113). *Kolb.* XVI, № 347. См. примѣч. къ п. 27 (конецъ).

Пѣсня 25.

Повидимому, эта пѣсня составлена случайно изъ двухъ пѣсенъ разнаго размѣра, почему и напѣвъ ея немного спутанъ; начало ея взято изъ пѣс. 23, а окончаніе изъ п. 53. «Зъ братиковою побличносьцю» (ст. 6) значитъ: въ сопровожденіи брата, т. е. какъ будто съ блестящей свитой, причемъ братъ выдѣляется какъ главнѣйшее лицо изъ свадебной дружины; прилагат. притяжательное «братиковою» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ относительнаго. Слово «побличносьць» (также «публичносьць») — искаж. польск. *publicznoś'c'*; въ разговорѣ оно употребляется очень рѣдко, и при томъ, кромѣ прямаго значенія «публика», имѣетъ и нѣкоторый переносный или, вѣрнѣе, отвлеченный смыслъ: пышность, блескъ, помпа, ср. «величносьць» (ст. 5). Замѣтимъ, что и слово «публика» получило въ малорусскомъ также переносный, но уже противоположный смыслъ: срамъ, позоръ, публичное поруганіе; нпр.: «Ой смѣхъ тай публика, Била жонка человѣка» (Закр. 75, № 106; *Wac. z., Ol,* 194, № 110, ср. *id.* 476, № 369); Чуб. V, 666, Де-Вол. 136, 223).

Пѣсня 26.

Вар.: Чуб. IV, № 319.

Пѣсня 27.

«По нешпороньку» (ст. 1) — послѣ вечерни «Нешпороньо» — уменьш. отъ «нѣшпуръ, — ора (сущ. м. р.), а это послѣднее есть польск. *nieszpór* (лат. *vesper*), обыкновенно *plur. nieszpory* [1]) — вечерня. Надо замѣтить, что у уніатовъ, какъ и у католиковъ, въ субботу вечерни не бываетъ, по крайней мѣрѣ въ селахъ.: ее какъ бы переносятъ на воскресный вечеръ, съ тѣмъ, чтобы народъ, свободный отъ работъ въ праздничный день, больше посѣщалъ эту службу; между тѣмъ по пѣснѣ вечерня служится въ субботу, Указанный полонизмъ (нешпороньо) встрѣчается еще въ этой пѣснѣ только въ варіантахъ бѣльскаго уѣзда и въ одномъ варіантѣ Подольской губ. (*Zb. w. do Antr.* VI. 38, № 32, съ искаж.: «на нешпиръ, соньце годыну»; въ другихъ варіантахъ совсѣмъ не упоминается о вечернѣ.

Отмѣтимъ, что первые два стиха этой пѣсни съ незначительными измѣненіями встрѣчаются въ пѣсняхъ, говорящихъ о собираніи родни для приготовленія коровая (Чуб. IV, № 501И; Гол. II. 639 № 39; Лоз. 22—3; Шейнъ, блр. 340 № 611); можетъ быть эту пѣсню, равно какъ и п. 23—6 нужно отнести къ коровайнымъ, тѣмъ болѣе, что и въ польскомъ варіантѣ къ п. 24 упоминается коровай.

Вар.: Чуб. IV. № 315, 496; Батюш. 389: *Gloger, Gody.* 56 № 84.

Пѣсня 28.

Липа въ пѣсняхъ исключительно женскій образъ (Бес. VIII. 33), и здѣсь липѣ уподобляется мать: въ нѣкоторыхъ варіантахъ упоминаются и мужскіе образы — *кленъ* и др., и не только въ примѣненіи къ отцу, но и къ матери. Разлука дочери съ родителями часто уподобляется отпаденію листа отъ вѣтки: листочекъ падаетъ — дѣвушка за-мужъ выходитъ (Трейл. № 498; другіе примѣры см. у Потеб., Объяс. пѣс. 159); листочекъ, несущійся по вѣтру въ невѣдомую сторону, знаменуетъ собою дѣвушку, отдаваемую чужимъ людямъ (Метл. 222), которые въ пѣсняхъ часто сравниваются съ вѣтромъ (см. примѣч. къ п. 139); меньшею послѣдовательностью отличается параллелизмъ: «листъ опадае— женихъ покидае» (Чуб. V 410); ср. великор.:

---

1) Въ одной польской книжкѣ, составленной для народа какимъ-то священникомъ, говорится, что вечерня называется nieszpory, потому, что она бываетъ въ сумерки, когда работа уже *не спорится* (czas nie sporzy) и наступаетъ самое удобное время для молитвы, откуда выводится нравоученіе, что не слѣдуетъ пропускать nieszpory.

Пріопали съ деревъ листочка,
Съ милымъ нѣжность отошла.
(Якушк., 638, № 156; ср. Де-Вол. 27, 75).

Въ разбираемой пѣснѣ отпавшій листъ несется не вѣтромъ, а водою такъ, что листъ, падающій въ воду — дѣвушка, выдаваемая за-мужъ противъ воли; сравненіе замужества и женитьбы съ утопленіемъ — образъ, весьма часто повторяющійся въ народной поэзіи (см. прим. къ п. 43).

Конецъ пѣсни (строф. 3), отсутствующій въ ближайшихъ варіантахъ, встрѣчается въ другихъ пѣсняхъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ вѣнчанію (Чуб. IV, № 663, 690); и разбираемая пѣсня болѣе всего умѣстна передъ вѣнчаніемъ, или же передъ отправленіемъ молодой къ супругу, причемъ въ послѣднемъ случаѣ «шлюбъ» (вѣнчаніе) понимается не какъ предстоящій актъ, а какъ совершившійся. Параллельные этому окончанію стихи особенно часто встрѣчаются въ польскихъ пѣсняхъ (*Wojc* II. 73—4, *Kolb*. XVI. № 50, 127; *Glog.*, *Gody*. № 142, 165; ср. *Kozl*. 108, № 33, строф. 4, съ указаніемъ множества варіантовъ, къ которымъ прибавимъ: *Kolb*. I. 73, № 6. с., конецъ, II. № 45, IV. № 210, IX. № 36, XII. № 401—2; *Glog.*, *Starodawne Dumy*, № 13; *Zb. w. do Antr*. II. 80 № 94, IV. 212, № 15. *Kollár* II 40. *Suš*. 453). Впрочемъ, взглядъ на бракъ, какъ на «судъ Божій» не менѣе часто встрѣчается и въ великорусской народной поэзіи (сравн. Ящуржинскаго, Лирическ. пѣсни и пр. Варш. 1880, стр. 55—6), и нельзя думать, что окончаніе разбираемой пѣсни представляетъ передѣлку съ польскаго.

«Намовонька» (ст. 12) — отъ «намовити, намов'яти», подговаривать, склонять. Подъ словомъ «людіей» можно разумѣть женихову дружину, которая вмѣстѣ съ женихомъ будто бы подговорила дѣвушку выходить за него за-мужъ; но скорѣе здѣсь имѣются въ виду посторонніе: сосѣди, подруги и т. п. Замѣтимъ при этомъ, что въ одной пѣснѣ мать, выдавая дочь за-мужъ противъ ея воли, ссылается на людскія сплетни: «Ой я тя даю, я тя силую... Зъ людскои *обмовойки*» (Гол. IV. 247, № 7, конецъ). Однако нельзя смѣшивать слова: «намова» и «обмова», потому что первое никогда не означаетъ сплетни, хотя влр. слово такого же образованія — «наговоръ» и имѣетъ значеніе клеветы, сплетни (ср. млр. поговіръ).

Ближайшіе *варіанты*: Чуб. IV. № 1041, ср. 663, 690. Гол. IV. 245 (= *Žeg*. I. 68 № 4), 324 (= *W. z. Ol*. 20, № 53); Терещ. II. 504; *Kolb*. XVI. № 110, ср. № 50, 127.

Пѣсня 29.

Вар.: Батюшк. 387.

Пѣсня 30.

Ст. 3. «по помосьци»: Такъ какъ это слово въ Корницѣ неупотребительно въ обыд. рѣчи, то неизвѣстно, какую форму дать для него въ имен. падежѣ: муж., или жен. рода. Извѣстна млр. форма «помістъ» (нпр. Чуб. V. 365), влр. «помостъ» и пол. *pomost*, на основаніи чего можно предположить въ имен. пад. «помуостъ»; но въ пол. существуетъ также форма *pomosta* (ж. р.), хотя, правда, рѣдкая.

Здѣсь это слово означаетъ деревянный полъ въ избѣ. Пѣсенное выраженіе: «хата на помості» (Чуб. V. 386, № 754; ср. польс. *Kozl*. 47) повидимому тоже значитъ: изба съ деревяннымъ поломъ, свидѣтельствующимъ о зажиточности хозяина (въ пѣснѣ обыкновенно хозяйки); но рядомъ съ этимъ существуетъ еще выраженіе: «весь двіръ на помості» (Чуб. V. 102. № 216; 1149, № 140. Б.), гдѣ послѣднее слово скорѣе можно принять въ значеніи мостовой, мощенаго двора (ср. Чуб. IV. № 865, 759), хотя дворъ можетъ быть мощенъ и досками. «Мостить» можетъ и просто означать «накладывать высоко» нпр.: намості(и?)въ візъ, поіхавъ въ дорогу (Чуб. V. 672) [1]).

Вар.: Чуб. IV, № 64, 567. Батюш. 386, № 1.

Пѣсня 31.

Весь складъ этой пѣсни и повторяющееся миѳическое число «девять» свидѣтельствуютъ о ея древности (по поводу числа 9 ср. Верковича, Нар. болг. пѣсни, I. № 330); тѣмъ не менѣе близкихъ варіантовъ мнѣ до сихъ поръ встрѣтилось мало.

Вар.: Чуб. IV. № 822. Сравн. Демб. 551 № 45; Сах. Ш. 188 (118), ср. 494(26); Шейнъ влр. 527(33); Свѣточъ 1861, кн. II, 21.

Пѣсня 32.

Поэтическій образъ, заключающійся въ ст. 5—10, съ небольшимъ измѣненіемъ встрѣчается и въ обращеніи молодого къ своей дружинѣ (Гол. IV, 235 № 35 = *W. z. Ol*. 14; ср. Чуб. IV. № 838 = Лоз. 83, № 5); кромѣ того со стих. 9—10 ср. начало литовской пѣсни у Милл. и Форт. № 22. Конь въ пѣснѣ и въ эпосѣ представляется главнымъ товарищемъ молодца (ср. Бес. XI. 33—38). Въ глубокой древности молодецъ, отправляясь похищать себѣ невѣсту, понятно, долженъ былъ главнымъ образомъ разсчитывать на своего коня, какъ сказочный герой на своего сивку-бурку; въ тоже время красота коня — одно изъ средствъ привлечь вниманіе красавицы, почему напр. герой Девгеній — Акритъ, собираясь похитить Стратиговну, украшаетъ своего бѣлаго «драганта» и ѣздитъ на немъ

[1]) А можетъ быть *намастивъ* (подмазалъ).

мимо оконъ красавицы, «а драгантъ подъ нимъ играетъ», пока наконецъ Стратиговна не плѣнилась. Въ современномъ житейскомъ быту сытые, веселые, статные кони, а особенно въ большомъ количествѣ (Чуб. IV. № 895), должны свидѣтельствовать о зажиточности жениха, а отъ этого въ значительной степени зависитъ удача или неудача сватовства; поэтому-то сватовъ срамятъ у невѣсты между прочимъ тѣмъ, что они опоздали, такъ какъ не на чемъ было пріѣхать (напр. Чуб. IV, № 917, 929) и проч. Отсюда понятно обращеніе жениха къ коню въ разбираемой пѣснѣ. Что же касается жалобы коня на своего хозяина, который не ходитъ за нимъ, какъ слѣдуетъ, то этотъ мотивъ повторяется сплошь и рядомъ въ пѣсняхъ, даже не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ свадьбѣ.

Пѣсня 33.

«Горохъ точитця», ср. примѣч. къ п. 112.

Пѣсня 34.

При глаголѣ «стеле» (ст. 2) подразумѣвается возвр. мѣстоим. «ся», которое должно было бы стоять послѣ «ёму»; въ стихѣ 4 послѣ союза «жебъ» (чтобы) подразумѣвается вспомогат. глаголъ — «была» (ср. Чуб. IV, 1088: щобъ щасливая доля). Пропускъ возвр. мѣстоименія при глаголахъ по требованію размѣра встрѣчается нерѣдко, именно въ польскихъ пѣсняхъ, какъ и ниже въ п. 174 (ср. еще *Kolberg*, *Pieśni ludu*, I. 70, № 5. *bbb.*, строф. 3; 147 № 10. *h.*, стр. 5; еще примѣры тамъ же на стр. 180, 227, 236, 242, 259). Въ обыденной рѣчи малоруссовъ такой пропускъ можно наблюдать при повтореніи глагола, напр. въ повелит. накл. для усиленія приказанія: «ой одчепися-жъ ты, одчепи» (Корница) —ахъ, отстань же ты, отстань; «а дивися-жъ ты, диви» (*ib.*)—да гляди же ты и т. п. Въ разбираемой пѣснѣ возвратное мѣстоименіе пропускается и безъ подобнаго повторенія, при томъ однако условіи, что предыдущій глаголъ имѣетъ при себѣ «ся», которое во 2 стихѣ уже подразумѣвается. Въ указанныхъ выше польскихъ примѣрахъ этого условія не находимъ, но подобныхъ малорусскихъ примѣровъ я не знаю; встрѣчающійся ниже въ п. 160 случай не совсѣмъ сюда подходитъ (ср. еще Чуб. IV, № 730).

Стихъ 2-й могъ имѣть и реальное значеніе въ то время, когда еще молодымъ устилали путь полотномъ (въ избѣ и во дворѣ) подобно тому, какъ въ древности князьямъ разстилали подъ ноги паволоки, куницъ и соболей; въ Корницѣ однако этого не дѣлаютъ, и не знаю, существуетъ ли еще гдѣ-нибудь этотъ обычай. Память объ устиланіи пути сохранилась въ свад. пѣсняхъ (ср. Чуб. IV. № 296=Лол. 22, 32; Гол. II. 649, № 62, IV. 224, № 12=*W. z. Ol.* 6; см, Потеб., Объяс. п. 137).

Пѣсня 35.

Строфа 1. Противоположеніе: «болото — золото» по отношенію къ дѣвушкѣ имѣетъ, по замѣчанію проф. Потебни, значеніе: замужество — дѣвство (Объяс. п., 181), т. е: между дѣвическимъ состояніемъ и замужествомъ, по представленію дѣвушки, такая же разница, какъ между золотомъ и болотомъ (грязью). Въ нашей пѣснѣ этотъ параллелизмъ спутанъ тѣмъ, что слова обращены къ жениху; тѣмъ не менѣе подъ золотомъ здѣсь разумѣется невѣста, какъ напр. у Чуб. IV, № 905.

Строфа 2 «*Кап'е*»—въ разговорной рѣчи «*kàпае*. Что касается выраженія «мíедъ пахне», то надо вспомнить, что въ народной поэзіи существуетъ представленіе невѣсты-дѣвственницы сосудомъ (чашей, бочкой), полнымъ меду (см. Потеб., Объяс. пѣс. 7—10, ср. Чуб. IV. № 890). Чтобы выпить этотъ медъ, супругъ долженъ, по выраженію Аѳанасьева, «разбить дѣвственную чару»; этимъ объясняется обычай бить посуду на свадьбѣ въ знакъ того, что дѣвушка сохранила невинность до брака (Чуб. IV. 450 и пр.), а также и обычай давать матери «нечестной» невѣсты пиво или вино въ чашкѣ со скважиной въ знакъ того, что «сладкій напитокъ дѣвственности уже выпитъ прежде брака» (Аѳанас., Поэт. возвр. I. 464; Сумц., О свад. обр. 204). Съ другой стороны, медъ, по миѳическимъ воззрѣніямъ, представлялъ собою символъ дождя, а дождь знаменовалъ между прочимъ брачный союзъ бога-громовника съ небесными дѣвами, т. е. тучами, или союзъ, неба съ землею, благодаря которому земля оплодотворяется. (Ср. Аѳан. Ѳ. III, указатель *s. v.* «дождь»). Такимъ образомъ, ясно отношеніе меда къ браку, понятенъ и обычай давать медъ молодымъ послѣ брачной ночи (Терещ. II. 113); ср. «медовый мѣсяцъ».

Строфа 3. «Дождь —благодать», говоритъ Костомаровъ (Бес. IV. 57), что̀ объясняется уже выше указанными представленіями. Но съ другой стороны дождь можетъ служить символомъ слезъ, а отсюда вообще горя, чего-то непріятнаго; поэтому у лужицкихъ сербовъ сложился предразсудокъ, что если идетъ дождь, когда молодая ѣдетъ къ вѣнцу, то она будетъ лить много слезъ въ замужествѣ (*Smoler u H.* II. 257). Отсюда можно заключить, что дождь въ нашей пѣснѣ не только имѣетъ значеніе какъ неблагопріятная погода для путешествія, но отчасти имѣетъ и дурное предзнаменованіе.

Подобно тому, какъ здѣсь дождь выставляется препятствіемъ къ отправленію молодого къ невѣстѣ, въ одной польской пѣснѣ дѣвушка жалуется на людскіе пересуды, мѣшающіе ея милому говорить съ нею, при чемъ это препятствіе сравнивается съ дождемъ (*Kos.* 121. № 49). Наоборотъ, иногда дождь выставляется причиной посѣщенія парнемъ дѣвушки; именно, парень застигнутый въ

дорогѣ дождемъ и бурею, проситъ ночлега у дѣвушки, или уже заранѣе, выѣзжая изъ дому, надѣется не этотъ пріютъ *(Kolb.* XVI. № 266, 464; *Zb. w. do Antr.* VII. 152, № 8*)*; такими путешественниками представляются обыкновенно сваты (нпр. *Zb. w. do Antr.* VI. 98, VII. 158, № 39; Чуб. IV. № 887, прилож. № 57 и др.) [1]) пріѣзжающіе къ невѣстѣ вмѣстѣ съ молодымъ.

Слѣдствіе дождя--разливъ, и въ одномъ варіантѣ разбираемой пѣсни *(Kolberg.* VI. № 846, стр. 3*)* вмѣсто дождя стоитъ «*bystra wodzicka*» въ которой молодому грозитъ опасность утонуть. Такимъ образомъ наша пѣсня соприкасается съ обширнымъ цикломъ пѣсенъ, въ которыхъ вступленіе въ бракъ поэтически изображается переходомъ или переплываніемъ черезъ рѣку или вообще черезъ воду (нпр. Гол. IV. 220, ср. Лоз. 16), при чемъ переплывающій иногда тонетъ (см. Потеб., Объяс. п. 190—221 ср. мощеніе мостовъ, какъ образъ брака, *ib.* 127, слѣд.; см. еще «Древности», Арх. Вѣстн., М. 1868 нояб.—дек.). Этимъ народнымъ представленіемъ Пушкинъ очень кстати воспользовался при описаніи тревожнаго сна Татьяны:

«Ей снится . . . .
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, нескованный зимой.
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ....
Какъ на досадную разлуку
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей»....

И ее выручаетъ медвѣдь (Евг. Он., гл. 5).

Строфа 4. Слова «кузȧва» пѣвицы не умѣли мнѣ объяснить; только одна изъ нихъ, смѣясь, высказала такую догадку: «може, такая (т. е. невѣста), що *кузачития*» («кузȧчитися»—мѣстное слово для выраженія такого рода драки или борьбы, когда попеременно одинъ противникъ забираетъ подъ себя другаго; отсюда этому слову часто придается переносный, отчасти циническій смыслъ; «кузака, кузачка»—козявка), принимая такимъ образомъ это слово за прилагательное въ смыслѣ: драчливая, безпокойная. Изъ предшествующихъ строфъ уже можно догадаться, что здѣсь говорится о какомъ-то явленіи природы, какъ выше о дождѣ и пр. Польскіе варіанты подтверждаютъ эту догадку, доказывая, что слово «кузава» явилось, подъ вліяніемъ риѳмы, изъ польскаго *kurzawa* (пыль), которое въ обыденной рѣчи малоруссовъ — корничанъ имѣетъ форму «курава».

Замѣтимъ, что и пыль въ народной поэтической символикѣ имѣетъ переносное значеніе. Уже въ великор. пѣснѣ: «Матушка, что во полѣ пыльно?» (ср. млр. Чуб. IV. № 745), которая извѣстна всей Россіи въ мастерскомъ исполненіи Д. А. Славянскаго, выражается не простое ожиданіе гостей, а тревожное предчувствіе дѣвушкой горя, предвѣстницей котораго является пыль, поднятая по дорогѣ сватами. Вообще пыль такъ-же, какъ дымъ, туманъ, мракъ и т. п., можетъ служить символомъ печали, тѣмъ болѣе, что это слово стоитъ въ связи съ глаг. «пылать», синонимъ котораго «горѣть» одного корня съ словами: «горе, горевать, горькій» и т. п. (ср. Потеб., О нѣкоторыхъ символ. 25—7). Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда можно указать на причину горя, и символъ его—пыль получаетъ болѣе опредѣленное значеніе.

Въ вкр. п.:

Куревушка—курева
Закутила (*v.* закурила), замела....
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому идти! и пр.

«курева» (почти однозвучное съ корницкимъ «курава», хотя имѣющее иное значеніе — метель), повидимому, сравнивается съ людскими пересудами, которые мѣшаютъ часто видаться съ милымъ:

Ужъ какъ нынѣшніе люди
Догадливые, перевадливые:
Намутятъ, намутятъ,
Съ тобой, милый, разлучатъ (Якушк. 604.

№ 95-6; Печерскій, Въ лѣсахъ, Ш. гл. 16; ср. Чуб. IV. № 1760, V. 635—6)

Въ малорусскихъ пѣсняхъ людскіе пересуды, клевета, сплетни уподобляются тучѣ, застилающей свѣтъ такъ же, какъ пыль и метель (см. Потеб., О нѣк символ. 50), нпр.:

Ой хмарно, хмарно, щей й хмарнище буде,
Ой колы за насъ наговоратся люде! (*Zb. w. do Antr.* VIII. 33. № 71, ср. № 70).

Вар.: *Kolb.* VI. № 846, XII. 127, XIII. № 258; *Kollár.* I. 363, № 4; *Erb.* 293, № 15 (ст. 1—4) и 142, № 208.

Пѣсня 36.

Въ пѣснѣ 205 сама женщина пугаетъ своего ухаживателя, но не медвѣдемъ, а страшнымъ чернымъ псомъ, укушеніе котораго будто бы причиняетъ смерть. Обѣ эти пѣсни повидимому находятся въ связи между собою. Не думая утверждать за ними миѳическое значеніе и полагая, что онѣ имѣютъ скорѣе чисто-шутотный характеръ, я припомню все-таки, что медвѣдь въ миѳологическихъ представленіяхъ олицетворялъ собою бога-громовника, какъ говорятъ послѣдователи солярной теоріи (Аѳанасьевъ, Поэтич. возвр. I. 386--391), а отношеніе этого бога къ свадьбѣ достаточно ясно. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что медвѣди насилуютъ жен-

[1]) Ср. Сумцова, О свад. обр. 9.

щинъ или вступаютъ съ ними въ половыя сношенія съ ихъ согласія. На это намекаютъ и свад. пѣсни (Чуб. IV. № 1735; Де-Вол. 209 № 111). Медвѣдь въ гаданіяхъ предвѣщаетъ скорое замужество (Аѳ., Поэт. воз. I. 464—5). Онъ же, по малор. пѣснѣ, лишаетъ дѣвушку невинности; именно, на другой день свадьбы поютъ матери невѣсты:

Хочъ іdь, матінко, хочъ не іdь,
Бо вже донечці роздеръ медвідь....
(Чуб. IV. № 1361; ср. Свад. п. блр. 121, 129).

Равнымъ образомъ и въ сказкахъ медвѣдь представляется нерѣдко имѣющимъ большую склонность къ женскому полу. Въ одной сказкѣ онъ, напр., ходитъ ночевать къ дѣвицѣ; въ другой, слышанной мною въ Корницѣ, (ср. Рудченко, Южнорусс. нар. сказки I. № 29—30) онъ вступаетъ съ бабой въ борьбу, которая кончается удовлетвореніемъ половой страсти медвѣдя, такъ какъ, по русской пословицѣ, «не сподручно бабѣ съ медвѣдемъ бороться: того гляди—юбка раздерется» (Даль, *s. v.* медвѣдь) [1]). Эти сказочныя представленія очень ярко отразились и въ страшномъ снѣ Татьяны Пушкина, которую медвѣдь переводитъ по жердочкамъ черезъ «кипучій потокъ» и потомъ преслѣдуетъ (Евг. Он., гл. 5). Все это находится между прочимъ въ связи съ тѣмъ, что нѣкоторыя племена, производятъ себя или своихъ героевъ отъ собакъ, волковъ, медвѣдей и т. п. (ср. *Liebrecht. Zur Volks) kunde, Heilbronn.* 1879, p. 18, къ миѳу о Ромулѣ.

Съ другой стороны медвѣдь въ миѳическихъ представленіяхъ могъ смѣшиваться съ волкомъ, который, благодаря хищности, служилъ олицетвореніемъ мрака и холода, какъ какой-то особой силы, враждебной свѣту и теплотѣ (Аѳан., Поэт. воззр. I. 735—7). Еще у древнихъ индусовъ сложился миѳъ о перепелкѣ, преслѣдуемой и глотаемой волкомъ или собакою, гдѣ подъ перепелкой, по указанію миѳологовъ, скрывается вообще свѣтлое существо: солнце, заря, мѣсяцъ, а глотаніе ея хищнымъ звѣремъ означаетъ смѣну дня ночью, или лѣта зимою (подробное объясн. миѳа см. у В. Миллера, Асвины—Діоскуры, 139—160). Въ русскихъ поговоркахъ: «ловитъ, какъ медвѣдь перепелку», или «гоняется, какъ медвѣдь за воробьями» (Даль) можетъ быть, сохранилась память объ этомъ миѳѣ съ замѣной волка медвѣдемъ; кстати, отмѣтимъ, что какъ Венера называется *волчьею* звѣздою, такъ, луна—*медвѣжьимъ* солнышкомъ (Даль).

Животныя, упоминаемыя въ пѣсняхъ, давшихъ поводъ къ этимъ замѣчаніямъ, представляются не менѣе страшными, чѣмъ похитители свѣтилъ указаннаго миѳа, хотя надо замѣтить, что въ иныхъ варіантахъ этихъ пѣсенъ не упоминается ни о какихъ страшилищахъ, и женщина сама зазываетъ къ себѣ посѣтителя. См. примѣч. къ пѣс. 205.

Пѣсня 37.

Повтореніе предлога, какое встрѣчаемъ здѣсь (ст. 3 и 7), свойственно и обыденной рѣчи, особенно стариковъ. Стихъ 3 можно понимать такъ, что платокъ завернутъ въ бумагу ради большей важности, хотя на дѣлѣ этого и не бываетъ. См. слѣд. примѣч.

Пѣсня 38.

Если въ предыдущей пѣснѣ о бумагѣ (папіеръ, ст. 3 и 7) можно подумать такъ, что въ нее завернуты подарки, то здѣсь подобное объясненіе затруднено тѣмъ, что рядомъ съ бѣлой бумагой упоминается *черный* «аксамитъ», подъ которымъ будто бы лежатъ чулки (панчохи, ум. панчуошки, польск. *pon'czocha*), предназначенные для невѣсты. Черный цвѣтъ имѣетъ значеніе чего-то тяжелаго, печальнаго, напоминающаго смерть (ср. Потеб., О нѣк. симв. 48—9), что не вяжется съ такимъ веселымъ торжествомъ, какъ свадьба. Очевидно, что слово «черный» употреблено здѣсь безъ особеннаго внутренняго смысла, а только потому, что другаго цвѣта бархатъ почти не приходится видѣть крестьянамъ. Самый же бархатъ (аксамитъ) упомянутъ какъ самая дорогая матерія по понятію народа; подразумѣвать подъ этимъ словомъ тесемку, которою иногда связываются чулки и которая идетъ на подвязки, кажется, нѣтъ основанія. Общій смыслъ пѣсни можно понимать или такъ, что подарки такъ дороги и такъ нѣжны, что ихъ пришлось завернуть въ бумагу и бархатъ, или же такъ, что платокъ и чулки своей бѣлизной не уступаютъ бумагѣ (обычн. сравненія: «біелы якъ папіеръ» или «якъ сьніегъ»), а по дороговизнѣ и высокому качеству равняются бархату.

Пѣсня 39.

По поводу этой пѣсни отмѣчу одно искаженіе у Чуб. IV. № 241, вызванное тѣмъ, что въ серединѣ слова для обозначенія несмягчаемости губной вставленъ ъ: «Въ насъ *дубъ е, дорогое*

Віттячко зеленее... (бѣльск. у).

Окончаніе собирательнаго им. существ. «дубъе», встрѣчающагося въ корницкой пѣснѣ, принято за вспомогательный глаголъ «есть», а принадлежащее къ этому существительному имя прилаг. «дорогое» отнесено, какъ показываетъ запятая, къ существительному слѣдующаго стиха (віттячко), что возможно только въ искусственной поэзіи, но никакъ не въ настоящей народной. Остается предположить, что это опечатка, потому что трудно допустить

[1]) Въ варіантахъ Рудченко медвѣдь замѣненъ чортомъ. Ср. повѣрье о черной собакѣ, будто она служитъ убѣжищемъ для нечистой силы. Терещ. VI. 42; Аѳан. Поэт. в. I, 733 763—4.

возможность такого промаха со стороны собирателя и редактора—знатоковъ народной поэзіи.

Послѣдніе два стиха нашей пѣсни встрѣчаются нерѣдко даже въ великорусскихъ пѣсняхъ, нпр. у Шейна, влр. 444 № 15 (ст. 20—1)=Сах. Ш. 158; Изв. Об. л. Ест. XXX, вып. 2, стр. 102, № 12 (конецъ); млр. ср. у Терещ. II. 522.

Вар.: ниже, п. 90 и 310.

Пѣсня 40.

Выраженіе: «стояла *N* пудъ листкомъ» (ст. 1) звучитъ какъ-то странно и кажется лишеннымъ реальнаго смысла: можно стать подъ деревомъ, какъ обыкновенно и говорится въ пѣсняхъ (ср. пѣс 43), но никакъ не подъ однимъ листкомъ. Когда поетъ, напр., латышка: «Когда я пойду въ чужіе люди, я *накроюсь* листомъ *лопушника*» (Спрог. 78 № 16; Трейл. № 619 и примѣч.), это еще понятно, потому что накрыться листомъ и притомъ широкимъ не такъ мудрено, какъ стать подъ листкомъ. Выраженія, подобныя только что приведенному, встрѣчаются и въ польскихъ пѣсняхъ:

Ona mu sie skryla
W (ciemnym) gaju pod laszczyna"
Listkiem sie przykryla (Kolb. IV, № 164 ср. VI. № 302).

Въ этихъ примѣрахъ единств. число *(listek, listkiem)* употреблено, очевидно, синекдохически вмѣсто множественнаго (или вмѣсто собирательной формы *liscie)*, какъ нпр. въ влр. пѣснѣ:

Мелки пташечки запѣли,
Сидя въ рощѣ подъ кустомъ,
Подъ лавровымъ подъ листомъ.
(Якушк. 654, № 186)

Употребленіе единствен. ч. вмѣсто множ. свойственно, конечно, и малорусскому нарѣчію, нпр.: «де *овечка* перейде, тамъ *быдля* й не нагнетця» (Корница; во второмъ случаѣ ед. ч. можно и не принимать за синекдоху). Но въ такихъ случаяхъ обыкновенно существительныя имѣютъ и особенную форму, выражающую собирательное значеніе, именно форму жен. или средн. рода, нпр.: «Ли'тва, дитва (дѣти), корі́ене, лисьце, робацство (черви, насѣкомыя), насі́ене (Корн.) и т. п. (Ср. Огоновскаго, *Studien auf dem Gebiete der ruth. Sprache*, 155—6, изд. 1880). Въ устахъ корничанъ употребленіе ед. ч. вм. множ. въ данномъ случаѣ было бы чрезвычайно странно, тѣмъ болѣе, что отъ слова «листъ» для выраженія собирательнаго значенія здѣсь употребляется форма «лисьце»—листья. Вѣроятно, эта пѣсня (40) пришла сюда изъ другой мѣстности, въ противномъ случаѣ нужно предположить здѣсь искаженіе. Можетъ быть, вѣрнѣе было бы читать: «стояла *N* пудъ лискомъ», подъ лѣсочкомъ.

Въ выраженіи: «солові́ейи винокъ в'ютъ» (ст. 8, подъ соловьями можно разумѣть поющихъ дѣвушекъ. Въ другой пѣснѣ помогаютъ вить «вильце» соколы, т. е. повидимому мужчины, принимающіе участье въ этомъ обрядѣ (*Zb. w. do Antr.* VI. 34) № 11). Въ латышской п. дѣвушка говоритъ: «Соловей вьетъ вѣнокъ въ моемъ розовомъ цвѣтникѣ» (Трейл. № 267). Изготовленіе вѣнка въ нашей пѣснѣ описывается приблизительно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ витье гнѣзда соколомъ въ галицкой колядкѣ (Гол. II, 68, № 22, ст. 8—9). О значеніи этой колядки см. Костомарова, въ Бес. XI, 19, ср. еще VIII. 22. Въ вар. Чуб. (IV. № 239) вм. сокола упоминается ласточка. Въ латышскихъ пѣсняхъ подобнымъ образомъ дѣвушка вышиваетъ платокъ милому, причемъ помощникомъ ей опять является соловей: «Соловушка, поднимись пораньше, выгонимъ коровъ на клеверъ. Ты будешь пасти ихъ, а я вышивать шелковый платокъ молодцу *въ середину положу свое сердечко, а вокругъ сладостныя слова*» (Трейл. № 375; Спрог. 90 № 11, ср. 145. № 1) [1]). Изъ сравненія нашей пѣсни съ этой лат. пѣснею и съ галицкой колядкой выясняется, что въ нашей пѣснѣ 3-я строфа спутана, что впрочемъ ясно и изъ того, что дѣвушка сравнивается въ концѣ съ малиной, о которой не сказано раньше, что она вошла въ составъ вѣнка; для полнаго параллелизма эту строфу слѣдовало бы начинать такъ: «Посередини съ калины, А наоколо (или: на вершечку?) зъ малины» и пр., или: «Изъ чирвонойи калины, Изъ солодкойи малины» и пр., какъ въ вар. Шейна. Надо замѣтить, что въ этой пѣснѣ встрѣчается весьма рѣдкое сравненіе молодца съ калиной, которая обыкновенно служитъ символомъ дѣвичества, почему Костомаровъ писалъ: «Нѣтъ примѣра, чтобы казакъ сравнивался съ калиной, которая есть исключительно женскій обзоръ» (Бес. VIII. 12). И въ нашей пѣснѣ только потому допущено такое сравненіе, что пришлось сравнивать молодца и дѣвицу въ одно время, при чемъ, очевидно, оказалось болѣе подходящимъ сравнить со сладкою малиною дѣвушку, чѣмъ парня; къ послѣднему же отнесена калина исключительно какъ символъ красоты. О *вѣнкѣ* ср. Бес. VI. 53; Потеб. Объяс. п., указатель; Сумц., О свад. обр., 79—89.

Вар. (отдаленн.) Шейнъ, блр. 338. № 603; Гол. II. 68; Трейл. № 375; Спрог. 90 (11), 145 (1); *Zb. w. do Antr.* VI. 34. № 10, 11; Чуб. IV. № 239.

Пѣсня 41.

Слово «ні́етъ» — не разговорное; иногда также слышится *нитъ* (безъ удар.), ср. п. 295. Не только

[1]) ср. словинск.: Dala som ti pierko, bolo to pierečko: Po kraji ružičky, w postriedku srdiečko („Slavia", Pisn. sloven № 489.

вся эта пѣсня, но и отдѣльные стихи ея попадаются весьма часто:

Чуб. IV. № 78, 1018 и стр. 609, 616, прилож. № 17; Гол. IV. 222. № 6 (*W. z. Ol.* 3), 294. № 7 (*Żeg.* I. 118), 274 (*Ż.* 99); Лоз. 80, 141; Шейнъ, блр. 468 (52), 338 (604), 202 (340) и влр. 448 (21); Терещ. II. 121—2; Сах. III. 53 (32); Демб. 569 (204); *Ryp.* 56; *Zb. w. do Antr.* II. 274 (17), VII. 247 (9); Батюш. 388.

Пѣсня 43.

Воротѣчка въ обыд. рѣчи значитъ: калитка; *ворота́*—не сплошныя, сколоченныя изъ жердей ворота; сплошныя, досчатыя ворота—*бра́ма*; калитка еще назыв. «двѣрци», «фуортка»; здѣсь «воротечка» знач. ворота, уменьш. форма.

Руки згорнути (ст. 3)—1) всплеснуть руками для выраженія горя, отчаянія, неожиданнаго несчастія, 2) сложить благоговѣйно руки, какъ дѣлаютъ особенно католики при молитвѣ.

«Квіете» (ст. 5)—зват. пад. отъ несуществующаго именит. «квіетъ» (пол. *kwiat*), цвѣтъ, цвѣтокъ. Различаются слова: 1) «квіета (квіетка,—точка)— цвѣтокъ въ смыслѣ растенія, преимущественно огородный и комнатный цвѣтокъ, хотя бы онъ не былъ въ цвѣту; отсюда и всякая зелень и древесныя вѣтки, употребляемыя для украшенія иконъ, стрѣхъ (вечеромъ 23 іюня) и пр. назыв. «квіетами» 2) «цьвіетъ»—цвѣточные лепестки. Для обозначенія цвѣтовъ, нпр. въ краскахъ, употребляются польс. слова: ко́лёръ, ба́рва; краска какъ вещество—«фарба», откуда «фарбовати»—красить.

Стихъ 5-й содержитъ сравненіе жениха съ цвѣткомъ розы, причемъ наблюдается необычная постановка именъ сравниваемыхъ предметовъ—одного въ имен. падежѣ (Ясюлё), другого—въ звательн. п. (квіете). Замѣна именительн. падежа звательнымъ, какъ извѣстно, очень употребительна въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ малорусскомъ пѣсенномъ языкѣ эта замѣна тоже встрѣчается (ср. *Ogonowski, Studien auf d. Gebiete d. ruth. Spr.* 174), хотя рѣдко, и то иногда подъ вліяніемъ риѳмы:

Доки наша *пече*
Короваю не спече (Чуб. IV № 494),
Ой плаче, плаче
Молодий *козаче*.
(Чуб. V, 877, стр. 281, № 555),

или же по аналогіи съ другими случаями той-же пѣсни или другой, напр.:

Ой у полі билиночка колихаеться
А въ шиночку *вдовинъ сину* напиваеться...
. . . Годи жъ тобі, вдовинъ сину, напиватися
(Лисенко III, № 15).

Зват.=именител. и въ ѣд. пѣснѣ:

Ясный *місяцю* надъ нами,
Ворониі коні підъ нами (Чуб. IV, № 698) [1]).

Тѣмъ не менѣе 5-й стихъ разбираемой пѣсни чрезвычайно страненъ и заставляетъ предполагать здѣсь искаженіе также, какъ въ вар. Б. Поповскаго (*Zb. w. do Antr.* VI. 51, № 93), и вѣроятно, именно, вм. словъ: «Ясюле йіеде» должно быть что нибудь другое, какъ можно догадываться изъ одной пѣсни:

За синьмы, синьмы...
Рублена крыныченька;
Тамъ Маруся рученькы мыла,
Изъ Юрасемъ говорыла:
— *Юрасю цвите*, рожевый квите,
Мій завъязаный свите!.. (Метл. 148—9).

Слово «русый» (ст. 7) мѣняетъ *у* на *о* только въ краткой формѣ и только при словѣ «коса» (ср. ст. 13, 16; см. прим. къ пѣс. 9). Въ этой пѣснѣ характерно чередованіе формы съ *у* и съ *о*; очевидно, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ «росу» явилось только по созвучію съ «косу», и ни въ какомъ случаѣ не можетъ означать росы.

Начало слова «оболоньки» (ст. 15) неизвѣстно и грамматич. родъ его неясенъ; поэтому здѣсь трудно даже опредѣлить число и падежъ; можетъ быть имен. множ., можетъ быть винит. множ. (насылаютъ), а м. б. и родит. ед. ч. ж. р. (при «ани»). Облако называютъ въ Корницѣ по-польски: «о́блокъ», или «біела хмура (хмара)», «ялова хмура», но «облёки»—небеса.

«Платочокъ» (ст. 17) не разговорное слово; платокъ всегда наз. «хустка», платочекъ—«хусточка» есть еще «хусты» (*plur.*)—бѣлье. Можетъ быть, подъ словомъ «платочокъ» надо разумѣть «платъ», длинный и широкій кусокъ бѣлаго полотна (въ родѣ пледа), которымъ въ старину покрывались замужнія женщины и при помощи котораго поддерживали также дѣтей на рукахъ; теперь онъ совершенно вышелъ изъ употребленія, хотя у иныхъ корницкихъ старухъ онъ сохраняется отъ свадьбы.—«Чипочокъ» въ разговорѣ—«чіепчикъ», отъ «чипе́ць» рѣже «чепе́ць».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторые поэтическія образы. Такъ, въ самомъ началѣ пѣсни дѣвушка въ глубокомъ горѣ становится подъ ка-

[1]) Въ подлинникѣ искаженъ смыслъ тѣмъ, что „місяцю" выдѣлено запятыми, ср. ib. № 670. М. — Это одна изъ употребительныхъ формулъ для обозначенія отъѣзда, особенно когда имѣется въ виду дальній или незнакомый путь, продолжительная разлука, прощаніе на всегда и т. п.; напр., женихъ, увозя новобрачную отъ ея родителей, говоритъ:

Воронъ конь подо мною,
Господь Богъ надо мною (Шейнъ, блр. 303);

или еще:
А кінь підо мною, сідло підъ джурою,
Зоставайся, Марусенько, бідною вдовою!
(Лисенко, Збірникъ, I. № 10).

лину; это обычный образъ. „Подъ калиною, говоритъ Костомаровъ, женщина вообще ищетъ отдыха отъ житейскаго горя“ (Бес. VIII. 17).

Сговоръ и замужество представляются для дѣвушки лишеніемъ свѣта, воли, свободы, пожалуй даже жизни, какъ это ясно изъ выраженія: «завязаны муой сьвіете» (ст. 6).

«Засватано=свѣтъ завязано» говорится въ одной пѣснѣ (Закр. № 112). Вѣнчаніе—завязываніе свободы, по смыслу словацкой пѣсни, при чемъ надо замѣтить, что подобное представленіе образовалось отчасти подъ вліяніемъ католическаго обычая связывать епитрахилью руки вѣнчающихся (*Kollár* I. 241. № 4—5; ср. Чуб. IV, № 727). Дѣвушка жалуется на отца: «винъ мене дае—свитъ мени завьязуе» (Метл. 142—3), потому ли что для нея родной отецъ—вольный свѣтъ, а свекоръ—невольный свѣтъ (Метл. 147), или потому, что она выдана слишкомъ молодою (*Žeg. P.* II. 181, № 31):

Ой то дивче молоденьке сьвитъ сы завязало...
Молодая за-мужъ пишла, не прожила сьвита.

Милый беретъ за-мужъ—чепчикомъ свѣтъ завязываетъ (*Suš.* № 653); равнымъ образомъ парень женитьбой свѣтъ себѣ завязываетъ (*Kolb.* II, № 40, ср. III. 251, № 18; *Zb. w. do Antr.* IV, 140). Милый покидаетъ—свѣтъ завязываетъ (*Zb. w. do Antr.* V. 80, № 26); покинутая милымъ «завязала головоньку»—потеряла невинность (Бес. X, 47), причемъ повязанная голова особенно чѣмъ-нибудь чернымъ)[1]—повидимому образъ тяжелаго горя вообще, какъ напр. болѣзни (Метл. 104, Чуб. V. 112, № 244), а отсюда—также образъ несчастнаго замужества (Чуб. V. 535, 537 и пр.). Характерно упоминаніе о завязываніи глазъ китайкою, когда идетъ рѣчь объ утопленіи:

Ой завьяжи, моя мати, китайкою очи,
Веди топить до Дунаю темненькои ночи.
(Бес. V. 107, ср. Чуб. V. 568).

«Потонуть»—образъ всякой гибели, какъ говоритъ Костомаровъ (Бес. V, 109); а такъ какъ дѣвушкѣ замужество представляется гибелью, то и выйти за-мужъ для нея кажется все равно, что утонуть:

«Пішла заміжъ—головку втопила» (Чуб. V. 1141, № 116).

Особенно несчастливое замужество вызываетъ въ молодой женщинѣ подобныя жалобы и нареканія, тѣмъ болѣе, если она выдана противъ воли (Чуб. V. 66-7, 565—572). Рѣже женитьба парня представляется утопленіемъ; такъ въ словацкой пѣснѣ, параллельно тому, что сказано о дѣвушкѣ:

Wydalo sa diowča až na weky amen,
Akoby salúčiu do Dunaja kamen

(*Kollár* I, 260; ср. Де-Вол. 189, № 38),—говорится также и о парнѣ:

Kto sa zle oženi, jakoby sa topiu,
Jakoby jablečko do Dunaja hodiu (*ib.* 230, №8).

Здѣсь говорится именно о несчастной женитьбѣ; но можно указать примѣры, въ которыхъ съ утопленіемъ, какъ выше съ завязываніемъ очей, сравнивается женитьба вообще, напр. *Zb. w. do Antr.* VI. 42, № 51[1]).

Символами дѣвичества служатъ, какъ извѣстно, вѣнокъ и коса. Поэтому въ польской пѣснѣ (*Zb. w. do Antr.* IV. 252, № 234; *Kolb.* X. № 104) послѣ вѣнчанія поется дѣвушкѣ, что она утопила свой вѣнокъ (=утонула, т. е. вышла замужъ); въ разбираемой корницкой пѣснѣ (ст. 7—8), дѣвушка жалуется, что парень собирается завязать ей косу черною китайкою, т. е. взять замужъ. Дѣйствительное завязываніе косы бываетъ при «очѣпинахъ», когда косу прячутъ подъ чепецъ и повязываютъ платкомъ голову новобрачной[2]). Въ старину при этомъ коса отрѣзывалась, и намекъ на это, повидимому, можно усматривать и въ разбираемой пѣснѣ, именно въ стихѣ 11: «дієвоньки гуліаютъ, *косоньки (v. виночки) маютъ*». Слово «маютъ» можетъ означать: 1) имѣютъ, отъ «міети», 1 л. маю; 2) машутъ (съ твор. п.), развѣваются (въ данномъ случаѣ—косы). Понятно, что въ такихъ сочетаніяхъ, какъ «дівки кісками маютъ» (Чуб. IV. № 1017. Метл. 152), «кіскою маючи» (Метл. 155), «дівка косою не мае» (Труд. 3 арх. съѣзда, II. 174—5, у Потеб. Объяс. п. 104), «кіска не мае» (*Zb. w. do Antr.* VI. 67, № 172, ср. 83, № 256) и т. п., этому глаголу можно дать только второе значеніе. Въ корницкомъ же варіантѣ необходимо принять его въ первомъ значеніи, считая слово «косоньки» за прямое дополненіе къ «маютъ» (т. е. дѣвушки имѣютъ косы), потому что если понимать такъ: косы развѣваются (у нихъ), то выйдетъ очень необычная смѣна подлежащихъ, такъ какъ дальше опять подразумѣвается «дієвоньки»; а значенія „махать, помавать“, очевидно, нельзя допустить, потому что нѣтъ творительн. падежа. Что сами пѣвицы даютъ глаголу «маютъ» значеніе «имѣть», ясно уже изъ того, что вмѣсто «косоньки» поютъ иногда «виночки» (вѣнки), что невозможно было бы при другомъ значеніи глагола. (Замѣчательно въ блр. варіантѣ чередованіе косы и вѣнка, Демб. 560, № 125, ср. № 199). Кромѣ того, можно подтвердить это и примѣрами изъ другихъ пѣсенъ, напр.

Всѣ дѣвки граютъ,
Всѣ косы маютъ. (Гол. II. 115, ср. IV. 362).

---

[1]) Рѣдко упоминаются въ подобн. случаяхъ другіе цвѣта: бѣлый (Чуб. IV, № 1041), красный (Метл. 142—3).

[1]) Миѳическое значеніе образовъ тонущей дѣвицы и парня выяснено г. Потебнею. Объясн. пѣс., особ. 190—222; ср. его-же Малор. п. XVI в.

[2]) О покрытіи косы см. Потеб., О миѳич. знач. нѣкот. обрядъ 76 (вынос. 260); Сумц., О свад. обр. 157.

Здѣсь «косы» не подлежащее, а дополненіе. Слѣдовательно, смыслъ разбираемаго мѣста нашей пѣсни такой: невѣста жалуется, что, между тѣмъ какъ ея подруги имѣютъ косы, у нея нѣтъ косы, и потому онѣ ее не принимаютъ въ свое общество. Конечно, въ настоящее время подъ отсутствіемъ косы понимается только то, что она спрятана подъ повязку, или будетъ въ скоромъ времени спрятана.

Повязка въ этой пѣснѣ поэтически уподобляется тучѣ и облаку, которыя прикрываютъ голову невѣсты. Сходно съ этимъ въ польской пѣснѣ:

Przykryło się niebo obłokami,
Przykryła się Marysia rąbkami (*Kolb.* XVI. 151, № 73; ср. № 241, 297);

и еще ближе къ нашей пѣснѣ въ литовской: «И надѣли повязку, какъ утренній туманъ, и повязали платокъ, какъ темную ноченьку». (Милл.иФорт. № 4).

Въ пѣсняхъ не только повязка или покрытіе, какъ символъ потери дѣвственности, сравнивается съ облакомъ, но даже женихъ, какъ виновникъ этой потери, напр. В. Карадж./. 2, № 3 (свадебн.):

Надви се облак изнад дјевојак;
То не био облак изнад дјевојак,
Веч добар јунак тражи дјевојак.

Ср. *ib.* 16, № 27; кажется, сюда-же id. 356 № 492, ст. 3 (темное облако—молодой юнакъ?).—Подобнымъ образомъ въ Малороссіи поютъ, когда подъѣзжаетъ женихъ:

Дывыся-но, Маланю,
Що сынимъ моремъ туча йде, 2.
Й-а оболоню крыломъ бье
— А я тоеи тученьки не боюся:
Маю батенька заступлюся;
Якъ батенько зъ тучею тое ею поговорыть..
Таки мене молоденьку обороныть.

(*Zb. w. do Antr.* VI. 51, № 92; вар. ср. у Сумц., О свад. обр., 8),

Тогда-же причитаетъ невѣста въ Волог. губ.:

На меня туча вздымается,
На меня да опущается (Алекс. 66) [1]),

хотя въ этихъ пѣсняхъ, вѣроятно, имѣется въ виду и многочисленность поѣзжанъ, подобно обычному сравненію войска съ тучею; кромѣ того, туча вообще – горе въ народн. поэзіи.

Въ связи съ предыдущимъ въ блр. пѣс. дождю, посылаемому тучею и гасящему огонь, приравнивается милый, женихъ, который, отчасти съ помощью своей родни, въ состояніи будетъ утѣшить дѣвицу (у Потебни, Объясн. пѣс. 179, ссылки: Гильтебр. 274 — 5; Этн. Сб., III 226—7. Вар. см. у Демб. 561, № 132).

Сближеніе головного покрова съ облакомъ и тьмою имѣетъ свои основанія въ языкѣ, какъ показываетъ сравнительная филологія (ср. облако—облекать). Не вдаваясь въ филологическія и миѳическія изысканія, которыя изложены проф. Потебнею и другими (См. Потебн., О миѳ. знач. нѣкот. обр. 74—5, ср. также 81 — 2; Восходъ 1884 г. X 64), я приведу еще примѣры такого сближенія изъ народной поэзіи. Такъ, въ латышской пѣснѣ говорится: „И солнца не видать изъ-за шапокъ деревьевъ" т. е. какъ будто деверья заслоняютъ молодой женѣ шапками солнце подобно тучѣ. Въ болгарской п. дружина жениха описывается такъ:

Конь до коня, юнакъ до юнака,
Пушки ми се, како честа гора,
А калпаци, како теменъ облакъ,
Сабьи ми се, како силенъ огань [1]) (Милад. 474, № 542).

Вершина горы представляется ея головой (макушка), а нависшія на нее облака — шапкой; поэтому у Лермонтова Казбекъ

«Шапку на брови надвинулъ...» («Споръ»), т. е. покрылся облаками.

Остается еще одно замѣчаніе по поводу стиховъ 11 и 14: «*Дѣвоньки гуляютъ*... Хмуроньки насылаютъ". Именно, въ народной поэзіи встрѣчается такой образъ: танцующія дѣвушки производятъ платьями тучу (подымаютъ пыль?), а иногда и дождь; къ парнямъ этотъ образъ рѣдко примѣняется. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи слѣдующая пѣсня:

дружки: Где бояры танцёвалы,—рано, рано,
свахи: Где бояры танцёвалы,—та ранесенько
(такъ-же поется и дальше:)
Где дружечки танцёвалы, 2.
Збылы тичокъ пидкивками 2.
Нахмарылы жупанамы 2.
др. И пустылы дощикъ шапочкамы,
св. И пустылы дощихъ бындончкамы,
др. Выяснылы шабелькамы,
св. Выяснылы перстенцямы.
(*Zb. w. do Antr.* VI 59, № 136; ср. Метл. 200).

---

[1]) Далѣе она сокрушается, что ей придется ѣхать

Со чужимъ-то со чужениномъ...
На чужую дальню сторону,
Да во темную темницу,
Да во темную потюремницу, и пр.,

равно какъ въ болгар. пѣс. сваты говорятъ невѣстѣ, что ей готовится

Темна темница предъ очи...
Темна темница – любе-то (=мужъ) (Верк. № 215.)

[1]) Въ бѣлор. пѣсняхъ эпитетъ огня—„синій":

Будземъ, братцы, нычиваць,
Синій агонь раскладаць.
(Демб. 581. № 315; ср. id 544, № 40).

Сопоставленіе болг. „силенъ огань" и бѣлор. «синій агонь» невольно приводитъ на память „синии млъніи" въ Сл. о пол. Иг. и „сильные молыньи" въ Сказан. о Дм. Ив.—Бѣлор. „синій", повидимому, вообще свѣтлый, ясный блестящій (ср. тамъ-же „синяя" карета, „синяя" повозка, на которой везутъ невѣсту, 564 № 167, 568 № 194; женихъ выдѣляется изъ среды дружины „синимъ" кафтаномъ и пр.).

Выраженіе «пустылы дощикъ шапочкамы» основано на указанной выше связи представленій: шапка—облако, молодецъ — туча, молодецъ— дождь(?). Поэтическій образъ: отъ блеска сабель дѣлается ясно—содержится и въ выше приведенной болгарск. пѣс., гдѣ сабли, сверкающія огнемъ, противополагаются колпакамъ, наводящимъ тьму.

Ср. млр.: ... казаки поле вкрили,
Шабельками осьвітили.
(Чуб. V. 881);

въ блр.: „въ одномъ полку шабли зіяюць" (=сіяютъ, ср. примѣч. къ п. 292, вынос.).

Вар: *Glog.*, *Skarb.* 20, № 2(начало); *Kolb.* XVI № 210, 298, ср. № 73, 241, 297; Демб. 560. № 125; 199; Шейнъ, влр. 498 № 23; Гол. П. 115, IV. 362; Чуб. IV № 745, 1017; Закр. № 112; Метл. 148—9, 152, 155; *Zb. w. do Antr.* VI. 51 № 93 (къ ст. 5—6); Алекс. 66. В. Кар. I. 2, № 3. Милл, и Форт. № IV. Ср. ниже пѣс. 77.

Пѣсня 44.

Вар.: Чуб. IV № 1418; *Smol. и H.* I № 259 (отдал.).

Пѣсня 45.

Вар:. Чуб. IV № 27 (свад.).

пѣсня 46.

Вар.: *Kollár* I. 133, № 18.

Пѣсня 47.

Выраженіе: «вита бероза» напоминаетъ собою серб. и болг. «вита јела» (*или* јехла, Милад. 20), которое проф. Потебня переводитъ — „высокая (и лишь потому гибкая) ель" (Объяс. п., 85; ср. О нѣкот. симв. 115), хотя съ понятіемъ о гибкости тѣснѣе связано понятіе тонкости, чѣмъ высоты.

Такъ какъ однако выраженіе «вита бероза» очень оригинально для корницкаго говора, то нельзя установить для него точно опредѣленнаго значенія, тѣмъ болѣе что слово «витый» и вообще въ малорусскомъ почти неупотребительно въ подобныхъ соединеніяхъ. Мнѣ извѣстенъ одинъ только примѣръ такого употребленія:

Крутое деревце, витое
Въ темномъ лузѣ рубано (Гол. IV. 356, № 44),

гдѣ при томъ характерна постановка рядомъ двухъ эпитетовъ: крутой, витый; тотъ и другой содержитъ въ себѣ понятіе „крутить", но «крутой» означаетъ въ то-же время отчасти и высоту, такъ какъ служитъ обычнымъ эпитетомъ горы; въ этомъ можно видѣть какъ бы косвенное доказательство того, что и „витый" можетъ означать высоту. Собственно въ корницкомъ говорѣ оно никогда не имѣетъ такого значенія; точно такъ-же «круте дерево» по-корницки можетъ означать только такое дерево, которое трудно колоть, т. е. въ которомъ ткани не идутъ прямо, а вьются.

Шовкъ въ разговорѣ замѣняется польскимъ видоизмѣненнымъ словомъ *ядвабъ*, откуда *ядвабны*, шелковый.

Хотя въ пѣснѣ упоминается о вышиваніи платка, надо однако замѣтить, что въ Корницѣ вовсе нѣтъ обычая вышивать; во всемъ селѣ, а можетъ быть и въ приходѣ, нельзя встрѣтить ни вышитой рубашки, ни полотенца и т. п.

Пѣсня 48.

По поводу послѣдняго стиха можно вспомнить существующій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай устилать во время свадьбы избу соломой, о чемъ см. Потебни, О миө. знач. нѣк. о бр., 73 и Сумцова, О свад. обр., 185 и 195. Въ данномъ случаѣ однако врядъ-ли содержится намекъ на этотъ обычай; послѣдними стихами пѣсни хотятъ только умалить достоинство подарка, говоря, что башмаки такъ непрочны, что въ нихъ можно ходить только по мягко настланной соломѣ.

Вар.: Чуб. IV № 27. А= № 894; ср. Лоз 52 (о рубашкѣ).

Пѣсня 49.

Отрицательное сравненіе встрѣтилось уже выше въ пѣс. 33. Вообще-же этотъ поэтическій пріемъ мало употребителенъ въ малорусскихъ пѣсняхъ (ср. еще Чуб. IV № 836 = Метл. 184), которыя предпочитаютъ положительное сравненіе, и наоборотъ часто встрѣчается въ великорусскихъ. — Не совсѣмъ ясно, кто здѣсь сравнивается съ мѣсяцемъ и кто съ играющимъ солнцемъ; повидимому, женихъ—мѣсяцъ, а невѣста—солнце, если держаться послѣдовательности сравненія; женскій образъ солнца притомъ древнѣе, чѣмъ мужской, какъ доказываютъ изслѣдованія (ср. Сумц., О свад. обр., 39 и слѣд.)—«Сонце грае», по мѣстному повѣрію, при восходѣ на Ивановъ день, 24 іюня; это «играніе» понимается въ томъ смыслѣ, что солнце то тускнѣетъ, то опять свѣтитъ ярче обыкновеннаго, то мѣняетъ цвѣта, то какъ бы мигаетъ, подпрыгиваетъ, то будто наливается кровью. Считается счастьемъ увидать въ этотъ день восходъ солнца, при чемъ наблюдающіе упорно смотрятъ на солнце, и не мудрено, что замѣчаютъ выше указанныя примѣты.

Пѣсня 50.

«Переєднаю» (ст. 9), удовлетворю, задобрю, расположу къ себѣ (отъ «єднати», сговорить, склонить на свою сторону); ср. «перепрошу», пѣс. 4, 36.

Вар.: Чуб. IV. № 157 (Метл. 141); Демб. 561, № 133; *Smol. и. H.* I № 252 (?).

Пѣсня 51.

Соколъ — женихъ (ср. Потеб., Объяс. п. 116 — 123 и 167 — 9 [1]); Ящуржинскій. Лирич. пѣс., 1880, 100—2). Не вполнѣ выяснено въ пѣснѣ значеніе символовъ: крылья подшитыя шелкомъ, ноги подбитыя (подкованныя?) золотомъ; то и другое упоминается какъ препятствія свободнаго полета, и все это вмѣстѣ, безъ полноты паралелизма, сравнивается съ нерадѣніемъ отца жениха, заставившимъ послѣдняго опоздать. Въ то-же время въ упоминаніи дорогихъ предметовъ: шелку и золота звучитъ величальный мотивъ.

„Летати" значитъ и летать и бѣгать; для перваго значенія иногда ради ясности прибавляется „на крылахъ". „Біегати" говорится о коровѣ, когда для нея наступило время случки, также «быдловати» («корова побіегала» или «побыдловала, біегае, быдлуе»); „біегае» вода въ горшкѣ, когда еще только начинаетъ кипѣть, „збигáе" — уходитъ отъ кипѣнія; въ обыкновенномъ значеніи «бѣгать» это слово употребляется рѣдко (о дѣтяхъ напр.).

«Пудбити» (ст. 5) не употребляется въ такомъ соединеніи въ обыд. рѣчи; подковать—«вковати». подковывать лошадь — «ковати коніа». Если принимать здѣсь слово «пудбити» въ смыслѣ: подложить подкладку, то надо замѣтить, что въ этомъ значеніи всегда говорится «пудшити». «Пудбитися» — вабить себѣ ноги, особенно подошвы, продолжительной ходьбой.— Ср. «грива шовкомъ шита, золотомъ оббита» (Чуб. IV № 861).

Вар: *Suš.* стр. 657.

Пѣсня 52.

Начало пѣсни, гдѣ говорится о томъ, что невѣста „пошла до Пана Бога просити батенька (матюнку) на весіеличко", имѣло бы реальный смыслъ для тѣхъ великорусскихъ мѣстностей, гдѣ невѣсты передъ свадьбой ходятъ на могилу „по батьку" или „по матку", особенно въ сѣверномъ краѣ (Снегиревъ, Русск. нар. праздн. I 208; Шейнъ, влр. 515; Рыб. IV. 125, 148; Изв. об. л. Ест. XXX. в. 1, стр. 104; Алекс. 58; Якушк. 685; Всемір. Илл. 1878, 214 и др.).

«Сподивайся»—ожидай, надѣйся. „Замружоны"—поль. форма; въ обыд. рѣчи—„зажмуроны". «Навскрыжъ» — крестообразно (поль. *nakrzyż*). Слово «гвуозьдзь» произносится и съ мягкимъ и съ твердымъ г; въ послѣднемъ случаѣ *в* можетъ опускаться. «Нà-смерть»—нà-глухо. „Завертіети" заколотить деревянными гвоздями, для которыхъ предварительно нужно просверлить («провертіети») дыру; «завертіети» какое-нб. кушанье—сдобрить молокомъ изъ конопляного или маковаго сѣмени, которое растираютъ («вертіатъ») для этого «мàковертомъ» (*v.* „валкóмъ") въ чашкѣ, называемой «вéртеха» (укр. «макітра»).

Вар.: *Kolb.*, *Pokucie I* № 235, *Lud.* XVI № 281, 356; Шейнъ, блр. 299 (556), ср. 328 (588); *Tyszk.* 316 — 8; *Glog.*, *Starod. dumy*, № 79; Лоз. 21, 29; Гол. IV. 315, 332; Чуб. IV № 731, 283 (=Лоз. 32), 269, V. 324. № 642; *Smol. и H. I.* № 132, см. примѣч.; *Žeg. P.* русск. II. 145 № 8; Милл. и Форт. № 59; ср. Бесѣд. V. 83, 94—5; ссылки на влр. вар. выше.

Пѣсня 53.

Ср. прим. къ пѣс. 25. «Поріаднонько»—приводящій въ порядокъ, слово не разговорное.

Вар.: *Kozl.* 220; *Glog.*, *Gody* № 181, 206.

Пѣсня 54.

«Стуожокъ» (ст. 6) — слово, образованное ради риѳмы отъ «стопа» (которое встрѣч. напр. у Чуб. IV № 726), вм. «стуопокъ». Можетъ быть, такое образованіе навѣяно какой-нибудь аналогіей, хотя бы и съ другимъ значеніемъ, въ родѣ слѣдующей:

Сама ю (кошулю) *N* шила
Білими рученьками,
Дрібними стижойками (Чуб. IV. № 372).

«Стижойки» (=Корниц. „стежечки", дорожки) съ эпитетомъ «дрібниі»—обычное соединеніе; но по отношенію къ ногамъ (ступнямъ), какъ въ корницкой пѣснѣ, этотъ эпитетъ неупотребителенъ. Замѣчательно въ приведенномъ отрывкѣ соотвѣтствіе словъ, почти такое же какъ въ разбираемой пѣснѣ: „білими—дрібними, рученьками — стижойками" (корн. „нуожокъ—стуожокъ", или „нужóкъ—стужóкъ"). Есть много пѣсенъ, приглашающихъ молодую и молодого кланяться родителямъ и всѣмъ родственникамъ какъ можно ниже и какъ можно больше, и дѣйствительно всѣмъ главнѣйшимъ моментамъ свадьбы предшествуютъ поклоны. Цѣль этихъ поклоновъ—испросить благословеніе для счастливой супружеской жизни. Но къ этому присоединяется и другой мотивъ — желаніе розжалобить родню: „Склонися *N* низенько, щобъ било родиноньці жалибненько" (Чуб. IV. № 247; Лоз. 29; ср. Гол. IV. 282= *W. z. Ol.* 33). При этомъ невольно припоминаются такъ называемыя свадьбы — самокрутки. Спустя нѣкоторое время послѣ увоза дѣвушки, обвѣнчавшіеся молодые отправляются, бывало, къ родителямъ молодой, падаютъ имъ въ ноги и до тѣхъ поръ валяются на полу, терпѣливо перенося иногда безжалостные побои, пока наконецъ не разжалобятъ своей покорностью, слезами и безотвѣтностью родителей и не вымолятъ у нихъ прощеніе. Похити-

[1]) См. также его «Обзоръ поэтич. мотивовъ коляд. и щедровокъ" въ Рус. Филол. Вѣстн. (о соколѣ въ № 3) за прошлый (1885) годъ. Съ этимъ цѣннымъ трудомъ, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось познакомиться слишкомъ поздно.

тель, увезши дѣвушку, долженъ былъ нѣкоторое время скрываться съ нею, ожидая погони и желая повременить, пока нѣсколько утихнетъ гнѣвъ родственниковъ увезенной; у болгаръ это практикуется и теперь (см. Сборн. матер. по этногр., изд. при Дашковск. этногр. музеѣ. Мск. 1885, I, стр. 5 — 6). Боплань, путешествовавшій по Украинѣ въ первой половинѣ XVII в., разсказываетъ, что козаки, по старинному обычаю, похищали дѣвицъ, даже помѣщичьихъ дочерей, причемъ похититель спѣшилъ скрыться съ дѣвушкой въ ближайшій лѣсъ и оставался тамъ не менѣе сутокъ; если его нагоняли, или находили въ лѣсу до истеченія сутокъ, то убивали (Бопл., Опис. Укр. 72; у Сумц. О свад., обр., 6). Можетъ быть, въ связи съ этимъ находится польская свад. пѣсня. (*Kolb.* XVI № 333, *Lubelskie*), которую поютъ передъ выѣздомъ къ невѣстѣ:

Oj w lesie, w lesie [1]) *a w orzechowie* (?)
*Zbiera Jasien'ko drużyne*ⁿ *swoja*ⁿ;
Oj już nazbieral, oj już ma dosyć,
*A tylko, trzeba ojca, maten'ke*ⁿ *prosić*.
*Przepros' maten'ke*ⁿ, *jakes' rozgniewal*;
Jak nie przeprosisz, jak nie przeblagasz,
*Doli nie be*ⁿ*dziesz mial*.

Поющіе, правда, разумѣютъ мать жениха, у которой онъ долженъ испросить благословеніе; но начало пѣсни могло когда-нибудь имѣть и иной смыслъ.

Вар.: Чуб. IV № 44—5, 246—7 (=Лоз. 28—9), 656 — 7; Гол. IV. 282 (=*W. z. Ol.*33); Демб. 488; Шейнъ, бѣр, 316; *Kolb.* XVI № 278, 280, 333; *Wojc.* II, 122. Ср. ниже п. 133.

Пѣсня 55.

„Колыхающееся (?) дерево, говоритъ г. Ящуржинскій (Лир. п., 112), — символъ печали и плача, или, собственно, усиленной просьбы, соединенной съ плачемъ и поклонами. Подъ такимъ символомъ является слезно просящая невѣста въ.... великорусской пѣснѣ (Шейнъ, влр. 476, № 1). Тѣмъ же самымъ символомъ для представленія поклоновъ и плача пользуются и малорусскія пѣсни". Примѣромъ въ подтвержденіе этихъ словъ, кромѣ указанныхъ авторомъ пѣсенъ (Чуб. IV № 112 — 3, о которыхъ см. мнѣніе Костомарова, Бес. VIII. 66; ср. вар. Метл. 175), можетъ служить именно разбираемая нами корницкая пѣсня съ варіантами, такъ какъ здѣсь дѣвушка, испрашивающая у своего рода благословенія при многократныхъ поклонахъ, а въ вар. и со слезами, сравнивается съ деревомъ (въ корниц. вар. вишня, о чемъ см. Бес. VIII. 24), верхушка котораго сгибается до самаго корня, т. е. до земли. Какъ извѣстно, въ Словѣ о пол. Иг. находимъ такой-же символическій образъ, выраженный словами: „древо с'тугою къ земли преклонилось" (ср. Потеб., Сл. о п. Иг., 65). Ср. еще прим. къ п. 61. Надо впрочемъ замѣтить, что 6 стихъ нашей пѣсни не представляетъ хорошей параллели къ ст. 3. „Одъ стола до комена" кланяется молодая потому, что начинаетъ съ родителей, которые сидятъ за столомъ, а потомъ кланяется прочимъ родственникамъ, сидящимъ по скамьямъ, особенно на той скамьѣ („лава"), которая идетъ отъ стола или, лучше сказать, отъ «пôкутя» (почетнаго угла) къ самому камину, на которомъ варятъ кушанье и который находится у входа въ избу по одной сторонѣ, между тѣмъ какъ хлѣбная печь занимаетъ противоположный уголъ у двери [1]).

По смыслу болгарской пѣсни, дерево съ нагибающеюся къ корню вершиною знаменуетъ собою дѣвушку, прощающуюся съ родителями:

Изникнало је зелено дърво [2]),
Колку зелено, толку ядово [3]);
Со връхъ-тѣ кланятъ съ коренъ проща'атъ.
(Милад. 475, № 546, нач. ср. *ib* № 167).

Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются и такіе образы:

Зогнулася на двоє лещиненька, —
Помобилася да зъ козакомъ дѣвчинонька.
(*Zb. w. do Antr.* II. 263).
Зхилилася верба въ верха до кориньня, —
Винчалася дивка зъ ранку до полудня.
(*Ib.* 193, ср. Чуб. IV № 713; Метл. 168; *Zb. w. do Antr.* VI. 47).
Січана, калинонька, *січана*,
Вже-жъ наша *Nзвінчана* (Чуб. IV. № 720, ср. 672; Метл. 170).

Послѣдній примѣръ тѣсно примыкаетъ къ сравненіямъ, особенно часто встрѣчающимся въ влр. пѣсняхъ: «заломать—замужъ взять» и т. п., нпр.

Не вызрѣвшей рябинушки нельзя *заломать*,
Не выросшей дѣвушки нельзя *замужъ взять*.
(Рыб. III. 453 № 4; Студит. 61; ср. *Erb.* 141 № 199).

Ср. также Шейнъ, влр. 98 (34), 357 (91); Закр. № 95; Бес. VIII. 49. См. ниже п. 199 (рубить — любить).

Вар.: Чуб. IV № 246 (=Лоз. 28), 729; Батюш. 396, 401 (1); Милад. № 546; *Gol.* 93; *Wojc.* II. 122.

---

[1]) *v. w polu*, 2.

[1]) Въ послѣднее время мѣстные крестьяне стали заводить печи съ желѣзной плитой, поэтому „комень" отдѣльно отъ хлѣбной печи встрѣчается только въ старыхъ и не перестроенныхъ избахъ.

[2]) ъ замѣняетъ большой юсъ подлинника; *вѫрфъ* — верхъ, верхушка.

[3]) Бѣдное, жалкое, несчастное.

Пѣсня 56.

Судя по варіантамъ, у этой пѣсни недостаетъ окончанія.

Вар.: Чуб. IV. № 251 (Лоз. 30), 257 (Лов. 21), 649, 730, прилож. № 37; *Gol*. 98; Гол. П. 675, IV. 325 № 9 (*W. z. Ol* 22), *Zb. w. do Antr*. VI. 35; *Żeg. P*. I. 78 № 23, ср. Чуб. IV. № 610, 684; *Woje*. II. 123.

Пѣсня 59.

«Виногріадъ» въ обыд. рѣчи замѣняется также нѣсколько искаженнымъ польскимъ словомъ «виногрòно» (*winogron*). Пѣсня принадлежитъ къ обширному циклу подобныхъ ей, трактующихъ о томъ, что милый лучше роду—племени (ср. еще п. 63). Частое упоминаніе винограда въ пѣсняхъ славянъ не только южныхъ, но и сѣверныхъ, показываетъ, что это племя надолго сохранило память о своей прародинѣ, хотя въ настоящее время, конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ нельзя уже усматривать что-нибудь сознательное, въ особенности у великорусскихъ славянъ. Но замѣчательно, что именно у сѣверныхъ славянъ есть цѣлый отдѣлъ пѣсенъ, носящій названіе «виноградье» вслѣдствіе того, что въ нихъ часто повторяется примѣвъ: «Виноградье красно-зелено». Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ поются на свадьбѣ, именно въ то время, когда

Опочивъ держитъ *N* господинъ
Онъ съ своей со душой со *N* госпожой.
(Изв. Об. л. Ест. XXX, в. 2, стр. 93).

Здѣсь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, виноградъ имѣетъ уже символическій смыслъ. Между прочимъ виноградъ, подобно калинѣ, служитъ символомъ дѣвушки:

Роща ты, роща,
Роща виноградная:
Дѣвка ненаглядная! (Шейнъ, влр. 226 № 177).

Якъ пашовъ виноградъ па заяри
Якъ пашла *N* па застоллю.
(Демб. 555 № 82, ср. № 200: па заавиныю; ср. *ib*. 524 № 2. Терещ. П. 450).

Ciecze winograd po cisowym stole—rano, rano.
Chodzi dziewczyna na okolo stolu—rano, rano.
(*Glog*., *Gody* № 124).

Поэтому «брать виноградъ» — любить дѣвушку и «срывать плоды любви». Такъ, въ великор. пѣснѣ, правда, нѣсколько неясно, говорится: Иванъ....

Къ Авдотьѣ зашелъ:
Постой часикъ у воротъ,
Я сбѣгаю въ огородъ,
Не поспѣлъ-ли виноградъ,
Не пора-ли его брать (Шейнъ, 441, № 12).

При этомъ, такъ какъ запрещенный плодъ всегда слаще, то и неосвященная церковью любовь сравнивается съ сладкимъ виноградомъ, а супружеская—съ горькимъ:

Ой кумъ кумци радъ,
Повивъ кумцю въ выноградъ:
Ой йижъ, кумцю, ягодки,
Которыйи солодки,
А которы гирки,
То для моей жинки [1]) и пр.

(*Zb. w. do Antr*. VII. 222. № 121; ср.Варенц. 32; Чуб. V. 614—5).

Конечно, если «брать виноградъ»=любить, то винограду можетъ уподобляться и любимая жена, особ. молодая. Мужъ, встрѣчая пьяную, но любимую жену, говоритъ.

Ци я ти не радъ?
Ты мой виноградъ!

(Де-Вол. 135; Гол. I. 496; *W. z. Ol*. 421, № 291).

Чехъ, женившись на молодой женѣ, восклицаетъ въ восторгѣ:

Sem, sem vieru rád,
Že sem dostal ženu mladou,
Sem, sem vieru rád,
Že sem dostal vinohrad!

(«*Slavia*», *Nár. pis*. № 95, ср. № 97; *Krolm*. II. 513; *Erb*. 344 № 164). [Послѣдній чеш. варіантъ какъ будто указываетъ на связь съ тѣми пѣснями, въ которыхъ молодецъ, для того, чтобы добыть дѣвицу, осаждаетъ «градъ» (напр. Гол. II. 162, IV. 334 = *W. z. Ol*. 30, Лоз. 83 № 7: Демб. 505, Шейнъ, блр. 110 № 155; *Kozl*. 188; *Konop*. 90, *Glog*., *Starod. dum*. № 104, *Skarb*. 54 № 3 и слѣд.), въ чемъ Костомаровъ усматривалъ черты княжескаго быта, Бес. XII. 42—3.].

Еще о значеніи винограда въ пѣсенной поэзіи, см. Бес. VIII. 39—42, Ящуржинск., Лирич. пѣс. 110—1.

Вар.: Чуб. IV. № 76, 718, прибавл. № 86 и V. 485 № 84; Гол. IV. 269, 292 (=*Żeg*. 94, 116); Метл. 130; *Zb. w. do Antr*. VI. 44, VII. 152, 248; VIII. 139; *Kolb*. II. № 53 (строф. 23—6); Батюшк. 342 (щедровка о потерѣ дѣвицею ключей; о ключахъ ср. ниже прим. къ п. 293, въ концѣ) Демб. 570 № 212.

Пѣсня 60.

«На посази» (ст. 10) отъ «посагъ», какъ уже и въ предыдущ. пѣснѣ (ст. 4), вм. «на посадѝ»; слово «посадъ» въ корницкомъ свадебномъ ритуалѣ

---

[1]) Не таковъ взглядъ самой жены, или вообще возлюбленной, на этотъ предметъ; провожая милаго, она говоритъ ему:
Ой ѣдь, ѣдь милы, да ни залаждайся,
На чужія жонки да ни заглядайся;
Бо чужая жонка якъ цыбуля(лукъ) горка,
Свая маладзенька як мет соладзенька.
[Филол. Вѣстн. 1885, № 2, стр. 282].

не существуетъ, а замѣняется по недоразумѣнію словомъ «посагъ», которое собственно означ. приданое. Есть впрочемъ одно, хотя врядъ-ли правдоподобное, доказательство подлинности и правильнаго употребленія слова «посагъ» и въ данномъ случаѣ, вм. «посадъ». Именно, въ замѣткѣ объ обычаяхъ такъ называемыхъ «подлясаковъ» (т. е. малороссовъ сѣдлецкаго, бѣльскаго [1]) и радинскаго уѣздовъ Люблинской г.), помѣщенной въ «Военно-статистическомъ обозрѣніи Россійской Имперіи», составленномъ офицерами Генеральнаго Штаба, авторъ разсказываетъ, что когда собираются сажать молодыхъ на «посагъ», то «поставивъ скамейку, застилаютъ ее бѣлымъ полотенцемъ, и скамейка (?) эта принимаетъ названіе *посагъ*, т. е. приданое, потому что послѣ свадьбы молодая, снявъ полотенце, идетъ съ нимъ на конюшню или на скотный дворъ своихъ родителей, и какую лошадь или корову обвяжетъ этимъ полотенцемъ, ту и получаетъ отъ родителей въ приданое» (Люблинская губ., стр. 203—4). Въ Корницѣ въ настоящее время никто не помнитъ, существовалъ-ли здѣсь когда-нибудь подобный обычай.

«Гусоньки засьпивали» — выраженіе, объясняющееся искаженіемъ, такъ какъ про гусей говорятъ здѣсь что онѣ «гагаютъ», а не «сьпиваютъ»; нѣсколько удачнѣе въ другихъ малор. варіантахъ: «галоньки защебетали», и еще лучше въ бѣлорусскихъ: «пташечки ....запѣли» (Шейнъ). Галка—по-корницки «кавка» (поль).

Вар.: Чуб. IV № 138, 812, 955 и стр. 569, 608—9, 620 (въ томъ числѣ Лоз. 31, Метл. 151—3), прилож. № 64; Гол. II. 104, IV. 282 (= *W. z. Ol* 33); *Zb. w. do Antr.* VI. 45(62), VII. 156(32); Шейнъ, 313, блр.; Демб. 557(105), 568(199), 571(224); Бес. X. 19.

Пѣсня 61.

Вмѣсто «мовила» въ строфѣ 1-й мы бы ожидали другой глаголъ, болѣе соотвѣтствующій и смыслу («мовити»—сказать, а птица не говоритъ) и риѳмѣ, нпр. «думала»; сравн. болг., «думамъ» — говорю. Но этотъ примѣръ характеристиченъ именно этою кажущеюся неправильностью; онъ наглядно показываетъ намъ, какъ тѣсно связывается въ народномъ представленіи символъ съ тѣмъ, что онъ знаменуетъ собою: символу народъ приписываетъ тѣ-же качества и дѣйствія, какія присущи означаемому имъ предмету или понятію. Теперь мы можемъ находить иногда въ этомъ ущербъ здравому смыслу; но на извѣстной ступени развитія, люди, подъ дѣйствіемъ окружающей природы, съ одной стороны сравнивали свой душевный міръ съ явленіями природы видимой, съ другой — одухотворяли неодушевленные предметы и приписывали имъ, равно какъ и животнымъ, человѣческія свойства.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на полный смысла поэтическій образъ птицы, садящейся на ракиту и нагибающей ее. Уже самое упоминаніе ракиты предвѣщаетъ что-то печальное, потому, что ракита—тѣ-же «лозы», которыя, по Костомарову, служатъ въ народной поэзіи символомъ несчастія и слезъ, откуда частое сопоставленіе: «лозы—слёзы» (Бес. VIII. 64—6). Ср. не свадебную того-же размѣра:

Дробна пташенька невеличенька по лозонці [1]) скаче,
Дурна дівчина безрозумная по гультаеві плаче.
(Чуб. V. 275. № 540).

Соотвѣтственное этому значеніе имѣетъ и самое сгибаніе дерева, какъ мы видѣли выше (пѣс. 55). Для сравненія можно еще привести начало великорусской пѣсни, содержащей нѣсколько сходный и по внѣшности (наклоненное дерево, на немъ—птицы) и по смыслу (печаль) образъ:

Бѣлая березонька, преклонясь къ землѣ, стоитъ,
На этой березонькѣ двѣ пташечки сидятъ,
Двѣ пташечки — горькія кукушечки;
Кукуютъ кушечки и день, и ночь,
Журятъ—бранятъ пташечки чужу сторону и пр.
(Тихонравовъ, Лѣтописи русс. лит. IV. отд. 2. 99 № 17, ср. 95, № 10).

[По основной мысли это одна изъ тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ чужіе люди заманиваютъ дѣвушку въ свою сторону, обѣщая ей золотыя горы (мотивъ свадебный, ср. нпр. Чуб. IV. № 1162), но кукушка или другая птица раскрываетъ ихъ обманъ, говоря, что она всѣ земли облетала и нигдѣ такихъ краевъ не видала, какіе они расписываютъ, а видала на чужой сторонѣ одно горе. Ср. напр. млр. свад. Гол. IV 239. № 43 = *W. z Ol.* 17, Лоз. 116—7. *Wojc.* II. 157; *Smol. u H.* I. № 237; *Сах.*, Сказ. рус. нар. III. 149 и пр.]

Вар.: Чуб. IV. № 294—5 (= Лоз. 36, 9—10); Гол. IV. 216 № 19 и 288 № 21 (= *W. z Ol.* 38 № 123).

Пѣсня 62.

«Не можетця наглядіети» (ст. 3—4) вм. «не може наглядіетися;» ср. выше, пѣс. 17: «дайтеся одчинити». Такое перенесеніе возвратнаго мѣстоименія отъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ на *ся* къ сказуемому очень употребительно и въ разговорной рѣчи, нпр.: «не дасьця напити» «будутця бити»; отмѣтимъ еще: «будесься ты міети!» (=будешъ ся..., ся = си, себѣ?) достанется тебѣ!

[1]) Въ составъ Бѣльск. уѣзда входилъ до 1866 года и нынѣшній уѣздъ Константиновскій.

[1]) По лозинонці? по галозонці?

«не дався мовити» не позволилъ и ротъ открыть, не далъ возможности, чтобы сказать ему. Глаголъ «глядіети» употребляется въ разговорѣ, въ значеніи: 1) смотрѣть за чѣмъ, = «доглядати», ходить за кѣмъ, за чѣмъ; 2) искать глазами; въ значеніи: «смотрѣть, глядѣть», говорится—«дивитися»; наглядѣться — «надивитися;» вар. «дивиться» = «дивоватися».

Вар.: Чуб. IV. № 43, 260 (= Основа 1862, апр. 22); Гол. II. 650 № 65, IV· 211 № 9; *Zb. w. do Antr.* VII. 247 № 8.

Пѣсня 63.

«Живіети» (ст. 6), жить, воспитываться,—слово не разговорное, встрѣчается еще въ пѣс. 283 въ въ той-же формѣ. Форма «глыбоки» употребительнѣе, чѣмъ «глубоки».

Главная мысль пѣсни: милый лучше родного отца съ матерью, лучше роду-племени.

Неясенъ запѣвъ, содержащійся въ стихахъ 1—2. «Ручникъ», плывущій черезъ рѣку, т. е. отъ одного берега къ другому, напоминаетъ собою мостъ, и можетъ быть принятъ здѣсь, какъ символъ брака. Въ подобномъ-же запѣвѣ, предпосылаемомъ другимъ свад. пѣснямъ, говорится о томъ, какъ

Черезъ Дунай глубокій
Лежитъ яворъ широкій (Гол. II. 644; Чуб. IV № 221),

и этотъ яворъ служитъ мостикомъ для дружбъ, несущихъ невѣстѣ подарки отъ жениха. Можетъ быть, въ корницкой пѣснѣ полотенце случайно упомянуто вмѣсто другаго предмета, который съ большей вѣроятностью, какъ въ приведенномъ запѣвѣ яворъ, могъ бы быть разсматриваемъ какъ кладка или мостикъ, служащій средствомъ соединенія дѣвушки съ милымъ. Парень какъ будто стоитъ у этого мостика на терегу рѣки и спрашиваетъ у дѣвушки, стоящей на противоположномъ берегу: «Кто тебѣ милѣе всего? Если я, то переходи ко мнѣ». Дѣвушка перечисляетъ отца, мать и пр., и оказывается, чо милый всѣхъ милѣе.

Нѣчто подобное находимъ въ щедровкахъ, отъ которыхъ, можетъ быть, и заимствованъ поэтическій пріемъ при созданіи разбираемой нами пѣсни. Тамъ представляется, что по рѣкѣ плаваетъ кленовый листъ, на которомъ написано «три письма»*): первое письмо—ясный мѣсяцъ (мужъ-хозяинъ), второе письмо — ясное солнце (жена-хозяйка), третье письмо — ясные звѣзды (дѣти) (Метл. 342, другіе вар. у Чуб. III 460, № 24, Гол. II. 156 № 13. ср. II. 27 — 8; сюда-же Спрог. 43. № 1; см. Бес. XI. 18, Потебн. Объясн. пѣс. 144—5, Малор. пѣс. по сп. XVI в., 37, Воронежъ 1877.). Этотъ плавающій листокъ (*v.* челнокъ и пр.) съ послѣдующимъ затѣмъ перечисленіемъ членовъ семейства очень напоминаетъ общій складъ разбираемой свад. пѣсни, въ которой прибавленъ только соотвѣтственный случаю мотивъ: милый лучше отца, матери и т. д.

По поводу плавающаго полотенца отмѣчу еще двѣ пѣсни: В. Кар. I. 37 №61 и *Kolb.* XVI № 365.

Вар.: *Zb. w. do Antr.* VIII. 138 № 54, III. 202, № 22; *Wojc* II. 77; Демб. 548 № 24; *Erb.* 301 № 37; Терещ. II. 213; Сах. III. 131 № 80; Шейнъ, вар. 455 (35), 509 (36), 169 (120); Рыбн. III. 386; Печерскій (Мельниковъ,) «Въ лѣсахъ», ч. IV, гл. 15. Ссылки, имѣющія отношеніе къ запѣву, см. выше.

Пѣсня 64.

Вмѣсто «кошуля» (*koszula*, рубашка), въ разговорѣ всегда употребляется «сорочка». «Буяронька», конечно, не разговорное слово, равно какъ «буяры» (рѣже «бояры») по отношенію къ мужчинамъ.

Угрозы, подобныя тѣмъ, какія высказываютъ невѣстѣ дѣвушки въ послѣднихъ стихахъ, въ другихъ пѣсняхъ влагаются въ уста жениха.

Есцъ у мяне али яе арямення плецъ,
Паходзицъ Поличцѣ кала бѣлыхъ плечъ.
(Демб. 546 № 12, ср. № 83)

Я жь тваю дачушку шанавацъ буду:
То прутымъ, то кнутымъ, то качалычкой
Буду называцъ усё каханычкой.
(*Ib.* 570 № 217).

Что эти угрозы нерѣдко, приводятся въ исполненіе, это можно быдо бы подтвердить безчисленнымъ множествомъ примѣровъ изъ пѣсенъ (см. у Чуб. т. V въ отдѣлѣ: «Невыгодныя стороны положенія женщины», стр. 536—633), не говоря уже о примѣрахъ изъ дѣйствительной жизни. Даже отъ горячо любимаго человѣка дѣвушка всегда можетъ ожидать въ замужствѣ жестокаго обращенія:

Дала жъ мене моя маты, за кого я хтила
Зашумыла нагаёчка коло мого тила.
W. z Ol. 191 № 84 = № 144; ср.
Де-Вол. 121—2, 187; Чуб. V. 606, № 206.

Въ ритуалѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился очень характерный обычай: молодой, въ знакъ того, что къ нему переходитъ власть надъ женщиной, которую онъ беретъ себѣ въ жены, ударяетъ ее плетью по спинѣ, обыкновенно три раза, или рукой по лицу въ присутствіи другихъ,

---

*) Это не единственный примѣръ писанія на листѣ растенія. Въ латышск, п. (Трейл. № 172): „Господа записываютъ, солнце записываетъ моихъ бѣлыхъ братцевъ: господа записываютъ въ книгу, солнце—на кленовомъ листкѣ"; въ литовск. п. выданная неудачно за-мужъ пишетъ къ роднымъ письма на листочкахъ маргаритки (*Zb. w. do Antr.* III. 212 № 37); ср. еще Бесѣд. VIII, 38—9. Все это, конечно, поэтическіе образы; но чтобы привести примѣръ изъ дѣйствительной жизни, можно вспомнить К. Ѳ. Рылѣева, который выколол иголкой на кленовыхъ листьяхъ цѣлое стихотвореніе и письмо къ Е. П. Оболенскому. См. Соч. Рылѣева, 1874, стр, 292—3.

и тѣмъ какъ бы даетъ ей предвкусить горечь жизни въ замужествѣ; иногда молодую бьетъ ея отецъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должно означать, что она должна любить только своего мужа и не думать о другихъ (Терещ. II. 35—6, 90, 94, 181, 183, 532; *F. Krauss*, *Sitte. u. Brauch d. Sudsl.* 385; Лоз. 147; *Zb. w. do Antr.* II. 201. *Kolb.*, *Lud*, X. 118, XI. 205, *Pokucie* I. 316: молодую ударяютъ даже другіе поѣзжане. Сумц. О свад. обр. 94). Эти удары вообще символъ безпрекословнаго подчиненія одного лица другому, какъ и практиковавшійся, напр., въ старину обычай троекратнаго ударянія плетью учителемъ новичка — ученика, поступавшаго подъ его вѣдѣніе (Сах., Сказ. р. н. изд. 1885 г., II. 153, замѣч. къ 1 декабря).

Послѣдніе стихи разбираемой корницкой пѣсни имѣютъ въ виду, конечно, не это символическое хлестаніе.

Вар. (къ послѣдн. стихамъ): Демб. 546 № 12 (ср. № 83) *Glog.*, *Gody*, 42 № 63 (строф. 4).

Пѣсни 65—66.

«Нарокомъ» въ шутку (у Терещ. искаж. «съ нарокомъ» — въ описаніи литовской (?) свадьбы, II. 482; у Tyszk. 364: знарокамъ). — По объясненію пѣвицъ «рыба съ перцёмъ» упоминается въ п. 66 потому, что это очень вкусное блюдо, хотя такое объясненіе не согласно съ общимъ смысломъ пѣсни: отъ вкуснаго не отворачиваются. Иное дѣло, если бы отрицаніе «не» (п. 66, ст. 3) замѣнить черезъ «якъ»; тогда можно было бы или приложить выше приведенное объясненіе (невѣста сравнивается съ вкуснымъ блюдомъ), или представить себѣ такъ, что невѣста съ женихомъ составляютъ очень хорошую пару, точно такъ-же, какъ къ рыбѣ очень идетъ перецъ. Рыба съ перцемъ упоминаются въ качествѣ очень вкуснаго блюда въ бѣлорус. пѣснѣ (Шейнъ 262 № 460), притомъ тоже съ намеками на любовную связь; въ малорос. пѣснѣ:

....Ишла баба по перецъ.
Здыбавъ ею старецъ
Та приперъ ю до дверецъ,
Та вытрисъ зъ нейи перецъ (Жег. П. I. 112= =Гол. IV. 318), перцу уже явно дается переносный смыслъ.

При угощеніяхъ на свадьбѣ въ пѣсняхъ постоянно повторяются такія формулы, какъ напр.

Чи съ перцемъ, (чи?) не съ перцемъ —
Просимо съ щиримъ серцемъ и т. п.

(Чуб. IV, стр. 647, ср. № 779, 417=Лоз. 52; Гол. IV. 304, 343).

Вар. Лоз. 101; *Gol.* 95; Чуб. IV № 74; *Tyszk.* 364; Терещ. II. 482.

Пѣсня 68.

«Дае» вм. «оддае» (ср. укр. 'ддае); «зраджiае» — слово неразговорное.

Прилеганіе къ столу выражаетъ здѣсь усиленный плачъ, какъ въ блр. п. припаданіе къ скамейкѣ (Демб. 550 № 39). Но кое-гдѣ встрѣчается и обрядовое прилеганіе невѣсты со слезами къ столу, когда приходитъ женихъ, который обыкновенно долженъ силою поднять ее (*Smol.* и Н. II. 242; Демб. 559, пѣс. 118; *Kolb Pokucie*, 240; *Zb. w. do Antr.* VI. 54). Столъ въ этомъ случаѣ играетъ приблизительно такую-же роль, какъ и печка, за которую молодая иногда хватается, не желая разстаться съ роднымъ гнѣздышкомъ (о столѣ ср. Сумцова, О свад. обр. 193); сюда еще относятся пѣсни: Шейнъ, влр. 466, № 10, Терещ. II. 198; Сах. III. 351, № 3; *Kolb.* XVI. № 280; *W, z Ol.* 17, № 41, ср. Лоз. 139 (8) и указанные ниже болѣе близкіе варіанты.

Надо замѣтить еще, что въ одной млр. пѣснѣ дѣвушка—сирота припадаетъ *къ землѣ*, въ которой погребены ея родители, и проситъ принять и ее въ свои нѣдра (Бес. V. 85. Чуб. V. 445; ср. Потебн., О нѣк. симв. 136, Объясн. п. 95), а въ великорусской она зоветъ такимъ-же образомъ милаго изъ могилы (Сах. IV. 78 № 50); это припоминаетъ намъ обычай сиротъ ходить передъ свадьбой причитать на могилу родителей (примѣч. къ пѣс. 52), и разбираемая нами корницкая пѣсня можетъ быть, находится въ связи съ пѣснями и причитаніями, относящимися къ этому обычаю.

Вар.: *Zb. w. do Antr.* VII. 154 № 16; Шейнъ, блр. 361 № 673; Гол. IV. 284 № 6=*W. z Ol.* 35 № 108, Лоз. 29—30.

Пѣсня 69.

«Наленули» — въ обыд. рѣчи «налетiели»; этотъ глаголъ встрѣчается еще въ п. 139; иныя пѣвицы его не понимаютъ. — «Коло» — колесо, кругъ.

Пѣсня искажена, что видно уже изъ того, что по смыслу пѣсни подъ лебедями должны подразумѣваться сваты или тѣ, кто расчесываетъ косу, а между тѣмъ въ предпослѣднемъ стихѣ находимъ неподходящее объясненіе: бѣлые лебеди—краса дѣвушки.

Изображеніе дурнаго предчувствія посредствомъ сна принадлежитъ къ числу самыхъ употребительныхъ пріемовъ въ народной поэзіи и основывается на непоколебимомъ вѣрованіи народа въ вѣщее значеніе сновъ. Искуственная поэзія усвоила также этотъ пріемъ. Не говоря уже о снѣ Татьяны Пушкина, Свѣтланы Жуковскаго, Пульхеріи Ивановны Гоголя и т. п., вспомнимъ сонъ князя Святослава въ «Словѣ о полку Игор.», созданный пѣвцомъ на основаніи народныхъ повѣрій: «Синочь съ вечера *одѣвахъте мя* чръною паполомою,... сыпахуть ми..

великый женчюгь на лоно» и пр. (объясн. см. въ «Замѣчан. на Сл. о п. Иг.,» кн. Вяземскаго, стр. 265; Потебни, Сл. о п. Иг., Воронежъ 1878 стр. 84, слѣд. и др.). Подобнымъ же образомъ въ одномъ изъ варіантовъ разбираемой пѣсни снится дѣвушкѣ, что

Прилетіли два соколоньки...
Китаечку розослали,
Жемчугу манисто насипали.
(Чуб. IV № 189).

Жемчугъ—слезы:

Ты *разсыпься, крупенъ жемчугъ,*
Что по атласу да по бархату,
Ты *расплачься,* невѣстушка...
(Шейнъ, влр. 485, ср. 462).

Замѣтимъ, что если принять въ снѣ Святослава такое раздѣленіе словъ: «*одѣвахъ темя* чръною паполомою» (В. Миллеръ. «Взглядъ на С. п. И.» 216), то это выраженіе будетъ вполнѣ соотвѣтствовать малорусскому: «завязати голову чорною китайкою» для выраженія горя, о чемъ было упомянуто въ примѣч къ п. 43.

Вар.: Чуб. IV № 189, 317, 629; Кіевск. Старина, 1883, февр. 388, № 26; *Zienkiewicz, Piosnki ludu Pinsk.* 58 (у Потеб., Объяс. п. 162); Шейнъ, блр. 457 № 17, влр. 463 (4), 552 (12); Рыбн. Ш. 399 (41); Сах. Ш. 181 № 113.

Пѣсня 70.

Названіе епархіальнаго города Холма (любл. г.) употребляется въ этой мѣстности преимущественно въ формѣ — *Хéлмо* сред. р., рѣже — *Хелмъ* (поль. *Chelm*). Въ риему съ этою полонизованною формою поставлено въ такой же формѣ и слово *велна* (поль. *welna*) вм. обычнаго «вовна», шерсть. Надо замѣтить, что въ польскихъ варіантахъ этой пѣсни упоминается *Chelmno*; но это не люблинскій Холмъ а прусскій *Kulm*, лежащій у границы нынѣшней Польши, Познани и Пруссіи, по правую сторону Вислы *). Нѣсколько созвучное соб. имя упоминается и въ моравскомъ вар. (*Jedú kupci od Hulína*).

«Руно на руно клали» (ст. 3)—въ переносномъ смыслѣ, что ясно изъ вар. Чубинскаго.

«Панна»—употребляется и въ разговорѣ наряду съ «*дíевчина*», при чемъ первымъ иногда отличаютъ именно цѣломудренную дѣвушку, тогда какъ «*дíевчина*»— вообще незамужняя; «*дíевка*»—работница.

Объ отрѣзываніи косы см. Сумцова, О свад. обр. 151 и Кіев. Старин. 1883, нояб. 513.

Вар.: Чуб. IV. № 1301; *Kolb.* VI № 145. *a*; IX № 54; *Zb. w. do Antr.* IV. 135 № 122; *Suš.* № 626; *Kollár* I. 352 № 61.

*) См. Piesni ludu P., I, O. Kolberga; въ концѣ списокъ мѣстностей.

Пѣсня 71.

Вар.: Чуб. IV. № 404, 982; *Tyszk.* 308.

Пѣсня 72.

«Зъ мышами»—въ обыд. рѣчи «въ мышима» также «грошима» (и «груошми»), какъ «очима, ушима, дверима» и т. п. формы двойств. числа (удареніе на предпосл. слогѣ); ср. слѣд. п.

Вар.: Чуб. IV № 98=*Stecki, Wołyn'*, I. 81. Ср. ниже п. 150.

Пѣсня 73.

«Съвитити очима»—испытывать чувство стыда въ присутствіи другихъ, не знать куда глаза дѣвать отъ стыда.—Замѣчательно построеніе трехъ послѣднихъ предложеній и ихъ соотношеніе (ст. 3—5): «не *жíалуй*» относится собственно только къ первому неопредѣл. накл. «страсьци» (встряхнуть), остальныя же два: «звесьци» (поднять) и «*сíесьци*» надо понимать такъ, какъ если бы при нихъ былъ союзъ «чтобы» (по-корницки «щобъ» или «жебъ»; въ проклятіяхъ и т. п. также «кобъ»—кабы: «кобъ ты здохъ!»), или же другое повелит. накл. (какъ выше «не *жíалуй*») со значеніемъ: постарайся, поспѣши и т. п. «Коло ейи»—возлѣ невѣсты, хотя раньше объ ней и не упоминалось.

Вар.: Чуб. IV № 940 (3 вар., въ томъ числѣ Лоз. 98, Метл. 194), прилож. № 63; *Wojc.* П. 125; *Zb. w. do Antr.* VI. 53 № 101; *Kolb.*, *Pokucie* I № 167; *Gol.* 94.

Пѣсня 74.

Не должно казаться страннымъ сравненіе молодыхъ съ черною тучею, которая обыкновенно служитъ символомъ чего-то мрачнаго, грознаго, враждебнаго. Богъ грома у многихъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, считался покровителемъ брака, и въ грозѣ люди видѣли брачный союзъ этого бога съ небесною дожденосной тучей—дѣвою. Поэтому въ млр. свадебной пѣснѣ женихъ уподобляется грому, а невѣста—дождевой тучѣ, которые переговариваются между собою (Чуб. IV № 350). [1]) Въ другой млр. пѣснѣ съ тучами сравниваются дружки невѣсты (Метл. 146) подобно тому, какъ въ сербской пѣс. дѣвичій хороводъ сравнивается съ громовыми тучами, ходящими по небу («Древности», Труд. Моск. Арх. Об. I. 151).

Пѣсня 75.

Совершенно соотвѣтственно сельскому житейскому быту ношеніе воды выставляется здѣсь какъ одна изъ самыхъ важныхъ работъ для женщины; эта работа почти всецѣло возлагается на женщину, и, будучи часто сопряжена съ немалыми трудно-

1) Ср. съ этимъ начало пѣсни Леля въ „Снѣгурочкѣ“ А. Островскаго: „Туча со громомъ сговаривалась“ (д. III, явл. 1).

стями, она стоитъ женщинѣ большой затраты силъ и здоровья. Не даромъ послѣ свадьбы молодую заставляютъ принести изъ колодца воды при всѣхъ, чтобы доказать тѣмъ силу и умѣніе. Не даромъ также дѣвушка съ родителями, соображая выгодныя и невыгодныя стороны предлагаемой партіи, обращаютъ также большое вниманіе на то, близко-ли вода, т. е. не далеко-ли отъ дома и не глубоко-ли въ землѣ; это очень важно знать, потому что, по латышской пѣснѣ, если вода далеко въ источникѣ, — это губитъ силу женщины (Спрог. 264 № 12). Поэтому въ млр. пѣснѣ парень, уговаривая дѣвушку выйти за него за-мужъ, ставитъ ей на видъ, что у него «колодязь на двори» (Чуб. IV № 1213, Батюш. 403 № 4); точно также сваты, или самъ женихъ, заманиваютъ невѣсту тѣмъ, что въ ихъ сторонѣ «вода сама ллеться» (Чуб. IV. № 1162; ср. Де-Вол. 213, № 6). Въ Арханг. губ. когда женихъ съ дружиною пріѣзжаетъ за невѣстою, они ее утѣшаютъ между прочимъ: «ты, сударыня, не плачь, не вопи, ни о чемъ не тужи: у нашего батюшки горы низеньки, ушатки маленьки, коромыслы тоненьки» (Изв. Об. л. Ест. XXX, вып. 1, стр. 111. а.); или же, напротивъ, пугаютъ: «У нашего князя первобрачнаго есть горы круты, коромысла толсты, ушаты больши: носи воду не лѣнись, насъ молодцей не безчести» (*ib.* 131. б.), съ тѣмъ ср. въ сербской п. слова деверя, защищающаго передъ свекромъ и свекровью молодую невѣстку, усланную за водой; онъ говоритъ:

«Дуго полье, а вода далеко;
Тешка ведра, а нејаке руке» (В. Кар. I. 306),

и потому невѣстка долго не возвращается.

Женихъ — бѣлоруссъ утѣшаетъ свою невѣсту на заручинахъ:

«Падъ гару вадзицу пыднясу
Я тваи ручички пирямяню“ (Демб. 546, № 6).

То, что въ разбираемой пѣснѣ дѣвушкѣ сулятъ въ замужествѣ, она часто испытываетъ на самомъ дѣлѣ, и потому жалуется въ пѣснѣ на свою мать:

Оддала жъ ти мене
Та далеко одъ себе
У чужу сторону,
На велику семъю;
А велика семъя
Сіла вечерять сама,
А мене молоду
Посилають по воду.
Ой по воду йду
Якъ голубка гуду,
А зъ водою йду,
Утираючись и пр. (Чуб. V 701 № 305).

То-то, матушка, неволюшка,
Государыня, боярской домъ:
Посылаютъ меня молоду
Во полуночь одну по воду
И разутую, и раздѣтую,
И холодную, и голодную и пр. (Якушк. 599; ср. Тихонрав., Лѣтоп. рус. лит. IV, отд. 2, стр. 45 № 1 и ниже № 21).

Мнѣ извѣстна только одна пѣсня, въ которой ношеніе воды представляется выходящей за-мужъ сравнительно легкою работою, но это только потому, что есть еще и болѣе трудныя:

Валиць мая галоўка адъ вѣнца,
Не аддавай, мой татечка, за удаўца.
Аддай мяне, мой татечка, ў сямью,
У сямьи ёсьць парядечекъ ўсяму:
У истопку таўчи, малоць—залаўки,
Дзяжу мясиць, хату тапиць—ятроўки,
А ў крыницу па вадзицу—я маладая.
(*Tyszk.*, *Opis. pow. Borys.* 332).

Интересно то, что въ этихъ жалобахъ на трудность ношенія воды одною изъ важнѣйшихъ причинъ выставляются горы даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ горъ не существуетъ. Можетъ быть, въ этомъ сказывается память о горахъ прежняго мѣста жительства славянъ (Карпаты?) Изслѣдователи народной поэзіи говорятъ, что горы—символъ трудности, невозможности, неволи, горя (Бес. V. 90. Потебн., О нѣкот. симв. 154); горы съ долинами—символъ дали (Бес. V. 92),—что и подтверждается примѣрами изъ народныхъ пѣсенъ, нпр.:

Не отдавай меня, матушка, въ ту сторону,
Въ ту сторону, куда я не хочу;
Тамъ горы высоки, озера глыбоки:
Взойду на гору—меня горе беретъ,
Взойду на путь въ меня слезы текутъ.
(Шейнъ, вар. 204 № 152, Псков. г.).
Уже я видѣла (т. е. во снѣ), подруженьки, гору высокую...
Эта гора-то высокая—чужа дальняя сторона.
(Терещ. II 247).

Какъ трудно по горамъ ходить, такъ-же трудно жить въ чужихъ людяхъ. «Сближеніе горы и горя, говоритъ проф. Потебня, основано, какъ большая часть подобныхъ сближеній, не на пустой игрѣ словами, а на извѣстномъ взглядѣ на природу». (О нѣк. симв. 155). Прежде, однако, чѣмъ это сближеніе получило символическій смыслъ, оно должно было имѣть реальное значеніе.

Вар.: Чуб. IV стр. 658, V. 701; Гол. VI. 209, 217, 240 (= *W. z Ol.* 17 № 44); *Zb. w. do Antr.* VI. 61 № 140, VIII. 141 № 68; Сб. пам. нар. творч. с.-зап. края, 89 (у Потебн., «Изъ запис. по рус. грамм.» II. 445, отрывокъ); Лоз. 136 № 2; Тышк. 331 № 5; Демб. 546 № 6; Якушк. 599 № 75; Тихонравовъ, Лѣтописи рус. литер. IV. 2. 45 (1), 101 (21).

Пѣсня 76.

Для глагола «лямати» (ст. 3) настоящ. время корничане образуютъ отъ глагола «ломити»: лом'ю, ломишъ и т. д., очень рѣдко по 1 спряж.: лам'юешъ,-е,-емо,-ете,-ютъ. «Пытатися» (ст. 8) и «пытати» (ср. п. 63), спрашивать,—равно употребительны.

Вм. «изъ сонычка» (ст. 18) мы бы ожидали «одъ сонычка»: пропадетъ краса съ лица, какъ роса отъ солнца, предлогъ *зъ* поставленъ здѣсь только подъ вліяніемъ параллелизма съ предыдущимъ стихомъ. Въ концѣ пѣсни замѣтно искаженіе; въ этомъ убѣждаетъ насъ уже одно неловкое повтореніе слова «головоньку»; кромѣ того представленіе, будто долина сильно изсушается вѣтромъ, противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ дѣйствію вѣтра особенно подвержены горы, а не долины; наконецъ, калина въ пѣсняхъ обыкновенно изсушается солнцемъ, а не морозомъ (Бес. IV. 37). Это, очевидно, неудачная передѣлка отрывка изъ другой пѣсни въ родѣ слѣдующаго:

Соколе жъ мій ясний,
Мій друже прекрасний,
(Да) гордуешъ ти мною,
Якъ вітеръ горою, 2.
Морозъ долиною,
Сонце калиною,
Козакъ дівчиною.
(Чуб. V. 5 № 9, 724 № 317, ср. 54 № 120; Лисенко Ш. № 33).

Впрочемъ, то представленіе, что морозъ сушитъ калину—дѣвицу, находитъ себѣ оправданіе и въ языкѣ (лат. *frigere*—млр. *пражити*, жарить; ср. Потебн., О нѣкотор. симв., 33), и въ народной поэзіи. Морозу здѣсь уподобляется именно свекровь подобно тому, какъ свекоръ уподобляется лютой зимѣ (Чуб. IV № 358, 964). Это уподобленіе возникло изъ сравненія жизни у родного отца и матери съ жизнью у свекра и свекрови: родные любятъ, какъ солнце грѣетъ лѣтомъ, чужіе—какъ зима леденитъ; поэтому, по млр. пѣснѣ, не сравняться зимѣ съ лѣтомъ, не сравняться свекру съ роднымъ отомъ (Чуб. IV. 428; Гол. IV. 239 № 41=*W. z Ol.* 17). На этомъ основаніи въ корницкой пѣснѣ предпочтено сравненіе свекра съ морозомъ, чѣмъ съ солнцемъ, какъ благодатнымъ источникомъ свѣта и тепла. «Морозъ – символъ страданія», говоритъ Костомаровъ (Бес. IV. 63); поэтому лихой, сердитый мужъ—«гиршъ лютого мороза» (Гол. IV, 221 № 2=*W. z Ol.* 2: *лютного*; издатель, можетъ быть понималъ: февральскаго, отъ *luty*—февраль), между тѣмъ какъ гнѣвъ отца—«якъ литняя роса»; въ болгарской пѣс., наоборотъ, родители, мѣшающіе свободной любви, сравниваются съ зимою и морозомъ, а милый—съ лѣтомъ Верк. (№ 495). Отъ зимы и холодный сѣверный вѣтеръ получилъ подобное значеніе; такъ, въ влр. причитаніяхъ ему уподобляется мачеха (Барсовъ, Причит. I. 85; у Потеб., Объяс. п. 48), въ литовской пѣснѣ—сердитый мужъ (Милл. и Форт. № 71); ср. восточный вѣтеръ -женихъ-чужанинъ (Чуб. IV № 175—6, одна пѣсня раздѣлена на двѣ; ср. Гол. П. 629—630; Потеб., Объяс. п. 48—9). Еще примѣры уподобленія враждебныхъ лицъ зимѣ, морозу и т. д. см. у Потебни, Объясн. пѣс. 62—3. Ср. также прим. къ п. 139, ниже.

Перемѣна, какая должна произойти въ жизни дѣвушки съ выходомъ ея замужъ, обрисовывается въ болгарской пѣснѣ слѣдующимъ образомъ:

По'вали сѣ дърво [1]) бършленово [1]):
— Како мене нигде друго нематъ:
Дете, зиме зелено си стоямъ,
Роса роситъ,—не ме наросуватъ,
Ветеръ веитъ,—не ме занишуватъ,
Слана слани,—не ме усланува.
Отъ како ме майка посвърши [1]),—
Слана славитъ—и ке ме усланитъ,
Ветеръ веитъ – и ке ме занишатъ,
Роса роситъ—и ке ме нароситъ.
(Милад. № 540).

Это очень напоминаетъ одну строфу всѣмъ извѣстнаго романса: «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою», именно:

Заря меня не нарумянитъ,
Роса меня не освѣжитъ,
Лучъ солнца грѣть меня не станетъ
И ночь меня не усыпитъ.

Угро-русская п. сулитъ дѣвушкѣ не лучшую перемѣну въ замужествѣ:

Ружа дѣвча, ружа,
Покля не машъ мужа;
Якъ уже машъ мужа,
Спаде съ тебе ружа...
Младамъ шя выдала,
Не мамъ въ личку барбы (*краски*)
А ни въ личку барбы,
Ни въ собѣ подобы...
(Де-Вол. 231, ср. 117; см. ниже вар. въ прим. къ п. 269).

Вар.: Чуб. IV № 260, 314, 736, V. 188 (379), 5 (9), 54 (120), 724 (317); Лисенко, Збірник. Ш. № 33; Гол. П. 650 № 65, IV. 249 № 12 (=Русал. Дн. 46, *Žeg. P.* I. 71—2); Батюшк. 397 (3); Лоз. 72—3; *Gol.* 116; *Zb. w. do Antr.* VIII. 140 (161); *Kolb.* XVI № 84; *Gloger, Gody.* 21 (26), *Starod. dumy* № 74; *Wojc.* II 153, 188; Шейнъ, блр. 118 № 165; Безсон. 15 (20—1), 59 (105); Милад. № 540.

---

[1]) Ъ вмѣсто юса большого, стоящаго въ подлинникѣ.

Пѣсня 77.

«Играютъ»—въ обыденной рѣчи «граютъ», какъ въ п. 9; «играти» еще встрѣч. въ п. 79, гдѣ однако при пѣніи часто *и* въ началѣ въ ущербъ размѣру переходитъ уже въ *й*, какъ въ чешскомъ (*jhrati*, *j* не читается), откуда и получилась форма безъ *и*. Однако и въ обыденной рѣчи употребительны слова: и́гращка (поль. *igraszka*), доигра́тися, выигрувати и т. п.

„Дбати", заботиться, кромѣ предлога *о* съ предл. пад. (рѣже съ вин.) можетъ имѣть при себѣ также *на* съ вин. пад.

Вар.: Чуб. IV № 326 (бѣльск. у.); ср. выше пѣс. 43.

Пѣсня 78.

„Кватыра"—1) квартира, 2) створы оконъ или дверей, также ставни. Въ первомъ значеніи говорится только о солдатскомъ постоѣ; здѣсь употреблено въ значеніи окна.

Вар.: Батюшк. 379 № 2 (бѣльск. у.); Чуб. IV. 70 № 17.

Пѣсня 79.

Орѣхъ—женихъ, какъ въ другой малор. п.:

Було въ мене три орішки, та всі роскотились,
Було въ мене три женихи, та всі поженились.
(Чуб. V. 200, № 406).

Исканіемъ мѣста, гдѣ бы посадить орѣхъ или растеніе, символически обозначается желаніе любви; далѣе: садить=любить; наконецъ, ломать посаженное дѣвушкою значитъ вступить съ нею въ любовную связь или въ бракъ.

Эта пѣсня, очевидно, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми, въ которыхъ говорится о топтаніи парнемъ посѣяннаго или посаженнаго дѣвушкой. Ссылки см. у Потебни, Объясн. пѣс. 44, тамъ-же символич. значеніе сѣянія, сажанія и пр., стр. 41—4. Нѣкоторое отношеніе къ разбираемой пѣснѣ имѣетъ также упомянутая выше (прим. къ п. 9) литовская (*Zb. w. do Antr*. Ш. 200 № 19) и чешская *Erb*. 325, № 86. Болѣе близкіе варіанты мнѣ неизвѣстны.

Пѣсня 80.

„Мыслити" и „думати" употребляются въ одинаковомъ значеніи. Съѣсть=„изі́есьци" (послѣ гласной—йзі́есьци) вм. «зйі́есьци»; послѣдняя форма неупотребительна.

Вар.: Чуб. IV № 1106, 1354, Б, прибавленіе № 80; Гол. II. 669 № 120; *Wojc*. II. 43; *Ryp*. 56; Шейнъ, бѣр. 345 № 630; Демб. 579 № 300,—2; Всемірн. Иллюстр. 1879, стр. 431 б.

Пѣсня 81.

„Лебедоньку" въ 1-мъ стихѣ—зват. п. муж. р. отъ «лебедонько», въ 3 ст.—винит. п. ед. ч. жен. р. отъ „лебедонька".—„Скоро" или „скоро оно" (=поль. *jeno*), «скоро туолько» значитъ: какъ только, какъ скоро, коль скоро (поль. *skoro, skoro tylko*).—„Крыдельціами" изъ польской формы *skrzydelkami*; въ обыд. рѣчи крылышко называется — «крыльце», какъ въ пѣс. 51.—«Сукенка»—юпка (поль. *sukienka*), въ обыденной рѣчи—«хвартухъ»; словомъ «спудница» отличаютъ суконную юпку, изъ крашеной шерсти.—«Перстень» въ разговорѣ употребляется рѣдко, чаще «персьцёнокъ», а самое обычное названіе—«пракове́ць» (=браковець? отъ «бракъ»).

Эту пѣсню можно поставить въ связь съ тѣми, въ которыхъ говорится, какъ селезень (=женихъ) и утка (=невѣста) плавали до поры до времени на разныхъ прудахъ, а потомъ сошлись вмѣстѣ (=сѣли на посадѣ), нпр. у Чуб. IV № 342, ср. № 1095 (=Метл. 214); есть также очень близкіе великорусскіе варіанты, нпр. у Шейна, 459 № 5. Въ разбираемой корницкой пѣснѣ дѣло какъ будто не дошло до такого согласія: не успѣлъ показаться въ домъ женихъ, какъ невѣста скрылась и только зашумѣла платьемъ, а на рукахъ у нея зазвенѣли колечка. Что долженъ означать этотъ звонъ (брязгъ) колецъ,—не вполнѣ ясно. Повидимому, дѣвушка выражаетъ желаніе оставить на рукахъ свои кольца (первоначально, можетъ быть, одно), т. е. хочетъ этимъ сказать, что не согласна выходить за-мужъ, такъ какъ отдать кольцо=дать согласіе на бракъ. Напротивъ, если дѣвушка любитъ парня и хочетъ выйти за него, она готова ему проложить черезъ воду мостъ (символъ брака)

Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня золотого (Гол. IV. 220=*W. s Ol*. 1; Лоз. 16, Чуб. IV № 510),

только бы онъ къ ней пріѣхалъ; или же она «катитъ золотымъ перстнемъ ко круту берегу», ища перевозчика=жениха (Рус. Бес. 1861, II 139—141; см. у Потеб., Объясн. п. 68—9); въ томъ и другомъ случаѣ дѣвушка, въ противоположность окончанію корницкой пѣсни, не оставляетъ перстня на собственномъ пальцѣ, а жертвуетъ имъ изъ любви къ милому. Прибавимъ еще слѣдующее о мостѣ, на построеніе котораго дѣвица, какъ мы видѣли, отдаетъ дорогіе камни и свой золотой *перстень*. Если по этому мосту будетъ ѣхать нелюбъ, то мостъ, по желанію дѣвушки, не долженъ издавать никакихъ особенныхъ звуковъ въ привѣтъ ему; если же будетъ проѣзжать милый, то

Звенітъ му, мости, жуковинами!...
Ряхти му, поле, дрібновъ жемчуговъ!...
(Гол. II. 87 № 24).

Та *забряжчітъ*, мости тростеві!...
Та задзвонітъ, дзвони спижові!...
(Потебня, Древности, Арх. Вѣстн., Моск. 1868, ноябрь—дек., 263—4; Объясн. пѣс. 138).

Слѣдовательно, звонъ, рахтѣніе, бряканіе моста, построеннаго, по варіантамъ, «зъ камени дорогого, зъ перстеня золотого»,—означаютъ пріѣздъ милаго и радость по случаю этого пріѣзда. Если же въ корницкой п. невѣста желаетъ, чтобы перстни брякали *на ея рукахъ*, то этимъ она какъ будто хочетъ сказать, что пріѣхавшій женихъ ей не милъ. Я не настаиваю на необходимости въ данномъ случаѣ такой именно связи понятій; если, однако, эта связь возможна на самомъ дѣлѣ, то разбираемая нами корн. пѣсня имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ тѣмъ, которыя разобраны у г. Потеб., Объясн. пѣс. 132—145.—Надо замѣтить, что «брязгъ» иногда символически означаетъ не радость, какъ выше, а совсѣмъ на оборотъ—слезы, плачъ:

Ой *брязнули* срібні ключі, въ морі потопаючи;
Заплакала дівчинонька, та милого виглядаючи

(см. Бесѣд. V. 100, Потебн., Об. п., 202; вар. у Гол. I. 228, IV. 275, 295).

Въ одномъ изъ отдаленныхъ варіантовъ нашей пѣсни вмѣсто перстней упоминаются также ключи, и женихъ жалуется на нерадушный пріемъ со стороны невѣсты:

Якъ шасниць глазами—
Якъ суляkнуся (прип.: Ай рана, рана, Якъ и пр.),
Якъ *бразниць ключьми*—
Съ коня валюся (Шейнъ 329).

Ключи здѣсь очень умѣстны, такъ какъ дѣвушка въ домѣ родителей представляется въ пѣсняхъ ключницей (см. примѣч. къ п. 293); къ тому же звяканье ключами гораздо понятнѣе и естественнѣе, чѣмъ звяканіе перстнями на рукахъ. — Отмѣтимъ такое-же употребленіе рядомъ обоихъ встрѣчающихся здѣсь звукоподражательныхъ глаголовъ (шіаснути, бріазнути) еще ниже въ пѣс. 106.

Вар.: Чуб. IV № 703; Шейнъ, блр. 294 (547) 329 (589), влр. 473 № 25; Сах. III. 296 (201), 520 (38); Варенц. 156, № 3.

Пѣсня 82.

«Мускати» — приглаживать, смочивши (о волосахъ), откуда «примускати» (ст. 5); «вымускати миску»—съѣсть дочиста и даже вытереть чашку пальцемъ, языкомъ, кускомъ хлѣба и т. п.; ср. поль. *muskać, muszczeć, musnąć*.

Вар.: Чуб. IV № 622; Гол. IV. 213 (13), 293 (5)=*Żeg.*, 117; *Wójc.* II. 128.

Пѣсня 83.

Подобно слову «вишня» (ст. 1.) въ смыслѣ ласкательнаго эпитета еще чаще употребляется «ягода». По отношенію къ мужчинѣ въ томъ-же смыслѣ употребляется «óрабъ» (рябина), впрочемъ, преимущественно въ грустныхъ причитаніяхъ, такъ какъ и самое дерево рябина считается у корничанъ несчастливымъ, почему его и не совѣтуютъ сажать близъ домовъ; такъ-же смотрятъ, повидимому, на это дерево и бѣлорусы, судя по пѣсн.: Шейнъ, 471 (60), 480 (88), хотя въ другихъ варіантахъ упоминаются другія деревья: яворъ, который и въ млр. поэзіи обыкновенно служитъ символъ печали (Бес. VIII. 50), и даже калина (Демб. 561 № 135 и полнѣе № 254, ср. Терещ. II 274—5, влр.). По польскому повѣрію (Келецк. г.), не слѣдуетъ украшать рябиною образа въ домахъ ни въ церквахъ, иначе тамъ поселится домовой (*Zb. w. do* A. VII. 118). Замѣчательно въ этомъ случаѣ перерожденіе вѣрованія: нѣкогда это дерево у того-же польскаго народа считалось священнымъ; оно было излюбленнымъ сѣдалищемъ добрыхъ духовъ, а его ягоды, нанизанныя на нитки, служили вмѣсто бусъ для украшенія иконъ Божіей Матери (*Tygodn. illustr.* 1864, *t.* IX, стр. 108, статья *J. Grajnert*'а).

Ст. 4. «Люде» — чужіе, посторонніе; ср. выраженіе: «какъ люди, такъ и мы».

Что касается жалобы дѣвушки во 2-мъ стихѣ, то надо замѣтить, что узкая обувь, повидимому, выражаетъ вообще чувство непріятности, неудобства, что вполнѣ естественно; такъ въ моравской пѣснѣ гости вмѣсто того, чтобы сказать, что они не чувствуютъ стѣсненія и т. п., говорятъ:

Když sme sem přišli bud'me tu,
Šak nas botečki nek‘ ietú (*Suš.* №618)

Невѣстѣ особенно потому непріятны башмаки, что они куплены женихомъ (Метл. 170), и она жалуется на нихъ, хотя они даже и не узки. Обувь закрываетъ ноги, стѣсняетъ свободу движеній; отсюда сопоставленіе: башмакъ сдавливаетъ ногу— парень лишаетъ дѣвушку воли, свободы. Соотвѣтственно этому въ Вологодск. губ. подруги поютъ невѣстѣ на заручинахъ:

Ты скажи, наша голубушка,
Что не жметъ-ли чужій чуженецъ
Твоея да руки правыя
Ко перстенью ко злоченому,
Твоея да ноги рѣзвыя
Ко чулочку ко бумажному,
Ко башмачку ко сафьяному?
(Алекс. 73).

Къ двумъ послѣднимъ стихамъ нашей пѣсни имѣютъ отношеніе: Свад. пѣс. бѣлорусовъ № 39, Закр., стр. 38 (предпосл. строка). Ср. Трейл. № 494.

Пѣсня 84.

Сопоставленіе: «зелёна—весёла», ср. выше: «зіеле-весіеле» (пѣс. 22).—Въ предпослѣдн. стихѣ «была», т. е. у меня.—Въ послѣдн. стихѣ «сходила»—износила, въ обыд. рѣчи—«выходила» чаще.

Въ польскихъ варіантахъ дочь проситъ у отца позволенія доносить башмаки, въ великорусс. —

перстень. Упоминаніе башмаковъ стоитъ, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ обычаемъ, что молодой покупаетъ и даритъ невѣстѣ башмаки къ свадьбѣ; то-же можно сказать и о кольцѣ.—Вмѣсто «зелимозины» въ вар. иногда—сосна.

Вар.: Гол. IV. 224 (=*W. z. Ol.* 5 № 5), 275 (=*Žeg.* 99, № 6), 295 (=*Žeg.* 119 № 10); *Zb. w. do Antr.* VIII. 141 № 65; Метл. 142; Шейнъ, влр. 454 № 32; Варенц. 168; *Ryp.* 89—90; *Tyszk.* 315; *Wojc.* II. 70; *Kolb.* XVI. № 41; *Gol.* 45; *Glog.*, *Gody*, № 71.

Пѣсня 85.

«Постелють ручничокъ пудъ нужки» — обвѣнчаютъ, такъ какъ при вѣнчаніи молодные стоятъ на разостланномъ полотенцѣ, какъ увидимъ ниже.

«Не плесьци косоньки въ батожки» (соб. плѣтки), потому что замужнія женщины, по обычаю, должны несплетенную косу обкручивать на головѣ и прикрывать чепчикомъ, хотя этотъ обычай теперь не строго соблюдается.

Вар.: Чуб. IV, стр. 561 (11), 662; *Zb. w. do Antr.* VI, 36, № 20, II. 275, № 22; Лоз. 39 (15, конецъ); *Ryp.* 57.

Пѣсня 86.

«Зустричіай насъ, Боже!»—то-же, что въ обыденной рѣчи «дай Боже щасливе», дай Богъ счастья! «Зустричіати—встрѣчать, и потому выше приведенное обращеніе къ Богу (ст. 1) можно сблизить съ сербской формулой, выражающею доброе пожеланіе: «добра ти среча!» Эта и подобныя формулы основаны на вѣрѣ въ Сречу (слово одного корня съ «встрѣчать»), какъ въ духовное существо, соотвѣтствующее древнимъ паркамъ, судьбѣ, долѣ и т. п., при чемъ различается «добра Среча» и «зла Среча» (иначе «Несреча»). Подъ вліяніемъ христіанства Сречу замѣнилъ въ народномъ сознаніи Богъ христіанскій, но и старинныя вѣрованія все-таки остались въ той или другой формѣ. У сербовъ Среча упоминается рядомъ съ именемъ Бога въ возваніяхъ, имѣющихъ оттѣнокъ молитвеннаго обращенія. Такъ, когда родители отправляютъ молодую къ новобрачному, поется пѣсня:

Ајд' изъ двора, привіенче, бріјеме ти је,
Сусрела васъ добра Среча и самъ господъ
Богъ!... (В. Кар. I. 32);

или отъ лица невѣсты:

Однесе ме Богъ и Среча Јову (жениху)
на дворе, (*Jb.* 34),

подобно тому, какъ въ поль. вар.

„*Provadź że nas, o Boże!*“ и пр. (*Wojc.*).

Вар.: Чуб. IV № 652, 666 (бѣльск. у.) и 679; *Wojc.* II. 40; *Glog.*, *Gody*. № 137.

Пѣсня 88.

„Зора„—звѣзда, часто знаменуетъ собою дѣвицу (Бес. IV. 44-7).—Общераспространенное вѣрованіе въ падающія звѣзды состоитъ въ томъ, что падающая звѣзда означаетъ чью-либо смерть; каждый человѣкъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, которая съ его смертью угасаетъ и сваливается. Конечно, это представленіе къ нашей пѣснѣ не имѣетъ отношенія. Повидимому, здѣсь просто дѣвушка по своей красотѣ сравнивается съ ясною зорею. Въ иныхъ пѣсняхъ представляется даже такъ, что дѣвушка заимствуетъ свою красу отъ зори, упавшей на землю, нпр:

А вже-жъ я ся не дывую, чому Марця красна:
Коло нейи вчора рано впала зора ясна;
Якъ летила зора зъ неба, той розсыпалася,
Марця зору позбырала и затыкалася
(*Žeg.* P. II. 171, № 8).

Падающая звѣзда, повидимому, можетъ означать, что дѣвушкѣ пора выходить замужъ:

Ой упала звизда зъ неба, потала въ керныцю:
Выдай, выдай, матинойко, свою одыныцю,
(*W. z. Ol.* 397 № 256=Гол. I. 289.),

при чемъ утопаніе зори въ криницѣ напоминаетъ собою указанное выше представленіе брака утопленіемъ (пѣс. 43, прим.), а судя по продолженію пѣсни, (если она не составлена изъ двухъ), здѣсь притомъ намекается на несчастное замужество. По вър. народному повѣрію, звѣзда падаетъ на тотъ дворъ, гдѣ дѣвица потеряла невинность (Сах., Сказ. р. н. II, 143, изд. 1885, наблюденія къ 12 окт.) [1]. Въ вар. бѣльскаго у. невѣста спрашиваетъ у упавшей звѣзды (? ясная *скала)*, какова будетъ ея доля въ замужествѣ, и узнаётъ, что

Не буде зима, якъ тихе літо,
Не буде свекорко, якъ рідний батенько.
(ср. прим. къ п. 76).

А такъ какъ по млр. пѣснѣ (Метл. 225; *W. z Ol.* 20; Чуб. IV, № 1258) зора и приводитъ невѣсту къ свекрови, то спрашиваніе о долѣ у зори косвеннымъ образомъ заключаетъ въ себѣ просьбу о хорошей долѣ, тѣмъ болѣе, что, по содержанію нѣкоторыхъ пѣсенъ, зоря даетъ долю, счастье. (Потебн., Об. п. 99—103).

Подобно тому, какъ невѣста въ корницкой пѣснѣ подымаетъ братьевъ, чтобы везли ее къ вѣнцу,

---

[1]) То-же, или сходное повѣріе существуетъ и у чеховъ, насколько можно заключать изъ слѣдующаго отрывка стихотворенія Вацл. Болемира Небескаго (Nebesky, † 1882 г.).

Každá dívka má svou hviezdu,
na níž andílek přebyvá,
jenž ji stŕeže, jenž ji chráni,
když libounce dívka sniva.
Ale když ji lilje čistá
když ji drahy vinek vadne:
andiel hviezdu pak opustí,
hvíezda smutnie s nebe spadne.

(Kviety, 1839, стр. 333; перепеч. въ журн. Osvieta, 1888, I. 29, въ біографич. статьѣ объ этомъ поэтѣ).

въ галицкомъ вар. женихъ въ сходныхъ выраженіяхъ будитъ дружину, собираясь въ походъ на замокъ, чтобы добыть невѣсту (ср. прим. къ п. 59); съ такимъ же содержаніемъ указанная ниже щедровка.

Вар.: Чуб. IV. № 1235=1262 (бѣльск. у.), Ш. 439 № 1 (щедр.); Батюшк. 403; Гол. IV. 230 № 25 (=*W. z Ol.*10).

Пѣсня 90.

«Князі*а*та»—слово не разговорное; означаетъ оно князя (жениха) и княгиню (невѣсту) вмѣстѣ; ср. «молодята», нпр. у Гол. IV. 255, у Лоз. 63, у М. Вовчка (см. Закр. 470, *s. v.* помѣчати); ед. ч. къ «князі*а*та» неизвѣстно.

Пѣсня 91.

«Вступі*е*те» — удалитесь, отойдите, отступите (*в*=*у*). Подъ ворогами разумѣются недобрые люди, которые могутъ испортить молодыхъ. Извѣстенъ разсказъ, въ справедливость котораго здѣсь твердо вѣрятъ, что вѣдьма обратила весь свадебный поѣздъ въ волковъ, и всѣ участники этой свадьбы бѣгаютъ теперь «вовкулаками». По существующему тутъ-же на Подлясьѣ повѣрію, только вѣдьма можетъ опять превратить въ человѣка такого «вовкулака», если она покроетъ его овчиннымъ тулупомъ, обращеннымъ шерстью вверхъ (Военно-стат-обозр. Россіи. Люблинск. губ., стр. 210). Оборотня можно узнать потому, что онъ старается держаться близъ деревни и часто туда заходитъ. Если подобный «вовкулакъ» будетъ убитъ, то у него подъ кожей окажется полотенце, которымъ онъ былъ отмѣченъ какъ членъ свадебнаго поѣзда, если онъ былъ мужчиною (Корница). Такимъ образомъ, по корницкому повѣрью, свадебное полотенце не спасаетъ отъ чаръ, какъ думаютъ въ другихъ мѣстностяхъ (ср. нпр. Метл. 190); хотя само оно остается неприкосновеннымъ.

Въ бѣлорусской подобной-же свад. пѣснѣ прямо обращаются къ вѣдьмѣ:

Саступи, вѣдзьма, зъ дароги,
А ня дзѣлай-жа намъ тривоги!..
(Демб. 572, № 234);

Вар.: Чуб. IV, № 604, 664, 733 (=Сб. стат. свѣд. о Кіев. г. 1864 г., 79) и стр. 662. Батюшк. 391; *Zb. w. do Antr.* II. 274 (19, ср. 18); Метл. 167—8; Лоз. 59; Гол. IV. 255, № 27 (=*Żeg.* 79) и 286 № 13 (=*W. z Ol.*36, № 115); Демб. 572, №234.

Пѣсня 92.

Слабый, пріятный вѣтерокъ—дуновеніе Бога, по мнѣнію народа (Чуб. I. 33), а дождь—благодать; поэтому легкій вѣтерокъ и накрапывающій дождикъ считаются въ этой пѣснѣ благопріятными явленіями (ср. прим. къ п. 35): они какъ бы способствуютъ тому, что молодые цвѣтутъ красотою, какъ макъ; въ другихъ пѣсняхъ поѣзжане даже призываютъ на себя дѣйствіе этихъ стихій, напр. вѣтра въ слѣд. пѣснѣ.—Та-же пѣсня поется и при возвращеніи «одъ шлюбу». «Шлюбъ» — вѣнчаніе, польское слово, но оно одно употребляется въ этомъ значеніи и въ разговорѣ.

Вар.: Чуб. IV, № 220, 455; Гол. II. 644, № 54; *Zb. w. do Antr.* VI. 42, № 53. Ср. пѣсню 309, ниже.

Пѣсня 93.

«Винчі*а*нничку»—дат. ед. отъ «винчі*а*нничокъ», имя сущ. муж. р. (конечно, не разговорное), хотя говорится о невѣстѣ, такъ какъ упоминается коса. Встрѣчаются еще болѣе разительные примѣры примѣненія мужскихъ названій къ лицамъ женскаго пола и наоборотъ; нпр., мать привѣтствуетъ дочь-невѣсту, вернувшуюся домой послѣ созыванія гостей: «здорова була, *сыну*!» (*Zb. w. do Antr.* VII. 123, Збаражъ); мать утѣшаетъ свою дочь, отправляя ее къ молодому супругу:

Я е (=зіле) буду, *мій сыночку*, поливати...
Ой є въ мене, *мій сыночку*, молодша,
Буде е поливати, якъ схоче.
(*Kolb.*, *Pok.*, *I.* № 134);

у куявянъ, наоборотъ, говорятъ даже по отношенію къ мужчинѣ—*dzievecзka*, какъ ласкательное слово (*Kolb.* IV. 270; ср. Потебн., Объяс. пѣс. 192).

Вар.: Чуб. IV. № 43, 194, 679 (5 вар., въ томъ числѣ Лоз. 65=*Gol.* 98, и Основа 1862, апр. 28), ср. приложеніе, № 2; Метл. 169; Гол. II. 660 № 93. IV 286 № 14 (=*W. z. Ol.* 36 № 116), 407; Терещ. II. 523; *Zb. w. do Antr.* II. 191 № 15, V. 97 № 29; Печерскій, «Въ лѣсахъ», IV, гл. 18; Зап. Геогр. Общ. 1867, I, 701.

Пѣсня 94.

Формы «рзати» и прош. «рзавъ», предпочтительны предъ формами: «ржіати, ржіавъ» и т. д.; но наст. вр. только «ржу, ржешь», и т. д.. повел. «ржи, ржі*е*те» и т. д.; часто впереди приставляется *и*.—Риема: «ржі*е*те—жити» (ст. 3—4) показываетъ, что пѣсня не мѣстнаго происхожденія, а перешла изъ какой-нибудь другой мѣстности, гдѣ нѣтъ звука *іе* (вм. ѣ), а обычное *и* (мягк.), или передѣлана съ польскаго. «Ві*е*те»—вы, такъ говорится всегда; дальше: васъ и пр.

Вар.: Чуб. VI. № 386, 668 (обѣ бѣльск. у.)= Батюшк. 389, № 2 (тоже), *Glog.*, *Gody*, № 61; Тышкев. 292, IX.

Пѣсня 95.

«Князіата» ср. прим. къ п. 90.

Вар.: (отдал.): Чуб. IV № 669=Лоз. 65, *Gol*. 99.

Пѣсня 96.

Пѣсня содержитъ величальный мотивъ: для жениха и невѣсты, чтобы оказать имъ почетъ, священникъ долженъ отпирать церковь не обыкновенными, простыми ключами, а особенными, дорогими, купленными спеціально для этого въ городѣ (Львовѣ, Кіевѣ, Холмѣ и др.). Этотъ пріемъ величанія весьма употребителенъ въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, напр., при печеніи коровая поютъ, что за солью для этого важнаго хлѣба посылали въ Краковъ, за шафраномъ и перцемъ—въ Данцигъ, за яйцами—въ Каменецъ (Чуб. IV № 579=Лоз. 15); чтобы украсить коровай, посылаютъ сватовъ

.... до Крюкова,
А зъ Крюкова до Львова
По тиі малярчики,
Що хороше малюють,
Золотомъ гаетують....
(Чуб. IV. № 521);

коровай долженъ быть хорошъ, потому что онъ предназначается для очень важнаго случая (свадьбы), что въ пѣснѣ выражается такъ:

.... хорошенько коровай уберемъ,
Во не буде короваю дома,
Да пойде коровай до Львова... (*ib.* № 541).

Для расчесыванія косы невѣсты будто бы посылаютъ за щеткой въ Люблинъ (Гол. IV. 215) или покупаютъ необыкновенную гребенку («зъ біло риби», по вар.) во Львовѣ:

Нема брата вдома, (*вар.* ... батенька)
Пойікавъ ди Львова
Пшеныцю продаваты,
Гребинецъ куповаты,
Косу росу чесаты. (*Zb. w. do Antr.* VII. 250, № 17 изъ злочевск. у.; ср. Чуб. IV. № 617= Лоз. 61; Гол. IV 227. № 19=*W. z Ol.* 8).

Когда прикалываютъ молодому вѣнокъ, то поютъ, что для этого пріѣхала нарочно «швачка зъ Люблина» (v. Львова, Кіева и др.), или что нарочно посылали во Львовъ или другой городъ за иголками, шелкомъ и т. п., и что все это куплено за дорогую цѣну (Чуб. IV. № 384; Гол. II. 645). Вѣнчаютъ молодыхъ, по галицкой пѣснѣ, попы изъ самаго Рима (*Žeg.* 79, № 27=Гол. IV. 255). Въ одной изъ записанныхъ мною пѣсенъ (ниже п. 155) дружки, желая польстить свашкѣ и похвалить раздаваемыя ею лакомства, поютъ ей, будто она пріѣхала изъ Люблина и привезла оттуда пироговъ и сыра.

Изъ всего сказаннаго, надѣюсь, ясно, что и разбираемая нами пѣсня о покупкѣ ключей во Львовѣ, Кіевѣ и т. д. есть не что иное, какъ величаніе молодымъ. Между тѣмъ она подала поводъ къ тенденціознымъ толкованіямъ, и ей стараются совершенно некстати навязать особенное историческое значеніе. Вотъ что напр. говорятъ по поводу этой пѣсни составители статьи: «Очерки быта крестьянъ Холмской и Подляеской Руси, по народнымъ пѣснямъ», о Н. Страшкевичъ и г. К. Заусцинскій, въ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. Ѳ. П. Батюшковымъ (вып. VII: Холмская Русь): «Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда православныя церкви отдавались въ аренду и священники должны были выкупать ключи у арендатора, чтобы совершить богослуженіе» (стр. 394). Замѣтимъ кстати, что нѣтъ ни одного варіанта, гдѣ бы шла рѣчь о *выкупѣ* ключей, вездѣ говорится о *покупкѣ*, что не одно и то-же. Въ другомъ мѣстѣ авторы заявляютъ, что «долговременное польское владычество не оставило почти никакихъ слѣдовъ въ народной поэзіи, точно также, какъ не оставила слѣдовъ борьба, которую вынесъ холмскій русскій народъ, защищая свою православную вѣру противъ навязываемой ему уніи»; но при этомъ они опять припоминаютъ, что «нѣкоторыя намеки на эту эпоху заключаются въ свадебныхъ пѣсняхъ (вѣрнѣе было бы сказать: въ одной), гдѣ говорится о поѣздкѣ священника въ Львовъ (Холмъ [1]) для выкупа (?) церковныхъ ключей» (стр. 429). Эта натяжка со стороны составителей упомянутой статьи свидѣтельствуетъ только о маломъ ихъ знакомствѣ съ пѣснею родного народа; жаль только, что подобнаго рода безосновательные и тенденціозные выводы допускаются въ такихъ почтенныхъ изданіяхъ. Такое-же натянутое объясненіе дается людьми, не знающими народной поэзіи, и другой пѣснѣ, извѣстной подъ названіемъ «Зельманъ» (въ Корницѣ «Зелиманъ»— весенняя пѣсня вообще). Говорятъ, именно, что названіе пѣсни произошло отъ имени жида, державшаго въ арендѣ церкви (ср. *ib.* 344 — 5; см. также «Холмскій календарь» на 1885 г., стр. 130—1). Опровержение этого мнѣнія завело-бы насъ слишкомъ далеко.

Замѣтимъ еще, что свад. пѣсня о покупкѣ ключей и отпираніи церкви стоитъ въ связи съ весенней игрой «Воротарь» (о которой см. Потебн., Об. п. 55—127, см. кстати *ib.* 47), какъ можно думать на основаніи варіанта Чубинскаго (III. 39—40).

---

[1]) Въ одномъ только варіантѣ, приведенномъ, именно, въ этой статьѣ, упоминается Холмъ, и то въ подозрительной формѣ: „поихавъ до *Хдма*" (Ппщацъ, бѣльск. у., Сѣдл. г.), съ поясненіемъ въ скобкахъ, что здѣсь разумѣется Холмъ.

Вар.: Чуб. IV, стр. 662, III, стр. 39—40 (= Шейковскій, Бытъ Подол. I. 27); Гол. IV. 255 (=*Żeg.* 79), 346, 403, 438; Батюшк. 394; *Kolb.*, *Pokucie* I. № 242; *Tyszk.* 321, I. Такого-же склада пѣсня о покупкѣ гребня; ссылки см. выше.

Пѣсня 97.

«Ді*я*ковати»—благодарить; но въ смыслѣ «спасибо» говорится обыкновенно не «ді*я*кую» (какъ въ п. 283), но «Ву҆заплаць» (=*Bóg zapłać*, обычн. формула у поляковъ: *Panie Boże zapłać!*), т. е. вознагради, Боже. «Мн*у*ого» употребляется наравнѣ съ «дужо», много.

Вар.: Чуб. IV № 695—7 (съ вар.) и стр. 663, прилож. № 36; Батюшк. 395; Лоз. 133; *Gol.* 231; Гол. II. 661, IV 256 (=*Żeg.* 80), 287 (=*W. z Ol.* 36, № 117); *W. z Ol.* 31—2, № 101; *Wójc.* II. 146; *Zb. w. do Antr.* II. 275 (21), V, 100 (42), VI. 47 (70), VII. 154 (19).

Пѣсня 98.

Величаніе напоминаетъ сербское:

Тajко и мajка сина жене,
Од рода je од велика,
Кољена je господскога.
(В. Кар. I. 6, № 9).

Вар.: Чуб. IV. № 688, 689 (=Метл. 168); *Kolb.*, *Pokucie* I. № 126, 158.

Пѣсня 99.

«Ойца й матки»—польскія формы вм. обычныхъ: «батька й матера». «Матки» вставлено позднѣе, что видно изъ того, что нарушается размѣръ, а отчасти и изъ согласованія прилагательнаго; впрочемъ, въ разговорной рѣчи такое согласованіе тоже употребительно, но при этомъ прилагательное обыкновенно ставится рядомъ съ тѣмъ словомъ, къ которому относится: «хлопець добраго батька й матера» (Корн.).

Пѣсня 100.

«Вгору» и «пудъ гору» означаютъ одно и то-же —въ гору, на гору; вдр. «подъ гору»=«зъ горы», что́ значитъ также «сверху»; «до горы»—кверху, вверхъ, хотя въ томъ-же значеніи употребляется и «вгору», какъ и въ этой пѣснѣ. — «Нехай» и «нехъ» (нпр. еще въ п. 42), пусть,—равно употребительны; рѣже слышится «хай» (обыкн. въ проклятіяхъ): «хай тéбе вí*е*тёръ задме!» и т. п.

Къ вѣтру обращаются, какъ къ живому существу, ср. п. 93 (объ олицетвореніи вѣтра ср. Бес. IV. 50). Такъ-же Ярославна въ Сл. о п. Игор. обращается къ вѣтру съ просьбою, чтобы онъ пощадилъ ея милаго ладу. Въ дожиночныхъ пѣсняхъ жницы съ вѣтромъ посылаютъ хозяину вѣсть объ окончаніи работы (Шейнъ, блр. 209, № 355—6). Въ свад. пѣсняхъ иногда вмѣсто вѣтра посылаютъ впередъ птицу (кукушку, сокола) съ такимъ же порученіемъ, какъ въ нашей пѣснѣ (ср. Бес. X. 13).

Вар.: Чуб. IV № 739, 743 (=Лоз. 68), 763, 1165 1193 (=Метл. 219), 1217, прибавл. № 88; Батюшк. 396 (3); *Żeg.* 89 (58); Метл. 170; *Kolb.* XVI. № 132; Шейнъ, блр. 209.

Пѣсня 101.

Сложные съ глаголомъ «лí*е*ти», какъ «облí*е*ти» въ ст. 6, въ будущемъ соверш. вида, кромѣ обычныхъ формъ: оболь—ю,—ешъ,—е и т. д., могутъ имѣть еще и сокращенныя: облю, облешъ, обле, облемъ (—мо́), облете́, облютъ. «Ступати» (ст. 3) здѣсь значитъ—медленно переставлять ноги; ср. «ї*е*хати сту́па» (нарѣч.), шагомъ.

Золото, разсыпаемое здѣсь невѣстою, означаетъ слезы, по замѣчанію г. Потебни (Объясн. п. 161—2); этого золота не соберетъ ни отецъ, ни мать, но одинъ только милый; онъ одинъ и утѣшитъ невѣсту.

... Якъ расплакалася Сципанида
Пирядъ бацькаю стоючи.
Унимавъ татычка, ды ни унявъ,
А больши жаласци ды задавъ;
—Знаць цябе, дачушка, ни уйму,
А больши жаласци задаю;
Унимиць цябе Сапронька,
Уватрець слёзки рушничкомъ,
Удзержиць сярдзечко бизункомъ.
(Демб. 561 № 132; ср. вар. у Потеб., Об. пѣс. 179, Сах., Сказ. р. н. 3. 142).

Пѣсенъ на эту тему множество. Вотъ нѣкоторые *варіанты*: Чуб. IV № 726, 760; Батюшк. 397 (1); Гол. IV. 223[a], № 6 (*W. z Ol.* 5), 235, № 37 (=*W. z Ol.* 15), 283 № 4 (=*W. z Ol.* 34); Лоз. 35 (8), 37 (12), 73 (6); Якушк. 616 № 119; Рыбн. III. 432 № 4; *Tyszk.* 322, II, IV; Демб. 561 (132), 567 (192), 556 (92); Шейнъ, блр. 361 № 674; *Wójc.* II. 33; *Gloger*, *Starod. dumy*, № 73, и *Gody*, № 39, 43; Метл. 143; *Kolb.* XVI, № 268; *Kollár*, I, 137, № 5.

Пѣсня 102.

Второй стихъ былъ бы нѣсколько исправнѣе, если бы поставить глаголъ въ наст. вр. «ї*е*де»; впрочемъ въ подобныхъ случаяхъ можно придумывать поправокъ сколько угодно.

«Сказати усю правду» часто лучше всего передается вдр. «покляться, дать клятву», какъ въ 103-й пѣс. «присягала»—клялась подъ вѣнцомъ.

Особенно примѣнимо такое значеніе, когда рѣчь идетъ о вѣнчаніи:

Въ той часъ я тѣ беру
Всю правду казати,
Якъ намъ буде вольно
До шлюбы ставати. (Де-Вол. 63—4).

Ср. съ нашею пѣснею слѣдующее:

На іднимъ ми рушнику стояли,
Ідному ми Богу присягали.
(Чуб. V 401. № 776).

Поэтому не совсѣмъ, кажется, правъ г. Безсоновъ, говоря, что выраженіе «вѣрноя слоуцо мовиць (съ кѣмъ—ниб.)» значитъ — молвить вѣрное словцо, *тайное, любовное*. (Бѣлор. п. 149); ср. также прим. къ п. 167.

Вар.: Чуб. IV № 748; Батюшк. 396 (4); Гол. IV. 287 № 18 (= *W. z Ol.* 37); Лоз. 70; *Gol.* 99; Метл. 172; *Zb. w. do Antr.* VII. 155 (21), VI. 47 (74).

Пѣсня 103.

Женихъ здѣсь названъ «паномъ» съ одной стороны въ знакъ уваженія и похвалы (въ блр. вар. «пана караля»), но съ другой стороны этимъ словомъ намекается и на то, что молодая съ этихъ поръ поступаетъ въ подчиненіе мужу, такъ какъ подъ словомъ «панъ» часто разумѣется вообще человѣкъ, которому принадлежитъ право распоряжаться другими, нпр.: «що ты за мніе панъ таки?» т. е. какое ты имѣешь право распоряжаться мною.

Въ угро-рус. п. дѣвушка еще до свадьбы предупреждаетъ свою мать:

Эй гоя, мамко моя,
Не буду я долго твоя,
Бо я буду любикова,
Альбо любикъ—душа моя.
(Де-Вол. 114).

Вар.: Чуб. IV, № 744 (10 вар.); Гол. II. 106 (24), 661 (97), IV, 256 (№ 31=*Żeg.* 80), 347 (21); *Zb. w. do Antr.* II. 195, VI. 47 (72), VII, 257 (45), VIII. 132 (30); *Kolb.*, *Pokucie*, I № 126; Демб. 563 (153), 571 (221) и Свад. п. бѣлор. (Мог. г.), № 154; *Tyszk.* 325; Лоз. 143; Терещ. II. 470.

Пѣсня 104.

«Мы зъ дороженьки», т. е. возвращаемся или вернулись, при чемъ, конечно, съ этимъ выраженіемъ связывается понятіе объ усталости; поэтому глаг. «здорожитися»—утомиться дорогой, откуда «здорожоны» — утомленный, изнуренный дорогой, особенно ходьбой. «Рады» сочиняется также съ дат. п.

Пѣсня 105.

Слово «кола», повторенное здѣсь два раза, очевидно, неясно для народа, потому что въ вариантахъ находимъ разныя искаженія. Такъ въ кобринс. у., Грод. губ. подъ этимъ словомъ разумѣютъ колъ (соб. колышекъ, [1]) на которомъ вѣшаютъ полотенца и одежду), и потому поютъ:

Дайте зъ кола
Ручника до стола и пр. (Чуб. IV, стр. 664);

въ бѣльск. у. Сѣдл. г. повторяютъ это слово, какъ и въ Корницѣ, но соединяютъ оба слова въ одно (если это не вина того, кто записывалъ), которому даютъ значеніе колокола (?).

Дайте намъ колокола и пр. (*ib.* 676).

Между тѣмъ здѣсь надо разумѣть «коло», т. е. собственно кругъ; въ данномъ случаѣ, вѣроятно, общество, гости, сидящіе вокругъ стола. Согласно съ этимъ въ бѣльск. у. сваты, принимая подарки, говорятъ: «дякую... молодуй и молодому и тому *колу* (обществу), *що сидить у столу*». (Чуб. IV, стр. 674) «Коло» взято здѣшними малоруссами, конечно, съ польскаго (*koło*—кругъ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, напр. *koło rodzinne* — семейный кружокъ, *koło*—колесо). Въ польскихъ свад. пѣсняхъ, которыя поютъ, когда садятся къ столу, встрѣчается родственное слово *okół* (соб. окружность), которое риѳмуетъ съ словомъ «столъ», какъ и «коло» въ нашей пѣснѣ:

Oj posadz' że ich, moja matulu, okołem,
Oj niech że siedza^n ci dobrzy ludzie za stołem.
(*Kolberg, Lud, XVI: Lubelskie*, № 270).
v: Ustawiono nam cisowe stoły okołem,
Niech że se siedza^n ci dobrzy ludzie za stołem.
(*Ibid.* № 291).

Вар.: Чуб. IV, стр. 664, 676; ср. *Kolb.* XVI № 270, 291.

Пѣсня 106.

Вар.: Чуб. IV. № 421=№ 771, прилож. № 30, *Wojc.* II. 80.

Пѣсня 107.

«Таліерки» начало «таліерокъ» (тарелка), м. р., уменьш. отъ «таліеръ» (поль. *talerz*.), большая тарелка, блюдо; «таруолка», ж. р., соб. деревянный кружокъ съ небольшимъ углубленіемъ для рѣзанія за столомъ освященныхъ на Пасхѣ продуктовъ: мяса, яицъ, сыра и пр. (см. п. 134).

Вар.: Чуб. IV № 429, 465 (*Stecki, Wołyn'*, I. 74).

Пѣсня 110.

«Щіеры»—щедрый; искренній; здѣсь—чистый, настоящій (о золотѣ).

---

[1]) Въ корницкихъ избахъ бываетъ вбитый въ стѣну довольно большой колъ для вѣшанья платья, и онъ называется „клюпутъ“ (въ связи съ нѣм. Kloben?), а кромѣ того есть колышки поменьше или крюки (деревян. или желѣзн.) для шапокъ поясовъ, и т. п.

Изъ растительной пищи преимущественно горохъ и капуста пользуются уваженіемъ; а что касается упоминаемыхъ здѣсь блюдъ изъ моркови и рѣпы, то они не приготовляются въ важныхъ случаяхъ. Также и картофель не допускается на торжественныхъ обѣдахъ, какъ и у лужичанъ *Smol. u. H.* II. 246). Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ извѣстно, готовятъ на свадьбѣ также и морковь (Шейнъ, блр. 314), и брюкву (*Kolb.* X. 88, 104), и картофель (Демб. 489; *Zb. w. Antr.* VII, 127, Збаражъ), правда, обыкновенно только съ мясомъ. Мясная пища считается самою существенною, и мясныя блюда придаютъ особенную пышность угощенію; одни растительныя, напротивъ, свидѣтельствуютъ о бѣдности хозяевъ и считаются самыми послѣдними. Поэтому въ словацкой пѣснѣ дѣвушка въ насмѣшку надъ парнемъ, говоритъ про него, что все его богатство—3 воза сѣна, 3 отавы и

K tomu ešte so tri wozy repy,
Budem mati čim chowati dieti
(*Kollár*, I. 249. № 28).

Такъ-же смотритъ народъ и на картофель, который, кстати сказать, въ Галиціи называютъ рѣпою (*Zb. w. do Antr.* VI. 3. 294). Это предпочтеніе мясной пищи предъ растительною отразилось, вѣроятно, и въ стихотворномъ варіантѣ сказки о набитомъ дуракѣ; именно, послѣ того, какъ дуракъ былъ прибитъ за то, что залилъ огонь крестьянину, который палилъ свинью, жена посовѣтовала ему: «Ты бы тутъ, дуракъ, сказалъ: *Рѣпа тебѣ мясо*, въ праздникъ разговѣться, тѣмъ и заговѣться! (Шейнъ, влр. 282, № 34),

«Кобылина» упомянута въ нашей пѣснѣ въ насмѣшку; въ варіантахъ—«солонина». «Щѣрая»—можетъ быть, искаженіе вм. «старая» (какъ у Лоз. 95). По поводу кобылятины приведу куплетъ поль. пѣсни:

Kapusta sieⁿ obrodziła,
Nima okrasy, okrasy.
Zdechła szkapa kole lasa,
Bédzie mieⁿso i okrasa. (*Kolb.* XII. 304).

Этотъ куплетъ, находясь съ одной стороны въ связи съ разбираемой нами пѣснею, напоминаетъ, кромѣ того, другую пѣсню объ издохшей кобылѣ, ср. Чуб. IV № 930, V отр. 1120, № 53; *Kolberg, Lud.* VI № 422. XII, № 606; Батюшк. 351 грубеш. у. Любл. г. [1]).

Вар.: Гол. IV. 304, № 19, 319, № 18 (= *Żeg.* 112); Лоз. 95.

Пѣсня 111.

Сопоставленіе: капуста (головка) съ качаномъ (кочерыжкой)—дѣвушка съ парнемъ (=взаимная любовь), какъ въ другой пѣснѣ:

[1]) У меня имѣется волынскій варіантъ.

Ой капусточка, ой качаньнячко:
Вѣрнее зъ козакомъ закоханьнячко.
(Закр. № 28: ср. Гол. I. 326, № 164=W. z *Ol.* 426).

Дѣвушка здѣсь уподобляется капустѣ, какъ въ влр. хороводной пѣснѣ (одного размѣра съ корницкою) огородъ капусты—хороводъ дѣвичій:

У кого нѣту капусты,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Ой ли, ой люли, Прошу и пр,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ, Ой ли и пр.
(Якушк. 704, № 85);

или въ малорусской:

Ой чія то капустиця? я іі вирубаю.
Ой чія то дівчинонька? що я іі кохаю.
(Чуб. V. 36, № 84).

Уподобленіе переходитъ даже въ отожествленіе въ млр. п., напоминающей началомъ общеизвѣстную влр.:

На що мені та городъ городить,
На що мені та капустицю садить?
Капустиця—одностеблиця,
Припогана да й та сердитця (*ib.* V. 1108, № 10);

и въ польской:

Z tamty strony wody
Kapustecke sadzom,
Iesce nie urosła,
Iuz sie o niób wadzom
(*Zb. w. do Antr.* IV. 235, № 156).

Состарѣвшаяся женщина сравнивается съ увядшею капустой:

Na kapus'cie swieⁿdły lis'cie,
Pomalutku do mnie lis'cie,
Pomalutku, bo ja staro,
Żeby my sieⁿ co nie stało.
(*Kolb.* IV. 257, № 445).

Отсюда понятно, что значитъ «zagonek kapusty», которая была у бабы и которую съѣлъ козликъ однорогій (*Kolb.* XII № 586 — 7, ср. IV № 256 — 7; *Zb. w. do Antr.* IV, 256, № 249, съ характерными припѣвами); такое переносное значеніе имѣетъ капуста въ млр. п., у Чуб. V. 1111, № 19. На основаніи указанныхъ примѣровъ можно думать, что и обычное сопоставленіе: капуста—роспуста (поль. *rozpusta* — развратъ) основано не на простомъ созвучіи.

Интересное повѣрье существуетъ въ Радомской губ. (около Пинчова): не должна садить капусты женщина, которая въ регулахъ, иначе листья на капустѣ будутъ опадать (*Zb. w. do Antr.* III. 3. 11, № 50). Не менѣе интересны загадки о головкѣ капусты съ воткнутой какъ бы въ нее кочерыжкой:

Tytosi [1]) *sie*ⁿ, *tytosi*, *do góry sie*ⁿ *podnosi.*
Tytosica [2]) *jak donica* [4]), *a tytosik* [3]) *tyćki* [5]).
(причемъ показывается на пальцѣ приблизительная длина. *Zb. w. do Antr.* VI. 3. 9; VII. 3. 144).

Переносное значеніе, какое дается кочерыжкѣ благодаря ея формѣ, ясно изъ слѣдующей пѣсни:
Chodziła po boru, zbierała koconki (=*kaczanki*)
Po chwili po małéj wołała koponki (=*kopanki*, корыта).
(*Kolberg*. XI, № 91, *Poznan'skie*).

Вотъ еще олицетвореніе качана (въ вщр. смыслѣ):
... А ты качанъ, качанокъ,
Ня ходзи по сянёхъ,
Ни топай ногой
Я не лягу зъ тобой!
(Шейнъ, блр., 28, № 57); въ млр., Чуб. IV № 1415, еще нагляднѣе отожествленіе качана съ парнемъ. *1. Kollár* приводитъ словацкую пѣсню:
Zbehla ma 2. jedna diowka hlúpá,
Bodaj spadla, bodaj, z kapustného hlúba!
Bodaj spadla, bodaj, a hrdlo zlomila,
Za to že mi takú hanbu urobila.
(*Nar. Zp.* I. 221, № 17),
и по поводу ея замѣчаетъ, что «свалиться съ кочерыжки» или «отломать у качана головку» — значитъ лишиться дѣвственности (*ibid.*, стр. 445, со ссылкою на Чапловича: *Csaplovits*, *Gemälde von Ungern*, II. 287). Замѣтимъ кстати, что капустные качаны, у которыхъ листья не сложились какъ слѣдуетъ въ головку называются «шулякамі» (шуліакъ, Корница).

Вар.: Чуб. IV. № 1863; Шейнъ, блр., 266—7, № 479; Закревск., № 28; Гол. I 326. № 164 (=W. *z Ol.* 426).

Пѣсня 112.

Горохъ съ капустой - любимое кушанье мѣстныхъ крестьянъ: поставивъ на столъ миску съ густо сваренымъ горохомъ (съ саломъ), подбавляютъ въ миску сверху немного ломтиковъ квашеной качанной капусты и ѣдятъ. Отсюда поговорка: «мишіае, якъ горохъ съ капустою» — мѣшаетъ все вмѣстѣ, смѣшиваетъ разнородныя вещи (и въ отвлеч. смыслѣ). Въ нашей пѣснѣ, вѣроятно, разумѣются отдѣльныя блюда: «борщъ», т. е. щи изъ кислой капусты, и горохъ съ саломъ; то и другое готовится на свадьбахъ въ числѣ главныхъ кушаній. Но пѣсню эту можно разсматривать и отдѣльно, независимо, отъ ея примѣненія къ обѣду или другой трапезѣ. Здѣсь, очевидно, сопоставляется баба съ капустой, что мы видѣли и при разборѣ предшествующей пѣсни, и кромѣ того дѣдъ — съ горохомъ. Такъ повидимому и въ польской пѣснѣ, которую поютъ, когда садится сначала невѣста, а потомъ и женихъ въ телѣгу, чтобы ѣхать къ вѣнцу:
Siadała, siadała,
Kapusta padała;
Padał ci i groszek,
Napadał w pukoszek [1])
Kolb. XI, № 57; ср. IX, стр. 233).

Близкое отношеніе гороха къ свадебнымъ обрядамъ уясняется уже тѣмъ, что горохъ былъ между прочимъ посвященъ германскому Тору, покровителю плодородія вообще и брака въ частности; этотъ богъ ходилъ иногда съ своими карликами въ горохъ, который былъ ихъ любимою пищею (*Gartenlaube*, 1878 г. 590—1; ср. *Zb. w. do Antr.* VI. 3. 279). Горохъ сближаютъ съ бобами, которые служатъ между прочимъ средствомъ гаданій о женихахъ (Потебня, О миѳ. знач. нѣк. обр., 48; о горохѣ см. также Аѳанасьева, Поэт в., II. 750, слѣд.). Около Кракова существуетъ народное преданіе, что горохъ былъ причиною того, что парни сватаютъ дѣвушекъ. Прежде, наоборотъ, женщины выбирали себѣ жениховъ и ходили къ нимъ свататься, что, по словамъ преданія, доказывается уже тѣмъ, что Ева первая обратилась къ Адаму съ соблазномъ. Вотъ однажды дѣвушки, собравшись и рѣшивъ сообща, которой къ кому идти свататься, отправились, но по дорогѣ нашли растущій горохъ, и такъ его наѣлись, что не могли съ мѣста встать. Парни, узнавъ объ этомъ, вышли къ нимъ и объявили, что съ этихъ поръ они сами будутъ ходить свататься къ дѣвушкамъ по собственному выбору. Поэтому будто бы дѣвушки и теперь избѣгаютъ давать горохъ молодымъ и красивымъ парнямъ, чтобы не напоминать объ этомъ фактѣ, и даютъ его только старымъ и некрасивымъ женихамъ, на которыхъ не желаютъ обращать вниманія. (*Kolberg*, *Lud.*, VIII. 209, № 85). Любопытно, что есть указанія на дѣйствительно существовавшій и въ нынѣшней Россіи обычай сватовства съ женской стороны.

Въ вышеприведенномъ преданіи горохъ выставленъ помѣхою дѣвушкамъ къ свободной любви, но въ то-же время онъ оказалъ услугу мужской сторонѣ, и такимъ образомъ онъ опять-таки поставленъ въ близкую связь съ любовными отношеніями и бракомъ. Символическое значеніе гороха встрѣтилось уже выше въ отрицательномъ сравненіи: «не горохъ по долинѣ катится (точитця)—*N.* собирается ѣхать къ невѣстѣ» (п. 33).

---

[1]) v.: Kitosi, kokosi
[2]) v.: Kitos'nica; kokosica.
[3]) v.: kitos'nik (kita?).
[4]) v.: dojnica чаша, ендова, миска, млр. макитра (=корницк. „вéртеха"), о которой загадываютъ: а) Мама широка, тато (валёкъ) узеньки, а діти (=растираемыя зерна) щенята б) Мамина ботичка, а татунів потакъ (Чуб. I. 2. 311).
[5]) v.: jak wałek.

[1]) Pókoszek—плетеный кузовъ въ телѣгѣ.

Катящійся горохъ, повидимому, означаетъ желаніе любви, а также сильную любовь:

Ахъ, мамцю, горохъ точу,
Признаюся, (што) за-мужъ хочу.
(Безс., Влр. п. 159).
Ой, мамцю, горохъ точў,
Я за Грыця за-мужъ хочу;
Горохъ точу, розсыпаю,
Люблю Грыця, щей кохаю;
Горохъ точу, ще й точитця,
Люблю Грыця, ще й хочетця.
(*Zb w. do Antr.* VIII. 213 № 239; ср. VII. 187--8, № 8).

Пѣсня 114.

«Набубнієти» говорится рѣже, чѣмъ «напуцнюти» или «напуцнієти» (поль. *pęcznieć*), разбухнуть. «Точити»—спеціальный терминъ для обозначенія сортировки гороха (зеренъ) передъ варкою: горохъ высыпаютъ въ решето, которое затѣмъ медленно наклоняютъ, такъ что крупныя и нечервивыя зерна скатываются къ одной сторонѣ, откуда ихъ выбираютъ, худшій сортъ остается при другомъ боку, соръ высѣвается сквозь решето; такъ повторяется нѣсколько разъ до окочательной переборки; отсюда «проточити» (ст. 4)—перебрать, какъ объяснено. «Точити» ср. съ польск. *toczyć*, *taczać*—катать, катить; употребляется и о жидкостяхъ: «точити пиво», выпускать изъ бочки и т. п. (см. п. 116); «точатця слёзы» (ср. ниже п. 291, и прим.) катятся, льются. Но кромѣ того «точити»—дѣлать дыру, сверлить, продырявливать: отсюда переносное значеніе глагола «проточити» въ данной пѣснѣ подобно тому, какъ въ слѣдующей польской (при «очепинахъ»), гдѣ вѣроятно разумѣется потеря невинности до брака:

Dali ci dali ej takie sito [1]),
Co przeleciało przez nie całe żyto.
(*Zb. w. do Antr.* IV. стр. 253).

Въ нашей пѣснѣ нѣкоторый намекъ содержится кромѣ того въ упоминаніи сырой кукурузы, отъ которой раздуло животъ. Это обычный пріемъ иносказанія въ народныхъ пѣсняхъ, особенно польскихъ: дѣвушка объѣдается сырыхъ фруктовъ или овощей и жалуется на боль въ животѣ, или на то, что платье становится узко.

Что касается кукурузы, то упоминаніе ея здѣсь объясняется формой ея палочекъ съ сѣменами; въ Галиціи эти палочки безъ зеренъ называютъ «качанами» (кочерыжками, ср. прим. къ п. 111) а не вылущенныя — «шулякамн» (*Kolb.*, *Pokucie*, I. 51). Отсюда ясенъ смыслъ млр. пѣсни:

Кукурудза сіеться; кукурудза родиться,
Молодому хлопцеві женитися хочеться, и пр.
(Чуб. V. 481, № 74).

1) Ср. „решето“ въ млр. п., Чуб. IV, № 1530.

Въ Корницѣ кукурузу сѣютъ только ради лакомства для дѣтей, слѣдовательно на свадебномъ пиршествѣ она не можетъ играть никакой роли. Да и тамъ гдѣ ея больше, она не допускается на свадьбѣ вовсе, или употребляется весьма рѣдко, и то, вѣроятно, только по бѣдности (*Kolb.*, *Pok.* 236, 257; тутъ же находимъ важное замѣчаніе, что въ с. Чортовцѣ, около Обертына, крестьяне изъ экономіи не пекутъ даже короваа, не смотря на повсемѣстное уваженіе къ этому хлѣбу, стр. 259). Кукуруза въ переносномъ значеніи упоминается еще въ пѣснѣ 198.

Вар.: Чуб. IV. № 1575; V, стр. 1151, № 145. Ср. еще *Zb. w. do Antr.*, VII. 233, № 77—8.

Пѣсня 115.

Это почти то-же, что извѣстный куплетъ:

Наївшися, напившися,
Гвалтъ! хочу женитися.

Кромѣ того, здѣсь отъ свиданія съ дѣвушкой ожидается поправленіе здоровья. Долгая разлука съ милымъ или съ милою причиняетъ болѣзнь (ср. нпр. Закр. № 105, Де-Вол. 47, 48, 50 и др.). Эту болѣзнь можетъ излѣчить только скорое свиданіе.

Подобные способы исцѣленія см. ниже, прим. къ п. 171.— Пѣсня своимъ складомъ еще немного напоминаетъ угро-русскую:

Киселицу не хочу,
Чиру (размазни) ми не (менѣ?) дайте,
(*v.* А чиру подайте),
За русина не пойду,
За пана мя дайте,
(*v.* Пана ми шукайте). (Де-Вол. 34, 237).

Пѣсня 117.

Опредѣляется приблизительно продолжительность свадебнаго празднества подобно тому, какъ нпр. у Чуб. IV № 153, 1353; Гол. II. 121 (68); Лоз., 25; *Zb. w. do Antr.* VI. 83 (256). Ср. Де-Вол. 147—150; Гол. II. 253; Чуб. V. 1098—9, № 260.

Пѣсня 118.

Вар.: *Kolb.*, IX, № 118; X, № 157; XI, стр. 206; XII, № 446. *Zb. w. do Antr.* IV. 239, № 190.

Пѣсня 120.

Вар.: *Kozłowski*, *Lud. etc.*, 148, XIX.

Пѣсня 121.

Вар.: *Kolberg*, XII. № 113. 5; № 144. 9.

Пѣсня 122.

Вар.: *Kolb.*: VI. № 665. 4; X № 142.

Пѣсня 123.

Вар.: *Kozl.*, 279, № 89; *Kolb.*, XIII. № 235; *Glog.*, *Krakowiaki etc.*, № 308; *Zb. w. do*

Antr., II. 40, № 7 (строф. 11), VIII. 110, № 256; *Wojc.* II. 225 (64); *W. z Ol.*, 158 (500).

Пѣсня 124.

Примѣры подобнаго соединенія русскихъ пѣсенъ съ польскими см. еще ниже, п. 125, 208, 219. Еще чаще встрѣчаются вставки польскихъ словъ и отдѣльныхъ выраженій въ русскія пѣсни и наоборотъ, что видно уже изъ предшествующихъ пѣсенъ и что еще увидимъ не одинъ разъ. Собственно свадебныя пѣсни удержались, конечно, въ большей чистотѣ, чѣмъ другія, необрядныя.

Вар.: *Wacl. z Ol.*, 91, № 7; *Kolb.*, VI № 563—4.

Пѣсня 125.

Вторая строфа (польск.), кажется, представляетъ передѣлку другой пѣсни, хотя съ противоположнымъ значеніемъ; именно, передъ отправленіемъ къ вѣнцу, невѣсту приглашаютъ въ пѣснѣ поклониться родителямъ, а она будто бы отвѣчаетъ:

Za co sieⁿ mam kłaniać,
Za co mam dzieⁿkować?
Nie chcielić mnie mój tatusieńko
Dłużej u siebie chować.

(*Kolb.* XVI, № 165 (2), ср. № 46; *Wojc.*, II. 68; *Glog.*, *Gody*, № 17). Приглашенія вставать изъ-за стола ср. нпр. у Чуб. IV, № 800 и прилож. № 79; *Glog.*, *Gody*, № 258.

Пѣсня 126.

«Кружиасты» — узорчатый (кругами), такъ и у *Wojc.*, и у Лоз.; у Гол. упоминаются «скатерти ильчасти» (I, 110, № 35) и «на ильчистой скатерти» и пр. (IV. 356, № 44); *O. Kolberg* при словѣ «ильчасты» (о скатертяхъ) ставитъ въ скобкахъ «винчасты» (варіантъ, или поправка?) съ поясненіемъ: «weselne», сближая такимъ образомъ это слово съ названіями вѣнца, вѣнчанія (*Pocucie* [1]) I, № 132). Въ бѣльскомъ вар. это слово замѣнено другимъ—«біли» (бѣлый).

Вар.: Чуб. IV, № 1008, съ опеч. *кружати* (=Лоз., 129) и стр. 676 (бѣльск. у.); *Wojc.* II. 142.

Пѣсня 130.

Вар.: Чуб. IV. № 1027 (=Лоз., 128); Гол., II. 99, 130; IV. 325, № 7 (= *W. z Ol.* 21, № 57); 350, № 27 (=Русал. Днѣстр., 54, *Żeg.*, 122); *Zb. w. do Antr.* VIII. 127, № 14; *Kolb.*, *Pok.*, I, № 112, *Lud.*, II. № 44 (стр. 4), XVI. № 111; *Glog.*, *Gody*, № 327.

[1]) Неправильное пониманіе малорусскихъ словъ, замѣчается, къ сожалѣнію, кое-гдѣ въ этомъ цѣнномъ трудѣ замѣчательнаго этнографа-собирателя.

Пѣсня 131.

«Віеко» (ст. 1)—крышка отъ квашни (квашня—«дижіа»), сплетенная или вѣрнѣе сшитая изъ соломы; такъ-же называются крышки отъ «стужокъ», т. е. плетеныхъ кадушекъ для зерна, муки и пр. «Памбугъ»=*Pan Bóg*, постоянно употребляется наравнѣ съ именами: Буогъ, Гóспудъ, Збавúцель (Спаситель), Ствуорца (Творецъ).—«Сьвіеци», вм. «сьвіетить», для риѳмы (польск. форма).

Коровай, какъ извѣстно, служитъ между прочимъ символомъ жениха и невѣсты. Это можно видѣть и въ данномъ случаѣ, сопоставивъ обычай класть подъ коровай рожь (также дѣлать нижнюю его часть изъ ржаной муки) съ обычаемъ (о которомъ ниже) стлать необмолоченную рожь для постели молодымъ. Послѣднее дѣлается для того, чтобы молодые жили въ довольствѣ, богатствѣ; соотвѣтственно этому коровай просится изъ печи:

Пылажица мяне у жици (во ржи),
Штобъ маладымъ хырашо было жици (жить).—(Демб. стр. 643).

Пѣсня 132.

Вар.: Чуб. IV № 159; Батюшк. 384 (2), съ такимъ началомъ, какъ въ нашей пѣс. 3.

Пѣсни 134—7.

Варіанты этихъ пѣсенъ очень перепутаны; поэтому я укажу ихъ только въ приблизительной послѣдовательности:

Чуб. IV № 287 (=Лоз. 33), 435, 444—5, 574, 1063, 1068, (между проч. и Лоз. 103), 1069 и стран.: 601, 610, 649, 652, прилож. № 69. Лоз. 104; *Gol.* 100; Метл. 203; Батюшк. 400 (1); Гол. II. 668, № 116; *Wojc.* II. 64, 134—5; *Zb. w. do Antr.* VI. 62, № 144, 149, VII. 255, № 37; Свад. п. бѣлор. (Мог. г.), № 2; *Kolberg*, XVI. № 327 (съ млр.), *Pokucie*, I. № 163; *Glog.*, *Gody*, № 228.

Пѣсня 138.

Вар.: Чуб. IV. № 566, 1051.

Пѣсня 139.

Вмѣсто «наленуло» (налетѣло, ср. п. 69), мнѣ одинъ разъ случилось услышать «навіенуло» (навѣяло). Хотя большинство присутствующихъ считали это слово искаженіемъ перваго и находили, что оно здѣсь некстати (оспаривали молодые, защищала старуха), тѣмъ не менѣе и употребленію здѣсь слова «навіенуло» можно найти оправданія. Вѣтеръ часто представляется чѣмъ-то враждебнымъ по отношенію къ человѣку; въ иныхъ мѣстахъ его даже считаютъ злымъ духомъ (Чуб. I. 33), о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ и проклятія: «нехъ ёго віетры завіеютъ!» «до віетрувъ до лихихъ!» къ чертямъ! (Корн.) и т. п. А такъ какъ женихъ со своею дружиною также представляются

врагами невѣсты, какими они въ глубокую старину дѣйствительно и были, то уже изъ этого одного могло возникнуть сравненіе сватовъ, жениха и пр. съ вѣтромъ; кромѣ того, неожиданность появленія жениховой дружины, что также практиковалось при захватѣ дѣвушекъ, подала поводъ къ сравненію этой дружины съ вѣтромъ, какъ символомъ быстроты. Первый стихъ нашей пѣсни заключаетъ въ себѣ между прочимъ понятіе о такомъ неожиданномъ нашествіи, и притомъ дальше пріѣхавшіе, представляются незнакомцами, а въ вар. даже врагами, непріятелями. Сравненіе молодца съ буйнымъ вѣтромъ, какъ непріязненной стихіей, мы видѣли отчасти уже выше, въ жалобѣ дѣвушки на парня:

Гордуєшъ ти мною,
Якъ вітеръ горою (прим. къ п. 76),

гдѣ слово «гордовати» означаетъ непривѣтливость, неуваженіе, презрѣніе; тамъ же мы упомянули объ уподобленіяхъ враждебныхъ лицъ, между прочимъ жениха, холодному сѣверному и восточному вѣтрамъ. Въ Болгаріи пріѣхавшіе съ женихомъ къ невѣстѣ, говорятъ, что ихъ вѣтромъ занесло:

Ой кумове, ой сватуве,
Тиханъ вятаръ подуна,
Та на тука дунесе (Верк, Опис. быта, стр. 32, 39).

Въ Рязанск. губ. пріѣхавшимъ сватамъ поютъ:

Не было вѣтру,—вдругъ *навѣнуло,*
Не было гостей, — вдругъ наѣхало. (Шейнъ, вар., 461 № 1; ср. Сах. Ш. 333, № 231; Сумц., О св. обр. 8, ссыл.).

Въ Арханг., Псковск. и Тульск. губерніяхъ тогда-же поется:

Не буйные вѣтры навѣяли,
Не званы гости наѣхали,
Подломили сѣни новыя,
Разступили чару золотую,
Выпустили соловья изъ саду и пр.

(Якушк. 663, Холмогоры; ср. Шейнъ, 454, № 33 [1]) и 518 № 13; Колосовъ, Замѣтки о яз. и пр. I. 50).

Въ малор. пѣснѣ женихъ называется «розмай-коса», т. е. развѣвающій косу (невѣсты); нпр., въ ожиданіи жениха: «матінко..., послухай.., ци йіде розмай-коса» (Чуб. IV. № 736); или: «Ось винъ иде! Розмай-косу, потерай красу» (непонято), обращаются къ невѣстѣ (*Zb. w. do Antr.* VI. 51, № 92). Наконецъ, въ латышскихъ пѣсняхъ встрѣчаются подобныя же сравненія: «Холодные вѣтры, не дуйте: я въ легкомъ холстѣ! Гордые молодцы, не пріѣзжайте: у меня нѣтъ отца, матушки!» (Трейл., № 475; Спрог. 21, № 6). «Дуй вѣтеръ и перестань, дай отцвѣсти черемухамъ! Пріѣзжайте, чужіе люди, но повремените, дайте приготовить приданое!» (Спрог. 20, № 5). (Ср. Потебни, Объясн. п., 48—9, 113; О нѣкот. симв., 75 и слѣд.). Если женихъ, разлучающій дѣвушку съ роднымъ гнѣздомъ, представляется буйнымъ, холоднымъ вѣтромъ, то точно также злые люди, разлучающіе влюбленныхъ, могутъ сравниваться съ вѣтрами, и совершенно согласно съ духомъ народной поэзіи писалъ Викторъ Забѣлло:

Повіяли вітри буйни
Зъ холодного краю,
Розлучили зъ дівчиною,
Котру я кохаю....
То не вітри—люде злиі
Мини се зробили....

(см. Петрова, Очеркъ истор. украин. литер II, 153).

Вар.: Чуб. IV № 867. Б.; *Zb. w. do Antr.*, V. 98, № 35, VI. 51, № 92.

Пѣсня 140.

Подъ «Литвою» (собират. значеніе) здѣшніе малоруссы разумѣютъ не только литовцевъ, но и бѣлоруссовъ.—Представленіе сватовъ литовцами встрѣчается и въ великорусс. пѣснѣ, гдѣ говорится, что «съ Литвы сватъ ѣдетъ», и въ пословицѣ: «къ людямъ Богородица, а къ намъ все Литва», т. е. къ людямъ хорошіе женихи, а къ намъ невѣсть что (Потебн., Объяс. п. 35—6, ссылк. на Кохановскую въ Русск. Бѣс. 1860, I, 46, Осколь. у., Кур. губ.). Литва въ нашей пѣснѣ выступаетъ враждебною, въ чемъ, можетъ быть, остался слабый намекъ и на дѣйствительныя историческія событія, на войны съ литовцами, хотя, конечно, въ настоящее время это намекъ безсознательный; теперь литовецъ въ млр. пѣснѣ — вообще врагъ. «Враждебное отношеніе похитителей къ роду невѣсты,— говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ,—доселѣ сохранилось во многихъ свадебныхъ преданіяхъ на Руси, но особенно въ наименованіи жениха и его свиты Литвою въ млр. свад. пѣсняхъ: «Да не наступай Литва» и пр. Когда молодой садится возлѣ своей молодой и тѣмъ какъ бы даетъ знать, что онъ побѣдилъ, тогда пѣсня возвѣщаетъ, что Литва взяла верхъ надъ Подолянами, завладѣвъ ихъ дѣвицей:

Суньтесь, Подоляне,
Да съ кута до запечка,
Нехай сяде Литва
Съ своею Литовкою,
Зъ нашею Подолянкою.

Здѣсь подъ Литвою разумѣется вообще врагъ, похититель невѣсты». (См. Соловьева, Истор. Россіи, въ т. II, дополн. къ т. I, письмо къ автору Исторіи, стр. 34—5). Слѣдуетъ замѣтить, что война, т. е. собственно битва, рѣзня, уподобляется иногда свадебному пиру; поэтому, напр., въ «Словѣ о п. Игор.» кровь — вино, а половцы — сваты

[1]) «Не *сбуи* вѣтры понавѣяли» и пр. (тульск.), стихи 7—8.

(«Бишася дьнь, бишася другый.... Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша» и пр.).

Вар.: Чуб. IV. № 934, прилож. № 61; Метл., 215; *Zb. w. do Antr.*, II. 198, № 37.

Пѣсни 141—153 (общее замѣчаніе).

Подобная перебранка и взаимное осмѣяніе одной стороны другою встрѣчается въ пѣсняхъ сплошь и рядомъ. Кромѣ указанныхъ ниже ближайшихъ варіантовъ, есть множество пѣсенъ на-ту же тему почти въ каждомъ описаніи свадьбы (нпр., *Wojc* II. 101; *Zb w. do Antr.* IV. 260 и пр.), и перечислить ихъ нѣтъ возможности. Не только въ свадебныхъ, но и въ весеннихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ; онъ кроется въ большинствѣ весеннихъ игръ. Главный смыслъ этихъ пѣсенъ— борьба мужского элемента съ женскимъ [1]), и надо думать, что возникновеніе этого мотива относится къ глубокой древности; преданія о борьбѣ съ амазонками представляютъ, вѣроятно, уже довольно поздніе варіаціи на ту же тему Примѣры пѣсенныхъ варіацій см. у Потебни, Объяс. пѣс. 115—6.

Пѣсня 141.

Вар.: Кіевск. Старина. 1883, февр., 393, № 59.

Пѣсня 142.

«Тро̀момъ»—рысью (въ разговорѣ мало употребительно); «троматн»—бѣжать рысцой; «тромъ-тромъ»—трюхъ-трюхъ. То-же значеніе имѣетъ «лёмати», «лёмъ-лёмъ», «лёмки» или «лёмка» — тихой рысью (нарѣч., образов. черезъ род. п.; ср. «ступа»—шагомъ, прим. къ п. 101; «скопытà»=«съ копыта», вскачь, откуда «скопытàти», иначе «капатàти» или «гапатати», звукоподр., ѣхать вскачь).

Вар.: Кіев. Стар. 1883, ф., 391, № 57; *Zb. w. do Antr.* VIII. 151, № 95, VII. 259, № 55 (пропускъ: хлопци?); ср. Безсон., 34, № 62 («свинью *ссала*» съ сомнит. поясн. издателя: *доила*).

Пѣсня 144.

«Кернозъ»—боровъ (поль. *kiernoz*).—«Гицу!»—скокъ! «гицати, го́цати, гуцати»—скакать, подпрыгивать.

Пѣсня 145.

«Смалити»—обжигать (особ. волосы, перья), коптить. «Обтокнути»—ополоснуть (сверху); «вытокнути»—выполоснуть, сполоснуть (внутри, о посудѣ).—«Ве́прика (свинью, соб. кабана) осмаливши скро́бають (соскабливаютъ верхнюю кожицу и грязь), мыють теплою водою, а наре́шчи (наконецъ) обтока̀ють ще зимною» (Корн.). Отсюда ругательное выраженіе: «сьвинiа нескро́бана».

Вар.: Кіев. Стар. 1883, ф., 393, № 62.

Пѣсня 146.

«Дога́на» ж. р. укоръ, осрамленіе словами; «догані́ати кому чимъ»—ставить въ укоръ, попрекать, срамить, порицать (ср. поль. *nagana*—хула, нагоняй), также безъ префикса «га́нити»—хаять (*ganić*).

Пѣсня 147.

«Печина»—сухая печная глина (и вар.). «Причина» — здѣсь въ смыслѣ: бѣда, непріятность; по-украински также «притычина» (ср. вар. «поприт-чилось»). Въ великор. пѣснѣ говорится:

Сколько на печи *печины*,
Столько на сердцѣ *кручины*.
(Изв. Об. л. Ест. XXX. 2. 70, № 21).

Или еще съ нѣкоторымъ измѣненіемъ:

Такова-бъ ему *кручина*,
Что *въ печи* лежитъ *лучина* [1]).
(Славянскій, «Вечера пѣн.» I, № 8).

Сопоставленіе: «печина—кручина» основано на томъ понятіи, что горе печетъ, сушитъ (ср. подобныя сопоставленія: «жаръ—жаль, жарко—жалко». п. 195, прим.; такая же связь понятій: горе—горѣть, журить—допекать чѣмъ); поэтому и въ нашей пѣснѣ сопоставленіе: «печина—причина» является полнымъ смысла.

Пѣсня 148.

«Ла́сы»—лакомый.—«Сване́чка» (неразговорн.)—вм. «свашечка» или «свашенька»; встрѣчается еще въ п. 149, 150. *Z. Gloger*, перечисляя производныя отъ «сваха», упоминаетъ только двѣ формы съ выпаденіемъ *x*: «сванька», «сваненька», замѣчая, что онѣ употребляются «*na Rusi*» (*Zb. w. do Antr.*, I. 3. 93, въ статьѣ: *Nazwy weselne, wyrażenia i przedmioty używane.... na przestrzeni byłéj Rzeczypospolitéj*). При «было бъ удавило» не слѣдуетъ подразумѣвать подлежащимъ «мясо»; это безличное выраженіе.

Вар.: Чуб. IV. № 448. Гол. IV. 257. № 36 (=*Żeg.* 1. 81).

Пѣсня 149.

«Соло́дины»—гуща, остающаяся по сцѣживаніи пива, не то-же, что «солодъ». Солодинами и бра-

---

[1]) Замѣчателенъ существующій у нѣкоторыхъ народовъ свадебный обычай, состоящій въ томъ, что не задолго передъ свадьбой женихъ съ невѣстой вступаютъ въ поединокъ (Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 376. Heilbronn. 1879).

[1]) Тутъ-же: „Расколися, сырой дубъ, на четыре грани" и пр., ср. мар.: „Розвивайся, ти дубочку, на чотирі листи" и пр. (Лисенко, Збірник., II, № 31).

гой, какъ извѣстно, откармливаютъ коровъ, иногда свиней; въ этомъ вся суть насмѣшки.—«Сванечки»—ср. предыд. примѣч.

Вар.: Чуб. IV, № 928 (=Метл., 188—9), 882; Лоз. 92; *Gol*. 102; Гол. II. 101. № 10; *Zb. w. do Antr*. VIII. 138. № 56—7; Шейнъ, блр., 350. № 646.

Пѣсня 150.

«Друхниця» здѣсь въ презрительномъ смыслѣ, но ниже (п. 308) встрѣчается и въ ласкательномъ; этой формы въ упомянутомъ выше (къ пѣс. 148) спискѣ *Gloger*'а тоже нѣтъ.—*Вар*. см. выше пѣс. 72.

Пѣсня 151.

Слово «конибель» (удар. на ы) непонятно и для самихъ поющихъ. Одни подразумѣваютъ здѣсь глубокую яму съ водой, сближая, вѣроятно, это слово съ словомъ «колбаня» (Корн.), имѣющимъ именно это значеніе (другія формы ср. у Закревск.: ковбаня, ковбанюга, ковбо̂та, бакай). Другіе предполагаютъ: «може якая куна̀ (ловушка), [1]) або що недобре», при чемъ, вѣроятно, основываются на слѣдующемъ стихѣ, гдѣ выражается желаніе погибели парнямъ; думаютъ, очевидно, что именно эта загадочная «конибель» должна извести всѣхъ парней. Оба эти объясненія несостоятельны. Первое изъ нихъ, впрочемъ, какъ будто находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующей-же пѣснѣ, служащей иногда отвѣтомъ на эту: въ параллель предполагаемой здѣсь ямѣ съ водой тамъ упоминается корыто съ водой, находящееся также въ огородѣ (ср. еще въ пѣс. 165: «на городи калюжа»); но, во первыхъ, эти пѣсни не всегда связываются вмѣстѣ, а во вторыхъ, съ точки зрѣнія языка видоизмѣненіе слова «колба̀ня», или очень рѣдкой формы его «колба̀нь» (ж. р.), въ «конибель» трудно было бы объяснить [2]). Самое объясненіе слова «конибель» въ смыслѣ ямы съ водой, вѣроятно, навѣяно именно указанными пѣснями (152, 165) того-же склада, гдѣ упоминается вода, или подобными имъ. Противоположенія нечего искать въ другихъ пѣсняхъ,— оно содержится въ этой одной: въ первыхъ двухъ стихахъ проклятіе парнямъ, въ послѣднихъ двухъ добрыя пожеланія дѣвушкамъ. Дѣвушки сравниваются съ салатомъ, растущимъ въ огородѣ (ср. выше сравненіе съ капустой); поэтому, при полномъ соотвѣтствіи всѣхъ частей противоположенія, можно думать, что и парни сравниваются здѣсь съ какимъ-то растеніемъ, можетъ быть, съ коноплей (ср. влр. «конопель»). Коноплю въ Корницѣ всегда называютъ «коно̂пля», но въ Галиціи извѣстны также формы съ перестановкой, указывающія на неустойчивость этого слова, нпр. у Гол. II. 452, № 681—2, и еще:

Свытый (?) батьку Андрію,
Колопни на ки(=ти) сію (гаданіе о женихѣ, *Kolb. Pokucie* I. 78).

Ой далась мя, моя маты, та дала, та дала.
Якбысь тую *колопеньку* въ болото втоптала (*Żeg*. II. 192).

У угро-руссовъ конопля—«конопа, конопенька» (Де-Волл. 33,210). Правда, что влр. форма «конопель», или близкая къ ней, въ млр. пѣсняхъ, кажется, не встрѣчается, и поэтому трудно навѣрное отожествлять непонятное слово «конибель» съ названіемъ конопли. Врядъ-ли также можно подозрѣвать здѣсь испорч. названіе растенія *калуферъ* (иначе: кануферъ, млр. кануперъ, у Закревск.; по-корницки—пижмо). Въ одномъ варіантѣ разбираемой пѣсни такія сравненія: «шалата—дивчата», «стопчики (стоупчики, стовпчики?)—хлопчики», хотя и здѣсь неясно, что такое именно эти «стопчики»; вѣроятнѣе всего это стебли съ сѣменами (у салата, разсады, брюквы и т. п.), высоко подымающіеся надъ листьями растенія; ихъ называютъ «стовпами» и «колами», и для того, чтобы капуста на «коловатила», избѣгаютъ держаться за колъ, перелѣзая черезъ заборъ въ огородъ садить капусту (Корница).

Вар.: *Zb. w. do Antr*., VIII. 40, № 89 («стопчики»); Якушк. 626, № 135, конецъ.

Пѣсня 152.

Вар.: Чуб. V стр. 1116. № 37; *Zb. w. do Antr*. VII. 231 (164), 235 (209).

Пѣсня 153.

Уподобленіе дѣвушки кропивѣ, повидимому, находится и въ польской пѣснѣ, гдѣ дѣвушка жалуется на пастушка, что онъ своимъ воломъ потравилъ ея кропиву (*Zb. w. do Antr*. VIII, 95, № 149). Смыслъ первыхъ двухъ стиховъ нашей пѣсни тотъ, что вездѣ одинаково поросшее поле приравнивается къ сходству нравовъ жителей: вездѣ одинаково высоко цѣнятъ мужчинъ и низко женщинъ (или наоборотъ). Но кромѣ того, сравненіемъ

[1]) Такъ собственно назывались цѣпи, посредствомъ которыхъ въ прежнее время приковывали великихъ грѣшниковъ на извѣстное время у входа въ церковь, снаружи, ради покаянія. Лѣтъ 18—20 тому назадъ, насколько помню, еще висѣла такая „куна" у корницкой (уніатской) церкви, хотя и безъ употребленія; она была длиною около 1 арш. и была однимъ концомъ прибита къ стѣнѣ у церковныхъ дверей на высотѣ $1\frac{1}{2}$—2 арш. отъ земли, а другой конецъ представлялъ собою ошейникъ, который надѣвался на шею или на руку и запирался на замокъ.

[2]) Для перестановки *л* и *н* примѣръ налицо, ниже: конопля—колопня (ср. еще не-млр.: канибалъ—калибанъ, Colophonium—канифоль); остальное можно бы объяснять вліяніемъ рифмы; но врядъ-ли такое объясненіе можетъ насъ удовлетворить.

дѣвушекъ съ кропивой высказывается та мысль, что какъ кропивы вездѣ много и никому она не нужна, такъ и дѣвушку можно вездѣ достать за ничтожную цѣну. Кропива очень быстро разростается и можетъ приняться на какомъ угодно грунтѣ; поэтому-то польки, сажая капусту, втыкаютъ въ землю кустъ кропивы со словами: «*Jak ta pokrzywa wsze*ⁿ*dzie sie*ⁿ *przyjmuje, niechže ta kapusta tak sie*ⁿ *przyjmie*» *etc* (*Zb. w. do Antr.* VI. 3. 304). Въ параллель тому сравненію, что дѣвушекъ вездѣ много, какъ крапивы на полѣ, приведемъ словацк. п., гдѣ подобная мысль высказывается о парняхъ:

Neumierá diowča pre jedného ptáčka,
Dosti je po poli tákého semiačka

(*Koll.* I. 189, № 14).

Ср. еще ниже пѣсню 271 съ похожимъ содержаніемъ. О кропивѣ ср. еще Бесѣд., VI. 42; Потебни, О миѳ. знач. нѣк. обряд. (на одной изъ послѣдн. страницъ).

Вар.: Чуб. Ш. 49, V. 1121, № 58; *Zb, w. do Antr.* VI. 132. № 4; В. Кар., I. 298; *Suš*, № 806; *Koll.* I. 189 (14), 298 (30); Сах. П. 81 № 43, (ср. вар. тамъ-же, стр. 226) и стр. 278 (млр.); Изв. Общ. Люб. Ест., XXX. 2. 80. № 59; Варенц. 30, № 22; Якушк., 626. № 135, Безсон, блр., 85, № 136.

Пѣсня 154.

Вар.: Чуб. IV. № 788; Батюшк. 397; Кіевск. Стар. 1883, ф., 400. № 8.

Пѣсня 155.

О значеніи перваго стиха ср. примѣч. къ п. 96. О соединеніи свад. хлѣба съ ссыромъ ср. замѣтку Потебни, О миѳ. знач. нѣк. обр., 55. Коровай служитъ между прочимъ символомъ жениха; это значеніе, по смыслу упомянутой замѣтки, перешло и и на сыръ, составляющій во многихъ мѣстностяхъ необходимую приправу къ короваю. Отсюда обычная форма сопоставленія: «сыръ—сынъ», образованію и закрѣпленію которой много также способствовалъ и языкъ, такъ какъ слова «сыръ» и «сынъ» созвучны. Всѣ народные поэтическіе пріемы, какъ-то: сравненія, уподобленія, отожествленія и т. п., основаны на извѣстномъ взглядѣ человѣка на природу; по мѣрѣ того какъ измѣнялись отношенія человѣка къ окружающему его міру, и въ поэтическомъ творчествѣ происходили соотвѣтственныя видоизмѣненія. «Однимъ изъ позднѣйшихъ видоизмѣненій, говоритъ Костомаровъ, вѣроятно, слѣдуетъ считать сопоставленіе по созвучію... Но и здѣсь едва-ли можно искать причины такой формы въ одномъ только созвучіи, и часто не трудно бываетъ подмѣтить, что сопоставляемый предметъ своими свойствами или обычнымъ уже символическимъ значеніемъ производилъ впечатлѣніе, которое способствовало появленію формы сопоставленія по созвучію» (Бесѣда 1872. IV. 24). Это можно, именно, примѣнить къ сопоставленію: «*сыръ—сынъ*». Вотъ примѣры такого сопоставленія: Рыбн., IV. 152; Якушк., 661 (5), 702 (81); Шейнъ, влр., 472 (23); Сах. Ш. 64; Безсон., Блр. п., 142 (149); Варенц., 31 (23); *Zb. w. do Antr.*, VII. 158 (40); Метл. 192; Чуб. IV № 1084, V. 1113 (27); *Kolberg.*, X. 319; Свад. п. бѣлор., № 163. Замѣчательно, что въ большинствѣ этихъ примѣровъ высказывается та мысль, что новобрачная, въ награду за полученный отъ молодого супруга сыръ, должна родить ему сына; въ разбираемой нами пѣснѣ эта мысль видоизмѣнена нѣсколько: желаютъ сына той, которая даетъ сыръ. Обрядовое употребленіе сыра (творога) на свадьбахъ очень распространено (ср. Сумц., О свад, обр. 121), и вѣроятно ему приписывалось, а можетъ быть и теперь приписывается, между прочимъ, свойство сообщать невѣстѣ способность къ чадородію. Въ виду этого особенно интереснымъ является корницкій обычай класть молодымъ въ первую ночь подъ подушку сыръ, о чемъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Не менѣе интересенъ и польскій обычай: пріѣхавъ съ молодою отъ вѣнца, новобрачный оставляетъ ее за порогомъ, а самъ входитъ въ избу, беретъ небольшой хлѣбъ и цѣлый сыръ (*gomólka*) и, пріотворивъ дверь, передаетъ то и другое новобрачной, причемъ особенно торжественно поетъ: *Daje*ⁿ *ci chleba i syra, A ty mi za rok daj syna*! (*Kolb.* X стр. 319, ср. стр. 88, № 16). Женихъ-бѣлоруссъ, пріѣхавъ къ невѣстѣ передъ свадьбой, даетъ ей сыръ и пирогъ (Всем. Илл. 1879. 431. б.). Отмѣтимъ также бѣлорусскую пѣсенку съ упоминаніемъ сыра, поющуюся въ то время, когда молодые почиваютъ (Свад. п. Бѣлоруссовъ. № 82).

Первоначально употребленіе творога на свадебныхъ торжествахъ имѣло значеніе жертвоприношенія; а такъ какъ главною цѣлью брака было продолженіе рода, то, принося жертвы покровителямъ брака, молили ихъ прежде всего о дарованіи молодой четѣ потомства; отсюда легко могла явиться въ понятіи народа связь между приносимымъ въ жертву продуктомъ и способностью къ дѣторожденію. А почему въ вышеуказанныхъ пожеланіяхъ почти всегда упоминается младенецъ мужского пола, это понятно само собою.

Отмѣчу еще одну словацкую пѣсенку, гдѣ старый сыръ, повидимому, означаетъ старую дѣву; парень говоритъ къ матери дѣвушки:

....Ked' mi nechcete, dat,
Dajte si ju wymalowát
Starym syrom na wrata,
A ty drndo proklata
Chod' se potom na n'u diwat!

(*Koll.* I. 385, № 15).

Можетъ быть, въ связи съ этимъ находится моравская насмѣшливая пѣсня:

Daj maten'ko syra,
Nevesta je shnilá (*v. silná. Suš.*, стр. 463).

Пѣсня 156.

Эта пѣсня и двѣ слѣдующія, вѣроятно, собственно относятся къ «запоинамъ», которыя бываютъ въ иныхъ мѣстностяхъ въ началѣ свадьбы и отчасти соотвѣтствуютъ корницкимъ «залётамъ» (нпр. Чуб. IV. стр. 659. Лоз. 5). Въ холмогорскомъ уѣздѣ подобный обычай называется «*пропиваніемъ* невѣсты» (Изв. Об. л. Ест. XXX. 1. 112). Этимъ опровергается мнѣніе г. П—ова (Всемір. Илл. 1879, 431. *в*). «Въ великор. народѣ, говоритъ онъ, дача денегъ за невѣсту считалась не въ обычаѣ, и вм. «пропиванокъ» (ср. прим. къ п. 158) является только актъ соглашенія со сватомъ издавна установившеюся формою *битья по рукамъ*... и вм. «не пропивайте меня» поется «не пробивайте»:

Не бейте вы полу объ полу,
Не хлопайте пирогъ объ пирогъ,
Не пробивайте меня бѣдную'', и пр.

Надо однако сказать, что жалоба дѣвушки на то именно, что ее *пропили* родные чужимъ людямъ, постоянно повторяется и въ великор. пѣсняхъ, ср. нпр. прим. къ п. 295.

Вар.: Чуб. IV. № 28 и стр. 660.

Пѣсня 157.

Вар.: Чуб. IV. № 613 и стр. 637; *Rypin*. 53.

Пѣсня 158.

Выраженіе «оддае на руки» намекаетъ на продажу невѣсты. Еще яснѣе выражена эта мысль въ другой пѣснѣ того-же склада:

Чи чуешъ, Марисю?...
Тебе батенько продае,
За тебе грошей не бере,
Тебе бояре торгують
За тебе грошей не дають.
Всімъ боярамъ—на руки,
А молодому—на віки. (Чуб. IV. № 898).

Какъ при продажѣ товара говорится: передать изъ рукъ въ руки, изъ полы въ полу, такъ и невѣсту родители или кто-нибудь другой передаютъ жениху «на руки»:

Выводилъ молодешеньку
Родимый братлеко (брателко?)....
Отдавалъ молодешеньку
N (имя жениха) на руки,
N (отчество) на вѣки.
(Изв. Общ. л. Ест. XXX. 2. 87, № 6).

Около Вологды сваты говорятъ родителямъ невѣсты: «Пора бы... товаръ-то и съ рукъ сбывать, а то неравно залежится» (Алекс., Вол. свад. 6).

Замѣтимъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обычай покупать жену заимствованъ будто бы русскими отъ кочевниковъ. Такъ нѣкто г. П—овъ въ статейкѣ: «Закупъ—пропиваніе невѣсты» (Всемір. Илл. 1879, 430) говоритъ: «Въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ становищами кочевыхъ инородцевъ, и у русскихъ крестьянъ явилось заимствованіе отъ полудикихъ сосѣдей, особенно характерно представляющее чуждый русскому народу порядокъ: покупку жены. Это виднѣе всего выступаетъ на *пропиванкахъ* невѣсты въ Курск. губ.»...; этому пропиванію «предшествуетъ выдача женихомъ невѣстѣ извѣстной суммы (1—7 р.), напоминающая инородческій *калымъ*.... Въ Малороссіи уже взноса женихова невѣстѣ въ поминѣ нѣтъ». Такимъ образомъ выходитъ, что нынѣшняя Курская губ. больше имѣла столкновеній съ инородцами и больше подвергалась ихъ вліянію, чѣмъ Малороссія, которая, какъ извѣстно, составляла для болѣе внутреннихъ областей Россіи оплотъ противъ набѣга кочевниковъ въ теченіе долгаго времени. Что касается собственно выдачи женихомъ денегъ невѣстѣ, то у Малороссовъ она вездѣ существуетъ въ томъ или иномъ видѣ (нпр. плата невѣстѣ за косу, за мѣсто и т. п.).

Вар.: Чуб. IV, № 988; Изв. Об. л. Ест., XXX. 2. 87. № 6; Демб., 555. № 85 (ср. № 167, 194, 257).

Пѣсня 159.

Ср. прим. къ п. 6. *Вар.*: Гол. II. 131—2.

Пѣсня 160.

Ср. прим. къ п. 6.

«Диноватися», удивляться, въ рѣдкихъ случаяхъ употребляется и въ разговорѣ безъ *ся*, какъ и въ этой пѣснѣ, хотя въ данномъ случаѣ можно было бы сказать, не нарушая размѣра: «Цибуля *ся* дивовала»; о пропускѣ *ся* ср. прим. къ п. 34.

Вар.: Чуб. IV. № 1460; Максимовичъ, Собр. соч., II. 443; Закр., № 71; *Wojc*. II. 278; *Kozl*. 279. № 86; *Erben*., 265, № 694; *Suš*., № 816; *Kollar*. II. 88. № 53; «*Slawia*», *Nár. pis*. № 75—6.

Пѣсня 161.

«Михіеръ»—кисетъ изъ свиного пузыря, кошель.

Вар.: «*Slawia*». *Nar. pis*. № 79. Ср. слѣд. пѣс.

Пѣсня 162.

Эту пѣсню поютъ также, когда танцуютъ ряженые (ср. ниже п. 273—6). Подъ Фрейдою и Бору-

ховскимъ разумѣютъ жидовку съ жидомъ и ради насмѣшки сопоставляютъ ихъ съ свиньей и боровомъ, имѣя въ виду еврейскій законъ, запрещающій свинину. Но «фрейда» употребляется иногда и какъ нарицательное имя, въ смыслѣ дрянной женщины, потаскухи, какъ и въ Галиціи, нпр.:

Ой на гори крыменыци, на долыни крейда;
Ой вже мене обрехала Парасуня *фрейда*
(*W. z. Ol.* 197 № 130).

Это слово стоитъ въ связи съ нѣм. *frei*, откуда *Freier*—женихъ, чеш. *frej*, *frejír'* — волокита, луж. *frajer*,—*rka* милый,—ая, любовникъ,--ца, и польскія: *fryj*, *fryjerz*, *frejerz* и пр. съ подобнымъ же значеніемъ. Но чаще въ этомъ смыслѣ употребляется «флёндра», ср. поль. *flondra*, *flaⁿdra*, словацк. *flandra*, нпр.:

Súsed lačná pycha, súseda je Flandra,
Ich diowka je kobza [1], *a syn stará handra* [2]).
(*Kollár*. I. 30, № 5).

Колларъ по поводу этой пѣсни замѣчаетъ, что названіе фламандца сдѣлалось позорной кличкой уже съ очень давнихъ временъ, именно вслѣдствіе усиленнаго наплыва жителей Фландріи въ славянскія земли (особ. около 1154 г.), гдѣ они бродили часто цѣлыми бандами и продѣлывали разныя непозволительныя вещи (ib., 438). У нѣмцевъ существуетъ между прочимъ пословица, свидѣтельствующая о непостоянствѣ фламандцевъ въ любви: «*Ich bin von Flandern, geb' eine um die andern*»; отсюда «*flandrische Liebe*» — невѣрная, непостоянная любовь.

Вар.: *Kolb.*, X. № 402; *Zb. w. do Antr.*, IV. 234, № 149, ср. № 145 и др. тутъ-же.

Пѣсня 163.

Вар.: *Wacl. z Ol.*, 169. № 610; *Wojc.* II. 198, № 32; *Glog. Krakowiaki etc.* № 34.

Пѣсня 164.

Вар.: *Kolb.*, *Pieśni etc.* I. 354, № 147; *Lud. etc.* XIII. № 347.—*Wojc.* II. 378.—*Gloger*, *Krakowiaki etc.* № 46; *Kujawiaki etc.*, № 37.

Пѣсня 165.

Вар.: Чуб. V. 1138, № 107; *W. z Ol.*, 181 (6); *Żeg.* II. 164 (русск.); Батюшк. 411; *Zb. w. do Antr.* VII. 235. № 202; Гол. II, 396; Де-Вол., 199. № 81.

[1]) Ср. нѣм. Kebs въ слож. Kebsweib (наложница), Kebsehe (незаконн. сожительство) и т. п.

[2]) Нѣм. Hahnrei—рогоносецъ (и въ переносн. смыслѣ).— Въ русскихъ рукописныхъ сборникахъ 18 вѣка, содержащихъ переводные анекдоты, веселые разсказы и т. п., встрѣчается это слово въ формѣ „Гандрей" съ такимъ поясненіемъ: „Сіе слово Гандрей то, что у ково жена отъ мужа со иными блюдодействуетъ, то есть мужъ Гандрей"; это значеніе переносится тамъ и на имя Андрей.

Пѣсня 167.

Продолженіе пѣсни не записано.

Здѣсь, кажется, соединены отрывки изъ разныхъ пѣсенъ. Вторая строфа своимъ началомъ напоминаетъ между прочимъ извѣстную колядку, имѣющую мифич. значеніе:

Куды туръ ходить—
Жито ся родить;
Куды турыця—
Горохъ пшениця;
Куды туреніата—
Овечки й ягніата (Корница) [1]).

О травѣ ср. Бес. VI, 51—2.—Въ данномъ случаѣ *буйная* трава (стихъ 6)—символъ невинной дѣвушки, равно какъ калина въ подобной пѣс.:

Де наша княжна ходила,
Тамъ калина уродила.
(Кіев. Стар. 1883, ф., 371);

напротивъ, о потерявшей невинность поется:

Де дивчина стояла,
Тамъ травыци зив'яла.
(*Kolb.*, *Pok.* I, № 241).

Ср. также Де-Вол., 81, гдѣ, по мнѣнію собирателя, трава, вянущая подъ ногами дѣвушки, означаетъ невѣрность (?) послѣдней. Скорѣе однако можно думать, что въ этихъ случаяхъ вянущая трава означаетъ глубокое горе дѣвушки; горе (ср. жаль—жаръ, прим. къ п. 195) сушитъ траву. Ср. въ Сл. о п. Иг.: «ничить трава жалощами» и пр. (см. Потеб., Слово о п. Иг., 65). Траву косить у дѣвушки—то-же, что топтать ей огородъ, ломать садъ и т. п. (см. прим. къ п. 79). Какъ сѣяніе и сажаніе представляетъ въ пѣсняхъ зарожденіе любви, такъ собираніе посѣяннаго и посаженнаго представляетъ ея завершеніе (Потебня). Отсюда между прочимъ такое сопоставленіе: *косить* — *любить* и *брать* за-мужъ; въ нашей пѣснѣ: «травы косити— панны просити». Въ влр. п. поется:

Косилъ Ваня чужу травку, своя въ полѣ сохнетъ;
Любилъ Ваня чужу жонку, своя слезно плачетъ.

(Изв. Об. л. Ест. XXX. 2, 57, № 28, ср. *id.* 117, № 9; Тихонр., Лѣтоп. р. лит. IV. 2, 96, № 12). По польск. п.:

Kto trawusie zeżnie,
Ten Marysie weźnie (*Kolb.* VI, № 780);

а по млр.: Кто тую травицю *покосить*,
Той мене у батенька *попросить*;
А кто тую травицю *порве*,
Той мене одъ батенька *возьме*.
(Бес. VI. 52; *Zb. w. do Antr.* II. 261. № 2).

Подобное-же сопоставленіе «просить — косить» см. у *Kolb.* XII. № 72, ср. *Zb. w. do Antr.* IV. 219.

[1]) Ср. Чуб. III. 265—9; Демб. 525 (8); Безсон., Блр. п. 78; Древлянскій, Бѣлор. нар. пред. 20—1 (у Фаминцына, Бож. др. сл. I. 221).

№ 40; *W. в Ol.* 165. № 573.—Съ отрицаніемъ: не косить, не жать—замужъ не брать, нпр. въ угрорусск. п.:

Ни косити, ни жати,
То-то дѣвча не взяти (Де-Вол. 134),

или въ вар. (запис. мною въ Моск. и Тульс. губ.):

Никто травушку не коситъ,
Никто ее не сожнетъ;
Никто дѣвицу не любитъ;
Никто за-мужъ не беретъ.

Парень, узнавъ, что любимую имъ дѣвушку выдали за другого, жалуется, что трава осталась нескошенной, т. е. любовь осталась безъ удовлетворенія (*Koll.* I. 249. № 29; *Suš.* 312), подобно тому какъ въ чеш. п.

Sil jsem—nežal jsem,
Miloval jsem—nevzal jsem.
(*Krolm.* П. 265, ср. 10).

Въ млр. п. нѣсколько шире: «жать и *не вязать*—любить и *не говорить правды*». Бес. IV, 41, VI, 37; при этомъ, если, какъ замѣчено выше (прим. къ п. 102), «сказати всю правду» можетъ означать тоже, что «дать клятву», главнымъ образомъ при вѣнчаніи, то здѣсь этому выраженію вполнѣ соотвѣтствуетъ и слово «вязать», которое намекаетъ, можетъ быть, не на одну любовную связь, но и на брачныя узы.—Надѣваніе чепца на новобрачную сравнивается со сгребаніемъ скошенной травы, а невѣста въ чепцѣ представляется или копной сѣна, или скошеннымъ лугомъ (*Sušil*, стр. 446 и №№ 625, 807). Подобное сравненіе находимъ и въ латышской пѣснѣ: «Давно наложенный стогъ сѣна ждетъ хорошей дороги; давно взросшая молодушка ждетъ моего братца (Трейл., № 651, ср. № 612), а также въ болгарской, имѣющей форму заговора (?):

....Копни сено косено,
Какъ копнеитъ девойка
За добраго юнака. (Милад. № 470; тутъ же сравненіе молодца съ грудкою снѣга, о чемъ ср. Бесѣд. IV. 62).

Вар.: Чуб. V. 498; *Wacl. в Ol.*, 296. № 121 (строф. 7—8); Кiев. Стар. 1883, ф. 371. № 7; *Kolb.*, *Pok.*, I. № 241. *Lud.* XII. № 72.

Пѣсня 168.

«*Zarazo!*»—ругательство; но все-таки по поводу послѣдняго стиха можно припомнить обычныя народныя представленія всеобщаго бѣдствія и въ особенности повальныхъ болѣзней въ видѣ женщины, дѣвы, которая «по людямъ ходитъ» (по-корницки *пошесць*, повѣтріе). О. Кольбергъ (*Zb. w. do Antr.* II. 119) приводитъ польскую пѣсенку о дѣвушкѣ, которая, гуляя около кладбища, зоветъ къ себѣ то бакалавра, то сапожника, то гончара, то кузнеца, но всѣ ее отвергаютъ. По замѣчанію издателя эту пѣсню особенно часто пѣли около Пултуска (Плоцкой г.) во время холеры 1852 г. Онъ думаетъ, что эта *панна*—зараза, «*i dla tego*,—заключаетъ онъ,—*tak niegrzecznêm jest wszeⁿdzie panny przyjcⁿcie* (?) [1]).

Вар.: *Zb. w. do Antr.* VIII. 104, № 200; *Kolb.* XIII. № 134.

Пѣсня 169.

Здѣсь мѣна женами представляется въ шуточномъ видѣ, но такого рода случаи бываютъ въ дѣйствительности и у насъ на Руси, какъ объ этомъ еще и теперь газеты отъ времени до времени приносятъ извѣстія изъ разныхъ мѣстъ, причемъ особенно характерно то, что подобныя сдѣлки иногда утверждаются «міромъ» съ составленіемъ письменнаго акта въ волостномъ правленіи. Къ сожалѣнію у меня есть подъ руками прямое указаніе только на одинъ подобный случай, менѣе характерный (См. Русск. Вѣдом. 1885, № 282, изъ с. Чернаго Лѣса, Ставроп. г.).—Можетъ быть, на основаніи дѣйствительнаго факта чешскій поэтъ *Hálek* написалъ стихотвореніе «*Dva bratr'i*», гдѣ старшій братъ уступаетъ свою жену младшему, который сталъ съ ней жить, пока тотъ былъ въ походѣ, а самъ возвращается на войну и погибаетъ. Ср. еще народн. пѣсню юго-западн. славянъ въ сборникѣ «*Ilirski slovenci*», изд. въ Загребѣ Станко Вразъ (1839), т. I: *Narodnie pesni ilirske*, стр. 119 (*Ljubezen do dvuh bratov*).

Вар.: Шейнъ, блр., 274. № 519; *Kolb.* IV. № 381 (стран. 221).

Пѣсня 170.

Вар.: *Kolb.*, VI. № 113; XIII. № 375. — *Zb. w. do Antr.* VI. 157. № 161 (конецъ); ср. *Kolb.* IV. стр. 215, № 368. и XII. № 553. Чуб. IV. № 1850.

Пѣсня 171.

Это слова дѣвушки; ср. съ этимъ стихотвореніе *V. Hálka*: «*Na br'ehu*», въ отдѣлѣ балладъ (полн. собр. соч.).—Въ другихъ варіантахъ парень самъ просится къ милой въ постель, надѣясь тамъ найти облегченіе своей болѣзни. Ср. выше п. 115.

Вар.: Безсон., Блр. п., 159. № 173; Чуб. IV. № 1554, ср. V. 35 (83). 113 (249). 153 (323); Демб., 590. № 42; *Wacl. в Ol.* 48 (Сах. IV. 422), 201 (155); Де-Вол. 43, 201 (89), 215 (4); Дешко, нар. пѣс., посл. погов. на Угор. Руси (въ Запис. Р. Геог. Общ. по отд. Этн., I, 1867 г.), 684, № 41;

1) Ср. поэму Небескаго „Protichůdce“. Разборъ ея въ журн. „Osvěta“ 1883, I, стр. 33 и далѣе, гдѣ указана отчасти литература, относящаяся къ повѣрію о чумѣ-дѣвицѣ, стр. 35, выноска.

Kolb., *Pok.*, I. № 105; *Zb. w. do Antr.*, VIII. 180. № 153.—*Zb. w. do Antr.* IV. 243. № 201; *Kolb.*, XII. № 56; *Kollár*, II. 383.

Пѣсня 172.

Вар.: *Zb. w. do Antr.* IV. 230. № 117—8; VIII. 81. № 56.

Пѣсня 173.

Вар.: *Kolb.* XII. № 317 (4); XIII. № 283.

Пѣсня 174.

Вмѣсто «*roczek*» въ послѣдн. стихѣ слѣдовало бы поставить «*rok sie*ⁿ», потому что, конечно, здѣсь требуется возвратный глаголъ «облизываться»; о пропускѣ мѣстоим. ср. прим. къ п. 34. — «Лбни» (стихъ 1) всегда употребляется корничанами въ знач. *льтось*, въ прошломъ году, откуда «позалбни», въ третьемъ году.

Вар.: *Sborn. mat. slov.*, II. 107; *Kolb.* XIII. № 221, 411; *Lipin.*, 93; *Zb. w. do Antr.* VIII. 112, № 282; Чуб. III. 161—2.

Пѣсня 175.

Въ обыд. рѣчи корницкихъ малоруссовъ употребляется выраженіе «да(ва́)ти буси», т. е. позволить поцѣловать, подставить щеку, а иногда также и поцѣловать; говорится почти исключительно по отношенію къ маленькимъ дѣтямъ.

Пѣсня 176.

Пѣсня напоминаетъ малорусскую:

Дівчино, люблю тебе,
Не іжъ хліба—возьму тебе (Чуб. V. 1109, № 16, ср. *id.* 115, № 251);

или: Хтилбы я ся женытойки,
Хтилбымъ жинку маты,—
Прыйде зыма, сина ныма,
Ничимъ годоваты. (*Żeg.* II. 167, № 10),

Въ другихъ варіантахъ желаніе представляется исполнившимся: Богъ посылаетъ такую жену, которую можно кормить соломой.

Вар.: Чуб. V. 1109; № 16; *Zeg.*, II. 167. № 10 (рус.); *Zb. w. do Antr.*, VIII. 93, № 140; *Erben*, 385, № 6; «*Slavia*» *Nár. pis.*, № 187.

Пѣсня 177.

Ср. *Zb. w. do Antr.* VIII. 96. № 156 (конецъ).

Пѣсня 178.

«*Dla poletyki*» (вм. *polityki*) понимается поющими въ смыслѣ: для особенныхъ, торжественныхъ случаевъ, ради праздника и т. п.

Послѣдняя строфа напоминаетъ одно мѣсто изъ блр. пѣсни:

А чаму жь ты, дзяучинушка, первяй не казала,
Якъ ты одъ мяне подаруночки брала, и пр.
Безсон., 160, № 174 (9—10);

а еще ближе къ этому окончанію угро-русская (верховинская) п.:

Ты, дурный, дарунки давалъ,
Я разумна брала;
Ты вже мыслилъ, что тя люблю,
А я ся смѣяла. (Де-Вол. 201, ср. 246).

Пѣсня 180.

«*Plis*»=*flis*, собственно сплавщикъ лѣса; здѣсь въ смыслѣ *flisowstwo*, гонка лѣса, бурлачество.— Эта пѣсня, кажется, одного происхожденія съ другою, не вошедшею случайно въ мой сборникъ.

Одинъ поле оре (*v*... воду несе)
Други кони пасе,
Трети сидитъ на камени,
Держитъ... (*v.* дуду) на рамени
(Корница, *нап.* № 10).

Это передѣлка польской пѣсни, перешедшая и къ бѣлоруссамъ и распѣваемая между прочимъ Д. А. Славянскимъ на бѣлорус. языкѣ. Выраженіямъ: «поле оре, кони пасе» (подраз. у дѣвушки) и «держитъ на рамени» (ремешкѣ, въ поль. «*na ramieniu*»—на плечѣ, и «*na rzemyczku*») дается переносное значеніе, и вся пѣсня получаетъ такой же смыслъ, какъ и пѣсня о зашиваніи передника дѣвушки тремя парнями (посѣщеніе одной 3-мя):

Spadla z wis'ni, widzielis'my,
J rozdarla fartuszeczek—zszywalis'my:
Jeden zszywal drugi trzymal,
*A ten trzeci ne*ⁿ*cil, kre*ⁿ*cil (v. nici kre*ⁿ*cil) i umglival.*

(*Kolb.* IV. № 201—2, XI, № 92; *Kollár.* I. 131, № 8; *Zb. w.* II, 58, № 47).

Нѣкоторые варіанты намекають на какую-то бабу, у которой было три сына:

Было у бабы три сыны—Ухъ-я!
А уси жь ины Васили—Ухъ-я!
Адзинъ поле арець—Ухъ-я!
Другій кони пасець—Ухъ-я!
Треццій сядзиць на камини—Ухъ-я!
Дзяржиць дуду на ремини—Ухъ-я! и пр.
(Демб. 582, № 1).

Въ словацкой п.: «*Stara baba zlá troje dieti má*» (*Koll.* I. 271, № 3); въ другихъ варіантахъ матерью этихъ троихъ дѣтей называется «*pstra kokoszka*» (*Kozl.* 162), «*kaczka pstra*» (*Miodusz.*, *Pastor.*, 86, № 38), «*pstra sroczka*» (*Kolb.* VI, № 412—3). Можно думать, что всѣ эти пѣсни имѣютъ миѳическую подкладку.

Вар.: *Kolb.* III, № 20 (стр. 258), VI, № 233—5, IX, № 99, XII. № 70—1; *Kollár.*, I. 192, № 17; *Lipin.* 125; *Gloger, Krakowiaki, etc.*, № 438.—Демб. 582, № 1; Шейнъ, блр.,

28 (57—8), 265 (470); *Rypin*. 223. *Žeg.*, II. 106, № 8 (рус.); *Kolb.*, II. № 184, 295 [1]), VI. № 412—3, XII. № 610; *Kozl.*, 162, XII; *Kollár.*, I. 271, № 3; *Miodusz.*, *Pastor. i Kol.*, 86, № 38 (и въ безчисленн. ченстоховскихъ перепечаткахъ подъ тѣмъже заглавіемъ).

Пѣсня 181.

Ср. угро-рус. п.:

Ой не ходи ты до той,
До которой я хожу,
Ой бо я тебѣ стежиньку
Терньомъ загорожу, и пр.
(Де-Вол. 80,206).

Вар.: *Kolb.* XIII. № 317.

Пѣсня 182.

Вар.: *Zb. w. do Antr.*, VIII. 109, № 244.

Пѣсня 183.

Въ послѣднемъ стихѣ вм. «*wzieli*» можно бы сказать «*wzieni*» въ риѳму съ «*sieni*», какъ нерѣдко говорятъ поляки (ср. *Kolb.* XVI. № 239, 221, 223, III. № 61 и пр.). Но такое видоизмѣненіе обусловливается сильнымъ развитіемъ носовой гласной, и слѣдовательно оно возможно только въ устахъ природнаго поляка. Корничане въ данномъ случаѣ носовую гласную произносятъ какъ чистую (*e*), поэтому для нихъ и невозможна форма «*wzieni*».— Вторая строфа напоминаетъ бѣлор. свадебную п.:

Топотъ, кони, топотъ.
А вязёмъ у двору (?) клопотъ...
....Ни спечь (?) ни зварицъ,
Тольки полъ завалицъ. (Демб. 576, № 280).

Вар.: *Gloger*, *Krakowiaki*, № 431; *Sborn. slov. Mat.* II. 120 (6); *W. z Ol.*, 122 (153), 168 (595).

Пѣсня 184.

Ср. *Gloger*. *Gody etc.*, 10, № 14.

Пѣсня 185.

Вм. *umiała* лучше было бы *chciała*, какъ въ вар.

Вар.: *Kolb.* III, № 61; *Kollár*. I. 267, № 1.

Пѣсня 186.

По поводу кобылы, полученной въ посагѣ и съѣденной волками, можно припомнить слова, обращаемыя къ куму на болгарск. свадьбѣ, когда онъ обѣщаетъ невѣстѣ въ даръ корову, овцу и т. п.: «Если подарокъ твой отъ души, говорятъ куму, то пусть отъ одной наплодится тысяча, а если нѣтъ, то пусть волки ее ѣдятъ!» (Сб. матер. по Этн., I, 41. Моск. 1885). Извѣстенъ предразсудокъ, что если кто, продавъ скотину, жалѣетъ ее, тоскуетъ по ней, то купившему она не пойдетъ въ прокъ: она или околѣетъ, или волки ее съѣдятъ.

Вар.: *Gloger*, *Kujawiaki etc.* № 144; *Wojc.* I. 180; *Zb. w. do Antr.*, II. 116 (217), IV. 173 (348), VI. 133 (84), 145 (110); *Kolb.*, III. № 50, 91, VI. № 115, 885. Ср. слѣд. пѣсню.

Пѣсня 187.

Вар.: *Wojc.* I. 185, II. 377; *Kozl.*, 291 (154); *Gloger*, *Kujawiaki etc.*, № 145, *Zwycz. dor.*, 64—5; *Kolb.* IV. № 430; *Zb. w. do Antr.*, VI. 133, № 83; *Kollár*, I. 249 (28), II. 113; *Suš.* № 801. Де-Вол. 212 (5).—Ср. предыд. пѣсню.

Пѣсня 188.

«Рогатая» (ст. 5) -въ смыслѣ: натопыренная, недоступная, гордая, какъ и пояснено въ слѣдующемъ стихѣ (пышна); ср. вар.:

Богатая *спісивая*,
Все буде гордитьця (Укр. піс., Валліноі. № 27).

Въ другихъ случаяхъ «рогатый» можетъ принимать значеніе: «задорный, упрямый» и т. п. Всѣ эти значенія соединяются въ влр. поговоркѣ: «мужикъ богатый—что быкъ рогатый».

Появленіе въ народной рѣчи сравненія «богатъ—рогатъ» вполнѣ объясняется бытовою жизнью и взаимными отношеніями между богатыми и бѣдными. Впослѣдствіи, благодаря тому, что вышеприведенная формула «богатъ—рогатъ» твердо укоренилась въ языкѣ народа, словомъ «рогатъ», взятымъ отдѣльно, приводилось на память и другое, при томъ созвучное ему слово «богатъ». Поэтому, напр., когда бабы дѣлаютъ изъ тѣста большой коровай и сверху налѣпливаютъ разныя украшенія и символическія фигурки, отчего коровай дѣлается какъ бы растопыреннымъ,—онѣ поютъ:

Я и рогатъ и богатъ
У малую дверь ня улѣзу.
(Шейнъ, бѣр., 340, № 612, ср. № 614).

Этимъ хотятъ сказать только то, что большой и притомъ «рогатый» коровай очень трудно всадить въ печь, такъ чтобы не повредить его; но со словомъ «рогатъ» вспоминаютъ созвучное ему и часто рядомъ съ нимъ употребляемое (въ сопоставленіи «богатъ—рогатъ») слово «богатъ», которое къ тому-же служитъ очень подходящимъ эпитетонъ къ короваю, и такимъ образомъ получается обратная форма сопоставленія: «рогатъ—богатъ», которая для проф. Н. Сумцова, между тѣмъ, служитъ однимъ изъ косвенныхъ доказательствъ того, что коровай въ свад. обрядахъ замѣнилъ собою жертвоприношеніе коровы, чѣмъ объясняется и самое его названіе («Хлѣбъ въ обряд. и пѣсн.», 123—4; «Религіозно-миѳ. знач. млр. свадьбы», Кіев; Стар, 1885, мар., 429).

[1]) Kokosecka patra cworo dziatek ma...; въ другихъ вездѣ упоминается 3.

Вар.: *Kolb.*, *Pieśni etc.* I. 376. № 218. *Lud.* II. № 46; *Kozl.*, 113 (39), 121 (48), *Zb. w. do Antr.*. II. 70. № 72; Шейнъ, блр., 203. № 343; *Kollár*, I. 222 (5); *Smol.* и *H.* I. № 271—2; Баллін., № 27; Бесѣда, VIII. 24.

Пѣсня 189.

Вар.: Чуб. V. 1140, № 113; Ватюшк. 408; Демб., 574, № 249; Шейнъ, блр., 276, № 525; *Zb. w. do Antr.* VII. 204 (53), 219 (107), VIII 54 (135), 219 (265); Закр. № 139.

Пѣсня 190.

Вм. «помужнйци» въ обыд. рѣчи было бы «пóмóцници» (помоцниця, помоцникъ); помощь — «помучъ» и «помоцъ» (польь). О чечевицѣ ср. прим. къ п. 207.

Вар.: Закревск., № 63; Чуб. V. 1141 (117), 1189 (239); Батюшк. 418; *Zb. w. do Antr.* VII. 198 (39); Сах. IV. 440 (млр.); Терещ. II. 557—8; Шейнъ, блр., 264 (468), влр. 200 (55).

Пѣсня 191.

«Комаріе» явилось (въ риѳму съ «на горіе») вм. «журавліе», какъ находимъ въ варіантахъ; это болѣе умѣстно здѣсь, потому что и дальше упоминаются птицы (гуси). Напротивъ, въ великорусской п. совершенно правильное противоположеніе.

На горѣ *комарики*,
Подъ горою *мошки*... (Шейнъ, 240, № 203).

Въ латышской пѣснѣ журавлямъ уподобляются дѣвицы: «Журавли кричатъ, дѣвицы поютъ на берегу мутной рѣки: журавли кричатъ—ихъ не стрѣляютъ, дѣвицы поютъ—ихъ не ведутъ» (=замужъ). Спрог. 101.

По поводу слова «комаріе» въ нашемъ варіантѣ приведемъ слѣдующую пѣсню, о которой упомянуто уже въ прим. къ п. 35:

Комары гудуть—дощи будуть,
Де тоби, Иванку, ночлиги будуть?
У Семена підъ лавкою
Зъ Матрусею коханкою (*Zb. w. do Antr.* VII. 152, № 8).

Комары предвѣщаютъ дождь, отъ котораго можно укрыться только у милой. Можетъ быть, подобная связь понятій была отчасти причиною упоминанія комаровъ и въ нашей пѣснѣ, гдѣ парень никуда не хочетъ ити, какъ только къ своей дѣвушкѣ.

Вар.: Чуб. IV. № 1583, 1806; *W. z Ol.*, 391; *Zb. w. do Antr.* VII, 239(156), 238(237—240); *Żeg.* II. 167 (рус.); Шейнъ, блр. 51, № 97 (конецъ) и 266, № 477, ср. влр. 240, № 203; *Rypin.* 172.

Пѣсня 192.

Вар.: Чуб. V. 25—6; *Wacl z Ol.*, 182(9), 189 (69), 297 (122)=Гол. I. 314; Закр. № 64; *X. Sadok Baracz*, *Bajki etc. (Tarnopol, 1866)*, 242 № 9; Бес. XI. 39; Шейнъ, блр., 343(620), 203(343), влр. 222(169); Студ., 75(7); *Zb. w. do Antr.*, VII. 181(32).

Пѣсня 193.

Похожее начало въ млр. п., ср. *Zb. w. do Antr.* VII. 224 (133); Гол. II. 376; Чуб, IV. № 1783.

Пѣсня 194.

Вар.: Чуб. IV, № 988, 1869; V. 1129, № 86; Шейнъ, блр. 266, № 478; *X. Sad. Bor.*, 244, № 13; *Zb. w. do Antr.* VII. 222 (123).

Пѣсня 195.

Сопоставленіе «*жаръ—жаль*» и подобныя ему по значенію постоянно повторяются въ народныхъ пѣсняхъ, какъ малорусскихъ, такъ и великорусскихъ, нпр.:

Жаръ [1]), маты, капустыцю,
Жаръ, маты, бураки;
Жаль мени покидаты
Запорозькихъ козакивъ (*Zb. w. do Antr.* VII. 194, № 25).

Жарко-жарко въ теремѣ свѣчи горятъ....
Жалко-жалко плакала красна дѣвица душа. (Рыбн., III. 356, № 5).

Еще примѣры: Терещ. II. 212, Шейнъ, влр., 559 (3), блр. 345 (630); Демб., 552 (48 и далѣе № 226, 231, 263), 664 (1); Метл., 227; *Zb. w. do Antr.* II. 200 (43), 262 (5); Чуб. IV. № 1145.

Сближеніе понятій *жаръ* и *жаль* — имѣетъ свое основаніе въ языкѣ, какъ и *горѣть—горе* (Ср. Потебни, О нѣкот. симв., 20, 24 *et pass.*; см. его-же Объясн. п. 174—5); ср. выше сопоставленіе: печина—причина (влр. кручина), пѣс. 147, прим.

Но уже на простомъ созвучіи основаны такія риѳмы, какъ нпр.:

Милый руку больно жалъ,
Появился въ лицѣ жаръ.

(Изв. Об. л. Ест. XXX. 2. 82 и 102; Шейнъ, влр., 191, № 46; Якушк. стр. 649, № 176 и стр. 689, № 57; Студит., 75, № 7).

Вар. Шейнъ, блр. 478, № 77; Баллін. № 8; Метл. 16, 39; *Zb. w. do Antr.*: VII. 226 (143); Гол. II. 283 (206), 358 (600), IV. 464(155).

Пѣсня 196.

Вар.: Чуб. IV. № 1520; *Kollár* I. 293. № 6. (строф. 4) и 342, № 26.

[1]) Въ подлинникѣ въ обоихъ случаяхъ напеч. szar.

Пѣсня 197.

Объ этой пѣснѣ см. Потеб., Объясн. пѣсень, 53—4; о сопоставленіи «заперти—смерти» ср. его-же, О мие. знач. нѣкот. обряд., 68. (вынос. 224).

Вар.: Чуб. V. 197. Гол. I. 293 (= *W. z Ol.* 381, № 228), II. 257 (58). 281 (195), 345 (538); *W. z. Ol.*, 283 (105); Метл. 62—3; Де-Вол. 51; Закр., № 170; *Žeg.* II. 202, № 2 (рус.); Кулішъ, Зап. о Ю. Р., II. 250 (18).

Пѣсня 198.

Здѣсь разумѣется кукурузная палочка, невылущенная, о чемъ ср. прим. къ п. 114.

Вар.: Чуб. IV. № 1706, V 263, № 517.

Пѣсня 199.

«Рубить-любить и брать за себя», обычное сопоставленіе, какъ и «заломать — за-мужъ взять», «зогнулася — полюбилася», «сичена—звинчана» и т. п. (ср. прим. къ пѣс. 55). Согласно съ этимъ поется:

У горόдi бузина *перерубленая*,
Одступися, препоганий,— я *полюбленая*
(Чуб. V 176, Закревск. № 95).

Руби, руби, молодецъ,
Куда дерево клонится;
Отдай, отдай, батюшка,
Куда за-мужъ хочется
(Шейнъ, влр., 98, № 34).

Ссѣку сосну зеленую....
Возьму жену молодую.
(*Ibid.* 357. № 91).

Де калинка *зтята*,
Тамъ молоденька *взята*.
(Чуб. IV. № 1247=Лоз. 124).

Съ отрицаніемъ: «не рубай—не бери» (за-мужъ), въ пѣснѣ 203, ниже; или рѣже: не руби — зачѣмъ взялъ? нпр.:

Не рубай, не рубай
Зеленаго дуба;
Нашто ты мене бралъ,
Кедь я тѣ не люба?
(Де-Вол. 235, ср. 37 и 244, № 31).

Вар.: Свад. пѣс. Бѣлоруссовъ, № 67.

Пѣсня 200.

Вар.: Чуб. V. 110 (239), 118 (254), 130-1, Закр., № 50; *W. z Ol.*, 354 (191), 384 (235); *Zb. w. do Antr.*, VII. 169 (4), ссыл. на *Kolb.*. *Pokucie* II. № 192, 209; Луна, укр. альман. I. стр. 35 (Кіевъ, 1881); Де-Вол. 238 (10), 88 (конецъ).

Пѣсня 202.

Нѣкоторые изъ поющихъ принимаютъ всю эту пѣсню за слова мужчины, обращенныя къ женщинѣ; другіе же видятъ въ двухъ послѣднихъ стихахъ отвѣтъ женщины, которая очень смѣло сама предлагаетъ своему собесѣднику, чтобы онъ пустилъ коня пастись на ея лужайкѣ (такъ понимается неупотребительное въ разговорѣ и не встрѣчающееся больше слово «пульвинокъ;» вѣроятно, это искаженіе вм. «барвинокъ»), тогда какъ при первомъ толкованіи мужчина проситъ объ этомъ. Подъ конемъ здѣсь подразумѣвается самъ мужчина, откуда «пасти коня у дѣвушки—наслаждаться любовью съ нею». Срав. польскую пѣсню:

Dana moja, dana,
Nie chce konik siana ...
Woli on se obrocek,
Podusecke pod bocek (*Zb. w. do Antr.* IV. 226, № 75); такой же намекъ и въ блр.:

Пущу коня у долину,
А самъ молодъ пойду къ дзѣуца у парину.
(Безсон., 140, № 146, ср. Свад. п. Бѣлор. № 31).

Ср. жалобу дѣвушки на парня, что его конь оторвался отъ привязи, ворвался въ ея цвѣтникъ или огородъ и все вытопталъ и переломалъ, нпр. Шейнъ, влр. 360 (№ 97—9), Рыбн. III, 446, № 46, ср. Варенц. 175, № 18,

Вар.: Гол. II. 311 (356); *Zb. w. do Antr.* VII. 241 (271).

Пѣсня 203.

Неясно, имѣетъ-ли здѣсь «кукуоль» какое-нибудь символическое значеніе, или же онъ упомянутъ только ради риомы. Это растеніе не пользуется уваженіемъ. «Кукіль — чортова земля», говорятъ около Чернигова (см. преданіе въ сборн. М. Драгоманова. Малор. нар. преданія и разск., Кіевъ, 1876, стр. 14—15). Плевелы, посѣянные, по евангелію, врагомъ человѣка среди пшеницы, обозначаются по-польски словомъ «*kaᵘkol*. Собирать цвѣты этого растенія, а тѣмъ болѣе разгрызать его зернышки—не годится, чтобы не приключилось какое-нибудь горе, головная боль и т. п. (Корница). Согласно съ этимъ, можетъ быть, въ словацк. пѣснѣ «*kúkol—žial*:»

Neni tej pšenice w kterej kúkol neni,
Neni staw manželsky' w kterém žialu neni.
(*Koll.* I. 256, № 27).

Вѣроятно, и «виночокъ зъ коколю» имѣетъ печальное значеніе:

Ходыла дивочка по полю,
Звыла соби виночокъ зъ коколю.
(Метл. 138).

На основаніи этого, можетъ быть, въ нашей пѣснѣ «не зьбирай куколю» значитъ приблизитель-

но то-же, что «не задавай серцю туги»; не лишай дѣвицу веселья, приволья, беззаботной жизни въ дѣвичествѣ; такое-же значеніе и слѣдующей строфы.

Впрочемъ, такой взглядъ на куколь не общераспространенный, и въ самой Корницѣ дѣти вьютъ вѣнки изъ его цвѣтовъ, такъ какъ они очень красивы (фіолетово-розовые); но для украшенія иконъ, стрѣхъ (на канунѣ Иванова дня), дожиночныхъ «козъ» или «бородъ» и т. п. куколь никогда не употребляются.

Съ другой стороны куколь — трава сорная, безполезная. Отсюда собираніе куколя — напрасный, безполезный, непроизводительный [1]) трудъ, что въ пѣснѣ сравнивается съ напраснымъ ухаживаніемъ, которое не можетъ увѣнчаться успѣхомъ («не твоя дівчина!»). Куколь не собираютъ, а стараются отъ него избавиться, выбрасываютъ вонъ съ презрѣніемъ:

Сварилася пшениченька
Съ куколемъ на поленьку:
Ой ты, чорний [2]) коколеньку,
Не стій ти на поленьку,
Бо тебе за плітъ вергуть,
А за мене коровай плещуть.
(Основа 1862, IV. 12; Гол. II. 638).

Въ этомъ отношеніи его можно сблизить съ укропомъ (и ромашкой), про который поется:

Ой не рости, кропе,
Не рости, зелёны,
Коло мого города 2. [3]).
Бо я тебе, кропе,
Я тебе, зелёны,
Вырву й за плуотъ выкину 2.
Ой не ходи, стары,
Не ходи, невдалы,
Коло мого города 2.
Бо я тебе, стары,
Я тебе, невдалы,
Зъ дамныхъ лiетъ не любила 2.
Бо я твуой слидочокъ 2.
Каменёмъ [4]) привалила 2.
Я твуой голосочокъ 2.
Зо псами проводила 2. и пр. [5]).

---

[1]) Самый куколь, растущій въ изобиліи, указываетъ между прочимъ на безплодность или по крайней мѣрѣ малую производительность почвы:

А на тій же Украіні жито та пшениця,
А на тому та Поліссі кукіль та мітлиця.
(Чуб. V. 790).

[2]) По цвѣту сѣмянъ, а не цвѣтковъ.

[3]) Въ другихъ вар. лучше: „високо тай *у юроді*“.

[4]) *Или*: камiенёмъ (отъ собират. — камiене) камiеньми, каменiами.

[5]) Запис. мною въ Корницѣ; здѣсь привожу не все. Ср. Чуб. III. 141—2; Лисенко, *Молодощи*, 44 (Кіевъ 1875); Zien'kiewicz, Piosen. gm. ludu Pin'sk. 202; Печерскій, „Въ лѣсахъ“ III. гл. 6; Мегл. 115—6; Де-Вол. 229 (13), 38; ср. также прим. къ п. 4.

Выбрасываемый вонъ укропъ — образъ немилаго, отъ котораго желаютъ отдѣлаться (ср. Пот., Об. п. 170—1). Такое-же значеніе можно соединять отчасти и съ куколемъ въ нашей пѣснѣ.

«Не рубай — не бери», ср. п. 55 и 199, прим.

Вар.: Чуб. IV. № 1870; Гол. II. 309, 553—4, III. 428—9; *W. z Ol.* 186 (40); *Rypin.* 175; Де-Вол., 244 (31), 93.

Пѣсня 204.

«Трасьцi рукавомъ» здѣсь, кажется, въ смыслѣ: махать рукою для призыва, какъ въ вар.:

Не ходи холостъ поздно вечеромъ,
Поздно вечеромъ вдоль по улицѣ....
Не маши холостъ рукой правою
Не отсвѣчивай золотымъ перстнемъ....
(Сах. IV. 75, № 48).

Но рукава отъ старыхъ рубахъ часто также служатъ вмѣсто мѣшковъ для муки, крупъ и т. п., иногда и для денегъ, и такъ какъ дальше въ пѣснѣ упоминаются именно нѣкоторые припасы, которыми ухаживатель будто-бы старается склонить свою возлюбленную, то, можетъ быть, подъ рукавомъ разумѣется и мѣшокъ. Бѣлоруссы, по словамъ г. П—ова (Всемір. Илл. 1879, 431. б), «рукавомъ» называютъ аршина 2 тонкаго холста, связаннаго тесемкою, что составляетъ подарокъ женщинамъ мужниной родни отъ невѣсты (мужчинамъ — платокъ съ опояскою). Ухаживатель — дворакъ, т. е. служащій на панскомъ дворѣ, изъ дворни.

Вм. «не *стойи*» (въ разговорѣ очень рѣдко, правильная форма «*стуой*»), вѣроятно, было прежде что-нибудь другое, напр. «не ходи», какъ выше въ вар., или какъ напр. въ угро-рус. п. сходнаго размѣра:

Не ходи по-при насъ,
Не патри во дворъ нашъ,
Во въ нашимъ дворѣ
Нѣсть фраирки тебѣ, и пр.
(Де-Вол. 188, № 37), съ чѣмъ ср. мар. свад.:

Ой, не стукай, вражий сину, не стукай,
Да йди собі иншоі пошукай, и пр.
(Лисенко, Збірник, III. № 28); еще одна великор. п. начинается такъ:

Не стучи подъ окномъ,
Ступай прямо въ хату (съ мар.?)
(Шейнъ, 96, № 30, Твер., ср. № 32; дальше содержаніе, какъ у Чуб. V. 1108, № 12).

Пѣсня 205.

Что разумѣетъ здѣсь народъ подъ чернымъ псомъ, которымъ женщина пугаетъ въ шутку своего посѣтителя, это ясно изъ игриваго галицкаго варіанта (Гол.). Эта пѣсня въ той формѣ, въ какой мы ее находимъ въ Бѣльск. уѣздѣ (Чуб.) и еще кое-гдѣ, напоминаетъ вар. общеизвѣстную: «Кума-

нечекъ побывай у меня!» мир.: «Дивка въ синяхъ стояла, на козака моргала» (сб. Едлички, № 20), съ многочисленными вар. (Чуб. V. 390; Безсон., блр., 55, № 98; Студ., 81, № 12; Якушкинъ, 593; № 63; *Kolb.*, II. № 178, VI, № 146, 320, 331; *Suš*, № 812; *Kollár*, I. 190; *Smol. u H.* I. № 183, ср. № 230; Чуб. V. 193, № 390; *Zb. w. do Antr.* IV. 174, № 350, и пр.). Ср. выше прим. къ п. 36.

Вар.: Чуб., V. 1117, № 41; Батюшк. 416; Гол. I. 328 (= *W. z Ol.* 408); *Zb. w. do Antr.* VII. 216, № 89.

Пѣсня 206.

Вар.: Чуб. V. 175 (360); *Rypin'.* 129—130.

Пѣсня 207.

Чечевица (сачевиця) собственно никогда не служитъ на корню пастбищемъ для скота; только ея солома употребляется для корма; зерна (немолотыя) идутъ въ похлебку вм. крупы. Чечевица въ пѣсняхъ называется несчастливою; нпр.: Чуб. V. 667: мужъ боится, чтобы какой-нибудь поклонникъ не принесъ его женѣ, въ его отсутствіе, «теі *безсчастноі* чечевицi мішокъ» и не обошелъ бы ее (какъ Іаковъ Исава?). Въ нашей пѣснѣ дѣвушка сходится съ парнемъ, (котораго потомъ надуваетъ) въ то время, когда пасетъ воловъ на чечевицѣ. — Это растеніе упоминалось уже выше, въ п. 190.

«Заросиламся по поясицю» съ переносным значеніемъ, какъ въ польск. пѣсняхъ: *Zb. w. do Antr.* VI. 127, № 71; *Kolb.*, VI. № 319, XII. № 385, ср. также *Erben*, 191, № 367. — Та черта народныхъ пѣсенъ, что утратившіе цѣломудріе, какъ мужчина, такъ и женщина, представляются «заросившимися», замочившимися (отъ росы), находится, можетъ быть, въ связи съ представленіемъ брака переправой черезъ воду; но это еще легче объяснить себѣ чисто реальною дѣйствительностью народной жизни: тайныя любовныя свиданія происходятъ въ народѣ большею частью при такихъ условіяхъ, что по неволѣ уликою является замоченное платье; если и тамъ, гдѣ жизнь обставлена бо́льшими удобствами, участница ночнаго свиданія нерѣдко принуждена огорчаться тѣмъ, что

Промочила ножки и хоть выжми шубку.... *), то тѣмъ болѣе это примѣнимо къ крестьянской жизни. Отсюда, женщина, склонная къ потаскушеству, и мужчина, занимающійся предосудительнымъ волокитствомъ, узнаются по замоченному платью или по мокрой обуви, нпр. Де-Вол. 75, 233, 266—7. Въ виду этого, можетъ быть, не безсознательна такая риема въ угро-рус, п.:

Не ходи ми коло лому
Тай коло *мочила*,
А бы мати не казала,
Што'мъ тя *зволочила*, и пр.
(Де-Вол. 237).

Послѣдніе 4 стиха корицкой п., повидимому, перепутаны. Мысль какъ будто та, что какъ *онъ* за извѣстною работой представляетъ себѣ и *ее* за такою-же работой, такъ и *она* представляетъ себѣ *его*; но въ такомъ случаѣ, предпослѣдная строфа должна была бы читаться такъ:

Я ёго спомену волы пасучи,
Вуонъ мене спомене воду несучи;

или-же, оставляя эту строфу, какъ она есть, слѣдовало бы сдѣлать соотвѣтственныя перестановки въ послѣдеей строфѣ.

Кромѣ того, «пасучи» и «несучи» можно понимать не какъ обстоятельства времени (вспомню въ то время, когда буду пасти и пр.), а какъ причастія въ вин. п., относящіяся къ мѣстоименіямъ «ёго», «мене» (его пасущаго, меня несущую воду), какъ нпр. въ блр. п.:

Ѣздзиу до дзѣвочки у ночи,
Застау дзѣуку не *спючи* (=не спящею)
Тонку кошулю *шіючи*,
Сильненько жалосно *плачучи*.
(Безсон., 31, № 54).

Вы бѣжите-тко на широкъ дворъ, (говоритъ жена Соловья разбойника дѣтямъ, видя, что Илья ведетъ связаннаго мужа):

Тамъ здымайте подворотенку....
А убейте мужика (=Илью) да на проѣздѣ тутъ....
Увидалъ же тутъ да Соловей Рахматовичъ
Подворотенку *здымаючи*.... (и отсовѣтовалъ имъ это дѣлать), Гильф., Он. был. № 3.

Такіе обороты свойственны и польской рѣчи, нпр.: *Brata mi zabili na wojne ida°cy»* (т. е. идущаго, когда онъ шелъ), *Kolb.*, VI. № 251; точно также и въ малорусскомъ возможны такія соединенія.

Вар.: *Kolb.*, *Pieśni etc.* I. 385, № 251 (сход. съ началомъ нашей пѣсни); Де-Вол. 37 (къ 3-й строфѣ).

Пѣсня 208.

«Похилилися—полюбилися». Два дерева, наклоняющіяся одно къ другому, служатъ въ народн. поэзіи символомъ парня и дѣвушки, питающихъ другъ къ другу склонность, сердечное влеченіе, что́ и выражается выше указанною ассоціацiей. (Ср. Потебн., Объясн. пѣс., 3—6).—«Полёване»—охота (*polowanie*). «Протерла оченьки» не себѣ, а ему, т. е. утерла слезы.

Конь—самъ молодецъ (прим. къ п. 202), отсюда понятно, что напоить коня значитъ утолить любовную страсть; вотъ почему дѣвушка отвѣчаетъ: «не стану поить, — я не жена тебѣ». О сопоставленіи «пить — любить» ср. Потеб. О нѣкот. симв., 12, слѣд.

*) Некрасовъ. *Буря.*

Платочекъ (*chusteczka*), спасающій дѣвушку отъ гибели, не что иное, какъ свадебный подарокъ жениху, т. е. единственнымъ исходомъ установившихся отношеній долженъ быть бракъ.

Вар.: Чуб. V. 726, № 323 (нач.), ср. *id* 159 № 331. В.; Якушкинъ, 568—9, № 17—6 (начало), Бесѣд. V. 111. — *Kolb*. XII. № 126—8, VI. № 194; *Zb. w. do Antr.*, IV. 133, № 114; *Suš.*, 262.

Пѣсня 209.

Вар.: Гол. III. 309, № 30 (= *Żeg.*, II. 127, № 35, рус.); Чуб. V. 271, № 533; Де-Вол. 211 (2); *Kollár*, I. 341. № 21.

Пѣсня 210.

Вар.: Чуб. V. 1147, № 136; Закр. № 22; Гол. I. 223 (50), 314 (139)=*W. z Ol.* 218 (9); Де-Вол. 43, 44, 129—130; *Zb. w. do Antr.* VII. 205, № 58; *Kollar*, I. 81, № 27; *Suš.* № 650. Вѣстн. Евр. 1879, февр., 453, № 14 (сербск. мелодіи, перев. А. Орлова, изъ В. Карадж.?)

Пѣсня 211.

Вар.: Чуб. V. 1122—3, № 62; *W. z Ol.* 215 (3); Закр., № 128; *Rypin.* 130; Терещ. II, 563; Свад. п. Блр., № 50.

Пѣсня 212.

Вар.: Закр., № 25; Терещ., II, 547; *Zb. w. do Antr.* VII. 189, № 13; Бесѣд. V. 104-5.

Пѣсня 213.

Вар.: *Kolb.* XIII. № 342; *Lipin* 99.

Пѣсня 214.

Первые 2 стиха искажены, потому что не согласуются съ дальнѣйшимъ содержаніемъ; вторая строфа — отвѣтъ дѣвушки, а въ первой должны быть слова парня, какъ напр.:

Chodzi po sieni,
Rence w kiesieni,
Cekej ze mnie, moja Kasiu и пр.
(*Zb. w. do Antr.*, IV. 255, № 243).

Пѣсенъ подобнаго склада очень много; отдѣльныя строфы этой пѣсни встрѣчаются тамъ и сямъ. Тема, развивающаяся здѣсь, принадлежитъ къ очень любимымъ; это варіація того мотива, о которомъ упомянуто въ предварительномъ замѣчаніи къ п. 141—153.

Вар.: *Zb. w. do Antr* IV. 255 (243), II. 48. № 26 (стр. 3); *Gloger, Gody*, № 7, ср. № 151, № 24 (конецъ); *Sborn. slov. Mat.* I. 44. № 113; *Kollár*, I. 19, †; *Kozl.* 94—6; *Wojc.*, II. 14; *Kolb., Pieśni* I. № 6, † (строф. 24). *Lud.* II. № 49 (стр. 16), III. № 53, 71; VI. № 195—9, IX, № 66, X. № 32, XII. № 37, XIII. № 442, XVI. № 413.

Пѣсня 215.

Пѣсня записана мною отъ малолѣтней дѣвочки, чѣмъ, вѣроятно, и объясняются вставки млр. словъ. Вм. *szumieje* (стр. 5). кажется, должно быть *szalwieja* (ср. *Kolb.* XVI. № 323).

Первая строфа пѣсни сближаетъ ее съ многочисленными варіантами, о горящей липѣ, соснѣ и пр., о чемъ см. Потебни, Объясн. пѣс. 172—189. Липа горящая (*stojala* вм. *gorzala*, ср. вар.)—дѣвушка пылающая любовью, желающая замужства; утѣшающій парень — женихъ; платокъ — залогъ брака. Такой приступъ принадлежитъ собственно другимъ пѣснямъ (вар. указаны г. Потебнею [1], прибавимъ еще: *Kolb.*, X, № 129, XI. № 10; *Kollár*. I. 19; *Gloger, Gody.* № 348; *Starod. dumy* № 84; ср. также Де-Вол. 86 и 187).

Вар.: *Wojc* II, прибавл., стр. 101, № 6; *Lipin*, 214; *Erben*, 301 (36) Челак. II. 7; *Kolb.* IV. № 154, VI. № 277—8, XII. № 245-251, XVI, № 323; *Zb. w. do Antr.*, IV. 253, № 239; *Glog., Kujawiaki etc.* № 87.

Пѣсня 216.

Рута (вар. липа) предпочитается можевельнику, холостой — вдовцу; подобный же мотивъ въ пѣсняхъ, гдѣ дѣвушка бросаетъ во вдовца камнемъ и т. п., ср. прим. къ п. 4. — Окончанія не достаетъ.

Вар.: *Kolb.* II. № 146—8. IV. № 121, VI. № 246—7, XII. № 44—6, XVI. № 250; *Kozl.* 112, № 38; *Lipin.* 28; *Wojc.*, прибавл., стр. 95, № 7; *Gloger. Gody*, № 68; *Zb. w. do Antr.* II. 47; № 23; *Erben.* 279 (787); *Kallár*, I. 270, № 2, 4 *Krolmus* II. 269—270 (отчасти).

Пѣсня 217.

Пѣсня заимствована здѣсь отъ солдатъ въ очень недавнее время; она извѣстна между прочимъ, въ исполненіи капеллы Д. А. Славянскаго всей Россіи.

Вар.: Якушк. 612, № 110; Шейнъ, влр., 208, № 63; Варенц. 121, № 7; Изв. Об. л. Ест. XXX. 2. 78, № 50; Славянск.. Вечера пѣнія, вып. I. № 5; *Żeg.* II. 119 = Гол. III. 335; *Kolberg, Pok.* II. № 128, *Lud*, XII. № 126, 130, XVI. № 423; *Wojc.* II. 168; *Glog., Kujaw. etc.* № 163.

---

[1]) На стр. 181 ошибочна ссылка на *Kozl.* 59, слѣдуетъ читать 38.

Пѣсня 218.

Вар.: Чуб V. 1116, № 34, 36; 1150, № 142.— *Zb. w. do Antr.* VII, 187, № 7.—Шейнъ, блр., 270, № 496; отчасти латыш. крестинн., Сб. матер. по Этногр., I. 201—2. Моск. 1885.

Пѣсня 219.

Съ этою пѣснею горя ср. словацкія, *Kollár*, I. 60—1 (№ 16—8), 294 (№ 10) и въ моемъ сборн., ниже, п. 269, строф. 8—9.

Польскія строфы присоединены только по сходству содержанія (упоминаніе враговъ, мѣшающихъ свободной любви). Сѣяніе — зарожденіе любви; всходитъ не то, что посѣяно, или вовсе ничего не всходитъ—неудача въ любви, бракъ съ немилымъ и т. д. Такъ, въ срб. пѣснѣ дѣвушка, жалуясь, что ей не позволяютъ выйти за любимаго ею, говоритъ:

Іа босильакъ сејем, мени целен ниче.
(В. Кар. I. 438—9).

Напротивъ, если всходитъ такъ, какъ посѣяно, это значитъ любовь нашла взаимность и не встрѣтила препятствій со стороны:

Zelene som nasial, zelené mi zišlo,—
Aké dievča pytam, také za mn'a prišlo
(«*Slavia*», *Pisn. sloven.* № 527; *Sborn, sl. Mat.* II. 114, № 31).

Вар.: *Kolb.*, *Pies'ni*, I. 355, № 150, *Lud.* XII. № 308; *Wojc.* II. 235; *W. z Ol.* 138 (298); *Gloger*, *Krak.*, № 498, *Kujaw.* № 70; *Zb. w. do Antr.* II. 65, № 63, VIII. 86, № 85. *Sborn. slov. Mat.* II. 114, № 31; *Suš* 327—8; «*Slavia*», *České a mor. pis.*, 126, № 130; *Erben*, 112, № 68; В. Кар I. 439, № 609.

Пѣсня 220.

«Загáта» (стр. 2). На зиму обкладываютъ снаружи стѣны избъ и хлѣвовъ соломой, хворостомъ и т. п., это называется «загáтою» (отъ «гатить»); она обыкновенно остается нѣсколько лѣтъ неразобранною. «Въ загати» любители выпить держатъ обыкновенно бутылку съ водкой, такъ чтобы никто не зналъ; можетъ быть, кумъ поэтому приглашаетъ куму, «въ загату» для угощенія.—Въ Полтавск. губ. думаютъ, что въ этой пѣснѣ говорится о кумѣ съ кумой, которые, неся въ другое селеніе крестить ребенка, совершили грѣхъ; на мѣстѣ ихъ преступленія образовалось будто бы и озеро съ крутыми берегами, называющееся «Кумына долына», близъ Борисполя, Переясл. у. (Чуб. I, 40). Про кумовьевъ сложилось множество народныхъ пѣсенъ и разсказовъ; можетъ быть, многіе изъ нихъ, но далеко не всѣ, обязаны своимъ происхожденіемъ древнему обряду «кумиться», цѣловаться сквозь вѣнки (ср. Безсон., Блр. п., 55), который существуетъ еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи (по моимъ наблюденіямъ въ Моск. губ.; ср. также Печерск., Въ лѣсахъ, Ш. гл. 1; Сах.: «Сказанія», о Семикѣ, въ изд. 1885, II, 194—5, и др.), а также у южн. славянъ (*Krauss, Sitte und Brauch der Südsl.*, 610, 631. *Wien*, 1885). Преступная связь кума съ кумою считается не менѣе предосудительною, чѣмъ связь брата съ сестрой; подобная связь жестоко наказывается небомъ (*Krauss, ib.* 614—6). Въ вышеупомянутомъ млр. преданіи не сказано, что сталось съ преступниками. Наша пѣсня первымъ куплетомъ какъ будто намекаетъ на превращеніе кума въ розу, а кумы въ калину за содѣянный грѣхъ, чтó чаще примѣняется къ парню съ дѣвушкой, нпр. Чуб. V. 85, № 178; ср. Закр. № 70. Если такъ понимать эту строфу, то она должна составлять скорѣе заключеніе пѣсни, чѣмъ приступъ. По другой народной пѣснѣ, молодецъ, шедшій по горѣ, превратился въ тернъ, а дѣвица въ долинѣ обратилась въ калину; роза съ калиной – это мужчина съ женщиной (Бесѣда 1872, VIII. 11—2, 21—2). Очень распространенная польская пѣсня (*Kolb.*, *Pies'ni* 3—12, *Lud*, IV. № 210. XII. № 401—2; *Wojc.* I. 131, II. 170, ср его-же *Zarysy dom.* III. 235; *Wacl. z Ol.* 286; *Lipin* 131, 14; *Kozl.* 108; *Żeg.*, 143, поль.; *Zb. w. do Antr.* II. 80, № 94, IV. 212), извѣстная и въ Корницѣ, содержитъ также строфу, подобную 1-й стр. разбираемой пѣсни. Дѣвушка, разставаясь съ милымъ, говоритъ съ отчаяніемъ:

Ty pùojdziesz gùoro 2, a ja dolino,
Ty zakwitniesz rùožo 2, a ja kalino
(v. Ty bendziesz chłopcem, a ja dziewczyno) [1]).

Гора и долина, по коимъ лежатъ совершенно раздѣльные пути для влюбленныхъ, можетъ быть, обозначаютъ собою неминуемую для нихъ разлуку навсегда, какъ въ словацк. п., *Kollár*, I. 136, № 1:

Na hor cesta, na dol druhá
Rozlučme sa moja milá (lubá?)

Вар.: Чуб. I. вып. 1, стр. 40—1; IV. № 1709, 1852. Де-Вол. 144.

Пѣсня 221.

Послѣдній куплетъ ср. съ блр. свадебн.:

Мая нагайка и бьець и дзярець,
И бьець и дзярець,—плакаць ни даець.
(Демб., 575, № 265).

Пѣсня 222.

Вар.: *Kolb.*, VI. № 872. 2.

Пѣсня 223.

Вар.: *Wojc.* II. 198 (29); *Gloger*, *Krak.* № 429; *W. z Ol.* 176 (761).

[1]) Изъ корницкаго вар., записаннаго мною.

Пѣсня 224.

Вар.: *Kozl.*, 275, № 65; *Rypin*, 172 (блр.); Шейнъ, блр., 51, № 97 (конецъ); ср. «*Slavia*», *Nar. pis.* № 171.

Пѣсня 225.

Вар.: *Wojc.* II. 226 (67); *W. z Ol.* 164 (566); *Gloger, Krak.*, № 315.

Пѣсня 227.

Вар.: *Kozl.*, 271 (39); *Kolb.* VI, № 106. 4.

Пѣсня 228.

Вар.: *Wojcicki*, II. 200 (39); *Gloger*, *Krak.*, № 423; *Kolb.*, XVI. стр. 280.

Пѣсня 229.

Вар.: *Zb. w. do Antr.* VI. 157, № 161, VIII. 80. № 47; *Kolb.* XI. № 26.

Пѣсня 231.

Содержаніе напоминаетъ малор. пѣсню:

Якъ я була молодиця,
Цілували хлопці въ лице;
А якъ стала стара баба,
Не цілують, хоть би й рада.
(Чуб V. 1132, № 92) [1]).

Иногда и молодая женщина такъ-же жалуется на измѣнившіяся отношенія къ ней парней съ выходомъ ея за-мужъ или съ потерею невинности:

Ked'som bola diewkou, widieli ma dierkou,
Teraz som newestou, newidia ma cestou.
(*Kollár*, I. 260, № 8; ср. *Kolb.* III. № 74, IV. № 167).

Вар.: *Kolb.* II. № 310; отчасти *Wac. z Ol.* 159 (514) и *Gloger*, *Krak.*, № 136, 140.

Пѣсня 232.

Вар.: *Kolb.* XIII. № 418; *Lipin.*, 53; *Gloger*, *Krak.*, № 478; *Zb. w. do Antr.* II. 112, № 174, IV. 181, № 396, VI. 147, № 117. Ср. *Erben*, 222, № 474—6; *Suš.* 699; «*Slavia*», *České a mor. pis.*, № 251.

Пѣсня 233.

Начало ср. у *Kozl.*, 269, № 26; *Gloger*, *Kujawiaki*, № 79.

Пѣсня 234.

Вар.: *Wojc.* II. 193 (10); *W. z Ol.* 174 (658); *Kolb.* VI. № 690 (6—7); *Gloger*, *Krak.*, № 409.

[1]) Другая сторона какъ бы возражаетъ въ томъ-же смыслѣ:
Siwy konik, siwy, siodełeczko stare,
Jakže cie mam kochac' kiedys babsko stare (Корница).
(Ср. Wojc. II. 207, № 66; W. z Ol. 169, № 612; Gloger, Krak., № 143).

Пѣсня 235.

Вар.: *W. z Ol.*, 126 (187); *Kolb.* IV. № 67 (9), XI. № 81.

Пѣсня 236.

Ср. *Kolb.* IV. № 142 (7). VI. № 724 (7); *Kozl.* 277 (72).

Пѣсня 237.

Ср. *Kolb.*, *Pies'ni*, 389, № 264.

Пѣсня 238.

Вар.: *Kozl.* 125, № 59 (ссыл. на *Žeg.* 227, поль), и 284, № 115, нач.; *Wojc.* II. 223, № 53; *W. z Ol.*, 146 (376); *Kollár.* I. 222, № 4; ср. Чуб. V. 196, № 396.

Пѣсня 239.

Вар.: *Zb. w. do Antr.* II. 110. № 160 (6—7), IV. 160. № 263; *Kolb.*, *Pies'ni*, 364. № 179, *Lud.* VI. № 687; *Gloger*, *Krak.*, № 619, 207; *Wojc.* II. 221 (39); *W. z Ol.*, 159 (514).

Пѣсня 240.

Вар.: *Wojc.* II. 208 (69); *Kozl.*, 286 (124); *Kolb.* XVI, № 65; *Gloger*, *Krak.*, № 238; *Zb. w. do Antr.* II. 52. № 34 (5), и 112, № 183, IV. 173, № 343, VI. 148, № 119.

Пѣсня 241.

Вар.: *Gloger*, *Krak.*, № 403.

Пѣсня 242.

Рѣкѣ, которую нельзя остановить въ ея теченіи, уподобляется любовное влеченіе, которому невозможно противостоять, какъ въ млр. п.:

Тече річка по каміню, годі ю сперети,
Мині рибку полюбити, хоть бы умерети.
(Гол. II. 742, № 14; см. Потебн., Объясн. п. 4. г.).

Вар.: *Wojc.* II. 218 (25); *Kolb.* IX. № 73, XIII. № 21, VI № 155 (5—6); *Zb. w. do Antr.* II. 112, № 182; *Sborn. Sl. Mat.* II. 121, № 12; *W. z Ol.* 123 (162), 160 (520), 141 (323), ср. 130 (215); *Glog. Krak.*, № 399, 500.

Пѣсня 243.

Вар.: *W. z Ol.*, 151 (429); *Wojc.* II. 221 (40).

Пѣсня 244.

Вар.: *Gloger*. *Krak.*, № 311; *Kolb.* II. № 319 — Ср Гол. II. 380 (677) 436.—8, 555 (37); Де-Вол. 130—1; *Kollár*. I. 255 (26); *Sborn. Sl. Mat.* II. 125 (2).

Пѣсня 245.

Въ иныхъ пѣсняхъ подробнѣе разсказывается, какъ жена выкупала лошадь, которую пропилъ мужъ-пьяница, нпр. Батюшк. 410.

Пѣсня 246.

Вар.: *Kolb.* VI. № 707. 8; *Gloger., Krak.*, № 402; *Zb. w. do Antr.*, IV. 247, № 213.

Пѣсня 247.

Подобнымъ образомъ миритъ дѣвица ссорящихся изъ-за нея двухъ парней въ влр. п.:

Вы не ссорьтесь, не бранитесь,
А по совѣсти разойдитесь:
Я не обоимъ вамъ достануся,
Я достанусь либо бѣлому,
Либо бѣлому, бѣлъ-кудрявому.
Либо черному, чернобровому....
(Шейнъ, влр., 205, № 153, Пск. г.);

ср. еще споръ троихъ изъ-за одной въ литовской пѣснѣ, Милл. и Форт., № 49, и двоихъ въ угрорусской, Де-Вол. 80—1, 206, Гол. I. 223 и др.

Вар.: *Wojc.* II. 206 (59); *Gloger, Krak.*, № 426.

Пѣсня 248.

Вар.: *Kolb.* VI. № 881; *Zb. w. do Antr.* II. 102, № 141. 5.

Пѣсня 249.

Быть «*w terminie*» (стр. 5) говорится обыкновенно объ изучающихъ ремесло, мастерство въ теченіе извѣстнаго времени (*termin*, терминъ и срокъ); здѣсь «*siedzial w terminie*» — лежалъ въ больницѣ (вар. *и dochtorów*, *Zb. w.* IV).

Вар.: *Kolb.* IV. № 110, VI. № 205—7, XII. 10—4, XVI. № 403—4; *Lipin.* 20—1; *Konopka*, 104; *Zb. w. do Antr.* II. 36, № 2, IV. 126, № 97, VI 108, № 22. Ср. *W. z Ol.* 165 (577).

Пѣсня 250.

Вар.: *Zb. w. do Antr.*, IV. 172, № 336.

Пѣсня 252.

Вар.: *Wojc.* II. 246; *Gloger, Kujawiaki, etc.* № 73.

Пѣсня 253.

«*Dana*» обыкновенно означаетъ напѣваніе какого-нибудь мотива безъ словъ, особенно съ повтореніемъ (*dana—dana*, ср. ля-ля-ля). Употребленіе этого слова въ смыслѣ существительнаго, какъ въ этой пѣснѣ и слѣд., можетъ быть, указываетъ на его родство съ литовск. *dajnà*, народная пѣсня. Въ словацк. пѣсняхъ оно встрѣчается въ муж. р.:

Wšecky piesnie zahynuly, krema danaj *zostau;*
Danaj (2) *chwála Bohu, že si sa mnie dostau!*
(*Kollár*, I, 63, № 35).

Пѣсня 254.

Ср. *W. z Ol.*, 155 (478) и др.

Пѣсня 256.

Вар.: *Wojc.* I. 153, 294, II. 214 (4); *Gloger, Krak.*, № 404; *Erben*, 248 (598); *Suš* 297; *Zb. w. do Antr.* IV. 245, № 206; *Wac. z Ol.*, 147 (394), 115 (71), 124 (172); *Kolb., Pies'ni*, 332, № 75, *Lud*, XII, № 22, VI, № 682 (3); *Sborn. Sl. Mat.* II. 59, № 10 (совѣтъ мужчинамъ).

Пѣсня 257.

По млр. пѣснѣ даже при серьезномъ увлеченіи другъ другомъ.

Не всі жъ тиі до вінця идуть,
Що вірненько женихаються.

(Чуб. V. 198, ср. 96; *W. z Ol.* 221; *Zb. w. do Antr.*, VIII. 180, № 154; Лисенко, Збірникъ II. № 39, въ нѣсколько иномъ смыслѣ). Поэтому рекомендуется дѣвушкѣ осторожно дѣлать выборъ, но въ то-же время не перебирать слишкомъ долго жениховъ.

Вар.: *Kozl.* 286 (129); *Wojc.* II. 280 (80); *Žeg.*, 230 (поль.). *Gloger, Krak.*, № 254; *Kolb., Pies'ni* I. 141 № 9[m] (12—3) и 9[n] (6—7); ср. выше указанные млр. вар.

Пѣсня 258.

Вар.: Де-Вол. 219, № 17.

Пѣсня 259.

Вар.: *Zb. wiad. do A.* II. 110, № 162, VI. 146, № 111; *Wojc.* I, 151—2; *Erb.* 164 (289), 169 (306); *Kollár* I. 241, № 6, *Krolmus.* I. 94—5.

Пѣсня 260.

О значеніи птицы, сидящей на дубѣ, въ народной поэзіи ср. Бесѣд. 1872, VIII. 35—6, и Потеб., въ Филол. Вѣст. 1885. — Ср. подобный совѣтъ въ влр. п.:

Вы (=дѣвицы) не вѣрьте молодцамъ,
Что они божатся:
Они божатся клянутся,
Отойдутъ—послѣ смѣются. (Шейнъ).

Вар.: *W. z. Ol.*, 123 (157); *Gloger, Krakow.*, 606; *Kolb., Pies'ni*, I, 141, № 9[n] (7—8); *Kollár.* 241; *Suš.*, 307; «*Slavia*», *Písne Sloven.*, № 165—6, 702; *Smoler.* и *H.* II № 121; Шейнъ, влр. 106 (53). Ср. еще Де-Вол. 58 (въ концѣ), 74.

Пѣсня 261.

Вар.: *W. z Ol.*, 117 (100), 158 (498), 164 (564), 129 (209); *Gloger, Krak.*, № 306; *Zb. w. do Antr.*, IV. 217, № 30.

Пѣсня 262.

Почти то-же говорится въ млр. п.:

Ой нема тамъ нигде добра,
Де дѣвчина любить по два. (Закр. № 87).

Вар.: *W. z Ol.* 113 (56), 144 (360), ср. 143 (350); *Wojc.* II. 214 (3); *Kolb.* VI. № 628.

Пѣсня 263.

Ср. содержаніе пѣс. 304 и 303.

Вар.: *W. z Ol.* 124 (166), 135 (266), 269 (79); *Lipin.*,74; *Gloger*, *Krak.*, № 610, *Kujaw.*, № 7; *Zb. w. do Antr.* II, 113, № 184, V, 76, № 7; *Kollár*, I. 219 (8—9), 262 (16); Де-Вол. 123, въ концѣ.

Пѣсня 264.

Вар.: *W. z Ol.* 149 (412); *Wojc.* II. 220 (36); *Kozl.*, 164 (16); *Gloger*, *Krak.*, № 509; *Zb. w. do Antr.* II. 109, № 159; *Rypin.* 138—9.

Пѣсня 265.

Мотивъ перелетанія птицею (кукушкою, галкою и пр.) отъ чужихъ людей къ своему роду принадлежитъ къ числу самыхъ употребительныхъ въ народной поэзіи и особенно часто примѣняется къ выданнымъ за-мужъ силою или въ очень молодыхъ лѣтахъ и при томъ въ далекую сторону (Якушк. 560, № 5, и 575—6, № 28—9; Гол. IV. 214, № 15; Кіев. Старина 1883, ф. 378 № 19; Сах. IV. 43; Демб., 593, № 55; Милл. и Форт. № 68; *Nesselm.* 281; *Kolb.*, XI, № 86, XVI, № 110; *Zeg.* II, 145, рус.; *Kollár.* II. 3; *Suš.*, № 675; ср. Бесѣд. X. 19—20). На этотъ мотивъ какъ будто намекаетъ и наша пѣсенка, гдѣ женщина хочетъ переплыть къ милому въ видѣ дикой утки, чирка. Ср. еще примѣч. къ п. 302—3.

Вар.: *W. z Ol.* 124 (167); *Wojc.* II. 223 (50); *Gloger*, *Krak.*, № 211; *Kolb.* VI. № 698; *Zb. w. do Antr.* IV. 229, № 104; Чуб. V. 537. Ср. п. 267—8.

Пѣсня 266.

Отмѣчу въ малор. пѣсняхъ похожее сопоставленіе: мосту—росту (высокій ростъ—высокій мостъ), когда говорится объ утопленіи:

Було жъ, мати, не вповати,
Що високого росту,
Було жъ мене утопити
Да зъ високого мосту.

(Чуб. V, стр. 566; *Zb. w.* VII. 176, № 21; ср. Закр. № 50, Бес. V. 107 и Чуб. V. 211).

Вар.: *Kolb.*, *Pieśni*, 415, № 354; *Kozl.* 269 (27); ср. Батюшк. 358 (2).

Пѣсня 267—8.

Ср. *Gloger*, *Gody*, № 297 (конецъ). Де-Вол. 53, 114—5. Ср. п. 265.

Пѣсня 269.

Варіанты къ этой спивкѣ приходится указать по строфамъ:

Стр. 1—3. *Wojc.* II. 213 (2); *Lipin.* 161; *Kolb.* III, № 25, 101, IV, № 169, XII, № 265, 299; *Gloger*, *Gody*, № 390, *Kujaw.*, № 57, 54; *Sborn. sl. mat.* II. 29, № 34 (конецъ); Де-Вол. 29, 39 (къ стр. 3).— Здѣсь представляются уже исполнившимися тѣ опасенія, какія выражены въ словацкой пѣснѣ, извѣстной также на польскомъ яз., угро-русскомъ и др.:

Ruža som ja, ruža,
Dokal nemam muža;
Ked' budem mat' muža,
Spadne so mnia ruža и пр.

(«*Slawia*», *Pisne sloven.*, № 626; ср. *Kollár*, I. 143 № 6; Де-Вол., 117, 231). Ср. выше: «испаде зъ личка краса», пѣс. 76 и примѣч., къ которому прибавимъ ссылку на Свад. п. Бѣлор., № 98, 154. Подъ «розою» въ приведенномъ чеш. отрывкѣ разумѣется красота; въ другихъ случаяхъ замужество выражается черезъ потерю вѣнка. Кстати, вспомню древній обычай латышей: замужняя женщина продолжала носить вѣнокъ, пока у нея не родился ребенокъ; ср. *G. Merkel*, *Die Vorzeit Lieflands*, I, 88—9, *Berlin* 1807, его же *Wannem Y-manta*, XXV. СПб. 1802.

Стр. 5. *Kolb.* VI. № 281 (*Konopka*, краковяки), и № 755; *Gloger*, *Krakowiaki*, № 553.

Стр. 8. *Zb. w. do Antr.* IV. 159 (259), 175 (359).

Стр. 9. *Kozl.*, 276 (66); *Kolb.*, VI. № 804; Спрог., 199 (23); *Kollár.* 61 (17), 294 (10). Ср. пѣсню 219.

Пѣсня 270.

Какъ въ млр. п. «дівочки співали, у решето пісні складали» (Чуб. III. 181, № 128), или въ латышской дѣвица «наматывала клубокъ пѣсенъ» и т. п., такъ здѣсь сапожники употребили голосъ пѣвца на сапоги. Овеществленіе пѣсни встрѣчается нерѣдко, о чемъ ср. Потебни, Объясн. пѣс. 118—9; къ собраннымъ тамъ примѣрамъ прибавимъ Де-Вол. 153 и 225 (ср. Гол. I, 222, 230); *Kollara*, I, 62, № 31—2, отчасти и № 35 (привед. выше въ прим. къ п. 253), а также ниже указанные варіанты.

Вар.: *Kolb.*, VI, № 854; *Gloger*, *Krak.*, № 463; *Erben*, 244, № 579.

Пѣсня 271.

Вар.: *Kolb.* XII. № 415; *Zb. w. do Antr.* II. 110 (161); *Suš.*, 689; *Erben*, 249 (601); *Sborn. sl. Mat.* II. 111 (16); ср. выше п. 153.

Пѣсня 272.

Польскіе варіанты этой пѣсни примѣняются къ дѣтской игрѣ въ сваты: одна дѣвушка избирается матерью, другая ея дочерью, а остальныя—ея подруги; ихъ окружають мальчики-сваты изъ которыхъ въ пѣснѣ выдѣляется три, и изъ нихъ одинъ главный (женихъ), который называется *Murawiec* или *Szudrawiec*; дочь сокрушается о томъ, чѣмъ принимать сватовъ, куда спать уложить каждаго и пр. Такого-же склада чешскіе варіанты, хотя и не составляютъ игры. Мнѣ кажется, что эти пѣсни и игра стоятъ въ связи съ извѣстною пѣснею (и игрой) о Зельманѣ, что однако можно было бы яснѣе показать только при подробномъ разборѣ послѣдней. Бѣлорусскій и одинъ малор. варіанты нашей пѣсни напоминаютъ влр. п. о воробьѣ, повадившемся ходить въ коноцель (вм. воробья—попъ или чортъ):

Пасѣявъ я бобу за гарою,
А унадзився чортъ съ барадою
Треба таго чорта спыймаци
Ды сивую бараду абадраци.

(Демб., 590, № 38, ср. *Zb. w. do Antr.* VIII. 59, № 164).

Слово «ша́беръ» мнѣ не умѣли объяснить; повидимому, здѣсь разумѣется особый сортъ фасоли, хотя, можетъ быть, это и не такъ. Связь съ областнымъ влр. «шабёръ» (сосѣдъ, см. Даля) трудно предположить; малор. «самборъ» примѣняется, кажется, только къ деревьямъ, къ лѣсу, какъ это явствуетъ уже изъ самаго состава слова («самборъ—деревце» Гол. IV. 233= *W. z Ol.* 12—3 и др.). О значеніи бобовъ ср. Потеб., О миѳич. зн. нѣк. обр. 47—9.

Вар.: *Zb. w. do Antr.* VII. 215, № 85, VIII, 59, № 164; Варенц., 215, № 21; *Kolb.* III, 224, № 11, XII № 82-4, ср. XI, 208; *Lipin.* 186; *Suš*, № 819; *Celak.* I. 6; «*Slavia*», *Ceské a mor. pis.* № 263 (ссыл.: *Poh. Kom.* I. *sv.* 3, *str.* 37); *Erben*, 382; Чуб. V. 671, № 268. *Г.*

Пѣсня 273.

Ср. Шейнъ, блр., 37, № 81.

Пѣсня 274.

Вар.: Шейнъ, блр., 37, № 80.

Пѣсня 275.

Вар.: Шейнъ, блр., 36, № 79.

Пѣсня 276.

Въ одной рукописи, попавшейся мнѣ недавно подъ руку, эта сатира озаглавлена такъ: «*Piesnia wyie*ⁿ*ta z pisma starozakonnego wydana przez A. Srolowicza*». Сначала идетъ какъ будто вступленіе:

Szeyne bocher lepele
Figde kaleh feygele
I bay tog i bay nacht
Cwey gin ober cwey gut nacht.

Затѣмъ слѣдуетъ самая пѣсня въ такомъ-же порядкѣ и объемѣ, какъ и въ моемъ варіантѣ, только 13 строфа пропущена, вѣроятно, по ошибкѣ; припѣвъ: «*Ach wey, wey, wey, tit bam, tit bam*» (2) помѣщенъ только въ самомъ концѣ; изъ городовъ упоминается Львовъ (1 стр.), нашли этого мессію «*w Piczechowie*», откуда привезли его «*wlosiowie*» (искаж.).

Вар.: *Zb. w. do Antr.* II. 122—3, № 18—9. Ср. пародіи на жидовъ у *Kolberga*, *Lud.* VI. № 424—8.

Пѣсня 277.

Сходный мотивъ встрѣчается въ великор. пѣсняхъ, гдѣ невѣста разсказываетъ, чѣмъ ее отецъ даритъ:

Ѳедосья по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ·
— Бояре, бояре вы Ѳедотовы,
Станьте, бояре, вы къ одной сторонѣ,
Слушайтс, бояре, что я буду говорить...

(Шейнъ, влр., 457, № 2, ср. 450, № 26; Варенц. 120, № 6; вар. есть и у Сах.).

Пѣсня 279.

«Коверчикъ» — неразговорное слово; коверъ — «дыванъ» (поль.).

Вар.: Гол. IV. 219 № 25, 239 № 42 (= *W. z Ol.* 17), 262 № 51 (=*Żeg.* 87, № 54); Лозин., 116; *Wojc.* II. 79, 89; *Kolb.*, XVI № 49; *Gloger*, *Gody*, № 134; Терещ., II. 202; *Erb.*, 329, № 101.

Пѣсня 281.

Дѣйствительное предупрежденіе дочери насчетъ того, что родителямъ, особенно матери, будетъ труднѣе жить съ выходомъ ея за-мужъ, находимъ напр. въ угро-рус. п., см. Де-Вол. 113-4. Жизнь родителей, выдавшихъ дочь, рисуетъ отчасти приводимая ниже п. 295.

Вар.: Чуб. IV. № 327, 639, 1100 (Метл. 216), Кіев. Старина 1883, ф. 388, № 38; Терещ. II. 585; Безсон., блр., 49, № 88; *Tyszk.*, 291—2; *Zb. w. do Antr.* VI. 37, № 23; Шейнъ, влр., 446, № 18; Варенц. 169, № 12; Сах. III, 417, № 20; Бесѣда VI. 10—11.— *W. z Ol.* 9, № 21—2; Лоз. 34 (4); *Żeg.* 106, № 6.

Пѣсня 282.

Ср. *Gloger*, *Gody*, № 216.

Пѣсня 283.

Вар.: Чуб. IV. № 1111 (Метл. 225—7, Терещ. П. 531 и еще 4 вар.), и стр. 668; *Zb. w. do Antr.* II. 280; Шейнъ, блр. 465, № 41; *Suš.*, 452, 455; ср. *W. z Ol.* 43, № 138 (особ. ст. 3, и размѣръ), поль.

Пѣсня 284.

Обычныя формулы при прощаніи: «будьте (*или* бывайте) здоровы», «(з)останьтеся зъ Богомъ», на что уходящему отвѣчають: «иди (*или* идіете) зъ Богомъ», «нехъ Пàмбугъ (*или* Буогъ) провадитъ»; рѣже говорится «добрàнучъ» (или по-польски—«добрàноцъ»), откуда выраженіе: «добранучъ дати» (ст. 8)—пожелать доброй ночи, проститься (ср. п. 290), какъ «нагайбукъ дати» или «похвалёны дати» поздороваться, т. е. привѣтствовать при встрѣчѣ, при входѣ въ чужую избу и т. п. извѣстной формулой (см. «сватаніе»); входя въ свою избу, это привѣтствіе произносятъ только послѣ долгаго отсутствія [1]).

Корницкій вар. этой пѣсни полнѣе другихъ, извѣстныхъ мнѣ.

Вар.: Чуб. IV, № 1140, ср. стр. 667; Батюшк. 402; *Zb. w. do Antr.* II. 278, № 32; Шейнъ, блр., 364, № 684; Тышкевичъ, 326—7; Демб., 579, № 295; ср. *Gloger, Gody*, № 83 (конецъ) и *Kolb.* VI, № 69.

Пѣсня 285.

Вар.: Чуб. IV. № 1202 (*передѣл. съ польск.*); Демб. 572, № 233; *Wojc.* II. 18, 27, 154; *Żeg.* 141, поль.; *Kolb.* II. № 42 (*напѣвъ, какъ мнѣ извѣстно, примѣняется къ нѣкоторымъ поль. духовн. пѣснямъ объ усопшихъ*), № 55, III. № 27, 52, IX. № 37, 43, 65, 83, X. № 69, 100, 126, XI. № 10, 79, 80, XVI. № 246, 401; *Gloger, Gody*, № 379, ср. № 105, 126; *Star. dumy*, № 86 (*съ послѣдн. строфою* ср. Лоз. 119); *Zb. w. do Antr.* VI. 100, № 5; *Smoler u H.* I, № 265, II. p. 237—9; *Suš.*, 455—6; *W. z Ol.* 43, № 138; *Sborn. sl. Mat.* II. 64, № 36.

Пѣсня 286.

«Бугзàплацъ»—спасибо (поль.); употребляется и какъ имя сущ. муж. р., иногда склоняемое.

«Сосна на току» часто упоминается въ млр. пѣсняхъ, но для меня не вполнѣ ясно значеніе этого образа. Въ разбираемой пѣснѣ онъ примѣняется къ тому моменту, когда молодую берутъ къ мужу; въ другихъ пѣсняхъ имѣется въ виду иное, нпр.:

Ой стояла сосонка на току,
Чекай мене, дивчино, до року....
(*Zb. w. do Antr.* VII. 219, № 79),

(или съ вар. 1-го стиха: Кукурику пивныку на току... *ib.* 233, № 183; Чуб. V. 1108, № 11; Закр. № 184). Въ народной поэзіи съ сосной и елью часто сравнивается дѣвушка. Такъ въ латышскихъ пѣсняхъ: «Въ бору — стройныя сосны, въ сосѣдствѣ—красавицы дѣвицы» (Спрог. 52, № 10), или: «Ель растетъ, растутъ листья, растутъ почки на верхушкѣ: растутъ дѣвушки, растутъ ихъ груди, растетъ предметъ задора для парней» (Трейл. № 213). Такая (=молодая) сосенка — малолѣтняя дѣвочка, подростокъ:

У поли сосна тонкая выросла,
Чомъ дивче за-мужъ не шло,—бо ще не зросло....
(*Zb. w. do Antr.* VII. 177, № 23); .

ср. вар.: Сосинка, сосинка зелениньkая,
Молодка, молодка молоденькая....
(Якушк. 560, № 5).

И въ разбираемой нами корницкой пѣснѣ сосна безъ сомнѣнія есть образъ дѣвушки: выросшую высоко сосну пора срубить, взрослую дѣвушку пора за-мужъ взять (ср. п. 55 и 199, примѣч.). Чтобы нѣсколько уяснить себѣ, почему здѣсь упоминается токъ, надо замѣтить слѣдующее: ближайшіе варіанты этой пѣсни поются на другой день послѣ отдыха молодыхъ, а ихъ укладываютъ большею частью на току. Пріуроченіе пѣсни къ этому именно времени какъ будто даетъ нѣсколько иной смыслъ соснѣ: она выростаетъ на томъ мѣстѣ (на току), гдѣ новобрачная теряетъ дѣвственность; по варіантамъ на току выростаетъ гречиха, макъ [1]). Невольно припоминаются превращенія утонувшей (*v.* убитой, сгорѣвшей) дѣвицы, очень распространенныя въ пѣсенной поэзіи (ср. Потебни, Объясн. п., 206—230): дѣвушка тонетъ—выростаетъ липа, ереза, калина, груша, цвѣты, трава и пр. Мы, знаемъ, что утонуть—выйти зà-мужъ, или просто утратить невинность (ср. прим. къ п. 43); поэтому и выросшую на току сосну [2]), можетъ быть слѣдуетъ включить въ кругъ упомянутыхъ превращеній. По польск. пѣснѣ, утопившая незаконное дитя сама была утоплена,

I wyrosła na tem miejscu choina и пр.
(*Kolb.*, *Pieśni*, 161, ср. 153—4).

---

1) Отъ Пасхи до Вознесенія мѣстные малоруссы вмѣсто польскаго привѣтствія считаютъ всегда обязательнымъ употреблять церковное привѣтствіе „Христосъ воскресъ“; отвѣчаютъ обыкновенно: „*Богистельне* воскресъ“ (чит. bohistelne).

1) На Волыни для молодой, если она была „честною“ дѣвушкою, послѣ брачной ночи устраивается завтракъ изъ маковниковъ (Zb. w. do Antr. VII. 164—6, при чемъ пѣсни № 68, 73 противополагаютъ макъ калинѣ, какъ „нечестность“ „честности“).

2) Ср.: Гей на току вишня, чому не черешня?
Любишъ мя, кохаешъ мя, чому не візьмешъ мя?
Чуб. V. 209, ср. 121, № 259; Де-Вол. 191, 222 (25), 115.

Отмѣчу еще интересную польскую параллель къ приведенному выше отрывку мар. пѣсни:

Wyrosla lipka z potoka,
Czekaj mnie Kasiu do roka....
(*Gloger*, *Kujawiaki*, *etc.* № 4).

Вар.: Чуб. IV. № 1145. J, 1349, 1350, 1365; Гол. IV. 262, № 49 (=*Żeg.* 87, № 52).— *Wojc.* II. 92: *Zb. w. do Antr.* II. 283.— Ср. Чуб. V. 1108, № 11; Закр. № 184; *Zb. w. do Antr.* VII. 219 (79), 233 (183); *Gloger*, *Kujaw.*, № 4).

Пѣсня 287.

Слова «чіерець» и «щіерець» смѣшиваются въ обыд. рѣчи, хотя они, кажется, должны имѣть разное значеніе: первое означаетъ красно-желтый песокъ (вм. червець, ср. червчатый цвѣтъ=пурпурный), а второе должно означать всякій песокъ, но только чистый, безъ примѣси земли и пр. (нпр. на песчаномъ днѣ рѣки, ср. «чѐврой», рѣчной песокъ, Гильф., Онеж. был., № 2), подобно тому, какъ говорится, «щіере волото» (п. 101), «щіера кобылина» (п. 110), настоящая кобылятина. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть «чіерець», т. е. красный песокъ. Упоминаніе его рядомъ съ калиной въ нашей пѣснѣ имѣетъ особое значеніе: какъ калина такъ и червецъ— символы дѣвства невѣсты. Символическое значеніе червеца ясно изъ свад. пѣсенъ. Чуб. IV, № 1333 (=Метл., 233), 1345, 1358 и др. (ср. Потебн., Объяс. п. 163). Надо однако замѣтить, что «черчикомъ» въ Малороссіи чаще называютъ нитки, окрашенныя въ темно-красный цвѣтъ, нпр.:

(Маруся) усю ніченьку не спала,
Червоний черчикъ мотала,
Съ червоною рожею мішала.
(Чуб. IV. № 1345),

гдѣ разумѣется «смѣшеніе» невинности обоихъ новобрачныхъ, какъ въ поль.:

Choćbyś mi Kasieńku miliony dala
Już się twoja cnota z moją pomieszala.
(*Kolb.* VI. 404; № 651) [1]).

Подобнаго склада есть и жнивяныя пѣсни, нпр. *Zb. w. do Antr.* VI. 79, № 238; *Żeg.* I. 50; Сах. IV. 246.

Вар.: Чуб. IV. № 1348, 1400,—4 (=Лоз. 143) и прибавл. № 119; Гол. II. 125 (77), IV. 321, № 26 (*Żeg.* 115) и 340 № 7; Батюшк. 404, Метл. 235—6; *Zb. w. do Antr.* V. 95, № 25 (...*чепчикомъ* высыпана), VII. 165, № 71; *Tyszki'ew.*, 315, XI.

[1]) Привожу это двустишіе по памяти, ручаясь однако за подлинность втораго стиха.

Пѣсня 288.

«Хорошая» въ насмѣшку; вар.: «петрушчана, солом'яна» и т. п.

Вар.: Чуб. IV. № 879, 1408 (=Лоз. 143); Свад. пѣс. Бѣлоруссовъ, № 65, 123, 153; Шейнъ, блр., 479 (83), *Gloger*, *Gody*. № 384.

Пѣсня 289.

Ср. блр.: На дварѣ стукату—стукату,
Привязали мнѣ дримату, дримату....
(Демб. 576, № 277).

Пѣсня 290.

Вар.: Батюшк., 404.

Пѣсня 291.

«Горы точити» и «сады садити»—работы, требующія, по смыслу пѣсни, особенно много труда и времени. — «Точити», какъ уже было замѣчено (прим. къ п. 114), можетъ означать: а) катить, б) сверлить, дырявить (оставляя въ сторонѣ другія значенія). Оба эти значенія могутъ быть примѣнимы въ данномъ случаѣ для обозначенія трудности, тяжести, горя. Примѣра «катанія горъ» я, правда, не могу привести изъ народныхъ пѣсенъ, но за то очень хорошо извѣстны примѣры катанія или приподыманія большого камня, что служитъ картиннымъ изображеніемъ тяжелаго горя:

Ой якъ мені важко сей камінь котити,
То такъ мені важко за Иваномъ жити.
(Потебн. О нѣк. симв. 19, изъ Метл. 115, 81, 259).
Лучче жъ мені, мати, важкий камінь зняти,
А ніжъ мені, мати, изъ нелюбомъ спати.
(Чуб. V. 565, № 168).

Большой камень—та-же гора (ср. названія горъ: «Павдинскій *камень*» и пр.), и потому у насъ, въ параллель къ послѣднему примѣру, говорится: «легче гору сь мѣста сдвинуть, чѣмъ»... и пр. Съ другой стороны для второго изъ указанныхъ выше значеній глагола «точити» (продырявливать, а по отношенію къ землѣ — раскапывать) примѣры такого-же образнаго представленія:

Лучче жъ було, моя мати, круту гору копати,
А ніжъ мені изъ нелюбимъ да цей вікъ коротати...
(Чуб. V. 566; ср. IV. 223 и Метл. 161, 259, 260; блр. передѣлка въ Рус. Фил. В. 1885, № 2, стр. 280).

Wolalby ja wolal lasy góry kopać,
Niżli się w dziewczynie niewdzięcznej zakochać.
(*Zb. w. do Antr.* VI. 123, № 61, ср. *id* II. 67, № 65; *Kolb.* III. 258, № 20, VI. № 342, XII. № 229)..

О водѣ можно сказать, что она «подтачиваетъ» гору. Червь «точитъ» землю; нпр. Горе говоритъ молодцу, преслѣдуя его повсюду:

Я червóмъ совьюсь горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю. (Рыб. I. № 83).

Пѣсня 292.

Въ могилевской губ. эту пѣсню поютъ во время жатвы [1]). Въ серб. пѣснѣ родители отправляя дочь къ мужу, говорятъ ему:

Предадосмо ти струк русмарина...
Често заливай струк русмарина,
Да не увене струк русмарина.
(*В. Кар.* I. 33).

Вар.: *Zb. w. do Antr.* II. 283; Демб. 540, № 18; *Gloger*, *Gody*, № 387; «*Slawia*», *Nar. pis.* № *90. В. Кар.* I. 33. № 55; *W. z Ol.* 18, № 46 (нач.) = Гол. IV. 240.

Пѣсня 293.

Пѣніе соловья обыкновенно означаетъ веселіе; соловей—символъ веселія, удовольствія (Костомаровъ, Бес. X. 21—5); между тѣмъ, здѣсь поющему соловью уподобляется отецъ, тоскующій по своей дочери. Слѣдовательно, и «щебетаніе» соловья въ данномъ случаѣ не веселое, а такое, какъ напримѣръ, въ той пѣснѣ, гдѣ соловей съ своей подругой плачутъ о томъ, что прохожіе сожгли ихъ гнѣздо, погубили дѣтей, и они остались одни:

Ой ишли чумаки зъ Украіни....
Да пустили пожаръ по долині,
Запалили діти соловьині.
Стали соловейки щебетати,
Стали бурлаченьку (—въ?) проклинати....

(Рудч., Чумацк. нар. п. 234—5, изъ Метл. 369; Чуб. V. 915—6, ср. 1057—8; Потебня, Об. п. 266, (Бес. X. 24).

Отецъ и мать (по вар.), разставшіеся навсегда съ дочерью, какъ нельзя болѣе напоминаютъ осиротѣлыхъ родителей — соловьевъ приведенной пѣсни. Съ меньшею поэтичностью въ великорус. пѣснѣ «свистящему», соловью уподобляется *свекоръ*, зовущій домой загулявшую невѣстку:

На кустикѣ соловьюшка свищетъ,
Меня молоду домой свекоръ кличетъ;
Хоть кличь, не кличь, я домой не буду;
Буду-ль, нѣтъ-ли я завтра по утру.
(Якушк. 586, № 50).

Впрочемъ, здѣсь, можетъ быть, только противоположеніе веселаго пѣнія соловья (и веселаго гулянья) непріятному для невѣстки зову свекра (ср. Потеб., Млр. п. по сп. XVI в., 36).

Во 2-й строфѣ разбираемой корницкой пѣсни дѣвушка высказываетъ ту мысль, что въ домѣ родителей она была ключницею. а уходя къ мужу, оставила ключи у отца на сундукѣ, такъ какъ ея служба отцу кончилась. На польской свадьбѣ, увозя молодую, ее даже приглашаютъ въ пѣснѣ положить у отца на столѣ ключи, такъ какъ больше ей не придется распоряжаться въ домѣ родителей:

Polóž klucze na stole,
Iuž tu rzandy nie twoje.
(*Kolb.* XVI. № 137, 161, 369, 385).

Обязанность ключницы, т. е. распорядительницы, хозяйки, она должна уже исполнять въ домѣ мужа, и потому иногда мужъ подноситъ новобрачной ключи на тарелкѣ (Терещ. П. 175).

... Бросила ключи она вдоль стола:
На̀ тебѣ, батюшка, золотые ключи,
Я тебѣ, батюшка, не клюшница,
Я тебѣ родимой не ларечница:
Ключница, ларечница я лютому свекру,
Лютому свекру да лютой свекровьюшкѣ.

(Якушк. 630, № 142; ср. Свѣточъ 1861 г. II. 95).

Сваты въ млр. пѣсняхъ говорятъ свекрови, что везутъ ей «до коморы ключницю» (Чуб. IV. № 1208,—14,—38,—58; *W. z Ol.* 28 = Гол. IV. 332 и пр.). Конечно, не всегда невѣсткѣ дается воля; большею частью она, какъ говорится, должна смотрѣть изъ рукъ свекрови, почему въ латышской пѣснѣ невѣстка жалуется: «Я была ключницею у своей матушки; теперь, когда я вышла въ чужіе люди, стою за дверьми». (Спрог. 193, № 60).—Дѣвица съ ключами, по мнѣнію ученыхъ, имѣетъ и миѳологическое значеніе, ср. Потебни, Объяс. пѣс., разб. игры «Воротарь», особ. стр. 98; см. еще *ibid.* стр. 202: «ключи—сама дѣвица», въ подтвержденіе чего мы можемъ привести еще слѣд. угро-рус. п.:

Зацвѣнѣли ключи въ ночи,
По-надъ море йдучи;
Заплакала бѣла дѣвка,
На вѣнчаня йдучи, и пр. (Де-Вол. 123)

Зацвѣнѣли—заплакала, ср. прим. къ п. 81.—Ср. содержаніе слѣдующей пѣсни.

Вар.: Гол. IV. 215, № 17; *Zb. w. do Antr.* II. 278(34); *Kolb.* XVI. № 337; Якушк., 586(50), 630(142); Свѣточъ, 1861, II. 95; Шейнъ, влр., 520—1. № 17—8; Сах., Сказ. р. н. 2. 18. — Ср. Спрог. 193(60); *Kolb.* XVI, № 137, 161, 369, 385.

Пѣсня 295.

Жалуясь на то, что мать какъ-бы пропила свою дочь, молодая, вѣроятно, намекаетъ на тотъ обрядовый пропой, къ которому относятся между прочимъ, пѣсни 156—8. Подобные упреки высказываются и отцу, и подругамъ (Терещ. П. 209, 220, 295; Демб. 564, № 167, ср. № 194, 257) и пр.— Въ понедѣльникъ утромъ, по этой пѣснѣ, молодой уже нѣтъ дома; слѣдовательно, въ то время, когда пѣсня сложилась, или въ той мѣстности, откуда она

[1]) Демб. 540; парень утѣшаетъ дѣвушку, что у нея „на галовцы вѣнокъ *заззяниць*“; ср. у Шейна, 294: „на ёй (=невѣстѣ) вѣнки *зіяюць*“; въ Сб. нам. нар. творч. с.—зап. кр. 42: „шабли *зіяюць*“ (у Потебни, Малр. п. по спис. XVI. в. 33, Ворон. 1876); у Tyszkiew.: „краски (цвѣты) *зянуць*“, „*зяйця*, красачки, *зяйця*“, 366—7.

перешла въ Корницу, молодую *чаще* отправляли къ мужу въ самый день вѣнчанія — воскресеніе, а не на слѣдующій день, какъ *теперь* въ Корницѣ (прежде и здѣсь могло быть такъ-же).

Вар.: Чуб. IV. № 318, 1189 (Метл. 294), 1396 (Лоз. 146); Гол. IV. 331, № 26 (*W. z Ol.* 27—8), ср. 222, № 5 (*W. z Ol.* 3); *Tyszk.* 292, VIII, ср. 367—8.

Пѣсня 296.

Есть такого-же склада пѣсни и въ числѣ не-свадебныхъ; вмѣсто отца, у котораго зять увезъ дочь, тамъ грустить молодецъ (селезень), у котораго другой отнялъ любимую дѣвушку, нпр. Чуб. V. 76(161), 167—8, 242.

Вар.: Чуб. IV. № 908 (Лоз. 89); Гол. IV. 241, № 47 (*W. z Ol.* 19); Шейнъ, блр., 160—1 (248—9), 459(23), 470(58); Демб. 552, № 51.

Пѣсня 297.

Дѣва Марія, какъ извѣстно, въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ замѣнила собою языческое божество, покровительствовавшее браку. Участіе Божіей Матери въ устроеніи человѣческихъ браковъ достаточно ясно выражается свадебными пѣснями: на дѣвичникѣ

Пиля престола Мати Христова
Плете віночки стоя. (Чуб. IV. № 188);

она-же помогаетъ при печеніи корована (*ib.* № 491—2, 501,—4—6 и пр.), провожаетъ молодыхъ къ вѣнцу (*ib.* № 667), принимаетъ дѣятельное участіе въ вѣнчаніи ихъ (*ib.* № 685, 693) и т. д. У поляковъ, отправляясь къ вѣнцу, поютъ:

Najs'wieⁿtsa Panienka....
.... wsyc'kie s t a d l a l a n c y,
Błogosław-ze i nam, Boze wsechmogaⁿcy!
(*Kolb.* VI. № 154).

Согласно съ этимъ, по нашей пѣснѣ, Матерь Божія присутствуетъ при молодой въ первую супружескую ночь, а по варіантамъ этой пѣсни, сама-же надѣваетъ на новобрачную, въ знакъ ея замужества, чепецъ (а не вѣнокъ, какъ думаетъ г. Сумцовъ, О свад. обр. 61, ссылка 3), который въ пѣснѣ называется «короною». Замѣтимъ кстати, что часть головного убора замужнихъ женщинъ называется въ Корницѣ и окрестностяхъ «корунами» (кору'ны, *plur.*); это — бѣлая тюлевая (рѣдко изъ тонкаго полотна) лента, нагофренная и пришитая къ болѣе широкой полотняной лентѣ, которая называется «биндàль» (м. р.). «Коруны» окаймляютъ верхнюю часть лица и придерживаются платкомъ, иногда пришиваются къ чепчику; ихъ непремѣнно надѣваютъ на молодую при «очепинахъ».

Вар.: Чуб. IV. № 660 (Лоз. 62), 1326, и стр. 630; Батюшк. 404; Гол. II. 672(131); *Wojc.* II. 159; *Zb. w. do Antr.* VI. 77(230).

Пѣсня 298.

Иногда молодая дѣйствительно сбрасываетъ три раза надѣваемый на нее чепчикъ (Терещ. II. 527—8, *Tyszk.* 329, *Zb. w. do Antr.* V. 91, VII. 163, *Erben* 340 и пр.), чего въ Корницѣ однако не дѣлается.—«Кибалка» (изогнутый въ овальное кольцо и обвитый льномъ прутикъ), хотя и упоминается въ этой пѣснѣ, никогда однако не употребляется въ корницкомъ приходѣ; и самое ея названіе поэтому смѣшивается со словомъ «китайка», также мало употребительнымъ. — Сбрасываніе чепца, практикуемое въ иныхъ мѣстностяхъ, имѣетъ такое же значеніе, какъ и корницкій обычай прятать невѣсту, или вѣрнѣе служитъ дополненіемъ этого обычая: какъ тамъ, такъ и здѣсь новобрачная не желаетъ принять на себя образъ замужней женщины, проститься разъ навсегда съ дѣвичествомъ. Въ польской пѣснѣ, въ противоположность къ нашей, дѣвушка, радуясь, какъ кажется, тому, что ей удалось выйти зá-мужъ безъ приданаго, съ удовольствіемъ мѣняетъ вѣнокъ на чепчикъ:

.... Wianecku, wléz' pod ławe,
Сepecku, wléz' na głowe;
Mój wianecku p o l e j o w y [1]),
Od ciebie mnie główka boli....
(*Kolb.* VI, № 104).

---

1) Можетъ быть, названіе этого растенія (*полѣй* mentha *pulegium*, сердечная мята) кроется и въ мнимомъ названіи божества Полель въ пѣснѣ у Войцицкаго (II. 129), которую поютъ передъ выѣздомъ къ вѣнцу:

Ей *розлейся*, Полелю, по бору, по кореню,
Ой *розплачся*, Ганулю, передъ роднымъ батенкомъ и пр.

Вмѣсто „розлейся" или „розлійся" можно предположить подходящій къ растенію глаголъ „розвейся", „розвися". Развивающееся растеніе или дерево означаетъ, между прочимъ, женитьбу или выходъ зà-мужъ, какъ и въ данномъ случаѣ, ср. напр. Гол. II. 783 (Потебня., Объясн. п. 158—9):

Ой шуміла ліщиноньки, якъ ся *розвивала*,
Ой *плакала* дівчиноньки, якъ ся *віддавала*.

ср. Де-Вол. 84—5 и 87 (стелися бервиночку—женися сыночку). Глаг. „розвитися" могъ быть замѣненъ черезъ „розлитися" потому, что и въ названіи растенія какъ будто звучитъ глаг. *лить*. Еще замѣчательнѣе подобное недоразумѣніе въ словацк. пѣснѣ: «*Polejem ulice zelenym* p o l e j o m»... и пр. (*Koll.* I. 150, № 50), гдѣ въ первомъ случаѣ глаголъ, во второмъ — названіе растенія *polej* (ср. *polaj*, *ib.* 391, № 6); глаголъ «*polejem*» полью, въ ущербъ даже смыслу пѣсни, употребленъ исключительно по созвучію съ непонятымъ, можетъ быть, названіемъ растенія. Въ другой пѣснѣ «*polej*» понимается правильно, хотя въ риѳмѣ опять стоитъ глаголъ *лить*:

P o l e j u, p o l e j u, *zeleny'* p o l e j u,
Ked'na teba pozrem, slzy ma z a l e j ú;
Darmo som tia, darmo w zahradie sadila etc.
(*ib* 150, № 49).

Вар.: Чуб. IV. № 633, 1036 (Метл. 209), 1037 (Лоз. 130), 1039; Батюшк 400; *Wojc* II. 143.

Пѣсня 299.

«Ходити» (во 2 строфѣ) въ смыслѣ отдѣваться.— Интересно здѣсь, въ послѣднемъ стихѣ каждой строфы, отдѣленіе прилагательныхъ отъ существительныхъ; ср. польск.

Przez ciebie Iasiu wianek trace.
Oj utracilam rucianego,
Nabawilam sie nicianego

(безъ упоминанія чепчика, *Gloger*, *Star. d.* № 52, вар. *Kolb.*, *Pies'ni*, № 18; болѣе полную параллель, подобно тому, какъ въ нашей пѣснѣ, см. *Kolb.*, *Lud*, VI. № 140).

Омертвѣвшій листъ, покрывающійся пескомъ, (стр. 5—6)., приводитъ на память мѣсто изъ неподражаемаго стихотворенія Лермонтова «Три пальмы»:

....И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Вар.: Демб. 547, № 13; Безсон. 152, № 165.

Пѣсня 300.

Противопоставленіе ржи пшеницѣ соотвѣтствуетъ противопоставленію замужней женщины дѣвушкѣ, какъ это яснѣе видно изъ слѣдующаго:

Wczoraj byłas' u pszeniczki,
Dzisiaj u żyta;
Wczoraj byłas' panna w wien'cu,
A dzis' kobieta (*Gloger*, *Gody*, № 325).

Первые два стиха 2-й строфы часто встрѣчаются и въ млр. свад. пѣсняхъ; ср. п. 316 и прим.

Вар.: *Kolb.* II. № 35(5), X. № 122, 139, ср. VI. № 140; *Gloger*, *Gody*, № 325; Гол. IV. 323, № 28 (*Żeg.* 115, рус.) и 332, № 29 (*W. z Ol.* 28, рус.); Чуб. IV. № 1344, 1390, 1400, 1403; *Zb. w. do Antr.* VI. 107, № 20, VII. 163, № 62; *Erb.* 341, № 149, 150.

Пѣсня 301.

Хмѣль, благодаря примѣненію его къ напиткамъ, съ очень давнихъ временъ сталъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, и про него сложилось множество пѣсенъ, которыя часто представляютъ его существомъ одушевленнымъ, а иногда даже воспѣваютъ его на подобіе какого-то богатыря (ср. нпр. народный стихъ о хмѣлѣ у Рыбн. I. № 88, Якуш. 601, № 80 и др.); въ нашихъ древнихъ рукописяхъ часто встрѣчаются такъ назыв. слова «о высокоумномъ хмѣлѣ». (Ср. Пыпина Очеркъ исторіи стар. повѣстей и сказокъ рус. 204—5, 358—9). Особенно важную роль играетъ хмѣль на свадебныхъ пиршествахъ. Въ пѣснѣ говорится, что безъ хмѣля

Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвицы за-мужъ нейдутъ.
(Якушк. 614, № 115).

Въ Польшѣ ни одна почти свадьба не обходится безъ пѣсни о хмѣлѣ, которая поется при надѣваніи на молодую чепца и варіантъ которой представляетъ разбираемая корницкая пѣсня. Въ ней говорится, что хмѣль «изъ невинныхъ дѣвушекъ дѣлаетъ женщинъ», что онъ «обольстилъ дѣвушку на лугу» и пр.; однимъ словомъ, хмѣль здѣсь является губителемъ дѣвичьей невинности, знаменуя собою жениха, какъ и въ влр. свад. п.:

Гдѣ, хмѣлекъ, зимовалъ,
что не развивался?
Гдѣ ты, парень, ночевалъ,
Что не разувался?...

(Шейнъ, влр. 564, № 36; ср. млр. Лисенко, Збірник, III № 13. Чуб. V. 67, № 144).

Вар.: *W. z Ol.* 41(132), 45(147); *Wojc.* II. 1—8, ср. его-же *Zarysy dom.* 337—340. *Kozl.*, 231; *Kolb.* II. № 30, 69, 106, III. № 42, 106, VI. № 35, 103, IX. № 50, 59, 70, 95, X. № 24, 93, 119, 145—7, XI. № 32, 64, XII. № 160, XVI. № 113, 173, 240, 295—6, 370—8; *Gloger*, *Gody*, № 304 и *Starod. dumy* № 82; *Zb. w. do Antr.* IV. 116(65), VI. 103(10), III. 210, № 34 (ссыл.: *Nesselm.* № 234, 365), см. сравнительную замѣтку *ib.* 185. — Шейнъ, влр., 202, № 57—8; Якушк. 614, № 115; Сах. II. 367, № 7; Варенц. 249; ср. Кирши Данилова: «у Спаса къ обѣднѣ звонятъ»...

Пѣсня 302.

Эту пѣсню поютъ иногда и во время самыхъ розысковъ спрятавшейся невѣсты, которую и означаетъ здѣсь перепелка. У поляковъ послѣ «очепинъ» мужчины гоняются за женщинами, ловятъ ихъ и поютъ эту пѣсню (*Kolb.* XVI, *Lubelskie*, 246); иногда также и молодая убѣгаетъ передъ отправленіемъ на брачное ложе, и ее ловитъ мужъ подъ звуки той-же пѣсни о перепелкѣ, скрывающейся отъ преслѣдующаго ее (*Gloger*, *Gody*, 166, № 342). Этотъ обычай существуетъ и въ Германіи (*Kuhn*, *Märk. Sagen*, 358, у Сумц., О свад. обр., 21). Въ Галиціи молодая послѣ вѣнца «втикае до свого дому» (Лоз. 69). Во Владимір. губ. вмѣсто невѣсты убѣгаетъ къ ея родителямъ кто-нибудь изъ мужчинъ, нарядившись въ женское платье; его наго.

Можетъ быть, и вмѣсто *Полелю*, отбросивъ всякія миѳологическія измышленія, слѣдуетъ читать *полею* и понимать растеніе, разстилающееся „по бору, по кореню“. Проф. Потебня (Объясн. п. 17—8) вм. *Полелю* ставитъ *полою* (зват. отъ *полой*, поемное мѣсто и разливъ), хотя остается не вполнѣ яснымъ, почему разливъ долженъ *разливаться* „*по бору, по кореню*“.

няютъ, привязываютъ къ лошади и наносятъ ему притворные побои, при чемъ онъ обѣщаетъ не бѣгать больше «къ своимъ» (Владим.губ. вѣд. 1876, № 44; Ежег. Влад. стат. комит. 1877, III. 86). Во всемъ этомъ изслѣдователи видятъ указанія на существовавшее въ древности похищеніе невѣстъ (срав. напр. Сумц. *l. c.*), хотя обычай бѣгства молодой могъ выработаться и помимо воспоминанія старины, равно какъ и польскій обычай бѣгства молодого, состоящій въ томъ, что при возвращеніи отъ вѣнца, молодому выносятъ цѣпъ, заставляютъ его молотить, и онъ, взмахнувъ раза два цѣпомъ, бросается въ бѣгство, а другіе его догоняютъ (*Kolb.*, X. 103, ср. 291); иногда молодой передъ отправленіемъ въ опочивальню старается скрыться, и поэтому его сторожатъ и насильно ведутъ къ женѣ (*ib.* 246, 292). Все это указываетъ только на то, что молодыми совершенно естественно овладѣваетъ страхъ передъ предстоящей роковой перемѣною въ ихъ жизни. Скорѣе еще можно бы, пожалуй, видѣть здѣсь указанія на бракъ по принужденію. — Ср. слѣдующ. пѣсню и примѣч.

Вар.: *W. z Ol.* 44(141); *Wojc.* II. 51; *Kolb.* VI, № 144, X. № 159, 161, XVI, № 386; *Gloger, Gody*, № 342, *Kujaw.*, № 61; *Kollár*, I, 310, № 74.

Пѣсня 303.

«Татаронька» — слово непонятное для поющихъ; это искаж. вм. «тетеронька». Слово «тетеря» неупотребительно здѣсь ни въ какой формѣ, тѣмъ болѣе, что и съ самой птицею мѣстные жители почти незнакомы. «Татаркою» по-малорусски и по-польски иногда называютъ гречиху (то и другое названіе имѣетъ въ виду обозначеніе страны, откуда растеніе принесено); но въ Корницѣ это названіе къ гречихѣ никогда не примѣняется; въ одной пѣснѣ, гдѣ говорится о борщѣ, что онъ былъ

Съ цибулькою съ татаркою,
Три дни стоявъ пудъ лавкою,

подъ «татаркою» разумѣютъ лукъ (кажется, именно, сѣянный). Интересно отмѣтить, что какъ въ нашей пѣснѣ сказано «татаронька» вм. «тетеронька», такъ въ одной пѣснѣ Винницк у. Подольск. губ., наоборотъ, встрѣчаемъ «тетеречка» вм. «татарочка»:

Гречечко та *тетеречко*,
Якій въ тебе цвитокъ расный!...
(*Zb. w. do Antr.* VI. 39, № 34).

Перепелка и тетерька въ свадебн. пѣсняхъ имѣютъ символическое значеніе, что̀ отчасти явствуетъ уже изъ того, что и на короваѣ бываютъ

Навдокола тетерочки,
А въ середыни перепелоньки (*ibid.* № 36).

Большею частью эти птицы служатъ символами невѣсты. Такъ на с.-великорусской свадьбѣ главная плакальщица, послѣ продажи невѣсты жениху, говоритъ послѣднему: «вотъ тебѣ тетерка не щипана, не тереблена, самъ щипи, тереби, отъ другихъ береги» (Рыбн. Ш. 408), съ чѣмъ ср. чешскую пѣсенку объ ощипываніи гусыни, имѣющую также, вѣроятно, и переносный смыслъ (*Krolmus* I. 302). О перепелкѣ см. предыдущ. примѣчаніе и Бесѣд. 1872, X. 37. Въ разбираемой нами корницкой пѣснѣ летящая черезъ село тетерька, означая новобрачную, напоминаетъ то символическое бѣгство молодой къ родителямъ, о которомъ упомянуто выше.

Молодая, повидимому, бѣжитъ по селу къ отцу съ жалобой на то, что онъ выдалъ ее за нелюба (Ср. перелетаніе къ роду или къ милому кукушкой, галкой и пр., примѣч. къ п. 265). Въ одной млр. свад. пѣснѣ привезенная къ мужу новобрачная сравнивается съ недавно пойманною тетерькою, которую надо хорошо беречь, такъ какъ она готова ежеминутно улетѣть на старое мѣстожительства (Чуб. VI. № 1246). Наша пѣсня составляетъ какъ-бы продолженіе этой: тетерька дѣйствительно улетаетъ.

Вар.: *Tyszk.* 366; Чуб. IV. № 866, 1020, 1088; Гол. IV. 267, № 1 (*Žeg.* 92).—Ср. слѣд. пѣс.

Пѣсня 304.

«Садъ—виноградъ» въ пѣсняхъ какъ одно понятіе, ср. Бесѣд. VIII. 42. «Садила — любила», ср. прим. къ п. 79. — «Переборе»—зват. отъ малоупотребит. «перебора» (ж. р.), подходящаго по значенію къ «перебѣндя» (общ. р.), привередникъ, капризникъ,—ца; иные поютъ «перебуоръ» (имен. ед. ч.).—Ср. содержаніе предыдущ. пѣсни и п. 263.

Вар.: Чуб. IV. № 1562. V 491, № 95; *W. z Ol.* 283 (105), 450 (340); *Žeg*, П. 181 (30, рус.); *Zb. w. do Antr.* VII. 128, № 21, VIII. 196, № 193.

Пѣсня 305.

Вар.: Чуб. IV. № 1489, 1497; V. 538, № 141; Де-Вол. 120; *Zb. w. do Antr.* VIII. 195, № 191.

Пѣсня 306.

Судя по тому, что самими пѣвицами эта пѣсня считается не очень пристойною, здѣсь нужно видѣть иносказаніе во 2 и 4 стихахъ. Если не ошибаюсь, въ сборникѣ моравскихъ пѣсенъ *Sušil'a* есть пѣсня, въ которой осмѣиваютъ привезенную къ свекрови невѣстку, говоря, что ее объѣли мухи или комары, и намекая этимъ, какъ кажется, на потерю невинности до брака. Въ латышской пѣснѣ

символъ дѣвственности—*вѣнокъ* представляется *хохлатымъ*, какъ въ нашей пѣснѣ сама дѣвушка, и этотъ вѣнокъ отнимаютъ у дѣвушки чужіе люди подобно тому, какъ иней (сална) [1]) *откусываетъ* листья у березы (Спрог. 164—5, № 31, 33). Кромѣ того, «чубокъ» (хохолокъ), можетъ быть, можно отнести и къ дѣвичьей косѣ, которую въ старину очень часто отрѣзывали, и въ параллель къ нашей пѣснѣ поставить польскую:

A jak ci ja byla u swojej matusie,
Miala ja warkocyk - polyskowal mi sie;
Marna chlopowina skoro mnie pojena,
Zmian mi sien warkocyk kieby grochowina....
(*Kolb.* VI. № 106. 3);

вслѣдствіе измѣнившагося обычая, дѣвушка здѣсь жалуется уже не на лишеніе косы, а только на то, что ее приходится мять подъ чепчикомъ.

Вар.: Чуб. IV. № 1462.

Пѣсня 307.

Вар.: *Wojc.* II. 31; *Kolb.* III. № 93, IV. № 136, IX. № 76, 85, X, № 108, XI. № 14, XII. № 165, 618, XIII. № 444, XVI. № 260, 398; *Gloger, Starod. dumy.* № 87; *Smoler* и *H.* I. № 266, II. № 190.

Пѣсня 309.

Это варіантъ пѣсни 92.

Пѣсня 310.

Ср. выше п. 39 и 90.

Пѣсня 311.

«Жорна» и «ступу» иногда въ шутку стараются вынести вмѣстѣ съ приданымъ въ телѣгу, но на самомъ дѣлѣ ни того, ни другого никогда не увозятъ.—Во время выноса приданаго передъ этой пѣснею поется еще слѣдующая, пропущенная мною случайно:

Далисьте намъ дівку, 2
Дайте ще й посьцільку....
Ст. 3–4, какъ въ п. 311 (*нап.* № 1).

Ср. Чуб. IV. № 1110 (Метл. 213), 1157; Гол. II. 111; *Kolb.*, *Pok.* I. № 133; *Zb. w. do Antr.*, VI. 70, № 197.

Вар.: (къ п. 311): Чуб. IV. № 1214, 1218; Демб. 576 (280, ср. 277).—Послѣдніе два стиха ср. еще у Чуб. IV. № 1208. В, 1241 (Метл. 230), 1242. Б; Сах. III. 351², № 4, млр.

Пѣсня 314.

Вар.: Чуб. IV. № 912 (Лоз. 89—90), ср. № 925 и 1405–7. «Сьвитлиця»—пѣсенное слово.

Пѣсня 315.

Пѣсня имѣетъ значеніе величанія; ее поютъ и коровайницамъ, и сватамъ и пр. «Лавы» гнутся, во-первыхъ, отъ многочисленности пріѣхавшихъ, а во-вторыхъ, и отъ ихъ богатства, дорогихъ нарядовъ и т. п., какъ напр. въ польской п.:

Polamaly sien lawy
Pod huczneti swachami, 2.
Pod drogiemi szatami.... *Gloger, Gody* № 256).

Особенно подходитъ этотъ мотивъ къ «приданкамъ», такъ какъ въ этомъ случаѣ пѣсня намекаетъ на богатое приданое, отъ котораго гнутся «лавы», что служитъ къ славѣ невѣсты. Въ латышской пѣснѣ молодая жена говоритъ: «Мѣдный мостъ такъ и гнулся, когда я шла въ чужіе люди: гнали коровъ, везли скрыню, ѣхало верхомъ девять братцевъ» (Трейл. № 519; ср. Милл. и Сорт. № 46; ср. еще Потебни, Объясн. п. 129).

Вар.: Чуб. IV. № 336, 941, 1117, 1259, 1406 и прибавл. № 42, 118; Батюшк. 385, 405 (4); Метл. 212; Гол. IV. 250 (*Zeg.* 73, № 13), 317 (*Żeg.* 111, № 14). 341, № 6; *Zb. w. do Antr.* VI. 55 (112), 75 (221), VII. 246 (5); *Tyszk.* 343; *Gloger, Gody.* № 256.

Пѣсня 316.

Окончаніе напоминаетъ польск. п.; выше, п. 300, строфа 2, и прим.

Вар.: Чуб. IV. № 1344, 1390, ср. 1400; Батюш. стр 385.

Пѣсня 317.

«Наробила» здѣсь значитъ: наткала; «робити кросна, полотно» и т. п.—ткать. «*Подарила* (родину)» не въ влр. смыслѣ: подарить кого чѣмъ; млр. *по* въ этомъ случаѣ означаетъ распространеніе дѣйствія на многіе объекты, какъ влр. *пере*: *побити*, *полапати*—перебить, переловить и т. п.

Вар.: В. Карадж. I. 29, № 48; Чуб. IV, нотное прибавл. № 22.

Во избѣжаніе недоразумѣнія вслѣдствіе непослѣдовательности правописанія въ приводимыхъ мною отрывкахъ изъ другихъ сборниковъ, я долженъ сказать, что я оставлялъ вообще правописаніе подлинника; но вслѣдствіе типографскихъ затрудненій по неволѣ произошли нѣкоторыя отступленія. Такъ,

[1]) По великорусскому выраженію, иней—это „самая лютость и есть", ср. Потебни, Объясн. пѣс. 113 (со ссылк. на его-же „Къ истор. звуковъ", III. 7).

напр., условныя буквы *о*, *ѣ* съ надстрочными знаками, употребленныя Головацкимъ и Закревскимъ, у меня напечатаны безъ надстрочныхъ знаковъ; то-же относится къ бѣлор. полугласному *у* (изъ *л*); условное обозначеніе бѣлор. смягченныхъ зубн. *д*, *т* (у Безсон. и Демб. замѣнено черезъ *дз*, *ц*, а вмѣсто *о* и *е* съ разными надстрочными знаками (у Демб.) я писалъ тѣ гласныя, къ которымъ произношеніе коренныхъ *о*, *е* въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе приближается (а, я, ы, и). Въ случаѣ передачи русскимъ шрифтомъ малорусскихъ текстовъ, напечатанныхъ въ подлинникѣ польскимъ шрифтомъ, вм. поль. *y* я ставилъ *ы* (послѣ шипящихъ и р—*и*) вм. поль *i*—русск. *и*.

Въ заключеніе, укажу, какія пѣсни принадлежатъ къ каждому напѣву:

Къ № 1 — пѣсни: 1—3, 5, 11—13, 15—21, 23—25, 29, 30, 34, 36, 39, 45, 55, 57, 65, 66, 70, 74, 79 (ср. нап. № 7) 83, 86, 90—93, 95—100, 103, 105, 106, 110, 127—132, 134—150, 154, 278, 280, 287, 288, 297, 298, 308—317 и въ прибавл. пѣс. 3 и 4.
Основной слоговой размѣръ для этого напѣва: $[(5+2)+(5+2)]^2$ *).

» № 2 — пѣсни: 6, 7, 9, 10, 22, 28—31, 32, 42, 43, 60—62, 64, 67, 75 (ср. № 3), 156, 157, 281, 293—295, 303, прибавл., п. 1 и 2.
Основной слогов. размѣръ: $[(5+5)+(5+2)]^2$.

» № 3 — пѣсни: 46, 49—52, 75 (ср. № 2), 89, 290, 291, 296, 299.
Основной слогов. размѣръ: $[(5+5)+(5+5)]^2$.
NB. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ иногда поются также по напѣву № 9.

» № 4 — пѣсни: 14, 26, 37, 38, 40, 41, 48, 59, 63, 85, 87, 101, 102, 125, 155, 279, 283, 284, 286, 289, 292, прибавл., п. 5 и 8; см. № 35 (ноты).
Основной слоговой размѣръ: $[(5+3)+(5+3)+(5+5)+(5+2)]$.

» № 5 — пѣсни: 4, 27, 56, 84, 94, 104.
Основной слоговой размѣръ: $[(5+5+3)]^2$.

» № 6 — пѣсни: 33, 77, 126, прибавл., п. 6 и 9.
Основ. слогов. размѣръ: $[(3+3+3)]^2$.

*) Указываю размѣры только собственно свадебныхъ пѣсенъ и притомъ безъ варіантовъ, повтореній и припѣвовъ, а во вторыхъ, только *предположительно*.—Маленькія скобки заключаютъ въ себѣ стихъ, большія—строфу или часть ея; въ послѣднемъ случаѣ число такихъ частей, составляющее строфу, обозначено маленькой цыфрой справа.

Къ № 7 — пѣсни: 8, 54, 68, 76, 79 (ср. № 1), 133, прибав., п. 7 (ср. № 8).
Основной слогов. размѣръ: $[(5+2)+(5+2)]$..

» № 8 — пѣсни: 35, 44, 53, 58, 69, 78, 158, 318, прибав., п. 7 (ср. № 7).
Основной слогов. размѣръ: $[(5+4)+5+4)]$.

» № 9 — пѣсни: 88, 277, 282.
Основной слогов. размѣръ: $[(5+5)+(5+5)]$
NB. Эти пѣсни иногда поются также по напѣву № 3.

» № 10 — пѣсни: 111, 112 (ср. № 11), 159, 204.
» № 11* — » 122 (ср. № 10), 115, 153, 188, 198, 304; см. № 20.
» № 12** — пѣсни: 113, 123, 160, 164, 171—178, 187, 218 и 306 (160, 218 и 306 поются также по № 13).
» № 13 — пѣсни: 114, 160, 218, 305, 306 (ср. № 12).
» № 14 — пѣсни: 116, 151, 152, 165—170, 205; см. № 32.
» № 15 — пѣсни: 117, 206—209, 212, 213 (208 и 212 также по № 16).
» № 16 — пѣсни: 208, 210—212 (ср. № 15).
» № 17 — » 118—122, 219—271 (послѣдняя и по № 26).
» № 18 — пѣсня 124.
» № 19 — пѣсни: 162, 163, 179—184.
» № 20 — » 199—202. *NB*. Эти пѣсни, кромѣ 201, иногда поются также по № 11.
» № 21 — пѣсня 203.
» № 22 — » 217.
» № 23 — пѣсни: 185, 186.
» № 24 — пѣсня 214.
» № 25 — пѣсни: 215, 216.
» № 26 — » 224, 271 (ср. № 17).
» № 27 — пѣсня 285.
» № 28 — » 301.
» № 29 — » 300.
» № 30 — » 302 и отрывокъ 161.
» № 31 — » 307.
» № 32 — пѣсни, которыя поются также по напѣву № 14.
» № 33 — пѣсня 272.
» № 34 — » 276.

Н. Янчукъ.
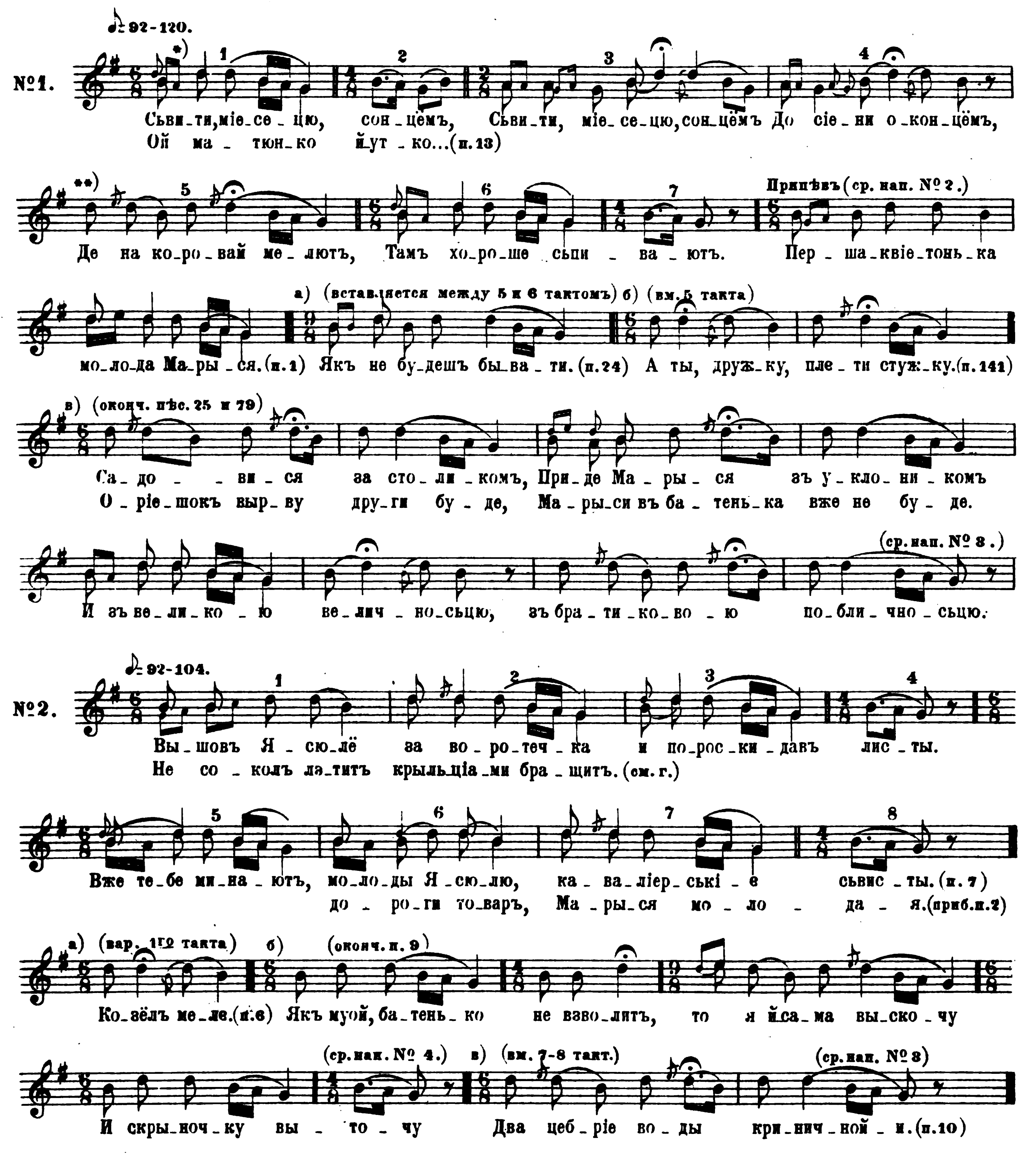
Москва,
ноябрь, 1885 г.

*) Аккомпанементъ см. въ прилож. къ № 15 „Радуги" за 1885 г., къ сожалѣнію, съ опечатками.
**) См. „Радугу", прилож. къ № 43.

НАПѢВЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ,
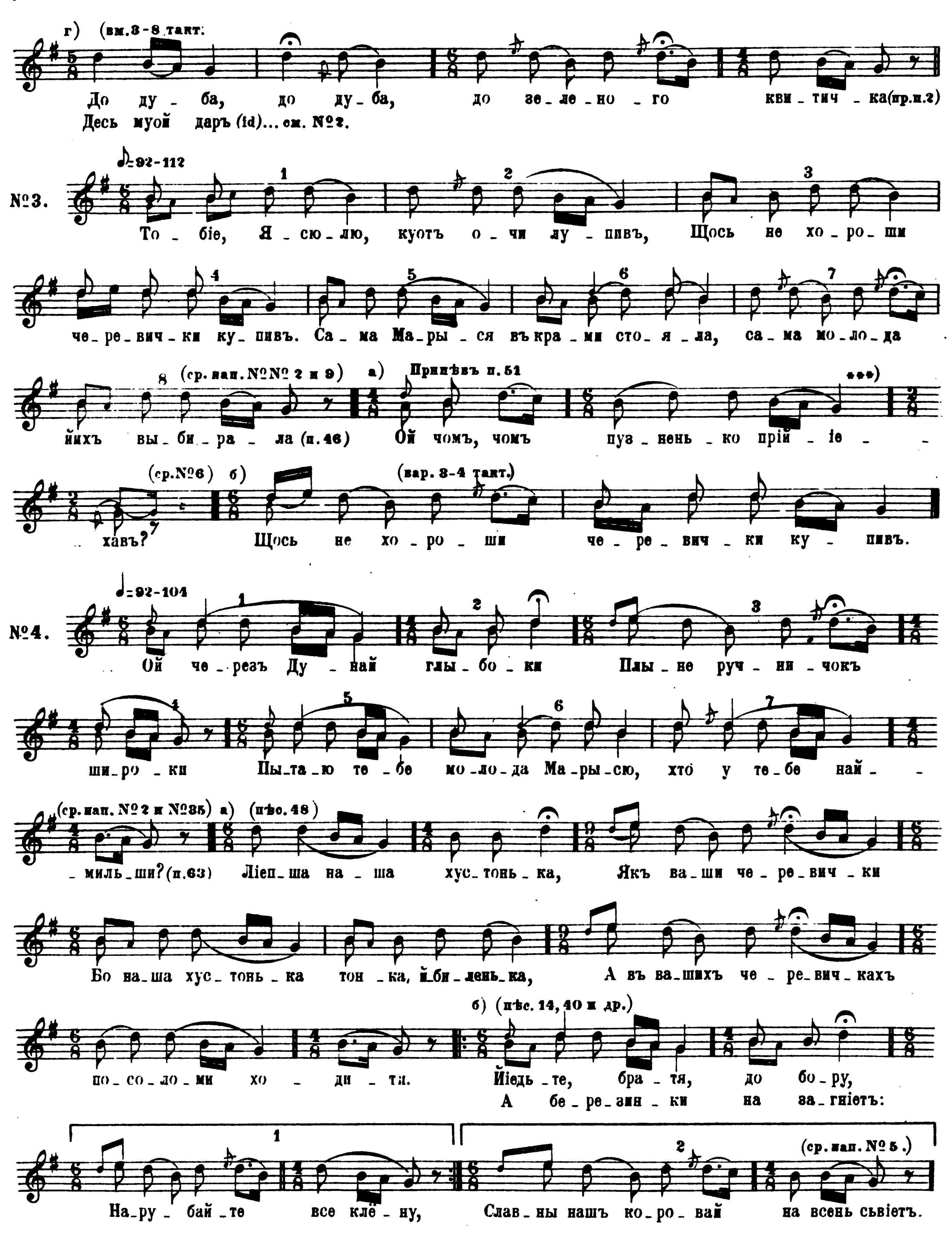
записанные въ селѣ Корницѣ, Сѣдлецкой губ., Константиновск. у., Н. Янчукомъ.

А. СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.
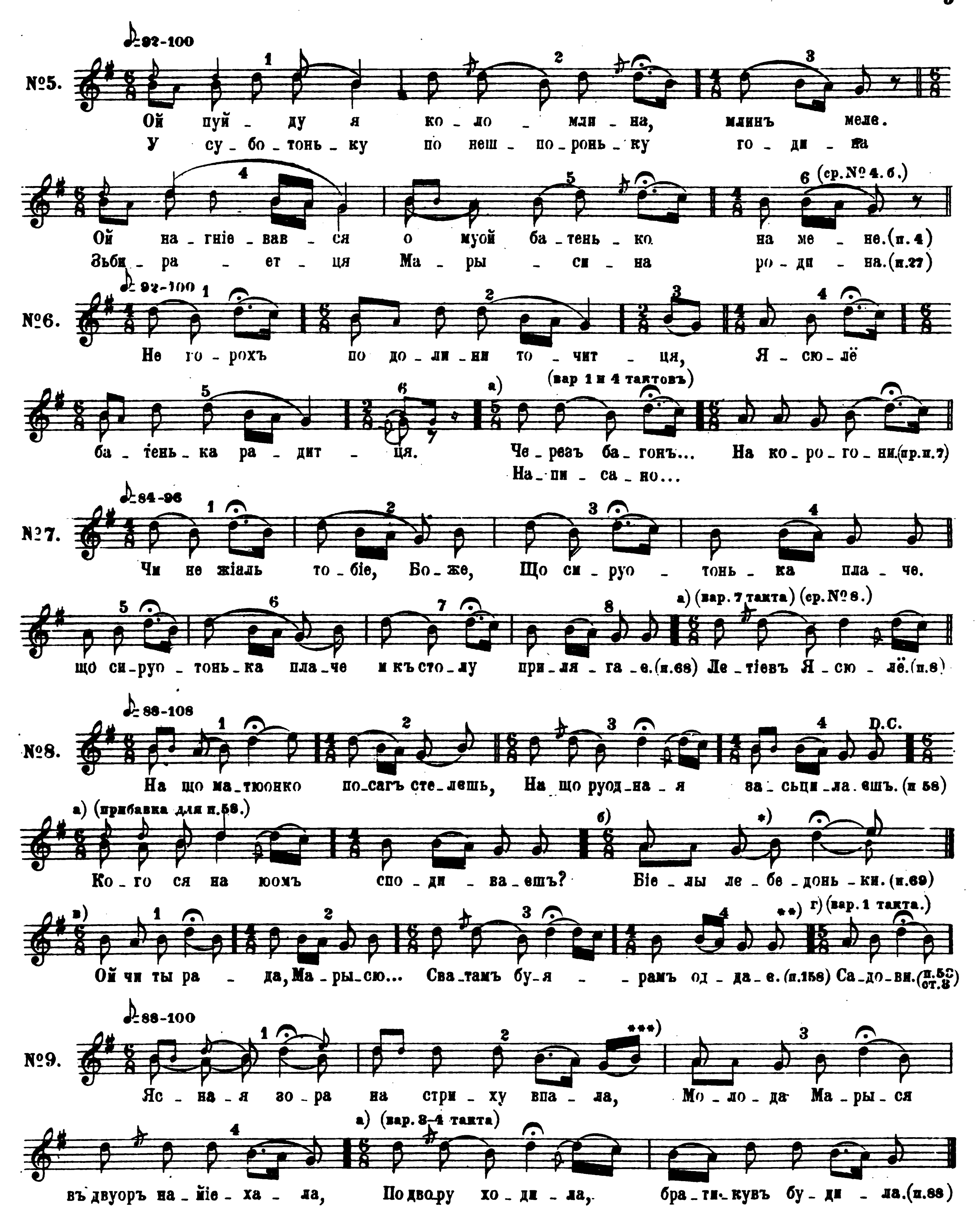

*) Маленькія, неперечеркнутыя нотки означаютъ варіацію мотива, обусловливаемую обыкновенно количествомъ слоговъ въ стихѣ. Другія отступленія отъ основного мотива показаны при каждомъ напѣвѣ подъ буквами а, б и т. д.

**) [ноты] часто исполняется какъ [ноты], особенно, когда въ стихѣ есть лишній слогъ противъ общаго состава.

***) Такое раздѣленіе оправдывается тѣмъ между прочимъ, что именно это колѣно въ 6/8 встрѣчается въ свадебныхъ корнинцкихъ напѣвахъ сплошь и рядомъ.
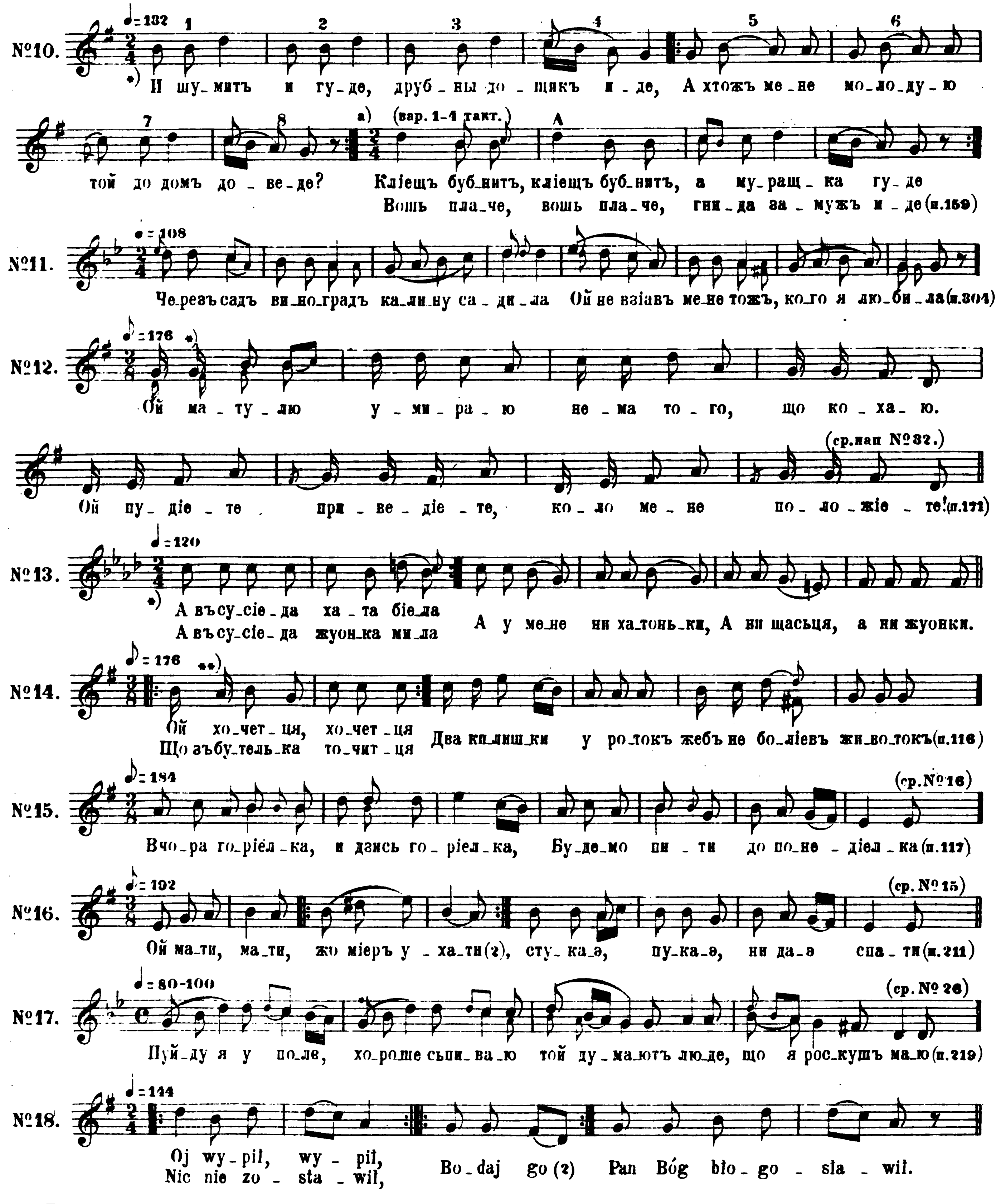

*) вар. 1го такта въ послѣдующихъ строфахъ, но не въ 1й.

**) образчикъ исполненія 8-сложныхъ стиховъ вм. 9-10-сложныхъ.

***) эти двѣ 16я исполняются иногда, какъ двѣ осьмыя.

Б. Пѣсни лигическія, шуточныя, краковяки и т. п.

(поются и помимо свадьбы.)

*) Тексты этихъ двухъ пѣсенъ не внесены въ настоящее описаніе свадьбы.

**) Двѣ 16я въ началѣ каждаго такта исполняются иногда, какъ $\frac{1}{16}$ съ точкою + $\frac{1}{32}$. Тоже относится отчасти къ напѣвамъ: № 14, 21, 29, 30 и 32, имѣющимъ темпъ мазурки.

cp. Erben Napěvy etc 1862 №179.
Wacł z Ol напѣвъ №24.

А. хто вы_пи_ва_е Лу_пу цу_пу (2) То_му до_ли_ва_е (п. 124.)
То_му до_ли_ва_е

№19. ♩=126.

Тан_цё_ва_ла Фрей_да и панъ Бо_ру_хов_ски,

cp. №18.

и по_по_ва сьви_ні_а и кэр_нозъ жи_дов_ски (п. 162.)

№20. ♩=120.

Ру_бай, ру_бай та_ту дро_ва, я бу_ду лу_чи_ну.

Лю_би, лю_би та_ту, ма_му, я бу_ду дієв_чи_ну (п 199)

№21. ♩=168. cp. Kolberg Pieśni I 346 №123.

Не хо_ди по_по_лю, не зьбирай ку_ко_лю, Не моргай о_чи_ма, не_твоя дієвчина (п. 203.)

№22. ♩=104.

Тамъ пудъ бо_ромъ кали_на(2) Тамъ дієвчи_на серденько гу_ля_ла, гу_ля_ла. (п. 217.)

№23. ♪=176.

O_że ni_łem się to chwa_ła Bo_gu wziąłem dziewczy_nę do_bre_go ro_du
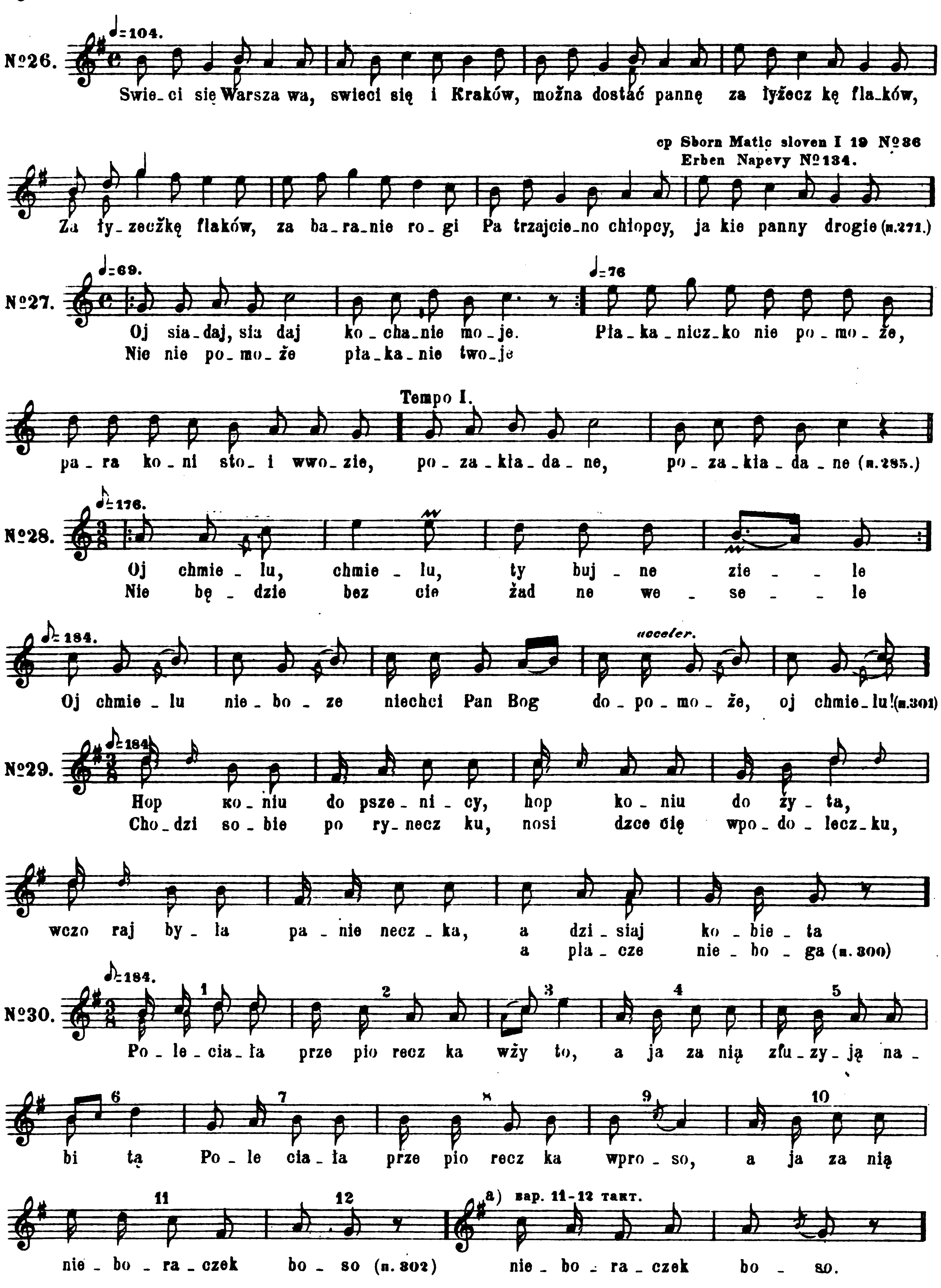
Do_bre_go ro_du pięk_ne_go cho_du Nie wmiała ro_bić u_mar_ła zgło_du (п. 185.)

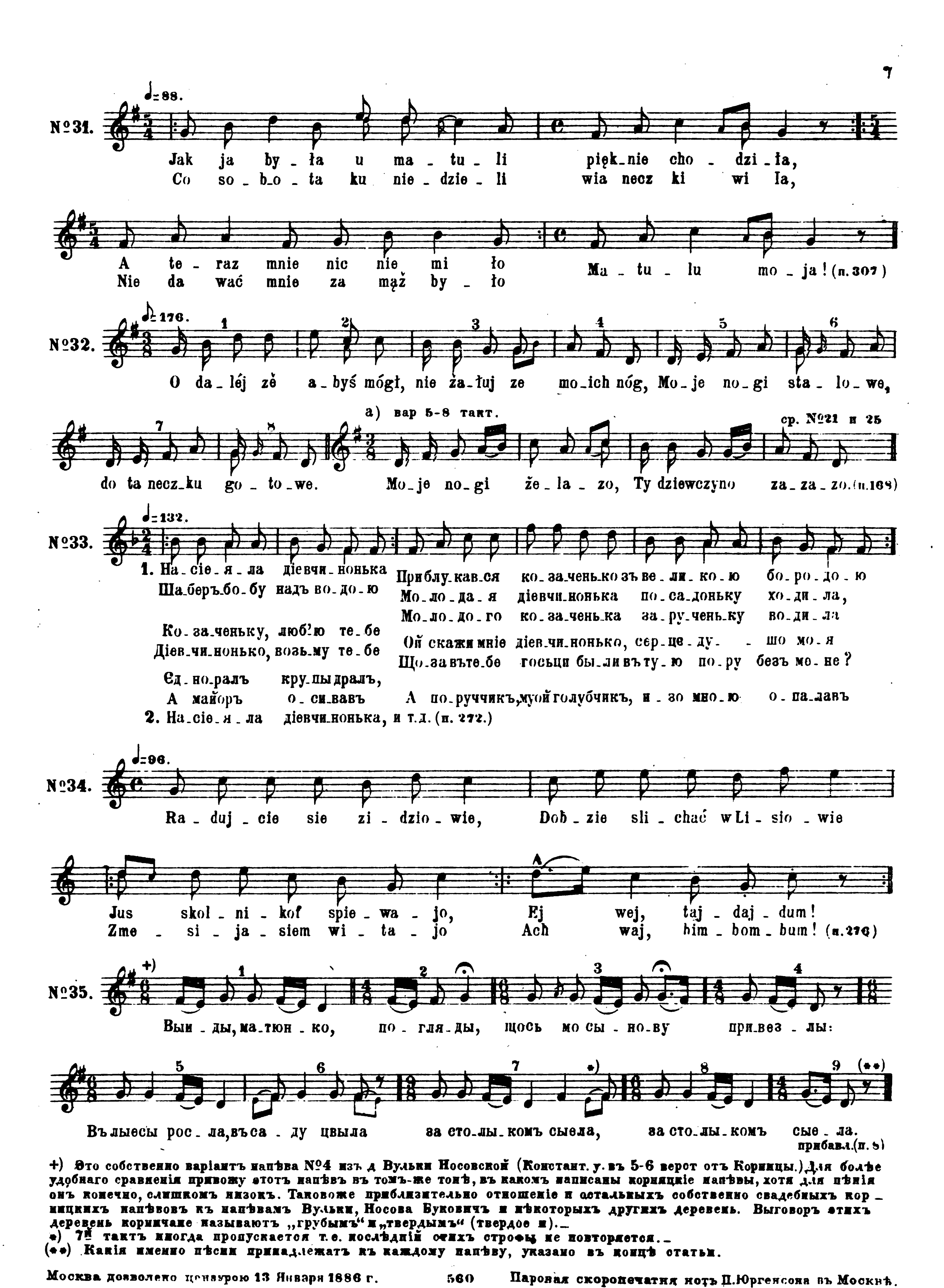
№24. ♩=80.

Chodzi po sie_ni w sukni zielonej oj za_cze_kaj mój Jasień ku choć do je sie_ni. (п. 214.)

№25. ♪=176. cp. №32 a

A wpo_lu li_pa sto_ja_ła Ja_sio się dowie dział zchusteczką za_leciał je wab_ną (п. 215.)
Pod nia Ka sieńka pla_ka_ła

♩=104.
№26.
Swie_ci się Warsza wa, swieci się i Kraków, można dostać pannę za łyżecz kę fla_ków,
cp Sborn Matic sloven I 19 №36
Erben Napevy №134.
Za ły_zeczkę flaków, za ba_ra_nie ro_gi Pa trzajcie_no chłopcy, ja kie panny drogie (н.271.)
♩=69.
№27.
Oj sia_daj, sia daj ko_cha_nie mo_je.
Nie nie po_mo_że pła_ka_nie two_je
♩=76
Pła_ka_nicz_ko nie po_mo_że,
Tempo I.
pa_ra ko_ni sto_i wwo_zie, po_za_kła_da_ne, po_za_kła_da_ne (н.285.)
♪=176.
№28.
Oj chmie_lu, chmie_lu, ty buj_ne zie_le
Nie bę_dzie bez cie żad ne we_se_le
♪=184.
acceler.
Oj chmie_lu nie_bo_ze niechci Pan Bog do_po_mo_że, oj chmie_lu! (н.301)
♪=184
№29.
Hop ko_niu do psze_ni_cy, hop ko_niu do ży_ta,
Cho_dzi so_bie po ry_necz ku, nosi dzce cię wpo_do_lecz_ku,
wczo raj by_ła pa_nie necz_ka, a dzi_siaj ko_bie_ta
a pła_cze nie_bo_ga (н.300)
♪=184.
№30.
Po_le_cia_ła prze pio recz ka wży to, a ja za nią zfu_zy_ją na_
bi tą Po_le cia_ła prze pio recz ka wpro_so, a ja za nią
nie_bo_ra_czek bo_so (н.302)
a) вар. 11-12 такт.
nie_bo_ra_czek bo_so.

+) Это собственно варiантъ напѣва №4 изъ д Вульки Носовской (Констант. у. въ 5-6 верст отъ Корницы.) Для болѣе удобнаго сравненiя привожу этотъ напѣвъ въ томъ-же тонѣ, въ какомъ написаны корницкiе напѣвы, хотя для пѣнiя онъ конечно, слишкомъ низокъ. Таковоже приблизительно отношенiе и остальныхъ собственно свадебныхъ корницкихъ напѣвовъ къ напѣвамъ Вульки, Носова Буковичъ и нѣкоторыхъ другихъ деревень. Выговоръ этихъ деревень корничане называютъ „грубымъ“ и „твердымъ“ (твердое и).—

*) 7й тактъ иногда пропускается т. е. послѣднiй стихъ строфы не повторяется.—

(**) Какiя именно пѣсни принадлежатъ къ каждому напѣву, указано въ концѣ статьи.

Москва дозволено цензурою 13 Января 1886 г. 560 Паровая скоропечатня нотъ П. Юргенсона въ Москвѣ.

Приговоры или причеты о табакѣ.

Этнографическая замѣтка

П. В. Шейна.

Приговоры или *причёты**)—это одна изъ меньшихъ, относительно болѣе юныхъ отраслей произведенiй народной словесности, на собиранiе и изученiе которыхъ до сихъ поръ не было обращено достаточное вниманiя нашими этнографами. А между тѣмъ, въ этихъ произведенiяхъ скрывается цѣлый кладъ народнаго юмора, народнаго остроумiя и не мало свѣжихъ слѣдовъ бытовой старины, хотя заурядъ не очень-то далекой. Эти произведенiя, хотя и сложились подъ замѣтнымъ влiянiемъ письменности, однако могутъ служить новымъ доказательствомъ тому, какъ живуче творчество нашего народа въ его словѣ, какъ онъ мастерски умѣетъ пользоваться этимъ словомъ для выраженiя всего того, что его радуетъ, тѣшитъ и веселитъ.

По формѣ изложенiя приговоры бываютъ: а) *стихотворные*, довольно часто риѳмованные, и б) *прозаическiе* — въ размѣренной прозѣ, приправляемой риѳмами. Что же касается до содержанiя, то ихъ можно пока раздѣлить на слѣдующiе отдѣлы: а) *привѣтственные* или пожелательные, какъ, напр., при встрѣчѣ, при мѣсивѣ хлѣба, при питьѣ, ѣдѣ, чиханьѣ, при выходѣ изъ бани и пр.; сюда же относятся и разныя прибаутки нянекъ и пр.; б) *издѣвочные* — сатирическiе, относящiеся къ разнымъ возрастамъ, поламъ, сословiямъ, нацiональностямъ, собственнымъ именамъ и пр.; в) *промысловые—уличные, зазывные*, теперь почти исчезнувшiе, но употреблявшiеся безпрестанно въ весьма недалекомъ прошломъ цирюльниками (при баняхъ), сидѣльцами гостиннаго двора въ Москвѣ, разнаго сорта разнощиками съѣстныхъ припасовъ и лакомствъ, какъ, напр., паточниками, клюквенниками и т. п.; г) *пригласительные* и *объяснительные*. Сюда относятся зазывы балаганныхъ Петрушекъ и своеобразныя, подъ часъ весьма нецензурныя, объясненiя уличныхъ понорамщиковъ или раечниковъ. Послѣднiе два рода причетовъ отличаются преимущественно сатирическимъ характеромъ; д) *удалые*, ободряющiе къ веселью и разгулу. Они большей частью коротенькiе и безъ исключенiя въ стихотворной формѣ и произносятся въ какомъ-то вакхическомъ изступленiи во время плясокъ пляшущими обоего пола. Содержанiе ихъ нерѣдко весьма скабрёзное *). Въ Бѣлоруссiи эти причеты, извѣстные подъ именемъ припѣвокъ, произносятся *музыкой*, *скоморохомъ* (музыкантомъ — скрипачемъ или дударемъ, безъ котораго тамъ не обходится ни одно веселье). И наконецъ—е) **), *просто увеселительные*, балагурные, имѣющiе въ виду только привлечь вниманiе слушателей къ производимому въ данную минуту дѣлу и занять ихъ хитросплетенной, забавной рѣчью, которая, впрочемъ, по прирожденному складу русскаго ума, не обходится безъ сатирической соли. Сюда относятся приговоры и прибаутки дружекъ и свахъ на свадьбахъ, бабокъ-повитушекъ на крестинахъ и наконецъ причеты во время нюханья табака. Послѣднiе еще лѣтъ 20—25 тому назадъ практиковались весьма часто въ великорусскихъ губернiяхъ. Въ средѣ крестьянской, мѣщанской и солдатской, ихъ тутъ повсюду можно было слышать изъ устъ заправскихъ нюхальщиковъ, когда они за какой-либо работой сообща или просто въ бесѣдѣ приступали при всей честной компанiи къ процессу нюханья. Теперь же въ наше время и слухъ простылъ о такихъ причетахъ,—ихъ днемъ съ огнемъ не отыщешь.

Употребленiе табака, проникшее къ намъ въ Россiю еще въ первой половинѣ 17-го столѣтiя, не смотря на сильное преслѣдованiе, которому оно

---

*) И причитанiя въ родѣ тѣхъ, которыя собраны почтеннымъ Е. В. Барсовымъ и изданы въ 2 томахъ подъ заглавiемъ „Причитанья Сѣвернаго края" называются въ иныхъ мѣстахъ *причётами*. Они, какъ извѣстно, совершенно другого характера и склада, и выражаютъ всегда суровую сторону жизни: страданiя, лишенiя, горе и печаль. Поэтому они во многихъ губернiяхъ и носятъ названiе воплей, плачей, заплачекъ и т. п. Понятно, что я ихъ тутъ не могъ имѣть въ виду. *П. Ш.*

*) См. мой великорусск. сборн. Ч. I, стр. 220—221.

**) См. Май бѣлорусск. сборн. 265—275.

подвергалось на первыхъ же порахъ со стороны правительства и духовенства, а впослѣдствіи и отъ раскольниковъ, весьма скоро, особливо послѣ указовъ Петра Великаго о вольной продажѣ табака и вообще поощрительныхъ мѣръ правительства къ разведенію его повсемѣстно въ Россіи, такъ стало входить въ нравы русскихъ людей, что мало по малу съ теченіемъ времени сдѣлалось ежедневной, необходимой потребностью не только высшаго и средняго сословій, но и среди крестьянства. Табакъ, на ряду съ водкой, сталъ утѣшителемъ и ободрителемъ его въ горѣ и счастьѣ, и вошелъ въ обиходъ его лѣчебныхъ средствъ. Табакъ такъ пришелся по нраву нашему народу, такъ завладѣлъ его фантазіей, что породилъ цѣлый циклъ произведеній въ формѣ легендъ, пословицъ, поговорокъ, причетовъ, прибаутокъ и весьма забавныхъ лубочныхъ каррикатуръ *)

Табакомъ стали пользоваться у насъ преимущественно въ двухъ видахъ: а) крошеннымъ — для куренья, и б) тертымъ въ порошокъ—для нюханья. Люди состоятельные свободныхъ сословій для употребленія табака въ томъ и другомъ видѣ вскорѣ обзавелись разною необходимою утварью, какъ-то: кисетами, чубуками, мундштуками, затѣйливыми табакерками, большей частью произведеніями иностранной мануфактурной промышленности, какъ показываютъ и самыя названія, въ то время какъ крестьяне, мѣщане и солдаты курили это ославленное раскольниками зелье изъ простыхъ трубокъ, а нюхали его изъ берестяныхъ тавлинокъ и рожковъ—или своего домашняго издѣлья.

Записные *нюхальщики*—любители изъ простолюдиновъ, большей частью люди досужіе, опытные, краснобаи, въ прежнее, очень не далекое отъ насъ время, носили съ собой нюхательный табакъ въ рожкахъ, изъ коихъ производили процессъ нюханья слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: вынетъ, бывало, такой завзятый табаконюхъ изъ кармана или изъ-за пазухи свой завѣтный рожокъ, бережно оттокнетъ затычку изъ остраго его конца, быстро раскроетъ плашмя правую руку, обративъ по направленію къ носу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оттопыривъ и вытянувъ какъ можно больше большой палецъ, вслѣдствіе чего, въ корнѣ его, т. е. въ началѣ кисти, образуется ямка—фырокъ *). Въ эту-то ямку онъ лѣвой рукой *трясомъ* насыплетъ приличную порцію табаку съ походцемъ во всю длину кровяной жилы, вплоть до ногтя, затѣмъ, приложившись къ этой насыпкѣ лѣвой ноздрей, наклонивъ нѣсколько направо голову, вдругъ повернетъ ее съ маху на лѣво и быстро, съ нѣкоторымъ даже сапомъ, обѣими ноздрями втянетъ въ носъ всю на-

---

*) „Въ процессіи „Мыши кота погребаютъ", въ верхнемъ ряду одна мышь везетъ боченокъ, верхомъ на ней сидитъ другая, маленькая мышь, и куритъ изъ коротенькой голландской трубочки, — надъ ней поставлена надпись: „мышка тянетъ табачишка". Куренье табаку въ Россіи было запрещено подъ страхомъ смертной казни указомъ царя Михаила Θеодоровича въ 1634 году, а по *Уложенію* о наказаніяхъ царя Алексѣя Михайловича курильщиковъ наказывали кнутомъ, рвали имъ ноздри и рѣзали носы (Уложен. XXV; гл. 11 и 16). Несмотря на это, *питухи и пропойщики*, занимавшіеся куреніемъ табака, встрѣчались въ народѣ, въ людяхъ всякихъ чиновъ и, по свидѣтельству Карлейля, бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ русскіе были охотники употреблять табакъ, въ особенности курительный, и упивались дымомъ его до обморока. Дозволеніе ввозить (до десяти бочекъ въ годъ) траву никоціану—дано было въ первый разъ Петромъ англійскому маркизу Кармартену въ 1698 году на семь лѣтъ, причемъ дозволено ему привозить и нѣмецкія *никоціанныя* трубки, коробочки и другія мелочи къ никоціанному куренію (Полн. Собр. Зак. № 1628). Затѣмъ указами 1723 и 1727 г. (Полн. Собр. № 4381, п. 3 и 5164) объявлено было о *вольной продажѣ* табака и даже приказано разводить его въ Россіи повсемѣстно. Раскольники однако же продолжали по прежнему чуждаться табачнаго зелья, посаженнаго сатаною".

(Изд. IV книги г. Д. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки". Сборникъ Отд. Р. Яз. и Сл. И. А. Н. Т. XXVI, стр. 265—66).

„Фотій ненавидѣлъ табакъ во всѣхъ видахъ, считалъ одинаково смертнымъ грѣхомъ куренье и нюханье. Особенно онъ вооружался противъ нюханья, такъ какъ оно больше всего и было распространено между монахами, какъ безвредное, незамѣтное для другихъ развлеченіе во время долгихъ ночныхъ стояній. Ратуя языкомъ и жезломъ противъ нюханья, Фотій такъ объяснялъ важность этого грѣха: „Посмотрите на безсловесныхъ псовъ, откуда у нихъ блудъ начинается? не отъ нюханья ли? такъ и человѣкъ уподобляется скоту, коль услаждается нюханіемъ табаку".

Изъ ст. „Разсказы объ архимандритѣ Фотіи" „Историч. Вѣстникъ 1885 г. сентябрь, стр. 570."

„Старообрядцы г. Черкасъ, Кіевской губерніи, приводятъ слѣдующее мнимое пророчество противъ курительнаго табаку:

И настанутъ вѣки
И народятся человѣки:
Во мѣсто кадила,
Будутъ употреблять табачное курило,
И, моляся Богу,
Станутъ оттопыривать все ногу.

Нюхать табакъ, по ихъ понятію, еще омерзительнѣе нежели курить. По этому поводу разсказываютъ слѣдующее преданіе: Іуда Искаріотскій, ростившій и продававшій табакъ нюхательный, продавалъ его лептою дешевле, чѣмъ курительный, съ тою именно цѣлью, дабы уступкою осквернить и погубить больше народа (ИзъXIII. Т. Извѣстій Имп. Общ. Люб. Ест., Антрополог. и Этнографіи, вып. 1-й, стат. подъ заглавіемъ „Обзоръ Этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 г. стр. 81).

*) „*Фырокъ*—ямка межъ двухъ сухихъ жилъ, подъ приподнятымъ пальцемъ, откуда рожечники нюхаютъ табакъ".— Слов. Даля. — Замѣчательно, что эта ямка и у французовъ называется la tabatière de pouce (см. Гиртля анатомія челов. тѣла).

сыпку или *напоечку*. Это называлось *„нюхать съ соколка“* **).

Вотъ во время всей этой процедуры, когда она производилась въ присутствіи другихъ, за работой, или въ бесѣдѣ; и произносились съ толкомъ и разстановкой нашими старинными нюхальщиками нижеприводимые причеты.

—

1. (Тульск. г. Епифань).

Давайте занюхнемте! рожки за поясъ заткнемте, затычки на море махнемте, чтобъ намъ такихъ мастеровъ отыскать, крутые горы откопать, затычки отыскать. Идеть Лактюшка,—у Лактюшки носъ отмерзъ, изъ ноздрей табакъ сыпится. Онъ три лопаты въ носъ засыпаетъ, половину кузнецу отдаетъ. Не сказать ли вамъ, братцы, про себя, какъ я жилъ у попа въ работникахъ? У попа была попадья воровлива, украла она гудокъ да дергало,—она думала, что изъ этой корысти сдѣлать? Сдѣлала она топорокъ—ни малъ, ни великъ—семерымъ не поднять. Я въ молодости одинъ поднялъ. Пошелъ я въ лѣсъ искать дерево,—не могъ я по себѣ дерево найдтить; нашелъ я дерево липку, въ тоненькую нитку. Я и давай рубить. Вдругъ отскочилъ чурокъ, и попалъ мнѣ въ лобокъ; я и покатился, какъ дурачекъ. Пролетѣлъ комаръ да муха. Комаръ говорить: «давай его здѣсь хоронить», а муха говоритъ: нѣтъ, давай подъ небеса тащить.

Комаръ мнѣ на ноги ступилъ, всѣ суставы повредилъ: мнѣ теперь плясать невозможно. — Ну вотъ, говоритъ: братцы, всѣ ли вы здѣсь? Такъ есть у насъ Антоновъ мостъ, на 15 верстъ. Кто изъ васъ не вѣрить, тотъ пущай сходить, да помѣрить. Здѣсь ѣхалъ Прокофій, онъ разсыпалъ картофель. Арапы подбѣжали, да картофель подобрали. Они сѣли да глядять, другъ на дружку поглядять, они думають, что пирогъ съ говядиной ѣдять.

(*Зап. мною въ 1864 г. отъ подгородной крестьянки*).

—

2. (Пск. г, великолуцк. у, с. Ѳедирцово).

Понюхаю табаку за пана маки, табаку я нюхну, за рѣчку махну. Махнулъ я за рѣчку: Летаеть ворона, на мяне крычить: синь кафтанъ, синь кафтанъ! Я думалъ скинь кафтанъ,—я его и скинулъ. Побѣгъ въ одной рубашкѣ. Вотъ я бѣжи, бѣжи—прибѣгаю къ болоту. У болота на колодѣ сидить чортъ, не чортъ, въ красныхъ штанахъ.—Здорово мужичекъ! Нюхашъ ли табачокъ? «Нюхаю»,—А дѣтки твои?—«Учатся».— А трехъ денъ молоденъ?—«И тотъ примается».—Далъ онъ мнѣ рожокъ. Взялъ я этотъ рожокъ, побѣгъ понемножку. Прибѣгаю къ деревнѣ. Стоитъ деревня на клѣткѣ, на повѣткѣ, лежить мужикъ уморившися, на навозъ уваливщися. Идетъ свинья, рыло задирая, носъ подымая: ахъ кусокъ, кусокъ! да лежитъ онъ высокъ, а кабы досталъ, насолилъ бы усокъ. На такой на горѣ, на крутой, стоить дубъ точеный, и въ томъ то дубу лежить быкъ печеный, а добрые то молодцы подрѣзають и подъѣдають. «Ахъ ѣда, молодецкое кушанье». Эта-жъ моя не сказка, а присказка. Ума разума не вредитъ. Тетушка Варвара, широкіе карманы, Марьи Ивановны, городскія барыни,—извольте стоять да кушать, а другіе стоять, да слушать. Несъ, поднесъ подъ самый носъ. Каковъ вкусъ, каковъ цвѣтъ? Откушай сосѣдъ! Всѣ пьють да хвалять, нашего брата по головушкѣ гладять.

(*Зап. мною въ 1868 г. отъ слѣпаго крестьянина*).

—

3. (Витебскъ).

Ай да табачекъ, не пересушеный, не перезяленый, на пары поставленъ; когда его нѣтъ, тогда его хочется. Богатый дивится, чѣмъ нуждный живится. Нуждный конскій слѣдъ вырѣзаеть, по три денюжки лупить. Братъ, поѣдемъ у горы крутыя, въ овраги большіе, гдѣ полозы гнутся, оглобли разгибаются, онучи треплются, лапти носются. Шелъ братъ по одной улицѣ, а я по другой.—«Здорово братъ!»—Здорово—«Есь рожокъ»?—Есь. «Есь табачокъ»?—Есь. «Будемъ нюхать?»—Будемъ. Вотъ братъ, какъ нюхнулъ, къ верху ногамъ брыкнулъ, а я нюхнулъ, да и за море махнулъ. Тамъ сталъ я подъ небеса лѣстницу подводить. Мѣсяцъ, солнце вмѣстѣ слились. Лѣстница пошатнулась, я оборвался, да у яму упалъ. Тамъ я три годы сидѣлъ. Шелъ около меня мельникъ, самый бездѣльникъ, меня оттуда вытащилъ. Вотъ сталъ я поминать всѣхъ стариковъ: трехъ Матрехъ и Луку съ Пятромъ, дѣда Дрозда и бабу Дроздиху... Ха-а-рошъ та—ба—чокъ!

(*Зап. со словъ стараго солдата ученикомъ Витебск. гимназіи Торковымъ*).

—

4. Орловск. г. Елецк. у.

Понюхаемъ табачку носоваго
Да вспомянемъ дядюшку Мосолова,
Да еще трехъ Матрёнъ,
Да Луку съ Петромъ,
Да Якова безпятова,
Да Тихона горбатаго,
Да Трифона калашника,
Да Матюшку табашника.
Ай да табачокъ.
Ай да березинскій!

**) *„Соколокъ* (vena cephalica pollicis) кровяная жила у человѣка, идущая къ большому персту, изъ коей пускають кровь“. Словарь Березина.

Кто нюхаетъ табакъ,
Тотъ не ходитъ въ кабакъ:
У него только денегъ на табакъ.

(*Зап. въ 1862 г. А. М. Агафоновой*).

—

5. Тула.

Дьячокъ, дьячекъ!
Гдѣ твой табачокъ?
— Въ алтарѣ на полочкѣ
Одна напоечка.
Не будетъ ли двѣ?
Дай же и мнѣ.

(*Зап. мною*).

—

6. Псковск. г. Порховск. у., с. Поддубье.

Ахъ то добръ табакъ!
Хто жъ тебя мололъ?
Меня мололъ Терёха.
Ѣхалъ онъ на телѣгѣ:
Оси приломалися,
Привихлялися.
Взялъ Терёха топоръ,
Пошелъ въ сырой боръ.
Въ сыромъ-то бору
Сидитъ божекъ на пнѣ.
«Здравствуй, боженька»!
—Здравствуй, мужичекъ!
—Нюхаешь ли табачекъ?—
«Нюхаю».
—Нажъ табѣ рожокъ.
—Гдѣ крошка канетъ,
—Тамъ церква станетъ.
—Староверамъ Богу молиться.

—

7. Витебск. губ. и уѣзда.

Голь, голь голячокъ,
Хорошенькій табачокъ.
Сядземъ при колодзѣ
При доброй угодзѣ,
Занюхаемъ табачку,
Къ одному бочку.
Прибѣгаецъ чухна хухна
Ухвацила рожки.
Я узяу джуплу *),
Давай догоняць Чухну,
Давай прибиваць хухну
—Идзецъ панъ Иванъ.
«Зашто, мужикъ, бьешъ?
Зашто забиваешъ»?

—О забью, панокъ,
Забью, голубокъ,
Забью за нюхъ табака,
Забью за мѣстъ собака.

(*Зап. мною осенью 1877 г. отъ кучера*).

—

8. Минск. г. Борисов. у.

Нюхъ, нюхъ табачку,
Грошъ на ручку!
Нюхау бацька,
Нюхала матка
И Ауласъ и Апанасъ.
Тольки тые не нюхали,
Што у колысьцы колыхали.
Охъ ты табачки не перепалени,
На мѣрѣ постаулени.
Пойдземъ мы братцы дирогой.
Идзецъ дзѣдъ—ни дзѣдъ, Бохъ-ни Бохъ,
У синихъ штанёхъ,
У жоутыхъ чыботохъ.
«Здраствуй, дзѣдушка»!
—Здраствуй, дзѣтушки!
«А почемъ познали?
—Хорошо хвамиллю назвали.
Сядземъ жа на колодзѣ,
На доброй выгодзѣ
Табачка понюхаемъ,
Добрыхъ людзей послухаемъ.
Ахъ братцы, затычку сцерали:
Пойдземъ, братцы, гиры долины копаць.
Гиры долины раскопали
И затычку споймали.

(*Зап. мною въ сент. 1877 г. отъ нищаго пѣвца Григорья Лапы изъ деревни Борокъ*).

—

9. Минск. г. Борис. у.

Ахъ, Боже нашъ, бяда!
Што табачка нема.
Пришоу дзѣдокъ,
Украу рожокъ,
Подъ поясъ подтыкнуу,
И за море махнуу.
А братцы, вы братцы!
Пойдземъ дзѣда догоняци,
И рожокъ одбираци.
—Дзѣда мы догнали
И рожокъ отобрали—
Затычку поцеряли.
Ахъ братцы, вы братцы,
Пойдземъ долины копаци,
Затычку шукаци.
—Горы, долины раскопали,

*) Пугу, кнутъ.

Затычку попали *).
Идземъ же мы и рады и веселы.
Ажно идзець—дзѣдъ-на дзѣдъ,
У синихъ штанёхъ,
У жоутыхъ чыботохъ.
«Здрастви, дзѣдушка»!
—Здрастви, дзѣтушки!
«Почёмъ спознали,
«Што хорошо назвали?
—Почёмъ спознау,
—Што хорошо назвау?
Было у того дзѣда свинка—
Жоутая спинка:
Зъ двора ни сходзиць
И шкоды ня робиць.
Прышоу воучище:
«Здавстви, свинище»!
—Здрастви, воучище!
«Почёмъ спознау,
«Што добрэ назвау?
—Почёмъ спознали,
—Што добрэ назвали?
Якъ узяу тий воукъ свинку
За жоутую спинку,
Поцягнуу у лясокъ,
Одорвау кусокъ,—
Цяженька уздыхнуу
И родзинку спомянуу.
Ахъ братцы! идзице вы за морэ!
Тамъ ляжиць воукъ
Пячены, варены,
Убрухо ножъ уткнены:
И рѣжьце и ѣшьце
И у кишень кладице.
—Якъ пошли мы на *мѣсто* **),
Да покупляли цѣста,
Да напякли калачоу,
И созвали паничоу:
Каруся, Габруся,
Гермуся, Пятруся
И табачки уся.
(*Зап. учен. народн. училища*).

—

10. Минск. г. Борис. у. с. Латыголычи.

Шли два мужика, одзинъ къ одному на устрэчу.
«Здрастви, Свирыдъ»!
— Здрастви, Цярэшки!
«А почаму ты знаишь, што я Цярэшки?
— Твой носъ, якъ кочарэшки.
«А ты почёмъ знаешь, што я Свирыдъ»?
— Потому што у цябе долги видъ.
«Дай, братъ Свирыдъ, табаки понюхаць».

*) Т. е. напали на нее, нашли.
**) Рынокъ.

Свирыдъ дау. Цярэшки табаки нюхнуу и рожокъ за пазуху заткнуу. Тогды Свирыдъ Цярэшку по вуху.
«Зачымъ ты мяне забиваешъ»?
— А зачымъ ты мой рожокъ за пазуху затыкаешъ!
«Дыкъ пойдземъ мы у судъ»!
— Кудыжъ мы пойдземъ?
«У Лепель».
— А у Лепли уси жыды послѣпли.
«Дыкъ пойдземъ мы у Барысоу».
— А у Борысовѣ уси жыды лысые.
«Дыкъ пойдземъ у Лагольскъ» *).
— У Лагольскѣ на семь токоу молоцяць, у липоуку зсыпаюць и тарелками накрываюць. По куль мышъ зерны знайдзець, дыкъ у голову зайдзець. Яны и разошлись.

(*Зап. учит. народн. училища П. Шолковичемъ*.

—

Приведенные образчики приговоровъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ семи великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній и пріуроченныхъ исключительно къ нюханью табаку, могутъ служить, какъ мнѣ кажется, достаточнымъ доказательствомъ, что этотъ способъ его употребленія былъ, въ недавнемъ прошлое, сильнѣе распространенъ въ народныхъ массахъ названныхъ мѣстъ, чѣмъ куренье, между тѣмъ какъ въ 17 и 18 столѣтіи тамъ преобладало послѣднее. (См. замѣтку изъ кн. г. Равинскаго). Однако, къ удивленію нашему, этотъ крѣпко вкоренившійся обычай, за исключеніемъ нѣскольких пословицъ, не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ, вообще въ устной чисто-народной словесности ни Великоруссовъ, ни Бѣлоруссовъ, а въ лирической поэзіи въ особенности. Я, по крайней мѣрѣ незнаю ни единой пѣсни самобытнаго творчества того или другаго племени, которая бы хоть заикнулась о куреньѣ табаку. (Варіанты пѣсни изъ Семилѣтней войны о гр. Лопухинѣ, который лежитъ умирающій съ трубкой табаку въ устахъ сюда нейдетъ въ счетъ. Эта пѣсня солдатская книжная, далеко не народная въ строгомъ смыслѣ). Не то видимъ въ Малороссіи; тамъ мы встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе: куренье табаку тамъ было и есть до сихъ поръ самый распространенный способъ его употребленія. Люлька (трубка)—это неразлучная подруга малоросса, его главная утѣха и въ горѣ и въ радости: и дома, и въ полѣ за работой, и въ пути за обозами—нигдѣ онъ ея, можно сказать, не выпускаетъ изо рта. Люлька

*) Мѣстечко Логойскъ, недалеко отъ Борисова, принадлежащее гр. Ташкевичу.

весьма часто фигурируетъ въ лирической, какъ и эпической, его поэзіи. Нюхать же табакъ, какъ видно, считалось у Малороссовъ дѣломъ зазорнымъ, внушеніемъ нечистой силы. Это дѣло люди переняли, какъ объясняетъ одна легенда, отъ чертей. Полагая, что читателямъ нашимъ не безынтересно будетъ познакомиться съ этой легендой, мы приводимъ ее здѣсь цѣликовъ.

—

Черти и табачники.

Умерла в чорта мати. Він полоижв її і позогняв всіх чортів плакати. Зібрались курії з трубками, і нюхарі з ріжками. От курії сіли в один ряд, біля чиртової матері, а нюхарі в другій. Курій що потягне з люльки, той плюне чортовой матері міжи очі, та всю її і обплювали; нюхарі сидять собі смирненько, та котрий потягне з ріжка табаки, то слези катяться, ніби плаче. Дививсь, дививсь чортяка, тай каже: «добре оце діло нюхать табаку: і себе повеселиш, і по другому заплачеш». Дознались люди, що чортяка похвалив нюхарій, тай давай і собі товкти табаку, та потягувать із ріжка, як ті чорті, що за чортячою матерію плакали.

(Александровскъ, Екатеринос. губ., записана со словъ Максима Евсеевича Лисенко Я. Новицкимъ. Изъ книги М. Драгоманова: „Малорусскія народныя преданія и разсказы"). Кіевъ 1876 г., стр. 13.

Замѣтка о Гиляцкомъ языкѣ.

Д-ра Н. Зеланда.

Въ Гиляцкомъ языкѣ есть всѣ гласные и согласные, существующіе въ русскомъ, кромѣ ц и щ; я, ю, ё, и—произносятся такъ-же какъ въ русскомъ. Буква *л* передъ *а*, *о*, *у*, *ы* а равно на концѣ нѣкоторыхъ словъ произносится какъ русское твердое л. Вообще точное изображеніе гиляцкаго выговора удобнѣе всего при помощи славянскаго алфавита. Часто встрѣчаются буквы *г*, *к*, *х* и произносятся съ сильнымъ гортаннымъ оттѣнкомъ, почему гиляцкій разговоръ вообще можетъ быть названъ гортаннымъ. Буква *г* большею частью выговаривается твердо, какъ, напр., въ латинскомъ словѣ gustus; иногда лишь, напр. въ словѣ гыкъ (заяцъ) его произносятъ мягче, именно какъ звукъ средній между g и h и тоже съ гортаннымъ оттѣнкомъ.

Языкъ обилуетъ согласными и заслуживаетъ названіе твердаго и неблагозвучнаго. Гольдскій языкъ мягче его. Буквы *т* и *ч*, *к* и *х* часто переходятъ однѣ въ другія, а *р* иногда произносится почти какъ *ж* или *т*.

Изъ приложеннаго словаря видно, что между языкомъ сахалинскихъ и материковыхъ гиляковъ много общаго, хотя довольно и различій. Они объясняются между собою довольно свободно. Собранный мною лично списокъ словъ, составленъ въ деревняхъ *Кака*, *Кукла и Вайда*, въ окрестностяхъ Николаевска. Тѣмъ-же языкомъ говорятъ вообще отъ взморья до Богородска, хотя и на этомъ протяженіи въ нѣкоторыхъ словахъ уже замѣтны отклоненія. Они существуютъ даже въ сосѣднихъ деревняхъ. Въ Какѣ *напр. кашлять* обозначается словомъ *ерерть* а въ лежащей на другомъ берегу деревнѣ Вайдѣ произносится *іаать*. Въ лежащей верстъ-же 100 выше деревнѣ Мыхылъ оказывается еще больше разностей, хотя большинство словъ одинаково. Тамъ, напр., *другъ* называется *нанхэ*, небо *тлѣ*, тогда какъ въ *Какѣ* и *Вайдѣ* говорятъ *амганъ* и *тлы*. «Здравствуй» въ Мыхылѣ обозначается уже гольдскимъ словомъ *сародє*. Даже въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ многія слова говорятъ на нѣсколько ладовъ напр. *итыкъ* (отецъ) произносится также *итыка*. Другія такъ сильно измѣняются, смотря потому въ какой формѣ употребляются, что ихъ нельзя узнать: *руфрохъ* значить съ братомъ, *итыкрохъ*—съ отцомъ; *игрыръ*—съ нимъ *нигрыръ*—со мной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе нельзя добраться до искомыхъ словъ, напр. для обозначенія слова «къ» въ различныхъ случаяхъ существуютъ совсѣмъ различные звуки, въ другихъ оно иногда обозначается словомъ *рохъ* т. е. «съ»:

Иди ко мнѣ	*нерхъ вія.*
» къ тебѣ	*черхъ вія.*
» къ нему	*годьрохъ вія.*
» къ вамъ	*чингдохъ вія.*
» къ намъ	*нингдохъ вія.*
» къ нимъ	*ченгдохъ вія.*

Иногда наконецъ оно вовсе пропускается и остаются только слова, къ которымъ оно относится (см. ниже). Другіе предлоги впрочемъ болѣе уловимы и постоянны. Глаголы иногда измѣняются такъ, что ихъ трудно узнать, но при этомъ нѣтъ такого постоянства, изъ котораго бы можно вывести твердыя правила. Для спряженія существуютъ нѣкоторыя постоянныя измѣненія, но въ предѣлахъ такихъ колебаній, что остается мѣсто нѣкоторому произволу т. е. можно сказать и такъ и такъ. Грамматическими формами языкъ бѣденъ. Склоненій нѣтъ вовсе. Спряженія существуютъ развѣ въ зародышевой формѣ, вмѣсто правильныхъ формъ хаосъ произвольныхъ измѣненій. Для примѣра привожу слѣдующія:

дать:	имыть
я даю	*ни имнахта*
ты даешь	*ти нимыныть*
онъ или она даетъ	*готь нимыныть*
мы даемъ	*ни или нингъ тимнахта*
вы даете	*ти или тингъ имныдля*
они даютъ	*ють нимыныджа*
я далъ	*ни имыть*
ты далъ	*ти имыть*
онъ далъ	*готь имыть*
мы дали	*ни или нингъ имыть*
вы дали	*ти или тингъ имыть*
они дали	*готь или годыгу имыть*
я буду давать	*ни имнахта*
ты будешь давать	*ти имуя*
онъ будетъ давать	*годь или годыгу имыныть*

мы будемъ давать	*нинъ имыныхта* } или	
вы будете давать	*тинъ имыныть* } *имуя*	
они будутъ давать	*годыу имуя*	
дай	*нимуа*	
жить	*гумныть*	
я живу	*ни гумныть*	
ты живешь	*ти гумныдля*	
онъ живетъ	*готь гумыть*	
мы живемъ	*нинъ гумыть*	
вы живете	*тинъ гумныдля*	
они живутъ	*готь гумныджа или гумыть*	
я жилъ	*ни гумура или гумыть*	
ты жилъ	*ти гумыть*	
онъ жилъ	*готь гумыть*	

и т. д.

я буду жить	*ни умныгда*
мы будемъ жить	*нинъ умныгда*
живи	*гумыя*
быть	*нивиныть*
ты былъ	*ти нивиныть*
онъ будетъ	*готь нивиныть*
есть	*ивра*
ѣсть	*ивть*
мы ѣли	*нинъ инитря*
вы ѣли	*тинъ инитря*
они ѣли	*готь инитря*
мы будемъ ѣсть	*нинъ иныджа*
вы будете ѣсть	*тинъ иныджа*
ѣшь	*нія.*

Изъ этихъ примѣровъ (которые ниже приведены въ составѣ фразъ) видно, что 1) глаголы въ различныхъ формахъ рѣчи отчасти чрезвычайно измѣняются въ звукѣ, но что 2) мудрено найдти въ этихъ измѣненіяхъ что нибудь правильное, для каждаго времени, лица и числа. Вѣрнѣе, что тутъ еще нѣтъ ничего твердо установившагося. По крайней мѣрѣ мои гиляцкіе учителя вполнѣ соглашались когда я употреблялъ какой нибудь глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, безразлично для всѣхъ временъ, наклоненій, (кромѣ повелительнаго) лицъ и чиселъ и увѣряли что это все равно, а отчасти это видно изъ вышеприведенныхъ спряженій, списанныхъ съ ихъ словъ. Постоянство замѣтно только въ одномъ повелительномъ наклоненіи, которое всегда оканчивается на *я* съ удареніемъ на этомъ слогѣ. При этомъ многіе глаголы сильно измѣняются или сокращаются напр.: пѣть—*луныть*, пой—*луя*, придти—*принджа*, прійди—*прія*, пить—*раныть* или *жаныть*, пей—*іахтая*, идти—*виныть*, ступай *вія*. Неопредѣленное наклоненіе, за небольшими исключеніями, всегда оканчивается, какъ въ русскомъ языкѣ, на *ть*.

Родовъ не существуетъ, нѣтъ и чиселъ, во множественномъ числѣ названія существительныхъ и прилагательныхъ не измѣняются; исключеніе только для мѣстоименій (см. выше).

Предлогъ ставится обыкновенно на концѣ слова, напр. чрезъ лѣсъ—*паль жмы*
лѣсъ черезъ.

Сравнительныхъ степеней для прилагательныхъ нѣтъ. Для обозначенія чего нибудь большаго, лучшаго или худшаго прибавляется словцо *леле* т. е. «очень» къ началу прилагательнаго. Для предметовъ большихъ и малыхъ, но одного качества, иногда существуютъ слова отчасти состоящія изъ повтореній названія малаго предмета: наприм. рѣчка—*ла*, большая рѣчка—*пилала*.

Прилагательныя, происходящія изъ существительныхъ прямо соединяются въ одно слово съ тѣмъ существительнымъ, къ которому относятся; напр. собачій слѣдъ—*кантифъ*, человѣческій слѣдъ *нифтифъ*. Въ нѣкоторыхъ словахъ, помѣщенныхъ въ словарѣ, не трудно будетъ отыскать корни, изъ которыхъ они составлены. Такъ напр. *чижкоть*—ломота, есть слитіе словъ *чижъ*-кость и *коть*—боль или болѣзнь. Въ составъ глагола *тамтаныть*—курить очевидно вошли слова *тамхъ*, табакъ и *тай*—трубка. Слово *тямлуныть* колдовать, составлено изъ *тямъ* или *чамъ*—шаманъ и *луныть*—пѣть.

Не имѣвъ никакой возможности удѣлить много времени на спеціальное изученіе гиляцкихъ языковъ и нарѣчій, оканчиваю очеркъ небольшимъ словаремъ, состоящимъ изъ трехъ столбцовъ. 1-й представляетъ устьамурское нарѣчіе, которое собрано мною лично, 2-ой есть нарѣчіе сахалинское, которое доставлено мнѣ врачемъ А. Н. Лебедевымъ въ копіи снятой съ литографированнаго списка, составленнаго морскимъ офицеромъ, котораго фамилія мнѣ, къ сожалѣнію, осталась неизвѣстна; 3-й представляетъ языкъ Софійскихъ гиляковъ т. е. живущихъ между Богородскомъ и Зеленымъ Боромъ; этотъ списокъ мнѣ сообщенъ врачемъ А. Н. Малявинымъ.

СЛОВАРЬ ГИЛЯЦКАГО ЯЗЫКА.

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
А.			
амбаръ	нё	—	—
Б.			
бабочка	—	тапчиръ	—
бабушка	ириръ	—	маматя
байдара	—	ныръ-му	—
береза	—	ирисъ	—
берегъ	—	миръ	—
берлога	мифкуты	—	—
бить	заныть	зять	—
благовонный	наркхехину-лать	—	—
близко, —кій	малать	маладжъ	—
благодарить	кинулать	—	—
Богъ	куръ или кушъ	кушъ	эндурí
богатый	—	коля	—
болѣть	коть	—	—
болѣзнь, больной	íкоть	íкочь	эну
большой	пилáть или ле-лепилать	—	—
болото	еме́мпть	—	—
бокъ	лáми	—	—
борода	ыфъ	ыфъ	—
бояться	иглуть	ичмачь	—
братъ	руфъ	руфъ	наку (стар. б.); ага (млад. б.)
брать	игыныть	эмрачь	—
бросать	—	выканчь	—
брусника	чиральсъ	читчальсъ	—
брызгать	—	юунчь	—
брюки	—	уарть	—
бутылка	—	хо	—
бумага	—	гаузаль	—
бухта	—	игало	—
бѣгать	каманыть	амамачь	—
бѣдный	—	чаля	—
бѣлка	—	лякръ	—
бѣлуга	—	номи	—
бѣлый	чанжъ	—	—
быть	нивиныть	—	—
В.			
варить	оркарныть	яичь	—
вашъ	тингапъ	—	—

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
ведро	—	мулькъ	—
веревка	хева	хеба	—
вертѣть	фитпереныть	—	—
верхній	—	тхыличь	—
весло	ывнь	явнь	—
весна	хонвъ	—	негня
вечеръ	парвъ	пацовъ	—
видѣть	идыть	иджь	—
високъ	—	дамни	—
вмѣстѣ	—	угодичь	—
внизу	—	вый	—
вода	чахъ	чахъ	му
вода морская	—	керндоль	—
водяной	чахтхы	—	—
водка	араки	араки	араки
возить	—	уначь	—
возлѣ	—	малоаджъ	—
возвращаться	—	тыхинь довичь	—
война	ууть или тахтъ-озоть	—	—
волкъ	лижь	—	нелъ
волна	—	мя	—
волосъ	нынгъ	—	—
вокругъ	—	пулнь вуль-кичь	—
вопросъ	—	этичь	—
воръ	ингнать	—	—
воровать	нуязь	—	—
ворона	—	весь	—
восемь	минжъ	минешь	джакно
восемьнадцать	минжуркъ	—	джуанъ джакпо
восемьдесятъ	мильмхокръ	—	джакподжу
восемьсотъ	минжакъ	—	джакпо тангу
востокъ	кокрекъ	мырицъ	—
впереди	—	царъ	—
врачь	охтводяти	—	—
время есть	тынгить каукъ	—	—
времени нѣтъ	тынгыть	—	—
все, всѣ	сикь	сакъ	—
всегда	ранфты	шуму	—
вскорѣ	эргуя	—	—
въ	мифъ	—	—
вчера	ныможъ	нумерекъ	—
вы	тингъ	—	—
выздоровѣть	фіёть	—	—
высокій	пиллать	пилля	—

	Николаевское нарѣчіе	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
вытащить	—	идолъчь	—
вѣтеръ	ла	—	хеду
вѣтренный	ласб	—	—
Г.			
гасить	—	жемючь	—
гвоздь	чобсвыть	урабицъ	—
гдѣ	шамдигà	шаинъ	—
глазъ	няхъ	няхъ	нассаръ
глупый	коге· эрла	—	—
глухой	нотерть	нотарицъ	—
гнать	имраить	—	—
гнилой	—	уаркачь	—
гнуть	—	ведучь	—
говорить	клайныть	итычь	—
годъ	ань	ань	ангани
голова	тёнжъ	тёнжъ	деле
голодъ	—	косонъ	—
голодный	урныдь	—	—
голосъ	эу	у	—
гора	кана	паль	хуре
гордый	—	нахо	—
городъ	—	готонъ	—
горькій	хапть	—	—
горшокъ	тамза	—	—
горячій	хавлать	—	—
горячка	лелекавда	—	—
горѣть	—	тутаичь	—
гость	лагть	—	—
градъ	—	аракашъ	—
гресши	мгеть	литичь	—
грозе } громъ }	лы	тычь или лытычь	—
громкій	тивиледзь	—	—
грудь	кохъ	ныдрахъ	тунга
грѣхъ	уись	уичь	соронъ
грязный	лелекизвакть	—	—
Д.			
да	хн	—	—
давать	имыть	умачьилиимучь	—
давать мнѣ	—	нимучь	—
— тебѣ	—	чимучь	—
давно	эрыкоонъ	тежъ	—
далеко	шаргу	тылеръ	—
два	мекръ	мякръ	бзюръ
двадцать	меасъ	мякръ хонъ	хоринъ
дверь	шыръ	—	—
двѣнадцать	менюркъ	маруркъ	джуанъ-дзюръ
двѣсти	минагъ	—	дзюръ
двѣ тысячи	мекнимка	—	—
девяносто	нинбенхокръ	—	хусо джу
девять	нинбенъ	іонбинъ	хуго
девятнадцать	нинбенуркъ	іонбенуркъ	джуанъ-хуго
девятьсотъ	нинбенжакъ	—	хуго тангу
двоюродный братъ	врурлá	—	—
двоюродная сестра	раньшъ	—	—
дельфинъ	помм	—	—
день	чмуфъ	муфъ	ини или инаги
деньги	ха	—	—

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій языкъ.
держать	эвныть	—	—
деревня	во	во	ехонъ или гасанъ
дерево	тижъ	тижъ	лю
деревянный	тижъ	—	—
десять	мгокъ	мохонъ	джу анъ
дитя	—	мичкичь	—
длинный	каллыть	кимячь	—
дно	—	ныучь	—
добрый	кинулать	чингъ	—
дождь	лыхъ	лигъ	тугда
долгъ	—	найдачь	—
домъ	тыфъ	тыфъ	хагду или дзугду
дома	—	онтыоръ	—
дорога	тифъ	тифъ	—
дорога вверхъ	кехтахъ	—	—
— внизъ	актофъ	—	—
дорого	—	мягочь	—
другой	—	иначь	—
другъ	агманъ	агмань	—
дочь	мгола	—	пихтэ
думать	камненыть	—	—
дурной	эрврть	—	орки
дуть	пувть	—	—
душа	нифъ	—	—
дѣвочка	умгóла	умчаня	патала
дѣдъ	ерэръ	гайматъ	шагдамà
дѣлать	лытныть	литычь	—
дядя	йтыкъ	нектуфъ	дайямá
Ж.			
жажда	—	чактачь	—
жаль	винть	игаскра	—
жалѣть	вилныть	—	—
жарить	—	тихчь	—
жаръ } жарко }	кавть	кавычь	—
ждать	нармать	—	—
жевать	—	вовучь	—
желтый	ирквол ать	—	—
желѣзо	—	уичь	—
жена	аня	аняхъ	аси
женщина	омгу	умгу	эктеръ
жениться	анегкиицыть	—	—
жертвовать (богамъ)	чавнывть	—	—
жечь	шувть	глубачь	—
животъ	хижъ	—	кяуръ
животное	нга	—	—
живой	маркать	маркачь	—
жиръ	томъ	іохъ или томъ	—
жирный	нарть	—	—
жить	гумныть	—	—
З.			
заболѣть	коть	—	—
забыть	тхырпныть	—	—
завтра	пытъ	пыть	—
завязать	—	юначь	—

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
заика	иркть веркъ	—	—
западъ	юкéнгъ, юенгъ или ючк	атмя	—
запасъ	—	мляврицъ	—
заря утренняя	куну	—	—
— вечерняя	пагла	—	—
затворить	—	зекаучь	—
зачѣмъ	ягръ	янгръ шакто	—
заяцъ	гыкъ	—	тохса
звѣзда	унигишъ	унтаръ	—
звѣзда падучая	вить	—	—
звукъ	эу	—	—
здоровый	урурь	—	—
здоровый (въ смыслѣ упитанности)	пилать	—	—
здравствуй	оскайрà	—	—
здѣсь	тушъ	тутокъ	—
зеленый	тысть	—	—
земля	мифъ	—	на
зима	тульвъ	тусычь	туа
зловонный	леленовлать	—	—
злой	уайть	эйвулать	—
змѣя	коленà	—	—
зубъ	нылзъ	игызръ	—
зять (мужъ дочери)	акакà	—	—
зять (шуринъ)	охóнъ	—	—
И.			
и	ке	—	—
иголка	нухъ	нухъ	—
играть (на музык. инструментѣ).	эурлать	—	—
идолъ	кегнъ	—	сивунь
идти	виныть	—	—
изъ	пуя	—	—
имѣть	—	ибчь	—
имя	уть	хэ	—
искать	нынгть	нысичь	—
искра	—	хiасъ	—
испугать	—	ляpочь	—
ихъ	ходьгу	—	—
К.			
какъ	сить	—	—
каменный и камень	пахъ	пахъ	джоло
камбала	—	коркой	—
капля	—	надачь	—
карась	—	пиренить	—
кашлять	iерерть и iаать	эраэрачь	—
кафтанъ (халатъ)	хухтъ	гуктъ	хукту
кета (лосось)	луги	—	—
кисетъ	—	ханьтанхъ	—
кислый	вакваклать	ауавлать	—
китъ	кенгъ	—	—
кланяться	мереныть	—	—
класть	хурваныть	—	—

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
клей осетровый	—	абгасъ	—
ключь	—	анакъ	—
ковшъ	—	котнъ	—
когда	—	игръ	—
кожа	—	ныръ	—
колдовать	тамлуныть	—	—
колодезь	—	джичахъ	—
кольцо	—	келеба	—
колокольчикъ	—	чихбахъ	—
колѣно	пихъ	пихъ	—
конецъ	ыхъ	ыхъ	—
копье	кахъ	кахъ	—
копать	—	хасыдичь	—
короткiй	пхахть	ныехъ	—
коса (волосяная)	нынгъ	ныніежъ	—
кость	ынжъ	уань	—
котелъ	уинь	читхъ	—
который	шадьгá	—	—
красивый	товлать	ибучь	—
красить	—	парлячь	—
красный	пардь	эваркъ	—
кремень	ныкъ	уачь	—
кричать	улытныть	натхъ	—
кровь	нашь	пульвичь	секса
круглый	пулькуть	докмусь	—
крупа	—	чаекачь	—
крушенiе	—	—	—
крыло	нырхъ	наретъ	—
крыса	—	—	—
крыша	тедынсъ	джигачь	—
крѣпкiй, сильный	тюнгивть	тафъ	—
крикъ	—	орной	—
кто	—	шахто	—
куда	шатахъ или шату	ныгачь	—
купить	еныть	—	—
курить	тамтаныть	паряй	—
куропатка	—	эмыячь	—
кусокъ	—	некимячь	—
кустъ	—	—	—
къ	—рхъ *)		—
Л.			
лавка (скамейка)	влыть	—	—
ларь	ванкэ	уанчь	—
лаять	—	—	—
лгать	валтныть	хинхычь	—
легкiй	ингылать	модсъ	—
ледъ	лужъ	пычь	—
лежать	порныть	—	—
лекарство	охтá	—	—
лежать	пыть	—	—
лечить	iохтныть	кёкъ	—
лиса	кёкъ	ютычь	солй
лить	—	найкъ	—
лицо	—	тыхъ	—
лобъ	—	—	—
ловить рыбу	чернувгныть	—	—

*) Этотъ звукъ приставляется къ концу слова.

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
лодка	му	химгу-му	огда
ложбина	—	пальтаршъ	—
ломоть	эмкныть	эмкачь	—
ломота	ынжъ-коть	—	—
лось	тохъ	—	буче
лошадь	—	муръ	—
лукъ (оружіе)	норвоть	—	—
лукъ дикій (черемша)	—	пунчь	—
луна	лёнгъ	—	бе
лыжи деревянныя	нахкъ	—	—
лыж. камышевыя	энь	энь	—
лѣвый и налѣво *)	чуй	—	—
лѣсъ	палъ	—	—
лѣто	тольфъ	—	—
любить	измыть	—	—
М.			
мало, малый	матька	мачкачь	—
малина	керомъ	—	—
мальчикъ	бла	—	мочни
марать	—	ивучь	—
матерія (для одежды)	—	нось	—
мать	ймыка	ыръ	эни
медъ	интохъ	—	—
медвѣдь	цхыфъ	—	—
медвѣдица	котръ	--	—
мель	—	тотъ	—
мертвый	муть	—	—
метла	путичь	—	—
мимо	—	хчерачь	—
много	—	мальго	—
мой	ми	нина	—
можетъ быть	—	гонково	—
мозоль	—	нынычь	—
мокро	—	идачь	—
молодой	пгаонгъ	птнаачь	—
молоко	мочимсъ	—	—
молнія	лы	уай парецъ	—
молчать	—	чамачь	—
монета	—	тихо	—
море	кирхъ	керкхъ или наму	наму
мохъ	—	удчу	—
мужъ	ифъ	ифъ	хэди
мужчина	—	удгу	—
мука	—	ова	—
муха	—	кякръ	—
мы	нингъ	—	буо
мысъ	—	кты	—
мыть	пеюныть	рачь	—
мѣдь	—	раротокхъ	—
мѣсто	иввъ	—	—
мѣсяцъ	лёнгъ	—	—
мягкій	—	хамамычь	—
мясо	тьсю	чусь	уликсэ
мятель	лають	тобичь	—
Н.			
на	та	тхы	—
набирать	—	фенчь	—
набить	—	ситчь	—
навади	—	одерничь	—
надо	—	эзмичь	—
надъ	мы	—	—
надѣвать	—	хечь	—
найдти	—	идать	—
народъ	нимхъ	—	—
начало	нафъ	—	—
нашъ	нингапъ	—	—
небо	тлы	тле	бо—уйле
неводъ	кэ	кэ	ку
недѣля	намгвардъ	—	—
незнать	—	юкжучь	—
неправда	мыхстлу яндело	—	—
нерпа	ланжъ	лангръ	—
нести	форвыныть	—	—
нигдѣ	—	цуковри	—
никогда	ылжарагинъ	—	—
нитки	куба	куба	—
ничего	кауть или ягере	—	—
нижній	—	хыркмачь	—
ноги	нытхъ	ңычь	букда
ноготь	—	тыкнь	—
ножъ	тяко	чоко	—
носъ	вихъ	уахъ	вахса
ночь	уркъ	цыркъ	домбо
нужда	идынь	—	—
нужный	идыныджа	—	—
нурвать	—	мненявичь	—
нѣмой	нтіекть или лелитіекть	—	—
нѣтъ	каукрȧ	--	—
нюхать	—	нухнучачь	—
О.			
оба	—	угыдачь	—
облако	лахъ	лахъ	—
обматывать	валтныть	выментлячь	—
обманщикъ	ваить	—	—
обмѣнять	—	ракаичь	—
обнимать	—	тиковчь	—
обѣщать	яхтныть	—	—
обратно	—	плыть	—
огонь	тушъ	—	тава
одинъ	нинъ	—	умȯ
одинадцать	нинюркъ	—	джуенъ умȯ
одѣваться	ветаныть	—	—
окно	пахъ	—	—
олень	чёнгай	—	—
онъ, она, они	готь или гыть	—	нуане

*) Собакамъ налѣво говорится „кинъ“.

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
осень	тильвъ	—	боло
осетръ	тозки	патkъ	кунду
островъ	ушъ	боача	—
острогá	чамръ	—	джугбу
отворить	—	тыхичь	—
отдыхать	—	мраныч	—
отецъ	йтыка или итыкъ	атакъ	ама
отъ	тохъ	—	—
охотиться	нангныть	—	—
П.			
палецъ	тунь	нунь	—
палка	кысъ	—	тахи
палка для ѣзды на собакахъ	кауръ	—	—
парусъ	кы	литючь	—
передъ	товлачай	—	—
перемѣнить	—	псыхучь	—
перо	—	питуло	—
перстень	—	кулою	—
песокъ	—	махъ	—
печаль	элевлайть	—	—
печь, очагъ	чынкъ	чинкъ	—
пила	—	пуфъ	—
пистолетъ	—	мичь-меоча	—
пить	раныть	татчь	—
пища	энныть	—	дзифури
плавать	шангныть	мрачь	—
плакать	тоныть	точь	—
плевать	уртваныть	—	—
плести	хевныть	—	—
поднимать	хитынить	хатичь	—
подъ	тируи	—	—
пока	нукія	—	—
показать	—	нюячь	—
половой органъ			
— мужской	нгой	—	—
— женскій	монахъ	—	—
полъ (въ избѣ)	—	паль	—
помириться	юрлауть или сиркъ юрлауть	—	—
помнить	хуивныть	—	—
помѣшанный	кинзѣть	—	—
понимать	еить	—	—
поперекъ	—	чальмыкичь	—
порохъ	—	меоча-ахтъ	—
послѣ	—	хогодать	—
посылать	—	нагіять	—
поставить	хуртывгуныть	—	—
потъ, потѣть	пухнуть	—	—
почитать	эркрингуныть	—	—
поясъ	вывысъ	вивусь	омоль
правда	мыхетэ	мыхтачь	—
правый	нирикъ	—	—
праздникъ	тхевныть	—	—
придти	прныджа	—	—
приказывать	ягныгуныть	—	—

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
приливъ	—	чахтучь	—
продавать	гескеныть	эскечь	—
просить	—	эктачь	—
противъ	нжевыркъ	выкаичь	—
прощай	минду	удырвія	—
прямо	мыкырть	—	—
птица	на	—	—
пуговица	—	усь	—
пуля	—	ку	—
пчела	—	варь	—
пѣна	—	охдыръ	—
пѣть	луныть	луныть	—
пять	торъ	торъ	тунзя
пятнадцать	токрургъ	мхонторургъ	джуанъ тунзъ
пятьдесятъ	тохоркъ	—	сюзай
пятьсотъ	торачь	—	тунзъ тангу
Р.			
работать	нингненыть	—	—
работникъ	нигрерыть	—	—
радоваться	нуныть	—	—
раздѣваться	—	паночь	—
разсвѣтаетъ	—	крючь	—
разстегнуть	—	куахаичь	—
разрядить	—	куахаичь	—
рана	хескйдь	ксыфъ	пуэ
рисъ	—	хадвуль	—
ружье	меуть	меуча	меуче
рука	тотъ	—	нгала
кисть руки	тымкъ	—	—
руль	—	менъ	—
рыба	чо	чо	субдатá
родить	пантъ	—	—
родиться	клывть	—	—
родной	руфъ	—	—
ротъ	ынкъ	—	—
рубашка	ларкъ	латаки	—
рѣдко	тэлать	альгагучь	—
рѣзать	якныть	—	—
рѣка	ла	—	уни
большая рѣка	пилала	—	—
рябчикъ	хангъ	хоичь	—
С.			
сазанъ	пирнаръ	—	уя
сани	ту	ту	—
сапогъ	—	ки	—
сахаръ	—	сета	—
свинецъ	—	чу-наголь	—
свинья	онгонъ	ничичаль чуй	ольге
свѣтлый	крутъ	крутчь	—
сегодня	ныхъ	ныхъ	—
семь	намгъ	номокъ	надó
семьнадцать	намгургъ	—	джуанъ надó
семьдесять	намгмхокръ	—	надо джу
сердце	—	нифъ *)	—
сердиться	умть	умачь	—
середина	гутыръ	—	—

*) См. слово „душа“.

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
серебро	—	тата	—
серьги	—	лискъ	—
сестра	раньшъ	—	сейка
синій	тало	кевмясолочь	—
сирота	—	тыртучь	—
сколько	шанзна	солкъ	—
скоро	фитюръ	фичуръ	—
слабый	окилять	оголлачь	—
сладкій	нинилять	—	—
слеза	нигзехъ	—	—
слово	мекыртъ	—	—
слышать	—	мычь	—
слѣдъ	тифъ	—	—
смерть	кинсъ	—	будѝ
смола	—	шохъ	—
сновидѣніе	тыидь	—	—
снѣгъ	накршъ	накръ	—
собака	канъ	канъ	инда
соболь	лумжъ	момуръ	—
совсѣмъ	сиркъ	—	—
соленый	лелеперть	—	—
соль	тафсь	—	даусу
солнце	кенгъ	кенъ	—
сорокъ	нхукшъ	нукръ мховъ	дыхи
спать	хуныть	эсначь	—
спина	нумть	—	—
старый	хымть	гыметъ	—
сто	нщагъ	нишанкъ	омъ шангу
стоять	копрныть	—	—
стрѣла	пудьжъ	хачь	—
стрѣлять	хурханыть	—	—
стыдно	магть	—	—
судить	лытнить	—	—
сукно	—	делонкта	—
сухой	чегатать	чечь	—
считать	юрныть	юдачь	—
съ	—рахъ *)	—	—
сынъ	уткола	—	хусейилипíхта
сѣверъ	укрекъ	—	—
сѣно	тнышъ	—	—
сѣть (см. неводъ)	—	—	—
Т.			
табакъ	тамхъ	тамакъ	тамаки
тамъ	аушъ	ануръ	—
таять	—	чоочь	—
твой	ти	—	синеги
темный, темно	ныть или вук-вукнуть	могдъ	—
теплый	тыкть	тыкачь	нѐма
терять	—	ныкаичь	—
тесть	опоќа	—	—
тетка	ыть	—	укъ
теща	ичыка	—	—
тигръ	атъ	—	маринъ
тихій	патеть	патачь	—
товаръ	—	эскачь	—

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
только	сыкъ	сакъ	—
толстый	толлать	—	—
тонкій	ноктъ	—	—
топоръ	тухъ	тухъ	сюре
трава	халатынышъ	—	поикта
три	чакръ	чоръ или чикръ	ила
тринадцать	чакрурнъ	—	джуанъ ила
тридцать	чхокхъ	чокъ силонъ	гучи
триста	чакъ	читаикъ	илань тангу
труба	кла	—	кола
трубка	тай **)	таи **)	дай **)
трутъ	эвхръ	—	—
туда	—	укто	—
ты	ти	чи	си
тысяча	нимка	немка	омъ минга
двѣ тысячи	мекнимка	—	—
тюлень (см. нерпа)	—	—	—
тяжелый	перлать	редчь	—
У.			
убивать	игть	игмачь	—
уголь	—	тенъ	—
удочка	керкдсь	—	—
узкій	—	тевнокчь	—
умереть	муныть	—	—
умъ	коге	коррей	—
умный	когаудла	—	—
умѣть	—	эмычь	—
утка	ытъ	нюха	—
утонуть	—	тольмучь	—
утро	куну	тетъ	тымей
ухо	носъ	нись	се
учиться	преулныть	—	—
Ф.			
фарватеръ	—	віамячь мя	—
Х.			
ходить	анамныть	тычь	—
холодный	хоготь	хорчь	—
хорошій	хинулать	сандра	уля
хотѣть	іанть	—	—
храбрый	—	ултонабяхъ	—
хромать	тыктыкть	нычтукть	—
худо	—	гальмура	—
Ц.			
цѣлить	—	эздачь	—
цѣловать	мотныть	мончь	—
цѣпь	—	вальки	—
Ч.			
чай	чай	чай	—
часто	лелемалать	хянгуръ	—
чаша	—	никъ	—
человѣкъ	нифхъ или дражмы	нщахъ	най
чрезъ		пречь	—

*) Ставится въ концѣ слова.
**) Она извѣстна также подъ манджурскимъ названіемъ „ганза“.

	Николаевское нарѣчіе.	Сахалинское нарѣчіе.	Софійскій (гольдскій) языкъ.
чёрный	—	ціулячь	—
чесать	—	мхатначь	—
четыре	ныръ	мурсасъ	дуинъ
четырнадцать	ныкрурвъ	нурурвъ	джуанъ дуинъ
четыреста	ншугъ	читахъ	дуинъ тангу
чиновникъ	—	джанги	—
чистый	лекизтылеть	санджерикаучь	—
читать	—	юдачь	—
чортъ	кегнъ иликинсъ	—	амба̀
что	сить	сичь	—
чувствовать	емть	—	—
чужой	иненгъ	инаджури	—
Ш.			
шагъ	—	кельмачь	—
шаманъ	чамъ	чамъ	—
шапка	хакъ	—	—
шелкъ	—	чаронъ	—
шептать	—	чачючь	—
шерсть	—	чуворки	—
шесть	нахъ	нгахъ	нюнгу
шестнадцать	нарурвъ	—	джуанъ нянгу
шестьдесятъ	нагмхокръ	нгахмхонъ	нюнгу джу
шестьсотъ	нанжокъ	начитакъ	нюнгу тангу
шея	хось	—	афи
шиповникъ	—	чэви	—
широкій		шеведлячь	--
шкура	ныжъ	—	—
штаны	вашъ	уареть	—
шуба	охъ	окъ	даху
Щ.			
щепа	—	наинъ	—
Ѣ.			
ѣсть	ивть	—	—
Э.			
этотъ	гыть	—	—
Я.			
я	ни	ни	ми
ягоды	альсъ	альсъ	тыктэ
ядъ	—	чурахъ	—
языкъ	хильхъ	чилахъ	—
яйцо	—	ноаръ	оумакта
якорь	—	чоболхъ	—
яма	—	холькова	—

ФРАЗЫ НА НИКОЛАЕВСКОМЪ НАРѢЧІИ.

Здравствуй другъ!	Осхайра́ агманъ (здорово) (живешь)
Какъ твое здоровье?	Урукъ ти хумдля
Гдѣ твой мужъ?	Шамдига́ ти ифъ
— гдѣ твоя жена?	Шамдига̀ тя нахъ
Какъ называется твоя мать?	Сить хауть ти имыка
Какъ твое имя?	Сить хаудьня
Сколько лѣтъ твоему сыну?	Шанзна̀ онь ти утколь
Гдѣ ты былъ вчера?	Шамдига̀ ти нивиныть нымжъ
Гдѣ онъ будетъ завтра?	Шамдига гыть нивиныть пытъ
Они пойдутъ чрезъ лѣсъ	Готь анамныть палъ жмы
Они лежатъ передъ домомъ	Готъ порныть товлагай тыфъ
Зачѣмъ вы пришли?	Ягръ тингъ прныджа
Гдѣ дорога къ деревнѣ?	Швмдага́ тифъ во
Куда ты положилъ рыбу?	Шату ти хурваныть чо
Птица летитъ надъ домомъ	На тыфтмы нытъ
Я вижу дымъ надъ рѣкой	Ни идыгь туфъ пилаламы
Поставь палку къ печкѣ	Хурвын кызъ чыякъ
Мы будемъ ѣсть рубу, а вы буд. ѣсть ягоды	Ниигь иныджа ча тингъ иныджаальсъ
Кушай бруснику и пей чай	Нія чиральсъ, чай яхтая
Мы ѣли мясо, вы ѣли жиръ и пили чай	Нингъ ининоря тюсъ, тингъ инитря томъ чай жахтонайджа̀
Я люблю водку	Ни араки змоть
Ты любишь чай	Ти чай захшмоть
Онъ любитъ воду	Гыть тяхть моть
Я прежде (давно) любилъ чай	Ни эрыкоонъ чай жахтмать
Противъ твоего дома живетъ твой братъ	Нжевыркъ ти тыфъ ти руфъ гумныть
Я пойду съ тобою	Миче урыдвиныть

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VII Книга Трудовъ Этнографическаго Отдѣла.

А. Протоколы засѣданій Отдѣла.

Б. Приложенія къ протоколамъ:

Нѣкоторыя опечатки и поправки.

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Должно читать*
На стр. 50 по недосмотру вмѣсто 31-го января напечатано 31 апрѣля.				
69 б,	36	св.	ох*у*тны	ох*у*тны.
—	40	св.	ойца	ӧйца
71 б,	19	сн.	взiати	вз*iа*ти
75 б,	21	св.	сво́го	свого́
76 б,	30	св.	никогдане,	никогда не
—	31—2	св.	Музыка тинцы	Музыка, танцы
79 а,	9	сн. (и далѣе)	дев'ять	дев'ять
—	13	сн.	батенку	батеньку
83 б,	11	св.	наюомъ	на *ю*омъ
89 б,	23	св.	пропущено: 101. 1.	
—	1	св.	(нап.	[нап.
—	2	св.	такта)	такта)].
94 б, п. 166			той	то й
96 а, въ вынос. перемѣстить цыфры: 1) или: *siana*, и пр.				
— б,	17	св	Ганусеньк	Ганусенька
98 б, п. 215			*ez' wže*	*wez' že*
101 а, п. 240			*trud éj*	*trudniéj*
102 а, п. 254			*zpala*	*znala*
103 а, п. 266			*kachaneczek*	*kochaneczek*
— б,	15	сн.	серце	серце
105 а,	26	сн.	*zyody*	*zgody*
— б,	27	сн.	*teyo*	*tego*
106 а,	16	св.	*stareyo*	*starego*
108 а, п. 290 не указанъ *напѣвъ № 3*.				
110 а, выноски въ текстѣ должны слѣдовать въ так. порядкѣ: 1, 2, 3, 3, 4.				
112 а,	12	сн.	перепоемъ	перепоёмъ
116 а,	11	сн.	молотъ	молоть
117 а,	7	сн.	пиряпрасычка	пиряпросычка
126 а,	28	св.	Volks)	Volks-
127 а,	1	св.	8,	8)
—	5	св.	34)	34,
—	18	сн.	обзоръ	образъ
128 а,	1	сн.	ѣд.	слѣд.
130 а,	24	сн.	тое ею	тоею
134 а,	5	св.	98	93—4
141 б,	1	св.	=	(=
145 а,	22	сн.	біло	білої.
169 б,	22	св.	чеш.	словацкомъ
—	28	св.	*Y-manta*	*Ymanta*, *eine lettische Sage*, стр.
171 б,	13	св.	Такая	Тонкая
—	17	сн.	ереза	береза
178 а,	6	св.	Демб.	Демб.)

NB. Въ польскихъ пѣсняхъ, въ описаніи корницкой свадьбы, кое-гдѣ напеч. твердое ł вм. мягкаго и наоборотъ; корничане эти буквы употребляютъ правильно, исключая умышленныхъ искаженій; то-же слѣдуетъ сказать и о букв. *z* и *ž*, замѣна которыхъ одной другою возможна рѣдко подъ вліяніемъ риѳмы. Въ словахъ: *Марыся*, *скрыня* правильнѣе было бы писать *и*.

Въ нотахъ нап. 1-й, тактъ 3-й, вм. $^{2}/_{8}$ д.б. $^{9}/_{8}$, причемъ *ре* послѣ ферматы $= ^{1}/_{8}$; на той-же страницѣ, въ началѣ 2-й выноски, вм. *ми* $= ^{1}/_{8}$ должна быть маленькая перечеркнутая нотка (ми); нап. № 5, тактъ 3-й, *си* $= ^{1}/_{16}$; нап. № 12, вм. *) долж. б. **); нап. № 30, тактъ 7-й, *соль* $= ^{1}/_{16}$.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ XLVIII. Выпускъ 2-й.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА VIII.

**ПРОТОКОЛЫ 49—65 ЗАСѢДАНІЙ (29 ЯНВАРЯ 1885—14 НОЯБРЯ 1887 ГОДА)
СЪ 6 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Подъ редакціей В. Ѳ. Миллера
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой.
1888.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА VIII.

ПРОТОКОЛЫ 49—65 ЗАСѢДАНІЙ (29 ЯНВАРЯ 1885—14 НОЯБРЯ 1887 ГОДА), СЪ 6 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

СОРОКЪ ДЕВЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*29 января 1885 года*).

Засѣданіе происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Непремѣннаго члена В. Ѳ. Миллера въ присутствіи Вице-Президента Общества А. П. Разцвѣтова, непремѣнныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества и отдѣла: П. Г. Виноградова, Н. Л. Гондатти, В. А. Бобынина, Н. Ю. Зографа, М. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, М. В. Никольскаго, Ф. Д. Нефедова, Д. И. Иловайскаго, А. Х. Репмана, Гр. Абр. Халатова, Н. А. Янчука и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель сказалъ рѣчь о научныхъ трудахъ и дѣятельности покойнаго почетнаго Члена Общества графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. (Прилагается къ протоколу).

3. М. М. Ковалевскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: *О нѣкоторыхъ архаическихъ чертахъ семейнаго права Осетинъ*.

Въ виду предстоящаго напечатанія реферата содержаніе его въ настоящемъ протоколѣ не передается.

4. В. М. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: Каннибализмъ у Ново-британскихъ дикарей. Референтъ сдѣлалъ вначалѣ краткое введеніе о томъ, у какихъ народовъ и на какой стадіи развитія встрѣчается людоѣдство, причемъ были отмѣчены различныя формы проявленія этого обычая и ввидѣ примѣра охарактеризованъ каннибализмъ у Монбутту и Ньямъ Ньямовъ въ Африкѣ, у Батта на О-вѣ Суматрѣ и у жителей О-ва Ванкувера въ Сѣверной Америкѣ. Констатировавъ фактъ, что людоѣдство встрѣчается чаще у народовъ сравнительно развитыхъ, среди дикарей, референтъ изобразилъ, на основаніи показаній англійскаго путешественника Пауэля, матеріальный и общественный бытъ Новобританцевъ; при этомъ представилась возможность, не часто встрѣчающаяся въ реляціяхъ путешественниковъ описать подробно, со всею обстановкой, пиръ каннибаловъ по разсказу европейскаго очевидца. Изъ деталей референтъ не находилъ возможнымъ вывести заключенія о связи людоѣдства съ религіозными вѣрованіями этихъ дикарей, хотя нѣкоторые признаки дѣлаютъ эту связь правдоподобной. Въ числѣ оригинальныхъ обычаевъ Новобританцевъ въ сообщеніи изложена болѣе пространно организація дукъ-дука, таинственнаго общества посвященныхъ, группирующагося около не менѣе таинственнаго судьи и палача, одареннаго, по вѣрованіямъ дикарей, божественною силой.

5. По прочтеніи сообщеній публичное засѣданіе было закрыто и было приступлено въ послѣдовавшемъ за симъ закрытомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента общества А. П. Разцвѣтова къ выбору, на основаніи § 22-го устава, Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла на слѣдующее двухлѣтіе, при чемъ единогласно былъ вновь избранъ Предсѣдателемъ Н. Ч. В. Ѳ. Миллеръ.

6. Въ заключеніе В. Ѳ. Миллеръ пригласилъ въ товарищи Предсѣдателя Непремѣннаго Члена М. М. Ковалевскаго, а въ Секретари Отдѣла Члена Отдѣла (нынѣ Д. Ч. Общества) М. Н. Харузина.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

(Некрологъ).

Минувшій годъ закончился для русской науки утратой одного изъ самыхъ энергическихъ ея дѣятелей, — графа А. С. Уварова. Имя графа Уварова, какъ основателя научнаго направленія археологіи въ Россіи, пользуется не только всероссійской, но и европейской извѣстностью. Всякій, кто за послѣднее двадцатипятилѣтіе интересовался археологіей Россіи, уже при самомъ началѣ своихъ занятій сталкивался съ этимъ именемъ, знакомился съ трудами графа и привыкалъ смотрѣть на него, какъ на главнаго представителя археологической науки въ Россіи. Это значеніе графа Уварова господствовало въ сознаніи всѣхъ русскихъ археологовъ и находило себѣ выраженіе на послѣднихъ археологическихъ съѣздахъ, которые обычно заканчивались теплыми и искренними рѣчами, указывавшими на его научныя заслуги и благодарившими его за неутомимые труды. Такимъ образомъ уже при жизни графъ А. С. могъ нерѣдко испытывать нравственное удовлетвореніе въ сознаніи, самомъ отрадномъ для ученаго, что онъ двинулъ значительно впередъ русскую науку, что труды его останутся на долго цѣннымъ вкладомъ въ нее, что слѣдующія поколѣнія получатъ возможность вести дальше начатое имъ дѣло; но настоящая всесторонняя оцѣнка его заслугъ стала возможна лишь послѣ его смерти. Дѣйствительно, мы видимъ, что едва печальная вѣсть о кончинѣ гр. Уварова разнеслась по Россіи, какъ во всѣхъ городахъ ея, бывшихъ свидѣтелями его дѣятельности, начинается чествованіе его памяти, припоминаются детали его работъ, разъясняются его заслуги въ той или другой отрасли археологіи, въ той или другой области Россіи. Утрата гр. Уварова равно печально отозвалась и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Тифлисѣ, въ Казани и Одессѣ, и въ Ростовѣ, и въ Кіевѣ. Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ по явившимся въ повременной печати свѣдѣніямъ съ дѣятельностью гр. А. С., пойметъ, что эта дѣятельность такъ широка и многостороння, что у насъ не найдется такого археолога-энциклопедиста, который могъ бы одинъ равно справедливо оцѣнить ее съ разныхъ сторонъ. Лишь представители разныхъ областей археологической науки могли бы представить ей надлежащую оцѣнку. Конечно не мнѣ взять на себя этотъ непосильный трудъ. Я могу только въ общихъ чертахъ характеризовать графа А. С., напомнить лишь выдающіяся черты этого первоклассннаго ученаго и дѣятеля. Кому много дано, съ того многое и спросится. Графу Уварову было дано очень многое, но онъ далъ несравненно болѣе того, что самый требовательный судья могъ бы съ него спросить.

Сынъ извѣстнаго ученаго филолога, министра народнаго просвѣщенія, президента Академіи наукъ, графъ А. С. получилъ отличное воспитаніе и обширное образованіе. Уже въ дѣтствѣ и юности въ домѣ отца онъ жилъ въ сферѣ науки и искусства: превосходная библіотека, музей, лекціи профессоровъ, ученые споры о предметахъ науки и литературы — вотъ тѣ впечатлѣнія, среди которыхъ онъ развивался. Далѣе—петербургскій историко-филологическій факультетъ и лекціи Грефе, пребываніе въ заграничныхъ университетахъ — берлинскомъ, гейдельбергскомъ, кружокъ профессоровъ и ученыхъ археологовъ и нумизматовъ (Бартоломей, Кёне, Сабатье), съ которыми сблизился гр. А. С. по возвращеніи изъ-за границы—всѣ эти благопріятныя условія рѣшили все дальнѣйшее направленіе его дѣятельности, сдѣлали изъ него сначала любителя археологіи, потомъ основательно подготовленнаго ученаго, передъ которымъ открывалось, благодаря блестящему матеріальному и общественному положенію, широкое поприще дѣятельности. Природная энергія, привычка къ труду, обширное образованіе, даже помимо знатнаго происхожденія и высокаго положенія отца, открывали предъ гр. А. С. блестящую карьеру и дѣлали его желаннымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго поприща государственной службы. Предъ нимъ были открыты двери министерства иностранныхъ дѣлъ, и гр. А. С. былъ причисленъ къ этому вѣдомству. Однако задатки ученаго начинаютъ все сильнѣе сказываться въ молодомъ дипломатѣ; сынъ ученаго не находитъ удовлетворенія въ государственной службѣ не потому, чтобы натура его не имѣла стрем-

ленія къ общественной дѣятельности, какъ бываетъ съ нѣкоторыми исключительно кабинетными учеными, (напротивъ мы знаемъ изъ дальнѣйшаго, что графъ Уваровъ обладалъ и способностями и стремленіемъ къ общественной дѣятельности) а потому, что стремленіе къ научнымъ занятіямъ владѣло въ большей степени его помыслами. Онъ отдался лишь своему призванію. И вотъ мы видимъ, что молодой человѣкъ, стоявшій на порогѣ самой блестящей карьеры, окруженный богатствомъ и роскошью, является равнодушнымъ зрителемъ среди вихря свѣтской жизни, ищетъ удовлетворенія на засѣданіяхъ Археолого-нумизматическаго общества, въ основаніи котораго въ 1846 году онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе, и не колеблется промѣнять блескъ С.-Петербургской жизни на утомительную поѣздку въ южно-русскія степи и Крымъ ради археологическихъ разысканій. Въ 1847 году предсѣдатель Арх. Общества герцогъ Лейхтенбергскій возбудилъ вопросъ о способахъ болѣе полнаго изученія классическихъ памятниковъ на побережьи Чернаго моря и назначилъ коммиссію для разработки этого вопроса. Коммиссія пришла къ заключенію, что слѣдовало бы послать для такого изученія на мѣстѣ одного изъ членовъ Археолог. Общества, но остановилась предъ недостаткомъ средствъ для подобной экспедиціи. Тогда графъ А. С. предложилъ Обществу выполнить его желаніе на собственный счетъ. Предложеніе было принято съ благодарностью и въ 1848 г. молодой ученый отправляется къ устьямъ Днѣпра и отсюда проѣзжаетъ все побережье Чернаго моря на западъ до устьевъ Дуная и на востокъ до Таманскаго полуострова. Всюду онъ собираетъ свѣдѣнія, производитъ раскопки, дѣлаетъ замѣтки, пріобрѣтаетъ древности. Результаты поѣздки 27 лѣтній археологъ обнародываетъ въ своемъ первомъ капитальномъ трудѣ: «*Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря*» (2 вып. in 4° съ атлас. рисунковъ 1851—56), который представляетъ множество цѣнныхъ данныхъ для археологіи Новороссійскаго края, Бессарабіи и Молдавіи. Освѣтивъ въ археологическомъ отношеніи огромную область южной Россіи, графъ Уваровъ переноситъ свои изслѣдованія на сѣверъ въ область древнихъ городовъ Суздаля и Ростова и въ теченіе 4-хъ лѣтъ, съ 1851—54, въ сообществѣ съ археологомъ-нумизматомъ Савельевымъ и другими лицами раскапываетъ 7729 кургановъ, съ цѣлью опредѣленія географическаго распространенія вымершаго финскаго племени Мери и уясненія его культуры. Огромная масса добытаго археологическаго матеріала обработывалась имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и результаты изслѣдованій появились въ его трудѣ, считающемся классическимъ въ археологической наукѣ: *Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ* (напеч. *въ трудахъ I-го Археолог. съѣзда* въ Москвѣ въ 1869 году). Этотъ трудъ можетъ служить образцомъ для археологическихъ изслѣдованій, знакомя читателей съ методомъ, пріемами и научными требованіями раскопокъ и показывая, какимъ образомъ можно возстановить культуру цѣлаго племени, о которомъ письменныя историческія свидѣтельства крайне скудны. Здѣсь мы находимъ въ дѣйствіи всѣ орудія археологіи. Изслѣдуя курганы, археологъ выводитъ отличительные признаки Мерянскихъ могилъ, уясняетъ способъ погребенія и погребальные обряды, раскрываетъ религіозныя вѣрованія давно вымершей народности, опредѣляетъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ (финскихъ топографическихъ названій) районъ ея разселенія, на основаніи нумизматическаго изученія монетъ, эпоху могилъ, на основаніи тѣхъ же монетъ и типовъ вещей — торговыя сношенія Мерянъ съ востокомъ, съ западомъ, Византіей и сосѣдними народами. Здѣсь же находимъ картину быта Мерянъ, составленную на основаніи добытыхъ въ курганахъ предметовъ домашняго обихода, одеждъ, орудій, утвари и т. п. Затѣмъ антропологическія измѣренія надъ мерянскими черепами. Словомъ — этотъ трудъ гр. Уварова представляетъ цѣнный вкладъ и въ древнюю этнографію, и въ исторію, и въ антропологію. — Оторвавшись на одинъ годъ (1853 г.) отъ ростово-суздальскихъ раскопокъ гр. А. С. отправляется въ археологическую командировку снова въ южную Россію, чтобы изслѣдовать развалины древняго Херсонеса. Эти новыя, столь же удачныя, раскопки были окончены при началѣ Восточной войны, которая на время сдѣлала мирнаго археолога капитаномъ можайской ополченской дружины. Смерть отца (въ 1855 г.), устройство домашнихъ дѣлъ, основаніе своего музея и богатой библіотеки, затѣмъ двухлѣтняя служба по министерству народнаго просвѣщенія въ должности помощника попечителя московскаго учебнаго округа на время отвлекли графа отъ прежнихъ упорныхъ археологическихъ занятій, но уже въ

1859 году, вступивши въ бракъ съ княжной Прасковьей Сергѣевной Щербатовой, онъ навсегда оставляетъ оффиціальную службу и отправляется на 2 года за границу, преимущественно въ Италію, и тамъ уже съ полной свободой отдается своему влеченію. Въ Римѣ его преимущественно занимаетъ изученіе христіанской символики: онъ усердно изучаетъ византійское искусство, просматриваетъ въ Ватиканѣ греческія рукописи и византійскія миніатюры. Съ богатымъ запасомъ свѣдѣній и матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ возвращается графъ въ свое имѣніе Порѣчье, гдѣ, служа по выборамъ въ должности предводителя можайскаго дворянства и вводя земскія учрежденія, устраиваетъ свою богатую библіотеку и музей. Съ зимы 1864 года начинаетъ гр. А. С. приводить въ исполненіе давно задуманное дѣло—сплоченіе московскихъ археологовъ, историковъ и любителей старины въ тѣсный кружокъ съ цѣлью совмѣстной разработки археологической науки. Въ сообществѣ съ небольшимъ сначала кружкомъ ученыхъ, онъ выработываетъ уставъ Москов. Археологическаго Общества, которое уже съ ноября того же года начинаетъ свою дѣятельность. Всѣмъ извѣстно насколько покойный предсѣдатель археологическаго общества содѣйствовалъ его процвѣтанію всѣми средствами — учеными трудами, ходатайствомъ передъ правительствомъ, матеріальными пожертвованіями. Упомянемъ только, что въ девяти томахъ трудовъ Общества и въ I томѣ Археологическаго Вѣстника (1867) помѣщено до 20 изслѣдованій гр. Уварова, главнымъ образомъ по вопросамъ древне-христіанскаго искусства и первобытной археологіи и болѣе *тридцати* статеекъ въ Археологическомъ словарѣ, котораго составленіе, по его иниціативѣ, приняли на себя члены общества. Постояннымъ заботамъ и хлопотамъ графа Общество главнымъ образомъ обязано тѣмъ, что получаетъ правительственную субсидію въ размѣрѣ 5000 руб., имѣетъ пожалованный покойнымъ Государемъ домъ и небольшой но цѣнный музей и библіотеку. На ряду съ дѣятельностью по Обществу труды графа были направлены на устройство археологическихъ съѣздовъ, которые, происходя каждые 4 года, въ разныхъ городахъ, освѣщали въ археологическомъ отношеніи цѣлыя области Россіи. Въ устройствѣ такихъ обширныхъ предпріятій особенно блестяще проявились организаторскія способности гр. А. С—ча. Онъ устраивалъ подготовительные комитеты, выработывалъ программы, ставилъ и побуждалъ другихъ ставить вопросы для съѣзда и готовить сообщенія, обсуждалъ предполагавшіяся археологическія экспедиціи, находилъ подходящихъ людей для ихъ совершенія, предсѣдательствовалъ на засѣданіяхъ, руководилъ преніями и т. д. и т. д., не говоря уже о томъ, что содѣйствовалъ и матеріальными средствами печатанію трудовъ нѣкоторыхъ съѣздовъ—Московскаго (1869 г.), и Кіевскаго (1874). Особенно обязанъ Кавказъ трудамъ и вліянію гр. Уварова. Въ виду значенія этой области въ научномъ отношеніи, онъ исходатайствовалъ для устройства Тифлисскаго археологическаго съѣзда значительную правительственную субсидію (до 15 тысячъ), которая дала возможность снаряжать въ теченіе *трехъ* лѣтъ археол. экспедиціи въ разныя мѣстности Кавказа. Результатомъ уже однихъ работъ обоихъ подготовительныхъ комитетовъ, Московскаго и Тифлисскаго, является почтенный томъ in 4° болѣе 600 страницъ, со множествомъ рисунковъ, представляющій много отдѣльныхъ изслѣдованій и подробныхъ отчетовъ о раскопкахъ. Притомъ и самъ гр. А. С., живо заинтересовавшись кавказскими древностями, предпринималъ цѣлый рядъ раскопокъ (въ Осетіи, близь Казбека, Кутаиса, въ Дагестанѣ, около Пятигорска, въ Арменіи), изучалъ съ художественной стороны рукописи въ Эчміадзинской библіотекѣ и пріобрѣлъ замѣчательную коллекцію кавказскихъ древностей (преимущественно бронзовыхъ предметовъ), часть которой онъ затѣмъ пожертвовалъ въ Историческій музей.

Почти каждое лѣто, по окончаніи занятій въ Московскомъ археологическомъ Обществѣ, гр. Уваровъ совершалъ экскурсіи въ разныя мѣстности Россіи. То привлекаетъ его Крымъ, гдѣ онъ изучаетъ дольмены, то побережье Оки около Мурома, гдѣ онъ добываетъ раскопками богатый матеріалъ для каменнаго вѣка, то могильники Смоленской губ. Крымскія раскопки дали ему матеріалъ для изслѣдованія *«Мегалитическіе памятники Россіи»*, Муромскія—въ связи съ обширнымъ изученіемъ литературы предмета—значительно послужили его послѣднему обширному труду: Археологія Россіи—Каменный періодъ (М. 1881, томъ болѣе 400 стр. и атласъ рисунковъ и картъ). Въ послѣдніе годы графъ А. С. собиралъ матеріалъ для 2-го тома, который долженъ былъ обнять бронзовый періодъ Россіи, а также

положилъ много труда, силъ и здоровья на устройство Императорскаго Истор. Музея.

Уже этотъ краткій обзоръ дѣятельности гр. Уварова показываетъ, какого выдающагося дѣятеля въ его лицѣ утратила русская наука. Мы находимъ въ немъ рѣдкое соединеніе способностей и наклонностей—съ одной стороны къ упорному, усидчивому кабинетному ученому труду, съ другой — къ организаціи ученыхъ предпріятій, къ хлопотамъ и ходатайствамъ объ ихъ успѣхѣ, къ занятіямъ, для которыхъ необходимъ практическій умъ и, если можно такъ выразиться, хозяйственныя наклонности. Тѣ, кто изучають изслѣдованія графа Уварова, удивляются количеству затраченнаго труда, богатству матеріаловъ, строгости въ обработкѣ, обширности свѣдѣній. Еще болѣе, конечно, цѣнили въ немъ качества ученаго и работника тѣ, кому приходилось вступать съ нимъ въ личныя сношенія. Видно было по всему, что наука составляла первый и главный интересъ его жизни. Уже въ зрѣломъ возрастѣ и съ разстроеннымъ здоровьемъ онъ увлекался ею съ юношескимъ жаромъ и постоянно занятый мыслію о новыхъ научныхъ предпріятіяхъ, о новыхъ экспедиціяхъ, изслѣдованіяхъ — забывалъ въ живомъ разговорѣ физическіе недуги. Я лично помню, что когда мнѣ случилось въ послѣдній разъ видѣть неизлѣчимо больнаго графа А. С.—за 2 недѣли до его смерти, онъ былъ занятъ мыслью о будущемъ археологическомъ съѣздѣ и послѣднія слышанныя мною слова его были: «я надѣюсь, что поправлюсь недѣли черезъ двѣ и соберу членовъ Общества, чтобы поговорить о съѣздѣ»... Черезъ 2 недѣли мы дѣйствительно собрались, — но на панихиду по нашемъ незабвенномъ предсѣдателѣ...

Возстановляя въ своемъ воображеніи нравственный обликъ покойнаго, невольно спрашиваешь себя, въ чемъ лежала тайна его вліянія на окружающихъ, что дѣлало его настоящимъ, не только по званію, но и по значенію, предсѣдателемъ и вождемъ всякихъ научныхъ собраній и предпріятій, почему все, чѣмъ онъ руководилъ, устраивалось какъ то скоро, дружно, просто и всякая цѣль достигалась легко, почему передъ его авторитетомъ преклонялись невольно всѣ, и всякій разладъ, къ сожалѣнію часто препятствующій у насъ общественнымъ предпріятіямъ, устранялся самъ собою? Можно ли искать объясненья этому въ знатномъ происхожденіи и титулѣ покойнаго графа? Очевидно нѣтъ. У него никто не искалъ покровительства и не могъ бы найти, такъ какъ и самъ графъ А. С. былъ равнодушенъ къ служебной карьерѣ. Вокругъ него не слышалось и добровольной лести, такъ какъ всякая лесть должна была бы отпрянуть обезоруженной отъ этого скромнѣйшаго изъ ученыхъ, который никогда не говорилъ о своихъ научныхъ и иныхъ заслугахъ, но, зная слабость человѣческую, имѣлъ снисхожденіе выслушивать повѣствованіе другихъ о ихъ заслугахъ, нерѣдко ничтожныхъ въ сравненіи съ его собственными. Лежитъ ли тайна его вліянія въ его учености? Отчасти, но невполнѣ. Гр. А. С. привлекалъ къ себѣ людей и *другихъ* спеціальностей, людей которыхъ занятія лежатъ вдали отъ первобытной археологіи и древне-христіанскаго искусства—главныхъ предметовъ его занятій. Онъ привлекалъ къ себѣ тѣмъ научнымъ увлеченіемъ, которое всегда красной нитью проходило въ его бесѣдѣ, той широтой образованія, которая дозволяла ему интересоваться предметами, повидимому, лежащими въ сторонѣ отъ его спеціальности, той опытностью хорошаго мастера, который самъ умѣетъ работать и другихъ учить работѣ. Бесѣда съ такимъ лицомъ оказывала сильное и благотворное вліяніе особенно на молодыхъ ученыхъ. Они уходили отъ него ободренными, освѣженными, полными новыхъ идей и замысловъ. И многія изъ такихъ лицъ сохранятъ на всегда благодарное воспоминаніе о свѣтлой и симпатической личности графа Алексѣя Сергѣевича.

ПЯТИДЕСЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*7 февраля 1885 года*).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла происходило совмѣстно съ Отдѣломъ Антропологіи въ зданіи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла В. Θ. Миллера, въ присутствіи Вице-Президента Общества А. П. Разцвѣтова, Товарищей предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла Д. Н. Анучина, В. Н. Бензенгра, Е. А. Покровскаго, Товарища Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла М. М. Ковалевскаго, Секретаря Общества Н. Ю. Зографа, Почетнаго Члена О. А. Федченко, Непремѣнныхъ Членовъ: В. Д. Левинскаго, А. П. Маклакова, В. М. Михайловскаго, Н. В. Насонова, Ф. Д. Нефедова, П. П. Петрова, Дѣйствительныхъ членовъ: Адріановскаго, Н. Я. Березницкаго, В. А. Вагнера, М. В. Никольскаго, Н. А. Янчука, В. М. Шимкевича, Члена Сотрудника К. А. Горбачева и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

Примѣчаніе: Въ настоящій протоколъ вносятся лишь тѣ сообщенія, которыя имѣютъ этнографическій характеръ.

1. Предсѣдатель заявилъ, что вслѣдствіе болѣзни секретаря Этнографическаго Отдѣла протоколъ предыдущаго засѣданія будетъ прочтенъ въ слѣдующемъ.

2. Предсѣдательствующій прочелъ письмо отъ секретаря Этнографическаго Отдѣла М. Н. Харузина, въ которомъ выражено ходатайство послѣдняго о выдачѣ ему отъ Общества открытаго листа для изслѣдованія сельской общины и собиранія юридическихъ обычаевъ въ Калужской губ., предпринимаемаго имъ лѣтомъ текущаго года.

Опредѣлено: Передать бумагу въ совѣтъ Общества съ просьбой объ исполненіи ходатайства г. Секретаря.

3. Предсѣдательствующій сообщилъ о вновь вышедшей книгѣ «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году; издалъ Л. Майковъ 1884 года». Новицкій, по происхожденію малороссъ, попавшій въ Сибирь неволею, пользовавшійся затѣмъ расположеніемъ губернатора князя М. П. Гагарина, равно какъ и Митрополита Филофея, долгое время проживалъ между Остяками въ качествѣ надзирателя за исполненіемъ новокрещенными христіанскихъ обязанностей и оставилъ намъ описаніе ихъ быта. Сначала Новицкій упоминаетъ о старинныхъ преданіяхъ Остяковъ, переселеніи ихъ изъ Великой Перміи, о «народѣ Чютцкомъ», который жилъ сначала на занимаемыхъ нынѣ остяками мѣстахъ и т. д. Во второй главѣ онъ разсказываетъ про рожденіе ребенка, про очищеніе матери, про честность Остяковъ, ихъ татуировку, пищу, жилища, домашнихъ животныхъ, одежду, правленіе, подати, о свадьбѣ и погребеніи. Далѣе рѣчь идетъ о жрецахъ, объ идолопоклонствѣ, о почитаніи медвѣдя, клятва надъ шкурой котораго считалась самою вѣрною. Говоря о введеніи христіанства у Остяковъ, авторъ говоритъ, что Остяки соглашались креститься подъ условіемъ, чтобы былъ крещенъ и идолъ ихъ—шайтанъ, чтобы имъ не запрещали ѣсть лошадиное мясо и дозволили многоженство. Трудъ Новицкаго тѣмъ болѣе цѣненъ, что свѣдѣнія его объ Остякахъ были записаны въ 1715 г., когда народъ этотъ сохранялъ особенности своего быта въ гораздо большей чистотѣ чѣмъ нынѣ.

4. В. Θ. Миллеръ прочелъ «Этнографическую замѣтку» непремѣннаго члена Павла Васильевича Шейна подъ заглавіемъ «Причеты о табакѣ», въ которой авторъ, указавъ прежде всего на то, что такого рода причеты почти не собирались до настоящаго времени, хотя они и заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ для ознакомленія съ народными произведеніями, говоритъ, что причеты или приговоры по формѣ бываютъ прозаическіе и стихотворные, а по содержанію дѣлятся на шесть разрядовъ: 1) привѣтственные; 2) издѣвочные; 3) зазывательные; 4) пригласительные; 5) удалые и наконецъ 6) увеселительные, къ которымъ и относятся причеты о табакѣ, употреблявшіеся прежде при нюханіи табаку, но въ настоящее время почти совершенно исчезнувшіе; приведя довольно много такихъ образцовъ, собранныхъ имъ въ различныхъ мѣстностяхъ, П. В. Шейнъ высказалъ въ концѣ замѣчаніе, что нюханіе табаку было гораздо сильнѣе распро-

странено еще въ недавнее время среди великорусскаго и бѣлорусскаго населенія, между тѣмъ какъ въ Малороссіи замѣчается совершенно обратное явленіе: люлька составляетъ необходимую принадлежность всякаго малоросса. «Замѣтка» г. Шейна напечатана въ приложеніи къ протоколамъ Этнографическаго отдѣла. См. кн. VII стр. 179—184.

5. Затѣмъ предсѣдательствующій объявилъ публичное засѣданіе закрытымъ и просилъ гг. членовъ остаться для присутствованія на закрытомъ засѣданіи Антропологическаго отдѣла, имѣющемъ происходить подъ предсѣдательствомъ товарища Председателя отдѣла В. Н. Бензенгра.

Въ закрытомъ засѣданіи В. Н. Бензенгръ возбудилъ вопросъ о необходимости изданія инструкцій по этнографіи и антропологіи, въ виду того, что все чаще и чаще въ Общество обращаются за такими программами иногородные собиратели данныхъ по этимъ двумъ отраслямъ знанія, и указалъ, какъ на могущую служить до нѣкоторой степени образцомъ, программу, изданную Парижскимъ антропологическимъ обществомъ, переводъ который былъ имъ представленъ въ засѣданіи. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ В. Н. Бензенгра, присутствующіе члены избрали коммисію для выработки этнографической программы.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*17 марта 1885 года*).

Засѣданіе Общества Л. Е., А. и Э. совмѣстно съ Этнографическимъ Отдѣломъ происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ президента Общества А. Ю. Давидова, въ присутствіи непремѣнныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества и Отдѣла: Н. П. Горожанскаго, Н. Л. Гондатти, Д. А. Гольдгаммера, Н. Ю. Заграфа, А. И. Кельсіева, М. М. Ковалевскаго, А. О. Ковалевскаго, Н. М. Кулагина, В. Д. Левинскаго, П. И. Митрофанова, В. М. Михайловскаго, Н. В. Насонова, М. В. Никольскаго, П. П. Петрова, С. С. Подгорѣцкаго, Е А. Покровскаго, А. Х. Репмана, Н. П. Ситовскаго, Н. Г. Столѣтова, К. А. Тимирязева, О. А. Федченко, В. Н. Ульянина, М. Н. Харузина, Г. А. Халатьянца, Н. А. Янчука и 58 стороннихъ посѣтителей.

Примѣчаніе. Въ настоящій протоколъ вносятся лишь тѣ сообщенія, которыя имѣютъ этнографическій характеръ.

1. Н. Ч. В. М. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе объ Андаманскихъ островахъ и ихъ обитателяхъ. Послѣ очерка природы и климата Андаманскихъ острововъ референтъ перешелъ къ изложенію имѣющихся въ его распоряженіи свѣдѣній о тузсмномъ племени, которое заслуживаетъ особеннаго интереса, какъ потому, что должно быть причислено къ племенамъ, стоящимъ на наиболѣе низкомъ уровнѣ развитія, такъ и потому, что оно быстро вымираетъ. Малорослые, слабые по внѣшнему виду андаманцы и въ умственномъ отношеніи развиты весьма мало. Незнакомые совершенно съ одеждой (прикрываясь лишь на ночь отъ укушеній насѣкомыхъ глиной), незнающіе никакихъ предметовъ украшенія, обладающіе орудіями крайне несовершенными (вслѣдствіе чего бываютъ наприм. вынуждены по цѣлой недѣлѣ рубить одно дерево, съ огромнымъ трудомъ добывать огонь и т. п.) — андманцы отличаются вообще крайней непонятливостью и тупостью. Несмотря на малое пространство территоріи, занимаемой андаманцами, они подраздѣляются на нѣсколько племенъ крайне враждебныхъ другъ другу. Каждое изъ этихъ племенъ обладаетъ своимъ — часто непонятнымъ для сосѣдей—нарѣчіемъ, причемъ разность нарѣчій основана не на строеніи языка, а на большемъ или меньшемъ запасѣ словъ. Племенная организація довольно прочна, почему андаманцевъ никакъ нельзя причислить къ племенамъ стаднымъ. Родственныя связи развиты у андаманцевъ мало, такъ что считается напр. возможнымъ взять въ жены одновременно и мать и дочь. Женщина считается собственностью отца и родственниковъ. Что касается мѣста занимаемаго Минконіями среди другихъ племенъ, что референтъ склоняется въ пользу мнѣній тѣхъ этнографовъ, которые считаютъ ихъ родственными негритосамъ, живущимъ на Филиппинскихъ островахъ.

2. Второй рефератъ, прочитанный С. А. Егiазаровымъ, былъ посвященъ описанiю религiозныхъ вѣрованiй и кастоваго устройства *iезидовъ*. Указавъ прежде всего на то, что вообще о вѣрованiяхъ iезидовъ до сихъ поръ ходятъ самыя смутныя и сбивчивыя представленiя, — причину коихъ слѣдуетъ искать въ замкнутости самихъ iезидовъ, порожденной въ свою очередь недоброжелательнымъ отношенiемъ къ нимъ иновѣрцевъ, а также и въ невѣжествѣ самаго iезидскаго духовенства, референтъ подтверждаетъ свои слова указанiемъ на ложныя сообщенiя путешественниковъ и въ особенности французскаго консула въ Мосулѣ Siouffi, включившаго много ошибочныхъ свѣдѣнiй въ свою статью, напечатанную въ «Journal Asiatique». — Вопреки ходячему мнѣнiю, Iезиды не политеисты, не послѣдователи ученiя Зороастра, а монотеисты, что ясно доказывается символами вѣры iезидовъ—ихъ главной молитвой, къ которой, по мнѣнiю референта, слѣдуетъ обратиться прежде всего, чтобы точно опредѣлить понятiе народа о божествѣ. Но рядомъ съ единымъ Богомъ iезиды почитаютъ Мелекъ-таузена, который есть никто иной какъ отверженный Богомъ глава Архангеловъ. Iезиды мотивируютъ свое почитанiе злаго духа тѣмъ, что людямъ не подобаетъ вмѣшиваться въ отношенiя Бога къ своимъ архангеламъ. — Но кромѣ молитвы главной у iезидовъ существуютъ молитвы солнцу, огню, землѣ.—Общественный бытъ iезидовъ представляетъ очень много интереснаго уже потому, что ни у одного изъ азiатскихъ народовъ отдѣльные правовые институты не сохранились въ такой чистотѣ, какъ у iезидовъ. Iезидскiй народъ дѣлится на двѣ рѣзко отличающiяся другъ отъ друга замкнутыя касты—свѣтскихъ и духовныхъ. Браки между членами различныхъ кастъ считаются наравнѣ съ прелюбодѣянiемъ. Каста свѣтскихъ дѣлится на знатныхъ и простыхъ; основанiемъ дѣленiя служитъ степень экономическаго благосостоянiя. Каста духовныхъ подраздѣляется «по степени священства» на три, а по роду службы и обязанностей – на шесть разрядовъ, изъ коихъ первое мѣсто принадлежитъ кастѣ шейховъ,—а послѣднее—прислужникамъ храма. Особенно интересна каста каваловъ, на обязанности которыхъ лежитъ собирать въ пользу главнаго шейха поборы и приношенiя, а также чинить судъ. Кавалы напоминаютъ missi dominici времени Карла Великаго.

3. Предсѣдательствующiй выразилъ референту благодарность за интересное сообщенiе.

4. Рефератъ С. А. Егiазарова вызвалъ нѣсколько замѣчанiй. Г. Никольскiй, принимая во вниманiе почитанiе Мелекъ-таузена, равно какъ и молитвы солнцу, огню и землѣ, отказался признать iезидовъ за монотеистовъ. На это референтъ возразилъ, что по его мнѣнiю слѣдуетъ различать боготворенiе отъ почитанiя и что почитанiе Мелекъ-тоузена онъ считаетъ возможнымъ уподобить почитанiю святыхъ христiанскою церковью. В. М. Михайловскiй замѣтилъ, что въ сообщенныхъ референтомъ свѣдѣнiяхъ о религiозныхъ вѣрованiяхъ iезидовъ слѣдуетъ видѣть рядъ наслоенiй: господствовавшiй вначалѣ политеизмъ замѣнило въ VI в. единобожiе, но старыя вѣрованiя не успѣли еще стереться, отчего и происходитъ дуализмъ въ религiозныхъ вѣрованiяхъ современныхъ iезидовъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ ЗАСѢДАНIЕ.

(*17 апрѣля 1885 года*).

Засѣданiе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго О. Л. Е. А. и Э. происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера, въ присутствiи Вице-президента Общества Ал. Пав. Разцвѣтова, Непремѣнныхъ и Дѣйств. Членовъ Общества и Отдѣла: К. П. Барсова, В. Н. Бензенгра, Н. Л. Гондатти, Н. П. Горожанскаго, А. И. Кельсiева, Н. Ю. Зографа, В. М. Михайловскаго, Ф. Д. Нефедова, П. П. Петрова, Н. П. Ситовскаго, Ѳ. Я. Трейланда, М. Н. Харузина, Г. А. Халатьянца, Н. Е. Цабеля и 45 стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ трехъ предыдущихъ засѣданiй Этнографическаго Отдѣла.

2. Предсѣдатель В. Ѳ. Миллеръ довелъ до свѣдѣнiя Отдѣла о началѣ печатанiя новаго выпуска трудовъ Отдѣла Этнографiи.

3. Секретарь Отдѣла М. Н. Харузинъ прочелъ письмо Б. Н. Боева, въ которомъ послѣдній предоставляетъ въ распоряженіе Отдѣла свою статью подъ заглавіемъ «Къ брачному праву Болгаръ», а также изъявляетъ желаніе быть полезнымъ Обществу и Отдѣлу. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Секретарь Отдѣла передалъ Отдѣлу высланную по его просьбѣ Вѣнскимъ Антропологическимъ Обществомъ програму для собиранія свѣдѣній, составленную Д-г Фр. Краусомъ.

5. Предсѣдатель Отдѣла сказалъ рѣчь, посвященную памяти Николая Ивановича Костомарова, въ коей онъ указалъ на заслуги покойнаго ученаго, какъ этнографа. (Прилагается къ протоколу).

6. Н. Ч. Ф. Д. Нефедовъ сдѣлалъ сообщеніе «о религіозныхъ обрядахъ Черемисовъ-язычниковъ Уфимской губерніи». Черемисы признаютъ одно высшее начало, управляющее міромъ и вѣрятъ въ загробную жизнь. Они одинаково почитаютъ какъ Юма—представителя свѣтлаго начала, такъ и младшаго его брата Кереметина—начальника злыхъ духовъ. Рядомъ съ этими главными богами почитаются еще многія низшія божества. Референтъ подробно изложилъ религіозныя воззрѣнія Черемисовъ, ихъ преданія о сотвореніи міра и человѣка и о враждѣ Кереметина къ старшему и славному его брату Юмѣ, богослуженіе общественное и домашнее, а также описалъ черемисскія празднества и обряды.

По прочтеніи реферата предсѣдатель благодарилъ референта за сообщеніе и выразилъ желаніе скорѣйшаго опубликованія всѣхъ собранныхъ референтомъ свѣдѣній.

7. Н. А. Янчукъ въ пространномъ сообщеніи предложилъ историко-литературный разборъ малорусской народной поэмы о «Кирикѣ».

8. Секретарь Отдѣла А. Н. Харузинъ прочелъ извлеченіе изъ доклада Б. Н. Боева «Къ брачному праву Болгаръ», посвященнаго преимущественно описанію свадебныхъ обычаевъ и взаимныхъ отношеній между супругами. (Докладъ г. Боева напечатанъ въ 1 выпускѣ «Сборника Матеріаловъ по Этнографіи, издаваемаго при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ. М. 1885.)

Н. И. Костомаровъ.

(† 7-го апрѣля 1885 г.).

Нѣсколько дней тому назадъ Петербургъ проводилъ въ могилу прахъ знаменитаго русскаго историка Н. И. Костомарова. Имя Костомарова въ послѣднее десятилѣтіе произносилось на равнѣ съ именемъ столь же славнаго современника его С. М. Соловьева. Его знаменитыя историческія монографіи и изслѣдованія до послѣднихъ дней его жизни появлявшіяся въ лучшихъ изъ крупныхъ повременныхъ изданій, читались всегда съ напряженнымъ интересомъ. Въ его мелкихъ статьяхъ, болѣе 100 по числу, разсѣянныхъ во многихъ журналахъ и газетахъ, читатели находили откликъ широко образованнаго и высокаго ума на множество вопросовъ науки и жизни. Въ его историческихъ романахъ передъ глазами читателя въ привлекательной формѣ проходили типы нашего историческаго прошлаго. Все, что выходило изъ подъ пера этого ученаго писателя, носило печать талантливости и оригинальности, соединенной съ широтой взгляда, и отличалось замѣчательнымъ мастерствомъ изложенія. Энергія и юношескій жаръ не покидали Костомарова до послѣднихъ дней. Ни старость, ни болѣзнь не могли долго сломить этотъ сильный и бодрый духъ, и дѣятельность послѣднихъ годовъ его жизни была не менѣе интенсивна, чѣмъ двадцатипятилѣтіе тому назадъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто Костомарова въ русской исторической наукѣ будетъ опредѣлено по достоинству современными нашими историками. Мое личное сужденіе, какъ не спеціалиста въ этомъ вопросѣ, не имѣетъ значенія и было бы неумѣстно. Но рядомъ съ трудами чисто историческаго характера между работами Костомарова есть не мало такихъ, которыя всецѣло входятъ въ литературу этнографіи Россіи. Костомаровъ былъ столько-же этнографъ, столько историкъ, и я считаю умѣстнымъ указать на нѣкоторые труды его, какъ одного изъ первыхъ и по

времени и по заслугамъ среди нашихъ этнографовъ.

Любовь къ непосредственному изученію народа, къ собиранію и записыванію произведеній его творчества обнаруживается въ будущемъ историкѣ вскорѣ по окончаніи имъ университетскаго курса и идетъ рука объ руку съ его спеціально-историческими занятіями. На немъ живо отразилось вліяніе знаменитыхъ изслѣдователей германской народности братьевъ Гриммовъ, и изученіе народныхъ пѣсенъ славянскихъ народовъ по сборникамъ Вука Караджича (сербскихъ) Коллара (словацкихъ), Войцицкаго (польскихъ), Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Максимовича и Срезневскаго (южно-русскихъ), Сахарова и Кирши Данилова (велико-русскихъ). Подготовляя себя къ работѣ по магистерской диссертаціи, которую онъ думалъ посвятить новому для того времени вопросу *объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи*, молодой ученый въ простомъ платьѣ бродитъ въ Харьков. губ., по слободамъ и шинкамъ, изучая народные обычаи и записывая преданія и пѣсни. Въ то время (въ началѣ 40-хъ годовъ) подобное стремленіе къ научному изученію народности казалось страннымъ не только въ малообразованномъ обществѣ, но даже въ нѣкоторыхъ ученыхъ кружкахъ. Были и среди ученыхъ стараго типа такіе, которые называли Костомарова *блаженненькимъ*. Тѣ же лица, которыя умѣли съ художественной стороны оцѣнить черты народной жизни въ малорусскихъ повѣстяхъ Гоголя, которымъ нравились народныя повѣрья и обычаи, какъ couleur locale, въ произведеніи беллетриста, выслушивали съ улыбкой недовѣрія, когда имъ серіозно говорили, что эти простонародныя пѣсни, эти наивные обряды могутъ быть предметомъ научнаго изученія, могутъ послужить темой для ученой диссертаціи. То, что въ настоящее время, послѣ появленія капитальныхъ сборниковъ русскихъ былинъ и лирическихъ пѣсенъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова, Шейна, Гильфердинга, Ефименка и друг., послѣ цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдованій 60 и 70-хъ годовъ, вызванныхъ богатымъ матеріаломъ по народной поэзіи, стало ясно для всякаго образованнаго человѣка, то, что теперь вошло, какъ вполнѣ доказанное, въ школьное преподаваніе; все это въ 1843 году Костомаровъ долженъ былъ доказывать и защищать въ своей магистерской диссертаціи. Онъ говорилъ, что для узнанія народнаго характера надо искать такихъ источниковъ, въ которыхъ бы народъ высказывалъ себя безсознательно, что къ такимъ источникамъ принадлежитъ народная литература, что въ ней есть истинная поэзія. Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; минуты поэзіи—минуты творчества; народъ испытываетъ ихъ и оставляетъ памятники—онъ поетъ; его пѣсни, произведенія его чувства не лгутъ; онѣ рождаются и образуются тогда, когда народъ не носитъ маски. Онъ самъ сознаетъ это, говоря: *пѣсня быль*. Въ самомъ дѣлѣ, народная пѣсня имѣетъ преимущество предъ всѣми сочиненіями: пѣсня выражаетъ чувства не выученныя, движенія души непритворныя, понятія не занятыя. Народъ въ ней является такимъ, каковъ есть: *пѣсня—истина*.

Опредѣляя такимъ образомъ значеніе народной пѣсни, Костомаровъ долженъ былъ уяснить, съ какими вопросами можетъ и долженъ подойти ученый и притомъ историкъ къ произведеніямъ народной поэзіи. Пѣсни могутъ быть разсматриваемы въ 1-хъ), какъ лѣтописи событій, какъ источники для *внѣшней* исторіи. Но въ этомъ отношеніи достоинство пѣсенъ еще не такъ велико, потому что сюда принадлежатъ только такъ называемыя историческія пѣсни, а также потому, что фантазія народа часто прикрываетъ истину; во 2-хъ), какъ изображенія народнаго быта, какъ источники для *внутренней* исторіи, по которымъ историкъ могъ бы судить объ общественномъ устройствѣ, о семейномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи пѣсни имѣютъ уже большее достоинство, но представляютъ также большіе недостатки, именно потому, что тѣ черты, которыхъ будетъ искать историкъ, являются часто неясно, отрывочно и требуютъ дополненій и критики; въ 3-хъ), какъ предметъ *филологическаго* изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи пѣсни для историка драгоцѣнность; но значеніе ихъ здѣсь частно и касается преимущественно исторіи развитія *языка*, а не вообще народа; въ 4-хъ), *какъ памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее*. Это самое важное и непреложное достоинство пѣсенъ. Здѣсь не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія. Жизнь, со всѣми ея явленіями, истекаетъ изъ внутренняго самовоззрѣнія человѣческаго существа. На этомъ основывается то, что мы называемъ характеромъ: особенный

взглядъ на вещи, который имѣетъ какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ.

Исходя изъ этихъ взглядовъ на народную пѣсню, какъ на источникъ *для уясненія народнаго характера*, Костомаровъ въ своей диссертаціи представляетъ на основаніи фактовъ, почерпнутыхъ изъ народной великорусской и малорусской поэзіи, вѣрную картину духовнаго быта русскаго народа. Онъ изображаетъ его отношеніе къ религіи и къ природѣ, взглядъ народа на *прошедшую* свою политическую жизнь, и наконецъ его взглядъ на настоящую свою жизнь.

Въ первой части своего труда, тамъ гдѣ Костомаровъ изображаетъ представленія народа о природѣ, о царствѣ растительномъ и животномъ, онъ является предшественникомъ извѣстному миѳологу Аѳанасьеву. Но матеріалъ, собранный и освѣщенный Костомаровымъ, преимущественно по малорусской поэзіи, не утратилъ своего значенія и въ настоящее время, несмотря на многіе позднѣйшіе труды, появившіеся въ этой области русскаго народнаго творчества. Полна интереса и глава, посвященная малорусской *исторической* народной поэзіи, которой древнѣйшія пѣсни восходятъ ко 2-й половинѣ XVI вѣка. Въ этихъ пѣсняхъ мы видимъ отраженіе въ народной памяти подвиговъ казаковъ на берегахъ Дуная, ихъ морскихъ походовъ и воспоминаній о татарскихъ набѣгахъ и степной войнѣ съ Татарами. Передъ нами проходитъ рядъ гетмановъ казацкихъ, начиная отъ Дмитры Байды, оказавшаго услуги Іоанну Грозному и кончая разрушеніемъ Запорожской сѣчи. Въ главѣ, посвященной общественной жизни малоруссовъ, мы находимъ подробную и яркую характеристику взгляда народа на *казака*, чумака, бурлака, земледѣльца, на женщину, на пановъ, поляковъ, жидовъ, татаръ и т. п. Для этого очерка Костомаровъ пользовался значительнымъ матеріаломъ не только печатнымъ, но рукописнымъ (при чемъ одинъ рукописный сборникъ содержалъ болѣе 500 пѣсенъ), и этимъ объясняется полнота и высокій интересъ его изслѣдованія духовнаго быта малоруссовъ. Гораздо скуднѣе были его источники для Великоруссовъ. Въ то время онъ могъ пользоваться лишь Сказаніями русскаго народа, собранными Сахаровымъ (1841), его-же Русскими простонародными сказками и Сборникомъ Древнихъ Россійскихъ стихотвореній Кирши Данилова, изданнымъ Калайдовичемъ (1818 г.).

Итакъ въ то время, когда только начинали у насъ интересоваться народной поэзіей, когда еще не было большихъ и критически изданныхъ сборниковъ пѣсенъ, Костомаровъ уже *разработывалъ научно* наличный печатный и рукописный матеріалъ и дѣлалъ изъ него выводы о духовномъ бытѣ народа. Чувствуя недостатокъ матеріала, Костомаровъ пользовался всякимъ случаемъ входить въ непосредственныя сношенія съ простонародьемъ, изучать его понятія, наблюдать его бытъ и прислушиваться къ его пѣснямъ. Уже въ годъ защиты диссертаціи (1844), назначенный учителемъ исторіи въ Ровенскую гимназію, онъ совершаетъ нѣсколько поѣздокъ въ разныя историческія мѣстности Волынской губерніи и собираетъ много народныхъ пѣсенъ, которыя впослѣдствіи (въ 1859) году были изданы Д. Мордовцевымъ въ его Малорусскомъ сборникѣ (Саратовъ 1859 г.). Здѣсь мы находимъ 202 №№ пѣсенъ: историческихъ (о Свѣрговскомъ, Серпягѣ, Хмельницкомъ, Морозенкѣ и друг.), казацкихъ, чумацкихъ, сиротскихъ, семейныхъ, любовныхъ и обрядовыхъ, (колядскихъ, веснянокъ, купальскихъ) и нѣсколько малорусскихъ сказокъ изъ Войска Донскаго. Черезъ 2 года послѣ диссертаціи Н. И. Костомаровъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ и въ томъ же 1846 г. издаетъ свой трудъ «Славянская Миѳологія», составляющій въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Здѣсь, помимо изученія историческихъ свидѣтельствъ о языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, Костомарову принесло несомнѣнную пользу его непосредственное знакомство съ народнымъ современнымъ бытомъ, обрядами и пѣснями, въ которыхъ сохранились отголоски языческой старины.

Послѣ извѣстнаго несчастія обрушившагося на Костомарова, когда послѣ годичнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, лишенный возможности преподавать и печатать свои сочиненія, онъ служилъ въ Саратовѣ сначала переводчикомъ при губернскомъ правленіи, а затѣмъ дѣлопроизводителемъ статистическаго Комитета, онъ не оставлялъ и здѣсь своихъ этнографическихъ занятій и при удобномъ случаѣ записывалъ народныя пѣсни, надѣясь ихъ издать впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Эти обстоятельства наступили съ воашествіемъ на престолъ Императора Александра II, когда Костомаровъ былъ

освобожденъ отъ полицейскаго надзора и получилъ дозволеніе печатать свои статьи. Тутъ дѣятельность Н. И. принимаетъ широкіе размѣры. Онъ выпускаетъ рядъ крупныхъ историческихъ изслѣдованій по исторіи Малороссіи, (Борьба украинск. казаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго, 1856. Богданъ Хмельницкій (1857). Бунтъ Стеньки Разина (1858), издаетъ свой извѣстный трудъ, столь же важный для историка, какъ и для этнографа: *Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол.*; но вмѣстѣ съ тѣмъ и обогащаетъ литературу русской народной пѣсни, напечатавъ въ Лѣтописяхъ русс. литературы и древности (изд. Тихонравовымъ въ 1862 г.) Сборникъ русс. народныхъ пѣсенъ (болѣе 100 №№), собранныхъ имъ и А. Н. Мордовцевой въ Саратовской губерніи. Кромѣ богатырскихъ былинъ (о Лукоянѣ, Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Ильѣ Муромцѣ), мы находимъ здѣсь рядъ интересныхъ историческихъ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ, Малютѣ, Тушинскомъ ворѣ, Михаилѣ Скопинѣ Шуйскомъ, Алексѣѣ Михайловичѣ, Петрѣ и много цѣнныхъ бытовыхъ пѣсенъ. Многочисленные труды по исторіи Россіи отвлекали въ теченіе 60 и 70-хъ годовъ Костомарова отъ болѣе пристальныхъ занятій народной поэзіей; но и среди нихъ онъ находитъ иногда время для журнальныхъ статей объ этомъ предметѣ, который въ юности преимущественно сосредоточивалъ на себѣ его симпатіи. Такъ въ 1872 г. онъ напечаталъ 2 статьи о народной поэзіи, именно: *объ историческомъ значеніи южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества* (Бесѣда 1872) и *О великорусской народной пѣсенной поэзіи*. (Вѣстн. Европы 1872).

Первая изъ названныхъ статей представляетъ обширное изслѣдованіе, въ которомъ основательно переработана и дополнена новыми данными малорусская часть его магистерской диссертаціи. Въ распоряженіи у автора здѣсь уже несравненно болѣе обильный матеріалъ, чѣмъ за 30 лѣтъ передъ этимъ. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ новыхъ сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ, вышедшихъ за предшествующее тридцатилѣтіе, авторъ имѣлъ подъ рукою и нѣсколько рукописныхъ сборниковъ. Они стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, какъ къ одному изъ раннихъ собирателей и глубокому знатоку, и увеличили запасъ лично записанныхъ имъ пѣсней, который онъ готовился передать Географическому обществу.— Нѣтъ сомнѣнія, что весь этотъ богатый матеріалъ, обработанной опытной рукой ученаго, возвысилъ его изслѣдованіе на степень классическаго. Другая статья, посвященная великорусской поэзіи, написана была по поводу выхода въ свѣтъ Великорусскаго Пѣсеннаго Сборника нашего сочлена П. В. Шейна...

Итакъ уже этотъ краткій обзоръ показываетъ, какое значеніе имѣютъ этнографическіе труды покойнаго историка. Своимъ искреннимъ увлеченіемъ произведеніями народнаго творчества, своимъ собирательскимъ трудомъ, своими изслѣдованіями народныхъ пѣсенъ, наконецъ, своимъ высокимъ научнымъ авторитетомъ Костомаровъ много содѣйствовалъ разработкѣ обширной области народнаго слова, породилъ многихъ послѣдователей, распространилъ въ образованномъ обществѣ вѣрный взглядъ на значеніе народной словесности и интересъ къ ея изученію. Особенно многимъ обязана его трудамъ родная ему Украйна. Онъ глубоко и съ любовью изучалъ духъ ея народной поэзіи и своими историческими изслѣдованіями ярко освѣтилъ цѣлые періоды ея прошедшей жизни. Искреннее чувство скорби и глубокое уваженіе къ памяти народнаго историка нашло себѣ выраженіе въ тѣхъ теплыхъ рѣчахъ, которыя недавно произносились его сородичами надъ его свѣжей могилой...

Я повторю лишь избитую истину, мм. гг., когда скажу, что для познанія *настоящаго* необходимо знать *прошедшее*, необходимо прослѣдить ходъ развитія, начиная съ отдаленнаго прошлаго; но не менѣе вѣрно и то, что изученіе *настоящаго* даетъ намъ во многомъ ключъ къ уразумѣнію *прошедшаго*, что историкъ, дабы понять духъ изображаемаго народа въ *минувшіе* періоды, долженъ изучить этотъ духъ въ его современныхъ проявленіяхъ, т. е. долженъ быть этнографомъ. Костомаровъ глубоко понималъ эту связь этнографіи настоящаго съ исторіей прошлаго и, отыскивая для послѣдняго документы въ пыли архивовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ искалъ и источниковъ для изученія *современнаго* духовнаго быта народа. Эта задача побудила его стать въ непосредственныя сношенія съ народомъ, предпринять трудъ этнографа-собирателя. Отыскивая, какъ строгій историкъ, наиболѣе чистыхъ и непосредственныхъ источниковъ, онъ рѣшилъ черпать ихъ изъ *первыхъ* рукъ, не ограничиваясь одной *кабинетной* разработкой собраннаго другими

матеріала. Это непосредственное изученіе народа сдѣлало Костомарова великимъ знатокомъ его духовнаго и матеріальнаго быта, углубило и расширило его пониманіе прошедшаго и придало высокое значеніе его историческимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*31 октября 1885 г.*).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Л. Е., А. и Э. происходило въ Политехническомъ музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи Вице-Президента Общества А. П. Развцѣтова и членовъ Общества и Отдѣла: В. Н. Бензенгра, Н. Ю. Зографа, К. Н. Икова, Ѳ. Е. Корша, М. М. Ковалевскаго, В. Д. Левинскаго, Н. В. Насонова, А. Х. Репмана, И. И. Севрюгина, Ѳ. Я. Трейланда, О. А. Федченко, И. Н. Цвѣтухина, Н. А. Янчука и 135 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель обратилъ вниманіе Отдѣла на 4-й выпускъ кавказскаго этнографическаго изданія, «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». Изъ статей, вошедшихъ въ новый выпускъ «Сборника», В. Ѳ. Миллеръ остановился на обстоятельномъ трудѣ г. Гана, представляющемъ переводъ на русскій языкъ свѣдѣній, сообщаемыхъ о Кавказѣ и его населеніи классическими писателями на пространствѣ 1500 лѣтъ. Указавъ на нѣкоторые обычаи, засвидѣтельствованные классическими писателями у кавказскихъ племенъ, В. Ѳ. Миллеръ предложилъ объясненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, (преимущественно погребальныхъ), на основаніи сравненія ихъ съ современными обычаями другихъ народовъ и указалъ на существованіе на Кавказѣ въ древнія времена вѣрованій аналогичныхъ вѣрованіямъ современныхъ Парсовъ. Между другими статьями «Сборника» В. Ѳ. Миллеръ отмѣтилъ любопытную статью г. Эйвазова объ Айсорахъ, несторіанскихъ христіанахъ, выселившихся изъ Персіи на Кавказъ, и г. Мачаваріани — «Положеніе женщины въ Абхазіи».

3. И. Ш. Анисимовъ сдѣлалъ сообщеніе о Кавказскихъ Евреяхъ. Приведя нѣкоторыя собранныя имъ статистическія свѣдѣнія о численности Горскихъ Евреевъ и назвавъ мѣстности ими населяемыя, референтъ уяснилъ отношенія Евреевъ къ мусульманскому населенію, среди котораго они живутъ, а также къ европейскимъ Евреямъ, пріѣзжающимъ на Кавказъ. Затѣмъ референтъ остановился подробно на изложеніи вѣрованій Кавказскихъ Евреевъ, причемъ перечислилъ добрыхъ и злыхъ духовъ, которымъ Евреи приписываютъ вліяніе на человѣческую жизнь и описалъ нѣкоторыя празднества и религіозные обряды. Продолженіе сообщенія г. Анисимова было отложено на слѣдующее засѣданіе.

Предсѣдатель благодарилъ референта, заявивъ, что сообщеніе г. Анисимова (или точнѣе Нисимъ-Оглы) представляетъ тѣмъ большій интересъ, что о Горскихъ Евреяхъ въ нашей этнографической литературѣ до сихъ поръ не было достовѣрныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній, и что г. Анисимовъ, сынъ раввина и первой изъ своего племени, получившій европейское образованіе, вполнѣ приготовленъ восполнить этотъ пробѣлъ въ этнографической литературѣ.

4. Н. Ч. М. М. Ковалевскій сдѣлалъ сообщеніе «Объ обычномъ правѣ Горскихъ Татаръ и его отношеніи къ Осетинскому». Предпославъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о своей послѣдней поѣздкѣ на Кавказъ (лѣтомъ текущаго года), въ теченіе которой, на пути отъ Кисловодска чрезъ область Горскихъ Татаръ въ Сванетію, референтъ собиралъ данныя по обычному праву горскихъ племенъ, М. М. Ковалевскій привелъ рядъ доказательствъ тому предположенію, что мѣста, населяемыя въ настоящее время Горскими Татарами, отъ р. Уруха на востокѣ до Эльборуса на западѣ, были ранѣе заняты Осетинами. Главныя указанія на послѣднее референтъ видитъ, съ одной стороны, въ топографическихъ названіяхъ (рѣкъ, горъ, ущелій, переваловъ и т. д.), которыя представляютъ видоизмѣненныя Осетинскія имена, съ другой — въ данныхъ, добытыхъ референтомъ посредствомъ раскопокъ древнихъ могилъ близъ Хас-

саута, свидѣтельствующихъ о существованiи въ древнее время въ этихъ мѣстахъ христiанства и земледѣльческой культуры. Въ связи съ тѣмъ положенiемъ, что Татары-горцы смѣшались въ этихъ мѣстахъ съ туземнымъ Осетинскимъ населенiемъ, референтъ разсмотрѣлъ нѣкоторыя стороны обычнаго права Горскихъ Татаръ и пришелъ къ заключенiю, что и на немъ отразилось сильное влiянiе обычнаго права Осетинъ. Замѣчательныя черты сходства референтъ указалъ въ *судопроизводствѣ* (напримѣръ, въ присягѣ, институтѣ доказчиковъ, наказанiяхъ и пеняхъ) и въ *гражданскомъ правѣ* (въ формахъ дарения, въ продажѣ, ссудѣ, исчисленiи процентовъ, земельной арендѣ, личномъ наймѣ и т. д.). Детальное сходство между осетинскимъ и татарскимъ правомъ исключаетъ мысль о случайномъ совпаденiи или независимомъ другъ отъ друга происхожденiи тѣхъ и другихъ правовыхъ явленiй, и даетъ возможность предполагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣйствительно случай усвоенiя одною народностью въ главныхъ чертахъ обычнаго права другой, болѣе культурной.

Продолженiе сообщенiя М. М. Ковалевскаго было отложено до слѣдующаго засѣданiя.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСѢДАНIЕ.

(*14 ноября 1885 г.*).

Засѣданiе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Л. Е., А. и Э. происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера, въ присутствiи Президента Общества А. Ю. Давидова и членовъ Общества: М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, К. П. Барсова, Н. А. Янчука и 54 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданiя.

2. Предсѣдатель, передавая отъ имени составителя въ библiотеку Общества «Карту разселенiя Славянъ въ IX вѣкѣ», составленную проф. Кочубинскимъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчанiй объ этомъ трудѣ и указалъ нѣкоторые, замѣченные имъ, неточности и пробѣлы.

3. Предсѣдатель передалъ въ библiотеку Общества отъ имени издателя 1-й Выпускъ «*Сборника матерiаловъ по Этнографiи*, издаваемаго при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ подъ редакцiей В. Ѳ. Миллера. Это новое этнографическое изданiе, предпринятое на средства почетнаго члена Общества Вас. Андр. Дашкова, соотвѣтствуя цѣлямъ Этнографическаго Отдѣла Общества, можетъ быть полезно послѣднему и въ томъ отношенiи, что оно готово, по заявленiю редактора, помѣщать на своихъ страницахъ нѣкоторыя, дѣлаемыя членами Отдѣла, сообщенiя по этнографiи, которыя, по той или иной причинѣ, не могли бы быть помѣщены въ изданiяхъ Этнографическаго Отдѣла. Вслѣдствiе ограниченности объема «Сборника», редакцiя исключаетъ статьи по этнографiи русскаго населенiя Россiи и будетъ помѣщать главнымъ образомъ матерiалы для изученiя быта русскихъ *инородцевъ*. Примѣняясь къ составу Дашковскаго Этнографическаго Музея, содержащаго довольно богатыя коллекцiи по этнографiи южныхъ и западныхъ Славянъ, Сборникъ будетъ принимать и статьи по этнографiи этихъ племенъ. Первый выпускъ «Сборника» отличается той особенностью, что авторы четырехъ самостоятельныхъ изслѣдованiй принадлежатъ по происхожденiю сами къ тѣмъ народностямъ, которыя они описываютъ; таковы: болгаринъ Б. Н. Боевъ, авторъ статьи: «Къ брачному праву Болгаръ», осетинъ С. В. Кокiевъ, — представившiй записку «О бытѣ Осетинъ;» армянинъ Г. А. Халатiанцъ,—помѣстившiй «Общiй очеркъ Армянскихъ сказокъ;» латышъ Ѳ. Я. Трейландъ—авторъ статьи: «Крестинные обряды Латышей». Послѣдняя статья В. Ѳ. Миллера представляетъ переводъ на русскiй языкъ нѣсколькихъ записанныхъ имъ и осетиномъ С. А. Туккаевымъ осетинскихъ сказокъ.

4. Предсѣдатель представилъ вниманiю Отдѣла собранныя Г. А. Де-Волланомъ «Угрорусскiя народныя пѣсни», изданныя въ XIII т. записокъ И. Р. Геогр. Общества по отдѣленiю Этнографiи. Къ сборнику составитель приложилъ довольно обстоятельный очеркъ быта Угорскихъ Русскихъ и этнографическую карту Венгрiи. Г. де-Волланъ лично посѣтилъ Угорскую Русь и на мѣстѣ изучалъ бытъ ея

населенія. Изданныя имъ пѣсни (300 №№) собраны въ Берегскомъ, Угочскомъ и Мармарусскомъ комитатахъ, а также у Крайнянъ и Спишаковъ и составляютъ существенный вкладъ въ ученую литературу объ Угорской Руси, пѣснотворчество которой до сихъ поръ было представлено только сборниками Я. Ѳ. Головацкаго и А. П. Дешко.

5. Н. Ч. М. М. Ковалевскій продолжилъ чтеніе своего изслѣдованія объ *Обычномъ правѣ Горскихъ Татаръ и его отношеніи къ осетинскому*. Въ своемъ сообщеніи референтъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя черты брачнаго права Горскихъ Татаръ, какъ то: на нераспространенность полигаміи, не смотря на мусульманство горскаго населенія, на существованіе конкубината и ссуды рабынь, подъ условіемъ, что прижитыя съ ними дѣти считаются собственностью ссудившаго, на вліяніе сословныхъ отношеній на брачное право и друг. Указавъ на современную форму брака, скрѣпляемаго договоромъ (накяхъ) и сопровождающагося куплей невѣсты (калымомъ), референтъ отмѣтилъ въ брачныхъ обрядахъ слѣды нѣкогда практиковавшейся умычки женщинъ. Далѣе были разсмотрѣны условія для развода, слѣды левирата, молочное родство (аталычество) и изложены формы наслѣдованія имущества. Разсматривая эти черты семейнаго права Горскихъ Татаръ, референтъ указывалъ на замѣчательныя аналогіи, представляемыя брачнымъ правомъ Осетинъ, и находилъ въ послѣднемъ подтвержденіе основной мысли своего изслѣдованія, что Горскіе Татары, занявъ на сѣверномъ Кавказѣ мѣста, раньше ихъ населенныя Осетинами, подверглись въ значительной степени культурному вліянію послѣднихъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*31 января 1886 г.*).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Л. Е., А и Э. происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ Общества: К. Н. Икова, М. М. Ковалевскаго, Ѳ. Е. Корша, И. И. Севрюгина, Г. А. Халатіанца, секретаря Общества Н. Ю. Зографа и 129 стороннихъ посѣтителей.

1. И. И. Гамовъ сдѣлалъ сообщеніе *о Якутахъ*. Представивъ краткій географическій очеркъ Приленскаго края, населеннаго этимъ племенемъ, референтъ описалъ физическій типъ Якутовъ, въ которомъ отмѣтилъ нѣкоторыя монгольскія черты, хотя по языку Якуты относятся къ семьѣ тюркскихъ народовъ. Языкъ Якутовъ крайне бѣденъ: въ немъ не болѣе 3000 словъ, причемъ въ него вошло много русскихъ словъ. Чтобъ дать понятіе о грамматическомъ строѣ якутскаго языка, референтомъ были объяснены нѣкоторыя якутскія фразы. Затѣмъ И. И. Гамовъ перешелъ къ описанію быта Якутовъ: они живутъ отдѣльными дворами—*юртами*, находящимися другъ отъ друга нерѣдко на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ и даже сотни верстъ; нѣсколько *юртъ* составляютъ такъ называемый *улусъ*, съ выборнымъ головой. Главныя занятія Якутовъ: скотоводство, охота и отчасти земледѣліе; мясная пища почти въ исключительномъ употребленіи. Описавъ подробно внутреннее устройство якутской юрты и указавъ на значеніе домашняго очага, референтъ отмѣтилъ у Якутовъ замѣчательную нечувствительность къ холоду, пріобрѣтаемую, между прочимъ, тѣмъ, что новорожденныхъ дѣтей по нѣскольку разъ въ день натираютъ снѣгомъ и обливаютъ холодной водою, закаляя такимъ образомъ организмъ противъ суровости климата. Изъ внѣшнихъ чувствъ особенно развито у Якутовъ зрѣніе. Перейдя къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій, референтъ указалъ на то, что хотя всѣ Якуты въ настоящее время окрещены, но въ сущности остаются язычниками и подчиняются шаманамъ. Вліяніе русскаго духовенства на Якутовъ незамѣтно и школы еще не привились, хотя Якутамъ нельзя отказать въ понятливости и способностяхъ, особенно къ нѣкоторымъ ремесламъ, напримѣръ, къ рѣзьбѣ на кости. Смышленость Якутовъ проявляется и въ торговлѣ, которую они ведутъ между собою и съ своими сосѣдями — Тунгусами. Переходя къ преданіямъ Якутовъ, референтъ указалъ на ихъ сбивчивость и разно-

рѣчивость. По мнѣнію референта, основанному на преданіяхъ, Якуты пришли съ верховьевъ Лены, будучи вытѣснены оттуда Бурятами. Своимъ родоначальникомъ нѣкоторые считаютъ богатыря Тигыня, о которомъ ходятъ преданія въ народѣ. Есть и сказанія о приходѣ Русскихъ (казаковъ) и объ утратѣ Якутами своей независимости. Одно изъ такихъ сказаній содержитъ мотивъ о пріобрѣтеніи пришельцами у туземцевъ такого пространства земли, которое можно покрыть воловьей шкурою, и живо напоминаетъ классическое сказаніе объ основаніи Карѳагена, зырянскую сказку о построеніи Москвы и другія сказанія того же рода.

2. Сообщеніе Н. Ч. М. М. Ковалевскаго *объ обычномъ правѣ Сванетовъ* является результатомъ поѣздки предпринятой имъ въ Сванетію лѣтомъ 1885 года. Изучая обычное право Сванетовъ, референтъ убѣдился, что единственная форма суда у нихъ—судъ посредническій, основывающійся на томъ, что каждая тяжущаяся сторона выставляетъ по нѣскольку посредниковъ, причемъ отвѣтчику дозволяется выставить однимъ посредникомъ больше, чѣмъ истцу. Попытка ввести мировой судъ въ Сванетію оказалась, въ виду мѣстныхъ условій, совершенно несостоятельной. Изъ формъ судебныхъ доказательствъ сванетскій судъ знаетъ лишь присягу, которую приносятъ родственники тяжущихся сторонъ. Самой страшной присягой считается присяга, приносимая у храма Св. Евлиты на водѣ, которой омытъ образъ этой Святой. Существуютъ слѣды, указывающіе и на древнюю форму доказательствъ, именно, на испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ.—Переходя къ *брачному* праву Сванетовъ, референтъ подвергнулъ критикѣ утвержденіе путешественника по Сванетіи г. Стоянова о существованіи у Сванетовъ *многоженства*. Согласно наблюденіямъ, сдѣланнымъ референтомъ, Сванеты имѣютъ только по одной женѣ, но при этомъ нерѣдко держатъ конкубинъ. Бракъ основанъ на куплѣ невѣсты съ уплатой *калыма*. Умычка невѣстъ случается въ настоящее время рѣдко, но нѣкоторые слѣды въ брачномъ обрядѣ указываютъ на распространенность этой формы брака въ прежнія времена. Въ заключеніе референтъ остановился на обычаѣ убіенія дѣвочекъ и представилъ объясненіе этого обычая, основанное на особенностяхъ Сванетскаго быта.

3. *И. Ш. Анисимовъ*, продолжая свое сообщеніе о Горскихъ Евреяхъ, представилъ очеркъ раввинскихъ школъ со всѣми подробностями школьнаго устройства, метода преподаванія, отношенія учителя къ ученикамъ, выпускныхъ экзаменовъ на званіе рѣзника и т. п. Затѣмъ были описаны занятія Горскихъ Евреевъ, состоящія въ обработкѣ земли, разведеніи виноградниковъ, марены, выдѣлкѣ кожъ и торговлѣ. Перейдя къ семейному быту Евреевъ, референтъ говорилъ о многоженствѣ и его послѣдствіяхъ, о положеніи женщины въ семьѣ, о занятіяхъ женщинъ, о домашнихъ обрядахъ, сопровождающихъ рожденіе ребенка, годичныя празднества и т. п. Въ заключеніе, какъ черта патріархальнаго быта, было отмѣчено широкое развитіе гостепріимства, ложащееся нерѣдко тяжкимъ бременемъ на хозяйство небогатыхъ еврейскихъ семей.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*12 марта 1886 г.*).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла П. Ч. А. П. Богданова и членовъ Общества и Отдѣла: Н. Л. Гондатти, Н. Ю. Зографа, К. Н. Икова, Ѳ. Е. Корша, В М. Михайловскаго, В. В. Попова, М. В. Никольскаго, А. Х. Репмана, Ѳ. Я. Трейланда, Г. А. Халатьянца, О. А. Федченко, Н. А. Янчука и 43 стороннихъ посѣтителей.

1. Читаны и подписаны протоколы двухъ предшествовавшихъ засѣданій.

2. Д. Ч. М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе «Объ открытіяхъ де-Сарзека и ихъ значеніи для исторіи и этнографіи древней Халдеи». Референтъ изложилъ исторію самыхъ открытій, которыя произведены были французскимъ вице-консуломъ въ Басрѣ де-Сарзекомъ, въ мѣстности, называемой Телло, на берегу

большаго канала Шаттъ-эль-Хая, протекающаго изъ Тигра къ Евфрату на нижнемъ ихъ теченіи. Раскопки начались съ 1878 года и продолжались до 1882; разрыто было большое строеніе, найдено много скульптурныхъ изображеній, статуй съ надписями и другихъ предметовъ изъ примитивной эпохи Халдеи, которые пріобрѣтены были Луврскимъ музеемъ. Затѣмъ референтъ демонстрировалъ снимки съ древностей и надписей, и представилъ собственные переводы нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ. По его выводамъ, памятники эти относятся къ различнымъ эпохамъ. Кромѣ четырехъ царей города Сирпурла, относящихся къ самой первоначальной эпохѣ Халдеи, на памятникахъ находятся имена нѣсколькихъ *патеси* или намѣстниковъ Сирпурлы, и главнымъ образомъ *Гудеа*, которому принадлежитъ бо́льшая часть надписей. Знаки надписей имѣютъ направленіе не горизонтальное, какъ въ позднѣйшихъ вавилонскихъ и ассирійскихъ, а вертикальное, и были первоначально линейными, а не клинообразными, такъчто по этимъ надписямъ можно возстановить ходъ развитія самыхъ письменъ. По скульптурнымъ изображеніямъ и статуямъ можно также слѣдить за постепеннымъ развитіемъ халдейскаго искусства. Затѣмъ референтъ перешелъ къ вопросу о древности памятниковъ открытыхъ де-Сарзекомъ и на основаніи точныхъ данныхъ указалъ, что они принадлежатъ началу IV или концу V тысячелѣтія до Р. Х., причемъ коснулся вопроса о халдейской хронологіи, которая, по его соображеніямъ, представляетъ изумительную точность. Въ заключеніе, референтъ указалъ на значеніе открытій де-Сарзека для этнографіи, такъ какъ здѣсь она имѣетъ дѣло съ древнѣйшею культурною народностью, родоначальницей нашей культуры. Въ настоящее время вопросъ объ этой народности остается пока открытымъ; можно сказать только съ увѣренностью, что народность эта не принадлежатъ къ семитическимъ, какъ вавилоняне и ассирійцы. Мнѣніе же, что по языку древніе халдеи принадлежали къ семьѣ народовъ урало-алтайскихъ, слѣдуетъ считать недоказаннымъ.

По прочтеніи реферата произошелъ по поводу антропологическаго типа халдейскихъ статуй обмѣнъ мнѣній, въ которомъ участвовали А. П. Богдановъ и К. Н. Иковъ.

3. В. А. Грингмутъ сдѣлалъ сообщеніе *О семейномъ бытѣ древнихъ Египтянъ*, предпославъ своему реферату общій очеркъ этнографическихъ особенностей древне-египетскаго народа.

За древнимъ Египтомъ утвердилась со временъ Геродота слава страны по преимуществу глубоко-таинственной. Лишь въ началѣ нашего столѣтія египтологія познакомила насъ съ настоящимъ древне-египетскимъ народомъ, оказавшимся народомъ весьма прозаическимъ, очень смѣтливымъ и практичнымъ. Единственная таинственность, которая до сихъ поръ еще не разсѣяна наукой, относится къ первоначальному происхожденію Египтянъ, такъ какъ этнографы и лингвисты причисляютъ ихъ къ совершенно различнымъ народнымъ семьямъ, а лингвисты сверхъ того и между собою несогласны относительно той группы языковъ, съ которою можно было-бы, хотя и отдаленнымъ образомъ, связать языкъ древне-египетскій. Этотъ важный этнографическій вопросъ можетъ быть только рѣшенъ, если египетская лингвистика обратится къ строго-филологическому изученію египетскаго языка; въ этомъ изученіи съ успѣхомъ могли бы принять участіе и тѣ русскіе ученые, которые по разнымъ причинамъ не могли-бы заниматься другими отдѣлами египтологіи, требующими, какъ, напримѣръ, египетская исторія и археологія, изученія на мѣстѣ подлинныхъ египетскихъ памятниковъ.

Самихъ себя древніе египтяне считали автохтонами, искони населявшими Нильскую долину, и ни о какомъ другомъ мѣстѣ своего доисторическаго пребыванія памяти не сохранили. Египетъ они называли «Черной землею», *Qêmet*, а самихъ себя «людьми» *romet*. Они гордились «прекраснымъ» цвѣтомъ своей кожи, «дарованнымъ богами»: темнокоричневымъ для мужчинъ и свѣтложелтымъ для женщинъ. По внѣшнему своему виду древніе Египтяне были народомъ широкоплечимъ, коренастымъ, отличавшимся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, скорѣе высокимъ, чѣмъ низкимъ ростомъ, сильно развитыми мускулами, большими крѣпкими руками и ногами и довольно вульгарнымъ, по нашимъ понятіямъ, выраженіемъ лица, профиль котораго былъ однако довольно правиленъ и доходилъ даже иногда до изящества. Сохранившіяся статуи какъ частныхъ лицъ, такъ и царей, дающія намъ возможность видѣть египетскія лица не только въ профиль, но и en face, показываютъ намъ все тотъ-же ротъ съ толстыми, хотя и не вздутыми, какъ у негровъ, чувственными губами, сложенными то въ доб-

родушную, то въ лукавую улыбку, тотъ же выдающійся, мясистый, слегка заостренный носъ съ широко-раскрытыми ноздрями, тотъ же невысокій лобъ, тѣ же большіе, лежащіе почти на выкатѣ глаза и тотъ же круглый окладъ лица со слегка выдающимися скулами. Этотъ же типъ сохранился вообще и теперь у египетскихъ феллаховъ и коптовъ, въ особенности у женщинъ. Въ нравственномъ отношеніи Египтяне были смѣтливы, смышлены, энергичны, трудолюбивы, практичны, но лишены были поэтической фантазіи, которою такъ богато надѣлены прочіе восточные народы, что̀ отчасти объясняется условіями трудовой жизни Египтянъ и прозаичностью окружавшей ихъ природы.

За позднимъ временемъ референтъ не имѣлъ возможности послѣ введенія перейти къ изложенію своего сообщенія «О семейномъ бытѣ Египтянъ», и послѣднее было отложено до ближайшаго засѣданія.

4. Почетный Членъ А. П. Богдановъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Я надѣюсь имѣть возможность въ скоромъ времени предложить Антропологическому Отдѣлу Общества проектъ нѣсколькихъ экспедицій, для которыхъ стараюсь въ настоящее время найти средства и исполнителей. Имѣя существенное основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ предполагаемыхъ экспедицій осуществятся въ теченіе наступающаго лѣта, считаю необходимымъ обратить на нихъ вниманіе Этнографическаго Отдѣла, такъ какъ онѣ могутъ принести пользу и для его научныхъ цѣлей. Ближайшія экспедиціи предполагаются для раскопки кургановъ и изученія антропологическихъ свойствъ мѣстнаго народонаселенія въ губерніи примосковскаго района, а также въ Бѣлоруссію и Литву. Проектъ послѣдней экспедиціи особенно можетъ интересовать Этнографическій Отдѣлъ, а это весьма желательно, такъ какъ для успѣха экспедицій необходимо содѣйствіе его въ указаніяхъ и инструкціяхъ. Бѣлоруссы не тронуты изученіемъ въ антропологическомъ отношеніи, хотя, какъ извѣстно, въ послѣднее время на нихъ обращено особенное вниманіе и нѣкоторые этнологи ихъ считаютъ чуть-ли не за остатокъ первичнаго населенія Средней Европы. Не благоугодно-ли будетъ Отдѣлу обсудить вопросъ объ этнографическихъ инструкціяхъ для сказанныхъ экспедицій, а, можетъ быть, онъ сочтетъ полезнымъ избрать одного или двухъ депутатовъ отъ себя для обсужденія общихъ вопросовъ по экспедиціямъ совмѣстно съ Антропологическимъ Отдѣломъ.

Указанныя только что экспедиціи близки къ своему осуществленію по имѣющимся для нихъ дѣятелямъ и средствамъ; но Зоологическій и Антропологическій Отдѣлы Общества проектируютъ еще новую, болѣе сложную и продолжительную экспедицію въ Сибирь. Не смотря на значеніе Сибири для Москвы въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, Москва всего меньше сдѣлала для научнаго изученія Сибири. На всѣхъ нашихъ выставкахъ Сибирь представлена была всегда отрывочно, а иногда и совсѣмъ почти отсутствовала. Въ Музеяхъ нашихъ, Политехническомъ, Антропологическомъ и Зоологическомъ замѣчается крайняя бѣдность въ предметахъ, полученныхъ изъ Сибири, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ попали въ Музеи чрезъ покупку ихъ за границею. Такая ненормальность состоянія вопроса о научномъ сибирскомъ матеріалѣ въ Москвѣ давно уже обращала на себя вниманіе Общества Любителей Е. А. и Э., но недостатокъ средствъ мѣшалъ до сегодня предпринять что-либо въ этомъ отношеніи. Въ послѣднее время обстоятельства, кажется, измѣняются къ лучшему и мнѣ, покрайней мѣрѣ, удалось встрѣтить въ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ и авторитетныхъ лицахъ желаніе помочь Сибирской экспедиціи Общества нравственно и матеріально, если только имъ будутъ указаны цѣли и размѣры экспедиціи. Такъ какъ вопросъ о Сибирской экспедиціи не былъ еще поднимаемъ въ Обществѣ, то мнѣ приходилось отвѣчать лишь соотвѣтствующими общими мѣстами: что экспедиція предполагается прежде всего зоолого-антропологическая, что имѣется въ виду командировать двухъ естествоиспытателей съ препараторомъ и что продолжительность и время будутъ зависѣть отъ имѣющихся средствъ, которыхъ чѣмъ будетъ больше, тѣмъ лучше можно будетъ обставить экспедицію по результатамъ. Такіе общіе отвѣты, конечно, неудовлетворительны, и избѣгнуть ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвинуть дѣло можно только подробнымъ изученіемъ вопроса объ условіяхъ организаціи удовлетворительной научной экспедиціи въ Сибирь. Этнографическія задачи не могутъ быть упущены въ такой экспедиціи и желательно было бы, чтобы и въ этомъ отношеніи Этнографическій Отдѣлъ принялъ участіе

составленіемъ спеціальной инструкціи, указаніемъ наиболѣе существеннаго и желательнаго отъ экспедиціи какъ по отношенію пополненія Московскихъ Музеевъ, такъ и полученія научныхъ результатовъ.

Вопросъ о Сибирской экспедиціи даетъ мнѣ основаніе обратить еще вниманіе Отдѣла на слѣдующее: Въ истекшій годъ, Общество, по неимѣнію средствъ, не могло само снаряжать экспедицій, а между тѣмъ онѣ осуществились благодаря частному почину и самопожертвованію нѣкоторыхъ лицъ. По Отдѣламъ зоологическому и антропологическому осуществились двѣ экспедиціи: одна на Кавказъ Н. В. Насонова, другая—въ сѣверо-западную Сибирь Н. Л. Гондатти. Результаты обѣихъ экспедицій принесли много полезнаго въ научномъ отношеніи и относительно одной, именно Кавказской, Общество уже высказало свое мнѣніе награжденіемъ золотою медалью Н. В. Насонова. Вторая — Сибирская — тоже счастливо окончена. Вчера прибылъ Н. Л. Гондатти и мы имѣемъ удовольствіе видѣть его, не смотря на многое перенесенное имъ во время пути, здоровымъ, невредимымъ, съ значительными коллекціями и научнымъ новымъ матеріаломъ. Въ ученыхъ обществахъ существуетъ хорошій обычай радушно привѣтствовать воротившихся путешественниковъ изъ дальней научной поѣздки. Предлагаю Отдѣленію послѣдовать этому обычаю и выказать свое сочувствіе труду и энергіи нашего сибирскаго путешественника Н. Л. Гондатти.»

Слова А. Н. Богданова вызвали дружные аплодисменты, послѣ чего Предсѣдатель обратился съ привѣтствіемъ къ Н. Л. Гондатти по поводу его благополучнаго возвращенія и выразилъ надежду, что Н. Л. познакомитъ впослѣдствіи Отдѣлъ съ этнографическими матеріалами о Вогулахъ и Остякахъ, добытыми имъ въ теченіе его путешествія.

Въ свою очередь Н. Л. Гондатти, изъявивъ присутствующимъ членамъ Общества благодарность за столь лестное для него вниманіе, выразилъ ту мысль, что встрѣченный имъ радушный пріемъ служитъ ему лучшей наградой за понесенные имъ труды во время его путешествія.

Обсужденіе вопроса объ участіи Этнографическаго Отдѣла въ предполагаемыхъ экспедиціяхъ было отложено за позднимъ временемъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*20 марта 1886 года*).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла: И. Ш. Анисимова, Д. Н. Анучина, В. А. Вагнера, Н. Л. Гондатти, В. А. Грингмута, Н. Ю. Зографа, Н. Ѳ. Золотницкаго, В. Д. Левинскаго, Н. И. Митрофанова, Е. А. Покровскаго, В. В. Попова, Д. М. Струкова, Ѳ. Я. Трейланда, Н. А. Янчука и 92 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Предсѣдатель В. Ѳ. Миллеръ сказалъ рѣчь объ ученыхъ трудахъ недавно скончавшагося профессора Московскаго университета Александра Львовича Дюверну, бывшаго первымъ секретаремъ Этнографическаго Отдѣла съ 1867 по 69 годъ. (Прилагается къ протоколу.).

3. Д. Ч. Д. М. Струковъ сдѣлалъ сообщеніе о церковно-приходскомъ празднованіи «панагиръ», справляемомъ Маріупольскими Греками, выселенцами изъ Крыма. При этомъ Д. М. Струковъ демонстрировалъ передъ присутствующими альбомъ сдѣланныхъ имъ рисунковъ крымскихъ древностей, развалинъ древне-христіанскихъ церквей, пещерныхъ городовъ, могильныхъ памятниковъ и т. п.

4. Д. Ч. В. А. Грингмутъ продолжалъ начатое въ предшествующемъ засѣданіи сообщеніе «О семейномъ бытѣ древнихъ Египтянъ».

Приступивъ къ главной своей задачѣ, референтъ указалъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что семейный бытъ каждаго народа всего болѣе опредѣляется тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ женщина въ семьѣ и обществѣ, а потому, по его мнѣнію, и въ данномъ случаѣ необходимо обратить главное вниманіе на положеніе женщины у древнихъ Египтянъ въ раз-

личные періоды ихъ историческаго существованія. Положеніе это отличалось бо́льшею свободой и самостоятельностью, чѣмъ у другихъ, не только древнихъ, но и современныхъ народовъ, что въ особенности видно изъ тѣхъ брачныхъ договоровъ и завѣщаній *демотическаго* письма, которые относятся къ эпохѣ Птолемеевъ. Для болѣе раннихъ эпохъ мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи аналогическихъ документовъ, но насколько можно судить по содержанію свѣтскихъ и духовныхъ папирусовъ, а также по стѣннымъ надписямъ и изображеніямъ, женщина у Египтянъ пользовалась въ самыя отдаленныя времена почетнымъ положеніемъ какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ. Существовавшая въ началѣ полигамія довольно рано была вытѣснена моногаміей, причемъ, однако, въ особенности въ высшихъ классахъ существовалъ и конкубинатъ. Перечисляя другія особенности семейнаго быта древнихъ Египтянъ, референтъ подробно остановился на обычаѣ жениться на родной сестрѣ, а также обратилъ вниманіе на слѣды матріархата, выражающіеся, между прочимъ, въ обычаѣ прибавлять къ собственному имени лица имя его матери.

Предсѣдатель отъ имени Отдѣла благодарилъ В. А. Грингмута за его интересное сообщеніе и выразилъ надежду, что референтъ и впредь будетъ знакомить Отдѣлъ съ результатами своего спеціальнаго изученія быта древнихъ Египтянъ.

5. П. Ч. Е. А. Покровскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ «Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ». Исходя изъ положенія, что характеръ и жизнь народа кладутъ свой замѣтный отпечатокъ на дѣтскія игры и обосновавъ это положеніе примѣрами, почерпнутыми изъ быта нѣкоторыхъ некультурныхъ племенъ, референтъ указалъ на интересъ, представляемый дѣтскими играми для этнографическаго и антропологическаго изученія народностей. Игры, по словамъ референта, являются нервыми средствами воспитанія, нерѣдко даютъ первый толчекъ дальнѣйшему направленію, характеру и призванію отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа и въ этомъ смыслѣ игрушки и игры имѣютъ по крайней мѣрѣ такое же образовательное значеніе, согласное съ духомъ народа, какъ народная поэзія, легенды, сказки, поговорки и т. п. Въ подтвержденіе соотношенія между бытомъ народа и дѣтскими играми референтъ остановился на описаніи нѣкоторыхъ игръ Вотяковъ, Черемисъ и нѣкоторыхъ народовъ Кавказа. (См. приложенія къ протоколамъ.)

6. Членъ Отдѣла И. Ш. Анисимовъ, продолжая свои сообщенія о бытѣ кавказскихъ евреевъ, представилъ подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ этого народа.

Александръ Львовичъ Дювернуа.

(Некрологъ)[1].

Сегодня нѣкоторые изъ насъ провожали въ могилу нашего сочлена, профессора славянскихъ нарѣчій въ Московскомъ Университетѣ А. Л. Дювернуа. А. Л. присутствовалъ, такъ сказать, при зарожденіи Этногр. Отдѣла Общества въ 1867 году и былъ первымъ секретаремъ его при предсѣдателѣ Н. А. Поповѣ. Протоколы за 1868 годъ носятъ слѣды участія А. Л. въ трудахъ отдѣла, выразившемся между прочимъ, въ томъ, что онъ дѣлалъ доклады о нѣкоторыхъ доставленныхъ Отдѣлу этнографическихъ статьяхъ и работалъ надъ составленіемъ плана къ Народному календарю, т. е. Сборнику обычаевъ и обрядовъ славянскаго племени Россіи, расположенныхъ въ календарномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, усиленные труды, которымъ сопровождалось начало академической дѣятельности покойнаго, не давали ему возможности продолжать начатыя имъ работы по Этнографическому Отдѣлу. А. Л. по возвращеніи изъ-за границы, куда былъ командированъ съ научной цѣлью, открылъ въ университетѣ курсъ сравнительнаго языковѣдѣнія, прежде чѣмъ перешелъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій, которую въ то время еще занималъ покойный О. М. Бодянскій. Готовясь еще на университетской скамьѣ спеціально на каѳедру славянскихъ нарѣчій, А. Л. однако пріобрѣлъ весьма обстоятельныя для того времени познанія въ сравнительномъ языковѣдѣніи вообще, и нѣсколько лѣтъ упорно занимался санскритскимъ языкомъ, сначала въ Россіи подъ руко-

водствомъ проф. Петрова, затѣмъ за границей у лучшихъ европейскихъ санскритологовъ, Вебера и Рота. Такая подготовка дала ему возможность временно занять каѳедру сравнительнаго языковѣдѣнія. По окончаніи службы О. М. Бодянскаго, А. Л. перешелъ на свою спеціальность — славянскія нарѣчія, — которыя читалъ до своей неожиданной, преждевременной кончины. Впрочемъ, помимо курсовъ славянскихъ нарѣчій и церковно славянскаго языка, ему пришлось нѣкоторое время, по порученію факультета, цѣнившаго его глубокія познанія, преподавать въ Университетѣ и греческій языкъ. Характерная черта, отличавшая покойнаго профессора — это въ высшей степени добросовѣстное отношеніе къ преподаванію, заботливая подготовка себя къ лекціямъ, которая поглощала все его время. Этимъ объясняется, что А. Л. оставилъ послѣ себя сравнительно немного печатныхъ трудовъ преимущественно по славянскому языковѣдѣнію. Всѣ часы своего досуга А. Л. посвящалъ двумъ главнымъ словарнымъ трудамъ: составленію словарей древне-русскаго и новоболгарскаго. Для собиранія матеріаловъ попослѣднему А. Л. предпринялъ путешествіе въ Болгарію, изъ которой привезъ богатый лингвистическій матеріалъ. Разработка этого матеріала шла быстро впередъ: къ празднованію 1000 лѣтія памяти бл. Меѳодія въ прошломъ году былъ изданъ первый выпускъ этого обширнаго труда; къ 3-й недѣлѣ текущаго Великаго поста долженъ былъ, по соображеніямъ покойнаго, выйти 2-й выпускъ, но неожиданная болѣзнь и смерть прервала работу, начатую такъ энергично. Найдутся-ли продолжатели этого перваго обширнаго болгарскаго словаря, — это покажетъ будущее. Всѣ, кто зналъ покойнаго, надолго сохранятъ о немъ память, какъ о честномъ, благородномъ человѣкѣ и глубокомъ ученомъ всей душою преданномъ наукѣ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(9 октября 1886 года).

Засѣданіе Этнографическаго Отдѣла происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла Н. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла: Д. Н. Анучина, А. Я. Архипова, Н. Л. Гондатти, Н. Ю. Зографа, К. Н. Икова, Н. М. Кулагина, В. М. Михайловскаго, Н. В. Насонова, Н. П. Ситовскаго, Ѳ. Я. Трейланда, О. А. Федченко, Н. А. Янчука, Г. А. Халатіанца, секретаря Отдѣла М. Н. Харузина и 83 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель Отдѣла передалъ отъ имени автора въ библіотеку Общества только что появившійся въ свѣтъ трудъ профессора М. М. Ковалевскаго подъ заглавіемъ «Современный обычай и древній законъ».

3. Секретарь Отдѣла М. Н. Харузинъ остановилъ вниманіе Отдѣла на означенномъ трудѣ проф. Ковалевскаго, какъ на одномъ изъ самыхъ крупныхъ явленій за послѣдніе годы въ нашей юридической литературѣ, представляющемъ серьезную научную обработку фактовъ изъ быта Осетинъ, сопоставленныхъ съ фактами, добытыми изъ историко-сравнительнаго изученія права и вслѣдствіе этого ярко выдѣляющемся среди изслѣдованій по обычному праву въ Россіи, изъ коихъ большинство остановилось на степени матеріаловъ, хотя нерѣдко весьма тщательно собранныхъ, но еще ожидающихъ болѣе широкой научной обработки.

4. Предсѣдатель Отдѣла сдѣлалъ сообщеніе: *О кавказскихъ сказаніяхъ про Циклоповъ.* Напомнивъ приключенія Одиссея съ товарищами на островѣ у Циклопа по повѣствованію греческаго эпоса, референтъ сравнилъ ихъ съ однохарактерными сказаніями, записанными на Кавказѣ и, обративъ вниманіе на два новые варіанта, отмѣтилъ какъ черты общія всѣмъ этимъ сказаніямъ, съ одной стороны, и повѣствованіямъ Гомера съ другой, такъ и черты, отличающія кавказскія сказанія отъ греческаго, при чемъ оказалось, что варіантъ мингрельскій ближе всѣхъ къ греческому сказанію. Существованіе на Кавказѣ такихъ сказаній невозможно — какъ то предполагали нѣкоторые изслѣдователи — объяснить книжнымъ вліяніемъ или пересказами, слышанными отъ лицъ чи-

тавшихъ Одиссею; объясненіе должно быть найдено иное. При рѣшеніи этой задачи референтъ напомнилъ, во-первыхъ, догадку Гримма, что въ Одиссеѣ разсказъ о Циклопѣ есть вставленный и лишь пріуроченный къ личности Улисса, подобно тому, какъ напр. множество разсказовъ и легендъ связывается съ именемъ Александра Македонскаго, догадку тѣмъ болѣе вѣроятную, что въ означенномъ разсказѣ Одиссей не проявляетъ приписываемыхъ ему качествъ человѣка осторожнаго и хитраго; во-вторыхъ, привелъ мнѣніе Герланда, что Одиссея переполнена внесенными въ нее сказками, которыя вращались въ Малой Азіи. На основаніи сказаннаго и референтъ склоненъ видѣть въ сказаніяхъ о циклопахъ на Кавказѣ варіанты именно такой сказки, которая чрезъ посредство греческихъ колоній была занесена на Кавказъ и дошла до кавказскихъ горцевъ, и это вѣроятно тѣмъ болѣе, что мѣстечко Анаклія, гдѣ было записано это сказаніе, лежитъ вблизи отъ двухъ древнихъ греческихъ колоній Діоскуріи и Фазиса.

5. Д. Ч. Н. Л. Гондатти сдѣлалъ сообщеніе «О религіозныхъ вѣрованіяхъ Маньзовъ», въ которомъ онъ ознакомилъ Отдѣлъ съ частью этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ имъ во время его поѣздки въ сѣверо-западную Сибирь. Маньзы, живущіе на восточномъ склонѣ сѣвернаго Урала и по лѣвымъ притокамъ нижняго теченія Оби и извѣстные болѣе подъ именемъ Вогуловъ, имѣютъ особую народную миѳологію. Они вѣруютъ въ одного великаго Бога, никѣмъ не видѣннаго, создавшаго міръ. У этого Бога есть три сына. Одинъ изъ нихъ, называемый Нуми, завѣдуетъ землей и всѣмъ земнымъ: онъ заботится о людяхъ, но и истребляетъ ихъ, если находитъ, что ихъ слишкомъ много или если грѣхи ихъ слишкомъ становятся велики. Непосредственное управленіе землей онъ предоставилъ своимъ семи сыновьямъ, которые однако находятся въ постоянной враждѣ и борьбѣ между собой, обращаясь въ крайнихъ случаяхъ къ Нуми за судомъ. Изложивъ затѣмъ вѣрованіе Маньзовъ о сотвореніи міра и человѣка, о кончинѣ міра вслѣдствіе потопа и о безсмертіи души, переселяющейся въ тѣло новорожденнаго младенца изъ рода покойнаго, референтъ упомянулъ въ заключеніе о шаманахъ, эксплуатирующихъ нерѣдко легковѣрныхъ Маньзовъ, возлагая на нихъ требованія и жертвы, сопряженныя чрезъ мѣру съ большими издержками.

6. Н. Н. Харузинъ прочелъ рефератъ «Объ обычномъ правѣ Чеченцевъ и Ингушей», въ которомъ онъ сообщилъ часть матеріаловъ, собранныхъ имъ во время лѣтней поѣздки на Кавказъ и переданныхъ въ Отдѣлъ. Указавъ на существованіе у обоихъ народовъ родового быта, референтъ упомянулъ о сохранившейся доселѣ кровной мести и объ обрядахъ, которыми сопровождается примиреніе враждующихъ между собою родовъ. Далѣе, представивъ въ общихъ чертахъ большую семейную общину у Чеченцевъ, референтъ коснулся положенія въ ней женщинъ, указалъ на причины усилившихся за послѣдніе годы семейныхъ дѣлежей, описалъ гостепріимство у обоихъ народовъ, употребительнѣйшую у нихъ форму суда—третейскій судъ и, наконецъ, юридическіе знаки.

7. Въ послѣдовавшемъ за симъ закрытомъ засѣданіи Отдѣла:

a) были доложены секретаремъ Отдѣла М. Н. Харузинымъ письма, полученныя въ отвѣтъ на приглашенія отъ имени Отдѣла принять участіе въ выработкѣ програмы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ отъ нижеслѣдующихъ лицъ: отъ профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкаго, представляющаго въ распоряженіе Отдѣла свою програму по обычному праву уголовному и обѣщающаго Отдѣлу свое содѣйствіе и при дальнѣйшей его работѣ; отъ Д. Ч. Е. И. Якушкина, приславшаго вопросные пункты для включенія въ юридическую програму, равно какъ и нѣкоторыя практическія указанія, полезныя при выработкѣ програмы; отъ Д. Ч. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. А. Матвѣева, изъявившаго свое полное согласіе на пользованіе Отдѣломъ опубликованными имъ програмами по обычному праву.

Опредѣлено: благодарить упомянутыхъ лицъ за оказанное Отдѣлу содѣйствіе.

b) По предложенію секретаря Отдѣла *опредѣлено*: въ интересахъ большой полноты вырабатываемой юридической програмы ранѣе окончательнаго выпуска ея въ свѣтъ отпечатать въ видѣ проекта ея весь имѣющійся въ распоряженіи Отдѣла матеріалъ и разослать всѣмъ лицамъ, занимающимся обычнымъ правомъ вмѣстѣ съ покорной просьбой просмотрѣть его и возвратить въ Отдѣлъ съ добавленіями, поправками и замѣтками, какія они сочли бы нужными сдѣлать.

c) По предложенію Предсѣдателя Отдѣла избранъ въ члены Отдѣла Н. Н. Харузинъ.

d) По предложенію Предсѣдателя Отдѣла П. Ч. В. Ѳ. Миллера и секретаря Отдѣла М. Н. Харузина опредѣлено предложить отъ имени Отдѣла въ ближайшемъ общемъ собраніи Общества въ дѣйствительные члены Общества привать-доцента Императорскаго Московскаго университета А. Н. Филиппова во вниманіе къ его трудамъ по обычному праву.

e) Отдѣлъ приступилъ затѣмъ къ обсужденію вопросовъ касательно участія Отдѣла въ предстоявшемъ годичномъ засѣданіи Общества 15 октября 1886 года.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*1 декабря 1886 г.*).

Засѣданіе Отдѣла Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла П. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи Президента Общества П. Ч. А. П. Богданова, членовъ Общества и Отдѣла: А. Я. Архипова, В. А. Вагнера, Н. Л. Гондатти, Н. Ю. Зографа, Н. М. Кулагина, В. Д. Левинскаго, А. И. Мея, П. П. Петрова, Д. М. Струкова, Ѳ. Я. Трейланда, А. Н. Филиппова и Н. А. Янчука, секретаря Отдѣла Д. Ч. М. Н. Харузина и 22 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель Отдѣла, передавая въ библіотеку Общества 2 новыя изданія по этнографіи: «Путешествіе по сѣверной Россіи въ 1791 году, дневникъ П. И. Челищева, изданіе Л. Н. Майкова» и пятый выпускъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», обратилъ на нихъ вниманіе Отдѣла, какъ на труды, представляющіе большой интересъ въ этнографическомъ отношеніи.

Секундъ-маіоръ П. И. Челищевъ, получившій образованіе въ Пажескомъ корпусѣ и затѣмъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и по выходѣ въ отставку изъ службы совершившій на собственныя средства изъ любознательности и изъ желанія поклониться русскимъ святынямъ путешествіе по губ. Олонецкой, Архангельской, Вологодской и Новгородской, оставилъ описаніе своего путешествія, въ которомъ въ сжатой и сухой формѣ собрано много интересныхъ матеріаловъ по этнографіи и исторіи сѣвернаго края, какъ въ описаніяхъ городовъ и монастырей, такъ и въ статистическихъ данныхъ, замѣткахъ о торговлѣ и промышленности, отхожихъ и кустарныхъ промыслахъ, — матеріаловъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что они принадлежатъ перу человѣка просвѣщеннаго и наблюдательнаго.

«Пятый выпускъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» представляетъ собой новое указаніе на то, какъ разнородно населеніе Кавказа, гдѣ рядомъ другъ съ другомъ встрѣчаются народности и племена, стоящія на различныхъ ступеняхъ культуры и развитія; такъ изъ 14-ти весьма интересныхъ статей, составляющихъ содержаніе «Сборника» обращаютъ особое на себя вниманіе 2: статья г. Лилова, представляющая очеркъ быта горскихъ мусульманъ, и г. Твалчрелидзе, описывающаго общины нѣмецкихъ менонитовъ въ Кубанской области.

Тогда какъ жители менонитскихъ селеній, основанныхъ 1863 году, достигли весьма высокой степени культуры, употребляя улучшенные способы веденія хозяйства, выписывая сельско-хозяйственные журналы, установивъ торговлю на принципѣ ручательства одного за всѣхъ и всѣхъ за одного, заботясь о развитіи духовномъ и нравственномъ, о распространеніи грамотности, объ устройствѣ своеобразныхъ клубовъ для молодежи и т. п.—жители горныхъ ауловъ наоборотъ поражаютъ своей невѣжественностію, относясь съ фанатической враждой ко всему немусульманскому и въ особенности русскому, смотря на локомотивъ, швейную машину и тому подобныя усовершенствованія, какъ на праздныя выдумки христіанъ, имѣющія цѣлью поколебать въ мусульманахъ ихъ вѣру въ пророка.

Послѣдняя часть «Сборника», посвященная описанію мѣстныхъ дѣтскихъ игръ и составленная по иниціативѣ П. Ч. Е. А. Покровскаго, представляетъ собой особенный интересъ

въ виду бѣдности нашей литературы по этому предмету и въ виду важности изученія дѣтскихъ игръ, которыя крайне интересны между прочимъ и потому, что часто сохраняютъ въ себѣ слѣды языческихъ религіозныхъ обрядовъ.

3. Д. ч. А. Н. Филипповъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ «*Современные записи по Обычному праву и ихъ характерныя особенности*». Указавъ на громадную практическую важность, какую имѣютъ народные юридическіе обычаи, какъ показатели народнаго сознанія о правѣ и справедливости, докладчикъ перешелъ къ обзору тѣхъ особенностей современныхъ записей, которыя вредно отзываются на дѣлѣ изученія обычнаго права у насъ. Эти особенности, выражающіяся въ неравномѣрности матеріала, его разбросанности, не всегда полной достовѣрности и пр.—объясняются, съ одной стороны, новизною интереса къ обычному праву, получившему практическую важность только главнымъ образомъ со времени освобожденія крестьянъ, а съ другой—случайностью самихъ записей. Будучи предоставлены преимущественно частной инициативѣ и любознательности, современныя записи отличаются богатствомъ содержанія по *однимъ* вопросамъ права и бѣдностью по другимъ. Пока эти записи будутъ находиться въ однихъ частныхъ рукахъ, всегда будетъ дѣломъ личнаго вкуса, индивидуальнаго развитія, что одни вопросы будутъ останавливать на себѣ вниманіе наблюдателя, другіе нѣтъ. Между тѣмъ для науки всѣ отдѣлы права одинаково важны, а существованіе программъ почти по *всѣмъ* отдѣламъ даетъ, по видимому, возможность изслѣдовать ихъ всѣ одинаково, но въ дѣйствительности этого нѣтъ.—Вотъ почему между прочимъ въ 1875 году первый съѣздъ русскихъ юристовъ, обсудивъ докладъ Н. В. Калачова «объ отношеніи законодательства къ обычному праву», единогласно постановилъ, что необходимо организовать *постоянную* правительственную комиссію въ Петербургѣ или въ Москвѣ какъ для изслѣдованія и собиранія матеріала, такъ и для направленія дѣятельности отдѣльныхъ лицъ на мѣстѣ. Докладчикъ поясняетъ далѣе многочисленными примѣрами изъ области обычнаго, гражданскаго и уголовнаго права, и также народнаго судоустройства и судопроизводства, чѣмъ владѣетъ литература обычнаго права по отдѣльнымъ вопросамъ права и чего недостаетъ здѣсь. Но если случайность записей обычнаго права и то обстоятельство, что ихъ составленіе въ большинствѣ случаевъ находится въ частныхъ рукахъ, вредно отзывается на распредѣленіи матеріаловъ по отдѣльнымъ вопросамъ права, то съ другой стороны все это ведетъ и къ другимъ недостаткамъ болѣе серьознымъ: такъ изъ собраннаго матеріала не всегда съ достаточною ясностью можно вывести, какіе обычаи въ народѣ господствуютъ и какіе остаются въ меньшинствѣ, подъ какими вліяніями и *какъ* происходятъ перемѣны въ юридическихъ взглядахъ народа и т. д. Далѣе современныя записи не даютъ возможности вполнѣ опредѣленно выяснить правосознаніе даже такихъ группъ населенія какъ Велико-Мало и Бѣлоруссы; не легко по нимъ въ большинствѣ случаевъ прослѣдить и степень вліянія юридическихъ воззрѣній одной группы на другую. Наконецъ многія записи обычнаго права своимъ субъективизмомъ, который вносится въ нихъ иногда авторами при изложеніи народныхъ взглядовъ и обычаевъ — рѣшительно затрудняютъ тому изслѣдователю, который ихъ не можетъ провѣрять лично, путь къ познанію народной юридической мысли. Все вышесказанное приводитъ референта къ выводу о необходимости скорѣе позаботиться о твердой постановкѣ дѣла изученія обычнаго права у насъ. Посылка экспедицій какъ для провѣрки уже собраннаго матеріала, такъ и для его пополненія, систематическое изученіе обычнаго права по всѣмъ его отдѣламъ, помощь — и руководительствомъ, и изданіемъ матеріала — тѣмъ мѣстнымъ изслѣдователямъ обычаевъ, которые постоянно и теперь работаютъ въ безвѣстности; наконецъ, переизданіе наиболѣе цѣнныхъ записей, которыя теперь разбросаны въ мало доступныхъ губ. вѣдомостяхъ, разныхъ сборникахъ, запискахъ и т. д.—вотъ, что желательно предпринять, чтобы народныя юридическія воззрѣнія и обычаи въ ихъ совокупности могли сдѣлаться предметомъ достойнаго изученія.

4. Предсѣдатель Отдѣла п. ч. В. Ѳ. Миллеръ отъ имени Отдѣла благодарилъ референта за его интересное сообщеніе и просилъ его принять участіе въ работахъ отдѣла по составленію программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

5. Секретарь Отдѣла д. ч. М. Н. Харузинъ выразивъ свое глубокое сочувствіе ко всему сказанному референтомъ и отмѣтивъ важность возбуждаемыхъ референтомъ вопросовъ именно теперь, наканунѣ пересмотра X т. Св. Зак.—

выразилъ желаніе, чтобы ученые изслѣдователи и ученыя общества при изученіи юридическихъ обычаевъ русскаго народа не ограничивались только вопросами, имѣющими интересъ для историко-сравнительнаго изученія права и для разработки области соціологіи, но оттѣняли бы и значеніе практическое современнаго обычнаго права, являясь такимъ образомъ на помощь законодателю при разрѣшеніи имъ трудной у насъ задачи о взаимныхъ отношеніяхъ права писаннаго и народнаго обычая.

6. Д. ч. Н. Л. Гондатти сдѣлалъ сообщеніе «о культѣ медвѣдя у Маньзовъ и Остяковъ. Отмѣтивъ тотъ фактъ, что охота на медвѣдя составляетъ важный моментъ въ жизни инородцевъ и сопряжена съ разными суевѣріями какъ, напримѣръ, повѣріе о томъ, что грѣшно *высмѣживать* медвѣдя, а дозволено лишь охотиться случайно натолкнувшись на берлогу, что не слѣдуетъ идти на охоту болѣе чѣмъ троимъ вмѣстѣ, ибо иначе слухъ дойдетъ до самаго медвѣдя и онъ успѣетъ скрыться, что женщинамъ не должно глядѣть на глаза и на носъ медвѣдя, такъ что эти мѣста на шкурѣ убитаго звѣря зашиваются монетами, референтъ подробно описалъ обряды при чествованіи убитаго медвѣдя, а именно торжественное внесеніе шкуры его въ селеніе, всѣ жители коего встрѣчаютъ охотника, причемъ женщины закрываютъ лица платками доколѣ уши и носъ медвѣдя не зашиты монетами, и ночныя пиршества, продолжающіяся отъ трехъ ночей (для чествованія медвѣдя молодаго) или четырехъ (для чествованія медвѣдицы), иногда до двѣнадцати ночей сряду. На этихъ пирахъ воспѣваютъ доблести медвѣдя, кланяются ему и цѣлуютъ его и устраиваютъ наконецъ въ его честь драматическія представленія, въ коихъ обыкновенно участвуютъ три дѣйствующихъ лица. Такихъ представленій существуютъ 120-ть разныхъ по содержанію; изъ нихъ референтомъ записано 50. Въ нихъ видное мѣсто занимаетъ медвѣдь; комической характеръ ихъ переходитъ иногда въ скабрезный, кромѣ того въ нихъ допускаются шутки, остроты и насмѣшки надъ старшинами и иными лицами; актеры играютъ въ берестяныхъ маскахъ, зрители принимаютъ въ этихъ драматическихъ представленіяхъ дѣятельное участіе, вступая въ разговоры съ актерами. Празднество заканчивается торжественнымъ прощаніемъ съ медвѣдемъ и выраженіемъ увѣренности, что онъ будетъ доволенъ оказанными ему почестями и не посѣтуетъ на нихъ за свою смерть, такъ какъ въ томъ виноваты не убившіе его, а русскіе, дающіе инородцамъ порохъ и свинецъ. Отмѣтивъ затѣмъ характерный обычай кровной мести медвѣдю со стороны родственниковъ того, кто былъ убитъ медвѣдемъ во время охоты на него, референтъ объяснилъ такое отношеніе инородцевъ къ медвѣдю ихъ вѣрованіями религіозными, по которымъ родоначальникъ медвѣдей въ незапамятные времена жилъ на небѣ, но за непослушаніе Богу былъ наказанъ и изгнанъ на землю, гдѣ онъ до сихъ поръ продолжаетъ жить, показываясь время отъ времени на вершинахъ Урала въ видѣ пестраго медвѣдя охотникамъ, что считается ими за добрый знакъ. По другимъ преданіямъ, родоначальникомъ медвѣдей былъ человѣкъ, обращенный въ медвѣдя за непослушаніе матери.

7. По окончаніи своего доклада референтъ демонстрировалъ присутствующимъ собранныя имъ этнографическія колекціи, касающіяся быта изслѣдованныхъ имъ инородцевъ сѣверо-Западной Сибири.

8. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ закрытомъ засѣданіи отдѣла.

а) Предсѣдатель сообщилъ отдѣлу заявленіе Ч. Отдѣла И. Ш. Анисимова, который не имѣвъ возможности во время своей послѣдней поѣздки по Кавказу собрать статистическія данныя о горскихъ евреяхъ и указать процентное ихъ отношеніе къ другимъ племенамъ Кавказа, такъ какъ не вездѣ имъ были найдены посемейные списки, — проситъ отдѣлъ разослать приглашенія ко всѣмъ мѣстнымъ окружнымъ начальникамъ доставлять свѣдѣнія по составленнымъ имъ вопроснымъ пунктамъ.

Опредѣлено: передать записку И. Ш. Анисимова вмѣстѣ съ намѣченными имъ вопросными пунктами секретарю императорскаго Общ. любит. Естеств., Антр. и Этн. Н. Ю. Зографу съ просьбой сдѣлать распоряженіе о разсылкѣ ихъ мѣстнымъ кавказскимъ властямъ.

б) Президентъ Общества А. П. Богдановъ выразилъ желаніе имѣть для издаваемаго Антропологическаго альбома фотографическіе снимки типовъ горскихъ евреевъ.

Опредѣлено: сдѣлать запросъ по этому предмету ч. о. И. Ш. Анисимову.

в) Предсѣдатель Отдѣла сообщилъ письмо. Сем. Мих. Пономарева изъ Оренбурга, въ которомъ онъ проситъ прислать программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній и пере-

даетъ въ отдѣлъ свою статью о Семейной Общинѣ на Уралѣ».

Опредѣлено: Означенную статью доложить на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Отдѣла, и выслать программы, какъ скоро онѣ будутъ напечатаны.

г) Секретарь Отдѣла д. ч. М. Н. Харузинъ доложилъ полученныя письма: отъ П. С. Ефименка, предоставляющаго въ распоряженіе Отдѣла свою рукописную програму для собиранія юридическихъ обычаевъ гражданскихъ и уголовныхъ, отъ П. М. Дашкевича изъ Кіева, высылающаго по порученію П. С. Ефименка означенную программу; отъ И. Я Людмера изъ Митавы, присылающаго вопросный пунктъ для юридической программы; отъ Е. И. Якушкина, обѣщающаго прислать въ Отдѣлъ печатаемую имъ этнографическую программу; отъ А. И. Кистяковской, предоставляющей въ распоряженіе Отдѣла 3-е изданіе программы ея покойнаго мужа по уголовному праву, подъ условіемъ напечатанія ея отдѣломъ безъ всякихъ иныхъ измѣненій, кромѣ могущихъ оказаться необходимыми дополненій, кои и должны быть отмѣчены особо.

Опредѣлено: Благодарить всѣхъ означенныхъ лицъ за ихъ содѣйствіе цѣлямъ Отдѣла и сообщить г-жѣ А. И. Кистяковской, что Отдѣлъ, не находя никакихъ препятствій къ исполненію ея желанія, просить прислать 3-е изданіе программы ея покойнаго мужа.

д) Д. ч. А. Н. Филипповъ предложилъ на усмотрѣніе Отдѣла, не будетъ ли возможнымъ снарядить на лѣто экспедицію для собиранія среди русскихъ крестьянъ юридическихъ обычаевъ.

Предсѣдатель Отдѣла В. Ѳ. Миллеръ, признавая важность юридическихъ обычаевъ, не считаетъ однако возможнымъ рѣшить вопросъ объ экспедиціяхъ теперь же, такъ какъ количество матеріальныхъ средствъ, которыя будутъ въ распоряженіи Отдѣла въ началѣ лѣта, пока еще не приведено въ извѣстность.

Секретарь Отдѣла д. ч. М. Н. Харузинъ, присоединяясь къ предложенію А. Н. Филиппова, полагаетъ, что снаряженіе экспедицій можетъ быть осуществлено даже и при небольшихъ денежныхъ затратахъ, потому что нѣтъ необходимости посылать ихъ въ отдаленныя окраины, которыя являются въ этомъ отношеніи гораздо болѣе изслѣдованными сравнительно со многими центральными губерніями, какъ, напримѣръ, губернія Московская, ожидающая еще изслѣдователей.

Президентъ Общества А. П. Богдановъ полагаетъ, что снаряженіе экспедицій можетъ быть замѣнено разсылкой программы Отдѣла къ мѣстнымъ жителямъ, интересующимся народною жизнію.

Опредѣлено: По выпускѣ Отдѣломъ въ свѣтъ программы этнографической и юридической разсылать ихъ къ мѣстнымъ старожиламъ, рѣшеніе же вопроса объ экспедиціи для собиранія юридическихъ обычаевъ отложить до весны.

ШЕСТИДЕСЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*18 декабря 1886 года*).

Засѣданіе Отдѣла Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла П. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла: И. Ш. Анисмова, Н. Ю. Зографа, Ѳ. Ѳ. Коврайскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука, секретеря Отдѣла д. ч. М. Н. Харузина и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Секретарь Отдѣла сообщилъ Отдѣлу письмо С. М. Пономарева изъ Оренбурга, въ которомъ послѣдній предлагаетъ Отдѣлу для напечатанія свой сборникъ мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ.

Опредѣлено: Въ виду того, что Отдѣлъ Этнографіи, не располагая свободными средствами, не могъ бы выпустить въ свѣтъ означенный сборникъ въ скоромъ времени, предложеніе г. Пономарева отклонить.

3. Секретарь Отдѣла передалъ Отдѣлу, по порученію д. ч. Е. И. Якушкина, выработанную послѣднимъ этнографическую программу.

Опредѣлено: Благодарить д. ч. Е. И. Якушкина и включить присланное имъ въ этнографическую программу, составляемую Отдѣломъ.

4. Членъ Отдѣла Н. А. Янчукъ прочелъ рефератъ о своей *Этнографической поѣздкѣ въ Бѣлоруссію*. Имѣя въ виду главнымъ образомъ Минскую губ., референтъ бросилъ сначала бѣглый взглядъ на природу и, указавъ на ея разнообразіе, отмѣтилъ три типичныхъ ея полосы: сѣверную—лѣсистую, среднюю—безлѣсную съ плодородною почвою и южную—наиболѣе болотистую. Привычки, характеръ и матеріальное положеніе народа, находясь въ большой зависимости отъ характера страны, тоже весьма разнообразны; даже одежда имѣетъ значительное отличіе въ разныхъ мѣстахъ губерніи: по мѣрѣ удаленія отъ настоящей Бѣлоруссіи (Мог. и Витеб. губ.) характерный бѣлый цвѣтъ ея переходитъ въ темный, сѣрый и наконецъ черный или коричневый. Относительно языка референтомъ были сообщены нѣкоторыя наблюденія надъ дзѣканьемъ, аканьемъ, замѣною гласныхъ *ѣ*, *о*, *ё*, подъ удареніемъ черезъ *і͡е*, *у͡о*, *ю͡о*, магкой *л* черезъ *л* и *ы* черезъ *у*, а также обращено вниманіе на значительную примѣсь польскихъ и малорусскихъ словъ и формъ на югѣ и юго-западѣ губерніи. Затѣмъ, коснувшись слегка экономическаго положенія Бѣлоруссовъ, референтъ перешелъ къ ихъ вѣрованіямъ, причемъ обратилъ особенное вниманіе на народныя «прощи», т. е. мѣста, считающіяся святыми и чудотворными, и на преданія, соединенныя съ ними, на почитаніе новолунія, на празднованіе дней середы, пятницы и четверга, особенно послѣ большихъ праздниковъ. Почитаніе этихъ полупраздниковъ, или «присвятковъ», по понятіямъ народа имѣетъ большое значеніе для плодородія земли, для здоровья людей и скота и пр.; непочитаніе ихъ грозитъ болѣзнію, смертію, обращеніемъ въ камень и другими наказаніями, которыя посылаются самими этими праздниками, представляющимися народу въ видѣ живыхъ существъ: святой Середы, святой Пятницы, святой Недѣли, Николина батьки, Петровой матки и т. п. При характеристикѣ народной нравственности референтъ указалъ на сильное распространеніе пьянства и на сравнительно небольшое распространеніе воровства и уголовныхъ преступленій, которыя гораздо чаще совершаются пришлыми старовѣрами, вслѣдствіе чего мѣстные Бѣлоруссы относятся къ нимъ очень недоброжелательно. Отношеніе же народа къ еврейству наоборотъ довольно дружелюбное, не смотря на то, что и тутъ очень распространена легенда объ употребленіи Евреями христіанской крови. Референтъ нѣсколько подробнѣе остановился на этомъ послѣднемъ вопросѣ, коснувшись полемики проф. Д. Хвольстона съ г. Лютостанскимъ, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что средневѣковая легенда, ни чѣмъ не доказанная, продолжаетъ жить въ умахъ даже просвѣщенныхъ людей нашего времени, служа одной изъ причинъ національнаго антагонизма.

5. Предсѣдатель В. Ѳ. Миллеръ предложилъ референту нѣсколько вопросовъ касательно мѣстныхъ обычаевъ при поминовеніи усопшихъ. Изъ отвѣтовъ г. Янчука выяснилось, между прочимъ, что у Бѣлоруссовъ въ день поминовенія усопшихъ душъ приготовляется иногда специальное блюдо изъ ячменной пшеничной или гречневой крупы. Для каждой изъ умершихъ душъ кладется особая часть кушанья на окно и за окно; выставляется также вода и полотенце, дабы души могли умыться. По окончаніи поминовенія происходитъ обрядъ изгнанія душъ изъ избъ. На вопросъ предсѣдателя Отдѣла о происхожденіи крестовъ на перекресткахъ въ Бѣлоруссіи референтъ сообщилъ, что они ставятся либо надъ могилами убитыхъ, либо надъ могилами самоубійцъ, либо для предотвращенія какого нибудь несчастія, такъ какъ по повѣрью бѣда идетъ вдоль дороги и, встрѣчая препятствіе въ крестѣ, сворачиваетъ въ сторону.

6. Секретарь Отдѣла доложилъ присланную Ч. Q. И. И. Гамовымъ статью подъ заглавіемъ «Міряки на Ленѣ». Среди казацкаго и инородческаго населинія Якутской области весьма распространена психическая болѣзнь, подъ мѣстнымъ названіемъ «мірячество», выражающаяся припадками изступленія, во время которыхъ больной наноситъ удары окружающимъ, бьетъ попадающіяся подъ руку вещи, пляшетъ до полной потери силъ, кривляется, подражая движенію какого нибудь животнаго. Поводомъ къ припадкамъ является подчасъ незначительное душевное волненіе — испугъ, раздраженіе вслѣдствіе насмѣшекъ товарищей и т. п. Разсказавъ нѣсколько характерныхъ проявленій этой болѣзни, при которыхъ референту довелось присутствовать лично, онъ находитъ возможнымъ считать причинами этой болѣзни недостаточное питаніе организма вслѣдствіе невыгодныхъ экономическихъ условій, въ коихъ находится населеніе данной мѣстности сплошь и рядомъ, равно какъ и ревматизмы,

коими тоже часто страдаетъ мѣстное население.

7. Предсѣдатель указалъ на то, что эта болѣзнь распространена вообще у инородцевъ на сѣверѣ и спросилъ секретаря Им. Общ. Люб. Естествознанія Николая Юрьевича Зографа, не доводилось ли ему ее наблюдать во время посѣщенія имъ Самоѣдовъ и Лопарей. Н. Ю. Зографъ разсказалъ со словъ доктора въ г. Архангельскѣ М. И. Сѣрикова (такъ какъ ему лично наблюдать не доводилось) о крайней впечатлительности и истеричности мѣстныхъ инородцевъ. Но такъ какъ, по словамъ того же г. Сѣрикова, Великоруссы крайняго сѣвера отличаются здоровыми и крѣпкими нервами, то это наводитъ г. Зографа на мысль, что въ виду значительной примѣси якутской крови у казаковъ Якутской области, референтъ наблюдалъ проявленія одной изъ тѣхъ болѣзней, которыя свойственны инородцамъ нашего сѣвера.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*23 февраля 1887 года*).

Засѣданіе Отдѣла Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла П. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи Президента Императорскаго Общества Естествознанія П. Ч. А. П. Богданова, членовъ Общества и Отдѣла: А. Я. Архипова, И. И. Гамова, Н. Л. Гондатти, В. А. Грингмута, Н. Ю. Зографа, М. М. Ковалевскаго, Н. М. Кулагина, В. М. Михайловскаго, Н. В. Насонова, Ѳ. Я. Трейланда, Г. А. Халатіанца, Н. А. Янчука, секретаря Отдѣла М. Н. Харузина, въ присутствіи извѣстнаго путешественника Григорія Николаевича Потанина и многочисленныхъ постороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель Отдѣла п. ч. В. Ѳ. Миллеръ обратился отъ имени Отдѣла съ рѣчью къ Г. Н. Потанину, только что возвратившемуся изъ далекаго путешествія по Азіи, длившагося три года. Выразивъ свое удовольствіе по поводу счастливаго возвращенія неутомимаго путешественника, предсѣдатель отмѣтилъ научныя заслуги г. Потанина, назвавъ его истиннымъ подвижникомъ науки, который изъ чистаго стремленія къ научнымъ открытіямъ отказался отъ всѣхъ благъ цивилизаціи, отправившись въ мѣстности столь далекія отъ европейской культуры, ведя кочевую, полную лишеній жизнь, и въ заключеніе, привѣтствовавъ его отъ имени Общества и Отдѣла, просилъ его вкратцѣ познакомить присутствующихъ съ нѣкоторыми результатами своихъ изслѣдованій.

3. Г. Н. Потанинъ благодарилъ Предсѣдателя и Отдѣлъ за оказанный ему сердечный пріемъ и обѣщая въ ближайшемъ будущемъ сообщить Отдѣлу подробности своего путешествія, просилъ позволить ему на этотъ разъ ограничиться демонстрированіемъ фотографическихъ снимковъ, работы сопровождавшаго его г. Скасси, съ посѣщенныхъ путешественникомъ мѣстностей и народностей. Въ цѣломъ рядѣ фотографій Г. Н. Потанинъ представилъ: а) типы народа *Оръ*, названнаго путешественникомъ г. Пржевальскимъ *Тангутами* и живущаго въ сѣверной части Тибета, ведя въ нагорныхъ мѣстностяхъ жизнь пастушескую, а въ долинахъ земледѣльческую и интереснаго между прочимъ необыкновеннымъ почитаніемъ своихъ духовныхъ лицъ, которыя нѣкоторыми родами считаются прямо за воплощеніе божества. б) Типы Далдинцевъ или Далды, живущихъ на Востокѣ вплоть до Ланьджеу и доходящихъ къ Западу до Ганьджеу, изъ коихъ нѣкоторые роды говорятъ языкомъ *монгольскимъ*, другіе же *тюркскимъ*. Далѣе в) Портретъ князя въ городѣ Ордосѣ, снятаго во всѣхъ его княжескихъ доспѣхахъ и украшеніяхъ. г) Представивъ вслѣдъ за симъ снимокъ священныхъ юртъ, хранящихъ кости Чингисъ-хана и его женъ, равно какъ и разные предметы имъ принадлежавшіе, г. Потанинъ подробно остановился на описаніи самаго обряда поклоненія этой національной святыни. Сначала священныя юрты обходитъ старшій князь въ сопровожденіи двухъ людей съ трещотками, которыя изображаютъ «голосъ неба», за ними—простой народъ, подходящій къ гроб-

лицѣ тѣсными колоннами, причемъ изъ каждой изъ нихъ прикладывается къ гробницѣ только одинъ, сообщая чрезъ себя благодать всѣмъ остальнымъ, тѣсно соприкасающимся съ нимъ и другъ съ другомъ. Въ былое время, по преданіямъ, на этомъ празднествѣ приносили въ жертву людей, нынѣ же ограничиваются лишь тѣмъ, что заставляютъ одного человѣка стоять въ теченіе всего празднества безъ движенія, зарывая его ступни въ землю. д) Затѣмъ Г. Н. Потанинъ показалъ виды города Сигу въ восточномъ Тибетѣ; буддійскаго монастыря Гумъбумъ, гдѣ путешественникъ провелъ зиму; своеобразныхъ построекъ, выкопанныхъ въ песчаникѣ по берегамъ Желтой рѣки; живописную долину рѣки *Ксерную* съ многочисленными водопадами и др.

4. Д. ч. Г. А. Халатіанцъ сообщилъ о своей поѣздкѣ къ Курдамъ Кагызманскаго Округа. Упомянувъ о трудностяхъ пути и о переѣздахъ, референтъ сказалъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ могилахъ *Огузовъ* или великановъ и остановился подробнѣе на Курдскихъ «зіаратахъ»—могилахъ шейховъ. Далѣе сообщивъ о своемъ посѣщеніи Курдскаго кочевья Омеръ-аги, референтъ описалъ начальника его, весьма типичнаго Курда, жилища, одежду Курдовъ, какъ женскую такъ и мужскую, отличающуюся яркостью и пестротой, національное вооруженіе (палицы и щиты), пищу, которая приготовляется преимущественно изъ молока и овощей, тогда какъ мясо употребляется рѣдко и то лишь краденое. Далѣе референтъ обратилъ вниманіе на общественную и семейную жизнь Курдовъ, при чемъ оказалось, что Курды живутъ небольшими общинами *«оба»*, состоящими изъ 10—15 семействъ подъ началомъ *«аги»* (барина), имѣющаго между прочимъ и власть судебную, владѣя совмѣстно постбищами и лугами, такъ называемыми юртами, и занимаясь главнымъ образомъ овцеводствомъ. Характерныя черты семейной жизни Курдовъ референтъ видитъ въ большей сравнительно съ прочими мусульманами свободѣ женщины, которая не скрывается отъ мущинъ и ходитъ съ непокрытымъ лицомъ; въ рѣдкости у нихъ многоженства, и въ распространенности обычая добыванія себѣ невѣсты посредствомъ кражи. Въ заключеніе референтъ сказалъ нѣсколько словъ о курдской музыкѣ и о народныхъ пѣсняхъ, раздѣляющихся на хороводныя и героическія, при чемъ онъ привелъ въ образецъ одну по содержанію весьма романтическую и трогательную.

5. Секретарь Отдѣла доложилъ присланную П. М. Дашкевичемъ изъ Кіева статью подъ заглавіемъ *«Обычай пріймачества у крестьянъ Кіевской губерніи*, въ коей авторъ, описавъ многочисленные и очень распространенные у мѣстныхъ крестьянъ виды пріема не родныхъ лицъ въ семью, равно какъ и отмѣтивъ раждающіяся отсюда правоотношенія между принимателями, родственниками его и принимаемыми,—выразилъ сожалѣніе что этотъ обычай, не будучи предусмотрѣнъ закономъ писаннымъ, игнорируется нашими общими судами, вслѣдствіе чего сплошь и рядомъ случается, что по смерти принимателя завязывается тяжба между пріймакомъ, проработавшимъ иной разъ много лѣтъ на семью принимателя, и дальнимъ родственникомъ послѣдняго, являющимся наслѣдникомъ *по закону*, при чемъ такая тяжба кончается всегда для пріймака отрицательно, такъ какъ законъ его не знаетъ и не защищаетъ. Отмѣчая этотъ прискорбный фактъ, референтъ выразилъ опасеніе, чтобы этотъ своеобразный обычай, подобно многимъ другимъ, не ускользнулъ отъ вниманія при пересмотрѣ X т. Св. Зак., что столь возможно при распространенномъ у насъ увлеченіи западноевропейскими теоріями и законоположеніями.

6. Въ послѣдовавшемъ за симъ закрытомъ засѣданіи Отдѣла

а) приступлено было къ выбору Предсѣдателя Отдѣла Этнографіи.

Результатомъ происходившей баллотировки было единогласное избраніе въ Предсѣдатели Отдѣла Вице-президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи П. Ч. Всеволода Өеодоровича Миллера.

б) Предсѣдатель В. Ө. Миллеръ благодарилъ Отдѣлъ за избраніе, предложилъ въ товарищи Предсѣдателя н. ч. М. М. Ковалевскаго и н. ч. Викт. Мих. Михайловскаго, а въ секретари Отдѣла д. ч. М. Н. Харузина.

в) Секретарь Отдѣла доложилъ свой отчетъ о выполненіи имъ порученнаго ему составленія *«программы для собиранія юридическихъ обычаевъ»*.

Опредѣлено: благодарить секретаря Отдѣла (М. Н. Харузина) за выполненіе возложеннаго на него порученія и отдать въ печать составленную имъ программу.

г) Секретарь Отдѣла прочелъ отношеніе Секретаря Совѣта Императорскаго Общества

Люб. Естествознанія, Антр. и Этн., доводящаго до свѣдѣнія Предсѣдателя Отдѣла Этнографіи о состоявшемся 9-го февраля постановленіи Совѣта Общества о передачѣ въ его распоряженіе на нужды Отдѣла переданныхъ Обществу лицами, пожелавшими остаться неизвѣстными, трехсотъ рублей, кои будутъ внесены Казначею Общества не позже конца мая мѣсяца.

д) Товарищъ Предсѣдателя н. ч. М. М. Ковалевскій предложилъ представить отъ имени Отдѣла Этнографіи къ баллотировкѣ въ непремѣнные члены Общества д. ч. Е. И. Якушкина и д. ч. П. С. Ефименко, во вниманіе къ ихъ научнымъ заслугамъ и въ знакъ признательности за оказанное ими содѣйствіе при составленіи Отдѣломъ программъ этнографической и юридической, равно какъ и Гр. Николая Потанина во вниманіе къ его богатымъ плодами изслѣдованіямъ.

Опредѣлено: Предложить отъ имени Отдѣла Этнографіи означенныхъ лицъ въ непремѣнные члены въ ближайшемъ собраніи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

е) Приступлено къ баллотировкѣ въ члены Отдѣла П. М. Дашкевича и С. М. Пономарева, по предложенію Предсѣдателя и секретаря Отдѣла. — Означенныя лица выбраны въ члены Отдѣла Этнографіи единогласно.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*9 марта 1887 года*).

9 го Марта 1887 года въ зданіи Политехническаго Музея происходило совмѣстное засѣданіе Отдѣловъ Антропологіи и Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи подъ Предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Отдѣла Этнографіи н. ч. М. М. Ковалевскаго, въ присутствіи Товарища Предсѣдателя Отдѣла Антропологіи п. ч. В. Н. Бензенгра, членовъ Общества и Отдѣла: А. Я. Архипова, Н. Л. Гондатти, А. И. Мея, В. М. Михайловскаго, Н. В. Насонова, Г. Д. Филимонова, А. Н. Филиппова, Н. Н. Харузина, Н. А. Янчука, секретаря Отдѣла д. ч. М. Н. Харузина, и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Вслѣдъ за докладомъ товарища Предсѣдателя Отдѣла Антропологіи п. ч. *В. Н. Бензенгра объ Италіотахъ* и ихъ террамарахъ въ сѣверной Италіи прочелъ *А. С. Хахановъ* свое сообщеніе *«о Мохевцахъ»*, небольшой группѣ горцевъ, живущихъ въ одномъ изъ Кавказскихъ ущелій на границѣ съ Чечней и Хевсуретіей и долгое время находившихся въ политической зависимости отъ Грузіи. Референтъ подробно описалъ общественный и домашній бытъ этого пастушескаго народа, отмѣтивъ какъ отличительны черты его быта а) широкія права общины, которая рѣшала вопросы о разводѣ супруговъ въ случаѣ насильственной выдачи дѣвушки замужъ, сама отыскивала преступника и налагала наказаніе, заключавшееся въ денежной пенѣ или въ изгнаніи и в) высокое положеніе женщины, которая пользуется всеобщимъ почетомъ, которая властна прекратить ссору междувумя жаждущими кровной мести противниками, тѣмъ, что она снимаетъ свой головной уборъ и кладетъ его къ ногамъ непріятелей. Далѣе референтъ подробно остановился на религіозныхъ вѣрованіяхъ мохевцевъ, представляющихъ смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, отличительная черта коихъ—культъ Св. Георгія и существованіе наряду со священниками жрецовъ, избираемыхъ изъ среды народа и завѣдующихъ жертвоприношеніями; упомянулъ объ обычаѣ кровной мести, которая однако замѣняется примиреніемъ при участіи посредниковъ, причемъ примирившіеся заключаютъ союзъ братства, закрѣпляемый обрядомъ обмѣна пулями; и остановился въ заключеніе на народной поэзіи Моховцевъ, въ которой воспѣвается вѣрность въ любви, гостепріимство, уваженіе къ старшимъ, защита слабыхъ и оскорбленныхъ и въ которой часто встрѣчаются описанія природы полныя художественныхъ образовъ и поэтическихъ картинъ.

3. Товарищъ Предсѣдателя Отдѣла н. ч. М. М. Ковалевскій благодарилъ референта за сообщеніе и предложилъ ему затѣмъ нѣсколько вопросовъ касательно обычая усыновленія, побратимства и старинныхъ часовенъ, служа-

щихъ предметомъ особаго почитанія, причемъ выразилъ желаніе, чтобы бытъ Мохевцевъ подвергся въ возможно скоромъ времени подробнымъ изслѣдованіямъ.

4. М. И. Ткешеловъ сообщилъ свой докладъ «объ Адербейджанскихъ татарахъ», живущихъ въ Эриванской губерніи, въ которомъ отмѣтивъ, что существующія у нихъ сословія: дворянство, духовенство, купцы, ремесленники и земледѣльцы мало отличаются другъ отъ друга по обычаямъ, референтъ подробно описалъ домашній бытъ, въ которомъ особенно тягостно положеніе женщины, жилища, пищу, одежду татаръ, ихъ игры, пляски, свадебные и похоронные обряды и особенно оттѣнилъ ихъ религіозный фанатизмъ, заставляющій ихъ смотрѣть на инородцевъ, какъ на враговъ, такъ что напр. убійство христіанина, по ихъ убѣжденію, есть заслуга, которая открываетъ путь въ рай, и вообще преступленія не считаются таковыми коль скоро объектомъ ихъ является христіанинъ.

5. Предсѣдательствующій благодарилъ референта отъ имени Отдѣла и, отмѣтивъ вслѣдъ за тѣмъ, что референтъ не достаточно рѣзко оттѣнялъ въ своемъ сообщеніи мѣстное обычное право отъ постановленій Шаріата, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ касательно семейной общинности и правъ дѣтей рожденныхъ отъ второстепенныхъ женъ.

6. Предсѣдательствующій прочелъ затѣмъ полученную отъ Господина Министра Путей Сообщенія Константина Николаевича Посьета телеграмму, въ которой онъ благодаритъ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи за принесенныя имъ поздравленія по случаю состоявшагося юбилея его 25 лѣтней службы.

7. П. М. Богаевскій прочелъ свое сообщеніе «о личномъ наймѣ у крестьянъ», который, по словамъ референта, представляется однимъ изъ наиболѣе развитыхъ отдѣловъ права, такъ какъ крестьянамъ на каждомъ шагу необходимо разрѣшать спорныя отношенія, возникающія изъ этого договора. Подробно описавъ различныя формы личнаго найма, существующія въ крестьянскомъ быту, равно какъ и юридическіе обычаи, связанные съ его возникновеніемъ и прекращеніемъ, права и обязанности сторонъ, вступающихъ въ договоръ, референтъ отмѣтилъ замѣчающееся стремленіе волостныхъ судовъ уничтожить словесную форму заключенія этого договора, что при заключеніи договора личнаго найма никакихъ обрядовыхъ дѣйствій не употребляется кромѣ рукобитья и угощенія и указалъ на существующія между хозяиномъ и рабочимъ нравственныя связи.

8. Рефератъ П. М. Богаевскаго вызвалъ обмѣнъ мыслей между референтомъ, Секретаремъ Отдѣла д. ч. М. Н. Харузинымъ и Товарищемъ Предсѣдателя Отдѣла н. ч. М. М. Ковалевскимъ, причемъ послѣдній не считалъ возможнымъ ставить въ связь половничество и обычай супрягъ съ существованіемъ малыхъ семей—какъ то дѣлалъ референтъ—такъ какъ они встрѣчаются и при общинномъ бытѣ и при существованіи большихъ семей. Секретарь Отдѣла отмѣтилъ, что не смотря на указываемую референтомъ выработанность юридическихъ обычаевъ, касающихся личнаго найма, въ дѣйствительной жизни случается сплошь и рядомъ, что наниматели ничѣмъ необезпечены на случай нарушенія договора со стороны рабочихъ, на что указываютъ безчисленные примѣры въ особенности въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, что и дѣлаетъ крайне желательнымъ правительственное вмѣшательство именно въ эту сторону народной жизни.

9. Въ послѣдовавшемъ за симъ закрытомъ засѣданіи Отдѣла

а) Доложено Секретаремъ Отдѣла письмо П. М. Дашкевича, благодарящаго Отдѣлъ за избраніе его въ свои сочлены.

в) Приступлено къ баллотировкѣ въ члены Отдѣла Этнографіи: А. С. Хаханова, М. И. Ткешелова и П. М. Богаевскаго по предложенію Предсѣдателя Отдѣла п. ч. В. Ф. Миллера, Секретаря Отдѣла д. ч. М. Н. Харузина и д. ч. А. Н. Филиппова.

Означенныя лица выбраны въ члены Отдѣла единогласно.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*21 марта 1887 года*).

Засѣданіе этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Отдѣла П. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи президента Общества А. П. Богданова, почетныхъ, непремѣнныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества: А. В. Алехина, А. Я. Архипова, В. Н. Бензенгра, А. А. Бѣлопольскаго, Н. Л. Гондатти, К. А. Горбачева, Н. Ю. Зографа, К. Н. Икова, Н. М. Кулагина, И. А. Каблукова, Ѳ. Ѳ. Коврайскаго, А. Н. Корчагина, В. Д. Левинскаго, В. М. Михайловскаго, А. Н. Маклакова, А. И. Мея, Н. В. Насонова, Я. Я. Никитинскаго, П. П. Петрова, Е. А. Покровскаго, П. П. Семенова, Д. М. Струкова, А. А. Тихомірова, О. А. Федченко, Г. Д. Филимонова, А. Н. Филиппова, М. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, Н. Е. Цабеля, П. К. Энгельмейстра, Н. А. Янчука и стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Н. ч. В. М. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе о современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ Абиссиніи и абиссинцахъ. Сначала онъ познакомилъ собраніе съ физической географіей абиссинской горной страны и прилегающаго къ ней побережья Чермнаго моря, затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію политическаго устройства и административнаго раздѣленія страны, наконецъ съ бо̀льшею подробностью остановился на описаніи этнографическихъ особенностей населенія, нравовъ и обычаевъ абиссинцевъ. Въ заключеніе было изложено вѣроученіе коптовъ, господствующее въ Абиссиніи и установлена этнологическая связь абиссинцевъ съ населеніемъ южной Аравіи. Древній эѳіопскій языкъ (геецъ) родственъ языку гимьяритскихъ или сабейскихъ надписей.

3. Посѣтитель А. П. Магнусъ сдѣлалъ сообщеніе о путешествіи вольныхъ казаковъ въ Абиссинію, въ которомъ онъ принималъ участіе.

Подъ начальствомъ атамана Н. И. Ашинова казаки въ числѣ 60 человѣкъ отправились осенью 1885 г. черезъ Одессу, Константинополь, Александрію, Суецъ и Массову въ Абиссинію, были радушно приняты абиссинцами и ихъ царемъ Иваномъ (Негусомъ) и, пробывъ тамъ 8 мѣсяцевъ, вернулись на родину. Цѣлью этого путешествія было желаніе ознакомиться со страной и завязать сношенія съ ея жителями. Референтъ, описавъ вкратцѣ образъ жизни и обстановку абиссинскихъ правителей, перешелъ къ общей характеристикѣ абиссинцевъ, очертилъ ихъ типъ, указалъ подраздѣленія на племена: Тигрэ, Амхара̀, Галла̀ и Шоа, имѣющія каждое свое нарѣчіе, описалъ вкратцѣ ихъ одежду, пищу, жилище, нѣкоторые обычаи, указалъ на выдающіяся черты ихъ національнаго характера: свирѣпость, мстительность, самонадѣянность, воинственность и суевѣріе. Абиссинцы племени эѳіопскаго, но сосѣдство съ мусульманами не мало вліяетъ на измѣненіе ихъ кореннаго типа. Они христіане, православные и, по словамъ референта, чувствуютъ большую симпатію къ русскимъ и грекамъ, а католиковъ и протестантовъ, напротивъ ненавидятъ. Проявленіе христіанскаго культа заходитъ у нихъ такъ далеко, что они даже ходятъ съ непокрытою головою и босикомъ будто-бы въ подраженіе Христу; любимымъ узоромъ татуировки служитъ крестъ или изображеніе Богородицы. Ходятъ большею частью нагіе, слегка прикрываясь шкурами; живутъ въ конусообразныхъ палаткахъ изъ камыша и бамбука, смазанныхъ глиною; ѣдятъ перецъ (берберъ) съ хлѣбомъ (ингера), съ бобами (гури), горохъ и т. п., богатые иногда ѣдятъ сырое мясо. Главное занятіе военное, но занимаются также скотоводствомъ, охотою и торговлею (мѣною). Духовенство пользуется особеннымъ уваженіемъ и оно богаче другихъ классовъ; ему одному доступна и грамотность. При богослуженіи замѣчается много отступленій отъ православнаго ритуала: употребляютъ барабаны, побрякушки, колокольчики, служатъ съ посохами и стучатъ ими, крестятся слѣва

на право и т. д. Церковныя книги писаны на эѳіопскомъ языкѣ; письмо похоже на еврейское.

4. Предсѣдатель благодарилъ гг. Михайловскаго и Магнуса за ихъ сообщенія и просилъ у послѣдняго нѣкоторыхъ поясненій. На вопросы, предлагаемые присутствующими, г. Магнусъ, въ дополненіе къ своему реферату, сообщилъ еще нѣкоторыя подробности изъ жизни абиссинцевъ и ихъ вѣрованій.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*3 октября 1887 года*).

Засѣданіе Отдѣла Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи происходило въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента Общества П. Ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла: К. П. Барсова, П. М. Богаевскаго, Н. Л. Гондатти, Н. Ю. Зографа, Н. Ѳ. Золотницкаго, К. Н. Икова, А. И. Мея, Н. Н. Харузина, А. Н. Харузина, Н. А. Янчука и 93 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. И. д. секретаря Отдѣла Н. А. Янчукъ доложилъ о доставленныхъ Отдѣлу рукописныхъ этнографическихъ матеріалахъ:

а) Отъ С. Я. Дерунова сборникъ, озаглавленный имъ: «Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Пошехонскомъ уѣздѣ» и содержащій 7 сказокъ, нѣсколько причитаній, заговоровъ, пѣсенъ и именъ-прозвищъ.

б) Отъ Моск. Археол. Общ. рукопись А. Н. Минха: «Матеріалы для Археологическаго Словаря», имѣющіе собственно этнографическое значеніе.

в) Отъ Василія Тихонова рукопись: «Описаніе дѣтскихъ игръ и игрушекъ, существующихъ въ с. Мазунинѣ, Сарапульск. у., Вятской губ.

За отсутствіемъ средствъ для печатанія первыя двѣ рукописи оставлены на храненіе въ Отдѣлѣ, а послѣднюю рѣшено передать спеціалисту по дѣтскому воспитанію Е. А. Покровскому.

3. Предсѣдатель Отдѣла сообщилъ о новыхъ изданіяхъ по этнографіи, поступившихъ въ Отдѣлъ:

а) указалъ на цѣнную книгу п. ч. Общества Е. А. Покровскаго: «Дѣтскія игры, преимущественно русскія, въ связи съ исторіею, антропологіею, этнографіей и педагогіей». Эта книга составляетъ капитальный вкладъ въ этнографическую литературу. Относясь собственно къ спеціальному отдѣлу воспитательной этнографія, она имѣетъ также общій интересъ не только для этнографа, но и для историка, такъ какъ многія изъ дѣтскихъ игръ представляютъ собою переживанія древнихъ обычаевъ и обрядовъ, идущихъ иногда отъ глубокой старины, другія служатъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ событій, военныхъ дѣйствій и т. д. Таковы, напр., игры: «Похороны Костромы», иначе «Кострубa», какъ остатокъ древне-языческаго религіознаго обряда; игра въ Шамиля, практикующаяся на Кавказѣ, и др.

б) Другой отзывъ былъ данъ о книгѣ Патканова: «Цыганы».

Авторъ представилъ въ ней сводъ историческихъ свѣдѣній объ этой народности, прослѣдилъ отношеніе къ ней законодательства и общества въ разныхъ государствахъ, при чемъ оказалось, что въ Россіи отношенія къ цыганамъ болѣе гуманныя, чѣмъ въ Западной Европѣ. Родиною цыганъ авторъ считаетъ безспорно сѣверныя части Индіи, гдѣ до сихъ поръ существуетъ одно индѣйское племя, родственное цыганамъ. Лингвистическіе матеріалы, приложенные къ книгѣ, увеличиваютъ еще болѣе ея значеніе.

в) Передавая въ библіотеку Отдѣла III часть своихъ «Осетинскихъ этюдовъ», Предсѣдатель замѣтилъ, что ея содержаніе составляетъ главнымъ образомъ историко-этнографическія изслѣдованія.

г) Наконецъ Предсѣдатель обратилъ вниманіе присутствующихъ на изданную Отдѣломъ «Программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній», составленную подъ редакціею Н. А. Янчука, вслѣдъ за изданіемъ юридической программы подъ ред. М. Н. Харузина. Безплатные экземпляры обѣихъ программъ были при

этомъ предложены желающимъ изъ гг. посѣтителей.

4. Чл. О. Н. Н. Харузинъ сдѣлалъ сообщеніе *о лопарскихъ пѣсняхъ*, которое было результатомъ его лѣтней поѣздки въ Олонецкій и Архангельскій край. Какъ характеристическій признакъ лопарской пѣсни авторъ отмѣтилъ строго эпическій элементъ. Предметомъ своимъ пѣсня имѣетъ случавшіяся въ томъ или иномъ погостѣ происшествія (сватовство, смерть односельчанина и т. п.), которыя и воспѣваются крайне сжато и сухо. Въ каждомъ погостѣ пѣсни группируются обыкновенно во кругъ какой-нибудь одной выдающейся личности. Съ теченіемъ времени въ пѣсню вводится сказочный элементъ, искажающій ея первоначальный смыслъ, но она все-таки продолжаетъ считаться былью, а не сказкой. Особый отдѣлъ составляютъ пѣсни, имѣющія нравоучительный характеръ, безъ пріуроченія ихъ къ извѣстному лицу и къ опредѣленному мѣсту. Наконецъ, есть пѣсни шуточныя, представляющія иногда наборъ словъ безъ всякаго содержанія. Всѣ эти пѣсни представляютъ точную характеристику лопаря и даютъ много данныхъ для изученія его быта матеріальнаго и духовнаго. Въ послѣднее время онѣ начинаютъ вытѣсняться русскими пѣснями.

Предсѣдатель благодарилъ референта за интересное сообщеніе и предложилъ напечатать его въ «Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи», издаваемомъ подъ его редакціей при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ.

5. Чл. О. П. М. Богаевскій сдѣлалъ сообщеніе «объ общественныхъ и родовыхъ моленіяхъ у Вотяковъ», предпославъ ему общія замѣчанія о Вотякахъ. Вотяки занимаютъ центръ Сарапульскаго уѣзда Вятской губ. Не смотря на частыя сношенія съ русскими, они сохранили въ своемъ быту много оригинальнаго. Менѣе всего сказалось русское вліяніе на религіозныхъ взглядахъ Вотяковъ, которые, хотя оффиціально считаются православными, до сихъ поръ въ неприкосновенности сохранили вѣру своихъ предковъ. Для умилостивленія своихъ боговъ Вотяки устраиваютъ моленія съ жертвоприношеніями; они дѣлятся на общественныя и родовыя. Послѣднія указываютъ на существовавшій нѣкогда у Вотяковъ родовой бытъ, что подтверждается и другими данными: свадебными обрядами, крѣпостью родственныхъ отношеній, памятью о родоначальникахъ, взглядами на женскую нравственность. Родовыя моленія совершаются жрецами, назначаемыми *туно* или *ворожцомъ*, лицомъ наиболѣе почитаемымъ среди Вотяковъ.

Поблагодаривъ референта, Предсѣдатель предложилъ нѣсколько вопросовъ относительно демонологіи Вотяковъ. Изъ отвѣтовъ выяснилось, что Вотяки въ своемъ воображеніи населяютъ духами безконечное небесное пространство, а нѣкоторыя божества считаютъ живущими на землѣ. Главными божествами признаются: Инмаръ, богъ добра и братъ его Кереметь, богъ зла, живущій близъ деревень въ посвященныхъ ему рощахъ, гдѣ совершаются въ честь его ежегодныя жертвоприношенія. Религіозныя сказанія Вотяковъ большею частью пріурочиваются ко времени потопа.

6. Наконецъ, д. ч. Н. А. Янчукъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу своей поѣздки въ Сѣдлецкую и Гродненскую губ. Указавъ на важное этнографическое значеніе области, лежащей въ бассейнѣ зап. Буга и составляющей рубежъ, на которомъ сталкивается нѣсколько народностей, референтъ остановился на малороссахъ, живущихъ въ Польшѣ по лѣвой сторонѣ Буга, указалъ границы занимаемой ими области (7 уѣздовъ Люблин. г. и 5 Сѣдлецкой) и ихъ приблизительную численность (300,000). Чтобы уяснить причину пестроты, какая замѣчается здѣсь въ составѣ населенія, въ его обычаяхъ, языкѣ, референтъ представилъ историко-этнографическій очеркъ этого края, извѣстнаго въ своей южной части подъ названіемъ Холмщины, а въ сѣверный подъ именемъ Подлясья. Говоря о Подлясьѣ, авторъ подробнѣе остановился на его древнихъ обитателяхъ Ятвягахъ, теперь почти совсѣмъ исчезнувшихъ, при чемъ указалъ остатки ихъ въ Гродненской губ. и слѣды ихъ прежняго существованія въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ географическихъ именахъ Сѣдлецкой и Гродненской губ.

Предсѣдатель благодарилъ референта за представленную имъ картину разселенія народностей въ упомянутомъ краѣ и за нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о Ятвягахъ, при чемъ выразилъ сомнѣніе на счетъ славянскаго происхожденія геродотовскихъ *невровъ*, которыхъ авторъ, слѣдуя Шафарику, принялъ за Славянъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

(*14 ноября 1887 года*).

Засѣданіе происходило въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ вицс-президента Общества п. ч. В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи непремѣнныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества и Отдѣла: Д. Н. Анучина, И. Ш. Анисимова, П. М. Богаевскаго, Д. А. Гольдгаммера, Н. Л. Гондатти, А. Н. Харузина, А. С. Хаханова, О. А. Федченко, Н. А. Янчука и 62 стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь Отдѣла доложилъ о поступившей въ Отдѣлъ черезъ Моск. Археол. Общество рукописи г. Минха: «Народныя суевѣрія, предразсудки, повѣрья, обычаи и обряды крестьянъ Саратовской губ.», составляющей продолженіе прежде присланныхъ авторомъ матеріаловъ (см. проток. предыд. засѣданія).

3. Предсѣдательствующій сообщилъ о новомъ историко-этнографическомъ изслѣдованіи М. Соколова: «Старорусскіе солнечные боги и богини» (Симбирскъ 1887), при чемъ обратилъ вниманіе на то, что книга полна неосновательныхъ выводовъ касательно славянской миѳологіи. Авторъ, во-первыхъ, старается увеличить число славянскихъ боговъ новыми именами (напр. Плутъ, Переплутъ), а во-вторыхъ произвольно толкуетъ уже извѣстныя имена божествъ, дѣлая много ошибочныхъ сближеній, страдающихъ недостаткомъ строго-лингвистическаго метода. «Будемъ надѣяться, заключилъ свой разборъ предсѣдатель, что серьезное преподаваніе сравнительнаго языковѣдѣнія на историко-филологическихъ факультетахъ сдѣлаетъ невозможнымъ въ ближайшемъ будущемъ появленіе такихъ неудачныхъ трудовъ, какова книжка г. Соколова».

4. Д. ч. А. Н. Филипповъ доложилъ о новомъ трудѣ извѣстнаго этнографа собирателя П. В. Шейна: «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-западнаго края, т. I, ч. 1. (бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ). СПБ. 1887 г.» Охарактеризовавъ вкратцѣ личность самого собирателя, какъ неутомимаго труженика, не щадящаго ни здоровья, ни своихъ скудныхъ средствъ для пользы науки, докладчикъ объяснилъ важность вновь изданныхъ матеріаловъ, отличающихся полнотою, точностью записей и заключающихъ въ себѣ множество новыхъ данныхъ для изученія бытовой и обрядовой жизни бѣлорусса, его языка и поэзіи, наконецъ для характеристики его нравственной физіономіи.

5. Посѣтитель А. А. Ивановскій сдѣлалъ сообщеніе о своей лѣтней поѣздкѣ къ Киргизамъ, къ оз. Норъ-Зайсанъ. Референтъ отмѣтилъ нѣкоторыя выдающіяся черты характера киргизовъ, напр. радушіе и любопытство, съ какими они встрѣчаютъ и провожаютъ незнакомыхъ проѣзжихъ; описалъ способъ ѣзды, нѣкоторыя празднества съ джигитовкой парней и дѣвушекъ, съ бѣганіемъ на призъ и т. п.; разсказалъ подробно объ охотѣ на утокъ, медвѣдей и кабановъ, коснулся мимоходомъ оригинальныхъ пріемовъ измѣреній (напр. версты посредствомъ свиста человѣка), наконецъ остановился вкратцѣ на нѣкоторыхъ семейныхъ обрядахъ: сватовствѣ, поминкахъ.

6. А. С. Хахановъ сдѣлалъ сообщеніе о кавказскомъ народѣ Пшавцахъ или Пшавахъ. Пшавы дѣлятся на 12 общинъ и занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ и земледѣліемъ, отчасти также отхожими промыслами. Языкъ—грузинскій. Религія—смѣсь христіанства съ язычествомъ и отчасти іудействомъ. Изъ христіанскихъ святыхъ болѣе всего почитаются арх. Гавріилъ, Богородица и св. Георгій. Храмы посѣщаются пшавцами весьма рѣдко, не исполняются также и требы, но причащеніе считается необходимымъ передъ смертью. Жрецы *хевисъ-бери* отличаются воздержною жизнью и пользуются въ настоящее время только духовною властью, тогда какъ прежде пользовались и свѣтскою. Пшавы признаютъ массу духовъ, населяющихъ землю, почитаютъ геніевъ-покровителей; популярнѣйшее изъ духовъ—Копала, герой, освободившій народъ отъ чудовищъ, пожиравшихъ людей. При похоронахъ покойника оплакиваютъ и кромѣ того каждую субботу совершается оплакиваніе надъ оружіемъ и одеждою покойнаго; родители не

оплакивают своихъ дѣтей; въ знакъ траура стригутъ волосы. По вѣрованію Пшавовъ о загробной жизни, между раемъ и адомъ—рѣка изъ дегтя съ мостикомъ, съ котораго грѣшники, пытающіеся пройти въ рай, сваливаются; адъ—4-угольное зданіе съ нѣсколькими отдѣленіями, наглухо заколоченное, а рай -башня въ нѣсколько этажей. Тѣни умершихъ вмѣшиваются въ дѣла живыхъ. Изъ древнихъ обычаевъ сохранилась родовая месть за убійство и обязательное похищеніе невѣстъ. Женщины отличаются сильно развитымъ материнскимъ чувствомъ и пользуются значительною свободою; охраненіе женской чести—священный долгъ пшавца, и нарушившихъ честность побиваютъ камнями, но въ настоящее время нравственность падаетъ. Пшавы довольно музыкальны и проявляютъ склонность къ поэзіи. Любимые инструменты—свирѣль и бандура. Поэзія ихъ раздѣляется на древнюю (героич. поэмы, напр.: «Ростемъ», «Амиранъ») и новую (лирическ. и эротическ. пѣсни), полную чувства и поэтическихъ образовъ, съ весьма рѣдкимъ оттѣнкомъ пессимизма; кромѣ того, есть пѣсни историческія, напр. о грузинскомъ царѣ Иракліи II.

На вопросъ предсѣдателя: есть-ли различіе между пшавами и хевсурами? референтъ объяснилъ, что есть діалектическіе оттѣнки въ языкѣ и нѣкоторое различіе въ одеждѣ: хевсуры сохранили болѣе старинный костюмъ. Затѣмъ предсѣдатель замѣтилъ, что въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ пшавовъ ясно вліяніе парсизма (Ростемъ, имя персидскаго царя Кайкауса, вѣрованье о мостѣ и пр.), и наконецъ благодарилъ референта за сообщенныя свѣдѣнія, въ особенности о поэтическихъ произведеніяхъ, при чемъ выразилъ надежду на напечатаніе прочитаннаго сообщенія въ «Этнографич. Сборникѣ», издающемся при Дашковскомъ этнографич. Музеѣ (см. Вып. III, стр. 83 и слѣд.)

7. Ч. о. П. М. Богаевскій представилъ очеркъ быта Вотяковъ, Сарапульскаго уѣзда. Главное занятіе ихъ — земледѣліе. Въ общественномъ отношеніи они дѣлятся на религіозныя общины, при чемъ сохранились явные слѣды родоваго устройства, напр. въ почитаніи особыхъ родовыхъ божествъ, въ сходствѣ названій поселеній и пр. Вотяки живутъ большими, хотя и довольно замкнутыми семьями съ большакомъ (кузе) во главѣ. Обязанность послѣдняго—исполнять религіозные и семейные обряды, и она переходитъ по наслѣдству; въ крайнемъ случаѣ *кузе* избирается. Онъ-же распредѣляетъ работы, распоряжается имуществомъ, но продавать его можетъ только съ согласія семьи. Привязанность Вотяка къ семьѣ и къ дому очень сильна: уходя на долгое время, напр. въ солдаты, онъ зашиваетъ себѣ щепку отъ перекладины изъ своей избы, причемъ, провожая его, подстилаютъ ему подъ ноги матерію. Женщина у Вотяковъ пользуется уваженіемъ и не обременяется тяжкими работами; въ супружествѣ отъ нея требуется физическая сила, здоровье и способность быть хорошею матерью и хозяйкою. Роды совершаются въ банѣ, при чемъ новорожденнымъ даются языческія, банныя имена, а потомъ совершается крещеніе въ церкви. Любовь къ дѣтямъ сильно развита. Сближеніе обоихъ половъ происходитъ главнымъ образомъ на посидѣлкахъ, въ которыхъ не участвуютъ замужнія, такъ какъ отъ нихъ требуется болѣе строгая нравственность. При сватаньи калымъ достигаетъ 50 руб., при чемъ жена, убѣжавшая отъ мужа, возвращаетъ ему калымъ; приданое поступаетъ въ полную собственность жены. Изъ свадебныхъ обычаевъ референтъ отмѣтилъ обрядовое нюханье табаку при сговорѣ, купанье новобрачной, обязательное хожденіе за водой, обрядовое дѣленіе хлѣба. Свекоръ и тесть пользуются особымъ уваженіемъ молодыхъ. На поминкахъ обязательное блюдо — пѣтухъ или курица. Умершіе, по понятіямъ Вотяковъ, ведутъ такую-же жизнь, какую вели и на землѣ. Вотяки отличаются суевѣріемъ, хотя грамотность между ними довольно распространена. Другія черты ихъ характера — скрытность и подозрительность, что не мѣшаетъ имъ быть гостепріимными.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ ЗАСѢДАНІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ.

(Сообщеніе П. Ч. Е. А. Покровскаго).

Характеръ народа безспорно кладетъ свой замѣтный, особый отпечатокъ на весьма многихъ проявленіяхъ общественной и частной жизни особей даннаго народа. Этотъ характеръ между прочимъ сказывается и на дѣтскихъ играхъ, отражаясь въ нихъ тѣмъ рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ дѣти играютъ съ большимъ увлеченіемъ и непринужденностію, а вслѣдствіе того съ большею свободою для проявленія своего національнаго характера. Это впрочемъ и весьма понятно: игра, по существу своему, есть свободное выраженіе душевныхъ и физическихъ силъ ребенка, работающихъ со всей энергіей и заимствуемыхъ въ свою очередь изъ той среды, въ которой они родились. Въ частности обширный міръ дѣтскихъ игръ можно раздѣлить на нѣсколько группъ, изъ коихъ при помощи однихъ дѣти обучаются укрѣпленію и развитію своихъ физическихъ силъ; при помощи другихъ пріучаются къ мышленію; при помощи третьихъ къ развитію и укрѣпленію чувства самопознанія и самосознанія; при помощи четвертыхъ къ воспроизведенію впечатлѣній; при помощи пятыхъ — къ приспособленію себя къ различнымъ видамъ практической дѣятельности въ жизни и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ какъ душевныя, такъ тѣлесныя упражненія совершаются безъ сомнѣнія по мѣрѣ способностей и наклонностей ребенка, а также въ большей или меньшей связи съ культурой и направленіемъ даннаго народа. Тайлоръ въ своей книгѣ о первобытной культурѣ относительно дѣтскихъ играхъ говоритъ слѣдующее: «если мы съ полнымъ вниманіемъ взглянемъ на игры дѣтей и взрослыхъ для этнологическаго изученія, которое мы можемъ извлечь изъ нихъ; то прежде всего насъ поражаетъ то, что многія изъ нихъ суть ничто иное, какъ подражанія серьезнымъ занятіямъ въ жизни. Точно такъ, какъ дѣти въ новѣйшія времена цивилизаціи въ своихъ играхъ обѣдаютъ или идутъ со двора, или ходятъ въ церковь, и дѣтямъ дикарей доставляетъ особое удовольствіе подражать трудамъ, которыми нѣсколько лѣтъ позднѣе имъ придется заниматься серьезно, вслѣдствіе чего игры ихъ на самомъ дѣлѣ составляютъ для нихъ ученіе. Дѣти Эскимосовъ забавляются тѣмъ, что стрѣляютъ изъ маленькихъ луковъ въ цѣль и строятъ маленькія хижины изъ снѣга, которыя они освѣщаютъ кусочкомъ фитиля изъ горѣлки, выпрошеннымъ у матери. Миніатюрные бумеранги и копья принадлежатъ къ игрушкамъ австралійскихъ дѣтей; отцы ихъ до сихъ поръ поддерживаютъ древній обычай брать себѣ въ жены женщинъ, силою похищаемыхъ изъ другого племени, точно также и «игра въ похищеніе невѣсты» принадлежитъ къ обычнымъ играмъ австралійскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ» [1]).—По свидѣтельству Ливингстона, дѣти нѣкоторыхъ африканскихъ негровъ въ своихъ играхъ подражаютъ серьезнымъ работамъ взрослыхъ: строятъ хижины, дѣлаютъ луки, стрѣлы, щиты и копья, разводятъ сады, огороды, ловятъ птицъ и т. д.

На основаніи сказаннаго въ самомъ дѣлѣ позволительно утверждать, что характеръ и жизнь народа кладутъ свой замѣтный отпечатокъ на дѣтскихъ играхъ. Но съ другой стороны нельзя не признать и того, что тѣ игры, посредствомъ которыхъ дѣти занимаются самосовершенствованіемъ и подготовленіемъ себя къ практической жизни, при чемъ большую роль играетъ подражаніе взрослымъ, — въ самомъ дѣлѣ въ состояніи весьма рано вселить

---

[1]) Die Anfänge der Cultur. Von Edw. B. Tylor. A. d. Engl. von Spengel und Poske. I. Leipzig, 1873. S. 72.

въ нихъ наибольшее расположеніе именно къ тѣмъ занятіямъ, къ которымъ они путемъ подражанія привыкли въ своихъ играхъ съ малыхъ лѣтъ. Черногорецъ еще въ колыбель своего новорожденнаго сына кладетъ пистолетъ и ружье, а дочери веретено и прялку. Въ этомъ же родѣ повторяются подарки черногорскимъ дѣтямъ и въ дальнѣйшихъ періодахъ ихъ развитія. Впечатлѣнія, вызываемыя игрушками, какъ символомъ, впослѣдствіи поддерживаемыя и укрѣпляемыя соотвѣтствующими играми, какъ элементарнымъ подражаніемъ серьезнымъ дѣйствіямъ взрослыхъ, въ концѣ концовъ дѣйствительно развиваютъ изъ мужскаго элемента черногорцевъ храбрыхъ воиновъ, а изъ женъ ихъ неутомимыхъ труженицъ по хозяйству. Сѣвероамериканскій краснокожій индіецъ рано знакомитъ своего сына съ орудіями охоты и войны, даря ему вмѣсто игрушки маленькіе луки и стрѣлы, между тѣмъ какъ дѣвочкѣ даритъ безделушки, относящіяся болѣе къ женскому туалету и другимъ средствамъ женскаго кокетства, практикующимся въ этомъ племени. Мальчикъ Гвинейскихъ негровъ получаетъ лукъ, а дѣвочка — палочку для размѣшиванія пищи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ игрушки и игры, безспорно, дѣлаются первыми средствами воспитанія, нерѣдко даютъ первый толчекъ дальнѣйшему направленію, характеру и призванію отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа, а въ этомъ смыслѣ игрушки и игры представляютъ собою по крайней мѣрѣ такое же, если не болѣе важное, образовательное значеніе, согласное съ духомъ народа, какъ народная поэзія, легенды, сказки, поговорки, загадки и т. д.

Не забудемъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельствѣ. Дѣло совершенно обыкновенное, что игра нерѣдко переживаетъ первобытный обычай, котораго она есть только подражаніе. Хорошій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ лукъ и стрѣла. Эти орудія, весьма распространенныя въ древности и у дикихъ народовъ, мы можемъ прослѣдить потомъ въ относительно позднѣйшія и даже новѣйшія времена, напр. у многихъ современныхъ намъ дикарей. Въ свою очередь вездѣ, гдѣ мы находимъ среди дѣтскихъ игръ это оружіе, мы въ правѣ заключить, что оно когда то употреблялось и среди взрослаго населенія даннаго народа, а теперь въ ряду дѣтскихъ игръ осталось только, какъ преданіе. Арбалетъ и праща также соперничаютъ не менѣе значительно съ лукомъ и стрѣлою по своей давности и большому распространенію на землѣ. Къ ряду дѣтскихъ игръ, въ которыхъ сохранились болѣе или менѣе преданія, можно отнести также нѣкоторыя изъ хороводныхъ игръ, отличающихся своего рода обрядностію, напоминающею собою отчасти обряды и обычаи давно прошедшаго времени и давно прошедшей культуры.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ дѣтскія игры, очевидно, могутъ представлять собою немалый матеріалъ для изученія народа съ этнографической и антропологической сторонъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, по страннымъ обстоятельствамъ, дѣтскія игры до сихъ поръ еще не удостоились надлежащаго вниманія серьезныхъ изслѣдователей. Въ настоящее время у насъ есть уже много весьма почтенныхъ историковъ, этнографовъ и другихъ авторовъ, посвятившихъ себя спеціальному изученію той или другой области культурной жизни народовъ; но, къ сожалѣнію, у всѣхъ этихъ авторовъ о дѣтскихъ играхъ или не находимъ ни одного слова, или крайне мало, притомъ сказанное какъ бы вскользь, при случаѣ или по какому нибудь поводу. Спеціальныхъ же сочиненій, посвященныхъ изученію дѣтскихъ игръ, и тѣмъ болѣе серьезныхъ и обстоятельныхъ вообще очень мало. Такое явленіе главнымъ образомъ конечно происходитъ отъ того, что почти всюду до сихъ поръ распространенъ въ сущности весьма узкій и невѣрный взглядъ на дѣтскія игры, представляющіяся инымъ ни болѣе ни менѣе, какъ дѣтскими шалостями, человѣческими заблужденіями и вообще не дозволительными погрѣшностями противъ серьезной стороны жизни. Этимъ оригинальнымъ мыслителямъ, по видимому, ровно нѣтъ никакого дѣла даже до мнѣній относительно игръ лучшихъ педагоговъ и мыслителей всѣхъ временъ, давно утверждающихъ, что игра есть, во-первыхъ, самая естественная и законная потребность дѣтской природы, — во вторыхъ, что въ ней и по ней нерѣдко узнается характеръ и сила ребенка, а иногда даже и цѣлой націи, потому что игра, вообще говоря, составляетъ одинъ изъ моментовъ проявленія духовной и тѣлесной жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго народа; наконецъ, въ третьихъ, что игра сама по себѣ весьма часто кладетъ основаніе характеру, складу и развитію дальнѣйшей жизни человѣка, мало по малу освоивая и совершенствуя его въ тѣхъ пріемахъ, которые практикуются въ игрѣ.

Подчиняясь условіямъ жизни, при которыхъ игры получаютъ то или другое реальное направленіе, не мудрено, что и тѣ игры нашихъ инородцевъ, о которыхъ я сегодня намѣренъ сказать нѣсколько словъ, отличаются немалою своеобразностію, благодаря той особенной средѣ, въ которой онѣ получили первое свое развитіе. Такъ, напримѣръ, Вотяки, Вятской губерніи живутъ въ лѣсахъ одинокими хижинами, или изрѣдка маленькими селеніями. Они промышляютъ охотой на звѣрей, или обработываютъ свои крохотныя польца ради добыванія насущнаго хлѣба. При такихъ условіяхъ жизни все вниманіе членовъ семьи поглощено заботами о завтрашнемъ днѣ, причемъ очевидно ни взрослымъ, ни дѣтямъ въ обыденные дни не до увеселеній, или игръ. Нельзя однако сказать, чтобы Вотяки вовсе лишены были наклонности къ увеселеніямъ: они охотно устраиваютъ себѣ таковыя, но только весьма рѣдко, а именно въ нѣкоторые большіе праздники или по окончаніи полевыхъ работъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ изъ Вятской губерніи, наиболѣе чтимыми праздниками Вотяковъ считаются: Пасха, которая, кстати сказать, празднуется у нихъ съ вечера послѣ бани въ нашъ великій четвергъ, потому что Вотяки вмѣсто воскресенья и до сихъ поръ празднуютъ пятницу; затѣмъ они празднуютъ Троицынъ и Петровъ день. Празднованія эти состоятъ въ томъ, что къ празднующимъ пріѣзжаютъ, или приходятъ гости цѣлыми семьями, неисключая изъ того числа ни старыхъ, ни малыхъ, ни слѣпыхъ, ни хромыхъ, ни дѣтей грудныхъ, ни едва ползающихъ. Всѣ эти гости ходятъ, ползутъ, перенашиваются изъ дома въ домъ, насыщаются здѣсь до объядѣнія однообразною, неизысканною пищею и напиваются до опъяненія самодѣльными напитками.

Во время полевыхъ работъ Вотяки, по своему коренному обычаю, выходятъ на работу цѣлыми семьями, — старъ и младъ, годный и негодный къ работѣ—и всѣ безъ исключенія обязаны копошиться около работающихъ. По окончаніи полевыхъ работъ осенью они устроиваютъ себѣ своеобразную пирушку, въ которой принимаютъ участіе опять таки всѣ члены семьи до единаго и состоящую въ томъ, что всѣ они отправляются въ луга вблизи селеній, пьютъ тамъ доморощенныя напитки (кумычину), поютъ пѣсни, играютъ въ огарыши (въ родѣ нашихъ горѣлокъ) и только передъ утромъ слѣдующаго дня возвращаются домой.

Благодаря такой тѣсно сплоченной жизни Вотяковъ всѣхъ возрастовъ, дѣти ихъ, очевидно, тоже почти не имѣютъ возможности собираться отдѣльно отъ семьи, для какой либо спеціальной игры, вслѣдствіе чего между ними нерѣдко можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя во всю свою жизнь не видали ни одной игрушки и не участвовали ни въ одной дѣтской игрѣ, или же такихъ, которыя довольствовались самыми обыденными самодѣльными дудками и свистульками. Только дѣти тѣхъ Вотяковъ, которые перемѣшиваются, или живутъ въ одномъ селеніи съ русскими, отчасти заражаются расположеніемъ къ дѣтскимъ играмъ послѣднихъ; однако и здѣсь дѣти эти не безъ странностей. Такъ вотскія дѣти охотно играютъ съ русскими или промежъ себя въ козны (бабки) и другія игры, не требующія большой ловкости, силы и подвижности; что же касается игры въ мячъ и городки, то этой премудрости они никакъ не могутъ побѣдить, а потому обыкновенно и не любятъ ихъ. Вторая странность вотскихъ дѣтей состоитъ въ томъ, что они вообще не любятъ общественныхъ или публичныхъ игръ, а предпочитаютъ имъ игры келейныя, о которыхъ скажемъ ниже. Главнѣйшая причина нерасположенія дѣтей помянутыхъ инородцевъ къ общественнымъ или открытымъ играмъ та, что ихъ не любятъ старшіе, воспитанные въ смыслѣ постояннаго, неразрывнаго единенія всѣхъ членовъ семьи, а потому обыкновенно никогда и недозволяющіе добровольно отлучку дѣтей изъ дома для игръ. Тѣмъ не менѣе соблазнъ беретъ свое и вотъ въ селеніяхъ, смѣшанныхъ съ русскими, вотскія дѣти часто убѣгаютъ для игръ въ какія нибудь уединенныя мѣста и даже по ночамъ, когда старики ложатся спать, и играютъ здѣсь до утра. Особенный соблазнъ въ этомъ отношеніи для вотскихъ дѣтей составляютъ увеселенія и игры въ нѣкоторые русскіе праздники, напримѣръ, во время Святокъ, катаніе съ горъ, во время масляницы,—катанье на лошадяхъ, во время Святой—катанье яицами, качели и т. д. Замѣчательно, говорятъ бытописатели Вятской губерніи, что въ то время, когда русскія дѣти и молодежъ, вполнѣ натѣшившись за день, въ упомянутые праздники, уходятъ по домамъ спать, вотскія дѣти и подростки въ это время только что являются на потѣхи и тѣшатся здѣсь на разные лады вплоть до утра.

Изъ характерныхъ вотскихъ игръ Вятской губерніи заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Игра въ *лодыжки* (мелкія овечьи кости). Для этой игры, которой вотскія дѣти и подростки обыкновенно предаются до полнаго самозабвенія,—они забираются въ какую нибудь отдаленную избушку въ селеніи ночью и съ азартомъ играютъ въ нее до утра, большею частію на деньги. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: игроки складываютъ въ одно мѣсто по одной или по двѣ лодыжки отъ каждаго и бросаютъ ихъ на столъ. Одинъ изъ игроковъ, по заранѣе установленной очереди подбиваетъ пальцемъ одну въ другую тѣ лодыжки, которыя лягутъ на столѣ вверхъ горбиной (кыминь). Если подбитая лодыжка задѣла намѣченную, то она считается выигранною и берется игрокомъ себѣ; затѣмъ онъ подбиваетъ другія такимъ же образомъ до тѣхъ поръ, пока не выбьются всѣ лодыжки, лежащія горбами кверху. Потомъ тотъ же игрокъ, если не дѣлалъ промаха, собираетъ лодыжки въ горсть, снова бросаетъ ихъ на столъ и снова выбиваетъ пальцемъ упавшія вверхъ горбами. Если же игрокъ промѣтился, то очередь метать лодыжки на столъ и выбивать ихъ переходитъ ко второму игроку, потомъ къ третьему и такъ до окончательнаго разбора всѣхъ лодыжекъ.

Г. Безденежныхъ описываетъ очень оригинальную дѣтскую игру другихъ инородцевъ Вятской губерніи — Черемисъ, — игру извѣстную подъ названіемъ «Шелчектэны — мудоне» (*щелчки*), состоящую въ слѣдующемъ: берется липовая, или другой породы, палочка въ палецъ толщины, распиливается на отдѣльныя кружечки въ родѣ костяшекъ на канцелярскихъ счетахъ, потомъ кружечекъ раскалывается на половинки.

Половинки называются «сука», суки же, кромѣ общаго названія, имѣютъ особо три прозвища: дырка (комдыкъ), довѣрька (кумукъ) и попъ (шолгалэшъ).

Прозвища сукъ означаютъ:

дырка—ту суку, которая при метаніи ляжетъ вверхъ брюшкомъ;

довѣрька — ту суку, которая при метаніи ляжетъ на брюшко, вверхъ кружкомъ;

попъ—ту суку, которая при метаніи опрокинется стоймя.

Игра составляется изъ четырехъ мальчиковъ; каждому дается по восьми сукъ. Всѣ мальчики, одинъ за другимъ, свои суки метаютъ въ видѣ жеребьевки на попа: у кого больше встанетъ сукъ на попа, тотъ и начинаетъ первый игру. Онъ обираетъ у мальчиковъ всѣ суки въ одну или въ обѣ руки, метаетъ ихъ въ покатъ на столъ съ двухвершковой вышины и разсматриваетъ:—сперва поповъ и выбираетъ ихъ; потомъ пальцемъ щелкаетъ одну дырку, или довѣрьку, такъ чтобы она ударилась съ другою сукою одного прозвища, т. е. съ родною сукою, иначе право игры переходитъ другому мальчику, а первый остается при томъ числѣ сукъ, сколько до этого выщелкалъ и взялъ поповъ.

Изъ ударившихся сукъ одна берется на руки, а если одна изъ нихъ встанетъ на попа, то берутся обѣ суки.

Другой мальчикъ также мечетъ оставшіяся въ наличности суки и выбираетъ сперва поповъ, а потомъ, указаннымъ выше порядкомъ, другихъ сукъ.

Такъ продолжается поочередно всѣми мальчиками до тѣхъ поръ, пока не будетъ розыграны по рукамъ всѣ суки.

Когда при игрѣ остается двѣ суки, то онѣ должны принять отъ метанія родство и удариться щелчкомъ, а если одна изъ нихъ встанетъ на попа, то игрокъ не дѣлаетъ щелчка, а беретъ обѣ суки, по преимуществу, по старшинству поповой суки; не щелкаются двѣ суки и тогда, когда лягутъ не родственно, не парно, напримѣръ—одна брюшкомъ, а другая кружкомъ, а переходятъ для метанія къ другому.

Оставшаяся въ игрѣ одна сука, не выигрывается ни кѣмъ, пока не встанетъ на попа.

При метаніи случается, что одна сука ложится краемъ на другую суку, отчего бываетъ невозможно щелкать ту или другую, а вмѣстѣ обѣ щелкать не допускается; тогда изъ партіи поднимается одна, безразлично, сука и ею ударяются въ разбивку уложившіяся суки до принятія правильнаго лежанія.

Послѣ розыгрыша, всѣ суки въ отдѣльности у игроковъ пересчитываются; у каждаго должно быть свое число: восемь сукъ. Кто имѣетъ большее число противъ восьми, значитъ—имѣетъ выигрышъ; а выигранныя суки раздаются тѣмъ дѣтямъ, у которыхъ не досчитывается свое число. Съ передачею сукъ, выплачиваются мальчику по лбу, или по кисти руки, щелчки по одному за проигранную суку.

Затѣмъ игра возобновляется такъ-же какъ и въ первый разъ и право первометанія дается большинствомъ поповыхъ сукъ.

Отъ этихъ, игръ сѣверныхъ инородцевъ Россіи, перейдемъ теперь къ обозрѣнію дѣт-

скихъ игръ инородцевъ, живущихъ на Кавказѣ. Благодаря обязательной любезности Г. Попечителя Кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго, къ которому я имѣлъ честь обратиться съ просьбою помочь мнѣ въ собраніи данныхъ, по напередъ составленной мною программѣ, относительно дѣтскихъ игръ въ управляемомъ имъ округѣ чрезъ народныхъ учителей, я недавно получилъ отъ К. П. уже цѣлый печатный томикъ, заключающій въ себѣ сборникъ интереснѣйшихъ дѣтскихъ игръ, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа и Закавказья. Игры эти отличаются, во-первыхъ, большимъ разнообразіемъ, во-вторыхъ, большою подвижностію и оживленіемъ. Все это вмѣстѣ указываетъ на то, что игры эти получили свое начало среди народа, любящаго быстроту, ловкость, живую, кипучую дѣятельность, хотя нерѣдко переходящую и въ дикость. Авторъ, описывающій дѣтскія игры въ Грузіи, между прочимъ говоритъ: «игры въ жизни грузинскаго народа занимали не послѣднее мѣсто. Достаточно указать на то, что грузинскія лѣтописи не разъ совѣтуютъ игру въ мячь военнымъ ополченіямъ передъ битвой. Сохранился даже разсказъ, что знаменитая царица грузинская Тамара, стоя на поляхъ Козикіи у мѣстности Карагаджъ, въ ожиданіи громадныхъ татарскихъ полчищъ, устроила игру въ мячъ, гдѣ «*лэло*» (т. е мячъ въ особой игрѣ) досталось ингилойскому молодцу—князю. Нѣкоторыя предмѣстья Тифлиса до сихъ поръ носятъ названія, напоминающія собою нѣкоторыя дѣтскія игры и тѣмъ самымъ свидѣтельствующія, что игры эти въ свое время были въ большомъ ходу въ Грузіи.

Любовь къ играмъ сохранилась впрочемъ у Грузинъ и до настоящаго времени. Въ этомъ можно убѣдиться, посѣщая многочисленныя престольныя празднества грузинскихъ церквей, сопровождаемыя различными общественными увеселеніями и играми. На этихъ празднествахъ простой народъ съ особымъ участіемъ относится къ единоборству, играмъ въ «мземкрело», «перхули», къ разнаго рода перепрыгиваніямъ, скачкѣ и проч. Глядя на эти игры и особенно на участіе къ нимъ окружающей толпы, можно смѣло заключить, что это участіе къ играмъ помимо другихъ причинъ *воспитано* самою грузинскою жизнію *съ дѣтства*».

Лэло и *Мземкрело* принадлежатъ къ числу большихъ грузинскихъ игръ, состоящихъ въ слѣдующемъ:

Лэло. Для этой игры въ былыя времена собиралось цѣлое ополченіе, городъ или деревня и участники дѣлились на двѣ партіи. Каждая партія чертила себѣ городъ. На средину выступалъ священникъ и благословляя мячъ, употребляемый въ этой игрѣ, передавалъ его лучшему игроку или самъ закидывалъ его высоко. Въ это время обѣ партіи бросались на мячъ. Иной молодецъ съ неимовѣрной высоты хваталъ мячъ и какъ стрѣла пускался къ городу своей партіи, но и другая партія не зѣвала, набрасывалась на него и тогда происходила страшная давка. Иногда толпа въ борьбѣ часовъ пять оставалась на одномъ и томъ же мѣстѣ; но вотъ какой нибудь молодецъ вдругъ проскальзываетъ изъ толпы и несется съ мячемъ въ городъ, весь народъ бросается за нимъ. Часто съ утра до вечера продолжалась эта борьба и кто вносилъ мячъ въ свой городъ, тотъ и его партія считались выигравшими игру; тому и доставалось знаменитое «*лэло*». Теперь эта игра уже забывается на Кавказѣ, однако еще и до сихъ поръ отчасти она поддерживается въ Кутаисской губерніи.

Мземкрело. Часть играющихъ составляетъ кружокъ, члены котораго стоятъ ухватившись руками за спины сосѣдей; на этотъ кружекъ становится другой кружокъ играющихъ,—второй ярусъ, для чего каждый изъ послѣдняго ставитъ одну ногу на плечо одного нижняго, а другую на плечо другаго. Стоя такимъ образомъ, верхніе тоже обхватываютъ другъ друга руками и, наконецъ, выше нихъ появляется еще третій ярусъ играющихъ. Вся эта трехэтажная громада подъ аккопаниментъ удалой пѣсни, распѣваемой то однимъ ярусомъ, то другимъ, то третьимъ, начинаетъ двигаться и переставлять ноги въ тактъ. Тактъ болѣе или менѣе учащается и иногда игра такъ разыграется, что у зрителей рябитъ въ глазахъ. Утомившись, члены верхняго яруса бросаются внизъ и ловко становятся на ноги, тоже дѣлаетъ второй ярусъ; тогда самый нижній ярусъ, опустивъ руки по швамъ, начинаетъ кружиться медленнѣе; тутъ бывшіе въ верхнихъ ярусахъ размѣщаются между ними и игра переходитъ въ пляску, такъ называемую «цангана-гогона».

Нѣкоторыя грузинскія игры съ движеніями напоминаютъ собою отчасти наши русскія, напр. такія, въ которыхъ у насъ бьютъ мячъ палкой, а у Грузинъ вмѣсто того бьютъ его рукой и т. д.

Между армянскими играми на Кавказѣ есть также не мало своеобразныхъ, весьма интересныхъ, разсчитанныхъ также на развитіе ловкости, укрѣпленіе тѣла, пріученіе играющихъ къ порядку. Таковы напр. игра въ *Гери* т. е. въ плѣнъ, напоминающая собою въ миніатюрѣ цѣлые маневры дѣтей подростковъ, а иногда даже и взрослыхъ, принимающихъ въ ней участіе. Иногда въ ней принимаютъ участіе болѣе 50 человѣкъ и еще болѣе того собирается зрителей. Въ такихъ случаяхъ вся эта пестрая картина игры представляетъ собою весьма интересное и оживленное зрѣлище.

Изъ греческихъ игръ на Кавказѣ представляетъ собою интересъ игра въ *иволъ*, разыгрываемая дѣтьми Грековъ преимущественно въ Ахалцыхѣ и состоящая въ слѣдующемъ: для игры выбирается ровное, гладкое мѣсто, по срединѣ котораго кладется камень, величиною въ кубическій футъ. Затѣмъ учавствующіе дѣлятся на двѣ партіи по жребію, изъ нихъ одна, также по жребію, признается господствующею. Послѣ того обѣ партіи, отойдя отъ камня въ разныя стороны, на небольшое разстояніе, даютъ сигналъ къ игрѣ и тотчасъ послѣ того члены господствующей партіи пускаются бѣжать къ камню, члены второй—догоняютъ ихъ. Искусство въ игрѣ для первой партіи состоитъ въ томъ, чтобы добѣжать до камня и прикоснуться къ нему, не будучи пойманнымъ противниками. Съ этою цѣлію они прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, а именно: то передъ руками преслѣдующаго на всемъ бѣгу вдругъ присѣдаютъ, чтобы этотъ не имѣя возможности сразу остановиться, пробѣжалъ мимо; то вдругъ не жданно повертываются въ какую либо сторону и т. д. Но если бѣгущій пойманъ, то его связаннаго уводятъ въ плѣнъ. По окончаніи перебѣжки сводятъ счетъ пойманнымъ и если число ихъ превышаетъ число прикоснувшихся къ камню, тогда господство въ игрѣ достается второй партіи, въ противномъ случаѣ игра разыгрывается въ томъ же порядкѣ. Игра эта, очевидно, не требуетъ никакихъ особыхъ приготовленій, кромѣ камня, но въ тоже время она весьма занимательна для дѣтей, сопровождается большимъ весельемъ и въ концѣ концевъ весьма полезна для физическаго развитія дѣтей.

Въ татарскихъ селеніяхъ, гдѣ бы они ни находились, весной, по стаяніи снѣга, предъ посѣвомъ хлѣба и именно овса, по свѣдѣніямъ бытописателей, устраиваются особыя празднества съ игрищами, называемыя *Сабанъ* и состоящія въ особаго рода состязаніяхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе главнымъ образомъ взрослые, но въ которыхъ не отказывается и дѣтямъ. Состязанія, напр., состоятъ въ единоборствѣ, послѣ котораго побѣдителю выдается какая нибудь премія, напр., ситцевый платокъ. Чаще всего состязаніе состоитъ въ бѣгствѣ, при чемъ человѣкъ пять, или десять разомъ бѣгутъ отъ условленнаго мѣста на извѣстную дистанцію, равняющуюся для взрослыхъ иногда верстамъ двумъ, и оттуда возвращаются назадъ. Кто прибѣжитъ первый, тому выдается въ видѣ преміи ситцевая рубашка, второму—платокъ,—остальнымъ ничего не выдается. Взрослые татары кромѣ того не рѣдко устроиваютъ состязаніе въ бѣгѣ на лошадяхъ; на долю дѣтей эта честь рѣдко достается.

Въ нѣкоторыхъ прежнихъ рефератахъ своихъ о дѣтскихъ играхъ, на основаніи собраннаго матеріала я имѣлъ честь показать, что между дѣтскими играми разныхъ народовъ есть не мало общаго между собою, что съ одной стороны можетъ указывать на когда то бывшую, довольно близкую связь между собою различныхъ народовъ,—съ другой—на большое сходство потребностей дѣтской натуры у разныхъ народовъ.

Въ сегодняшнемъ рефератѣ мы имѣли въ виду главнымъ образомъ показать, что помимо игръ, общихъ почти всѣмъ народностямъ, существуютъ еще цѣлые ряды игръ, значительно различающихся между собою, смотря по народностямъ, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, а въ этомъ отношеніи, полагаю, онѣ заслуживаютъ немалаго вниманія со стороны этнографовъ и антропологовъ, прямо какъ факты, которые составляютъ интересъ ихъ обычныхъ научныхъ изысканій.

Замѣтки о юридическомъ бытѣ Татовъ.

(Сообщеніе н. ч. М. М. Ковалевскаго).

Предметомъ моего сообщенія будутъ нѣкоторыя данныя о юридическомъ бытѣ совершенно неизслѣдованной кавказской иранской народности, съ представителями которой мнѣ привелось познакомиться нынѣшнимъ лѣтомъ. Я разумѣю Татовъ, часть которыхъ живетъ

въ Дагестанской области, въ окрестностяхъ Дербента, тогда какъ другая занимаетъ нѣкоторыя селенія Бакинской губерніи въ уѣздахъ Бакинскомъ, Шемахинскомъ и Кубинскомъ. Тѣ данныя, съ которыми я познакомлю Отдѣлъ, собраны въ селеніи Сураханы отъ 76 лѣтняго старика Оджамъ-Алигулы-Оглы. Считаю нужнымъ предупредить, что въ своемъ сообщеніи я не имѣю коснуться: ни вопроса о происхожденіи Татовъ, ни вопроса объ особенностяхъ татскаго языка, такъ какъ оба они доступны лишь для филолога. То и другое ихъ рѣшеніе даетъ несомнѣнно ключъ къ объясненію и тѣхъ особенностей въ юридическомъ бытѣ Татовъ, о которыхъ я буду говорить сегодня. До поры до времени вопросъ объ источникѣ обычнаго права Татовъ долженъ остаться открытымъ.

Какъ и можно было ожидать, общественное устройство Татовъ представляетъ много общихъ чертъ съ тѣми, какія могутъ быть отмѣчены у ихъ сосѣдей, плоскостныхъ татаръ и дагестанцевъ. То же господство кровнаго начала, та же жизнь большими семьями, та же общность если не родового, то семейнаго владѣнія, тотъ же принципъ родового возмездія и тому подобное. Но особенность изучаемаго нами обычая лежитъ въ томъ, что указанныя черты выступаютъ лишь на правахъ *переживаемыхъ*, парализованы въ своемъ проявленіи одновременнымъ господствомъ государственнаго начала, которое терпитъ ихъ по стольку, по скольку онѣ не противорѣчатъ преслѣдуемымъ имъ самимъ цѣлямъ, но, съ другой стороны, восполняетъ ихъ дѣйствія *собственными* нормами, нерѣдко стоящими въ полномъ съ ними противорѣчіи. Отсюда та раздвоенность, та несогласованность частей, какую представляетъ собою юридическая система Татовъ; та возможность отнесенія ея одновременно по *нѣкоторымъ* признакамъ къ раннимъ проявленіямъ общественности и права, а по *другимъ*—къ эпохѣ выработанности и законченности послѣднихъ.

Для сравнительнаго изученія народныхъ обычаевъ, бытъ Татовъ интересенъ съ этой именно стороны, такъ какъ, знакомясь съ ними, мы становимся лицомъ къ лицу съ тѣмъ процессомъ воспріятія возникающей государственности устарѣлыхъ началъ родоваго общенія, которымъ объясняется присутствіе въ древнемъ правѣ народностей, стоящихъ уже на государственной ступени общежитія, такихъ порядковъ, источникъ которыхъ слѣдуетъ искать въ предшествующихъ ей стадіяхъ развитія. Къ числу *архаическихъ* чертъ быта Татовъ надо отнести не только фактъ нерѣдкаго сожитія у нихъ въ общей саклѣ четырехъ или пяти женатыхъ братьевъ, но и то обстоятельство, что на ряду съ дагестанскими народностями племя это придерживается строгихъ началъ *эндогаміи*. Самымъ почетнымъ считается бракъ на родственницѣ и за тѣмъ уже бракъ на односельчанкѣ. Въ брачномъ правѣ можно отмѣтить много небезъинтересныхъ подробностей, бросающихъ свѣтъ на происхожденіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ видовъ подарковъ, которыми сопровождается заключеніе супружескаго союза у различнѣйшихъ народностей земнаго шара. Укажу, напримѣръ, на существованіе, такъ называемыхъ «*молочныхъ денегъ*» или въ буквальномъ переводѣ «цѣны за молоко груди»—«Сютъ бага» по адербейджански; этотъ платежъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 20 рублей, производится родителями жениха въ пользу матери невѣсты и, какъ показываетъ само названіе, имѣетъ своимъ источникомъ тѣ первоначальныя заботы, которыя мать проявляетъ по отношенію къ дочери. Небезъинтересны также и тѣ взносы въ скромномъ размѣрѣ одного рубля, какіе мужъ дѣлаетъ какъ новобрачной, такъ и приводящимъ ее въ спальню двумъ старухамъ, притомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда новобрачная — дѣвственница. Производству этихъ платежей предшествуетъ символическое дѣйствіе, которымъ мужъ какъ бы вступаетъ въ обладаніе своей женой,—именно общераспространенный обычай — *снимать съ нея покрывало*, за которымъ и слѣдуетъ уплата ей одного рубля. Въ «Первобытномъ правѣ», я старался установить тотъ взглядъ, что въ отличіе отъ приданаго «утренній даръ» или, такъ называемый «Morgen Gabe» есть платежъ за дѣвственность. Такой взглядъ стоитъ въ противорѣчіи съ господствующимъ ученіемъ, которое въ немъ видитъ особенность германской народности, и объясняетъ существованіе его психическими особенностями послѣдней. Чтобы обосновать мой взглядъ, мнѣ необходимо было привесть рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе «утренняго дара» и внѣ германскаго міра и притомъ повсюду въ такой обстановкѣ, которая невольно наводитъ на мысль о происхожденіи его изъ платежа за дѣвственность. Обычаи Татовъ даютъ намъ возможность пополнить этотъ перечень фактовъ, та-

кими подробностями, которыя, кажется, не оставляютъ произвола для инаго толкованія. На ряду съ своего рода «утреннимъ даромъ», мы встрѣчаемъ у Татовъ и *приданое* въ его *архаической* формѣ—платежа, производимаго *не* родителями невѣсты, а женихомъ и его родными; аналогія съ древнегерманскими порядками бросается въ глаза, и теорія происхожденія приданаго изъ «платы за невѣсту»,—платежа дѣлаемаго ея роднымъ, а затѣмъ поступающаго въ ея пользу, находитъ такимъ образомъ новое фактическое подтвержденіе. На болѣе архаическіе порядки—именно заключеніе брака путемъ увоза невѣсты—указываетъ тотъ фактъ, что въ теченіе, обыкновенно, первыхъ двухъ лѣтъ, слѣдующихъ за бракомъ, мужъ тщательно скрывается *отъ родителей* невѣсты. Въ свою очередь тотъ обычай, что въ первые годы слѣдующіе за свадьбой, *братъ* мужа избѣгаетъ встрѣчи съ его женой, не долженъ говорить съ ней ни слова и даже видѣть ее иначе, какъ только съ покрываломъ на лицѣ, допускаетъ, быть можетъ, то же объясненіе, что и всякаго рода искусственныя мѣры, принимаемыя противъ снохачества и деверства. Я разумѣю предотвращеніе того сближенія, при которомъ первоначальная форма братской поліандріи, столь распространенной еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Азіи и въ томъ числѣ въ Тибетѣ, могла бы имѣть мѣсто.

Если отъ общественнаго устройства и брачнаго права перейти къ характеристикѣ имущественныхъ отношеній Татовъ, то придется оставить всякую мысль объ обнаруженіи въ немъ какихъ-либо архаическихъ чертъ.

Общинное владѣніе не только родовое, но и сельское, не только пахотями, но и угодьями, Татамъ болѣе не извѣстно. Не встрѣчается также въ ихъ юридическомъ бытѣ ни родоваго выкупа, ни предпочтительный выкупки родственниковъ или родовой *преемпціи*. Единственнымъ изъ переживаемыхъ болѣе старинныхъ порядковъ земельнаго пользованія является преимущественное передъ другими право сосѣда на пріобрѣтеніе отчуждаемаго участка. И въ порядкѣ распоряженія семейной собственностью сказывается то же начало индивидуализма. Глава семьи отчуждаетъ и пріобрѣтаетъ собственность по своему усмотрѣнію, не вступая на этотъ счетъ въ обмѣнъ мыслей съ прочими членами семьи, не испрашивая ихъ согласія, какъ это доселѣ считается общимъ правиломъ у сосѣднихъ съ Татами дагестанскихъ народностей. Въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ также сказывается вліяніе чуждое обычаю—вліяніе писаннаго закона магометанъ, озабоченнаго обезпеченіемъ жены на случай развода и пріурочивающаго къ этой цѣли полученное женою отъ мужа приданое, такъ называемое «кибинъ». Какъ общее правило, это приданое до развода остается въ распоряженіи мужа и только номинально числится за женой.

Наслѣдственное право, какъ и у всѣхъ магометанъ, регулируется не обычаемъ, а писаннымъ закономъ. Значительное вліяніе этого закона выступаетъ изъ факта допущенія, такъ называемаго, представительства по наслѣдству, т. е. вступленія *дѣтей* преждевременно умершаго ближайшаго наслѣдника во всѣ права покойнаго. Какъ на пережитокъ болѣе стариннаго обычая, предшествовавшаго по времени дѣйствію шаріата, слѣдуетъ смотрѣть на то правило, по которому *старшему* сыну достается принадлежавшее покойнику оружіе.

Договорное право такъ же не отличается большой оригинальностью и при томъ по той же причинѣ широкаго вліянія, оказаннаго на него писаннымъ закономъ. Слабое проявленіе формализма выступаетъ изъ того факта, что «рукобитіе» при заключеніи договоровъ не имѣетъ большаго значенія и замѣняется фактомъ присутствія непремѣнно двухъ свидѣтелей, обязательность которыхъ признана уже моисеевымъ законодательствомъ и по образцу его шаріатомъ. Запрещеніе процентовъ, обходимое каждый разъ на практикѣ при ссудѣ продуктами, также составляетъ характерную черту религіознаго закона магометанъ. Наконецъ залогъ, съ переходомъ на кредитора права пользованія недвижимою собственностью, есть тотъ самый, какой встрѣчается въ юридическихъ трактатахъ извѣстнѣйшихъ законоучителей ислама.

Не больше оригинальности представляетъ собою и судебное устройство Татовъ. Въ эпоху непосредственно предшествующую русскому владычеству, оно уже насквозь проникнуто было началами государственности, не оставляющими простора для дальнѣйшаго дѣйствія того посредническаго суда, который составляетъ характеристику обществъ, живущихъ самостоятельными родами. Въ отличіе отъ дагестанцевъ, у которыхъ посредники, или такъ называемые «шуакяци» вѣдаютъ и вѣдали вов-

каго рода гражданскія и уголовныя дѣла. Таты за разборомъ своихъ дѣлъ обращались къ назначенному персидскимъ правительствомъ хану или назначеннымъ имъ наибамъ. Постоянные судьи получали и постоянное жалованье отъ правительства; стороны освобождены были отъ тѣхъ взносовъ, которые обыкновенно дѣлаются ими въ пользу посредниковъ. Процессъ хотя и допускалъ, согласно требованію шаріата, доказательство черезъ свидѣтелей, числомъ не менѣе двухъ, но въ то же время отдавалъ предпочтеніе передъ ними очистительной присягѣ, приносимой за отвѣтчиковъ, не родственниками ихъ, а жителями одного съ ними селенія. При этомъ особенное значеніе давалось присягѣ духовныхъ лицъ селенія, такъ что, въ случаѣ ихъ отказа, присяга остальныхъ теряла всякое значеніе.

Наиболѣе интересную сторону юридическаго обычая Татовъ представляетъ ихъ уголовное право, но не потому, что въ немъ можно видѣть требованія *стариннаго* обычая, а потому что оно характеризуетъ то уголовное законодательство, какое примѣняемо было ханами въ предѣлахъ зависимыхъ отъ Персіи кавказскихъ провинцій. Ходячее преданіе признаетъ самихъ Татовъ выходцами изъ Персіи, а принадлежность ихъ къ общераспространенному въ ней шіитскому толку, въ отличіе отъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ татаръ и дагестанцевъ-суннитовъ, отчасти подтверждаетъ это преданіе. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать объ уголовномъ правѣ Татовъ, въ періодъ, предшествующій русскому владычеству, можно прійти къ тому выводу, что персидское владычество не отмѣнило дальнѣйшее дѣйствіе родоваго возмездія, предоставило ему условную свободу проявленія и только восполнило его нѣкоторыми предписаніями, которыя не могли бы найти себѣ мѣсто при господствѣ одного начала самосуда кровныхъ сообществъ.

При господствѣ родоваго быта, какъ я старался показать это въ сочиненіи озаглавленномъ «Современный обычай и древній законъ», преступленіемъ считается всякое дѣйствіе, наносящее *матеріальный* вредъ одному роду членомъ другого рода. Гдѣ нѣтъ матеріальнаго вреда, или этотъ вредъ не носитъ характера ущерба, причиняемаго однимъ родомъ члену другого, тамъ нѣтъ преступленія и нѣтъ слѣдовательно мѣста для возмездія. Отсюда—такія послѣдствія: обиды словесныя, какъ не заключающія въ себѣ матеріальнаго вреда, ложная присяга—по той же причинѣ—и на ряду съ ними покушенія на преступленія, не сопровождающіяся матеріальнымъ результатомъ—оставляются безъ всякаго возмездія. Съ другой стороны, изъ участниковъ преступленія преслѣдуется одинъ матеріальный виновникъ, а не подстрекатели. Далѣе увеличивающія и уменьшающія вину обстоятельства не принимаются въ расчетъ, какъ не различается также случайное, неосторожное или предумышленное дѣйствіе, если послѣдствіемъ ихъ одинаково будетъ причиненіе матеріальнаго вреда. Понятно поэтому, что всѣ предписанія, клонящіяся къ преслѣдованію такихъ дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ матеріальнаго вреда, какъ и всѣ тѣ предписанія, которыми освобождаются отъ отвѣтственности лица виновныя въ *неумышленномъ* его причиненіи, не могутъ имѣть своимъ источникомъ началъ родоваго самосуда. Эти предписанія порождены частью религіозной, частью государственной властью, карающей дѣйствіе за его противорѣчіе съ религіознымъ закономъ, за его грѣховность, или за его несогласіе съ предписаніями, исходящими отъ свѣтской власти.

Имѣя все это въ виду, намъ легко будетъ разобраться въ тѣхъ, разнохарактерныхъ по своему источнику, нормахъ, какія представляетъ уголовное право Татовъ.

Кровная месть допускается имъ, но лишь въ томъ смыслѣ, что государственная власть выдаетъ виновнаго въ руки родственниковъ, предоставляя расправиться съ нимъ по усмотрѣнію, или замѣнить личное возмездіе требованіемъ денежнаго платежа. Въ частности, такая выдача имѣла мѣсто при убійствахъ. Ханъ, удостовѣрившись въ совершеніи самого факта, выдавалъ виновнаго родственникамъ, которые могли или убить его, или взять цѣну за кровь—въ размѣрѣ 400 рублей. Таты называютъ этотъ платежъ «хунъ—багасы», что значитъ «цѣна за кровь» по адербейджански. Въ полномъ соотвѣтствіи съ родовымъ обычаемъ, уголовное право Татовъ требуетъ производства такого платежа и въ томъ случаѣ, когда убійство является неосторожнымъ или случайнымъ; «кровь все же кровь»—такова ходячая въ ихъ средѣ поговорка, какимъ бы образомъ ни совершилось ея пролитіе. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ, уменьшающія вину обстоятельства не принимаются въ расчетъ. Подобно дагестанскимъ горцамъ, Таты подводятъ подъ одну категорію съ убій-

ствомъ такіе факты, какъ прелюбодѣяніе, изнасилованіе и кастрацію и поэтому одинаково во всѣхъ этихъ случаяхъ требуютъ и платы за кровь или «хунъ-багасы». Черта эта, какъ я старался показать въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія «Современный обычай и древній законъ», встрѣчается во всякомъ древнемъ правѣ, которое еще бѣдно категоріями и различіями, и охотно классифицуруетъ тѣ или другія дѣйствія, подводя ихъ подъ небольшое число общихъ типовъ. Этою же чертою, одинаково присущею какъ дагестанскимъ обычаямъ, такъ и уголовному праву Татовъ, объясняется причина, по которой *членовредительства*, какъ отсѣченіе руки, ноги, выколотіе глаза, подводятся подъ половинныя убійства и выкупаются половиннымъ платежемъ за кровь. Къ родовому также источнику можно отнести происхожденіе того обычая, въ силу котораго убійца обязательно удаляется изъ предѣловъ того селенія, въ которомъ живутъ родственники убитаго и становится такимъ же «канлы», какъ въ Дагестанѣ, а также и обычное наказаніе, какому мужъ подвергаетъ невѣрную жену, сажая ее на осла лицомъ ко хвосту, съ бараньими внутренностями на головѣ и прогуливая ее въ этомъ видѣ по улицамъ, при чемъ толпа сопровождаетъ ее ругательствами и забрасываетъ мелкими камнями. Общераспространенность такого обычая по истинѣ изумительна: съ замѣной осла обезьяной или лошадью, мы находимъ его у такихъ разрозненныхъ представителей арійской семьи, какъ индусы или германцы. Религіозное законодательство браминовъ признаетъ этотъ способъ общимъ, къ какой бы кастѣ ни принадлежала невѣрная жена, но совѣтуетъ выбирать обезьяну разной шерсти—черной, бѣлой или рыжей, смотря по кастѣ браминовъ, кшатріевъ или судровъ. Тацитъ, а за нимъ Бонифацій, говоритъ о сажаніи жены на лошадь (въ голомъ видѣ) въ средѣ древнихъ Германцевъ и въ частности у древнихъ Саксовъ. Приведенными нормами уголовнаго права исчерпывается переченъ тѣхъ, источникъ которыхъ можетъ быть отнесенъ къ эпохѣ родового самосуда. Вліяніе религіознаго закона магометанъ и провозглашаемаго имъ открыто jus talionis и на ряду съ нимъ свѣтскихъ предписаній персидскихъ владыкъ сказывается въ цѣломъ рядѣ правилъ, которыми преступленіе произведенное въ предѣлахъ родственной среды не только приравнивается къ тѣмъ, которыя совершаются *чужеродцами* по отношенію другъ къ другу, но и такихъ правилъ, которыми признается преступность умысла и создается цѣлая категорія преступныхъ дѣйствій, некараемыхъ *родовымъ* обычаемъ и заключающихъ въ себѣ оскорбленіе началъ вѣры и нарушенія предписаній, исходящихъ отъ свѣтской власти. На ряду съ расширеніемъ системы преступленій слѣдуетъ размноженіе видовъ наказанія; между ними первенствующее мѣсто принадлежитъ уже не денежнымъ пенямъ, а или такимъ религіознымъ по своему источнику карамъ, какъ побіеніе камнями, или сожженіе отдѣльныхъ членовъ, отсѣченіе рукъ, ногъ и другихъ частей тѣла, обыкновенно ближайшихъ виновниковъ содѣяннаго или такимъ свѣтскимъ исправительнымъ наказаніямъ, какъ сѣченіе, или заключеніе въ тюрьму. Очень важенъ для опредѣленія общаго отношенія законодателя къ дѣйствіямъ, не преслѣдуемымъ родовымъ обычаемъ, тотъ взглядъ, какого онъ держится по отношенію къ отцеубійству и вообще къ убійству ближайшихъ родственниковъ и свойственниковъ. Въ *родовыхъ* обществахъ отцеубійство остается безъ возмездія. Убить виновнаго въ отцеубійствѣ для рода равносильно присоединенію новой утраты къ понесенной имъ уже утратѣ. Интересы рода очевидно не допускаютъ этого; его главная задача—поддержаніе мира въ собственной средѣ—достигается менѣе убыточнымъ средствомъ—именно отверженіемъ убійцы, временнымъ или постояннымъ прекращеніемъ съ нимъ всякаго общенія, далеко невсегда сопровождаемымъ изгнаніемъ или насильственнымъ выселеніемъ. Сванеты, напримѣръ, ограничиваются тѣмъ, что привѣшиваютъ къ шеѣ отцеубійцы ожерелья изъ камешковъ. Пшавы считаютъ его грѣшникомъ и воздерживаются отъ принятія съ нимъ пищи за однимъ столомъ. Осетины идутъ нѣсколько далѣе, удаляя его изъ родственной среды; тоже дѣлаютъ и Дагестанцы. Нигдѣ мы не встрѣчаемся съ фактомъ кровнаго возмездія, съ фактомъ убійства виновнаго. Иное отношеніе къ отцеубійству представляетъ намъ уголовное право Татовъ: карой за него назначалось—отрываніе головы. Въ стѣнѣ дѣлами круглое отверстіе, черезъ которое отцеубійцу заставляли продѣть голову; къ головѣ этой прикрѣпляли веревки, къ свободнымъ концамъ которыхъ привязывали буйволовъ, которыхъ за тѣмъ пускали вскачь. Такія же увеличенныя мѣры наказанія пола-

гались въ случаѣ сыно-и дѣто-убійствъ, и такъ же въ случаѣ убійства мужа женой. Виновниковъ въ убійствѣ новорожденныхъ или взрослыхъ дѣтей, все ровно будетъ-ли то отецъ или мать, побивали камнями, посадивъ ихъ предварительно въ яму. Для братоубійцъ существовалъ особый видъ наказанія; сводили вершины деревьевъ, привязавши къ каждой изъ нихъ по ногѣ, и деревья разводясь разрывали преступника. Виновную въ убійствѣ мужа хватали вилами за груди и такимъ образомъ поднимали на висѣлицу. Эта лѣстница квалифицированныхъ видовъ наказаній за квалифицированныя виды убійствъ заканчивается поголовнымъ истребленіемъ всей семьи виновнаго, неисключая и малолѣтнихъ дѣтей, въ тѣхъ случаяхъ, если жертвою убійцы являлся самъ ханъ.

Сфера наказуемости случаевъ насильственнаго лишенія жизни расширяется еще по той причинѣ, что наравнѣ съ физическимъ виновникомъ, ханы стали призывать къ отвѣту и подстрекателя. Зарывъ его въ землю по поясъ, исполнители приговора оставляли его въ такомъ видѣ на съѣденіе гіенъ. Наконецъ и *покушеніе* на убійство, не влекущее, какъ мы видѣли, уголовныхъ послѣдствій въ эпоху исключительнаго господства родового самосуда, вводится ханами въ категорію преступныхъ дѣйствій. Обыкновенно карой за него является тюремное заключеніе; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и въ частности, при покушеніяхъ на убійство хана, наказаніе тоже, что и за совершенное злодѣяніе.

Обогащая категорію преступныхъ дѣйствій, связанныхъ съ лишеніемъ жизни, ханы въ тоже время сузили ее, выключивъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ отсутствуетъ элементъ злой воли или умысла, какъ то: всякаго рода убійства, совершенныя въ необходимой оборонѣ, убійства прелюбодѣя и изнасилователя, найденнаго на мѣстѣ, въ томъ случаѣ, когда виновникомъ перваго является мужъ, а втораго одинъ изъ близкихъ родственниковъ.

Переходя къ случаямъ членовредительствъ, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ дополненіе къ частнымъ платежамъ, производимымъ въ пользу потерпѣвшихъ, судебная практика хановъ вводитъ еще — лишеніе свободы. Такъ, — за отсѣченіе руки, ноги, носа, уха или выколотіе глаза полагается безсрочное заключеніе на сухой хлѣбъ и теплую воду «тамбе». Въ случаяхъ простыхъ раненій продолжаетъ дѣйствовать прежняя система частныхъ выкуповъ, размѣръ которыхъ возрастаетъ сообразно съ тяжестью раны; тяжелый или легкій характеръ ея зависитъ здѣсь, какъ и въ Дагестанѣ, отъ того, подверглись ли раненію тѣ части тѣла, которыя коранъ предписываетъ омывать предъ молитвою или другія. Простые побои, обыкновенно не наказуемые въ періодъ господства родового самосуда, подлежатъ у Татовъ судебному преслѣдованію и грозятъ виновному тюремнымъ заключеніемъ, срокомъ отъ 20 до 30 дней. Тоже должно быть сказано о словесныхъ обидахъ, наказуемость которыхъ тоже является нововведеніемъ, такъ какъ родовыя сообщества оставляютъ ихъ или совершенно безъ послѣдствія, или признаютъ ихъ преступность подъ условіемъ, чтобы въ обидѣ заключалось указаніе какого нибудь позорящаго факта. Преступленія противъ общественной нравственности, признаваемыя обычаями Татовъ, не отличаются большимъ разнообразіемъ. Внѣбрачное сожитіе съ обоюднаго согласія не влечетъ за собой иного послѣдствія, кромѣ принужденія виновнаго къ браку, если виновнымъ является холостой. Случаевъ кровосмѣшенія, по показаніямъ Татовъ, на практикѣ вовсе не встрѣчалось, что и не удивительно, такъ какъ, при господствѣ эндогаміи, возможность наступленія этихъ дѣйствій крайне ограничена. Кровосмѣсительными фактами считаются только сожитіе съ матерью, сестрой или дочерью, что же касается до сожитія съ вдовою брата, то оно даже одобряется обычаемъ. Категорія преступленій противъ общественной нравственности ограничена еще потому, что къ противоестественнымъ связямъ Таты относятся съ поразительной снисходительностью: за педерастію нѣтъ наказанія, если она совершается съ обоюднаго согласія; въ противномъ же случаѣ, тотъ же платежъ, что и за убійство. Скотоложество же подводится подъ обыкновенные случаи присвоенія чужаго скота, почему и ведетъ къ обыкновенному возмѣщенію убытковъ, т. е. къ уплатѣ цѣнности скотины. Понятно послѣ этого, если преступленія противъ нравственности у Татовъ считается только два: изнасилованіе, не отличаемое отъ растлѣнія, и прелюбодѣяніе. Я сказалъ уже, что убійство виновника въ этихъ двухъ случаяхъ допускается обычаемъ, но, какъ и въ другихъ случаяхъ примѣненія кровной мести, возможенъ выкупъ путемъ уплаты полной цѣны за кровь или «хунъ-багасы».

Если прелюбодѣй не былъ убитъ мужемъ на мѣстѣ, то исполненіе приговора падаетъ уже на общественную власть, которая въ этомъ случаѣ прибѣгаетъ къ нанесенію ему ударовъ по спинѣ доской съ вбитыми въ нее гвоздями, называемой «гадъ». Пытка продолжается до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ смерть. Преступленія противъ собственности сводятся къ тремъ: воровство, поджогъ и мошенничество. Простой обманъ не считается наказуемымъ. Святотатство или кража изъ мечети по характеру налагаемой за него кары должно быть отнесено къ числу религіозныхъ преступленій. Воровство, сверхъ возвращенія похищеннаго, сопровождается еще тюремнымъ заключеніемъ срокомъ отъ одного до шести мѣсяцевъ, при чемъ не принимается во вниманіе ни время его совершенія, ни мѣсто—поле или домъ,—ни существованіе или отсутствіе взлома. Прочіе два вида преступленій противъ имущества наказуются неимовѣрно строго. Мошенника били доской съ гвоздями по спинѣ нерѣдко до смерти. За поджогъ выкалывали глаза и рѣзали обѣ руки, требуя сверхъ того уплаты стоимости егорѣвшаго; такое наказаніе слѣдовало въ томъ случаѣ, если подожженнымъ зданіемъ былъ домъ, въ которомъ въ моментъ поджога не было живущихъ. Наказаніе усиливалось въ противномъ случаѣ; тогда вырѣзывали всю семью поджигателя и въ томъ числѣ грудныхъ дѣтей. Наоборотъ наказаніе падало до простого отсѣченія руки, если огонь былъ подложенъ, напримѣръ, подъ конюшню, или подъ другое зданіе, обыкновенно не служащее жилищемъ.

Преступленіе противъ государства и порядка общественнаго управленія, какъ и преступленія противъ вѣры, отнюдь не могутъ быть отнесены, какъ извѣстно, къ такимъ, наказуемость которыхъ существуетъ уже на *родовой* ступени общежитія. На присутствіе ихъ въ уголовномъ правѣ Татовъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на доказательство его значительной выработанности. Религіозное законодательство мусульманъ есть тотъ источникъ, изъ котораго заимствована карательная мѣра, которой обычай Татовъ грозитъ одинаково какъ за богохульство, такъ и за переходъ въ чужую вѣру, за святотатство и оскорбленіе могилы. Побіеніе камнями всепародно, на площади, предписываемое моисеевымъ законодательствомъ, а за нимъ и кораномъ, такова та кара, которой обычай грозитъ одинаково за всѣ дѣйствія, направленныя противъ вѣры. Небезъинтересна та черта, что преступленіе противъ священнослужителей не приравнивается къ числу религіозныхъ преступленій, и убійство муллы, напримѣръ, наказывается какъ и всякое другое убійство. Что упомянутый видъ наказанія не оставлялся пустой угрозой, а находилъ нерѣдко практическое примѣненіе —на это указываетъ тотъ фактъ, что происхожденіе Баилова Мыса близъ Баку Таты объясняютъ фактомъ зарытія здѣсь подъ камнями многихъ лицъ виновныхъ въ преступленіяхъ противъ вѣры и называемыхъ ими «сангасарами». Иной источникъ имѣютъ тѣ уголовныя кары, всего чаще носящія характеръ членовредительныхъ или тѣлесныхъ наказаній, которыми обычай грозилъ виновникамъ въ преступленіяхъ противъ государства и порядка общественнаго управленія, включая въ число послѣднихъ и тѣ, которыя стоятъ какъ бы на рубежѣ между религіозными и свѣтскими—я разумѣю, лжесвидѣтельство, на первыхъ порахъ вовсе не наказуемое, не потому чтобы оно казалось безразличнымъ, а потому что возмездіе за него ожидали непосредственно отъ Божества.

Во главѣ преступленій противъ государства надо поставить, разумѣется, убіеніе его главы —хана, а тѣмъ болѣе шаха, если бы послѣдній случайно оказался въ предѣлахъ занятыхъ Татами. О характерѣ полагаемаго за него наказанія мы уже имѣли случай говорить. На ряду съ нимъ или нѣсколько ниже нужно поставить государственную измѣну въ тѣсномъ смыслѣ т. е. сношеніе съ непріятелемъ и переходъ къ нему. Это преступленіе подобно лжесвидѣтельству ведетъ за собою примѣненіе начала равнаго возмездія «jus talionis»; такъ какъ предполагается, что виновный совершилъ преступленіе съ помощью рта, выдавъ государственную тайну, или перейдя въ чужое подданство, то ротъ его заливали раскаленнымъ свинцомъ. Такъ какъ ближайшимъ виновникомъ ложнаго свидѣтельства признавался *языкъ,* то у лица, виновнаго въ показаніи на судѣ неправды, вытягивали языкъ щипцами и за тѣмъ подрѣзывали его ножемъ. Тюремное наказаніе, кандалы и палочные удары, удары, такъ называемыми, «безамбечубухъ» (татское слово, которымъ передается понятіе татарскаго «чубухурмихъ») или простой палки— обыкновенныя мѣры взысканія со всѣхъ ослушниковъ правительственныхъ распоряженій, напримѣръ,

неисправныхъ плательщиковъ, а такъ же со всѣхъ лицъ, виновныхъ въ порчѣ общественной собственности, напримѣръ, дорогъ и колодцевъ; съ виновныхъ въ послѣднемъ сверхъ того требовалось исправленіе причиненной ими порчи.

Изъ приведеннаго очерка видно, какъ разнообразно уголовное право Татовъ, какъ разнохарактерно оно по своему источнику, какъ противорѣчиво нерѣдко въ исходныхъ точкахъ отправленія. Эта пестрота и нерѣдкое противорѣчіе его предписаній выступятъ еще съ большей наглядностью, если я скажу въ заключеніе, что Татамъ одинаково извѣстенъ и чисто родовой по своему источнику институтъ — *выпрашиваніе* виновникомъ убійства милости у старшаго представителя оскорбленнаго имъ рода, — обычай доселѣ пользующійся всеобщимъ распространеніемъ среди дагестанскихъ народностей, а также чисто религіозный институтъ убѣжища, въ которомъ каждый преслѣдуемый преступникъ можетъ найти спасеніе. Такимъ убѣжищемъ считается не мечеть, а могила праведнаго человѣка, имама, какъ называютъ его Таты, вполнѣ отвѣчающаго понятію шейха у дагестанцевъ. Легко можетъ статься, что оба эти института — результаты прямого воздѣйствія, оказаннаго на бытъ Татовъ бытомъ сосѣднихъ съ ними народностей.

Заканчивая этотъ очеркъ, я долженъ сказать, что нѣкоторая отрывочность и неполнота сообщенныхъ мною данныхъ объясняется тѣмъ фактомъ, что порядки, о которыхъ шла рѣчь, уже давно отошли въ область преданій. Въ Баку и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ дѣйствуютъ русскія судебныя установленія. Молодое поколѣніе Татовъ почти ничего не умѣетъ сообщить о порядкахъ, предшествовавшихъ русскому владычеству, и далеко не всѣ подробности этихъ порядковъ уцѣлѣли въ памяти пощаженныхъ временемъ стариковъ.

Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ.

(Сообщеніе д. ч. Н. Л. Гондатти).

Въ 1885 году мнѣ удалось побывать въ Сѣверо-Западной Сибири, куда я былъ командированъ съ цѣлію ознакомленія съ антропологическимъ типомъ населенія и для собиранія коллекцій. Путь мой лежалъ чрезъ Нижній, Казань, Пермь, Тюмень на Тобольскъ, Березовъ и Обдорскъ; затѣмъ мною были посѣщены лѣвые притоки Оби: Сѣверная Сосьва съ Сыгвой и правый — Казымь; осмотрѣнъ былъ Уралъ сѣвернѣе истоковъ Печоры и тундра въ различныхъ мѣстахъ. Посѣщенная мною мѣстность не представляетъ изъ себя вполнѣ неизвѣданнаго уголка, особенно главное теченіе Оби, которое посѣщалось уже не разъ разными путешественниками, хотя никто изъ нихъ и не задавался спеціально антропологическими цѣлями; оставивъ поэтому Обь, я знакомился, главнымъ образомъ, все время съ ея притоками съ правой и съ лѣвой стороны, какъ наименѣе изслѣдованными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе сохранившими свои типичныя черты. Изъ этихъ притоковъ меня наиболѣе интересовала Сѣверная Сосьва съ Сыгвой, берущія начало съ Урала и текущія болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ; рѣки эти интересны въ томъ отношеніи, что онѣ, какъ полагаютъ, были въ древности однимъ изъ мѣстопребываній югры. Такъ напримѣръ, по картѣ, приложенной къ Космографіи Себастіана Мюнстера, видно, что югра живетъ на правой сторонѣ отъ Печоры; на картѣ Герберштейна, прямо противъ впаденія Сосьвы показана Югра; далѣе, лѣтописецъ Несторъ подъ 1096 годомъ пишетъ: „Се-же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гурятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. *Югра- же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ*»...; наконецъ, въ книгѣ Большаго Чертежа сказано, что «отъ устья (Оби) вверхъ—обдорскіе города. А выше обдорскихъ городовъ—югрскіе. А выше югрскихъ городовъ—сибирскіе»: и затѣмъ далѣе послѣ перечисленія югорскихъ городовъ, (среди названій которыхъ встрѣчаются и современныя урочища и селенія) сказано: «А тѣ грады по Сосвѣ и Сыгвѣ—Югра».

Населеніе Сѣверо-Западной Сибири въ настоящее время довольно смѣшанное: не говоря про русскихъ и зырянъ, здѣсь сталкиваются три народности: самоѣды, остяки и маньзы, народности, которыя прежде играли гораздо большую роль, чѣмъ это имъ суждено теперь; изъ нихъ остяки населяютъ, главнымъ образомъ, среднее и нижнее теченіе рѣки Оби съ ея притоками и низовья Иртыша; самоѣды живутъ по низовымъ тундрамъ, бродятъ со своими стадами по берегамъ Ледовитаго моря и

его островамъ, а маньзы, извѣстные у прежнихъ писателей подъ именемъ угровъ или югровъ и называемые мѣстными русскими то остяками, то вогулами, составляютъ населеніе рѣкъ Сѣверной Сосьвы и Сыгвы съ ихъ притоками; по типу, языку, обычаямъ и религіи это ничто иное, какъ тѣ вогулы, остатки которыхъ теперь встрѣчаются ввидѣ нѣсколькихъ семей въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. По мѣрѣ приближенія къ востоку, т. е. къ Оби и къ сѣверу, т. е. къ Ледовитому морю, маньзы все болѣе и болѣе теряютъ свою чистоту, такъ какъ на востокѣ замѣчается ихъ смѣшеніе съ остяками, а на сѣверѣ — съ самоѣдами. Слѣды подобнаго смѣшенія видны вообще между всѣми тремя народностями и оно вполнѣ понятно въ виду тѣхъ частыхъ браковъ, которые заключаются между ихъ представителями. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой—одинаковыя условія жизни производятъ то, что въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ одеждѣ, въ принадлежностяхъ домашняго быта, въ типѣ—во всемъ замѣчается между ними много общаго.

Переходя теперь къ описанію слѣдовъ языческихъ вѣрованій у маньзовъ, я долженъ прежде всего оговориться: встрѣтить маньза, который могъ-бы все разсказать про своихъ боговъ, теперь немыслимо: нѣкоторые, особенно молодые, ничего не знаютъ; или разсказываютъ и выдаютъ за свое слышанное когда-либо отъ русскихъ, такъ что все, что слѣдуетъ дальше, мнѣ приходилось слышать не отъ одного лица, а отъ нѣсколькихъ десятковъ разсказчиковъ, и затѣмъ слышанное привести уже болѣе или менѣе въ порядокъ.

Въ настоящее время инородцы Сѣверо-Западной Сибири, за небольшимъ количествомъ низовыхъ остяковъ и самоѣдовъ, всѣ крещены и всѣ считаются христіанами, но въ большинствѣ случаевъ только по имени, потому что по прежнему, почти всѣ безъ исключенія, такъже вѣрятъ въ своихъ боговъ, такъ-же приносятъ имъ жертвы, такъ-же почитаютъ своихъ шамановъ, какъ это они дѣлали до принятія христіанства; вся разница только въ томъ, что теперь они стараются всѣ обряды совершать потихоньку, скрываясь, главнымъ образомъ, отъ духовнаго и свѣтскаго начальства и опасаясь, какъ-бы оно не взыскало и не наложило-бы за это какой - нибудь пени, чего они боятся больше всего. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, женщины, несмотря на свое нѣсколько приниженное состояніе, являются гораздо консервативнѣе и фанатичнѣе мущинъ, на которыхъ даже оказываютъ извѣстное вліяніе въ религіозномъ отношеніи: гораздо скорѣе можно узнать какія-нибудь тайны вѣрованій отъ мущинъ, чѣмъ отъ женщинъ, и это, конечно, зависитъ не отъ ихъ большей словоохотливости, которая составляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ, скорѣе принадлежность слабой половины человѣчества. Изъ добытыхъ свѣдѣній видно, что религіозные взгляды и вѣрованія инородцевъ не представляютъ сбора всевозможныхъ разсказовъ безъ видимой связи; напротивъ, послѣдняя чувствуется вездѣ и если она не для всѣхъ еще достаточно очевидна, то это зависитъ отъ малой разработки вопроса, поспѣшить чѣмъ вообще слѣдуетъ, потому что Сибирскіе инородцы или вымираютъ, или русѣютъ, причемъ забываютъ свой языкъ, свои преданія и обычаи, и, конечно, недалеко уже то роковое время, когда изученіе ихъ будетъ возможно только по описаніямъ, оставленнымъ путешественниками, да по музейскимъ коллекціямъ, которыя, кстати сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за границей гораздо лучше, чѣмъ у насъ—въ Россіи.

При существующемъ многобожіи, при раздѣленіи боговъ на добрыхъ и злыхъ, причемъ представителемъ первыхъ является *яныхъ-торумъ* *)—великій богъ, а представителемъ вторыхъ—*куль*—діаволъ, у инородцевъ незамѣтно, по крайней мѣрѣ теперь, того страха и трепета, который является основнымъ началомъ въ религіяхъ нѣкоторыхъ народностей; у нихъ скорѣе видна какая-то предупредительность по отношенію къ богамъ, смягченіе ихъ гнѣва и часто просто даже подкупъ въ ожиданіи будущихъ благъ различными дарами, приносимыми при всѣхъ мало-мальски выдающихся случаяхъ въ жизни: родится, женится, умираетъ человѣкъ — приносится жертва съ просьбой: то сдѣлать жизнь счастливой новорожденному, то дать побольше дѣтей новобрачнымъ, то приготовить мѣсто получше въ

---

*) Приводимые здѣсь названія взяты изъ языка Маньзовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблены надстрочныя знаки, значеніе которыхъ таково: тире указываетъ, что извѣстная гласная буква произносится какъ долгая; запятая, поставленная надъ буквой *х* показываетъ, что это *х* произносится чуть слышно; таже запятая, поставленная надъ *н* служитъ указаніемъ на носовое произношеніе этого звука, напоминающее отчасти произношеніе, напримѣръ, французскаго слова—*oncle*.

будущей жизни; идетъ инородецъ на охоту, на рыбную ловлю, онъ дѣлаетъ съ богами договоръ: «если убью три соболя, то одного тебѣ; если шесть, то двухъ; если тоня будетъ удачная, то самую большую рыбу получишь ты, иначе ничего не дамъ» и т. д., все въ томъ-же родѣ.

Правда, *яныхъ—торумъ* и одинъ изъ его сыновей *міръ сусиэ хумъ*, завѣдывающій людьми, всесильны и могутъ все сдѣлать съ ними, но они добры и справедливы, а *куля* всегда можно подкупить; этимъ отчасти объясняется и то обстоятельство, что изображенія, обыкновенно дѣлаемыя изъ металла или изъ дерева, и составляющія необходимую принадлежность каждой семьи и хранимыя въ особомъ сундукѣ, иногда выкидываются или замѣняются новыми, если они плохо работали и мало помогали своему хозяину. Подобныя изображенія дѣлаются или самими инородцами, причемъ часто ими одѣваются въ разныя одежды, но преимущественно завертываются въ головные платки, или пріобрѣтаются у русскихъ и зырянъ, причемъ характеръ ихъ вообще довольно разнообразенъ: то они представляютъ изъ себя ничто иное, какъ простыя дѣтскія игрушки, то нарочно по заказу сдѣланныя или купленныя на Ирбитской ярмаркѣ изображенія животныхъ, въ которыхъ боги, въ случаѣ необходимости, могутъ превращаться; такъ напримѣръ, въ Сома-паулѣ почитаютъ изображеніе гагары (Colymbus Septentrionalis) въ Аныевскихъ юртахъ — чайки (Lavus ichtyactus), въ Тоболдинскихъ — лягушки, и т. д.; особенно почитается изображеніе коня, такъ какъ на немъ *міръ сусиэ хумъ* каждую ночь объѣзжаетъ всю землю и смотритъ, все-ли въ порядкѣ.

Кромѣ боговъ главныхъ: *корсъ-торумъ*—родоначальника всѣхъ боговъ и *яныхъ—торумъ* или *нуми-торумъ* (иначе еще *войканъ-торумъ*) съ его сыновьями, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ особенное назначеніе, существуетъ еще цѣлая плеяда второстепенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются богами личными, другіе семейными и родовыми; поэтому около всякаго отдѣльнаго жилья и особенно около цѣлыхъ селеній всегда бываютъ особыя мѣста, посвященныя чествованію того или другого бога, гдѣ приносятся жертвы и гдѣ хранятся его богатства. Въ подобныхъ мѣстахъ очень нерѣдко можно увидать нѣсколько высокихъ шестовъ, вбитыхъ въ землю и увѣнчанныхъ на верху лоскутками, шкурками, блестящими бездѣлушками и тому подобными предметами. Шесты эти, изъ которыхъ средній самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ, причемъ средній всегда соотвѣтствуетъ *яныхъ-торумъ*, сосѣдній справа *сянъ торумъ* и слѣва—*міръ сусиэ хумъ*; другіе шесты, ежегодно мѣняемые, посвящены другимъ богамъ; по бокамъ тянутся скамейки, между которыми въ землѣ есть помѣщеніе для варки пищи въ котлахъ; кругомъ валяются кости, остатки траневы, маленькія лопаточки, которыми ѣдятъ, и т. д. Что-же касается до мѣста обитанія главныхъ боговъ, то оно у нихъ всегда находится въ опредѣленныхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются за нѣсколько сотъ верстъ инородцы, чтобы поклониться и сдѣлать извѣстнаго рода приношенія; но этимъ обыкновенно дѣло еще не ограничивается, такъ какъ существуютъ особые сборщики добровольныхъ даяній, которые, съ открытія навигаціи, снаряжаютъ лодки и ѣдутъ по Оби и ея притокамъ собирать шкурки и разные предметы въ пользу того бога, богатствами котораго они завѣдуютъ. Въ прежнее время, когда инородцы не были такъ испорчены, какъ теперь, тогда, дѣйствительно, все жертвуемое хранилось въ сараяхъ, принадлежавшихъ тому или другому богу, гдѣ шкурки и другія подобныя вещи истлѣвали, а серебро и мѣдь оставались цѣлыми въ теченіе столѣтій; теперь-же большая часть жертвуемаго попадаетъ въ руки русскихъ и зырянскихъ торговцевъ, которые никогда не прочь купить по дешевой цѣнѣ старое серебро и новыя шкурки; обманъ жертвователей тѣмъ болѣе легокъ, что мѣстонахожденіе хранилищъ жертвуемыхъ вещей скрывается отъ всѣхъ и только одни сборщики да очень небольшое число постороннихъ лицъ знаютъ, гдѣ оно находится; въ послѣднее время вслѣдствіе указанной причины, вслѣдствіе общаго обѣдненія инородцевъ и вслѣдствіе тайнаго ограбленія зырянами и русскими, запасы подобныхъ хранилищъ стали очень малы, но было время, и даже не далѣе какъ въ пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годахъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили по сотнямъ разныхъ шкуръ и по десяткамъ пудовъ стараго серебра; подобные запасы имѣли большое значеніе въ жизни инородцевъ въ случаѣ несчастныхъ происшествій какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ родовъ, такъ какъ изъ нихъ можно было брать заимообразно какое-угодно количе-

ство вещей съ тѣмъ, понятно, чтобы потомъ, при улучшеніи условій, все возвращалось обратно съ извѣстнымъ увеличеніемъ. Они, такимъ образомъ, играли роль ссудныхъ учрежденій, освященныхъ только религіозными взглядами; говорить о пользѣ этого, конечно, излишнее, и вотъ почему многія бѣдствія — падежъ скота, плохая охота, отсутствіе рыбы и звѣря, болѣзни, и т. д., прежде не имѣли такого пагубнаго значенія, какъ это наблюдается нерѣдко теперь.

Не смотря на извѣстную простоту отношеній между богами и инородцами, выражающихся, главнымъ образомъ, въ жертвоприношеніяхъ, между тѣми и другими существуютъ посредники ввидѣ жрецовъ-шамановъ, званіе которыхъ обыкновенно переходитъ по наслѣдству не только по мужской, но и по женской линіи. Прежде шамановъ было гораздо менѣе, чѣмъ теперь: такъ лѣтъ 80 тому назадъ на Сыгвѣ и Сѣверной Сосьвѣ былъ только одинъ, который и разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, а теперь ихъ восемь. Эти шаманы представляютъ изъ себя, по мнѣнію инородцевъ, людей, болѣе угодныхъ богамъ, чѣмъ остальные, и просьбы которыхъ поэтому могутъ быть скорѣе удовлетворены. Обыкновенно шаманы еще съ малолѣтства выказываютъ нѣкоторыя отличительныя черты сравнительно съ другими дѣтьми, что преимущественно выражается въ большей воспріимчивости, въ большей впечатлительности и вообще въ большей нервности; иногда они страдаютъ припадками падучей болѣзни, приступы которой однако объясняются общеніемъ съ богами; прежде, да даже и теперь иногда, между шаманами встрѣчаются люди искренно убѣжденные и вѣрующіе во все то, что они продѣлываютъ во время припадковъ или въ другіе моменты своей жизни и смотрящіе на это, какъ на проявленіе божественной силы; но съ каждымъ годомъ число такихъ лицъ уменьшается и они замѣняются извѣстными шарлатанами, которые, пользуясь довѣрчивостью инородцевъ, обманываютъ ихъ, обираютъ и живутъ вслѣдствіе этого гораздо лучше остальныхъ людей своей народности, что, главнымъ образомъ, теперь выражается въ большемъ количествѣ выпиваемой водки. Между шаманами рѣдко встрѣчаются дряхлые старики, потому что имъ трудно было-бы исправлять свои обязанности, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ приношеніи жертвъ, въ лѣченіи больныхъ, въ гаданіи и узнаваніи будущаго и воли боговъ; при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, если только присутствуетъ шаманъ, а иногда они бываютъ безъ него, онъ играетъ первенствующую роль: убиваетъ жертвенное животное, рѣжетъ его на части, собираетъ кровь, кормитъ изображенія боговъ, т. е. мажетъ имъ губы кровью и ставитъ передъ ними на нѣкоторое время берестяныя или деревянныя чашки съ мясомъ, которое затѣмъ съѣдаетъ самъ-же съ помощью присутствующихъ, и вообще онъ начинаетъ и оканчиваетъ торжество; здѣсь же происходитъ часто и гаданье о разныхъ вопросахъ, имѣющихъ значеніе въ жизни инородца—о количествѣ звѣря, птицы и рыбы, объ охотѣ, о лѣсныхъ пожарахъ, и т. д. На Оби у шамановъ бываютъ почти всегда помощники или ученики, которые продѣлываютъ обыкновенно все то, что дѣлаетъ самъ шаманъ, но у маньзовъ этого нѣтъ. Жертвоприношенія бываютъ случайныя и постоянныя: первыя находятся въ зависимости отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ и отъ большаго или меньшаго усердія инородцевъ, между тѣмъ какъ вторыя являются обязательными и совершаются обыкновенно: весною—передъ началомъ рыбной ловли; ранней осенью—послѣ ея окончанія; поздней, осенью передъ отправкой на зимнюю охоту и затѣмъ по возвращеніи съ нея, и въ другихъ, тому подобныхъ, случаяхъ.

При жертвоприношеніяхъ обыкновенно присутствуютъ только одни мущины, а женщины нарочно удаляются подальше отъ священнаго мѣста, гдѣ совершается обрядъ; развѣ только жертва приносится дома, когда и женщинамъ разрѣшается оставаться. Жертвы состоятъ изъ оленей, а если есть какая-нибудь возможность достать лошадь, часто даже за большія деньги, то изъ нея; послѣдняя жертва считается наиболѣе пріятной богу, да и самому инородцу, такъ какъ при всѣхъ жертвоприношеніяхъ богамъ собственно достается только запахъ да паръ отъ дымящейся крови и сочнаго мяса, а все остальное съѣдается самими жертвователями, для которыхъ лошадиное мясо представляетъ лакомый кусочекъ, тѣмъ болѣе пріятный и дорогой, что онъ бываетъ очень рѣдокъ: лошадей приходится приводить или изъ-за Урала, или съ средняго теченія Оби, что, понятно, соединено съ большими хлопотами и затрудненіями.

Жертвенное животное, преимущественно бѣлаго цвѣта, (темнаго не любятъ боги) или душится, или рѣжется, или убивается просто

ударомъ дубины по головѣ, причемъ нерѣдко бываетъ, особенно съ лошадьми, что ихъ еще живыхъ колютъ слегка ножами, собираютъ вытекающую кровь, пьютъ ее и это продолжаютъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока животное не умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Если жертву—большею частью оленя—приносятъ въ жильѣ, то по стѣнамъ развѣшиваютъ шкурки, лучшія одежды, а оленя мордой ставятъ къ нарочно вынутому изъ его постоянного хранилища шайтану, (гдѣ-нибудь въ сараѣ, если онъ большой), котораго вносятъ и выносятъ, какъ и покойника, не чрезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе; если-же жертва приносится на воздухѣ, то на нее накидывается одежда, и въ томъ случаѣ, когда она общественная, а не частная, на шею животному набрасываютъ петлю, которую всѣ тянутъ къ себѣ, чтобы показать, что и они принимаютъ участіе въ жертвоприношеніи; затѣмъ въ томъ случаѣ, если жертва приносится яныхъ-торумъ, то, по окончаніи всѣхъ приготовленій, всѣ громко вскрикиваютъ до трехъ разъ (когда жертву приносятъ другому богу, то этого не дѣлаютъ) и при послѣднемъ разѣ животное бьютъ чѣмъ-нибудь тяжелымъ, напримѣръ, обухомъ топора по головѣ—лошадь спереди, а оленя сзади; передъ этимъ крикомъ и затѣмъ во второй разъ передъ ѣдой мяса обыкновенно шаманятъ: просятъ о чемъ-нибудь или спрашиваютъ про что-нибудь.

При служеніи шаманы не надѣваютъ особаго костюма, а только имѣютъ на головѣ небольшую шапочку ввидѣ колпака, сшитую изъ кусочковъ разноцвѣтнаго сукна, да въ рукахъ бубенъ, по которому по временамъ ударяютъ особой палкой, обтянутой шкуркой какого-нибудь звѣрька; этотъ бубенъ дѣлается преимущественно изъ лосиной кожи, иногда изъ оленьей и даже собачьей, натянутой въ сыромъ видѣ на обручъ, шириною въ два-три вершка и въ діаметрѣ до аршина и болѣе; сырая кожа при высыханіи плотно обхватываетъ обручъ, затѣмъ она еще слегка пришивается къ ободку, къ которому прикрѣпляютъ еще кольца, цѣпочки, бубенцы и вообще разные предметы, издающіе звукъ; съ внутренней стороны вставляются накрестъ двѣ палки, при помощи которыхъ бубенъ и держится въ рукѣ; при сильныхъ и быстрыхъ движеніяхъ, производимыхъ шаманами во время призыванія боговъ, всѣ погремушки гремятъ, самъ бубенъ, при ударѣ въ него, издаетъ отчетливый рѣзкій звукъ, особенно если предварительно его подержать нѣсколько времени надъ огнемъ; и вотъ эти-то звуки пріятны богамъ и на нихъ-то они идутъ сообщать свою волю качающемуся часто подъ конецъ плясокъ въ судорогахъ шаману, который произноситъ въ это время несвязные звуки, съ благоговѣніемъ ловимые окружающими и дающіе имъ лишній поводъ изощрять свою изобрѣтательность на ихъ истолкованіе и на прославленіе своихъ боговъ. Всего чаще призывается *міръ суснэ Хумъ*, какъ такой богъ, который завѣдуетъ всѣми людьми и который стоитъ къ нимъ ближе всѣхъ; для его призыванія чаще всего пользуются ночами, когда онъ совершаетъ свой объѣздъ вокругъ земли; для этого въ жильѣ, гдѣ происходитъ гаданье, тушатъ огонь; шаманъ ударяетъ нѣсколько разъ въ бубенъ и затѣмъ все смолкаетъ и наступаетъ гробовая тишина, среди которой будто-бы явственно слышится конскій топотъ, оканчивающійся трескомъ, указывающимъ на входъ бога въ жилье, послѣ котораго вскорѣ все прекращается, и шаманъ, распростертый часто на полу, начинаетъ сообщать то, что ему говорилъ богъ; очень часто передъ жилищемъ на это время предварительно ставится нѣсколько серебряныхъ или вообще металлическихъ тарелочекъ для того, чтобы божій конь могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу.

Иногда обрядъ шаманства происходитъ такъ: шаманъ садится на переднее мѣсто, задомъ къ народу, причемъ передъ собой никого не сажаетъ, беретъ топоръ и подвѣшиваетъ его остріемъ кверху за шнурокъ, протянутый отъ ручки до клинка, на согнутые четыре пальца правой руки и указательный—лѣвой; начинаетъ качать его и потихиньку нашептывать, затѣмъ уже и объявляетъ волю бога; иногда вмѣсто топора употребляютъ ножъ, а лучше всего старинную шпагу.

Шаманятъ еще и такъ: берется небольшая скамейка, подъ нее кладется топоръ или ножъ, на нее ставится шкатулка съ богами и ихъ приношеніями и шаманъ приступаетъ къ нашептыванію и производству разныхъ движеній около скамейки; чрезъ нѣсколько времени онъ заставляетъ того инородца, которому онъ шаманитъ, приподнять шкатулку; если она подымается въ первый разъ легко, во второй трудно, въ третій—еще труднѣе, а въ четвертый легко, то успѣхъ будетъ полный; если нѣтъ, то пло-

хо. Кромѣ этого поступаютъ еще и слѣдующимъ образомъ: въ темную ночь, въ жилье какого-нибудь богатаго инородца собирается народъ—и мущины, и женщины; шаманъ кладетъ металлическую доску на полъ, на нее стрѣлы съ желѣзными наконечниками и начинаетъ призывать бога, ударяя этими стрѣлами по доскѣ; чрезъ нѣсколько времени жилье содрогается, потолокъ около чувала расползается и является *міръ-суснэ-хумъ*, который указываетъ на свое появленіе ударами стрѣлъ по доскѣ; иногда при этомъ онъ мучитъ шамана, и настолько сильно, что онъ падаетъ замертво, при чемъ стрѣлами бываетъ, будто-бы, истыкано все его тѣло; зажигать при этомъ огонь нельзя, иначе обмершій, валяющійся въ судорогахъ, шаманъ обязательно умретъ и при томъ немедленно; разъ у одного шамана стрѣла прошла, по его разсказамъ, отъ сердца до пятокъ и онъ остался цѣлъ и невредимъ, даже еще здоровѣе сталъ. Разъ во время оспы у одного остяка погибла вся семья и, наконецъ, онъ самъ захворалъ: призываетъ онъ шамана, тотъ начинаетъ бить въ бубенъ, шептать что-то про себя, наконецъ начинаетъ плясать; вертится и кружится всю ночь, потомъ объявляетъ, что остякъ умретъ, такъ какъ онъ не любитъ правды, и хотя на другой день больному стало лучше, такъ что онъ могъ даже разсказать, какъ у шамана, который въ одну изъ перемѣнъ гаданья ѣлъ, изо рта лѣзли маленькіе люди съ острыми головами, т. е. *Моэнквы*, но, дѣйствительно, онъ всетаки умеръ. Насколько вѣрятъ въ той мѣстности разнымъ фокусамъ шамановъ можно видѣть, напримѣръ, изъ такого случая, переданнаго мнѣ нѣсколькими русскими, принимающими его за безусловную истину; разъ остякъ сталъ бороться съ русскимъ, его не поборолъ, а руку себя испортилъ; тогда въ тотъ-же день вечеромъ собрались шаманить и шаманили всю ночь; на другой день одинъ шаманъ приходитъ къ русскому торговцу и проситъ у него нѣсколько аршинъ разноцвѣтнаго сукна, какъ бы въ даръ богамъ, въ благодарность за то, что больной вполнѣ выздоровѣлъ, и хотя утромъ можно было видѣть, что больная рука насквозь проткнута во время шаманства узкимъ ножомъ, и что изъ раны шла обильная кровь, но вечеромъ не было и слѣда, не только крови, но и самой раны.

Званіе шамановъ довольно выгодно, немудрено поэтому, что есть не мало охотниковъ, которые не прочь сдѣлаться ими, но, какъ я уже говорилъ, званіе это болѣе или менѣе наслѣдственно, а затѣмъ оно соединено съ нѣкоторыми обязанностями, которыя, главнымъ образомъ, заключаются въ умѣніи продѣлывать разные фокусы и въ нервности натуры; между шаманами встрѣчаются такіе, которые славятся на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности и которые приглашаются, въ случаѣ необходимости, богатыми инородцами.

Врачебная дѣятельность шамановъ сводится опять-таки къ призыванію боговъ, къ нашептыванію и даванію нѣкоторыхъ средствъ, про которыя установилось мнѣніе, что они полезны. Въ настоящее время, когда существуетъ медицинская помощь, хотя и слабая, ввидѣ немногихъ докторовъ и фельдшеровъ, инородцы, вообще большіе любители лѣчиться, берутъ у нихъ всевозможныя лѣкарства, особенно касторовое масло, хину, желѣзный купоросъ (для присыпки ранъ), свинцовую примочку (при болѣзни глазъ), и т. д.; но помимо такихъ средствъ у нихъ существуютъ и свои. При всѣхъ болѣзняхъ прежде всего обращаются къ шаманамъ съ просьбою узнать у боговъ, отъ чего то или другое лицо заболѣло, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, всякая болѣзнь насылается богами и есть признакъ ихъ недовольства тѣмъ человѣкомъ, который заболѣлъ; шаманы прежде всего заставляютъ принести какую-нибудь жертву, состоящую изъ оленей, одежды и шкурокъ, затѣмъ даютъ пить нашептанную воду, водку, кровь; мажутъ рыбьимъ жиромъ и оленьимъ или, еще чаще, медвѣжьимъ саломъ; окуриваютъ бобровой струей или березовой и лиственничной накипью, трутъ медвѣжьимъ клыкомъ, и т. д. Одни и тѣ-же средства употребляются, большею частью, при разныхъ болѣзняхъ; только когда болитъ желудокъ, тогда всегда даютъ внутрь съ водой или съ водкой порошокъ, наскобленный съ медвѣжьяго клыка, или настой изъ лиственничной накипи, употребляемый также и при страданіяхъ грыжи; при сифилисѣ пьютъ настой, сдѣланный изъ одной травы—*мосъ хумъ сахы*, растущей въ верховьяхъ горныхъ рѣчекъ; при болякъ спины и зубовъ натираютъ больныя мѣста медвѣжьимъ зубомъ и иногда посыпаютъ соскобленнымъ съ него порошкомъ; другихъ какихъ-нибудь еще опредѣленныхъ средствъ не имѣется: всякій лѣчитъ и лѣчится по собственному усмотрѣнію.

Шаманы являются, понятно, главными сторонниками и защитниками язычества, которое

наряду съ пьянствомъ въ настоящее время является одною изъ главныхъ причинъ обѣдненія инородцевъ, такъ какъ всякое призываніе бога, всякое гаданіе соединено съ большими на устройство жертвоприношеній затратами; тѣмъ болѣе, что шаманъ нерѣдко предъявляетъ большія требованія: говоритъ, что богъ требуетъ, напримѣръ, пятокъ собольихъ шкурокъ, кусокъ краснаго сукна, пять фунтовъ мѣдныхъ украшеній и тому подобныхъ вещей, т. е. болѣе или менѣе цѣнныхъ, или что онъ желаетъ получить въ жертву оленя или лошадь съ какимъ-нибудь пятномъ на головѣ, спинѣ или ногѣ, и инородецъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не исполнитъ приказаннаго: пойдетъ въ работу, продастъ все, что у него есть, но добьется своего и воля бога или, вѣрнѣе сказать, прихоть шамана будетъ исполнена; даже въ случаѣ смерти больна, го надъ которымъ шаманили, родственники умершаго считаютъ своимъ долгомъ исполнить всѣ предъявленныя требованія; если-же больной выздоравливаетъ и не въ состояніи сейчасъ-же исполнить требуемой богами жертвы, то онъ дѣлаетъ изъ бересты изображенія оленя, лошади и т. д., кладетъ ихъ въ свою шкатулку и держитъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ исполнено; тогда эти изображенія сжигаются. Что касается собственно до изображеній идоловъ, то, какъ уже было сказано, они дѣлаются изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; идолы общественные, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, продолжающихъ еще расти; идолы-же домовые и частные представляютъ изъ себя часто просто совершенно не обдѣланныя палочки, обернутыя шкурками или платками; въ послѣднее время инородцы стали пріобрѣтать у зырянъ и у русскихъ простыя дѣтскія игрушки и признавать ихъ за изображенія своихъ боговъ въ настоящемъ ихъ видѣ или въ томъ, какой они иногда принимаютъ, являясь людямъ и какой у нихъ былъ въ то время, когда они боролись между собой и съ разными богатырями и великанами. При такомъ превращеніи русскихъ игрушекъ въ изображенія инородческихъ боговъ не происходитъ какой-нибудь церемоніи, а просто вещь кладется въ ту шкатулку, гдѣ обыкновенно хранятся священные предметы—изображенія боговъ, одѣтыхъ каждый въ свою одежду, или въ свой платокъ, и этого вполнѣ достаточно для признанія ихъ священными и для поклоненія имъ. При раскопкахъ старыхъ могилъ приходилась иногда находить маленькія литыя изображенія фигуръ человѣческихъ, птичьихъ и какихъ-то звѣриныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя извѣстны подъ названіемъ чудскихъ и которыя въ большомъ количествѣ находятся также въ Пріуральскомъ Краѣ, особенно въ его сѣверной части; по разсказамъ стариковъ, эти изображенія не дѣлались на мѣстѣ, а откуда-то привозились и почитались какъ идолы.

По вѣрованіямъ Маньзовъ, на небѣ живутъ три бога, изъ которыхъ два имѣютъ золотые дома, расположенные выше облаковъ; имъ прислуживаютъ существа, подобныя людямъ, но никогда не бывавшія на землѣ. Главный богъ, родоначальникъ прочихъ—*корсъ торумъ*, видъ котораго совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ изъ людей его никто не видалъ и если про него знаютъ кое-что, то это благодаря только другимъ богамъ, имѣющимъ довольно частыя сношенія съ землей; самъ онъ на землю никогда не сходитъ и только въ случаѣ необходимости посылаетъ своего старшаго сына—*нуми торумъ*, *яныхъ торумъ* или *войканъ торумъ* посмотрѣть, что дѣлаютъ люди и обо всемъ донести ему. *Нуми торумъ*, по наружности подобный человѣку, весь блеститъ, какъ золото, отъ роскошной одежды, но оружія при себѣ, какъ и его отецъ, никогда не имѣетъ; разъ въ мѣсяцъ, или не много рѣже, онъ спускается на бѣломъ конѣ на землю, осматриваетъ все, записываетъ, что дѣлаютъ люди и затѣмъ свои наблюденія передаетъ для разбора своему младшему сыну-*міръ суснэ хумъ*; со своими просьбами люди чаще всего обращаются къ нему, особенно если это касается дождя, снѣга, холода и тепла; тогда онъ приказываетъ исполнить человѣческую просьбу своему младшему брату — *сяхылъ торумъ*, живущему постояно на черныхъ облакахъ и никогда ихъ не покидающему; даже во время богослуженія, если шаманы его и видятъ, то все таки сидящимъ на тучахъ; *сяхылъ торумъ*, имѣя человѣческую наружность, разъѣзжаетъ по облакамъ на оленяхъ съ мамонтовыми рогами (?) и возитъ на нихъ воду; если олени залѣнятся, то онъ ихъ ударяетъ вожжей и такъ сильно, что свѣтъ появляется, молнія заблистаетъ, олени начинаютъ рваться и при этомъ проливаютъ изъ бочки воду; онъ жены не имѣетъ. У *нуми торумъ* семь сыновей, но дочерей, какъ и у *корсъ торумъ*, нѣтъ.

Про сыновей *нуми* разсказываютъ слѣдую-

щее: когда они выросли, отецъ спустилъ ихъ съ неба, но они начали обижать жившихъ въ то время богатырей и многихъ изъ нихъ перебили; видитъ *нуми*, что дѣло не хорошо, спустился самъ съ неба, собралъ дѣтей и говоритъ имъ: «пріѣзжайте завтра утромъ ко мнѣ и кто первый привяжетъ своего коня къ серебряному столбу, находящемуся у дома, тотъ будетъ старшимъ не только надъ людьми, но и надъ своими братьями». Самъ поднялся на небо, а на другой день раньше всѣхъ пріѣхалъ самый младшій — *міръ суснэ хумъ*. Отецъ исполнилъ свое обѣщаніе и велѣлъ другимъ сыновьямъ почитать его за старшаго, а людямъ за главнаго руководителя и судью; сыну-же приказалъ заботиться о людяхъ и стараться, чтобы они жили какъ можно тише. По прошествіи года *нуми* хотѣлъ посмотрѣть, какъ управляетъ его сынъ землею, спустился съ неба и видитъ, что всего у людей въ изобиліи и бѣдныхъ совсѣмъ нѣтъ. Не понравилось это ему и говоритъ онъ сыну: «Зачѣмъ ты даешь всего такъ много людямъ — они ни въ чемъ не нуждаются, а это не хорошо: они сдѣлаются гордыми и не будутъ, въ случаѣ нужды, помогать другъ другу; пусть будетъ, напримѣръ, у одного маньза пять-шесть рыбъ, у другого— одна-двѣ; у однаго русскаго—три-четыре чашки муки, у другого—одна-двѣ». Послѣ этого вернулся на небо, а *міръ суснэ хумъ*, вмѣсто того, чтобы дать пять-шесть рыбъ, далъ пять-шесть амбаровъ ея; вмѣсто трехъ-четырехъ чашекъ муки,—три-четыре громадныхъ мѣшка; и зажили тогда люди еще лучше прежняго и стали всѣ благодарить за это виновника своего благополучія. Во время смутнаго періода —борьбы другъ съ другомъ и богатырями—*міръ суснэ хумъ* принималъ въ минуты опасности видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются такъ часто встрѣчающіяся среди священныхъ предметовъ изображенія гусей, сдѣланныя изъ золота, серебра или другого металла; обыкновенно-же у него видъ человѣка, имѣющаго на головѣ шапочку изъ разноцвѣтнаго сукна съ собольей, лисьей или другой какой-нибудь мѣховой оторочкой; онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и его главнымъ мѣстопребываніемъ считается священное урочище около Троицкихъ юртъ на Оби, куда обязательно каждый инородецъ въ три года разъ съѣздитъ, а если не можетъ, то присылаетъ дары. Когда во время своихъ объѣздовъ *міръ суснэ хумъ* желаетъ спуститься на землю, то его прислужники предварительно ставятъ для ногъ коня четыре металлическихъ тарелочки съ изображеніемъ нерѣдко солнца. Для оправданія себя въ неумѣренномъ пьянствѣ и нюханіи табаку, инородцы теперь стали говорить, что *міръ суснэ хумъ* всегда имѣетъ въ правой рукѣ бутылку водки, а въ лѣвой табакерку; поэтому когда начинаютъ пить, то, откупоривши бутылку, обязательно наливаютъ стаканъ и ставятъ его временно на священную шкатулку; эту водку впослѣдствіи выпиваетъ хозяинъ жилья; иногда часть водки выплескиваютъ и въ огонь, какъ даръ покровителямъ огня —*наинъ-одыръ*; покровителями огня вообще считаются *нуми*, его семь сыновей и *сяхыль торумъ*.

Самый старшій сынъ *нуми*—это *полумъ торумъ*, живущій вмѣстѣ съ женой и дѣтьми на рѣкѣ Полумѣ въ отлично выстроенномъ деревянномъ домѣ. Онъ завѣдуетъ рыбой, птицей и звѣремъ, какіе только существуютъ какъ на этой рѣкѣ, такъ и на сосѣднихъ. Видѣть его, какъ и другихъ боговъ, могутъ только одни шаманы; наружность у него человѣческая, но прежде, во время борьбы, онъ принималъ видъ семивершинной березы, которая, въ воспоминаніе прошлаго, стоитъ и до сихъ поръ на Полумѣ; къ ней на поклоненіе стекается ежегодно не мало маньзовъ.

Второй сынъ нуми—*ась толахъ торумъ* или *ась яхъ торумъ*—живетъ вмѣстѣ съ семьей въ морѣ, изъ котораго вытекаетъ Обь; у него тамъ построенъ хорошій деревянный домъ; завѣдуетъ онъ всей обской рыбой, птицей и звѣремъ; во время богослуженія шаманамъ представляется въ человѣческомъ видѣ, верхомъ на бѣлой лошади, безъ всякаго оружія, какъ впрочемъ и всѣ остальные боги; въ смутное-же время принималъ наружность одной изъ чаекъ—*кари нбрыхъ*.

Третій сынъ — *нбръ ойка* или *нбръ торумъ* живетъ на Елбынъ-нбрѣ вблизи Елбынъ-тура, т. е. священнаго озера, находящагося недалеко отъ истоковъ сѣверной Сосьвы при Малой Сосьвѣ; у него тамъ находится каменный домъ, въ которомъ онъ и проводитъ время вмѣстѣ съ женой—*нбръ эва* и дѣтьми—*нбръ няурамъ*; онъ считается хозяиномъ и покровителемъ оленьихъ стадъ и отъ него зависитъ, сколько кому ихъ дать; для лучшаго присмотра въ его распоряженіи находится множество прислужниковъ и пастуховъ, которыми до потопа (о немъ будетъ рѣчь дальше) были, какъ и у другихъ боговъ, богатыри, а теперь

люди наименѣе грѣшные—угодные богу, сдѣлавшіеся совершенно чистыми послѣ смерти. *Нöръ ойка* довольно часто подвергался нападеніямъ богатырей, такъ какъ онъ очень богатъ, но онъ отражалъ всѣ нападенія и многихъ убивалъ, такъ что *нуми*, узнавъ объ этомъ, запретилъ ему проливать кровь; тогда онъ сталъ всѣхъ превращать въ камень и до настоящаго времени на Уралѣ существуетъ еще семь каменныхъ изображеній богатырей, превращенныхъ въ камень за ихъ дерзкое намѣреніе ограбить его стада. Изображеніе этого бога разъ въ три года возятъ къ *полумъ торумъ*, чтобы дать имъ возможность, какъ братьямъ повидаться.

Четвертый—*аутья одыръ* живетъ на обской губѣ при взморьѣ, имѣетъ видъ щуки и завѣдуетъ морской рыбой. Каждый годъ раннею весною онъ идетъ, принимая человѣческій видъ, на небо къ отцу и получаетъ отъ него приказаніе, сколько кому дать рыбы впродолженіе наступающаго года. Записавши сказанное, онъ возвращается назадъ, идетъ въ море, къ морскому царю—*витъ хонъ* и говоритъ ему, сколько онъ долженъ отпустить рыбы изъ своихъ владѣній; затѣмъ позднею осенью онъ отправляется самъ или посылаетъ своихъ слугъ къ брату—*асъ толахъ торумъ*,—живущему въ морѣ при низовьяхъ Оби, какъ о томъ уже было сказано, и спрашиваетъ, вся-ли назначенная рыба поймана и, если не вся,—то отчего; отъ того-ли, что вырвалась изъ сѣти, изъ камги; подрыла-ли запоры или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ; тогда вся эта рыба, какъ предназначенная уже къ поимкѣ, выбрасывается на берегъ.

Пятый сынъ—*аясъ торумъ* прежде имѣлъ свое мѣстопребываніе тамъ, гдѣ теперь въ Березовѣ находится Богородицкая церковь, но затѣмъ былъ перенесенъ на другую сторону рѣки. Въ смутное время, какъ и *аутья одыръ*, онъ не воевалъ, хотя и обладаетъ способностью мѣнять свой видъ—человѣческій на лебединый. Женатъ онъ на дочери великана, жившаго около моря при устьѣ Оби, причемъ эту свадьбу устроилъ его младшій братъ, называвшійся прежде *нурипане хурипъ хумитенъ*, а послѣ *тахытъ котль торумъ*, и принимающій, въ случаѣ необходимости, видъ ястреба. Дѣло было такъ: захотѣлось *аясъ торумъ* жениться, а жены достать себѣ не можетъ, тогда братъ и рѣшилъ ему помочь; превратился въ ястреба, захватилъ съ собою лебедя и полетѣлъ въ тотъ городокъ, гдѣ жила намѣченная невѣста; нашли домъ, познакомились съ отцомъ, понравились ему, стали пировать, а во время пира невѣста и убѣжала; они погнались за ней, а она спряталась въ городкѣ при устьѣ Казыми; они туда, разрушили городокъ, но она успѣла перебѣжать въ другой—Полноватскій; разрушили и этотъ, но ее всетаки не нашли, такъ какъ она скрылась опять на Казыми, только въ ея верховья, гдѣ и спряталась въ крѣпкомъ домѣ одного богатыря, имѣющаго семь сыновей; стала она ихъ уговаривать украсть у *тахытъ котль торумъ* его кольчугу, въ которой будто-бы у него и заключается вся сила; услыхалъ онъ это, разсердился, сбросилъ съ себя кольчугу и все оружіе и въ одной рубашкѣ пошелъ къ дому, разломалъ его, схваталъ всѣхъ богатырей за волосы, сталъ ихъ бить, наконецъ, ударяя голова объ голову, всѣхъ перебилъ; остался только одинъ отецъ, который, превратившись въ тетерева, полетѣлъ къ *нуми* просить защиты, но *тахытъ котль торумъ* догналъ его у порога отцовскаго дома и кричитъ отцу: «Отецъ, не отпирай, а то я окровавлю порогъ твоего золотого дома». Не отворили тетереву дверей, полетѣлъ онъ книзу, но ястребъ его догналъ и растерзалъ; такъ и до сихъ поръ ястребъ терзаетъ тетеревей; послѣ этого невѣста была поймана и ее повезли съ собой домой, гдѣ и стали жить, только вскорѣ по пріѣздѣ, *тахытъ котль торумъ* и говоритъ *аясъ торумъ*: «Хотя я тебѣ и досталъ жену, но ты съ нею не справишься; дай—я ее поучу». Сдѣлалъ два толстыхъ и длинныхъ прута, одинъ желѣзный, другой свинцовый, привязалъ ее къ двумъ столбамъ за голову и ноги и сталъ бить; билъ до тѣхъ поръ, пока всѣ прутья не изломались; тогда полѣзли изъ нея всякія змѣи, лягушки, пауки, муравьи и много другихъ нечистыхъ существъ; послѣ этого онъ ее отвязалъ и передалъ брату, говоря: «Ну, теперь владѣй ею—она будетъ покойной женой, а то, еслибы я этого съ нею не сдѣлалъ, тебѣ съ ней не совладать-бы».

И дѣйствительно, послѣ этого она стала отличной женой и перестала обращаться въ сороку, что дѣлала прежде, особенно когда спасалась отъ преслѣдованій жениха. Кстати сказать, когда она перебѣгала изъ одного городка въ другой, то съ цѣлью привлечь на свою сторону мущинъ, переходила каждую ночь изъ дома въ домъ и предоставляла себя въ полное распоряженіе хозяина жилья.

Въ виду того, что *аясъ торумъ* даже жены себѣ не сумѣлъ достать, ему ничего и не дано въ управленіе, и онъ живетъ, ничего не дѣлая, въ деревянномъ домѣ, расположенномъ въ лѣсистой мѣстности.

Что касается до седьмаго сына *нуми торумъ тахытъ котль торумъ*, то про него разсказываютъ слѣдующее: на лѣвомъ берегу Сѣверной Сосьвы, въ верстахъ двадцати двухъ ниже Сартыньи, была группа лиственничныхъ деревьевъ и здѣсь жилъ одинъ богатырь, по имени *тахытъ котль ойка*, со своей женой; онъ былъ очень силенъ, но мирнаго характера и поэтому въ то время, когда другіе богатыри дрались, онъ сидѣлъ дома и все работалъ въ своей кузницѣ топоры, ножи и другія металлическія вещи; за это его богъ и наградилъ: однажды пошелъ онъ ловить рыбу, поймалъ только одного налима, принесъ домой, разрѣзалъ его, смотритъ въ кишкахъ сидитъ живая лягушка; взялъ онъ ее, сталъ разсматривать, вдругъ она заплакала, какъ малый ребенокъ; догадался онъ тутъ, что дѣло не простое; устроилъ поскорѣе люльку, положилъ туда лягушку и сталъ вмѣстѣ съ женой качать, и превратилась лягушка въ ребенка, который началъ такъ быстро рости, что въ три дня превратился въ большаго человѣка — въ сильнаго богатыря; былъ это никто иной, какъ сынъ *нуми*, называвшійся прежде *пурипанэ хурипъ хумитенъ*, а послѣ получившій по своему воспитателю названіе *Тахытъ котль торумъ*. Не понравилось ему то мѣсто, гдѣ жилъ старикъ, перевелъ онъ его вмѣстѣ со старухой на другую сторону и построилъ деревянный городокъ, который сталъ называться *усъ нолъ* (мѣсто это и теперь сохраняетъ свое старинное названіе). Узнали другіе богатыри, что появился у нихъ новый соперникъ, собрались и рѣшили идти противъ него; всего было ихъ шестьдесятъ человѣкъ и шли они подъ предводительствомъ *туя хотанъ порхъ лу румате*; онъ всѣхъ ихъ перебилъ, отрубилъ имъ головы, снялъ, по обычаю богатырей, скальпы и положилъ ихъ тѣла поперекъ рѣки, оставивъ лишь небольшой проходъ для лодокъ, шириною 8—10 саженей, немного ниже впаденія Елбынъ-я; по прошествіи нѣкотораго времени противъ него собрался войной *мэнквъ*-дьяволъ, пришедшій съ моря, перебившій и съѣвшій уже не мало богатырей; онъ хвасталъ, что убьетъ и *тахытъ котль торумъ* и сядетъ на его мѣсто. Испугался тотъ, пошелъ къ отцу — *нуми* и проситъ его помочь ему, а тотъ его спрашиваетъ: «Чего-же ты такъ испугался?» «Да какъ не испугаться, когда онъ блеститъ, какъ золото, (а у него одежда была золотая) и когда онъ такъ многихъ перебилъ.» Ничего не сказалъ ему отецъ и велѣлъ идти назадъ. *Мэнквъ* подходитъ все ближе и ближе, и *тахытъ котль торумъ* все болѣе труситъ и опять началъ просить помощи у отца, наконецъ тотъ ему и говоритъ: «Если ты такъ боишься, то знай, что у *мэнкэа* въ груди подъ шеей есть кусочекъ человѣческаго мяса, туда и стрѣляй». Обрадовался онъ такому совѣту, взялъ лукъ, который у него былъ такой тяжелый, что его съ трудомъ могли нести восемь человѣкъ, натянулъ его и сталъ ждать приближенія *мэнква*. Когда тотъ, идя посрединѣ рѣки и смотря прямо впередъ, подошелъ довольно близко, *тахытъ котль торумъ* и закричалъ ему: «Ойка, посмотри, кто идетъ за тобой. «*Мэнкъ* повернулъ голову и сталъ смотрѣть назадъ; этимъ воспользовался *тахытъ котль торумъ*, спустилъ тетиву и стрѣла съ страшною силою вонзилась въ *мэнква*, который тутъ-же и упалъ, разсыпавшись на части. Умирая, онъ кричалъ: «охуръ, охуръ», и отъ крику его разверзлась земля, потекла вода, положившая начало рѣчкѣ, которая до сихъ поръ зовется *охуръ-я*; одну его ногу унесло внизъ и она образовала у Собаклопть плесо—*песъ лувоаь*; его опояска пересѣкла Сосьву и образовала двѣ рѣки, одна противъ другой, съ общимъ названіемъ—*эндапъ оуль-я*; изъ дорожнаго мѣшечка—*уля сактасъ* сдѣлался повыше *эндапъ оуль-я* островъ *уля хурыхъ тумпъ*; изъ ноженъ тоже островъ еще выше—*сыпаль тумпъ*; изъ веревки, которою ножны прикрѣплялись къ поясу, островъ подъ названіемъ *сыпаль порхъ куалыхъ тумпъ*, изъ сердца—*симъ тумпъ*, изъ туловища — *порхъ тумпъ*, изъ головы — *пугъ тумпъ*; противъ *уля хурыхъ тумпъ* съ правой стороны течетъ рѣка—*люль нампъ-я*, которая въ устьѣ широка и носитъ названіе *кау-хурыхъ*, затѣмъ выше она совершенно пряма—*кокъ*, и наконецъ, образуетъ опять расширеніе *войзихъ*, за которымъ начинаетъ течь извилисто; недалеко отъ Собаклопть справа есть озеро—*люль нампъ туръ*, которое представляетъ изъ себя чрево *мэнква*.

Вслѣдствіе всего сказаннаго понятно, почему это мѣсто до сихъ поръ почитается настолько, что женщины не могутъ даже туда ѣздить. Во время ѣзды сюда на поклоненіе, спать, хотя бы и въ продолженіе трехъ дней,

не дозволяется; по пріѣздѣ на мѣсто привезенныя вещи отдаются шайтанщику,—хранителю вещей шайтана, сдѣланнаго въ честь *тахытъ котлъ торумъ*, причемъ онъ одинъ уже и относитъ ихъ въ амбары, окруженные настороженными луками и капканами, такъ что незнающему человѣку пройти тамъ, не рискуя ежеминутно разстаться съ жизнью, невозможно; въ одномъ изъ амбаровъ хранится и самъ шайтанъ, имѣющій видъ грубообтесаннаго человѣка, богато разукрашеннаго разными блестящими и гремящими предметами; подальше немного отъ амбаровъ есть дерево, кругомъ обставленное желѣзными стрѣлами, и всякій инородецъ необходимо долженъ принести въ жертву хотя одну стрѣлу и нѣсколько денегъ. Проѣзжая мимо этого мѣста, особенно противъ Елбынъ-я, въ воду всегда бросяютъ деньги; здѣсь можно только грести веслами, но не отпихиваться шестами или тянуться бичевой; если-же вслѣдствіе бури лодка засядетъ на каменной косѣ — *ахтысъ уръ*, представляющей изъ себя вообще могильную память, поставленную *тахытъ котлъ торумъ* надъ *мэнквомъ* для того, чтобы память объ этомъ сохранилась на вѣчныя времена, то въ воду бросаютъ для умилостивленія котелъ, а также что есть изъ съѣстныхъ припасовъ.

Успѣхъ надъ мэнквомъ сдѣлалъ то, что *тахытъ котлъ торумъ*, носящій также названіе *махаръ торумъ* и *матармылъ олне торумъ*, сталъ сильно бить богатырей и настолько полюбилъ войну, что сталъ являться вездѣ, гдѣ только была драка, и, наконецъ, его стали приглашать въ видѣ союзника почти во всѣхъ войнахъ; это разсердило отца и онъ велѣлъ ему быть ниже всѣхъ братьевъ и ничѣмъ не завѣдывать кромѣ мѣстъ, расположенныхъ вблизи его деревяннаго жилья, въ которомъ онъ живетъ съ женой и дѣтьми.

Про самаго младшаго сына—*міръ суснэ хумъ*, *мастера* или *эква пырысь*, мы уже говорили.

Про сыновей *нуми* мнѣ приходилось слышать не разъ такой разсказъ: когда нуми спустилъ ихъ на землю, то, про прошествіи нѣкотораго времени, младшіе братья стали замѣчать, что старшій изъ нихъ *полумъ торумъ* началъ какъ-то задумываться; имъ это показалось подозрительнымъ и они приступили къ нему съ разспросами, отчего это и не думаетъ-ли онъ ихъ перебить. Онъ отвергъ такого рода предположеніе, указавъ на то, что они ему кровные братья, но сознался, что ему хочется воевать; такъ какъ безъ позволенія отца онъ этого сдѣлать не могъ, то обратился къ нему съ просьбой, но получилъ отказъ; такъ повторялось еще два раза, хотя въ послѣдній разъ, онъ выставилъ причиною, что необходимо достать невѣсту для *асъ толахъ торумъ*; тогда онъ рѣшилъ съ *асъ толахъ торумъ* идти потихоньку на одинъ татарскій городокъ, расположенный на Иртышѣ немного ниже Демьянска, гдѣ у богатыря была дочь; этотъ городокъ былъ такъ расположенъ и такъ укрѣпленъ стѣною, что бѣлка не могла взойти; тѣмъ не менѣе они всетаки при помощи желѣзныхъ когтей влѣзли, убили богатыря, но дочь его въ это время такъ хватила за волосы *асъ толахъ торумъ*, что почти всѣ ихъ вырвала; разсердился на это *полумъ торумъ*, взялъ ее за плечи и бросилъ въ Иртышъ, говоря: «Будь ты проклята, превращайся въ сорогу-сырка (Salmo Vimbu) и питайся съ этихъ поръ лишь жидкими и твердыми человѣческими испражненіями». Послѣ этого вернулись домой и оставшіеся братья и спрашиваютъ, гдѣ невѣста. «*Куло* отдали учить, чтобы умнѣе и хитрѣе была», отвѣчалъ *полумъ-торумъ*, но послѣ прибавилъ: «Нѣтъ, это я шучу—она ѣдетъ на лодкѣ вмѣстѣ со своимъ приданнымъ позади насъ». Братья, конечно, ея не дождались и всѣ объясняли тѣмъ, что она утонула, что было, конечно, очень выгодно для *полума* и *асъ толахъ*, иначе пришлось бы имъ не мало ссориться съ братьями, которые желали имѣть невѣстку.

Жена *Нуми* и мать всѣхъ его семи сыновей называется *сянъ торумъ* или *калтысь торумъ*. Послѣ того какъ она подарила своему мужу шесть сыновей, онъ сталъ замѣчать, что она начала вести жизнь нехорошую и близко сошлась съ однимъ изъ небесныхъ прислужниковъ; разсердившись на это, онъ бросилъ ее на землю и она при паденіи родила *міръ суснэ хумъ*. Упала она вблизи Калтысьянскихъ юртъ, гдѣ и поселилась, воспитывая своего сына, который затѣмъ перешелъ въ Троицкія юрты. Въ наказаніе за дурное поведеніе *Нуми* запретилъ ей подыматься на небо и рѣшилъ самъ къ ней не ѣздить, но, помня ея прежнюю хорошую жизнь, онъ поручилъ ей слѣдить за родами и назначать по собственному выбору, кому жить много, кому мало, кому быть богатымъ, кому бѣднымъ; вообще, поручилъ ей слѣдить за будущностью каждаго человѣка отдѣльно; вслѣдствіе этого ее въ выс-

шей степени почитаютъ и къ ней на поклоненіе пріѣзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; для облегченія ея занятій, *Нуми* разрѣшилъ ей имѣть писарей, которые записывали-бы все, что только она говоритъ; она имѣетъ видъ старухи въ собольей ягушкѣ, покрытой шелковымъ платкомъ; своей наружности она никогда не мѣняетъ и изъ своего мѣстопребыванія никуда не выѣзжаетъ.

Кромѣ этой богини признается еще одна женщина—дочь одного изъ богатырей, именно *тахытъ котль ойка*; сводная сестра *тахытъ котль торумъ*, живущая около Хонглосанскихъ юртъ и особенно почитаемая за то, что, будучи очень доброй, она всегда заступается за людей и ходатайствуетъ за нихъ передъ *сянь торумъ* и *міръ суснэ хумъ*; разъ въ три года ей приносятъ жертвы съ просьбой не забывать человѣческаго рода и не оставлять его своимъ заступничествомъ. Про нее разсказываютъ, что за ней разъ погнался одинъ богатырь съ Оби, хотѣлъ ее поймать и взять себѣ въ жены; она была на оленяхъ, онъ—тоже; вдругъ онъ видитъ, что олений слѣдъ прекратился и замѣнился собольимъ, потомъ горностаевымъ и такимъ запутаннымъ, что много надо было труда разобраться въ немъ; догадался онъ, что все это дочь *тахытъ котль-ойка* путаетъ; не отсталъ, напалъ на вѣрный слѣдъ и онъ его привелъ къ лиственницѣ, гдѣ въ корнѣ онъ замѣтилъ небольшое отверстіе; сталъ окапывать дерево со всѣхъ сторонъ, обрѣзалъ всѣ корешки, но ничего не нашелъ; такъ и вернулся ни съ чѣмъ; а она, оказывается, превратилась въ жучка и забилась между корнями, онъ не замѣтилъ ее и выбросилъ. Послѣ этого она приняла свой обычный видъ и поселилась на постоянное жительство въ Хонглосанахъ.

Про *сянь торумъ* разсказываютъ слѣдующее: когда она упала на землю и поселилась на ней, ей для услугъ былъ данъ бѣлый воронъ, котораго она ежедневно посылала смотрѣть, что дѣлается кругомъ, причемъ запрещала ему что-нибудь ѣсть въ дорогѣ; разъ онъ долго не возвращался домой и когда прилетѣлъ, то *сянь-торумъ* увидала, что онъ изъ бѣлаго превратился въ чернаго. Стала его разспрашивать и оказалось, что онъ по дорогѣ встрѣтилъ падаль и наѣлся ея; тогда *сянь-торумъ* прокляла его, прогнала отъ себя и сказала, чтобы онъ всегда пользовался только случайными находками и питался-бы постоянно падалью, отъ чего онъ никогда не будетъ жиренъ и мясо его будетъ самымъ плохимъ изъ всѣхъ существующихъ птицъ. По мѣрѣ того какъ *міръ суснэ хумъ* подросталъ, онъ все чаще и чаще сталъ приставать къ матери съ просьбой отпустить его поискать себѣ противника; мать его убѣждала подождать еще немного и хотя онъ соглашался, но такъ сердился, что при ходьбѣ отъ половицъ отскакивали щепы, изъ которыхъ свободно можно было дѣлать блюда и чашки.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, вышелъ потихоньку изъ дому, подошелъ къ одному мѣсту, гдѣ росъ старый лиственничный пень громадныхъ размѣровъ, толкнулъ его и изъ подъ него выскочилъ конь необыкновенной красоты и силы; тотчасъ-же вскочилъ на него и поѣхалъ кругомъ земли, объѣхалъ ее всю въ семь дней, вернулся домой и сталъ разсказывать матери, что онъ видѣлъ многихъ богатырей, многихъ изъ нихъ побилъ и что ему теперь хочется съѣздить на небо; для этого онъ отправился къ богатырю-кузнецу *тахытъ котль-ойка* и просилъ его придѣлать къ его лошади семь крыльевъ; тотъ исполнилъ его просьбу и съ этихъ поръ *міръ суснэ хумъ* сталъ летать по воздуху, небу, но добраться до неба ему не удалось: благодаря семи крыльямъ, полетъ лошади былъ очень неровенъ и она скоро себѣ попортила ихъ всѣ, такъ что ему кое-какъ удалось добраться опять до кузнеца, который поправилъ испорченныя крылья, а къ другой лошади, отнятой *міръ суснэ хумъ* у одного богатыря, придѣлалъ уже восемь крыльевъ. На ней онъ поѣхалъ снова осматривать все, что только существуетъ во вселенной. Проѣзжаетъ онъ чрезъ одно мѣсто, видитъ стоитъ куча людей, больныхъ, изможденныхъ, плохо одѣтыхъ и спрашиваетъ у коня, что это такое. «Это—разныя болѣзни, насылаемыя на людей». Поѣхали дальше: вдругъ *міръ суснэ хумъ* сталъ замѣчать, что шерсть у его коня подымается, что онъ начинаетъ спотыкаться и не мчитъ уже такъ легко впередъ, какъ это было раньше; затѣмъ впереди сталъ слышаться какой-то шумъ, который чѣмъ ближе, тѣмъ все болѣе и болѣе сталъ походить на трескъ деревьевъ и на хлестанье вѣтвей. Наконецъ, конь остановился и спрашиваетъ своего сѣдока, знаетъ-ли онъ, что дѣлается впереди, и на его отрицательный отвѣтъ сказалъ: «здѣсь мѣсто, гдѣ наказываются люди, желающіе вредить другимъ; люди,

которые завидуютъ сосѣдамъ и дѣлаютъ имъ разныя обиды; которые губятъ своихъ родныхъ и не помогаютъ въ несчастьи; здѣсь стоятъ три лиственницы, которыя съ страшною силой хлещутся одна съ другой и между ними стоятъ наказываемые; если хочешь, поѣдемъ впередъ, только держись крѣпко и закрывай плотнѣе голову.» *Міръ суснэ хумъ* согласился, конь помчался съ быстротою вѣтра, проскочилъ опасное мѣсто и остановился. *Міръ суснэ хумъ* открылъ голову, оглянулся и увидалъ, что на хвостѣ у лошади остались части туловища одного русскаго и одного маньза, которые въ это время подвергались наказанію, остальное осталось между деревьями. Послѣ этого они поѣхали дальше и скоро приблизились къ одному дому, двери котораго охранялись медвѣдемъ и волкомъ; звѣри эти знали, кто съ какимъ намѣреніемъ проходитъ мимо и поэтому однихъ, идущихъ съ какой-нибудь злой цѣлью, терзали, а другихъ свободно впускали въ домъ и даже очищали имъ одежду. Такъ-же ласково пропустили звѣри и *міръ суснэ хумъ*, но въ домѣ встрѣтившая его женщина стала браниться, что онъ испачкаетъ ее жилище и что ему необходимо прежде всего отправиться въ баню; онъ согласился и пошелъ. Баня была мѣдная и раскалена до красна, а вѣники желѣзные. Не хотѣлось *міръ суснэ хумъ* отказаться отъ своихъ словъ, вошелъ онъ въ баню и сталъ париться, прося мысленно мать выручить его изъ бѣды; она ему помогла, не замѣтилъ онъ совершенно жару и такъ парился, что даже не мало листиковъ отскочило отъ желѣзныхъ вѣниковъ. Вернулся чистый, но хозяйка, страшно удивленная его спасеніемъ, закричала, что сколько времени она ни живетъ, никогда ничего подобнаго не видала, но что всетаки она его не выпуститъ изъ дому; ушла и заперла его. Тогда лошадь сообщила ему чрезъ дверь, что въ заднемъ углу дома есть за постелью дверь, которая ведетъ въ подземелье, гдѣ хранится у хозяйки красавица-дочь; пускай онъ ее возьметъ, затѣмъ выломаетъ подъ окномъ три бревна и выходитъ на волю; все такъ и было сдѣлано, и *міръ суснэ хумъ* съ красавицей быстро вскочилъ на коня и помчался впередъ; проѣзжая чрезъ лѣсъ, *міръ суснэ хумъ*, по совѣту самой лошади, надѣлъ ей на переднія, заднія ноги и на морду берестяные колпаки, которые впослѣдствіи оказались очень полезными. Мать, вернувшись домой и не найдя ни дочери, ни плѣнника, погналась за ними въ погоню; первый разъ когда она ихъ догнала, она схватила коня за заднія ноги, но онъ вырвался, оставивъ въ ея распоряженіи только бересту; во второй разъ—за переднія ноги, въ третій—за морду, но вездѣ повторялось то-же самое. Но этимъ погоня не кончилась; тогда конь говоритъ своему хозяину, нѣтъ-ли у него чего-нибудь въ рукахъ; тотъ не догадывается, и такъ до трехъ разъ; наконецъ сообразилъ, что у него плеть, ударилъ ею коня и онъ помчался выше лѣсу и далеко оставилъ за собою погоню. Сказать слово «плеть» лошадь не могла—запрещено богомъ. Быстро подвигаясь впередъ, они домчались до потока, наполненнаго кипящей смолой, гдѣ, по словамъ лошади, мучились люди, умершіе искусственной смертью и предупредившіе такимъ образомъ волю бога; на берегу потока похищенная дѣвушка, которая успѣла уже полюбить своего похитителя, превратилась въ волосокъ (а она умѣла принимать разные виды), чтобы коню было легче черезъ него перепрыгнуть; миновавъ благополучно потокъ, они двинулись впередъ. Вдругъ впереди ихъ показался огонь, объѣхать который было нельзя; но конь говоритъ, что бояться нечего; пусть только онъ себя и дѣвушку покроетъ одеждой и не смотритъ на то, что дѣлается кругомъ; такъ и было исполнено; только чувствуетъ *міръ суснэ хумъ*, что они ѣдутъ и все конца нѣтъ; тогда онъ потихоньку открылъ голову и тотчасъ-же ее спряталъ, такъ какъ увидалъ, что они мчатся по огненному морю; наконецъ, чрезъ семь дней это путешествіе кончилось и они вздохнули свободно. Огонь этотъ сѣверное сіяніе—*сизь най тэхъ* или *торумъ най тэхъ* виденъ и до настоящаго времени и такъ какъ *міръ суснэ хумъ* съ конемъ были бѣлаго цвѣта, то поэтому въ немъ и замѣчаются бѣлыя полосы. Послѣ этого они подъѣхали къ морю, гдѣ у самаго берега замѣтили дверь, ведущую въ подводное царство. Конь посовѣтовалъ *міръ суснэ хумъ* оставить дѣвушку съ нимъ, а самому спуститься къ морскому царю—*витъ хонъ* (домъ былъ его); но лишь только онъ услышитъ стукъ въ дверь, такъ необходимо немедленно оттуда уходить, иначе морской царь напуститъ на него разныхъ морскихъ чудовищъ. Входитъ онъ въ домъ, изумился царь, никогда къ нему до того времени никто не приходилъ,—и спрашиваетъ его, что ему надо; на это *міръ суснэ хумъ* отвѣтилъ, что онъ осматриваетъ всю вселенную и между прочимъ заѣхалъ въ его царство. Тогда сталъ

витъ хонъ показывать ему свои богатства, наконецъ, отворилъ окошко и изъ него можно было увидать всѣхъ морскихъ рыбъ и чудовищъ. Въ это время послышался лошадиный стукъ и *міръ суснэ хумъ*, говоря, что ему необходимо посмотрѣть коня, быстро поднялся наверхъ, вышелъ на свободу, сѣлъ на коня и поскакалъ домой, осмотрѣвъ такимъ образомъ вселенную и добывъ себѣ невѣсту.

Вернувшись домой, онъ увидалъ свою мать очень дряхлой старухой, потерявшей зрѣніе и память на столько, что она его даже не узнала. Тогда онъ ударилъ ее кулакомъ въ грудь и она превратилась опять въ молодую, но настолько небольшаго роста, что кисти ея платка касались полу; тутъ она его признала, очень обрадовалась, что онъ вернулся изъ своего долгаго отсутствія и велѣла ему готовиться къ новому путешествію на небо къ отцу—*нуми*, чтобы получить отъ него власть надъ землей и надъ всемъ живымъ. Дѣйствительно, скоро *нуми*, утомленный постоянными распрями и ссорами, происходившими между его сыновьями, какъ объ этомъ уже было сказано, велѣлъ всѣмъ имъ явиться къ нему. Получивъ такой приказъ, *міръ суснэ хумъ* легъ, по совѣту матери, немедленно спать, затѣмъ она его разбудила, когда еще заря не потухала и велѣла немедленно летѣть на своей 8-ми крылатой лошади, уже вполнѣ готовой, на небо; онъ такъ и сдѣлалъ и явился первымъ къ дому отца, отъ чего и получилъ первенство надъ братьями, которыхъ онъ встрѣчалъ уже на обратномъ пути. Когда братья узнали о совершившемся, то стали негодовать на *міръ сусне хумъ* и особенно старшій *полумъ торумъ*, который по праву разсчитывалъ занять первенствующее мѣсто; поэтому онъ отправился къ *міръ сусне хумъ*, сталъ прежде всего его бранить, а послѣ началъ и драться; узнавъ про это, *нуми* немедленно послалъ своего крылатаго прислужника—*тоуль сдыръ*—ихъ разнять и убѣдить *полума* помириться со своей судьбой. Слова *тоуля* не произвели никакого впечатлѣнія и тогда онъ предложилъ имъ порѣшить свою ссору такимъ образомъ: взять самую сильную и быструю лошадь, связаться другъ съ другомъ волосами, перекинуться чрезъ сѣдло и поскакать; кто прежде устанетъ и застонетъ отъ боли, тотъ и долженъ уступить; они согласились, сдѣлали все такъ, какъ было условлено, и побѣдителемъ изъ этого вышелъ *міръ сусне хумъ*; дѣлать *полуму* было нечего и онъ призналъ старшинство брата; хотя еще два раза пытался съ нимъ бороться, но опять безуспѣшно.

Послѣ этого *міръ суснэ хумъ* вернулся домой, гдѣ нашелъ мать снова сильно постарѣвшей, а домъ совсѣмъ обвалившимся; въ чувалѣ-же догорала послѣдняя искра и не было припасенныхъ дровъ; при входѣ въ домъ, сынъ сильно хлопнулъ дверью, отъ этого и послѣдняя искра потухала: не узнала его *сянь торумъ*, стала бранить, а онъ взялъ ее на ладонь, дунулъ и сдѣлалась она молодой и красивой; увидала тогда, кто передъ ней, стала его цѣловать и радоваться его счастью, когда онъ ей все разсказалъ. Посовѣтовала она ему кромѣ одной жены взять еще нѣсколько, чтобы имѣть побольше сыновей, которые помогали-бы ему управлять землей; онъ послѣдовалъ ея совѣту, взялъ трехъ богатырскихъ дочерей и прижилъ съ ними семь сыновей. Стали обращаться къ нему разные народы съ просьбой придти и поселиться съ ними; самъ онъ отказывался исполнить ихъ просьбы, а посылалъ вмѣсто себя своихъ сыновей, но ихъ не хватило, а просить продолжаютъ, тогда онъ, по совѣту матери, послалъ въ одно мѣсто свою шапку, въ другое—рукавицы, въ третье—опояску, чтобы эти вещи постоянно напоминали людямъ объ его существованіи и только тогда, когда къ нему обратились бѣдные Маньвы, онъ согласился на ихъ просьбу и перешелъ туда, гдѣ теперь Троицкія юрты. Заботясь о людяхъ, онъ отправился къ морю сказать птицамъ, чтобы онѣ для приплода прилетали въ сѣверныя мѣста и сдѣлалъ у нихъ царемъ лебедя, а княземъ орла; людямъ-же показалъ устройство перевѣса, которымъ они пользуются и теперь, особенно во время весенняго и осенняго пролета; только первый разъ, когда птицы прилетѣли, онѣ хотѣли повернуть съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться: люди сдѣлали перевѣсъ на столько большой, что ни одной птицѣ нельзя было пролетѣть; подлетаетъ орелъ, спрашиваетъ змѣю, не слыхала-ли она отъ людей, сколько дней думаютъ они держать такой перевѣсъ. «Семь», отвѣчала змѣя; на другой день прилетаетъ лебедь, затѣмъ на третій—гусь, на четвертый — гагара, которой кое-какъ удалось перелетѣть чрезъ перевѣсъ, на пятый — утка; ей отвѣчаетъ змѣя, что осталось всего два дня, но что гагара уже пролетѣла и что лю-

ди, утомившись ждать, перестали такъ зорко слѣдить, какъ это было раньше; дѣйствительно, птицы всѣ собрались и большая часть изъ нихъ свободно перелетѣла приготовленную завадню, и такъ какъ мѣста, куда онѣ попали, были хорошія, то онѣ и рѣшили ежегодно сюда возвращаться.

Разсказанное сейчасъ преданіе о *міръ су нэ хумъ* считается сказаніемъ священнымъ — *елбынъ мойдъ*, слушать которое женщинамъ нельзя, а мущины къ нему должны относиться съ самымъ большимъ вниманіемъ, иначе невнимательнаго слушателя постигнетъ какое-нибудь наказаніе; разсказчику за это всегда что-нибудь даютъ изъ припасовъ и стараются доставить всевозможныя удобства; несмотря на сравнительную несложность и краткость разсказа встрѣчается весьма мало Маньзовъ, которые знали-бы его вполнѣ, большею же частью ограничиваются лишь одними отрывками.

Царствомъ тѣней, царствомъ мертвыхъ завѣдуетъ *куль одыръ* или просто *куль*—діаволъ, про котораго, какъ и про *мэнква*—лѣшаго—рѣчь будетъ впереди; теперь достаточно сказать только то, что мэнкновъ, изображаемыхъ обыкновенно въ видѣ людей высокаго роста, съ остроконечной открытой головой, съ волосами, обстриженными по-русски въ скобку и безъ малѣйшей растительности на лицѣ, теперь, по увѣреніямъ инородцевъ, стало гораздо меньше, чѣмъ было раньше, что можно объяснить появленіемъ огнестрѣльнаго оружія, котораго *мэнквы*, особенно заряженнаго мѣдными пулями, боятся больше всего. *Мэнквы* могутъ по своему произволу принимать различные виды, постоянно мѣнять ихъ, и этой способностью обладаютъ не только они сами, но и ихъ жены и дѣти. Они часто нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, съѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большіе лиственничные дома, построенные обыкновенно въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ непроходимыми болотами; здѣсь у нихъ немало хранится медвѣжьихъ шкуръ, которыя и служатъ имъ постелью; иногда *мэнквы* ограничиваются только тѣмъ, что пугаютъ; такъ напримѣръ, мнѣ разсказывалъ одинъ изъ маньзовъ, что онъ передъ поѣздкой въ дальній лѣсъ видѣлъ сонъ, предупреждающій его о грозящей ему со стороны *мэнква* опасности; онъ на это не обратилъ никакого вниманія, поѣхалъ, достигъ мѣста только къ ночи, развелъ огонь и пошелъ на рѣку за водой; тутъ его точно ледяной струей окатили, руки отказались почему-то сразу служить; онъ испугался, вернулся назадъ къ огню; вдругъ слышитъ по лѣсу раздаются тяжелые шаги, деревья трещатъ, сучья ломаются, вѣтеръ началъ свистать. Оробѣлъ маньзъ, а тутъ еще увидалъ, что прямо на него идетъ *мэнкв* въ своемъ обыкновенномъ видѣ, только настолько высокаго роста, что головой былъ выше всѣхъ деревьевъ; поглядѣлъ онъ на инородца, страшно захохоталъ и повернулъ назадъ; не помнитъ дальше разсказчикъ, что съ нимъ было, очнулся только къ утру, и то не надолго, заболѣлъ и пролежалъ въ горячкѣ болѣе двадцати дней; хорошо еще, что мимо проходили товарищи и захватили его съ собой, а то пришлось бы съ голоду умереть. Кромѣ *мэнквовъ* въ лѣсу еще водятся *уччи* съ собачьими когтями на рукахъ и ногахъ и съ собачьими клыками, и *мисъ хумъ* съ женой—*мисъ нэ* и съ дѣтьми—*мисъ няурамъ*, созданные *нуми* въ одинъ день съ *мэнквами*. *Мисъ хумъ* имѣетъ человѣческій видъ, только очень высокаго роста, выше дерева, и съ громадными бровями; если какая-нибудь изъ его дочерей (а у него ихъ много) зайдетъ къ кому-нибудь изъ мущинъ и сдѣлается на время его женой, то онъ въ короткое время сильно разбогатѣетъ, такъ какъ ему все начнетъ удаваться (съ этою цѣлью собственно и созданъ *мисъ хумъ* тотчасъ-же послѣ неожиданнаго, какъ мы увидимъ ниже, сотворенія *мэнква*); во время прихода дочери къ временному мужу ее никто изъ постороннихъ не видитъ и въ это время въ домѣ не должно быть ни одной женщины, а то она обидится и немедленно уйдетъ.

Въ водѣ живетъ кромѣ *витъ хонъ*—морскаго царя, про котораго мы уже говорили, еще *витъ куль*; онъ посланъ съ неба въ воду *нуми* еще въ то время, когда жили богатыри; живетъ онъ обыкновенно въ заводяхъ и питается исключительно землей, чтобы ее облегчать, для чего онъ и посланъ; что-же касается до *витъ хонъ*, живущаго въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби, гдѣ у него построенъ золотой домъ, то его послалъ *нуми* съ неба послѣ сотворенія рыбы, чтобы онъ слѣдилъ, сколько у какой рыбы будетъ икры и чтобы отпускалъ необходимое ея количество на потребности человѣка.

На этомъ мы и покончимъ разсказъ о богахъ и скажемъ нѣсколько словъ про богатырей, имена которыхъ намъ приходилось не разъ уже упоминать. Богатыри—*похатуръ* или

одыръ (оба слова, признаваемые маньзами за свои) и великаны прежде жили на небѣ и прислуживали богамъ; они были долговѣчны— ихъ жизнь продолжалась до 300—400 лѣтъ; какъ они созданы, свѣдѣній рѣшительно нѣтъ никакихъ; затѣмъ, когда ихъ стало много, они были спущены на землю; здѣсь они начали бороться и драться между собою — главнымъ образомъ, изъ-за женщинъ—и довели дѣло до того, что разсерженный *нуми* устроилъ потопъ, во время котораго они всѣ и погибли. Послѣ потопа хотя и были богатыри, но это вновь спущенные съ неба. Жили они или отдѣльными семьями, или цѣлыми селеніями, причемъ дома устроивали изъ камня и изъ земли; они отличались громадной силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали, чтобы всѣ могли видѣть, сколько каждый изъ нихъ убилъ враговъ; говорили они по обски, такъ какъ въ ихъ время еще языка маньзовъ не было—онъ появился послѣ потопа. Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ. Память о богатыряхъ жива до сихъ поръ и многіе изъ нихъ почитаются, особенно тѣ, которые умерли своею смертью, а не погибли во время потопа или не окаменѣли: нѣкоторые изъ нихъ были превращены въ камень за свое безбожіе и за дерзостное намѣреніе напасть на боговъ. Многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ — ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему-либо покровителями; и первые шайтаны—*пубы*, по преданію, сдѣланы самими богатырями, которые приказали ихъ дѣлать и на будущее время въ воспоминаніе давно минувшихъ временъ; приказанія эти переданы людямъ нѣкоторыми богами, которые строго смотрятъ за ихъ исполненіемъ. Про богатырей существуетъ масса преданій, которыя я не буду здѣсь приводить; ограничусь только разсказомъ, объясняющимъ появленіе словъ *мось хумъ* и *порхъ хумъ* и нѣкоторыми другими. Разъ богатыри, вернувшись съ охоты, только что расположились ѣсть убитую дичь, какъ видятъ, что на нихъ идетъ множество другихъ богатырей; часть ихъ испугалась, бросилась бѣжать, но, не желая разставаться съ мясомъ, захватила и его сырьемъ—это такъ называемые *мось хумъ* или *торумъ сыръ хумъ*; другіе же, побуждаемые голодомъ, остались и начали грѣть котелъ, но не успѣли; противники пришли и разбили имъ носы (они съ этою цѣлью и приходили — хотѣли насмѣяться); съ этихъ поръ они и стали носить имя *порхъ хумъ*; ихъ потомство и сохранили названіе *мось хумъ* и *порхъ хумъ*, и въ настоящее время всѣ маньзы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей, причемъ теперь большею частью, а прежде обязательно, брачные договоры совершаются между людьми, принадлежащими къ разнымъ поколѣніямъ; выйти женщинѣ изъ поколѣнія *мось хумъ* замужъ за человѣка, происходящаго изъ того-же рода, считается въ высшей степени предосудительнымъ, точно также и наоборотъ.

Выше Сартыньи версты на полторы жила одна женщина—*Урине* съ семью сыновьями-богатырями—*торумъ сири ванкрасъ одыръ*, которые занимались, подобно другимъ богатырямъ, только тѣмъ, что грабили проѣзжающихъ; для того, чтобы знать время ихъ проѣзда, они протянули чрезъ рѣку веревку съ колокольчиками и лишь только раздавался ихъ звонъ, они выходили, пробивали стрѣлами лодки, убивали сидящихъ въ нихъ и брали себѣ все ихъ имущество. Узналъ про это *тохытъ котль торумъ*, разсердился и говоритъ: «Я и божескій сынъ, а себѣ этого не позволяю». Пошелъ, нагналъ на нихъ сонъ, во время котораго перерѣзалъ веревку, протянутую чрезъ рѣку и спряталъ ихъ кольчуги; затѣмъ послалъ на нихъ богатырей, которые всѣхъ ихъ перебили, такъ какъ они безъ кольчугъ сражаться не могли; мать ихъ съ горя превратилась въ камень, который лежитъ тутъ-же въ рѣкѣ съ лѣвой стороны; кромѣ этихъ богатырей были на Сосьвѣ еще и другіе; напримѣръ, на разстояніи одной станціи отъ Березова по направленію къ Сартыньѣ, на Елдынъ-номѣ жило пять человѣкъ *онгытъ тармъ ӧхолъ одыръ* или *аньтъ тоуль нэнгра ӧутъ* съ 150 прислужниками; затѣмъ у *яли-усъ* жилъ богатырь съ женой — *яли-усъ ойка*; далѣе, между *Вангрѣнолъ* и *Ахтысъ усъ* прежде былъ каменный мостъ, соединявшій эти двѣ мѣстности, на которомъ нерѣдко происходили стычки между богатырями, обитавшими въ *ахтысъ усъ* и приходящими снизу; во затѣмъ мѣстные богатыри ушли, такъ какъ среди богатырскихъ обычаевъ былъ одинъ, который не позволялъ имъ жить тамъ, гдѣ происходили частыя схватки. Существующая у Вангрѣнола пещера обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующему обстоятельству: разъ одинъ богатырь

бѣжалъ отъ преслѣдующихъ его враговъ; у него былъ ящикъ съ разными дорогими для него вещами; видя, что его догоняютъ, онъ съ страшною силой бросилъ его въ утесы; шкатулка пробила отверстіе, и такимъ образомъ было положено началю пещерѣ; вотъ почему, по мнѣнію инородцевъ, въ ней и находились прежде разныя металлическія вещи, особенно зеркала. Послѣ богатырей, по преданію, остались нѣкоторыя вещи, такъ напримѣръ, въ Югримскихъ и Тегинскихъ юртахъ хранятся сабли, которыя мнѣ впрочемъ, не смотря на всѣ мои старанія, видѣть не удалось; объясняли это тѣмъ, что не всѣмъ суждено видѣть такія священныя вещи.

Со смертью, по вѣрованіямъ инородцевъ, жизнь не прекращается вполнѣ, такъ какъ начинается другая въ подземномъ царствѣ, обставленная извѣстными условіями. Инородцы вѣрятъ, что у каждаго человѣка, кромѣ тѣла, есть еще тѣнь—*исъ* и душа—*лили хелмхоласъ* (у животныхъ тоже); послѣдняя, по смерти человѣка, переходитъ въ тѣло новорожденнаго ребенка, принадлежащаго къ тому-же роду, членомъ котораго былъ умершій; если-же родъ весь вымеръ, то она переходитъ въ дѣтей другихъ родовъ, наконецъ, другихъ народностей, но никогда не переходитъ въ тѣло животныхъ. Что-же касается до тѣни, то она отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога *куль одыръ*; здѣсь она живетъ столько-же времени, сколько жилъ человѣкъ на землѣ, причемъ занимается тѣмъ-же самымъ дѣломъ, т. е. если человѣкъ на землѣ былъ оленеводомъ, то и подъ землей онъ будетъ имъ; если онъ исключительно билъ звѣря и ловилъ рыбу, то и тутъ онъ будетъ также охотиться, и т. д.; затѣмъ тѣнь начинаетъ понемногу уменьшаться, доходитъ до величины одного жучка — *кэръ хомлахъ* (по словамъ другихъ — превращается въ него) и, наконецъ, вполнѣ исчезаетъ. Люди, много грѣшившіе на землѣ, обижавшіе и непочитавшіе боговъ, будутъ нести за это наказаніе въ будущей жизни, которое, главнымъ образомъ, будетъ выражаться въ томъ, что они будутъ постоянно работать, но работа у нихъ не будетъ идти хорошо и трудъ ихъ будетъ мало вознаграждаться. При входѣ въ подземное царство главная дорога раздѣляется на три пути и у каждаго стоитъ по столбу, на которомъ сказано, кто куда долженъ идти: по среднему идутъ удавленники, утопленники, застрѣлившіеся и вообще всѣ, кто искусственно прекратилъ свою жизнь; по правому—остальные грѣшники, по лѣвому—люди, жившіе, какъ слѣдуетъ; людей, погибшихъ насильственною смертью, при входѣ будутъ бить, зачѣмъ они предупредили волю *нуми*, и затѣмъ впродолженіе всего пребыванія подъ землей они, кромѣ разныхъ неудачъ, небудутъ ничего испытывать; въ первое-же время они будутъ еще кипѣть въ расплавленной смолѣ. Если умираетъ кто-нибудь изъ семьи—отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра и т. д., то говорятъ: *савынъ падасъ*—мученію предался; если изъ постороннихъ и вообще изъ людей не близкихъ, то *позаласъ*—умеръ. Иногда тѣнь умершаго беретъ съ собой тѣнь кого-нибудь изъ родныхъ или близкихъ, и тогда тотъ человѣкъ скоро умираетъ. Царствомъ тѣней, освѣщаемымъ лишь луннымъ свѣтомъ, какъ я уже сказалъ, завѣдуетъ *куль одыръ*, про котораго, какъ толкуютъ маньзы, умный человѣкъ и говорить не будетъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось узнать слѣдующее: *куль одыръ* родился подъ землей, отъ кого — узнать не могъ; онъ владѣетъ цѣлымъ городомъ и живетъ со своей семьей въ большомъ золотомъ домѣ, гдѣ ему прислуживаетъ масса слугъ, вполнѣ похожихъ на людей, только меньшаго роста. Пока онъ не выходилъ изъ-подъ земли, богатыри и люди не умирали, но разъ ему захотѣлось посмотрѣть, какъ живетъ небесный богъ—*нуми торумъ*, полюбоваться его домомъ, а если возможно, то и отнять. Приходитъ, видитъ дворецъ, плѣнился имъ, хочется взять, но *нуми* догадался и крѣпко заперъ всѣ двери; *куль одыръ* этимъ не смутился и сталъ подкапываться подъ домъ, вполнѣ увѣренный, что, при паденіи, онъ попадетъ прямо въ его подземное царство. Замѣтивъ это и отлично понимая, съ какою цѣлью все это дѣлается, *нуми* перенесъ свой домъ въ другое мѣсто, подложивъ предварительно подъ него желѣзныя доски; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ семи слугамъ залѣзть въ старыя березы, отъ которыхъ осталась одна только береста и сердцевина которыхъ была вся уже изъѣдена, и караулить *куль одыръ*. Лишь только послѣдній пришелъ, его немедленно схватили, засадили въ желѣзную бочку, крѣпко забили и бросили въ темное мѣсто; отъ долгаго сидѣнія въ этой бочкѣ онъ высохъ, какъ щепка. Отецъ *нуми*, *корсъ торумъ*, по своей добротѣ приказалъ освободить его и, не желая, чтобы онъ оставался безъ дѣла, поручилъ

ему завѣдываніе подземнымъ царствомъ и приказалъ ежедневно являться къ *нуми* и брать у него записи, кому слѣдуетъ умирать, а также на кого насылать болѣзни («иначе слишкомъ много людей будетъ», думалъ *корсъ торумъ*); съ тѣхъ поръ *куль одыръ* сталъ приходить къ *нуми*, который его въ свой домъ всстаки не пускаетъ, а заставляетъ сидѣть у порога. Вернувшись въ свое царство, *куль-одыръ* сталъ охотиться за звѣремъ, птицей и рыбой, многихъ убивалъ, но еще большее количество портилъ; всякое животное, какъ только онъ начиналъ ѣсть, дѣлалось чернымъ и теряло способность насыщать людей. Люди, которымъ, при видимомъ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, грозила голодная смерть, обратились за помощью къ *нуми*, который быстро спустился на землю, убилъ рябчика, все недававшагося *кулю* и отличавшагося въ то время своей величиной и особенно голосомъ, гремѣвшимъ подобно грому, разрѣзалъ его на кусочки и роздалъ ихъ различнымъ животнымъ, у которыхъ отъ этого или все тѣло побѣлѣло или только его часть; послѣдній-же кусокъ опять превратилъ въ рябчика, но уже маленькаго и такого, котораго могъ добывать всякій охотникъ; послѣ этого люди успокоились, такъ какъ пища стала ихъ насыщать. Получивъ записи отъ *нуми*, *куль* беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною чрезъ тундры въ свое царство, причемъ чрезъ воду перевозитъ въ огненной лодкѣ; если по ошибкѣ онъ возьметъ тѣнь раньше времени, то, по приказанію *нуми*, онъ возвращаетъ ее назадъ, и этимъ и объясняются, по мнѣнію инородцевъ, тѣ продолжительные обмороки, въ которые иногда впадаютъ люди.

По разсказамъ нѣкоторыхъ инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить огненные потоки, поэтому-то они никогда и не бросаютъ сломанныхъ или остриженныхъ ногтей и волосъ, которые до поры до времени хранятся гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чтобы потомъ первою по смерти весною, когда прилетятъ чирки, вырвать у нихъ два хвостовыхъ пера и сжечь ихъ вмѣстѣ съ спрятанными ногтями и волосами; тогда эти волосы и перья дадутъ тѣни возможность перейти чрезъ огненные потоки и вскарабкаться на высокія горы. Вслѣдствіе такихъ взглядовъ на будущую жизнь, инородцы, когда хоронятъ своихъ покойниковъ, надѣляютъ ихъ всѣмъ, что только составляло ихъ собственность въ этой жизни и затѣмъ потомъ иногда пополняютъ этотъ запасъ, особенно съѣстными припасами, водкой и табакомъ, для чего въ могилѣ всегда оставляется нѣчто вродѣ окошка, куда опускаются также и небольшія деревянныя лопаточки, замѣняющія ложки (подобныя лопаточки употребляются также и при жертвоприношеніяхъ, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, боги пищу ѣдятъ ими, а не ложками; поэтому у всякаго идола какъ въ его казнохранилищѣ, такъ и въ мѣстѣ приношенія жертвъ, всегда находится не мало такихъ лопаточекъ, приносимыхъ вѣрующими вмѣстѣ съ пищей своимъ богамъ). Обыкновенно умершаго стараются похоронить въ тотъ же день, когда онъ умеръ, причемъ тѣло выносятъ не чрезъ дверь, а чрезъ окно или, если покойникъ въ чуму, то чрезъ нарочно прорѣзанное отверстіе. До кладбища, расположеннаго у маньзовъ и верховыхъ остяковъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ лѣсу, тѣло, вполнѣ одѣтое, несутъ на рукахъ или везутъ на оленяхъ, которые при этомъ обязательно убиваются на свѣжей могилѣ и преимущественно посредствомъ удавленія: на шею закидываютъ петлю, привязываютъ за свободный конецъ къ дереву и затѣмъ ударами заставляютъ оленя бѣжать въ ту или другую сторону, такъ что онъ душитъ самаго себя; послѣ этого ему въ сердце втыкаютъ деревянную спицу; шкуры этихъ оленей зарываютъ тутъ же рядомъ съ могилой, мясо съѣдаютъ, а кости кладутъ къ покойнику. Могила у маньзовъ и верховыхъ остяковъ вырывается не глубже двѣнадцати вершковъ или одного аршина и имѣетъ бока выложенные деревомъ или берестой; въ такую яму опускаютъ лодку, обыкновенно однодеревку, большею частью съ отпиленной кормой и носомъ и съ уплощеннымъ дномъ и сверху закрываютъ берестой или досками; по неимѣнію лодки, тѣло кладутъ въ ящикъ, по формѣ всетаки похожій на лодку. Поверхъ ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крышка, уплощенная и только слегка покатая на обѣ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, отъ чего не смотря на малую глубину могилы и на то, что тѣло землей не засыпается, запаха на кладбищахъ не бываетъ. Наконецъ, вершковъ на 6 — 8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная

совершенно подобно предыдущей. Вещи кладутся, особенно мелкія во внутреннюю часть, и только болѣе крупныя — лыжи и т. п., находятся на крышкѣ гроба; сверху же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нарты, весло, оленій шестъ, иногда лодка. Интересенъ тотъ фактъ, что надъ инородцемъ, умершимъ вдали отъ родины, напримѣръ на Оби во время рыбной ловли, на родинѣ всегда совершаютъ обрядъ погребенія, причемъ такъ-же вырываютъ могилу, такъ-же кладутъ разныя вещи и даже такъ-же совершаютъ нѣчто вродѣ поминокъ, какъ это бываетъ и съ обыкновенными покойниками. Послѣ того какъ гробъ опущенъ въ могилу, начинаютъ варить какое-нибудь мучное или мясное кушанье, вываливаютъ затѣмъ все сбоку гроба, пробиваютъ дно у котла и кладутъ его тоже въ могилу. У самоѣдовъ и низовыхъ остяковъ, кстати сказать, могилъ обыкновенно не роютъ, а тѣло кладутъ прямо на материкъ, причемъ сверху покрываютъ опрокинутыми нартами. У нихъ-же существуетъ обычай, чтобы жены послѣ смерти мужей дѣлали изъ бересты, дерева и шкурокъ куклы, долженствующія олицетворять покойника, и въ продолженіи шести мѣсяцевъ класть ее съ собой спать, угощать ѣдой, и т. д.; если этого не дѣлать, то тѣнь умершаго будетъ мстить. Кукла эта помѣщается всегда въ почетномъ мѣстѣ, которое при жизни составляло принадлежность хозяина. Это время считается временемъ траура, и рѣдко какая-нибудь изъ вдовъ рѣшится вновь выйти замужъ ранѣе истеченія положеннаго срока. Одежда и украшенія на куклѣ дѣлаются подобными настоящимъ, а иногда какая-нибудь старательная вдова вырѣзаетъ даже лицо и раскрашиваетъ его разными красками. Внѣшними признаками траура считаются у нѣкоторыхъ инородцевъ—распусканіе волосъ (у мущинъ впродолженіе пяти дней, у женщинъ—четырехъ), ношеніе косъ спереди, а не сзади (у мущинъ впродолженіе пяти мѣсяцевъ, у женщинъ — четырехъ, причемъ головные платки послѣдними носятся тогда на изнанку; кромѣ того мущины надѣваютъ на какой-нибудь шнурокъ одну или двѣ бусы и носятъ ихъ на шеѣ или на рукѣ до тѣхъ поръ, пока шнурокъ не перетрется. Плача при погребеніи обыкновенно не бываетъ; но это, по всей вѣроятности, зависитъ отъ того, что маньзи вообще, какъ и всѣ инородцы сѣверо-западной Сибири, плакать не охотники, и если иногда этимъ и занимаются, то исключительно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось наблюдать, въ пьяномъ состояніи. При приближеніи смерти умирающему въ ротъ вставляютъ палочку, которая не позволяетъ ему сильно стискивать зубы, и лишь только онъ умретъ, голову покрываютъ платкомъ, одѣваютъ во все лучшее и кладутъ на то-же мѣсто, гдѣ онъ умеръ; въ это время обыкновенно не говорятъ ни слова. Затѣмъ женщины распускаютъ волосы и начинаютъ плаксивымъ голосомъ причитывать объ умершемъ: о томъ, какой онъ былъ хорошій охотникъ, какъ заботился о семьѣ, и т. д.; иногда тоже самое продѣлываютъ и мущины, которые въ это время заняты приготовленіемъ гроба и могилы. Когда гробъ готовъ, въ него укладываютъ покойника: мущину—мущины, а женщину—женщины, закрываютъ его, чертятъ иногда углемъ на крышкѣ какого-нибудь звѣря, птицу или рыбу и говорятъ, что все готово; тогда старшая изъ женщинъ въ семьѣ— бабушка или мать, за неимѣніемъ первой, начинаетъ приподымать гробъ; если тяжело, то обѣщаетъ сдѣлать какое-нибудь приношеніе богамъ: *міръ суснэ хумъ*, *сянь торумъ* и *куль одыръ*; тоже самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе по старшинству, сперва женщины, послѣ мущины; затѣмъ уже тѣло несутъ или везутъ на кладбище. Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ погребенія самая выгодная находка—это шаманская могила, такъ какъ въ ней всегда можно найти помимо обыденныхъ вещей, и изображенія боговъ, и разные талисманы ввидѣ просверленныхъ зубовъ животныхъ, ихъ челюстей, разныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа, имѣющіе то или другое таинственное значеніе.

Разсматривая далѣе слѣды языческихъ вѣрованій маньзовъ, намъ остается сказать только, какъ они смотрятъ на сотвореніе міра и на его окончаніе. Про сотвореніе они разсказываютъ слѣдующее: прежде всего *корсъ торумъ* создалъ небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звѣзды, причемъ земля была создана плоской, сверху прикрытой небомъ, а съ краевъ окруженной водой; сама она неподвижна, но за то солнце и луна двигаются вокругъ нея. При ея сотвореніи было поступлено такъ: вначалѣ вода покрывала собою все существующее и *корсъ торумъ* велѣлъ *лули*, птицѣ, отлично ныряющей, достать со дна не много земли; она три раза ныряла, но первые два безуспѣшно и только въ третій захватила не-

много песку и то поперхнулась, и онъ разлетѣлся въ разныя стороны, только одинъ небольшой комочекъ и остался на мѣстѣ, у самой-же изъ горла пошла отъ натуги кровь, которая запачкала ей немного голову, отъ чего у нея и до сихъ поръ голова красная. Тогда прилетѣла гагара, стала смѣяться надъ лулой, говоря, ей-ли такой небольшой птицѣ доставать изъ-подъ воды землю; нырнула сама два раза, но оба безуспѣшно, а на третій выплыла замертво. *Лули*, чтобы дать ей вздохнуть, положила ея голову къ себѣ на спину, запачкала при этомъ ей зобъ кровью (у гагары этой и до сихъ поръ онъ красный) и привела ее въ чувство. Когда та оправилась, она и говоритъ *лули*: «Спасибо, никогда этого не забуду; будь ты съ этихъ поръ старшей, а я тебя буду во всемъ слушаться». Послѣ этого онѣ улетѣли, и гагара стала считаться младшей, а лула старшей сестрой. На другой день изъ того комочка, который вынесла *лули*, сдѣлалась земля такой величины, что на нее можно было поставить одну ногу; затѣмъ она стала дѣлаться все больше и больше, такъ что птица въ первый разъ могла ее облетѣть въ то время, въ какое поспѣваетъ котелъ, во второй— до полудня съ восхода солнца, а въ третій— уже приходилось летѣть цѣлыхъ три дня; затѣмъ земля достигла своей обыкновенной величины, хотя и теперь еще она понемногу увеличивается; для избѣжанія же слишкомъ сильнаго расширенія существуетъ *витъ куль*, о которомъ рѣчь была раньше, и который исключительно питается землей, а также и лѣсные пожары, посылаемые теперь *нуми*, съ тою же цѣлію облегченія земли, которая иначе отъ тяжести все болѣе опускалась-бы подъ воду. Вмѣстѣ съ этимъ были созданы и богатыри, которые, какъ уже было сказано, сильно воевали между собою, главнымъ образомъ изъ-за женщинъ, и много проливали крови.

Нуми торумъ, который, по порученію отца, слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается на землѣ, нѣсколько разъ предупреждалъ ихъ, но все напрасно; тогда онъ спустился на землю и все поджегъ. Много при этомъ погибло богатырей, но не всѣ. Оставшіеся въ живыхъ стали себѣ, за неимѣніемъ лѣса, строить землянки, слѣды которыхъ видны и теперь (по словамъ другихъ, землянки эти — остатки жилищъ самихъ маньвовъ, которые спасались въ нихъ во время нападенія враговъ, причемъ изъ нихъ нерѣдко вели подземные ходы въ глубь лѣса и къ рѣкѣ); остатки такихъ землянокъ существуютъ, напримѣръ, на Сѣверной Сосьвѣ, по лѣвой сторонѣ рѣки, на три версты ниже и на двѣ выше Сартыньи. Не обращая вниманія на постигшее ихъ несчастіе, богатыри опять вступили въ ожесточенную борьбу между собой; тогда *нуми* велѣлъ водѣ выйти изъ береговъ и все потопить. Повелѣніе было исполнено, и погибло все живое, за исключеніемъ лишь семи сыновей *нуми*, которыхъ онъ на это время взялъ къ себѣ на небо.

Во время наводненія—*яныхъ витъ*, *елбынъ витъ*, продолжавшагося три дня, *корсъ торумъ* убралъ солнце, луну и звѣзды, чтобы сдѣлать полную темноту и лишить такимъ образомъ всѣхъ возможности спастись. Послѣ того какъ вода сбыла, *нуми* приступилъ къ творенію новыхъ существъ, такъ какъ онъ увидалъ, что никого нѣтъ на землѣ, которой необходимо придать жизнь; въ то-же самое время, лишь только земля немного обсохла, *корсъ торумъ* нечаянно уронилъ свой поясъ, и изъ него произошелъ Уральскій Хребетъ. При этомъ надо оговориться, что нѣкоторые изъ разсказщиковъ утверждали, что до наводненія *нуми* былъ старикомъ и дѣтей не имѣлъ, но, выкупавшись во время потопа, онъ сразу помолодѣлъ и сдѣлался затѣмъ отцомъ семи сыновей.

Приступивъ къ устройству живыхъ существъ, *нуми* прежде всего вырѣзалъ изъ лиственницы два бревна, придалъ имъ форму человѣка, и чтобы прикрѣпить голову, которая все падала на грудь, воткнулъ между грудью и шеей гвоздь и такимъ образомъ подперъ ее; затѣмъ поставилъ на ноги спиной къ себѣ, дунулъ, и куклы ожили, свиснули, убѣжали въ лѣсъ и сдѣлались *мэнквами*, т. е. лѣшими. Благодаря гвоздю, подпирающему голову, они не могутъ смотрѣть внизъ, часто оступаются, падаютъ и при паденіи обыкновенно умираютъ, такъ какъ гвоздь вонзается имъ въ голову.

Увидалъ *нуми*, что сдѣлалъ не хорошо, приступилъ второй разъ къ творенію, причемъ взялъ уже лиственничную сердцевину, сдѣлалъ изъ нея нѣчто вродѣ остововъ, которые затѣмъ оплелъ лиственничными-же корнями, поставилъ лицемъ къ себѣ, дунулъ, они ожили, и такимъ образомъ появились первые люди, совершенно подобные теперешнимъ, только мохнатые. *Нуми* разрѣшилъ имъ ходить вездѣ, гдѣ только имъ захочется; позволилъ ѣсть все, что они увидятъ, за исключеніемъ голубики

мэнкв пиль ив; послѣ этого онъ поднялся на небо отдыхать отъ своихъ трудовъ.

Чрезъ нѣсколько времени захотѣлось ему посмотрѣть, что дѣлаютъ на землѣ новые ея поселенцы. Спустился внизъ, смотритъ вездѣ и нигдѣ ихъ не находитъ; кричитъ—никто не отзывается; наконецъ увидалъ ихъ спрятанными подъ кустами, велѣлъ вылѣзть оттуда и къ своему удивленію увидалъ, что они потеряли всѣ свои волосы и стали голыми. Оказывается, что они не послушались повелѣнія *нуми*, поѣли запрещенныхъ ягодъ (принималъ-ли въ этомъ участіе *куль* или *мэнкв* или нѣтъ—неизвѣстно), и волосы у нихъ всѣ вылѣзли, и они стали зябнуть и прятаться въ кусты, хоть немного защищающіе отъ вліянія холода и сырости. Разсердился на нихъ богъ, сталъ имъ выговаривать, зачѣмъ они ослушались его воли, а самъ думаетъ: «что-же мнѣ съ ними дѣлать? какъ они будутъ жить? вѣдь все равно зимою погибнутъ отъ холодовъ»; дунулъ на нихъ, и они разсыпались.

Приступилъ послѣ этого богъ въ третій разъ къ устройству людей: взялъ тальнику, сплелъ изъ него нѣчто вродѣ скелетовъ, обмазалъ глиною, поставилъ передъ собою, дунулъ на нихъ, и появились люди, положившіе начало человѣческому роду. Вмѣстѣ съ ними *нуми* сотворилъ изъ сосновыхъ сучьевъ оленей, рыбъ, птицъ и звѣрей; показалъ человѣку—маньзи (остальныя народности—русскіе, зыряне, самоѣды и татары были созданы раньше, сейчасъ-же послѣ мэнква передъ неудавшимися маньзи, но какимъ образомъ, про то они ничего не знаютъ) всѣ рыболовные и звѣроловные снаряды, какъ ихъ дѣлать и какъ ими пользоваться; показалъ также устройство лодки, лыжъ, нарты и дома, однимъ словомъ, всего, что только полезно человѣку; затѣмъ указавъ на то, что у нихъ будутъ дѣти, онъ приказалъ ихъ пріучать къ охотѣ за звѣремъ, птицей и рыбой и передать затѣмъ все то, что они слышали отъ него; послѣ этого онъ поднялся на небо и сталъ отдыхать довольный теперь своимъ твореніемъ.

Кромѣ такого преданія о созданіи человѣка существуетъ и другое, въ которомъ слишкомъ замѣтны слѣды христіанства. Разсказываютъ, что мужъ и жена были созданы изъ глины, но жили прежде на небѣ; затѣмъ когда отъ нихъ пошло многочисленное потомство, богъ спустилъ ихъ на землю. Пожили они здѣсь, но затѣмъ имъ опять хотѣлось попасть на небо. Стали они проситься, но богъ ихъ не послушалъ; тогда они приступили къ постройкѣ большого дома и хотѣли его довести до неба, но богу это не понравилось, и когда они стали приближаться къ нему, то онъ толкнулъ ногой и все разсыпалось; при этомъ много народу погибло, а оставшіеся въ живыхъ перестали понимать другъ друга, такъ какъ начали говорить на разныхъ языкахъ; съ этого-то времени и пошли разные народы; тогда-же богъ и велѣлъ людямъ, по прошествіи нѣкотораго времени, умирать и превращаться въ ту глину, изъ которой они созданы. Далѣе разсказываютъ еще такъ, что богъ, спустивши съ неба мужа съ женой, запретилъ имъ брать что-нибудь и класть себѣ въ ротъ. Они первое время исполняли приказаніе, но потомъ жена завела мужа въ лѣсъ и соблазнила его рябиной, поѣвши которую, они вдругъ почувствовали стыдъ, но ѣсть имъ всетаки не хотѣлось и жили они другъ съ другомъ, какъ посторонніе. Богъ, желая провѣдать людей, спустился на землю, искалъ ихъ и не нашелъ сталъ кликать, откликнулись, говоря, что имъ совѣстно ему показаться. Догадался богъ, въ чемъ дѣло, сталъ имъ выговаривать и опредѣлилъ въ наказаніе испытывать чувство голода и жажды, имѣть потребность въ одеждѣ, въ болѣзняхъ рождать дѣтей и такъ-же умирать.

Созданный міръ не будетъ вѣчнымъ и онъ кончится, благодаря потопу, который произойдетъ отъ того, что *нуми*, желая сдѣлаться молодымъ (что ему разъ уже удалось, какъ о томъ было выше сказано), станетъ купаться; послѣ этого купанья вода превратится въ жидкую огненную массу, которая подымется до такой высоты, что до неба останется разстоянія не болѣе лебединой шеи. За семь лѣтъ до наступленія этого, всѣ *кули* и *мэнквы* направятся въ подземное царство ввиду предстоящей имъ большой работы и по дорогѣ будутъ съѣдать всѣхъ попадающихся. За семь дней до потопа будетъ постоянно слышаться громъ и чувствоваться удушливый непріятный запахъ. Что же касается до него самого, то онъ будетъ продолжаться ровно столько, сколько нужно для сваренія икры, т. е. не болѣе одного часу; благодаря такой быстротѣ, люди почти всѣ погибнутъ; спасутся лишь тѣ, которые успѣли себѣ приготовить плоты изъ семи рядовъ осины (по другимъ—лиственницы), изъ которыхъ шесть сгорятъ, а седьмой оста-

нется. На этихъ плотахъ должны быть шатры, сдѣланные изъ кожи осетровъ и стерлядей; и кромѣ того тутъ-же должны находиться канаты, сплетенные изъ тальника и длиною не менѣе трехъ-сотъ саженей. Въ это время комары, мошки и муравьи достигнутъ величины соболя, будутъ плавать поверхъ воды и будутъ уничтожать тѣхъ, которые не позаботились приготовить себѣ плотнаго полога. Послѣ потопа возстанутъ тѣ, которымъ кончился срокъ пребыванія ввидѣ тѣни *иса*, т. е. кто, напримѣръ, имѣя тридцать лѣтъ отъ роду, умеръ тридцать лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, весь міръ будетъ состоять изъ людей, спасшихся отъ потопа, и изъ окончившихъ свой срокъ. Тогда съ неба спустится *нуми* и приступитъ къ суду; въ чемъ будетъ заключаться судъ и каковы награды съ наказаніями, ожидающія грѣшниковъ и праведниковъ, точно неизвѣстно. Проживши затѣмъ еще столько же, сколько жили на землѣ, а оставшіеся въ живыхъ столько, сколько жили до потопа, всѣ обратятся сперва въ *кэръ хомлахъ*, а затѣмъ въ прахъ, что и будетъ служить указаніемъ на полное окончаніе міра.

Вотъ тѣ слѣды языческихъ вѣрованій, которые мнѣ удалось подмѣтить у маньзовъ. При настоящихъ условіяхъ язычество для нихъ болѣе доступно и привлекательно, чѣмъ христіанство, котораго они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не понимаютъ: при жертвоприношеніяхъ, при гаданіяхъ, они сознаютъ, что дѣлается, они сроднились съ этимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ они являются почти такими-же дѣйствующими лицами, какъ и шаманы, что для нихъ, конечно, опять таки служитъ завлекающимъ мотивомъ: при всѣхъ языческихъ обрядахъ они наѣдятся, напьются, напляшутся и напоются, такъ какъ при нихъ всегда бываетъ и пляска, и пѣніе; однимъ словомъ, эти обряды являются для нихъ не только средствомъ общенія съ богами, но и мѣстомъ развлеченія и наслажденія, чѣмъ, конечно, никогда не можетъ быть христіанство.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Примѣты и повѣрья.

1. Если во время пути готовятъ себѣ пищу, то, при уходѣ, обязательно сваливаютъ ту палку, на которой висѣлъ котелъ, иначе у варившаго будетъ постоянно болѣть голова, будутъ лѣзть волосы и въ будущей жизни онъ будетъ испытывать только одни мученія.

2. При приготовленіи пищи въ дорогѣ, необходимо оставлять нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, одно полѣно, иначе нечѣмъ будетъ грѣться тѣни умершаго, идущей въ подземное царство.

3. Женщины не могутъ ѣсть сердца, головы и груди медвѣдя,—недостаточно чисты для этого.

4. Женщины съ рѣки Сыгвы не могутъ ѣсть мерзлой щуки и мерзлаго налима, а во время беременности и сырковъ все равно, будетъ-ли это лѣтомъ или зимой, такъ какъ отъ этого онѣ сами или ихъ дѣти будутъ хворать.

5. Среди животныхъ бываютъ чистыя и нечистыя; къ первымъ относятся *люли*-родъ небольшой гагары и змѣя; ко вторымъ—лягушка, ящерица и паукъ. *Люли* почитается за то, что она принимала участіе въ твореніи земли: когда суши еще не было и вода покрывала все существующее, тогда богъ *Корсъ-торумъ* велѣлъ ей нырнуть и захватить со дна земли; она это сдѣлала, и вынутая ею земля послужила началомъ твердаго пространства. Змѣю бить и ѣсть нельзя потому, что въ нее иногда входитъ богъ; отчасти по такой-же причинѣ нельзя ѣсть и нечистыхъ животныхъ—лягушку, ящерицу и паука: въ нихъ тоже не рѣдко входитъ, но только не богъ, а *манкв*, который чрезъ нихъ можетъ попасть и въ человѣка. Когда у ящерицы отваливается хвостъ, то это служитъ указаніемъ на то, что ее оставляетъ *манкв*; вотъ почему увидать отпаденіе этой части тѣла нехорошо, и оно часто предзнаменуетъ смерть кого-нибудь изъ близкихъ. Единственное средство избавится отъ исполненія предзнаменованія—это поскорѣе убить подобную ящерицу тѣмъ болѣе, что это будетъ и богоугодное дѣло: ящерица часто смотритъ на солнце съ раскрытымъ ртомъ, желая его проглотить; желаніе это ей внушается дьяволомъ, и всякій долженъ воспрепятствовать его исполненію, такъ какъ солнце создано *Корсъ-Торумъ* и оно необходимо для всего живущаго. Если при варкѣ пищи въ котелъ попадаетъ какое-нибудь изъ названныхъ нечистыхъ животныхъ, то содержимое котла вываливается и выливается, а самъ онъ тщательно моется и даже иногда окуривается. За убіеніе трехъ, а еще лучше семи безхвостныхъ ящерицъ прощается много грѣховъ.

6. Если огонь въ кострѣ или чувалѣ зашипитъ, то хозяинъ начинаетъ спрашивать, что ему надо, и если по близости есть гдѣ-нибудь шаманъ, то зоветъ его, а если нѣтъ, то приноситъ жертву самъ; также поступаютъ, если огонь, горѣвшій все время прямо, вдругъ наклонится въ сторону; если жертвы не принести, то можетъ случиться несчастіе.

7. Послѣ смерти кого-нибудь изъ близкихъ, необходимо принести въ жертву хотя бы одного оленя, чтобы заткнуть дыру, чрезъ которую вынесли покойника, иначе опять кто-нибудь умретъ; по этой-же причинѣ покойника никогда не выносятъ чрезъ дверь, а всегда или чрезъ окно, или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе.

8. Сломанныхъ и остриженныхъ ногтей, а также и волосъ никогда не бросаютъ, а хранятъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ; ногти кладутъ себѣ большею частью за пазуху (если они оттуда выпадаютъ, то на это вниманія уже не обращаютъ). Дѣлаютъ это потому, что, по мнѣнію инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить чрезъ огненные потоки; поэтому первой по смерти весной, когда прилетаютъ чирки, вырываютъ у нихъ два хвостовыхъ пера и вмѣстѣ съ волосами и ногтями сжигаютъ; тогда эти волосы съ ногтями и перьями дадутъ тѣни возможность благополучно добраться до подземнаго царства, не взирая ни на огненные потоки, ни на высокія горы.

9. Если при себѣ имѣть мордочку лисицы, соболя или горностая, то все будетъ удаваться.

10. Если на поясѣ носить медвѣжій клыкъ, то не будетъ болѣть спина.

11. Если мущина пройдетъ какъ-нибудь нечаянно подъ какой-нибудь принадлежностью женскаго костюма или подъ самой женщиной, сидящей, напримѣръ, въ амбарѣ, то ему необходимо надо быть окуреннымъ бобровой струей, или чѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ онъ осквернился; вотъ почему женскія вещи никогда не висятъ при входѣ въ жилье; точно также необходимо мущину окурить, если онъ дотронулся, а тѣмъ болѣе если имѣлъ сношеніе съ женщиной, у которой мѣсячное очищеніе.

12. Женщины не могутъ сидѣть, лежать и спать въ переднемъ углу, иначе хозяину дома во всемъ будетъ неудача; точно также не могутъ тамъ лежать и женскія вещи.

13. Если женщина хорошо одѣта, то про нее говорятъ: *най эгва*-богиня и желаютъ ей быть постоянно такой.

14. Если хотятъ высказать пожеланіе, чтобы какая-нибудь вещь служила долго, то говорятъ: «пусть она живетъ *хэлмхоласъ нотъ* или *хелмхоласъ сунсы емцъ*-человѣческій вѣкъ».

15. Если гость отсидитъ себѣ ногу, то это означаетъ, что ему придется опять быть скоро въ гостяхъ у того-же хозяина.

16. Если звѣзда падаетъ на востокъ, то это указываетъ на то, что человѣкъ родился; если на западъ, что умеръ.

17. Если въ теченіе теплаго времени бываетъ сѣверное сіяніе-*торумъ най тэхъ*, *сизъ най техъ*, то это указываетъ на скорое наступленіе холодовъ.

18. Если рыть очень глубокую яму, то можно докопаться до подземнаго царства, такъ какъ оно не очень далеко; вотъ почему золотопромышленники при своихъ работахъ иногда доходятъ до такого мѣста, что снизу начинаетъ дуть вѣтеръ; это уже служитъ указаніемъ, что имъ осталось до подземнаго царства еще немного; во избѣжаніе несчастія необходимо яму немедленно зарыть.

19. Если съ мущиной или женщиной на открытомъ воздухѣ или въ жилищѣ сдѣлается обморокъ или припадокъ, то это объясняютъ такъ: у *нуми торумъ* есть золотой посохъ, который онъ постоянно держитъ въ сосудѣ съ живой водой-*лилингъ витъ*; если онъ увидитъ гдѣ-нибудь грѣшнаго человѣка, то начинаетъ волновать воду и тотъ человѣкъ, на котораго онъ посмотрѣлъ, немедленно падаетъ. Къ такого рода людямъ инородцы относятся совершенно спокойно и говорятъ, что если-бы *нуми-торумъ* всѣхъ судилъ строго, то тогда не осталось-бы ни одного человѣка. Про такіе припадки говорятъ: «*Нумылъ патвесъ*-сверху ударилъ (т. е. *нуми торумъ*)».

20. Олень и заяцъ родные братья, такъ какъ и тотъ, и другой ѣдятъ олeній мохъ.

21. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ; благодаря этому, его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда *нуми* послалъ одного изъ богатырей *мось-хумъ* его наказать за хвастовство. *Мось хумъ* погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ двѣ заднія ноги и сбросилъ на землю; съ этихъ поръ у лося и стало четыре ноги, и онъ сдѣлался обычной добычей человѣка; вспоминаніе-же о шестиногомъ лосѣ на небѣ осталось ввидѣ большой медвѣ-

дицы; путь по которому *мось хумъ* гналъ лося, называется *мось хумъ ōза лонгха* и есть ничто иное, какъ млечный путь.

22. Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, но затѣмъ во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить *нуми* превратить его въ птицу; желаніе это было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служитъ то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе.

23. Царемъ птицъ прежде былъ сдѣланъ *міръ сусиэ хумъ* лебедь, а княземъ—орелъ; но затѣмъ на мѣсто перваго онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣетъ во время кричать: весною начинаетъ очень рано, а осенью перестаетъ очень поздно; поэтому остальная птица не знаетъ точно времени прилета и отлета и нерѣдко вслѣдствіе этого погибаетъ.

24. О происхожденіи медвѣдя, кромѣ того, что онъ спущенъ съ неба, говорятъ также, что у одной женщины былъ сынъ, который ея ни въ чемъ не слушался; тогда она его прокляла, онъ убѣжалъ въ лѣсъ и превратился въ медвѣдя.

25. По другому преданію, собака и медвѣдь прежде были на небѣ; когда *нуми* ихъ спускалъ и хотѣлъ собакѣ дать лукъ со стрѣлами, чтобы она лучше могла помогать человѣку при его охотѣ, то медвѣдь запросилъ себѣ пятый палецъ, при помощи котораго онъ могъ-бы спасаться отъ вооруженной такимъ образомъ собаки; тогда *нуми* рѣшилъ оставить ихъ по прежнему и на прощаньѣ сказалъ собакѣ, что она будетъ ѣсть вмѣстѣ съ человѣкомъ. Она этого не разслышала, обернулась и спросила: «что»? *нуми* повторилъ еще разъ, опять собака не поняла; тогда, разсердясь, онъ ей сказалъ: «Ты ничего не слышишь, съ этихъ поръ ты будешь ѣсть то-же самое, что и человѣкъ, но только не вмѣстѣ съ нимъ. Ступай». Съ этихъ поръ собака постоянно прислушивается, но измѣнить своей судьбы уже не можетъ.

26. По мнѣнію Маньвовъ, огонь-*най*—женщина, а вода-*витъ*—мущина; у огня есть покровители-*наинъ сдыръ*, которыми считаются *корсъ торумъ*, *нуми-торумъ*, его семь сыновей и *сяхылъ торумъ*; если очагъ содержится неопрятно, то *най* недовольна; если огонь потухаетъ, то это только видимо, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вѣченъ.

27. По мнѣнію маньвовъ, солнце—женщина, а мѣсяцъ и заря—мущины; когда солнце заходитъ, то говорятъ, что оно уходитъ спать; когда отъ него по небу идутъ полосы, то это указываетъ на то, что оно чешетъ себѣ косы.

28. Относительно зари существуетъ такое преданіе: нѣсколько выше Половожскихъ юртъ былъ городокъ, въ которомъ жилъ старикъ-богатырь съ четырьмя племянниками. Пошли разъ они всѣ воевать за Уралъ; много достали добычи, но за то одного изъ нихъ убили. По возвращеніи сынъ убитаго, остававшійся дома стеречь имущество, сталъ убѣждать всѣхъ идти назадъ мстить за смерть его отца; уговорилъ онъ ихъ, пошли и лишь только перевалили Уралъ, какъ онъ сталъ истреблять рѣшительно все живое—не только людей, но и звѣрей, и птицъ, и рыбъ; даже родные стали его уговаривать, а онъ продолжаетъ свое. Тогда его оставили одного; онъ на это не обратилъ вниманія и пошелъ дальше, продолжая по прежнему все истреблять. Вдругъ онъ видитъ, что ему на встрѣчу идетъ какой-то старикъ, ростомъ выше лѣсу и съ головой больше орлинаго гнѣзда; не испугался онъ, пошелъ на встрѣчу, хочетъ ударить его, а не можетъ: лишь только замахнется, а тотъ какъ-то незамѣтно и отойдетъ; наконецъ, встрѣчный старикъ и говоритъ: «Полно, перестань, не старайся напрасно: я съ неба. Неужели тебѣ мало тѣхъ людей, которыхъ ты истребилъ»?—«Конечно, мало—мнѣ еще надо». Вырвалъ онъ послѣ этого лиственницу, взвалилъ ее себѣ на плечи и пошелъ туда, гдѣ увидалъ находится много народу; подошелъ, набросился на народъ и сталъ его бить своей лиственницей направо и налѣво; перебилъ много, а народу все не уменьшается потому, что *нуми* распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника—стругали деревянную и чтобы изъ искръ и и изъ стружекъ дѣлались люди. Бьетъ онъ день, бьетъ другой, третій и все не устаетъ, тогда *нуми* самъ спустился на землю, дунулъ на него и полетѣлъ онъ на небо, гдѣ и превратился въ зарю, а такъ какъ онъ былъ весь въ крови, то поэтому и заря всегда бываетъ красная.

Сдѣлалъ это *нуми* и говоритъ: «Такъ поступать нельзя, иначе у меня на землѣ людей не будетъ и мнѣ опять творить придется».

29. Маньзы думаютъ, что въ сумасшедшихъ поселяется *куль*, который помогаетъ имъ и въ

случаѣ необходимости защищаетъ ихъ; такъ разсказываютъ, напримѣръ, про одну сумасшедшую, что она каждое утро садилась въ лодку, переправлялась безъ веселъ, не смотря на сильное теченіе, на другую сторону и тамъ приготовляла себѣ, при помощи *куля*, кушанье изъ листьевъ и земли, чѣмъ обыкновенно и питалась; вслѣдствіе такого взгляда къ нимъ относятся съ уваженіемъ и съ нѣкоторой долей страха и никогда ихъ не обижаютъ и не оскорбляютъ.

Примѣтамъ своимъ маньзы вѣрятъ тѣмъ болѣе, что иногда они находятъ подтвержденіе своимъ предположеніямъ, на что лучше всего можетъ указывать слѣдующій случай.

Верстъ пятнадцать ниже Югримскихъ юртъ на правой сторонѣ Сѣверной Сосьвы есть озеро, на которомъ находится островъ *усъ сяхылъ*; по серединѣ острова высохшій пень кедра, около котораго въ давно минувшія времена нашли будто-бы богатырскую саблю и цѣлый рядъ небольшихъ каменныхъ дисковъ, употребляемыхъ богатырями вмѣсто пращи. Маньзы разсказываютъ, что отъ стариковъ еще идетъ преданіе, по которому, какъ только кедръ засохнетъ и какъ только на его корняхъ появится другое растеніе, немедленно придутъ русскіе и завладѣютъ какъ озеромъ, такъ и островомъ. И дѣйствительно, надо было такъ случиться, что лишь только кедръ засохъ и на его корняхъ появились разные кустарники, островомъ и озеромъ завладѣлъ одинъ изъ Сартыньинскихъ русскихъ обитателей. По разсказамъ, богатырь, жившій здѣсь прежде въ большомъ лиственничномъ и кедровомъ домѣ, отъ котораго теперь остались лишь гнилые столбы, поселился теперь въ озерѣ, въ одномъ укромномъ мѣстѣ, мимо котораго инородцы ѣздить не рискуютъ; про рыбную же ловлю и говорить нечего; даже, не смотря на жажду, воды не пьютъ изъ его мѣстопребыванія; говорятъ, что и русскіе не могутъ безопасно тамъ ѣздить, такъ какъ всегда случается какое-нибудь несчастіе: то лодка потечетъ, то весло сломается, то парусъ разорвется.

II.

Объясненіе сновидѣній.

1. Увидать во снѣ медвѣдя—къ морозу.

2. Увидать во снѣ оленя—къ снѣгу и сильному вѣтру.

3. Увидать во снѣ кусающую или лягающую лошадь—къ болѣзни собственной или кого-нибудь изъ близкихъ.

4. Увидать во снѣ рыбу — къ снѣгу или дождю.

5. Увидать во снѣ *капитана* (окружнаго исправника), *коммиссара* (засѣдателя) и *потруся* (писаря)—къ убыли.

6. Увидать родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, живущихъ далеко—къ ихъ болѣзни или смерти.

7. Увидать умершихъ отца съ матерью—къ смерти кого-нибудь изъ рода.

8. Увидать свою нарту полуразрушенной—къ смерти кого-нибудь изъ рода.

9. Увидать лодку, полную муки—къ удачной охотѣ и вообще къ прибыли.

10. Увидать во снѣ голаго — къ хорошей ловлѣ рыбы.

11. Видѣть себя пьянымъ—къ болѣзни.

12. Класть во снѣ муку въ амбаръ—къ удачной рыбной ловлѣ.

13. Видѣть мѣдныя деньги — къ болѣзни и къ неудачѣ.

14. Видѣть священника—къ болѣзни.

15. Если во снѣ падаетъ зубъ безъ крови, то къ удачѣ; если съ кровью, то къ смерти—или собственной, или кого нибудь изъ близкихъ.

16. Если во снѣ ходишь по водѣ, какъ по льду, то это—къ долгой жизни.

17. Когда во снѣ летаешь, какъ-бы на крыльяхъ, то будешь долго жить.

18. Когда во снѣ падаешь, то скоро умрешь.

19. Ѣхать во снѣ внизъ по Оби—къ скорой смерти.

20. Если во снѣ кусаетъ собака—то скоро захвораешь.

21. Убить во снѣ лебедя или вообще птицу съ какимъ-нибудь звѣремъ—къ удачной охотѣ.

22. Увидать себя или кого-нибудь другого въ дурной одеждѣ — хорошо; въ хорошей — плохо.

23. Увидать во снѣ горящимъ чье-нибудь жилье, къ смерти того, кому оно принадлежитъ.

Относительно сновъ вообще надо сказать, что вѣры имъ большой не придаютъ и говорятъ, что они служатъ указаніемъ на какую-нибудь болѣзнь или безпокойство; если крѣпко спать, то и сновъ не видать; чаще всего видятъ сны женщины, затѣмъ мущины, дѣти и, наконецъ, старики, которымъ вообще мало что снится. Иногда во время сна говорятъ, но и на это вниманія обыкновенно не обращаютъ.

Культъ медвѣдя у инородцевъ Сѣверо-Западной Сибири.

(Сообщеніе д. ч. Н. Л. Гондатти).

Едва-ли не самымъ важнымъ событіемъ въ жизни инородца Сѣверо-Западной Сибири является охота на медвѣдя, особенно, если она кончается удачно, что бываетъ почти всегда. Охота эта важна не только, какъ доставляющая шкуру и мясо звѣря, но, главнымъ образомъ, по тѣмъ вѣрованіямъ и по тѣмъ обрядамъ, которые ее сопровождаютъ. Убить медвѣдя для инородца не барышъ, хотя его шкура и цѣнится отъ трехъ до десяти рублей. Напротивъ,—удачная охота часто разоряетъ его, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ, такъ какъ на угощеніяхъ, сопровождающихъ эту охоту, обязательно должно предлагаться гостямъ, не рѣдко съѣзжающимся за десятки и за сотни верстъ, все лучшее изъ приготовленныхъ запасовъ; и случается, что запасливый хозяинъ, заготовившій себѣ съ осени на цѣлую зиму и весну всевозможныхъ припасовъ, съѣдаетъ ихъ всѣ въ двѣ-три удачныхъ медвѣжьи охоты.

Не смотря на это, убить медвѣдя никто не прочь—это считается удальствомъ и честью; только не надо оскорблять тѣни убитаго звѣря, иначе плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ другой разъ не сдобровать ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря.

Главная охота на медвѣдей происходитъ осенью, когда ихъ мясо и шкура наиболѣе цѣнны; но и въ другое время, даже весною и лѣтомъ, нерѣдко бываютъ такія охоты за хозяиномъ земляного дома — *ма колъ ойка*, какъ зовутъ тамъ медвѣдя.

Нарочно медвѣдя не ищутъ, даже если находятъ его слѣды, то уходятъ, не разыскивая берлоги, иначе охотника постигнетъ несчастіе; но если онъ или его собака найдутъ самую берлогу, то смерть медвѣдя уже рѣшена. Если нашедшій не рискуетъ почему-либо идти одинъ на одинъ на медвѣдя, то сообщаетъ о своей находкѣ двумъ, тремъ знакомымъ съ просьбою помочь ему,—другимъ-же о своей находкѣ онъ не говоритъ и не потому, чтобы боялся, что звѣря у него кто-нибудь перехватитъ; нѣтъ, этого никогда не бываетъ: охотничьи права вообще на звѣря, птицу и рыбу, а тѣмъ болѣе на медвѣдя, считаются священными, а просто изъ боязни, что тогда медвѣдь узнаетъ о готовящейся ему опасности и найдетъ средства ея избѣжать. Если найденный медвѣдь, лежитъ въ берлогѣ, то ее осторожно обкладываютъ со всѣхъ сторонъ деревьями, чтобы отнять у него всякую возможность выйти оттуда, оставляютъ лишь одно небольшое отверстіе, чрезъ которое и убиваютъ его, стрѣляя нѣсколько разъ изъ ружья или изъ лука; если-же онъ вышелъ изъ берлоги, то его подкарауливаютъ въ ея окрестностяхъ, искусно скрываясь за деревьями и кустами; подпускаютъ его менѣе, чѣмъ на десять шаговъ и стрѣляютъ обыкновенно или въ сердце, или въ глазъ; иногда благодаря плохимъ ружьямъ, до сихъ поръ еще кремневымъ, и сырой погодѣ, происходитъ осѣчка и тогда охотнику волей-неволей приходится браться за ножъ, неизмѣнный спутникъ не только мущины, но и женщины въ той мѣстности, и, закрывши немного лѣвой рукой голову, бросаться на медвѣдя; обыкновенно, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ принять какія нибудь мѣры предосторожности, онъ уже лежитъ съ распоротымъ брюхомъ; правда, бываютъ случаи, когда или нога поскользнется, или ножъ сорвется и тогда приходится охотнику испытывать на себя силу и крѣпость медвѣжьихъ зубовъ съ когтями, но и тутъ дѣло до смерти обыкновенно не доходитъ: охотникъ успѣетъ выбрать удобный моментъ и всадить медвѣдю ножъ.

Когда медвѣдь убитъ, то, если онъ лежитъ въ берлогѣ, его вытаскиваютъ оттуда, закидывая обязательно арканъ на шею, и начинаютъ съ цѣлью взаимнаго очищенія бросаться снѣгомъ, лѣтомъ-же и вообще въ теплое время мохомъ и землею; затѣмъ приступаютъ уже къ снятію шкуры, для чего предварительно на грудь и брюхо медвѣдя кладутъ пять или четыре (если убитая-самка) поперечныя палочки, означающія застёжки ягушки, верхней одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ шерстью къ верху, иногда съ подкладкой изъ какихъ-нибудь звѣриныхъ или птичьихъ шкурокъ, или безъ нея; разрѣзавши эти палочки, какъ-бы развязавъ застежки, сдираютъ кожу со всего тѣла, за исключеніемъ головы и переднихъ лапъ, гдѣ оставляютъ ее съ конца пальцевъ до кистевыхъ сгибовъ. Затѣмъ шкуру и мясо несутъ или везутъ (зависитъ отъ разстоянія) въ домъ, подходя къ которому начинаютъ дѣлать быстрыя движенія и кричать—«*сели, волюютъ охоооо...*» (что это означаетъ рѣшительно никто не могъ объяснить, говоря, что старики такъ кричали и имъ дѣлать тоже велѣли). Принесенное вносит-

ся въ домъ наиболѣе зажиточнаго изъ участниковъ охоты, чтобы онъ могъ устроить лучшее угощеніе по убитомъ звѣрѣ и дать ему болѣе удобное помѣщеніе. Женщины тотчасъ-же приступаютъ къ устройству въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для убитаго; для этого берется скамейка, столъ или просто очищается на нарахъ мѣсто, достаточное для шкуры, и ее кладутъ туда, подложивши предварительно три, если самецъ, и двѣ, если самка, деревянныхъ перекладины; морда располагается между лапъ и передъ ней ставится нѣсколько оленьихъ изображеній, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; на глаза прикрѣпляются серебряныя монеты, на конецъ морды надѣвается берестянной кружокъ и на пальцы, если убитая-самка, кольца; монеты и намордникъ надѣваются потому, что женщины не могутъ недостойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, что продѣлывается мущинами; поэтому-же женщины закрываютъ свои лица платками, когда видятъ медвѣдя; при вносѣ медвѣдя въ жилище подъ порогъ обыкновенно кладется топоръ. Послѣ этого приступаютъ къ приготовленію всего необходимаго для празднества, которое совершается всегда по ночамъ, такъ какъ боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣря; всѣ почести, воздаваемыя шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжью тѣнь. Приготовленія эти довольно просты: очищается мѣсто въ жильѣ, все лишнее выносится, достается изъ запасовъ рыба и мясо, если есть, водка и табакъ, и разными путями даютъ сосѣдямъ знать о счастливой охотѣ. Всѣ, кто только можетъ, пріѣзжаютъ, причемъ совершенно не обращается никакого вниманія на то, былъ-ли пріѣхавшій приглашенъ или нѣтъ. Празднества продолжаются не менѣе трехъ дней, если убитый—молодой медвѣдь; четырехъ—если самка, и пяти—если самецъ; но это только *не менѣе;* что-же касается до *болѣе*, то это вполнѣ зависитъ отъ богатства охотниковъ и отъ времени убіенія: если осенью, когда запасовъ еще много, то нерѣдко празднуютъ до двѣнадцати ночей; если-же весною, когда приближается обыкновенное голодное время, то ограничиваются только положеннымъ срокомъ; если у хозяина дома не хватаетъ подъ конецъ запасовъ, то къ нему на помощь являются сосѣди, которые приносятъ то, что у каждаго есть, причемъ отдачи въ такихъ случаяхъ не бываетъ; иногда шкура переносится въ другой домъ даже неучастника охоты, если только онъ человѣкъ со средствами и можетъ достойно отпраздновать оказанную ему честь.

Къ первой ночи, когда еще не всѣ знаютъ о случившемся, съѣзжаются обыкновенно немногіе; но затѣмъ, когда слухъ объ удачной охотѣ разойдется на большое пространство, то собирается до шестидесяти, до ста человѣкъ, что при тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ и при той рѣдкости населенія, которая замѣчается тамъ, представляетъ уже сборище громадное. Меня всегда удивляла та быстрота, съ которой распространяются тамъ всевозможные слухи, что зависитъ отъ сильнаго расположенія и любви инородцевъ ко всѣмъ новостямъ и сходбищамъ, а также и отъ того, что проѣхать въ одинъ день верстъ 150—200 инородцу, имѣющему своихъ оленей, ничего не стоитъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію чествованія медвѣдя, необходимо оговориться, что теперь, при увеличивающемся съ каждымъ годомъ обрусѣніи мѣстныхъ жителей, прежніе обряды и вѣрованія забываются настолько, что въ настоящее время почти невозможно встрѣтить человѣка, вполнѣ знающаго всѣ эти обряды, соединенные съ празднествами въ честь медвѣдя; забываются они настолько, что даже сами инородцы это сознаютъ и иногда выписываютъ какого-нибудь старика за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представленія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ и о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Особенно сильно все забыто остяками—жителями главнаго теченія Оби; почти все, здѣсь описанное, составлено, главнымъ образомъ, на основаніи видѣннаго у маньзовъ и у нѣкоторыхъ остяковъ, живущихъ по мелкимъ рѣчкамъ, входящимъ въ систему рѣки Оби; что-же касается до самоѣдовъ, то вслѣдствіе еще большей разрозненности, которая существуетъ между ними, благодаря, преимущественно, разстояніямъ, коллективныя празднества у нихъ устраиваются очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе они также смотрятъ на бѣлаго медвѣдя, чаще встрѣчаемаго въ ихъ владѣніяхъ, сравнительно съ бурымъ, какъ на посланника съ неба, тѣмъ болѣе достойнаго всякаго почтенія, что онъ познакомилъ людей съ полученіемъ и съ употребленіемъ огня—взглядъ, существующій точно также и у маньзовъ съ остяками.

Наконецъ, все готово, наступаютъ сумерки, гости понемногу сходятся и съѣзжаются, начинается оживленіе, которое, увеличиваясь все болѣе и болѣе, къ концу ночи достигаетъ своего предѣла. Охотникъ, убившій медвѣдя, сидитъ у него по правой сторонѣ и лѣвую руку держитъ у него на шеѣ; по лѣвой сидятъ играющіе на *сангульдапъ*—музыкальномъ инструментѣ, имѣющемъ видъ длиннаго, узкаго ящика, снабженнаго пятью струнами, большею частью, изъ оленьихъ жилъ; при игрѣ инструментъ кладутъ на колѣни и начинаютъ перебирать струны сразу двумя руками, причемъ звукъ получается въ высшей степени мягкій и мелодичный; онъ пользуется большимъ распространеніемъ и, главнымъ образомъ, встрѣчается на притокахъ средняго теченія Оби; дѣлается, преимущественно, изъ ели. Всякаго, въ первый разъ входящаго въ домъ, гдѣ лежитъ медвѣжья шкура, обливаютъ немного водой или осыпаютъ снѣгомъ; дѣлается это, понятно, съ цѣлью очищенія, такъ какъ всѣ обряды носятъ на себѣ характеръ религіозный. Всѣ празднества заключаются въ пѣніи, пляскѣ, представленіяхъ и угощеніяхъ между ними, когда обязательно пляшутъ. Присутствуя въ первый разъ на этихъ ночахъ, я былъ въ высшей степени пораженъ, когда увидалъ нѣчто вродѣ представленій, состоящихъ изъ отдѣльныхъ сценъ самаго разнообразнаго характера, носящихъ иногда, съ точки зрѣнія европейца, въ высшей степени неприличный оттѣнокъ, но за то не рѣдко полныхъ комизма или драматизма. Представляютъ всегда мущины; если надо изображать женщину, то они надѣваютъ женскій костюмъ и стараются, по мѣрѣ возможности, подражать женщинѣ въ походкѣ, въ голосѣ и въ движеніяхъ; число участвующихъ рѣдко бываетъ болѣе трехъ; они всегда надѣваютъ на лицо маски, преимущественно берестяныя и рѣдко деревянныя, большею частью довольно уродливой формы; на этихъ маскахъ красной краской—*нэрпъ*—или котельной сажей дѣлаются брови, усы и борода; иногда къ носу или къ подбородку подвязываются какіе-нибудь кружечки и треугольники, и т. д., причемъ носы дѣлаются обыкновенно самой уродливой формы; назначеніе масокъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей, потому что хотя медвѣдь и любитъ увеселенія, но не любитъ начальства и поэтому плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя; что же касается до такого отношенія къ зрителямъ, то, быть можетъ, оно вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что играющіе часто позволяютъ себѣ высказывать своему начальству, особенно родовому, довольно ѣдкую правду и сердиться за это, по обычаю, нельзя. Костюмы надѣваютъ обыкновенные, только нѣсколько измѣненные—вывернутые, съ придѣланнымъ горбомъ, и т. д.; говорятъ при этомъ обыкновенно не своимъ голосомъ и хотя всѣ присутствующіе, по крайней мѣрѣ, теперь, отлично знаютъ, кто играетъ и кто какъ одѣтъ, но не одинъ изъ нихъ не можетъ называть участвующихъ ихъ обыкновенными именами, а какими-нибудь вымышленными; даже участники, по отношенію другъ къ другу, должны строго это соблюдать. Говорить и дѣлать имъ разрѣшается положительно все: ихъ личность на время представленій забывается и даже не вспоминается послѣ; остается только слава хорошаго актера, и эта свобода доходитъ до того, что какой-нибудь родовой старшина, который строго наказалъ-бы въ иное время человѣка, осмѣливающагося указывать на его поборы и неправильныя дѣянія, теперь долженъ на ряду со всѣми выслушивать всѣ насмѣшки и нападки, иногда въ высшей степени мѣткія, не смѣя ничѣмъ ихъ остановить; и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе всѣхъ стремиться на эти празднества, потому что по своей природѣ нѣкоторые изъ инородцевъ сѣверо западной Сибири, особенно маньзы, въ высшей степени народъ насмѣшливый.

Всякая ночь начинается съ пѣнія: обыкновенно трое мущинъ въ шапкахъ или, вообще, имѣя голову чѣмъ-нибудь покрытой, становятся передъ медвѣдемъ, предварительно отвѣсивши ему низкій поклонъ, берутся мизинцами за руки, и размахивая ими все время, начинаютъ пѣть. При окончаніи каждой пѣсни одинъ изъ почетныхъ гостей, сидящій по лѣвой рукѣ отъ медвѣдя, или звонитъ въ обыкновенный колоколецъ, или ударяетъ палкой въ металлическую доску, послѣ чего дѣлается короткій промежутокъ для отдохновенія пѣвцовъ и затѣмъ начинаютъ вторую пѣснь, послѣ—третью; если убитый медвѣдь самецъ, то иногда поютъ до пяти пѣсенъ, при самкѣ до четырехъ, а при маленькомъ иногда ограничиваются и двумя, хотя обыкновенно бываютъ три. Пѣснями оканчивается первая половина ночи, послѣ чего начинается вторая, состоящая только изъ представленія отдѣльныхъ

сценъ, раздѣленныхъ между собою большею частью плясками; между первой и второй половиной обыкновенно происходитъ угощенія гостепріимнымъ хозяиномъ всѣхъ присутствующихъ. Во время пѣнія музыки не бываетъ, всѣ молчатъ и съ глубокимъ вниманіемъ слушаютъ пѣсни; поютъ безъ масокъ и безъ костюмовъ; поющіе иногда мѣняются мѣстами, такъ какъ поетъ, главнымъ образомъ, только стоящій въ серединѣ, а остальные ему подтягиваютъ; когда средній устаетъ, то его замѣняетъ или одинъ изъ крайнихъ, или кто-нибудь изъ присутствующихъ. Мотивъ пѣсенъ довольно разнообразный: то живой, то медленный, то страстный, то монотонный, то веселый, то грустный; послѣ послѣдней пѣсни пѣвцы иногда сами тотчасъ-же начинаютъ плясать, только подъ музыку, и въ обѣ руки берутъ по платку, которыми постоянно машутъ. Сюжеты пѣсенъ различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь — и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ. Пляски, бывающія между пѣснями, принаравливаются болѣе или менѣе къ ихъ содержанію: если поютъ про медвѣдя, то подражаютъ ему, если про *мэнквовъ*, то имъ, дѣлая сильныя тѣлодвиженія, съ присвистомъ, топотомъ, какъ обыкновенно, по мнѣнію инородцевъ, дѣлаютъ лѣсныя божества. При началѣ и окончаніи каждой пляски, пѣсни и представленія всегда отдаютъ низкій поклонъ медвѣдю, какъ и при входѣ въ жилье, гдѣ лежитъ его шкура; всякій вновь пришедшій цѣлуетъ его, мущины прямо въ морду, а женщины чрезъ платокъ, несмотря даже на прикрѣпленный берестяной кружокъ. Между отдѣльными сценами пляшутъ не только мущины, но и женщины съ дѣтьми, причемъ только онѣ всегда закрываютъ лицо платкомъ, а руки втягиваютъ въ рукава, чтобы не показывать медвѣдю голаго тѣла; во время пляски руки у женщинъ всегда бываютъ согнуты въ локтяхъ и немного приподняты пальцами кверху; онѣ ихъ поднимаютъ и опускаютъ въ тактъ музыкѣ. Послѣ всякой сцены представляющіе немного пляшутъ, но затѣмъ ихъ замѣняютъ другіе. Во время празднованія убившій медвѣдя выходитъ иногда изъ жилья, беретъ лукъ и, повернувшись къ дому задомъ, стрѣляетъ и смотритъ, куда попадетъ стрѣла: если въ самое верхнее бревно, то это означаетъ, что онъ еще убьетъ въ этомъ году одного медвѣдя; если въ одно изъ нижнихъ, то такого случая ждать ему придется долго; вообще, въ какое бревно сверху онъ попадетъ, чрезъ столько лѣтъ и звѣрь будетъ убитъ; тоже самое узнаютъ также въ послѣднюю ночь, когда выносятъ медвѣжью шкуру: для этого при выносѣ медвѣдя убившій его спрашиваетъ вслухъ, а большею частью на ухо, скоро-ли будетъ опять убитъ медвѣдь и кто изъ присутствующихъ его добудетъ, при чемъ называетъ присутствующихъ; если скажетъ вѣрно, то шкура подымется съ мѣста легко, если нѣтъ, то тяжело; иногда съ тою же цѣлью кто-нибудь изъ участвующихъ въ пляскѣ стрѣляетъ изъ лука и если попадаетъ, не цѣлясь, въ щель, то значитъ, что въ той-же избѣ скоро будетъ происходить новое празднество. Въ послѣднюю ночь на разсвѣтѣ шкуру выносятъ въ поле, при чемъ какъ во время пути, такъ и на мѣстѣ, бросаются снѣгомъ и борются другъ съ другомъ; женщины въ поле не выходятъ, только при выносѣ шкуры онѣ бросаются снѣгомъ и обливаются водой, затѣмъ начинаютъ варить себѣ медвѣжій задъ, предоставляемый въ ихъ распоряженіе; мущины же въ полѣ готовятъ себѣ голову, сердце и лапы, остальное мясо съѣдается раньше во время представленій. Послѣ ѣды медвѣжьяго мяса обыкновенно вытираютъ себѣ губы и руки деревянными стружками—*вотлепъ*, предварительно подержанными въ дыму, которыя затѣмъ бросаютъ въ огонь, куда бросаютъ также и все то, что остается послѣ медвѣдя, чтобы оно не попало собакамъ или птицамъ (деньги, закрывающія глаза, беретъ себѣ хозяинъ дома). При сдираніи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ. Когда въ послѣднюю ночь при выносѣ шкуры въ тундру или лѣсъ, варятъ голову, то черепъ вѣшаютъ куда-нибудь на близъ стоящее дерево, въ полной увѣренности, что медвѣдь, благодарный за всѣ почести, которыя ему были оказаны послѣ смерти, будетъ приносить счастье всѣмъ присутствующимъ на празднествахъ; шкура его большею частью жертвуется богамъ, а клыки и когти вырываютъ, какъ предметы, имѣющіе религіозное значеніе. Этимъ собственно и оканчиваются празднества въ честь мед-

вѣдя; на день между ночами шкуру медвѣдя покрываютъ платками и стараются изъ того помѣщенія, гдѣ она лежитъ, выходить задомъ, къ ней не повертываясь; во время представленій надѣвается лучшая одежда. Надо оговориться, что не всегда впрочемъ убіеніе медвѣдя сопровождается такими празднествами: если при охотѣ онъ задеретъ кого-нибудь изъ охотниковъ, то братъ или вообще близкій родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣдя и или убить его, или погибнуть; если удастся сдѣлать первое, то тѣло медвѣдя вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзалъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрубать кости медвѣдя.

Существуетъ помимо сказаннаго не мало указаній на то, что медвѣдя считаютъ за священнаго звѣря; напримѣръ, надъ его лапой и мордой клянутся; причемъ дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ, говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой; если женщина случайно набредетъ на медвѣжьи слѣды, то она должна ихъ обойти или же положить что-нибудь на слѣды ввидѣ жертвы; если-же нѣтъ ничего, то вырвать хотя нѣсколько волосъ; наконецъ, самое преданіе относительно его происхожденія, наиболѣе распространенное, даетъ полное основаніе смотрѣть на медвѣдя, какъ на звѣря священнаго. Преданіе это таково: у *нуми торумъ* на небѣ въ золотомъ его домѣ въ переднемъ углу на сукнѣ жилъ медвѣдь. Разъ *нуми* пошелъ на охоту и, уходя, заперъ медвѣдя, предупредивъ его, чтобы онъ дверей не ломалъ, а сидѣлъ-бы дома. Сидѣлъ медвѣдь долго, надоѣло ему; подошелъ къ дверямъ, попробовалъ ихъ—заперты; сталъ напирать на нихъ, замокъ и сломался; испугался вначалѣ, но потомъ видитъ—бога нѣтъ, вышелъ изъ дому и пошелъ гулять; гулялъ долго—все одно и тоже—лѣсу нѣтъ, одна только трава, скучно стало; вдругъ видитъ божьихъ лошадей, побѣжалъ къ нимъ, хотѣлъ поиграть съ ними, а онѣ испугались и бросились въ сторону; онъ за ними—вдругъ оступился, смотритъ — яма, внизу которой виднѣются многочисленные лѣса и воды; захотѣлось туда, а нельзя — дороги нѣтъ. Бился медвѣдь долго, но ничего не добился, разсердился, пошелъ домой и по дорогѣ сталъ все ломать; приходитъ и прежде всего разорвалъ свою постель. Вдругъ слышитъ медвѣдь, возвращается богъ, подходитъ къ дому и такъ сильно отрясаетъ лыжи, что самъ говоритъ: «если-бы не сынъ мнѣ ихъ дѣлалъ, давно-бы онѣ у меня сломались». Входитъ въ домъ, видитъ вездѣ безпорядокъ, спрашиваетъ медвѣдя, уже смирно сидящаго въ углу: «это что?» Тотъ волей не волей долженъ былъ сознаться, какъ все было, только извинялъ себя тѣмъ, что ему надоѣло очень сидѣть и онъ пошелъ. Разсердился на него богъ, обругалъ его, затѣмъ надѣлъ фартукъ и сталъ изъ старыхъ ножей, топоровъ и лопатъ приготовлять цѣпь длиною въ триста саженей; сдѣлалъ затѣмъ изъ бересты люльку, посадилъ туда медвѣдя, который во все время подготовительныхъ работъ дрожалъ отъ страху, и подвелъ его къ отверстію, виденному медвѣдемъ съ неба; спустилъ туда люльку и подвѣсилъ ее такъ, чтобы она земли не касалась и чтобы вѣтеръ свободно качалъ ее изъ стороны въ сторону, для чего поднялъ сильную бурю. Отъ этого медвѣдя закачало до того, что, когда богъ на третій день подошелъ къ отверстію и спросилъ медвѣдя—каково ему живется, онъ немедленно сказалъ: «какъ тебѣ не стыдно надо мною смѣяться, я и такъ чуть живъ».

Послѣ этого богъ смилостивился и говоритъ: «Это я тебѣ въ наказанье. Теперь-же я исполню твое желаніе, спущу тебя на землю, только смотри—не ѣшь ничего изъ человѣческихъ амбаровъ, а то отощаешь и погибнешь; если исполнишь приказаніе, то будешь жирнымъ; поручить тебѣ рыбу и другіе запасы въ амбарахъ нельзя потому, что ты будешь ихъ разорять и даже людей убивать».

Спустился медвѣдь, обѣщая исполнить приказаніе, но лишь только увидалъ человѣческій амбаръ, какъ взломалъ его и сталъ ѣсть все, что тамъ только было. Результаты такого непослушанія обнаружились скоро и онъ отощалъ до того, что еле сталъ ходить. Увидала его разъ россомаха, спросила, отчего онъ такой худой; тотъ повѣдалъ ей свое горе; посовѣтовала она ему быть послушнымъ, и, дѣйствительно, лишь только онъ исправился и пересталъ трогать человѣческіе запасы, какъ опять сдѣлался жирнымъ. На зиму онъ себѣ сдѣлалъ, по указанію бога, домъ въ землѣ—берлогу и питался тѣмъ, что сосалъ особый

комочекъ, полученный имъ отъ бога при спусканіи его на землю. Жилъ онъ такъ долго, питаясь ягодами и корнями, но и ему насталъ конецъ: разъ увидалъ его богатырь *узынъ одыръ пыхъ*, убилъ его, но этого еще мало, а сталъ даже насмѣхаться, употребляя переднія лапы какъ метелки для полу и для очага, заднія—какъ лопатки, а всей шкурой сталъ затыкать чувалъ; оскорбилась на это тѣнь медвѣдя, пошла въ лѣсъ и привела съ собой новыхъ десять медвѣдей. Узнавъ про готовящуюся ему опасность, *озынъ одыръ пыхъ* устроилъ амбаръ на высокихъ ножкахъ, что бы было удобнѣе защищаться, и приготовилъ камней и дубинъ; пришедшихъ медвѣдей, не смотря на ихъ силу, онъ всѣхъ перебилъ, такая-же участь постигла и вновь приходящихъ, вначалѣ двадцать, потомъ тридцать, наконецъ сорока. Тогда пришли пятьдесятъ одинъ медвѣдь, изъ которыхъ послѣдній былъ пестрый (это именно тотъ, который былъ спущенъ съ неба: *нуми-торумъ* позволилъ его тѣни принять прежній видъ и быть вѣчнымъ обитателемъ земли, вотъ почему еще до сихъ поръ его иногда видятъ на Уралѣ). *Озынъ одыръ пыхъ* пятьдесятъ убилъ, но пестраго одолѣть не могъ; испуганный онъ спрятался въ амбаръ, но амбаръ скоро былъ разбитъ; онъ перебѣжалъ въ домъ, крыша котораго была покрыта цѣлыми лиственницами, но и это не помогло; крыша скоро была вся разметана. Запросилъ тогда *озынъ одыръ пыхъ* прощенія, говоря: «я не зналъ, что богомъ положено почитать медвѣдей, да, по правдѣ сказать, и теперь не совсѣмъ вѣрю; если хочешь доказать, съѣшь этотъ топоръ». Думалъ онъ, что медвѣдь обломаетъ себѣ всѣ зубы, но этого не случилось: топоръ былъ весь изгрызенъ и *озынъ одыръ пыхъ*, не смотря на свое обѣщаніе жить мирно, растерзанъ.

Про происхожденіе приведенныхъ медвѣдей разсказываютъ слѣдующее: въ одномъ селеніи на землѣ жила одна женщина съ сыномъ, который былъ такъ силенъ, что еще въ малолѣтствѣ съ кѣмъ ни начнетъ играть, непремѣнно всякаго обидитъ, а иногда и убьетъ; просила, умоляла мать, приказывала, наконецъ, ему быть осторожнѣе, но ничто не помогало и она, выведенная изъ терпѣнія, прокляла его. Богъ услышалъ это проклятіе и наказалъ непослушнаго сына: разъ пошелъ онъ гулять и съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что всѣ собаки, какія только его ни увидятъ, съ страшнымъ лаемъ и воемъ бросаются отъ него въ сторону; оглянулся на себя и увидалъ себя всего покрытымъ волосами: онъ превратился въ медвѣдя. Вернулся домой, подошелъ къ матери, та испугалась, не узнала его, бросилась бѣжать; онъ ее остановилъ и назвался; стала она плакать, просить бога о прощеніи; затѣмъ принялась его упрекать, зачѣмъ онъ довелъ ее до того, что она его прокляла. Разсердился тутъ сынъ и зарычалъ: «молчи, если-бъ ты не была моей матерью, я растерзалъ-бы тебя», поцѣловалъ ее и ушелъ на всегда въ лѣсъ, гдѣ нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди являются потомками этой четы. Какъ и спущеннаго съ неба, такъ и превращенныхъ, *нуми торумъ* сдѣлалъ представителями истины и справедливости на землѣ: «ѣшьте только тѣхъ людей и тотъ скотъ, которые въ чемъ-нибудь провинились и на которые вамъ будетъ указано; другихъ-же не трогайте,—иначе сами погибнете». Не мудрено поэтому, что всякій, сознающій за собой грѣхъ (а у кого его нѣтъ?), невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который согрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія изберетъ его—угоднаго себѣ человѣка. Кромѣ того, богъ разрѣшилъ медвѣдямъ мстить тѣмъ людямъ, которые при жизни или по ихъ смерти будутъ надъ ними насмѣхаться или оказывать малое почтеніе: хотя и убитый, а онъ всетаки все видитъ и слышитъ; вотъ почему каждый инородецъ, убившій медвѣдя, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя, разсчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему затѣмъ сторицей; задабриваетъ онъ его, извиняется, что убилъ, говоря: «ты прости меня и не суди строго, вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ, я же тебя всегда любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою праздниство въ твою честь». И устраивается это праздниство, стекаются на него со всѣхъ сторонъ сосѣди и славятъ убитаго звѣря, поминая его подвиги за питьемъ и ѣдой и прося

дать имъ возможность еще разъ повеселиться и почтить его.

Представленія, разыгрываемыя во время празднества въ честь медвѣдя, довольно разнообразны и многочисленны: мнѣ пришлось ихъ видѣть, конечно, далеко не всѣ, тѣмъ болѣе, что даже въ послѣднее время составляются новыя, что зависитъ отъ умѣнія представляющихъ. Полагается вообще, чтобы каждую ночь разыгрывались новыя сцены и такъ какъ иногда празднества продолжаются двѣнадцать ночей, то, даже считая по десяти сценъ каждую ночь, мы получимъ большое число—въ 120. Изъ этихъ сценъ въ послѣднюю ночь обязательно берутъ такія, гдѣ выступаютъ дѣйствующими лицами боги, которые призываются какъ-бы свидѣтелями хорошаго обращенія съ медвѣдемъ. Нѣкоторыя сцены въ высшей степени неприличны, да и вообще надо сказать, что на этихъ представленіяхъ допускается рѣшительно все: всевозможные жесты, движенія, остроты какъ безличныя, такъ и имѣющія отношеніе къ какому-нибудь извѣстному лицу или къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, которые нерѣдко берутся за объектъ той или другой сцены: обижаться при этомъ на артистовъ нельзя, такъ какъ тутъ они не считаются простыми обыкновенными людьми, а особенными, способными принимать видъ того или другого представляемаго лица.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ сценъ, необходимо оговориться, что во время представленій существуетъ обычай разговаривать публикѣ съ играющими и наоборотъ. Видѣнныя мною представленія были слѣдующаго содержанія:

Первая сцена. Входятъ на лыжахъ, какъ-бы издалека трое мущинъ, видятъ много собравшагося народу, удивляются и спрашиваютъ, что ихъ сюда привело. Одинъ изъ присутствующихъ на это имъ отвѣчаетъ: развѣ они не знаютъ, что такой-то убилъ медвѣдя и шкура его лежитъ тутъ-же въ помѣщеніи и что они собрались воздать ему послѣдній долгъ. Пришедшіе вначалѣ не понимаютъ, смѣшиваютъ слова, острятъ, но затѣмъ когда, видятъ шкуру, моментально бросаются къ выходу, давя другъ друга; ихъ уговариваютъ, останавливаютъ, они понемногу начинаютъ подходить, но всетаки дрожатъ, нѣсколько разъ опять убѣгаютъ, двое даже не возвращаются, а третій остается и со страхомъ и съ трепетомъ подходитъ къ медвѣдю и осторожно цѣлуетъ его въ морду. Для образца остротъ приведу одну, имѣющую отношеніе къ описанной сценѣ: когда пришедшіе спрашиваютъ, что за причина собранія, то имъ отвѣчаютъ: «развѣ они не видятъ звѣря—*уй*» (такъ иногда зовутъ медвѣдя); тѣ переспрашиваютъ и со смѣхомъ повторяютъ—*пуй*—*апив*. Другія остроты въ такомъ-же родѣ.

Вторая сцена. Два охотника, прежде никогда не видавшіе медвѣдя, случайно въ лѣсу наткнулись на его берлогу; вначалѣ испугались, но затѣмъ стали думать, какъ-бы имъ добыть этого звѣря; думали, думали, ни до чего не додумались; рѣшили идти къ одной умной старухѣ, которая отъ старости еле ходила, но къ которой часто обращались люди за разными совѣтами; она выслушала ихъ просьбу; объяснила имъ, что видѣнный ими звѣрь—медвѣдь, и научила, какъ его добыть. Поблагодаривши за совѣты, они вернулись къ берлогѣ и стали дѣлать все такъ, какъ ихъ учила старуха: обложили берлогу деревьями, оставили лишь небольшое отверстіе, въ которое выстрѣлили нѣсколько разъ изъ лука; затѣмъ накинули на шею уже убитаго звѣря петлю, вытащили, положили на грудь поперекъ пять палочекъ (убитый былъ самецъ), разрѣзали ихъ и стали снимать шкуру, оставивъ ее только на головѣ и переднихъ лапахъ; однимъ словомъ, они сдѣлали все то, что дѣлается и теперь и что было описано раньше: такъ строго хранятъ инородцы завѣтъ старухи. Послѣ, снявши шкуру, съ пѣснями понесли ее домой. Роль медвѣдя исполняла дубинка, покрытая малицей.

Третья сцена. Три брата, изъ которыхъ младшій совсѣмъ дуракъ, пошли на охоту; старшій для счастья взялъ съ собой изображеніе *мэнква*. Во время пути младшаго не разъ приходилось бить за его глупые поступки: то котелъ выльетъ, то собаку убьетъ и т. д. Приходятъ на мѣсто, поставили шалашъ, сварили пищи и пошли лѣсовать; старшій нашелъ берлогу, но, вернувшись вечеромъ къ шалашу, объ этомъ братьямъ ничего не сказалъ, боясь, какъ-бы медвѣдь не узналъ про готовящуюся ему опасность, и только утромъ сообщилъ братьямъ о своей находкѣ, свѣдѣніе о которой не было встрѣчено съ большею радостью; мало того, братья даже отказались идти на охоту; это сильно разсердило старшаго, онъ ихъ поколотилъ и только тогда всѣ пошли; приходятъ къ берлогѣ, старшій бро-

саетъ туда изображенiе *мэнква*; раздается трескъ; братья думаютъ, что это *мэнкъ* ломаетъ медвѣдя, но къ сожалѣнiю скоро въ этомъ разубѣдились, такъ какъ изъ берлоги выскочилъ звѣрь, бросился на средняго брата и загрызъ его; остальные убѣжали, причемъ младшiй залѣзъ на дерево. Послѣ того какъ медвѣдь скрылся, старшiй вышелъ изъ-за-деревьевъ и сталъ искать младшаго; искалъ долго, наконецъ увидалъ его сидящимъ на деревѣ; сталъ звать—нейдетъ; схватилъ топоръ и подрубилъ дерево; младшiй упалъ и при паденiи убился до смерти; видитъ старшiй, что его дѣла плохи—два брата погибли; положилъ ихъ рядомъ, сталъ надувать *per anum*, они и ожили; всѣ вскочили и стали плясать.

Четвертая сцена. Три охотника съ верховьевъ Оби попали на Сѣверную Сосьву; охота ихъ была удачна: у нихъ было много шкурокъ и они всю дорогу пили; наконецъ, водка вышла и они по дорогѣ зашли въ то селенiе, гдѣ былъ убитый медвѣдь; видятъ стеченiе народа, слышатъ пѣнiе и музыку, рѣшили войти въ домъ, надѣясь, что ихъ—пришельцевъ не прогонятъ. Войдя, они всѣмъ поклонились; объявили, кто они и стали просить позволенiя примкнуть къ ихъ празднеству. Присутствующiе согласились, пришедшiе послали за водкой и началось пированiе съ плясками.

Пятая сцена. Входитъ на лыжахъ одинъ инородецъ съ гордой осанкой и съ чувствомъ собственнаго достоинства: онъ никого не боится и для него страшнаго ничего не существуетъ. Видитъ медвѣдя; спрашиваетъ — это что такое; и на отвѣтъ, что это—звѣрь священный, котораго необходимо почитать, подходитъ къ нему и бьетъ его по щекѣ. Публика въ ужасѣ; предсказываетъ ему всевозможныя несчастiя, но онъ на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманiя и по прежнему продолжаетъ восхвалять собственную храбрость. Вдругъ на полусловѣ онъ останавливается, моментально поворачивается назадъ, смотритъ себѣ на ноги и ничего не видитъ. Его спрашиваютъ, что съ нимъ и онъ отвѣчаетъ, что ничего; не смотря на это, онъ къ чему-то сталъ прислушиваться и нерѣдко оглядываться назадъ; наконецъ, оборачивается къ публикѣ и проситъ спасти его отъ враговъ, которые у него бѣгаютъ между ногами.

Публика вглядывается и видитъ, что это бѣгаетъ небольшая мышь, смѣется; но пришедшему отъ этого не легче и онъ проситъ защиты; наконецъ падаетъ на колѣни и молитъ дать ему возможность пожить еще немного и убить эту мышь, при чемъ сознается, что онъ всего боится и далеко не такъ храбръ, какъ это только что говорилъ. Публика милостива, все прощается и начинается по прежнему всеобщая пляска.

Шестая сцена. Входитъ отецъ съ застѣнчивымъ сыномъ, который ничего еще не видалъ и всего пугается: видя массу народу, онъ бѣжитъ къ дверямъ, но отецъ его удерживаетъ; видитъ медвѣдя — дрожитъ; отецъ уговариваетъ его; это отчасти помогаетъ, онъ начинаетъ подплясывать и подъ конецъ входитъ уже въ экстазъ; при видѣ этого начинаетъ плясать и отецъ.

Седьмая сцена. Отецъ, мать и сынъ плывутъ на лодкѣ по рѣкѣ; увидалъ сынъ на берегу черемуху, просится выпустить его съ лодки за нуждой; подплыли къ берегу, слѣзъ сынъ и на приказъ матери—скорѣе возвращаться и черемухи не ѣсть, отвѣчалъ—хорошо; ждали его долго—все не возвращается; наконецъ, за нимъ пошла мать и привела съ собой, предварительно не мало поругавши. Поплыли дальше, но отъѣхали немного, сталъ сынъ жаловаться на боль въ животѣ и вскорѣ умеръ; старики сейчасъ-же начали его продувать и спереди, и сзади; ничто не помогаетъ; отецъ сдѣлалъ гробъ и пошелъ съ нимъ отыскивать гдѣ-нибудь укромное мѣсто; идетъ и поетъ про то, какъ разъ одинъ старикъ заблудился въ лѣсу, какъ онъ незамѣтно провалился въ медвѣжью берлогу и какъ ему испуганному этимъ медвѣдь сталъ давать въ руки какой-то комокъ; слышалъ онъ отъ стариковъ, что богъ медвѣдю на зиму далъ комокъ, который тотъ и сосетъ всю зимнюю пору и такимъ образомъ насыщается и не умираетъ съ голоду. Сталъ старикъ лизать данный ему предметъ; полизалъ и заснулъ; чрезъ нѣсколько времени проснулся, пососалъ опять комокъ, повернулся на другой бокъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что подъ него начинаетъ течь вода; проснулся, оглядѣлся, видитъ весна настала, берлога покрыта водой, а медвѣдя и слѣдъ простылъ. Вышелъ изъ берлоги и думаетъ, куда-же ему идти: заблудился осенью, а теперь весна: вдругъ видитъ вдали медвѣдя, который его манитъ къ себѣ; пошелъ за нимъ и чрезъ нѣсколько времени вышелъ на дорогу, по которой благополучно добрался до дому. Пока пѣлъ пѣсню старикъ, и усталости не

замѣчалъ, неся гробъ; но потомъ сѣлъ отдохнуть, вынулъ изъ гроба сына, отрубилъ ему ноги и понесъ; чрезъ нѣсколько времени опять стало тяжело—отрубилъ туловище по поясницу; въ третій разъ — руки по локтямъ; наконецъ, въ четвертый разъ голову, а затѣмъ бросилъ и все остальное, остался только гробъ. Приходитъ на мѣсто, а жена, обогнавъ его, уже тамъ; захотѣлось ей еще разъ взглянуть на сына, открываетъ гробъ, а тамъ нѣтъ ничего. Мужъ дѣлаетъ удивленное лицо и говоритъ, что навѣрное *нуми торумъ* взялъ его къ себѣ на небо; жена вѣритъ и на радостяхъ начинаетъ плясать вмѣстѣ съ мужемъ.

Восьмая сцена. Инородецъ на собачьей нартѣ ѣдетъ на рѣку осматривать удобное мѣсто для запору; скоро находитъ его и дѣлаетъ все необходимое; возвращается назадъ, при чемъ собаки такъ быстро мчатся, что онъ еле сидитъ; на другой день поѣхалъ смотрѣть, не попало-ли чего-нибудь; оказывается, рыбы такъ много, что не помѣщается вся на нарту и часть приходится оставить; ѣдетъ домой и поетъ про то, какъ хорошо ловить рыбу, если она попадается въ большомъ количествѣ, а также и про то, что онъ думаетъ сдѣлать съ пойманной; рѣшилъ навялить, приготовить рыбьяго жиру, а остатки предоставить въ распоряженіе собакъ. Нарта была представлена доской, а собаки—палками.

Девятая сцена. Идутъ мужъ съ женой; мужъ началъ расхваливать свою жену, описывать ея красоту и доброту; жена на это стала дѣлать пріятное выраженіе лица и понемногу подплясывать; затѣмъ мужъ сталъ жену бранить за то, что она ему невѣрна, что любитъ много пить, и т. д.; нагнула тутъ жена свою голову и не подымала до тѣхъ поръ, пока онъ опять не началъ ее хвалить; такъ повторялось до пяти разъ и подъ конецъ стали вмѣстѣ плясать.

Десятая сцена. Женщина выдѣлываетъ шкурку соболя, при этомъ поетъ про то, какъ соболь живетъ въ лѣсу, какъ онъ выводитъ дѣтей, какъ ихъ обучаетъ ловить добычу и избѣгать человѣческихъ западней.

Одиннадцатая сцена. Молодому инородцу захотѣлось жениться; не очень далеко отъ него жилъ одинъ старикъ съ дочерью, за которую онъ и рѣшилъ посвататься, но сколько онъ ни старался, лица ея видѣть ему все таки не удавалось, такъ какъ она постоянно закрывалась платкомъ. Ѣздилъ онъ зимою на оленяхъ, лѣтомъ на лодкѣ и все результатъ одинъ и тотъ же: лишь только она его увидитъ, сейчасъ же закрывается; возвращается онъ назадъ и въ печальной импровизаціи поетъ про свое горе. Наконецъ, обратился къ *нуми торумъ* съ просьбой помочь ему, поднять вѣтеръ, который сорвалъ-бы платокъ съ скромной дѣвушки. Поѣхалъ опять, подъѣзжаетъ, дѣйствительно, поднялся вѣтеръ, платокъ былъ сорванъ и желаніе жениха было исполнено: онъ увидалъ лицо невѣсты, увидалъ и ахнулъ: такого безобразія въ жизнь не приходилось ему встрѣчать; моментально повернулъ лодку назадъ, усиленно загребъ и, отъѣхавъ на приличное разстояніе, боязливо сталъ оглядываться, не ѣдетъ-ли она за нимъ и такъ всю дорогу вплоть до дома, гдѣ, отплевываясь, сталъ насмѣхаться надъ самимъ собою и надъ невѣстой; подъ конецъ поблагодарилъ бога за спасеніе отъ такой жены.

Двѣнадцатая сцена. Рыболовъ поставилъ на одной рѣчкѣ самоловы и уѣхалъ; подъѣзжаетъ чрезъ нѣсколько времени воръ, осмотрѣлъ, крадучись и со всѣми предосторожностями, крючки, снялъ попавшуюся на нихъ рыбу и уѣхалъ. На другой день та-же исторія; на третій опять; удивляется хозяинъ, что рыбы совсѣмъ нѣтъ; подумалъ, не срывается-ли она и рѣшилъ на другой день пріѣхать пораньше; пріѣзжаетъ и видитъ вора; догадался онъ тутъ о причинѣ малаго лова, сталъ потихоньку подкрадываться, но воръ все таки его замѣтилъ, бросился бѣжать, да неловко спустилъ крючки въ воду; одинъ изъ нихъ и попалъ ему въ задъ; чѣмъ больше онъ бьется, тѣмъ дальше крючокъ входитъ въ тѣло; подъѣхалъ хозяинъ, сталъ его бить, а тотъ уже ни съ мѣста; сжалился тогда онъ надъ нимъ, вытащилъ крючокъ, предварительно обязавъ его заплатить нѣсколько пудовъ рыбы и нѣсколько оленьихъ шкуръ и такимъ образомъ спасъ его отъ позора, а, быть можетъ, и отъ смерти.

Тринадцатая сцена. Старшина и писарь ѣдутъ собирать ясакъ; собирали они уже долго и не мало стало у нихъ добра на нартахъ; даже олени съ трудомъ везли, но имъ все казалось мало; подъ конецъ даже стали собирать вотлепъ — *тыпъ ивъ оссы* *); пріѣзжаютъ

*) Вотлепомъ называется наструганное дерево, приготовляемое, преимущественно, лѣтомъ изъ тальника, зимою изъ сосны, рѣдко изъ березы: въ холода изъ тальника его не дѣлаютъ, потому что тогда онъ легко крошится; вотлепъ составляетъ самую необходимую принадлежность каждаго хозяйства и имѣетъ самое разнообразное приложеніе—охотниками употребляется въ качествѣ пыжа, при ѣдѣ вмѣсто

къ одному охотнику, который въ это время занимался усиленнымъ приготовленіемъ стрѣлъ и стали отъ него требовать всего, что только у него есть; далъ онъ имъ соболя, оленя, лосиную шкуру—все мало; запросили вотлепу; разсердился онъ тутъ на нихъ, схватилъ охапку вотлепа и сталъ бить и старшину, и писаря; насилу тѣ успѣли сѣсть на оленей и уѣхать; съ этихъ поръ къ этому охотнику ни ногой и больше къ нему уже не приставали.

Четырнадцатая сцена. Одинъ самоѣдъ пріѣзжаетъ въ гости къ женатому остяку; остякъ по самоѣдски не понимаетъ, а жена его кое-что знаетъ; изъ-за этого выходятъ разныя недоразумѣнія, вродѣ того, что самоѣдъ проситъ пить, а ему мужъ даетъ ѣсть; тотъ хвалитъ жену, а хозяинъ думаетъ, что оленей, и предлагаетъ продать. Наконецъ, самоѣдъ успѣлъ остячкѣ передать, чтобы она бросила своего мужа и поѣхала-бы съ нимъ—онъ богаче, дастъ ей больше мѣдныхъ украшеній, сошьетъ соболью ягушку, подаритъ стадо оленей (у женъ собственность бываетъ нерѣдко отдѣльно отъ мужей); вначалѣ та не соглашалась, но послѣ соблазнилась обѣщаніями самоѣда, стала варить напитокъ изъ мухоморовъ-*панхъ*, замѣнявшій прежде (изрѣдка употребляется и теперь) нашу водку и производящій не только опьяненіе, но заставляющій человѣка совершенно забывать окружающую его обстановку—идти въ рѣку, въ озеро, бросаться въ огонь, кидаться съ дерева на земь и вообще совершать цѣлый рядъ безразсудныхъ поступковъ, за которые ему иногда приходится потомъ сильно платиться. Сваривши этого напитка, она стала угощать гостя и мужа; первый пилъ мало, второй много, вслѣдствіе чего онъ скоро опьянѣлъ; самоѣдъ схватилъ жену, посадилъ ее на нарту и погналъ оленей; остякъ хотя и понималъ еще кое-что, но сдѣлать ничего не могъ: ноги отказывались идти, языкъ говорить и руки стрѣлять; побился, побился, потомъ опрокинулся и захрапѣлъ. Такъ безъ жены и остался.

Пятнадцатая сцена. Встрѣчаются два остяка, одинъ на лыжахъ, другой на оленяхъ; первый никогда не видалъ оленей, а второй лыжъ; осматриваютъ внимательно то и другое; пріѣхавшій на лыжахъ ѣстъ оленьи изверженія, думая, что это черемуха; а владѣлецъ оленей осторожно подходитъ къ лыжамъ, боясь, какъ-бы они его не укусили. Осмотрѣвши, стали каждый хвалить свое: одинъ говоритъ, что олени лучше, другой, что лыжи. Рѣшили попробовать, что быстрѣе; пустились въ перегонки, никто не можетъ перегнать другого; тогда помѣнялись, но ни кто не можетъ сладить съ пріобрѣтеннымъ имуществомъ: одного олени не слушаются, а другой на лыжахъ не держится; бились, бились, рѣшили опять помѣняться, что и сдѣлили; послѣ чего разъѣхались.

Шестнадцатая сцена. Мужъ съ женой; первый дѣлаетъ стрѣлы, вторая мнетъ шкурки и приготовляетъ нитки изъ оленьихъ жилъ. И тотъ, и другая поютъ; первый про то, какъ онъ будетъ добывать звѣря, а вторая, какъ она изъ полученныхъ шкурокъ будетъ шить одежду для мужа и для себя. Кончивъ работу, начинаютъ плясать, причемъ мужъ машетъ стрѣлами, а жена—нитками и шкурками.

Семнадцатая сцена. Три сестры дѣвушки пришли съ Малой Сосьвы на Большую — Сѣверную искать себѣ жениховъ, такъ какъ слышали, что здѣсь мало женщинъ, а мущинъ много. Старшая изъ сестеръ учитъ другихъ, чтобы онѣ не показывали виду, что имъ хочется имѣть мужей, а то говоритъ, мужчины народъ хитрый; догадаются, ни за что ихъ въ жены не возьмутъ; но сколько онѣ ни трудились, къ какимъ хитростямъ ни прибѣгали, заключавшим- ся, главнымъ образомъ, въ показываніи разныхъ сокровенныхъ мѣстъ и въ принятіи соблазнительныхъ позъ, изъ этого толку не вышло никакого; мужей онѣ себѣ не нашли, плюнули и пошли домой.

Восемнадцатая сцена. Пріѣзжаютъ на низовья Оби съ ея верховьевъ два богатыхъ татарина; ищутъ себѣ невѣстъ, ни какъ не могутъ найти; вдругъ видятъ дряхлую старуху; не обращаютъ ни какого вниманія на ея года, бросаются на нее, но она всетаки успѣваетъ выскользнуть и убѣжать отъ нихъ; преслѣдуя ее, они сталкиваются другъ съ другомъ и сваливаются въ кучу.

салфетокъ, кладется за губу вмѣстѣ съ нюхательнымъ табакомъ, женщинами въ періодъ менструацій, и т. д.; вообще онъ всегда и вездѣ сопровождаетъ инородца какъ мущину, такъ и женщину; заготовляется часто съ осени на всю зиму; обыкновенно сукъ не очень стараго дерева, очищенный предварительно отъ коры, начинаютъ скоблить острымъ ножомъ, поставленнымъ совершенно перпендикулярно кверху; полученныя стружки подрѣзаютъ не совсѣмъ поэтому онѣ остаются съ одного конца прикрѣпленными.

Девятнадцатая сцена. Входитъ одинъ человѣкъ, видитъ свою тѣнь, удивляется ей и не знаетъ, чѣмъ объяснить то, что она продѣлываетъ все, что только онъ дѣлаетъ; производитъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ движеній и тѣнь, конечно, ихъ всѣ повторяетъ; наконецъ, пугается этого, проситъ тѣнь отстать отъ него; все не помогаетъ, кидается на колѣни, тѣнь тоже; наконецъ, бросается бѣжать и скрывается изъ глазъ зрителей.

Двадцатая сцена. Одинъ человѣкъ спитъ въ лѣсу, его кусаютъ комары; онъ во снѣ ихъ отгоняетъ, дѣлаетъ разныя движенія, гримасы, наконецъ, вскакиваетъ, протираетъ глаза и начинаетъ разводить костеръ; развелъ, опять легъ, заснулъ, но комары вновь надоѣдаютъ и онъ скоро опять просыпается, схватываетъ головню и начинаетъ ею махать въ разныя стороны.

Двадцать первая сцена. Одинъ звѣроловъ охотится въ чужомъ лѣсу и довольно удачно, такъ какъ уже убилъ трехъ соболей; вдругъ встрѣчаетъ его собственникъ лѣса, схватываетъ его и хочетъ убить за своеволіе; тотъ испуганный и дрожащій отъ страха начинаетъ его уговаривать, отдаетъ ему убитыхъ соболей, предлагаетъ пригнать ему нѣсколько штукъ оленей, привести нѣсколько котловъ, но все напрасно; хозяинъ подозрѣваетъ его, что онъ и раньше охотился и что онъ перебилъ у него не мало дичи; наконецъ, тотъ говоритъ, что у него есть дочь, которую онъ отдастъ за него безъ всякаго калыму, лишь-бы онъ его отпустилъ. Предложеніе это съ радостью принимается и они оба начинаютъ плясать.

Двадцать вторая сцена. Одинъ отецъ пошелъ отыскивать жену для сына; послѣ долгихъ разспросовъ узналъ, что въ одномъ селеніи живетъ мать съ дочерью; отправляется туда, дочери нѣтъ дома, но онъ условился послѣ долгихъ переговоровъ съ матерью о калымѣ, причемъ обязался доставить двадцать пять оленей, десять пудовъ вяленой рыбы, пять собольихъ шкурокъ и три ягушки. Отправляется домой за сыномъ, беретъ его съ собой и идетъ къ невѣстѣ; но сынъ его былъ совершенный дикарь, ничего не видалъ и былъ въ высшей степени застѣнчивъ. По дорогѣ постоянно задаетъ вопросы: «это что, это зачѣмъ?» и такъ далѣе. Подходитъ къ невѣстиному дому, видитъ прорубь въ рѣкѣ, изъ котораго она беретъ воду, пугается и бѣжитъ назадъ; отецъ за нимъ, догоняетъ, останавливаетъ, ворочаются; видитъ мѣсто, гдѣ рубятъ дрова—опять бѣжитъ; видитъ сѣни—входитъ въ нихъ—бѣжитъ; такъ, однимъ словомъ, продолжается нѣсколько времени, наконецъ удается ввести его въ домъ и познакомить съ невѣстой; сейчасъ же устраивается свадьба, послѣ которой начинаютъ плясать.

Двадцать третья сцена. Мущина приводитъ больного съ двумя опухолями, по одной на спинѣ и на груди; ищетъ доктора, не находитъ; рѣшается самъ лѣчить, говоря, что за больными надо ухаживать, облегчать имъ ихъ страданія и утѣшать всевозможными средствами тѣмъ болѣе, что всякій изъ людей можетъ захворать еще сильнѣе. Беретъ топоръ, точитъ его, кладетъ больнаго на спину и ловкимъ ударомъ отрѣзаетъ или, вѣрнѣе сказать, отрубаетъ грудную опухоль, тоже самое продѣлываетъ и со спинной. Больной выздоравливаетъ и вмѣстѣ со своимъ докторомъ начинаетъ плясать.

Двадцать четвертая сцена. Двое тобольскихъ купцовъ плывутъ по Оби, встрѣчаютъ остяка, дѣлающаго въ одномъ мѣстѣ запоръ для рыбы; здороваются съ нимъ, тотъ еле имъ отвѣчаетъ; спрашиваютъ, есть-ли у него рыба. «Есть, отвѣчаетъ, но не для васъ». «Отчего ты намъ ничего не хочешь продать или промѣнять — у насъ есть немало разныхъ хорошихъ товаровъ и мы уступимъ по своей цѣнѣ». «Знаю я это, но съ вами дѣла имѣть не желаю: у меня есть все, что мнѣ надо: рыба, птица и звѣрь—въ большемъ я не нуждаюсь; а попадешь къ вамъ въ лапы—скоро не выберешься». Сказалъ и только сильнѣе принялся за работу; постояли они немного; видятъ, что толку никакого не добьются и поѣхали дальше; а инородецъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ, потрясъ кулакомъ и проворчалъ: «Разбойники и грабители».

Двадцать пятая сцена. Двое вносятъ покойника очень большаго роста благодаря тому, что у него маска прикрѣплена къ длинной палкѣ, продѣтой сквозь малицу; при помощи этой палки совершаются разныя движенія мнимой головой. Принесшіе начинаютъ тереть покойника въ разныхъ мѣстахъ, брызгаютъ живой водой — *лилинъ витъ*, оживляютъ его и на радостяхъ всѣ начинаютъ плясать; затѣмъ даютъ ему нюхать табакъ, котораго онъ раньше не видалъ; онъ съ радостью бросается на него, обнюхивается, падаетъ и умираетъ; опять оживили, опять обнюхался — все это обыкно-

венно сопровождается разными тѣлодвиженіями и гримасами; вновь оживили и т. д. до трехъ разъ; наконецъ *лилинъ витъ* не хватило и онъ умеръ окончательно. Его спутники стали хоронить его со всѣми обрядами, о которыхъ писалось раньше; похоронивши, устроили небольшое празднество въ честь покойнаго, сопровождаемое танцами.

Двадцать шестая сцена. Одинъ человѣкъ изображаетъ березовый пень, другой подходитъ къ нему и начинаетъ дѣлать разныя движенія, которыя пнемъ аккуратно повторяются; сцена, напоминающая собою представленіе съ тѣнью. Подъ конецъ у пня обнаруживаются руки, ноги, голова; однимъ словомъ, онъ превращается въ человѣка, который и начинаетъ вмѣстѣ съ другимъ плясать.

Двадцать седьмая сцена. Охотникъ въ лѣсу наткнулся на *мэнква*, стоявшаго совершенно неподвижно, такъ что онъ не знаетъ—*мэнкъ*-ли это или пень; чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли это *мэнкъ*, онъ говоритъ: если это лѣшій, то пусть онъ продѣлываетъ все то, что я сейчасъ самъ буду». Сталъ поднимать руку, ногу, поворачивать голову и т. д., но что только онъ ни дѣлалъ, все немедленно повторялось, и онъ убѣдился, что это—*мэнкъ*. Бросился на колѣни, сталъ просить пощады и обѣщалъ принести ему въ жертву двухъ оленей. Въ знакъ пощады и прощенія за сомнѣніе, *мэнкъ* повернулъ голову и съ присвистомъ убѣжалъ.

Двадцать восьмая сцена. Мэнкъ съ женой входятъ, свистя и топая, и кланяются медвѣдю; затѣмъ берутъ въ обѣ руки по платку и начинаютъ съ крикомъ, гамомъ и шумомъ плясать; утомившись—ложатся: мужъ начинаетъ ласкать жену, пристаетъ къ ней; та сперва отворачивается, но потомъ соглашается....

Двадцать девятая сцена. Входятъ три *мэнква*, садятся на скамейку, поднимаютъ по очереди правую и лѣвую ногу, затѣмъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ, причемъ, проходя мимо медвѣдя, кланяются ему и свистятъ; садятся опять, поднимаютъ правую и лѣвую руку, вскакиваютъ, дѣлаютъ кругъ; опять садятся, дѣлаютъ движеніе головой и повторяютъ все то, что дѣлалось и раньше; затѣмъ всѣ втроемъ начинаютъ быстро кружиться на одномъ мѣстѣ, хлопаютъ въ ладоши и съ присвистомъ убѣгаютъ.

Тридцатая сцена. Два охотника ловятъ сѣтями утокъ и гусей и очень удачно—каждый разъ вытаскиваютъ десятками; объясняютъ это себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ нихъ отлично подражаетъ крику разныхъ птицъ. Вдругъ является дочь *мэнква* и предлагаетъ сразу имъ обоимъ себя въ жены, говоря, что удачной охотой они обязаны ей, такъ какъ она загоняла птицу прямо въ ихъ сѣти. Они отказываются; та раздраженная уходитъ а на прощаніи говоритъ, что они ее не забудутъ. Приступили послѣ этого къ охотѣ и, сколько ни старались, поймать ничего не могли; сидѣли еще семь дней, запасы уже истощились, пошли домой, надѣясь тамъ взять изъ спрятаннаго въ амбарѣ; приходятъ, оказывается амбаръ сгорѣлъ; пошли опять на охоту, но по прежнему безуспѣшно; поняли они тутъ, что бороться съ дочерью *мэнква* имъ не подъ силу, стали ее призывать, но она уже не являлась и они въ страшныхъ мученіяхъ—въ корчахъ погибаютъ отъ голодной смерти.

Тридцать первая сцена. Три брата пошли въ лѣсъ охотиться; приходятъ на одно мѣсто, гдѣ старшій былъ уже раньше, раскладываютъ костеръ, варятъ себѣ пищу и ложатся спать. Утромъ старшій разсказываетъ свой сонъ, будто онъ видѣлъ болото, за которомъ тянется большое озеро, съ мысомъ, поросшимъ громадными лиственничными деревьями, между которыми стоитъ домъ, гдѣ живутъ дочери *мэнква*. Спрашиваетъ онъ братьевъ, не хотятъ-ли они пойти вмѣстѣ съ нимъ туда посмотрѣть, что это за дочери *мэнква*. Согласились, пошли, видятъ, что дорога точь въ точь такая, какой видѣлъ ее во снѣ старшій братъ; доходятъ до озера; испугался тутъ младшій—бросился бѣжать назадъ; пошли вдвоемъ, дошли до мыса; оглянулся старшій братъ назадъ—никого, и средній убѣжалъ. Дѣлать нечего, пошелъ одинъ, дошелъ до дому, отворилъ дверь; тутъ бросилась на него дочь *мэнква* (она была одна дома) и стала съ нимъ бороться; не удалось ей всетаки его побороть, признала она его своимъ мужемъ и мирно пошла за нимъ. Подходятъ къ старому мѣсту, увидали ихъ братья и рѣшили убить своего старшаго и завладѣть его женой; но онъ объ этомъ догадался и сталъ ихъ осмѣивать, что они испугались бабы и бросились отъ нея бѣжать; оскорбило ихъ это, стали сваливать другъ на друга, побранились, наконецъ, подрались, да такъ, что оба умерли. Старшій братъ со своей молодой женой на радостяхъ сталъ плясать, а затѣмъ отправился съ ней домой.

Тридцать вторая сцена. Двое охотниковъ пошли на охоту за соболями въ такія мѣста, гдѣ бывали раньше и гдѣ соболей всегда было много; но въ этотъ разъ ходили долго, а звѣрей не видали; удивляются, отчего они перевелись, идутъ впередъ; вдругъ увидали слѣдъ, похожій на человѣческій, но только гораздо больше, испугались, побѣжали назадъ, но за ними раздался свистъ, топотъ, а затѣмъ вдругъ на дорогѣ прямо и противъ нихъ появился *мэнквъ*, который загородилъ имъ путь; дѣлать было нечего, взялъ одинъ изъ охотниковъ ружье, зарядилъ его мѣдной пулей, которую каждый охотникъ носитъ на всякій случай и выстрѣлилъ, цѣлясь прямо въ сердце. Выстрѣлъ даромъ не пропалъ—*мэнквъ* упалъ мертвымъ. Проходитъ такъ три дня, дочь *мэнква* ждетъ своего отца, но все напрасно — отца нѣтъ; рѣшила тогда идти ему навстрѣчу; шла долго, наконецъ напала на слѣды; они привели ее къ истинѣ: вскорѣ можно было замѣтить тѣло убитаго *мэнква*; она бросилась къ нему, стала цѣловать, плакать; наконецъ увидала убійцъ и начала просить ихъ оживить ея отца, вынувъ изъ тѣла пулю. Они не соглашаются; тогда дочь *мэнква* предлагаетъ въ даръ всевозможныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ; обѣщаетъ имъ всегда и вездѣ успѣхъ и полное содѣйствіе, но и этого мало; тогда она предлагаетъ имъ себя въ жены; на это они соглашаются, вынимаютъ пулю изъ тѣла и убитый оживаетъ. Дочь разсказываетъ, какой цѣною она его спасла; тотъ ее благодаритъ и соглашается на бракъ; братья уводятъ ее съ собою и начинаютъ съ нею жить какъ съ женой.

Тридцать третья сцена. Два брата собираются идти въ лѣсъ на охоту и не хотятъ съ собою брать младшаго — дурачка, но тотъ, замѣтилъ, что они куда-то идутъ, сталъ просить ихъ взять и его съ собою; вначалѣ тѣ отказывались, говоря, что они далеко идутъ и что онъ ничего не умѣетъ, но затѣмъ согласились; отъ радости младшій сталъ бѣгать и кричать: «иду, иду». Велятъ ему вьючить нарту; сколько онъ ни старался, не могъ всего уложить такъ, какъ слѣдуетъ; научили его, и, собравшись вполнѣ, отправились; они вдвоемъ пошли впередъ и потянули нарту за собой, а ему велѣли подталкивать ее сзади; идутъ, устали очень скоро и удивляются, отчего такъ тяжело вести поклажу: кажется, вещей немного, а съ трудомъ тянутъ; оглянулись назадъ и видятъ, что дурачекъ тянетъ тоже изо всѣхъ силъ, только въ обратную сторону; разсердились братья и поколотили его; пошли дальше —перестала нарта идти правильно, то вправо, то влѣво; оказывается, младшему надоѣло идти прямо и онъ то въ одну сторону нарту толкнетъ, то въ другую; поколотили и за это. Наконецъ добрались до мѣста, велѣли ему снѣгъ разгребать, сталъ имъ въ лицо бросать; велѣли дровъ нарубить, имъ ноги попортилъ; велѣли въ котелъ накласть (подразумѣвается, рыбы), а онъ сходилъ въ него за большой нуждой; велѣли вымыть — вымылъ, да только уриной; велѣли мѣшать, сталъ это дѣлать погою; разсердились братья, поколотили его и легли спать безъ ужина; такъ онъ все одинъ и съѣлъ. На другой день пошли лѣсовать; пока братья охотились, младшій сталъ потихоньку дѣлать *сангульдапъ*; вечеромъ одинъ братъ принесъ пару соболей, другой десятка три бѣлокъ, а младшій только одинъ разсказъ про то, что онъ столько видѣлъ звѣря, сколько ему никогда не приходилось видать, да не удалось ничего убить—глаза разбѣжались, не зналъ— въ кого стрѣлять. Съ ужиномъ повторилась вчерашняя исторія, такъ что братья поѣли только одной сухой рыбы; съ тѣмъ и уснули. Утромъ опять всѣ разошлись— братья охотиться, а дурачекъ сангульдапъ додѣлывать; додѣлалъ и спряталъ въ снѣгъ; вечеромъ поднялись разговоры о томъ, сколько кто убилъ: старшіе добыли не мало звѣря, а младшій только разсказываетъ, сколько онъ видѣлъ. Слѣдующій день, пока братья охотились, дурачекъ все игралъ и такъ вплоть до разсвѣта; очнулся, поскорѣе побѣжалъ на ночлегъ, а братья его уже спятъ. Потомъ повторилось тоже самое, только младшій такъ заигрался, что проигралъ всю ночь; проснулись братья, видятъ, дурачка нѣтъ, испугались —не медвѣдь-ли его съѣлъ. Пошли отыскивать; искали, искали, вдругъ одинъ изъ нихъ слышитъ, кто-то вдали играетъ; свиснулъ, чтобы обратить вниманіе другаго, но этотъ свистъ услыхалъ и играющій; испугался, бросился прятать свой сангульдапъ, но присутствующіе изъ публики стали его увѣрять, что это вѣтеръ; успокоился, досталъ инструментъ и сталъ играть опять; снова раздался свистъ, но и тутъ его успокоили, сказавъ, что это его лыжи скрипнули; наконецъ, братья потихоньку подкрались, увидали, что это ихъ дурачекъ играетъ, схватили его и стали требовать сангульдапъ; вначалѣ не отдавалъ, но потомъ долженъ

былъ уступить самъ; принялся играть старшій, затѣмъ второй братъ, но сколько они ни старались, ничего у нихъ не выходило; передали младшему и велѣли играть. Началъ онъ и съ радости, что получилъ обратно свой инструментъ, такъ заигралъ, что всѣ заплясали.

Неприглядна и однообразна жизнь сѣвернаго инородца, проходитъ она изо дня въ день, полная борьбы за существованіе, особенно теперь, когда богатства страны уменьшаются, а потребности населенія увеличиваются; мало видитъ онъ радости и развлеченія, а потребность въ томъ и въ другомъ у него безусловно существуетъ; немудрено поэтому, что рвется онъ и мчится за сотни верстъ на своихъ быстрыхъ оленяхъ на разныя жертвоприношенія, на пляски въ честь медвѣдя и тому подобные случаи, гдѣ его можно видѣть такимъ, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ, когда о ъ никого не боится и когда дѣлаетъ лишь то, что захочетъ. Не только ему, но даже заѣзжему человѣку, пробывшему лишь всего нѣсколько мѣсяцевъ въ его обстановкѣ, служитъ отдохновеніемъ отъ трудовъ и развлеченіемъ присутствіе на жертвоприношеніяхъ и празднествахъ въ честь медвѣдя.

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ.

СОСТАВЛЕННАЯ

ПРИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басман., д. Мараевой.
1887.

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящее при Московскомъ университетѣ, желая по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать успѣху изученія родной страны, приступило къ изданію программъ, которыя бы служили руководствомъ для людей, желающихъ оказать наукѣ услугу своими трудами. Этнографическій Отдѣлъ Общества уже издалъ въ нынѣшнемъ году программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ; въ настоящее-же время онъ предлагаетъ вниманію просвѣщенной публики этнографическую программу.

Первое начало предлагаемой программѣ положено вице-президентомъ Общества, предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла, поч. чл. Всевол. Ѳедор. Миллеромъ. Далѣе, немалое количество вопросовъ, особенно по народному календарю, доставлено дѣйств. чл. Евг. Ив. Якушкинымъ и нѣсколько вопросовъ—секретаремъ Этногр. Отдѣла Мих. Никол. Харузинымъ Дальнѣйшее пополненіе и редакцію программы взялъ на себя д. ч. Н. А. Янчукъ.

Пособіями при составленіи настоящей программы служили между прочимъ: 1) этнографич. программа юго-зап. Отдѣла И. Р. Геогр. Общества 1875 г., 2) программа Ф. Краусса, 3) прогр. В. Мангардта (напеч. въ 1 вып. „Древностей“ Моск. Археол. Общ., 4) прогр. парижскаго Антропологич. Общества, 5) прогр. Г. Н. Потанипа по изученію народовъ Сибири (изд. Геогр. Общ. 1880), 6) этнографическая прогр. Ром. Завилипскаго (изд. въ Краковѣ 1886 г., на польск. яз.), 7) проектъ народнаго календаря покойнаго проф. А. Дювернуа (рукопись принадл. Этногр. Отдѣлу Общ. Люб. Естеств.), 8) программа А. Матвѣева; кромѣ того мого вопросовъ почерпнуто изъ разныхъ изслѣдованій по этнографіи, каковы напр.: Аѳанасьева, „Поэтич. воззрѣнія славянъ“, Чубинскаго, „Матеріалы и изслѣдованія“ (изд. Геогр. Общ.), Магницкаго, „Повѣрья и обряды Вятскаго края“ (Вятка 1883 г.) и многія другія.

Вопросные пункты раздѣлены въ программѣ на десять группъ, но такъ какъ въ этомъ случаѣ весьма затруднительно провести вполнѣ строгое систематическое дѣленіе, то въ каждой группѣ могутъ встрѣтиться вопросы, повидимому не относящіеся къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связанные логически съ ближайшими къ нимъ вопросами.

При составленіи программы имѣлись въ виду всѣ народности, населяющія Россію, и потому, само собою понятно, что пользующійся этой программой не обязанъ отвѣчать непремѣнно на каждый вопросъ; точно также онъ не обязанъ вести свое изслѣдованіе по всѣмъ отдѣламъ программы: онъ можетъ ограничиться тѣми сторонами народнаго быта, которыя ему ближе знакомы или болѣе доступны, и представить ихъ въ подробномъ, точномъ, безхитростномъ описаніи, сопровождая его необходимыми поясненіями и не стѣсняясь литературной формой изложенія.

При пользованіи настоящей программою изслѣдователь, конечно, замѣтитъ въ ней не мало пробѣловъ. Разные оттѣнки мѣстнаго быта вызовутъ въ немъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ онъ не найдетъ въ программѣ. Весьма желательно поэтому, чтобы сообщались не только матерьялы, служащіе отвѣтомъ на предлагаемую программу, но также и тѣ вопросные пункты, которыми можно было бы ее пополнить при даль нѣйшихъ ея изданіяхъ. Все это будетъ принято Обществомъ съ глубокою благодарностью.

Всѣ сообщенія и посылки слѣдуетъ адресовать: *Въ Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Москва, Политехническій музей.*

I. Географическія и историческія свѣдѣнія.

1. Какъ называетъ племя само себя, свою страну и сосѣдей?

2. Какъ называютъ его сосѣднія племена?

3. Не даютъ-ли сосѣднія племена другъ другу шутливыхъ или оскорбительныхъ прозвищъ?

4. Что знаетъ племя или народъ о своемъ происхожденіи?

5. Не сохранилось-ли преданій о происхожденіи племени или отдѣльныхъ родовъ отъ волка, собаки и т. п.?

6. Старожилы-ли жители или новоприбывшіе? Въ томъ и другомъ случаѣ не сохранилось-ли письменныхъ свидѣтельствъ или устныхъ преданій, когда, откуда и при какихъ обстоятельствахъ они водворились въ краѣ?

7. Опредѣлить хотя бы приблизительно численность племени и густоту населенія?

8. Населяетъ-ли племя сплошь всю территорію, или среди него живутъ инородцы?

9. Опредѣлить хотя бы приблизительно предѣлы разселенія изучаемаго племени, народа, описать характеръ мѣстности, почву, климатъ, словомъ привести такія географическія подробности, которыя необходимы для уясненія образа жизни изучаемаго племени?

10. Какими сосѣдями окружено племя и въ какихъ отношеніяхъ къ нимъ находится?

11. Какія вообще существуютъ отношенія къ лицамъ другой народности, къ иновѣрцамъ, къ иностранцамъ?

12. Въ чемъ видитъ народъ главное отличіе себя отъ другихъ народовъ или отъ жителей разныхъ мѣстностей хотя бы и той-же народности?

13. Въ какихъ юмористическихъ разсказахъ, прибауткахъ, прозвищахъ и т. п. обрисовываются отличительныя черты одной народности отъ другой, жителей одной мѣстности или деревни отъ жителей другой?

14. Существуетъ-ли въ мѣстномъ населеніи подраздѣленіе на роды, или на касты, на сословія?

15. Какъ называются эти подраздѣленія?

16. Какія извѣстны родовыя или семейныя преданія, связанныя съ фамиліями и прозвищами?

17. Представить списокъ фамилій съ объясненіемъ происхожденія хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе любопытныхъ.

18. Часто-ли мѣняются фамиліи и почему?

19. Что происходитъ съ фамильными названіями при семейныхъ раздѣлахъ?

20. Какая именно фамилія чаще всего употребляется въ данной мѣстности?

21. Какой родъ фамилій по значенію (напр. образованныя отъ личныхъ именъ, отъ названій животныхъ и т. п.) и по окончанію особенно употребителенъ въ изслѣдуемой мѣстности?

22. Описать подробно нѣкоторые выдающіеся случаи, доказывающіе враждебное (или дружелюбное) отношеніе между жителями разныхъ національностей, между разными классами, кастами и т. д.

II. Антропологическія свѣдѣнія.

1. Каково преобладающее тѣлосложеніе у людей данной мѣстности?

2. Часты-ли случаи чрезмѣрной толстоты, ожирѣнія, или особенной худобы?

3. Отличается-ли населеніе физической силой, и чѣмъ она особенно доказывается?

4. Какой ростъ преобладаетъ въ населеніи, и нѣтъ-ли въ этомъ отношеніи особенной разности между мужчинами и женщинами, а также между людьми разныхъ сословій?

5. Часто-ли попадаются люди особенно большого или особенно малаго роста?

6. Какъ часты случаи несоразмѣрности членовъ тѣла (напр. длинная или короткая шея, ноги, туловище)?

7. Какъ называются разные виды этой несоразмѣрности?

8. Какія уродства встрѣчаются между жителями данной мѣстности? Природны-ли они, или искусственны?

9. Если искусственны, то кѣмъ и когда (при рожденіи, или впослѣдствіи) производится уродованіе и съ какой цѣлью?

10. Какова самая обыкновенная форма головы, лица, носа, глазъ, рта, ушей и т. д.?

Примѣчаніе. Весьма желательны фотографическіе снимки (en face и въ профиль) типичныхъ представителей народа или племени.

11. Каковъ преобладающій цвѣтъ волосъ и глазъ?

12. Часто-ли случается несоотвѣтствіе между волосами и глазами (свѣтлые волоса при черныхъ или темныхъ глазахъ, и наоборотъ)?

13. Много-ли разноволосыхъ, разноглазыхъ, (по цвѣту и силѣ зоркости глазъ)?

14. Отличается-ли населеніе зоркостью глазъ?

15. Много-ли близорукихъ?

16. Какіе цвѣта умѣетъ различать народъ и какъ ихъ называетъ?

17. Въ какой степени отличается тонкостью слуха большинство населенія?

18. Какихъ звуковъ не переносятъ и какіе считаютъ пріятными?

19. Какія прозвища даются въ зависимости отъ рода и цвѣта волосъ, отъ формы, положенія и цвѣта глазъ, отъ формы лба, носа, рта, подбородка, ушей и т. д.?

20. Составить подробный списокъ мѣстныхъ названій для всѣхъ частей тѣла, нѣкоторыхъ костей, суставовъ, родимыхъ пятенъ, бородавокъ, болѣзненныхъ наростовъ, уродствъ и т. д.

21. Какого рода голосъ самый характеристичный для данной мѣстности (тонкій, толстый и т. п.)?

22. Какія существуютъ названія для разныхъ оттѣнковъ голоса (звонкій, хрипливый, пискливый и т. п.)?

23. Какова манера говорить: быстро, медленно и т. п.?

24. Какова разница во всѣхъ этихъ отношеніяхъ по поламъ, возрастамъ и національностямъ?

25. Какая походка особенно характерна для данной мѣстности (мѣстныя названія разныхъ родовъ походки)?

26. Каково любимое положеніе тѣла при сидѣніи и стояніи?

27. Какова въ этомъ отношеніи разница по поламъ и возрастамъ, а также по сословіямъ и національностямъ?

28. Какіе эпитеты и прозвища даются лицамъ въ зависимости отъ ихъ голоса и манеры говорить, отъ походки и т. д.?

29. Какими сравненіями выражаетъ народъ степень силы и слабости быстроты и медленности, доброты и злости и вообще физическихъ и нравственныхъ свойствъ человѣка, а также внѣшнихъ явленій: силы свѣта и темноты, крѣпости и ветхости, дали и близости и т. п.?

III. Жилище и его принадлежности.

1. Расположены-ли жилища селами или стоятъ отдѣльно другъ отъ друга?

2. Гигіеническія условія жилища: соотвѣтствуетъ-ли оно условіямъ климатическимъ?

3. Описать подробно устройство жилища: матеріалъ, способъ постройки, величину, части, внутреннее расположеніе и убранство, дворъ, надворныя строенія, ихъ расположеніе, назначеніе, ограду и т. д. (къ этимъ описаніямъ для большей наглядности хорошо прилагать планы и рисунки).

4. Чѣмъ отличается домашняя обстановка богатой семьи отъ бѣдной?

5. Какія мѣстныя названія существуютъ для каждаго строенія?

6. Какъ называются разные способы стройки, части строеній и ихъ принадлежности, разные виды оградъ и т. д.?

7. Какая любимая форма отдѣльныхъ зданій и его частей?

8. Какія любимыя украшенія зданій: окраска, рѣзьба, рисунки, узоры и т. п.?

9. Какія перемѣны въ способѣ стройки домовъ, устройства дворовъ и т. п. происходятъ съ теченіемъ времени и чѣмъ объясняются эти перемѣны?

10. Нельзя-ли отмѣтить въ этомъ отношеніи какихъ-нибудь періодовъ?

11. Какія предосторожности принимаются при постройкѣ зданія, особенно жилища, а также впослѣдствіи, чтобы не было сырости, чтобы живущіе въ немъ не страдали болѣзнями и т. д.?

12. Какія существуютъ способы для добыванія и сохраненія огня?

13. Добывается-ли огонь посредствомъ тренія?

14. Какіе снаряды употребляются для освѣщенія?

15. Какіе матеріалы употребляются для отопленія?

16. Какъ устраивается очагъ, печь?

17. На комъ лежитъ обязанность сохраненія огня?

18. Какая употребительна домашняя посуда?

19. Изъ чего и какъ она приготовляется?

20. Извѣстно-ли гончарное колесо?

21. Какія украшенія и знаки употребляются на посудѣ?

22. Обжигають ли глиняные сосуды въ печахъ или сушатъ на воздухѣ?
23. Кто занимается изготовленіемъ посуды?
24. Какія извѣстны домашнія орудія? изъ чего, кѣмъ и какъ они изготовляются?
25. Какіе употребительны металлы для изготовленія орудій?
26. Какъ добываются металлы?
27. На какой ступени находится вообще металлургія?
28. Изъ чего изготовляется оружіе?
29. Какое оружіе употребляется для нападенія и какое для обороны?
30. Есть-ли привозное оружіе? Откуда оно добывается?
31. Какое оружіе считается наиболѣе древнимъ и пользующимся уваженіемъ?
32. Нѣтъ-ли преданій о чудесномъ оружіи, о богатырскихъ мечахъ, о заколдованныхъ стрѣлахъ, о булавахъ, каменныхъ топорахъ и т. п.?
33. Если существуютъ изображенія боговъ, или духовъ, то чѣмъ они вооружены?
34. Нѣтъ-ли спеціальныхъ орудій, употребляемыхъ при закланіи жертвенныхъ животныхъ, при какихъ нибудь особенныхъ случаяхъ?
35. Приготовляются-ли орудія изъ камня?
36. Извѣстны-ли въ народѣ находимыя въ землѣ каменныя орудія?
37. Нѣтъ-ли для нихъ спеціальныхъ названій?
38. Не разсказываются-ли, объ нихъ преданія?

IV. Одежда.

1. Какая употребляется одежда?

Примѣчаніе. Лучше всего сопровождать описаніе точными рисунками или фотографіями.

2. Форма и видъ одежды измѣняется-ли по поламъ и возрастамъ и какъ именно?
3. Изъ какихъ матеріаловъ изготовляется одежда? какъ она измѣняется по временамъ года?
4. Развито-ли искусство шить, вязать, плести, вышивать, дубить кожи, ткать и. т. д.?
5. На чьей обязанности лежитъ изготоленіе одежды?
6. Съ какого возраста начинаютъ одѣваться?
7. Есть-ли различие въ одеждѣ по классамъ и по профессіямъ?
8. Чѣмъ отличается праздничная одежда отъ ежедневной?
9. Какіе любимые цвѣта для одежды?
10. Какія употребляются украшенія?
11. Изъ чего, какъ и кѣмъ они изготовляются?
12. Который полъ больше рядится?
13. Отличается-ли чѣмъ-нибудь костюмъ дѣвушки, потерявшей невиность?
14. Какъ одѣваютъ покойниковъ?
15. Предпочитается-ли въ этомъ случаѣ національный костюмъ другому?
16. Какъ называются разные виды одежды, частей ея, украшеній и принадлежностей?
17. Какія средства, кромѣ одежды, употребляются для предохраненія тѣла отъ жары, холода и т. д., напр.: умащеніе, натираніе, окрашиваніе и пр.?
18. Употребительна-ли стрижка волосъ, подбриваніе, бритье, выщипываніе?
19. Какая употребляется прическа по поламъ и возрастамъ?
20. Какую носятъ обувь и какъ ее изготовляютъ?
21. Какія шапки, шляпы, уборы [и т. п. носятъ на головѣ?
22. Употребляются-ли краски для волосъ, ногтей, зубовъ, бѣлила, румяна, мази и т. п.?
23. Какія вещества для этого употребительны и какъ они называются?
24. Какія средства употребляются для рощенія и укрѣпленія волосъ или для уничтоженія ихъ?
25. Распространена-ли татуировка? въ чемъ именно она состоитъ?
26. Какія части тѣла татуируются? Отмѣтить различіе по сословіямъ, поламъ и возрастамъ.
27. Насколько соблюдается мода въ одеждѣ, особенно праздничной, и въ чемъ она главнымъ образомъ сказывается?
28. Что вліяетъ больше всего на измѣненіе національнаго костюма и какія именно измѣненія происходятъ? Отмѣтить періоды моды.

V. Пища и питье.

1. Пища, ея составъ и приготовленіе: какая пища употребляется ежедневно и какая въ праздничные дни или какъ жертвенное приношеніе?
2. Распространено-ли употребленіе соли?
3. Какіе виды соли извѣстны и какой изъ нихъ болѣе употребителенъ?
4. Какіе минералы кромѣ соли употребляются въ пищу (напр. селитра, квасцы и др.)?
5. Насколько употребительны разныя пряности, сласти?
6. Животная пища жарится или варится? Подробности о томъ и другомъ способѣ изготовленія.
7. На чьей обязанности лежитъ изготовленіе пищи?
8. Дѣлаются-ли запасы и какъ они сохраняются?
9. Въ урочные-ли часы принимается пища и сколько разъ въ день?
10. Какія названія имѣетъ ѣда въ зависимости отъ поры дня?
11. Какія кушанья предпочтительны для каждой поры дня?
12. Ѣдятъ-ли много, или мало? съ жадностью, или нѣтъ?
13. Изъ сколькихъ кушаній состоитъ трапеза?
14. Соблюдается-ли при этомъ извѣстный порядокъ кушаньямъ?
15. Есть-ли понятіе о томъ, что смѣшеніе какихъ нибудь кушаній или принятіе одного вскорѣ послѣ другого вредно?
16. Какое кушанье считается самымъ почетнымъ угощеніемъ?
17. Какая пища составляетъ роскошь для данной мѣстности и какая свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности?
18. Женщины и дѣти ѣдятъ-ли вмѣстѣ съ мужчинами?
19. Существуютъ-ли особыя кушанья, изготовляемыя для мужчинъ и для старшихъ вообще?
20. Имѣетъ-ли каждый членъ семьи свою особую ложку?
21. Почему остерегаются ѣсть чужою ложкою?
22. Какія животныя чаще всего употребляются въ пищу?
23. Какъ называются различныя части разрѣзаннаго животнаго, а также блюда, приготовляемыя изъ нихъ?
24. Какія животныя, птицы, растенія и т. п. признаются нечистыми и негодными для употребленія въ пищу и какими соображеніями это мотивируется?
25. Какихъ частей животнаго, употребляемаго въ пищу, не ѣдятъ, и почему?
26. Насколько распространенъ обычай полнаго неупотребленія всего мясного, и чѣмъ онъ объясняется?
27. Какой растительный продуктъ составляетъ основную пищу населенія данной мѣстности и какой занимаетъ второе по важности мѣсто?
28. Какія растенія (покрайней мѣрѣ менѣе извѣстныя) ѣдятъ въ совершенно сыромъ видѣ и какія въ приготовленномъ на огнѣ или инымъ какимъ способомъ (замораживаніемъ, соленіемъ, засушиваніемъ, вымачиваніемъ и т. п.)?
29. Какія животныя, растенія или ихъ части (кора, листья и т. п.) употребляются въ пищу лишь въ случаѣ нужды, голода?
30. Какія существуютъ мѣстныя названія разныхъ плодовъ, овощей, фруктовъ, плодовыхъ деревьевъ, садовыхъ и огородныхъ растеній и ихъ частей, идущихъ въ пищу, а также названія изготовляемыхъ изъ нихъ блюдъ?
31. Какое употребляется питье, изъ чего и какъ оно изготовляется?
32. Какое питье употребляется при жертвоприношеніяхъ?
33. Употребляются-ли вещества опьяняющія, одуряющія или возбуждающія?
34. Распространено-ли пьянство, куреніе, нюханье, вспрыскиваніе, жеваніе какихъ нибудь наркотическихъ веществъ?
35. Есть-ли въ этомъ отношеніи разница по поламъ, возрастамъ, сословіямъ?
36. Какія молитвы, заклятія, причитанія, прибаутки, употребительны при питьѣ, нюханьѣ, куреньѣ и т. д.?
37. Какія пожеланія выражаютъ, когда пьютъ за чье здоровье?
38. Какія средства употребляются противъ запоя?

VI. Бытъ и занятія.

1. Въ какомъ быту живетъ изслѣдуемое племя: въ кочевомъ, осѣдломъ, охотничьемъ, пастушьемъ, земледѣльческомъ?

2. Требуетъ-ли охота временныхъ перекочевокъ за дичью?

3. Производится-ли охота отдѣльными лицами или цѣлыми обществами?

4. Въ какомъ состояніи рыболовство?

5. Какія орудія употребляются для охоты и рыбной ловли?

6. Каково устройство силковъ, западней, сѣтей, удочекъ и т. п.?

7. На какихъ животныхъ производится охота въ данной мѣстности?

8. Существуетъ-ли запрещенье убивать какихъ нибудь дикихъ животныхъ или ловить какой нибудь видъ рыбы и почему?

9. Какія существуютъ домашнія животныя?

10. Какіе въ употребленіи способы дрессировки животныхъ для спеціальныхъ цѣлей?

11. Какой уходъ производится за домашнимъ скотомъ?

12. Если племя живетъ въ кочевомъ, пастушескомъ быту, то на какихъ пространствахъ производится перекочевка?

13. Какія предосторожности принимаются пастухами для охраненія стадъ отъ падежа, хищныхъ животныхъ и злоумышленниковъ?

14. Какія употребляются для этого молитвы, заклинанія, заговоры, чары и т. п.?

15. Какъ производится лѣченіе скота и другихъ домашнихъ животныхъ въ случаѣ разныхъ болѣзней?

16. Какими средствами хозяйки стараются увеличить удой молока, сносъ яицъ и т. д.?

17. Кто занимается выхолащиваніемъ животныхъ?

18. Дѣлаются-ли подобныя операціи надъ самками?

19. Какія обряды, повѣрья и примѣты относятся къ этому?

20. Какіе существуютъ спеціальные термины для обозначенія половыхъ отправленій у разныхъ животныхъ, разрѣшенія беременности и т. п.?

21. Какія имена и другія ласкательныя и презрительныя прозвища даютъ животнымъ, въ особенности домашнимъ и вообще ручнымъ?

22. Распространено-ли коневодство, овцеводство?

23. Существуетъ-ли пчеловодство и каковъ уходъ за пчелами, устройство ульевъ и т. п.?

24. Какія употребляются средства передвиженія?

25. Каково устройство телѣгъ, саней повозокъ и т. п.?

26. Каково устройство колесъ? сплошныя-ли они или со спицами?

27. Переносятся-ли тяжести на спинахъ мужчинъ или женщинъ, рабовъ или домашнихъ животныхъ?

28. Какъ совершается переходъ черезъ рѣки и горы? Умѣютъ-ли строить мосты?

29. Въ какой степени развито земледѣліе?

30. Какія сѣются хлѣбныя растенія и каковы полевыя работы?

31. Какіе крайніе сроки посѣва и уборки разныхъ хлѣбовъ?

32. Какія предохранительныя средства употребляютъ при посѣвѣ и посадкѣ, напр. чтобы меньше было гнилыхъ колосьевъ, спорыньи, чтобы картофель не гнилъ въ грядахъ и т. д.? Какія практическія правила при этомъ соблюдаются?

33. Какіе мѣры употребляютъ противъ хлѣбныхъ червей, жучковъ, саранчи, мышей, кротовъ, сусликовъ и пр.?

34. Какъ убираются разные роды хлѣба: что жнутъ, что косятъ, что дергаютъ? тотчасъ-ли связываютъ? тѣ-ли же лица вяжутъ, что и жнутъ или косятъ? что преимущественно дѣлаютъ мужчины и что женщины?

35. Какія соблюдаются практическія правила при уборкѣ: стараются-ли становиться такъ, чтобы вѣтеръ гнулъ колосья въ противоположную сторону отъ работающаго? предпочитаютъ-ли убирать слишкомъ спѣлый хлѣбъ «съ росою», чтобы не осыпался и т. д.?

36. Какія кормовыя травы или другія растенія, кромѣ хлѣбныхъ, сѣются на пашняхъ?

37. Извѣстно-ли плодоперемѣнное хозяйство?

38. Какія употребительны земледѣльческія орудія? Устройство сохи, плуга, бороны, цѣпа и т. п.

39. Какія животныя предпочтительны для паханія?

40. Употребляется-ли удобреніе? какое? какой навозъ предпочтителенъ для какого хлѣба?

41. Производится-ли искусственное орошеніе полей?

42. Распространено-ли огородничество и садоводство?

43. Какія плодовыя деревья разводятся съ особеннымъ успѣхомъ?

44. Какая зелень и цвѣты считаются самыми любимыми въ садахъ и цвѣтникахъ?

45. Какія деревья и растенія по народному повѣрію не годится сажать близъ жилища и почему? Какія особенно полезно имѣть близъ жилья?

46. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ для охраненія садовъ, огородовъ, пасѣкъ и т. п. отъ холода и дождя, отъ насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ, отъ воровства?

47. Какого рода изгороди употребительны? Ихъ матеріалъ, устройство и названіе.
48. Существуютъ-ли какіе нибудь отхожіе промыслы?
49. Существуютъ-ли какіе нибудь спеціально женскіе промыслы?
50. Какіе промыслы и ремесла особенно развиты въ данной мѣстности?
51. Къ какимъ временамъ года они пріурочены преимущественно?
52. Какія орудія, снаряды, приспособленія употребительны при нихъ?
53. Существуетъ-ли торговля или мѣна?
54. Какіе предметы идутъ въ продажу?
55. Есть-ли какіе нибудь предметы, замѣняющіе монету?
56. Есть-ли ввозная торговля?
57. Какіе предметы ввозятъ въ страну? Откуда и какими путями?
58. Ведется-ли внѣшняя торговля?
59. Существуютъ-ли рынки и ярмарки?
60. Занимаются-ли торговлей и женщины?
61. Есть-ли мѣры и на чемъ онѣ основаны?
62. Извѣстны-ли вѣсы? какіе?
63. Какія употребительны мѣры вѣса?
64. Какіе способы существуютъ для измѣренія и дѣленія пространства?
65. Какъ опредѣляютъ границы на поляхъ, въ лѣсахъ и т. п.?
66. Нѣтъ-ли особыхъ пріемовъ для измѣренія розстоянія недоступнаго предмета? высоты недосягаемаго предмета?
67. Какія употребляются мѣры длины, поверхности, объема, вмѣстимости, жидкостей, сыпучихъ тѣлъ, монеты и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, какъ напр. дровъ, пряжи, сжатаго хлѣба, сѣна и пр.?
68. Какіе измѣрительные инструменты и пріемы употребляютъ разные ремесленники, мастера, сельскіе механики?
69. Какъ измѣряются разныя геометрическія фигуры: углы, треугольники, четыреугольники, многогранники, кругъ, шаръ и ихъ отдѣльныя части и пр.?
70. Какія существуютъ для нихъ особыя названія?
71. Какъ дѣлится время? Годъ, времена года, мѣсяцы, недѣли, дни, часы и т. д. Какія есть особыя названія для этихъ подраздѣленій?
72. Существуютъ-ли какіе нибудь снаряды для измѣренія времени?
73. Есть-ли какія нибудь астрономическія познанія, приложимыя къ счисленію времени, астрологіи, путешествіямъ, мореплаванію?
74. Какъ опредѣляютъ пору дня?
75. Какіе праздники, выдающіяся событія и т. п. служатъ основаніемъ при счисленіи времени?
76. Какіе существуютъ пріемы счисленія, замѣняющіе практическій хозяйственный календарь?
77. По какимъ признакамъ судятъ о скоромъ наступленіи осени, зимы, весны, а также о ихъ характерѣ?
78. Какая система счисленія: десятичная, двудесятичная или какая другая?
79. Считаютъ-ли по пальцамъ, камешкамъ, палочкамъ (биркамъ), зернамъ и т. п.?
80. Какія ариѳметическія величины употребляются преимущественно для счета извѣстныхъ предметовъ (пара, тройка, пятокъ, десятокъ, дюжина, копа и т. п.)?
81. Къ какимъ именно предметамъ примѣняется тотъ или другой счетъ и почему?
82. Какіе практическіе пріемы употребляются при устномъ сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи, особенно при большихъ вычисленіяхъ?
83. Какія головоломныя задачи, шарады, ребусы, фокусы и т. п. болѣе извѣстны въ данной мѣстности?

VII. Семейныя нравы и обычаи и другія національныя черты.

1. Развито-ли чувство любви мужчины къ женщинѣ?
2. Пользуется-ли женщина уваженіемъ? Какъ обращаются съ нею?
3. Какія ея обязанности по возрастамъ у разныхъ сословій?
4. Существуетъ-ли продажа женщинъ?
5. Дорожатъ-ли цѣломудріемъ жены?
6. Существуетъ-ли многоженство?
7. Какой видъ брака существуетъ въ данной мѣстности?
8. Нѣтъ-ли обычая похищенія невѣстъ и при какихъ обстоятельствахъ оно производится?
9. Не проглядываетъ-ли воспоминаніе объ этомъ обычаѣ въ свадебныхъ обрядахъ?
10. Какіе существуютъ свадебные обычаи, указывающіе на продажу невѣсты?
11. Существуетъ-ли обычай пропиванія невѣсты?
12. Какіе можно отмѣтить главные моменты свадьбы и какъ они называются?
13. Въ какой періодъ времени бываетъ больше всего свадебъ?
14. Какой день недѣли предпочитается для совершенія главнѣйшихъ моментовъ свадьбы (сватанья, вѣнчанія и т. д.)?

15. Сколько дней продолжаются свадебные торжества и какъ великъ приблизительный расходъ со стороны жениха и невѣсты?

16. Какіе подарки получаютъ всѣ родственники и другіе участники свадьбы?

17. Изъ чего состоитъ приданое?

18. Описать подробно приготовленія къ свадьбѣ, при чемъ обратить особенное вниманіе на приготовленіе свадебнаго хлѣба (каравая), свадебной елки и вѣнковъ. Кѣмъ, при какихъ церемоніяхъ, когда, изъ чего все это дѣлается?

19. Какое значеніе придаетъ народъ всѣмъ этимъ предметамъ?

20. Описать подробно послѣдовательный ходъ свадьбы со включеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ пѣсенъ, причитаній, рѣчей, соблюдая по возможности всѣ оттѣнки языка.

21. Записать музыку свадебныхъ пѣсенъ и танцевъ, по крайней мѣрѣ главные мотивы съ обозначеніемъ, которые изъ нихъ мѣстные, старинные, которые новые, пришлые, и откуда занесены?

Примѣчаніе. При всѣхъ описаніяхъ удержать мѣстные, спеціально-свадебные термины и названія съ необходимыми поясненіями.

Такъ-же слѣдуетъ поступать и во всѣхъ другихъ случаяхъ, не только при описаніи свадьбы.

22. Изъ кого составляется свадебная дружина жениха и невѣсты, многочисленна-ли она и чѣмъ вооружена?

23. Какія отношенія завязываются впослѣдствіи между участниками свадьбы?

24. Какова роль крестныхъ на свадьбѣ?

25. Какова роль братьевъ невѣсты и жениха на свадьбѣ?

26. Кому дается предпочтеніе при нѣкоторыхъ моментахъ свадьбы: матери или отцу (напр. при благословленіи и пр.)?

27. Кѣмъ замѣняются родители молодыхъ, если они умерли, или почему либо не могутъ исполнять своихъ обязанностей на свадьбѣ?

28. Чѣмъ отличаются свадьбы сиротъ, незаконнорожденныхъ отъ обыкновенныхъ?

29. Какія бываютъ отличія въ свадьбахъ вдовыхъ?

30. Какія примѣты наблюдаются относительно счастливой или несчастной жизни молодыхъ супруговъ?

31. Къ какимъ средствамъ и суевѣрнымъ обрядамъ прибѣгаютъ для избѣжанія дурныхъ послѣдствій разныхъ предзнаменованій и примѣтъ?

32. Соблюдается-ли правило во время приготовленія къ свадьбѣ никого ничѣмъ не ссужать, чтобы молодые любили только другъ друга и хранили супружескую вѣрность?

33. Какую роль играютъ на свадьбѣ колдуны?

34. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ въ предупрежденіе порчи молодыхъ?

35. Какіе суевѣрные обряды соблюдаются при переѣздѣ молодой въ домъ жениха?

36. По какимъ примѣтамъ судятъ о будущемъ потомствѣ супружеской четы?

37. Гдѣ и какъ устраивается брачное ложе?

38. Требуются-ли доказательства цѣломудренности молодой?

39. Какія происходятъ перемѣны въ свадебномъ ритуалѣ въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты?

40. Существуетъ-ли какое нибудь колдовство или суевѣрныя примѣты съ цѣлью произвести рожденіе дѣтей *мужского* пола?

41. Какія вообще примѣты и суевѣрные обряды соблюдаются при совершеніи супружескаго акта?

42. Какія средства употребляются для предотвращенія беременности и для вытравленія плода?

43. Не судятъ-ли по внѣшнему виду беременной, родитъ-ли она мальчика, или дѣвочку?

44. Предъ наступленіемъ родовъ прощается-ли беременная со всѣми родными?

45. Какими обрядами сопровождаются роды и уходъ за беременной?

46. Присутствуетъ-ли мужъ при родахъ и какова при этомъ его обязанность?

47. Гдѣ совершаются роды?

48. Не отдѣляется-ли родильница отъ прочихъ домочадцевъ въ отдѣльное помѣщеніе?

49. Не употребляются-ли какіе нибудь обряды для очищенія родильницы?

50. Приглашаютъ-ли повитухъ при родахъ?

51. Нѣтъ-ли повѣрья, что если у приглашенной бабушки умирали дѣти, или совсѣмъ не было дѣтей, или прежде принимаемыя ею умирали, или если она завѣдомо не вѣрна мужу или же живетъ въ незаконномъ бракѣ, то принятый ею новорожденный не будетъ жить?

52. Какими средствами стараются облегчить и ускорить роды?

53. При трудныхъ родахъ не заставляютъ-ли мужа ослабить или развязать поясъ, разстегнуть рубашку? Не вынимаютъ-ли печную заслонку, не выдвигаютъ-ли ящики, не открываютъ-ли сундуки?

54. Не зажигаютъ-ли вѣнчальныя свѣчи?

55. Вѣрятъ-ли, что ребенокъ родится въ тотъ самый день и часъ, въ который зародился?

56. Часто-ли бываютъ выкидыши? Какія есть суевѣрныя объясненія этого явленія?

57. Что дѣлаютъ въ предупрежденіе вытравленія или выкидыша?

58. Что дѣлаютъ съ дѣтскимъ мѣстомъ?

59. Придается-ли особое значеніе такъ называемой сорочкѣ?

60. Какія наблюдаются примѣты относительно внѣшняго вида новорожденнаго, различныхъ частей его тѣла, перваго крика и т. д.?

61. Какія средства употребляются для удаленія дурныхъ примѣтъ?

62. Какія исправленія стараются продѣлать бабушки надъ разными членами новорожденнаго?

63. Существуетъ-ли повѣрье, что злые духи особенно опасны для новорожденныхъ и для родильницъ?

64. Есть-ли повѣрье о подмѣнѣ новорожденныхъ злыми духами, рожаницами и пр.?

65. Какъ отвращаютъ дѣйствіе злыхъ духовъ на родильницу и ребенка?

66. Есть-ли повѣрье, что ангелъ приноситъ младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка?

67. Какъ объясняютъ маленькимъ дѣтямъ, откуда взялся новорожденный?

68. Сопровождаютъ-ли какіе нибудь обряды выборъ имени для новорожденнаго?

69. Какія повѣрья связаны съ выборомъ имени?

70. Не избѣгаютъ-ли, чтобы въ одной и той же семьѣ не было два одинаковыхъ имени?

71. Принимаются-ли въ этомъ случаѣ въ разсчетъ имена умершихъ членовъ семьи?

72. Нѣтъ-ли, напротивъ, обычая давать новорожденному имя его дѣдушки или бабушки и т. д.?

73. Какіе еще обряды совершаютъ съ новорожденнымъ?

74. Существуетъ-ли обрядъ постриженія новорожденнаго?

75. Какими обрядами и примѣтами сопровождается надѣваніе на новорожденнаго креста, разныхъ частей одежды (рубашки, пояса и т. д.)?

76. Если существуетъ обрѣзаніе, то какими обрядами оно сопровождается?

77. Какія существуютъ особенности угощенія и специальныя кушанья на родинахъ?

78. Какое питье или кушанье обязательно дается родильницѣ по окончаніи родовъ?

79. Какіе подарки получаетъ родильница?

80. На который день послѣ родовъ родильница встаетъ съ постели?

81. Не сопровождается-ли какими нибудь обрядами пеленаніе и купаніе ребенка?

82. Сколько времени мать кормитъ ребенка грудью?

83. Какія суевѣрья связаны съ кормленіемъ грудью, съ молокомъ матери, кормилицы?

84. Какіе обряды кромѣ церковныхъ сопровождаютъ крестины?

85. Какія повѣрья связаны съ остриженными при крещеніи волосами, съ купельной водой и пр.?

86. Въ какія отношенія становятся воспріемники другъ къ другу и къ родителямъ крестника?

87. Каково устройство колыбели?

88. Какія повѣрья связаны съ колыбелью? Почему не годится качать порожнюю люльку?

89. Что значитъ, когда ребенокъ смѣется или плачетъ во снѣ?

90. Что кладется вмѣстѣ съ ребенкомъ при первомъ его укладываніи въ люльку и впослѣдствіи?

91. Какіе особые обряды, суевѣрія и примѣты соблюдаются при родахъ, при крестинахъ и т. д. въ томъ случаѣ, если предшествующія дѣти у этихъ родителей умирали?

92. Кому приписывается покража дѣтей, если они мрутъ?

93. Нѣтъ-ли повѣрья, что мѣсяцъ воруетъ дѣтей?

94. Нѣтъ-ли обычая красть дѣтей у другихъ, если свои мрутъ?

95. Не существуетъ-ли мнимой продажи дѣтей, если они очень слабы, не ростутъ и т. д.?

96. По какимъ признакамъ судятъ о новорожденномъ и вообще о ребенкѣ, будетъ-ли онъ долго жить (напр., когда подъ бѣгающимъ ребенкомъ сильно гудитъ земля, или если онъ не по лѣтамъ уменъ, то скоро умретъ и т. п.)?

97. Каковъ уходъ за больными дѣтьми? Какими обрядами онъ сопровождается?

98. Какія распространены дѣтскія игры?

99. Существуютъ-ли специальные праздники, въ которыхъ участвуютъ дѣти?

100. Чѣмъ отличается одежда дѣтей отъ одежды взрослыхъ и съ какихъ лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ одѣваться, какъ взрослые?

101. Не существуетъ-ли специальныхъ празднествъ, игръ, увеселеній, предназначенныхъ для ознакомленія и сближенія молодыхъ людей съ дѣвушками?

102. Какія приняты манеры ухаживанія?

103. Какого взгляда держится народъ на дѣвичью честь?

104. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ дѣвушки, чтобы понравиться? Въ чемъ купаются, чѣмъ моются, что пьютъ сами и даютъ пить и т. д.?

105. Какія есть суевѣрныя средства, чтобы приворожить сердце, чтобы отворожить?

106. Не сопровождается-ли какими нибудь обрядами наступленіе у мужчинъ и женщинъ половой зрѣлости?

107. Не сопровождается-ли какими нибудь обрядами первое появленіе мѣсячныхъ очищеній? Не смотрятъ ли на женщину какъ на нечистую въ періодѣ мѣсячныхъ очищеній?

108. Существуетъ-ли церемонія достиженія совершеннолѣтія?

109. Съ какого возраста начинается обыкновенно удовлетвореніе половыхъ наклонностей и какъ долго сохраняется способность къ дѣторожденію у обоихъ половъ?

110. Извѣстны-ли случаи противоестественнаго удовлетворенія?

111. Извѣстенъ-ли какой нибудь видъ скопчества?

112. Развита-ли любовь родителей къ дѣтямъ? Ласкаютъ-ли дѣтей и играютъ съ ними?

113. Въ обычаѣ-ли дѣтоубійство?

114. Признается-ли право родителей на жизнь дѣтей?

115. Имѣютъ-ли родители право продавать дѣтей.

116. Занимаются-ли воспитаніемъ дѣтей и въ чемъ оно состоитъ?

117. Въ какомъ возрастѣ кончается воспитаніе?

118. До какого возраста родители вообще пекутся о дѣтяхъ?

119. Дѣти по достиженіи совершеннолѣтія уважаютъ-ли престарѣлыхъ родителей?

120. Кто больше пользуется уваженіемъ: мать или отецъ?

121. Развито-ли уваженіе къ старикамъ и старухамъ?

122. Не практиковался-ли когда-нибудь обычай изводить стариковъ, неспособныхъ къ труду? Какія существуютъ объ этомъ легенды?

123. Какія понятія существуютъ объ отношеніяхъ между членами семьи, между домашними вообще? объ общественныхъ связяхъ и отношеніяхъ (отношеніе народа къ лицамъ оффиціальнымъ, къ помѣщикамъ и пр.)?

124. Какія повѣрья связаны со всѣми этими отношеніями?

125. Какую силу имѣетъ родительское проклятіе, молитва? Относящіяся сюда преданія и разсказы.

126. Какія понятія существуютъ о первородствѣ? Повѣрья и суевѣрья, связанныя съ первородствомъ.

127. Какія степени кровнаго родства различаются народомъ?

128. Какое значеніе имѣютъ эти степени въ разныхъ случаяхъ жизни родственниковъ (напр. при свадьбахъ и т. п.)?

129. Какія можно еще отмѣтить черты національнаго характера?

130. Къ чему замѣчается бо́льшая склонность: къ веселости или грусти, къ общительности или одиночеству и т. п.?

131. Легко-ли возбуждается смѣхъ и слезы? Отмѣтить различіе по поламъ и возрастамъ.

132. Какими эпитетами и выраженіями характеризуются разные оттѣнки темперамента: веселость, апатичность, порывистость, медлительность и т. п.?

133. Какіе характеристичные пріемы и жесты употребительны для выраженія внутренняго настроенія и разныхъ чувствъ?

134. Какія особыя названія существуютъ для подобныхъ пріемовъ, жестовъ и т. д.?

135. Какіе жесты употребляются когда здороваются, прощаются, заключаютъ сдѣлку и вообще въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ?

136. Развита-ли наблюдательность?

137. На долго-ли новый предметъ останавливаетъ на себѣ вниманіе?

138. На какіе предметы преимущественно простирается наблюдательность?

139. Сильно-ли развито любопытство?

140. Развита-ли склонность къ перемѣнамъ, къ новизнѣ, или напротивъ, пристрастіе къ старымъ обычаямъ?

141. Есть-ли въ этомъ отношеніи различіе по поламъ и возрастамъ?

142. Развита-ли сообразительность?

143. Легко-ли и скоро-ли понимаютъ вопросы?

144. Рано или поздно развиваются умственныя способности?

145. Съ какого возраста замѣчается ихъ упадокъ?

146. Какъ различаются онѣ по поламъ и возрастамъ?

147. Могутъ-ли выдерживать долгіе разспросы, выслушивать длинные разсказы?

148. Можетъ-ли вниманіе удерживаться довольно долго на нѣсколько отвлеченномъ предметѣ изученія?

149. Развита-ли память? Скоро-ли запоминаютъ и долго-ли помнятъ?

150. Какъ различается память по поламъ и возрастамъ?

151. Долго-ли сохраняется память объ умершихъ?

152. Живо-ли воображеніе?

153. Какъ видоизмѣняется оно по поламъ и возрастамъ?

154. Замѣчается-ли у многихъ склонность къ выдумкамъ?

155. Часто-ли видятъ сны? Обращаютъ-ли на нихъ вниманіе?

156. Отличается-ли поэтическая рѣчь образностью, метафорами, сравненіями и т. п.?

157. Какое понятіе имѣютъ о добрѣ и злѣ, правдѣ и кривдѣ, о благочестіи и нечестіи?

158. Какими терминами выражаются эти понятія?

159. Извѣстно-ли чувство дружбы? сильно-ли оно? Какія обязанности друзей другъ къ другу?

160. Существуетъ-ли побратимство и посестримство?

161. Какія обычныя выраженія и формы вѣжливости, уваженія, дружбы, любви, ласки и наоборотъ, презрѣнія, ненависти и т. п.?

162. Какія употребляются ругательства, зложеланія, проклятія?

163. Вѣритъ-ли произносящій проклятіе, что его желаніе сбудется? Что придаетъ ему эту увѣренность?

164. Какія зложеланія и проклятія считаются самыми легкими и какія самыми сильными?

165. Какія ругательства считаются самыми неприличными?

166. Распространено-ли гостепріимство?

167. Какія церемоніи соблюдаются при посѣщеніи гостей?
168. Есть-ли опредѣленные случаи, когда посѣщеніе родныхъ или близкихъ считается обязательнымъ?
169. Развито-ли чувство сострананія? Простирается-ли оно только на близкихъ по родству, на друзей и соплеменниковъ, или и на другихъ людей вообще?
170. Какого взгляда на нищихъ держится народъ? Насколько распространено нищенство? Существуютъ-ли организованныя нищенскія общества? Кѣмъ и какъ призираются нищіе?
171. Ухаживаютъ-ли за больными или бросаютъ ихъ на произволъ судьбы, особенно неизлѣчимыхъ?
172. Какъ обращаются съ рабами, плѣнными и какъ вообще относятся къ людямъ, ниже поставленнымъ?
173. Какъ относятся къ слабымъ? Угнетаютъ-ли ихъ, или помогаютъ имъ?
174. Какъ обращаются съ домашними животными? Не заставляютъ-ли животное долго мучиться при зарѣзываніи, закалываніи, на охотѣ и т. д.?
175. Существуютъ-ли какія нибудь преданія о людоѣдствѣ или о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ?
176. Развита-ли склонность къ ссорамъ и дракамъ?
177. Трусливы или храбры?
178. Вѣрны данному слову или измѣнчивы?
179. Раздражительны или терпѣливы?
180. Чувствительны-ли къ оскорбленіямъ? Что считается наибольшимъ оскорбленіемъ?
181. Какъ понимается чувство чести и въ чемъ усматривается обезчещеніе?
182. Развита-ли мстительность и въ какихъ видахъ?
183. Ложь и хитрость въ почетѣ или въ пренебреженіи?
184. Какими качествами пріобрѣтается уваженіе и какими навлекается презрѣніе?
185. Какія занятія наиболѣе уважаются и какія считаются низкими, недостойными?
186. Насколько соблюдается опрятность между людьми, въ жилищахъ, въ уходѣ за скотомъ и т. д.?
187. Употребительна-ли баня и чѣмъ она замѣняется?
188. Любятъ-ли купаться въ лѣтнее время?
189. Какія суевѣрія связаны съ купаніемъ, съ банею и съ разными омовеніями?
190. Какъ и гдѣ проводятъ свободное время?
191. Какія общественныя увеселенія приняты въ народѣ?
192. Спятъ-ли днемъ?
193. Продолжителенъ-ли сонъ? чутокъ-ли?
194. Въ какія игры играютъ взрослые?
195. Существуетъ-ли склонность къ азартнымъ играмъ?
196. Когда и при какихъ случаяхъ играютъ въ тѣ или другія игры?
197. Какія изъ употребительныхъ игръ болѣе старинныя и какія новыя? Которыя изъ нихъ предпочитаются?
198. Записать музыку, пѣсни и другіе тексты, относящіеся къ играмъ.
199. Развиты-ли музыка, пѣніе, пляска и другіе виды удовольствій и развлеченій?
200. Какія существуютъ пляски? ихъ названія и способъ исполненія.
201. Есть-ли пляски военныя, охотничьи, любовныя, религіозныя и т. п.? Кто участвуетъ въ пляскахъ?
202. Какіе существуютъ музыкальные инструменты?
203. Изъ чего, какъ и кѣмъ они изготовляются? Какой характеръ издаваемыхъ ими звуковъ? способъ употребленія?
204. Какой полъ и возрастъ больше занимается музыкою?
205. Развито-ли пѣніе? Каковъ характеръ пѣнія — веселый или заунывный?
206. Поютъ-ли и хоромъ, или только въ унисонъ? что предпочитается?
207. Развитъ-ли музыкальный слухъ?
208. Существуетъ-ли гамма и какая?
209. Какъ различаются народомъ лады и такты?
210. Нельзя-ли записать хоть самые обыкновенные мотивы пѣсенъ?
211. Существуетъ-ли ритмъ въ пѣсняхъ?
212. Существуютъ-ли драматическія представленія или игры съ драматическимъ характеромъ?
213. Насколько развита страсть къ зрѣлищамъ и къ какимъ въ особенности?
214. Какія народныя зрѣлища и увеселенія пріурочены къ извѣстнымъ временамъ года, праздникамъ и т. д.?
215. Какіе пороки особенно распространены въ народѣ вообще и въ данной мѣстности?
216. Каковы причины ихъ распространенія?
217. Какъ относится народъ къ лицамъ, подверженнымъ тѣмъ или другимъ порокамъ?
218. Какіе виды самосуда практикуются народомъ?
219. Какіе различаются виды умственныхъ недостатковъ и психическихъ разстройствъ?
220. Какъ относится народъ къ слабоумнымъ, идіотамъ и т. п.?
221. Часто-ли встрѣчаются помѣшанные?
222. Какой самый распространенный характеръ помѣшательства?
223. Часто-ли встрѣчаются идіоты?
224. Чѣмъ объясняютъ себѣ помѣшательство, изступленіе, идіотизмъ, сомнамбулизмъ и другіе виды психическихъ болѣзней?

225. Въ какомъ полѣ и возрастѣ чаще встрѣчаются тѣ или другіе виды душевныхъ болѣзней?

226. Существуетъ-ли какое нибудь соотношеніе между господствующимъ характеромъ душевныхъ болѣзней и мѣстными нравами и обычаями народа?

227. Какія болѣзни особенно распространены въ данной мѣстности?

228. Нѣтъ-ли специально-мѣстныхъ болѣзней?

229. Не замѣчается-ли вымираніе племени?

230. Составить возможно полный списокъ названій разныхъ болѣзней съ объясненіемъ.

231. Кто занимается лѣченіемъ болѣзней? Есть-ли лѣкари и лѣкарки?

232. Какія существуютъ народно-медицинскія средства для лѣченія болѣзней? Особенно интересны:

а) цѣлебныя травы и минералы, время ихъ сбора, способъ приготовленія и употребленія;

б) механическіе и хирургическіе пріемы: треніе, потягиваніе, связываніе, прокалываніе и т. п.;

в) баня, обмываніе, купаніе въ цѣлебныхъ озерахъ и ключахъ, спрыскиваніе и т. п. Существуетъ-ли вѣрованіе въ живую воду?

> *Примѣчаніе.* Не была-ли изслѣдуема химически вода какого нибудь ключа или озера, почитаемаго святымъ или цѣлебнымъ, и что оказалось при этомъ анализѣ?

г) молитвы, заговоры, нашептыванія и т. п.;

д) симпатическія средства, наузы, талисманы и т. п.;

е) прикосновеніе къ священнымъ, особенно церковнымъ предметамъ и т. п.;

ж) діета: какія кушанья считаются особенно полезными въ извѣстныхъ болѣзняхъ и какія вредными и т. п.?

> *Примѣчаніе.* Желательно имѣть подробныя описанія способовъ лѣченія съ обозначеніемъ, какія именно средства въ какихъ болѣзняхъ примѣняются.

233. Какіе есть суевѣрные обычаи передавать, подкидывать болѣзни другимъ?

234. Нѣтъ-ли обычая прятаться отъ болѣзни (напр. отъ лихорадки передъ ея пароксизмомъ), притворяться умершимъ, отгонять болѣзнь перепугомъ больного и т. п.?

235. Какіе угодники или божества считаются спеціальными цѣлителями извѣстныхъ болѣзней?

236. Въ какія преимущественно мѣста богомолья обращаются въ каждой отдѣльной болѣзни?

237. Есть-ли обычай въ случаѣ болѣзни приносить въ видѣ жертвы рѣзныя, лѣпныя и другія изображенія той части тѣла, которою больной страдаетъ?

238. Какое значеніе придаетъ народъ соборованію? Какіе обѣты налагаетъ на себя выздоровѣвшій послѣ соборованія (не ѣсть мясного, не ходить въ баню и т. п.)?

239. Не даютъ-ли больные обѣта, въ случаѣ выздоровленія, всегда поминать людей проклятыхъ родителями, умершихъ безъ покаянія, похищенныхъ бѣсомъ, пропавшихъ безъ вѣсти, утонувшихъ, заблудившихся, погибшихъ на войнѣ и т. п.?

240. Не практикуются-ли въ народѣ средства противъ такихъ болѣзней, которыя обыкновенно считаются неизлѣчимыми или трудно излѣчимыми, каковы: бѣшенство и водобоязнь, чахотка и др.?

241. Есть-ли такого рода болѣзни, послѣдствія которыхъ могутъ быть полезными для больного (напр. если ребенокъ перенесетъ извѣстную болѣзнь, то будетъ отличаться здоровьемъ, долго жить и т. п.)?

242. По какимъ дѣйствительнымъ признакамъ или гаданіямъ судятъ, выздоровѣетъ-ли больной, или нѣтъ (по ходу болѣзни, снамъ, предчувствіямъ, внѣшнимъ явленіямъ и пр.)?

243. Какія болѣзни народъ считаетъ заразительными?

244. Какія средства употребляются во избѣжаніе заразы, при сношеніяхъ съ больными?

245. Какія вообще существуютъ предохранительныя средства, талисманы и пр. отъ разныхъ болѣзней?

246. Какъ объясняются народомъ главныя причины различныхъ болѣзней?

247. Какія преданія и повѣрья связываются съ появленіемъ разныхъ болѣзней, особенно повальныхъ?

248. Не представляютъ-ли себѣ болѣзней въ видѣ повѣтрія? въ видѣ красивыхъ или безобразныхъ женщинъ? или еще какъ-нибудь?

249. Гдѣ онѣ живутъ? Кто ихъ насылаетъ?

250. Какія есть средства охранить отъ нихъ деревню, домъ? Относящіеся сюда разсказы.

251. Въ какое время года и при какихъ условіяхъ особенно свирѣпствуютъ тѣ или другія болѣзни?

252. Къ какимъ людямъ извѣстныя болѣзни не смѣютъ приступить (напр. къ имѣющимъ какія нибудь примѣты на тѣлѣ)?

253. Кто, помимо знахарей и докторовъ, имѣетъ силу въ иныхъ случаяхъ изгонять болѣзни (напр. перворожденный сынъ, или родившійся при извѣстномъ фазисѣ луны и т. п.)?

254. Часты-ли случаи летаргіи (обмиранія)?

255. Какія принимаются предосторожности, чтобы не похоронить живого.

256. Нѣтъ-ли повѣрья, что ожившаго въ гробу слѣдуетъ убить; если же онъ успѣетъ скрыться, то похоронить одинъ гробъ?

257. Не объясняется-ли смерть нѣсколькихъ подъ-рядъ священниковъ, діаконовъ или дьячковъ въ одномъ приходѣ тѣмъ, что первый изъ нихъ упустилъ ожившаго покойника, или же наоборотъ похоронилъ живого?

258. Какъ отличаютъ агонію отъ простого кризиса болѣзни и какъ удостовѣряются, что смерть дѣйствительно наступила?

259. Какими средствами стараются облегчить смертную агонію, а также и другія продолжительныя страданія (напр. при родахъ—развязываніе узловъ и пр.)?

260. Не ставятъ-ли у изголовья или на подоконникахъ воды, чтобы душа легче выходила или съ иною цѣлью?

261. Нѣтъ-ли повѣрья, что умирающій долго мучится, если лежитъ на подушкѣ изъ перьевъ, и что для облегченія смерти его слѣдуетъ положить на солому?

262. Что такое смерть? гдѣ она живетъ? откуда приходитъ? кто ее посылаетъ? какъ она отымаетъ жизнь?

263. Вѣрятъ-ли въ предчувствіе смерти?

264. Что служитъ предзнаменованіемъ смерти, особенно важныхъ лицъ?

265. Не объясняется-ли смерть вліяніемъ злыхъ духовъ?

266. Чѣмъ отличается смерть людей отъ смерти животныхъ?

267. Нѣтъ-ли разсказовъ о борьбѣ со смертью?

268. Есть-ли примѣты, по которымъ судятъ, что послѣ покойника въ томъ же домѣ долженъ быть еще покойникъ (напр., если у умершаго глаза не плотно закрыты)?

269. Есть-ли повѣрье, что если при выносѣ покойника предъ чьимъ нибудь домомъ остановятся, то въ этомъ домѣ кто нибудь умретъ?

270. Какія существуютъ еще подобныя суевѣрія?

271. Что такое душа, пока она въ тѣлѣ?

272. Различаются-ли души мужчины и женщины, ребенка и взрослаго?

273. Гдѣ обитаетъ душа въ человѣкѣ?

274. Какимъ путемъ исходитъ она изъ тѣла при смерти?

275. Какой видъ она принимаетъ по выходѣ изъ тѣла?

276. Существуютъ-ли вѣрованія въ безсмертіе души, въ загробную жизнь?

277. У всѣхъ-ли людей есть душа?

278. Признается-ли душа у женщинъ?

279. Не существуетъ-ли пословицъ: у бабы не душа, а паръ; у семи бабъ одна душа и т. п.?

280. Признаютъ-ли душу у иноземцевъ (у нѣмцевъ, турокъ)?

281. Есть-ли душа у животныхъ, и чѣмъ она отличается отъ души человѣческой?

282. Не имѣли-ли прежде души (и дара слова) хоть нѣкоторыя животныя, и за что они ея лишены?

283. Нѣтъ-ли вѣрованія о переходѣ души человѣка въ душу животнаго? Не обречены-ли на это души по крайнѣй мѣрѣ тѣхъ людей, которые умерли какою нибудь особенною смертью?

284. Куда отправляется душа по выходѣ изъ тѣла?

285. Гдѣ она живетъ до страшнаго суда?

286. Посѣщаетъ-ли она когда-нибудь прежній домъ? Имѣетъ-ли она всѣ тѣ нужды, какія имѣетъ живой человѣкъ?

287. Во что обращаются души дѣтей, умершихъ некрещенными, утонувшихъ, дѣвушекъ, не вышедшихъ замужъ?

288. Души непогребенныхъ живутъ-ли въ опредѣленномъ мѣстѣ, или должны скитаться?

289. Что такое нава?

290. Какія существуютъ повѣрья и разсказы вообще о мертвецахъ и въ особенности о самоубійцахъ, утопленикахъ, упыряхъ, вурдалакахъ?

291. Какою представляютъ себѣ загробную жизнь?

292. Какъ представляется народу рай и адъ? Есть-ли кромѣ того чистилище и какой видъ оно имѣетъ?

293. Гдѣ находятся всѣ эти мѣста и для кого предназначено каждое изъ нихъ?

294. Кто служитъ ихъ стражею?

295. Кто и какимъ образомъ приводитъ душу на мѣсто ея назначенія?

296. Что она претерпѣваетъ по пути и какъ ее встрѣчаютъ?

297. Въ чемъ состоятъ блаженство и мученіе?

298. Что дѣлаетъ душа въ чистилищѣ и долго-ли она тамъ остается? Чѣмъ можно помочь душѣ скорѣе выбраться оттуда?

299. Во время обмиранія не былъ-ли кто въ аду или въ раю, и что про нихъ разсказывалъ?

300. Какія въ аду муки? нѣтъ-ли особой муки за каждый грѣхъ, напр. за убійство, скупость, сладострастіе и т. д.?

301. Чѣмъ живущіе на землѣ могутъ облегчать страданіе умершихъ?

302. Нѣтъ-ли повѣрья, что усиленный плачъ, по умершемъ увеличиваетъ его страданія?

303. Чувствуетъ-ли мертвый въ гробу?

304. Какіе есть разсказы о хожденіи на могилу для окликанія умершихъ и бесѣдъ съ ними?

305. Какіе соблюдаются обряды при похоронахъ?

306. Не бросаютъ-ли мертвыхъ безъ погребенія?

307. Погребаютъ-ли мертвыхъ, или сжигаютъ?

308. Какіе предметы зарываются или сжигаются вмѣстѣ съ покойникомъ?

309. Кто опрятываетъ (обмываетъ) покойника? Нѣтъ-ли примѣты, что если на покойникѣ появится много вшей, то душа его праведна, или нѣтъ-ли другихъ подобныхъ примѣтъ?

310. Каково положеніе покойника при зарываніи?

311. Чѣмъ отличаются похороны мужчинъ отъ похоронъ женщинъ?

312. Не соблюдаются-ли какія особенности при похоронахъ дѣтей?

313. Всякому-ли дозволяется дѣлать гробъ, нести покойника, присутствовать на похоронахъ?

314. Какія повѣрья связаны со щепками и съ обрѣзками досокъ, оставшимися отъ гроба?

315. Какія животныя употребляются для отвезенія тѣла на мѣсто погребенія, и на какихъ не принято возить покойниковъ и почему?

316. Въ какую пору дня преимущественно совершается выносъ тѣла и погребеніе?

317. Какія соблюдяются особенности при похоронахъ людей, умершихъ отъ заразительной болѣзни, во время эпидеміи и т. п.?

318. Какіе обряды сопровождаютъ выносъ покойника изъ дома? Какъ происходитъ прощаніе?

319. Въ какія одежды одѣваютъ покойника? Не избѣгаютъ-ли при этомъ завязывать крѣпко узлы и застежки?

320. Какіе предметы и кушанья кладутъ въ гробъ?

321. Носятъ-ли пищу на могилу при похоронахъ и позднѣе, во время поминокъ?

322. Какія наблюдаются примѣты и обряды при встрѣчѣ съ покойникомъ?

323. Коково устройство могилъ?

324. Ставятся-ли надгробные памятники и какіе именно?

325. Чѣмъ украшаются могилы и кладбища?

326. Совершается-ли тризна (погребальный пиръ по покойникѣ)?

327. Въ какіе дни года совершаются поминки по усопшемъ?

328. Для чего дѣлаются поминанія усопшихъ?

329. По какихъ покойникахъ не принято устраивать поминанія?

330. Какихъ лицъ обязано поминать все общество или приходъ сообща?

331. Существуютъ-ли особые, оригинальные способы поминанія (напр. бѣлоруссы кладутъ черезъ рѣчку или оврагъ перекладину съ крестомъ или инымъ изображеніемъ, въ надеждѣ, что всякій проходящій по ней помянетъ душу усопшаго)?

332. Нѣтъ-ли особенныхъ кушаній, употребляемыхъ при поминкахъ? Не считается-ли медъ необходимою принадлежностью поминокъ?

333. Не дѣлаютъ-ли при поминкахъ изображенія покойниковъ?

334. Нѣтъ-ли повѣрья о невидимомъ присутствіи самихъ покойниковъ на поминкахъ?

335. Не устраиваются-ли скачки или какія нибудь игры въ честь покойниковъ?

336. Какъ происходитъ оплакиваніе и когда?

337. Участвуютъ-ли при оплакиваніи и погребеніи покойника обязательно одни родственники или все селеніе?

338. Есть-ли спеціальныя плакальщицы?

339. Не придаютъ-ли характера свадьбы похоронамъ взрослой дѣвушки или парня?

340. Не совершаются-ли какіе нибудь особые обряды при погребеніи людей, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, или при погребеніи самоубійцъ, утопленниковъ, убитыхъ громомъ?

341. Гдѣ хоронятъ такихъ умершихъ?

342. Нѣтъ-ли обычая при послѣднемъ прощаніи съ покойникомъ, если онъ былъ убитъ, подводить къ нему заподозрѣнныхъ въ убійствѣ, чтобы удостовѣриться въ ихъ виновности? что именно служитъ въ этомъ случаѣ уликою?

343. Какія обязаности вдовы по отношенію къ покойному мужу? матери по отношенію къ приспанному (задушенному) ею ребенку и т. д.?

344. Не кладутъ-ли волоса жены въ гробъ мужа?

345. Не зарываютъ-ли коня вмѣстѣ съ покойнымъ хозяиномъ?

346. Существуютъ-ли какіе нибудь обряды для очищенія возвращающихся съ похоронъ?

347. Чѣмъ выражается трауръ и какъ онъ продолжителенъ?

348. Какой цвѣтъ считается траурнымъ?

349. Есть-ли особые обычаи, примѣты на случай посѣщенія кладбища или прохожденія мимо его?

350. Какъ относятся къ могиламъ самоубійцъ, утоплениковъ, убитыхъ громомъ, вѣдьмъ и т. п.?

351. Есть-ли повѣрье, что иные бродятъ по землѣ послѣ смерти? Что-за причина и цѣль этого хожденія?

352. Какія средства употребляютъ при похоронахъ и позднѣе для того, чтобы покойникъ не могъ встать или чтобы пересталъ ходить?

353. Какъ и когда будетъ происходить всеобщее воскресеніе? страшный судъ?

354. Что будетъ послѣ этого?

355. Какія вообще существуютъ понятія о кончинѣ міра?

VIII. Вѣрованія.

1. Какія понятія имѣетъ народъ о божествѣ?

2. Каково число боговъ (если признается многобожіе) и каковы ихъ взаимныя отношенія?

3. Существуетъ-ли понятіе о единомъ Богѣ или, по крайней мѣрѣ, о верховномъ божествѣ среди другихъ?

4. Въ какомъ отношеніи находятся къ нему

другія духовныя существа и каково происхожденіе послѣднихъ?

5. Представляютъ-ли божества олицетворенія явленій видимой природы?

6. Существуетъ-ли культъ солнца и луны?

7. Какіе миѳы разсказываются о нихъ?

8. Распространено-ли поклоненіе предметамъ природы: животнымъ, деревьямъ, рѣкамъ и проч.? Въ чемъ именно оно выражается?

9. Извѣстны-ли миѳологическія сказанія (о богахъ)?

10. Въ какомъ видѣ представляются разныя божества?

11. Можно-ли видѣть кому-нибудь хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ? Какіе разсказы существуютъ объ этихъ явленіяхъ боговъ?

12. Существуютъ-ли сказанія о сошествіи боговъ на землю и воплощеніи ихъ въ человѣческомъ или животномъ образѣ?

13. Нѣтъ-ли легенды о сынѣ неба, умерщвленномъ на землѣ?

14. Какія легенды существуютъ о необыкновенныхъ людяхъ, вознесшихся живыми на небо?

15. Какое представленіе имѣетъ народъ о св. Троицѣ?

16. Какія легенды извѣстны о каждомъ ея лицѣ въ отдѣльности?

17. Неизвѣстна-ли въ народѣ легенда, что І. Христосъ посылаетъ патріарху (іерусалимскому, константинопольскому) или папѣ письма съ выраженіемъ своей воли, наставленія грѣшникамъ, увѣщанія и т. п.? Представить образцы такихъ писемъ.

18. Не приходитъ-ли І. Христосъ на землю для помощи бѣднымъ и несчастнымъ? Въ какихъ видахъ?

19. Какъ представляетъ себѣ народъ Богородицу?

20. Въ какихъ видахъ она является людямъ?

21. Нѣтъ-ли мѣстныхъ преданій о слѣдахъ Богородицы?

22. Какія есть легенды о чудотворныхъ иконахъ ея?

23. Нѣтъ-ли въ обращеніи отреченныхъ сочиненій, извѣстныхъ подъ именами: «Сонъ Пресв. Богородицы», «Хожденіе Богородицы по мукамъ», или другихъ подобныхъ? Какое значеніе придается имъ? Представить точныя копіи или оригиналы рукописей.

24. Какія существуютъ легенды о рождествѣ, земной жизни и успеніи Богородицы?

25. Какое понятіе и какія сказанія существуютъ о святыхъ угодникахъ (особенно о Петрѣ и Павлѣ, Іоаннѣ Богословѣ, Іоаннѣ Крестителѣ, Николаѣ, Георгіи, Ильѣ, Иванѣ Воинѣ, Флорѣ и Лаврѣ, Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, Козьмѣ и Дамьянѣ, Зосимѣ, Савватіи, Варварѣ, Маріи Египетской, Параскевѣ и др.).

26. О какихъ языческихъ божествахъ сохранилась память въ народѣ? Извѣстны-ли имена: Даждь-бога, Хорса, Волоса (Велеса), Трояна, Перуна, Ярила, Лады, Чернобога, Бѣлбога, Сварога, Чура, Коструба, Знича, Зюзи, Мокоша, Золотой Бабы, Посвистача, Леля, Полеля и др.?

27. Какія существуютъ представленія и разсказы объ отдѣльныхъ существахъ, каковы: Доля, Недоля, Злыдни, Бѣда, Горе, Лихо, Моровъ, Мара, Манія, Кадукъ, Параличъ и др.?

28. Гдѣ живутъ всѣ эти существа?

29. Какое понятіе существуетъ объ ангелахъ, объ ихъ происхожденіи?

30. Остается-ли ихъ число неизмѣннымъ или увеличивается?

31. Различаетъ-ли народъ ангеловъ, архангеловъ, серафимовъ, херувимовъ только по названію, или и по внѣшнему ихъ виду и по значенію?

32. Различаются-ли ангелы по поламъ и возрастамъ?

33. Не видалъ-ли кто ангела? каковъ онъ?

34. Какія легенды существуютъ о жизни ангела на землѣ ради покаянія за ослушаніе волѣ Божіей?

35. Существуетъ-ли подраздѣленіе божествъ и духовъ на добрыхъ и злыхъ?

36. Распространенъ-ли культъ свѣтлыхъ боговъ или темныхъ силъ (демоновъ)? или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ?

37. Какими эпитетами характеризуется верховное существо и другія божества и духи въ молитвахъ, заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п.

38. Призываются-ли имена свѣтлыхъ боговъ и духовъ или темныхъ силъ въ клятвахъ?

39. Какіе существуютъ виды клятвы, присяги, божбы?

40. Какія выраженія имѣютъ въ этомъ случаѣ большую силу и какія меньшую?

41. Чѣмъ грозитъ несохраненіе клятвы, ложная присяга?

42. Какое представленіе имѣетъ народъ о добрыхъ (свѣтлыхъ) божествахъ и духахъ и о злыхъ (темныхъ)?

43. Въ чемъ заключается существенное отличіе между ними?

44. Каковы отношенія тѣхъ и другихъ между собою и къ человѣку?

45. Откуда взялась нечистая сила?

46. Какія названія носитъ она?

47. Есть-ли между чертями болѣе важные и менѣе важные, и кто у нихъ начальствуетъ?

48. Какая разница и какія отношенія между однородными духами, каковы напр.: чертъ, бѣсъ, дьяволъ, дидько, сатана и т. п.?

49. Имѣютъ-ли черти женъ и дѣтей?

50. Продолжаютъ-ли они множиться?

51. Столбъ пыли, подымаемый вихремъ, не производится-ли чертомъ во время бѣсовской свадьбы?

52. Ножъ, кинутый въ середину этого столба, не падаетъ-ли покрытый кровью черта или вѣдьмы?

53. Нѣтъ-ли повѣрья, что если во время вихря держать промежъ ногъ щепку съ дырой, то, смотря въ дыру на вихрь, увидишь бѣса?

54. Не соединяются-ли черти съ женщинами и попами?

55. Какія дѣти бываютъ отъ такого союза?

56. Не прилетаетъ-ли дьяволъ къ женщинамъ въ видѣ огненнаго змѣя?

57. Не похищаютъ-ли черти у людей дѣтей до ихъ крещенія и не подмѣняютъ-ли ихъ своими дѣтьми?

58. Гдѣ, по существующимъ понятіямъ, живутъ черти и что они тамъ дѣлаютъ?

59. Когда и для чего они являются на землю и какой при этомъ принимаютъ видъ?

60. Не любитъ-ли діаволъ принимать видъ черной собаки и черной кошки?

61. Охотно-ли держатъ въ домѣ этихъ животныхъ черной шерсти и не выгоняютъ-ли ихъ изъ дому во время грозы?

62. Не любитъ-ли діаволъ поджидать людей на перекресткахъ, и не для избавленія-ли отъ него ставятъ на перекресткахъ кресты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ?

63. Не входитъ-ли діаволъ въ непокрытый сосудъ съ водою?

64. Не входитъ ли діаволъ въ ротъ зѣвающаго, если онъ его не перекреститъ?

65. Не считается-ли тотъ, у кого нѣтъ рѣсницъ, чертомъ?

66. Не скрывается-ли бѣсъ въ человѣка, если онъ не перекрестится во время грома?

67. Нѣтъ-ли людей, которые разсказываютъ, что они видѣли черта?

68. Какъ искушаютъ черти людей и какой причиняютъ имъ вредъ?

69. Не признаютъ-ли, что съ діаволомъ можно заключить договоръ, и какого рода?

70. Не требуется-ли, чтобы такой договоръ былъ написанъ или подписанъ кровью?

71. Нѣтъ-ли разсказовъ о заключеніи такихъ договоровъ?

72. Какія средства могутъ быть употреблены, чтобы избавиться отъ выполненія такого договора?

73. Не считаютъ-ли нѣкоторые грѣхомъ произнести слово чертъ и не замѣняютъ-ли его другимъ?

74. Какія бываютъ послѣдствія проклятія матерью или отцемъ, не исключая и того случая, когда кто изъ нихъ въ нетерпѣніи пошлетъ ребенка къ чорту? Не похищаетъ-ли діаволъ такого ребенка?

75. Не діаволъ-ли изобрѣлъ вино, табакъ?

76. Какіе объ этомъ существуютъ разсказы?

77. Какіе признаются духи, имѣющіе спеціальное назначеніе?

78. Существуютъ-ли вѣрованія въ особыхъ духовъ-хранителей каждаго человѣка.

79. Какое значеніе имѣютъ ангелы хранители?

80. Не существуетъ-ли понятія, что ангелъ хранитель всегда сидитъ на правомъ плечѣ человѣка или стоитъ по правую его сторону, а діаволъ стоитъ по лѣвую?

81. Не считается-ли поэтому грѣхомъ плевать направо?

82. Не проливаетъ-ли ангелъ хранитель слезъ, когда грѣшитъ человѣкъ, и не улыбается-ли онъ, когда человѣкъ ведетъ себя праведно?

83. Существуютъ-ли вѣрованія въ домашняго духа (домового)?

84. Какое мѣсто жилища считаютъ его мѣстопребываніемъ?

85. Въ чемъ выражается его покровительство семьѣ или нерасположеніе?

86. Не называютъ-ли домового хозяиномъ или другимъ именемъ?

87. Какой видъ имѣетъ домовой?

88. Не видалъ-ли кто домового и что онъ объ немъ разсказывалъ?

89. Въ каждомъ-ли домѣ есть домовой?

90. Не существуетъ-ли обычая зазывать домового при переходѣ въ новый домъ, и какъ это зазываніе дѣлается?

91. Какъ поступаетъ домовой, когда ему полюбится домъ или домохозяинъ, и когда онъ ему не полюбится?

92. Какія бываютъ шалости домового?

93. Не бываетъ-ли, что домовой ночью душитъ человѣка, котораго не взлюбитъ?

94. Какія средства есть отъ этого избавиться?

95. Не крадетъ-ли онъ дѣтей до ихъ крещенія?

96. Не заѣзживаетъ-ли онъ лошадей ночью?

97. Чтобы домовой не мучилъ лошадь не привязываютъ-ли къ ней кнутъ, рукавицы и онучи или не принимаютъ-ли другихъ мѣръ?

98. Существуетъ-ли вѣрованіе въ лѣсныхъ духовъ (лѣшихъ)?

99. Какой видъ имѣютъ лѣшіе?

100. Какъ они произошли? не видалъ-ли ихъ кто?

101. Какіе объ нихъ есть разсказы?

102. Гдѣ живутъ лѣшіе? въ каждомъ-ли лѣсу и всегда-ли тамъ остаются?

103. Не боятся-ли оставаться ночью въ лѣсу, страшась лѣшаго?

104. Не сбиваютъ-ли лѣшіе съ пути и какимъ образомъ?

105. Что слѣдуетъ дѣлать въ этомъ случаѣ, чтобы найдти дорогу?

106. Не защекачиваютъ-ли лѣшіе до смерти заблудившагося въ лѣсу человѣка?

107. Не напускаютъ-ли лѣшіе волковъ на стада?

108. Не занемогаетъ-ли тотъ, кто перейдетъ слѣды лѣшаго?

109. Какимъ способомъ избавляются въ этомъ случаѣ отъ болѣзни: не оставляютъ-ли въ лѣсу хлѣбъ съ солью или не принимаютъ-ли другихъ мѣръ?

110. Есть-ли у лѣшихъ жены и дѣти?

111. Не похищаютъ-ли лѣшіе дѣвушекъ себѣ въ жены и дѣтей до ихъ крещенія?

112. Есть-ли средство вызвать лѣшаго?

113. Не вступаютъ-ли съ лѣшимъ въ договоры и съ какою цѣлью?

114. Нѣтъ-ли повѣрья, что охотники находятся въ союзѣ съ лѣшими?

115. Признаютъ-ли существованіе духовъ воды (водяныхъ), морского царя?

116. Не существуетъ-ли разсказовъ о водяномъ царствѣ и водяномъ царѣ?

117. Какой видъ имѣютъ водяные?

118. Откуда они происходятъ?

119. Не происходятъ-ли они отъ чертей, засѣвшихъ ночью въ непокрытый сосудъ съ водою?

120. Не видалъ-ли кто водяного и что онъ про него разсказывалъ?

121. Есть-ли жены и дѣти у водяныхъ?

122. Не женятся-ли водяные на русалкахъ, утопленицахъ и дѣвушкахъ, проклятыхъ родителями?

123. Въ какихъ отношеніяхъ находятся водяные къ утопленикамъ вообще?

124. Не избѣгаютъ-ли купаться безъ шейнаго креста? и послѣ заката солнца изъ боязни водяного?

125. Гдѣ живутъ водяные?

126. Не живутъ-ли они въ омутахъ и большихъ болотахъ или и въ другихъ мѣстахъ?

127. Не внушаютъ-ли страха большія болота, и не боятся-ли ѣздить около нихъ ночью?

128. Что дѣлаютъ водяные? Каково ихъ отношеніе къ людямъ?

129. Чѣмъ можно снискать расположеніе къ себѣ водяного?

130. Не долженъ-ли мельникъ быть колдуномъ и ладить съ водянымъ, чтобъ шло хорошо мельничное дѣло?

131. При постройкѣ мельницы не кладется-ли зарокъ на какую-нибудь тварь, которую водяной и уноситъ рано или поздно?

132. Не кидаютъ-ли мельники въ воду какихъ-нибудь животныхъ или чего-нибудь другого въ жертву водяному?

133. Не зависитъ-ли отъ водяного успѣшное хозяйство на пасѣкахъ, и не кидаютъ-ли занимающіеся пчеловодствомъ въ воду часть меду и воска?

134. Не производятъ-ли водяные разлива рѣкъ?

135. Не отъ нихъ-ли зависитъ уловъ рыбы, а также порча рыболовныхъ снастей?

136. Не кидаютъ-ли рыболовы въ воду какихъ-нибудь животныхъ, хлѣба и т. п., чтобы уловъ былъ обильнѣе?

137. Не отпускаютъ-ли на волю часть пойманной рыбы для водяного дѣдушки?

138. Не ѣздитъ-ли водяной на какой-нибудь рыбѣ и на какой именно?

139. Нѣтъ-ли рыбъ, которыхъ грѣшно ѣсть изъ боязни водяного?

140. Существуютъ-ли вѣрованія въ духовъ, насылающихъ болѣзни?

141. Не существуетъ-ли понятія, что всѣ болѣзни происходятъ отъ діавола?

142. Въ какихъ случаяхъ и почему діаволъ входитъ въ человѣка?

143. Не признаютъ-ли кликушъ бѣсноватыми?

144. Какія мѣры принимаются къ ихъ исцѣленію, къ изгнанію изъ нихъ бѣса?

145. Какой видъ имѣетъ кикимора, гдѣ она живетъ, что дѣлаетъ?

146. Въ какихъ отношеніяхъ находится она къ другимъ духамъ?

147. Что за духъ-банникъ? какой его видъ? что онъ дѣлаетъ?

148. Нѣтъ-ли повѣрья, что въ банѣ послѣ трехъ перемѣнъ посѣтителей моются черти?

149. Подовинникъ? какой его видъ? что онъ дѣлаетъ?

150. Не видалъ-ли кто кикимору, банника, и подовинника? Нѣтъ-ли про нихъ какихъ-нибудь разсказовъ?

151. Нѣтъ-ли «огняного» духа, посѣщающаго людей тоскующихъ?

152. Въ какомъ видѣ является огняной тоскующему?

153. Какъ избавиться отъ его посѣщеній или предохранить себя отъ вреда, который онъ можетъ причинить?

154. Что слѣдуетъ говорить и дѣлать при встрѣчѣ со всѣми подобными духами?

155. Нѣтъ-ли особаго духа, живущаго у старовѣровъ? Не называютъ-ли его окаяннымъ?

156. Не охраняетъ-ли діаволъ кладовъ?

157. Какъ называютъ духа, охраняющаго клады?

158. Какіе обряды соблюдаются при рытьи кладовъ?

159. Какія жертвы приносятся духу, охраняющему клады, при ихъ отысканіи.

160. Нѣтъ-ли повѣрья, что отысканный кладъ можно взять безопасно, оставивъ на томъ мѣстѣ пѣтушиную голову?

161. Какіе существуютъ разсказы о кладахъ и ихъ добываніи?

162. Извѣстны-ли еще какіе-нибудь духи, напр.: полевикъ, лозовикъ, анциболотъ, очеретяникъ, гречухъ, тишко, огневикъ, вій, вѣтровъ батько, вихрь, вова, лизунъ, смокъ, васаврюкъ, стрига, летавецъ, рарахъ, баба-яга, баба-хима, чортова мать, чортовъ батько, сатана, чертенокъ, полунощница, полудница, рожаница, дивъ и др.?

163. Каковы ихъ свойства, жизнь и дѣятельность?

164. Въ употребленіи-ли изображенія боговъ или духовъ?

165. Въ какихъ мѣстахъ держатъ идоловъ? Существуютъ-ли идолы только въ капищахъ или въ каждомъ жилищѣ?

166. Выражаются-ли религіозныя понятія въ культѣ (богослуженіи)?

167. Существуютъ-ли храмы, капища?

168. Существуютъ-ли жрецы, священнослужители?

169. Какъ относится къ нимъ народъ?

170. Составляютъ-ли они наслѣдственную касту? или они выборные?

171. Существуютъ-ли духовныя общежитія мужскія и женскія?

172. Существуютъ-ли жертвоприношенія?

173. Какія молитвы въ употребленіи?

174. Какія понятія существуютъ объ иконахъ? Не называютъ-ли ихъ богами.

175. Какія преимущественно иконы имѣются въ домахъ?

176. Гдѣ и какъ ихъ помѣщаютъ, чѣмъ украшаютъ?

177. Какія иконы пользуются особымъ уваженіемъ?

178. Какими иконами благословляютъ вступающихъ въ бракъ?

179. Нѣтъ-ли явленныхъ иконъ, и какіе существуютъ въ народѣ разсказы объ ихъ обрѣтеніи?

180. Нѣтъ-ли чудотворныхъ иконъ въ чьемъ-либо домѣ, и какіе существуютъ разсказы о ихъ чудотвореніяхъ?

181. Не стараются-ли на пожарахъ спасти прежде всего иконы?

182. Не обносятъ-ли икону вокругъ горящаго зданія для прекращенія пожара, или не держатъ-ли ея противъ вѣтра для того, чтобы перемѣнился вѣтеръ во время пожара?

183. Не вѣрятъ-ли, что нѣкоторыя иконы (напр. икона Богоматери Неопалимой Купины) оказываютъ особенно чудотворное дѣйствіе во время пожара?

185. Не молятся-ли передъ нѣкоторыми иконами въ особыхъ случаяхъ (напримѣръ, передъ иконой Богоматери Троеручицы въ случаѣ болѣзни рукъ, передъ образомъ Рождества Христова въ случаѣ беременности)?

186. Паденіе иконы на полъ не считается-ли предвѣщаніемъ большого несчастія?

187. Не врѣзываются-ли образа вверху воротъ для охраненія дома отъ несчастія и нечистой силы? не вѣшаютъ-ли иконъ и крестовъ на воротахъ и на дверяхъ?

188. Уплата денегъ за икону не называется-ли мѣной (а не покупкой)?

189. Не считаютъ-ли грѣхомъ ложиться ногами въ передній уголъ, гдѣ стоятъ иконы?

190. Въ случаѣ болѣзни зубовъ не кусаютъ-ли больные икону или церковную паперть?

191. Почему, по народному повѣрію, въ церкви должно быть гдѣ-нибудь изображеніе чорта?

192. Не повреждается-ли съ намѣреніемъ молящимися изображеніе діавола въ стѣнной церковной живописи, особенно въ церковныхъ сѣняхъ? не считается-ли это дѣломъ богоугоднымъ?

193. Нѣтъ-ли разсказовъ о томъ, что кто-нибудь поставилъ чорту свѣчку?

194. Восьмиконечные кресты не болѣе-ли уважаются чѣмъ четырехконечные?

194. Какое значеніе придается шейному кресту?

195. Потеря его не предвѣщаетъ-ли несчастія?

196. Не мѣняются-ли крестами, и какое значеніе имѣетъ такой обмѣнъ?

197. Для чего ставятся кресты на перекресткахъ, на горахъ и т. п.?

198. Не просятъ-ли отворить царскія двери въ церкви во время трудныхъ родовъ?

199. Не ставятъ-ли женщину, заспавшую ребенка, посреди церкви на цѣлую ночь одну или вмѣстѣ съ мужемъ?

200. Не очерчиваютъ-ли около нея кругъ на церковномъ полу, изъ котораго она не должна выходить?

201. Не считаютъ-ли такой кругъ защитой отъ нечистой силы?

202. Не придаютъ-ли особаго значенія нѣкоторымъ церковнымъ свѣчамъ: вѣнчальнымъ, богоявленскимъ, пасхальнымъ, четверговымъ (приносимымъ изъ церкви въ чистый четвергъ) или другимъ?

203. Не зажигаютъ-ли ихъ во время грозы и пожара, а также во время трудныхъ родовъ и если ребенокъ мучится родимцемъ?

204. Не зажигаютъ-ли четверговую свѣчу, чтобы сдѣлать безсильными чары колдуна?

205. Не считаютъ-ли, что двѣ церковныя свѣчи, сложенныя на-крестъ, прогоняютъ вѣдьмъ отъ коровниковъ и конюшенъ?

206. Не заказываютъ-ли особыя церковныя свѣчи по мѣркѣ, снятой съ головы, для избавленія отъ головной боли?

207. Въ случаѣ покражи неизвѣстнымъ не ставится-ли передъ образами въ церкви свѣча фитилемъ внизъ, чтобы мучился неизвѣстный воръ?

208. Не называется-ли такая свѣча обидящей?

209. Не ставятъ-ли обидящую свѣчу и въ другихъ случаяхъ?

210. Не дается-ли обѣта поставить свѣчу извѣстнаго вѣса, если будетъ успѣшно окончено задуманное дѣло?

211. Не бываетъ-ли общественныхъ свѣчей, пріобрѣтенныхъ цѣлымъ обществомъ?

212. Нѣтъ-ли какихъ повѣрій о чудесномъ дѣйствіи ладона?

213. Запахъ ладона не прогоняетъ-ли нечистую силу?

214. Ладонъ, выпавшій изъ кадила во время выноса тѣла, не служитъ-ли предзнаменованіемъ, что въ домѣ вскорѣ будетъ снова покойникъ?

215. Не пускаютъ-ли на воду горшокъ съ положеннымъ въ него крестомъ и ладономъ, чтобы узнать, гдѣ лежитъ тѣло утопленика?

216. Не употребляютъ-ли ладонъ при лѣченіи болѣзней и какихъ именно?

217. Не существуетъ-ли убѣжденія, что освященная вода никогда не портится и имѣетъ силу исцѣлять отъ болѣзней, особенно глазныхъ, изгонять нечистую силу и пр.?

218. Не наливаютъ-ли охотники святой воды въ ружье, чтобъ оно не давало промаховъ?

219. Не употребляютъ-ли, какъ лѣкарство, воду, слитую съ благословенной родительской шейной иконы, съ освященной просфоры и другихъ священныхъ предметовъ, или же воду, смѣшанную съ ладономъ изъ церковнаго кадила?

220. Первый ударъ церковнаго колокола не называется-ли разгономъ?

221. Не объясняютъ-ли остановку послѣ перваго удара въ колоколъ тѣмъ, что дается время злымъ духамъ разбѣжаться?

222. Нѣтъ-ли повѣрья, что при первомъ ударѣ колокола нельзя креститься, а надо креститься при второмъ.

223. Не существуетъ-ли повѣрья, что если звонарь затрезвонитъ не тотчасъ послѣ окончанія обѣдни въ Свѣтлое Воскресеніе, то будетъ неурожай хлѣба?

224. Не существуетъ-ли повѣрья, что тотъ, кто первый прозвонитъ послѣ освященія пасохъ, не можетъ быть пойманъ въ воровствѣ?

225. Не предохраняетъ-ли звонъ на святой недѣлѣ звонящихъ отъ болѣзней?

226. Не вплетаютъ-ли дѣвушки въ косу обрывки веревки отъ церковнаго колокола для привлеченія жениховъ?

227. Какія книги религіознаго содержанія читаются болѣе другихъ?

228. Многимъ-ли хорошо извѣстно содержаніе Ветхаго и Новаго Завѣта?

229. Не считается-ли грѣхомъ читать книги Ветхаго Завѣта (за исключеніемъ Псалтири)?

230. Нѣтъ-ли убѣжденія, что кто прочтетъ всю Библію, тотъ сойдетъ съ ума?

231. Не пользуется-ли Псалтирь особымъ уваженіемъ?

232. Не существуетъ-ли гаданій по Псалтиря?

233. Какое значеніе придается поминальнымъ книжечкамъ? Не вписываютъ-ли туда тайно того, чьей смерти желаютъ?

234. Не вращаются-ли въ рукописяхъ апокрифическія книги и какія именно?

235. Не пользуются-ли онѣ особымъ уваженіемъ и какія изъ нихъ большимъ противъ другихъ?

236. «Сонъ Богородицы» не называется-ли молитвою, и какая сила признается за нею?

237. Не зашивается ли «сонъ Богородицы» въ ладонку для ношенія на шеѣ?

238. Многіе-ли носятъ ладонки, и что въ ладонки зашивается?

239. Не называются-ли заговоры молитвами? Зашиваются-ли они въ ладонки?

240. Какія существуютъ понятія о началѣ міра? Объ устройствѣ вселенной?

241. Извѣстны-ли космогоническія сказанія (о началѣ міра)?

242. Какъ, кѣмъ и изъ чего сотворенъ міръ: небо, земля, вода, воздухъ, свѣтила, животныя и растенія?

243. Какіе есть разсказы о созданіи и жизни первыхъ людей, о размноженіи человѣческаго рода и о дальнѣйшихъ ветхозавѣтныхъ событіяхъ?

244. Какъ произошли разные народы и языки?

245. Кто научилъ людей говорить?

246. На какомъ языкѣ говорили первые люди между собою, съ Богомъ и съ животными?

247. Имѣли-ли животныя даръ слова? всѣ или нѣкоторыя? Почему теперь не имѣютъ?

248. Кто научилъ человѣка строить жилище, дѣлать разныя орудія и хозяйственныя принадлежности, пахать и сѣять, дѣлать одежду, готовить пищу и т. д.?

249. Откуда взялось зло въ мірѣ?

250. Нѣтъ-ли преданій о правдѣ и кривдѣ, о золотомъ вѣкѣ?

251. Чѣмъ отличались первобытные люди и животныя отъ теперешнихъ?

252. Каковы были ихъ отношенія къ Богу и другъ къ другу?

253. Какія перемѣны въ состояніи міра происходили и будутъ происходить съ теченіемъ времени и почему?

254. Какъ долго будетъ существовать міръ?

255. Какія существуютъ представленія о небѣ?

256. Какія вѣрованія распространены о немъ въ народѣ, напр.: открывается-ли когда нибудь небо, что тогда видно, всякій-ли можетъ это видѣть и т. п.?

257. Изъ чего состоитъ небо? Гдѣ его начало и конецъ, что находится на немъ, какъ далеко оно отъ земли и т. д.?

258. Въ чьихъ рукахъ ключи отъ неба?

259. Кто отмыкаетъ небо предъ началомъ дождя и замыкаетъ для его окончанія?

260. Какія представленія и вѣрованія извѣстны о кометахъ, о падающихъ звѣздахъ, о солнечномъ и лунномъ затмѣніи, о тучахъ, о радугѣ, о восходѣ и закатѣ солнца, о временахъ года, о млечномъ пути, о солнцѣ и лунѣ и о патнахъ на нихъ, о сѣверномъ сіяніи, о звѣздахъ вообще и нѣкоторыхъ созвѣз-

діяхъ (Большой Медвѣдицы, Плеядъ, Оріона и др.), о планетахъ?

261. Народныя названія странъ свѣта, свѣтилъ и другихъ небесныхъ явленій и объясненіе происхожденія этихъ названій.

262. Что такое вырей (куда птицы улетаютъ на зиму)? гдѣ онъ?

263. Какое вліяніе имѣютъ свѣтила на судьбу человѣка, на животныхъ, на плодородіе земли?

264. Какія разсказываются легенды объ отдѣльныхъ небесныхъ свѣтилахъ?

265. Какія представленія существуютъ о молніи, громѣ, вѣтрахъ, дождѣ, морозѣ, градѣ, снѣгѣ, туманѣ, росѣ, инеѣ?

266. Какія вѣрованія связаны съ этими явленіями?

267. Можно-ли потушить пожаръ, вызванный ударомъ молніи?

268. Какъ смотрятъ на людей, убитыхъ громомъ? не считаютъ-ли ихъ святыми, праведными?

269. Какія предосторожности принимаются, чтобы не бояться грозы, не быть убитымъ молніею?

270. Не считаютъ-ли полезнымъ держать въ домѣ отъ грозы головню съ пожара, происшедшаго отъ молніи?

271. При первомъ громѣ не кувыркаются-ли, чтобы не бояться грозы, чтобы не страдать тою или другою болѣзнью?

272. Вода послѣ перваго грома не считается-ли цѣлительной?

273. Считаютъ-ли обязательнымъ снимать шапки и креститься во время грома?

274. Что грѣшно дѣлать во время грома, дождя?

275. Не судятъ-ли по первому грому о будущемъ урожаѣ, объ уловѣ рыбы и т. п.?

276. Не прячутся-ли черти во время грома подъ межи или еще куда?

277. Что такое огонь? Откуда онъ взялся?

278. Отчего происходятъ огоньки на болотахъ, на кладбищахъ и могилахъ, на мѣстахъ кладовъ?

279. Почитается-ли огонь и почему?

280. Въ какихъ обрядахъ и гаданіяхъ онъ употребляется?

281. Въ какихъ обрядахъ сказывается особенное уваженіе къ домашнему очагу?

282. Какими эпитетами характеризуется огонь?

283. Какія религіозныя вѣрованія и предразсудки связаны съ водою вообще и съ отдѣльными ея видами: дождевою, рѣчною, ключевою и т. д.?

284. Существуетъ-ли уваженіе къ водѣ и въ чемъ оно сказывается?

285. Каковы обычные эпитеты воды (здоровая и пр.) и чѣмъ они объясняются?

286. Существуетъ-ли обрядовое употребленіе воды?

287. Какіе извѣстны виды гаданій съ водою?

288. Какія понятія имѣетъ народъ о землѣ: о ея формѣ, величинѣ, составѣ, движеніи? На чемъ она держится? чѣмъ окружена?

289. Какъ представляется конецъ земли? доходилъ-ли кто туда? Относящіеся сюда разсказы.

290. Отъ чего произошли горы, камни, металлы, пропасти, равнины, болота, рѣки, озера, моря?

291. Какъ объясняютъ землетрясенія?

292. Есть-ли понятіе о земномъ магнитизмѣ и какое?

293. Всегда-ли земля имѣла такую-же форму и поверхность?

294. Какія измѣненія происходятъ съ землей съ теченіемъ времени и почему?

295. Существуютъ-ли въ народѣ географическія познанія?

296. Какія повѣрья ходятъ о землѣ,

297. Въ чемъ выражается уваженіе къ землѣ?

298. Существуетъ-ли цѣлованіе земли и клятва ею?

299. Есть-ли обычай брать съ собою кусокъ родной земли при отправленіи въ дальній путь, и для чего это дѣлается?

300. Какіе обычные эпитеты земли?

301. Кто имѣетъ право владѣть землею?

302. Какіе извѣстны разсказы объ отдѣльныхъ горахъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, моряхъ, ущельяхъ и другихъ урочищахъ?

303. Составить списокъ болѣе замѣчательныхъ урочищъ съ объясненіемъ ихъ названій.

304. Что такое вѣтеръ? отчего зависитъ его направленіе?

305. Какое вліяніе имѣетъ онъ на человѣка?

306. Что такое вихрь?

307. Какія повѣрья связаны съ вѣтромъ?

308. Не считается-ли мягкій, пріятный вѣтеръ дуновеніемъ ангеловъ, а острый и холодный дуновеніемъ злыхъ духовъ?

309. Какія гаданія основаны на немъ?

310. Что такое воздухъ?

311. Какъ объясняются такія воздушныя явленія, какъ эхо, звонъ и т. п.?

312. Не представляются-ли небесныя свѣтила, земля, вода, рѣки, вѣтеръ, огонь въ человѣческихъ формахъ? въ какихъ именно?

313. Какія существуютъ разсказы объ олицетворенныхъ свѣтилахъ и стихіяхъ?

314. Нѣтъ-ли преданій о происхожденіи металловъ?

315. Какія повѣрья связаны съ разными металлами (желѣзомъ, золотомъ и т. д.)?

316. Есть-ли повѣрье, что кузнецы знаются съ нечистою силою, и что она ихъ боится?

317. Какія преданія существуютъ о происхожденіи отдѣльныхъ деревьевъ, кустарниковъ, цвѣтовъ, травъ и другихъ растеній?

318. Какое значеніе имѣютъ они по отношенію къ человѣческой жизни?

4

319. Какія растенія считаются вредными и какія полезными, и почему? Сохранить мѣстныя названія деревьевъ и растеній.
320. Какимъ растеніямъ приписываются чудесныя свойства?
321. Пользуются-ли какія нибудь деревья или растенія религіознымъ уваженіемъ?
322. Существуютъ-ли священныя (заповѣдныя) рощи?
323. Какія сказанія ходятъ о деревьяхъ?
324. Какія есть легенды о разныхъ необыкновенныхъ предметахъ, каковы: неразмѣнный рубль, пѣтушиное яйцо, косточка-невидимка, приворотный крючекъ и петелька и т. п.?
325. Какія преданія существуютъ о происхожденіи отдѣльныхъ животныхъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ?
326. Какимъ изъ нихъ приписывается миѳологическое значеніе?
327. Какую роль играютъ они по отношенію къ человѣку?
328. Какъ описываются свойства и образъ жизни отдѣльныхъ животныхъ, птицъ и т. д.?
329. Какія существуютъ легенды, объясняющія различіе въ образѣ жизни, во внѣшности, въ натурѣ разныхъ родовъ животныхъ (напр. хищничество волка объясняютъ тѣмъ, что онъ опоздалъ къ раздачѣ пищи Богомъ и т. п.)?
330. Какіе представители животнаго царства считаются друзьями, и какіе врагами человѣка?
331. Какія животныя находятся подъ особымъ покровительствомъ Бога и угодниковъ? подъ чьимъ именно и почему?
332. Есть-ли преданія и разсказы о несуществующихъ (миѳическихъ) животныхъ, птицахъ и пр. (жаръ-птица, фениксъ, огненный змѣй, единорогъ, кобылья голова и т. п.)?
333. Какія существуютъ повѣрья и разсказы о разныхъ необыкновенныхъ людяхъ, какъ-то: великанахъ, циклопахъ, пигмеяхъ, карликахъ, песьеголовцахъ, двуголовыхъ, рахманахъ, канибалахъ, сыроѣдахъ, морскихъ и лѣсныхъ людяхъ, объ отдѣльныхъ богатыряхъ, разбойникахъ?
334. Вѣрятъ-ли въ оборотней?
335. Что такое оборотни, вовкулаки?
336. Оборотни не души-ли некрещенныхъ младенцевъ?
337. Не называютъ-ли оборотней еще иначе?
338. Въ какихъ животныхъ вообще могутъ быть обращаемы люди и кѣмъ?
339. Остаются-ли у такого животнаго нѣкоторыя человѣческія способности, мысли, чувства?
340. Какіе вообще существуютъ виды превращеній? Какъ, кѣмъ и почему они производятся?
341. Какъ возвратить превращеннаго въ прежній видъ? Относящіяся сюда преданія и разсказы.
342. Нѣтъ-ли повѣрья, что если кто, увидѣвъ въ полночь сороку, разорветъ на себѣ воротъ у рубашки, то сорока превратится въ женщину или дѣвушку?
343. Существуютъ-ли вѣрованія въ колдуновъ, вѣдуновъ, знахарей, вѣдьмъ и т. п.?
344. Какъ еще называютъ подобныхъ людей?
345. Какъ различаетъ ихъ народъ (напр. все-ли равно: знахарь и колдунъ)?
346. Знахари и знахарки не отличаются ли отъ колдуновъ тѣмъ, что они дѣйствуютъ безъ помощи нечистой силы?
347. Откуда берутся вѣдьмы и колдуны?
348. Родятся-ли они таковыми и вслѣдствіе чего именно, или же дѣлаются таковыми со временемъ? почему и какъ?
349. Не зарождаются-ли вѣдьмы и колдуны отъ связи женщины съ нечистой силой?
350. Какъ узнать вѣдьму или колдуна?
351. Какой видъ имѣютъ вѣдьмы? Не отличаются-ли онѣ отъ прочихъ женщинъ тѣмъ, что у нихъ есть хвостъ?
352. Не считаютъ-ли вѣдьмой ту, у которой во время новолунія подвязаны зубы?
353. Какія орудія или вещи считаются необходимыми принадлежностями колдуновъ и вѣдьмъ? Какія снадобья и вещества ими употребляются?
354. Какъ описывается ихъ образъ жизни и отношенія ихъ между собою и къ другимъ людямъ?
355. Какіе секреты и спеціальныя знанія имъ приписываются?
356. Кому и какъ они передаютъ эти секреты при жизни и передъ смертью?
357. Не употребляютъ-ли они особаго языка? Привести хоть нѣсколько словъ изъ этого языка.
358. Колдуны и колдуньи не дѣйствуютъ-ли съ помощью нечистой силы?
359. Какъ, когда и гдѣ происходитъ ихъ свиданіе съ нечистою силою?
360. Имѣютъ-ли колдуны и вѣдьмы силу насылать на людей бѣсовъ и изгонять ихъ?
361. Почему нечистые повинуются колдунамъ, вѣдьмамъ и проч.?
362. Какіе разсказы существуютъ про такихъ людей вообще и въ особенности про продажу души чорту, про обманъ чорта вѣдьмою и т. п.?
363. Не внушаютъ-ли колдуны и вѣдьмы страха?
364. Какой вредъ дѣлаютъ они человѣку, и какъ отъ нихъ можно себя оборонить?
365. Нѣтъ-ли повѣрья, что если колдуна или вѣдьму ударить наотмашь, то они лишатся чародѣйственной силы?
366. Не теряетъ-ли колдунъ силы, если его ударить такъ, чтобы пошла кровь, или откусить у него носъ, вышибить зубъ, обругать его и обозвать еретикомъ, напоить водой послѣ стирки онучъ и т. п.?

367. Лукъ, чеснокъ, рѣдька, соль и т. п. не считаются-ли предохраняющими отъ колдовства? какъ ихъ употребляютъ для этого?

368. Если осиновымъ коломъ пробить на землѣ тѣнь, падающую отъ колдуна, то не лишается-ли онъ силы?

369. Какіе способы употребляются чародѣями чтобы вредить человѣку?

370. Не портятъ-ли они людей? въ чемъ состоитъ порча?

371. Посылается-ли колдовство или порча съ вѣтромъ, съ водою, дается-ли въ питьѣ и пищѣ?

372. Не приглашаются-ли они на свадьбы или изъ страха, чтобы они не повредили молодыхъ, или для того, чтобы они оградили ихъ отъ чаръ другихъ колдуновъ?

373. Не прибѣгаютъ-ли къ помощи вѣдьмъ и колдуновъ, чтобы узнать, цѣломудренна-ли дѣвушка?

374. Не употребляется-ли ими для этого измѣреніе, напр., головы дѣвушки и пр.?

375. Какое наказаніе ожидаетъ на томъ свѣтѣ лицъ, прибѣгающихъ къ помощи колдуновъ и колдуній?

376. Не имѣютъ-ли вѣдьмы способности летать по воздуху, и необходимо-ли имъ для этого сѣсть верхомъ на помело или на что другое?

377. Не имѣютъ-ли колдуны силы временно принимать на себя видъ животныхъ, и какихъ именно?

378. Нѣтъ-ли повѣрья, что вѣдьмы скрываютъ звѣзды и мѣсяцъ? когда онѣ это дѣлаютъ, какъ и для чего?

379. Какъ относится къ колдунамъ и вѣдьмамъ народъ?

380. Не подаютъ-ли въ судъ жалобъ на колдуновъ и вѣдьмъ за ихъ похвальбу либо за причиненный уже вредъ?

381. Какіе извѣстны мѣстные случаи варварскаго обращенія народа съ ними?

382. Какія существуютъ повѣрья о предсмертныхъ и посмертныхъ мученіяхъ вѣдьмъ и колдуновъ?

383. Какія особенности соблюдаются при похоронахъ колдуновъ и вѣдьмъ?

384. Нѣтъ-ли повѣрья, что по смерти они бродятъ по землѣ?

385. Какое есть противъ этого средство?

386. Нѣтъ-ли повѣрья, что трупъ колдуна или вѣдьмы съѣдаютъ черти?

387. Какія повѣрья, примѣты связаны съ разными частями тѣла, суставами, бородавками, родимыми пятнами, болѣзненными наростами, уродствами и т. п.?

388. Существуетъ-ли какое нибудь повѣрье, связанное съ сросшимися бровями, горбомъ, необычнымъ цвѣтомъ волосъ, косоглазіемъ и т. п.?

389. Нѣтъ-ли какихъ нибудь повѣрій о сердцѣ, печени, легкихъ человѣка и животныхъ?

390. Нѣтъ-ли какихъ нибудь легендъ объ отрубленномъ пальцѣ или другихъ членахъ?

391. Какія суевѣрія связаны съ костями мертвыхъ?

392. Не употребляютъ-ли черепа людей и животныхъ для какой нибудь суевѣрной цѣли?

393. Употребляется-ли кровь при колдовствѣ?

394. Какія чары производятся надъ фигурою человѣка, надъ его изображеніемъ, надъ тѣнью, надъ слѣдомъ и т. д.?

395. Какія повѣрья соединяются съ остриженными волосами, выдернутыми зубами, обрѣзанными ногтями и пр.?

396. Вѣрятъ-ли въ дурной глазъ (сглазъ)?

397. Какъ избѣгаютъ дурного глаза?

398. Что предпринимаетъ и что говоритъ самъ боящійся сглазить другого?

399. Придается-ли какое нибудь особое значеніе зѣванію, чиханію, плеванію, кашлю, икотѣ, отрыжкѣ, судорогамъ, звону въ ухѣ, чесанію разныхъ частей тѣла или другимъ естественнымъ отправленіямъ тѣла?

400. Какія пожеланія и привѣтствія высказываются въ этихъ случаяхъ?

401. Если разговаривающіе замолчатъ, то не пролетаетъ-ли въ это время тихій ангелъ или не родится-ли гдѣ нибудь близко ребенокъ?

402. Чѣмъ объясняютъ безсонницу и что противъ нея употребляютъ?

403. Какія суевѣрія соединены съ бѣганіемъ, хожденіемъ задомъ напередъ, вставаніемъ съ лѣвой ноги и т. п.?

404. Не считается-ли свистаніе на губахъ предосудительнымъ вообще или только въ домѣ, и почему?

405. Не считается-ли грѣхомъ свистѣть на дворѣ, пока деревья голы?

406. Не наблюдаютъ-ли при постройкѣ домовъ и другихъ зданій какихъ нибудь примѣтъ?

407. Не совершаютъ-ли при постройкѣ жилища какихъ-нибудь суевѣрныхъ обрядовъ для благополучія будущихъ его жильцовъ?

408. Не закапываютъ-ли для прочности подъ основаніемъ жилища живыхъ животныхъ, какъ жертву землѣ?

409. Существуетъ-ли обычай вѣшать на стѣнахъ зданій, надъ воротами и т. д. головы или другія части нѣкоторыхъ животныхъ? какихъ именно и для чего?

410. Какія примѣты, повѣрья и суевѣрные обряды соблюдаются при переселеніи въ новое жилище, при перемѣнѣ мѣста жительства вообще, при перемѣщеніи скота въ новую стройку, при устройствѣ новаго колодца и т. п.?

411. Какія существуютъ повѣрья о мельницахъ, кладбищахъ, погребахъ, колодцахъ, старыхъ церквахъ, фабрикахъ и заводахъ, дуплахъ, курганахъ и т. п.?

412. Въ чемъ народъ видитъ свидѣтельство того, что прежніе люди отличались громадною силою, ростомъ?

413. Есть-ли постройки или другія сооруженія, приписываемыя великанамъ?

414. Какія повѣрья связаны съ межами, межевыми столбами, камнями и другими пограничными знаками, съ изгородами?

415. Какія повѣрья существуютъ относительно времени употребленія извѣстныхъ плодовъ, фруктовъ и т. д.?

416. Какія суевѣрія связаны съ принятіемъ пищи, съ недоѣденными ея остатками, съ тѣмъ или другимъ ея видомъ, приготовленіемъ и т. д.?

417. Какой соблюдается порядокъ при усаживаніи семьи за столъ, при вставаніи?

418. Дается-ли кому предпочтеніе начинать ѣду?

419. Какія примѣты относятся къ ѣдѣ?

420. Какія суевѣрія связаны съ домашними хозяйственными орудіями, посудой, черепками?

421. Какія суевѣрія связаны съ метлою и съ метеніемъ избы?

422. Какія суевѣрія связаны съ мытьемъ посуды и съ помоями?

423. Какія повѣрья связаны съ очагомъ и огнемъ, съ поломъ, съ дымовою трубою, съ порогомъ, съ крышею и съ другими частями жилья?

424. Какія повѣрья связаны съ домашними насѣкомыми (тараканами, клопами, блохами и т. д.) и другими животными, какъ мыши, крысы?

425. Какія дѣйствительныя или суевѣрныя средства употребляются для ихъ истребленія или для передачи другому?

426. Какія суевѣрія и примѣты связаны съ тою или другою частью или принадлежностью одежды, съ одѣваніемъ и раздѣваніемъ, съ приготовленіемъ одежды (шитьемъ, тканьемъ) и т. д.?

427. Что дѣлаютъ или говорятъ въ томъ случаѣ, если долго не находятъ своей одежды или другой вещи?

428. Есть-ли спеціальные охотничьи и рыболовные обряды, обычаи, примѣты, гаданья и т. п.?

429. Какіе совершаются религіозные обряды при уходѣ за скотомъ?

430. При первомъ выгонѣ скота въ поле? при перекочевкахъ?

431. Что дѣлается для очищенія или предохраненія стадъ отъ повѣтрія? для излѣченія больной скотины?

432. Какова роль пастуха при обрядахъ, относящихся къ стаду?

433. Какіе существуютъ спеціально пастушескіе обычаи и обряды?

434. Какія примѣты и повѣрья относятся къ размноженію скота и другихъ домашнихъ животныхъ?

435. Существуетъ-ли повѣрье, что вѣдьмы или колдуньи могутъ лишить корову молока или выдаивать ее?

436. Какія предосторожности принимаются въ этомъ случаѣ?

437. Какіе обряды, обычаи и примѣты относятся къ паханію, къ подыманію нови, къ первому запряганію въ соху бычковъ, лошадей?

438. Нѣтъ-ли особыхъ обычаевъ при унавоживаніи.

439. Въ какой день обыкновенно начинаютъ посѣвъ и почему?

440. Какіе обряды связаны съ приготовленіемъ къ посѣву, съ сѣяньемъ и боронованіемъ?

441. Не примѣшиваютъ-ли чего къ разсѣваемымъ зернамъ, и съ какою цѣлью?

442. Какое значеніе имѣютъ при посѣвѣ перемѣны луны, извѣстное направленіе вѣтра, сумрачная или ясная погода, дождь и т. д.?

443. Кому молятся объ обильномъ урожаѣ при сѣяніи того или другого хлѣба, при сажаніи картофеля и т. д.?

444. Не ставятъ-ли на засѣянномъ полѣ какихъ значковъ для предохраненія нивы отъ града, саранчи и т. п.?

445. Какія примѣты относительно урожая и погоды наблюдаются при посѣвѣ, а также втеченіе цѣлаго года?

446. Чѣмъ пугаютъ дѣтей, чтобы они не мяли хлѣба на полѣ?

447. Нѣтъ-ли легендъ о грудястой женщинѣ, странствующей по нивѣ? о плачущихъ младенцахъ?

448. Нѣтъ-ли особаго дня, съ котораго обыкновенно начинаютъ жатву?

449. Какими обрядами, примѣтами, повѣрьями сопровождается начало жатвы, связываніе перваго или послѣдняго снопа и т. д.?

450. Не затыкаютъ-ли косари и жнецы какую-нибудь траву за поясъ, чтобы работа шла спорѣе?

451. Не перевязываютъ-ли чѣмъ нибудь руки?

452. Что дѣлаютъ во избѣжаніе порѣзовъ?

453. Какіе обряды соблюдаетъ начинающій въ первый разъ жать или косить?

454. Описать подробно жатвенные обычаи, записать пѣсни, молитвы и пр.

455. Существуетъ-ли обычай устраивать особый жатвенный праздникъ? какъ онъ называется? какъ проводится? какія бываютъ угощенія (пѣтухъ), какія пожеланія хозяину высказываются и т. д.?

456. Какія повѣрья ходятъ о первыхъ сжатыхъ колосьяхъ, о двуколосныхъ стебляхъ, о спорыньѣ, о колосьяхъ, оставшихся на полѣ и т. д.?

457. Существуетъ-ли вѣрованіе въ завитки, закруты, заломы во ржи или другомъ хлѣбѣ? Сообщить все, что до нихъ относится.

458. Призывается-ли духовенство для ихъ уничтоженія или предпочитаютъ прибѣгать къ знахарямъ и колдунамъ?

459. Имѣетъ-ли колдунъ силу перенести урожай съ одного поля на другое? какъ онъ это дѣлаетъ?

460. Приносятъ-ли въ церковь колосья, вѣнки или пучки ржи и пр. для освященія? Когда именно: по окончаніи жатвы, или предъ началомъ?

461. Какому святому какой хлѣбъ посвящается?

462. Оставляютъ-ли на полѣ при окончаніи жатвы горсть несжатаго хлѣба? для чего? Какъ ее называютъ? чѣмъ украшаютъ? что поютъ или приговариваютъ?

463. Соблюдаются-ли особые обычаи и обряды при молотьбѣ новаго хлѣба (овинныя именины, домолоточная каша и т. п.)?

464. Нѣтъ-ли обычая поминовенія риги послѣ молотьбы, и въ чемъ онъ заключается?

465. Какими празднествами вообще сопровождается окончаніе жатвы и молотьбы?

466. Нѣтъ-ли какихъ нибудь обычаевъ при дерганіи льна и конопли, при мочкѣ ихъ, при трепаніи и т. д.?

467. Какіе существуютъ обычаи и примѣты при сажаніи капусты, при рубкѣ?

468. Какія средства, дѣйствительныя или суевѣрныя, употребляются для предохраненія капусты отъ гусеницъ и другихъ паразитовъ и для ихъ уничтоженія?

469. Какія повѣрья и примѣты соединяются съ сѣяньемъ, съ посадкой и пересадкой растеній и деревьевъ, съ прививкой, съ появленіемъ и собираніемъ первыхъ плодовъ и т. д.?

470. Не замѣчаютъ-ли связи между самимъ деревомъ и тѣмъ, кто его посадилъ, прививалъ и т. д. (напр. относительно роста, продолжительности жизни, здоровья, породистости)?

471. Можно-ли растеніе, въ особенности фруктовое дерево, сглазить, оскорбить дурнымъ словомъ и т. п.?

472. Можетъ-ли человѣкъ бездѣтный лишить дерево плодовитости своимъ взглядомъ, прикосновеніемъ и т. д.?

473. Существуетъ-ли вѣрованіе, что нѣкоторыми таинственными обрядами или заклинаніями можно ускорить ростъ животныхъ и растеній?

474. Какіе обряды, обычаи и суевѣрья сопровождаютъ начало и окончаніе занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ, промысломъ и вообще всякое занятіе?

475. Какія примѣты и обряды существуютъ при покупкѣ и продажѣ, при мѣнѣ?

476. Какіе предразсудки, суевѣрія связаны съ отправленіемъ въ путь, переѣздомъ черезъ мостъ или черезъ рѣку, черезъ лѣсъ?

477. Какія примѣты существуютъ при встрѣчахъ съ людьми и животными, при выборѣ мѣста для ночлега?

478. Что вообще считается дурнымъ предзнаменованіемъ и что хорошимъ?

479. Что дѣлается въ этихъ случаяхъ для предотвращенія дурного и для болѣе скораго и вѣрнаго наступленія хорошаго?

480. Приписывается-ли какое нибудь религіозное, суевѣрное значеніе перекресткамъ?

481. Какія пожеланія и вообще привѣтствія высказываются людямъ при разныхъ занятіяхъ, при встрѣчѣ и т. д.?

482. Есть-ли представленія о судьбѣ (фатализмъ)?

483. Можно-ли предсказать судьбу?

484. Существуетъ-ли предсказываніе судьбы по рукѣ?

485. Какіе вообще существуютъ виды гаданій, ворожбы и т. п.?

486. Существуютъ-ли гаданія: по полету птицъ, по внутренностямъ животныхъ, по костямъ, по палочкамъ и т. п.?

487. Придаютъ-ли какое нибудь значеніе извѣстному крику и пѣнію птицъ (напр. если курица поетъ пѣтухомъ), крику и вою животныхъ, извѣстнымъ ихъ дѣйствіямъ (напр. когда кошка умывается, ѣстъ траву, деретъ что-нибудь и т. п.) или такимъ случаямъ, напр., когда волкъ или заяцъ забѣжитъ въ деревню, птица влетитъ въ домъ, насѣкомое (напр. паукъ) появится на человѣкѣ и т. п.?

488. Что дѣлаютъ съ этими животными для предотвращенія дурныхъ предзнаменованій?

489. Существуютъ-ли люди, занимающіеся толкованіемъ сновъ?

490. Какъ именно понимаются и толкуются сны?

491. Существуетъ-ли вѣрованіе, что нѣкоторыми средствами можно вызвать вѣщіе сны?

492. Какое значеніе придается кошмарамъ и какъ они объясняются?

493. Что разсказываютъ о лунатикахъ?

494. Что думаетъ народъ о предчувствіяхъ?

495. Существуетъ-ли вѣрованіе въ привидѣнія и двойниковъ?

496. Считаются-ли нѣкоторые дни и часы счастливыми или несчастливыми?

497. Нѣтъ-ли какихъ нибудь суевѣрій, связанныхъ съ извѣстными числами: 3, 7, 9, 13, 44, 77 и т. п.?

498. Употребительны-ли талисманы, амулеты, наузы?

499. Существуетъ-ли вѣрованіе въ таинственную силу узловъ?

500. Придаютъ-ли какое-нибудь значеніе узлу, образовавшемуся нечаянно на ниткѣ или дратвѣ при шитьѣ одежды или обуви?

501. Нѣтъ-ли вѣрованій, связанныхъ съ подковой, съ сапожнымъ и подковнымъ гвоздемъ?

502. Вѣрятъ-ли въ таинственную силу палочекъ изъ извѣстнаго дерева?

503. Вѣрятъ-ли въ возможность для людей становиться невидимыми (шапка-невидимка)?

504. Есть-ли вѣрованіе, что посредствомъ чаръ можно свести человѣка съ ума? или изсушить?

505. Существуетъ-ли вѣрованіе въ возможность посредствомъ колдовства расположить къ себѣ сердце другого (приворожить кого нибудь)?

506. Прибѣгаютъ-ли къ какимъ нибудь чарамъ, чтобъ обезопасить домъ и хозяйство отъ воровъ?

507. Употребляются-ли чары или заговоры чтобъ отыскать пропавшую или украденную вещь?

508. Какія чары, молитвы, заговоры, суевѣрные обряды существуютъ для предотвращенія или прекращенія разныхъ бѣдствій народныхъ: бездождія, голода, пожаровъ, повальныхъ болѣзней и т. п.?

509. Есть-ли обычай воздерживаться въ извѣстные дни отъ пищи съ религіозною цѣлью?

510. Какая пища признается постною? Не дѣлается-ли различія между ѣдою болѣе постною и менѣе постною?

511. Какіе соблюдаются посты, кромѣ установленныхъ церковью, и съ какою цѣлью?

512. Не сохранились-ли легенды, по какому поводу тотъ или другой постъ сталъ соблюдаться?

513. Какіе виды обѣтовъ существуютъ на разные случаи семейной и общественной жизни?

514. Что приносятъ крестьяне въ церковь и въ другія мѣста, почитаемыя святыми, въ видѣ жертвы?

515. Какія изображенія, символическіе знаки и надписи дѣлаются на крестахъ и другихъ предметахъ, съ которыми связанъ обѣтъ?

516. Существуютъ-ли для извѣстныхъ случаевъ опредѣленные виды жертвоприношеній?

517. Какими случаями въ жизни вызывается особенно желаніе посѣтить святыя мѣста?

518. Какія «прóщи» *) (мѣста богомолья) существуютъ въ данной мѣстности и какія изъ нихъ особенно почитаются?

519. Что служитъ предметомъ поклоненія на каждой прощѣ?

520. Какія преданія соединяются съ каждою прощею?

521. Какія изъ мѣстъ, бывшихъ прежде чисто-народными прощами, теперь освящены церковью и почему?

522. Въ какіе дни или періоды времени особенно посѣщаются прощи и другія мѣста богомолья?

523. Какъ относится къ прощамъ мѣстное духовенство и какъ смотритъ народъ на священника и другихъ лицъ, отрицающихъ святость прощи?

524. Въ какіе дни воспрещена работа?

*) Подъ „прощами", въ отличіе отъ святыхъ мѣстъ, будемъ разумѣть такія мѣста, чтимыя народомъ святыми или чудотворными, которыя церковью не признаются таковыми.

525. Чему подвергаются преступающіе это запрещеніе?

526. Какіе праздники, неустановленные церковью, соблюдаетъ народъ?

527. Какъ представляетъ себѣ народъ праздники, а также дни недѣли?

528. Считаются-ли они живыми существами, лицами, и въ какомъ отношеніи и родствѣ находятся между собою?

529. Какое значеніе приписывается каждому изъ нихъ? Между прочимъ: 1) праздники, имѣющіе отношеніе къ землѣ и къ урожаю; 2) дни, празднуемые для здоровья людей или скота, или 3) для отвращенія несчастій, грома, голода и т. п.

530. Какія преданія и легенды извѣстны о каждомъ существѣ, олицетворяющемъ собою извѣстный день или праздникъ (нпр. преданіе о пятницѣ), и о наказаніи за неуваженіе къ нему, за несоблюденіе праздника?

531. Какіе дни считаются особенно святыми и какъ они празднуются?

Прослѣдить это въ календарномъ порядкѣ.

Примѣч. Слѣдуетъ обратить вниманіе на всѣ дни, которые почему-либо почитаются въ народѣ, и отмѣтить ихъ въ каждомъ мѣсяцѣ, не ограничиваясь тѣми, которые указаны ниже.

Январь.

532. 1-го, Новый годъ. Какое значеніе придается Новому году?

533. Не совершается-ли какихъ обрядовъ 1-го января?

534. Существуетъ-ли обычай «засѣванія», чтобы предугадать урожай будущаго лѣта?

535. Не ходятъ-ли дѣти по избамъ, обсыпая хозяевъ хлѣбными зернами для обильнаго урожая?

536. Не называется-ли этотъ день Васильевымъ днемъ?

537. Въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу находятся св. Василій и Меланія? не называется-ли послѣдняя матерью Василія?

538. Не считается-ли св. Василій покровителемъ свиней?

539. Не почитается-ли этотъ святой особенно пастухами?

540. Не считается-ли необходимымъ приготовлять въ этотъ день кушанье изъ свиного мяса?

541. Какіе еще обычаи и примѣты связаны съ днемъ Новаго года?

542. Не называются-ли вечера отъ Нов. года до Богоявленія «святыми»? Отъ какой работы воздерживаются въ этотъ періодъ, особенно вечеромъ, и почему?

543. 3-го, день пророка Малахіи. Какое значеніе придается этому святому и его дню?

544. Не считается-ли, этотъ святой имѣющимъ особую силу изгонять бѣсовъ? Не отчитываютъ-ли особенно въ этотъ день порченыхъ?

545. **5-го**, Навечеріе Богоявленія не называется-ли крещенскимъ вечеромъ или какъ нибудь иначе?

546. Строго-ли соблюдается обычай поститься въ этотъ день до восхода звѣзды? Что ѣдятъ въ этотъ день по восходѣ звѣзды, и какъ называется эта трапеза?

547. Не приносятъ-ли домой воду, освящаемую въ этотъ день, и не окропляютъ-ли ею людей, избу, хлѣва, зимнее помѣщеніе пчелъ и пр.?

548. Нѣтъ-ли обычая въ этотъ день чертить мѣломъ кресты на дверяхъ и окнахъ?

549. Не пишутъ-ли также начальныя буквы именъ трехъ волхвовъ, покланявшихся Іисусу (у католиковъ)?

550. Не существуетъ-ли повѣрья, что въ полночь наканунѣ Богоявленія волнуется вода въ знакъ того, что въ это время крестился Іисусъ Христосъ?

551. Не ходитъ-ли кто наблюдать это явленіе, и не зачерпываютъ-ли воды въ минуту ея колыханія? Не считается-ли такая вода цѣлебною и неспособною къ порчѣ?

552. **6-го**, Богоявленіе. Какъ еще называютъ этотъ праздникъ?

553. Не существуетъ-ли повѣрья, что въ этотъ день играетъ солнце?

554. Не думаютъ-ли, что въ богоявленскую ночь открывается небо, и потому молитва въ это время непремѣнно доходитъ до Бога и исполняется?

555. Не вѣрятъ-ли, что въ этотъ день въ пресвѣтломъ раѣ, гдѣ обитаетъ солнце, вѡды приходятъ въ движеніе и претворяются въ вино, являются на деревьяхъ цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки?

556. Не кидаются-ли въ этотъ день въ проруби послѣ водоосвященія для очищенія отъ грѣховъ?

557. Не опускаются-ли въ прорубь только тѣ, которые рядились?

558. Не пользуется-ли особымъ уваженіемъ богоявленская вода?

559. Не существуетъ-ли убѣжденія, что вода эта никогда не портится и что она исцѣляетъ отъ недуговъ и прогоняетъ нечистую силу?

560. Не существуетъ-ли обычая обходитъ въ этотъ день закутъ съ иконой, свѣчой, овсомъ и хлѣбомъ съ солью и при томъ посыпать закутъ овсомъ?

561. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь обычаевъ, относящихся къ 7 янв. (соборъ Іоанна Крестит.) и къ 8 янв.?

562. **15-го**. Не существуетъ-ли убѣжденія, что въ этотъ день можно снимать чары, наложенныя колдунами? какимъ образомъ?

563. **20-го**. Въ день Ефрема Сирина (а также 3-го февраля, въ день Симеона Богопріимца) не имѣетъ-ли домовой обыкновенія глумиться, стучать, кидать чѣмъ попало, заѣзжать лошадей, бѣгать и пугать привидѣніями?

564. Не ставятъ-ли ему въ это время на загнѣткѣ кашу?

565. **30-го**, Трехъ святителей. Какъ празднуется этотъ день?

566. **31-го**, Никиты еп. Новгородскаго. Не считается-ли св. Никита хранителемъ отъ пожара и молніи и исцѣлителемъ глазныхъ болѣзней?

Февраль.

567. **1-го**, Трифона муч. Не считается-ли св. Трифонъ покровителемъ свадебъ?

568. Не молятся-ли ему дѣвицы о женихахъ?

569. **2-го**, Срѣтеніе Господне. Какіе обычаи соблюдаются на Срѣтенье?

570. Есть-ли обычай освящать въ этотъ день свѣчи (у католиковъ)?

571. Какое значеніе придается срѣтенской свѣчѣ?

572. Освященная въ этотъ день вода не считается-ли цѣлебною, особенно въ глазныхъ болѣзняхъ?

573. **3-го**. Симеонъ Богопріимецъ не считается-ли хранителемъ младенцевъ?

574. **5-го**. Св. Агафія не называется-ли коровницей?

575. Не молятся-ли въ этотъ день св. Агафіи объ избавленіи рогатаго скота, такъ какъ въ этотъ день коровья смерть бѣгаетъ по селеніямъ и городамъ?

576. Нѣтъ-ли обычая освящать въ этотъ день хлѣбъ съ солью для коровъ и на случай пожара?

577. **10-го**. Не считается-ли св. Харлампій хранителемъ отъ внезапной безъ покаянія смерти?

578. **11-го**. Какъ празднуется день св. Власія?

579. Не называютъ-ли св. Власія скотскимъ богомъ?

580. Не молятся-ли въ этотъ день о защитѣ домашняго скота и не служатъ-ли молебствія?

581. Не сгоняются-ли коровы къ церквамъ для окропленія ихъ святой водой?

582. Не носятъ-ли въ этотъ день или въ случаѣ болѣзни скота образъ св. Власія по хлѣвамъ?

583. Не окропляютъ-ли въ этотъ день весь скотъ крещенской водой и не окуриваютъ-ли его ладономъ?

584. Въ случаѣ болѣзни скота не приглашаютъ-ли священника на домъ отслужить молебенъ св. Власію?

585. Не называется-ли скотъ родомъ власіевскимъ, а коровы-власіевками?

586. Не приносятъ-ли въ церковь (гдѣ есть престолъ во имя св. Власія) масло и не кладутъ-ли его къ образу св. Власія?

587. **13 го.** Преподобный Мартиніанъ не считается-ли избавителемъ отъ блудной страсти?

588. **14-го.** Не считаются-ли св. Миронъ и св. Фотинія избавителями отъ лихорадки?

589. **15-го.** Св. Онисима не называютъ-ли овчарникомъ?

590. Не окликаютъ-ли въ этотъ день звѣзды, чтобы овцы ягнились, и какимъ образомъ это дѣлается?

591. **16-го.** Преподобный Маруѳа не считается-ли заступникомъ отъ злыхъ духовъ?

592. **17-го** Не молятся-ли св. Ѳеодору Тирону объ отысканіи украденныхъ вещей?

593. **20-го.** Въ день преподобнаго Льва Катанскаго можно ли смотрѣть на падающія звѣзды?

594. Не думаютъ-ли, что если кто заболѣетъ въ этотъ день, то непремѣнно умретъ?

595. **24-го,** Обрѣтеніе главы І. Крестителя. Какъ называется въ народѣ этотъ день и какія примѣты и предразсудки съ нимъ связаны?

596. Не имѣетъ-ли этотъ день особаго значенія для пчеловодовъ?

597. **29-го.** Какія легенды разсказываютъ въ народѣ о св. Кассіанѣ?

598. Не существуетъ-ли пословицъ, которыя бы выражали взглядъ народа на него?

599. Нѣтъ ли легенды о немилосердіи св. Кассіана?

600. Не ставятъ-ли въ церкви икону Кассіана лицомъ къ стѣнѣ, предоставляя оборачивать ее только тѣмъ, кто желаетъ поставить ему свѣчку или отслужить молебенъ?

601. Не молятся-ли ему въ особенности для отомщенія врагу?

602. Нѣтъ-ли объясненія, почему день св. Кассіана празднуется одинъ разъ чрезъ три года?

603. Не стоитъ-ли св. Кассіанъ на стражѣ у ада три года, и не отпускается-ли онъ на четвертый Богомъ?

Мартъ.

604. **1-го.** Какіе обычаи и обряды соблюдаются 1-го марта?

605. Не празднуется-ли въ этотъ день встрѣча весны и проводы зимы съ какимъ-нибудь обрядомъ?

606. Нѣтъ-ли обычая топить или хоронить чучело?

607. Не соблюдаются-ли въ этотъ день такіе-же обычаи, какъ и на новый годъ (1-го марта въ старину начинался годъ)?

608. **5-го.** Св. Кинонъ Исаврійскій не считается-ли хранителемъ отъ оспенной болѣзни?

609. **9-го,** день 40 мучениковъ. Какіе обычаи къ нему относятся? Какія примѣты и повѣрья связаны съ нимъ?

610. Не считается-ли одинъ изъ 40 мучениковъ, св. Сисиній, цѣлителемъ отъ лихорадки, такъ-же какъ и св. мученица Фотинія (20 марта)?

611. Не пекутъ-ли въ этотъ день жаворонковъ и другихъ птицъ въ знакъ возвращенія весны?

612. Не считается-ли этотъ день праздникомъ пчеловодовъ, охотниковъ?

613. **17-го,** Алексѣя, челов. Божія. Какія примѣты и обычаи относятся къ этому дню?

614. Не считается-ли этотъ святой покровителемъ пчелъ?

615. Не празднуютъ-ли этотъ день рыболовы?

616. **25-го,** Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Признается-ли оно самымъ большимъ праздникомъ у Бога?

617. Какіе обычаи относятся къ дню Благовѣщенія? Какія повѣрья и примѣты связаны съ этимъ днемъ?

618. Есть-ли повѣрье, что въ этотъ день даже грѣшниковъ въ аду не мучатъ?

619. Не думаютъ-ли, что въ этотъ день Богъ благословляетъ землю на сѣяніе?

620. Ожидаютъ-ли въ этотъ день прилета аиста или другихъ птицъ?

621. Какъ встрѣчаютъ возвращающихся изъ «вырея» птицъ и какія примѣты наблюдаютъ при первой встрѣчѣ съ ними?

622. Птица, свившая въ этотъ день гнѣздо, не лишается-ли на все лѣто способности летать?

623. Не за то ли кукушка безъ гнѣзда, что завила его на Благовѣщеніе?

624. Нѣтъ-ли обычая выпускать въ этотъ день птицъ на волю съ тою мыслью, что птицы будутъ передъ Творцемъ благословлять выпустившаго ихъ?

625. Не считается-ли страшнымъ грѣхомъ приниматься въ этотъ день за какое нибудь дѣло?

626. Можно-ли готовить въ этотъ день кушанье, заплетать косу, чесать голову?

627. Можно-ли начинать въ теченіе года какое нибудь дѣло въ тотъ день, въ какой было Благовѣщеніе?

628. Нѣтъ-ли повѣрья, что молнія убьетъ того, кто станетъ работать вечеромъ въ этотъ день при огнѣ?

629. Не сжигаютъ-ли въ этотъ день солому изъ постелей и старые лапти?

630. Не разводятся-ли вообще въ этотъ день огни и не скачутъ-ли черезъ нихъ?

631. Не заворовываютъ-ли воры въ этотъ день для счастія на весь годъ?

632. Не освящаются-ли въ этотъ день или наканунѣ сѣмена и просфоры?

633. Не кладутся-ли просфоры первоначально въ засѣки, а потомъ не крошатся-ли и не высѣваются-ли вмѣстѣ съ сѣменами?

634. **26-го,** Соб. Арх. Гавріила. Не признается-ли, что все родившееся въ этотъ день будетъ уродливо и не споро, и чѣмъ объясняется это повѣрье?

635. Не приписывается-ли Арх. Гавріилу свойство владѣть молніею?

636. **30-го.** Въ день Іоанна Лѣствичника не пекутъ-ли изъ тѣста лѣстницъ, и для какой цѣли?

637. Не освящаютъ-ли этихъ лѣстницъ въ церкви и не раздаютъ-ли часть ихъ причту, а часть нищимъ?

638. Нѣтъ-ли повѣрья, что на Ив. Лѣствичника бѣсится домовой?

639. **31-го.** Ипатій чудотворецъ не почитается-ли разрѣшителемъ неплодства и безчадія?

Апрѣль.

640. **1-го.** Существуетъ-ли обычай обманывать другъ друга въ этотъ день? Чѣмъ онъ объясняется? Не тѣмъ-ли, что въ этотъ день (на Марію Египетскую) просыпается домовой?

641. **11-го.** Не почитаютъ-ли св. Антипу цѣлителемъ отъ болѣзней и особенно утишителемъ зубной боли?

642. Не вѣшаютъ-ли на образъ св. Антипы мелкую монету, продержавъ ее нѣсколько времени на больномъ зубѣ?

643. **13-го.** Не считается-ли св. Ѳомаида избавительницей отъ блудной страсти?

644. **17-го.** Не называютъ-ли св. Зосиму пчельникомъ и не считается-ли онъ покровителемъ пчеловодства и хранителемъ пчелъ?

645. Не служатъ-ли ему пчеловоды молебновъ и не приносятъ-ли при этомъ медовые соты для освященія?

646. Не кормятъ-ли въ этотъ день пчелъ просфорою, освященною наканунѣ Благовѣщенія?

647. Не называется-ли одинъ улей Зосимомъ и не ставится-ли онъ посреди другихъ съ образомъ на немъ св. Зосимы?

648. Нѣтъ-ли разсказовъ о томъ, что св. Зосима изъ дальнихъ странъ принесъ въ русскую землю пчелиную матку и развелъ пчелъ?

649. Какъ изображается св. Зосима на тѣхъ иконахъ, которыя вывѣшиваются на ульяхъ?

650. **20-го.** Нѣтъ-ли повѣрья, что въ день Ѳедора Трихины (Власяничника) покойники тоскуютъ по землѣ?

651. Не ходятъ-ли въ этотъ день на могилы причитать и окликать родителей?

652. **23-го,** Юрьевъ день (весенній). Какіе обычаи относятся къ этому дню?

653. Не называютъ-ли канунъ этого дня «ляльникомъ» или какъ-нибудь иначе, и почему?

654. Есть-ли обычай наканунѣ Юрьева дня ходить на росу? въ чемъ онъ состоитъ?

655. Встрѣчаютъ-ли въ Юрьевъ день весну?

656. Имѣетъ-ли этотъ день какое-нибудь юридическое значеніе (наемъ рабочихъ, заключеніе сдѣлокъ и т. п.)?

657. Какъ представляетъ себѣ народъ Юрья?

658. Какая дѣятельность ему приписывается?

659. Не признается-ли св. Георгій покровителемъ полей и плодовъ земныхъ.

660. Нѣтъ-ли обычая освящать въ этотъ день нивы съ служеніемъ на полѣ молебновъ, или просто обходить поля съ хлѣбомъ, солью и водкою, посыпать ихъ пепломъ отъ святыхъ косточекъ, обтыкать межи, кататься по нивѣ съ молитвою объ урожаѣ и т. п.?

661. Не называется-ли св. Георгій Водоносомъ, и нѣтъ-ли обычая ходить для водосвятія на источники и рѣки?

662. Освященная въ этотъ день вода не называется-ли Юрьевой росой, и не окропляются-ли ею поля и посѣвы при крестныхъ ходахъ?

663. Не считается-ли она особенно цѣлебною при всѣхъ болѣзняхъ?

664. Юрьевъ день не считается-ли пастушьимъ праздникомъ, и не состоитъ-ли домашній скотъ подъ особымъ покровительствомъ св. Георгія.

665. Не приносятъ-ли въ этотъ день въ церковь печеныя изъ тѣста изображенія скота для освященія?

666. Выгоняется-ли непремѣнно скотъ въ этотъ день, хотя бы и не было никакого подножнаго корма, и даже хотя-бы земля была въ этотъ день покрыта снѣгомъ?

667. Какіе обряды соблюдаются при выгонѣ скота?

668. Не служатъ-ли молебствія св. Георгію при выгонѣ скота и не окропляютъ-ли скота при этомъ Юрьевскою водою?

669. Не налагаютъ-ли нѣкоторые въ этотъ день на себя постъ за благополучіе своего скота?

670. Не изготовляютъ-ли въ честь св. угодника къ этому дню изъ хлѣбнаго тѣста или изъ глины изображенія домашнихъ животныхъ?

671. Нѣтъ-ли повѣрья, что въ этотъ день самъ св. Георгій выѣзжаетъ лично въ поле на своемъ бѣломъ конѣ охранять скотину отъ хищныхъ звѣрей?

672. Не съ этого-ли дня волки и другіе хищные звѣри выходятъ на поля и начинаютъ похищать скотину.

673. Нѣтъ-ли повѣрья, что вѣдьмы и колдуньи превращаются въ Юрьевъ день въ телятъ, собакъ или кошекъ и высасываютъ молоко у коровъ?

674. Какія предохранительныя средства принимаются противъ этого?

675. Нѣтъ-ли вѣрованія въ лягушекъ—коровницъ (жабъ), высасывающихъ у коровъ молоко? Откуда онѣ берутся? Въ Ярославской губ., напр., лягушки-коровницы, по словамъ однихъ,—старинные люди, у нихъ и лапы, какъ человѣческія руки; по словамъ другихъ, ля-

гушки-коровницы — утопленницы и проклятыя дѣти; ихъ слѣдуетъ убивать.

676. Не наказываетъ-ли св. Георгій, по народному понятію, тѣхъ пастуховъ, которые небрежно относятся къ своему дѣлу, и не помогаетъ-ли тѣмъ, которые хорошо берегутъ стадо?

677. Не находятся-ли въ повиновеніи у св. Георгія всѣ звѣри? Не даетъ-ли онъ имъ наказовъ, не покорны-ли они каждому его слову?

678. Не обрекаетъ-ли онъ иногда ту или другую овцу или корову на съѣденіе волкамъ?

679. Какія объ этомъ существуютъ легенды?

680. Не считается-ли грѣхомъ работать подъ Юрьевъ день что-либо изъ шерсти изъ боязни, чтобы не падали овцы во дворѣ согрѣшившаго?

681. Не считается-ли св. Георгій покровителемъ невѣстъ? Не молятся-ли дѣвицы св. угоднику, въ день его памяти, о дарованіи имъ жениховъ?

Май.

682. **1-го.** Не называютъ-ли прор. Іеремію Еремѣемъ запрягальникомъ, яремникомъ, запашникомъ?

683. Въ день памяти его не молятъ-ли его о помощи въ работахъ, не отправляютъ-ли молебствій и не окропляютъ-ли земледѣльческихъ орудій богоявленской водой?

684. Не думаютъ-ли, что если посѣять въ этотъ день, то сѣмена не взойдутъ?

685. Не вѣрятъ-ли, что въ этотъ день самъ пророкъ Іеремія запрягаетъ на небѣ свою колесницу и засѣваетъ хлѣбъ?

686. Не вѣрятъ-ли, что Іеремія особенно помогаетъ пахарямъ, обращающимся къ нему съ молитвой о помощи, и что когда изнурятся они и ихъ скотъ, то угодникъ самъ впрягаетъ животныхъ и доканчиваетъ работу?

687. **2-го.** Не называютъ-ли день свв. Бориса и Глѣба барышъ-днемъ, а св. Бориса — барышникомъ?

688. Не празднуютъ-ли этотъ день торговцы въ надеждѣ получать за это барыши въ теченіе всего года?

689. Не стараются-ли торговцы продать въ этотъ день что-нибудь выгодно, чтобы весь годъ торговать съ барышемъ?

690. **8-го,** Іоанна Богослова. Не называютъ-ли этотъ праздникъ Николинымъ батькомъ, Иваномъ долгимъ или какъ-нибудь иначе, и почему?

691. Какія повѣрья и обычаи относятся къ этому дню?

692. Не считается-ли онъ праздникомъ пастуховъ?

693. **9-го,** Николая Чудотворца. Какіе обычаи связаны съ этимъ днемъ?

694. Не начинаютъ-ли съ этого дня стрижку овецъ?

695. Какія относятся къ этому дню повѣрья, связанныя съ купаньемъ, утопленіемъ и пр.?

696. **10-го.** Не грѣхъ-ли браться за какую бы то ни было земляную работу (особенно вбивать колья въ землю) въ день Симона Зилота, потому что земля именинница, и не слѣдуетъ нарушать ея покоя?

697. Не считается-ли Симонъ Зилотъ завѣдывающимъ зельями, травами?

698. Не собираютъ-ли въ этотъ день травъ?

699. Не кормятъ-ли ими коровъ?

700. Не помогаетъ-ли этотъ святой въ отысканіи кладовъ?

701. **11-го.** Въ день обновленія Царяграда не боятся-ли работать, чтобы градъ не выбилъ хлѣба?

702. **13-го.** Въ день дѣвы Гликеріи не боятся-ли сѣять, чтобы не было неурожая?

703. **14-го.** Св. Исидоръ не считается-ли покровителемъ землепашцевъ?

704. Нѣтъ-ли особыхъ обычаевъ и примѣтъ на этотъ день?

705. **21-го.** День Константина и Елены не имѣетъ-ли значенія для посѣва льна?

706. Не избѣгаютъ-ли пахать въ этотъ день изъ боязни градобитія?

707. **23-го.** Не считается-ли св. Леонтій Ростовскій покровителемъ рыбаковъ?

708. Не приносятъ-ли ему рыбаки въ даръ часть добычи (особенно промышляющіе въ Ростовскомъ озерѣ)?

709. **25-го,** Обрѣт. главы І. Крестителя. Не имѣетъ-ли особаго названія этотъ день (напр. Головатый Иванъ)?

710. Какое значеніе придается этому дню при посадкѣ огородныхъ овощей (особенно капусты)? Относящіяся сюда повѣрья и примѣты.

711. **28-го.** Не называется-ли преподобный Никита гусятникомъ и не считается-ли онъ особымъ покровителемъ гусей и преимущественно молодыхъ, которыхъ онъ будто бы охраняетъ отъ хищныхъ птицъ?

Іюнь.

712. **8-го.** Не называютъ-ли Θеодора Стратилата колодезникомъ, и не считаютъ-ли колодезники его своимъ покровителемъ?

713. **12-го.** Не молятся-ли препод. Онуфрію объ избавленіи отъ внезапной смерти?

714. Какое значеніе имѣетъ этотъ день для земледѣльца?

715. **13-го.** Не называется-ли св. Акилина Акулиной гречишницей или Акулиной черныя гречихи?

716. Не украшаются-ли въ этотъ день иконы пучками гречихи?

717. Не думаютъ-ли, что если въ этотъ день работать, то не уродится гречиха?

718. Не кормятъ-ли въ этотъ день нищихъ и не подаютъ-ли имъ болѣе, чѣмъ обыкновенно?

719. **19-го.** Не молятся-ли препод. Паисію объ избавленіи отъ муки умершихъ безъ покаянія?

720. **23-го.** Св. Агрипина не называется-ли Аграфеной купальницей?

721. Не соблюдаются-ли въ этотъ день какіе-нибудь обряды?

722. **24-го,** Рожд. Іоанна Крестителя. Не называется-ли этотъ день—Иванъ Купала, Ивановъ день, или какъ-нибудь иначе?

723. Какъ объясняется названіе Купалы? Нѣтъ-ли другихъ народныхъ названій Купалы?

724. Какіе обряды соблюдаются въ этотъ день?

725. Какъ и когда именно празднуется Купала?

726. Сохранилось-ли зажиганіе костровъ, добываніе огня посредствомъ тренія, прыганіе черезъ огонь, купанье? Относящіяся сюда пѣсни.

727. Чѣмъ объясняется постепенное прекращеніе купальныхъ обрядовъ?

728. Какія кушанья и напитки употребительны при празднованіи Купалы?

729. Собираются-ли травы наканунѣ этого дня? Какія именно и для чего?

730. Окропляютъ-ли дома св. водой въ Ивановъ день?

731. Какія примѣты и повѣрья связаны съ этимъ днемъ вообще?

732. Какія повѣрья о вѣдьмахъ и колдунахъ связаны съ Ивановымъ днемъ?

733. Какія есть повѣрья и легенды о цвѣтѣ папоротника?

734. Какія гаданья связаны съ Купалою?

735. Какія необыкновенныя явленія въ природѣ происходятъ, по вѣрованію народа, въ Ивановъ день (играніе солнца, разговоръ деревьевъ, сверканіе рѣкъ и т. п.)?

736. Какое объясненіе даетъ имъ народъ?

737. Когда еще дожидаются всю ночь восхода солнца (напр. подъ Петровъ день)?

738. Какъ проводятъ эту ночь?

739. Кукованіе кукушки послѣ Иванова дня не предвѣщаетъ-ли, что будетъ плохой годъ?

740. Не думаютъ-ли, что кукушка должна первая улетать на зиму, такъ какъ она ключница «вырея»?

741. **26-го.** Не молятся-ли преимущественно передъ иконой Тихвинской Божіей Матери о сохраненіи и здравіи младенцевъ?

742. **29-го.** Не вѣрятъ-ли, что въ день свв. Петра и Павла солнце при восходѣ играетъ радугами, и не стараются-ли нѣкоторые сами наблюдать это явленіе?

743. Обязательно-ли начинать косьбу послѣ Петрова дня?

744. Не объясняется-ли этотъ обычай какимъ-нибудь вѣрованіемъ?

745. Нѣтъ-ли въ этотъ день особыхъ обычаевъ, относящихся къ косьбѣ?

746. Не признается-ли св. апостолъ Петръ покровителемъ рыбнаго промысла и рыбаковъ и не называется-ли рыболовомъ?

747. Не испрашиваютъ-ли рыбаки помощи преимущественно у св. Петра?

748. Нѣтъ-ли обычая у рыбаковъ складываться на большую свѣчу и ставить ее передъ образомъ св. угодника?

749. Нѣтъ-ли еще какихъ обрядовъ въ Петровъ день?

750. Нѣтъ-ли разсказовъ о происхожденіи петровокъ—поста, оканчивающагося въ этотъ день?

751. **30-го.** Не называютъ-ли блаженнаго Петра-царевича полу-Петромъ?

Іюль.

752. **2-го,** Влахернской Божіей Матери (положеніе ризы). Не имѣетъ-ли этотъ день особаго названія (напр. у бѣлорус.—это день Петровой матери, 3-й день послѣ Петрова дня)?

753. **8-го.** Есть-ли обычай обращаться къ иконѣ Казанской Божіей Матери объ исцѣленіи отъ слѣпоты и вообще отъ глазной болѣзни?

754. Не называютъ-ли св. Прокопія (8-го іюля) жатвенникомъ и, приступая къ жатвѣ, не служатъ-ли ему молебствія?

755. **18-го.** Не молятся-ли Іоанну многострадальному объ избавленіи отъ блудной страсти?

756. **19-го.** День св. Макрины не имѣетъ-ли какого отношенія къ мокрой погодѣ?

757. **20-го,** Прор. Иліи. Какъ представляютъ себѣ Илью?

758. Чему онъ покровительствуетъ?

759. Какія есть повѣрья объ Ильѣ, какъ о громовержцѣ, преслѣдователѣ злыхъ духовъ, подателѣ дождя и т. д.?

760. Что такое воробьиныя ночи?

761. Какія хозяйственныя примѣты связываются съ Ильинымъ днемъ?

762. Какія повѣрья, гаданья, пѣсни относятся къ этому дню?

763. Не происходитъ-ли громъ отъ колесницы, въ которой разъѣзжаетъ Илья?

764. Какой видъ имѣетъ по народному представленію его колесница и запряженные въ нее кони?

765. Должна-ли быть непремѣнно гроза въ Ильинъ день, и можетъ-ли пройдти этотъ день безъ того, чтобы не загорѣлось гдѣ-нибудь отъ молніи?

766. Молніи не считаются-ли стрѣлами, которыми пророкъ поражаетъ нечистую силу?

767. Не отъ того-ли убиваетъ громомъ людей, что за нихъ прячется діаволъ?

768. Не считается-ли опаснымъ держать на рукахъ кошку, особенно черную, во время грозы?

769. Не прогоняютъ-ли во время грозы изъ дому кошекъ и собакъ, такъ какъ діаволъ не рѣдко принимаетъ ихъ видъ, чтобы скрыться отъ стрѣлъ св. Ильи, и потому животныя эти привлекаютъ громовые удары?

770. Нѣтъ-ли повѣрья, что человѣкъ, убитый громомъ по ошибкѣ, идетъ прямо въ рай?

771. Не находятъ-ли громовыя стрѣлы и не употребляютъ-ли ихъ нри лѣченіи?

772. Какой видъ имѣютъ эти стрѣлы?

773. Не умываются-ли Ильинской дождевой водой отъ призора или съ иною цѣлью?

774. Не существуетъ-ли повѣрья, что послѣ Ильина дня купаться грѣхъ, и почему? Соблюдаютъ-ли это правило?

775. Какія легенды существуютъ про Илью прор., и какіе разсказы существуютъ про грозы?

776. Какія мѣры принимаются для огражденія отъ громоваго удара?

777. Не зажигаются-ли для этого свѣчи передъ иконами и какія именно?

778. Чѣмъ можно потушить пожаръ отъ молніи?

779. Не грѣшно-ли тушить его?

780. Спасаютъ-ли людей во время пожара, происшедшаго отъ молніи?

781. Не препятствуютъ-ли, напротивъ, выйдти изъ загорѣвшагося отъ молніи зданія?

782. Не грѣхъ-ли работать въ Ильинъ день? Совершающаго этотъ грѣхъ не убиваетъ-ли молнія?

783. Не считается-ли грѣхомъ спасать такихъ людей?

784. Не останавливаютъ-ли тѣхъ, которые хотѣли бы спасти такихъ людей?

785. Не называютъ-ли пожаръ отъ молніи Божіимъ милосердіемъ?

786. Не считаютъ-ли, что молнія убиваетъ только праведныхъ людей, которые не нуждаются въ покаяніи?

787. Не считается-ли пророкъ Илія производителемъ урожаевъ и покровителемъ телятъ, барановъ и козлятъ?

788. Не выставляютъ-ли въ Ильинъ день чашку съ зернами ржи и овса и не просятъ-ли священника провеличать Илію на плодородіе хлѣба?

789. Не соблюдаются-ли еще какіе-либо обряды въ этотъ день?

790. **22-го.** Работаютъ-ли въ день св. Маріи Магдалины?

791. Не думаютъ-ли, что св. Марія Магдалина можетъ за непочтеніе къ ея празднику побить громомъ или наслать холеру?

792. **24 го.** Не грѣхъ-ли работать въ полѣ въ день Бориса и Глѣба?

793. Не зажигаетъ-ли гроза хлѣбъ работающихъ въ этотъ день?

793 а. Который день этихъ угодниковъ больше почитается: 2 мая или 24 іюля?

794. Не придается-ли какое нибудь названіе свв. Борису и Глѣбу?

795. **27-го.** Не считается-ли св. Пантелеймонъ цѣлителемъ отъ болѣзней?

796. Не грѣшно-ли работать въ день его памяти? Не убиваетъ-ли работающаго громомъ?

796 а. Не соблюдаютъ-ли въ этотъ день постъ во избѣжаніе громовыхъ ударовъ?

797. Нѣтъ-ли особаго народнаго названія для св. Пантелеймона?

798. **28-го.** Не молятся-ли особенно святымъ Евстафію и Юліану объ уничтоженіи червя и всякаго гада на поляхъ?

799. **30-го.** Не служатъ-ли св. Іоанну Воину молебенъ о защитѣ отъ всѣхъ напастей и обидчиковъ, объ отысканіи украденнаго и о наказаніи неизвѣстнаго вора?

800. Не заставляютъ-ли заподозрѣннаго въ кражѣ поклясться именемъ Ивана Воина?

801. Не считаютъ-ли воры св. Ивана Воина своимъ покровителемъ? не молятся-ли они ему и не служатъ-ли ему молебновъ объ успѣхѣ задуманной кражи?

802. Не называютъ-ли этого святого Иваномъ Встрѣчнымъ, такъ какъ, по повѣрью, ему попадаются на встрѣчу похитители чужого скота?

803. Не молятся-ли Ивану Встрѣчному о возвращеніи украденнаго скота?

804. Не ставятъ-ли при этомъ свѣчку передъ иконою всѣхъ святыхъ за отсутствіемъ образа Ивана Встрѣчнаго?

805. Не задоиваютъ-ли вѣдьмы до смерти коровъ, особенно въ день Ивана Воина?

Августъ.

806. **1-го.** Какіе обычаи и обряды относятся къ празднику Спаса малаго (1-го авг.).

807. Не считается-ли въ день перваго Спаса полезнымъ и цѣлительнымъ дѣломъ купаться въ освященныхъ водахъ?

808. Не купаютъ-ли въ нихъ лошадей или и весь скотъ?

809. Не называется-ли первый Спасъ медовымъ?

810. Не пекутъ-ли въ этотъ день пироговъ съ медомъ?

811. Не приносятъ-ли въ этотъ день въ церковь для освященія медовые соты, сѣмена, овощи?

812. Не освящаютъ-ли въ этотъ день макъ (по созвучію съ именемъ Маккавеевъ)? Какое значеніе придается этому маку?

813. **2-го.** Не считается-ли первомученикъ Стефанъ покровителемъ лошадей?

814. Не поятъ-ли въ этотъ день лошадей черезъ серебро?
815. Не кропятъ-ли въ этотъ день лошадей освященной водою?
816. **5-го.** Не называется-ли св. Евсигній Житникомъ?
817. Не ходятъ-ли нѣкоторые хозяева, въ день его памяти, заклинать жнивья, чтобы не поселилась въ нихъ нечистая сила и не выгоняла изъ пажитей скота?
818. Каковъ обрядъ такихъ заклинаній и въ какихъ словахъ они произносятся?
819. **6-го.** Второй Спасъ не называется-ли яблочнымъ?
820. Не приносятъ-ли въ этотъ день въ церковь для освященія сѣмена, яблоки, овощи?
821. Какія суевѣрья связаны съ освященными плодами?
822. Не считается-ли грѣхомъ ѣсть до этого дня садовые плоды и огородныя овощи (кромѣ огурцовъ)?
823. Не подаютъ-ли въ этотъ день нищимъ больше, чѣмъ обыкновенно?
824. Нѣтъ-ли какихъ нибудь обрядовъ въ этотъ день?
825. **10-го.** авг. (нов. стиля), св. Лаврентія. Не освящаютъ-ли въ этотъ день масла для лѣченія всякихъ недуговъ (у католиковъ)?
826. **14-го.** Не приносятъ-ли въ этотъ день въ церковь для освященія молоко, чтобы имъ разговлятся на слѣдующій день?
827. **15-го.** Не называется-ли день Успенія Пресвятой Богородицы Успенщиной, Успленьемъ, Спленьемъ, Госпожинымъ днемъ, Госпожами, Госпожинками, Оспожинками, Спожинками, Вспожинками, Дожинками, Обжинками?
828. Не приносятъ-ли въ этотъ день сѣмена и колосья новаго хлѣба для освященія въ церковь?
829. Не соблюдается-ли обычай (гдѣ существуютъ церковныя братства) собирать въ этотъ день братскій сборъ, а на другой день заказывать братскую обѣдню?
830. Описать устройство церковныхъ братствъ, ихъ исторію, задачи.
831. Нѣтъ-ли обычая у жницъ кататься въ этотъ день по жнитву, чтобы прибыло силы, и не произносятся-ли при этомъ какія нибудь слова?
832. **16-го.** Не исполняются-ли какіе нибудь обряды въ день третьяго Спаса?
833. Не приносятъ-ли въ этотъ день въ церковь горохъ и не называется-ли этотъ день гороховымъ Спасомъ?
834. Какіе еще Спасы бываютъ?
835. Не молятся - ли и не служатъ ли молебновъ Ѳеодоровской иконѣ Божіей Матери 16-го авг. объ освобожденіи женъ отъ труднаго рожденія?
836. **18-го.** Не называютъ-ли день свв. Флора и Лавра лошадинымъ праздникомъ?
837. Не называютъ-ли этихъ угодниковъ лошадиными богами?
838. Не считается-ли грѣхомъ работать въ этотъ день на лошадяхъ, и работа на нихъ не наказывается-ли конскимъ падежомъ?
839. Не купаютъ-ли въ этотъ день лошадей, не вплетаютъ-ли имъ ленты въ гривы, не приводятъ ли къ церкви служить надъ ними молебствіе съ водосвятіемъ и окропить ихъ святою водою?
840. Не окуриваютъ-ли лошадей ладономъ (у раскольниковъ)?
841. Не пекутъ-ли хлѣбъ съ изображеніемъ на немъ конскаго копыта и не передаютъ ли такой хлѣбъ священнику?
842. **28-го.** Не считается-ли преподобный Моисей Муринъ цѣлителемъ отъ запоя?
843. **29-го.** Строго-ли соблюдается постъ въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи?
844. Не даютъ-ли какого другого названія этому празднику?
845. Не грѣхъ-ли въ этотъ день брать въ руки все острое: ножъ, косарь, топоръ и т. п.?
846. Не грѣхъ-ли рѣзать и ѣсть все круглое: яблоки, кортофель, капусту и даже щи изъ нея и т. п.?
847. Чѣмъ наказывается этотъ грѣхъ?
848. Нѣтъ-ли повѣрья, что ежели въ этотъ день срѣзать кочанъ капусты, то на ней покажется кровь?
849. Не считается-ли Іоаннъ Креститель цѣлителемъ головной болѣзни?

Сентябрь.

850. **1-го.** Симеона Столпника. Не вытираютъ-ли изъ дерева новый огонь въ этотъ день?
851. Существуетъ-ли обычай на канунѣ Семенова дня гасить въ избахъ огонь, а на утро вздувать его при помощи знахарокъ?
852. Какое названіе даютъ этому празднику?
853. Нѣтъ-ли обычая «женить свѣчку» (такъ какъ съ началомъ осени много приходится работать при свѣчѣ).
854. Не считаются-ли счастливымъ переходъ въ этотъ день изъ стараго дома въ новый?
855. Не бываетъ-ли въ этотъ день пострига дѣтей?
856. Нѣтъ-ли разсказовъ о существованіи этого обычая въ прежнее время? (По разсказамъ, въ г. Угличѣ, напр., на людской еще памяти приводили дѣтей въ соборъ для пострига).
857. Какія еще примѣты и суевѣрья относятся къ этому дню?
858. Нѣтъ-ли повѣрья, что въ этотъ день чертъ мѣрою мѣряетъ воробьевъ, откладывая извѣстное ихъ количество въ свою пользу?

859. 2-го. Не называютъ-ли св. Мамонта Мамонтіемъ Овчарникомъ, и не считаютъ-ли его покровителемъ овецъ и козъ?

860. 4-го. Не считаютъ-ли Богородицу Неопалимую купину охранительницею отъ пожаровъ и молніи?

861. Не существуетъ-ли обычая ходить вокругъ пожара съ образомъ Неопалимой купины для того, чтобы прекратить пожаръ, въ особенности происшедшій отъ молніи?

862. Не считается-ли вобще Дѣва Марія распорядительницей грома и не называется ли она Громницей?

863. 8-го, Рождество Богородицы. Нѣтъ-ли для этого дня особаго названія, обычаевъ, примѣтъ, повѣрій?

864. 14-го, Воздвиженіе. Какія повѣрья, примѣты соединяются съ этимъ днемъ (напр. о переселеніи птицъ и гадюкъ въ теплые края, въ вырей)?

865. Строго-ли соблюдается постъ на Воздвиженіе, и чѣмъ грозитъ несоблюденіе его?

866. Нѣтъ-ли повѣрья, что на Воздвиженіе змѣи уходятъ въ свои норы, но тѣ, которыя кого-нибудь укусили, остаются мерзнуть?

867. 15-го. Не считается-ли св. Никита исцѣлителемъ дѣтей отъ родимца?

868. 24-го. Какой обычай и какія повѣрья связаны съ днемъ Ѳеклы заревницы?

869. 25-го. Не считается-ли преподобный Сергій Родонежскій хранителемъ куръ?

870. 26-го. Не обращаются-ли къ Іоанну Богослову съ молитвою о помощи въ иконномъ письмѣ?

871. Не остерегаются-ли ѣсть въ этотъ день лукъ, во избѣжаніе чирьевъ?

Октябрь.

872 1-го. Не считается-ли праздникъ Покрова покровителемъ свадебъ, и не молятъ ли дѣвушки въ этотъ день о скорѣйшемъ выходѣ замужъ?

873. Какія гаданья и примѣты относятся къ этому дню?

874. Не считаютъ-ли дѣвушки необходимымъ быть въ этотъ день въ церкви и поставить свѣчу передъ образомъ Покрова Богородицы?

875. Молитва передъ церковью съ престоломъ во имя Покрова Богородицы не считается-ли способствующею къ выходу замужъ?

876. Не вѣрятъ-ли, что если дѣвушка проведетъ этотъ день весело, то найдетъ жениха?

877. 2-го. Не считаютъ-ли св. Кипріана и св. Іустину избавителями отъ нечистой силы?

878. 12-го. Не считаютъ-ли мельники день св. Мартина осенняго (весенній бываетъ 14 апр.) своимъ праздникомъ и не устраиваютъ-ли они угощеній на жерновѣ?

879. 16 го. Не почитается-ли св. Лонгинъ Сотникъ цѣлителемъ глазной болѣзни?

880. 18-го. Не почитается-ли евангелистъ Лука наставникомъ иконной живописи, а св. Юліанъ хранителемъ малыхъ дѣтей?

881. 19-го. Не молятся-ли св. Садоку объ избавленіи отъ напрасной смерти, и что разумѣется подъ напрасной смертью?

882. 20-го. Не считается-ли св. Артемій избавителемъ отъ грыжи?

883. 26-го. Какъ называется суббота передъ днемъ св. Дмитрія Солунскаго: Дмитріевой Поминальной, Родительской, Дѣдовой, или еще иначе?

884. Какіе обряды существуютъ въ Дмитріевъ день и наканунѣ?

885. Не пекутъ-ли въ день Дмитрія Мироточиваго круглики (круглые хлѣбы)? Какое значеніе они имѣютъ?

886. Нѣтъ-ли особыхъ кушаньевъ, приготовляемыхъ въ этотъ день?

887. Не происходитъ-ли ѣда и питіе на самыхъ могилахъ, и не вѣрятъ-ли, что покойники раздѣляютъ трапезу съ живыми?

888. Причитаютъ-ли на могилахъ, и какія бываютъ причитанія?

889. Не считается-ли грѣхомъ не быть въ этотъ день на могилахъ?

890. Не соблюдается-ли обычай сватать дѣвушекъ только до Дмитріева дня и почему?

891. Не называется-ли первая суббота, слѣдующая за Дмитріевой, второй Дмитріевой, сулѣниками или иначе, и не совершаются-ли въ этотъ день какіе-нибудь обряды?

892. 28 го. Не придается-ли св. Параскевѣ, кромѣ названія Пятницы, названіе Льняницы?

893. Какъ объясняется имя Прасковьи-Пятницы?

894. Понимается-ли подъ нимъ одна святая, или двѣ?

895. Въ какой связи находятся онѣ съ Покровомъ?

896. Какія повѣрья, гаданья, примѣты и обычаи относятся къ дню Параскевы-Пятницы?

897. Не признается-ли св. Параскева покровительницей полей и скота, охранительницей отъ падежа и коровьей смерти, цѣлительницей недуговъ, защитницей отъ нечистаго духа и покровительницей брака и торговли?

898. Не приносятъ-ли въ день Параскевы-Пятницы въ церковь плоды и отрепанную первину льна, и не привѣшивается-ли этотъ ленъ къ образу?

899. Не носятъ-ли на шеѣ бумажку съ молитвою св. Параскевѣ-Пятницѣ, какъ предохранительное средство отъ разныхъ болѣзней?

900. Не привязываютъ-ли такія молитвы къ головѣ для исцѣленія головной боли?

901. Не считаютъ-ли грѣхомъ прясть въ пятницу, боясь веретеномъ нанести раны св. Параскевѣ?

902. Нѣтъ-ли разсказовъ о явленіи Параскевы-Пятницы тѣмъ, которыя пряли по пятницамъ? Въ какомъ видѣ, зачѣмъ она является?

903. Не считается-ли грѣхомъ пахать въ пятницу?

904. Не считается-ли большимъ грѣхомъ варить въ пятницу щелокъ, стирать бѣлье, выносить изъ печи золу?

905. Чѣмъ наказывается непочитаніе пятницы?

906. Какія пятницы въ году особенно почитаются и съ какою цѣлью празднуются?

907. Извѣстна-ли легенда о 12-ти пятницахъ?

908. Нѣтъ-ли рукописныхъ текстовъ легенды?

909. **29-го.** Не считаются-ли св. Авраамій и св. Анастасія покровителями овецъ и не называются-ли они овчаромъ и овечницею или стригольницею?

910. Не вѣрятъ-ли, что одна только св. Анастасія можетъ избавлять овецъ отъ волковъ и отъ болѣзней?

911. Не ставятъ-ли на деревѣ около того мѣста, гдѣ пасутся овцы, икону св. Анастасіи?

912. Не называется-ли день св. Анастасіи овечьимъ праздникомъ?

913. Нѣтъ-ли разсказовъ о явленіи св. Анастасіи или св. Недѣли (анастасія съ греческ.—воскресеніе) вмѣстѣ съ Прасковьей-Пятницей?

914. Нѣтъ-ли повѣрья, что св. Анастасія наказываетъ непочитающихъ воскресенія?

Ноябрь.

915. **1-го.** Какъ представляетъ себѣ народъ Косьму и Даміана?

916. Чему они покровительствуютъ?

917. Какія повѣрья, гаданья, примѣты соединяются съ ихъ днемъ?

918. Не молятся-ли свв. Косьмѣ и Даміану о помощи въ книжномъ ученіи?

919. Не считаются-ли эти угодники покровителями куръ?

920. Не считаютъ-ли кузнецы своими покровителями этихъ угодниковъ и не признаютъ-ли грѣхомъ работать въ день ихъ памяти?

921. Не считаются-ли свв. Косьма и Даміанъ покровителями свадебъ?

922. **8-го.** Какіе обычаи, примѣты относятся къ дню Михаила Архангела?

923. **11-го** Не служатъ-ли молебствій святымъ Минѣ, Виктору и Викентію о возвращеніи украденнаго или пропавшихъ животныхъ?

924. Не считается-ли святой Мина цѣлителемъ глазныхъ болѣзней?

925. **14-го.** Начинающійся послѣ Филиппова дня Рождественскій постъ не называется-ли карачунскимъ или карачуномъ?

926. Какъ проводятся «филиповки»? Бываютъ-ли супрядки, посидѣлки? Какъ онѣ устраиваются?

927. Какія пѣсни, игры, загадки, гаданья, разсказы, сказки относятся къ посидѣлкамъ?

928. **15-го.** Не считаютъ-ли жены, терпящія отъ мужей, своими заступниками и покровителями святыхъ мучениковъ Гурія, Симона и Авива?

929. Не служатъ-ли онѣ молебствій этимъ угодникамъ въ случаѣ жестокаго обращенія мужей?

930. **21-го,** Введеніе во храмъ. Какіе обычаи, примѣты и гаданья относятся къ этому дню?

931. Не пекутъ-ли особыхъ хлѣбцевъ для коровъ?

932. Не освящаютъ-ли какихъ-нибудь огородныхъ овощей (моркови, хрѣну)?

933. **23-го.** Не считаютъ-ли св. Митрофанія Воронежскаго цѣлителемъ страдающихъ отъ болѣзни ногъ?

934. **24-го.** Не считается-ли св. Екатерина помощницею при трудныхъ родахъ и покровительницей свадебъ?

935. Не читаютъ-ли ея житіе и не постятся-ли въ день ея памяти дѣвушки, желающія выйдти поскорѣе замужъ?

936. Какія гаданья устраиваются въ этотъ день?

937. Какая при этомъ наблюдается связь между днемъ св. Екатерины и днемъ св. Андрея (30 ноября).

938. Нѣтъ-ли особаго гаданья на этотъ день съ молитвою св. Екатеринѣ показать жениха?

939. Не называется-ли св. Екатерина женодавицею?

940. **26-го.** Не соблюдаются-ли какіе-нибудь обряды въ день памяти св. Георгія (осенній Юрьевъ день)?

941. **27-го.** Не молятся-ли особенно святому Роману чудотворцу о разрѣшеніи безплодія и безчадія?

942. **30-го.** Не считается-ли Андрей Первозванный покровителемъ свадебъ?

943. Не постятся-ли наканунѣ или въ самый день св. Андрея дѣвушки, желающія выйдти замужъ, и не молятся-ли ему о дарованіи хорошихъ жениховъ?

944. Какія гаданія относятся къ этому дню?

Декабрь.

945. **1-го.** Не называется-ли пророкъ Наумъ грамотникомъ и не почитается-ли онъ помощникомъ въ умственныхъ занятіяхъ, въ ученіи?

946. Не считаютъ-ли, что въ этотъ день всего лучше начинать учить дѣтей грамотѣ?

947. Какіе обычаи, повѣрья и примѣты съ этимъ соединяются?

948. **4-го.** Не почитается-ли св. великомуч. Варвара хранительницею отъ внезапной смерти безъ покаянія?

949. Не празднуютъ-ли этотъ день для того, чтобы дѣти и скотъ не падали въ проруби, полыньи и вообще въ воду?
950. Не пекутъ-ли маковыхъ или медовыхъ пирожковъ и съ какою цѣлью?
951. 6-го. Какія легенды существуютъ о святителѣ Николаѣ?
952. Чѣмъ выражается особое уваженіе къ этому святителю?
953. Не празднуется-ли канунъ Николина дня какъ день «Николина батьки»?
954. 9-го. Не празднуется-ли беременными женщинами день зачатія св. Анны?
955. Какое значеніе имѣетъ этотъ день для пчеловодовъ?
956. Не постятся-ли они въ этотъ день и для чего?
957. 12-го. Не называется-ли препод. Спиридонъ солноворотомъ?
958. Не вѣрятъ-ли, что св. Спиридонъ самъ поворачиваетъ солнце на лѣто и наблюдаетъ, чтобы оно не скрылось отъ людей?
959. 18-го. Св. Модестъ не считается-ли хранителемъ скота?
960. 19-го. Св. Вонифатій не считается-ли цѣлителемъ отъ запоя?
961. 23-го. Преподобный Нифонтъ не почитается-ли заступникомъ отъ козней и навожденій нечистаго духа?
962. 24-го. Какъ называется этотъ день?
963. Строго-ли соблюдается постъ до появленія звѣзды въ сочельникъ?
964. Не соблюдаются-ли въ этотъ день какіе-нибудь обряды?
965. Какъ устраивается кутья: составъ кушаній, порядокъ вечерней трапезы съ относящимися къ этому примѣтами и гаданьями, обстановка?
966. 25-го. Не вѣрятъ-ли, что въ день Рождества Христова играетъ солнце?
967. Какія кушанья ѣдятъ въ этотъ день?
968. Какія повѣрья, примѣты, гаданья относятся къ дню Рождества Христова?
969. Нѣтъ-ли повѣрья, что ежели въ этотъ день надѣть чистую рубашку, то не будетъ урожая?
970. Какіе обряды и обычаи соблюдаются въ этотъ день?
971. Есть-ли обычай колядованія и въ чемъ онъ состоитъ?
972. Употребляютъ-ли при колядованіи звѣзду?
973. Извѣстенъ-ли «вертепъ» (ручной театръ, изображающій при помощи куколокъ Рождество, избіеніе младенцевъ и т. д.)?
974. Не носитъ-ли онъ другого названія? Описать его устройство и дающіяся въ немъ представленія съ музыкой и пѣснями.
975. Рядятся-ли? Ходятъ-ли съ козою и т. п.?
976. 26-го. Не соблюдаются-ли какіе-нибудь обряды въ день собора Пресвятыя Богородицы?
977. Нѣтъ-ли обычая ходить въ этотъ день къ родственникамъ съ пирогами въ честь родившей Богородицы?
978. Не считается-ли прор. Давидъ (26 дек.) укротителемъ гнѣва, особенно начальствующихъ лицъ?
979. 31-го. Не имѣетъ-ли канунъ Новаго года особаго названія?
980. Какіе соблюдаются обычаи на канунѣ Новаго года (Маланьинъ день)?
981. Зажигаются-ли огни и прыгаютъ-ли черезъ огонь?
982. Рядятся-ли и какъ?
983. Есть-ли обычай щедрованія? Записать пѣсни.
984. Какія повѣрья, гаданья и примѣты относятся къ кануну Новаго года?

Мясопустъ.

985. Не считается-ли пестрая недѣля (мясопустная) несчастливымъ временемъ, особенно для вступающихъ въ бракъ?
986. Нѣтъ-ли особыхъ обычаевъ и примѣтъ въ день мясныхъ заговинъ?
987. Считается-ли обязательнымъ прекращать съ днемъ заговинъ употребленіе мясного, или же мясная пища допускается и на масляницу?
988. Нѣтъ-ли легендъ, объясняющихъ причину установленія пестрой недѣли?
989. Какія еще названія даются этой недѣлѣ?

Масляница.

990. Не носятъ-ли дни масляницы (сыропустной недѣли) особыхъ названій?
991. Какіе существуютъ масляничные обычаи, обряды, игры, увеселенія, пѣсни?
992. Есть-ли обычаи или обряды спеціально женскіе?
993. Не называются-ли послѣдніе дни масляницы прощальными, или это имя дается одному только послѣднему дню?
994. Строго-ли соблюдается обычай прощанія, испрашиванія другъ у друга отпущенія грѣховъ?
995. Не существуетъ-ли обычая ходить въ послѣдніе дни масляницы на кладбище прощаться съ покойниками?
996. Не считается-ли грѣхомъ работать, и въ особенности шить, въ послѣдній день масляницы, а также убивать насѣкомыхъ (искать въ головѣ)?
997. Не наказывается-ли какимъ-либо особымъ несчастьемъ совершающій этотъ грѣхъ?

998. Распространенъ-ли обычай катанья на масляницѣ и какъ онъ называется?

999. Не стараются-ли объѣзжать на масляницѣ молодыхъ лошадей и бычковъ, чтобы они были жирны?

1000. Существуетъ-ли обычай на масляницѣ или по окончаніи ея прицѣплять колодку, и кому именно? Описать подробно этотъ обычай и самую колодку (можно доставить ея рисунокъ, модель или подлинникъ), а также отмѣтить народное объясненіе этого обычая.

1001. Какія существуютъ въ народѣ легенды о причинѣ установленія масляницы?

Великій постъ.

1002. Не носятъ-ли *1-я недѣля* великаго поста и ея дни особыхъ названій?

1003. Не существуетъ-ли особыхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ теченіе этой недѣли?

1004. Нѣтъ-ли обычая полоскать ротъ въ первый день великаго поста, чтобы не осталось во рту ничего скоромнаго?

1005. Нѣтъ-ли особыхъ суевѣрій и обычаевъ, относящихся къ пасхальной исповѣди и причастію?

1006. Не соблюдаются-ли въ теченіе *Крестопоклонной недѣли* какіе либо обряды и особенно въ середу (середина поста)?

1007. Не пекутъ-ли въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста кресты изъ муки или другой хлѣбъ? Какъ его называютъ?

1008. Не пекутъ-ли сохъ, боронъ, серповъ и т. п.?

1008 а. Какое значеніе придается этимъ хлѣбамъ?

1009. Не называется-ли середа *5-й недѣли* великаго поста Андреевымъ стояніемъ, Андреевымъ достояніемъ, поклонами или другимъ именемъ?

1010 .Не молятся-ли въ этотъ день дѣвицы св. Андрею о дарованіи хорошихъ жениховъ?

1012. Не носитъ-ли *Вербная* недѣля еще другихъ названій?

1013. Не совершаются-ли какіе-нибудь обряды на этой недѣлѣ, особенно въ субботу?

1014. Нѣтъ-ли обычая въ Вербное воскресенье печь особый родъ хлѣба «катушки» и, окропивъ Богоявленской водой, давать ѣсть скоту?

1015. Какое значеніе придается вербѣ, освященной въ церкви въ Вербное воскресенье?

1016. Стегаютъ-ли святой вербой скотъ, а также другъ друга, особенно больныхъ? что приговариваютъ?

1017. Не носятъ-ли особыхъ названій *Страстная* недѣля и ея отдѣльные дни?

1018. Не соблюдается-ли въ теченіе ея какихъ-либо обрядовъ?

1019. Какихъ работъ избѣгаютъ, начиная съ великаго четверга до святой или дальше, и почему?

1020. Нѣтъ-ли повѣрья, что прясть въ это время нельзя, иначе у скота будетъ идти слюна, а пряжа при тканьѣ будетъ рваться?

Святая недѣля.

1021. Какое названіе и значеніе дается первому дню Пасхи?

1022. Не существуетъ-ли вѣрованія, что съ перваго дня Пасхи до Вознесенія по землѣ странствуетъ Христосъ и апостолы въ нищенскихъ рубищахъ для испытанія людского милосердія, награжденія добрыхъ и наказанія злыхъ?

1023. Не существуетъ-ли вѣрованія, что въ праздникъ Пасхи открывается свѣтлый рай, и что всѣ умирающіе въ это время переходятъ туда безпрепятственно?

1024. Не существуетъ-ли вѣрованія, что въ Свѣтлое Воскресеніе играетъ солнце?

1025. Какіе обряды и обычаи соблюдаются во время Пасхи?

1026. Какое значеніе придается красному яйцу, особенно освященному? Не имѣетъ-ли оно цѣлительной силы?

1027. Существуетъ-ли обычай расписывать пасхальныя яйца? Какимъ образомъ это дѣлается?

1028. Какіе узоры или изображенія употребительны при этомъ. (Собрать образцы узоровъ съ ихъ мѣстными названіями)?

1029. Какія вещества употребляются для окраски яицъ?

1030. До какого срока продолжаютъ красить яйца?

1031. Нѣтъ-ли обычая сохранятъ пасхальныя яйца до весенняго Юрья, закапывая ихъ въ землю? съ какою цѣлью?

1032. Сохраняютъ-ли яйца до слѣдующаго Воскресенія или въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и какое значеніе имъ придается?

1033. Не сохраняютъ ли однѣ скорлупы отъ расписныхъ или крашенныхъ яицъ? какъ ихъ выпотрашиваютъ для этого?

1034. Не умываются-ли на счастіе водою съ краснаго яйца?

1035. Не обносятъ-ли во время пожара вокругъ горящаго зданія красное яйцо?

1036. Не гладятъ-ли воскресенскимъ яйцомъ скотъ, особенно лошадей, чтобы онѣ были здоровы?

1037. Яйцо это, кинутое въ огонь, не тушитъ-ли пожара, особенно отъ грозы?

1038. Не ходятъ-ли христосоваться съ покойниками и не относятъ-ли имъ на кладбища красныя яйца?

1039. Нѣтъ-ли на этотъ случай особыхъ причитаній?

1040. Не ставятъ-ли на праздникъ Пасхи на столъ кадку съ зернами ржи, въ которыя зарываютъ красное яйцо, и не берегутъ-ли эти зерна для посѣва?

1041. Не ходятъ-ли бабы въ свѣтлое Христово Воскресенье звонить, чтобы ленъ у нихъ выросъ высокъ, или съ какою-нибудь иною цѣлью?

1042. Не сохраняютъ-ли кости отъ пасхальнаго стола?

1043. Не зарываютъ-ли ихъ на пашняхъ, чтобы сохранить посѣянное отъ града? не посыпаютъ-ли огороды, особенно разсадники, пепломъ отъ сожженныхъ костей?

1044. Не бросаютъ-ли эти кости въ огонь во время грозъ, чтобы отвратить ударъ грома?

1045. Не существуетъ-ли обычая обливать въ праздникъ свѣтлаго Воскресенія молодыхъ людей и дѣвицъ водой, особенно тѣхъ, которые не были на заутрени?

1046. Распространенъ-ли обычай качаться на качеляхъ?

1047. Не соединяютъ-ли съ этимъ воспоминанія о повѣсившемся Іудѣ?

1048. Не имѣютъ-ли особыхъ названій остальные дни свѣтлой недѣли, кромѣ перваго?

1049. Не называется-ли середа свѣтлой недѣли «градовою» и не празднуется-ли она въ отвращеніе градобитія?

1050. Какія еще середы въ году особенно почитаются?

1051. Не называютъ-ли четвергъ на святой «навскимъ великоднемъ» (пасхою покойниковъ)?

Ѳомина недѣля.

1052. Не называется-ли Ѳомина недѣля проводами, проводной недѣлей, радуницей, красной горкой, новой недѣлей, могилками, родительской, поминальной недѣлей?

1053. Какъ и когда именно празднуется Красная горка?

1054. Существуетъ-ли обрядъ вьюнишника и въ чемъ онъ состоитъ?

1055. Нѣтъ-ли повѣрья, что весна возвращается съ Красной горки? Гдѣ эта горка находится?

1056. Какія еще существуютъ названія Красной горки (поклонная, крутица и пр.)?

1057. Какое значеніе имѣетъ празднованіе Красной горки для свадебъ (знакомство парней съ дѣвушками, помолвка и пр.)?

1058. Сколько времени продолжается празднованіе Красной горки?

1059. Какъ долго и какъ именно праздновалась она по разсказамъ въ прежнее время?

1060. Въ какой связи находится празднованіе Красной горки съ поминаніемъ усопшихъ?

1061. Когда справляется радуница и какъ именно?

1062. Относящіеся сюда обряды, причеты, пѣсни, родъ и количество кушаньевъ, участіе духовенства и т. д.

1063. Какія извѣстны другія названія, радуницы и какъ они объясняются?

1064. Не выходятъ-ли въ понедѣльникъ или въ другой день Ѳоминой недѣли на кладбище христосоваться съ усопшими, и не существуетъ-ли вѣрованія, что мертвые отвѣчаютъ на привѣты живыхъ?

1065. Съ какими именно словами обращаются къ покойникамъ?

1066. Не ѣдятъ-ли на могилахъ въ увѣренности, что и покойники невидимо присутствуютъ при трапезѣ?

1067. Не оставляютъ-ли по уходѣ съ кладбища яства и питія, вѣруя, что по уходѣ поминающихъ всѣмъ этимъ воспользуются умершіе?

Недѣля Мироносицъ.

1068. Не называется-ли 3-я недѣля послѣ Пасхи бабьимъ праздникомъ или иначе? не соблюдается ли какихъ либо особыхъ обрядовъ въ эту недѣлю?

1069. Не соблюдаются-ли какіе нибудь особые обряды въ праздникъ Преполовенія Пятидесятницы (среда на 3-й нед. по Пасхѣ)?

Вознесеніе.

1070. Не пекутъ-ли въ праздникъ Вознесенія лѣстницъ? (пироги съ перекладинами сверху)?

1071. Чѣмъ объясняется этотъ обычай? не тѣмъ-ли, что І. Христосъ восходитъ по нимъ на небо?

1072. Не ходятъ ли съ лѣстницами въ поле?

1073. Какіе при этомъ соблюдаются обряды?

Недѣля св. Отецъ.

1074. Недѣля передъ Троицею не называется ли Русальскою или другимъ именемъ?

1075. Не выходятъ-ли, по народному повѣрью, русалки въ эту недѣлю изъ своихъ подводныхъ жилищъ?

1076. Какія вообще существуютъ вѣрованья въ русалокъ?

1077. Какіе извѣстны русальные обряды и обычаи? Когда они совершаются?

1078. Какой видъ имѣютъ русалки, гдѣ онѣ живутъ и откуда онѣ происходятъ?

1079. Не обращаются-ли въ русалокъ души некрещеныхъ младенцевъ, дѣвушки, проклятыя родителями, и утопленницы?

1080. Не выходятъ-ли русалки изъ воды расчесывать намокнувшіе волосы и привлекать прохожихъ, которыхъ онѣ увлекаютъ въ воду или защекочиваютъ до смерти?

1081. Не видалъ-ли кто русалокъ?

1082. Какіе объ нихъ ходятъ разсказы?

1083. *Семикъ* (четвергъ въ недѣлю святыхъ Отецъ) не имѣетъ-ли еще другого названія?

1084. Какіе обряды совершаются въ этотъ день?

1085. Не завиваютъ-ли въ этотъ день березку и не вѣрятъ-ли, что если завитокъ не завянетъ до дня Пятидесятницы, то тотъ, на кого онъ завитъ, проживетъ годъ, а дѣвушка выйдетъ замужъ?

1086. Бываетъ-ли завиванье вѣнковъ? когда именно? въ чемъ оно состоитъ? кто въ немъ участвуетъ?

1087. Какими пѣснями и пляскою оно сопровождается?

Троица.

1088. Недѣля Пятидесятницы не называется-ли Русальской или другимъ именемъ?

1089. Какіе обряды соблюдаются въ Троицынъ день?

1090. Не сохраняются-ли цвѣты, приносимые въ этотъ день въ церковь, какъ святыня и лѣкарственное средство противъ разныхъ болѣзней?

1091. Нѣтъ-ли обычая плакать, т. е. оросить слезами каждый цвѣтокъ изъ тѣхъ, которые держатъ въ рукахъ въ Троицынъ день во время чтенія молитвъ послѣ обѣдни?

1092. Чѣмъ это объясняется?

1093. Нѣтъ-ли обычая приносить въ церковь вѣтки березъ вмѣсто цвѣтовъ и необходимо-ли имѣть березу въ рукахъ въ этотъ день?

1094. Не соблюдаются-ли какіе нибудь обряды въ Духовъ день?

1095. Не считается-ли грѣхомъ пахать, боронить, копать, вбивать въ землю колья въ Духовъ день, такъ какъ въ этотъ день земля именинница?

1096. Не считается-ли Троицынъ или Духовъ день пастушьимъ праздникомъ?

1097. Не празднуется-ли *9-й четвергъ* послѣ Пасхи и почему?

1098. Какъ называется этотъ праздникъ?

1099. Не освящаютъ-ли въ этотъ день травы? какія въ особенности и зачѣмъ?

1100. Какіе еще четверги въ году особенно почитаются народомъ и какое имъ дается названіе и значеніе?

1101. Что такое *бабье лѣто?* когда оно бываетъ и почему такъ называется?

1102. Нѣтъ-ли особыхъ обычаевъ, относящихся къ проводамъ лѣта?

1103. Къ какому времени пріурочиваются эти проводы (напр. къ дню Симеона Столпника или вообще между 1—8 сент.)?

1104. Существуютъ-ли торжественныя похороны мухъ, таракановъ и т. п.?

1105. Существуетъ-ли обычай варенья пива для проводъ лѣта?

1106. Есть-ли особыя пѣсни на этотъ случай?

IX. Языкъ, письмо, искусства.

1. Если изслѣдователь не въ состояніи хорошо изучить языкъ изучаемаго племени, то онъ можетъ все таки сообщить нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія объ языкѣ, если будетъ придерживаться слѣдующихъ указаній:

а) Записывать слова и фразы правильной транскрипціей, т. е. такъ, чтобы всѣ звуки рѣчи были по возможности точно выражены, какъ они произносятся. Если языкъ принадлежитъ къ числу такихъ, для которыхъ транскрипція уже установлена, то держаться этой транскрипціи или объяснять свои отступленія отъ нея.

б) Если языкъ мало извѣстенъ, то выражать его звуки русскими или латинскими буквами, добавляя къ русской или латинской азбукѣ новыя буквы (или пользуясь ближайшими по звукамъ буквами, но сопровождая ихъ какими нибудь значками) и указывая, какой именно звукъ выражается той или другой буквой.

2. Для того, чтобы дать понятіе о языкѣ, важно обратить вниманіе на словарь и грамматику.

а) Для первой цѣли слѣдуетъ составить точный списокъ самыхъ употребительныхъ словъ, какъ-то: 1) названія членовъ семьи, 2) животныхъ, 3) растеній, 4) предметовъ и явленій природы (камней, физич. явленій, вѣтровъ, свѣтилъ и пр.), 5) частей жилищъ, орудій, посуды, одежды, 6) именъ прилагательныхъ, 7) именъ числительныхъ, 8) мѣстоименій, 9) главныхъ глаголовъ, 10) нарѣчій, 11) предлоговъ, 12) союзовъ, 13) междометій.

б) Для цѣлей грамматическихъ слѣдуетъ покрайней мѣрѣ записать нѣсколько отдѣльныхъ предложеній, по которымъ можно было бы судить о склоненіи (падежахъ) и спряженіи (наклоненіяхъ, временахъ). Еще лучше записать цѣлый разсказъ съ подстрочнымъ переводомъ и объясненіемъ грамматическихъ формъ. Многосложныя слова слѣдуетъ сопровождать удареніями. При глаголахъ должны быть указаны: неопредѣленное наклоненіе, настоящее, будущее и прошедшее времена.

Изслѣдователь, хорошо знакомый съ языкомъ даннаго народа, можетъ обратить вниманіе на болѣе спеціальные вопросы.

3. Къ какому изъ извѣстныхъ семействъ языковъ относится языкъ описываемаго народа?

4. Распадается-ли языкъ на нарѣчія и говоры? на сколько и на какія?

Опредѣлить хоть приблизительно ихъ границы.

5. Существуетъ-ли спеціальный, условный языкъ дѣтей, дѣвушекъ, пастуховъ, охотниковъ, воровъ и т. п.?

6. Какія спеціальныя слова и выраженія употребляются при обращеніи къ животнымъ, чтобы ихъ призвать или прогнать, остановить, направить въ ту или другую сторону?

7. Существуютъ-ли знаки для письма, счета?

8. Какіе знаки употребляются безграмотными вмѣсто письма и какъ они называются?

9. Какіе знаки, мѣтки, клейма, тавра (на скотѣ, домашней утвари, земельныхъ участкахъ и т. д.) употребляются для обозначенія собственности и какъ они называются?

10. Составляетъ-ли извѣстный значекъ постоянную принадлежность одной семьи, рода? Что дѣлается съ семейнымъ знакомъ при раздѣлѣ семьи?

11. Развито-ли умѣнье рисовать, вырѣзывать, лѣпить или какія нибудь графическія или пластическія искусства?

X. Народная словесность.

1. Какія извѣстны произведенія народной словесности?

Примѣчаніе. О нѣкоторыхъ произведеніяхъ народной словесности упомянуто уже раньше въ программѣ по поводу разныхъ обычаевъ и обрядовъ. Весьма желательно, чтобы изслѣдователь включалъ пѣсни, плачи, причеты и т. п. въ самыя описанія обрядовъ въ надлежащихъ мѣстахъ; если же изслѣдователь пожелаетъ ограничиться записываніемъ текстовъ безъ описанія обрядовъ, то онъ можетъ руководствоваться предложенными здѣсь вопросами при группировкѣ своего матерьяла.

2. Есть ли пѣсни и сказанія о богатыряхъ?

3. Существуютъ-ли преданія историческія?

4. Какія извѣстны мѣстныя легенды?

5. Какіе извѣстны анекдоты и другія воспоминанія о разныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ, хотя и невполнѣ основанныя на дѣйствительности?

6. Существуютъ-ли сказки о людяхъ вообще?

7. Существуютъ-ли сказанія объ отдѣльныхъ животныхъ (звѣряхъ, птицахъ, насѣкомыхъ), какъ реальныхъ, такъ и фантастическихъ (драконы, василиски, черногаръ-птица, норка-звѣрь и т. п.)?

8. Извѣстны-ли заговоры, заклинанія?

9. Какія извѣстны молитвы и гимны?

10. Какіе духовные стихи и назидательныя пѣсни поются слѣпцами и нищими?

11. Какія извѣстны историческія пѣсни и думы?

12. Извѣстны-ли лирическія пѣсни?

13. Какія пѣсни сопровождаютъ празднества и религіозные обряды?

14. Извѣстны-ли пѣсни, сопровождающія рожденіе ребенка? Колыбельныя пѣсни?

15. Пѣсни свадебныя?

16. Погребальные и поминальные плачи?

17. Пѣсни, сопровождающія игры взрослыхъ и дѣтей?

18. Пѣсни рекрутскія, военныя?

19. Пѣсни пьяницкія, корчемныя, трактирныя?

20. Извѣстны-ли пѣсни, сопровождающія разные другіе случаи жизни, разные моменты годичныхъ занятій?

21. Нѣтъ-ли пѣсенъ сатирическихъ и юмористическихъ?

22. Какія употребительны шутки, остроты, скороговорки, безсмыслицы?

23. Извѣстны-ли загадки?

24. Существуютъ-ли пословицы и поговорки?

25. Откуда они болѣе всего распространяются? кѣмъ и когда особенно разсказываются или поются?

26. Существуютъ-ли спеціалисты для пѣнія пѣсенъ, сказыванія сказокъ, загадокъ и т. д.?

27. Какъ называютъ такихъ лицъ и какъ къ нимъ относятся?

28. Сообщить біографіи болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ съ указаніемъ ихъ репертуара и съ обозначеніемъ, откуда заимствованы ими тѣ или другія пѣсни, сказки и т. п.?

29. Указать насколько возможно исторію распространенія того или другого произведенія: давно-ли оно стало извѣстно въ данной мѣстности, кѣмъ занесено и откуда, какимъ измѣненіямъ оно подвергалось съ теченіемъ времени и т. д.?

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ

ОБЪ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ.

СОСТАВЛЕННАЯ

СЕКРЕТАРЕМЪ ОТДѢЛА ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ

Д. ч. М. Н. Харузинымъ

на основаніи доставленнаго въ Отдѣлъ Этнографіи матеріала гг. д. ч. Е. И. Якушкинымъ, н. ч. профессоромъ М. М. Ковалевскимъ, ч. о. К. А. Шапошниковымъ, д. ч. М. Н. Харузинымъ, ч. о. Н. Н. Харузинымъ, д. ч. П. С. Ефименко, П. А. Матвѣевымъ, П. А. Соколовскимъ, А. И. Кистяковской, И. Я. Лудмеромъ, проф. И. Я. Фойницкимъ и П. М. Дашкевичемъ.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, домъ Мараевой.
1887.

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ

ОБЪ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ.

Introduction

ВВЕДЕНІЕ:

А.

Отчетъ секретаря Отдѣла Этнографіи о порученномъ ему составленіи „Программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“.

Осенью 1886 года Предсѣдатель Отдѣла Этнографіи Вице-президентъ *Императорскаго* Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи П. Ч. Всев. Ѳ. Миллеръ оказалъ мнѣ честь лестнымъ порученіемъ составить для изданія Отдѣломъ Этнографіи программу для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ.

Будучи глубоко убѣжденъ, что выработка такой программы — требующая обширныхъ подготовительныхъ работъ, особенно затруднительныхъ вслѣдствіе разбросанности по періодическимъ изданіямъ громаднаго матеріала — не можетъ быть вполнѣ успѣшно выполнена однимъ лицомъ, я обратился отъ имени Отдѣла ко всѣмъ мнѣ извѣстнымъ лицамъ, занимающимся обычнымъ правомъ, съ просьбой оказать содѣйствіе въ предпріятіи Отдѣла путемъ присылки вопросныхъ пунктовъ, какіе они сочли-бы необходимымъ включить въ нашу программу, причемъ я отмѣтилъ тѣ стороны обычнаго права, на которыя особенно было-бы желательно имѣть подробные вопросы.

Откликнулись на это приглашеніе немногіе.

Однимъ изъ первыхъ откликнулся достопочтенный д. ч. Евг. Ив. Якушкинъ. Онъ прислалъ вопросные пункты, касающіеся разныхъ сторонъ права гражданскаго и уголовнаго, кромѣ того, за все время моихъ работъ, снабжалъ меня полезными указаніями и совѣтами и наконецъ любезно принялъ на себя нелегкій и невеселый трудъ просмотра программы по мѣрѣ ея печатанія, съ цѣлью дополненія ея всякій разъ какъ онъ сочтетъ это необходимымъ.

Поэтому долгомъ считаю выразить на первыхъ же строкахъ свою глубокую благодарность Е. И. Якушкину за ту помощь, которую онъ оказалъ мнѣ при выполненіи возложеннаго на меня порученія.

Не мало вопросныхъ пунктовъ, касающихся права брачнаго, сообщилъ товарищъ предсѣдателя Отдѣла Этнографіи н. ч. проф. М. М. Ковалевскій.

Ч. о. К. А. Шапошниковъ предоставилъ въ распоряженіе Отдѣла свою рукописную программу для собиранія свѣдѣній о союзѣ родовомъ и о союзѣ родственномъ. Огромное количество вопросовъ въ соотвѣтствующихъ Отдѣлахъ нашей программы принадлежитъ ему.

П. А. Матвѣевъ прислалъ разрѣшеніе пользоваться своей программой, помѣщенной въ VIII т. Зап. Императорскаго Рус. Геогр. Общества. Изъ этой программы мною взято и заимствовано множество вопросовъ для большинства отдѣловъ нашей программы.

Проф. И. Я. Фойницкій предоставилъ въ распоряженіе Отдѣла свою программу по обычному праву уголовному. Много вопросовъ изъ этой программы заимствовалъ А. Ф. Кистяковскій для 3-го изданія своей программы, вошедшаго нынѣ въ программу, издаваемую Отдѣломъ этнографіи.

Д. ч. П. С. Ефименко прислалъ свою рукописную программу по гражданскому и уголовному праву, выработанную имъ еще много лѣтъ тому назадъ и послужившую основой для программы П. А. Матвѣева, (см. Зап. Им. Рус. Геогр. Общ.: т. VIII, С.-Пб. 1878 г. предислов. къ прогр. по гражд. пр.: стр. 6), и для программы по уголовному праву А. Ф. Кистяковскаго (см. ниже: пред. къ 3-ему ея изд.). Не мало вопросовъ изъ этой же программы заимствовано и взято и мной.

П. С. Соколовскій прислалъ одинъ вопросный пунктъ, о дѣлежѣ земли при семейныхъ раздѣлахъ.

Л. И. Людмеръ прислалъ одинъ вопросъ: о судьбѣ подарковъ въ случаѣ неисполненія предбрачнаго договора.

П. М. Дашкевичъ снабжалъ меня неоднократно полезными указаніями.

Такимъ образомъ поставленная мною непремѣннымъ условіемъ для успѣшности вырабатыванія программы совмѣстная дѣятельность многихъ лицъ осуществилась къ сожалѣнію только отчасти.

Весь собранный указаннымъ путемъ матеріалъ я присоединилъ къ тѣмъ матеріаламъ для программы, которые собраны были мною лично на основаніи имѣющихся въ нашей литературѣ изслѣдованій по обычному праву и на основаніи собственныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ во время добыванія свѣдѣній среди народа.

Составленная такимъ способомъ програма обнимаетъ слѣдующія стороны быта: родовой союзъ; сословныя отношенія у инородцевъ; признаки бывшаго родоваго устройства, родственный союзъ. — Древнія формы брака и слѣды ихъ, современные бракъ и свадьба, разводъ и расходъ; вторичный бракъ; отношенія супруговъ (личн. и имуществ.).— Отношенія родителей и дѣтей (личн. и имущ.); семейная община; семейные дѣлежи при жизни отца; распоряженія на случай смерти; семейные дѣлежи по смерти отца (матери). Опека. — Права на имущества: общія начала, завладѣніе, кладъ, находка, трудъ, дареніе, мѣна, купля, давность; знаки собственности; сосѣдскія отношенія.— Договоры: ссуда; заемъ; наемъ; личный наемъ; наемъ пастуха; подрядъ; довѣренность; поклажа; Артели; Товарищества: супряги, коляды, складчины, ссыпки и т. п.—Помочи.

Для собиранія свѣдѣній объ обычномъ правѣ уголовномъ я счелъ за наиболѣе цѣлесообразное предложить Отдѣлу издать вновь, съ разрѣшенія наслѣдника литературной собственности покойнаго профессора А. Ф. Кистяковскаго, прекрасную его „Програму“, справедливо считающуюся лучшей въ нашей литературѣ и ставшую къ тому же въ настоящее время библіографической рѣдкостью.

Вдова покойнаго профессора А. И. Кистяковская предоставила въ распоряженіе Отдѣла подготовлявшееся покойнымъ супругомъ ея къ печати 3-е изданіе (значительно пополненное) этой „Програмы“, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы „Програма“, была перепечатана безъ измѣненія, а могущія быть добавленія къ ней были бы особо отмѣчаемы.

Къ „Програмѣ“ А. Ф. Кистяковскаго, вошедшей цѣликомъ въ програму издаваемую Отдѣломъ этнографіи, сдѣланы добавленія д. ч. Е. И. Якушкинымъ, ч. о. Н. Н. Харузинымъ и мною. Всѣ эти добавленія отмѣчены особымъ знакомъ *.

Наконецъ трудъ составленія програмы по обычному судоустройству и судопроизводству взялъ на себя д. ч. А. Н. Филиппов.

Пріятнымъ долгомъ считаю выразить здѣсь свою благодарность ч. о. Н. Н. Харузину, принимавшему дѣятельное участіе и въ приготовленіи къ изданію нашей програмы, и въ накопленіи самаго матеріала для нея: програма *объ артеляхъ* составлена почти всецѣло однимъ имъ.

Такъ какъ главная задача програмы заключалась въ постановкѣ вопросовъ, возможно полныхъ, возможно ясныхъ и возможно удобныхъ для отвѣтовъ, то соблюденіе *строгой* системы, при группировкѣ этихъ вопросовъ, мнѣ казалось дѣломъ и вообще не необходимымъ и даже могущимъ породить затрудненія и недоумѣнія въ собирателѣ, ближайшая цѣль коего состоитъ лишь въ доставленіи возможно полнаго сыраго матеріала. Вотъ почему въ главахъ програмы, которыя относятся къ области права гражданскаго, встрѣчаются вопросы изъ области уголовнаго права; вотъ почему иногда одни и тѣже вопросы повторены въ разныхъ главахъ; вотъ почему наконецъ въ главахъ „современный бракъ и свадьба“, „отношенія супруговъ“, „отношенія родителей и дѣтей“ и др. помѣщены многіе вопросы, взятые изъ програмы А. Ф. Кистяковскаго, хотя эти же самые вопросы, нужно было—въ виду исполненія вышеизложеннаго желанія А. И. Кистяковской—оставить и въ програмѣ по уголовному праву.

Хотя издаваемая програма является наиболѣе подробною изъ всѣхъ доселѣ имѣвшихся въ нашей литературѣ, тѣмъ не менѣе и въ ней есть значительные пробѣлы. Прежде всего опущены вовсе вопросные пункты, касающіеся сельской общины. Это сдѣлано нами лишь въ виду того, что вопросомъ этимъ совмѣстно, серьезно занялись два ученыхъ общества—Императорское Русское Географическое и Императорское Вольно-экономическое и выработанная ими „Програма для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ“ переиздается время отъ времени вновь съ дополненіями.— Затѣмъ предполагавшееся включеніе въ нашу програму вопросныхъ пунктовъ о крестьянскомъ самоуправленіи, объ обычномъ правѣ торговомъ, объ охотничьихъ обычаяхъ и болѣе подробные вопросы о товариществахъ, братствахъ и много др. за недостаткомъ матеріала пришлось отложить до 2-го изданія.

Просимъ всѣхъ принимающихъ къ сердцу дѣло изученія обычнаго права доставлять въ *Отдѣлъ Этнографіи Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ* всѣ добавленія, какія они считаютъ нужнымъ сдѣлать къ издаваемой програмѣ и которыя могли-бы быть включены во 2-ое ея изданія. Въ особенности просимъ объ этомъ жителей окраинъ нашихъ и вообще провинціи. Знакомые съ мѣстнымъ бытомъ они могутъ много содѣйствовать удачному выполненію трудной задачи составленія програмы по обычному праву въ особенности тѣмъ, что будутъ составлять и присылать въ Отдѣлъ или опубликовать сами такія програмы, которыя были-бы примѣнены къ бытовымъ условіямъ и особенностямъ той или иной мѣстности.

Потребность въ такихъ *мѣстныхъ* програмахъ является уже теперь крайне настоятельною. Сколь велика разница въ бытѣ жителей разныхъ мѣстъ Россіи, окажется очевиднымъ, если сравнить между собою даже чисто русскихъ крестьянъ, напримѣръ, сѣвернаго поморья, московской губерніи и Новороссіи, крестьянина-хлѣбопашца съ крестьяниномъ рыболовомъ и охотникомъ, великоросса съ малороссомъ и т. д., не говоря уже о многочисленныхъ инородцахъ Сибири, Кавказа, Балтійскаго поморья и т. п. Составленіе при такихъ условіяхъ общей для всей Россіи програмы должно въ результатѣ имѣть либо чрезмѣрную общность вопросовъ,—такъ что многія стороны жизни, обусловленныя мѣстными особенностями быта приходится почти игнорировать вовсе, либо—обремененіе програмы и затрудненіе собирателя множествомъ вопросовъ, которые взяты изъ обстановки совершенно чуждой той, среди которой послѣдній предполагаетъ производить свои наблюденія.

Чтобы удовлетворить новымъ потребностямъ, которыя тѣмъ все болѣе заявляютъ себя, чѣмъ обстоятельнѣе и глубже становится изученіе обычнаго права, програма для собиранія юридическихъ обычаевъ должна быть, какъ намъ кажется, впредь составлена не иначе какъ изъ ряда програмъ мѣстныхъ, выработанныхъ примѣнительно какъ къ племеннымъ особенностямъ обитателей Россіи,

такъ и къ отдѣльнымъ полосамъ Россіи обнимающимъ мѣстности, которыя имѣютъ общія типическія особенности быта.

Для удачнаго выполненія этой-то задачи и является столь важнымъ содѣйствіе лицъ близко знакомыхъ съ бытомъ отдѣльныхъ областей.

Изложивъ ходъ работы по составленію издаваемой Отдѣломъ Этнографіи Программы считаю необходимымъ прибавить еще нѣсколько словъ для желающихъ руководствоваться ею при собираніи свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ.

1. Отвѣты на нижеслѣдующую программу могутъ быть предметомъ статей либо выпускаемыхъ въ свѣтъ самимъ собирателемъ, либо присылаемыхъ имъ *въ Отдѣлъ Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ.* Въ послѣднемъ случаѣ однако Отдѣлъ не связываетъ себя какимъ либо обязательствомъ какъ относительно времени изданія, такъ и относительно того, что присланный матеріалъ будетъ непремѣнно изданъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доставленъ собирателемъ: возможно, что матеріалъ пролежитъ въ Отдѣлѣ болѣе или менѣе продолжительное время, пока не представится возможнымъ изданіе его; возможно и то, что всѣ присланныя отдѣльными лицами статьи будутъ Отдѣломъ переработаны въ общій сводъ и изданы въ видѣ одного цѣлаго, разумѣется съ точнымъ обозначеніемъ доли труда каждаго изъ участвовавшихъ въ накопленіи матеріала.

2. Собиратель не долженъ стѣсняться размѣромъ своихъ сообщеній: онъ нисколько не обязывается представить отвѣты на всю программу или на большую ея часть. Если наибольшая полнота свѣдѣній является весьма желательной, то съ другой стороны и всякій отдѣльный юридическій обычай, тщательно записанный, имѣетъ значеніе въ общемъ дѣлѣ изученія обычнаго права и будетъ принятъ съ благодарностью.

Но какъ-бы мало ни было число вопросовъ, на которые собраны отвѣты, собиратель непремѣнно, хотя вкратцѣ, долженъ отвѣтить на первые 6 вопросовъ программы (въ гл. „Общія замѣчанія“).

3. Издаваемая программа не претендуетъ нисколько предусмотрѣть всѣ возможные вопросы по тому или иному отдѣлу права. Поэтому, если собиратель натолкнется на какой-либо обычай, въ программѣ неупомянутый, или если онъ придумаетъ какой нибудь новый вопросъ, то пусть онъ не колеблясь занесетъ собранныя имъ этимъ путемъ свѣдѣнія въ свое сообщеніе.

4. Точно также, если собиратель, описывая обычаи данной мѣстности, вспомнитъ обычай, наблюдавшійся или слышанный имъ въ иной мѣстности, то желательно, чтобы онъ включалъ и его въ свое описаніе, лишь по возможности точно обозначивъ мѣсто нахожденія даннаго обычая.

5. Матеріалъ для обычнаго права можетъ быть добываемъ изъ устъ самого народа путемъ разспросовъ преимущественно разсудительныхъ и свѣдующихъ людей, въ особенности стариковъ, изъ рѣшеній народныхъ судовъ: волостныхъ, станичныхъ, сельскихъ и др. (офиціальныхъ и не офиціальныхъ); изъ юридическихъ сдѣлокъ (письменныхъ и словесныхъ), приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, пословицъ, поговорокъ, пѣсенъ, сказаній и т. д. Наиболѣе полныя свѣдѣнія получаются при пользованіи по возможности *всѣми* этими источниками. Въ особенности же важно совмѣстное пользованіе рѣшеніями народныхъ судовъ *и* разсказами самихъ крестьянъ.

6. Какимъ-бы изъ указанныхъ источниковъ собиратель ни пользовался, онъ долженъ подвергать добытыя имъ свѣдѣнія о томъ или иномъ обычаѣ строгой повѣркѣ, пока онъ не убѣдится окончательно въ дѣйствительномъ существованіи его въ данной мѣстности.

7. Собирателю слѣдуетъ имѣть въ виду, что постановленія народныхъ судовъ подвергаются не рѣдко разнороднымъ постороннимъ вліяніямъ, каковы интриги старшины, мудрованіе волостныхъ писарей и самихъ судей, побывавшихъ въ городахъ, кумовство, взятка, водка и т. п. Такъ напр. дѣла о наслѣдствахъ оказываются вдругъ рѣшенными на основаніи статей I ч. X т., который обыкновенно и неизвѣстенъ крестьянамъ и находится въ противорѣчіи съ ихъ бытомъ и обычаями. Кромѣ этого даже въ самомъ добросовѣстномъ судѣ всегда большое значеніе имѣетъ и личный характеръ судьи. Все это необходимо принимать во вниманіе, чтобы не впасть въ ошибки самыя грубыя.

Но каковы бы ни были недостатки народныхъ судовъ (о чемъ столь часто указывалось и въ литературѣ и въ печати), было бы ошибочно относиться къ этимъ судамъ съ пренебреженіемъ, какъ къ источникамъ обычнаго права, не заслуживающимъ довѣрія; изслѣдователь, знакомый со всей мѣстной обстановкой и присутствовавшій при самомъ разбирательствѣ дѣлъ въ народныхъ судахъ, долженъ въ рѣшеніяхъ этихъ судовъ почерпнуть такія указанія, которыя никакимъ другимъ путемъ добыть ему неудастся.

За то всякому, желающему производить свои изслѣдованія на основаніи рѣшенія народныхъ судовъ, безусловно необходимо подвергать эти рѣшенія самой строгой провѣркѣ. Эта провѣрка должна производиться какъ посредствомъ сравненія рѣшеній по однороднымъ дѣламъ, такъ и посредствомъ сравненія ихъ съ тѣми случаями рѣшенія дѣлъ, которые до суда не доходили.

8. Ограничиваться при добываніи свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ одними судебными рѣшеніями невозможно. Свѣдѣнія, добытыя изъ устъ народа, послужатъ не только подтвержденіемъ или опроверженіемъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи судебныхъ рѣшеній, но и дополненіемъ къ нимъ. Записанное сухимъ и сжатымъ языкомъ рѣшеніе никогда не замѣнитъ живую и мѣткую рѣчь мужика,

тогда какъ не рѣдко одно бойкое мужицкое слово покажетъ яснѣе цѣлой кипы судебныхъ рѣшеній взглядъ народа на ту или иную сторону юридическаго быта. Кромѣ того судебныя рѣшенія почти ничего не дадутъ собирателю для обнаруженія обломковъ старинныхъ юридическихъ обычаевъ, теряющихся постепенно и исчезающихъ: эти обломки сохраняются почти исключительно въ обрядахъ, пословицахъ, пѣсняхъ и т. п.

А между тѣмъ записываніе такихъ обломковъ исчезнувшаго быта составляетъ очень важную сторону обычнаго права, такъ какъ безъ изученія отголосковъ права древняго не возможно понять многое изъ современнаго народнаго юридическаго быта. Такъ напр. всѣ столь поражающія всякаго наблюдающаго надъ народнымъ бытомъ противорѣчія въ началахъ, лежащихъ въ основаніяхъ народныхъ понятій и народной жизни, объясняются только историческими наслоеніями, образовавшимися при разныхъ и часто мало похожихъ другъ на друга условіяхъ, при которыхъ народу приходилось жить.

9. Приступая къ наблюденіямъ надъ народнымъ бытомъ и записывая ихъ, собиратель долженъ отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и, слѣдуя совѣту Спинозы, не смѣяться, не плакать, а понимать.

Если подчеркиваніе и оттѣненіе однихъ фактовъ, дабы они могли служить подтвержденіемъ той или иной излюбленной мысли собирателя и стушовываніе другихъ, говорящихъ противъ нея, есть прямо преступленіе передъ родиной и наукой, то и критическое отношеніе къ тому или другому факту народной жизни, какъ къ нарушающему нравственныя и юридическія представленія современнаго человѣка, (напр.: осужденіе снохачества, какъ таковаго, жалобы о тягостномъ положеніи крестьянской женщины) является лишнимъ, такъ какъ отъ собирателя требуется только правдивое изображеніе народнаго быта въ данной мѣстности и самое большее — указаніе, если возможно, имѣетъ-ли тотъ или иной обычай полезное или вредное вліяніе на народную жизнь; личность же самаго собирателя не должна быть видна въ разсказѣ.

10. Собиратель долженъ непремѣнно оттѣнять *воззрѣнія* народа на ту или иную сторону быта отъ того, что происходитъ въ дѣйствительной жизни.

Въ разсказахъ своихъ крестьяне могутъ высказывать свои идеалы, задушевныя желанія касательно того, какъ хотѣлось бы имъ видѣть устроенными тѣ или иныя отношенія (напр.: отношенія между супругами, отношенія родителей и дѣтей), коимъ факты изъ дѣйствительной жизни далеко не соотвѣтствуютъ. Отмѣчая такія разногласія воззрѣній и дѣйствительности, собиратель долженъ стараться указать и на причину ихъ.

11. Описывая тотъ или иной фактъ изъ народной жизни, собиратель долженъ отмѣчать, составляетъ ли этотъ фактъ явленіе въ данной мѣстности исключительное или же обыкновенное и распространенное (напр. предоставлена и сожительство свекра со снохой, деверя съ женой своего брата и т. п.).

12. При изложеніи собраннаго матеріала нѣтъ никакой необходимости непремѣнно держаться того порядка вопросовъ, въ которомъ они находятся въ программѣ: пускай собиратель излагаетъ ихъ въ той системѣ, которая ему кажется наиболѣе удобной.

13. Неменьшая свобода должна быть самой *формѣ* изложенія: пускай каждый выбираетъ наиболѣе для себя подходящую, лишь бы достигалась главная цѣль сообщенія — представить возможно полную картину юридическаго быта населенія описываемой мѣстности.

Для болѣе удачнаго выполненія этой же задачи крайне желательно, чтобы собиратель не ограничивался сухими отвѣтами, но прибавлялъ бы къ нимъ и свѣдѣнія чисто этнографическія, характерныя и жанровыя подробности, а такъ же не пренебрегалъ бы ни сказкой, ни прибауткой, ни шуткой, словомъ ничѣмъ, что могло бы способствовать яркости изображенія той бытовой обстановки, среди которой собиратель производитъ свои наблюденія, дабы даже небывавшій въ данной мѣстности легко могъ себѣ представить бытовой ея обликъ.

14. Присоединяясь ко всему сказанному покойнымъ А. Ф. Кистяковскимъ въ помѣщаемомъ въ слѣдъ за симъ предисловіи къ его „Программѣ", въ заключеніе просимъ собирателя памятовать, что, собирая народные юридическіе обычаи, онъ дѣлаетъ дѣло доброе, имѣющее огромное значеніе и для науки, и для практики.

Драгоцѣнные остатки древняго права, столь многочисленные еще недавно въ народномъ быту, теряются постепенно черезъ вымираніе, изъятіе изъ употребленія того или иного обычая и обряда. Къ завершенію этого процесса замѣны стараго новымъ мы придвигаемся все ближе и съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ днемъ. Поэтому собрать сохранившіеся осколки исчезнувшаго порядка вещей и на ихъ основаніи освѣтить многія темныя стороны древняго права вообще, и права русскаго въ частности, является одной изъ важнѣйшихъ задачъ русской юридической науки нашего времени.

Мало этого. Крестьяне т. е. огромное большинство населенія Россіи регулируютъ свои отношенія правилами, которыя основаны на своеобразныхъ юридическихъ обычаяхъ вовсе не сходныхъ съ писаннымъ правомъ. Это обычное крестьянское право, не отрицаемое самимъ законодателемъ, сплошь и рядомъ грубо нарушается иногда только вслѣдствіе неимѣнія до сихъ поръ вполнѣ точныхъ путей и источниковъ для познанія его, слѣдствіемъ чего и является безпрерывная ломка народнаго правосознанія безъ цѣли и смысла, внося смущеніе въ крестьянскія головы, чуть ли не при всякомъ столкновеніи мужика съ людомъ не сельскимъ. И именно нынѣ—наканунѣ пересмотра X т. Св. зак., трудная задача объ установленіи взаимныхъ отношеній права писаннаго и народнаго обычая снова стала на видное мѣсто. Успѣшное ея разрѣшеніе возможно лишь путемъ обстоятельнаго знакомства съ народнымъ обычнымъ правомъ при наличности сборниковъ юридическихъ обычаевъ и вообще точныхъ и подробныхъ объ нихъ свѣдѣній.

Наконецъ, если обычное право играетъ столь важную роль въ русской жизни, то изученіе его является важнымъ и въ дѣлѣ нашего народнаго самопознанія.

Кто бы ни взялъ инициативу изслѣдованія обычнаго права,—само ли правительство, земство ли, ученыя ли общества или лица частныя, всегда каждому безъ исключенія желающему потрудиться на этой нивѣ и послужить этому полному живаго интереса и государственной важности дѣлу останется много мѣста для работы богатой плодами.

Но при этомъ именно въ виду такого важнаго значенія юридическихъ обычаевъ нашего народа требуются,—повторяемъ, прежде всего тщательность, добросовѣстность и преданность дѣлу при самомъ ихъ собраніи.

Секретарь Отдѣла Этнографіи.

Михаилъ Харузинъ.

Москва,

24-го декабря, 1886 г.

В.

Предисловіе къ третьему изданію, исправленному и значительно дополненному „Программы для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву".

I.

Предлагаемая программа есть сводная.

Она состоитъ: а) изъ программы, изданной въ 1878 г. мною и б) изъ программы, напечатанной профес. И. Я. Фойницкимъ.

Послѣдняя программа можетъ быть названа столько же программою И. Я. Фойницкаго, сколько и программою П. С. Ефименка.

Главный матеріалъ и большинство вопросовъ доставлено было П. С. Ефименкомъ.

И. Я. Фойницкому принадлежитъ какъ окончательная систематика и послѣдняя редакція вопросовъ *Ефименковской* программы, такъ и рядъ самостоятельныхъ вопросовъ, — это преимущественно вопросы, относящіеся къ такъ называемой общей части обычнаго уголовнаго права.

Въ предлагаемой программѣ, кромѣ того, помѣщенъ и рядъ новыхъ вопросовъ. Это 32 вопроса, относящіеся къ частной и родовой мести, и 17 вопросовъ, касающихся обычаевъ системы выкупа или платы за преступленія.

Всѣ вопросы, заимствованные изъ программы И. Я. Фойницкаго и П. С. Ефименка, обозначены буквами Ф. Е.

Не должно забывать, что ядромъ какъ для программъ И. Я. Фойницкаго и П. С. Ефименка, такъ и для моей служила программа, изданная въ 1864 г. Этнографическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, надъ составленіемъ которой много потрудились: одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ изслѣдователей обычнаго права Н. В. Калачевъ и извѣстный въ нашей юридической литературѣ своими монографическими работами П. А. Мулловъ.

Самостоятельные вопросы программы г-на Майнова также инкорпорировались въ предлагаемую программу, такъ какъ они въ свое время были заимствованы въ двѣ основныя вышеуказанныя программы, съ измѣненіемъ только ихъ редакціи.

Такимъ образомъ предлагаемая программа съ одной стороны должна быть по справедливости признана плодомъ гуртовой работы нѣсколькихъ лицъ, а съ другой она есть полнѣйшая изъ всѣхъ до сихъ поръ существующихъ по уголовному обычному праву.

Не стану говорить противъ того, что и ее можно еще дополнить и дополнять.

Но думаю, что еслибы собрать отвѣты, свѣдѣнія и матеріалы на всѣ вопросы, даже въ сей программѣ содержащіеся, то все собранное въ такомъ объемѣ составило бы обширнѣйшій и богатѣйшій матеріалъ для научныхъ изслѣдованій.

II.

Кто вникнетъ въ содержаніе и смыслъ вопросовъ предлагаемой программы, тотъ легко замѣтитъ, что обычное, уголовное право, ею обнятое, гораздо шире того обычнаго права, которое составляетъ оффиціальное вѣдомство волостныхъ судовъ.

Если бы рѣчь шла объ обычномъ уголовномъ правѣ, которое входитъ въ вѣдомство волостной юстиціи; то дѣло собранія и изученія матеріала сюда относящагося очень бы упростилось. Стоило бы собрать рѣшенія волостныхъ судовъ, дополнить ихъ свѣдѣніями, изъ устъ народа записанными, и наблюденіями, на мѣстѣ дѣятельности судовъ сдѣланными,—и задача была бы выполнена.

Но обычное право въ такомъ тѣсномъ смыслѣ обнимаетъ только часть обычнаго права, обычное право волостныхъ судовъ, оффиціальное, если можно такъ выразиться, обычное право, уже непосредственно примыкающее къ писанному, сводовому праву, и даже съ нимъ перемѣшанное.

Между тѣмъ, собиратели матеріаловъ по обычному праву и изслѣдователи этой области права, давно убѣдились, что обычное право русскаго народа и народовъ, входящихъ въ составъ русской имперіи, гораздо обширнѣе, и что за областію обычнаго уголовнаго права, которое мы назвали именемъ *оффиціальнаго*, идетъ болѣе обширная область обычнаго уголовнаго права такъ сказать не оффиціальнаго.

Во-первыхъ, въ настоящее время дознано, что волостной судъ не есть единственный судъ народный. Напротивъ, кромѣ его народъ имѣетъ и другіе виды суда, которые гораздо ближе къ его быту, и гораздо въ большей степени составляютъ его непосредственное созданіе, чѣмъ каковымъ является волостной судъ, таковы суды: судъ стариковъ, судъ добросовѣстныхъ и судъ сельскаго схода.

Во-вторыхъ, инородческій элементъ россійской имперіи столь богатъ, а бытъ инородцевъ столь разнообразенъ, и въ такой мѣрѣ самобытенъ, что было бы странно, если бы наука обычнаго права оставила ихъ безъ вниманія, изученія и изслѣдованія.

Наконецъ, въ-третьихъ, бытъ кореннаго русскаго народа еще находится въ томъ состояніи, въ которомъ онъ сохранилъ до сихъ поръ нѣкоторые слѣды архаическихъ, древнѣйшихъ юридическихъ міровоззрѣній, отношеній и формъ. Слѣды эти и эти преданія не имѣютъ ровно никакого практическаго значенія. Но значеніе ихъ научное—велико.

Сюда относятся народныя вѣрованія, сказанія, легенды и всякіе обряды, которые не имѣютъ никакого отношенія не только къ суду волостному, но и къ другимъ видамъ народныхъ судовъ.

Предлагаемая программа обычнаго уголовнаго права ставитъ задачи изученія этой отрасли права въ самомъ широкомъ ея объемѣ,—охватываетъ не только обычное право въ тѣсномъ смыслѣ, какъ его предполагаетъ законъ, но и обычное право въ обширномъ смыслѣ, какъ его предполагаетъ наука, не только стремится изучить его для цѣлей практическихъ, но и теоретическихъ.

III.

Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что средою, въ которой можетъ быть изучаемо обычное уголовное право, долженъ служить русскій народъ классовъ мало тронутыхъ цивилизаціею, народъ въ отличіе отъ общества. Доказательства этого слѣдующія.

Во-первыхъ, законъ нашъ допускаетъ дѣйствіе обычаевъ только въ уголовной подсудности волостныхъ судовъ, которымъ подсуденъ народъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Во-вторыхъ, и въ дѣйствительности только сельскіе обыватели и примыкающіе къ нимъ по быту мѣщане въ городахъ являются хранителями остатковъ старины глубокой.

Въ-третьихъ, расширять область изслѣдованія обычнаго права за предѣлы юридической жизни сельскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ, значило бы переносить изслѣдованіе въ область дѣйствія свода закона и уложенія въ обширномъ смыслѣ, въ область государственныхъ, большихъ учрежденій. Безспорно, можно бы направить съ великою пользою программу изученія и въ эту сторону. Но это уже значило бы переходить въ иную среду, опредѣлять условія дѣйствія закона и государственныхъ учрежденій.

Въ-четвертыхъ, спору нѣтъ о томъ, что и въ средѣ другихъ сословій, дворянскомъ, духовномъ, купеческомъ, и что у жителей большихъ городовъ, можно встрѣтить остатокъ того, или другаго юридическаго обычая, слѣды того или другаго вѣрованія, которыя могутъ служить матеріаломъ, отвѣтомъ на вопросы программы обычнаго права. Но все это будетъ означать только то, что и среди этихъ классовъ сохранились нѣкоторые остатки того, что въ лучшемъ и болѣе рѣзкомъ видѣ существуетъ у народа въ тѣсномъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, все отысканное въ той средѣ по части обычнаго уголовнаго права будетъ имѣть значеніе только вспомогательное, только дополняющее. Если среди другихъ классовъ общества, кромѣ сельскихъ обывателей, уцѣлѣлъ какой нибудь обычай, то можно будетъ сказать, что онъ уцѣлѣлъ въ той средѣ, въ которой меньше всего можно было того ожидать.

IV.

Предлагаемая программа представляетъ обширную область права.

Если для составленія ея необходима была гуртовая работа, то во сколько же больше, обширнѣе и разнообразнѣе должна быть дѣятельность, предпринимаемая для ея выполненія.

Вопросъ о выполненіи программы послѣ ея составленія представляетъ первостепенную важность.

Смѣло можно сказать, что выполненіе предлагаемой программы во всемъ ея объемѣ никому въ одиночку въ настоящее время не подъ силу.

Прежде всего, необходимо собрать матеріалы, свѣдѣнія и наблюденія въ отвѣтъ на вопросы этой програмы. А по силамъ ли это одному человѣку.

Тутъ гуртовая работа единственно успѣшная, единственно обѣщающая богатые результаты.

Чѣмъ больше лицъ будетъ привлечено къ собиранію матеріаловъ, тѣмъ скорѣе настанетъ возможность выполненія этой программы.

Если при множествѣ работниковъ каждый соберетъ матеріалъ по одному, двумъ или нѣсколькимъ вопросамъ; то тѣмъ скорѣе исчерпается програма, и тѣмъ большій накопится матеріалъ для постройки цѣлаго зданія.

Чѣмъ большее количество пунктовъ отечественной территоріи будетъ подвергнуто наблюденію и изученію со стороны собранія матеріаловъ; тѣмъ больше будетъ надежды на болѣе всесторонее изученіе обычнаго права.

Кажется, было бы правильно устроено выполненіе предлагаемой программы, если бы въ каждомъ главномъ пунктѣ имперіи была учреждена своего рода станція для наблюденій и собранія матеріаловъ. Отъ этихъ станцій должны идти радіусы сношеній въ округѣ каждаго изъ нихъ.

Конечно, написанная програма, и безъ организаціи способовъ выполненія ея, будетъ выполнять свое дѣло. Она все же будетъ служить путеводною нитью, руководствомъ. Но оставленная сама себѣ, безъ организаціи ея выполненія, она будетъ осуществляться очень медленно.

V.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ методѣ, при помощи котораго мы считаемъ возможнымъ добыть серьезныя данныя, сколько нибудь существенные матеріалы, въ отвѣтъ на нижеизложенные вопросы. Просимъ тѣхъ, кто обратитъ вниманіе на нашу программу имѣть въ виду нижеслѣдующее.

1) Програмна эта издается отнюдь не съ тою цѣлію, что каждый, кто бы ею заинтересовался и хотѣлъ на нее отозваться, непремѣнно далъ отвѣтъ на всѣ вопросы. Нѣтъ, издавая нашу программу, мы имѣемъ далеко не то въ виду. Она будетъ выполнена, если многіе на нее отзовутся и сообщатъ свои наблюденія по одному, по двумъ по тремъ и т. д. вопросамъ. Каждый жившій или живущій среди народа, хранитъ въ своей памяти извѣстныя наблюденія. Пусть онъ прежде всего изложитъ ихъ на бумагѣ. Затѣмъ если онъ почувствуетъ призваніе къ изученію обычнаго права, пусть приступитъ къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ, къ болѣе систематическому выполненію этой программы.

2) Источникомъ и матеріаломъ могутъ служить рѣшенія волостныхъ судовъ: и мы были бы благодарны за сообщеніе копій съ нихъ. Однакожъ, рѣшенія волостныхъ судовъ далеко не могутъ исчерпать нашей программы. Для выполненія ея, необходимо обратиться и къ другимъ источникамъ: *необходимо узнать, изслѣдовать и записать народныя вѣрованія, легенды, пѣсни, сказки, разсказы происшествія, случаи и т. п.*, въ которыхъ могутъ содержаться, въ художественной формѣ, отвѣты на вопросы этой программы. Не слѣдуетъ пренебрегать даже анекдотами, такъ какъ они нерѣдко представляютъ передѣланныя легенды и вѣрованія временъ древнѣйшихъ. Для выполненія нашей программы необходимо непосредственное наблюденіе быта народнаго, личное общеніе съ сельскими мудрецами и древними стариками и старухами.

3) Въ особенности мы просимъ тѣхъ, у которыхъ явится готовность отозваться на нашу программу, не ограничиваться краткими отвѣтами. Мы получали слѣдующіе отвѣты на нашу первую программу: *Самубійство считается дѣйствіемъ кары уголовной достойнымъ. Оно совершается большею частію людьми нездравомыслящими. Самоубійствъ по религіознымъ причинамъ не встрѣчается.* И таковы отвѣты иногда на всѣ вопросы. Само собою разумѣется, что подобные отвѣты не имѣютъ никакого научнаго значенія, хотя лично мы и высоко цѣнимъ усердіе давшихъ оные. Програмна иначе и не можетъ быть составлена какъ только въ короткихъ, принципіальныхъ вопросахъ, которые имѣютъ въ виду не полученіе столь же короткихъ, большею частію ничего неговорящихъ отвѣтовъ, а обстоятельное изложеніе всего матеріала, относящагося до того предмета, о которомъ говорится въ вопросѣ. Вопросы имѣютъ въ виду только указать, какой предметъ подлежитъ изученію, на что отвѣчающій долженъ обратить вниманіе, о чемъ онъ долженъ говорить въ своемъ отвѣтѣ. Отвѣчающій, собравъ данныя о какой нибудь совокупности вопросовъ, отнюдь не долженъ и не можетъ стѣсняться въ своемъ изложеніи порядкомъ поставленныхъ вопросовъ. Онъ можетъ отвѣчать систематическимъ изложеніемъ, въ которомъ будутъ заключаться прямые или непрямые отвѣты, причемъ онъ можетъ держаться своей собственной системы изложенія.

4) Собиратель матеріаловъ и свѣдѣній по обычному праву вообще и по уголовному въ особенности долженъ относиться съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ къ тому, что услышитъ и узнаетъ. Относясь критически или даже съ порицаніемъ, онъ можетъ оставить безъ вниманія какую нибудь драгоцѣнную особенность, которая, будучи въ сущности величайшей важности чертою народнаго быта, можетъ ему показаться безуміемъ или соблазномъ. Наблюдатель народнаго юридическаго быта долженъ относиться также къ объекту своего наблюденія, какъ относится къ своему естествоиспытатель, для котораго все въ мірѣ достойно изученія, вниманія и уваженія, который съ полнымъ безпристрастіемъ наблюдаетъ явленія природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что все въ мірѣ, и самое повидимому уродливое, имѣетъ свою достаточную, если и неразумную, причину.

5) Мы желали бы, чтобы на нашу программу отозвалось учащееся университетское юношество, въ особенности посвятившее себя изученію великой науки правовѣдѣнія. Германское университетское юношество давно усвоило достойный высокаго вниманія обычай: употреблять вакаціонный досугъ на путешествія въ одиночку, а чаще товариществами, какъ съ цѣлію полезнаго отдыха, и удовольствія, такъ съ цѣлію пріятнаго знакомства съ различными сторонами быта своей отчизны. Много бы выиграло въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи русское университетское юношество, еслибы оно употребляло, тѣмъ и другимъ образомъ, нѣкоторые часы своего вакаціоннаго досуга на изученіе различныхъ сторонъ народнаго быта, и между прочимъ на изученіе юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній на тотъ или другой вопросъ права. Такое изученіе принесло бы существенную пользу юношеству. Оно послужило бы въ высшей степени полезною приготовительною школою для терпѣливаго, стойкаго, столь же высокаго, сколько и скромнаго, служенія отечеству и народу. Оно пріучило бы его къ экспериментальному методу изученія правовѣдѣнія, путемъ опыта и наблюденія. Оно заставило бы его отказаться отъ той—консервативной ли, либеральной ли, или радикальной,—метафизики, которая, закрывая глаза на дѣйствительность, бредитъ какими то фантастическими теоріями. Оно бы служило ему повѣркою и одухотвореніемъ тѣхъ отвлеченныхъ теорій, которыя юношество усвоиваетъ въ университетскихъ аудиторіяхъ. Оно пріучило бы будущихъ служителей отчизны, еще на студенческой скамьѣ, относиться къ жизни народа съ глубокимъ уваженіемъ, тѣмъ которое столь-же чуждо идолопоклонства, какъ и кастическаго презрѣнія, которое внимательно къ самымъ свѣтлымъ, и къ самымъ непригляднымъ сторонамъ жизни народа, которое умѣетъ снисходить, а не проклинать, улучшать, а не порицать и только презирать. Оно бы спасло будущихъ дѣятелей кабинетовъ и канцелярій, высшей и низшей народной политики и земства, отъ поползновеній къ ломкѣ народной жизни и постройкѣ ея только по теоретическимъ шаблонамъ, а не въ силу знанія, соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ потребностямъ народа.

А. Ф. Кистяковскій.

P. S. Издаваемая Отдѣломъ Этнографіи программа будетъ высылаться безплатно всѣмъ желающимъ руководствоваться ею при собраніи свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ и обращающимся съ просьбой о высылкѣ ея *въ Отдѣлъ Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ.*

---

1. Общія замѣчанія *)

1. Какъ называется мѣстность, въ которой собиратель предполагаетъ записывать юридическіе обычаи (губернія, уѣздъ, волость, названіе селенія)?

2. Каковъ племенный составъ населенія данной мѣстности? Къ какому разряду принадлежатъ крестьяне данной мѣстности (государственные ли они крестьяне или удѣльные или бывшіе крѣпостные, и т. п.)?

3. Каково разстояніе данной мѣстности отъ желѣзной дороги, шоссе, уѣзднаго города, ярмарочныхъ мѣстъ, отъ школы, больницы, волостнаго правленія, камеры мироваго судьи, приходской церкви, призывнаго пункта?

4. Чѣмъ занимается большинство населенія — земледѣліемъ-ли, промыслами-ли, какими именно?

5. Часто-ли ходятъ жители данной мѣстности на отхожіе промыслы; какъ велико время, которое они проводятъ вдали отъ роднаго селенія; въ какія мѣста обыкновенно уходятъ; какого рода отхожими промыслами они занимаются?

6. Есть-ли и какъ многочисленны въ данной мѣстности старообрядцы и др. раскольники; не составляютъ-ли они значительную часть населенія?

Къ какимъ толкамъ принадлежатъ они?

2. Родовой союзъ.

Примѣчаніе. Всѣ вопросы этой 2-й главы относятся исключительно въ быту *инородцевъ*.

1. Существуютъ-ли среди населенія данной мѣстности родовые союзы т. е. особенный видъ общежитія родственниковъ (родичей), подчиненныхъ общему главѣ (старшинѣ) рода, обыкновенно ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго предка (родоначальника)?

2. Существуютъ-ли селенія, въ которыхъ живутъ *только* семьи родственныя другъ другу?

3. Называются-ли они именемъ общаго родоначальника?

4. Встрѣчаются-ли селенія въ составъ коихъ входятъ нѣсколько родовъ?

5. Не живутъ-ли въ жилищахъ по нѣскольку семействъ, причемъ каждая вновь образующаяся семья не выдѣляется, но занимаетъ только отдѣльное помѣщеніе въ общемъ жилищѣ, которое поэтому и строится за благовременно на нѣсколько половинокъ или же новымъ семьямъ строютъ особыя хаты вокругъ коренной избы (напр. у вотяковъ)?

6. Сохранились-ли какія либо преданія о духахъ покровителяхъ извѣстныхъ родовъ?

7. Каждая семья не имѣетъ-ли все свое, сохраняя однако главенство старшаго въ родѣ неизмѣнно?

8. Каковы въ такомъ случаѣ права и обязанности главы рода личныя и имущественныя, отношенія къ нему младшихъ родичей и послѣднихъ между собою?

9. Какъ переходитъ главенство въ родѣ — по старшинству-ли возраста, по праву-ли первородства, по завѣщанію-ли умершаго главы или по свободному выбору членовъ рода изъ своей среды и не требуется-ли для главенства надъ родомъ кровной связи выбираемаго съ основателемъ рода?

10. Можетъ-ли во главѣ рода быть женщина? Не остается-ли женщина во главѣ рода только до совершеннолѣтія дѣтей?

11. Можетъ-ли главой рода быть малолѣтній; въ такомъ случаѣ кто управляетъ до его совершеннолѣтія?

12. Нѣтъ-ли обычая, по которому главари рода могутъ жениться и на близкихъ родственницахъ, тогда какъ остальнымъ это уже не дозволяется?

13. Каковы права главы рода по отношенію личности и имуществу отдѣльныхъ членовъ обоего пола?

14. Дѣйствуетъ-ли глава рода единолично или съ совѣта и согласія собранія старѣйшихъ отдѣльныхъ дворовъ?

*) *Примѣчаніе* Программа эта для удобства собирателей издана отдѣльнымъ отъ сего тома „Трудовъ“ оттискомъ въ 16° въ количествѣ 1000 экземпляровъ.

15. Не имѣетъ-ли глава рода права взять любую женщину на ночь?

16. На судъ является-ли самъ виновный или же только глава рода?

17. Глава рода или отецъ выбираетъ вступающему въ бракъ члену рода невѣсту?

18. Не дарятъ-ли при свадьбѣ особый подарокъ главарю?

19. Не отличается-ли особыми правами и обязанностями жена главы рода и вообще всѣ ли женщины въ родѣ пользуются одинаковыми правами личными и имущественными, всѣ ли исполняютъ одинаковыя обязанности или есть между ними такія, которымъ принадлежитъ старшинство и управленіе прочими?

20. Каково личное и имущественное положеніе женщинъ въ родовомъ союзѣ, и какой вообще характеръ имѣютъ отношенія ихъ къ мущинамъ и обратно?

21. Существуетъ-ли общая казна. Кому поручено завѣдываніе ею?

22. Какъ поступаютъ, если родственникъ убьетъ родственника ближняго (напр. брата), дальняго?

23. Нѣтъ-ли обязательной отвѣтственности всего рода за проступки одного члена родоваго союза. Если есть то за какіе именно проступки (прелюбодѣяніе, убійство и пр.)?

Не существуетъ-ли обязательной помощи всѣми членами рода такому члену рода, который нуждается въ помощи: напр. при уплатѣ штрафа, при устройствѣ поминокъ и т. д.? (болѣе подробные вопросы см. въ главѣ 34).

24. Существуетъ-ли обычай кровной мести?

25. Кто отвѣтственъ за долги одного изъ родичей: весь ли родъ или только самъ должникъ; если послѣднее, то не помогаютъ-ли родственники члену при уплатѣ долга?

26. Не отвѣтственно-ли то поселеніе или стоянка, до мѣстъ которой прослѣжены слѣды вора?

27. Отвѣтственна-ли та семья, которая скрыла вора?

28. Существуетъ-ли въ данномъ родовомъ союзѣ обычай гостепріимства и пользуются-ли въ немъ правомъ убѣжища лица исключенныя изъ другихъ родовъ и вообще чужеродцы, посторонніе?

29. Какія права этотъ обычай предоставляетъ гостю и не обязывается-ли послѣдній чѣмъ либо предъ пріютившимъ его родомъ?

30. На какихъ основаніяхъ и въ какомъ случаѣ допускается пріемъ чужеродца въ члены родоваго союза?

31. Не заключается-ли при этомъ особаго договора между принимаемымъ и главою рода, въ чемъ состоитъ этотъ договоръ и не сопровождается ли пріемъ какими либо обрядами?

32. Бываютъ-ли случаи исключенія изъ рода какого либо его члена, часты-ли эти случаи, за какіе проступки родичъ подлежитъ изгнанію?

33. Сохраняется ли въ такомъ случаѣ какая либо родственная связь между изгнанникомъ и изгнавшимъ его родомъ и какими вообще личными и имущественными послѣдствіями сопровождается для родича такое изгнаніе? Какъ называютъ изгнанныхъ?

34. Можетъ-ли изгнанный снова быть принятымъ въ родъ?

35. Какъ образуются новые родовые союзы. Какимъ образомъ, часто-ли, вслѣдствіе какихъ причинъ происходитъ выдѣленіе изъ рода отдѣльныхъ семей и раздѣлъ имущества?

36. Сохраняется-ли въ такомъ случаѣ родственная, личная и имущественная связь между родомъ и выдѣлившейся семьей и остается ли послѣдняя въ какой либо зависимости отъ главы рода?

37. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности участки земли, которые весь родъ считаетъ своей собственностью?

3. Сословное устройство у инородцевъ.

1. На какія сословія дѣлилось мѣстное общество?

2. Какое названіе носитъ каждая сословная группа?

3. Какое происхожденіе приписываетъ преданіе каждой изъ сословныхъ группъ?

4. Какія права и обязанности принадлежатъ каждому изъ сословій?

5. Принадлежало-ли право владѣнія рабами и полусвободными всѣмъ или только высшему сословію?

6. Какія повинности натурой должны были отбывать свободныя лица, живущія на княжескихъ земляхъ, по отношенію къ князьямъ?

7. Имѣло-ли лицо свободнаго состоянія право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому?

8. Оставалось-ли въ этомъ случаѣ сакля уходящаго въ собственности владѣльца?

9. Имѣлъ-ли владѣлецъ право прогнать отъ себя лицо свободнаго состоянія, живущее у него на землѣ, въ случаѣ недовольства послѣднимъ?

10. Имѣли-ли лица свободнаго состоянія право покупать у владѣльцевъ землю?

11. Освобождала-ли ихъ такая покупка отъ несенія повинностей?

12. Давалось-ли полусвободнымъ лицамъ право пріобрѣтать землю у своихъ господъ?

13. Освобождались-ли они такой покупкой отъ зависимости?

14. Можетъ-ли принадлежащій къ высшему сословію взять невѣсту изъ низшаго сословія и наоборотъ, или члены каждаго изъ сословій могутъ жениться только на равныхъ себѣ?

15. Въ какія отношенія къ высшему сословію становились лица, рожденныя отъ неравныхъ браковъ членовъ высшаго сословія?

16. Какъ великъ размѣръ калыма, вносимый каждымъ изъ сословій?

17. Имѣетъ-ли владѣлецъ долю въ наслѣдствѣ по смерти членовъ одного изъ зависящихъ отъ него сословій?

18. Имѣлъ-ли господинъ право жизни и смерти надъ своими рабами?

19. Какъ великъ выкупъ, который долженъ былъ быть выплачиваемъ убійцей въ случаѣ убійства себѣ равнаго?

20. Какъ великъ выкупъ, выплачиваемый убійцей при убійствѣ лицъ высшаго или нисшаго чѣмъ убійца сословія, въ случаѣ убійства раба?

21. Въ чью пользу поступалъ выкупъ въ случаѣ убійства лица изъ зависимаго сословія: въ пользу-ли рода убитаго или въ пользу владѣльца?

22. Если въ прежнее время сынъ отъ мянной т. е. отъ второстепенной жены («номулусъ», см. ниже) вступалъ въ бракъ съ рабыней, считались-ли дѣти отъ этого брака принадлежащими къ тому-же сословію какъ и ихъ отецъ или нѣтъ?

23. Принадлежатъ-ли дѣти, рожденныя отъ брака дочери отъ имянной жены съ членомъ какого нибудь сословія, къ сословію отца?

24. Давалось-ли лицамъ нисшаго сословія право родниться посредствомъ браковъ съ лицами высшаго сословія?

25. Дозволялось-ли князю повышать зависимыхъ отъ него лицъ въ то или другое сословіе или переводить ихъ въ болѣе низкое сословіе?

26. Какія наказанія грозили лицамъ зависимыхъ сословій въ случаѣ неисполненія ими обязанностей по отношенію къ князьямъ?

27. Существуетъ-ли обычай, по которому всякое лицо, принадлежащее къ свободному сословію, имѣетъ право выбрать себѣ изъ лицъ высшаго сословія т. ск. нареченнаго воспитанника (емчека), который, не будучи въ дѣйствительности воспитанникомъ даннаго лица, принимаетъ на себя по отношенію къ нему всѣ обязанности воспитанника къ аталыку?

28. Долженъ-ли такой «названный емчекъ» защищать своего нареченнаго воспитателя, давать ему землю, примирять главу своей семьи съ нимъ и т. д.?

29. Какія обязанности принималъ на себя такой названный воспитатель въ отношеніи къ емчеку?

30. Былъ-ли онъ обязанъ давать емчеку извѣстную часть своихъ ежегодныхъ доходовъ, часть получаемаго имъ калыма и по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ опредѣленное число головъ скота?

---

4. Признаки бывшаго родоваго устройства.

1. Если въ данной мѣстности не встрѣчается случаевъ сожительства цѣлымъ родомъ, то не сохранилось-ли по крайней мѣрѣ о немъ какихъ либо преданій?

2. Въ какихъ значеніяхъ употребительны въ данной мѣстности слова: *родъ* и *племя*?

3. Нѣтъ-ли какихъ либо другихъ словъ съ тѣмъ же значеніемъ?

4. Не употребляется-ли слово *родъ* въ данной мѣстности въ различныхъ смыслахъ подобно тому какъ напр. въ Арх. губ. родомъ называютъ иногда собраніе только кровныхъ родственниковъ; въ другихъ случаяхъ—свойственниковъ и состоящихъ въ духовномъ родствѣ; при чемъ понятіе о родѣ съуживается иногда на столько что замѣняется словами: семья и домъ, а въ другихъ случаяхъ имъ обозначаются цѣлыя поколѣнія лицъ, имѣющихъ общаго родоначальника и не считающихъ себя родственниками?

5. Не подразумѣваютъ-ли подъ словомъ *родъ* также породу какъ напр. ясно изъ выраженій: «что родъ, то и племя» или «каковъ родъ таковъ и приплодъ?

6. Не имѣютъ-ли того же значенія что и родъ слова: «прерода» или природа, корень?

7. Употребительно-ли въ разговорномъ языкѣ слово *племя*, *племень*, обозначающее потомство частнаго колѣна; не встрѣчается-ли это выраженіе лишь въ свадебныхъ пѣсняхъ и въ пословицахъ при чемъ стоитъ рядомъ со словомъ родъ?

8. Употребляется-ли въ данной мѣстности слово *родовой* и въ какомъ значеніи?

9. Не замѣняютъ-ли крестьяне это слово выраженіями преродный, коренной (напр. земля не своя преродная, а досталось изъ другаго рода; коренной домъ)?

10. Нѣтъ-ли отдѣльныхъ поселковъ состоящихъ изъ потомковъ одного общаго предка, и деревень носящихъ имя перваго поселѣнника и основателя рода?

11. Сохраняютъ-ли отдѣльныя семьи и лица свои фамильныя и родовыя прозвища?

12. Много-ли въ данной мѣстности семей съ одинаковыми прозвищами или каждая семья и отдѣльныя лица имѣютъ свои особыя прозвища?

13. Какія прозвища употребительны въ данной мѣстности (желательно имѣть списокъ какъ прозвищъ для цѣлыхъ семействъ такъ и для отдѣльныхъ лицъ — мужчинъ и женщинъ)?

14. Не считается-ли одно и тоже родство при одной и при разныхъ фамиліяхъ — одно ближе, другое дальше?

15. Что именно послужило основаніемъ того или иного прозвища—происхожденіе-ли, занятія-ли, личныя качества и пр., какъ напр. въ мужскихъ—Захаровъ, Фокинъ, Бочаровъ, Земляковъ, Сычевъ, Перецъ, Соловей; и въ женскихъ — Сычиха, Улитка, Калиниха?

16. Откуда берутъ обыкновенно невѣсту: въ своемъ селеніи или въ чужомъ?

17. Чѣмъ объясняютъ сами крестьяне то или иное обыкновеніе.

18. Не считается-ли грѣховными браки между однофамильцами и между односельчанами въ такихъ деревняхъ, въ которыхъ жители по преданію происходятъ отъ общаго родоначальника; или же напротивъ: считается дозволительнымъ только такіе браки, а осуждаются браки съ членами другихъ родовъ, фамилій и селеній?

19. Вступаютъ-ли въ бракъ однофамильцы?

20. Нѣтъ-ли различія въ этихъ вопросахъ между обычаями былаго времени и нынѣшними; если да, то что повліяло на измѣненіе обычаевъ?

21. Не имѣется-ли въ данной мѣстности общихъ родовыхъ имуществъ, составляющихъ принадлежность всѣхъ членовъ одного хотя бы и распавшагося на отдѣльныя семьи рода?

22. Какъ при раздѣлѣ семьи распредѣляются свадебныя издержки на лицъ женскаго пола между мужскими членами семьи?

23. Кромѣ господствующихъ фамилій кончающихся на овъ, евъ, инъ встрѣчаются-ли прозвища на скій, *скихъ*, ичъ, *ыхъ* (напр. Бѣлы́хъ, Черны́хъ и т. п.)?

24. Не извѣстно-ли какъ произошли послѣдняго рода прозвища?

25. Нѣтъ-ли въ данной мѣстности прозвищъ, употребляемыхъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа напр. Дарья Бѣляевыхъ?

25. Въ обычаѣ-ли у крестьянъ называть другъ друга по отчеству: Прохорычъ, Сидорычъ, и т. п. употребляется-ли это какъ доказательство болѣе близкихъ отношеній двухъ лицъ или какъ знакъ почтенія и уваженія?

26. Какія *родовыя* знаки собственности (тамги, клейма, пятна и т. п.) употребительны въ данной мѣстности (рисунки!)?

Примѣчаніе. Подробные вопросы сюда относящіеся см. ниже въ главѣ 18 „Знаки собственности".

---

5. Союзъ родственный.

1. Какими названіями народъ въ данной мѣстности выражаетъ общее понятіе о родственной связи (родство, свойство, сватовство, кумовство, крестовство, родня, родникъ, сродникъ, родъ, пререда, коренъ, племя, колѣно, приколѣнье, присвой и др.). Каково значеніе каждаго изъ такихъ названій?

2. Какія въ настоящее время наиболѣе употребительныя, какія выходятъ изъ употребленія?

3. Выражаетъ-ли народъ словомъ «родство» только понятіе о кровной связи или употребляетъ его и въ болѣе широкомъ смыслѣ—для обозначенія также кумовства и свойства (согласно существующей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поговоркѣ: кумовство и свойство—тоже родство.)?

4. Не обозначаютъ-ли словомъ родство и цѣлой группы лицъ, стоящихъ съ кѣмъ либо въ родственной связи (напр. женихово родство)?

5. Называютъ-ли словами: родной, родня, родитель, родникъ, сродникъ, и т. п.—только кровныхъ родственниковъ или также и некровныхъ и свойственниковъ, называя напр. даже зятя родителемъ (Арх. губ.)?

6. Не употребляется-ли слово родъ въ смыслѣ племя?

7. Не употребляется-ли слово племянникъ для обозначенія родственниковъ вообще?

8. Не обозначаютъ-ли словомъ родители умершихъ вообще даже не родственниковъ?

9. Не означаетъ ли слово «сродный» = двоюродный или же сводный?

10. Какія существуютъ въ данной мѣстности дѣленія родства и свойства (напр. родство по крови, по усыновленію, духовное, по молоку; свойство двухродное, трехродное и пр.)?

11. Какія существуютъ дѣленія родни (напр. дальняя, близкая, большая, малая, толстая, родня съ боку припеку и т. п.) при семъ необходимо болѣе точное объясненіе всѣхъ этихъ терминовъ?

12. Какими словами обозначаются виды отдаленнаго и близкаго родства?

13. Не называются-ли родство, простирающееся далѣе 3 колѣна или 6 степени, и лицо, стоящее въ такомъ родствѣ—*природой* (напр. «она намъ была еще природой») или какъ нибудь иначе?

14. Не обозначается-ли *дальное* свойство словомъ присвой или какъ нибудь иначе?

15. Какъ называется потомство и дѣти вообще (напр. отродъ, отплодъ и т. д. откуда безотродный = бездѣтный)?

16. Нѣтъ-ли особыхъ названій для сиротъ?

17. Какими способами народъ опредѣляетъ близость и отдаленность родства и свойства между отдѣльными лицами?

18. Какое понятіе о родственныхъ степеняхъ, линіяхъ и колѣнахъ?

Примѣчаніе. Г. Мулловъ описываетъ слѣдующій наглядный способъ исчисленія родства употребленный однимъ крестьяниномъ: старикъ всталъ, положилъ кисти обѣихъ рукъ себѣ на голову и говоритъ: это отецъ—первая степень; затѣмъ положилъ кисти рукъ себѣ на плечи: это родные братья, его сыновья—вторая ступень; потомъ показывая въ одно и то же время противоположными кистями рукъ на локтевые изгибы: это двоюродные братья—четвертая ступень; наконецъ, указывая на изгибы кистей: это троюродные братья—шестая ступень, а дальше показывая на оконечности пальцевъ, седьмая, а тамъ уже будетъ 8-я, тамъ смѣло вѣнчай (Вѣкъ 1862 № 15).

19. Какимъ путемъ исчисляются и опредѣляются эти степени и колѣна?

20. Кѣмъ разбираются степени родства: стариками, свѣдующими людьми или же священниками?

21. Что называетъ народъ родствомъ *названымъ*, *нарѣченнымъ*, *богоданнымъ*?

22. Какими еще названіями обозначается въ данной мѣстности это же понятіе?

23. Какія названія употребляются въ данной мѣстности для богоданныхъ родственниковъ (напр. моленій, тысяцкій, сватовецъ — посаженный отецъ; почестные братья—дружки на свадьбѣ; духовные братья—по исповѣди у одного духовника, и пр.)?

---

24. Ясно-ли различаетъ народъ въ данной мѣстности родство кровное отъ не кровнаго и отъ свойства?

25. Различается-ли кровное родство по мужской и женской линіямъ, какому изъ обоихъ видовъ придается бо́льшее значеніе и какими словами обозначаютъ? Не существуетъ-ли обычая напр. что въ братниномъ поколѣніи не вступаютъ въ бракъ до пятаго колѣна, а со стороны сестры только до четвертаго?

26. Не считаются-ли болѣе близкими между собою единоутробные братья чѣмъ единокровные?

27. Не придается-ли болѣе значенія родственниками со стороны отца чѣмъ со стороны матери, какъ напр. въ Арх. губ. поется: родители *большіе*, что съ батюшковой стороны а *честные* что съ матушкиной стороны?

28. Какія названія существуютъ для лицъ, состоящихъ между собою въ кровномъ родствѣ и свойствѣ (напр. матушка, дядюшка, дѣдина, племянникъ, сестренница, братъ въ первыхъ, братъ въ другихъ, отчимъ, свекоръ, шуринъ, зять, свѣстъ, золовка, своякъ и т. д.) при чемъ желательно имѣть полную родословную таблицу, составленную изъ народныхъ названій въ данной мѣстности?

29. Какія названія употребляются при личномъ обращеніи и какія за глаза?

30. Не обозначаются-ли единокровныя и единоутробныя дѣти особыми мѣстными названіями (напр. приведенныя или сведенья; нарѣченный батюшка; богоданаго сына; братомъ.)?

31. Почитаются-ли пасынки и падчерицы родными по отношенію къ отчиму или пріобрѣтаютъ положеніе дѣтей послѣдняго только чрезъ усыновленіе?

---

32. Среди *населенія Кавказа*, гдѣ распространено многоженство, при чемъ одна жена считается старшей, а остальныя младшими (—«номулусъ» т. е. имянныя жены), дѣти этихъ послѣднихъ носятъ-ли особыя названія въ отличіе отъ дѣтей главныхъ женъ?

33. Пользуются-ли дѣти отъ имянныхъ женъ тѣми-же правами какъ и дѣти отъ женъ главныхъ? Не находятся-ли первыя въ бо́льшей зависимости отъ отца, чѣмъ вторыя?

34. Платитъ-ли отецъ калымъ въ случаѣ женитьбы сына отъ имянной жены?

35. Получаетъ-ли отецъ калымъ, при выдачѣ замужъ дочери, прижитой отъ имянной жены?

36. Имѣютъ-ли дѣти имянныхъ женъ право наслѣдовать имущество отца, которое послѣдній пріобрѣлъ безъ помощи семейнаго капитала?

37. Имѣютъ-ли дѣти отъ имянной жены право на долю при раздѣлѣ семейнаго имущества?

38. При раздѣлѣ семейнаго имущества поступаютъ-ли въ раздѣлъ и дѣти отъ имянныхъ женъ или всѣ дѣлящіеся владѣютъ ими сообща и послѣ раздѣла?

39. Имѣютъ-ли право сыновья отъ имянныхъ женъ наслѣдовать отцу, если у послѣдяго остались сыновья отъ законной жены?

40. Наслѣдуютъ-ли дѣти мужскаго пола отъ второстепенныхъ женъ отцовское имущество, если главная жена бездѣтна или имѣетъ только дочерей?

---

41. Какія лица признаются незаконнорожденными? Дѣти (православныхъ) рожденные внѣ брака, непривѣнчанныя и не усыновленныя, но *признанныя отцомъ* не называются-ли всѣми по отечеству отъ отца, носятъ его прозвище и пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей?

42. Не считаютъ-ли православные дѣтей старообрядцевъ (когда православнымъ неизвѣстно былъ-ли бракъ между родителями) и дѣтей раскольниковъ, не признающихъ брака — за законныхъ дѣтей, если они таковыми признаются своими родителями?

43. Пользуются-ли всѣми правами родныхъ дѣтей дѣти, рожденныя внѣ брака отъ жениха и невѣсты, отъ вдовы и родственника ея по-

койнаго мужа, отъ господина и служанки (какъ напр. у нѣкоторыхъ инородцевъ)?

44. Каковъ вообще взглядъ крестьянъ на *незаконнорожденныхъ* дѣтей и какими мѣстными названіями ихъ обозначаютъ?

45. Считаются-ли они родными?

46. Не пріобрѣтаютъ-ли они значеніе родныхъ дѣтей только черезъ усыновленіе или чрезъ вступленіе отца ихъ впослѣдствіи въ бракъ съ ихъ матерью?

47. Чью фамилію носитъ незаконнорожденный — матери, крестнаго или роднаго отца?

48. Существуетъ-ли обычай «привѣнчиванія», по которому женихъ передъ вѣнцомъ изъявляетъ согласіе принять незаконныхъ дѣтей невѣсты послѣ чего священникъ или начетчикъ приписываетъ ихъ къ его семьѣ и они получаютъ право законныхъ родныхъ дѣтей принявшаго?

---

49. У *инородцевъ* считались-ли въ прежнее время незаконными дѣтьми, рожденныя отъ брака свободнаго съ рабыней?

50. Могли-ли дѣти отъ брака свободнаго съ рабыней быть продаваемы своимъ отцомъ, и подлежали-ли они раздѣлу между членами семьи наравнѣ съ прочимъ имуществомъ?

51. Бывали-ли случаи, что владѣлецъ позволялъ постороннимъ лицамъ жить съ своими рабынями съ условіемъ, чтобы дѣти прижитыя отъ такого сожитія считались дѣтьми владѣльца рабынь?

---

52. Ясно-ли различаетъ народъ *духовное родство* отъ кровнаго и отъ свойства?

53. Не уважается-ли кумовство даже болѣе кровнаго родства?

54. Бываетъ-ли сожительство кума съ кумой?

Встрѣчается-ли это какъ обыкновенное явленіе или какъ исключительное и пр ?

Какія относящіеся къ сему прибаутки, побасенки и пр.?

Не почитается-ли народомъ наоборотъ плотская связь между состоящими въ духовномъ родствѣ за специально преступную?

55. Какую роль играютъ крестные родители на семейныхъ совѣщаніяхъ?

56. Не имѣютъ-ли духовные родители и родственники особыхъ названій (напр. крестный, божатъ, божинъ, божатко, крестовушко)?

57. Кого обыкновенно выбираютъ крестнымъ отцомъ и матерью?

58. Можетъ-ли приглашаемый въ воспріемники отказаться?

59. Какъ смотритъ народъ на такой отказъ?

60. Берутъ-ли когда либо въ кумовья перваго встрѣчнаго и по какимъ соображеніямъ; нѣтъ-ли касательно этого обычая преданій, повѣрій и пр.?

61. Считается-ли родственникомъ лицо, которое даетъ имя ребенку?

62. Считается-ли родственницей кормилица? запрещается-ли бракъ между молочными братьями и сестрами?

63. Несутъ-ли молочные братья одинъ по отношенію къ другому а также по отношенію къ отцамъ другъ друга обязанность защиты и покровительства?

64. Какими обрядами сопровождается крещеніе ребенка?

65. Каковы въ нихъ роли и обязанности воспріемниковъ?

66. Принимаетъ-ли въ нихъ какое либо участіе повивальная бабка (повитуха) и какое именно?

67. Какъ относится къ ней простой народъ и въ частности члены того семейства, въ которомъ она помогала при рожденіи?

68. Считается-ли родственницей бабка, принявшая ребенка?

69. Не пользуется-ли повитуха иногда особымъ почетомъ и уваженіемъ со стороны той семьи гдѣ она принимала?

70. Не считается-ли она почетною гостью и пр.?

71. Нѣтъ-ли для повивальной бабки особыхъ ласковыхъ названій?

72. Не играетъ-ли повитуха какую роль въ свадебныхъ обрядахъ, не вводятъ-ли напр. она невѣсту къ жениху на смотринахъ (корелы)?

---

73. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *обычай брататься* («побратимство», «посестріе»)?

74. Какія названія употребительны какъ для самаго обычая (братанье, крестованье, крестосованіе), такъ и для лицъ, заключающихъ союзъ братства (крестовый, крестованный братъ, названый братъ)?

75. Насколько распространенъ этотъ обычай въ данной мѣстности?

76. Какими обрядами сопровождается заключеніе союзовъ побратимствъ (смѣшеніе крови, сидѣнія на одной кожѣ, обниманіе другъ друга черезъ саблю и т. п.)?

77. Не обмѣниваются-ли братающіеся крестами, не вручаютъ-ли другъ другу подарковъ?

78. Не считается-ли обязательнымъ для лица, получившаго подарокъ отъ своего побратима при заключеніи съ нимъ братскаго союза, отдарить послѣдняго въ той же мѣрѣ?

79. Считается-ли братанье родствомъ и какія вообще отношенія возникаютъ между побратавшимися?

80. Не признается-ли братанье обязательнымъ для нѣкоторыхъ лицъ (напр. для жениха и невѣстина брата)?

81. Существуетъ-ли обычай посестрія т. е. подобнаго же союза между двумя женщинами?

82. Не сохранилось-ли преданій о существованіи этого обычая въ былое время?

83. Существуетъ-ли обычай кумиться между женщинами въ какой нибудь опредѣленный праздникъ или при совершеніи извѣстныхъ поминокъ?

84. Какими обрядами, какими пѣснями сопровождается этотъ обычай?

85. Заключаютъ-ли между собою союзъ братства лица не одинаковаго пола и рѣзко различнаго возраста?

86. Ясно-ли различаетъ народъ братаніе и посестріе отъ кумовства?

87. Не-бываетъ ли случаевъ и не сохранилось-ли преданій о томъ, чтобы союзъ братства могъ *наслѣдственно* переходить отъ одного потомства въ другое, напр. будучи заключенъ родителями считался бы обязательнымъ и для ихъ дѣтей?

---

88. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *обычай усыновленія?*

89. Какое различіе усматривается въ понятіяхъ крестьянъ объ усыновленныхъ, пріемышахъ, подкидышахъ и питомцахъ?

90. Нѣтъ-ли различія во взглядѣ крестьянъ на питомцевъ воспитательныхъ домовъ и воспитанниковъ принятыхъ отъ частныхъ лицъ?

91. Какими названіями обозначаются лица, вступившія къ кому либо чрезъ пріемъ на воспитаніе и т. д. въ положеніе родителей и дѣтей (напр. пріемышъ, воскормленникъ, прій-макъ, новожиръ, выхованецъ, шпитатка, богоданное дитятко, захребетникъ)?

92. Дѣлается-ли какое либо различіе между пріемышемъ и усыновленнымъ?

93. Какія условія требуются для усыновленія (возрастъ усыновителя, усыновляемаго, извѣстное положеніе въ семьѣ и общинѣ, брачное состояніе)?

94. Можетъ-ли женщина самостоятельно брать пріемышей и усыновлять?

95. Принимаются-ли только дѣти или же и взрослые?

96. Соблюдается-ли какое либо соотвѣтствіе между годами принимателя и принимаемаго?

97. Требуется-ли при усыновленіи согласіе на то сельскаго общества?

98. Необходимо-ли получить согласіе общества на усыновленіе, дабы усыновленный получилъ право на пользованіе мірской землей (X т. 1 ч. 155—161)?

99. Не допускается-ли усыновленіе тогда лишь, когда у усыновителя нѣтъ другихъ дѣтей (почему?)

100. Допускается-ли у инородцевъ усыновленіе, когда у желающаго усыновить имѣются родственники по мужской линіи?

101. Требуется-ли у инородцевъ для усыновленія согласія родственниковъ по мужской линіи?

102. При какихъ обстоятельствахъ и какимъ путемъ совершается усыновленіе?

103. Достаточна-ли простая передача, необходимо-ли присутствіе свидѣтелей?

104. Исполняется-ли при этомъ церковный обрядъ или какіе либо народные обряды?

105. Заключаются-ли при этомъ письменныя условія, гдѣ свидѣтельствуются они (доставить копіи съ нихъ)?

106. Не исполняется-ли надъ усыновляемымъ какихъ либо обрядовыхъ знаковъ сыновняго подчиненія (напр. обрѣзаніе волосъ и т. п.)?

107. Существуетъ-ли обычай отдачи на усыновленіе подкинутаго младенца, когда добровольно его никто не принимаетъ: не кидается-ли напр. въ такихъ случаяхъ на сходѣ между бездѣтными крестьянами жребій, кому принять на воспитаніе подкинутаго (Балахтин. у.) причемъ остальные бездѣтные платятъ принявшему извѣстную сумму на воспитаніе?

108. При усыновленіи происходитъ-ли какое нибудь измѣненіе въ имени усыновляемаго?

109. Не извѣстенъ-ли среди мѣстныхъ крестьянъ (раскольниковъ) обрядъ *перерожденія,* по которому жена принимающаго ложится въ постель и пропускаетъ принимаемаго сквозь свою рубашку, говоря «рожу въ грѣхахъ и страданьяхъ» и проч. (Пошехон. у.; Череповск. у.)?

110. Не извѣстны-ли какія либо иныя символическія дѣйствія при усыновленіи (напр. сосаніе груди жены усыновителя, сосаніе пальца и т. п.)?

111. Если пріемышъ имѣетъ родную семью, то съ поступленіемъ въ другую семью теряетъ-ли онъ право на наслѣдство въ первой?

112. Допускается-ли усыновленный (у инородцевъ) при примиреніи кровниковъ — къ наслѣдованію имущества, оставшагося послѣ усыновившаго?

113. Если родные родители пріемыша пожелаютъ взять его обратно къ себѣ, обязаны-ли они заплатить за его воспитаніе или за годы, прожитые имъ въ принявшей его семьѣ (сколько именно)?

114. Какія обязанности усыновителя?

115. Каковы обязанности усыновленнаго (почитать усыновителя, содержать его, покоить на старости, поминать его душу и т. д.)?

116. Имѣетъ-ли принятый имущественныя права (какія именно) еще при жизни принявшихъ его (напр. пріемная дочь получаетъ приданое)?

117. Какая его доля при семейномъ раздѣлѣ?

118. Не берется-ли отъ усыновителя росписки въ томъ, что онъ обязуется дать усыновленному надѣлъ наравнѣ съ родными дѣтьми (доставить копіи)?

119. Удаляя пріемыша, пріемный отецъ обязанъ-ли заплатить ему за работу; если да, то расчитываетъ-ли онъ со дня принятія или же съ того времени, когда онъ можетъ считаться

работникомъ по день его ухода; вычитаются-ли при этомъ издержки на воспитаніе?

120. Женатому пріемышу присуждается-ли плата за него и за жену?

121. Прогнанный пріемышъ имѣетъ-ли право требовать нажитое имъ лично имущество?

122. Какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ съ имуществомъ, которое пріемышъ принесъ съ собой въ принявшую его семью?

123. Усыновленный становится-ли послѣ смерти усыновителя полнымъ наслѣдникомъ его имущества?

124. Какого рода споры и иски бываютъ между принятыми въ семью и принимателями, какъ рѣшаютъ ихъ народные суды (копіи)?

Какого рода споры и иски между принятыми и родственниками принимателей?

Не пользуются-ли родственники эти тѣмъ, что *писаный* законъ признаетъ лишь усыновленіе крестьянами по приговору схода, при чемъ усыновляемый не долженъ быть старше 10-ти лѣтъ отъ роду, равно какъ и тѣмъ, что волостнымъ судамъ подсудны лишь иски не свыше 100 р. с. и не подаютъ-ли они (родственники принимателя) на этихъ основаніяхъ рѣшенія волостныхъ судовъ, коль скоро онѣ для нихъ не благопріятны, въ кассаціонную инстанцію или не вчиняютъ-ли они иска прямо въ окружномъ судѣ, который и рѣшаетъ *по закону* дѣло противъ принятаго въ семью *по обычаю?*

Какъ часты такіе случаи въ данной мѣстности?

125. Часты-ли случаи принятія *зятьевъ?*

126. Охотно-ли принимаютъ зятя въ семью?

127. Охотно-ли идутъ въ зятья — пріемыши?

128. Какія причины побуждаютъ принимать въ семью зятьевъ (недостатокъ рабочихъ рукъ, отсутствіе дѣтей мужскаго пола)?

129. Какія причины побуждаютъ идти въ зятья?

130. Заключаются-ли (часто-ли) какія-либо условія («любовное письмо,» «пріемное условіе») при пріемѣ зятьевъ; не обходимъ-ли при этомъ свидѣтель?

131. Если условія эти письменны, то доставить копіи съ нихъ?

132. Записываются-ли они въ книги при волостныхъ правленіяхъ?

133. Содержаніе условій этихъ представляется доброй волѣ хозяина или же опредѣлено обычаемъ; не играетъ-ли въ нихъ главную роль пунктъ о наслѣдованіи?

134. Считаются-ли пріемный зять и невѣстка усыновленными?

135. Чѣмъ вообще они отличаются по понятіямъ крестьянъ отъ прочихъ пріемышей: не называютъ-ли ихъ напр. «родными пріймаками» въ отличіе отъ «выхованьцовъ» (Подольск. губ.) при чемъ послѣдніе могутъ вступать въ бракъ съ членами принявшей ихъ семьи и т. п.?

136. Не считается-ли наоборотъ усыновленный роднѣе зятя, ибо почитаетъ усыновителя за роднаго отца, тогда какъ зять связанъ съ принявшимъ его лишь черезъ свою жену (у донскихъ крестьянъ)?

137. Каковы обязанности принятаго зятя (почитать тестя съ тещей, повиноваться ли, жить при немъ и пр.)?

138. Не случается-ли что тесть отдаетъ еще при своей жизни все имущество зятю пріемышу?

139. Какая кара постигаетъ зятя пріемыша за непочтительность по отношенію къ тестю съ тещей и за самовольный уходъ?

140. Прекращаются-ли отношенія между зятемъ и тестемъ по смерти жены зятя?

141. Обязанъ-ли зять въ случаѣ смерти тестя воспитывать малолѣтнихъ дѣтей тестя?

142. Не раздѣляются-ли послѣднія съ нимъ по достиженіи совершеннолѣтія или послѣ вступленія въ бракъ?

143. Какія права имущественныя зятя пріемыша: получаетъ-ли онъ что нибудь если отдѣляется отъ тестя, проживъ короткій срокъ въ его семьѣ и овдовѣвъ?

144. Какую долю получаетъ онъ по смерти тестя, равную съ прочими наслѣдниками или меньшую; имѣетъ-ли вліяніе на раздѣлъ дома болѣе долгій срокъ жизни и работы на тестя?

---

145. Случается-ли *у инородцевъ (аталычество)*, что отецъ отдаетъ своего сына на воспитаніе въ чужой домъ?

146. Принадлежитъ-ли право отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе чужимъ людямъ только лицамъ высшаго сословія или всѣмъ вообще?

147. Кого выбираютъ въ воспилатели: лицо-ли болѣе низкаго сословія, чѣмъ отецъ воспитанника или лицо равное съ нимъ по положенію?

148. Какіе обряды сопрождаютъ отдачу сына на воспитаніе въ чужія руки?

149. Какъ называется воспитатель и какъ воспитанникъ (напр. воспитатель называется— «аталыкъ», а воспитанникъ «емчекъ»)?

150. До какого возраста воспитанникъ остается въ домѣ воспитателя; какіе обряды соблюдаются при возвращеніи воспитанника въ родительскій домъ?

151. Какое вознагражденіе получаетъ аталыкъ во время пребыванія въ его домѣ воспитанника и по возвращеніи послѣдняго въ родительскій домъ?

152. Дарилась-ли аталыку въ числѣ другихъ вещей земля отъ родителей воспитанника?

153. Позволилось-ли аталыку отчуждать эту землю?

154. Считается-ли воспитатель родственникомъ питомца, въ какихъ степеняхъ соблюдается это родство и до какого колѣна оно продолжается?

155. Существуетъ-ли обычай, по которому воспитатель (аталыкъ) долженъ подъискивать невѣсту своему питомцу?

156. Допускаются-ли аталыки къ участію въ семейныхъ судахъ, разбирающихъ споры между близкими родственниками?

---

157. *Шаферъ, дружко* считается-ли родственникомъ въ степени не допускающей вступленіе въ бракъ напр. съ вдовой того, котораго онъ сопровождалъ къ вѣнцу и т. п.?

158. Считается-ли родственникомъ жениха и его семьи дружко, который передъ выходомъ невѣсты изъ родительской сакли обводитъ ее три раза вокругъ очага?

159. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ принято чтобы новобрачный скрывался нѣкоторое время у своего пріятеля и видѣлся съ женой только тайкомъ, не считается-ли этотъ пріятель родственникомъ новобрачнаго?

---

160. Кто изъ некровныхъ родственниковъ и свойственниковъ пользуется въ народѣ осебеннымъ почетомъ и по какимъ соображеніямъ?

161. Каковъ вообще *характеръ* взаимныхъ родственныхъ *отношеній* въ простомъ народѣ; въ чемъ эти отношенія проявляются въ данной мѣстности (напр. въ *радушномъ пріемѣ*, почетномъ мѣстѣ, непремѣнномъ присутствіи на свадьбахъ и т. п.; въ оказаніи матеріальной помощи въ случаѣ какого либо несчастія, родственной помощи и пр. записываніе въ поминаніе и т. д.)?

162. Не считается-ли стыднымъ предъ тѣмъ или инымъ родственникомъ снимать одежду, обнажать грудь, ноги и пр., распускать косы и т. п. тогда какъ все это допускается въ присутствіи лицъ постороннихъ?

163. Нѣтъ-ли обычая, по которому женщины, работая на поляхъ въ однихъ сорочкахъ въ присутствіи другихъ мущинъ, при появленіи родственника (какого именно?), спѣшатъ надѣть верхнюю одежду?

164. Не существуетъ-ли въ данной мѣстности обычая *избѣгать разговора* съ тѣмъ или другимъ родственникомъ, *не смотрѣть* на него, не произносить его имени?

165. Передъ кѣмъ изъ старшихъ родственниковъ, по обычаю, нельзя сѣсть ранѣе приглашенія?

166. Не принято-ли, чтобы мать вдова оставалась на ногахъ пока обѣдаетъ старшій сынъ?

167. Принято-ли въ данной мѣстности, что бы обѣдали сначала мужчины, а затѣмъ женщины?

168. Обѣдаютъ-ли мужъ и жена одновременно или порознь?

169. Въ какомъ порядкѣ разсаживаются родственники на пирахъ и празднествахъ (напр. на свадьбѣ)?

170. Не рисуется-ли въ преданіяхъ, пѣсняхъ, легендахъ мать, какъ наиболѣе близко стоящая къ сыну (дочери), какъ постоянно заботящаяся о немъ, совѣтующая ему и т. п.?

171. Не находится-ли въ преданіяхъ, пѣсняхъ и пр. намека, что послѣ матери ближайшимъ къ человѣку лицомъ является ни кто иной, какъ сестра или братъ, принимающіе близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ и т. п.?

172. Кто считается самымъ почетнымъ гостемъ изъ всѣхъ родственниковъ?

173. Какія употребляются поговорки, рисующія родственныя отношенія (напр. зять по дочкѣ помилѣетъ, а сынъ по невѣсткѣ опостылѣетъ; женина родня милѣе своей и пр.)?

174. Не вліяетъ-ли различіе въ экономическомъ положеніи на характеръ отношеній между родственниками?

175. Не способствуетъ-ли бѣдность одного изъ двухъ родственниковъ ихъ взаимному отдаленію, не охладѣваютъ-ли родственныя чувства вмѣстѣ съ обѣдненіемъ?

---

176. Въ какой мѣрѣ народъ считаетъ родство *препятствіемъ* для вступленія *въ бракъ* и какія степени родства онъ считаетъ таковыми.

177. Составляютъ-ли понятія народа о запрещенности брака въ близкихъ степеняхъ родства произведеніе его собственнаго ума, собственныхъ убѣжденій, или-же онъ только считаетъ необходимымъ подчиняться правиламъ Церкви и законамъ государства?

178. Не распространены-ли среди народа какія нибудь легенды, сказки, разсказы о великихъ несчастіяхъ, происшедшихъ отъ заключенія брака въ близкихъ степеняхъ родства, если такія легенды существуютъ, то записать подробно?

179. Не замѣчается-ли что женскій полъ особенно строгъ при опредѣленія дозволенныхъ для брака степеней?

180. Не считаютъ-ли на оборотъ даже хорошей примѣтою бракъ въ близкомъ родствѣ (напр. говоря въ нѣкоторыхъ случаяхъ: у молодыхъ лучшеовцы поплетутся)?

181. Каковы воззрѣнія на тотъ-же предметъ у мѣстныхъ раскольниковъ?

182. За опредѣленіемъ степени родства крестьяне обращаются-ли къ священникамъ или къ опытнымъ людямъ (какимъ именно) въ своей средѣ?

183. Бываютъ-ли и, если бываютъ, то часто-ли такого рода случаи въ быту крестьянскомъ, чтобы кто либо домогался дозволенія о вступленіи въ бракъ въ болѣе близкихъ, противъ принятаго, степеняхъ родства?

184. Не замѣчается-ли разницы въ этомъ дѣлѣ между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ: не были-ли ранѣе обычаи строже?

185. Считаетъ-ли народъ по собственному міровоззрѣнію препятствіемъ для вступленія въ бракъ свойство или-же онъ только признаетъ въ этомъ случаѣ необходимымъ подчиняться правиламъ церкви и государства?

186. Какія степени свойства служатъ препятствіемъ къ браку?

187. Не расположенъ-ли народъ считать позволительнымъ бракъ двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ и т. п.?

188. Въ какихъ степеняхъ служитъ кумовство препятствіемъ для вступленія въ бракъ?

189. Вступаютъ-ли въ бракъ другъ съ другомъ лица, имѣющія одного крестнаго отца (мать)?

190. Вступаютъ-ли въ бракъ дѣти двухъ побратимовъ (крестовыхъ братьевъ)?

191. Допускается-ли бракъ усыновителя съ усыновленною, усыновленнаго съ дочерью, съ внукой усыновителя и т. д.?

192. Могутъ-ли пріемыши въ крестьянскомъ семействѣ вступать въ бракъ съ принявшими ихъ лицами или съ ихъ дѣтьми?

193. Дозволенъ-ли бракъ молочнаго брата съ молочною сестрой?

194. Нѣтъ-ли въ данной мѣстности обычая вовсе не считать родство и свойство препятствіемъ для вступленія въ бракъ?

195. Не считается-ли напр. дозволительною женитьба на роднаго дяди племянницѣ, на невѣсткѣ или женѣ умершаго брата и т. п. Обычаи эти должны быть подробно описаны и изображены?

196. Не считается-ли (какъ въ сектѣ Ѳеодосѣевцевъ) дозволительнымъ «паденіе» даже съ сестрою родною, если нѣтъ средствъ пріобрѣсть ласки сторонней женщины?

6. Древнія формы брака и слѣды ихъ.

Примѣчаніе. Ранѣе появленія той формы брака какая господствуетъ у насъ въ настоящее время, существовали иныя. Въ отдаленныя времена допускалась полная свобода общенія половъ внѣ брачнаго союза, была общность женъ и то, что теперь считается развратомъ прежде не только пользовалось всеобщимъ одобреніемъ, но имѣло и религіозное значеніе, соединяясь съ чествованіемъ того или инаго языческаго божества (напр. Ярилы, Купалы и т. п.); дозволялось лицамъ родственнымъ между собой имѣть общую жену; дозволялись браки между лицами родственными другъ другу (то что нынѣ считается кровосмѣшеніемъ); былъ далѣе распространенъ обычай добывать себѣ невѣсту посредствомъ кражи дѣвушки изъ чужаго рода или посредствомъ покупки ея у родичей; наконецъ не смотря на распространеніе въ послѣдствіи христіанства самое церковное вѣнчаніе долгое время не было въ обычаѣ, такъ какъ въ простомъ народѣ распространено было мнѣніе (съ которымъ Церковь долго боролась), что вѣнчаться должны только одни бояре и князья; и еще не въ очень отдаленномъ времени браки безъ вѣнчанія или съ запаздываніемъ вѣнчанія встрѣчались сплошь и рядомъ (такъ напр. у донскихъ казаковъ вплоть до конца прошлаго вѣка вступавшіе въ бракъ довольствовались лишь объявленіемъ передъ сходкой объ избранной ими невѣстѣ), а среди крещеныхъ инородцевъ нашихъ окраинъ (напр. у вотяковъ, а иногда и среди русскихъ напр. въ Сибири) случается и донынѣ, что церковное вѣнчаніе производится долгое время спустя послѣ свадьбы, брачный-же союзъ считается заключеннымъ какъ скоро совершены тѣ или иные обряды на свадебномъ пиршествѣ.

Хотя воззрѣнія на бракъ народа нашихъ дней совсѣмъ иныя чѣмъ въ былыя времена, но остатки старинныхъ порядковъ доселѣ продолжаютъ существовать въ видѣ обрядовъ или обычаевъ хотя и потерявшихъ уже свое первоначальное значеніе, но все еще соблюдаемыхъ по старинѣ.

Собираніе этихъ то обломковъ былаго и является дѣломъ крайне важнымъ въ научномъ отношеніи. Съ этой цѣлью и предложены нижеслѣдующіе вопросные пункты этой главы.

Собиратель не долженъ ограничиваться только обнаруживаніемъ и сообщеніемъ того или иного древняго обычая: онъ долженъ стараться отмѣчать — *разумѣется тогда лишь когда къ тому есть какая либо возможность* — и самыя *воззрѣнія* народа данной мѣстности на данный обычай (напр. на снохачество, на несоблюденіе дѣвушкой цѣломудрія и т. п.). Дѣло въ томъ, что воззрѣнія эти народомъ мѣняются лишь постепенно, а потому представляютъ много переходовъ отъ полнаго одобренія свободы половаго общенія до полнаго ея осужденія, какъ дѣйствія безнравственнаго и развратнаго. Болѣе подробное знакомство съ этими *переходными взглядами* представляетъ весьма высокій интересъ. Вотъ почему всякое сюда относящееся свѣдѣніе добросовѣстно записанное и провѣренное ,является крайне желательнымъ.

1. Допускается-ли свобода половаго общенія внѣ брака? Если бываетъ, то въ какихъ формахъ: въ видѣ-ли постояннаго сожительства или болѣе или менѣе продолжительнаго или совершенно случайнаго?

2. Если такой свободы нѣтъ, то не сохранилось-ли о существованіи сего нѣкогда преданій въ пѣсняхъ, разсказахъ стариковъ?

3. Не существуетъ-ли въ описываемой мѣстности раскольничей секты, не признающей брака?

4. Какой взглядъ у членовъ этой секты на половыя сношенія, цѣломудріе, рожденіе дѣтей дѣвушками?

5. Что извѣстно въ данной мѣстности о «свальномъ грѣхѣ»?

6. Не существуетъ-ли или не существовало прежде сборища, на которомъ парни и дѣвушки

выбираютъ другъ друга, кто съ кѣмъ желаютъ и парами отправившись въ лѣсъ, къ рѣкѣ и т. п. вступаютъ въ половое другъ съ другомъ общеніе?

7. Не бываютъ-ли особыя празднованія, увеселенія, игрища, на которыхъ допускается свободное половое общеніе (напр. въ купальской ночи; наканунѣ Рождества, Троицына дня; на красной горкѣ;) если бываютъ, то когда именно (въ купальской ночи, на красной горкѣ и т. д.)?

8. Что происходитъ на этихъ игрищахъ (описать возможно подробнѣе), какія пѣсни поются въ этихъ случаяхъ?

9. Требуется-ли обычаемъ, что бы эти сборища были лишь въ извѣстныхъ издавна опредѣленныхъ для этого мѣстахъ?

10. Бываютъ-ли въ данной мѣстности посидѣлки, досвитки? Въ какое время года бываютъ онѣ? Гдѣ онѣ собираются? Что происходитъ на нихъ (возможно подробнѣе описать обстановку и все что происходитъ въ этихъ собраніяхъ). Допускается-ли на этихъ собраніяхъ свобода половаго общенія?

11. Собираются-ли дѣвушки на сидѣлки въ опредѣленные дни недѣли?

12. Допускаются-ли на сидѣлки жители другихъ селеній (какъ дѣвушки, такъ и парни)?

13. Нѣтъ-ли какихъ либо пѣсенъ или игръ исключительно имѣющихъ мѣсто на посидѣлкахъ?

Примѣчаніе. Такъ напр. у уральскихъ казаковъ на посидѣлкахъ играютъ „въ кошары“. Ставятъ параллельно другъ другу двѣ скамьи, на одной садятся дѣвушки на другой казаки (замужнихъ и женатыхъ не допускаютъ). Каждый казакъ забравъ полы своего халата опрокидываетъ его на себя, покрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и голову сидящей противъ него дѣвушки. Въ такомъ положеніи все собраніе и остается болѣе или менѣе продолжительное время, при чемъ влюбленныя пары ведутъ бесѣду. (У. В. В. 1866 г.)

14. Какія названія носятъ вечернія собранія молодежи (вечерницы, вечеренки, посидѣлки, досвѣтки, бесѣдки, улицы, пирища и т. п.) и какая разница?

15. Нѣтъ-ли обыкновенія людямъ зажиточнымъ не допускать устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ, изъ опасенія подвергнутъ ихъ вліянію нечистой силы на тотъ годъ, такъ что лишь неимущія вдовы прибытка ради пускаютъ къ себѣ молодежь?

16. Бываютъ-ли на этихъ собраніяхъ замужнія женщины и семейные люди; если нѣтъ, то на какомъ основаніи?

17. Существуетъ-ли обычай молодымъ парнямъ ходить на ночь къ дѣвушкамъ?

18. Если да, то ходятъ-ли они съ вѣдома родителей и старшихъ или нѣтъ?

19. Если нѣтъ *обычая*, то не встрѣчаются-ли *случаи* такихъ посѣщеній и при какихъ именно обстоятельствахъ?

20. Не извѣстенъ-ли въ данной мѣстности обычай, по которому молодые люди обоего пола ночуютъ вмѣстѣ по парно? въ какихъ случаяхъ бываетъ это (на зимнихъ посидѣлкахъ, на пирушкахъ поповоду свадьбы напр. послѣ дѣвичника и т. п.)?

21. Обычно-ли при этомъ половое общеніе или же оно преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ на столько строго, что случается лишь какъ исключеніе?

22. Не сохранился-ли на посидѣлкахъ обрядъ ложиться спать по парно, хотя эти собранія носятъ совершенно цѣломудренный характеръ?

23. Не относятся-ли парни враждебно къ мущинамъ чужихъ деревень, пришедшимъ на вечеринку или же, допуская гостя къ играмъ, бьютъ, если онъ вздумаетъ ночевать съ дѣвушкой?

24. Не вмѣняетъ-ли себѣ дѣвушка въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, при чемъ это ей нисколько не мѣшаетъ быть взятой въ жены совсѣмъ инымъ (Псковск. губ.)?

25. Какъ смотрятъ родители и родственники на подобныя забавы молодежи: одабриваютъ-ли, смотря какъ на дѣло обыкновенное или нѣтъ?

26. Не обнаруживаютъ-ли они свое неудовольствіе тогда лишь, когда оказываются дѣвушки беременными?

27. Не считается-ли наоборотъ предосудительнымъ если дѣвушка остается въ подобныхъ случаяхъ не выбранной парнемъ?

28. Съ котораго года отроду начинаютъ посѣщать эти собранія дѣвушки и съ котораго— парни?

29. Если старшіе относятся враждебно къ половому сближенію въ подобныхъ случаяхъ, то давно-ли въ данной мѣстности замѣчается это враждебное отношеніе?

30. Не старается-ли молодежь въ такомъ случаѣ собираться тайкомъ, строго храня въ секретѣ время и мѣсто собранія?

31. Не постанавливали-ли въ данной мѣстности общественныхъ приговоровъ, запрещающихъ на всегда ночныя собранія молодежи?

32. Не являются-ли въ настоящее время гонителями посидѣлокъ полицейскія власти — урядники и пр.?

33. Не сохранилось-ли преданій объ обычаѣ, по которому каждая женщина должна разъ въ жизни проституировать себя первому желающему и лишь послѣ этого она получаетъ право выходить замужъ?

Примѣчаніе. Въ Саратовской губ. еще не такъ давно существовало слѣдующее обыкновеніе: Дѣвушка выдаваемая за мужъ предварительно представлялась родителями всякому желающему заплатить извѣстную сумму (кажется рублей 100). Эта сумма шла на снаряженіе ей приданаго. Изъ этого не дѣлали ни какой тайны и жениху было это извѣстно какъ и всякому иному. Мѣстные землевладѣльцы часто пользовались такими случаями (Отвѣтственность за справедливость сообщаемаго принимаетъ на себя М. Н. Харузинъ).

34. Не находятъ-ли дѣвушки уже рожавшія скорѣе мужа?

35. Нѣтъ-ли обычая брать невѣсту въ домъ жениха на испытаніе и жениться лишь въ томъ случаѣ, если она обѣщается сдѣлаться въ скоромъ времени матерью (вотяки)?

---

36. Не сохранилось-ли какихъ нибудь пѣсенъ или сказаній о супружескомъ сожитіи брата съ сестрой, отца съ дочерью; если да, то не рисуется-ливъ ни хъ ужасъ мужчины, коль скоро онъ узнаетъ въ женщинѣ свою родственницу и т. п.?

---

37. Нѣтъ-ли между свадебными обрядами такихъ, въ коихъ сквозила бы мысль, что отецъ молодаго есть хозяинъ его жены, который и отдаетъ её (жену) сыну добровольно?

Примѣчаніе. Такъ напр. въ Мезенск. у. отецъ молодаго старается поднять фату, которую закрыта молодая, но она не дается, отецъ сулитъ денегъ и нарядовъ, но все безуспѣшно, тогда онъ ей говоритъ: даю тебѣ сына своего; послѣ чего новобрачная снимаетъ фату. Въ Псковск. губ. отецъ молодаго кнутомъ снимаетъ съ новобрачной покрывало и бѣжитъ; его ловятъ родственники и отнявъ покрывало возвращаютъ ему его, если онъ ихъ угоститъ и т. п.

38. Встрѣчаются-ли случаи *сожительства свекра со снохою* и какъ смотритъ на это народъ?

39. Если встрѣчаются, то какъ исключительные случаи или какъ обычное явленіе?

40. Какія извѣстныя побасенки, прибаутки, разсказы, касающіяся этого общенія? (напр. «сношенка у свекра госпоженка» и пр.)?

41. Не стараются-ли отцы ранѣе женить сыновей, чтобы безпрепятственно жить съ ихъ женами?

42. Если это теперь не дѣлается, то какіе ходятъ въ народѣ разсказы о томъ, что такъ бывало въ прежнее время?

43. Въ данной мѣстности какъ народъ относится къ снохачеству: не одобрительно-ли равнодушно-ли, *не считая грѣхомъ*; или же онъ считаетъ снохачей прямо развратниками. Если народъ считаетъ снохачество преступленіемъ то тяжкимъ или же такимъ, къ которому слѣдуетъ относиться снисходительно?

44. Считаются-ли законными дѣти, прижитыя со снохой, если кровосмѣшеніе будетъ доказано?

45. Какія причины поддерживаютъ снохачество по мнѣнію крестьянъ и по мнѣнію изслѣдователя?

46. Не служатъ-ли одной изъ причинъ снохачества ранніе браки съ женщинами гораздо старше себя, послѣдствіемъ которыхъ является то, что жена становится старухой въ то время, когда мужъ находится еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ и здоровья?

47. Какъ относятся сыновья къ своимъ отцамъ, ухаживающимъ за ихъ женами?

48. Не вліяетъ-ли снохачество пагубно на взаимныя отношенія членовъ семьи, внося въ семью раздоры и ссоры?

49. Доходятъ-ли до волостнаго суда дѣла о снохачествѣ? Наказываютъ-ли судьи и чѣмъ снохачей?

---

50. Существуетъ-ли обычай, по которому мужъ для полученія дѣтей отъ своей бездѣтной *жены* отдаетъ ее своему *брату*, родственнику или чужому?

51. Существуетъ-ли обычай *(у инородцевъ)*, по которому родственники умершаго принуждаютъ его вдову выдти за мужъ за одного изъ нихъ? выбираетъ-ли сама вдова новаго мужа въ этомъ случаѣ или ее долженъ взять за себя ближайшій родственникъ умершаго? вносится-ли при такомъ бракѣ калымъ?

52. Не обязанъ ли взять вдову *братъ* умершаго?

53. Имѣетъ-ли это мѣсто только въ случаѣ бездѣтной смерти мужа и только до момента рожденія ребенка или и въ иныхъ случаяхъ?

Въ какихъ случаяхъ вдова можетъ отказаться отъ замужества съ родственникомъ покойнаго мужа?

54. Если по обычаямъ населенія въ данной мѣстности (инородцевъ) братъ долженъ взять за себя вдову покойнаго брата своего бездѣтнаго, то не требуется-ли, чтобы первый сынъ этого новаго брака носилъ имя умершаго?

55. Если мужъ умретъ бездѣтнымъ а его вдова, отказавшись выдти замужъ, приживетъ съ кѣмъ либо сына, то не считается-ли онъ сыномъ покойнаго и не является-ли наслѣдникомъ его имущества?

56. Требуется ли согласіе родственниковъ покойнаго на сожительство его вдовы съ посторонним лицомъ, съ цѣлью получить сына?

Не считается-ли безнравственной женщиной вдова, которая пожелала бы выйти замужъ за посторонняго помимо родственниковъ мужа?

57. Встрѣчается-ли, что вдова, женивши своего малолѣтняго сына на взрослой дѣвушкѣ, сама вступаетъ въ сожительство со взятымъ ею въ домъ мужчиною, при чемъ рожденныя ею дѣти считаются дѣтьми ея малолѣтняго сына?

---

58. Не было-ли въ старину или не существуетъ-ли теперь обычай класть гостя на ночь въ одну постель съ женою, дочерью или съ родственницей (какой именно) хозяина и если существуетъ, то дозволяется-ли гостю половое съ ней общеніе или же для гостя обязательно сохранить цѣломудріе?

59. Нѣтъ-ли преданій или разсказовъ касательно этого обычая?

60. Не сохранилось-ли обычая ложиться спать какой либо изъ женщинъ у порога той самой горницы гдѣ спитъ гость?

61. Не требуется-ли обычаемъ отъ гостя соблюдать вполнѣ цѣломудріе?

69. Не существуетъ-ли обычая передавать жену другому на время отлучки на промыселъ (какъ напр. у бродячихъ инородцевъ Сибири)?

70. Не существовалъ-ли въ былое время обычай, по которому нанявшій охотника въ рекруты, предоставлялъ послѣднему право на женщинъ своей семьи?

---

71. Не встрѣчается-ли (быть можетъ у инородцевъ) сожительства одной женщины одновременно съ нѣсколькими мущинами, *какъ съ мужьями* (а не въ видѣ разврата)?

---

72. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *многоженство* (у инородцевъ)?—По скольку обыкновенно женъ имѣютъ? Не замѣчается-ли, что несмотря на дозволенное многоженство часты случаи женитьбы лишь на одной женѣ: чѣмъ объясняютъ это — дороговизною-ли содержанія многихъ женъ, ссорами-ли между женами, представленіемъ-ли какъ о дѣйствіи безнравственномъ жить со многими женами?

Не смотрятъ-ли неодобрительно на людей, имѣющихъ много женъ (киргизск. пословица: злой собираетъ палки, глупецъ собираетъ женъ)?

73. Не встрѣчается-ли многоженство у инородцевъ лишь въ богатыхъ семьяхъ?

74. Не пользуется-ли одна изъ женъ особыми правами? въ чемъ состоятъ эти права?

75. Нѣтъ-ли въ описываемой мѣстности среди русскихъ религіозной секты, признающей многоженство? Какія существуютъ въ ней семейныя отношенія?

---

76. Извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи *двоеженства?*

77. Смотрятъ-ли на двоеженство какъ на тяжкій грѣхъ; какая кара постигаетъ виновныхъ, по мнѣнію жителей, на томъ свѣтѣ; какъ относятся къ такимъ случаямъ односельчане и волостной судъ?

---

78. Среди какихъ національностей данной мѣстности распространенъ *обычай похищенія невѣстъ?*

79. Похищаемая сговаривается-ли съ похитителями предварительно?

80. Знаютъ-ли о предстоящемъ похищеніи родители или нѣтъ: то есть есть-ли похищеніе только формальный способъ заключенія браковъ, или же похищеніе является дѣйствительнымъ насиліемъ, въ собственномъ смыслѣ похищеніемъ?

81. Не желаютъ-ли родители сами, чтобы кто нибудь укралъ ихъ дочь, считая нечестнымъ дѣломъ выдать ее своими руками (какъ напр. въ Енисейск. краѣ)?

82. Не дается-ли похищаемой невѣстой жениху какая нибудь вещь, какъ залогъ?

Не сопровождаетъ-ли похищаемую одна изъ ея подругъ?

83. Не существуетъ-ли обряда *отводинъ* — прихода родителей похищенной для отвода ея домой?

84. Не существуетъ-ли похищенія дѣвушекъ помимо ихъ воли для вступленія съ ними въ бракъ (у инородцевъ)?

Когда бракъ считается заключеннымъ при такомъ насильственномъ похищеніи — тогда-ли, когда похититель успѣетъ войти въ общеніе съ похищенной (хотя бы это было въ виду преслѣдующихъ его людей — погони) или только тогда, когда похищенная пробудетъ сутки у похитителя или наконецъ только тогда, когда она согласится принять пищу въ жилищѣ похитителя?

85. Какіе способы употребляются для примиренія съ родителями послѣ похищенія?

86. Совершаются-ли потомъ свадебные пиры или нѣтъ?

87. Часто-ли въ вашей мѣстности похищеніе дѣвушекъ съ согласія послѣднихъ съ цѣлью вступить въ законный бракъ?

88. Какія побудительныя причины для такихъ похищеній (несогласіе родителей на бракъ; желаніе избѣжать свадебныхъ расходовъ)?

89. Какъ смотрятъ на это односельчане?

90. Не въ обычаѣ-ли плата родителямъ за увезенную противъ ихъ воли дѣвушку?

91. Не сохранилось-ли похищеніе невѣсты только въ видѣ стариннаго обряда, который соблюдаютъ даже и тогда, когда въ бракъ вступаютъ съ полнаго согласія родителей?

92. Какое различіе между браками «добромъ» т. е. съ предварительнаго и обоюднаго согласія, какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и ихъ родителей и «убѣгомъ» («уводомъ», «увозомъ») силкомъ? Какіе совершаются въ послѣднемъ случаѣ обряды?

---

93. Существуетъ-ли *у инородцевъ* данной мѣстности обычай *покупки невѣсты?*

94. Какъ называется плата, вносимая женихомъ родителямъ невѣсты (калымъ, ирадъ, питке и т. п.)?

95. Мѣняется-ли величина калыма смотря потому, къ какому сословію принадлежитъ женихъ?

96. Какъ великъ калымъ, вносимый княземъ, членомъ высшаго сословія, свободными, полусвободными и рабами?

97. Каковъ размѣръ калыма за главную жену и за второстепенную?

98. Если женихъ беретъ невѣсту изъ другаго аула, приходится-ли ему платить извѣстную

сумму въ пользу всѣхъ жителей того аула, изъ котораго берется невѣста?

99. Какъ велика эта сумма и какъ называется эта плата?

100. Нѣтъ-ли разницы въ величинѣ калыма за молодую и за старую, за тощую и толстую?

101. Есть-ли обычай вмѣсто калыма выслуживать невѣсту, поступая въ качествѣ работника къ ея родственникамъ; если да, то на сколько времени?

102. Требуется-ли калымъ при выходѣ замужъ вдовы?

103. Платитъ-ли этотъ выкупъ женихъ или его семья; каковъ размѣръ этой платы; какая разница въ размѣрѣ между былыми годами и нынѣ; платятъ-ли калымъ деньгами или вещами (какими именно)?

104. Не поступаетъ-ли часть калыма на изготовленіе приданаго; выплачивается-ли эта часть родителямъ невѣсты или самой невѣстѣ?

105. Сразу-ли уплачивается калымъ или въ извѣстные сроки?

106. Не дѣлится-ли между братьями калымъ, вносимый за сестру ея женихомъ?

7. Современные бракъ и свадьба.

1. Каковы воззрѣнія крестьянъ данной мѣстности на бракъ?

2. Считаютъ-ли вступленіе въ бракъ необходимымъ для каждаго порядочнаго человѣка и почему?

3. Бываютъ-ли (часто-ли) случаи, что крестьянинъ долго не женится? Чѣмъ это обусловливается?

4. Какъ смотритъ народъ на тѣхъ, которые долго остаются холостыми?

5. Нѣтъ-ли относящихся сюда легендъ, сказаній, прибаутокъ и пр.?

6. Нѣтъ-ли повѣрій о томъ, какая судьба ждетъ на томъ свѣтѣ умершихъ въ безбрачіи?

7. Какъ смотритъ народъ на живущихъ невѣнчанными?

8. Считаетъ-ли онъ такое сожительство какъ нѣчто преступное или терпимое и вполнѣ допускаемое?

9. Какъ смотрятъ на лицъ, имѣющихъ наряду съ законной супругой любовницу?

10. При какихъ условіяхъ обыкновенно женатые обзаводятся любовницей (бракъ противъ воли, житье вдали отъ семьи и пр.)?

11. Чѣмъ отличается положеніе наложницы (любовницы) отъ положенія жены: смотрятъ-ли на нее съ презрѣніемъ или нѣтъ; нѣтъ-ли какихъ-либо способовъ посрамленія?

12. По какимъ причинамъ остаются дѣвушки безбрачными (природные недостатки, дурное поведеніе и пр.)?

13. Оказываетъ-ли какое-либо вліяніе при этомъ (и какое именно) матеріальное благосостояніе?

14 Не вступаютъ-ли въ бракъ съ дѣвушкою только тогда, когда у нея есть ребенокъ, или по крайней мѣрѣ не вступаютъ-ли менѣе охотно въ бракъ съ дѣвушкой, которая еще не родила?

15. Не встрѣчаются-ли въ данной мѣстности *полумужичье* — дѣвушки, которыя носятъ мужское платье и занимаются исключительно мужскими работами; пользуются-ли онѣ уваженіемъ, лишь пока носятъ мужское платье и строго соблюдаютъ цѣломудріе?

16. Не обрекаютъ-ли иногда родители своихъ дочерей на безбрачіе, и не обрекаютъ-ли себя на безбрачіе сами дѣвушки?

17. Не вліяетъ-ли близость монастырей, проѣзды монахинь на отреченіе отъ брака дѣвушекъ?

18. Какъ относится семья къ давшей обѣтъ безбрачія: оказываетъ-ли она ей уваженіе, почетъ, какъ замаливающей грѣхи семейства или-же осыпаютъ попреками; чѣмъ объясняется то или иное отношеніе?

19. Получаетъ-ли она содержаніе отъ семьи?

20. Если такая дѣвушка въ концѣ выходитъ замужъ, дается-ли за ней семьей приданое, требуется-ли отъ жениха кладка (или калымъ у инородцевъ) или нѣтъ?

21. Не присоединяютъ-ли къ погребальному обряду дѣвушки и холостаго мущины еще и свадебный («умирающимъ безъ дружины нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ») при чемъ поютъ пѣсни, раздаютъ дары и т. п. (записать подробно)?

22. Какое значеніе въ дѣлахъ брачныхъ приписывается судьбѣ?

23. Какіе извѣстны разсказы, легенды и пр. относительно того, что всякому заранѣе опредѣлено судьбой на комъ быть женатымъ?

24. Не случается-ли, что и самый выборъ невѣсты предоставляютъ на волю судьбы, напр. записывая на отдѣльные ярлычки имена дѣвушекъ и сватая ту, имя которой вынулось первымъ?

25. Какими способами стараются узнать заранѣе суженнаго, назначеннаго судьбой (гаданія, какія именно и пр.)?

26. Почему въ пѣсняхъ бракъ называется судомъ Божіимъ, каковы взгляды народа по этому предмету?

27. Какому Святому молятся о дарованіи жениха и почему именно ему, а не другому?

28. Въ какомъ возрастѣ обыкновенно вступаютъ въ бракъ?

29. Не склонно-ли населеніе данной мѣстности къ раннимъ бракамъ?

30. Какія побудительныя причины для раннихъ браковъ? (желаніе получить работницу въ домъ, желаніе отца женихова найти себѣ «утѣшницу» и пр.)?

31. Не приводятся-ли особые доводы за ранніе браки въ родѣ слѣдующаго: «въ *писаніи сказано* — хотя мало лѣтъ, но въ тѣлѣ, то и отдавай замужъ» (донск. обл.)?

32. Не склоняютъ-ли въ этихъ случаяхъ священниковъ къ вѣнчанію ранѣе закономъ положеннаго возраста; не прибѣгаютъ-ли къ скрыванію истинныхъ годовъ?

33. Не случаются-ли (по крайней мѣрѣ у не православныхъ) заключенія браковъ въ самомъ раннемъ возрастѣ (11—12—14—15 лѣтъ) жениха или невѣсты или обоихъ?

34. Не сохранились-ли разсказы о подобныхъ бракахъ, случавшихся въ былое время?

35. Признается-ли волостнымъ судомъ бракъ не достигшихъ законнаго брачнаго возраста супруговъ?

36. Съ котораго года считается парень и дѣвушка вообще годными для брака?

37. Нѣтъ-ли особыхъ названій для лицъ обоего пола, достигшихъ брачнаго возраста?

38. Случается-ли (часто-ли), что родители засватываютъ дѣтей, когда послѣднія находятся еще въ младенчествѣ?

39. Не случается-ли, что, принимая малолѣтнюю сироту на воспитаніе, обрекаютъ ее заранѣе на бракъ съ сыномъ или дочерью принявшаго?

40. Насколько обязательны для дѣтей подобные договоры родителей?

41. Кто несетъ кару и какова она въ случаѣ нарушенія такого договора?

42. Соблюдаютъ-ли соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты?

43. Не существуетъ-ли какихъ нибудь соображеній, заставляющихъ дольше оставаться холостыми?

44. Существуетъ-ли обычай не отдавать дѣвушку замужъ, пока она не пробудетъ въ своей семьѣ извѣстное число лѣтъ работницей?

45. Не побуждаютъ-ли еще какія нибудь причины и соображенія дольше не выдавать дѣвушекъ замужъ?

46. Не вліяетъ-ли задерживаніе дѣвицъ отъ замужества до поздняго возраста на развитіе между ними распутства (какъ напр. въ Арх. губ.)?

47. Какъ называютъ устарѣвшихъ дѣвушекъ («засидки» и пр.)?

48. *До* какого возраста считается возможнымъ бракъ (для мущины, для женщины)?

49. Самъ-ли женихъ избираетъ себѣ невѣсту или онъ долженъ жениться на той, которую указываютъ ему родители?

50. Не существуетъ-ли обычая вступать въ бракъ исключительно по соглашенію жениха и невѣсты безъ увѣдомленія даже родителей о состоявшемся соглашеніи?

Примѣчаніе. Такой обычай существуетъ напр. въ одномъ изъ приходовъ Олонецк. губ., гдѣ молодые люди пріѣзжаютъ иногда изъ далека на торжокъ, бывающій у приходской церкви, соглашаются здѣсь на бракъ и сейчасъ же вѣнчаются, иногда въ отсутствіи родителей, какъ жениховыхъ, такъ и невѣстиныхъ.

51. Извѣстно-ли въ данной мѣстности случаи заключенія условія родителями о бракѣ своихъ дѣтей во время малолѣтства послѣднихъ или еще ранѣе ихъ рожденія? Часто-ли это бываетъ или бывало въ прежнее время?

52. Не имѣетъ-ли въ этомъ случаѣ голосъ матери больше вѣсу?

53. Если въ обычаѣ предварительное свободное соглашеніе молодыхъ людей вступить другъ съ другомъ въ бракъ, то не даютъ-ли они другъ другу залога (женихъ отбираетъ у невѣсты сережки, платокъ и самъ даритъ её, какъ напр. въ нѣкоторыхъ селеньяхъ сѣвернаго поморья)?

54. Если вступающій въ бракъ находится въ солдатахъ или на заработкахъ, то всегда-ли и неизмѣнно-ли онъ испрашиваетъ благословеніе родителей на вступленіе въ бракъ?

55. Не бываетъ-ли случаевъ (сколь часты они), что родители сами, не спросясь сына, находящагося на сторонѣ, готовятъ къ его возвращенію невѣсту, съ которой онъ обязанъ вступить въ бракъ безъ прекословій?

56. Спрашиваютъ-ли дѣвушку согласія на вступленіе въ бракъ или-же рѣшаютъ помимо ея?

57. Требуется-ли согласіе лишь отца и матери брачущагося или-же и старшаго семьи (большака)?

58. Требуется-ли согласіе дяди, брата или вообще старшаго родственника, если родителей нѣтъ въ живыхъ?

59. Какое значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ голосъ вотчима, мачихи, крестнаго отца, воспитателя?

60. Бываютъ-ли браки по принужденію родителей жениха и невѣсты?

61. Не оказываютъ-ли подобные браки пагубное вліяніе на семейную жизнь и на матеріальный бытъ?

62. Не замѣчается-ли нынѣ ослабленіе родительскаго вліянія въ брачныхъ дѣлахъ? Если да, то съ какого приблизительно времени стала замѣчаться эта перемѣна; какое объясненіе даютъ этому крестьяне, и какое — самъ изслѣдователь?

63. Не извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи принужденія къ вступленію въ бракъ со стороны общины; если да, то въ какихъ случаяхъ бываетъ это?

64. Требуется-ли согласіе общины на бракъ?

65. Не задерживаетъ-ли деревня свадебный поѣздъ, пока не получитъ угощенія водкой (Звенигор. у.); не бываетъ-ли это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣсту выдаютъ въ другую деревню?

66. Не случается-ли, чтобы деревня оказывала своимъ вмѣшательствомъ воздѣйствія на родителей, кои выказываютъ намѣреніе удерживать долѣе срока дочерей (или сиротъ-родственниковъ, пріемышей) въ дѣвушкахъ?

67. Помогаетъ-ли община (въ какихъ случаяхъ) при справѣ бѣдной невѣсты; бываютъ-ли сборы на бѣдную невѣсту?

68. Можетъ-ли дѣвушка сирота совершенно свободно выбирать себѣ жениха, или она должна имѣть согласіе чье нибудь (чье именно)?

69. Бываютъ-ли браки противъ воли родителей?

70. Въ какихъ случаяхъ бываютъ они?

71. Какія послѣдствія бываютъ для вступающихъ въ такой бракъ?

72. Пользуются-ли родители предоставленнымъ имъ закономъ правомъ жалобы и требованіемъ наказанія дѣтей?

73. Лишаютъ-ли они дѣтей въ подобныхъ случаяхъ наслѣдства?

74. Какъ вообще предписываетъ обычай поступать родителямъ по отношенію къ бѣжавшей изъ дому дочери для вступленія въ бракъ, до и послѣ брака?

75. Предписываетъ-ли обычай служащимъ спрашивать позволенія у хозяевъ вступать въ бракъ, работникамъ у мастеровъ, сельчанамъ у властей?

76. Въ какомъ порядкѣ вступаютъ въ бракъ парни и дѣвушки, если ихъ нѣсколько въ семьѣ?

77. Пользуется-ли въ этомъ отношеніи старшій сынъ или старшая дочь передъ остальными какими либо преимуществами?

78. Позволяется-ли младшимъ брату или сестрѣ вступать въ бракъ ранѣе старшихъ?

79. Бываютъ-ли въ данной мѣстности браки русскихъ съ инородцами и съ какими именно?

80. Бываютъ-ли браки между православными и раскольниками?

81. Въ такихъ случаяхъ въ какой вѣрѣ воспитываются дѣти отъ такихъ браковъ?

82. Не пользуются-ли раскольники бракомъ, какъ средствомъ для совращенія православныхъ въ свой толкъ (напр. отправляясь въ болѣе отдаленныя мѣстности за невѣстой и выдавая себя тамъ за православныхъ и богатыхъ, что служитъ приманкой для бѣдныхъ, а потомъ заставляя жену вступить въ ихъ толкъ)?

83. Бываютъ-ли общественныя смотрины на праздникахъ (на какихъ?), куда собираются жители разныхъ мѣстностей для выбора своимъ дѣтямъ невѣстъ?

84. Существуютъ-ли женщины, которыя занимаются пріискиваніемъ невѣстъ какъ промысломъ?

85. Какія качества требуются отъ жениха: физическія и нравственныя?

86. Какія качества требуются отъ невѣсты (здоровье, хорошая семья, рачительность и т. д.)?

87. Нѣтъ-ли пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ и пр., которыя высказывали-бы воззрѣнія народа на необходимыя качества невѣсты?

88. Кого называютъ красавцемъ, красавицей?

89. Какъ рисуется красота въ народныхъ пѣснях?

90. Въ обычаѣ-ли подробные осмотры жениха и невѣсты ихъ родственниками; на что при этомъ обращаютъ вниманіе; въ какое время производятъ эти осмотры?

91. Часто-ли случается, что богатые женятся на бѣдной и наоборотъ, или-же принято вступать въ бракъ съ ровней по благосостоянію?

92. Въ какое время года болѣе всего играются свадьбы?

93. Какія причины побуждаютъ заключать браки въ то или иное время года?

94. Какой промежутокъ времени между сватаньемъ и выданьемъ?

95. Въ какое время года чаще всего сватаютъ?

96. Нѣтъ-ли свадебн. обряда ловли убѣгающаго жениха невѣстиными родственниками?

97. Бываютъ-ли случаи сватовства съ невѣстиной стороны?

98. Какія въ данной мѣстности обряды, пѣсни, суевѣрія, символическія дѣйствія, связанныя со свадьбой?

99. Какія составныя части брачнаго обряда въ данной мѣстности (сватанье, смотрины, рукобитье, сговоръ, выданье, отводъ молодой въ домъ жениха, констатированіе совершившагося брачнаго союза, чествованіе цѣломудрія, пиры въ ближайшіе за свадьбой дни и т. п.)?

Примѣчаніе. Слѣдуетъ отмѣчать тѣ обряды, которые символически изображаютъ фактъ присвоенія невѣсты женихомъ, борьбу жениховой стороны съ родственниками невѣсты, недружелюбныя отношенія невѣстиной родни къ жениховой и т. д., равно какъ и обычаи и обряды, свидѣтельствующіе о существующей или существовавшей ранѣе куплѣ невѣсты и т. п.

100. Каковы обычаи и обряды при *сватовствѣ у мѣстныхъ инородцевъ?*

Примѣчаніе. Сватовство у нѣкоторыхъ инородцевъ представляется несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ у русскихъ. Оно тянется иногда нѣсколько лѣтъ (вслѣдствіе малолѣтства жениха и невѣсты) и распадается на многіе отдѣльные акты, изъ которыхъ каждый имѣетъ опредѣленныя юридическія послѣдствія. Такъ напр. у Киргизовъ сватовство распадается на слѣд. части: 1) соглашеніе между отцами жениха и невѣсты о сватовствѣ и размѣрѣ калыма. 2) формальное предложеніе чрезъ сватовъ. 3) пріѣздъ отца невѣсты за калымомъ въ аулъ жениха. 4) пріѣздъ жениха въ аулъ невѣсты и тайныя свиданія съ нею.— Каждая изъ этихъ частей сватовства сопровождается особыми обрядами и постепенно увеличи-

ваетъ имущественную отвѣтственность сторонъ въ случаѣ нарушенія обязательства. Самое сватовство имѣетъ здѣсь совершенно иное значеніе, чѣмъ у русскихъ:—имъ устанавливается связь не между женихомъ и невѣстой, а между ихъ семьями, связь не прекращающаяся со смертью жениха и невѣсты: умретъ женихъ—невѣста выходитъ за его родственника; умретъ невѣста—её замѣняетъ младшая сестра. (Сообщ. Е. И. Якушкинымъ).—Вообще, описывая свадебные обычаи и обряды, собиратель долженъ отмѣчать отличительныя черты обычаевъ инородцевъ данной мѣстности отъ обычаевъ русскихъ, не стѣсняя себя рамками нашей програмы, въ которой многія отличительныя стороны инородческой свадьбы остались пока не предусмотрѣнными.

101. Предшествуютъ-ли сватовству семейные совѣты? Если да, то описать возможно подробнѣе все что происходитъ на нихъ?

102. Не держатъ-ли подруги невѣсты на смотринахъ ея косу?

103. Когда брачный договоръ считается заключеннымъ: послѣ какого акта (рукобитье, «заручины»), послѣ какихъ обрядовъ («своды» жениха съ невѣстой); послѣдніе записать возможно подробно?

104. Если послѣ этого дѣвушка забеременѣетъ, то не обязанъ-ли виновный взять ребенка къ себѣ, при чемъ послѣдній получаетъ права законнаго?

105. Съ какого времени брачущихся начинаютъ звать «молодымъ» и «молодой»?

106. Съ какого времени брачущійся получаетъ право раздѣлять ложе со своей избранной?

107. Не получаетъ-ли онъ это право до вѣнчанія?

108. Не условливаются-ли нареченные сваты о томъ, сколько невѣста должна получить отъ жениха «вкладу» т. е. денегъ и верхняго платья; кому и на какое употребленіе поступаютъ эти деньги и вещи?

109. Какое названіе носятъ полученныя такимъ образомъ деньги (клажа, кладка, вводъ, вкладъ и пр.)?

110. Получаетъ-ли невѣстинъ отецъ эти деньги до свадьбы и когда именно, затрачиваетъ-ли онъ ихъ всѣ на пиры или отдаетъ часть невѣстѣ на руки?

111. Не предшествуетъ-ли заключенію брачнаго договора торгъ между жениховой и невѣстиной сторонами относительно размѣровъ кладки, расходовъ на угощеніе, подарковъ и проч. издержекъ?

112. Кто является при этомъ главными дѣйствующими лицами (сами-ли брачущіеся или ихъ родители, мущины или женщины)?

113. Не требуетъ-ли просватанная невѣста отъ женихова отца «запросовъ» т. е. извѣстной суммы денегъ на покупку подарковъ для жениховой родни?

114. При заключеніи брака не имѣютъ-ли мѣсто взаимныя даренія между родными невѣсты и родными жениха, какъ въ пользу жениха съ невѣстой, такъ и въ пользу родителей и родственниковъ обоихъ брачущихся?

115. Существуетъ-ли обычай, по которому женихъ обязанъ сдѣлать подарокъ и ближайшему родственнику *матери* невѣсты (напр. ея брату)?

116. Въ обычаѣ-ли соблюдать, чтобы подарокъ жениха всегда былъ цѣннѣе невѣстина подарка?

117. Чье вино при рукобитьѣ?

118. Не играются-ли «сговоры» на счетъ жениха, хотя и въ домѣ невѣстина отца?

119. На чей счетъ играется сама свадьба: только на жениховъ счетъ или и невѣстина сторона участвуетъ въ издержкахъ?

120. Не требуется-ли со стороны отца невѣсты только расходъ на обѣдъ послѣ вѣнца?

121. Не дѣлается-ли особыхъ условій при бракѣ вдовъ (напр. относительно ихъ дѣтей, имущества, уплаты податей за умершаго мужа)?

122. Берутъ-ли съ жениха выводныя деньги, когда невѣста выходитъ замужъ въ другое общество или деревню?

123. Предбрачныя условія словесны-ли или письменны (любопытно подробное сообщеніе)?

124. Не совершаются-ли предъ вступленіемъ въ бракъ рядныя записи — письменныя или словесныя?

125. Обязывается-ли сторона жениха или сторона невѣсты неустойкой на случай неисполненія предбрачнаго уговора?

126. Даются-ли залоги въ обезпеченіе состоявшагося соглашенія о свадьбѣ?

127. Не считается-ли безчестнымъ отказаться отъ брака послѣ того какъ соблюдены извѣстные обряды (напр. послѣ того какъ невѣста повязала сватовъ рушниками, какъ это бываетъ среди малороссовъ)?

128. Въ какихъ случаяхъ дозволяется размолвка (неизлѣчимая болѣзнь, потеря зрѣнія и т. п.)?

129. Какъ смотрятъ на тѣхъ, кто произвольно отказывается отъ заключеннаго брачнаго договора?

130. Отказъ отъ вступленія въ бракъ какія влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія для нарушившаго условія?

131. Предъявляются-ли въ случаѣ отказа отъ вступленія въ бракъ иски о безчестьи, съ чьей стороны и къ какому наказанію присуждаются виновные?

132. Можно-ли искать съ отказавшейся стороны уплаты убытковъ, возвращенія кладки и подарковъ, уплату за расходы (какіе именно)?

133. Не бываютъ-ли иногда браки у православныхъ *безъ* церковнаго вѣнчанія?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, вслѣдствіе отдаленности мѣста жительства священниковъ, вѣнчаніе происходитъ иногда черезъ годъ или даже два по заключеніи брака, а иногда вовсе не совершается; точно также въ самоѣдской колоніи въ кармакульской губѣ Новой Земли, куда священникъ пріѣзжаетъ изъ Архангельска только разъ въ годъ (запис. лѣтомъ 1881 г.); браки безъ вѣнчанія, хотя и очень рѣдко, встрѣчаются и въ великорусскихъ губерніяхъ.

134. Какому обряду при заключеніи брака народъ больше приписываетъ значенія: обряду-ли церковному т. е. вѣнчанію или свадебному пиру и свадебнымъ обрядамъ («весілью»)?

135. Не встрѣчается-ли случай раздѣльнаго сожительства, *не* какъ мужъ и жена, повѣнчанныхъ пока не сыграется свадьба или наоборотъ вступленіе въ брачное сожительство, когда почему нибудь церковное вѣнчаніе не состоялось и сыграна лишь свадьба?

136. Не замѣчается-ли разница въ этомъ отношеніи между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ?

137. Какъ называютъ главныхъ распорядителей на свадебныхъ пирахъ (сваха, дружко и пр.)?

138. Кого выбираютъ въ распорядители; когда собственно выбираютъ ихъ?

139. Какъ велико число ихъ?

140. Каковы ихъ права и обязанности?

141. Какіе знаки отличія носятъ они?

142. Когда слагаютъ они свои обязанности?

143. Какую роль въ свадебныхъ обрядахъ играетъ братъ невѣсты?

144. Какъ приглашаютъ гостей на свадьбу?

145. Сопровождаютъ-ли жениха вооруженные поѣзжане, бываетъ-ли притворная схватка съ вооруженными невѣстиными родственниками?

146. Не прячется-ли невѣста при появленіи поѣзда жениха; не сопротивляется-ли она притворно, когда женихъ уводитъ ее изъ родительскаго дома?

147. Платятъ-ли женихъ и его поѣзжане что либо дружкамъ невѣсты за право получить доступъ къ ней?

148. Имѣетъ-ли мѣсто выкупъ головной повязки женихомъ?

149. Не въ обычаѣ-ли возвращаться изъ церкви послѣ вѣнчанія не тою дорогою, которою ѣхали невѣста и женихъ въ церковь?

Какое объясненіе даетъ самъ народъ этому обычаю?

150. Какъ объясняетъ народъ обычай, въ силу котораго женихъ дѣлаетъ невѣстѣ извѣстный подарокъ, захвативъ предварительно въ свои руки ея головную повязку или вѣнокъ?

151. Нѣтъ-ли обряда кормить жениха и невѣсту одной ложкой и т. п.?

152. Какіе обряды соблюдаются при отправленіи молодыхъ въ клѣть?

153. Передъ отводомъ молодыхъ въ комору не отсылаютъ-ли всѣхъ дѣвокъ по домамъ?

154. Зимой или только лѣтомъ брачная постель приготовляется въ нетопленномъ помѣщеніи?

155. Кто сопровождаетъ молодыхъ въ комору, свахи-ли только или дружки, женщины или даже и мущины?

156. Не употребляются-ли какія нибудь уловки для скрытія потери невинности ранѣе свадьбы; если да, то не принимаются-ли какія либо предосторожности, чтобы этому воспрепятствовать?

157. Составляетъ-ли то обстоятельство, что невѣста оказалась нецѣломудренной, предметъ знанія только ближайшихъ родственниковъ или о семъ громогласно возвѣщается во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ гостей, всего сосѣдства, всего міра?

158. Не бываетъ-ли здѣсь какихъ нибудь взаимныхъ попрековъ между принадлежащими къ семьѣ молодаго и къ семьѣ обиженной (записать все до мельчайшихъ подробностей)?

159. Не совершаются-ли какія дѣйствія для того, чтобы осрамить мать, семью молодой, оказавшейся нецѣломудренной?

160. Когда окажется невѣста нецѣломудренной, какіе обряды совершаются?

161. Не подвергается-ли молодая побоямъ со стороны молодаго, отца, матери?

162. Какія пѣсни поются для того, чтобы ее осрамить?

Примѣчаніе. необходимо записать эти пѣсни во всей ихъ наготѣ, безъ малѣйшаго стѣсненія, не выбрасывая ни одной буквы.

163. Какіе знаки и символы выставляются на показъ, чтобы возвѣстить о нецѣломудріи невѣсты?

164. Брачную рубашку разсматриваютъ и изслѣдуютъ только немногіе или-же всѣ свадебные гости?

165. Составляетъ-ли она предметъ публичной принадлежности брака, предметъ общаго любопытства, словомъ такую-же публичную принадлежность, какъ нѣкоторые другіе предметы, фигурирующіе на свадьбѣ?

166. Воздается-ли честь только ей или также отцу и матери и даже цѣлому роду?

167. Какія пѣсни поются для прославленія такой невѣсты. Знаки, символы, которыми возвѣщается о честности невѣсты?

168. Не берутъ-ли какого штрафа съ родителей, если выданная дочь окажется не дѣвушкой?

169. Посрамляютъ-ли такъ-же и свахъ, и родственниковъ неблагополучіемъ невѣсты?

170. Имѣетъ-ли въ этомъ случаѣ новобрачный право собственной расправы. Если да, то бьетъ-ли онъ только жену или-же и ея мать?

171. Не налагается-ли какое либо церковное наказаніе за несоблюденіе цѣломудрія (напр. три раза полвать вокругъ церкви)?

172. Какіе обряды, если молодая оказалась цѣломудренной?

173. Какъ поступаютъ если молодой окажется на это время неспособнымъ?

174. Не замѣняетъ-ли его кто нибудь?

175. Какіе ходятъ разсказы о случаяхъ порчи молодаго, не дѣлаютъ-ли его злые люди неспособнымъ къ брачному общенію въ этотъ разъ, какимъ средствомъ дѣлаютъ это и какими средствами предотвращаются и излѣчиваются эти пороки?

176. Не въ обычаѣ-ли чтобы молодая не допускала въ сей разъ мужа къ сожительству?

177. Не существуетъ-ли обычая запрещающаго сожительство молодыхъ въ первые три дня послѣ свадьбы? Если да, то на какомъ основаніи?

178. Не замѣчается-ли за послѣднее время стремленія сокращать, упрощать или вовсе не соблюдать нѣкоторые (какіе именно) изъ старинныхъ свадебныхъ обрядовъ?

179. Не являются-ли противниками старинныхъ обыкновеній люди, пришедшіе изъ города, жившіе долго въ столицѣ?

180. Въ какихъ мѣстностяхъ крестьяне менѣе ревнивы къ старинѣ? Каково въ этомъ отношеніи вліяніе желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ центровъ?

181. Какъ совершается бракъ у раскольниковъ разныхъ сектъ; какіе у нихъ свадебные обычаи и обряды?

8. Разводъ, расходъ.

1. Извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи формальныхъ *разводовъ* среди крестьянъ?

2. Какими причинами они были вызваны?

3. Какова судьба имущества и дѣтей въ такихъ случаяхъ?

4. Каково мнѣніе народа о разлученіи супруговъ: пословицы, легенды, разсказы?

5. Какіе обряды соблюдаются при разлученіи супруговъ?

6. Чтобы разлученіе супруговъ имѣло силу необходимы-ли приговоры мірскаго схода или волостнаго суда?

7. Обращаются-ли крестьяне въ волостной судъ съ просьбами о *разводѣ* и какъ относится послѣдній къ такимъ просьбамъ?

8. Не случается-ли, что волостной судъ, отказывая въ разбирательствѣ дѣлъ о *разводѣ* православнымъ, принимаетъ и рѣшаетъ дѣла, когда просители—раскольники?

9. Если не бываетъ разводовъ формальныхъ, то случаются-ли (какъ часто) случаи *фактическаго разлученія супруговъ*: — «*расходовъ*?»

10. Каковы къ тому побудительныя причины: дурное-ли обращеніе мужа, распущенность-ли нравовъ и пр?.

11. Не даютъ-ли волостные суды и *безъ согласія мужа* отдѣльнаго вида на жительство женѣ; въ какихъ случаяхъ и часто-ли это бываетъ?

12. Какъ поступаютъ въ случаѣ неспособности мужа къ брачному сожительству: заставляютъ-ли жену оставаться при немъ или-же отпускаютъ ее къ другому; если послѣднее, то сохраняетъ-ли она съ прежнимъ какую-либо связь (такъ что напр. по выздоровленіи онъ могъ-бы потребовать ее къ себѣ), или-же неспособность служитъ поводомъ къ расторженію брака?

13. Подвергаютъ-ли освидѣтельствованію въ этомъ случаѣ супруга; кто именно свидѣтельствуетъ его?

14. Имѣетъ-ли мужъ право при безнравственномъ поведеніи жены отказать ей отъ сожительства и отправить ее къ родителямъ или родственникамъ?

15. При сводныхъ бракахъ — между православными и раскольниками — не случаются-ли часто расходы и какія тому причины?

16. Бываютъ-ли случаи, что супруги соглашаются добровольно вести раздѣльную жизнь?

17. Обязанъ-ли мужъ давать пропитаніе женѣ?

18. Составляются-ли акты, заключающіе въ себѣ условіе между супругами о раздѣльной жизни, въ коихъ мужъ обязуется дать особый видъ на жительство, а жена уплачиваетъ ему извѣстную сумму?

19. Записываются-ли подобные акты въ книги при волостномъ правленіи? Представить примѣры такихъ актовъ.

20. Что дѣлаютъ, при разлученіи супруговъ, съ приданымъ и прочимъ жениными добромъ?

21. Въ правѣ-ли въ такихъ случаяхъ жена взять свое добро, даже если не разошлася съ мужемъ миролюбиво а самовольно?

22. Не дается-ли права мужу оставить у себя добро жены лишь въ случаѣ доказаннаго развратнаго поведенія жены?

23 Что бываетъ съ дѣтьми при разлученіи супруговъ? рѣшаютъ-ли ихъ судьбу сами расходящіеся супруги или сосѣди, старики, судъ и т. п.?

24. Въ случаѣ рожденія ребенка, уже послѣ расхода по суду, но по времени рожденія принадлежащаго прежнему супругу (каковъ на это срокъ)—можетъ-ли послѣдній взять этого ребенка къ себѣ?

9. Вторичный бракъ.

1. Сколько разъ по *воззрѣніямъ* народнымъ можно вступать въ бракъ?

2. Сочувственно-ли относятся ко второму браку или же считаютъ его предосудительнымъ?

Не дѣлается-ли разницы въ этомъ отношеніи смотря потому, былъ-ли бракъ бездѣтенъ или-же остались дѣти?

3. Въ обычаѣ-ли (не было-ли отдѣльныхъ случаевъ) заключенія мужемъ *при жизни жены* (въ случаѣ долговременнаго ея отсутствія или болѣзни) условія съ другой женщиной, по которому ей предоставлялись всѣ права и возлагались на нее всѣ обязанности жены?

4. Не было-ли случая мѣны женами *съ исполненіемъ* при этомъ всѣхъ или нѣкоторыхъ *свадебныхъ обрядовъ* (такой случай былъ по словамъ Е. И. Якушкина въ Тульской губ. въ 1861 г.)?

5. Нѣтъ-ли какихъ повѣрій въ народѣ, удерживающихъ вдовыхъ супруговъ отъ вторичнаго брака (напр. повѣрье о загробной встрѣчѣ супруговъ или объ обмѣнѣ женами на томъ свѣтѣ и пр)?

6. Не удерживаетъ-ли отъ новаго брака вдову-мать тяжелая участь пасынковъ и падчерицъ, ожидающая ея дѣтей въ семьѣ новаго мужа?

7. Не старается-ли наоборотъ вступить въ новый бракъ вдова, чтобы найти кормильца и заступника, вдовецъ—чтобы добыть хозяйку и воспитательницу для малолѣтнихъ?

8. Не существуетъ-ли обычая, дозволяющаго только два раза жениться на дѣвушкахъ, а въ третій разъ лишь на вдовѣ?

9. Дозволяетъ-ля обычай схоронившему уже трехъ женъ, но еще сильному, вступать снова въ бракъ?

10. Черезъ сколько времени послѣ смерти супруга можно вступить снова въ бракъ; почему полагается тотъ или иной срокъ между двумя браками (повѣрья)?

11. Не воспрещаетъ-ли обычай вдовѣ отходить отъ свекра до истеченія шести недѣль со смерти мужа?

Примѣчаніе. Если у инородцевъ вдова остается жить въ домѣ своего покойнаго мужа и по истеченіи срока, который она должна была остаться тутъ, то должны-ли наслѣдники содержать ее?

12. Чѣмъ отличается (въ обрядахъ, празднествахъ, пѣсняхъ и пр.) свадьба вдовца или вдовы отъ свадьбы парня и дѣвушки?

---

10. Отношенія между супругами.

а) *личныя.*

Примѣчаніе. Слѣдуетъ различать и рѣзко оттѣнять *воззрѣнія*, коихъ держится на этотъ предметъ населеніе данной мѣстности, и отношенія *въ дѣйствительной жизни.*

1. Считается-ли вообще мужской полъ выше женскаго или нѣтъ?

Какія существуютъ касательно этого пословицы, легенды, побасенки и пр.?

2. Не обязаны-ли женщины оказывать мущинамъ знаки почтенія (какіе именно) при встрѣчахъ на дорогѣ, въ бесѣдахъ, въ торжественныхъ случаяхъ, въ церквахъ и пр.?

3. Какія должны быть отношенія, по понятіямъ народа, между мужемъ и женой, отношенія-ли подчиненія жены мужу или равенство обоихъ?

Какіе разсказы, легенды, пословицы, въ коихъ выражается тотъ или иной взглядъ народа на отношенія *супруговъ* (напр. «не мужъ женой красенъ, а жена мужемъ», «мужъ — яко на главѣ храма крестъ»)?

4. Не живетъ-ли еще въ глубинѣ души народа убѣжденіе, что мужъ — господинъ своей жены, коего власть надъ нею очень велика и обширна; не случается-ли слышать такое выраженіе: жена моя — воля моя учить её посредствомъ побоевъ и истязаній?

Нѣтъ-ли такихъ случаевъ, въ которыхъ народъ признаетъ мужа даже въ правѣ убить жену. — Не сохранилось-ли преданій касательно этого?

5. Если народъ признаетъ, что жена должна находиться въ повиновеніи и послушаніи, то до какихъ предѣловъ власть мужа можетъ простираться?

Имѣетъ-ли по *понятіямъ* народа мужъ дисциплинарную власть надъ женою, т. е. въ правѣ-ли онъ сдѣлать ей выговоръ, нанести ей въ видѣ наказанія удары болѣе или менѣе тяжкіе, не долженъ-ли онъ наказывать жену втихомолку а не на людяхъ, какая разница въ наказаніи?

Въ какихъ другихъ формахъ выражается дисциплинарная власть мужа надъ женою?

6. Нѣтъ-ли пѣсенъ, прибаутокъ, побасенокъ и пр., описывающихъ расправу мужа надъ женой и наоборотъ?

7. Какова разница между *воззрѣніями* крестьянъ данной мѣстности на отношенія супруговъ и отношеніями этими въ *дѣйствительной жизни?*

Какія условія вліяютъ на эти различія?

Примѣчаніе. Такъ у Мордвы de jure власть мужа неограничена, но de facto всѣ сосѣди осудятъ, въ отношеніи нравственномъ, мужа, не умѣвшаго ужиться съ женою (Майновъ); у Донск. казаковъ жена, обыкновенно болѣе опытная въ хозяйственныхъ дѣлахъ чѣмъ долго отсутствовавшій мужъ часто получаетъ въ семьѣ значеніе большее того, которое она должна имѣть по *воззрѣніямъ* народнымъ (Харузинъ).

8. Въ какихъ случаяхъ положеніе жены особенно тягостно (въ большой семьѣ, въ бракѣ противъ своей воли и т. п.)?

Не замѣчается-ли въ этомъ отношеніи разницы между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ; какія причины перемѣны?

9. Не замѣчается-ли, что вернувшіеся домой солдаты грубѣе по отношенію къ женамъ?

10. Не отличаются-ли большей жестокостью мужья, побывавшіе въ отлучкѣ и научившіеся праздновать и пьянствовать?

11. Не замѣчается-ли, что крестьяне, наказанные розгами, становятся впослѣдствіи деспотами по отношенію къ своимъ женамъ?

12. Бываютъ-ли случаи, что жена имѣетъ верхъ надъ мужемъ и какъ смотритъ народъ на такіе случаи (шутки, прибаутки, побасенки и т. п.)?

13. Не существуетъ-ли въ описываемой мѣстности религіозной секты, признающей главенство жены въ семьѣ?

14. Говоритъ-ли народъ, что жена имѣетъ право учить мужа посредствомъ побоевъ?

Нѣтъ-ли пѣсенъ, прибаутокъ, побасенокъ и пр., описывающихъ расправу жены надъ мужемъ?

15. Не составляютъ-ли въ данной мѣстности семьи раскольничьи явленія свѣтлаго сравнительно съ православными?

16. Какъ называютъ супруги другъ друга въ глаза и заочно?

17. Теряетъ-ли жена свое родовое прозвище, принимая прозвище мужа или принявъ послѣднее сохраняетъ и свое родовое?

Не дѣлается-ли послѣднее такимъ образомъ, что къ прежней фамиліи жены прибавляется фамилія мужа со словомъ «по мужу» (Тр. к. по пр. вол. суд. IV, VI)?

18. Не зовутъ-ли женъ сосѣди по имени ихъ мужей напр. Иваниха — жена Ивана, Романиха и т. д.?

19. Не встрѣчалось-ли случаевъ продажи или заклада жены? отдачи на подержаніе, обмѣна? Не сохранилось-ли преданій?

Не заключались-ли при этомъ письменныя условія; не свидѣтельствуются-ли они въ вол. судѣ?

Какъ смотритъ народъ на эти случаи?

20. Имѣетъ-ли мужъ право требовать обратно жену, ушедшую отъ него, и жена мужа, ушедшаго отъ нея?

21. Въ правѣ-ли мужъ, не обращаясь къ суду, принять мѣры къ задержанію жены въ случаѣ ея самовольной отлучки?

22. Во всѣхъ-ли случаяхъ по жалобѣ мужа судъ постановляетъ водворить самовольно ушедшую жену?

23. Не обязаны-ли родители, принявшіе жену, самовольно ушедшую отъ мужа, вознаградить послѣдняго за прогульные дни, если жена ушла въ рабочее время? Не подвергаются-ли они вол. судомъ наказаніямъ?

24. Не постановляетъ-ли судъ, только водворить жену къ мужу черезъ сельскаго старосту, или-же налагаются на нее какія либо наказанія?

25. Не было-ли случаевъ взятія второй жены, по договору съ ней или ея родителями, при жизни первой жены, въ случаѣ ея отсутствія или неспособности къ работѣ?

26. Обязана-ли жена, оставившая мужа, уплачивать ему опредѣленную сумму? Въ какихъ случаяхъ налагается на нее это обязательство?

27. Не обязана-ли жена, оставившая мужа, въ случаѣ, если въ его домѣ нѣтъ взрослой женщины, уплачивать мужу ежегодно опредѣленную сумму на наемъ работницы?

28. Властенъ-ли мужъ выгнать жену изъ своего дома и отказать ей въ содержаніи, или жена имѣетъ *право* жить въ домѣ мужа и получать содержаніе отъ него?

29. Вправѣ-ли мужъ собственною властью удалить жену изъ своего дома, или-же онъ долженъ это сдѣлать съ чьего либо разрѣшенія (суда, общины, стариковъ)?

30. Вправѣ-ли жена требовать, чтобы мужъ не уклонялся отъ совмѣстнаго съ ней жительства; какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ народн. суды?

31. Изъ какихъ семей — большихъ или малыхъ мужья чаще прогоняютъ женъ?

32. Должна-ли жена слушаться мужа во всякомъ случаѣ, даже если мужъ приказываетъ противозаконное, или нѣтъ?

33. Жалуется-ли когда нибудь мужъ на непослушаніе жены и какъ наказываютъ женъ за *неповиновеніе?*

34. Много-ли значенія придаетъ мужъ совѣтамъ жены?

35. Обязанъ-ли мужъ имѣть о женѣ попеченіе и не подвергается-ли онъ за небрежность въ исполненіи этой обязанности какому либо наказанію народн. судами?

Освобождается-ли мужъ отъ обязанности давать женѣ содержаніе въ томъ случаѣ, если она сама, по причинѣ жестокаго съ нею обращенія мужа, не желаетъ съ нимъ болѣе жить; если *не* освобождается, то во всякомъ-ли случаѣ или-же лишь тогда, когда жена остается при дѣтяхъ?

36. Обязанъ-ли мужъ содержать жену во всякомъ случаѣ по пословицѣ «хоть гайтанъ (т. е. крестъ на шеѣ) порви да жену корми», или-же только тогда, когда жена работаетъ въ мужниномъ домѣ?

Примѣчаніе. У Мордвы напр. говорится, что ворота стоятъ на двухъ вереяхъ, а домъ на двухъ головахъ, поэтому не можетъ быть и вопроса, что одинъ изъ супруговъ обязанъ кормить другаго, а ничего недѣлающій супругъ не можетъ жаловаться на другаго, нежелающаго его кормить.

37. Какія работы лежатъ на мужѣ и какія на женѣ?

38. Въ какія дѣла женскія не вмѣшивается мужъ?

39. Обязанъ-ли мужъ наблюдать за поведеніемъ жены, не несетъ-ли онъ отвѣтственности за проступки жены и какова эта отвѣтственность?

40. Не бываетъ-ли случаевъ, что мужа наказываютъ вмѣсто жены за вину послѣдней, когда жена не можетъ быть подвергнута наказанію (напр. въ случаѣ беременности)?

41. Часты-ли случаи нарушенія супружеской вѣрности?—Бываютъ-ли они *обыкновенно* лишь при раздѣльномъ житьѣ супруговъ (напр. во время отсутствія мужа на заработкахъ, службѣ, промыслахъ) или-же и при совмѣстномъ жительствѣ?

Смотритъ-ли снисходительно народъ данной мѣстности на нарушеніе супругами вѣрности или-же строго?

42 Не смотрятъ-ли мужья сквозь пальцы на грѣхи женъ доколѣ онѣ не приносятъ въ домъ незаконнаго ребенка?

43. Одинаковымъ-ли преступленіемъ считается нарушеніе супружеской вѣрности со стороны мужа какъ и со стороны жены?

44. Какъ обычай позволяетъ поступать обиженному супругу въ случаѣ невѣрности другаго?

45. Не выбиваетъ-ли жена окна въ домѣ любовницы своего мужа, чтобы посрамить её?

46. Не отстригаетъ-ли мужъ женѣ косу въ наказаніе за нарушеніе супружеской вѣрности?

47. Подвергается-ли наказанію мужъ, нанесшій побои любовнику своей жены?

48. Подаютъ-ли мужья на невѣрныхъ женъ жалобы или расправляются съ ними сами, руководствуясь правиломъ: изъ избы соръ не выметать?

49. Дѣла о нарушеніи супружеской вѣрности вѣдаетъ-ли мірской сходъ или волостной судъ?

50. Не считается-ли народными судами нарушеніе супружеской вѣрности за преступленіе не важное, не заслуживающее тяжелаго наказанія?

Доставить примѣры рѣшеній судовъ по этому вопросу.

51. Отвѣтственъ-ли мужъ за побои, нанесенные женѣ и въ какихъ случаяхъ?

Какъ смотритъ народъ на мужа, который увѣчитъ жену?

52. Въ «большой» семьѣ можетъ-ли набольшой запретить мужу бить жену?

53. Часты-ли въ данной мѣстности истязанія женъ мужьями; какъ на это смотрятъ сосѣди; чѣмъ обыкновенно кончаются эти дѣла?—Опишите извѣстные вамъ случаи.

Что извѣстно вамъ о случаяхъ убійства жены мужемъ и наоборотъ: изъ ревности, ненависти, мести и пр.?

54. Бываютъ-ли случаи убійства одного супруга другимъ; какъ часты такія преступленія въ данной мѣстности; кто чаще является убійцей — мужъ или жена; какіе способы убійства въ этихъ случаяхъ чаще (отравленіе и пр.); какія причины вызываютъ одного супруга покушаться на жизнь другаго;—какія пѣсни сюда относящіяся?—Опишите извѣстные вамъ примѣры.

55. Не бываетъ-ли въ данной мѣстности преступленій, вызываемыхъ неладами между супругами?

Какія въ данной мѣстности относящіяся сюда пѣсни, поговорки, разсказы и пр.?

56. Если мужъ бѣденъ, а жена богата, то какія отношенія устанавливаются между ними?

57. Мужъ принятый въ домъ («зять влазень», «зять приймакъ») не имѣетъ-ли надъ женой менѣе власти?

Не принимаетъ-ли онъ прозвище того дома, въ который вступаетъ?

58. Какъ поступаютъ жены въ случаяхъ дурнаго обращенія съ ними мужей: подчиняются-ли безропотно своей долѣ или-же уходятъ къ родителямъ, жалуются-ли начальству и т. п.?

59. Во всякую-ли ссору между мужемъ и женой вмѣшиваются постороннія лица («не суди мужа съ женой»; «ночь темная ихъ посудитъ и помиритъ»)?

60. Кто обыкновенно разбираетъ дѣла между мужемъ и женой (старики, мірская сходка, волостной судъ)?

61. Не существуетъ-ли обыкновенія, по которому кто либо изъ сельскихъ властей безъ опредѣленія вол. суда, а прямо по жалобѣ мужа, наказываетъ жену (арестомъ, принудительными работами и пр.)?

62. Часто-ли женщины обращаются съ жалобами на мужей въ волостной судъ или дѣлаютъ это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; почему?

Примѣчаніе. Часто отъ жалобъ удерживаютъ жену: 1) безрезультатность ихъ, ибо наказаніе мужьямъ (тюремное наказаніе, „холодная", тѣлесное наказаніе) не достигаетъ цѣли, ожесточая наоборотъ вернувшагося къ женѣ мужа, мстящаго женѣ за понесенное имъ, 2) то что мѣстные волостные суды всегда почти становятся на сторону мужей, 3) окружные суды обходятся и дорого и хлопотно и т. п.

Любопытно знать насколько все это относится къ данной мѣстности.

63. Приноситъ-ли жена въ волостной судъ жалобы на мужа только въ случаѣ понесен-

ныхъ безъ вины жестокихъ побоевъ или-же и въ другихъ случаяхъ?

64. Какому наказанію подвергаютъ народн. суды мужей за a) жестокое обращеніе, b) побои, c) обиды словами, наносимыя своимъ женамъ?

Наказываютъ-ли его лишь съ согласія жены (Пахманъ), ограничиваясь въ противномъ случаѣ лишь выговоромъ, внушеніемъ и т. п.?

65. Приносятъ-ли жены жалобы на мужей по поводу нетрезвой жизни, разстройства хозяйства и т. п., и подвергается-ли мужъ по такой жалобѣ жены наказанію (какому)?

66. Нѣтъ-ли различія суда по отношенію къ дѣламъ между супругами о побояхъ, отдѣльномъ жительствѣ и пр. — отъ дѣлъ объ имуществѣ?

67. Къ какому наказанію присуждаетъ судъ мужа за побои, всегда-ли или-же только въ случаѣ жестокихъ и нанесенныхъ безъ всякой вины побоевъ?

68. Не заставляютъ-ли мужей давать на судѣ подписку не бить жены?

Представьте нѣсколько копій съ подобныхъ письменныхъ актовъ?

69. Не поручаетъ-ли волостной судъ старостѣ наблюдать, чтобы мужъ не билъ жены?

70. Не властна-ли жена при малолѣтнихъ дѣтяхъ требовать удаленія изъ дома ведущаго дурную жизнь мужа?

71. Бываютъ-ли случаи, что въ судъ приносятся жалобы отъ всего крестьянскаго общества на мужа, обращающагося жестоко съ женой?

Если эти жалобы письменныя, то желательно имѣть копіи съ нихъ.

72. Не передается-ли крестьянскимъ обществомъ женѣ, въ случаѣ дурной жизни мужа, управленіе хозяйствомъ (большина)?

73. Сохраняетъ-ли мужъ какую нибудь власть надъ женою, когда послѣдней передана большина?

74. Бываютъ-ли жалобы мужей на жестокое обращеніе съ ними женъ (Пахманъ, II. 109); какъ наказывается жена; примѣръ?

75. Обращаются-ли (часто-ли) вообще мужья въ судъ съ просьбой о наказаніи жены; въ какихъ случаяхъ; исполняютъ-ли суды желаніе мужей?

76. Въ какихъ случаяхъ волостные суды отсылаютъ дѣла о ссорахъ между супругами къ высшимъ властямъ (какимъ именно)?

77. Часто-ли женщины обращаются за разбирательствомъ дѣла о ссорѣ съ мужемъ къ мировымъ судьямъ?

Каково отношеніе мѣстныхъ мировыхъ судей къ дѣламъ о ссорахъ супруговъ?

78. Не пеняютъ-ли крестьяне на мировыхъ судей за то, что они «избаловали бабъ», становясь на сторону послѣднихъ при разбирательствѣ дѣлъ о ссорахъ супруговъ?

79. Не замѣчается-ли въ настоящее время измѣненія въ отношеніяхъ супруговъ сравнительно съ прежнимъ временемъ (не стала-ли напр. власть мужей слабѣть); съ какихъ поръ (хотя приблизительно) замѣчается подобное измѣненіе?

Какія причины его?

б) *имущественныя.*

1. Имущество супруговъ раздѣльно или общее?

Хозяйка-ли жена своего добра? Какимъ путемъ составляется отдѣльное женино имущество?

2. Какъ называется *предбрачный взносъ* у русскихъ крестьянъ, идущій со стороны жениха (кладка, вывозъ, столов. деньги и т. д.)?

Какъ смотрятъ крестьяне на этотъ взносъ: какъ на уплату за невѣсту — рабочую силу или-же какъ на выкупъ ея коробья (сундукъ, скрыня) и вознагражденіе за свадебные расходы и за наряды невѣсты, дѣлаемые ея семьею?

3. Кто даетъ кладку (самъ женихъ, отецъ его, или старшій въ семьѣ)?

Въ чемъ состоитъ кладка (деньги, шуба, овцы и пр.)?

Каковы размѣры кладки и какую при этомъ играетъ роль матеріальныя средства жениха, личныя качества невѣсты, достоинство самого жениха?

4. Кому дается кладка: отцу-ли невѣсты, старшему-ли (братьямъ)?

5. Какова судьба кладки въ случаѣ смерти того или другаго супруга?

6. Не выводится ли обычай давать кладку изъ употребленія вслѣдствіе обременительности ея, или не дается-ли она нынѣ въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ?

7. Существуетъ-ли обычай давать при выдачѣ замужъ дочери *приданое* семьей ея?

Какія названія носитъ это приданое?

Какія вещи составляютъ приданое?

8. Не принято-ли за правило давать за невѣстой такое имущество, коего объемъ (большій или меньшій) находился-бы въ соотвѣтствіи съ состояніемъ ея жениха, которое особенно свидѣтельствуется родителями невѣсты?

Не опредѣляется-ли величина даваемаго за невѣстой имущества величиной полученной кладки?

9. Не составляетъ-ли отличное отъ приданаго имущество *надѣлокъ*, какъ состоящій изъ той доли семейнаго имущества, которая по числу лицъ, между коими оно должно-бы было раздѣлиться по смерти родителей, досталось-бы выдаваемой замужъ дочери?

10. Кто даетъ приданое?

Не составляетъ-ли приданое (коробья, скрини) предметъ особыхъ заботъ матери, которая скопляетъ его понемногу въ теченіе многихъ

лѣтъ; не признается-ли за матерью право половину полученнаго ею самою приданаго назначить дочери?

Въ какой мѣрѣ участвуетъ отецъ въ приданомъ?

Участвуютъ-ли въ приданомъ дядя, братья, зятья, свекры, девери и въ какихъ случаяхъ?

11. Всегда-ли приданое состоитъ изъ движимаго имущества и какого именно (скотъ, деньги, хлѣбъ, постели, иконы, коробья съ одеждами и пр.) или еще изъ недвижимаго?

12. Составляетъ-ли приданое предметъ какихъ либо условій при заключеніи брака (по особому уговору жениховой и невѣстиной стороны о предметѣ и количествѣ) или-же просто передается жениху и его роднымъ?

13. Составляются-ли письменныя условія о приданомъ и въ какихъ случаяхъ (если дается недвижимое)?

Какъ называется такое условіе?

Представить копіи съ такихъ условій.

14. Когда и какъ передается приданое: до свадьбы, послѣ нея, или вмѣстѣ съ невѣстой?

Бываютъ-ли споры и иски о приданомъ между зятемъ и жениной родней?

15. Не задерживаютъ-ли приданое въ семьѣ мужа въ случаяхъ самовольнаго ухода жены?

16. Какое значеніе приданаго въ общей массѣ семейнаго имущества: поступаетъ-ли оно въ общую собственность супруговъ или исключительно жены; имѣетъ-ли право мужъ распоряжаться приданымъ?

Не составляетъ-ли исключительно собственности жениной лишь *платное*, тогда какъ мужъ получаетъ право распоряженія надѣлкомъ?

17. По обычаю въ данной мѣстности нужно-ли для того, чтобы приданое входило въ составъ общаго имущества супруговъ, предварительное условіе или нѣтъ; или-же нужно условіе для того, чтобы приданое *не* входило въ составъ общаго имущества?

18. Если мужъ не въ правѣ распоряжаться приданымъ, то не сохраняется-ли за женою право потребовать свое приданое обратно и право отчужденія его даже безъ согласія мужа?

19. Если въ приданое даны деньги, кто распоряжается ими?

Если въ приданое данъ скотъ, составляетъ-ли онъ общее имущество или нѣтъ; чей считается приплодъ?

Если въ приданое дана недвижимая собственность (домъ, садъ), кто имъ распоряжается?

20. Бываютъ-ли иски женъ на мужей за растрату приданаго; каковы рѣшенія крестьянскихъ судовъ въ такихъ дѣлахъ?

21. Какова участь приданаго въ случаѣ смерти жены: поступаетъ-ли оно въ собственность мужа и дѣтей, или за неимѣніемъ ихъ въ родъ мужа, или-же въ женинъ родъ; въ послѣднемъ случаѣ отвѣчаетъ-ли мужъ за растраченную часть приданаго и дѣлается-ли въ этомъ отношеніи различіе между платнымъ и надѣлкомъ?

22. Какіе подарки дѣлаетъ женихъ невѣстѣ; въ какое время свадебныхъ празднествъ и при какихъ обрядахъ имѣютъ мѣсто эти подарки; въ полное-ли распоряженіе невѣсты поступаютъ подобные подарки?

Нѣтъ-ли обычая выкупать у дѣвушки ея вѣнокъ, косу, повязку, и какъ велика сумма даваемая при этомъ женихомъ?

Не въ обычаѣ-ли дарить невѣсту въ случаѣ, если она оказалась цѣломудренной?

23. Вещи, полученныя молодыми во время свадебныхъ пировъ въ видѣ даровъ отъ гостей, поступаютъ-ли въ распоряженіе обоихъ или кого нибудь одного изъ нихъ?

24. Нажитое добро трудами обоихъ супруговъ въ совмѣстной жизни считается-ли общей собственностью?

25. Деньги, заработанныя женой по найму, идутъ-ли мужу или остаются у жены?

26. Все нажитое женою по смерти ея остается-ли у мужа или-же идетъ вмѣстѣ съ приданымъ въ родъ покойной?

27. Какое имущество находится въ исключительномъ завѣдываніи жены?

28. Не составляютъ-ли неприкосновенную собственность женщинъ головной уборъ и ожерелье, и не передаются-ли они по наслѣдству отъ бабы къ бабѣ?

29. На какія хозяйственныя произведенія жена имѣетъ полную власть, такъ что можетъ распоряжаться безъ спроса мужа?

30. Существуетъ-ли въ данной мѣстности обычай, по которому доходы съ хозяйственныхъ произведеній поступаютъ въ исключительную собственность жены и вообще женщинъ работницъ?

31. Въ чемъ состоитъ обязанность жены заготовлять одежду для семейства?

32. Когда мужъ предъявляетъ искъ по дѣлу объ оскорбленіи жены, присуждается-ли денежный штрафъ съ оскорбителя въ пользу мужа или въ пользу мужа съ женой или-же въ пользу одной жены?

33. Отвѣтственна-ли жена по обязательствамъ мужа?

Существуетъ-ли обычай, по которому жена не платитъ по долгамъ мужа лишь въ томъ случаѣ, когда они сдѣланы для пьянства и т. п. а не на семейныя нужды?

34. Требуется-ли согласіе мужа на сдѣлки, учиняемыя женой?

35. Обязанъ-ли мужъ отвѣчать по женинымъ обязательствамъ (долги и пр.)?

36. Допускается-ли веденіе на судѣ жениныхъ дѣлъ мужемъ и мужниныхъ дѣлъ женой безъ особой довѣренности?

37. Во всѣхъ-ли случаяхъ обязанъ мужъ выдать прогнанной изъ дома женѣ ея имущество?

Въ какихъ случаяхъ жена можетъ унести свое добро?

38. Совершаются-ли между супругами какія либо имущественныя сдѣлки (купля-продажа, заемъ, дареніе и пр.)?

39. Имѣетъ-ли какія либо права на имущество своей жены зять влазень?

40. Дѣлаютъ-ли жены письменныя завѣщанія въ пользу своихъ мужей; въ какихъ случаяхъ это бываетъ; какія побудительныя къ тому причины?

Доставьте копіи съ такихъ актовъ.

11. Отношенія родителей и дѣтей.

а) *личныя.*

1. Каковъ взглядъ крестьянъ на дѣтей: служатъ-ли дѣти признакомъ благословенія Божія, а неимѣніе ихъ наказаніемъ?

2. Какъ вообще объясняютъ крестьяне безплодіе; принимается-ли безплодіе жены за явный признакъ невѣрности ея мужу?

Не получаетъ-ли мужъ въ этомъ случаѣ право бросать ее?

3. Употребляются-ли какія-либо медицинскія и суевѣрныя (колдовство, наговоры) средства для прекращенія безплодія?

Какому Святому молятся о дарованіи дѣтей?

4. Можно-ли требовать другую женщину въ случаѣ безплодія жены?

5. Не извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи, что-бы за неимѣніемъ дѣтей мужъ предоставлялъ жену сосѣду или пріятелю дабы родился ребенокъ?

Неизвѣстны-ли по крайней мѣрѣ разсказы объ этомъ изъ минувшихъ временъ?

Какъ относилась деревня къ подобнымъ случаямъ?

6. Извѣстно-ли у народа плодоизгнаніе (въ какихъ случаяхъ, изъ какихъ побудительныхъ мотивовъ), или оно совершается только тѣми, которыя зачинаютъ внѣ брака?

Считается-ли плодоизгнаніе преступленіемъ или же дѣйствіемъ безразличнымъ. Насколько оно распространено среди народа?

Нѣтъ-ли спеціальныхъ личностей, искусство коихъ переходитъ изъ рода въ родъ, которыя занимаются плодоизгнаніемъ?

7. Не считается-ли мальчикъ болѣе желательнымъ чѣмъ дѣвочка?

8. Какія пѣсни, обряды, символическія дѣйствія, въ коихъ выражается желаніе, что-бы рождались дѣти мужскаго пола (напр. сажаніе мальчика на колѣни невѣсты)?

9. Не встрѣчается-ли рожденіе сына съ большей радостью, чѣмъ рожденіе дочери и почему?

Не замѣчается-ли вообще разницы въ отношеніи родителей къ сыновьямъ сравнительно съ дочерьми?

Какія сюда относящіяся поговорки, прибаутки, легенды и пр.?

10. Когда въ году замѣчается бóльшее количество рожденій?

Не оказываетъ-ли въ этомъ отношеніи какого нибудь вліянія посты, какъ время воздержанія отъ плотскихъ помысловъ?

12. Какіе обряды, повѣрья, суевѣрія соединены вообще съ рожденіемъ ребенка?

Нѣтъ-ли преданій о томъ, что въ былое время передъ родами своей жены и мужъ ложился въ постель, подражая страданіямъ беременной?

13. При рожденіи нѣтъ-ли какихъ нибудь особыхъ обрядовъ въ коихъ отецъ символически показывалъ бы, что готовъ принять новорожденнаго какъ своего ребенка (напр. подниманіе съ полу, сажаніе себѣ на колѣни и пр.)?

14. Имѣетъ-ли право отецъ отречься отъ новорожденнаго, какъ отъ незаконнаго ребенка?

Считается-ли у инородцевъ неприличнымъ спрашивать родителей о ихъ дѣтяхъ (напр. о числѣ ихъ, ихъ здоровьѣ, возрастѣ и т. д.)?

Не считается-ли въ данной мѣстности неприличнымъ, чтобы отецъ ласкалъ своихъ дѣтей въ присутствіи постороннихъ?

15. Каковъ взглядъ народа на власть отца и матери. Есть-ли въ народныхъ понятіяхъ различіе между властью отца и матери въ томъ случаѣ, когда эта власть за смертью отца сосредоточится въ лицѣ одной матери?

16. До какихъ предѣловъ можетъ по понятіямъ народа простираться власть отца надъ дѣтьми?

17. Не осталось-ли въ какихъ нибудь воспоминаніяхъ народа понятія о томъ, что отецъ властенъ въ жизни и смерти своихъ дѣтей, какъ своей плоти: если сохранились какія нибудь легенды, происшествія или вѣрованія, то ихъ записать?

18. Не извѣстны-ли въ данной мѣстности продажи дѣтей символическія?

19. По современнымъ воззрѣніямъ народа воленъ-ли отецъ въ своихъ дѣтяхъ?

20. Извѣстно-ли у народа хотя по преданіямъ, легендамъ и разсказамъ выбрасываніе дѣтей на произволъ судьбы?

Нѣтъ-ли у народа обычая, въ силу котораго новорожденнаго младенца кладутъ около порога, затѣмъ, чтобы его поднялъ и взялъ на руки отецъ?

Встрѣчается-ли среди народа подкидываніе дѣтей и кѣмъ оно совершается: матерями-ли незаконнородившими или-же и другими женщинами?

21. Какой взглядъ народа на дѣтоубійство вообще?

Равно-ли преступными и наказуемыми считаетъ народъ этотъ видъ убійства со всякимъ инымъ, или-же дѣлаетъ различіе въ томъ-ли смыслѣ, что оно не столь важное, или въ томъ смыслѣ, что оно важнѣе обыкновеннаго?

Какъ народъ смотритъ на убійство незаконнорожденнаго въ моментъ рожденія, дѣвицею въ первый разъ рождающею?

22. Нельзя-ли подмѣтить различія между взглядомъ народа на убійство сына или дочери и взглядомъ закона на этотъ видъ убійства?

Примѣчаніе. По закону убійство сына или дочери считается *болѣе важнымъ чѣмъ простое* убійство (наказаніе: каторжная работа *въ рудникахъ* безъ срока); менѣе тяжкимъ считается убійство матерью *незаконнаго* ребенка *при самомъ рожденіи*, совершенное *отъ стыда или страха;* (при этомъ— если *не* будетъ доказано что виновная была уже прежде виновна въ томъ же преступленіи, наказаніе смягчается треия степенями); взглядъ законодателя болѣе мягкій, когда дѣтоубійство этого рода было *не предумышленное*, виновная же въ ономъ женщина особенно если она *незамужняя*, разрѣшилась отъ бремени *въ первый разъ* (лишен. всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.) Ул .о Нак. уг. и испр. ст. 1451). Далѣе: женщина, которая отъ стыда или страха, хотя и не умертвитъ незаконорожденнаго своего младенца, но оставитъ его *безъ помощи* и младенецъ отъ того лишится жизни приговаривается — къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь по четвертой степени 31 ст. Уложенія или къ отдачѣ въ тюрьму на время отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ на основаніи постановленій ст. 77 улож. Если, однакожъ, будетъ доказано, что младенецъ *родился мертвымъ* и мать, волнуемая стыдомъ или страхомъ, только *скрыла его тѣло*, вмѣсто того, чтобы объявить о семъ какъ слѣдовало, то за сіе она подвергается лишь — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ (Ул. о нак. ст. 1460). Послѣдняя часть статьи примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда мать скроетъ тѣло такого ребенка, который хотя и родился живымъ, но умеръ тотчасъ послѣ родовъ (Ул. о нак. изд. Н. С. Таганцевымъ Спб. 1885 г. стр. 510).

23. Не сохранилось-ли преданія о продажѣ дѣтей или отдачѣ ихъ въ закладъ?

24. Нѣтъ-ли такихъ обрядовъ, которые-бы указывали на существованіе прежде обычая продажи и убійства дѣтей?

25. Имѣетъ-ли отецъ право отдавать дѣтей въ наймы, принуждать къ браку и т. д.?

26. Имѣетъ-ли отецъ по *воззрѣніямъ* народа право лишить сына наслѣдства; бываютъ-ли случаи такого лишенія (опишите вамъ извѣстный примѣръ)?

27. Имѣетъ-ли отецъ по *воззрѣніямъ* народа право непочтительнаго, задорнаго сына выгнать изъ дому, *не давъ ему никакой части* имущества; извѣстны-ли подобные случаи; какъ къ нимъ относятся нар. суды: одобрительно-ли, или заставляютъ отца надѣлить выгнаннаго сына?

28. Не наказываетъ-ли народный судъ сыновей за самовольный уходъ отъ отца, заставляя напр. платить часть повинностей, лежащихъ на отцѣ, долги отцовскіе и т. п.?

29. Отецъ по народнымъ понятіямъ всегда-ли властенъ надъ сыномъ или-же—власть его имѣетъ извѣстный предѣлъ, прекращаясь въ извѣстномъ случаѣ напр. при достиженіи совершеннолѣтія, послѣ отдѣла, занятіи общественной должности?

30. Бываютъ-ли случаи проституціи дочерей по настоянію родителей; чѣмъ они вызываются?

31. Сохраняютъ-ли родители какую либо власть надъ выданной замужъ дочерью?

32. Дочь вдова подчиняется-ли родительской власти въ одинаковой мѣрѣ съ дочерью-дѣвушкой?

33. Не распоряжается-ли болѣе отецъ сыновьями, а мать дочерьми; отецъ взрослыми, а мать—малолѣтними?

34. Какова обязанность родителей къ дѣтямъ (кормить, содержать, учить страху Божію, женить и пр.)?

35. При воспитаніи дѣтей употребляются-ли мѣры строгости или мягкія средства?

36. Нѣтъ-ли обычая праздновать достиженіе совершеннолѣтія?

Не въ обычаѣ-ли ставить угощеніе старикамъ со стороны парня, являющагося въ первый разъ на сходку?

37. Могутъ-ли дѣти жаловаться на грубое обращеніе родителей (какъ напр. у молоканъ), кому они жалуются, какъ смотритъ народъ на подобныя жалобы, какова кара родителямъ?

38. Не подвергаетъ-ли судъ наказанію родителей за нанесеніе побоевъ дѣтямъ безъ всякихъ съ ихъ стороны причинъ—въ пьяномъ видѣ, или въ случаяхъ, если домашнія смирительныя мѣры носятъ характеръ жестокости?

39. Вступаетъ-ли общество въ защиту угнетаемыхъ родителями дѣтей, заставляя ихъ выдѣлить ихъ; какъ часто такое вмѣшательство?

40. Каковы обязанности дѣтей къ родителямъ (повиноваться, покоить и кормить въ старости?)

41. Возлагается-ли на дѣтей обязанность честно похоронить и поминать родителей?

42. Не сохранилось-ли среди народа преданія о томъ времени, когда выбрасывали на

произволъ судьбы стариковъ и старухъ, доживших до потери способности къ работѣ?

Не ходятъ-ли въ устахъ народа легенды, сказанія о выбрасываніи стариковъ?

43. Нѣтъ-ли разсказовъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектахъ и теперь убиваютъ стариковъ и больныхъ?

44. Какъ народъ смотритъ на неблагодарныхъ дѣтей такихъ, которыя, имѣя средства, не оказываютъ престарѣлымъ и нуждающимся родителямъ помощи, не даютъ содержанія и т. п.?

45. Личныя обиды, побои, убійство во сколько народъ считаетъ болѣе тяжелыми, когда они совершены надъ родителями?

Записать легенды, исторіи, разсказы, анекдоты, въ которыхъ изображается наказаніе тѣмъ, которые наносили обиды или побои или даже покушались на жизнь родителей?

46. Какъ поступаютъ родители въ случаѣ непослушанія дѣтей или отказа въ дачѣ содержанія?

47. Какія наказанія отецъ и мать могутъ, по понятіямъ народа, употреблять противъ дѣтей и какія чаще всего встрѣчаются?

48. Какую спеціальную силу народъ приписываетъ родительскому благословенію?

Какія бѣдствія угрожаютъ тому, кто лишенъ родительскаго благословенія?

49. Встрѣчается-ли у народа проклятіе дѣтей родителями?

Не сохранилось-ли у народа какихъ нибудь легендъ, разсказовъ, исторій о тяжкихъ послѣдствіяхъ родительскаго проклятія?

50. Неизвѣстны-ли народу формы наказанія дѣтей родителями подъ названіемъ отреченія отъ дѣтей?

51. Въ какихъ случаяхъ употребляется: лишеніе благословенія, проклятіе и отреченіе отъ дѣтей?

52. Помимо домашнихъ исправительныхъ мѣръ, не прибѣгаютъ-ли родители къ помощи вол. суда съ просьбою о наказаніи дѣтей за непочтеніе, неповиновеніе, нерадѣніе къ хозяйству?

Къ какимъ наказаніямъ присуждаетъ судъ (внушеніе, подписки, розги)?

53. Не бывало-ли случаевъ (въ прежнее время быть можетъ) исключенія изъ общества по приговору за неповиновеніе родителямъ?

54. Въ случаѣ если при разборѣ дѣла окажется, что виноваты другъ противъ друга и сынъ и отецъ, то не подвергаются-ли наказанію оба?

55. Когда крестьянскій судъ опредѣляетъ давать содержаніе родителямъ, то какъ велико бываетъ такое, опредѣленное судомъ, содержаніе?

56. Если есть нѣсколько взрослыхъ сыновей, то не обязываютъ-ли каждаго изъ нихъ кормить родителей по очереди?

Не освобождаются-ли отъ этой обязанности сыновья, поступившіе на службу или неполучившіе отъ отца никакого имущества при раздѣлѣ?

57. Не обязуются-ли сыновья выстроить матери особую келью, коль скоро она не можетъ ужиться со своими снохами, ихъ женами?

58. Каковы отношенія между вотчимомъ или мачихою и пасынкомъ: какая разница въ отношеніи къ мачихѣ и къ родному отцу?

59. Не замѣчается-ли, что нынѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, родительская власть слабѣетъ; если да, то съ какого времени приблизительно и при какихъ условіяхъ въ особенности родительская власть становится слабѣе?

б) *имущественныя.*

1. Имѣютъ-ли дѣти свое имущество отдѣльное отъ родителей?

Какимъ способомъ составляется оно (напр. пріобрѣтенное на сторонѣ на заработкахъ, полученное въ даръ, наслѣдованное отъ дѣда, бабки, матери и т. п.)?

2. Выручку за мелкіе заработки въ праздничное или свободное отъ работы время оставляютъ-ли сыновья у себя или-же отдаютъ отцу?

3. Заложенное отцомъ и выкупленное сыномъ имущество не дѣлается-ли собственностью выкупившаго?

4. Имѣетъ-ли отецъ право отнять у сына завѣщанное ему дѣдомъ имущество?

5. Могутъ-ли родители распоряжаться этимъ имуществомъ; если могутъ, то только до совершеннолѣтія или (если мать вдова) до вторичнаго брака?

6. Признаетъ-ли вол. судъ продажу дѣтскаго имущества, учиненную родителями, дѣйствительной?

7. Отвѣтственны-ли родители за растрату дѣтскаго имущества?

8. Имѣетъ-ли вообще отецъ право отчуждать какую либо долю изъ дѣдовскаго (родоваго) имущества; имѣетъ-ли право закладывать его?

9. Не сохраняетъ-ли отецъ право на имущество, которое онъ далъ сыну при выдѣлѣ: можетъ-ли онъ напр. отнять выдѣленное, или-же это право отрицается за отцомъ; каковы рѣшенія вол. суда по этому вопросу?

10. Отвѣчаютъ-ли родители за убытки, причиненные ихъ малолѣтними дѣтьми, отданными въ наемъ?

11. Отвѣтственъ ли отецъ за убытки, причиненные его совершеннолѣтними дѣтьми, если они живутъ съ нимъ вмѣстѣ?

12. Обязанъ-ли отецъ уплачивать долги неотдѣленныхъ дѣтей?

Бываютъ-ли и въ какихъ случаяхъ отказы родителей платить долги дѣтей; дѣлаются-ли они при свидѣтеляхъ, на сходѣ и пр.?

13. Бываютъ-ли случаи займа, купли-продажи между неотдѣленными сыновьями и отцомъ?

14. Не наслѣдуютъ-ли послѣ безпотомственно умершихъ крестьянъ ихъ родители?

15. Какое участіе принимаютъ дѣти въ уплатѣ податей?

16. Отвѣчаютъ-ли неотдѣленные сыновья при жизни отца за неисправное отбываніе семьей повинностей и податей?

17. Не бываетъ-ли между родителями и отдѣленными сыновьями особыхъ условій относительно отбыванія податей и повинностей и какіе споры и иски возникаютъ изъ такихъ условій?

18. Отвѣтственны-ли неотдѣленныя дѣти въ долгѣ отца?

19. Не обязываетъ-ли народный судъ сына жить вмѣстѣ съ родителями до уплаты семейнаго долга?

20. Нѣтъ-ли случаевъ, когда отвѣтственнымъ въ отцовскомъ долгѣ считался-бы и *отдѣленный* сынъ (напр. если отецъ не въ силахъ болѣе работать?)

21. Долги матери взыскиваются-ли только съ принадлежащаго ей имущества или-же и съ имущества дѣтей ея?

12. Семейная община («большая семья»).

1. Живутъ-ли въ данной мѣстности такъ назыв. *большими* семьями т. е. по нѣскольку брачныхъ четъ вмѣстѣ подъ властью одного родственника (дѣда, отца, дяди, брата)?

Примѣчаніе. Такъ называемая *большая* семья носитъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи разный характеръ: въ однихъ мѣстахъ начало родовое, *кровное* преобладаетъ, власть главы безусловнѣе, о выборѣ или смѣнѣ его нѣтъ и рѣчи; большакомъ становится старшій членъ семьи, вся семья находится подъ гнетомъ его деспотизма, *его воля—законъ* для всѣхъ членовъ семьи и исполняется безпрекословно; въ другихъ мѣстахъ на оборотъ—члены семьи значительно эманципированы, тутъ значительное вліяніе оказываетъ начало *трудовое:* члены семьи, какъ участники въ общемъ семейномъ трудѣ и въ общей наживѣ, имѣютъ вѣскій голосъ и при рѣшеніи семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, здѣсь большакъ выборный, его власть ограниченнѣе, онъ не болѣе какъ *распорядитель* семейнаго имущества и можетъ быть смѣненъ за неисправное исполненіе обязанности; наконецъ иногда соединяются лица даже неродственныя между собою или-же съ весьма лишь слабой родственной связью, образуя семью фиктивную, въ которой и права главы должны быть еще болѣе ограниченными. Эти-то черты, проявляющіяся — смотря по мѣстности—*въ разныхъ степеняхъ*, и долженъ имѣть въ виду собиратель и отмѣчать ихъ при описаніи характера „большой“ семьи данной мѣстности.

Желательно такъ-же, чтобы собиратель отмѣчалъ, каковы различія въ правахъ главы семьи и ея членовъ смотря потому, будетъ-ли этотъ глава—отецъ, дѣдъ, мать, или же братъ, дядя остальнымъ членамъ; а такъ-же—каково различіе между порядками въ большихъ семьяхъ былаго времени и современными.

2. Большія семьи состоятъ-ли чаще изъ отца съ одними или нѣсколькими женатыми сыновьями, или-же изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ безъ отца, или изъ дяди съ племянниками, или изъ двоюродныхъ братьевъ и т. д.?

3. Всегда-ли всѣ члены такой семьи состоятъ въ кровномъ родствѣ между собою?

Кто изъ некровныхъ родственниковъ чаще всего проживаетъ въ большой семьѣ?

4. Не бываетъ-ли, что цѣлая семья присоединяется къ другой семьѣ совершенно ей стороннихъ людей; какія тому причины, на какихъ условіяхъ это дѣлается?

Примѣчаніе. Г-жа А. Я. Ефименко напр. разсказываетъ о семьѣ такого вида: „бездѣтный крестьянинъ приглашаетъ къ себѣ на житье женатаго крестьянина изъ большой семьи. Этотъ крестьянинъ умираетъ, остается его бездѣтная жена, которую старикъ снова выдаетъ замужъ, принимая ея мужа опять къ себѣ въ домъ, какъ-бы зятя къ дочери. У этой четы опять нѣтъ дѣтей, онъ беретъ чужую дѣвушку вмѣсто дочери и выдаетъ замужъ въ свою очередь, принимая въ домъ ея мужа. Такимъ образомъ, оказывается, что въ одномъ домѣ живутъ три поколѣнія чужихъ: старикъ, замѣняющій дѣда, первая чета — второе поколѣніе, и вторая чета—третье“ (Изслѣд. нар жизн. вып. I. М. 1884 г., стр. 66).

5. Не бываетъ-ли случаевъ поступленія цѣлой семьи въ другую семью съ обязанностью вести хозяйство, содержать принявшую семью и, *по возрастѣ малолѣтнихъ членовъ* послѣдней, передать имъ хозяйство и *удалиться*, не получая при отходѣ никакого особаго вознагражденія за труды (какъ напр. въ Кіевск. губ. по словамъ П. М. Дашкевича)? Подробно описать извѣстные собирателю случаи. Не принимаютъ-ли на этихъ условіяхъ къ себѣ семью больше вдовы и вдовцы, обремененные малолѣтними дѣтьми и не желающіе вступать въ бракъ, но обезпеченные достаточно надѣломъ?

Какого рода семьи соглашаются на такія условія? Что именно служитъ для нихъ побудительными къ тому причинами?

Заключаются-ли при этомъ письмен. сдѣлки (копіи!)?

6. Часты-ли «большія» семьи въ данной мѣстности?

Если «большихъ» семей нынѣ въ данной мѣстности нѣтъ, то какія сохранились о нихъ преданія?

7. Сколько членовъ въ такихъ семьяхъ обыкновенно?

8. По скольку имѣютъ членовъ самыя многочисленныя семьи?

9. Опишите подробно составъ членовъ извѣстной вамъ большой семьи (дѣдъ, братья, пріемыши и т. д).

10. Во сколькихъ избахъ живутъ такія семьи?

11. Какое прозвище носитъ подобная семья: по имени-ли того, кто въ данное время большакомъ, или по имени предка основателя, или же и то и другое употребительно: напримѣръ, обыкновенное прозвище по большаку, а оффиціальное по основателю?

12 Не сохранилась-ли память объ основателѣ такихъ семействъ?

Начертать родословную таблицу съ обозначеніемъ большаковъ.

13. Какъ называется глава такой семьи (большакъ, старшой, хозяинъ)?

14. Какія названія въ данномъ мѣстѣ для остальныхъ членовъ большой семьи (меньшакъ, большая сноха, сношельницы и т. п.)?

---

15. Одинъ глава въ большой семьѣ или нѣсколько?

16. Бываетъ-ли женщина главой большой семьи и въ какомъ случаѣ это бываетъ?

16а) Глава семьи старшій-ли или избранный членами семьи?

17. Если живутъ вмѣстѣ братья, всегда-ли старшій по лѣтамъ завѣдуетъ хозяйствомъ или-же тотъ, кто отличается знаніемъ и доброй славой?

18. При избраніи большака на какія свойства обращается вниманіе?

19. Если большака теперь выбираютъ, то не сохранилось-ли преданіе, что прежде онъ не былъ выбираемъ, а мѣсто это занималось родственниками по старшинству?

Какъ давно приблизительно вошелъ въ употребленіе *выборъ* большака; какія причины, по мнѣнію крестьянъ, его вызвали къ жизни?

20. Если старшій послѣ умершаго большака явно помѣшанный, отстраняется-ли онъ отъ власти или-же нѣтъ (какъ напр. это бывало прежде на Уралѣ, по свидѣтельству г. Пономарева)?

21. Всегда-ли большакомъ бываетъ человѣкъ старый или пожилой, или-же иногда и молодой?

22. Требуется-ли непремѣнно, чтобы большакъ былъ женатый человѣкъ или имъ можетъ быть и холостой?

23. Въ какомъ видѣ проявляется власть старшаго (большака) по отношенію къ разнымъ лицамъ составляющимъ семью: по отношенію къ своему отцу (если съ того снята большина), къ женатымъ членамъ и ихъ женамъ и дѣтямъ?

Примѣчаніе. На Уралѣ напр. власть старика очень велика: „выберутъ сына въ старшины, а волостью правитъ самъ старикъ: сынъ хоть и волостной старшина, а пикнуть не смѣетъ супротивъ родителя — неравно выйдетъ на сходъ, поклонится старикамъ и выпоретъ волостнаго-то“... (Пономаревъ). Въ другихъ мѣстахъ замѣчается обратное явленіе.

24. Властенъ-ли большакъ отдавать по собственной волѣ того или другаго члена семьи въ работники?

25. Властенъ-ли отецъ въ большой семьѣ выгнать жену сына?

26. Сношенія съ попомъ, старостой, урядникомъ и пр., сношенія двухъ семей между собою не производятся-ли только чрезъ большака?

27. Какова вообще обязанность большака по отношенію къ обществу, начальству, духовенству, церкви?

28. Не имѣетъ-ли на народныхъ судахъ свидѣтельство большака большій вѣсъ сравнительно со свидѣтельствами младшихъ членовъ?

29. Не имѣетъ-ли большакъ права суда надъ членами семьи, такъ что въ случаѣ ссоры между членами семьи рѣдко обращаются къ старостѣ и въ волостной судъ?

30. Можетъ-ли большакъ наказывать взрослыхъ или малолѣтнихъ членовъ семьи самъ, или-же проступокъ ихъ обсуждается всѣми женатыми членами?

31. Если мужъ отказывается исполнить приказаніе большака о наказаніи побоями своей жены, не наказывается-ли онъ самъ сельскимъ сходомъ, который въ такихъ случаяхъ неповиновенія становится на сторону большака?

32. Не дѣлается-ли разницы въ мѣрѣ власти наказанія членовъ семьи, смотря потому, кто большакомъ—дѣдъ, отецъ, дядя, братъ?

33. Самъ большакъ принимаетъ-ли участіе въ хозяйственныхъ работахъ или-же онъ ограничивается однимъ присмотромъ и распоряженіемъ, ведетъ разсчетъ, принимаетъ подрядъ, заказъ и пр.?

34. Старшій въ семьѣ есть-ли полновластный хозяинъ или только *управляющій* общимъ имѣніемъ?

35. Воленъ-ли, по воззрѣніямъ народа, хозяинъ растратить *все* имущество или лишь то, что имъ самимъ нажито?

Часты-ли случаи растраты семейнаго имущества хозяиномъ и какими средствами ограждаетъ себя членъ семьи отъ расточительныхъ хозяевъ (отнятіемъ-ли большины, раздѣломъ-ли и т. п)?

Вмѣшиваются-ли въ такія дѣла сосѣди?

36. Можетъ-ли старшій что-нибудь продать или купить безъ согласія остальныхъ членовъ?

37. Обязанъ-ли большакъ давать отчетъ въ израсходованномъ или-же онъ не подчиненъ контролю вовсе?

Если даетъ отчетъ, то какимъ способомъ (описать это съ бытовой стороны)?

38. Производятъ-ли провѣрку относительно расходовъ большака или вѣрятъ ему на слово?

39. Прежде чѣмъ сдѣлать какое-либо распоряженіе, совѣщается-ли (когда именно) большакъ съ членами семьи или-же распоряжается всѣмъ по собственному усмотрѣнію; если совѣщается, то со всѣми (женщинами, какъ и мущинами, малолѣтними, какъ и взрослыми) или нѣтъ?

40. Существуетъ-ли семейный совѣтъ при большакѣ, имѣетъ-ли сем. совѣтъ лишь совѣщательный голосъ или рѣшающій?

41. Что бываетъ предметомъ общаго совѣщанія и что дѣлается по желанію и распоряженію однихъ большака и большухи?

42. При рѣшеніи дѣлъ большакомъ вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ чаще-ли ставитъ большакъ на своемъ и дѣлаетъ такъ, какъ самъ хочетъ, или-же сдается на доводы совѣта?

43. Не было-ли случая, что рѣшеніе семейнаго совѣта останавливало предполагавшійся бракъ?

44. Чей голосъ имѣетъ наибольшее послѣ большакова голоса значеніе въ семейномъ совѣтѣ?

45. Во время отлучекъ хозяина, кто занимаетъ его мѣсто?

46. Кто производитъ семейную расправу въ случаѣ, если самъ старикъ слабъ (не поручается-ли напр. наказаніе снохъ ихъ мужьямъ, племянникамъ ихъ дядямъ?)

47. Если большакъ состарился, то не отставляется-ли онъ и не замѣняется-ли другимъ болѣе способнымъ къ работѣ, или-же такихъ замѣнъ нѣтъ и оставляютъ большака на его мѣстѣ вплоть до смерти?

Нѣтъ-ли въ этомъ отношеніи разницы между прежнимъ и теперешнимъ временемъ: не бывало-ли, по крайней мѣрѣ прежде, что слушались большака даже совсѣмъ «изъ ума выжившаго», хотя его распоряженія и были противъ интересовъ семьи, но исполняли ихъ всѣ лишь изъ боязни ослушаться его?

48. Можетъ-ли большакъ быть лишенъ своего званія: кто это можетъ сдѣлать, какимъ образомъ и по какимъ поводамъ это обыкновенно совершается?

49. Бывали-ли случаи наказанія или устраненія большака въ случаѣ, если снохи жалуются на него за склоненіе ихъ къ кровосмѣшенію?

50. Если большакъ плохо радѣетъ о семейномъ имуществѣ и расточаетъ его, жалуются-ли члены семьи на него сходу, суду, старостѣ; принимаются-ли такія жалобы сельскими властями и судомъ, или-же они предпочитаютъ оставаться въ сторонѣ и воздерживаться отъ вмѣшательства въ семейныя дѣла?

51. Не замѣчается-ли измѣненій въ этомъ отношеніи сравнительно съ прежнимъ временемъ: не было-ли въ обычаѣ прежде сосѣдямъ и міру не вмѣшиваться вовсе въ семейныя дѣла, такъ что большакъ имѣлъ ничѣмъ неограниченную власть по отношенію къ семейному имуществу (т. е. напр. если-бы захотѣлъ, то могъ-бы всѣхъ членовъ семьи пустить по міру, и никто ничего сказать не посмѣлъ бы) и только теперь (съ какого приблизительно времени) міръ сталъ вмѣшиваться въ дѣла по жалобѣ членовъ и наказывать большака за расточительность?

52. Послѣ смерти хозяина кому переходятъ бразды правленія: ко вдовѣ его или-же къ старшей снохѣ съ ея мужемъ (такъ что вдова хозяина является простымъ подчиненнымъ членомъ семьи), брату его или сыну?

53. Переходитъ-ли эта власть по *наслѣдству*, т. е въ силу самого обычая, или-же по *благословенію* родоначальника, или по произвольному *захвату* и присвоенію, или-же по выбору членовъ семьи?

54. Когда старшій смѣненъ или умеръ, то тотчасъ-ли принято признавать или избирать на мѣсто его, или нѣкоторое время обязанности большака исполняются кѣмъ либо изъ членовъ семьи и кѣмъ именно?

---

55. Большуха выбирается или назначается большакомъ или-же по обычаю занимаетъ это мѣсто?

56. Какъ зовутъ жену большака *всѣ* члены семьи: не матерью-ли, или не такъ-ли, какъ она приходится каждому т. е. племянники— теткой, внуки—бабкой и т. п.

57. Всегда-ли большухой бываетъ жена большака или-же можетъ ею быть и иная женщина (напр. вдова прежняго большака и т. п.)?

58. Если по смерти большака, старшаго изъ его сыновей нѣтъ уже на свѣтѣ, но жива его вдова, то не передаютъ-ли большину слѣдующему брату и этой вдовѣ старшаго брата?

59. Не почитается-ли больше снохи и не занимаетъ-ли мѣсто большухи та изъ дочерей большака, за которую въ семью былъ принятъ зять?

60. Можетъ-ли быть большухой дѣвушка?

61. Завѣдываніе какими вещами, какими работами, какими доходными статьями лежитъ на старшей изъ женщинъ?

62. Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ большуха къ большаку и къ прочимъ мущинамъ?

Каковы ея отношенія къ женщинамъ?

---

63. Каковы личныя, хозяйственныя и имущественныя права и каковы личныя, хозяйственныя и имущественныя обязанности женатыхъ и вообще взрослыхъ членовъ семьи?

64. Какая власть отца надъ дѣтьми, когда онъ не глава семьи?

65. Если нѣсколько братьевъ или дядей съ племянниками живетъ вмѣстѣ, то всегда-ли у нихъ бываетъ все общее, или есть предметы, принадлежащіе каждому?

Ведутъ-ли они только хозяйство общее или и домоводство у нихъ общее т. е. столъ и пр.?

Кто въ такомъ случаѣ хозяинъ, чья жена—старшая?

66. Если члены одной большой семьи живутъ въ нѣсколькихъ избахъ, то все-ли имущество общее, или-же имущество въ каждой отдѣльной избѣ находится въ полной собственности той семьи, которая живетъ въ ней, такъ что семья эта можетъ отчуждать его безъ предварительнаго согласія большака, а въ общую собственность всего семейнаго союза поступаетъ прибыль отъ работъ?

67. Могутъ-ли члены семьи кромѣ общаго имущества имѣть еще отдѣльную собственность, и изъ чего она обыкновенно состоитъ?

68. При пользованіи огородомъ не дѣлятъ-ли его по грядкамъ между отдѣльными членами (напр. снохами) семьи или-же оставляютъ его нераздѣльнымъ для общаго пользованія?

69. Какъ дѣлятъ подсолнечники?

70. За участіе въ трудѣ малолѣтокъ не платятъ-ли имъ гостинцами, подарками и т. п.?

71. Уходятъ-ли члены большой семьи для заработковъ на сторону, куда, на какіе именно; какое значеніе имѣетъ заработокъ, полученный такимъ лицомъ: идетъ-ли онъ весь въ пользу общую или дѣлается личнымъ достояніемъ заработавшаго (весь-ли, или лишь въ части и какой именно)?

72. Въ неурожайный годъ или въ случаѣ другаго несчастія или крайней необходимости обязанъ-ли членъ семьи выдать на общую пользу свое частное имущество и на какихъ условіяхъ?

73. Имѣетъ-ли право завѣщать предъ смертью что нибудь одинъ изъ взрослыхъ членовъ семьи, проработавшій много лѣтъ на семью, или-же его смерть проходитъ безслѣдно касательно имущественныхъ отношеній для его дѣтей?

74. Долговременная отлучка члена семьи служитъ-ли причиною потери права на общее имущество; можетъ-ли такой членъ во всякое время возвратиться въ семью опять равноправнымъ членомъ?

75. Если членъ семьи уходитъ на долгій срокъ, не вноситъ-ли онъ какой либо залогъ, или инымъ чѣмъ нибудь не обезпечиваетъ-ли своего возвращенія?

Каково положеніе и каковы права его жены и дѣтей во время его отсутствія?

76. Если кто уходитъ на сторонніе заработки на много лѣтъ, то посылаются-ли имъ деньги въ общую пользу семьи или онъ самъ ими пользуется?

77. Какъ распредѣляютъ подати и повинности между женатыми членами семьи?

78. Какую роль играютъ въ крестьянскихъ семьяхъ отставные солдаты, ихъ жены и дѣти?

Не отдѣляется-ли солдатъ отъ семьи по смерти жены?

79. Обезпечиваетъ-ли семья или общество возвратившагося со службы на родину солдата?

Получаетъ-ли онъ въ надѣлъ землю и отъ кого—отъ семьи или отъ общества?

Не избавляютъ-ли солдата отъ какихъ либо общественныхъ повинностей?

Имѣетъ-ли онъ право голоса на сходахъ?

80. Вправѣ-ли всякій членъ семьи просить раздѣла?

81. Если въ такой большой семьѣ случается раздѣлъ, то какъ дѣлятъ имущество: между всѣми-ли мущинами поровну, какихъ-бы лѣтъ они ни были и въ какой-бы степени родства ни состояли другъ съ другомъ, или-же такъ, что доли распредѣляются поровну по колѣнамъ (нѣсколько сыновей получаютъ вмѣстѣ отцовскую долю)?

82. Какія устанавливаются отношенія между братьями отдѣленными и не отдѣленными, между братьями и сестрами отъ одного брака и отъ разныхъ браковъ т. е. между единокровными и единоутробными, пріемышами и усыновленными?

83. Какъ велико имущество каждой изъ такихъ большихъ семей (сколько скота, орудій и проч.)?

84. Не бываетъ-ли случаевъ покупки земли такими семьями?

85. Не заводитъ-ли большая семья машины для молотьбы, покоса и т. п.?

86. Идетъ-ли заработокъ въ общую кассу?

87. Не сохранилось-ли преданій, что въ былое время хозяйств. работы распредѣлялись между членами многочисленной семьи такъ, что одни работали надъ пашней, другіе — въ страдную пору, третьи—осенью и т. п.

88. Не посылаетъ-ли семья своихъ членовъ въ ученье и не платитъ-ли за науку изъ семейныхъ доходовъ, или-же каждый отецъ платитъ за своего сына?

89. Приданое за дѣвушками дается-ли всей такой семьей или-же только отцомъ и матерью невѣсты, и если послѣднее—то откуда берутъ они средства на сооруженіе приданаго?

90. Деньги у кого хранятся; не кладутся-ли онѣ въ банкъ, какія бумаги въ этомъ случаѣ обыкновенно покупаютъ; не даются-ли онѣ въ ростъ односельчанамъ, за какіе проценты?

91. Если подобная семейная община очень разрослась, то не дозволяется-ли бракъ между членами ея: до какой степени родства запрещенъ бракъ безусловно?

---

92. Каковы личныя, хозяйственныя и имущественныя права и каковы личныя, хозяйственныя и имущественныя обязанности женщинъ въ большой семьѣ?

93. Какъ рисуется въ пѣсняхъ, пословицахъ, прибауткахъ, разсказахъ, анекдотахъ и т. п. участь женщины въ большой семьѣ?

94. Не имѣетъ-ли право сноха покинуть домъ безъ дозволенія свекра, въ отсутствіе мужа?

Въ случаѣ самовольнаго ея ухода не водворяется ли она въ домѣ свекра по распоряженію суда или схода, не отдается-ли на поруки сельскому старостѣ, подвергается-ли штрафу въ пользу свекра и т. п.?

95. Обязана-ли сноха и послѣ смерти мужа жить нѣкоторое время у свекра?

96. Въ правѣ-ли свекръ при выходѣ снохи вторично замужъ удерживать у себя ея сына отъ перваго брака?

97. Каково положеніе солдатокъ, коихъ мужья на службѣ, а такъ-же солдатокъ вдовъ?

Одинаково-ли положеніе такой вдовы, когда она бездѣтна или когда у ней есть дѣти — сыновья?

98. Въ чемъ состоитъ женская работа въ семьѣ?

99. Какія работы на замужнихъ и какія на незамужнихъ женщинахъ?

100. Кто готовитъ пищу для семьи: постоянно-ли одна изъ женщинъ или попеременно всѣ; чрезъ какіе сроки мѣняются стряпухи; избавляется-ли отъ обязанности стряпухи сноха, имѣющая взрослую дочь дѣвушку, если она за нее исполняетъ эту обязанность?

101. Какъ распредѣляется между женщинами трудъ шитья и поправки одежды для мущинъ?

Не обязана-ли жена одѣвать мужа и дѣтей?

102. Имѣетъ-ли женщина свое собственное имущество, отдѣльно отъ семейнаго?

Нѣтъ-ли въ этомъ отношеніи разницы между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ; не сохранилось-ли преданій о томъ, что въ прежнее время женщины въ большой семьѣ не имѣли своего имущества, и приданое, приносимое ими, шло на общую пользу?

103. Имѣетъ-ли женщина какія либо вещи, которыми можетъ располагать по собственному усмотрѣнію, не испрашивая позволенія у мущинъ (напр. продавать птицъ, яйца, льняное сѣмя, молочные скопы и пр.)?

104. Изъ плодовъ и урожая дается-ли что либо въ полное ихъ распоряженіе?

105. Каждая-ли изъ женщинъ имѣетъ въ отдѣльномъ распоряженіи эти предметы или они находятся въ общемъ распоряженіи всѣхъ или нѣсколькихъ женщинъ въ семьѣ?

106. Кому поступаютъ деньги вырученныя за ягоды, грибы, за разныя услуги проѣзжимъ чиновникамъ и вообще нажитыя во время свободное отъ обязательнаго труда на семью: поступаютъ-ли онѣ въ общее пользованіе или-же остаются у лица нажившаго ихъ?

107. При продажѣ продуктовъ женскаго труда требуется-ли согласіе большака?

Продаетъ-ли каждая женщина продукты своего труда, или же всѣ женщины поручаютъ одной сбыть все нарабстанное; въ послѣднемъ случаѣ какъ дѣлится между ними выручка?

108. Если невѣстка приноситъ въ видѣ приданаго въ большую семью деньги, то кто пользуется ими; вмѣшивается-ли въ этомъ случаѣ большакъ; не существуетъ-ли напр. обычая арендовать на эти деньги землю, при чемъ прибыль идетъ тому, чьи деньги, минуя большую семью?

109. Кому приплодъ отъ приданаго скота: женѣ или всей семьѣ?

> Напримѣръ у Уральскихъ казаковъ, у которыхъ работаютъ и на коровахъ и на кобылицахъ, приплодъ въ семью не отбирается, потому что „скотина сама себѣ сѣна зарабила“?

110. Чѣмъ отличается положеніе и права личныя, хозяйственныя и имущественныя равно какъ и обязанности дѣвушекъ отъ положенія женщины въ большой семьѣ?

111. Имѣютъ-ли дѣвушки отдѣльную собственность?

112. Всегда-ли заработанныя на сторонѣ деньги дѣвушкою идутъ въ ея пользу, или-же существуютъ случаи, когда она обязана ихъ отдать большаку?

113. Часто-ли бабы и дѣвушки уходятъ изъ семьи для заработковъ на сторону?

Должны-ли онѣ всегда спросить разрѣшенія (у большака или мужа?), или-же на извѣстный срокъ (напр. на зиму, на полгода) могутъ уйти и не спросясь никого?

Какія причины побуждаютъ женщинъ уходить на сторону для заработковъ (семейные раздоры, желаніе скопить приданое)?

114. Не освобождаются-ли въ извѣстное время года бабы отъ обязательныхъ работъ на семью и не работаютъ-ли онѣ въ это время исключительно на себя («бабья недѣля»)?

115. Въ крайней нуждѣ не отбирается-ли у женщинъ ихъ добро и приданое и не продается-ли для того, чтобы вывести всю семью изъ затрудненій?

Если да, то не обязывается-ли семья при наступленіи болѣе лучшаго времени возвратить женщинамъ взятое у нихъ?

---

116. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности, что дѣвушки даютъ обѣтъ безбрачія, отрекаются отъ всѣхъ *мірскихъ заботъ* и проводятъ все свое время въ молитвѣ?

Какъ называются въ данной мѣстности такія дѣвушки, напр. черанички, христовы невѣсты и т. п.?

117. Какъ относится мѣстное общество къ появленію такихъ черничекъ?

Существуетъ-ли убѣжденіе, что на семьѣ, въ которой появилась черничка, почіетъ благодать Божія?

118. Какъ относится къ черничкѣ ея семья?

Считаетъ-ли семья своей обязанностью кормить черничку, доставлять ей все, что-бы она не думала ни о чемъ житейскомъ и вообще ухаживать за ней?

Чѣмъ мотивируетъ семья свое хорошее отношеніе къ черничкамъ?

119. Не считается-ли позорнымъ для семьи попрекать черничку ея бездѣйствіемъ?

120. Живетъ-ли черничка въ домѣ своей семьи, или она получаетъ особое помѣщеніе (келью)?

121. Кто и на чей счетъ выстраиваетъ для чернички особую келью?

122. Какія обязанности несетъ черничка по отношенію къ своей семьѣ: требуется-ли, чтобы она участвовала на работахъ, или семья довольствуется тѣмъ, что она возлагаетъ на черничку только обязанность молиться за свою семью?

123. Кому поступаютъ деньги, заработанныя черничкой, напр. за чтеніе псалтыря по усопшимъ?

124. Имѣетъ-ли черничка право выдти замужъ?

Не считается-ли позорнымъ для чернички замужество?

125. Обязана-ли семья дать черничкѣ приданое при выходѣ ея замужъ?

126. Въ тѣхъ мѣстностяхъ (у инородцевъ), гдѣ при женитьбѣ женихъ даетъ семьѣ невѣсты выкупъ, требуется-ли уплата выкупа отъ жениха, при женитьбѣ на черничкѣ?

Каковъ размѣръ этого выкупа?

127. Если семья, въ которой появилась черничка, производитъ раздѣлъ семейнаго имущества, дается-ли и черничкѣ извѣстная доля?

Какъ великъ размѣръ этой доли?

128. На чьемъ попеченіи остаются чернички послѣ раздѣла семьи?

129. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что нѣсколько черничекъ соглашаются жить вмѣстѣ, въ одной кельѣ?

Кто строитъ имъ эту общую келью?

130. Каковы правила этого общежитія: избираютъ-ли чернички одну главную, которая управляетъ хозяйствомъ, дѣлятъ-ли онѣ свои заработки, имѣютъ-ли общую трапезу, сходятся-ли на общія молитвы и т. п.?

131. Кто доставляетъ такимъ черничкамъ съѣстные припасы, дрова, воду, свѣчи и т. п.?

---

132. Не считается-ли грѣхомъ пользованіе батрацкимъ трудомъ. По крайней мѣрѣ въ былое время, не избѣгали-ли пользоваться трудомъ наемныхъ работниковъ?

Каково вообще положеніе наемныхъ рабочихъ и слугъ въ большой семьѣ?

Нѣтъ-ли разницы между порядками былаго времени и нынѣшними?

133. Не становятся-ли въ какихъ либо случаяхъ слуги, работники какъ-бы членами семьи (напр. если долго живутъ съ семьей)?

Нѣтъ-ли обычая, по которому хозяева слугу или служанку, проработавшихъ долгое время на нихъ, содержатъ на старости безплатно до самой смерти?

134. Не бываютъ-ли браки между наемными работниками и домохозяевами?

---

13. Семейные дѣлежи при жизни отца.

1. Часты-ли въ данной мѣстности семейные дѣлежи; съ какого времени стали они учащаться?

2. Какіе внѣшніе *поводы* къ семейнымъ дѣлежамъ выставляютъ крестьяне (напр. «ссоры между бабами» и пр.)?

3. Каковы истинныя *причины* семейныхъ дѣлежей по мнѣнію собирателя?

4. Если у тестя послѣ принятія въ домъ зятя родится сынъ, то не отдѣляетъ-ли тесть зятя съ полнымъ паемъ, изъ боязни, что зять станетъ тѣснить послѣ его смерти сына?

5. Не замѣчается-ли, что на учащеніе раздѣловъ вліяютъ отхожіе промыслы: «какъ сходилъ кто на сторону, посмотрѣлъ на чужое житье,—душно становится въ семьѣ, самому хочется хозяиномъ быть»?

6. Какъ смотритъ самъ народъ на семейные дѣлежи: сознаетъ-ли онъ необходимость дать сыну рано или поздно возможность жить самостоятельно или-же осуждаетъ отдѣлы сына отъ отца и раздѣлъ между братьями?

7. Какія причины и соображенія задерживаютъ дѣлежъ?

Каково вліяніе дѣлежей на хозяйство и вообще на состояніе крестьянъ?

8. Какіе раздѣлы бываютъ чаще всего: между родителями и дѣтьми, братьями, дядями и племянниками, тетками и племянницами и пр.?

9. Какія выраженія употребляютъ крестьяне для обозначенія разныхъ видовъ семейныхъ дѣлежей (напр. отходъ, выдѣлъ, отдѣлъ, раздѣлъ, награжденіе, и т. д.)?

10. Когда выходитъ изъ семьи ея холостой членъ противъ воли хозяина дома, будетъ-ли это выдѣлъ, отдѣлъ или отходъ?

11. Какими обрядами и символическими дѣйствіями сопровождаются выдѣлы дѣтей родителями и семейные дѣлежи (благословеніе иконой, служеніе молебна, разрѣзываніе хлѣба на части и т. п.)? Подробно описать извѣстные собирателю случаи семейныхъ дѣлежей, въ особенности тѣ, на которыхъ ему приходилось лично присутствовать.

12. Нужно-ли при раздѣлахъ согласіе общества?

13. Бываютъ-ли случаи, что сходъ не допускаетъ раздѣла изъ боязни, что подѣлившіеся крестьяне станутъ плохо выплачивать подати?

14. Если живъ дѣдъ, то можетъ ли выдѣлить отецъ своего сына (т. е. внука дѣда)?

Бываютъ-ли случаи, что внукъ остается при дѣдѣ, а отецъ (сынъ дѣда) отходитъ; какова въ этомъ случаѣ доля отходящаго?

15. Если домомъ управляетъ старшій сынъ по старости отца, то властенъ-ли престарѣлый отецъ въ раздѣлѣ сыновей?

16. Часты-ли самовольные уходы сыновей отъ отца?

17. Получаетъ-ли какую либо долю изъ семейнаго имущества сынъ самовольно ушедшій?

18. Имѣютъ-ли сыновья право требовать выдѣла, если даже отецъ несогласенъ?

19. Въ какихъ случаяхъ бываетъ выдѣлъ сына по распоряженію нар. суда и безъ согласія отца, не тогда-ли *только*, когда произволъ отца могъ бы повести къ упадку и разоренію хозяйства и этимъ повредить самой общинѣ?

20. Величина доли при выдѣлѣ зависитъ ли единственно отъ воли отца или опредѣляется какими либо соображеніями?

21. Отецъ, у котораго нѣсколько сыновей, имѣетъ-ли право дать одному сыну все имущество?

22. Въ какомъ имуществѣ отецъ не въ правѣ отказать самовольно отходящему отъ него сыну (напр. въ платьѣ, частныхъ деньгахъ, душевомъ земельномъ надѣлѣ и т. п.)?

23. Имѣютъ-ли мужскіе члены семьи свою отдѣльную собственность, которую могутъ и при самовольномъ уходѣ изъ семьи унести съ собой; если да, то въ чемъ она заключается?

24. Раздѣляя сыновей, отецъ даетъ изъ имущества каждому то, что пожелаетъ, или же кидаетъ жребій?

25. Если при раздѣлѣ отецъ даетъ не всѣмъ сыновьямъ равныя части, то чѣмъ руководствуется онъ, давая одному болѣе, другому менѣе?

26. Не получаютъ-ли при раздѣлѣ старшіе больше младшихъ, взрослые болѣе малолѣтнихъ, законные болѣе незаконныхъ и пріемышей, или же всѣмъ даётся по равной части?

Примѣчаніе. Не получаетъ-ли (быть можетъ у инородцевъ) при раздѣлѣ наслѣдства прибавки противъ прочихъ сыновей старшій, младшій и средній; въ чемъ состоитъ эта прибавка?

27. Не получаетъ-ли большую часть тотъ, кто больше потрудился?

28. Имѣютъ-ли дѣти право жаловаться на отца, что онъ надѣлилъ сыновей не поровну?

29. Могутъ-ли внуки по смерти своего отца требовать выдѣла противъ воли дѣда?

30. Не получаетъ-ли мальчикъ сирота право требовать раздѣла лишь послѣ женитьбы?

31. Какова часть, которую себѣ оставляетъ отецъ въ случаѣ, если онъ выдѣляетъ отъ себя всѣхъ дѣтей сразу?

32. Если отецъ не беретъ себѣ части при общемъ дѣлежѣ имущества между сыновьями, то кто обязанъ содержать его; въ какой мѣрѣ даютъ ему содержаніе?

33. Что служитъ жребіемъ при дѣлежѣ: часть-ли разрѣзаннаго хлѣба, жеребьи съ мѣтами и клеймами, рукавицы или палка, по которой конаются т. е. по которой берутся руками съ уговоромъ,—чей конецъ того и жребій?

34. Какъ дѣлится недвижимое имущество: дворовыя строенія, мельницы, сады, усадьбы, *земля*?

Дѣлятъ-ли избу на половины или же достается она кому нибудь одному?

35. Какъ распоряжаются крестьяне *надѣльной землей*: усадебной, полевой, сѣнокосной, лѣсными паями при семейныхъ дѣлежахъ (выдѣлахъ, раздѣлахъ): а) лицъ, внесенныхъ въ сказки 10-ой ревизіи и б)—лицъ неревизскихъ; и какія рѣшенія принимаетъ міръ относительно раздѣла земли въ случаяхъ спора сторонъ, заинтересованныхъ въ семейномъ раздѣлѣ?

Примѣчаніе. Желательно было-бы знать въ каждомъ отдѣльномъ, изъ сообщаемыхъ собирателемъ извѣстныхъ ему случаевъ, превышаетъ-ли доходность надѣла платежи или *нѣтъ*. Въ послѣднемъ случаѣ были бы важны самыя тщательныя свѣдѣнія о надѣленныхъ мірскою землею (усадьбой или цѣлымъ надѣломъ) лицахъ, которыя не получили земли изъ отцовскаго надѣла.

36. Сады дѣлятъ-ли по количеству земли подъ ними или же по счету деревьевъ?

37. Не зависитъ-ли отъ воли отца оставить избу тому изъ сыновей, котораго онъ больше любитъ?

38. Не остается-ли на «корню» т. е. въ отцовской избѣ *младшій* сынъ или кидаютъ жребій кому оставаться въ родительской избѣ?

Существуетъ-ли въ этомъ случаѣ твердо установленный обычай, или-же поступаютъ смотря по обстоятельствамъ?

39. Какъ дѣлится хлѣбъ, скотъ?

40. Какъ дѣлятся деньги?

41. Какъ распредѣляются общіе семейные долги при дѣлежѣ?

42. Не случается-ли, что, выдѣливъ сына, отецъ предоставляетъ ему право пользоваться тѣмъ или инымъ предметомъ, который остается въ собственности его, отца?

43. Не бываетъ-ли случаевъ, чтобы разошедшіеся члены семьи снова сходились въ одну семью; часто-ли это бываетъ и при какихъ условіяхъ?

14. Распоряженія на случай смерти.

1. Часто-ли въ данной мѣстности составляются крестьянами распоряженія на случай смерти; словесныя-ли они или письменныя; чаще ли словесныя или письменныя?

Какъ называются они въ данной мѣстности (напр. духовная память и т. п.)?

2. Не встрѣчаются-ли духовныя завѣщанія лишь въ малыхъ семьяхъ, или же и въ большихъ?

Не оставляютъ-ли духовныя завѣщанія только тогда, когда въ семьѣ раздоръ?

3. Пользуются-ли словесныя завѣщанія одинаковой или меньшей силой съ письменными; не пользуются-ли словесныя въ данной мѣстности даже большей силой, какъ «благословеніе» умирающаго, такъ что споры по словеснымъ бываютъ рѣже, чѣмъ по письменнымъ завѣщаніямъ?

4. Признаетъ-ли народный *судъ* завѣщанія словесныя?

5. Не подлежатъ-ли завѣщанія утвержденію на сходѣ?

6. Гдѣ и кѣмъ составляются письменныя духовныя завѣщанія (священникомъ, вол. правленіемъ)?

Призываются-ли свидѣтели, въ какомъ числѣ, кто именно призывается въ свидѣтели, (лица *не* родственныя завѣщателю или-же безразлично)?

7. Призываются-ли при совершеніи ихъ духовные отцы, свидѣтели изъ сосѣдей и постороннихъ, наслѣдники?

8. Гдѣ хранятся письменныя духовныя завѣщанія (въ церкви, дома, волост. правленіи)?

9. Необходимо-ли для дѣйствительности завѣщаній, чтобы они были явлены въ волостное правленіе еще при жизни завѣщателя?

10. Какіе предметы изъ имущества движимаго и недвижимаго бываютъ предметомъ завѣщанія?

11. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ распредѣляется-ли имущество между лицами, кои и безъ завѣщанія явились-бы наслѣдниками умершаго, такъ что завѣщаніе дѣлается только въ видѣ прекращенія ссоръ, или-же допускаются и такія завѣщанія, въ коихъ все отказывается *одному* изъ наслѣдниковъ или *дальнему* родственнику, или человѣку *постороннему*?

Не дѣлается-ли въ этомъ отношеніи различія между имуществомъ наслѣдственнымъ (родовымъ) и нажитымъ личными трудами завѣщателя?

12. Не пользуются-ли полной свободой распоряженія на случай смерти только бездѣтные?

13. Не устраняются-ли отъ наслѣдства тѣ изъ сыновей, которые по слабому здоровью или по недостатку умственныхъ способностей не въ состояніи управлять хозяйствомъ или-же и тѣ, которые были непочтительны къ родителямъ?

14. Лишить сына наслѣдства властенъ-ли отецъ лишь въ томъ случаѣ, когда имущество нажито только отцомъ, или-же и тогда, когда сынъ участвовалъ въ работахъ и въ скопленіи имущества?

15. Не требуется-ли для того, что-бы обойти въ завѣщаніи ближайшихъ своихъ наслѣдниковъ согласіе ихъ, или-же только объявленіе имъ своей воли (напр. жена, желающая отказать мужу какую-либо вещь, должна испросить на это согласіе своихъ родителей)?

16. Въ какихъ случаяхъ завѣщается все только одному сыну?

17. Въ пользу какихъ лицъ встрѣчаются въ данной мѣстности завѣщанія?

18. Допускаются-ли завѣщанія внуку, внучкѣ съ устраненіемъ сына или дочери?

19. Бываютъ-ли случаи завѣщанія племяннику въ томъ случаѣ, когда есть у завѣщателя дочери?

20. Какимъ *постороннимъ* лицамъ въ данной мѣстности отказывается въ завѣщаніи имущество (напр. священнослужителямъ на поминовеніе, церкви, монастырю, нищимъ и т. п.)?

21. Можетъ-ли мужъ завѣщать свое имущество женѣ только за неимѣніемъ дѣтей или-же и при дѣтяхъ?

22. Имѣютъ-ли право родственники мужа отобрать отъ вдовы завѣщанное ей покойнымъ, какъ скоро она выходитъ вторично замужъ?

23. Можетъ-ли оставлять завѣщаніе сынъ, неотдѣленный отъ отца, или зять влазень?

24. Имѣютъ-ли право женщины оставлять завѣщаніе?

25. Случаются-ли завѣщанія жены мужу съ устраненіемъ отъ наслѣдства родныхъ дѣтей завѣщательницы?

26. Можетъ-ли мать завѣщать свое имущество и кому—дочерямъ или сыновьямъ?

27. Существуетъ-ли обычай, по которому дѣдъ и бабка оставляютъ нѣкоторыя вещи въ наслѣдство внукамъ; если да, то какія вещи завѣщаетъ обыкновенно дѣдъ старшему и какія младшему внуку; какія вещи завѣщаетъ бабка старшей и какія младшей внучкѣ?

28. Можетъ-ли дѣдъ завѣщать внуку что-либо, минуя отца, или-же внукъ можетъ дѣдовское получить не иначе, какъ послѣ смерти отца?

29. Можетъ-ли хозяинъ при наличности сыновей передать все имущество зятю; не бываетъ-ли это лишь въ случаѣ, если сыновья пьяницы и моты; требуется-ли въ такихъ случаяхъ согласіе міра?

30. Бываютъ-ли случаи, что мужъ и жена составляютъ завѣщаніе совмѣстно? Доставить копіи.

31. Извѣстны-ли въ данной мѣстности такія завѣщанія, въ коихъ завѣщатель опредѣляетъ, кому должно перейти имущество послѣ смерти его теперешняго наслѣдника (субституція); не предусматривается-ли завѣщателемъ такимъ образомъ и цѣлый рядъ наслѣдниковъ? (копіи!)

32. Не существуетъ-ли наслѣдованія по договору?

33. Не соединяется-ли назначеніе наслѣдника въ завѣщаніи съ требованіемъ исполненія имъ какихъ-либо обязанностей (напр. содержать завѣщателя до смерти, снабдить его дочерей приданымъ, поминать его и т. д., повиновеніе вдовѣ его и т. п.)?

34. Бываютъ-ли завѣщанія *съ условнымъ назначеніемъ* наслѣдника т. е. назначеніе будетъ имѣть силу лишь тогда, когда совершится особо опредѣленное *событіе* (напр. завѣщается все крестьянкѣ Аксиньѣ, если совершится ея бракъ съ завѣщателемъ, или женѣ завѣщателя, если она не вступитъ вторично въ бракъ и т. п.)?

35. Не встрѣчаются-ли завѣщанія съ ограниченіемъ наслѣдника въ распоряженіи завѣщаннымъ имуществомъ (напр. запрещается продать имущество иному лицу, какъ брату наслѣдника и проч.)?

36. Не разумѣются-ли подъ завѣщаніемъ и такіе акты, коихъ исполненіе можетъ послѣдовать еще при жизни завѣщателя (напр. переселяясь жить къ кому-нибудь, крестьянинъ отдаетъ лицу, къ которому онъ переселяется, еще при жизни все имущество, которое этотъ послѣдній долженъ бы наслѣдовать послѣ него)?

37. Разъ написавши завѣщаніе, имѣетъ-ли завѣщатель право измѣнить или уничтожить его?

38. Исполняется-ли воля завѣщателя наслѣдниками безпрекословно, или оспаривается иногда?

39. Если завѣщаніе кажется несправедливымъ по народнымъ воззрѣніямъ (напр. если отецъ при жизни сыновей завѣщаетъ имущество другимъ родственникамъ), то считается-ли дозволительнымъ его нарушеніе?

40. Назначаются-ли и въ какихъ случаяхъ душеприкащики?

41. Какимъ образомъ приводятъ въ исполненіе духовныя завѣщанія?

Какимъ образомъ рѣшаются споры, возникающіе при исполненіи духовныхъ завѣщаній?

42. Какова разница въ обычаяхъ о завѣщаніяхъ между православнымъ людомъ и раскольниками?

15. Семейные дѣлежи по смерти отца (матери).

Примѣчаніе. Нижеслѣдующіе вопросные пункты предложены между прочимъ и съ цѣлью собранія большаго количества данныхъ, необходимыхъ для разъясненія спорнаго въ нашей литературѣ вопроса о томъ, какое значеніе въ крестьянской семьѣ имѣетъ начало трудовое и какое — начало кровное (см. примѣч. къ гл. 12 „Семейн. община“). Въ виду этого крайне желательны возможно полные отвѣты на вопросы этой главы и вообще подробныя свѣдѣнія, сюда относящіяся.

1. Какъ по обычаямъ данной мѣстности раздѣлятъ имущество въ слѣдующемъ случаѣ: умершій оставилъ послѣ себя — a) малолѣтняго сына Александра 6-ти лѣтъ; b) сына Андрея 16-ти л.; c) сына Бориса, неотдѣленнаго, вмѣстѣ съ его тремя дѣтьми, изъ коихъ одному, Семену, пять лѣтъ, другому, Ильѣ, 20, а третьей Анисьѣ — 15 л.; d) сына Василія, ушедшаго съ согласія покойнаго на заработки въ городъ, но за все время своего отсутствія *не* посылавшаго въ семью никакихъ денегъ; e) четырехъ взрослыхъ внуковъ — отъ сына Гаврилы еще ранѣе умершаго неотдѣленнымъ; f) сноху Домну—вдову Гаврилы; g) дочь невѣсту—Глафиру; i) дочь Дарью, выданную замужъ въ сосѣднюю деревню; k) зятя Егора, принятаго 3 года тому назадъ въ семью за дочь Елену, теперь умершую; l) дочь Ѳеклу, которая, овдовѣвъ, вернулась въ домъ отца съ груднымъ ребенкомъ Константиномъ; m) Косму 6-лѣтняго незаконнорожденнаго сына еще ранѣе умершей дочери Устиньи; n) подкидыша Петра, прожившаго 20 лѣтъ въ семьѣ покойнаго?

2. Принимается-ли при наслѣдствѣ во вниманіе степень кровнаго родства?

3. Какія права на наслѣдство имѣютъ лица, не родственныя, проживавшія въ домѣ умершаго и работавшія безъ вознагражденія?

4. Если по смерти крестьянина Ильи остается (въ домѣ) совершеннолѣтній пріемышъ Петръ, прожившій съ покойнымъ и работавшій у него 14 лѣтъ, и зять покойнаго Николай, а другихъ родственниковъ у покойнаго нѣтъ, то при раздѣлѣ Петра и Николая, какова будетъ часть каждаго изъ нихъ?

5. Существуетъ-ли въ данной мѣстности обычай, по которому, если усыновленный проживъ извѣстное время у усыновителя (какое именно? въ Малороссіи напр. 8—13 лѣтъ) пожелаетъ отдѣлиться, то онъ вправѣ получить половину изъ всего имущества?

6. Не возвращаетъ-ли мужъ, по смерти бездѣтной жены, коробьи ея въ ея семью, а въ случаѣ если мать покойной уже умерла, то не отдаетъ-ли коробья сестрамъ покойной, а за неимѣніемъ ихъ — братьямъ ея, а за неимѣніемъ послѣднихъ — на поминъ души покойной?

Въ случаѣ если мужъ покойной задерживаетъ у себя ея имущество, не избѣгаютъ-ли крестьяне предъявлять иски, опасаясь тревожить кости покойной?

7. По смерти крестьянки, оставившей малолѣтнихъ дѣтей, не дѣлается-ли родней ея описи ея имущества оставляемаго на сохраненіе отцу малолѣтнихъ?

8. Не переходитъ-ли все личное имущество жены послѣ ея смерти къ наслѣдницамъ ея женскаго пола?

9. Въ правѣ-ли вдова *бездѣтная* наслѣдовать своему мужу (жившему въ отдѣлѣ отъ отца) если прожила съ нимъ долгое время (сколько именно)?

Не случается-ли, что, если въ подобномъ случаѣ отецъ предъявляетъ свои права на имущество сына — нар. судъ отказываетъ ему въ его просьбѣ и рѣшаетъ дѣло въ пользу снохи его?

10. Какую часть получаетъ вдова отъ свекра, если бракъ былъ бездѣтенъ?

Не получаетъ-ли бездѣтная сноха тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше она жила у свекра?

Какова часть бездѣтной вдовы, если бракъ былъ кратковременный (напр. не болѣе года)?

11. Если у вдовы лишь одна дочь, какъ дѣлится имущество?

12. Любовница имѣетъ-ли право на имущество своего сожителя послѣ его смерти, если прожила съ нимъ долго (сколько именно приблизительно), признаютъ-ли нар. суды за ней это право и защищаютъ-ли его отъ посягательства на имущество покойнаго сожителя со стороны его родственниковъ?

Если это право за любовницей признается, то во всякомъ-ли случаѣ или лишь тогда, когда у ней есть дѣти, когда она несомнѣнно участвовала въ пріобрѣтеніи имущества покойнымъ и т. п.?

13. Кто наслѣдуетъ, если нѣтъ у умершаго ни жены, ни дѣтей?

Наслѣдуютъ-ли родители послѣ дѣтей? Въ какихъ случаяхъ?

14. Допускаются-ли къ наслѣдованію родственники женской линіи?

Допускается-ли (у инородцевъ) къ наслѣдованью, при отсутствіи сыновей-наслѣдниковъ, сынъ замужней дочери покойнаго или сынъ, прижитый вдовой послѣ смерти мужа съ постороннимъ лицемъ?

15. Существуетъ-ли у инородцевъ обычай, по которому внукъ со стороны дочери наслѣдуетъ дѣду, если у послѣдняго не было сыновей и если дочь по выходѣ замужъ оставалась жить въ домѣ отца?

16. Жена по смерти мужа остается-ли полной хозяйкой лишь до совершеннолѣтія дѣтей, или-же до самой своей смерти она не теряетъ своихъ правъ?

17. Въ правѣ-ли мать-вдова отказать сыновьямъ въ раздѣлѣ?

18. Раздѣляясь съ сыновьями оставляетъ-ли мать-вдова себѣ какую нибудь долю; равна-ли эта доля съ долями сыновей или нѣтъ?

19. Происходитъ-ли раздѣлъ матери-вдовы съ сыновьями при свидѣтеляхъ?

20. По смерти матери-вдовы не получаетъ-ли оставшееся послѣ нея имущество тотъ изъ сыновей, съ которымъ она жила послѣ раздѣла?

21. Если по смерти родителей остались вмѣстѣ братья, то можетъ-ли въ такой семьѣ каждый членъ (даже холостой братъ или племянникъ или внукъ) требовать раздѣла или признается за хозяиномъ (старшій изъ братьевъ или дядя) право воспрепятствовать раздѣлу?

22. Все-ли имущество подлежитъ раздѣлу или только унаслѣдованное отъ родителей, такъ что пріобрѣтенное трудами одного изъ братьевъ не составляетъ предметъ общаго дѣлежа?

23. Если въ промежутокъ времени между смертью представителя семьи и раздѣломъ произошло увеличеніе имущества, то какъ оно дѣлится: по ровну или нѣтъ?

24. При раздѣлахъ принимаются-ли въ расчетъ малолѣтніе наслѣдники или-же имущество дѣлится по числу работниковъ?

25. Имѣетъ-ли право старшій братъ-хозяинъ, въ случаѣ если *онъ* выростилъ и воспиталъ своихъ братьевъ младшихъ, дать имъ паи одинаковые со своими дѣтьми, основываясь на поговоркѣ: не тотъ отецъ кто родилъ, а тотъ кто вспоилъ, вскормилъ да въ люди вывелъ?

26. Принимается-ли при раздѣлѣ во вниманіе, кто сколько внесъ труда въ семью?

27. Малолѣтніе получаютъ-ли меньше или одинаково со взрослыми?

28. Не замѣчается-ли, что земледѣльческое населеніе тяготѣетъ больше къ равенству долей при раздѣлахъ, чѣмъ промысловое населеніе, руководствующееся при опредѣленіи доли количествомъ труда?

29. Не получаютъ-ли бо́льшія доли тѣ изъ дольщиковъ, которые сдѣлали особыя издержки на общее имущество?

30. Не получаетъ-ли братъ-солдатъ меньше брата-крестьянина?

31. Измѣняютъ-ли размѣръ долей того или другаго члена семьи (брата, сестры) издержки на его свадьбу?

32. Какіе члены семьи получаютъ уменьшенные паи?

33. Участвуютъ-ли въ дѣлежѣ отдѣлившіеся и вышедшіе изъ семьи члены?

34. Братъ, живущій на заработкахъ на сторонѣ и не посылающій ничего въ домъ, получаетъ-ли какую либо долю при раздѣлѣ; если да, то какъ велика эта доля?

35. Не ограничивается-ли доля солдата наградными деньгами, даваемыми ему при поступленіи на службу и пособіями въ продолженіе ея?

36. Если солдатъ, поступая на службу, сохраняетъ свой пай въ общемъ имуществѣ семьи, то не бываетъ-ли это только въ томъ случаѣ, если у него въ семьѣ остается жена съ дѣтьми или когда онъ присылаетъ семьѣ деньги?

37. Существуютъ-ли какія либо обыкновенія, касающіяся охраненія наслѣдства, ввода во владѣніе унаслѣдованнымъ имуществомъ?

38. Выморочное имущество идетъ-ли въ общину или тому, кто ухаживалъ за больнымъ?

39. Какой порядокъ наслѣдованія между лицами различныхъ раскольничьихъ сектъ?

40. Если у умершаго нѣтъ родственниковъ, то призываются-ли къ наслѣдству боковыя линіи и въ какомъ порядкѣ?

41. Въ случаѣ отсутствія одного изъ наслѣдниковъ кому ввѣряется его наслѣдственная часть на храненіе?

42. Не составляется-ли письменныхъ записей о раздѣлахъ, выдѣлахъ и отдѣлахъ; гдѣ онѣ свидѣтельствуются (копіи)?

43. При раздѣлѣ между свекровью и снохою, у которой всѣ дѣти — дочери, какъ дѣлится имущество: на двѣ доли или настолько долей сколько вообще женщинъ въ такой семьѣ? равны-ли доли эти между собой?

44. При раздѣлѣ дяди съ нѣсколькими племянниками (напр. съ тремя) дѣлится-ли имущество по ровну или-же пополамъ, такъ что одну половину получаетъ дядя, а другую всѣ племянники вмѣстѣ или-же — дядя получаетъ болѣе или менѣе, смотря по количеству своего труда?

45. Сирота-племянникъ получаетъ-ли пай своего отца или какой иной?

46. При раздѣлѣ двоюродныхъ братьевъ (дѣтей двухъ умершихъ родныхъ братьевъ) дѣлится-ли имущество поровну или-же по отцовскимъ долямъ?

47. Какъ поступаютъ съ имуществомъ покойнаго, когда представительницей семьи является одна лишь дочь?

48. Какова доля чернички?

49. Получаютъ-ли сестры равныя доли съ братьями или нѣтъ?

50. При раздѣлѣ братьевъ какую долю получаютъ сестры замужнія, вдовы и дѣвушки — равную или меньшую или ни какой чксти не получаютъ?

51. Поступаетъ-ли коробья — приданое и вообще бабье добро въ общій дѣлежъ?

52. Какова доля вообще женщинъ при дѣлежахъ?

53. Не остаются-ли послѣ раздѣла нѣкоторыя постройки, орудія или скотъ въ нераздѣльномъ пользованіи (какъ напр. въ Арх. губ.), или-же не ведутъ-ли подѣлившіеся лишь отдѣльное домоводство, тогда какъ сельское хозяйство остается общимъ (какъ напр. въ Малороссіи)?

54. Какъ дѣлится хлѣбъ на корню и хлѣбъ скопленный — на равныя доли между дѣлящимися отцами или-же по числу дѣтей у каждаго?

55. Дѣлится-ли имущество по числу работниковъ или по отцамъ или по ревизскимъ душамъ или по ѣдокамъ; не дѣлается-ли при этомъ различія, смотря по тому, дѣлится-ли имущество движимое, или земля и т. п.?

56. Паи или части распредѣляются-ли между дольщиками по уговору или по жребію?

57. Производится-ли предварительная оцѣнка имущества?

58. Не даютъ-ли лицу дурнаго поведенія меньше чѣмъ остальнымъ?

59. Незаконнорожденные получаютъ-ли равную часть съ остальными, при чемъ мотивомъ служитъ то, что они были такіе-же работники, или-же они получаютъ часть не равную (какую именно)?

60. Если есть у тестя-усыновителя женатые сыновья, то получаетъ-ли зять-влазень послѣ смерти тестя какую-либо долю; не даетъ-ли ему тесть еще при жизни что-либо изъ имущества изъ боязни, что послѣ своей смерти сыновья наслѣдники обдѣлятъ зятя?

61. Какую часть получаетъ зять пріемышъ: равную-ли съ остальными членами; принимается-ли во вниманіе количество годовъ, которые онъ работалъ на тестеву семью, или-же онъ при вступленіи въ семью тестя выговариваетъ себѣ въ особомъ условіи (копію)! то, что онъ долженъ будетъ получить по смерти тестя?

61а) Какова доля пасынковъ и падчерицъ?

62. Мальчикъ-сирота, оставаясь съ матерью въ семьѣ покойнаго отца (у дѣда, у дяди), имѣетъ-ли право на пай отцовскій?

Если мать вторично выходитъ замужъ, а онъ за ней слѣдуетъ, то не теряетъ-ли онъ право на этотъ отцовскій пай; не надѣляетъ-ли въ этомъ случаѣ его дѣдъ или дяди какимъ-либо имуществомъ (лошадью, коровой, сѣменами и пр.)?

63. Если солдатъ получаетъ по возвращеніи со службы пай въ имуществѣ семьи, то принимается-ли въ расчетъ то имущество, которое было во время поступленія его въ солдаты или во время смерти его отца?

---

16. Опека.

1. Кто по смерти одного изъ родителей вступаетъ въ ихъ права, касающіяся личности и имущества малолѣтнихъ дѣтей?

2. Бываютъ-ли назначенія опеки по завѣщанію (копіи)?

3. Случается-ли, что общество не избираетъ особаго опекуна, а само выполняетъ опекунскія обязанности, отдавая напр. землю малолѣтняго въ арендное содержаніе и т. п.?

4. На чей счетъ воспитываютъ сиротъ, не имѣющихъ никакого имущества?

5. Кѣмъ назначается опекунъ и по чьему почину (родственниковъ-ли или старосты, старшины, правленія и т. п.)?

6. Назначается-ли особая опека, когда въ живыхъ остался одинъ изъ родителей (напр. мать); не назначается-ли опека только надъ *круглыми* сиротами?

7. Въ обычаѣ-ли при матери опекуншѣ назначать еще соопекуновъ; если да, то кѣмъ выбираются они?

8. Не теряетъ-ли мать право опеки выходя вторично замужъ?

9. Если мать вторично выйдетъ замужъ, поступаетъ-ли малолѣтніе подъ опеку къ своему отчиму вмѣстѣ съ приходящимся на ихъ долю имуществомъ или нѣтъ?

10. Кто обыкновенно назначается въ опекуны (родственникъ-ли или посторонній)?

Одинъ-ли опекунъ назначается или нѣсколько?

11. Долженъ-ли опекунъ имѣть свое постоянное мѣсто пребыванія вблизи мѣста жительства сироты?

12. Требуется-ли отъ выбираемаго лица въ опекуны какихъ либо качествъ (благонадежности, хорошаго поведенія, зажиточности, мужской полъ и т. п.)?

13. Допускается-ли отказъ отъ опеки?

Въ какихъ случаяхъ назначенный опекуномъ можетъ быть освобожденъ отъ опеки?

14. Какова обязанность опекуна касательно личности опекаемаго (содержаніе, воспитаніе, обученіе, женитьба и т. п.)?

15. Какова обязанность опекаемаго; обязывается-ли онъ почитать опекуна какъ роднаго отца?

16. Кому жалуются опекуны въ случаѣ неповиновенія, самовольнаго ухода, укрывательства со стороны опекаемаго, какъ рѣшаютъ эти дѣла нар. суды?

17. Какъ поступаютъ съ имуществомъ опекаемаго недвижимымъ и какъ съ движимымъ?

18. Производится-ли опись имущества малолѣтняго при установленіи опеки?

Кѣмъ производится опись?

19. Бываетъ-ли и въ какихъ случаяхъ, что имущество не сдается опекуну; гдѣ въ такихъ случаяхъ хранится оно?

20. Куда кладутъ на храненіе деньги опекаемаго; отдаются-ли они (кѣмъ) и кому въ оборотъ изъ процентовъ?

21. Нѣтъ-ли особаго учрежденія для завѣдыванія сиротскимъ капиталомъ (подобно сиротской управѣ у Менонитовъ)?

22. Какъ удовлетворяются убытки, причиняемые опекаемыми третьимъ лицамъ?

23. Въ случаѣ самовольной продажи опекаемымъ имущества, не подвергается-ли наказанію покупатель и необязывается-ли опекаемый возвратить полученные деньги?

24. Обязанъ-ли опекунъ представлять отчетъ?

Въ какіе сроки требуютъ отчетъ?

Словесны-ли отчеты или письменны?

Кому дается отчетъ (сельскимъ-ли властямъ или сходу)?

25. Можетъ-ли опекаемый, по достиженіи совершеннолѣтія, потребовать отъ опекуна отчетъ и взыскать за растрату?

26. Если въ семьѣ, по смерти родителей, остаются одни малолѣтніе, къ работѣ неспособные, и если кто нибудь изъ постороннихъ беретъ на себя роль опекуна—ведетъ хозяйство, распоряжается всѣмъ и воспитываетъ малолѣтнихъ, то, когда эти послѣднія выростутъ, могутъ-ли они взять въ свои руки хозяйство и свое имущество (родительское) или немогутъ до тѣхъ поръ, пока опекунъ не умретъ или самъ добровольно не передастъ его въ ихъ руки; не считаетъ-ли онъ какъ-бы пріобрѣтшимъ право быть распорядителемъ дома и имущества, ибо онъ трудился на пользу сиротъ?

27. Какія бываютъ злоупотребленія со стороны опекуновъ; часты-ли такіе случаи; рѣшаются-ли такія дѣла на сходкахъ или въ вол. судахъ?

28. Какова отвѣтственность опекуновъ за нерадѣніе; только вознагражденіе убытковъ или же еще и наказаніе?

29. Полагается-ли опекуну вознагражденіе, пользуется-ли онъ какими либо льготами отъ общества?

30. Имѣетъ-ли опекунъ право за свои труды пользоваться прибыткомъ отъ имущества малолѣтняго или приплодомъ его скота и пр.?

31. Какихъ лѣтъ сироты мужскаго и женскаго пола вступаютъ въ свои права?

32. Прекращается-ли опека со вступленіемъ въ бракъ опекаемаго?

33. Назначается-ли опека надъ стариками, больными, глухонѣмыми, лишенными умственныхъ способностей, надъ расточителями?

34. Кто назначется въ этихъ случаяхъ въ опекуны; Кѣмъ назначается онъ; Каковы его права и обязаности?

17. Права на имущества.

а) *общія замѣчанія.*

1. Существуетъ-ли въ сознаніи населенія данной мѣстности ясное разграниченіе понятій *собственности* и *владѣнія* (каковы употребительныя слова для выраженія этихъ понятій), или же понятіе собственности какъ исключительной принадлежности имущества опредѣленному лицу смѣшивается съ понятіемъ о владѣніи, пользованіи?

2. Что означаютъ выраженія «купить», «продать?» Не примѣняются-ли онѣ къ случаямъ передачи участковъ, состоящихъ лишь въ *пользованіи* «продавца» и къ наемной отдачѣ земли въ пользованіе?

3. Какія вещи по воззрѣніямъ населенія данной мѣстности *не* могутъ быть предметомъ собственности (оставаясь лишь предметомъ владѣнія, пользованія)?

4. Не отрицается-ли населеніемъ данной мѣстности права собственности на землю?

5. Какая земля называется Божіей и какой на нее взглядъ?

6. Каковъ взглядъ мѣстнаго населенія на пользованіе чужимъ лѣсомъ?

Считается-ли оно дозволеннымъ на томъ основаніи, что лѣсъ самъ выросъ безъ затраты хлопотъ и труда со стороны человѣка?

7. Существуютъ-ли особыя выраженія раздѣляющія имущества на движимое и не движимое?

8. Извѣстно-ли населенію данной мѣстности дѣленіе имущества на родовое и благопріобрѣтенное?

Каковы въ данной мѣстности выраженія для этихъ понятій?

9. Какія способы пріобрѣтенія собственности извѣстны населенію данной мѣстности (завладѣніе, приращеніе, находка, личный трудъ, военная добыча, даръ, мѣна, купля, давность, наслѣдство, и т. п.)?

б) *Завладѣніе.*

1. Бываетъ-ли (часто-ли) въ данной мѣстности занятіе, завладѣніе (пустопорожнихъ мѣстъ а не въ смыслѣ нарушенія чужихъ правъ) земль, лѣсовъ, мѣстъ для рыбной ловли для охоты и т. п.?

Какимъ способомъ отмѣчается фактъ завладѣнія (вбитіемъ кола, вырѣзываніемъ семейнаго клейма и т. п.)?

2. Какое имущество подвергается такимъ захватамъ: никому не принадлежащее или казенное?

3. Какіе при этомъ возникаютъ споры и при какихъ условіяхъ завладѣнное имущество или возвращается хозяину или обращается въ собственность завладѣвшаго?

в) *Приращеніе.*

1. Считается-ли въ данной мѣстности приращеніе способомъ пріобрѣтенія собственности?

2. Если берегъ рѣки, составляющій собою живую границу отъ наносимаго водой песка или ила, получить приращеніе, то котораго изъ разграниченныхъ рѣкою участковъ это приращеніе становится собственностью?

3. Если образуется новый островъ или рѣка высохнетъ, то кому принадлежитъ образовавшаяся такимъ образомъ почва?

4. Если рѣка внезапно обратитъ свое теченіе въ иную сторону, то остается-ли границей ея прежнее русло?

Продолжаетъ-ли каждый изъ владѣльцевъ пользоваться выгодами отклонившейся рѣки?

г) *Находка.*

1. Нашедшій вещь не считаетъ-ли себя прямо собственникомъ ея, такъ что не считаетъ себя вовсе обязаннымъ справляться о хозяинѣ вещи и возвращать ему находку, или-же найденная вещь становится собственностью нашедшаго лишь въ томъ случаѣ, когда хозяинъ ея неизвѣстенъ?

2. Обязанъ-ли по мѣстнымъ обычаямъ нашедшій сдѣлать заявленіе о находкѣ?

Кому и въ какой формѣ дѣлается такое заявленіе?

3. Есть-ли обычный срокъ для объявленія о находкѣ?

4. Существуетъ-ли опредѣленный обычаемъ размѣръ вознагражденія ($^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_3$ стоимости вещи и т. п.)?

5. Не опредѣляется-ли вознагражденіе по взаимному соглашенію нашедшаго съ хозяиномъ вещи или же сельскими властями, судьями, стариками?

6. Помимо вознагражденія имѣетъ-ли нашедшій право на возвратъ издержекъ употребленныхъ имъ на сохраненіе найденной вещи?

7. Не заявившій о находкѣ лишается-ли права вознагражденія (вполнѣ или отчасти)?

Не подвергается-ли онъ въ этомъ случаѣ еще и наказанію (кѣмъ и какому) какъ за кражу, утайку?

Не дѣлается-ли въ этомъ случаѣ различія въ обычаяхъ смотря потому въ чемъ заключается находка: въ мелкихъ вещахъ, орудіяхъ, деньгахъ, или приблудшихъ домашнихъ животныхъ?

8. Если хозяинъ найденныхъ вещей утверждаетъ что количество представленное нашедшимъ меньше того, которое было потеряно, но доказать свое утвержденіе не можетъ то пар.

судъ какъ рѣшаетъ въ подобномъ случаѣ (неудовлетворяетъ-ли искъ хозяина лишь въ половинной части)?

9. При неизвѣстности хозяина найденная вещь не продается-ли публично и невознаграждается-ли изъ вырученной отъ продажи суммы нашедшій?

Куда въ такомъ случаѣ идетъ излишекъ (въ мірскую кассу на церковь, и т. п.)?

10. Если вещь найдена двумя лицами, которое изъ нихъ получаетъ больше правъ на нея (не тотъ-ли кто сперва замѣтилъ вещь, или крикнулъ «чуръ на одного», «чуръ пополамъ» и т. п.)?

Возникаютъ-ли споры между двумя нашедшими одну вещь, кѣмъ они рѣшаются; доходятъ-ли они до волостнаго суда; какъ рѣшаетъ ихъ вол. судъ (копія)?

11. Какъ дѣлится находка, если ее нашли нѣсколько человѣкъ?

12. Если сдѣлалъ находку одинъ, но при свидѣтеляхъ, то не въ обычаѣ-ли дѣлиться съ послѣдними хотя-бы и не поровну (напр. давать имъ $^1/_{10}$ часть); если да, то какими соображеніями вызывается это обыкновеніе?

13. Каковы обычаи данной мѣстности касающіеся находки на своей землѣ пригульнаго скота, прилетѣвшей птицы, пчелы?

Примѣчаніе. По словамъ г. Муллова хозяинъ въ правѣ преслѣдовать улетѣвшій изъ улья рой пчелъ на чужой собственности; если онъ успѣлъ покрыть рой, онъ возстановляетъ свое право собственности; завладѣвшій вылетѣвшимъ роемъ пчелъ въ виду преслѣдующаго его хозяина обязанъ возвратить добычу послѣднему. Поймавшій получаетъ вознагражденіе по взаимному согласію. Если рой потерянъ изъ виду и не преслѣдуется то онъ дѣлается собственностью помѣщика, но и въ этомъ случаѣ часто хозяинъ проситъ возвращенія за вознагражденіе, за выкупъ, мѣра коего установливается либо взаимнымъ соглашеніемъ либо чрезъ посредниковъ (жур. М. Юст. 1863. № 1).

д) Кладъ.

1. Можно-ли по обычаямъ данной мѣстности искать кладъ на чужой землѣ?

2. Считается-ли кладъ собственностью владѣльца земли или нѣтъ—составляя принадлежность лишь того кто его откроетъ?

3. Получаетъ-ли хозяинъ земли какую либо долю отъ нашедшаго кладъ: если да, то опредѣляется-ли размѣръ ея обычаемъ или полюбовнымъ соглашеніемъ?

4. Какъ дѣлится кладъ если въ отысканіи его участвовало нѣсколько лицъ?

5. Выброшенная водой на берегъ вещь считается-ли собственностью того кому принадлежитъ берегъ?

е) Трудъ.

1. Ясно-ли въ народѣ возрѣніе на трудъ, какъ на одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности?

2. Нѣтъ-ли обычая, по которому больное животное поступаетъ по выздоровленіи тому, кто его выходилъ, а не тому кому оно принадлежало ранѣе (даже если оно досталось первому владѣльцу по наслѣдству)?

3. Существуетъ-ли обычай, по которому человѣкъ, открывшій медвѣжью берлогу и наложившій на томъ мѣстѣ свое клеймо, получаетъ исключительное право на составленіе товарищества съ цѣлью убить находящагося въ берлогѣ медвѣдя?

4. Кому принадлежитъ убитая птица когда въ нее стрѣляли двое?

5. Считаются-ли (у инородцевъ) хозяйственныя постройки, воздвигнутыя кѣмъ-либо изъ членовъ двора, собственностью всего двора или того, кто воздвигъ постройку?

6. Если кто либо по ошибкѣ нарубитъ дровъ въ чужомъ лѣсу, становятся-ли эти дрова собственностью рубившаго съ уплатой хозяину вознагражденія (по опредѣленію суда)?

7. Сдѣлавшій самовольный посѣвъ на чужой землѣ имѣетъ-ли право требовать возвращенія сѣмянъ или части урожая? Дѣлается-ли при этомъ различие, по ошибкѣ-ли это случилось или по злому умыслу?

8. Если кто безъ злаго умысла на чужой землѣ поставитъ строенія, или изъ чужаго товара сдѣлаетъ приращеніе или изъ чужаго платья сошьетъ себѣ новую одежду — кому принадлежатъ строенія, приращеніе и платье? Какъ при рѣшеніи такого дѣла удовлетворяютъ собственника и какъ — употребившаго свой трудъ?

9. Не указываютъ-ли еще какіе нибудь обычаи на то что личный трудъ считается основаніемъ для пріобрѣтенія той или иной собственности?

ж) Дареніе.

1. Бываютъ-ли случаи даренія; не дарятъ-ли лишь такое имущество, которое можно передать изъ рукъ въ руки?

Бываютъ-ли случаи даренія земли, садовъ и проч. недвижимостей?

2. Какія вещи избѣгаютъ дарить (напр. ножъ, ружьё, горькое, кислое, рыбу и пр.) и на какомъ основаніи?

Несуществуетъ-ли обычая при дареніи острыхъ вещей предворительно уколоть ими того кому ихъ дарятъ.

Нѣтъ-ли обычая, по которому, принимающій въ даръ извѣстныя вещи (какія именно), долженъ дать дарящему мелкую монету?

3. Въ обычаѣ-ли подарки, лишь при извѣстныхъ событіяхъ какъ напр. родинахъ, крестинахъ, новосельѣ, наймѣ рабочихъ, пріѣздѣ изъ далека въ гости и т. п., или-же дарятъ и въ обыденное время?

4. Не въ обычаѣ ли, чтобы кто нибудь изъ родственниковъ одарялъ парня или дѣвушку при наступленіи совершеннолѣтія?

5. Въ обычаѣ ли дареніе начальству (какому именно), въ какихъ случаяхъ; какія подарки; отдариваетъ-ли начальство?

6. Не сохранилось-ли обычая приносить даръ помѣщикамъ; въ какихъ случаяхъ; отдариваютъ-ли?

7. Не сохранилось-ли обычая (или преданій о немъ) по которому приносятъ подарки хозяину, устраивающему пиръ?

8. Въ обычаѣ-ли приношеніе вещей въ пользу церковнаго дохода, которыя обмѣнивались-бы на наличныя деньги?

9. Въ какихъ случаяхъ дареніе бываетъ обязательно (напр. при сватовствѣ, свадьбѣ, работникамъ, при постройкѣ жилища и т. п).

10. Дѣлается-ли при дареніи какія-либо письменныя условія (копіи!)?

11. Какія обязанности соединяются съ принятіемъ дара (не подымать спора о качествахъ подареннаго предмета и его годности)?

12. Въ какихъ случаяхъ даръ поступаетъ обратно подарившему?

13. Бываютъ-ли случаи, что подаренное отбирается назадъ?

14. Обязательно-ли отдариваніе («подарки дарятъ—отдарковъ глядятъ») въ какихъ случаяхъ?

15. Существуетъ-ли дареніе такого рода: я отдаю имущество другому съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній лѣчилъ меня съ помощью врача до смерти, а по смерти помянулъ; неисполненіе такого условія не служетъ-ли поводомъ къ уничтоженію такихъ дареній?

16. Не бываетъ-ли случаевъ даренія *мнимаго*, для выполненія только обряда даренія съ возвращеніемъ подарковъ дарителю?

Примѣчаніе. Подобные случаи встрѣчаются напр. при свадьбахъ. Вещи для подарковъ берутся у сосѣдей для фиктивнаго даренія. Послѣ свадьбы вещи эти возвращаются тѣми лицами, которымъ онѣ были подарены и затѣмъ отдаются назадъ сосѣдямъ.

Нѣтъ-ли исковъ въ вол. судахъ о возвратѣ отданныхъ такимъ способомъ вещей?

з) *Мѣна.*

1. Распространенъ-ли обычай пріобрѣтенія вещей посредствомъ мѣны; мѣняются-ли недвижимыя имущества такъ-же часто какъ движимыя?

Какими *недвижимыми* имуществами обыкновенно мѣняются (пашнями, сѣнокосными участками, усадьбами, домами и т. п.)?

2. Требуется-ли чтобы обмѣниваемыя вещи были одного и того-же рода или-же нѣтъ, такъ что напр. обмѣниваютъ лошадь на телушекъ или приплачиваютъ къ обмѣниваемой вещи деньги?

3. Считается-ли договоръ мѣны ничтожнымъ, если въ обмѣниваемой вещи обнаружатся скрытые недостатки, которые не были указаны хозяиномъ ея при обмѣниваніи, (напр. если лошадь окажется слѣпой или больной, не получаетъ-ли тотъ, кому она досталась права «размѣняться»)?

4. Бываютъ-ли случаи мѣны заглазной; признается-ли она дѣйствительной?

5. Можетъ-ли мѣна быть уничтожена вслѣдствіе ошибки (а не обмана) при заключеніи ея (напр. если кто въ обмѣнъ отдалъ не ту вещь которую хотѣлъ)?

6. Признается-ли дѣйствительной мѣна вещей краденыхъ?

7. Въ правѣ-ли тотъ, кто получитъ вещь воровскую — въ случаѣ отобранія ея у него настоящимъ хозяиномъ,—требовать собственную, отданную въ обмѣнъ, вещь, даже если эта перешла къ лицу третьему (напр. конокрадъ обмѣнялъ украденную лошадь на другую и эту послѣднюю уже успѣлъ продать третьему)?

8. Совершаются-ли при мѣнѣ письменные акты и въ какихъ случаяхъ (копіи)?

9. Въ случаѣ обмана не признается-ли мѣна ничтожной?

10. Какіе существуютъ обычаи и предразсудки при мѣнѣ разными предметами?

и) *Купля.*

1. Какія вещи не могутъ быть предметомъ купли и продажи?

Не признается-ли иногда купля-продажа недѣйствительной по соображеніямъ хозяйственнымъ (напр. продажа имущества, которое можетъ служить обезпеченіемъ семьи и платежа повинностей)?

Допускается-ли (у инородцевъ) продажа семейнаго котла и цѣпи, на которой онъ виситъ?

Какія вещи (у инородцевъ) семейнаго имущества не дозволяется продавать, ни подъ какимъ условіемъ?

2. Вправѣ-ли жена домохозяина продать что либо изъ семейнаго имущесто безъ позволенія мужа?

3. Допускается-ли обычаемъ продажа крестьянскаго надѣла, на какихъ условіяхъ и какъ совершаются подобныя сдѣлки?

Не существуетъ-ли обычай (у инородцевъ), по которому для опредѣленія стоимости земли загоняютъ коровъ на продаваемый участокъ и по числу коровъ, которое можетъ умѣститься на участкѣ, опредѣляютъ его цѣну?

Существуетъ-ли обычай, по которому продающій семейное имущество не имѣетъ права продать его чужеродцу, не предложивъ купить его сначала ближайшему родственнику со стороны отца, а затѣмъ послѣдовательно и всѣмъ остальнымъ родственникамъ?

Если продается семейное имущество и, на ряду съ другими покупателями, явятся родственники продающей семьи, обязаны-ли продающіе продать имущество родственникамъ предпочтительно передъ другими покупателями?

4. Не существуетъ-ли права перекупа и для сосѣдей, если продана какая-либо вещь или недвижимое имущество, и какіе сроки для такого выкупа, если онѣ существуютъ въ народномъ быту?

5. Какъ и на какихъ условіяхъ совершается купля и продажа земли, принадлежащей въ личную собственность?

6. Не призываются-ли для того стороннія лица или посредники?

7. Какое вліяніе имѣютъ народныя суевѣрія на условія купли-продажи (напримѣръ, лошадь или корова, которая пришлась—не ко двору, продается за безцѣнокъ, бракуются такъ-называемыя двужильныя лошади и т. п.)?

Существуетъ-ли (у инородцевъ) обычай, по которому купившій участокъ земли обязуется устроить на немъ поминки въ честь предковъ продавца?

8. Различаютъ-ли крестьяне три рода договоровъ купли: собственно куплю-продажу, запродажу (т. е. торговый договоръ, по которому стороны обязываются совершить продажу какой-либо вещи въ извѣстный срокъ, съ означеніемъ цѣны запродаваемой вещи) и поставку (т. е. договоръ о продажѣ такой вещи, которой можетъ и не быть еще на лицо, но которая должна быть поставлена купившему въ извѣстный срокъ)?

9. Какіе вообще взгляды народа на куплю-продажу, на запросъ цѣны, на обманъ при продажѣ, барышничество и т. д.?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно имѣть указанія на пословицы и поговорки, высказывающія народный взглядъ на этотъ предметъ.

10. Удареніе по рукамъ, молитва, служатъ-ли моментомъ окончательнаго совершенія договора, послѣ чего уже договоръ не можетъ быть нарушенъ?

11. Если покупатель отказывается уже послѣ битья по рукамъ, молитвы, задатка и могарыча (литокъ), то не влечетъ-ли отказъ за собой лишенія задатковъ и уплаты расходовъ за могарычъ?

12. При покупкѣ на чей счетъ могарычъ (литки)?

13. Не въ обычаѣ-ли вмѣсто рукобитья какія-нибудь иныя символическія дѣйствія (какъ напр. въ Арх. губ., гдѣ при продажѣ лошади покупатель и продавецъ схватываются правыми руками въ локтяхъ, омываютъ копыта водкой и чаемъ и величаютъ другъ друга сватами?

14. Допускается-ли обычаемъ вмѣшательство въ чужой торгъ, т. е. перебиванье у покупателя покупаемой имъ вещи?

15. Если послѣ этихъ обрядовъ другимъ лицомъ предлагается за продаваемую вещь бо́льшая плата, то не считается-ли не честнымъ отказываться?

Не даетъ-ли отказъ права иска въ судѣ?

16. Въ какихъ случаяхъ для дѣйствительности сдѣлки непремѣнно требуется, чтобы она была облечена въ письменную форму, такъ что если не соблюдено этого условія, то сдѣлка уничтожается и проданное имущество возвращается продавцу?

17. Какія бываютъ условія относительно срока уплаты?

18. Нѣтъ-ли обычая платить за вещь натурой (поговорка: насыпь но край мукой, такъ и горшокъ твой)?

19. Какія невыгодныя послѣдствія навлекаетъ на себя покупатель, не уплатившій цѣны въ срокъ (потеря задатка и пр.)?

Влечетъ-ли неплатежъ условленной цѣны уничтоженіе самой купли-продажи или-же только взысканіе неуплаченной суммы и возмѣщеніе убытковъ?

20. Что считается принадлежностью покупаемой вещи (напримѣръ, образа при покупкѣ дома, узда при покупкѣ лошади, подойникъ при покупкѣ коровы)?

21. Съ какими обрядностями соединена передача вещи при куплѣ-продажѣ («изъ полы въ полу», обводятъ вокругъ себя купленную вещь со словами: «какъ старому хозяину служила такъ и мнѣ послужи»)?

22. Обязанъ-ли продавецъ передать покупателю вещь только въ случаѣ уплаты послѣднимъ денегъ сполна или-же при врученіи лишь задатка?

23. Если покупатель уклоняется отъ принятія купленныхъ вещей, то имѣетъ-ли право продавецъ принудить его къ этому судомъ и сверхъ того получить вознагражденіе за убытки; въ какихъ случаяхъ бываетъ это?

24. Если покупщикъ при самомъ пріемѣ купленнаго имущества не оспаривалъ его соотвѣтствія условіямъ договора, то не лишается-ли онъ права впослѣдствіи предъявлять такой споръ?

25. Если въ купленной вещи оказываются существенные недостатки, то можетъ-ли по требованію покупателя быть уменьшена продажная цѣна вещи даже въ томъ случаѣ, когда о качествахъ вещи не было особаго условія?

26. Обязанъ-ли продавецъ заявить покупателю о недостаткахъ продаваемой вещи, и незаявленіе считается-ли обманомъ и влечетъ-ли особымъ наказаніемъ и уничтоженіе самой сдѣлки, если пожелаетъ покупатель?

27. Бываютъ-ли случаи продажи обставленной какими-либо условіями, напр. a) купля съ условіемъ оставить купленную вещь въ пожизненномъ владѣніи продавца (не дѣлается-ли это въ родѣ завѣщаній); b) купля-продажа подъ условіями возврата проданнаго имущества по требованію продавца (не прикрывается-ли

въ послѣднемъ случаѣ купля-продажа заемомъ, обезпеченнымъ залогомъ; обязанъ-ли покупатель при возвратѣ продавцу имущества возвратить и полученный съ него доходъ или же послѣдній поступаетъ въ его пользу); c) не бываетъ-ли условія, по которому самому покупателю предоставляется право возвратить купленное, если оно окажется негоднымъ; d) бываетъ-ли такое условіе, что каждой сторонѣ предоставляется право отказаться отъ купли-продажи, удовлетворивъ другую сторону за убытокъ?

28. Бываютъ-ли сдѣлки купли-продажи, поставленныя въ зависимость отъ согласія третьяго лица передать проданную вещь?

29. Бываютъ-ли такого рода договоры о куплѣ-продажѣ, при которыхъ сдѣлка уничтожается съ наступленіемъ опредѣленнаго событія (напр. сдѣлка ничтожна въ случаѣ если покупатель сосватаетъ своего сына)?

30. Если вещь, проданная одному лицу, будетъ затѣмъ продана другому, признается-ли эта вторая продажа недѣйствительной или остается въ силѣ, если на то согласенъ первый покупатель или остается въ силѣ во всякомъ случаѣ, при чемъ первый покупатель вознаграждается за убытки, или-же каждый покупатель получаетъ половину проданнаго имущества?

Влечетъ-ли двойная продажа уголовную отвѣтственность для продавца?

31. Кѣмъ и какъ разрѣшаются споры между продавцами и покупателями о качествѣ и цѣнѣ проданнаго имущества?

32. Если проданная чужая вещь не можетъ быть возвращена въ натурѣ (вслѣдствіе утраты ея или порчи), то взыскивается-ли ея стоимость съ покупателя или съ продавца?

Въ этомъ случаѣ какимъ образомъ опредѣляется стоимость вещи—по показанію-ли того лица, которое настоящій ея хозяинъ, или-же по оцѣнкѣ, и въ послѣднемъ случаѣ — какимъ образомъ оцѣнивается вещь?

33. Если продана чужая вещь, отбирается-ли она отъ покупателя въ пользу хозяина ея, при чемъ покупателю предоставляется право самому взыскивать деньги, заплаченныя имъ при покупкѣ съ продавца; или-же между добросовѣстнымъ покупателемъ т. е. незнавшимъ, что покупаетъ вещь чужую, и недобросовѣстнымъ дѣлается такое различіе: что добросовѣстному покупателю хозяинъ вещи выдаетъ заплаченныя при покупкѣ деньги и даже платитъ издержки, употребленныя на вещь, а потомъ уже самъ покупатель взыскиваетъ все это съ продавца?

33. Когда съ покупщика краденой вещи взыскивается въ пользу хозяина такая стоимость вещи, которая превышаетъ цѣну уплаченную имъ продавцу, то имѣетъ-ли покупатель право взыскивать съ продавца всю ту сумму, которую онъ уплатилъ хозяину вещи или-же имѣетъ право требовать возврата лишь того, что самъ заплатилъ за вещь?

34. Продавшій самовольно чужую (или краденую) вещь, подвергается-ли народнымъ судомъ наказанію только въ томъ случаѣ, когда онъ не имѣетъ возможности возвратить деньги, которыя онъ выручилъ отъ продажи, или-же онъ во всякомъ случаѣ подвергается наказанію?

35. Признается-ли дѣйствительною продажа, сдѣланная въ нетрезвомъ видѣ; не наказывается-ли при этомъ покупатель за то, что имѣлъ дѣло съ пьянымъ?

36. Моментомъ перехода права собственности на проданную вещь, признается-ли самая передача вещи (дѣйствительная или символическая) или-же состоявшееся соглашеніе о произведенной куплѣ-продажѣ?

37. При покупкѣ лошадей, если продавецъ лицо неизвѣстное, не требуется-ли удостовѣренія о его личности отъ полицейскихъ властей?

38. Въ какихъ случаяхъ при покупкѣ заключаются письменныя условія (не при покупкѣ-ли недвижимой собств., или въ долгъ, или при покупкѣ лошади во избѣжаніе конокрадства)?

і) Давность.

1. Служитъ-ли давность способомъ пріобрѣтенія собственности?

2. Какой срокъ для давности владѣнія?

3. Есть ли разница въ срокѣ смотря потому о какомъ родѣ владѣнія идетъ рѣчь—о движимомъ или недвижимомъ?

4. Какія имущества изъяты отъ дѣйствія давности (напр. наслѣдственныя и т. п.)?

Право на имущества состоящія въ залогѣ и находящіяся во владѣнія залогодателя ограничиваеся ли какого либо давностью или нѣтъ?

5. Не въ обычаѣ-ли въ данной мѣстности, что, если кѣмъ представится документъ доказывающій принадлежность вообще недвижимаго имущества, то давность пользованія имъ въ расчетъ не принимается?

Каковы рѣшенія мѣстныхъ народныхъ судовъ по этому вопросу?

6. Считается-ли необходимымъ условіемъ для признанія давностнаго владѣнія — это обстоятельство чтобы въ теченіи всего срока давности оно бы ни кѣмъ не оспаривалось?

Требуется-ли для признанія давностнаго владѣніе *правильное* его основаніе такъ что напр. владѣніе пріобрѣтенное дѣйствіемъ преступнымъ (утайка, кража и пр.) давностью не покрывается?

7. Чѣмъ доказывается фактъ давностнаго владѣніи (свидѣтелями, письменнымъ документомъ, уплатой за землю повинностей)?

18. Знаки собственности.

1. Не служитъ-ли знакомъ завладѣнія недвижимымъ имуществомъ постановка кола напр. при займкѣ въ степяхъ, при занятіи мѣстъ для рыбной ловли?

2. Чѣмъ обозначаются границы владѣній и какія названія существуютъ для границъ? Какой взглядъ имѣетъ народъ о межѣ (напр. поговорки:—межи—святое дѣло; безъ межи не вотчина; межа да грани—ссоры да брани)?

Уваженіе къ межѣ не имѣетъ-ли основанія суевѣрнаго страха; не существуетъ-ли клятвы межой и т. п.?

3. Какъ устанавляютъ межу, какія символическія дѣйствія и обряды употребительны при этомъ; нѣтъ-ли какихъ либо молитвъ, заклинаній?

4. Существуетъ-ли или не существовалъ-ли ранѣе обычай при размежеваніи сѣчь на межѣ парнишекъ, чтобы помнили до старости, гдѣ межа проложена (поговорка: кто на межѣ сѣченъ тотъ и въ понятые идетъ)?

---

5. Не существуетъ-ли у крестьянъ данной мѣстности особыхъ родовыхъ знаковъ собственности, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и знаками происхожденія?

Какъ эти знаки называются (клейма, пятна, знаменіе, тавры, мѣты, тамги).

На какихъ предметахъ они накладываются?

6. Какой видъ имѣютъ они (сообщить непремѣнно рисунки)?

Состоятъ-ли родовыя клейма изъ произвольныхъ черточекъ, или-же это болѣе или менѣе удачные рисунки какихъ либо предметовъ (какихъ именно)?

7. Считаются-ли родственниками имѣющіе одинакую или схожую тамгу въ одной и той-же деревнѣ?

8. Отмѣчаютъ-ли этими знаками предметы хозяйства (топоры, ножи, ложки, стаканы, сѣти и пр.)?

9. Обозначаются-ли клеймомъ предметы завладѣнія (напр. выброшенныя водой дрова, бревна, и т. п.)?

10. Не кладутъ-ли клейма на арбузы, тыквы, и т. п.?

11. Употребляются-ли они въ видѣ штемпеля на документахъ при волостныхъ судахъ и вообще вмѣсто подписи и печати?

12. Не вырѣзывается-ли родовой знакъ на тѣлѣ въ качествѣ украшенія или какъ медицинское пособіе (у вогуловъ)?

13. Всякій-ли человѣкъ или только самостоятельный хозяинъ имѣетъ клеймо, какъ напр. у Лопарей, у коихъ каждому ребенку при крещеніи дается клеймо, которое и накладывается на самку оленя, которую дарятъ новорожденному?

14. Какъ переходятъ родовые знаки въ потомство; не переходятъ-ли они вмѣстѣ съ имуществомъ къ *старшему* въ родѣ или какъ нибудь иначе?

15. Вдова, сдѣлавшаяся хозяйкой, принимаетъ-ли клеймо своего мужа?

16. Принимаетъ-ли зять-пріемышъ клеймо тестя усыновителя?

17. Сыновья, отдѣляющіеся отъ отца, не принимаютъ-ли новое клеймо или не прибавляютъ-ли какое нибудь отличіе къ отцовскому?

Не дѣлаются-ли эти отличія по какой нибудь особой системѣ, такъ что напр. разсматривая родов. клеймо можно узнать были-ли у хозяина сыновья или дочери (какъ это дѣлается у мордвы)?

18. Не производится-ли измѣненій въ клеймѣ на сходѣ и вообще при свидѣтеляхъ, дабы всѣхъ извѣстить?

19. Не присвоивается-ли вмѣстѣ съ знакомъ роду особое прозваніе, какъ напр. родъ Оленичей изъ фамиліи Щукиныхъ

Или же роды, не имѣя особыхъ прозваній и нося одну и ту-же фамилію, имѣютъ только свои особые знаки?

20. Какіе знаки, кромѣ родовыхъ, еще служатъ для обозначенія собственности на предметахъ движимыхъ, какъ то: на рогатомъ скотѣ (напр. тавры на ляжкахъ), на лошадяхъ, (разрѣзы на ушахъ, ленточки вплетенныя въ гриву, дощечки подвѣшанныя къ шеи и пр.), на птицахъ, и на предметахъ недвижимыхъ—на вспаханныхъ поляхъ, на деревьяхъ, и проч. (доставить изображеніе ихъ)?

21. Какъ раздѣляютъ эти знаки при слѣдующихъ сдѣлкахъ: продажи, мѣны, залога, найма и прочихъ?

22. Часто-ли употребляются письменные документы какъ средства укрѣпленія, удостовѣренія права на ту или иную вещь?

---

23. Не имѣютъ-ли крестьяне особыхъ способовъ для измѣренія, и какая *мѣра* ими для этого употребляется (напр. мѣряютъ бичевой, лаптемъ и т. п.)?

24. Какія мѣры употребляютъ крестьяне для опредѣленія длины, ширины и высоты или толщины, вѣса, времени?

19. Отношенія сосѣдскія.

1. Каковы ограниченія правъ собственника и владѣльца въ интересахъ сосѣдей?

2. Не воспрещается-ли къ сосѣду во дворъ—лить воду, кидать снѣгъ, дѣлать скатъ крыши и т. п.?

3. Имѣетъ-ли право хозяинъ одного берега рѣки примыкать свою плотину къ берегу другаго хозяина безъ согласія послѣдняго?

4. Каковы правила относительно проѣзда по чужимъ полямъ и по водянымъ сообщеніямъ?

5. Имѣетъ-ли право заночевавшій среди дороги путникъ, отпречь лошадь и пустить на смежныя съ дорогою поля; если да, то на какое разстояніе отъ дороги простирается право пользованія?

6. Какія правила касательно причаливанія къ берегу другаго владѣльца и разведенія тамъ костра, расположенія на ночлегъ?

7. Какіе обычаи относительно водопоевъ въ чужой рѣкѣ, пастбища на чужой землѣ, прогона скота?

8. Какія правила пользованія лѣсомъ въ чужихъ дачахъ; въѣзда, пользованія дровами, валежникомъ, травой, ягодами, бортными угодьями; дѣлается-ли все это безвозмездно или за извѣстную плату?

9. Не обязываются-ли пользующіеся чужими колодцами участвовать въ починкѣ ихъ?

10. Не дѣлаютъ-ли крестьяне различія между лѣсами казенными, помѣщичьими и проч. касательно самовольнаго входа въ нихъ за грибами, ягодами, орѣхами, мохомъ, вѣниками, хворостомъ?

Каковы измѣненія въ этомъ отношеніи со времени отмѣны крѣпостной зависимости?

11. Пользованіе звѣриными, птичьими и рыбными промыслами въ чужихъ дачахъ безвоздмездно или за вознагражденіе?

12. Кому принадлежитъ добыча при охотѣ на чужой землѣ?

Имѣетъ-ли право хозяинъ земли или воды отобрать добычу у охотящагося безъ его спроса?

13. Съ какого времени года допускается обычаемъ охота за дичью?

---

14. Часты-ли между крестьянами случаи общаго владѣнія имуществомъ?

Чѣмъ обыкновенно владѣютъ сообща (мельницами, банями, овинами, колодцами, неводами и т. д.)?

15. Общимъ имуществомъ распоряжаются-ли всѣ владѣльцы или одинъ выбранный; пользуются-ли имъ по очереди или дѣлятся доходами?

Можетъ-ли каждый изъ такихъ владѣльцевъ продать свою часть кому захочетъ или на это требуется согласіе товарищей, имѣющихъ предпочтительное право покупки?

---

16. Деревья, растущія на межѣ двухъ сосѣдей, чьей собственностью считаются?

17. Какъ пользуются лугами, озерами, рѣками, соляными ключами и т. д. — если они находятся въ общемъ обладаніи нѣсколькихъ лицъ (но не всей общины)?

Если рѣка составляетъ границу, то какъ ею пользуются жители каждаго изъ разграниченныхъ ею участковъ: не до середины-ли ея?

Въ большихъ пограничныхъ озерахъ только-ли берега и береговое пространство считается достояніемъ прибрежныхъ жителей или также и середина, или-же середина считается «вольной»?

18. Считаетъ-ли народъ дозволенными самоуправныя дѣйствія по отношенію къ имуществу, которое находится во владѣніи чужомъ незаконномъ?

19. Не обязанъ-ли владѣлецъ дозволить проложить черезъ свою землю дорогу къ улицѣ, если сосѣду его необходимъ проходъ и проѣздъ къ ней именно черезъ эту землю?

20. Обязанъ-ли владѣлецъ изъ своей земли представить необходимое количество для устройства переулка?

21. Какова отвѣтственность владѣльца въ случаѣ если онъ застроитъ, либо загородитъ смежный съ его владѣніемъ переулокъ, либо проходъ или будетъ препятствовать починкѣ его; не позволяется-ли загородить старый переулокъ съ обязательствомъ устроить другой не менѣе удобный; требуется-ли въ этомъ случаѣ согласіе лишь сосѣдей или-же всего общества?

22. Всегда-ли владѣлецъ обязанъ дать опредѣленной ширины дорогу для прогона скота къ водопою или въ извѣстныхъ лишь случаяхъ?

23. Обязанъ-ли владѣлецъ срубить вѣтви деревьевъ, свѣсившихся на участокъ сосѣда, или-же сами деревья, (напр. если яблоки съ сосѣдскихъ яблонь падаютъ на смежный участокъ и смѣшиваются съ яблоками хозяина этого послѣдняго вслѣдствіе чего возникаетъ ссора)?

24. Вправѣ-ли владѣлецъ колодца запретить сосѣду пользованіе имъ, даже если сосѣдъ не имѣетъ ни какого другаго способа удовлетворять такой нуждѣ?

25. Вправѣ-ли владѣлецъ воспретить сосѣ-

дямъ спускать воду въ его ровъ во всякомъ случаѣ или-же только тогда, когда его землѣ грозитъ отъ того опасность затопленія?

26. Отвѣтственъ-ли сосѣдъ за убытокъ, произошедшій отъ затопленія чужой земли мельницей?

27. Бываютъ-ли случаи ограниченія собственности по договору (напримѣръ продается участокъ съ тѣмъ, чтобы покупатель предоставилъ продавцу право проѣзда и т. п.)?

28. Если владѣлецъ уничтожаетъ, находящійся на его землѣ, колодезь, угрожавшій ему опасностью (напр. чтобы скотъ или дѣти не утонули въ немъ), то обязанъ-ли онъ вознаградить то лицо, которое имѣло право пользованія имъ, или такое вознагражденіе имѣетъ мѣсто въ какихъ либо особыхъ случаяхъ?

29. Позволяется-ли ѣздить по межѣ?

30. Въ какихъ случаяхъ позволяется пользоваться чужой собственностью (пока хозяинъ не извѣстенъ, для общественной пользы напр. чтобы извѣстить сосѣда о пожарѣ)?

Позволяется-ли взять чужую лошадь или телѣгу, безъ спроса хозяина, для собственной нужды, напр. для отыскиванія чего либо спѣшнаго и т. п.?

Существуетъ-ли обычай, по которому нуждающійся въ сѣнѣ имѣетъ право его брать изъ любаго чужаго стога?

Не существуетъ-ли извѣстнаго срока, въ году, когда такое правило вступаетъ въ силу (напр. что чужое сѣно позволяется брать только съ наступленія зимы)?

Обязанъ-ли взявшій возвратить хозяину стога взятое у него сѣно?

31. Дозволяется-ли преслѣдовать и ловить улетѣвшіе пчелиные рои на чужой землѣ?

32. Расходъ на построеніе плетней и заборовъ, отдѣляющихъ участки двухъ сосѣдей, какимъ образомъ распредѣляется между послѣдними?

Вправѣ-ли одинъ сосѣдъ прислонить свою постройку къ постройкѣ другаго сосѣда? Каковы обычаи въ такихъ случаяхъ?

33. Въ правѣ-ли одинъ сосѣдъ запретить другому рыть яму для погреба, если почему либо это неудобно для него?

34. Чтобы прорубить окно своей избы или амбара во дворъ сосѣда требуется-ли согласіе послѣдняго?

35. Если плодовое дерево въ саду одного изъ сосѣдей пустило отростокъ въ садъ другаго, то чьимъ считается этотъ отростокъ?

36. Запрещается-ли выбрасывать соръ, золу и пр. на участокъ сосѣда?

37. Запрещается-ли дѣлать завладѣнія пустопорожними мѣстами, какъ скоро это стѣсняетъ сосѣдей?

38. Обязанъ-ли владѣлецъ дать сосѣдямъ проходъ и прогонъ скота, если у нихъ нѣтъ доступа къ улицѣ?

39. Каково значеніе сосѣдей вообще?

Примѣчаніе. Поговорка—ближній сосѣдъ лучше дальней родни; безъ брата проживу, а безъ сосѣда не проживу; не купидвора—купи сосѣда.—Къ сосѣдямъ обращаются за совѣтомъ, матеріальною помощью; сосѣди призываются въ свидѣтели при сдѣлкахъ; они-же—третейскіе судьи въ спорахъ и т. п.

---

20. О договорахъ вообще.

а) обряды и формальности.

1. Считаетъ-ли народъ за грѣхъ, стыдъ, проступокъ, неисполненіе слова, обѣщанія, договора («до слова держись, а за слова крѣпись», «далъ слово держись»)?

Какъ выражаетъ народъ свои понятія о договорахъ вообще (напр. въ пословицахъ — уговоръ дороже денегъ; на чемъ глядишь на томъ и ѣдешь и т. п)?

2. Какого рода обыкновенія (предварительные переговоры) предшествуютъ заключенію различныхъ договоровъ?

3. Какіе обряды, символическія дѣйствія сопровождаютъ заключеніе и совершеніе договоровъ (могарычи или литки, чаепитіе, рукобитье, молитва, ѣда земли и пр)?

4. Какое они имѣютъ значеніе и послѣ какихъ изъ нихъ договоръ считается окончательно заключеннымъ?

5. Кто даетъ могарычи, кому и сколько?

6. Значеніе рукобитья (заложить правую руку значитъ дать слово выкупить правую руку—исполнить слово)?

7. Въ какихъ формахъ выражается рукобитье (напримѣръ рукобитье вообще между договаривающимися сторонами, рукобитье обернутою, а не голою рукою, разниманіе рукъ постороннимъ лицемъ—свидѣтелемъ; передача извѣстной вещи для обозначенія договора; передача повода, узды при куплѣ — продажѣ лошади и т. п)?

8. Требуется-ли обычаями, чтобы лица, совершающія договоры, были полноправны т. е. совершеннолѣтнія, здоровыя умственно и т. п?

9. Не ограничиваются-ли права такихъ лицъ, и въ какой именно мѣрѣ?

10. Считаются-ли дѣйствительными договоры, первоначальнымъ виновникомъ которыхъ является несовершеннолѣтній или слабоумный, если эти договоры не вызываютъ протеста лицъ заинтересованныхъ въ нихъ?

11. Какіе изъ договоровъ и въ какихъ случаяхъ облекаются крестьянами въ письменныя формы?

12. Какую роль играютъ при совершеніи договоровъ свидѣтели, и кто считается самымъ благонадежнымъ свидѣтелемъ?

13. Какое вообще число свидѣтелей считается необходимымъ для удостовѣренія совершенія какой-либо сдѣлки, или же для разбирательства споровъ относительно условій заключенія договора?

14. Не имѣетъ-ли при заключеніи договоровъ формальная сторона (разные обряды и т. д.) значеніе лишь второстепенное, тогда какъ первое значеніе придается требованію справедливости (такъ напр. не теряется-ли обязательная сила договора, если строгое исполненіе договора становится не согласно съ требованіемъ справедливости вслѣдствіе какихъ либо перемѣнъ обстоятельствъ) или-же наоборотъ разъ исполнены обрядныя дѣйствія и иныя формальности, то стороны вынуждены исполнить договоры во что-бы то ни стало, не взирая ни на какія перемѣны въ обстоятельствахъ?

б) Бирки и письменные документы.

16. Нѣтъ-ли обычая совершать долговыя обязательства въ формѣ бирокъ (рубежей) т. е. палочекъ или дощечекъ, на которыхъ отмѣчается количество долга, (подробное описаніе этихъ бирокъ и разнаго рода нарѣзокъ на нихъ)?

17. Не употребляются-ли бирки при отдачѣ овчинъ для выдѣлки, холста для набойки, при поставкѣ товара, въ расчетахъ съ лѣсниками, пастухами, работниками, въ хозяйственныхъ дѣлахъ деревни и пр. (Желательно подробное описаніе каждаго изъ случаевъ примѣненія бирки)?

18. При уплатѣ долга по частямъ срѣзываютъ-ли съ бирки знаки, или-же дѣлаютъ въ самыхъ знакахъ какія либо измѣненія?

19. Не въ обычаѣ-ли, что, желая лишить должника передъ обществомъ довѣрія, кредиторъ ломаетъ бирку?

20. Не замѣчается-ли, нынѣ, болѣе противъ прежняго времени, стремленіе крестьянъ всѣ свои сдѣлки формулировать на письмѣ?

21. Какіе изъ договоровъ и въ какихъ случаяхъ облекаются въ форму письменную?

Не въ обычаѣ-ли обязательства долговыя непремѣнно дѣлать въ письменной формѣ?

Не заключаются-ли обыкновенно на письмѣ условія и договоры съ лицами, къ крестьянскому сословію не принадлежащими?

22. Требуется-ли непремѣнно, чтобы письменные акты были подписаны непремѣнно самимъ выдающимъ?

Какъ поступаютъ въ случаѣ безграмотности выдающаго письменные акты?

Имѣютъ-ли силу росписки, подписаныя крестами?

23. Долговыя обязательства, подписанныя должникомъ, имѣютъ-ли доказательную силу, если ихъ подтверждаютъ показанія свидѣтелей?

23. Требуется-ли на долговыхъ обязательствахъ, кромѣ подписи должника, еще засвидѣтельствованіе старосты или занесеніе волостнымъ писаремъ въ книгу при волостномъ правленіи.

в) Задатокъ, залогъ.

25. Не служитъ-ли задатокъ признакомъ окончательно состоявшагося договора?

26. Кто даетъ задатокъ и кому?

27. Въ какихъ случаяхъ задатокъ возвращаютъ назадъ давшему, и въ какихъ случаяхъ онъ теряется?

28. Если покупатель, давши задатокъ, отказывается выполнить условіе сдѣлки, то не обязанъ-ли онъ вознаградить продавца за убытки, или-же онъ только теряетъ задатокъ?

29. Покупатель, выдавши задатокъ, имѣетъ ли право требовать отъ продавца передачи проданной вещи, и если вещь не можетъ быть передана по винѣ продавца, то — возврата задатка и вознагражденіе за убытки; или же купля можетъ быть расторгнута и послѣ выдачи покупателемъ задатка въ томъ случаѣ, когда запроданная вещь понадобится самому продавцу?

30. Какія вещи служатъ предметомъ задатка (деньги, шапки, рукавицы и пр)?

31. Не называется-ли у крестьянъ залогомъ, если кто послѣ совершенія договора въ обезпеченіе платежа насильственно беретъ какую либо вещь (напр. когда за неплатежъ при перевозѣ снимаютъ одежду).

32. Бываютъ-ли случаи задержанія чужаго имущества или отобраніе вещей въ обезпеченіе исполненія договора?

г) Неустойка.

34. Извѣстна-ли у крестьянъ неустойка, какъ обезпеченіе договора?

35. Называетъ-ли народъ неустойкой плату убытковъ или штрафъ за неисполненіе договора?

36. Назначается-ли плата неустойки народнымъ судомъ, или-же она имѣетъ силу лишь тогда, когда стороны установили неустойку по особому условію?

37. Неустойка заключается-ли въ уплатѣ денегъ или въ какой либо иной невыгодѣ для лица, неисполнившаго договора (напр. отрѣзаніе хвоста у его лошади)?

38. Уплачивается-ли она разомъ или-же въ разные сроки.

39. Назначается-ли неустойка на случай неисполненія въ срокъ судебнаго рѣшенія?

40. При взыскиваніи убытковъ или неустойки самый договоръ приводится-ли въ исполненіе?

д) Поручительство.

42. Въ какихъ сдѣлкахъ обыкновенно примѣняется поручительство?

43. Въ какой формѣ совершается условіе поручительства (въ словесной или письменной (копію)?

44. Охотно-ли идутъ крестьяне въ поручители (пословицы: порука — мука; кто поручится тотъ поучится)?

45. Достаточно-ли одного поручителя на нѣсколькихъ?

46. Въ чемъ заключается отвѣтственность поручителя при неисполненіи договора?

47. Отвѣчаетъ-ли поручитель въ случаѣ смерти должника?

48. Получаетъ-ли поручитель вознагражденіе и какое именно (извѣстнымъ процентомъ или просто угощеніемъ)?

49. Не дается-ли поручителю (у инородцевъ) право нанести публичное оскорбленіе неисправному должнику (напр. оскорбленіе его покойниковъ посредствомъ убійства на фамильной могилѣ собаки и посвященіе этой собаки покойнику)?

50. Дается-ли право кредитору грабить поручителя, въ случаѣ неисправности должника, и поручителю въ свою очередь грабить должника, чтобы побудить послѣдняго заплатить долгъ?

51. Что такое отсталое или отступное; когда дается оно и въ какихъ размѣрахъ?

52. Дѣлается-ли отсрочка или разсрочка по исполненіи обязательствъ лишь по согласіи кредитора или народными судами самостоятельно и безъ его согласія?

21. Ссуда.

1. Какіе предметы и изъ какихъ побудительныхъ причинъ даются въ ссуду на подержаніе (въ отличіе отъ найма какъ *возмезднаго* пользованія чужой вещью)?

2. Существуетъ ли взаимная безвозмездная ссуда скотомъ между сосѣдними дворами, при производствѣ сельскихъ работъ?

3. Отдается-ли въ ссуду оружіе, хлѣбное зерно и т. д. и на какихъ условіяхъ?

4. На какихъ условіяхъ отдаютъ въ пользованье скотъ?

5. Идетъ-ли, при безвозмездныхъ займахъ, приростъ скота въ пользу заемщика-или въ пользу кредитора?

6. Не дѣлается-ли при этомъ различія между кратковременными и долгосрочными займами?

7. Не признается-ли ссуда въ нѣкоторыхъ случаяхъ *обязательной?*

8. Совершается-ли договоръ ссуды словесно (при свидѣтеляхъ) или письменно (копіи)?

9. На какой обыкновенно срокъ отдаются вещи?

10. Имѣетъ-ли ссудодатель право во всякое время потребовать отданную въ ссуду вещь назадъ, или-же ссудоприниматель вправѣ держать вещь у себя до истеченія условленнаго срока?

11. Можетъ-ли вещь, взятая въ ссуду, быть удержана въ видѣ обезпеченія долговой претензіи ссудопринимателя къ ссудодателю?

12. Вознагражденіе за испорченную или утраченную ссудопринимателемъ вещь взыскивается-ли деньгами или замѣной утраченной вещи другою?

13. Если въ утратѣ вещи оказывается виновнымъ не ссудоприниматель, какова его отвѣтственность?

14. Если виновато въ утратѣ третье лицо, взявшее вещь безъ позволенія ссудопринимателя, кто и въ какой мѣрѣ вознаграждаетъ ссудодателя?

22. Заемъ.

1. Какія вещи служатъ предметомъ займа (хлѣбъ, медъ, шерсть, деньги)?

2. Какіе займы чаще, на срокъ или безъ срока?

Нѣтъ-ли обычныхъ сроковъ для уплаты или дней для собиранія долговъ (Юрьевъ, Ильинъ дни и т. п.; поговорки: пятница субботѣ повѣщала, суббота-бы долги считала)? Чѣмъ это обусловливается?

3. Какъ совершаются займы, словесно или письменно (копіи)?

4. Какъ велики обыкновенно проценты?

5. Кто занимается въ деревняхъ дачей денегъ въ долгъ; существуютъ-ли ростовщики между крестьянами?

6. Не считается-ли грѣхомъ брать большіе и вообще проценты?

7. Не бываетъ-ли займовъ безъ процентовъ?

8. Какія существуютъ суевѣрія относительно займовъ (напр. не давать взаймы въ тотъ день, когда родится какое-либо домашнее животное и т. п.)?

9. Какъ доказывается уплата займа?

10. Не считается-ли грѣшнымъ должнику отпираться отъ займа?

11. Существуютъ-ли займы денегъ съ обязательствомъ уплатить ихъ какими-нибудь иными продуктами?

12. Нѣтъ-ли обычая уплачивать долговъ работой?

Случается-ли, что получившій въ пользованье участокъ земли обязуется вмѣсто платы за него хозяину — исполнять полевыя работы на его землѣ до тѣхъ поръ, пока пользованье участкомъ будетъ продолжаться?

Встрѣчается-ли, что должникъ, не желая брать на себя обязательства платить проценты, даетъ кредитору право пользоваться своимъ участкомъ земли до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ уплаченъ?

13. Заимодавецъ, требуя уплаты долга до срока, не теряетъ-ли права на полученіе процентовъ?

14. Должникъ, уплачивая до срока, можетъ-ли заплатить проценты не сполна, а по расчету времени?

15. При нежеланіи или невозможности должника платить, подвергаетъ-ли его судъ наказанію?

16. Существуетъ-ли обычай грабежа должника, т. е. забирать у неплательщика вещи и держать ихъ у себя до уплаты денегъ по займу?

Существуетъ-ли обычай (у инородцевъ), по которому не получающему удовлетворенія по долговымъ обязательствамъ дается право отобрать у гостя, пріѣхавшаго изъ края, гдѣ живетъ виновный, все привезенное имущество, съ цѣлью заставить ограбленнаго побудить виновнаго къ уплатѣ своего долга?

Возвращалось-ли такому ограбленному гостю, отобранное у него имущество, если ему удавалось заставить виновнаго уплатить долгъ?

17. Какъ поступаютъ въ случаѣ непризнанія должникомъ долга, если онъ далъ подъ залогъ вещь, или если заимодавецъ не признаетъ долга, чтобы воспользоваться залогомъ?

18. Нѣтъ-ли обычаемъ установленнаго срока, по истеченіи котораго заложенная вещь переходитъ въ собственность принявшаго вещь въ залогъ?

19. Не представившій выкупа за вещь къ сроку, теряетъ-ли свои права на заложенную вещь или нѣтъ?

20. Имѣетъ-ли залогоприниматель право пользоваться заложенною вещью еще до срока на выкупъ ея?

21. Не сохраняется-ли по смерти залогодателя на его родственниковъ право выкупа заложенной вещи?

23. Наемъ.

1. Какіе виды имущества бываютъ предметами найма?

2. Часто-ли встрѣчается наемъ вещей *движимыхъ*?

3. Каковы обычаи при отдачѣ въ аренду пахотныхъ, сѣнокосныхъ, пастбищныхъ земель, рыбныхъ ловель, при фрактѣ морскихъ и рѣчныхъ судовъ, при наймѣ домовъ, квартиръ, амбаровъ, гуменъ, мельницъ, садовъ, огородовъ, домашняго скота (для работы и для приплода) и т. п.?

4. Существуетъ-ли какой-либо предѣлъ въ срокѣ отдачи вещи въ наемъ?

5. Не опредѣляется-ли срокъ самымъ способомъ пользованія со стороны нанимателя, цѣлью найма, временемъ года?

6. Въ какихъ случаяхъ договоры найма бываютъ словесные и въ какихъ письменные (копіи)?

7. Бываютъ-ли случаи имущественнаго найма не за деньги, а изъ части прибыли или изъ-за работы (напр. наемъ земель изъ-за взноса податей, изъ полу, наемъ квартиры изъ-за работы и пр.)?

8. Въ правѣ-ли нарушить договоръ наниматель, если обнаружится негодность нанятаго предмета?

9. Имѣетъ-ли наниматель право перенайма?

10. Въ какихъ случаяхъ наймодавецъ вправѣ отобрать назадъ отданное въ наемъ?

11. При спорахъ объ арендной платѣ за землю цѣна найма опредѣляется-ли сторонами, или наемщикъ платитъ владѣльцу ту цѣну, по которой земля нанимается въ ближайшемъ сосѣдствѣ?

12. Какой отвѣтственности подвергается наймодавецъ за нарушеніе договора имущественнаго найма?

13. При двойномъ наймѣ (т. е. при отдачѣ имущества въ наемъ въ одинъ и тотъ-же срокъ двумъ разнымъ лицамъ), не признается-ли обыкновенно въ силѣ тотъ договоръ, который былъ заключенъ ранѣе?

Въ такомъ случаѣ обязывается-ли отдавшій въ наемъ вознаградить втораго съемщика за понесенные имъ убытки?

14. Когда производится плата по найму — при самомъ-ли заключеніи договора, или въ извѣстные сроки по частямъ?

15. Отказъ нанимателя отъ договора ранѣе условленнаго срока какія влечетъ для него невыгодныя послѣдствія (лишеніе отданныхъ впередъ денегъ и т. д.)?

16. Приплодъ отъ отданной въ наемъ скотины въ чью пользу поступаетъ?

17. Требуетъ-ли обычай, чтобы при договорахъ найма имущественнаго и личнаго, стороны предупреждали до наступленія срока о желаніи прекратить силу договора?

18. Какова отвѣтственность за ущербъ, передѣлку, порчу, гибель имущества взятаго въ наемъ?

19. Какія условія заключаются хозяевами съ хранителями ихъ пчельниковъ?

---

24. Личный наемъ.

1. Не считается-ли договоръ личнаго найма ничтожнымъ, если родственники нанявшагося (даже совершеннолѣтняго) будутъ противъ договора? На какой срокъ обыкновенно нанимаются?

Опредѣляется-ли *обычаемъ* (а не пис. закономъ) срокъ далѣе котораго договоръ личнаго найма заключать не дозволяется (на 5 лѣтъ и т. п.)?

2. Договоры личнаго найма считаются-ли обязательными только для лицъ ихъ заключившихъ или-же распространяются и на ихъ потомство?

3. Считается-ли дѣйствительнымъ договоръ о личномъ наймѣ, заключенный не съ нанимаемыхъ, а съ его отцемъ или со старшимъ въ семьѣ?

Какія послѣдствія влечетъ нарушеніе такого договора?

4. Какъ совершается обыкновенно договоръ личнаго найма: словесно или письменно?

5. При словесномъ совершеніи необходимо-ли участіе свидѣтелей?

6. Не существуетъ-ли особыхъ книжекъ у сельскихъ властей для записыванія договоровъ о личномъ наймѣ?

7. Употребляется-ли при личномъ наймѣ задатокъ; кѣмъ онъ дается?

8. Каковы обряды при личномъ наймѣ? описать возможно подробнѣе.

9. Съ какого момента договоръ о наймѣ считается окончательно заключеннымъ?

Примѣчаніе. Есть виды личнаго найма, моментъ заключенія которыхъ опредѣляется совершенно особеннымъ образомъ. Такъ напр. въ нѣк. мѣстн. нанимаемые купцами прикащики для скупки товара, ходятъ въ хозяйской обуви, почему и договоръ о наймѣ въ этомъ случаѣ считается заключеннымъ только съ той минуты, когда нанятый надѣнетъ хозяйскіе сапоги.

10. Каковы личныя отношенія крестьянъ-хозяевъ къ своимъ работникамъ; имѣютъ-ли они общій столъ и т. д.? Считается-ли батракъ, долго проживщій въ крестьянской семьѣ, членомъ ея или нѣтъ?

Имѣетъ-ли хозяинъ возможность (и пользуется-ли ею) притѣснить работника или работницу, придраться къ нимъ и удержать заработанную плату или пугнуть властями?

Обезпеченъ-ли самъ хозяинъ всегда отъ тѣхъ убытковъ, которые могутъ нанести ему нанятые люди, тѣмъ, что онъ можетъ всегда удержать наемную плату и тѣмъ, что въ рукахъ хозяина находится еще и паспортъ рабочаго, безъ полученія котораго ему нельзя кинуть хозяина?

Часты-ли бываютъ взаимныя нарушенія уговоровъ и обманы, какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны хозяевъ; съ чьей стороны чаще и по чьей винѣ?

11. Въ чемъ заключается обыкновенная рабочая плата: въ деньгахъ, опредѣленной доли въ прибыли и пр.?

12. Въ какое время уплачивается плата; какъ обезпечиваетъ себя наемщикъ въ случаѣ уплаты за личный наемъ впередъ?

13. Часты-ли условія, по которымъ наемщики обязываются давать работнику одежду, обувь, пищу?

Не дѣлается-ли особый посѣвъ хлѣба въ пользу работника, какъ дополненіе къ денежной платѣ?

14. Не нанимаютъ-ли жнецовъ за извѣстный снопъ?

15. Не нанимаютъ-ли молотильщиковъ за извѣстную часть намолоченнаго хлѣба?

16. Въ какихъ случаяхъ наниматель въ правѣ отказать рабочему ранѣе условленнаго срока?

17. Разсчитывая рабочаго до срока не лишается-ли хозяинъ забранныхъ впередъ денегъ; не присуждается-ли онъ къ уплатѣ рабочему всей наемной платы?

18. Въ правѣ-ли рабочій покинуть хозяина ранѣе срока и не возвращая забранныхъ впередъ денегъ, если хозяинъ обращается съ нимъ жестоко и принуждаетъ работать?

19. Подвергается-ли и какой именно отвѣт-

ственности хозяинъ (семья его) за нанесеніе рабочему побоевъ, за оскорбленіе словами?

20. Въ правѣ-ли нанявшійся передать договоръ личнаго найма другому лицу (напр. отецъ пришлетъ взамѣнъ себя сына) или на это требуется согласіе нанимателя?

21. Какова отвѣтственность рабочаго за нерадѣніе, грубость и ругательства, относящіяся къ хозяину?

22. Какова отвѣтственность рабочаго за прогульный день?

23. Можетъ-ли хозяинъ заставить работать въ праздничный день, или-же это дѣлается въ силу особаго соглашенія?

24. Можетъ-ли хозяинъ по собственному усмотрѣнію наказывать рабочаго?

25. Освобождаетъ-ли рабочаго болѣзнь отъ исполненія принятыхъ обязанностей совершенно, или-же онъ по выздоровленіи обязывается отработать столько времени противъ срока, сколько проболѣлъ?

26. Какъ поступаютъ нар. суды въ случаѣ если рабочій, не выполнивъ условія, нанялся къ другому лицу?

27. Встрѣчаются-ли случаи, что хозяину предоставляется вмѣсто рабочаго, невыполнившаго условій договора, нанять на его счетъ другаго рабочаго или взять взамѣнъ такого рабочаго кого-либо изъ его семейства (сына, брата)?

28. Въ случаѣ несогласія хозяина принять рабочаго, нарушившаго договоръ, производится-ли между ними расчетъ по той цѣнѣ, какая существовала на рабочія руки во время нарушенія договора, или по той, какая стоитъ въ моментъ расчета, или-же по цѣнѣ рядной?

29. Если рабочій отданъ въ наемъ другимъ лицомъ, то подвергается-ли отвѣтственности за нарушеніе договора самъ рабочій или лицо, которымъ онъ былъ поставленъ?

30. Не освобождаются-ли рабочіе отъ взысканія причитающихся съ нихъ убытковъ вслѣдствіе бѣдности?

31. Не освобождается-ли рабочій отъ выполненія договора по слабости здоровья или по болѣзни?

32. Каковы опредѣляемыя обычаемъ сроки службы нанятаго?

Примѣчаніе. Такъ напр. лѣтній работникъ въ Ярославской губ. (по словамъ Е. И. Якушкина) нанимается по 1 октября; съ этого дня, по обычаю, работникъ, нанятый на лѣто, уходитъ отъ хозяина, а если остается у него, то уже по новому договору.

33. Каковы условія найма для сельско-хозяйственныхъ работъ въ данной мѣстности (рабочіе годовые, сороковые, лѣтніе, мѣсячные, поденные)?

34. Нѣтъ-ли особыхъ условій найма рабочихъ на плантаціи свекловичныя, табачныя и пр.— Каково значеніе задатка въ подобномъ наймѣ?

35. На какихъ условіяхъ нанимаетъ мельника хозяинъ мельницы. Не получаетъ-ли мельникъ какой либо доли изъ платы за помолъ хлѣба?

При помолѣ соблюдается-ли чередъ и кому мелютъ хлѣбъ безъ очереди?

36. Каковы юридич. обычаи при *покрутѣ* (на сѣверѣ Россіи): способы заключенія договора, права и обязанности хозяина и работника, способы вознагражденія, прекращеніе договора?

37. Какъ нанимается церковный сторожъ, перевозчикъ, прорубникъ, десятскій, просвирня, сторожъ арбузныхъ бакчей или огородовъ?

38. Отвѣтственны-ли сторожа, охраняющіе селеніе ночью, за совершенныя въ этомъ случаѣ кражи?

Должны-ли они возвратить потерпѣвшимъ хозяевамъ всю стоимость украденнаго у нихъ имущества или только извѣстную часть его?

39. Какъ происходилъ въ данной мѣстности наемъ рекрутовъ?

40. На какихъ условіяхъ нанимаютъ возчиковъ (фурщиковъ)?

Чѣмъ обезпечиваются наниматели возчиковъ въ исправной доставкѣ клади: не берутъ-ли они съ нихъ задатковъ, не отбирается-ли отъ нихъ паспортъ?

41. Какіе еще виды личнаго найма въ данной мѣстности?

25. Наемъ пастуха.

1. Какъ нанимаютъ пастуха?

Договаривается-ли пастухъ съ обществомъ или съ отдѣльными домохозяевами?

Не сопровождается-ли наемъ какими-либо обрядами?

2. Право назначенія сроковъ пастьбы принадлежитъ-ли самимъ пастухамъ или общинѣ?

3. Кто опредѣляетъ начало и конецъ ночевки въ полѣ?

4. Какъ называется плата пастухамъ (пастушное и пр.); каковы размѣры ея?

5. Каковы сверхъ платы льготы пастухамъ (право ѣздить на крестьянскихъ лошадяхъ)?

6. На чьей обязанности производить расчетъ съ пастухомъ?

7. Существуетъ-ли особый пастушій сборъ съ членовъ общины; на чьей обязанности производить его, когда производится раскладка— весною или осенью?

8. Если пастухъ получаетъ плату за каждую голову скота, то родившійся во время пастьбы («подъ матерью») входитъ-ли въ счетъ?
9. Какова отвѣтственность пастуха за своевольныя отлучки, загулы?
10. Какъ поступаетъ община въ случаѣ отказа нѣкоторыхъ изъ крестьянъ уплатить пастушное?
11. Раздѣляется-ли скотъ даннаго селенія на нѣсколько группъ («чередъ»)?
12. Сколько въ чередѣ овецъ, свиней, телятъ, жеребятъ?
13. Не въ обычаѣ-ли платить пастуху натурой (напр. количествомъ овецъ)?
Существуетъ-ли обычай, по которому хозяинъ вознаграждаетъ пастуха отдачей ему извѣстной части приплода?
Какую часть приплода получаетъ пастухъ?
Имѣетъ-ли пастухъ право пользоваться молокомъ отъ пасомаго имъ стада?
14. Получаетъ-ли пастухъ долю при дѣлежѣ шерсти, получаемой отъ пасомаго имъ стада?
15. Каковы обязанности пастуха: напр. обходить селеніе каждый день трубя въ рогъ, находиться въ немъ безъ отлучки, играть пѣсни на рожкѣ и пр.?
16. Самъ-ли пастухъ разводитъ скотину вечеромъ по дворамъ или хозяева помогаютъ ему въ этомъ?
17. Какова отвѣтственность пастуха за утрату скота?
Отвѣчаетъ-ли онъ если скотина утрачена не по его винѣ? Какія доказательства обязанъ онъ представить въ томъ, что скотина испорчена или утрачена не по его винѣ (напр. когда она зарѣзана волкомъ)?
18. Отвѣчаетъ-ли онъ за скотину, утонувшую или съѣденную звѣремъ?
19. На чей счетъ расходы при розыскѣ пропавшей скотины?
20. При покражѣ скотины, полная-ли ея стоимость взыскивается съ пастуха или-же дѣлятъ «грѣхъ пополамъ»?
21. Какихъ людей обыкновенно нанимаютъ въ пастухи (пришлыхъ, старыхъ, мальчиковъ, бездомныхъ, конокрадовъ)?
22. Какія существуютъ поговорки, прибаутки, разсказы про пастуховъ?
23. Нѣтъ-ли повѣрій, по которымъ пастухи считаются колдунами, заключающими условія съ лѣшимъ и т. п.?
24. Имѣетъ-ли все селеніе общаго пастуха, или-же всякая улица, сторона—своего?
25. Не нанимаетъ-ли себѣ въ помощники пастухъ еще подпаска?
26. Сколько онъ платитъ подпаску?
27. Если подпаска нанимаетъ пастухъ отъ себя, то не получаетъ-ли подпасокъ еще отъ міра какое-либо вознагражденіе (деньги, обувь, пищу)?
28. Кого берутъ обыкновенно въ подпаски (круглыхъ сиротъ)?
Каково обращеніе съ ними пастуха?
29. При наймѣ въ пастухи бываетъ-ли битье по рукамъ, могарычи, задатокъ?
30. Не вліяетъ-ли на повышеніе платы умѣнье играть на рожкѣ (Яросл. губ.)?
31. Какіе сроки для найма пастуха (напр. съ Егорья по 1 октября)?
32. Бываетъ-ли передъ выгономъ въ первый разъ какое-либо торжество, молебны, угощеніе, подарки пастухамъ?
33. Если счетъ ведется по чередамъ, то какъ опредѣляется чередъ, т. е. какая скотина составляетъ полный чередъ и какая — часть череда?
34. Какова отвѣтственность пастуха за потраву?
35. За скотину, взятую изъ стада среди лѣта, получаетъ-ли пастухъ полную плату?

---

26. Подрядъ.

1. Извѣстенъ-ли народу договоръ подряда (т. е. обязательство совершать съ помощью другихъ лицъ за извѣстное вознагражденіе, въ теченіи извѣстнаго времени, какой либо трудъ), и отличаетъ-ли народъ его отъ личнаго найма?
2. Словесно или письменно совершаютъ условія подряда?
3. Имѣетъ-ли мѣсто въ этомъ случаѣ задатокъ?
4. Какія послѣдствія неисполненія договора со стороны подрядчика?
5. Подрядчикъ, не исполнившій своей обязанности въ условленное время и тѣмъ давшій поводъ подрядившему заключать договоръ съ другими лицами, вознаграждается-ли за свои убытки, въ случаѣ если отъ его неисправности нельзя было предполагать какого либо ущерба для нанимателя?
6. Падаетъ-ли на неисправнаго подрядчика отвѣтственность за убытки, причиненные нанимателю неисполненіемъ договора?
7. Для исполненія какихъ именно работъ нанимаютъ подрядчиковъ?
8. Каковы условія относительно срока платы, отвѣтственности той или другой стороны за неисполненіе договора и т. д.?
9. Въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ находится подрядчикъ къ нанятымъ имъ рабочимъ при разнаго рода подрядныхъ работахъ?

10. За неисправную или испорченную работу, кто отвѣчаетъ: подрядчикъ или рабочіе?

11. Какимъ порядкомъ и на какихъ условіяхъ дѣлаются заказы шерстобитамъ, швецамъ, ткачамъ, красильщикамъ холста, овчинникамъ и т. д.?

12. На какихъ условіяхъ отдаютъ дѣтей для обученія ремесламъ?

13. При заказѣ работы ремесленникамъ (шерстобитамъ, овчинникамъ, красильщикамъ) какимъ образомъ удостовѣряются въ дѣйствительной отдачѣ предмета для обработки?

Если для этого употребляются жеребья, то какъ поступаютъ въ случаѣ потери жеребья?

14. Кто отвѣчаетъ за порчу отданнаго для обработки матеріала, какъ вознаграждается хозяинъ его?

27. Довѣренность.

1. Извѣстны-ли у крестьянъ договоръ довѣренности, въ силу котораго довѣритель даетъ формальное полномочіе другому лицу на различныя дѣйствія имущественнаго интереса?

2. Въ какой формѣ совершается договоръ довѣренности: словесно-ли или письменно и съ соблюденіемъ какихъ формальностей?

3. Отвѣтственъ-ли повѣренный за убытки, въ случаѣ невыполненія порученія по своей винѣ, или-же по независящимъ отъ него обстоятельствамъ?

4. Извѣстны-ли въ народномъ быту и пользуются-ли юридической защитой случаи бездоговорнаго веденія чужихъ дѣлъ: напр. если одинъ, не будучи уполномоченъ другимъ, уплатитъ за него долгъ третьему лицу, то имѣетъ-ли онъ—уплатившій, право требовать возмѣщенія сдѣланнаго имъ расхода?

28. Поклажа.

1. Извѣстна-ли въ данной мѣстности *поклажа*, т. е. отдача вещей на сохраненіе впредь до востребованія?

Каковы виды поклажи (напр. ссыпка хлѣба въ чужой амбаръ, поставка хлѣба на чужомъ гумнѣ, отдача общинѣ на сохраненіе вещей погорѣльцевъ)?

2. Въ какой формѣ совершается договоръ поклажи: письменной (копіи), словесной; употребляются-ли бирки, жеребки?

3. Позволяется-ли поклажепринимателю пользованье данной ему на храненіе вещью?

4. Заключаются-ли условія относительно вознагражденія лица, принимающаго вещи на сохраненіе?

5. Чѣмъ обезпечивается договоръ поклажи?

6. Въ какомъ случаѣ принимающій на сохраненіе отвѣчаетъ за порчу или истребленіе вещи?

7. Освобождается-ли поклажеприниматель отъ отвѣтственности за пропажу данной ему на сохраненіе вещи, если причиной пропажи было или обстоятельство не зависящее отъ поклажепринимателя или неосторожность?

8. Какія формальности въ этомъ случаѣ требуетъ обычай для доказательства, что вещь дѣйствительно потеряна поклажепринимателемъ?

29. Артели.

а) Общія замѣчанія.

1. Извѣстны-ли въ данной мѣстности слова: артель, товарищество, ватага, дружина, котляна, стая, валка, партія, купа, кругъ, шайка и т. п. и какое значеніе придается имъ?

2. Какіе виды артели встрѣчаются въ данной мѣстности?

3. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности артели, въ которыхъ сырой матеріалъ для работы пріобрѣтается на общій счетъ всѣхъ членовъ артели, обработка-же этого сырого матеріала совершается каждымъ членомъ отдѣльно, такъ что выработанные каждымъ членомъ предметы поступаютъ въ его частную собственность?

4. Встрѣчается-ли, что артель устраивается для общаго пользованья какимъ-нибудь заведеніемъ, машиною, зданіемъ, судномъ и т. д., напр. артели половыхъ, берущія въ аренду трактиры?

5. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности артели, организующіяся для производства какого-нибудь промысла, напр. артели охотничьи, рыболовныя, земледѣльческія, для добыванія соли, каменнаго угля, для отысканія и разработки золотыхъ пріисковъ, для тесанія камня, для сыроваренія, смолокуренія, для плотничьяго промысла, артели столярныя, бочарныя, барочныя, конопатныя, каменьщичьи, глинобитностроительныя, малярныя, кузнечныя, слесарныя, сапожныя, шерстобитныя, ткацкія, канатно-веревочныя, льно-трепальныя, крахмало-дѣлательныя, скотобойныя, биржевыя, таможенныя, для переноски тяжестей, для нагрузки судовъ, артели точильщиковъ, дровосѣковъ, пильщиковъ, землекоповъ, парильщиковъ, бурлаковъ, извозщиковъ, пастуховъ, лодочниковъ, артели для содержанія почтовыхъ и земскихъ станцій, для содержанія перевозовъ, мостовъ, для разсчистки дорогъ отъ снѣжныхъ заносовъ и т. п.?

6. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности артели, устраивающіяся для производства мелкой торговли, напр. для торговли игольнымъ товаромъ, тряпьемъ, газетами и т. п.?

7. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что нѣсколько хозяевъ соединяются въ артель для найма и обработки сообща какого-нибудь участка земли?

8. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности артели арестантовъ и заключенныхъ, нищихъ, конокрадовъ, музыкантовъ и т. п.?

9. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности артели потребительныя (харчевыя) т. е. артели для общаго пользованья столомъ, одеждой, помѣщеніемъ, кормомъ скота и т. п.?

10. Составляются-ли въ данной мѣстности артели для взаимной помощи на случай болѣзни, увѣчій и несчастій?

11. Составляются-ли въ данной мѣстности артели съ цѣлью страхованья или охраны имущества и зданій другъ друга отъ огня, скота отъ падежа, полей отъ градобитія?

12. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что артели преслѣдуютъ не одну какую-нибудь изъ вышеприведенныхъ цѣлей, а сразу нѣсколько изъ нихъ, такъ называемыя артели смѣшанныя?

Какіе виды артелей данной мѣстности составляются и занимаются промысломъ самостоятельно, и какія—составляются для найма въ работу къ хозяину или подрядчику?

13. Какія изъ перечисленныхъ артелей собираются для производства работы или промысла на мѣстѣ и какія для производства работы или промысла на сторонѣ?

14. Не ходятъ-ли крестьяне артелями на заработки, и на какихъ основаніяхъ?

15. Сколько членовъ входятъ въ каждую изъ встрѣчающихся въ данной мѣстности артелей?

16. Живутъ-ли члены данной артели въ общемъ помѣщеніи, или каждый членъ артели долженъ искать себѣ отдѣльно мѣсто жительства?

17. Встрѣчается-ли, что образовавшаяся артель не раньше начинаетъ жить вмѣстѣ на общій счетъ, какъ по полученіи работы; тогда какъ до работы члены артели, хотя вполнѣ организованной, живутъ каждый отдѣльно на свой счетъ?

б) Возникновеніе артели.

1. Въ какое время года и на какой срокъ обыкновенно организуется данный видъ артели?

2. Какими формальностями сопровождается возникновеніе артели?

3. Соблюденіе извѣстныхъ формальностей составляетъ-ли необходимое условіе для возникновенія данной артели?

4. Заключается-ли артельный договоръ словесно или письменно?

5. Въ какихъ случаяхъ артельный договоръ облекается въ письменную форму?

6. Въ случаяхъ, когда артельный договоръ заключается словесно, требуется-ли, для скрѣпленія его, соблюденія извѣстныхъ обрядовъ, (напр. договаривающіеся садятся одновременно на лавку, потомъ встаютъ крестясь, молятся вмѣстѣ и подаютъ другъ другу руки)?

7. Если охота ведется не ружьями, а лѣсными снарядами, (ловушками и т. п.), не вступаетъ-ли въ силу условіе на счетъ общаго промысла не раньше, чѣмъ всѣ участвующіе въ охотѣ выставили свои снаряды?

8. Не сопровождается-ли заключеніе договора угощеніемъ, которое члены нововозникшей артели устраиваютъ на общій счетъ или на счетъ менѣе опытныхъ лицъ, желающихъ поступить въ артель?

9. Кому принадлежитъ починъ въ организаціи той или другой артели въ данной мѣстности (т. е. организуется-ли артель правительствомъ, сельскимъ сходомъ или частными лицами)?

10. Въ артеляхъ, организуемыхъ по почину третьихъ лицъ, имѣютъ-ли члены ея право принимать сами новыхъ членовъ, желающихъ вступить въ артель?

11. Какія цѣли преслѣдуетъ сельское общество, организуя артель (напр. міръ составляетъ иногда артель изъ лицъ, за которыми имѣются недоимки съ тѣмъ, чтобы заработанныя артелью деньги поступили бы въ уплату недоимокъ,?

12. Встрѣчается-ли, что сельское общество организуетъ артель съ тѣмъ, чтобы добытое артелью поступило въ общее пользованье всего общества?

13. Вызываются-ли въ этомъ случаѣ въ члены артели только желающіе поступить въ нее, или общество назначаетъ ихъ само (напр. по одному человѣку съ извѣстнаго числа душъ)?

14. Если въ данной мѣстности рыбныя мѣста

принадлежатъ нѣсколькимъ деревнямъ, которыя всѣ организуютъ отдѣльно артели для ловли, то какъ дѣлятъ онѣ между собой рыбные участки; пользуется-ли артель доставшимся на каждую деревню участкомъ въ продолженіе всего времени ловли, или артели черезъ извѣстный промежутокъ времени мѣняются мѣстами?

15. Какіе виды артелей организуются въ данной мѣстности по почину частныхъ лицъ?

16. Въ какихъ видахъ артелей частныя лица, организующія ихъ, вступаютъ сами въ члены артели и въ какихъ нѣтъ?

17. Встрѣчается-ли, что нѣсколько зажиточныхъ лицъ складываются въ артель, покупаютъ всѣ необходимыя орудія производства, но сами на промыселъ не отправляются, а нанимаютъ отъ себя рабочихъ, которые участія въ дѣлежѣ добычи не имѣютъ, но получаютъ условленную плату деньгами?

18. Встрѣчается-ли, что подрядчики набираютъ въ какой-нибудь волости рабочихъ, плотниковъ, землекоповъ, обязуются имъ платить извѣстную сумму въ годъ и отправляются съ ними работать, причемъ эти рабочіе, составляя артель, управляются подрядчикомъ, получаютъ отъ него харчи, но не участвуютъ ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ предпріятія?

19. Встрѣчается-ли, что подрядчики, набравши такую артель, сдаютъ ее другому подрядчику, имѣющему болѣе обширные подряды, на извѣстный срокъ, а сами становятся по отношенію къ нему въ качествѣ работниковъ?

20. Какимъ способомъ лицо, организующее артель, набираетъ членовъ для своей артели; (такъ напр. лицо, набирающее артель, ѣздитъ иногда изъ деревни въ деревню и нанимаетъ рабочихъ, приказывая имъ явиться къ извѣстному сроку и объявляя каждому изъ нихъ условія, на которыхъ набирается артель)?

21. Встрѣчается-ли, что артели, образующіяся для производства какого-нибудь промысла (напр. съ цѣлью отысканія и разработки золотыхъ розсыпей), не объявляютъ открыто, что промыселъ будетъ совершаться артелью, а входятъ въ соглашеніе съ третьимъ лицомъ, которое, не участвуя въ артели ни капиталомъ ни трудомъ, соглашается, за уступку большаго пая въ заработкѣ артели, объявить, что работа производится имъ?

22. Соблюдаются-ли артелью какія-нибудь формальности передъ началомъ промысла; какъ напр. въ рыболовныхъ артеляхъ существуетъ обычай, по которому передъ началомъ лова всѣ члены артели бросаютъ въ сѣть куски хлѣба: немного погодя они вынимаются старостой («еровшикомъ»), который и раздаетъ ихъ сидящимъ вокругъ сѣти членамъ артели, которые съѣдаютъ ихъ осѣнившись крестнымъ знаменемъ?

23. Встрѣчается-ли въ рыболовныхъ артеляхъ слѣдующій обычай для опредѣленія, какой артели должно ловить въ томъ или другомъ мѣстѣ рѣки: всѣ артели собираются съ своими лодками въ опредѣленный день къ извѣстному мѣсту; когда всѣ артели собрались, всѣ выходятъ на берегъ, молятся, затѣмъ бросаются къ своимъ лодкамъ и стараются первыми захватить излюбленныя данной артелью мѣста, подлѣ которыхъ и вбиваются колья; послѣ чего другая артель, кромѣ захватившей это мѣсто, не имѣетъ права ловить на немъ?

24. Встрѣчается-ли, что нѣсколько артелей, преслѣдующія одинаковыя цѣли, соединяются въ одну?

25. Какое названіе носятъ артели, образовавшіяся изъ соединенія нѣсколькихъ меньшихъ артелей?

26. Если нѣсколько артелей встрѣтятся въ одномъ и томъ-же промысловомъ мѣстѣ, то требуется-ли обычаемъ, чтобы онѣ соединились въ одну артель или допускается, чтобы каждая артель вела свой промыселъ особо?

27. Какими формальностями обставлено соединеніе нѣсколькихъ мелкихъ артелей въ одну?

28. Существуетъ-ли обычай, по которому охотники, встрѣтившись случайно другъ съ другомъ у стада звѣрей, образуютъ безъ предварительныхъ условій артель: они стрѣляютъ одинъ за другимъ и убитыя животныя считаются общей добычей и дѣлятся поровну не взирая на то, чьими выстрѣлами животныя были убиты?

29. При соединеніи нѣсколькихъ артелей, соединяютъ-ли онѣ и свои припасы или каждая артель сохраняетъ свои съѣстные припасы особо и готовитъ кушанья отдѣльно?

30. Встрѣчается-ли, что рыболовныя артели, промышляющія отъ разныхъ хозяевъ, соединяются вмѣстѣ для ловли мелкихъ рыбъ («наживки») на слѣдующихъ основаніяхъ: каждая изъ соединившихся артелей идетъ по очереди на ловлю мелкой рыбы и дѣлитъ добычу между всѣми артелями; остальныя-же артели въ это время ловятъ, каждая отдѣльно отъ другой, крупную рыбу и уступаютъ каждая извѣстную долю своей добычи той артели, которая въ данный день занималась ловлей мелкой рыбы?

31. Встрѣчается-ли въ рыболовныхъ артеляхъ, что, производя ловлю крупной рыбы отдѣльно другъ отъ друга, для ловли мелкой рыбы («наживки») артели образуютъ изъ соединенія нѣсколькихъ своихъ членовъ новую артель, которая, наловивъ мелкой рыбы, дѣлитъ ее между артелями, выславшими на эту ловлю своихъ членовъ?

в) Личный составъ артели.

1. Какія названія придаются членамъ артели? напр.: артельщики, покрученники, уженщики, пайщики, ватажане и т. п.?

2. Не предпочитаетъ-ли артель набирать своихъ членовъ изъ жителей одной мѣстности (деревни, волости или уѣзда)?

3. Принимаются-ли при образованіи артели въ члены и женщины?

4. Принимаются-ли въ члены рыболовной артели, орудія производства которой доставляются членами ея, одинокія женщины, которыя, не будучи въ состояніи участвовать въ работахъ личнымъ трудомъ, доставляютъ однако артели требуемую отъ члена артели долю въ орудіяхъ производства (напр. опредѣленное количество саженей сѣти)?

5. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что нѣкоторые виды артелей, образуются исключительно замужними женщинами или исключительно дѣвушками?

Какія цѣли преслѣдуютъ женскія артели?

6. Въ какихъ видахъ артелей данной мѣстности всѣ члены считаются равноправными и въ какихъ дѣлается различіе между полноправными и неполноправными членами?

Чѣмъ обусловливается это различіе между полноправными и неполноправными членами артели?

7. Въ какихъ видахъ артелей данной мѣстности требуется для поступленія въ артель взноса извѣстной суммы денегъ или извѣстнаго количества предметовъ (напр. снарядовъ для ловли и т. п.)?

Какъ называется такой взносъ (напр. вкупъ и т. п.)?

8. Считается-ли лицо, или вовсе невнесшее въ артель опредѣленнаго капитала или внесшее только часть капитала, неполноправнымъ членомъ артели?

9. Встрѣчается-ли, что лицо, опытное въ промыслѣ, для котораго собралась артель, принимается полноправнымъ членомъ ея, хотя-бы оно и не имѣло денегъ для взноса въ артель на покупку необходимыхъ орудій производства?

10. Считаются-ли неполноправными членами артели тѣ, которые не пріобрѣли еще достаточной опытности въ трудѣ или лица, почему-либо неспособныя къ физическому труду?

11. Какъ называются неполноправные члены артели?

12. Каково положеніе въ артели неполноправныхъ членовъ ея?

13. Встрѣчается-ли, что артель принимаетъ къ себѣ и несовершеннолѣтнихъ («мальчиковъ», «зуекъ»)?

14. Съ какого возраста принимаются мальчики въ артель?

15. Беретъ-ли артель извѣстную сумму съ родителей мальчика за принятіе его въ артель?

16. Соразмѣряется-ли размѣръ этой суммы съ возрастомъ мальчика (напр. чѣмъ меньше мальчикъ, тѣмъ сумма больше)?

17. Чѣмъ мотивируетъ артель требованье платы за пріемъ мальчика?

Какъ велика эта плата и какъ она называется?

18. Каково положеніе мальчиковъ въ артели?

19. При раздѣлѣ пищи за обѣдомъ между членами артели не дѣлается-ли прибавки пищи мальчикамъ?

20. До какого возраста поступившій въ артель мальчикъ лишенъ права сдѣлаться полноправнымъ членомъ артели?

21. Въ артеляхъ, въ которыхъ для поступленія въ полноправные члены требуется внесенія извѣстной суммы, не освобождаются-ли мальчики отъ внесенія ея при переходѣ въ полноправные члены артели?

22. Встрѣчается-ли, что артель нанимаетъ себѣ на подмогу рабочихъ (срочныхъ или постоянныхъ); ихъ положеніе въ артели; ихъ вознагражденіе?

23. Если артель нанимаетъ рабочихъ за извѣстную плату, дѣлаетъ-ли она различіе въ размѣрѣ этой платы, смотря по тому, нанятъ-ли въ качествѣ рабочаго мужчина или женщина?

24. Встрѣчаются-ли случаи, что артель выбираетъ себѣ членовъ изъ числа своихъ рабочихъ?

г) *Имущество Артели.*

1. Имѣетъ-ли данная артель общее имущество?

2. Изъ чего состоитъ имущество артели (изъ денегъ-ли или изъ орудій призводства и т. п.)?

3. Если артель организуется по инціативѣ сельскаго схода, причемъ. требуется, чтобы каждый членъ артели, внесъ извѣстное количество орудій производства, то опредѣляется-ли размѣръ этого взноса одинаковымъ для всѣхъ членовъ артели или членъ артели, у котораго въ семьѣ больше душъ, долженъ внести и большее количество орудій производства?

4. Если при образованіи артели требуется, чтобы каждый членъ артели внесъ извѣстное количество орудій производства (напр. въ рыболовныхъ артеляхъ извѣстное число аршинъ сѣтей), и кто нибудь изъ членовъ артели не будетъ въ состояніи внести опредѣленнаго количества, то позволяется-ли ему замѣнить этотъ взносъ орудій производства взносомъ какихъ либо другихъ предметовъ?

5. Принадлежитъ-ли звѣрь (напр. въ артеляхъ охотничьихъ), убитый однимъ изъ членовъ артели безъ помощи другихъ, убившему или всей артели?

6. Считаются-ли собственностью артели предметы, выброшенные на берегъ или прибитые къ берегу, на которомъ артель производитъ ловъ?

7. Если одинъ изъ членовъ артели для ловли морскихъ звѣрей найдетъ выброшеннаго на берегъ или на подводную мель поколѣвшаго звѣря, обязанъ-ли онъ отдать найденнаго имъ звѣря въ общую артельную добычу, или онъ получаетъ его въ свою частную собственность?

8. Если члену артели будетъ сдѣланъ треть-

нимъ лицомъ подарокъ, обязанъ-ли онъ отдать его въ общее артельное имущество?

9. Существуютъ-ли въ данной мѣстности артели, въ которыхъ отъ членовъ требуютъ внесенія ежегодно извѣстной суммы, какъ обезпеченіе исправности члена въ работѣ?

Какъ называется такой взносъ?

10. Имѣетъ-ли артель право располагать по своему произволу суммой, составленной изъ такихъ ежегодныхъ взносовъ?

11. Позволяется-ли членамъ артели брать до раздѣла заработковъ деньги изъ артельной кассы на свои личныя нужды (напр. на одежду, для отсылки на родину и т. п.)?

12. Въ артеляхъ, въ которыхъ членамъ позволяется брать изъ артельной кассы деньги на свои личныя нужды, позволяется-ли старостѣ брать больше сравнительно съ остальными артельщиками?

13. Въ артеляхъ для содержанія почтовыхъ станцій пріобрѣтаются-ли всѣ необходимыя для дѣла принадлежности на общій счетъ артели, или-же нѣкоторыя принадлежности поставляются по очереди каждымъ изъ членовъ?

д) Управленіе дѣлами артели.

1. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности виды артелей, въ которыхъ не существуетъ распорядителей?

2. Сколько распорядителей избирается въ данной артели и на какой срокъ?

Какъ называются эти распорядители (староста, ватаманъ, атаманъ, отаманъ, большакъ, еровщикъ, десятскій, кормщикъ, сотскій—для означенія главы артели; для помощника его—осаулъ; кашеваръ, кухарь—для повара и т. п.)?

3. Встрѣчается-ли, что артель избираетъ извѣстное число распорядителей, надѣляя ихъ всѣхъ равными правами?

4. Дается-ли старостѣ право завѣдыванья какъ внѣшними такъ и внутренними дѣлами артели, или для завѣдыванья внѣшними дѣлами избирается одинъ распорядитель, а для завѣдыванья внутренними дѣлами—другой?

5. Въ рыболовныхъ артеляхъ, избираются-ли два старосты (ватамана): одинъ для управленія дѣйствіями артели во время рыбной ловли; другой—для продажи пойманной рыбы (береговой ватаманъ)?

6. Имѣетъ-ли право членъ артели, выбранный старостой, отказаться отъ принятія на себя исполненія этой должности?

Не взимается-ли съ него за такой отказъ штрафа?

7. Дѣлается-ли при этомъ различіе, смотря по тому, избранъ-ли членъ артели старостой въ первый разъ, или онъ уже исполнялъ эту должность?

8. Въ тѣхъ случаяхъ, когда артель избираетъ нѣсколькихъ распорядителей, не составляютъ-ли эти распорядители коллегіальнаго учрежденія, которое распредѣляетъ работы между членами артели и является представителемъ артели?

9. На какой срокъ избирается артельный староста?

10. Если нѣсколько артелей соединяются въ одну, то кому поручается управленіе въ производствѣ промысла; совѣту-ли всѣхъ главъ артелей или одному изъ нихъ?

11. Не избирается-ли глава артели тѣмъ лицомъ, которое или само набираетъ членовъ артели или даетъ ей въ пользованье орудія производства промысла?

12. Встрѣчается-ли, что предприниматель, составляя артель, сохраняетъ за собой права распорядителя и представителя артели?

13. Не относятся-ли члены артели недружелюбно къ такимъ самоизбраннымъ распорядителямъ?

Бываютъ-ли случаи, что члены артели, недовольные такимъ распорядителемъ или замѣтивъ ихъ въ недобросовѣстности, мѣняютъ ихъ и избираютъ распорядителей изъ своей среды?

14. Если артель снаряжена на счетъ нѣсколькихъ третьихъ лицъ, участвующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ производствѣ промысла, то кому изъ нихъ принадлежитъ право управленія артелью?

15. Встрѣчается-ли, что артель ставитъ подъ свой контроль лицъ, назначенныхъ хозяевами распорядителями работъ, («десятниковъ») въ отношеніи покупки провіанта, посылая своего «посыльнаго» съ «десятниками» на рынокъ и заставляя посыльнаго провѣрять расходные счеты?

16. Собираются-ли члены артели въ общее собраніе черезъ извѣстный періодъ времени; дается-ли право старостѣ созывать собраніе въ экстренныхъ случаяхъ; принадлежитъ-ли это право и каждому изъ членовъ артели; требуется-ли для собранія присутствіе извѣстнаго числа членовъ; кому принадлежитъ право предсѣдательства?

17. Какъ рѣшаются дѣла: единогласно-ли или по большинству голосовъ; если по большинству, то въ какихъ случаяхъ считается достаточнымъ простое большинство и въ какихъ случаяхъ считается необходимымъ $^2/_3$ голосовъ?

18. Вмѣняется-ли членамъ артели въ обязанность участвовать на общихъ собраніяхъ?

Подвергается-ли взысканію членъ артели, уклоняющійся отъ участія въ управленіи дѣлами артели?

19. Пользуются-ли всѣ члены артели правомъ голоса въ собраніи, или этого права лишены нѣкоторые изъ членовъ, напр. малолѣтніе или пробывшіе въ артели менѣе установленнаго срока?

20. Дѣлается-ли различіе между полнымъ и неполнымъ собраніемъ членовъ артели?

21. Производится-ли избраніе распорядителей въ общемъ собраніи членовъ артели и требуется-ли для дѣйствительности выборовъ присутствіе опредѣленнаго числа членовъ (напр. не менѣе половины всего числа)?

22. Избираются-ли въ данной артели особыя лица для исполненія спеціальныхъ обязанностей (напр. поваръ, писарь, кассиръ, бухгалтеръ, и т. п.); какое вознагражденіе получаютъ они?

Установленъ-ли надъ ними контроль?

23. Требуется-ли въ артеляхъ, устраиваемыхъ по иніціативѣ правительства, сельскаго схода или частнаго лица, чтобы избранные артелью распорядители утверждались тѣми, по иніціативѣ которыхъ составилась артель?

24. Какими соображеніями руководствуется артель при избраніи въ число распорядителей того или другаго лица?

25. Имѣетъ-ли обыкновеніе данная артель избирать въ распорядители наиболѣе состоятельныхъ изъ своихъ членовъ?

26. Могутъ-ли лица, не принадлежащія къ числу членовъ артели, быть избраны въ распорядители?

27. Не существуетъ-ли въ данной артели запрещенія, по которому два брата не могутъ быть въ одно и то же время избраны въ распорядителя?

28. Избираются-ли распорядители, занимающіе должности ниже главнаго распорядителя (старосты), самой артелью, или они назначаются старостой?

29. Встрѣчаются-ли артели, въ которыхъ всѣ члены по очереди исполняютъ должность старосты?

30. Имѣетъ-ли въ этомъ случаѣ артель право отступать отъ очереди, обходя очереднаго старосту и замѣщая его другимъ?

31. Кто распоряжается работами артели?

32. Дается-ли артельному старостѣ право подвергать наказанію члена артели за нарушеніе послѣднимъ своей обязанности?

33. Требуется-ли, чтобы артельный староста, налагая наказаніе на виновнаго, доложилъ объ этомъ собранію членовъ артели?

34. Дается-ли подвергаемому наказанію право перенести дѣло на рѣшеніе всѣхъ членовъ артели, если онъ не доволенъ рѣшеніемъ старосты?

35. Встрѣчаются-ли артели, въ которыхъ староста можетъ подвергать наказанію или выговору виновнаго члена не иначе, какъ по порученію артели?

36. Дается-ли артельному старостѣ право исключать по своему усмотрѣнію изъ артели дурноработающаго члена?

37. Подвергается-ли артельный староста наказанію за дурное обращеніе съ членами артели, а также за послабленіе дурно-работающимъ членамъ ея?

38. Подлежитъ-ли староста отвѣтственности передъ артелью, если вслѣдствіе несвоевременнаго распоряженія его артель потерпитъ убытокъ?

39. Завѣдуетъ-ли староста имуществомъ артели. (Кто хранитъ артельный капиталъ, ведетъ счеты, получаетъ отъ хозяевъ плату и т. д.)?

40. Ограниченъ-ли староста въ расходованіи артельныхъ суммъ?

41. Запрещается-ли старостѣ дѣлать закупки безъ согласія артели?

42. Не запрещается-ли старостѣ производить закупки иначе, какъ совмѣстно съ писаремъ или другими артельщиками?

43. Существуютъ-ли артели, въ которыхъ членами опредѣляется цифра, въ предѣлахъ которой староста можетъ расходовать деньги безъ согласія артели?

44. Установленъ-ли какой нибудь контроль надъ дѣйствіями старосты?

45. Въ артеляхъ, въ которыхъ ведутся приходо-расходныя книги, дается-ли каждому изъ членовъ право требовать во всякое время артельныя книги для провѣрки?

46. Не существуетъ-ли у данной артели книгъ, въ которыя сама артель записываетъ свои доходы и расходы, чтобы посредствомъ сравненія своихъ книгъ съ книгами, въ которыя доходы и расходы записываются старостой, имѣть возможность контролировать добросовѣстность старосты?

47. Обязанъ-ли староста время отъ времени давать всей артели отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ?

48. Избирается-ли для провѣрки артельныхъ книгъ комиссія изъ нѣсколькихъ членовъ артели?

49. Подвергается-ли староста отвѣтственности, если въ суммахъ окажется недочетъ?

50. Является-ли староста представителемъ атрели въ сношеніяхъ послѣдней съ третьими лицами?

51. Является-ли староста неограниченнымъ представителемъ артели, или онъ долженъ прежде, чѣмъ предпринять какое-либо дѣйствіе, совѣтоваться или со всей артелью или съ наиболѣе опытными изъ членовъ?

52. Дается-ли старостѣ право безъ согласія артели давать долговыя обязательства отъ имени артели?

53. Дозволяется-ли старостѣ нанимать рабочихъ для артели безъ согласія ея или хотябы и съ согласія ея, но не въ присутствіи ея членовъ?

54. Требуется-ли, чтобы староста артели велъ переговоры съ третьими лицами (напр. нанимателями артели) не иначе, какъ въ присутствіи всей артели или нѣсколькихъ ея членовъ?

55. Является-ли артельный староста представителемъ артели и на судѣ; не даетъ-ли артель довѣренность старостѣ на этотъ случай?

56. Имѣетъ-ли артель право смѣщать раньше срока не угоднаго ей старосту?

57. Въ случаѣ зависимости артели отъ учрежденія или какого-нибудь лица, кому принадлежитъ право смѣщенія артельнаго старосты?

58. Какія вообще бываютъ злоупотребленія со стороны старосты и проч. должностныхъ лицъ?

е) Права членовъ артели.

1. Участвуютъ-ли всѣ члены въ равной степени въ прибыляхъ артели?

2. Если артель состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, причемъ послѣднія участвуютъ въ работахъ наравнѣ съ мужчинами, то не увеличивается-ли, несмотря на это, доля мужчины въ общемъ заработкѣ?

3. Лишается-ли членъ артели заработка, если онъ не являлся на работы вслѣдствіе болѣзни?

4. Встрѣчается-ли, что артель для замѣщенія больнаго артельщика нанимаетъ отъ себя рабочаго и вычитаетъ изъ доли больнаго вознагражденіе даваемое рабочему?

5. Дается-ли больному члену артели право поставить вмѣсто себя рабочаго или работницу въ артель?

Какое вознагражденіе получаетъ такой работникъ или работница?

6. Кто замѣняетъ должностныхъ лицъ артели (старосту, повара, писаря, кассира и т. д.) въ случаѣ неявки послѣднихъ по болѣзни?

7. Каковъ размѣръ заработка данной артели?

8. Совершается-ли дѣлежъ заработка въ опредѣленные сроки или по мѣрѣ накопленія заработка?

9. Встрѣчается-ли что артель часть добычи отдаетъ въ церковь или на богоугодныя заведенія?

10. Существуетъ-ли въ рыболовныхъ артеляхъ обычай, по которому изъ первой уловленной рыбы самую большую отдаютъ на свѣчу въ церковь?

11. Дѣлятъ-ли добычу натурой или сначала продаютъ добычу, а выручку дѣлятъ между членами?

12. Если члены торговой артели, отправляющейся на сторону, несутъ съ собой не одинаковое количество однородныхъ товаровъ, купленныхъ на частныя средства каждаго изъ членовъ, то какъ совершается продажа товаровъ и какъ раздѣлъ выручки: каждый членъ артели можетъ продавать свой товаръ особнякомъ и пользоваться выручкой, какъ своей собственностью, или продажа товара совершается членами артели по очереди, выручка поступаетъ въ артельную кассу, и раздѣлъ совершается послѣ продажи всего товара, причемъ каждый членъ получаетъ долю пропорціонально количеству товаровъ, которое онъ имѣлъ, не взирая на то, былъ-ли проданъ его товаръ за высшую или низшую цѣну сравнительно съ товаромъ другихъ членовъ артели?

13. При раздѣлѣ добычи въ рыболовныхъ артеляхъ, дѣлится-ли вся пойманная за періодъ лова рыба сразу, или дѣлежу подлежитъ каждый особый сортъ рыбы?

14. Какъ дѣлится урожай среди членовъ артели, взявшей въ аренду участокъ земли и общими силами его обработавшей?

15. Не существуетъ-ли обычай, по которому, при дѣлежѣ добычи среди участниковъ въ охотничьей артели, каждый получаетъ только головы убитыхъ имъ звѣрей, остальная-же добыча дѣлится поровну между участниками?

Не получаютъ-ли при дѣлежѣ добычи прибавки старшій и младшій изъ участниковъ?

16. Если нѣсколько артелей, встрѣтившись въ какомъ нибудь промысловомъ мѣстѣ, соединяются въ одну артель, ведутъ промыселъ сообща, то какъ производится между ними дѣлежъ добычи: по окончаніи-ли промысловаго времени вся добыча дѣлится поровну по числу артелей, или дѣлежъ добычи происходитъ послѣ каждой промысловой экскурсіи по числу членовъ, участвовавшихъ отъ каждой артели въ экскурсіи?

17. Какъ опредѣляютъ при раздѣлѣ размѣръ каждаго пая, (напр. при дѣлежѣ рыбы нѣсколько мелкихъ рыбъ идутъ за одну большую; при дѣлежѣ звѣриныхъ шкуръ нѣсколько плохихъ идутъ за одну хорошую и т. п.)?

18. Какъ дѣлится заработокъ въ артеляхъ, которыя берутся обработать извѣстное число десятинъ земли у помѣщика, если плата происходитъ подесятинно: дѣлится-ли заработокъ на равныя части по числу членовъ артели, или плата, приходящаяся за десятину, дѣлится по числу лошадей и рабочихъ, участвовавшихъ въ обработкѣ данной десятины?

19. Встрѣчается-ли, что члены артели дѣлятъ заработки на части только круглыми цифрами, а остатки, получаемые послѣ дѣлежа, употребляютъ съ общаго согласія или на вкладъ въ церковь, или на молебенъ, или на попойку и т. п.?

20. Встрѣчается-ли, что артель при дѣлежѣ заработанныхъ денегъ (если заработанная сумма невелика) не отдаетъ приходящійся на члена артели пай участникамъ въ предпріятіи на руки, а отъ себя употребляетъ эти деньги на уплату податей?

21. Если міръ организуетъ артель, посылая въ нее одного члена съ извѣстнаго числа душъ, дѣлитъ-ли онъ заработки артели по числу душъ, или, раздѣливъ заработокъ сначала по числу рабочихъ, предоставляетъ послѣднимъ самимъ дѣлить свою часть по числу дворовъ, пропорціонально душамъ, находящимся на каждомъ дворѣ?

22. Какую долю въ добычѣ получаетъ хозяинъ, снарядившій на свой счетъ артель, но не принимавшій лично участія въ производствѣ промысла?

23. Какъ опредѣляется размѣръ доли хозяина, не только снарядившаго на свой счетъ артель, но и принимавшаго еще лично участіе въ промыслахъ или какъ глава артели или какъ членъ ея?

24. Если хозяинъ, снарядившій артель, не идетъ самъ на промыслы а передаетъ управленіе своей артелью другому хозяину, который сопровождаетъ свою артель на промыслы, то какъ совершается промыселъ обѣими артелями, какъ дѣлится добыча между ними и какія доли въ добычѣ даются хозяину, снарядившему артель и хозяину, принявшему чужую артель въ свое управленіе?

25. Если артель снаряжена на счетъ нѣсколькихъ третьихъ лицъ, то какъ опредѣляется размѣръ доли каждаго изъ нихъ?

26. Встрѣчается-ли въ рыболовныхъ артеляхъ, что лицу, ссудившему артель деньгами, для покупки орудій лова, позволяется выбирать себѣ отъ каждаго улова извѣстное число лучшихъ рыбъ, которыя не принимаются въ расчетъ при отдачѣ артелью долга?

27. Если въ рыболовныхъ артеляхъ орудія производства (напр. лодка, неводъ и т. д.) добываются не общими силами всѣхъ членовъ, а даются артели въ пользованье только тѣмъ или другимъ членомъ артели, то получаютъ-ли давшіе извѣстную прибавку при раздѣлѣ добычи?

28. Считаются-ли данныя такимъ образомъ орудія производства неприкосновенными въ случаѣ взысканій, падающихъ на артель?

29. Увеличивается-ли размѣръ доли въ прибыли лицамъ, исполняющимъ въ артели особыя обязанности, напр. старостѣ, писарю, повару и т. д.?

30. Каковы размѣры этого увеличенія доли въ прибыли; выражается-ли оно въ увеличеніи пая или въ денежномъ вознагражденіи?

31. Встрѣчается-ли въ рыболовныхъ артеляхъ, снаряжаемыхъ третьими лицами, что старостѣ (ватаману, кормщику), кромѣ опредѣленнаго пая, дается предпринимателемъ еще извѣстная прибавка изъ своей доли?

32. Въ артеляхъ, въ которыхъ всѣ члены участвуютъ въ взносѣ орудій производства, распредѣляется-ли прибыль соотвѣтственно этому участію?

33. Въ рыболовныхъ артеляхъ, въ которыхъ орудія лова доставляются членами артели, увеличивается-ли пай того члена, который доставилъ матицу (мѣшокъ невода), передъ другими членами, которые доставили остальныя части невода?

34. Вліяетъ-ли степень умѣнья, искусства въ работѣ и т. п. членовъ на размѣръ ихъ доли въ прибыляхъ артели?

35. Оказываетъ-ли вліяніе на размѣръ доли каждаго изъ членовъ артели доставленное имъ артели количество продуктовъ труда (напр. въ артеляхъ для рубки лѣса расчетъ доли въ прибыли обусловливается числомъ вырубленныхъ деревьевъ, въ артеляхъ для ловли тюленей—по числу выволоченныхъ каждымъ членомъ животныхъ)?

Какъ опредѣляется въ этомъ случаѣ размѣръ доли хозяина, снарядившаго артель?

36. Въ артеляхъ, въ которыхъ малолѣтніе и вновь поступившіе члены (новики) отличаются въ правахъ отъ полныхъ членовъ артели, какъ опредѣляется доля прибыли этихъ новиковъ и малолѣтнихъ?

37. Дозволяется-ли члену артели взять на себя какую нибудь работу за плату помимо артели? Каковъ въ этомъ случаѣ обычай?

ж) Обязанности членовъ артели.

1. Сколько часовъ въ сутки приходится работать артели?

2. Запрещаетъ-ли артель своимъ членамъ работать въ праздники?

Какое наказаніе влечетъ за собой неисполненіе этого запрещенія?

3. Если артель, какъ напр. рыболовная или охотничья, готовитъ ежедневную пищу изъ части своего промысла, то позволяется-ли идти на промыселъ въ праздники для полученія добычи, необходимой для дневнаго пропитанія артели?

4. Если рыболовная артель, въ которой запрещается ловить рыбу по воскресеньямъ для промысла, но позволяется производить ловъ для дневнаго пропитанія артели, сдѣлаетъ случайно большой уловъ, то не наблюдается-ли обычай, по которому весь остатокъ воскреснаго улова солится на общественный счетъ и посылается въ деревню для раздачи бѣднымъ?

5. Ставится-ли членамъ артели въ непремѣнную обязанность повиноваться распоряженіямъ старосты; какому взысканію подвергается членъ артели, неисполняющій приказаній старосты?

6. Какому взысканію подвергается членъ артели за нерадѣніе, лѣность, небрежное отношеніе къ дѣлу, за явку на работы въ нетрезвомъ видѣ и т. п.?

7. Какое наказаніе налагается на члена артели за ссору или драку съ другимъ членомъ артели?

8. Какому наказанію подвергается членъ артели за сварливость вообще?

9. Какія послѣдствія навлекаетъ на себя членъ артели, виновный въ утайкѣ или необъявленіи артели проступка кого нибудь изъ членовъ, а также и въ попрекавіи члена артели прежней виной?

10. Имѣетъ-ли данная артель общую трапезу?

Если артель, работаетъ не далеко отъ селеній, въ которыхъ живутъ семьи членовъ артели,—происходитъ-ли продовольствіе каждаго изъ членовъ артели отдѣльно, въ своей семьѣ, или и въ этомъ случаѣ требуется,

чтобы у членовъ артели харчи были общіе и закупались на счетъ всѣхъ членовъ артели?

Примѣчаніе. Встрѣчается-ли, что, если артель работаетъ вблизи селенія, въ которомъ живутъ семьи членовъ артели, каждый изъ членовъ, по установленной очереди, кормитъ артель у себя въ домѣ, на свой счетъ, въ продолженіе всего періода работъ?

Какому наказанію подвергается членъ артели, если онъ будетъ кормить артель дурной пищей?

11. Обязаны-ли члены артели сходиться къ общей трапезѣ?

Нѣтъ-ли особыхъ праздниковъ у артелей (напр. 30-го октября, праздникъ Иртышскихъ рыболововъ) и обычаевъ и обрядовъ (напр. рыбаки угощаютъ водяного чужою лошадью, утопляя послѣднюю, съ приговорами и т. п.)?

Какое наказаніе навлекаетъ на себя членъ артели за уклоненіе отъ участія въ этихъ празднествахъ?

Какія послѣдствія влечетъ за собой неявка члена артели къ трапезѣ?

12. Считается-ли проступкомъ, если членъ артели, имѣющей общую трапезу, съѣстъ что нибудь тайно отъ своихъ товарищей?

Какія послѣдствія влечетъ за собой для виновнаго подобный проступокъ?

13. Существуетъ-ли въ рыболовныхъ артеляхъ обычай, по которому всѣ члены артели должны употреблять особыя выраженія для названія нѣкоторыхъ предметовъ (напр. избу называть теплухой, озеро — лужею, зайца — лѣснымъ барашкомъ, неводъ—румагой, и т. п.)? Чѣмъ мотивируютъ этотъ обычай?

Какое наказаніе влечетъ за собой нарушеніе этого обычая?

14. Дозволяется-ли главѣ артели, готовить себѣ особую пищу отъ членовъ артели, или онъ обязанъ ѣсть ту-же пищу и въ равной долѣ съ простыми членами артели?

Какому взысканію подвергается староста за неисполненіе этого правила?

15. Какое наказаніе налагается на повара за дурное приготовленіе кушанья?

16. Какимъ способомъ рѣшаются споры, возникающіе въ средѣ членовъ артели: посредствомъ-ли выборныхъ, или артельнымъ сходомъ?

17. Въ какихъ случаяхъ налагаются на члена артели денежные штрафы?

18. Каковы размѣры штрафовъ и установлена-ли цифра, выше которой штрафъ не можетъ быть налагаемъ?

19. Существуетъ-ли постановленіе, по которому членъ артели, подвергшійся штрафу извѣстное число разъ, исключается изъ артели?

20. Присуждается-ли виновный къ штрафу по опредѣленію артели или по опредѣленію старосты?

21. Извѣщается-ли хозяинъ, у котораго работаетъ артель о томъ, что виновный членъ подвергся штрафу и дается-ли хозяину право увеличить или уменьшить размѣръ штрафа или даже освободить виновнаго отъ платежа штрафа?

22. Какому взысканію подвергается членъ артели за небрежное отношеніе къ артельному имуществу, порчу, кражу и растрату его?

23. Сообразуются-ли въ этихъ случаяхъ при наложеніи наказанія съ количествомъ нанесеннаго членомъ вреда всей артели?

24. Въ тѣхъ случаяхъ, когда артель отвѣчаетъ передъ третьимъ лицомъ за причиненные ему убытки однимъ изъ членовъ, требуетъ-ли она съ виновнаго возврата уплаченной за него суммы?

25. Какіе взносы долженъ дѣлать членъ артели при образованіи артели, при вступленіи въ артель и во время нахожденія въ переходномъ состояніи отъ новика до полнаго члена артели?

26. Каковы виды и размѣры этихъ взносовъ? Опредѣленъ-ли ихъ размѣръ разъ навсегда, или онъ измѣняется подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, напр. числа членовъ артели? Допускается-ли разсрочка въ взносахъ; на какой срокъ она допускается, и какія послѣдствія влечетъ за собой?

27. Требуется-ли, чтобы одинъ изъ членовъ артели поручился передъ артелью, что всѣ взносы будутъ уплачены артели вновь поступающимъ?

28. Требуется-ли, чтобы вновь поступающій внесъ извѣстную сумму: въ артельный капиталъ, на угощеніе членовъ артели, на обзаведеніе артели, на богоугодныя заведенія?

29. Какія послѣдствія влечетъ за собой неуплата къ сроку взноса членомъ артели?

30. Обязаны-ли члены артели собираться ежедневно передъ началомъ работъ всѣ вмѣстѣ, для того, чтобы староста могъ распредѣлить работы и видѣть, кто опоздалъ и неявился на работы?

31. Гдѣ происходитъ это ежедневное собраніе членовъ артели?

32. Отмѣчаетъ-ли староста имена членовъ артели, не явившихся на работу?

33. Считается-ли болѣзнь уважительной причиной неявки?

34. Не посылаются-ли, въ случаѣ неявки члена артели подъ предлогомъ болѣзни, нѣсколько человѣкъ изъ артели для удостовѣренія дѣйствительно-ли болѣнъ неявившійся?

35. Обязаны-ли члены артели ходить за больнымъ товарищемъ?

На кого падаютъ расходы по лѣченію: на самого-ли больнаго или на артель?

36. Какія послѣдствія влечетъ за собой неявка для уличеннаго въ мнимой болѣзни?

37. Считаются-ли домашнія обстоятельства уважительной причиной для неявки на работы?

38. Сколько времени дозволяется члену пробыть въ отлучкѣ; дѣлается-ли при этомъ различіе между членомъ артели и новикомъ?

39. Какія послѣдствія влечетъ за собой

кратковременная и долгая неявка на работы члена артели или новика по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ?

40. Различаетъ-ли артель причины болѣзни члена артели напр. болѣзнь не по винѣ члена артели, и болѣзнь, причиной которой является пьянство, распутная жизнь и т. п.?

Какъ опредѣляется доля больнаго въ заработкахъ въ томъ и другомъ случаѣ?

41. Долженъ-ли членъ артели брать отпускъ, въ случаѣ невозможности являться на работы; кто даетъ ему этотъ отпускъ, староста-ли или артельный сходъ?

42. Участвуетъ-ли членъ артели, находящійся въ отлучкѣ, въ раздѣлѣ заработковъ, и несетъ-ли онъ отвѣтственность за дѣйствія артели?

43. Сохраняетъ-ли артель право требовать во всякое время члена, находящагося въ отлучкѣ, обратно къ работамъ?

44. Установленъ-ли извѣстный срокъ, до истеченія котораго отписавшійся отъ работъ членъ артели не можетъ снова приписаться къ работамъ?

45. Случается-ли, что артель въ видѣ наказанія запрещаетъ неисправному члену являться на работы и лишаетъ его заработковъ за пропущенное время?

46. На какой срокъ исключаетъ артель не исправнаго члена отъ участія въ работахъ, и существуетъ-ли предѣлъ, дольше котораго артель не можетъ запрещать ему являться на работы?

47. Считается-ли выборъ на общественную должность причиной уважительной для неявки на работы?

48. Имѣетъ-ли право членъ, выбранный на общественную должность, поставить, съ согласія артели, другаго работника за себя?

49. Какія послѣдствія для члена артели влечетъ за собой привлеченіе его къ исполненію воинской повинности?

50. Какія послѣдствія влечетъ за собой неявка члена артели на работы безъ уважительной причины?

з) Договоры заключаемые артелью:

1. Заключаетъ-ли артель договоры съ третьими лицами словесно или письменно?

2. Заключаются-ли договоры артели съ третьими лицами непосредственно самой артелью или представителями ея, напр. старостами?

3. Требуется-ли для заключенія старостой договора отъ имени артели спеціальное на то отъ артели полномочіе?

4. Встрѣчается-ли, что артель, образовавшаяся для какого-нибудь предпріятія, даетъ выбранному ею старостѣ или какому нибудь изъ членовъ формальную довѣренность торговаться и заключать контрактъ, обязываясь признать дѣйствія такого уполномоченнаго правильными, на какихъ-бы условіяхъ онъ не заключилъ контрактъ?

5. Встрѣчается ли въ рыболовныхъ артеляхъ, что предприниматель рядится относительно вознагражденія только со старостою (атаманомъ, кормщикомъ); остальные-же члены артели получаютъ долю твердо установленную обычаемъ?

6. Встрѣчается-ли, что рыболовная артель заключаетъ съ третьимъ лицомъ договоръ, по которому это лицо или даетъ извѣстную сумму денегъ артели, или выплачиваетъ за артельщиковъ подати, а члены артели обязуются за это доставлять ему рыбу по извѣстной цѣнѣ, до погашенія долга или въ продолженіе извѣстнаго періода времени (напр. отъ Благовѣщенія до Петрова дня)?

7. Какъ поступаютъ, если выловленная рыба за весь промысловый періодъ не погаситъ долга?

8. На какихъ условіяхъ берутъ артели земельные участки въ аренду: за опредѣленную ли сумму денегъ или на условіяхъ отдачи владѣльцу арендуемаго участка извѣстной доли урожая, или наконецъ на условіяхъ распашки владѣльцу извѣстнаго количества десятинъ земли?

Дѣлается-ли въ послѣднемъ случаѣ различіе, смотря по тому, досталась-ли артели земля бывшая прежде въ обработкѣ или цѣльная?

9. Кто даетъ артели, берущей въ аренду участокъ земли для обработки его, сѣмена, орудія производства и рабочій скотъ?

10. Если артель нанимается для работы третьимъ лицомъ, кто выправляетъ бумаги, необходимыя для производства работы артелью: сама-ли артель или наниматель (напр. выправляетъ-ли сама артель для рубки лѣса или наниматель ея порубочные билеты)?

11. Въ случаяхъ, когда артель нанимается постороннимъ лицемъ для производства какого нибудь промысла или какой-либо работы, обязанъ-ли наниматель давать артели харчи, орудія производства и одежду (всю или нѣкоторыя части ея)?

12. Въ случаяхъ, когда наниматель даетъ артели харчи, орудія производства или одежду, вычитаетъ-ли онъ расходы на это изъ платы, которую онъ долженъ дать артели за производство ею работы?

13. Кто и на чей счетъ строитъ помѣщенія для членовъ артели, если артель работаетъ вдали отъ селеній?

14. Если промыселъ, для котораго нанимается артель, производится далеко отъ мѣстности, въ которой живутъ члены артели, то беретъ-ли предприниматель дорожные расходы артели на себя, или артель совершаетъ путь на свой счетъ?

15. Существуетъ-ли обыкновеніе давать артели, подряженной на работы, извѣстный задатокъ?

16. Встрѣчается-ли, что подрядившій артель

даетъ ей задатокъ только въ части работы и затѣмъ дѣлаетъ прибавку при продолженіи работы, напр. артели для производства кирпича задатокъ дается до начала работы, а прибавка дѣлается при вырѣзкѣ всего количества кирпича?

17. Не заключаетъ-ли артель для сплава лѣса особаго договора съ нанимателемъ на тотъ случай, если гонка плотовъ будетъ чѣмъ нибудь задержана: такъ напр. если нанимателемъ является лицо или компанія, имѣющая заводы, то не заключаетъ-ли артель договора, что въ подобномъ случаѣ артель должна въ свободное время работать на этихъ заводахъ по той-же таксѣ какъ и прочіе рабочіе?

18. Встрѣчается-ли, что артель воровъ вступаетъ съ жителями въ сдѣлку, по которой воры, получивъ отъ жителей извѣстную сумму денегъ или извѣстное количество хлѣба, даютъ имъ на извѣстное время гарантію безопасности?

и) Отвѣтственность артели передъ третьими лицами.

1. Кто отвѣчаетъ передъ третьимъ лицомъ за причиненный ему вредъ однимъ изъ членовъ артели: сама-ли артель или виновный членъ ея?

2. Отвѣчаетъ-ли артель передъ третьими лицами за дѣйствія своихъ представителей (старосты, писаря и т. д.)?

3. Дѣлается-ли при этомъ различіе между представителемъ артели, состоящимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ ея, и представителемъ артели не входящимъ въ число членовъ ея?

4. Отвѣчаетъ-ли артель передъ третьими лицами за дѣйствія нанятыхъ ею рабочихъ?

5. Связаны-ли члены артели между собой круговой порукой?

6. Отвѣчаетъ-ли артель передъ нанимателемъ, если кто изъ членовъ ея заболѣетъ или почему-либо не заработаетъ забраннаго имъ задатка?

7. Дается-ли право третьему лицу, въ случаѣ если средства артели окажутся недостаточными для возмѣщенія ущерба нанесеннаго третьему лицу, либо всей артелью либо однимъ изъ ея членовъ, обращать взысканіе на частное имущество членовъ артели?

8. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что кто нибудь беретъ подрядъ на какую-нибудь работу, нанимаетъ рабочихъ на своемъ содержаніи, за опредѣленную плату, и заставляетъ этихъ рабочихъ отвѣчать другъ за друга всоимъ частнымъ имуществомъ?

9. Отвѣчаетъ-ли артель за всякій ущербъ, причиненный ею третьему лицу, или она освобождается отъ отвѣтственности, если этотъ ущербъ былъ нанесенъ третьему лицу по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, напр. вслѣдствіе бури, заносовъ и т. п.?

10. Является-ли артель отвѣтственной передъ третьимъ лицомъ, если ущербъ ему былъ нанесенъ по независящимъ отъ артели обстоятельствамъ, но если при этомъ артель не приняла необходимыхъ мѣръ предосторожности?

11. Привлекается-ли охотничья артель къ отвѣтственности, если кто изъ ея членовъ убьетъ ручнаго звѣря вмѣсто дикаго?

12. Привлекается-ли охотничья артель къ отвѣтственности, если одинъ изъ членовъ ея убьетъ ручнаго звѣря случайно забредшаго въ стадо дикихъ животныхъ (напр. ручнаго оленя, зашедшаго въ стадо дикихъ оленей)?

13. Отвѣчаетъ-ли артель за убытки, причиненные третьему лицу уголовнымъ преступленіемъ ея члена, напр. за растрату, похищеніе и т. п. суммъ, ввѣренныхъ третьимъ лицомъ члену артели?

і) Выходъ членовъ изъ артели.

1. Имѣетъ-ли членъ артели право добровольнаго выхода изъ артели во всякое время, когда онъ этого пожелаетъ?

2. Сопровождается-ли выходъ изъ артели извѣстными формальностями (напр. письменнымъ заявленіемъ артели о своемъ выходѣ, дачей обязательства, что выходящій членъ не будетъ вредить артели по своемъ выходѣ и т. п)?

3. Получаетъ-ли обратно членъ артели, при выходѣ изъ нея, взносы, внесенные имъ при поступленіи въ артель?

4. Дѣлается-ли относительно возвращенія выходящему члену артели сдѣланныхъ имъ взносовъ различіе по времени, которое онъ пробылъ въ артели?

5. Въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ нѣкоторые изъ взносовъ, сдѣланныхъ членомъ артели при вступленіи, не выдаются ему при выходѣ изъ артели, не дается-ли выходящему извѣстное вознагражденіе равное извѣстной части потерянной имъ суммы?

Какъ называется и каковъ размѣръ такого вознагражденія?

Выплачивается-ли оно артелью сразу или уплата разлагается на опредѣленные сроки?

6. Получаетъ-ли членъ артели при выходѣ изъ артели приходящуюся на его долю часть денегъ, внесенныхъ въ артель членами, поступившими въ бытность выходящаго въ артели?

7. Выдѣляется-ли доля изъ общей добычи члену артели, въ случаѣ выхода его изъ артели до прекращенія работъ ея?

8. Какъ производится расчетъ съ новиками при выходѣ ихъ изъ артели?

Обращается-ли при производствѣ расчета вниманіе на время, которое новикъ пробылъ въ артели и на ту часть, которую онъ внесъ въ счетъ вкупа?

9. Какъ производится расчетъ артели съ наслѣдниками умершаго члена артели и на-

слѣдниками новика: дѣлается-ли подобный расчетъ такимъ-же образомъ, какъ и при добровольномъ выходѣ члена изъ артели, или наслѣдникамъ даются извѣстныя льготы передъ добровольно выходящимъ членомъ артели?

10. Какъ совершается расчетъ съ членомъ артели и съ новикомъ, принужденными выйти изъ артели или вслѣдствіе увѣчья или болѣзни?

11. Имѣетъ-ли зависимая отъ третьяго лица артель право исключать самовольно неисправныхъ членовъ?

12. Какъ производится расчетъ съ исключеннымъ изъ артели членомъ: дѣлается-ли этотъ расчетъ такимъ-же образомъ, какъ при добровольномъ выходѣ члена изъ артели, или исключеніе члена влечетъ за собой прекращеніе всякихъ расчетовъ съ артелью, или наконецъ зависитъ-ли расчетъ отъ характера преступленія, за которое членъ артели исключается?

к) Вступленіе въ артель новыхъ членовъ.

1. Ограниченъ-ли пріемъ новыхъ членовъ въ данную артель извѣстной цифрой, выше котораго число членовъ артели не должно простираться?

2. Какія условія требуются для вступленія новаго члена въ артель?

3. Отдается-ли при избраніи новыхъ членовъ предпочтеніе лицамъ, работавшимъ въ артели по найму?

4. Требуется-ли артелью, чтобы лицо, желающее поступить въ члены артели, не находилось подъ слѣдствіемъ и судомъ, не было подвергнуто ни штрафу ни наказанію, не было замѣчено въ пьянствѣ и другихъ порокахъ?

5. Требуется-ли артелью, какъ условіе поступленія въ члены, чтобы одинъ или нѣсколько членовъ артели поручились за благонадежность желающаго поступить въ члены артели?

6. Требуется-ли артелью, чтобы лицо, желающее вступить въ члены артели, приносило съ собой рекомендацію или аттестатъ, подписанный извѣстнымъ числомъ постороннихъ лицъ—спеціалистовъ въ работахъ артели или просто уважаемыхъ въ мѣстности обывателей?

7. Требуется-ли, какъ условіе вступленія въ члены артели, чтобы желающій вступить былъ грамотенъ?

8. Требуется-ли, чтобы желающій вступить въ члены артели обладалъ бы знаніемъ той отрасли труда, которой занимается артель?

Не подвергается ли поступающій для удостовѣренія въ этомъ особому испытанію?

Какъ производится подобное испытаніе?

9. Опредѣленъ-ли возрастъ, раньше достиженія котораго нельзя сдѣлаться членомъ артели?

10. Составляетъ-ли отсутствіе тѣлесныхъ недостатковъ условіе для пріема?

11. Требуется-ли артелью, чтобы желающій вступить въ ея члены принадлежалъ непремѣнно къ извѣстному сословію, а также чтобы онъ имѣлъ видъ на жительство и уплатилъ бы слѣдующія съ него подати?

12. Какими формальностями сопровождается принятіе новаго члена въ артель (напр. общая молитва, присяга новаго члена исполнить уставъ артели и т. п)?

13. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пріемъ новыхъ членовъ зависитъ отъ самой артели, не оказываетъ-ли на пріемъ вліяніе: авторитетъ старосты, подкупъ, угощеніе и т. п.?

14. Оказывается-ли сыновьямъ, братьямъ и вообще родственникамъ умершихъ членовъ артели преимущество въ принятіи ихъ въ члены передъ лицами посторонними?

15. Позволяется-ли членамъ артели продавать лицамъ постороннимъ свое право быть членомъ артели или за деньги уступать на время свое право участія въ артельныхъ работахъ?

16. Встрѣчается-ли, въ данной мѣстности, что вновь образующаяся артель строго опредѣляетъ число членовъ, которые могутъ быть впредь приняты въ артель и даетъ членамъ, находящимся на лицо право продавать эти вакантныя мѣста лицамъ постороннимъ, причемъ плата за мѣсто поступаетъ въ частную собственность продающаго артельщика?

17. Встрѣчается-ли въ рыболовныхъ артеляхъ, (если число членовъ ихъ строго опредѣлено) что принимается лишній членъ, который однако не получаетъ полнаго пая при дѣлежѣ добычи, но членъ артели, которому принятый лишній членъ помогалъ, долженъ подѣлить съ нимъ приходящійся на его долю пай?

л) Прекращеніе артели.

1. Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ артель прекращаетъ свое существованіе (напр. вслѣдствіе прекращенія промысла, исполненія принятаго на себя обязательства, для котораго артель собралась и т. п.)?

2. Требуется-ли для прекращенія артели рѣшенія общаго схода опредѣленнымъ большинствомъ голосовъ (напр. $^2/_3$)?

3. Если артель имѣетъ извѣстный основной и запасный капиталъ, то не постановляетъ-ли она, что, если капиталъ ея уменьшится на извѣстный процентъ, напр. на 50% — 75%, она должна прекратить свои дѣла?

4. Не избираетъ-ли артель, желающая прекратить свои дѣла, особую коммиссію изъ числа своихъ членовъ или постороннихъ лицъ, которой поручается какъ исполненіе ликвидаціи, такъ и выдача по расчету доли, причитающейся каждому изъ членовъ артели?

5. Даетъ-ли артель въ этомъ случаѣ инструкцію, которой коммиссія должна руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ?

6. Какъ дѣлится между членами артельное имущество при прекращеніи артели?

---

1. Каковы недостатки артельнаго устройства, сознаваемые самими участниками артели, и каковы предлагаемыя ими мѣры къ устраненію ихъ?

2. Каковъ вообще взглядъ народа на артели и на членовъ артели, выражаемый напр. въ пословицахъ: артель атаманомъ крѣпка; хороша артель да безъ подрядчика; артель расходчика кормитъ; въ складчинѣ торгъ не барыши; въ супрядкѣ не пряжа, а въ складчинѣ не торгъ?

Каково вліяніе на артели окружающей среды и наоборотъ; распространяются-ли артели или уменьшаются; причины ихъ успѣха или паденія?

---

30. Товарищества.

1. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что нѣсколько домохозяевъ соединяютъ рабочій скотъ и орудія для производства какой-нибудь работы?

Какъ называется такой обычай (малор. «супряга», «спрягаться», «супрягаться»)?

2. Въ какое время и на какой срокъ устраиваются такія общія работы?

3. Кто заправляетъ въ этомъ случаѣ работами?

На комъ лежитъ отвѣтственность за веденіе дѣла и за цѣлость орудій производства и рабочаго скота?

4. Не даются-ли лицу, заправляющему работой, помощниковъ? Каково ихъ число и названіе?

Какія обязанности лежатъ на нихъ?

Не раздѣляютъ-ли они съ заправляющимъ работой отвѣтственности за цѣлость орудій и скота? Не освобождаются-ли малолѣтніе помощники отъ подобной отвѣтственности?

5. Какое вознагражденіе, деньгами или трудомъ, получаютъ заправляющій работой и его помощники (какъ взрослые такъ и малолѣтніе)?

6. На чей счетъ доставляется пища для работающихъ и кормъ для скота?

Не устраиваются-ли для того и для другаго складчины?

7. Какъ распредѣляются дни работы между участвующими, если одинъ участвуетъ только своимъ трудомъ, другой только своимъ рабочимъ скотомъ и орудіями, третій тѣмъ и другимъ вмѣстѣ?

8. Какія еще земледѣльческія товарищества встрѣчаются въ данной мѣстности?

Не встрѣчаются-ли напр. соединенія двухъ или нѣсколькихъ домохозяевъ для уборки сообща сѣна и пр. Каковы обычаи регулирующіе отношенія соединившихся такимъ способомъ лицъ?

9. Существуютъ-ли въ данной мѣстности какія-либо товарищества торговыя, промышленныя, подрядныя и т. д.?

Каковы обычаи относящіеся къ нимъ?

---

10. Существуетъ-ли обычай соединяться молодымъ людямъ съ цѣлью обхожденія съ пѣснями хозяевъ своей деревни на рождественскихъ и иныхъ праздникахъ?

Какъ дѣлится собранныя при этомъ молодежью гостинцы?

11. Не соединяется-ли по нѣскольку мальчиковъ на рождественскихъ праздникахъ, чтобы «славить Христа» по сосѣдямъ и чтобы раздѣлить между собой собранные подарки?

12. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности, что нѣсколько лицъ соединяются вмѣстѣ денежными взносами для достиженія посредствомъ составленной этими взносами суммы какой нибудь опредѣленной цѣли (напр. для покупки какихъ-нибудь предметовъ, церковной утвари, для доставленія себѣ развлеченія, для устройства пира и т. п)?

13. Какое названіе дается въ данной мѣстности подобнымъ соединеніямъ (напр. «складчины»)?

14. Въ какихъ случаяхъ устраиваются складчины для общаго пиршества?

15. Придаются-ли пирамъ, устраиваемымъ посредствомъ складчинъ, какія нибудь названія сообразно съ временемъ или поводомъ ихъ устройства?

16. Соединяется-ли въ данной мѣстности молодежь для устройства на общій счетъ угощенія въ святки, масляницу, въ дни большихъ праздниковъ и т. п.?

17. Какъ называются подобныя соединенія вообще («складки»; «ссыпки»)?

Не носятъ-ли подобныя соединенія особыхъ названій, смотря по времени, въ которое они устраиваются?

18. Соединяются-ли парни отдѣльно отъ дѣвушекъ или тѣ и другія образуютъ одну складку?

Принимаются-ли въ участники складки и женатые мужчины или замужнія женщины?

19. Избираются-ли при устройствѣ складокъ особые распорядители?

Сколько распорядителей избирается; каковы ихъ обязанности и какъ называется каждый изъ нихъ?

Не даются-ли распорядителямъ особыхъ знаковъ отличія?

20. Чѣмъ руководствуются при избраніи въ распорядители того или другаго парня или дѣвушки?

Какъ производится избраніе распорядителей?

21. Дается-ли главному распорядителю право разбирать возникающіе въ средѣ членовъ складки споры и несогласія и подвергать виновныхъ наказанію?

22. Вступаетъ-ли главный распорядитель въ свои права тотчасъ по избраніи, которое нерѣдко бываетъ за долго до начала празднества, или только съ момента начала празднества?

23. Каковы права и обязанности распорядительницъ, выбранныхъ дѣвушками, соединившимися для составленія складки съ парнями?

24. Избираются-ли въ числѣ распорядителей: особый помощникъ главному распорядителю, особый распорядитель, на обязанности котораго лежитъ забота о приготовленіи матеріала для освѣщенія, если празднество производится въ зимніе вечера, и наконецъ казначей, которому всѣ участники обязаны отдавать добытыя ими на угощенія деньги и припасы?

25. Находится-ли казначей въ отношеніи расходованія денегъ подъ контролемъ главнаго распорядителя?

26. Поступаютъ-ли къ казначею и деньги, вырученныя дѣвушками, или дѣвушки передаютъ свои выручки въ руки своихъ распорядительницъ, которыя и расходуютъ ихъ независимо отъ казначея?

27. Какимъ путемъ участники складокъ добываютъ необходимыя для празднества деньги и припасы?

Не смотритъ-ли мѣстное общество сквозь пальцы, если участники складки своруютъ что нибудь для угощенія?

28. Встрѣчается-ли, что парни и дѣвушки для полученія денегъ на устраиваемое ими на общій счетъ угощеніе берутся исполнять по праздникамъ полевую или иную работу?

29. На чей обязанности лежитъ пріисканіе помѣщенія для отправленія праздниковъ?

Сопровождается-ли заключеніе договора молодежи съ хозяевами, уступающими ей домъ на время празднества, какими нибудь формальностями, напр. угощеніемъ хозяевъ?

Получаютъ-ли хозяева, уступившіе свой домъ какое нибудь вознагражденіе?

30. Не считается-ли предосудительнымъ для хорошаго хозяина уступать свой домъ молодежи на время празднества?

Какое названіе дается хозяину, уступившему свой домъ молодежи?

31. Нанимаются-ли на время празднества и музыканты? Дается-ли имъ плата деньгами или припасами или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (напр. парни даютъ имъ деньги, а дѣвушки — припасы)?

У кого живутъ музыканты во время празднества и у кого столуются (въ Малороссіи встрѣчается, что дѣвушки даютъ музыкантамъ завтракъ и «полудень», а парни по очереди угощаютъ музыкантовъ обѣдомъ)?

32. Требуется-ли, чтобы парни помогали дѣвушкамъ при приготовленіи кушанья для общаго угощенія?

33. Кто и какъ вознаграждаетъ хозяина, въ домѣ котораго празднуетъ молодежь, за нанесенные во время празднества убытки, (напр. за разбитыя стекла, сломанные столы и т. п.) виновный ли, или всѣ участвующія въ складкѣ лица?

34. Отдается ли распорядителями по окончаніи увеселеній отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ расходованіи денегъ?

35. Какъ смотритъ мѣстное общество какъ на само устройство подобныхъ складокъ, такъ и на тѣ продѣлки, которыя позволяетъ себѣ молодежь во время празднества?

36. Приносятъ-ли дѣвушки на сидѣлки съ собой припасы для ужина? Доставляются-ли эти припасы по очереди или всѣ дѣвушки приносятъ каждый разъ припасы въ опредѣленномъ размѣрѣ?

37. Кто доставляетъ свѣчи на сидѣлки; соблюдается-ли въ доставкѣ свѣчъ очередь между дѣвушками?

38. Получаетъ-ли хозяйка дома, въ которомъ собираются дѣвушки, какое нибудь вознагражденіе деньгами или натурой, или она довольствуется тѣмъ, что дѣвушки въ благодарность помогаютъ ей въ работахъ, моютъ хату и т. п.?

39. Кто готовитъ ужинъ для присутствующихъ на сидѣлкахъ: хозяйка-ли дома, или одна изъ дѣвушекъ по очереди?

40. Допускаются-ли на сидѣлки и парни?

Требуется-ли обычаемъ, чтобы парни, являющіеся на сидѣлки, приносили угощеніе для дѣвушекъ?

Не сохранилось-ли остатковъ древнихъ церковныхъ братствъ (какъ напр. въ Малороссіи)? Каково устройство ихъ?

---

41. Бываютъ-ли въ данной мѣстности пиры и угощенія, въ коихъ принимаетъ участіе вся община; напр. общественный обѣдъ, на который каждый житель несетъ что можетъ или общественное угощеніе водкой, на покупку которой ассигнуется отъ общины особая сумма?

Что является поводомъ къ такимъ пирамъ?

Встрѣчаются-ли общественные пиры въ храмовые праздники? Какое они носятъ названіе («канунъ», «богомолье» и т. п.)?

42. Встрѣчается-ли, что общество устраиваетъ на общій счетъ пиръ съ благотворительной цѣлью, напр. съ цѣлью накормить нищихъ?

43. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности

обычай совершать на общій счетъ пиры для поминовенія всѣхъ усопшихъ?

44. Какъ устраиваются подобныя складчины: соединяются-ли въ одну складчину всѣ желающія праздновать деревни, или каждая изъ такихъ деревень образуетъ свою отдѣльную складчину, или наконецъ всѣ жители даннаго прихода дѣлятся на опредѣленныя въ численномъ отношеніи группы (напр. по 15 ревизскихъ душъ), такъ что каждая изъ такихъ группъ устраиваетъ складчину отдѣльно отъ другихъ?

45. Являются-ли участники пиршества, устраиваемаго складчиной, съ готовыми кушаньями на пиръ, или они приносятъ въ извѣстный день и въ опредѣленное мѣсто только необходимые для приготовленія кушанья припасы?

46. Требуется-ли, чтобы доли, принесенныхъ каждымъ изъ участниковъ припасовъ, были равны?

47. Въ какое время дня и гдѣ устраивается пиршество, въ домѣ-ли или около церкви?

48. Назначается-ли домъ, въ которомъ должно происходить приготовленіе кушанья изъ принесенныхъ участниками пиршества припасовъ по очереди, или онъ уступается добровольно любымъ изъ хозяевъ?

49. На комъ лежитъ обязанность приготовленія кушанья для пиршества?

50. Собираются-ли также припасы для приготовленія пива?

51. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для составленія складчинъ населеніе разбивается на группы, изъ которыхъ каждая группа празднуетъ отдѣльно, собираются-ли съѣстные припасы и припасы для приготовленія пива отдѣльно среди каждой группы, или, между тѣмъ какъ съѣстные припасы доставляются отдѣльно среди каждой группы — припасы для приготовленія пива собираются со всѣхъ участниковъ, такъ что приготовленное пиво принадлежитъ всѣмъ группамъ въ совокупности?

52. На комъ лежитъ обязанность приготовленія общественнаго пива?

53. Кто покупаетъ и хранитъ котлы для приготовленія общественнаго пива?

54. Существуетъ-ли обычай въ день праздника угощать и постороннихъ (напр. прохожихъ)?

55. Встрѣчается-ли, что въ день пиршества закалываютъ и ѣдятъ сообща нѣсколько общественныхъ барановъ или нарочно для празднества купленнаго быка, откормленнаго предварительно на общественныхъ лугахъ?

56. Не встрѣчается-ли въ этомъ случаѣ обычай, что шкуры убитыхъ для пиршества быка или барановъ продаютъ, а вырученныя деньги жертвуютъ въ церковь?

57. Даются-ли извѣстные опредѣленные куски убитыхъ для пиршества животныхъ церковному причту (напр. голова и ноги)?

58. Сопровождаются-ли общественные пиры какими нибудь опредѣленными играми, или упражненіями (напр. скачками, кулачными боями и т. п.)?

59. Встрѣчается-ли въ данной мѣстности обычай, по которому общество объявляетъ, что всякій, совершившій какой нибудь проступокъ за извѣстное время (напр. во время Святой недѣли), долженъ расплачиваться по прошествіи этого времени водкой или угощеніемъ; такимъ образомъ изъ штрафовъ виновныхъ устраивается пиръ, на которомъ пируютъ всѣ односельчане (какъ напр. у донскихъ казаковъ на красной горкѣ)?

Какъ называются подобные пиры?

31. Помочи.

1. Встрѣчается-ли, что крестьяне данной мѣстности помогаютъ другъ другу при производствѣ полевыхъ работъ, при постройкѣ избъ и т. п.?

2. Какъ называютъ въ данной мѣстности работы, въ которыхъ крестьяне помогаютъ другъ другу (напр. помочи, работы на вино, на кашу, толока, и т. п.)?

3. Имѣютъ-ли помочи въ данной мѣстности характеръ договорный, или-же онѣ *обязательныя* по обычаю, либо по приговору общества?

4. Не существуетъ-ли въ данной мѣстности обычай, по которому крестьяне устраиваютъ «помочи» («толоку») для бѣдныхъ односельчанъ или для духовенства или для общественныхъ нуждъ и съ религіозно-нравственными цѣлями (для устройства школы, больницы, для украшенія церкви и т. п.)?

5. Установлены-ли обычаемъ данной мѣстности извѣстные дни или сроки въ году, въ которые помочи должны устраиваться (т. напр. иногда толока устраивается только въ праздники)?

6. Кто доставляетъ помочанамъ орудія производства работы: лицо-ли, для котораго устраиваются помочи, или сами помочане приносятъ съ собой орудія производства: кто что можетъ?

7. Устраиваются-ли въ данной мѣстности общія взаимныя помочи: въ одинъ день всѣ односельчане помогаютъ одному, въ слѣдующій день всѣ помогаютъ другому и т. д.?

8. Получаютъ-ли помочане отъ лица, которому они помогаютъ, какое нибудь вознагражденіе, или они довольствуются однимъ угощеніемъ?

9. Требуется-ли, чтобы лицо, устраивающее угощеніе помочанамъ, подавало извѣстныя, установленныя обычаемъ, блюда?

10. Обязанъ-ли хозяинъ *лично* угощать позванныхъ имъ на помочь?

Примѣчаніе. Въ Ярославской губ. по словамъ Е. И. Якушкина созываемые помѣщиками крестьяне бываютъ очень недовольны, если при угощеніи не присутствуетъ призвавшій ихъ помѣщикъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ идутъ на слѣдующій годъ неохотно къ такому помѣщику на помочи, другіе нейдутъ совсѣмъ.

11. Не считается-ли обязательнымъ для приглашенныхъ идти на помочь?

Нѣтъ-ли деревенскихъ приговоровъ, ограничивающихъ права созыва на помощь?

Нѣтъ-ли помочей безъ угощенія?

Нѣтъ-ли обычая созывать на помочь черезъ старосту?

Не уменьшились-ли случаи помочей и почему именно?

32. О преступленіяхъ.

Примѣчаніе. Все нижеслѣдующее, начиная съ этой главы вплоть до конца, составляетъ 3-е изданіе „Программы" А. Ф. Кистяковскаго, печатаемое согласно желанію А. И. Кистяковской (см. выше „Отчетъ секретаря Отдѣл. Этн.") безъ измѣненій въ доставленномъ ею оригиналѣ. Добавленія, сдѣланныя д. ч. Е. И. Якушкинымъ, д. ч. М. Н. Харузинымъ и ч. от. Н. Н. Харузинымъ отмѣчены знакомъ *.

1. Какія преступленія считаются народомъ особенно тяжкими не только по закону, но и въ силу его вѣрованій. Записать легенды, сказанія и разсказы, въ которыхъ выражается взглядъ народа на то, или другое преступленіе?

* *Примѣчаніе.* При изученіи народныхъ воззрѣній о преступности или дозволенности того или другаго дѣйствія изслѣдователь долженъ стараться ясно оттѣнять считается-ли народомъ то или иное дѣяніе преступнымъ безусловно или же относительно — смотря потому, направлено-ли это дѣяніе противъ лицъ одного съ дѣйствующимъ лицомъ народа, одного селенія, одного вѣроисповѣданія, или же противъ чужихъ. Напр. калмыки, преслѣдуя воровство между собою, не только несчитаютъ его преступленіемъ, но даже хвастаютъ, если кому нибудь изъ нихъ удается украсть что нибудь у казаковъ и т. п.

2. Различаетъ-ли народъ преступленія по тяжести ихъ, или по инымъ признакамъ, и по какимъ именно? Какія выраженія употребительны въ народѣ для означенія разныхъ родовъ преступленій (напримѣръ, «преступленіе», «проступокъ», «уголовье», «уголовщина», «злодѣяніе», «лихое дѣло» и т. под.) и въ какомъ именно смыслѣ? (Ф. Е).

3. Какой причинѣ народъ приписываетъ преступленія: не считается-ли совершающій то или другое преступленіе состоящимъ въ связи съ діаволомъ или чортомъ?

4. Нельзя-ли подмѣтить у народа такихъ причинъ происхожденія преступленій, какъ: дурнаго воспитанія и дурнаго примѣра со стороны родителей, бѣдности, идіотизма, несчастнаго столкновенія страстей. Не встрѣчается ли среди народа такія семьи, которыя отъ дѣда или прадѣда извѣстны своими преступными наклонностями, и не передается-ли здѣсь преступности по наслѣдству. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ есть извѣстныя мѣста, которыя прославились какъ такія, въ которыхъ издавна совершаются какія-нибудь специальныя преступленія; такъ въ однихъ совершается, напримѣръ, поддѣлка кредитныхъ билетовъ или бумажныхъ денегъ, въ другихъ, пограничныхъ мѣстахъ, контробанда, въ третьихъ, напримѣръ южныхъ и юго западныхъ губ., конокрадство, въ четвертыхъ разбои. Описать и подобныя мѣстности и специальную ихъ преступность. Нельзя-ли въ этихъ мѣстностяхъ подмѣтить передачи по наслѣдству преступнаго ремесла, отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну и т. д.?

5. Встрѣчается-ли у народа одиночки преступники по ремеслу, занимающіеся какимъ нибудь специальнымъ видомъ преступленія. Нельзя-ли въ этихъ случаяхъ подмѣтить наслѣдственность преступленія, то есть передачу нравственной порчи путемъ рожденія, обученія и примѣра?

6. Чѣмъ въ особенности народъ гнушается въ преступленіи: нравственнымъ-ли зломъ, или тѣмъ, что это дѣйствіе причиняетъ вредъ, бѣду, несчастіе?

7. Не преслѣдуетъ-ли народъ нѣкоторыхъ преступленій по религіознымъ побужденіямъ, и какія именно? Различаетъ-ли народъ преступленіе отъ грѣха, въ чемъ состоитъ это различіе, и какія дѣйствія относятся къ каждому изъ этихъ разрядовъ? Что считается важнѣе— грѣхъ или преступленіе? Если вы замѣчали случаи наблюденія проступковъ, которые суть только грѣховные (напримѣръ, работа въ праздникъ), то какіе именно, какъ и кѣмъ они обсуждались и наказывались? (Ф. Е).

8. Не замѣчается-ли въ народѣ стремленія объяснять преступленія причинами, лежащими внѣ воли человѣка, и какъ къ нимъ въ такихъ случаяхъ относится народъ? Что значитъ выраженія: «Божья воля», «грѣхъ попуталъ», «навожденіе діавольское» и другія, употреб-

ляемыя для объясненія преступленій, и какъ народный обычай относится къ этимъ объясненіямъ? (Ф. Е).

9. Не замѣчали-ли вы преступленій, коими вся община считала бы себя обиженною? Какія это преступленія, и къ чему въ такихъ случаяхъ прибѣгала община? (Ф. Е).

10. Требуется ли для наказанія злая воля и какими словами обозначается злоумышленность?

Придаетъ-ли народъ значеніе тому обстоятельству, что преступленіе было задумано задолго до его исполненія и какое именно? Не относится-ли народъ снисходительнѣе къ тѣмъ случаямъ, когда преступленіе совершено въ раздраженіи, особенно если оно вызвано самимъ пострадавшимъ. (Ф. Е).

11. Не замѣчали-ли вы взгляда народа на нѣкоторыя преступленія, какъ на дѣло царское, и на какія именно? Какія наказанія употребляются въ этихъ случаяхъ? (Ф. Е).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, запрещается стрѣлять орловъ, какъ царскую птицу.

12. Различаетъ-ли народъ большую вину отъ малой, тяжкое преступленіе отъ маловажнаго, или же онъ нарушеніе какой-нибудь обрядности, какого-нибудь обычая, если не въ дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ въ своихъ вѣрованіяхъ и своихъ разсказахъ, караетъ столь же тяжкими карами, какъ и самыя большія преступленія. Весьма важно записать вѣрованія, сказанія, легенды о наказаніи того или другаго нарушенія житейскихъ обязанностей и морали?

13. Какъ народъ въ своихъ вѣрованіяхъ относится къ тому или другому преступленію, и какія онъ сулитъ кары имъ. Какія спеціальныя сказанія существуютъ о запрещенности того или другаго дѣйствія, что касается простаго образа поведенія и какія въ народныхъ вѣрованіяхъ употребляются кары за то или другое дѣйствіе. Такъ напримѣръ: какія вѣрованія существуютъ у народа относительно нарушенія постовъ, употребленія въ пищу нечистыхъ животныхъ, работы, шитья, рѣзанія, рубанія въ воскресный или праздничный день, бросаніе хлѣба на полъ, сидѣнья на столѣ, хожденья въ одномъ сапогѣ, плеванія на огонь въ печкѣ и т. п.?

14. Примѣняются-ли народными судами вашей мѣстности уголовные законы, изданные правительствомъ, какіе именно, и въ какой мѣрѣ они считаются обязательными по обычаю? (Ф. Е).

15. Не извѣстны-ли вамъ случаи, и какіе именно, которые, будучи не наказуемы по закону, запрещаются и наказываются по обычаю?

Примѣчаніе. Сюда, напримѣръ, относятся: перемѣна мѣтъ на скотѣ, работа въ праздники, рѣзаніе птицы женщиной и т. д. (Ф. Е).

16. На оборотъ, не извѣстны-ли вамъ случаи, и какіе именно, которые наказываются закономъ, а народъ не считаетъ ихъ преступными и не наказываетъ ихъ? Какія тому причины? (Ф. Е).

Примѣчаніе. Сюда, напримѣръ, относятся лѣсныя порубки, контрабанда въ пограничныхъ мѣстностяхъ, легкіе обманы въ торговлѣ и т. под.

17. Различаетъ-ли народъ въ своихъ взглядахъ степени важности преступленія, смотря по тому мотиву, изъ-за котораго оно совершено. Такъ напримѣръ: равно-ли онъ считаетъ тяжкимъ убійство, какъ тогда, когда оно совершено въ дракѣ, въ гнѣвѣ, происшедшемъ отъ оскорбленія, такъ и тогда, когда оно совершено тайно, въ засадѣ. Имѣетъ-ли вліяніе въ понятіяхъ народа на оцѣнку важности преступленія мѣсто совершенія, наприм.. публичное; время,—ночное, во время пожара;—лицо совершителя и лицо потерпѣвшаго,—сынъ совершаетъ преступленіе надъ родителями, младшій надъ старшимъ и т. п.

18. Нѣтъ-ли разницы во взглядахъ народа на извѣстныя преступленія съ тѣми, которые высказываетъ на нихъ законъ. Такъ, не сохранились-ли въ какихъ-либо мѣстахъ симпатіи къ разбойничеству, не прославляется-ли оно какъ молодечество, не передаются-ли изъ устъ въ уста разсказы и легенды о знаменитыхъ разбойникахъ. Если да, то откуда происходитъ такая симпатія къ разбойничеству, отъ поклоненія-ли удальству и ловкости, или отъ обоготворенія физической силы, или же отъ какихъ нибудь соціальныхъ причинъ, отъ свойства дѣятельности самихъ разбойниковъ?

19. Различаетъ-ли народъ преступленія намѣренныя отъ неосторожныхъ и случайныхъ. Не осталось-ли у народа какихъ-нибудь вѣрованій, легендъ, разсказовъ, въ которыхъ бы выражалось нѣкоторое безразличіе, существовавшее въ старыя времена, во взглядахъ на преступленія намѣренныя, неосторожныя и случайныя?

20. Какія выраженія народомъ употребляются для означенія неосторожности и случая? Что именно разумѣется подъ нечаянностью, и какъ относится къ ней народный обычай? (Ф. Е).

21. Какое значеніе народный обычай придаетъ согласію потерпѣвшаго на совершеніе преступленія? (Ф. Е).

22. Не встрѣчались-ли въ вашей мѣстности случаи наказанія народомъ животныхъ, за что именно и какъ? (Ф. Е).

23. Наказываются-ли дѣйствія, совершаемыя для обороны себя или другихъ, и что считается обороною? (Ф. Е).

24. Каковы народные обычаи относительно преступленій, совершенныхъ дѣтьми по приказу своихъ родителей, или женами по приказу своихъ мужей, или отдѣльными членами общества по распоряженію всего общества? (Ф. Е).

26. Наказываетъ-ли народъ за попытку (покушеніе) на преступленіе, а также за приготовленіе къ нему, какъ именно и чѣмъ отличаетъ попытку и приготовленіе отъ конченнаго преступленія (совершенія)? Какъ смотритъ народъ на одну заявку о желаніи совершить преступленіе (напримѣръ похвальба, угроза)? (Ф. Е).

27. Различаетъ-ли народъ тѣхъ, кто совершаетъ преступленіе, отъ тѣхъ, кто подговариваетъ на преступленіе и помогаетъ преступнику? Какіе извѣстны случаи наказанія народомъ за подговоръ и за помощь къ преступленію? Кого считаютъ подговорщиками, помощниками, и какія для нихъ употребляются названія? Не дѣлаетъ-ли народъ различія между совершающими преступленіе по предварительному уговору и безъ него, и какое именно? (Ф. Е).

28. Какъ относится народъ къ тѣмъ, кто укрываетъ преступленіе, или преступника, или вещи, добытыя преступленіемъ? Существуетъ ли въ данной мѣстности пристанодержатели, занимающіеся въ видѣ ремесла скупомъ краденаго и укрываніемъ преступниковъ; если существуютъ, то какъ къ нимъ относится народъ? (Ф. Е).

29. Какъ смотритъ народъ на донесеніе о преступленіи и на доносителей? Не существуетъ ли для нихъ особыхъ названій и какія именно? (Ф. Е).

30. Отличаетъ-ли народный обычай совершеніе нѣсколькихъ, еще не наказанныхъ преступленій (совокупность преступленій) отъ повторенія преступленія послѣ суда и наказанія за прежнія? Какіе признаки усвоиваются каждому изъ этихъ понятій, и какое они имѣютъ значеніе для отвѣтственности? (Ф. Е).

31. Какія, по народнымъ понятіямъ, обстоятельства, кромѣ указанныхъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ важность преступленія и строгость наказанія?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на обстоятельства времени (днемъ, ночью), мѣста (въ полѣ, на дворѣ, въ клѣти) и свойства предмета (кража пчелъ, хлѣба, лошадей и проч.), а также на отношенія виновнаго къ потерпѣвшему и на способъ совершенія преступленія (со взломомъ, крадучись, обманъ съ божбою, кража съ перемѣной мѣты и т. д.) (Ф. Е).

32. Проводитъ-ли народъ различіе между гражданскими и уголовными нарушеніями? Не въ обычаѣ-ли назначать наказанія и за неисполненіе договоровъ гражданскихъ, и при какихъ обстоятельствахъ? Если существуетъ такой обычай, то какіе извѣстны по этому предмету случаи, не примѣнялось-ли въ нихъ правило «грѣхъ по поламъ», и въ какомъ именно значеніи? (Ф. Е).

33. О наказаніяхъ.

1. Какія наказанія народъ чаще употребляетъ въ волостной юстиціи: лишеніе-ли свободы, денежныя-ли взысканія или тѣлесныя. Въ какомъ размѣрѣ въ волостной юстиціи употребляются тѣлесныя наказанія: въ размѣрѣ-ли, указанномъ въ законѣ, т. е. до 20 ударовъ, или и больше. Не встрѣчаются-ли случаи, въ которыхъ лица, приговоренныя волостнымъ судомъ къ уплатѣ штрафа, или къ лишенію свободы, сами просятъ о замѣнѣ сихъ наказаній тѣлеснымъ. Подвергаются-ли до сихъ поръ женщины тѣлеснымъ наказаніямъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, или по распоряженію сельскихъ властей?

2. Въ какихъ помѣщеніяхъ содержатся лишенные свободы, по приговорамъ волостныхъ судовъ. Устроены-ли отдѣльныя избы, отапливаются ли и освѣщаются-ли онѣ? Не употребляются-ли для содержанія лишенныхъ свободы по приговорамъ сельскихъ властей какія-нибудь темныя конуры, подземелья, погреба, сараи, амбары. Если теперь этого нѣтъ, то не было ли сего въ близкое или отдаленное время; если да, то описать и изобразить, каковы они были. Не сохранилось ли въ употребленіи колодки, ошейники, особые стулья, цѣпи и т. п. Если теперь нѣтъ, то записать разсказы, исторіи, преданія о старинѣ.

3. Въ какихъ случаяхъ и размѣрахъ примѣняются денежныя взысканія? Денежныя взысканія назначаются-ли всегда въ денежныхъ знакахъ или въ вещахъ, и въ какихъ именно? При опредѣленіи размѣра денежныхъ взысканій, не обращается ли вниманіе на состоятельность виновнаго, на семейное его положеніе и на возможность уплатить повинности? Не извѣстны-ли случаи назначенія денежныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія отдѣльно отъ вознагражденія его за причиненный вредъ? Не извѣстны-ли случаи замѣны денежныхъ взысканій другими наказаніями, какими именно и при какихъ условіяхъ? (Ф. Е).

4. Употребляется-ли и какъ часто въ видѣ наказанія отдача въ общественныя работы, и если употребляется, то въ какихъ случаяхъ примѣняется эта мѣра и какъ она исполняется? (Ф. Е).

5. Часты-ли случаи ссылки по приговорамъ обществъ. Какими причинами она вызывается и какъ народъ относится къ этой мѣрѣ. Считаетъ-ли народъ эту мѣру справедливою и необходимою и въ какихъ случаяхъ къ ней при-

бѣваетъ. Не принимается-ли при этомъ въ разсчетъ возрастъ, полъ, семейность, зажиточность или иныя обстоятельства и какія именно. Какъ поступаютъ съ имуществомъ, домомъ, надѣломъ и семьею ссылаемаго. Не оказываетъ ли вліянія на число ссылаемыхъ величина надѣловъ, или иныя обстоятельства и какія именно? (Ф. Е).

6. Не старается-ли народъ облегчить наказанныхъ общими судами, и если да, то какъ именно (наприм. въ Сибири выставляютъ хлѣбъ и молоко для бродягъ), не вызывается-ли это взглядомъ народа на преступленіе, какъ на несчастіе, или опасеніемъ мести и безпорядковъ, или же мнѣніемъ народа объ излишней строгости уголовнаго закона? (Ф. Е).

7. Не употребляется-ли въ сельскомъ быту по распоряженію сельскихъ властей или волостныхъ судовъ, эпитимія-*покута* или церковное покаяніе, или же это наказаніе назначается только священникомъ. Если да, то въ чемъ оно состоитъ, какъ оно отбывается?

8. Не сохранились-ли среди сельскаго населенія какія-нибудь особенныя наказанія, напримѣръ: вожденіе по селу изобличенныхъ въ воровствѣ, съ повѣшеннымъ предметомъ кражи на шеѣ, или застигнутыхъ на мѣстѣ совершенія прелюбодѣянія, и т. п. Не сопровождается ли это вожденіе по селу игрою на скрипкѣ, или бубнами, или колокольнымъ звономъ, криками, смѣхомъ. Не издѣваются-ли надъ водимыми дѣти, не бросаютъ-ли они въ нихъ грязью, землею, или нечистотами. Не встрѣчаются-ли случаи привязыванія виновныхъ къ возу, оглоблѣ, или конскому хвосту. Не сохранились-ли, по крайней мѣрѣ въ воспоминаніи народа, обрѣзываніе косы у женщины, обритіе головы, обмазываніе дегтемъ и утыканіе перьями, одѣваніе въ шутовскій костюмъ. Записать разсказы о помѣщичьей юстиціи въ этомъ родѣ. Не примѣняется-ли наказаніе въ видѣ стоянія на колѣнахъ въ церкви, въ церковномъ притворѣ, на церковной паперти, у колокольни. Сохранилось-ли преданіе объ особенномъ видѣ наказанія, называемомъ *куною*. Описать орудіе и способъ примѣненія этого наказанія?

9. Считаетъ-ли народъ существующую систему наказаній достаточною, или-бы онъ хотѣлъ ее смягчить, или усилить и ожесточить. Въ какихъ пунктахъ онъ считаетъ ее жестокою, въ какихъ пунктахъ мягкою. Не выражаетъ-ли народъ убѣжденія, что тотъ или другой преступникъ заслуживаетъ смертной казни. Какіе виды смертной казни народныя вѣрованія и убѣжденія совѣтуютъ ввести въ употребленіе. Не сожалѣетъ-ли народъ о тѣхъ временахъ, когда примѣнялись: *шпицрутены*, или прогнаніе сквозь строй, *кнутъ*, *плети*, или же онъ объ этихъ временахъ отзывается, какъ о временахъ ужаса, гнушается ими и отвращается ихъ. Важно подмѣтить отношеніе народной души къ прежде существовавшимъ тѣлеснымъ наказаніямъ и частости ихъ употребленія. Не встрѣчается-ли въ народѣ взглядъ и пожеланіе, что тому, другому, или третьему преступнику, слѣдовало бы отсѣчь или руку или ногу, или отрѣзать губы, ухо, носъ, дѣто, родныя части?

10. Какое убѣжденіе существуетъ среди народа относительно полезности тюремнаго заключенія. Не считаетъ-ли онъ тѣхъ, которые побывали разъ и два въ большихъ тюрьмахъ, за людей разъ и навсегда потерянныхъ. Не сторонится-ли онъ ихъ. Какое въ дѣйствительности вліяніе имѣетъ тюрьма на сельскаго человѣка. Не развращаетъ-ли она его, не дѣлаетъ-ли она его хуже въ нравственномъ отношеніи. Или она такое дѣйствіе производитъ только на нѣкоторыхъ уже прежде испорченныхъ, а другіе, сидѣвшіе въ тюрьмахъ не за воровство и мошенничество, остаются нравственно неповрежденными?

11. Охотно-ли общества принимаютъ людей, отдаваемыхъ подъ ихъ надзоръ послѣ отбытія наказанія въ арестантскихъ ротахъ или въ рабочемъ домѣ. Чѣмъ объясняется медленность въ дѣлахъ этого рода. Если общества неохотно принимаютъ наказанныхъ, то какими это объясняется причинами (напримѣръ недовѣріе къ достаточности наказанія, опасеніе преступника по прежнимъ его дѣйствіямъ, незначительность надѣловъ и т. п.) Не замѣчается-ли, что женщины охотнѣе принимаются обществами, чѣмъ мужчины, молодые охотнѣе, чѣмъ старики, а изъ зажиточныхъ семействъ охотнѣе, чѣмъ изъ бѣдныхъ. Какъ именно отправляется надзоръ надъ лицами, принятыми обществомъ, подвергаются-ли они по обычаю ограниченіямъ и какимъ именно? (Ф. Е).

12. Склоненъ-ли народъ къ примиренію по поводу совершеннаго преступленія. Предпочитаетъ-ли онъ примириться и получить добровольное вознагражденіе, или же накликать на виновнаго кару общественнаго наказанія. Какъ часто примѣняется примиреніе и въ какихъ преступленіяхъ. Практикуется-ли примиреніе при совершеніи воровства, грабежа, изнасилованія, растлѣнія. Не склоненъ-ли народъ мириться даже по поводу совершенія убійства?

13. Среди многихъ инородцевъ, сохранились въ большемъ или меньшемъ объемѣ, въ большей или меньшей силѣ «*обычаи мести*». Не сохранились-ли какіе-нибудь остатки, какіе нибудь *признаки* родовой или семейной мести за убійство среди русскаго народа. Не считаетъ-ли себя цѣлая семья и даже цѣлый родъ глубоко обиженнымъ убійствомъ, которое совершено инороднымъ. Не проявляются-ли остатки мести въ какихъ-нибудь вѣрованіяхъ, обрядахъ, обычаяхъ, религіозныхъ обѣтахъ, легендахъ, разсказахъ и т. п.

14. Существуютъ-ли среди народа вѣрованія

о наказаніяхъ за гробомъ, *на томъ свѣтѣ*. Различаются-ли въ вѣрованіяхъ народа наказанія и муки грѣшниковъ вообще отъ мукъ и наказаній преступниковъ. Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, исполняются наказанія за гробомъ. Суть ли наказанія за гробомъ грѣшниковъ и преступниковъ вѣчны, или временны. Какое наказаніе и какая мука опредѣляются спеціально за то или другое преступленіе. Подробное описаніе и изображеніе сихъ наказаній. Записать легенды, вѣрованія, сказанія, которыя разсказываются среди народа объ адѣ, адскихъ мукахъ и наказаніяхъ. При чемъ необходимо наблюдать, чтобы сіи разсказы были записаны изъ устъ народа; разсказы книжниковъ достойны также того, чтобы ихъ записать, но необходимо, чтобы были обозначены степень книжности и профессіи книжнаго человѣка. Въ легендахъ объ адѣ и адскихъ мукахъ выражается міровоззрѣнія народа на наказаніе, потому то онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія для своего увѣковѣченія?

15. Не существуетъ-ли въ народѣ убѣжденія, что преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ принадлежитъ карѣ Божіей. Не является-ли Богъ, по понятіямъ народа, мстителемъ оставшихся безнаказанными преступленій, и если является, то какимъ именно, и въ чемъ состоятъ такія кары по мнѣнію народа? (Ф. Е).

16. Какъ народъ смотритъ на общія и частныя бѣдствія, какъ-то: на повальныя болѣзни, скотскіе падежи, на пожары отъ молніи и грома, на пораженіе на смерть громомъ и молніею, на потерю жизни отъ какихъ-нибудь несчастныхъ случаевъ, на рановременную смерть жены, дѣтей, на градобитія, на неурожаи и на другія всевозможныя бѣдствія,—смотритъ-ли онъ на нихъ, какъ на кару Божію за грѣхи и преступленія, или же какъ на такія бѣдствія, которыя порождаются злыми существами, діаволомъ, вѣдьмами и вѣдьмаками, колдунами и т. п. Не существуетъ-ли у народа какихъ-нибудь вѣрованій и представленій о томъ или другомъ бѣдствіи, какъ о ниспосланіи спеціальной кары за то или другое преступленіе, за тотъ или другой грѣхъ. Записать легенды, разсказы, вѣрованія, какъ они разсказываются народомъ и передаются изъ устъ въ уста?

17. Не употребляются-ли среди народа какіе-либо суевѣрные способы, чтобы отомстить предполагаемому преступнику, чтобы накликать на него кару, или пробудить въ немъ раскаяніе. Практикуется-ли въ народѣ обрядъ ставленія *обидящей свѣчи*. Не существуетъ-ли обычая подавать заупокойныя просфоры, служить панихиды или молебны на имя предполагаемаго совершителя преступленія. Если да, какого дѣйствія ожидаютъ отъ исполненія этихъ религіозныхъ обрядовъ по отношенію къ предполагаемому совершителю преступленія?

18. Прибѣгаетъ-ли народъ къ самоуправству и самосуду. Если да, то является-ли самоуправство какъ порывъ, какъ результатъ моментальнаго раздраженія и увлеченія чувствомъ мести, или же оно бываетъ въ формѣ правильно организованнаго самосуда. Въ какихъ видахъ проявляются самоуправство и самосудъ: въ видѣ ли лишенія свободы, наказанія-ли розгами нанесенія тяжкихъ смертельныхъ побоевъ, убійства, повѣшенія, утопленія и т. п. По поводу какихъ преступленій народъ прибѣгаетъ къ самосуду. Какія причины порождаютъ самосудъ и самоуправство: слабость-ли наказанія, безнаказанность-ли или недостаточность полицейской бдительности и т. п.?

19. Какіе способы, сходные съ наказаніями, употребляются для взысканія податей. Не сохранились-ли преданія объ обливаніи плательщиковъ холодною водою во время зимы, о забитіи въ колодки, о заключеніи въ погреба и подвалы, о нанесеніи побоевъ и т. п. Какіе способы принужденія, независимо отъ продажи имущества, употребляются нынѣ при взысканіи недоимокъ?

20. Не употребляется-ли гуртовая отдача въ заработки недоимщиковъ, посредствомъ найма всѣхъ недоимщиковъ на фабрики и заводы. Кто условливается относительно цѣны за работу, сами-ли недоимщики, или за нихъ крестьянскія власти. Если власти, то какія именно: сельскія-ли или волостныя. Кто въ такомъ случаѣ договаривается со стороны фабрики и завода. Не бываетъ-ли при этомъ злоупотребленій и притѣсненій для недоимщиковъ. Какъ народъ смотритъ на этого рода работу. Охотно ли недоимщики отправляются на мѣсто работъ, и не замѣчаются-ли частыя уклоненія и уходы отъ работы?

21. Не прибѣгаютъ-ли къ самоуправнымъ наказаніямъ волостные старшины и сельскіе старосты. И нѣтъ-ли въ обычаѣ какихъ-нибудь постоянныхъ поводовъ, въ которыхъ они проявляютъ свою власть въ видѣ наказанія и какія наказанія они употребляютъ?

22. Съ какого возраста виновные по обычаямъ народнымъ подвергаются наказаніямъ по опредѣленію волостныхъ судовъ. Считается-ли въ народѣ, и на сколько, малолѣтство уничтожающимъ виновность. Если малолѣтнихъ подвергаютъ наказаніямъ, то какимъ преимущественно, смягченнымъ или увеличеннымъ. Не отвѣчаютъ ли родители за дѣтей. Не сохранились-ли преданія, повѣрья, легенды, разсказы, въ которыхъ-бы отвѣчали дѣти за вины и грѣхи родителей, а родители за вины и грѣхи дѣтей?

23. Какъ народъ смотритъ на безумныхъ, сумасшедшихъ, идіотовъ. Не считаетъ-ли онъ ихъ одержимыми нечистою силою. Считаетъ-ли ихъ народъ не подлежащими наказанію за преступленія. Не обращается-ли народъ съ безумными и сумасшедшими жестоко и безче-

ловѣчно, не держитъ-ли онъ ихъ на цѣпи, въ подвалахъ, или вообще въ загонѣ?

24. Независимо отъ наказанія, признаетъ-ли обычай за потерпѣвшимъ отъ преступленія право на вознагражденіе за причиненный ему вредъ, притомъ — только за имущественный, или и за иные случаи вреда, и какіе именно. Отвѣчаютъ-ли вознагражденіемъ только совершившіе преступленіе, или также подговорщики и помогавшіе преступленію? Отвѣчаютъ-ли предъ потерпѣвшимъ наслѣдники за умершихъ, родители за дѣтей и мужъ за жену? (Ф. Е.)

*34. О наказаніяхъ исключительно въ быту инородцевъ.

Примѣчаніе. Все заключающееся въ этой главѣ составлено изъ дополненій къ программѣ А. Ф. Кистяковскаго.

1. Какую кару влечетъ за собой отцеубійство?

2. Карается-ли родственникъ, убившій родственника, изгнаніемъ изъ общества?

3. Имѣютъ-ли въ этомъ случаѣ остальные родственники право принудить такого убійцу къ удаленію изъ селенія посредствомъ разрушенія его дома и захвата его имущества?

4. Подвергаются-ли изгнанію и тѣ изъ членовъ рода, которые были уличены въ воровствѣ у своихъ родственниковъ?

5. Существуетъ-ли обычай, по которому виновныхъ въ нарушеніи мира въ родственной средѣ родственники не изгоняютъ, но прекращаютъ съ ними всякое общеніе: напр. не дозволяютъ имъ ѣсть за однимъ столомъ съ остальными родственниками?

6. Существуетъ-ли обычай, по которому нарушителей мира въ родственной средѣ принуждаютъ къ ношенію извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ; (напр. связку камней черезъ плечо за отцеубійство)?

7. Подвергается-ли изгнанію жена, нарушившая супружескую вѣрность?

8. Можетъ-ли жена въ этомъ случаѣ избѣгнуть изгнанія производствомъ въ пользу мужа единовременнаго взноса деньгами или скотомъ, совершаемаго съ согласія и участія ея родственниковъ?

9. Какую пеню налагаетъ обычай на виновнаго въ изнасилованіи и въ покушеніи на это?

10. Налагается ли пеня на родственниковъ женщины, которая, защищаясь отъ соблазнителя, убьетъ или ранитъ его?

11. Какъ карается переходъ изъ одной вѣры въ другую, кощунство и святотатство?

12. Какія дѣйствія считаются мѣстными жителями оскорбленіемъ могилъ?

13. Какое наказаніе влечетъ за собой оскорбленіе могилъ?

14. Какъ карается колдовство?

Различаетъ-ли мѣстное населеніе знахарей отъ гадальщиковъ?

15. Существуетъ-ли наказаніе за ложную присягу?

16. Какое наказаніе налагается обычаемъ за кастрацію?

17. Какая плата взимается за отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, а также за выколъ глаза?

Дѣлается-ли различіе въ размѣрѣ платы смотря по тому, отсѣчена ли правая или лѣвая рука, нога и т. д.?

18. Какая плата взимается за отсѣченіе пальцевъ на рукахъ и ногахъ, вышибъ зуба, повреждeніе губамъ и бровямъ?

19. Сообразуется-ли плата за раны съ величиной раны или съ родомъ оружія, которымъ рана была нанесена?

Какой способъ измѣренія ранъ существуетъ въ данной мѣстности?

20. Какое наказаніе за оскорбленіе посторонимъ лицомъ гостя?

Если наказаніе за это — денежный штрафъ, то получаетъ-ли его гость или хозяинъ?

21. Какое наказаніе налагаетъ обычай за вторженіе въ чужой домъ безъ разрѣшенія?

22. Какое наказаніе налагается за прикосновеніе къ тѣлу или платью замужней женщины и дѣвушки?

23. Какъ караются словесныя обиды, сдѣланныя при свидѣтеляхъ и носящихъ характеръ обвиненій?

24. Какія кары налагаются за простой увозъ дѣвушки, похищеніе чужой жены и растлѣніе?

25. При опредѣленіи наказанія за скотоложство дѣлается-ли различіе, послужило-ли объектомъ животное, принадлежащее виновному, или постороннему?

26. Какія наказанія налагаются на виновнаго въ воровствѣ, грабежѣ или поджогѣ?

27. Какія наказанія установлены за воровство у чужеродца и у своихъ родичей?

35. Вопросы, касающіеся обычаевъ частной и родовой мести.

1. До окончательнаго завоеванія Кавказа у независимыхъ горскихъ племенъ Кавказа уголовное право основано было главнымъ образомъ на кровавой родовой мести.

2. Обычаями той же самой родовой мести руководствовались въ значительной степени многіе народцы и племена Кавказа, подпавшіе раньше подъ власть Россіи, хотя русское господство старалось сѣять между ними сѣмена высшей цивилизаціи, чѣмъ та, которою они владѣли.

3. Не смотря нынѣ на замиреніе Кавказа и на принятыя мѣры правительствомъ для уничтоженія обычаевъ кровавой мести, многіе народцы и племена Кавказа до сихъ поръ окончательно не перестали слѣдовать обычаямъ кровавой мести въ уголовной расправѣ.

4. Желательно было-бы прежде всего собрать оффиціальные документы, которые хранятся въ разныхъ учрежденіяхъ Кавказскаго управленія, относительно примѣненія кровавой мести. Многіе изъ такихъ документовъ обнародованы въ различныхъ изданіяхъ Кавказа, преимущественно въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Но многіе другіе, съ большою вѣроятностію можно предполагать, остаются скрытыми въ архивахъ.

5. Прежде всего, желательно было-бы отыскать и извлечь изъ архивовъ кавказскихъ учрежденій все, что было писано, и все, что было собрано кавказскимъ управленіемъ въ теченіи чуть не цѣлаго столѣтія о примѣненіи системы мести среди кавказскихъ горцевъ.

6. Затѣмъ слѣдуетъ собрать матеріалы среди самыхъ инородцевъ и племенъ, у которыхъ обычаи кровавой мести прежде господствовали, или нынѣ сохранились въ видѣ остатковъ вымирающей системы?

7. Для сего желательно было-бы собрать матеріалы по слѣдующимъ вопросамъ:

8. Среди какихъ народовъ дѣйствовали и остаются дѣйствующими обычаи мести? Необходимо было-бы, по возможности, собрать перечень всѣхъ таковыхъ народовъ.

9. Чѣмъ руководствовались и руководствуются народы при примѣненіи обычаевъ мести: обычаями-ли писанными или неписанными? Если-бы встрѣтились слѣды писанныхъ обычаевъ, или какихъ-либо законовъ, то записать свѣдѣнія о нихъ, а если возможно отыскать, собрать и сохранить самые письменные памятники, то непремѣнно это сдѣлать.

10. Прослѣдить источникъ и происхожденіе обычаевъ кровавой мести: происходятъ-ли они отъ того, что у кавказскихъ народовъ не было вовсе правильно устроенныхъ судовъ, или-же они практиковались и при существованіи ихъ?

11. Гдѣ лежитъ корень обычаевъ кровавой мести: въ религіозныхъ-ли вѣрованіяхъ, по которымъ месть считается дѣломъ, угоднымъ Богу или усопшимъ предкамъ; или въ правилахъ общежитія горцевъ, въ силу коихъ считается постыднымъ дѣломъ проявленіемъ трусости оставить безъ отмщенія нанесенную обиду, причиненный вредъ; или же наконецъ примѣненіе этихъ обычаевъ есть только проявленіе личной необузданности?

12. Будетъ-ли открыто вліяніе религіи, или общераспространенныхъ бытовыхъ убѣжденій, или же темперамента, желательно было-бы собрать данныя, легенды, сказанія въ подтвержденіе того, или другого, или третьяго. Если существуютъ какіе-либо религіозные или общественные обряды, церемоніи, символы, то непремѣнно ихъ записать.

13. Какія преступленія вызываютъ или вызывали примѣненіе обычаевъ мести: преступленія-ли тяжкія, средней важности, или маловажныя, или даже самыя безразличныя дѣйствія принимаются за враждебныя?

14. Что касается преступленій противъ личности, то одно-ли убійство вызываетъ месть, или и другія преступленія противъ личности, какъ-то: изувѣченіе, нанесеніе ранъ, причиненіе побоевъ. Мстятъ-ли только за убійство умышленное, или неосторожное, или даже случайное?

15. Примѣняются-ли обычаи кровавой мести къ отмщенію преступленій противъ плоти, какъ-то: прелюбодѣянія, блудодѣянія различныхъ видовъ, скотоложства и мужеложства, если послѣдніе среди горцевъ встрѣчаются?

*16. Возбуждается-ли кровная месть въ случаѣ убійства при самооборонѣ?

*17. Мстятъ-ли кровью за убійство собственникомъ вора въ моментъ производства имъ кражи?

18. Возбуждается-ли кровная месть въ случаѣ нечаяннаго убійства малолѣтняго малолѣтнимъ?

*19. Мстятъ-ли кровавымъ образомъ за увозъ женщины, за обольщеніе ея, за изнасилованіе и растлѣніе, за отказъ жениться?

20. Обиды словомъ, дѣйствіемъ и символическія вызываютъ-ли примѣненіе обычаевъ мести, простирающееся до убійства.

*21. Навлекаетъ-ли на себя кровную месть оскорбитель домашняго очага (напр. лицо, выбросившее священную цѣпь или семейный котелъ)?

*22. Навлекаетъ-ли кровную месть на себя оскорбившій семейныя могилы?

23. Разные виды похищенія собственности: путемъ разбоя, грабежа, воровства — кражи, мошенничества, присвоенія, и растраты, принадлежатъ-ли къ тѣмъ преступленіямъ, за которыя допускается примѣненіе обычаевъ кровавой мести?

24. Порча и истребленіе собственности вызываютъ-ли также кровавую месть?

25. Есть-ли у горцевъ понятіе о преступленіяхъ религіозныхъ и общественныхъ, и если есть, то какія дѣйствія причисляются къ таковымъ?

26. Существовали-ли у нихъ какія-либо наказанія, которыя примѣнялись не иначе какъ въ видѣ общественныхъ наказаній, по приговору правильно устроеннаго суда, и существовали-ли у нихъ эти послѣднія?

27. Часто-ли замѣнялась кровавая месть выкупомъ и служила-ли уплата выкупа достаточнымъ способомъ погашенія вражды и прекращенія мести.

*28. Имѣетъ-ли убійца право самъ предлагать роду убитаго выкупъ, или переговоры съ родомъ убитаго должны вестись его родственниками?

*29. Установленъ-ли обычаемъ опредѣленный срокъ, раньше котораго убійца не можетъ предложить выкупа роду убитаго?

30. Какъ великъ былъ выкупъ?

31. Какія были послѣдствія несостоятельности уплатить выкупъ?

32. Нельзя-ли прослѣдить случаевъ примѣненія родовой мести, длившейся въ теченіи цѣлаго поколѣнія, или двухъ, трехъ и т. д.

33. Кто по обычаямъ горцевъ долженъ былъ являться мстителемъ за убитаго. Не находилась ли обязанность мстить въ связи съ семейнымъ устройствомъ, съ обычаями наслѣдства, съ религіозною обязанностію, лежащею на томъ или другомъ членѣ семейства поминать покойника?

*34. Кто мститъ за убійство сына?

*35. Имѣетъ-ли женщина право мстить лично за убійство родственника?

*36. Не обязанъ-ли принявшій подъ свой кровъ гостя въ случаѣ убійства послѣдняго участвовать въ кровавой мести вмѣстѣ съ родственниками убитаго?

37. На сколько семья принимала участіе въ отмщеніи за другіе виды преступленій, совершенныхъ надъ ея сочленомъ. Какими побужденіями и обычаями при этомъ она руководствовалась?

38. Падала-ли кровавая месть только на лицо обидчика, или ей подвергались и другіе члены его семьи, вовсе не причастные къ совершенію преступленія ея сочленомъ. Нельзя-ли замѣтить въ обычаяхъ мести какихъ-нибудь руководящихъ началъ, въ силу которыхъ месть должна была поражать преимущественно то, или другое лицо въ семьѣ.

*39. Имѣютъ-ли родственники убійцы право мстить родственникамъ убитаго, если послѣдніе, совершая кровную месть, убили кого нибудь изъ рода убійцы?

*40. Возбуждается-ли кровавая месть противъ хозяина животнаго, причинившаго смерть кому-либо?

*41. Подвергается-ли кровавой мести хозяинъ оружія, которымъ было совершено убійство?

*42. Подвергается-ли кровной мести мужъ за убійство жены?

*43. Допускается-ли месть безразлично въ случаѣ, если жена была бездѣтна или имѣла сына?

*44. Если убійство совершено женщиной или малолѣтнимъ то не падаетъ-ли месть вмѣсто виновныхъ на ихъ родственниковъ?

*45. Не обязанъ-ли хозяинъ того дома, куда укрылся преслѣдуемый убійца, защищать послѣдняго?

Не навлекаетъ-ли такая защита и на хозяина месть со стороны родственниковъ убитаго?

Не проявляется-ли эта месть по отношенію къ такому хозяину въ болѣе мягкой формѣ (грабежъ его имущества вмѣсто лишенія самого его жизни) чѣмъ по отношенію къ кровнымъ родственникомъ убійцы.

46. Можно-ли найти, при примѣненіи мести, соотвѣтствіе между зломъ и вредомъ, причиненными преступленіемъ, и таковыми, наносимыми въ видѣ отмщенія. Или быть можетъ, встрѣчались случаи, въ которыхъ за уничтоженіе какого нибудь домашняго, ничтожной цѣнности, животнаго мститель отнималъ жизнь у человѣка, виновника такого вреда?

*47. Имѣетъ-ли право мстящій за пораненіе убить виновнаго или онъ долженъ ограничиться нанесеніемъ ему одинаковаго количества ранъ, какія нанесены были потерпѣвшему?

*48. Существуетъ-ли обычай, по которому кровная месть должна совершаться непремѣнно на могилѣ убитаго?

49. На сколько месть была индивидуальнымъ, или на сколько родовымъ семейнымъ учрежденіемъ, и на сколько семья и родъ участвовали какъ въ отмщеніи, такъ и въ перенесеніи мести?

*50. Допускается-ли кровомщеніе между единокровными, но не единоутробными братьями?

*51. Имѣютъ-ли родственники убитаго право мстить и всему роду убійцы?

Не дѣлается ли въ этомъ случаѣ исключеній относительно малолѣтнихъ и женщинъ, которыхъ запрещается убивать?

52. Нельзя-ли замѣтить въ обычаяхъ мести нѣкоторыхъ признаковъ обыкновенныхъ частныхъ войнъ въ малыхъ размѣрахъ, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перехода уголовной мести въ войну?

*53. Когда убитый считается отмщеннымъ и кровавая месть прекращается?

54. Какіе существовали обычаи и учрежденія для противодѣйствія и ослабленія жестокихъ обычаевъ мести. Не было-ли опредѣленныхъ мѣстъ убѣжища и обрядовъ для смягченія и ослабленія мести. Какими правами пользовались *обреки?*

*55. Существуетъ-ли обычай, по которому убійца подвергается при примиреніи символи-

ческому убійству родственниками убитаго: напр. держаніе обнаженной шашки надъ убитымъ во время примиренія?

Какъ совершается этотъ обрядъ?

*56. Допускается-ли обычаемъ замѣна кровной мести отрѣзываньемъ у виновнаго какой нибудь части тѣла, которую потомъ закапываютъ въ могилу убитаго?

*57. Допускается-ли обычаемъ, чтобы родъ убійцы выдавалъ роду убитаго не самого виновнаго, а кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ для совершенія надъ послѣднимъ кровной мести?

*58. Считаются-ли храмы, ихъ ограды и т. п. мѣстами, въ предѣлахъ которыхъ запрещается убивать кровника?

*59. Не запрещается-ли родственникамъ убитаго убить кровника, если послѣдній вбѣжитъ въ домъ убитаго и успѣетъ схватиться за священную цѣпь или надѣть шапку хозяина или прикрыться полой его одежды?

*60. Не ограничивается-ли въ этомъ случаѣ право неприкосновенности убійцы только временемъ его пребыванія въ домѣ?

*61. Установлены-ли обычаемъ извѣстные дни или сроки, въ которые убійство кровниковъ воспрещается?

*62. Имѣютъ-ли родственники убитаго право примириться съ убійцей или его родомъ не совершивъ кровной мести?

Какими обрядами сопровождается примиреніе (напр. бросить камень въ воду, зарыть въ землю семь камней и т. п)?

Не возстановляютъ-ли миръ посредствомъ свадьбы между дѣтьми ссорившихся (у киргизовъ)?

*63. Примиреніе двухъ враждовавшихъ родовъ не сопровождается-ли заключеніемъ другъ съ другомъ родственнаго союза (присяжное, молочное родство) или отдачей кого-либо изъ родственниковъ убійцы въ родъ убитаго?

*64. Не существуетъ-ли обычая, по которому родъ убитаго беретъ изъ рода подозрѣваемаго въ убійствѣ заложника и хранитъ его у себя до выясненія дѣла. Если подозрѣніе окажется вѣрнымъ, допускается-ли *въ этомъ случаѣ*—кровная месть, или-же обычай требуетъ, чтобы родственники убитаго ограничивались лишь выкупомъ. Послѣ примиренія считается-ли такой заложникъ родственникомъ принявшаго его рода или нѣтъ?

---

36. Вопросы, касающіеся обычаевъ выкупа или платы за преступленія.

1. Еще недавно нѣкоторые изъ кочевыхъ народовъ, занимающихъ восточныя окраины Россійской Имперіи, держались обычаевъ выкупа или платы за преступленія. Таковы: Киргизы, Калмыки и другіе народы.

2. Важно было-бы изслѣдовать, въ какой степени сохранилась въ ихъ общественномъ быту эта система уголовнаго права.

3. Въ виду-же того, что въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ присоединены на востокѣ Имперіи новыя территоріи, населенныя народами тюркскаго и монгольскаго происхожденія и вошедшія въ составъ туркестанскаго генералъ-губернаторства, желательно было-бы изслѣдовать, не примѣнялась-ли или не примѣняется-ли и нынѣ система выкупа за преступленія среди упомянутыхъ народовъ?

4. Необходимо также изслѣдовать, не сохранились-ли остатки этой системы среди другихъ инородцевъ, кочующихъ въ Архангельской губерніи и въ Сибири.

5. Собственно по законамъ имперіи тяжкія преступленія, какъ напримѣръ убійство, разбой, поджогъ, совершаемыя среди кочевыхъ инородцевъ, какъ-то: Киргизовъ, Калмыковъ и другихъ подобныхъ народовъ, судятся и наказываются по уложенію о наказаніяхъ.

6. Но рождается вопросъ: такъ-ли это бываетъ на практикѣ? Не обнаруживаютъ-ли эти кочевники неудержимую наклонность слѣдовать стародавнимъ обычаямъ системы выкуповъ и за эти преступленія?

7. Слѣдуетъ поименно перечислить какъ тѣ преступленія, которыя на практикѣ подвергаются наказаніямъ по законамъ имперіи, такъ и тѣ, къ которымъ примѣняется система выкуповъ.

Не сохранились-ли у этихъ народовъ на ряду съ выкупами остатки родовой кровавой мести.

8. Если выкупъ практикуется, то чѣмъ онъ платится — деньгами-ли, или другими цѣнностями, какъ напримѣръ: скотомъ, домашнею утварью, предметами потребленія?

*9. Требуется-ли обычаемъ, чтобы дворъ убійцы уступилъ двору убитаго извѣстную часть своего земельнаго участка?

Какъ великъ уступаемый участокъ земли?

*10. Существуетъ-ли обычай, по которому убійца, отдавая родственникамъ убитаго выкупъ за кровь, обязанъ также отдать имъ то оружіе, которымъ было совершено убійство?

*11 Не встрѣчается-ли обычай, по которому дворъ убійцы, при отдачѣ выкупа роду убитаго, обязанъ безъ калыма выдать замужъ одну изъ своихъ родственницъ за родственника убитаго?

12. Какъ велики бываютъ выкупы и на сколько они соотвѣтствуютъ важности преступленій?

*13. Какой выкупъ налагается на убійцу въ случаѣ убійства малолѣтняго, взрослаго и старика?

*14. Каково различіе въ величинѣ выкупа за мужчину и за женщину?

*15. Не увеличивается-ли размѣръ выкупа въ случаѣ убійства беременной женщины?

*16. Дозволяется-ли обычаемъ взять выкупъ отъ оскорбителя могилъ?

*17. Допускается-ли обычаемъ примиреніе или выкупъ вмѣсто кровной мести за любодѣяніе и оскорбленіе семейнаго очага?

*18. Дѣлается-ли въ данной мѣстности при опредѣленіи выкупа за убійство или нанесеніе ранъ различіе между намѣреннымъ и ненамѣреннымъ убійствомъ или пораненіемъ?

*19. Уменьшается-ли размѣръ пени за убійство или пораненіе, если окажется, что потерпѣвшій самъ подалъ поводъ къ ссорѣ?

*20. Какъ великъ выкупъ, вносимый родственникамъ убитаго хозяиномъ оружія, которымъ виновный совершилъ убійство?

*21. Назначается-ли при этомъ выкупъ или пеня равныя выкупу при умышленномъ убійствѣ?

22. Самъ-ли виновный несетъ тяжесть выкупа, или вся его семья, весь его родъ, улусъ и т. п.

*23. Имѣютъ-ли родственники убійцы право отказаться участвовать въ выкупѣ?

*24. Не существуетъ-ли обычай, по которому участіе въ выкупѣ обязаны принимать только родственники, живущіе на одномъ дворѣ съ убійцей?

*25. Не существуетъ-ли обычай, по которому родственники убійцы откупались-бы отъ падающей на нихъ кровной мести со стороны родственниковъ убитаго?

Родственники скольких колѣнъ привлекаются къ такому откупу. Какова величина такого откупа для близкихъ и дальнихъ родственниковъ?

*26. Дается-ли всѣмъ родственникамъ право вносить выкупъ за убійцу въ случаѣ несостоятельности послѣдняго, или это право принадлежитъ только родственникамъ со стороны отца?

27. Съ другой стороны, чье достояніе составляетъ полученный выкупъ: того-ли, кто былъ предметомъ преступленія, или всей его семьи, рода, аймака и т. п.

*28. Получаетъ-ли выкупъ весь родъ потерпѣвшаго или только родственники, жившіе на одномъ дворѣ съ потерпѣвшимъ?

*29. Получаютъ-ли родственники по матери долю при дѣлежѣ внесеннаго убійцей выкупа?

30. Какъ и кѣмъ опредѣляется выкупъ: по добровольному-ли и частному соглашенію обиженнаго съ обидчикомъ, или по постановленію суда, стариковъ, представителей семьи, рода, аймака, аула и т. п.?

31. Какія мѣры употребляются для взысканія выкупа?

*32. Позволяется-ли обычаемъ родственникамъ убитаго взять силой имущество убійцы въ случаѣ бѣгства послѣдняго?

33. Не идетъ-ли часть выкупа въ пользу судей, въ пользу главы рода, племени или цѣлаго народа?

34. Не совершаются-ли какіе либо обряды, церемоніи, какъ при опредѣленіи, такъ и при врученіи или полученіи выкупа?

*35. Существуетъ-ли обычай, по которому родъ убитаго требуетъ отъ всего рода убійцы извѣстнаго подарка, который не входитъ въ разсчетъ при полученіи выкупа за кровь?

*36. Существуетъ-ли при этомъ обычай устраивать угощеніе роду убитаго на-средства одного съ обидчикомъ двора?

*37. Допускается-ли замѣна таковаго угощенія внесеніемъ въ пользу рода убитаго извѣстнаго количества головъ скота?

38. Не существуютъ-ли на-ряду съ выкупомъ какіе-либо обряды, коренящіеся въ обычаѣ наказанія и кары?

39. Не сохранились-ли какія либо слѣды существовавшихъ и употреблявшихся у этихъ народовъ писанныхъ законовъ? По этому вопросу слѣдуетъ собрать преданія, легенды, сказанія и сохранить остатки, отрывки, рукописи, если-бы таковые оказались.

---

37. Сожительство внѣ брака и преступленія противъ плоти.

а) Сожительство внѣ законнаго брака.

1. Встрѣчается-ли у народа правильное и долговременное сожительство въ видѣ брака безъ заключенія закономъ установленнаго брака? Если да, то часто-ли, и какъ народъ смотритъ на такіе браки: какъ на нѣчто преступное, или терпимое и вполнѣ допускаемое?

2. Какъ народъ вообще смотритъ на дѣтей, рожденныхъ внѣ законнаго брака: безразлично-ли, или съ оттѣнкомъ презрѣнія? Бываютъ-ли случаи въ крестьянскомъ быту узаконенія дѣтей незаконнорожденныхъ въ видѣ усыновленія, какъ посторонних?

б) Прелюбодѣяніе.

1. Понятія народа о прелюбодѣяніи или нарушеніи супружеской вѣрности. Считаетъ-ли народъ этотъ видъ отношенія лицъ двухъ по-

ловъ за преступленіе тяжкое, выходящее изъ ряда вонъ, по своей тяжести и рѣдкости совершенія, или же маловажнымъ проступкомъ?

2. Считается-ли, по понятіямъ народа, столь-же преступнымъ нарушеніе супружеской вѣрности со стороны мужа, какъ и со стороны жены. Или на этотъ видъ распутства мужа народъ смотритъ снисходительнѣе, чѣмъ на распутство жены?

3. Не сохранился-ли обычай самораспраьы мужа надъ невѣрною женою. Въ какихъ формахъ она выражается? Не считаетъ-ли себя мужъ даже въ правѣ безнаказанно убить жену, застигнутую на мѣстѣ нарушенія супружеской вѣрности? Сочувственно-ли, или съ порицаніемъ и гнѣвомъ народъ относится къ самораспpавѣ, производимой мужемъ надъ женой?

4. Считаетъ-ли жена себя въ правѣ на подобную самораспраьу съ мужемъ, нарушившимъ супружескую вѣрность. Или ее самораспрача является чѣмъ-то случайнымъ, не встрѣчающимъ одобренія со стороны народа? Не считаетъ-ли жена себя въ правѣ произвесть самораспраьу надъ женщиною, съ которою мужъ ея находится въ связи. Не употребляетсяли при этомъ разбитіе окошекъ и т. п.?

5. Не встрѣчаются-ли среди народа, въ видѣ стародавняго обычая, случаи не только разрѣшенія мужемъ женѣ вступить въ связь съ другимъ мужчиною, но даже пріисканія мужчины для сей цѣли, съ платою ему вознагражденія или безъ платы?

6. Если такіе случаи встрѣчаются, то какими причинами вызывается подобное поведеніе мужа, желаніемъ-ли имѣть будущихъ помощниковъ и работниковъ въ дѣтяхъ, то есть чисто экономическими соображеніями, или желаніемъ имѣть наслѣдниковъ, которымъ-бы можно было оставить имущество, или-же наконецъ иными мотивами и соображеніями, напримѣръ какимъ-нибудь религіознымъ вѣрованіемъ и т. п.?

7. Если такія отношенія встрѣчаются, то не имѣютъ-ли они вида договора между мужемъ и другимъ мужчиной, не считаетъ-ли себя другой мужчина дѣлающимъ услугу, а мужъ обязаннымъ вознаградить его?

8. Какъ смотритъ народъ на подобныя отношенія, какъ на дѣйствіе-ли предосудительное, или-же оправдываемое обычаемъ и необходимостію? Не считаются-ли подобныя отношенія совершенно дозволенными, какъ это видно изъ того, что они не только всему крестьянскому обществу извѣстны, но изъ того, что, при заключеніи договора, участвуютъ посторонніе?

в) *Внѣбрачныя отношенія неженатаго съ незамужнимъ, но не въ видѣ постояннаго сожительства.*

* Часто-ли случается, что соблазнивъ дѣвушку, парень бросаетъ ее?

1. Какъ народъ смотритъ на обольщеніе, то есть на достиженіе плотскихъ отношеній съ женщиной благодаря обѣщанію на ней жениться? Принуждаютъ-ли обольстившаго непремѣнно жениться, или по крайней мѣрѣ косвенно оказываютъ на него вліяніе для той цѣли; или же налагаютъ на него обязанность уплатить извѣстную сумму безчестія и какую приблизительно?

2. Если парень и дѣвушка состояли въ связи, послѣдствіемъ которой было рожденіе робенка, то кого винятъ, на кого падаетъ безчестье, на мужчину, или женщину? Вмѣняется-ли виновнику рожденнаго въ обязанность давать на его содержаніе; если да, то въ какомъ размѣрѣ оно опредѣляется?

3. Каково положеніе въ обществѣ женщины родившей? Не обрушивается-ли на нее презрѣніе окружающихъ? Не подвергается-ли она побоямъ и истязаніямъ со стороны отца, матери и родни? Почему такая женщина называется *покрыткой*, *самокрыткой*? Потому-ли что она послѣ рожденія ребенка должна покрыть свою голову, или потому что она тайно вступила въ связь? Кто покрываетъ голову такой женщины, сама-ли она, или посторонніе? Не сопровождается-ли покрытіе ея головы какими-нибудь осрамительными обрядами?

* Не дѣлается-ли при оцѣнкѣ нравственности дѣвушки различія съ кѣмъ она «грѣшила»: съ односельчаниномъ или съ чужимъ, съ крестьяниномъ или съ мужчиной инаго сословія (напр. съ помѣщикомъ)?

* Не замѣчается-ли въ данной мѣстности, что *вся деревня*, считая себя обиженной, если женщина грѣшитъ *съ чужимъ*, расправляется своимъ судомъ съ любовникомъ и въ то-же время совершенно *равнодушно* относится къ случаямъ любовныхъ связей *между односельчанами*, предоставляя только законному супругу расправиться съ обольстителемъ своей жены?

* Не дѣлается-ли при оцѣнкѣ нравственности женщины различія дѣвушка-ли она или замужняя, причемъ къ замужнимъ относятся строже?

г) *Послѣдствія обнаружившагося во время свадьбы цѣломудрія или нецѣломудрія невѣсты.*

1. Какіе совершаются обряды, когда настаетъ пора *молодымъ* идти въ комору. Зимой-ли или только лѣтомъ брачная постель приготовляется въ нетопленномъ помѣщеніи? Кто

сопровождаетъ молодыхъ въ комору, свахи-ли только, или и дружки, женщины или даже и мужчины? Не употребляются-ли какія-нибудь уловки, для скрытія потери невинности. Если да, то не принимаются-ли какія-либо предосторожности, чтобы этому воспрепятствовать?

2. Какіе обряды совершаются, когда невѣста окажется непорочною? Брачную рубашку разсматриваютъ и изслѣдываютъ только-ли немногіе, или-же всѣ свадебные гости? Составляетъ-ли она предметъ публичной принадлежности брака, предметъ общаго любопытства, словомъ такую-же публичную принадлежность, какъ нѣкоторые другіе предметы, фигурирующіе на свадьбѣ? Воздается-ли честь только ей, или также отцу и матери и даже цѣлому роду? Какія пѣсни поются для прославленія такой невѣсты? Знаки, символы, которыми возвѣщается о честности невѣсты?

3. Когда окажется невѣста не цѣломудренною, какіе обряды совершаются? Не подвергается-ли *молодая* побоямъ со стороны *молодаго*, отца, матери? Какія пѣсни поются для того, чтобы ее осрамить? *Необходимо записать пѣсни во всей ихъ наготѣ, не выбрасывая ни одной буквы?* Какіе знаки и символы выставляются на-показъ, чтобы возвѣстить о нецѣломудріи невѣсты? Составляетъ-ли то обстоятельство, что невѣста оказалась нецѣломудренной, предметъ знанія только ближайшихъ родственниковъ, или о семъ громогласно возвѣщается во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ гостей, всего сосѣдства, всего міра? Не бываетъ-ли здѣсь какихъ-нибудь взаимныхъ попрековъ между принадлежащими къ семьѣ молодаго и къ семьѣ обиженнаго? Не совершаются-ли какія дѣйствія для того, чтобы осрамить мать, отца, семью молодой, оказавшейся нецѣломудренной?

д) *Плотской развратъ въ видѣ ремесла, сводничество, мужеложство, скотоложство.*

1* Какъ долго обыкновенно хранитъ парень цѣломудріе: остается-ли онъ цѣломудренъ до самаго брака, или нѣтъ; если нѣтъ, то при какихъ условіяхъ теряетъ онъ его обыкновенно?

* Какъ смотрятъ крестьяне на потерю цѣломудрія въ слишкомъ раннемъ возрастѣ?

Встрѣчаются-ли въ селахъ женщины, которыя занимаются развратомъ въ видѣ ремесла, отъ котораго онѣ получаютъ доходъ. Если такія женщины бываютъ, то откуда проистекаетъ причина ихъ такого поведенія? Происходитъ-ли она отъ сиротства, отъ занятія на фабрикахъ, отъ оставленія мужемъ, ушедшимъ въ солдаты, или на заработки, или отъ соблазна лицъ другихъ сословій?

2. Извѣстенъ-ли въ народѣ сифилисъ. Если да, то составляетъ-ли онъ рѣдкое явленіе, или встрѣчается довольно часто, или-же наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ сильно распространенъ? Какими путями онъ занесенъ? Принимаются-ли противъ него какія-либо общія мѣры, или онъ составляетъ болѣзнь, противъ которой употребляются частныя средства? Есть-ли спеціальные знахари и знахарки для леченія этихъ болѣзней?

3. Не бываетъ-ли случаевъ принесенія волостнымъ судьямъ или суду стариковъ, жалобъ на зараженіе сифилитическою болѣзнію? Не употребляется-ли со стороны общества какихъ-нибудь способовъ для того, чтобы поставить въ изолированное положеніе зараженныя сифилисомъ семьи?

4. Принадлежатъ-ли случаи *кровосмѣшенія* къ рѣдчайшимъ явленіямъ, или-же они часто встрѣчаются? Въ какихъ мѣстностяхъ встрѣчается снохачество, т. е. сожительство свекра съ снохою? Почитается-ли народомъ плотская связь между состоящими въ духовномъ родствѣ за спеціально преступную?

5. Встрѣчается-ли у народа мужеложство, или оно извѣстно только среди нѣкоторыхъ *инородческихъ національностей*, населяющихъ территорію Россійской имперіи, какъ напримѣръ: Кавказъ, Туркестанъ и т. п.? Среди какихъ именно національностей оно распространено, и находится-ли оно въ связи съ религіею или характеромъ національностей? Если оно распространено среди данной національности, то составляетъ-ли оно въ глазахъ того общества порокъ и преступленіе, или-же дѣйствіе терпимое и даже вполнѣ дозволительное? Въ какомъ видѣ оно практикуется среди этихъ національностей, въ видѣ-ли отдѣльныхъ случаевъ, или оно представляетъ нѣкоторую организацію, въ видѣ того, что мальчики и юноши занимаются мужскою проституціею въ публичныхъ домахъ, или при кофейняхъ, или состоятъ на содержаніи у зажиточныхъ людей? Какое положеніе въ такомъ обществѣ занимаютъ мужчины-проститутки,— находятся-ли они въ почетѣ, или презрѣніи, и какая участь ихъ постигаетъ въ возрастѣ зрѣломъ? Чѣмъ можно объяснить происхожденіе и распространеніе этихъ обычаевъ и этого порока?

6. Извѣстно-ли среди народа скотоложство, и на сколько часто оно встрѣчается? Не совершается-ли оно исключительно лицами низкаго или разстроеннаго умственнаго развитія, какъ то: слабоумными, идіотами, помѣшанными, или лицами, поставленными въ особенныя какія-нибудь условія, какъ напримѣръ: пастухами и т. п.?

е) *Преступленія противъ законныхъ правилъ вступленія въ бракъ и особенные обычаи, составляющіе отступленіе отъ нихъ.*

1. Въ какой мѣрѣ народъ считаетъ родство препятствіемъ для вступленія въ бракъ и какія

степени родства онъ считаетъ таковыми? Составляютъ-ли понятія народа о запрещенности брака въ близкихъ степеняхъ родства произведеніе его собственнаго ума, собственныхъ убѣжденій, или-же онъ только считаетъ необходимымъ подчиняться правиламъ церкви и законамъ государства? Не распространены-ли среди народа какія-нибудь легенды, сказки, разсказы о великихъ несчастіяхъ, происшедшихъ отъ заключенія брака въ близкихъ степеняхъ родства; если такія легенды существуютъ, то записать подробно.

2. Считаетъ-ли народъ, по собственному міровозрѣнію, препятствіемъ для вступленія въ бракъ свойство, или-же онъ только признаетъ въ этомъ случаѣ необходимымъ подчиняться правиламъ церкви и государства? Не расположенъ-ли народъ считать дозволительными браки двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ и т. п.?

3. Приписываетъ-ли народъ при заключеніи брака какое-либо значеніе духовному родству? Считаетъ-ли онъ дозволенными браки въ близкихъ степеняхъ духовнаго родства? Интересно изображеніе взглядовъ народа на значеніе крестнаго отца и матери.

4. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь въ Россійской имперіи народностей, у которыхъ ближайшее родство или свойство не считается вовсе препятствіемъ для вступленія въ бракъ. Такъ напр. считается дозволительною женитьба брата на родной сестрѣ, роднаго дяди на племянницѣ, брата на невѣсткѣ, или женѣ умершаго брата и т. п.? Обычаи эти должны быть подробно описаны и изображены.

5. Нѣтъ-ли въ обычаяхъ народа правила, въ силу котораго родители имѣютъ право принуждать дѣтей, въ особенности дочерей, къ вступленію въ бракъ съ тѣмъ, или другимъ лицомъ, или-же случаи принужденія составляютъ только рѣдкое исключеніе?

6. Требуется-ли по народнымъ обычаямъ на вступленіе въ бракъ дозволеніе родителей, какъ дозволеніе или-же дозволеніе это совпадаетъ съ *благословеніемъ*? Какъ народъ смотритъ на благословеніе, какъ на такое-ли условіе, безъ котораго бракъ не мыслимъ, или-же только какъ на простую формальность, безъ которой легко обойтись? Случаются-ли браки помимо благословенія родителей и какъ народъ на нихъ смотритъ? Если вступающій въ бракъ находится въ солдатахъ, или на заработкахъ, то всегда-ли и неизмѣнно-ли онъ испрашиваетъ благословеніе родителей на вступленіе въ бракъ?

7. Среди какихъ національностей распространенъ обычай похищенія невѣстъ? Похищаемая сговаривается-ли съ похитителемъ предварительно? Знаютъ-ли о предстоящемъ похищеніи родители, или нѣтъ, то есть, есть-ли похищеніе только формальный способъ заключенія браковъ, или-же похищеніе является дѣйствительнымъ насиліемъ, въ собственномъ смыслѣ похищеніемъ? Какіе способы употребляются для примиренія съ родителями послѣ похищенія? Совершается-ли потомъ свадебный пиръ или нѣтъ?

8. Какому обряду при заключеніи брака народъ больше приписываетъ значенія: обряду-ли церковному, то есть вѣнчанію, или свадебному пиру и свадебнымъ обрядамъ, то есть *весілью*? Не встрѣчаются-ли случаи раздѣльнаго сожительства, не какъ мужъ и жена, повѣнчанныхъ, пока не сыграется *весілье*, или на оборотъ въ брачное сожительство, когда почему нибудь церковное вѣнчанье не состоялось и сыграно *весілье*?

ж) *Семейная дисциплина и нарушеніе правильныхъ семейныхъ отношеній.*

1. Взглядъ народа на власть отца и матери. Есть ли, по народнымъ понятіямъ, различіе между властью отца и матери въ томъ случаѣ, когда эта власть за смертью отца сосредоточится въ лицѣ одной матери? До какихъ предѣловъ можетъ, по понятіямъ народа, простираться власть отца надъ дѣтьми? Не осталось-ли въ какихъ-нибудь воспоминаніяхъ народа понятія о томъ, что отецъ властенъ въ жизни и смерти своихъ дѣтей, какъ своей плоти: если сохранились какія-нибудь легенды, происшествія или вѣрованія, то ихъ записать. Нельзя-ли подмѣтить различія между взглядомъ народа на убійство сына или дочери и взглядомъ закона на этотъ видъ убійства? Какія наказанія отецъ и мать могутъ, по понятіямъ народа, употреблять противъ дѣтей, и какія чаще всего встрѣчаются? Съ какого времени и при какихъ условіяхъ родительская власть надъ дѣтьми слабѣетъ?

2. Какую спеціальную силу народъ приписываетъ родительскому благословенію? Какія бѣдствія угрожаютъ тому, кто лишенъ родительскаго благословенія? Встрѣчается-ли у народа проклятіе дѣтей родителями? Не сохранилось-ли у народа какихъ-нибудь легендъ, разсказовъ, исторій о тяжкихъ послѣдствіяхъ родительс каго проклятія? Не извѣстна-ли народу форма наказанія дѣтей родителями подъ названіемъ *отреченія отъ дѣтей*? Въ какихъ случаяхъ употребляются: лишеніе благословенія, проклятіе и отреченіе отъ дѣтей?

3. Какъ народъ смотритъ на неблагодарныхъ дѣтей, такихъ, которыя, имѣя средства, не доказываютъ престарѣлымъ и нуждающимся родителямъ помощи, не даютъ содержанія и т. п.? Личныя обиды, побои, убійство во сколько народъ считаетъ болѣе тяжкими, когда они совершены надъ родителями? Записать легенды, исторіи, разсказы, анекдоты, въ которыхъ

изображается наказаніе тѣмъ, которые наносили обиды или побои своимъ родителямъ, или даже покусились на ихъ жизнь?

4. Какія должны быть отношенія, по понятіямъ народа, между мужемъ и женой, отношенія-ли подчиненія жены мужу, или равенство обоихъ? Если народъ признаетъ, что жена должна находиться въ повиновеніи и послушаніи, то до какихъ предѣловъ власть мужа можетъ простираться? Имѣетъ-ли по понятію народа мужъ дисциплинарную власть надъ женою: то есть въ правѣ-ли онъ сдѣлать ей выговоръ, нанесть ей въ видѣ наказанія удары болѣе или менѣе тяжкие и т. п.? Въ какихъ другихъ формахъ выражается дисциплинарная власть мужа надъ женою? Не живетъ-ли еще въ глубинѣ души народа убѣжденіе, что мужъ господинъ своей жены, коего власть надъ нею очень велика и обширна; не случается-ли слышать такое выраженіе: она его или моя жена, и потому онъ или я властенъ учить ее посредствомъ побоевъ и истязаній? Нѣтъ-ли такихъ случаевъ, въ которыхъ народъ признаетъ мужа даже въ правѣ убить свою жену? Съ другой стороны, смотритъ-ли народъ тѣми-же глазами на побои причиненные женою мужу, говоритъ-ли, что жена имѣетъ право учить мужа посредствомъ побоевъ? Среди южно-русскаго народа поется пѣсня, такъ называемая *Дворянка*. Не примѣняется-ли и нынѣ, хотя-бы въ рѣдкихъ случаяхъ, изображаемая въ той пѣсни расправа мужа надъ женою?

38. Преступленіе противъ религіи.

1. Какъ народъ смотритъ на преступленія этого рода, какъ напр. на ереси, расколы, богохульство, какъ на грѣхи, за которые покараетъ Богъ, или какъ на такія дѣйствія, за которыя виновныхъ слѣдуетъ отдавать въ руки правительства съ тѣмъ, чтобы оно ихъ покарало? Съ равнодушіемъ-ли и безразлично народъ относится къ раскольникамъ, или-же съ презрѣніемъ, ужасомъ и ненавистію?

2. Какъ народъ смотритъ на иновѣрцевъ христіанъ и нехристіанъ: на католиковъ, лютеранъ, евреевъ, магометанъ? Считаетъ-ли онъ ихъ погибшими для царствія небеснаго и подлежащими въ будущей жизни карѣ, или-же смотритъ на ихъ иновѣріе безразлично, вѣруя, что и къ нимъ Богъ будетъ милостивъ? Нѣтъ-ли на этотъ счетъ у народа какихъ-нибудь вѣрованій, легендъ, разсказовъ?

3. Какія кары народъ соединяетъ съ тѣмъ или другимъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ и церковныхъ обрядовъ, какъ напримѣръ: съ несоблюденіемъ постовъ, молитвъ, съ нарушеніемъ праздниковъ работою, не исполненіемъ таинства покаянія и причащенія, съ напраснымъ употребленіемъ божбы. Встрѣчаются-ли среди народа эти нарушенія, какія чаще, какія рѣже? Какъ народъ смотритъ на оскверненіе храмовъ?

4. Давно-ли появился въ южно-русскомъ краѣ штундизмъ? Какъ велико примѣрно число штундистовъ и идетъ-ли распространеніе штундизма впередъ, или-же оно остановилось? Въ чемъ состоитъ штундизмъ: его догматическія и нравственныя правила? Нравственныя или безнравственныя начала лежатъ въ основаніи штундизма? Какъ народъ относится къ штундистамъ: съ ненавистію и презрѣніемъ, или совершенно безразлично? Если съ ненавистію и презрѣніемъ, то не совершаетъ-ли онъ надъ ними какихъ насилій, и если да, то по собственному-ли почину, или-же по внушенію со стороны? Описать образъ жизни штундистовъ? Записать ихъ религіозныя вѣрованія, догматы, обряды, пѣсни, молитвы?

* *Примѣчаніе*. На эти же вопросы слѣдуетъ отвѣтить и о другихъ ересяхъ, существующихъ въ данной мѣстности.

5. О шалопутахъ, ихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и молитвахъ. Гдѣ и въ какихъ мѣстахъ они живутъ и дѣйствуютъ?

39. Убійство и тѣлесныя поврежденія.

1. Сохранилось-ли въ народѣ преданіе о людоѣдствѣ? Записать преданія, легенды, разсказы, сказки о людоѣдахъ и людоѣдствѣ, если они сохранились?

2. Какіе виды убійства народъ считаетъ самыми тяжкими, какіе средне-преступными, какіе легкими или даже извинительными и дозволительными?

3. Какъ смотритъ народъ на покаяніе, или *покуту* въ примѣненіи къ совершившимъ убійство? Не сохранились-ли среди народа какіе-нибудь обряды очищенія, кромѣ церковнаго?

4. Не встрѣчаются-ли случаи примиренія между убійцей и семействомъ убитаго? Не питаетъ-ли семейство убитаго вражды къ убійцѣ и его семейству, и не возникаетъ-ли отсюда необходимость для послѣднихъ задобрить, примириться съ обиженнымъ семействомъ? Нѣтъ-ли легендъ и сказаній о томъ, что душа убитаго ходитъ по ночамъ и тревожитъ убійцу?

5. Нельзя-ли въ сужденіяхъ, взглядахъ, вѣрованіяхъ и разсказахъ народа, подмѣтить убѣжденія, что убійство иновѣрца или инородца не преступно, или не въ такой мѣрѣ преступно, какъ убійство своего? Не сохранились-ли какія-нибудь преданія и сказанія о томъ, какъ народъ относился въ старину къ подобнаго рода убійству?

6. *Дѣтоубійство.* Взглядъ народа на дѣтоубійство вообще? Равно-ли преступнымъ и наказуемымъ считаетъ народъ этотъ видъ убійства со всякимъ инымъ, или-же дѣлаетъ различіе, въ томъ-ли смыслѣ, что оно не столь важно, или въ томъ смыслѣ, что оно важнѣе обыкновеннаго? Какъ народъ смотритъ на убійство незаконнорожденнаго, въ моментъ рожденія, дѣвицею въ первый разъ рождающею?

7. *Плодоизгнаніе.* Извѣстно-ли у народа плодоизгнаніе въ семейномъ быту, или оно совершается только тѣми, которыя зачинаютъ внѣ брака? Считается-ли, по понятіямъ народа, плодоизгнаніе преступленіемъ, или-же дѣйствіемъ безразличнымъ? Насколько оно распространено среди народа? Нѣтъ-ли спеціальныхъ личностей, искусство которыхъ переходитъ изъ рода въ родъ, которыя занимаются плодоизгнаніемъ?

8. *Выбрасываніе и подкидываніе дѣтей.* Извѣсто-ли у народа хотя по преданіямъ, легендамъ и разсказамъ, выбрасываніе дѣтей на произволъ судьбы? Нѣтъ ли у народа обычая, въ силу котораго новорожденнаго младенца кладутъ около порога съ тѣмъ, чтобы поднялъ и взялъ на руки отецъ? Встрѣчается-ли среди народа подкидываніе дѣтей и кѣмъ оно совершается: матерями-ли незаконно-родившими или-же и другими женщинами?

9. Не сохранилось-ли среди народа преданія о томъ времени, когда выбрасывали на произволъ судьбы стариковъ и старухъ, доживших до потери способности къ работѣ? Не ходятъ-ли въ устахъ народа легенды, сказанія о выбрасываніи стариковъ?

10. *Продажа людей.* Среди какихъ народностей, населяющихъ имперію, сохранился обычай продажи людей? Если еще не исчезли гдѣ нибудь обычаи продажи людей, то для какого назначенія совершается такая продажа, для рабства-ли вообще, или для гаремовъ?

11. *Членовредительство.* Часто-ли встрѣчается намѣренное членовредительство? Съ какою цѣлью оно совершается? Встрѣчается-ли членовредительство женщинъ? Имѣло-ли вліяніе на количество членовредительствъ сокращеніе сроковъ воинской службы? Какими вліяніями на членовредительство отразилось введеніе всеобщей воинской повинности?

12. Извѣстно-ли среди малорусскаго народа оскопленіе, или скопчество есть принадлежность великорусской вѣтви русскаго народа? Какъ народъ смотритъ на скопцовъ: съ отвращеніемъ-ли и презрѣніемъ, или безразлично? Считаетъ-ли онъ оскопленіе грѣхомъ, который подвергнется карѣ въ будущей жизни, или-же преступленіемъ, которое достойно мірскаго наказанія?

40. Объ обидахъ.

1. Въ какомъ употребленіи у народа сквернословіе и матерщина въ обращеніи другъ съ другомъ? Считается-ли употребленіи матерщины противъ другаго обидою?

2. Насколько употребительна въ народѣ брань на словахъ, и считается-ли она у народа обидою, или-же она столь обыденное явленіе, что къ судебному преслѣдованію и не прибѣгаютъ? Не извѣстны-ли среди народа какія-нибудь слова и выраженія, которыя въ особенности считаются обидными?

Не считается-ли ругательство только тогда оскорбленіемъ когда въ немъ заключается обвиненіе въ чемъ нибудь позорнымъ (напр. въ воровствѣ?

3. Не употребляются-ли среди народа какія-либо символическіе знаки, для нанесенія обиды, какъ-то: вымазываніе воротъ дегтемъ, сорваніе съ женщины платка и т. п.?

4. Допускается-ли между молодыми людьми обоего пола вольное обращеніе, напримѣръ: сидѣніе молодаго человѣка на колѣняхъ у дѣвушки, запусканіе имъ руки *за пазуху*, поднятіе *подола*, поцѣлуй и вообще нескромное заигрываніе, и все это въ присутствіи другихъ? Считается-ли такое обращеніе обиднымъ, и бываютъ-ли случаи судебнаго преслѣдованія за оное или-же оно считается столь обыденнымъ, столь употребительнымъ, столь дозволительнымъ, что на него никто не обращаетъ вниманія? Какія вольности допускаются между молодыми людьми на вечерницахъ, досвіткахъ и посидѣлкахъ? Подробно описать какъ вечерницы, досвітки и посидѣлки, такъ и виды вольнаго обращенія?

5. Обращается-ли вниманіе на то, кто и кому нанесъ обиду, какъ напримѣръ младшій старшему, племянникъ дяди, свѣтскій священнику? Считается-ли обида нанесенная женщинѣ болѣе тяжкою, чѣмъ таковая, нанесенная мущинѣ?

41. Нищенство въ смыслѣ прошенія милостыни.

1. Откуда проистекаетъ въ народѣ нищенство: отъ лѣни-ли, или отъ неспособности къ работѣ, по слѣпотѣ, калѣчеству, старости и болѣзненности, или отъ несчастныхъ случаевъ, наприм. пожаровъ?

2. Какъ народъ смотритъ на нищенство, какъ на дѣйствіе предосудительное, какимъ оно является въ глазахъ закона, или-же оно народомъ считается не только дѣйствіемъ безразличнымъ, но и богоугоднымъ?

3. Не соединяютъ ли нищіе съ нищенствомъ какого-нибудь занятія, ремесла, какъ-то: пѣнія народныхъ и божественныхъ пѣсенъ, игры на извѣстныхъ инструментахъ, отправленія стражи лѣтомъ у сельскихъ воротъ, ведущихъ въ засѣянныя поля и т. п.?

4. Нѣтъ-ли среди нищихъ какой-нибудь правильной организаціи, обученія своему ремеслу, пѣнію, музыкѣ и т. п.? Не встрѣчается-ли намѣреннаго искалѣченія дѣтей, для приготовленія къ нищенству? Какую роль играютъ *поводыри*, и какая судьба ихъ постигаетъ?

5. Въ какихъ помѣщеніяхъ живутъ нищіе: въ собственныхъ-ли домахъ или-же въ общественныхъ и церковныхъ? Не сохранились-ли до сихъ поръ такъ называемые *шпитали?* Какъ народъ смотритъ на подачу милостыни? Не соединяется-ли подача милостыни съ поминовеніемъ усопшихъ? Въ какіе дни и праздники года по обычаямъ народа въ особенности подается милостыня?

42. Пьянство.

1. Съ какого возраста начинается употребленіе спиртныхъ напитковъ? Считается-ли предосудительнымъ для дѣвушки и женщины пить водку. Считается-ли предосудительнымъ явиться на улицѣ, или въ компаніи въ пьяномъ видѣ?

2. Подвергаютъ-ли волостные суды наказанію за пьянство? Если да, то какіе виды пьянства навлекаютъ кару — пьянство-ли въ видѣ запоя, или-же и другіе виды?

3. Причина развитія пьянства: стародавнія-ли обычаи, вслѣдствіе которыхъ считается за неизмѣнное правило выпить болѣе или менѣе, такъ что выпивка составляетъ нѣкоторую обрядность, или-же горемычное положеніе экономическаго быта? Есть-ли въ обычаѣ у крестьянина пить ежедневно водку передъ обѣдомъ и во время обѣда, умѣренно, или-же онъ пьетъ неумѣренно, въ извѣстные дни, въ воскресенье, въ нѣкоторые годовые праздники, во время празднованія свадьбы, во время крестинъ, похоронъ и т. п.? Не сохранились-ли у народа дни особыхъ пировъ и братчины? Что такое такъ называемые годовые обѣды, какой они имѣютъ смыслъ и значеніе?

43. Преступленія противъ собственности.

а) *Воровство.*

1. Совершается-ли воровство по нуждѣ, или-же вслѣдствіе дурнаго направленія воли? Нельзя-ли замѣтить что ворами, среди народа, дѣлаются дѣти родителей-беспутныхъ пьяницъ, воровъ, плутовъ, распутныхъ женщинъ и т. п.? Насколько сильно у народа развито понятіе о запрещенности похищенія чужой собственности? Народъ съ чрезвычайнымъ упорствомъ передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе свои вѣрованія: но входитъ-ли въ систему передачи вѣрованіе и убѣжденіе о томъ, что воровство есть крайне недозволенное дѣйствіе? Нѣтъ-ли у народа нѣкоторыхъ обычаевъ, которые вносятъ въ понятія его легкое отношеніе къ чужой собственности, не смотря на то, что онъ убѣжденъ въ недоз-

воленности тайнаго похищенія чужой собственности?

2. Не распространено-ли среди народа вѣрованіе, что воръ, вооружившись нѣкоторыми талисманами, напримѣръ: *свѣчою, сдѣланною изъ жиру мертвеца, мертвою рукою*, оставить свое кало на мѣстѣ совершенія кражи и т. п., можетъ усыпить спящихъ въ домѣ и безъ помѣшательства совершать воровство? Если такія и другія вѣрованія существуютъ, то подробно ихъ описать; при чемъ сообщить объясненіе такихъ обычаевъ, если это объясненіе существуетъ среди народа? Если воры пользуются жиромъ трупа, или мертвою рукою, то считается-ли безразличнымъ, чей-бы трупъ ни былъ отрытъ, или-же требуется трупъ младенца, еврея и т. п.?

3. Къ какимъ способамъ народъ прибѣгаетъ для открытія воровъ? Не сохранился-ли у него обычай *гнать слѣдъ?* Не прибѣгаетъ-ли онъ, для открытія и узнанія похитившаго, къ ворожбитамъ и знахарямъ? Насколько онъ вѣритъ указаніямъ сихъ послѣднихъ? Чѣмъ руководствуются ворожбиты, знахари и знахарки, и какіе они обряды совершаютъ, чтобы открыть вора? Не служатъ-ли иногда указанія ворожки, или знахаря, основаніемъ, въ силу котораго сельскія, волостныя и становыя власти предпринимаютъ производство дознаній и другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ лица, указаннаго ворожкою, или знахаремъ? Не прибѣгаетъ-ли народъ къ пособію религіи для открытія воровъ, и не считаетъ-ли онъ необходимымъ править службу, или молебенъ тому, или другому святому?

4. *Конокрадство*. Вездѣ-ли распространено конокрадство, или-же преимущественно только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ? Кѣмъ совершается конокрадство, инородцами или-же людьми принадлежащими къ народу? Не существуетъ-ли между конокрадами тайной обширной организаціи? Описать организацію, если она извѣстна?

5. Извѣстна-ли полиціи организація конокрадства? Чему приписать то, что на глазахъ мѣстныхъ властей развивается цѣлая система конокрадства? Слѣдуетъ-ли отнесть развитіе конокрадства къ недостаточности полицейскаго надзора, или поблажкѣ со стороны сего надзора? Не приписываетъ-ли народъ прямой потачкѣ сельскихъ, волостныхъ и становыхъ властей, безнаказанное наглое и дерзкое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ развитіе конокрадства? Не слѣдуетъ-ли возобновить учрежденіе слѣдственныхъ приставовъ по преслѣдованію конокрадства?

3. Не практикуютъ-ли конокрады такого обычая, въ силу котораго, воруя лошадей, сами-же являются къ обворованнымъ хозяевамъ и предлагаютъ имъ за извѣстное вознагражденіе отыскать лошадь? Не вступаютъ-ли они съ напуганными хозяевами въ сдѣлку, въ силу которой послѣдніе платятъ имъ или единовременно или ежегодно въ видѣ страховки извѣстную сумму денегъ, чтобы только не быть обворованными?

4. Вліяніе конокрадства на бытъ крестьянъ? Случаи разоренія хозяевъ, впаденія въ бѣдность и отчаяніе?

5. Если народъ прибѣгаетъ къ саморасправѣ надъ конокрадами, то какіе способы ея онъ употребляетъ? Какимъ образомъ крестьяне узнаютъ конокрадовъ, и не встрѣчаются-ли печальные случаи саморасправы надъ людьми невинными? Какими побужденіями крестьяне руководствуются, рѣшаясь на саморасправу? Есть-ли основанія винить крестьянъ за саморасправу, или она есть только дѣйствіе людей, поставленныхъ въ крайнюю и безъисходную необходимость? Случаи отвѣтственности и мѣра отвѣтственности крестьянъ виновныхъ въ самоуправствѣ? Какія мѣры по убѣжденію народа можно было-бы принять для уменьшенія, противодѣйствія и прекращенія конокрадства? Какія мѣры, со стороны глядя на бытъ крестьянъ можно было-бы придумать для прекращенія конокрадства?

6. Когда обнаружится убійство конокрада, легко-ли отыскать виновниковъ убійства? Открыто-ли крестьяне сознаются въ совершеніи саморасправы, будучи убѣждены въ томъ, что они поступили хорошо, или-же они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ способамъ скрытія преступленія и виновныхъ?

7. *Воровство садовыхъ фруктовъ, огородныхъ овощей, хлѣба, сѣна и т. п.?* Не относится-ли народъ болѣе снисходительно къ воровству этихъ видовъ? Не существуетъ-ли издавна-вкоренившихся среди сельской молодежи, паробковъ, *пашліжниковъ*, привычекъ дѣлать гуртомъ нашествіе на сады и огороды? Могутъ-ли безъ особеннаго надзора дозрѣть садовые плоды и нѣкоторыя огородныя овощи? Какіе сорта огородныхъ овощей подвергаются особеннымъ нападеніямъ? Можетъ-ли фруктовое дерево, растущее на полѣ, или гдѣ нибудь на окраинѣ остаться необнесеннымъ, необорваннымъ? Считается-ли предосудительнымъ ѣдучи черезъ лугъ набрать нѣсколько *оберемковъ*, или охаповъ сѣна? Какъ понимать поговорку: *живу якъ горохъ при дорозі, хто иде, той скубне*? Не существуетъ-ли и нынѣ привычки, въ силу которой и младъ и старъ не считаетъ предосудительнымъ дергать чужой горохъ, отъ котораго хозяину мало что остается?

8. *Воровство лѣса*. Взглядъ народа на это воровство? Если въ народѣ живетъ взглядъ на похищеніе чужаго лѣса какъ нѣчто дозволенное, то чѣмъ мотивируется, объясняется этотъ взглядъ? Не произошло-ли какой-либо перемѣны во взглядахъ народа на похищеніе чужаго лѣса со времени отмѣны крѣпостной зависимости? Какъ народъ смотрѣлъ прежде и какъ онъ смотритъ нынѣ на рваніе орѣховъ, братье гри-

бовъ въ чужомъ лѣсу? Въ какой мѣрѣ совершалась перемѣна во взглядахъ на это со времени отмѣны крѣпостной зависимости?

9. *Воровство пчелъ.* Какъ народъ смотритъ нынѣ на воровство пчелъ, ставитъ-ли онъ его, по преступности и наказуемости, на равнѣ со всякимъ другимъ, или выдѣляетъ, какъ особенно тяжкое? Если сохранились преданія о расправѣ за воровство пчелъ въ старинное время, то записать подробности этой расправы.

10. *Воровство церкви, или святотатство.* Взглядъ народа на святотатство? Насколько оно тяжко во мнѣніи народа? Нѣтъ-ли легендъ, сказаній, или какого-нибудь преданія о томъ, что церковнаго вора Богъ покаралъ, или лишилъ его возможности укрыться и отдалъ въ руки правосудія?

*11. Въ какихъ случаяхъ воровство преступленіемъ *не* признается (напр. домашнее воровство птицъ для вечеринокъ, кража съѣстныхъ припасовъ, когда ихъ не хватило для свадебнаго угощенія и т. п.)? Каковы основанія, приводимыя крестьянами въ извиненіе воровства въ этихъ случаяхъ?

*12. Какія мѣры принимаются населеніемъ данной мѣстности противъ воровства?

б) *Мошенничество.*

1. Извѣстенъ-ли этотъ видъ преступленія среди сельскаго населенія, иными словами: насколько сельскій людъ поставляетъ изъ среды своей субъектовъ, занимающихся этимъ видомъ похищенія собственности, или мошенничество совершается лицами, принадлежащими къ городскимъ жителямъ, инородцамъ, евреямъ, армянамъ и цыганамъ? Какіе виды мошенничества чаще встрѣчаются среди народа? Считаетъ-ли народъ мошенничество болѣе тяжкою виною, чѣмъ воровство или на оборотъ?

в) *Грабежъ.*

1. Считаетъ-ли народъ грабежъ тяжкимъ преступленіемъ? Въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ слово: *грабовать*? Не смѣшиваетъ-ли народъ въ своихъ понятіяхъ грабежъ съ самоуправствомъ?

г) *Завладѣніе чужою недвижимою собственностію.*

1. Встрѣчается-ли нынѣ часто завладѣніе чужою недвижимою собственностію. Или оно составляло обыкновенное явленіе въ старыя времена, когда сильный у слабаго безнаказанно отнималъ съ насиліемъ или безъ насилія, путемъ завладѣнія, недвижимую собственность, когда слабый въ судебной борьбѣ съ сильнымъ ничего не выигрывалъ, вслѣдствіе господства въ судахъ неправосудія? Не сохранились-ли разсказы, легенды, преданія изъ стариннаго быта о нѣкоторыхъ безъименныхъ личностяхъ, которыя, путемъ захватовъ и завладѣній съ насиліемъ или безъ насилія, скопляли въ своихъ рукахъ обширную поземельную собственность?

---

44. О самоубійствѣ.

а) Считается-ли самоубійство преступленіемъ достойнымъ уголовной кары, или грѣхомъ или даже дѣйствіемъ безразличнымъ?

б) По какимъ мотивамъ и причинамъ оно совершается?

бб*) Не совершается-ли самоубійство съ цѣлью отмщенія врагу, причемъ самоубійца лишаетъ себя жизни передъ дверями жилища своего недруга (напр. въ нѣкот. мѣст. — наградить «сухой бѣдой» означаетъ: повѣситься на двери своего врага)?

в) Бываютъ-ли случаи самоубійствъ по религіознымъ причинамъ, напримѣръ самосожженіе ради царствія небеснаго?

г) Считаетъ-ли народъ самоубійцу достойнымъ христіанскаго погребенія?

д) Если нѣтъ, то въ какихъ обыкновенно мѣстахъ погребаются самоубійцы?

е) Не совершаетъ-ли онъ какихъ-нибудь особенныхъ обрядовъ при выносѣ тѣла самоубійцъ и вообще при погребеніи?

ж) Не считается-ли по понятіямъ народа дозволительнымъ совершать надъ трупомъ и надъ могилой самоубійцы какія-либо дѣйствія для позора и безславія памяти покойнаго?

з) Когда, для чего и по какимъ причинамъ трупъ самоубійцы пробивается коломъ, и почему осиновымъ?

и) Вѣрованія народа о душѣ самоубійцы?

к) Не дѣлаетъ-ли народъ различія въ степени своего отвращенія къ самоубійству, смотря какимъ способомъ совершено самоубійство? Одни-ли у него вѣрованія объ утопленникѣ, объ удавленникѣ и отравившемся?

л) Не отражается-ли, по понятіямъ народа, позоръ самоубійства на семьѣ, къ которой принадлежитъ самоубійца?

---

45. О вѣдовствѣ.

а) Вѣдовство и знахарство одно-ли и тоже? Если есть различіе, то въ чемъ оно состоитъ?

б) Существуютъ-ли какія-нибудь признаки, по которымъ можно узнать вѣдьму?

в) Занимаются-ли колдовствомъ, или вѣдовствомъ, мужчины, и если да, то имѣютъ-ли они тѣже признаки вѣдовства, которыми обладаютъ женщины?

г) Къ какимъ превращеніямъ способна вѣдьма и въ какихъ видахъ и образахъ она является?

д) Какія злыя или чудесныя дѣйствія вѣдьма способна совершать: подробное описаніе сихъ дѣйствій.

е) Находится-ли вѣдьма въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чортомъ и не выражаются-ли эти сношенія непосредственными плотскими отношеніями?

ж) Какія средства расправы народъ употребляетъ противъ вѣдьмъ? Не извѣстны-ли случаи нанесенія вѣдьмамъ побоевъ, изувѣченій и лишенія жизни, посредствомъ утопленіяи закапыванія?

з) Не употребляется-ли пусканіе на воду, или бросанье въ воду, какъ способъ открытія и распознаванія вѣдьмъ?

к) Какими признаками сопровождается смерть вѣдьмы?

л) Считаетъ-ли народъ приличнымъ совершать христіанское погребеніе надъ вѣдьмою, или не сопровождаетъ-ли онъ погребеніе женщины, считавшейся вѣдьмою какими-нибудь позорными обрядами?

м) Употребляется-ли пробитіе трупа вѣдьмы коломъ. Если да, то для чего и въ какихъ случаяхъ?

н) Не продолжаетъ-ли вѣдьма своей преступной дѣятельности и послѣ смерти.

о) Откуда вѣдьма пріобрѣтаетъ вѣдовство — отъ природы, или посредствомъ науки. Если посредствомъ науки, то какими средствами эта наука передается?

46. О присягѣ и лжеприсягѣ.

а) Какіе виды божбы народъ употребляетъ?

б) Различаетъ-ли народъ божбу отъ клятвы или присяги?

в) Извѣстна-ли народу клятва на оружіи?

г) Практикуется-ли вообще у народа присяга, кромѣ той, которую онъ принимаетъ по требованію начальства. Если практикуется, то въ какихъ именно случаяхъ?

д) Если у народа употребляется клятва, то не сопровождается-ли какими-нибудь торжественными обрядами, вродѣ присяги при звонѣ колоколовъ, въ церкви, или на сельской сходкѣ?

е) Часто-ли народъ прибѣгаетъ къ божбѣ, клятвамъ и присягѣ?

ж) Допускаетъ-ли народъ присягу со стороны обвиняемаго, какъ доказательство невинности, или-же онъ прибѣгаетъ къ присягѣ для подтвержденія свидѣтельскихъ показаній?

з) Боится-ли народъ лжеприсяги и рѣдко-ли онъ впадаетъ въ нее, или-же лжеприсяга часто встрѣчается?

и) Какія бѣдствія и какія кары свыше постигаютъ, по понятіямъ народа, лжеприсяжника?

к) Не практикуются-ли у народа какія-нибудь уловки для ослабленія отвѣтственности передъ совѣстію и Богомъ за лжеприсягу?

л) Не относятся-ли нѣкоторые инородцы, напр. Евреи, Магометане и др. съ извѣстною легкостію къ лжеприсягѣ только потому, что она творится ими не противъ своихъ?

м) Нѣтъ-ли такого разряда людей въ извѣстной мѣстности, которыхъ легко подкупить для лжеприсяги?

н) Какими способами обыкновенно склоняютъ къ лжеприсягѣ?

о) Если у народа употребляются клятвы, или присяги свои, кромѣ тѣхъ, которыя онъ совершаетъ по требованію начальства, то въ какихъ клятвахъ онъ болѣе склоненъ совершать лжеприсягу въ совершаемыхъ-ли по своимъ обычаямъ, или по требованію начальства?

* Преступленія изъ суевѣрія.

*1. Нѣтъ-ли случаевъ убійства, увѣчья, воровства, разрытія могилъ и т. п. совершенныхъ изъ суевѣрія?

*2. Нѣтъ-ли случаевъ оставленія человѣка въ опасности изъ суевѣрія напр. не считается-ли грѣхомъ спасать людей изъ строеній загорѣвшихся отъ молніи? Не бываетъ-ли случаевъ что спасенія погибающихъ въ огнѣ не дозволяютъ никому, и даже вталкиваютъ опять въ огонь тѣхъ, которые успѣваютъ спастись безъ посторонней помощи?

*3. Не считается-ли зарываніе въ землю живой старухи (вѣдьмы или иной) за средство избавиться отъ холеры?

*4. Не считается скотоложство средствомъ, избавляющимъ отъ лихорадки?

5. Не считается-ли убійство дозволеннымъ если оно совершено надъ колдуномъ?

*6. Какія еще преступныя дѣйствія совершаются изъ суевѣрія?

ОГЛАВЛЕНІЕ

VIII-й КНИГИ ТРУДОВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

А. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ОТДѢЛА.

Б. ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стран.	*строка*	*напеч.*	*чит.*
4 в.	20 снизу	Историсческій	Историческій
6 в.	17 свер.	говорятъ	говоритъ
9 в.	16 свер.	А. Н. Харузинъ	М. Н. Харузинъ
11 в.	25 свер.	изъ	изъ Области
27 в.	5 свер.	Хвольстона	Хвольсона.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ XLVIII. Выпускъ 1-ый.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА VII.

ПРОТОКОЛЫ 26—48 ЗАСѢДАНІЙ (29 НОЯБРЯ 1877—30 ОКТЯБРЯ 1884 ГОДА)
СЪ 4 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Подъ редакціей В. Ѳ. Миллера
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

ТИПОГРАФІЯ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера Императорскаго Общества Любит. Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.
Москва. Покровка, д. Егорова.
1886.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Можно получать въ бюро Общества, въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ.

Томы.	вып.		Цѣна.
I.	1 и 2.	Щуровскій, Г. Е. Исторія геологіи московскаго бассейна. 1866 и 1867 г.	3 р. —
II.		Извѣстія Антропологическаго Отдѣла Томъ I —1865 г. Приложеніе: Общія инструкціи для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій П. Брока. Переводъ и донолненія А. П. Богданова . . .	1 „ 50 к.
III.	1.	Протоколы засѣданій Общества съ 4 мая 1864 г. по 19 августа 1866 г. Москва. 1866. Не осталось.	
	2.	Инструкція для Туркестанской ученой экспедиціи. 1869 г. . . .	— „ 50 „
IV.	1.	Богдановъ, А. П. Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губерніи. 1867 г. . . .	1 „ 50 „
	2.	Вейнбергъ, Я. И. Критическій разборъ теоріи кургановъ 1867 г.	1 „ —
V.		Федченко, Г. П. О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. 1870 г. . . .	1 „ 50 „
VI.		Матеріалы для энтомологіи губерній Московскаго Учебнаго Округа	
	1.	Федченко, А. П. Двукрылыя. 1868 г.	не осталось.
	2.	Ульянинъ, В. Н. Сѣтчатокрылыя и Прямокрылыя 1869 г.	не осталось.
	3.	Ошанинъ, В. Ф. Полужесткокрылыя 1870 г.	не осталось.
VII.		Труды Этнографическаго Отдѣла Книга I. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Изданіе В. А. Дашкова. Томъ 1868 г. Не осталось . . .	2 „ 50 „
VIII.	1.	Протоколы засѣданій Общества. Годъ седьмой. 1870 г. . . .	2 „ — „
	2.	Сѣверцовъ, Н. А. Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ. 1876 . . .	3 „ — „
	3.	Протоколы физическаго отдѣленія. 1870 г. . . .	— 50 „
IX.	1.	Протоколы засѣданій Общества. Годъ восьмой. 1871 г. . . .	1 „ 50 „
	2.	Чистяковъ, И. Д. Исторія развитія спорангіевъ и споръ высшихъ тайнобрачныхъ. 1871 г.	1 „ 50 „
X.	1.	Протоколы засѣданій Общества. Годъ девятый. 1871—1872 г. . . .	2 „ — „
	2.	Протоколы засѣданій Общества. Годъ десятый 1872—1873 г. . . .	2 „ — „
XI.		Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Цѣна велен.	
	1.	Мартенсъ. Слизняки. Перев. А. П. Федченко . . . 1 р. 25 к.	— 85 „
	2.	Ершовъ. Чешуекрылыя . . . 3 р. —	2 „ — „
	3.	Кеслеръ. Рыбы . . . 2 р. —	1 „ 30 „
	4.	Соссюръ. Прямокрылыя, тетрадь 1-я . . . 1 р. —	— 60 „
	5.	Сольскій. Жесткокрылыя, тетрадь 1-я . . . 3 р. —	2 „ — „
	6.	Ульянинъ. Ракообразныя, тетрадь 1-я . . . 3 р. —	2 „ — „
	7.	А. П. Федченко. О Кокандскомъ ханствѣ, тетрадь 1-я . . . 5 р. —	3 „ 50 „
XII.		Труды Этнографическаго Отдѣла. Книга. 2. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изданіе В. А. Дашкова. Т. II. Народныя пѣсни Латышей. 1873 г. Не осталось.	
XIII.		Труды Этнографическаго Отдѣла. Книга 3.	
	1.	Протоколы 12 засѣданій Отдѣла Этнографіи 1867—1874 г. . . .	1 „ 15 „
	2.	Поповъ, К. А. Зыряне и Зырянскій край. 1874 г. . . .	1 „ 15 „
XIV.		Протоколы засѣданій Общества. Годъ одиннадцатый. 1874 г. . . .	2 „ — „
XV.		Московскій Музей Прикладныхъ Знаній. Матеріалы для исторіи его устройства. 1874 г. .	1 „ 15 „
XVI.	1.	Ковалевскій, В. О. Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ копытныхъ. 1875 г. . .	1 „ — „
	2.	Горожанкинъ, И. Н. Генезисъ въ типѣ пальмеллевидныхъ водорослей. 1875 г. . .	1 „ — „
	3.	Зоологическія изслѣдованія В. Н. Ульянина и И. С. Раевскаго. 1875 г. . .	1 „ — „
XVII.		Московскій Музей Прикладныхъ Знаній 1875 г. . . .	1 „ 50 „
XVIII.	1.	Линдеманъ, К. Э. Монографія короѣдовъ Bostrychidae. 1876 г. . . .	1 „ 25 „
	2.	Усовъ, М. М. Прибавленіе къ познанію организаціи оболочниковъ. . . .	2 „ — „
	3.	Коротневъ. А. А. Опытъ сравнительнаго изученія Coelenterata. Lucernaria 1876 г. .	2 „ — „
XIX.		Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Цѣна велен.	
	8.	Макъ Лахланъ. Сѣтчатокрылыя. . . . 1 р. 50 к.	1 „ — „
	9.	Моравицъ. Пчелы, тетрадь 1-я . . . 2 р. — к.	1 „ 30 „
	10.	Кронебергъ. Пауки. . . . 1 р. 50 к.	1 „ — „
XX.		Труды Антропологическаго Отдѣла. Книга 2. Протоколы засѣданій 1865—1875 г. съ приложеніями. 1876 г. . . .	3 „ — „
XXI.		Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Цѣна велен.	
	11.	Сольскій. Жесткокрылыя, тетрадь 2-я . . . 3 р. — к.	2 „ — „
	12.	Регель. Туркестанская флора, тетрадь 1-я . . . 5 р. — к.	3 „ 50 „
	13.	Моравицъ. Пчелы, тетрадь 2-я. . . . 2 р. 50 к.	1 „ 70 „
XXII.	1.	Московскій Музей Прикладныхъ Знаній. Матеріалы для исторіи его устройства за 1875 г. Протоколы засѣданій Комитета Музея за 1873--1875 г.	2 „ 70 „
	2.	Засѣданія Комитета Музея въ 1876 г.	— „ 70 „
	4.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго Музея въ 1877—1878 академическомъ году . . .	1 „ — „
XXIII.		Брантъ, А. Ф. Сравнительныя изслѣдованія надъ яйцевыми трубочками и яйцомъ насѣкомыхъ. 1876 г. . . .	2 р. 50 к.
	2.	Работы, произведенныя въ лабораторіи Зоологическао Музея Московскаго Университета, подъ редакціею проф. А. П. Богданова. . . .	3 „ — „
XXIV.	1.	Бобрецкій, Н. В. Изслѣдованія о развитіи головоногихъ . . .	2 „ — „

Томы.	вып.		Цѣна.
	2.	Ульянинъ В. Н. О происхожденіи кунинъ, почкующихся въ желудкѣ геріоній. Протоколы засѣданій Общества. Годы двѣнадцатый и тринадцатый. 1877 г.	— 50 к.
XXV.	1.	Богдановъ, А. П. Замѣтки о зоологическихъ садахъ. 1876 г.	1 р. — „
	2, 3 и 4.	Зоологическій Садъ и Акклиматизація. Труды Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній. Томъ первый. Подъ редакціей А. П. Богданова.	6 „ — „
	5.	Труды Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній. Томъ первый. Приложеніе А. А. Тихомирова. О составѣ фауны въ Зоологическихъ садахъ.	
XXVI.		Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Цѣна велен.	
	14.	Радошковскій и Майръ Перепончатокрылыя. Брауеръ. Odonata . . . . 3 р. 50 к.	2 „ 60 „
	15.	Бунге. Астрагаловыя. . . . . 3 „ — „	2 „ — „
	16.	Соссюръ Сколіи . . . . 3 „ — „	1 „ 60 „
XXVII.		Антропологическая выставка Общества. Засѣданія Комитета по устройству выставки. Подъ редакціей А. П. Богданова. 1877. Томъ первый	5 „ — „
XXVIII.		Труды Этнографическаго Отдѣла. Книга 4. Протоколы 13 засѣданій съ 4 ноября 1874 года по 7 апрѣля 1877 года, съ 2 приложеніями. 1877 г.	2 „ — „
XXIX.		Этнографическая выставка 1867 г. съ 9 таблицами. 1878 г. Подъ редакціею А. П. Богданова.	5 „ - „
	2.	Кронебергъ А. И. О строеніи Eylais	1 „ 50 „
XXX.		Труды Этнографическаго Отдѣла. Книга 5-я	5 „ — „
	1.	Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные д. ч. П. С. Ефименкомъ. Часть I. Описаніе внѣшняго и внутренняго быта. 1877 г.	2 „ 50 „
	2.	Часть II. Народный языкъ и словесность.	1 „ 50 „
XXXI.		Антропологическая выставка. Протоколы засѣданій. Томъ второй. Подъ редакціею А. П. Богданова. Съ таблицами и политипажами.	5 „ — „
XXXII.	1.	Усовъ. М. М. Изслѣдованія надъ развитіемъ Головоногихъ.	3 „ — „
	2.	Работы Лабораторіи Зоологическаго Музея Московскаго Университета. Зографъ Н. Ю. Анатомія Lithobius forficatus.	1 „ 50 „
	3.	Работы Лабораторіи Зоологическаго Музея. вып. 3. А. П. Богдановъ Зоологическое ученіе и Самообученіе.	— 30 „
	4 и послѣд.	Труды Лабораторіи Зоологическаго Музея. вып. 4. А. А. Тихомировъ. Исторія развитія тутоваго шелкопряда B. mori L. въ яйцѣ	1 „ 50 „
XXXIII.		Юбилей Г. Е. Щуровскаго	— 50 „
	2.	Рѣчи и статьи Г. Е. Щуровскаго.	5 „ — „
XXXIV.		Путешествіе въ Туркестанъ. Вып. 17 А. П. Богдановъ. Къ краніологіи Туркестанскаго населенія печатается.	
	17.	Ленточные Туркестанскаго края, обработанные докторомъ Краббе въ Копенгагенѣ. Переводъ А. П. Богданова	1 „ — „
	18.	Ботаническія изслѣдованія. Описаніе новыхъ видовъ. Обработалъ Э. Регель.	
XXXV.		Антропологическая выставка, подъ редакціею А. П. Богданова. Томъ 3.	
		Часть I. Протоколы засѣданій, три выпуска	5 „ — „
		Часть 2. Описаніе предметовъ выставки, семь выпусковъ	5 „ — „
XXXVI.	1—2.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго Музея въ 1878—79 гг.	1 „ — „
	3.	Протоколы засѣданій Комитета Политехническаго Музея въ 1878 и 1879 г. Съ приложеніемъ описаній коллекцій Музея.	
XXXVII.		Протоколы засѣданій Общества за 1877—80 г.	5 „ — „
		Приложенія къ протоколамъ: 1. В. А. Тихомировъ. Наблюденія надъ строеніемъ Трихинъ. № 2 А. А. Коротневъ. Изслѣдованія надъ Myriothela и Гидрою. № 3. Ковалевскій А. О. Neomenia gorgonophila и Coeloplana Metschnikovii.	
XXVIII.	1.	Труды Антропологическаго Отдѣла, томъ 6, выпускъ 1. Антропологическія таблицы I. Брока, съ объяснительною статьею; переводъ и редакція А. П. Богданова	1 „ 50 „
	2.	М. А. Тихомировъ. Изслѣдованія надъ распредѣленіемъ кровеносныхъ сосудовъ въ мозгѣ.	1 „ 50 „
	3. и послѣдн.	Д. Н. Анучинъ. Изслѣдованіе о Pterion, os Incae и лобномъ швѣ.	1 „ — „
XXXIX.	1.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго музея въ 1879—80 г.	1 „ — „
	2.	Протоколы засѣданій Отдѣленія физическихъ наукъ съ сентября 1870 по май 1878 г. . .	1 „ — „
XL.		Труды Этнографическаго Отдѣла, книга 6.	3 „ 50 „
XLI.	1.	Труды Отдѣленія Физическихъ Наукъ, изд. подъ редакціей А. Г. Столѣтова и Е. Т. Покровскаго, Т. вып. I.	1 „ — „
XLII.	1.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго Музея за 1880—81 г., подъ редакціей П. П. Петрова.	2 „ — „
	2.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго Музея за 1881—82 г., подъ редакціей П. П. Петрова.	1 „ — „
XLIII.		Труды лабораторіи при Зоологическомъ Музеѣ Московскаго Университета. вып. 1-й. Н. Зографъ. Матеріалы къ познанію эмбріональнаго развитія Geophilus ferrugineus L. K. и Geophilus proximus L. K.	1 „ 50 „
XLIV.	1.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго музея за 1882—83 г., подъ редакціей В. Д. Левинскаго.	1 „ 50 „
	2.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго музея за 1883—84 г., подъ редакціей В. Д. Левинскаго.	1 „ 50 „
XLV.	1—3.	Труды Антропологическаго Отдѣла, томъ 7, выпуски 1—3. Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Е. А. Покровскаго.	6 „ — „
XLVI.	1.	Зоологическій Садъ и Акклиматизація. Томъ II, вып. I. Труды Отдѣленія пчеловодства Императорскаго русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній.	
XLVII.	1.	Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго музея за 1884—85 г., подъ редакціей В. Д. Левинскаго.	1 „ 50 „

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТН.
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ XLVIII. Выпускъ 2-й.

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА VIII.

ПРОТОКОЛЫ 49—65 ЗАСѢДАНІЙ (29 ЯНВАРЯ 1885—14 НОЯБРЯ 1887 ГОДА) СЪ 6 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Подъ редакціей В. Ө. Миллера

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой.
1888

Томы.	вып.	
	2.	Ульянинъ В. Н засѣданій Об
XXV.	1.	Богданов
	2, 3 и 4.	Зоолог в
	5.	
XXVI.		

